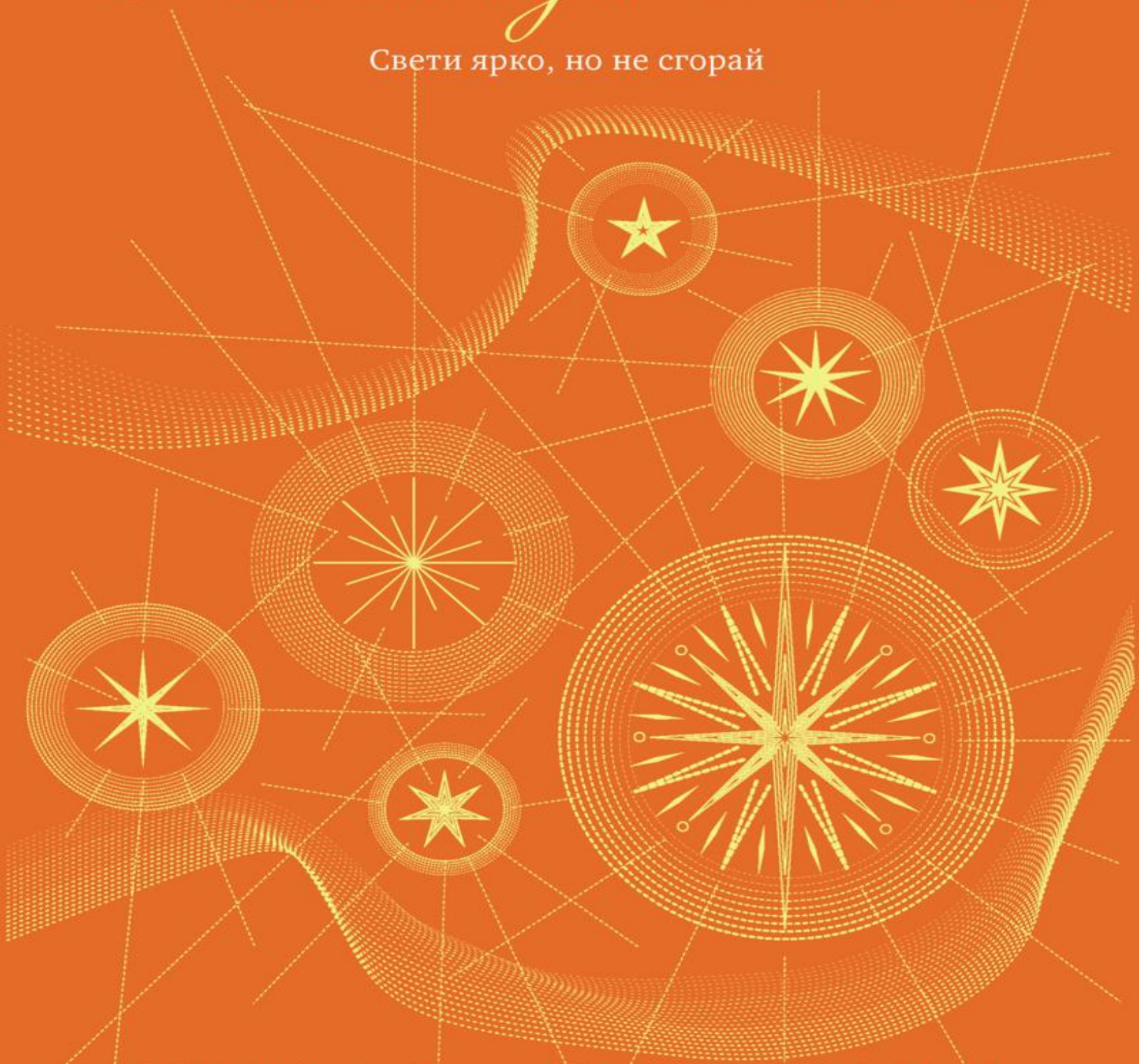

Люсинда Райли

Свети ярко, но не сгорай

СЕМЬ СЕСТЕР

★ СЕСТРА СОЛНЦА ★

Люсинда Райли

Свети ярко, но не сгорай

СЕМЬ СЕСТЕР
★ СЕСТРА СОЛНЦА ★

Annotation

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАМЕНИТОГО ЦИКЛА «СЕМЬ СЕСТЕР».

Для всего мира Электра – настоящая счастливица, знаменитая модель, ее образу жизни могут позавидовать многие. Но обратная сторона популярности – жизнь под прицелом фотокамер – убивает ее психическое здоровье. Разрыв с известным рок-музыкантом, в которого Электра была по-настоящему влюблена, а затем весть о смерти приемного отца Па Солта становятся для нее точкой невозврата.

В последнем письме Па Солта Электра находит координаты своего места рождения. Так начинается ее полное опасностей путешествие от шикарного Манхэттена до бескрайних равнин Африки, от современности и до далекого 1939 года, который стал определяющим для ее предков и ее собственного будущего.

«В каждой книге цикла „Семь сестер“ Люсинда Райли показывает нам сильных, харизматичных женщин, очень разных по характеру, но одинаково бесстрашных и решительных». – Library Journal

«Магический реализм, искусство во всех его проявлениях и множество сюжетных линий – романам Люсинды Райли удается захватить читателя с первой главы». – Historical Novel Society

«Внимание Люсинды Райли к деталям и ее доскональное исследование культурных реалий погружают читателей в поистине удивительную историю с живыми персонажами». – Booklist

-
- [Люсинда Райли](#)
 -
 -
 - [Часть I](#)
 -
 - [Электра](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [Сесили](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
- [Электра](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [24](#)
- [Часть II](#)
 - [Сесили](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [Электра](#)

- - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [Сесили](#)
 -
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [Электра](#)
 -
 - [47](#)
 - [Сесили](#)
 -
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [Электра](#)
 -
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [Майя](#)
 -
 - [54](#)
 - [От автора](#)
-

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра солнца

Lucinda Riley
THE SUN SISTER

Copyright © Lucinda Riley, 2019

© Красневская З., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Светлой памяти Люсинды Райли, благодаря которой Семь сестер появились на свет, и Зинаиды Яковлевны Красневской, благодаря которой героини заговорили на русском языке

Посвящается Элле Мичелер

Некоторые женщины боятся огня, А некоторые сами превращаются в огонь...

Р. Х. Син

Часть I

Действующие лица романа:

АТЛАНТИС

Па Солт (Папа-Соль) – *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер, капитан катера*

СЕСТРЫ ДЕПЛЕСИ

ПЛЕЯДЫ

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяд)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Электра

Нью-Йорк
Март 2008 года

1

– Я не помню, где была и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

– Ладно. Хотите выяснить это?

Я с недоумением уставилась на Терезу, восседавшую напротив меня в кожаном кресле с подголовником. Почему-то она вдруг напомнила мне засыпающую на ходу птицу-соню из книжки Льюиса Кэрролла про Алису в Стране чудес; то знаменитое чаепитие, которое соня устроила для своих крысиных друзей. Тереза усиленно поморгала глазами за круглыми стеклами очков в неброской оправе. Она всегда так делает, и губы у нее всегда строго поджаты. А вот ноги, которые она прячет под твидовой юбкой до колен, действительно великолепны; да и волосы тоже хороши. А ведь она вполне могла бы сойти за красивую женщину, мелькнуло у меня, если бы только сама захотела

этого, но я-то прекрасно знаю, что Терезу не интересует ничего на свете, за исключением разве что одного: она снедаема неумемным желанием производить на всех впечатление интеллектуалки.

– Электра, вы снова ускользаете от меня.

– Прошу прощения, задумалась о своем.

– Пытались вспомнить, какие чувства испытали, когда узнали о смерти отца?

Поскольку я не могла сказать ей ничего определенного насчет того, где именно сейчас *вита*ли мои мысли, я лишь согласно кивнула в ответ.

– Да.

– И что?

– Ничего не могу припомнить. Простите.

– Кажется, его смерть вывела вас из равновесия, Электра. Вы очень разозлились тогда?

– Я... нет... Ничего я не злилась. То есть, я не помню, честно.

– Иными словами, вы не можете вспомнить ничего о том, что чувствовали в тот момент?

– Не могу.

– Ладно.

Она принялась сосредоточенно строчить в своем блокноте, наверняка что-нибудь вроде того: «Все еще не может смириться со смертью своего отца». Собственно, то же самое мне сказал и последний мозгоправ-психоаналитик, у которого я побывала на приеме. А я ведь только этим и занимаюсь все последние месяцы – пытаюсь смириться. За долгие годы общения с самыми разными психотерапевтами я уже успела понять, что им самим нравится выискивать какую-то особую причину моей замкнутости, моего нежелания идти на контакт с другими. Вот они и впились зубами, словно мышьяк в сыр, в эту сравнительно новую для них версию и будут мусолить ее до тех пор, пока я не сдамся и не соглашусь с ними, а потом сама не наплету им в ответ три короба какой-нибудь чепухи, и все только ради того, чтобы они все были счастливы и наконец-то отвязались от меня.

– А что вы сейчас чувствуете к Митчу?

О, если бы я только могла озвучить вслух все те мысли, которые пришли мне в голову по поводу моего бывшего, то наверняка Тереза

бы тут же схватила со стола свой мобильник и вызвала полицию, на всякий случай предупредив их, что у нее в кабинете сидит съехавшая с катушек женщина, которая просто горит желанием вырвать с корнем яйца у одного из самых известных в мире рок-звезд; но, вместо того чтобы изрыгать угрозы, я лишь мило улыбнулась в ответ.

– Со мной все в порядке, в полном порядке. Я уже проехала этот эпизод своей жизни.

– Когда вы прошлый раз были у меня на приеме, Электра, вы были очень злы на него.

– Да, так оно и было. Но все прошло. И я сейчас в порядке. Честно.

– Что ж, это хорошая новость. А как насчет спиртного? Взяли немного под контроль свою тягу к нему?

– Взяла, – снова бодро солгала я. – Прошу прощения, но мне пора. У меня деловая встреча.

– Но мы еще только на середине нашей беседы, Электра.

– Понимаю, но ничего не могу поделать. Мне надо спешить. Такова наша жизнь.

Я поднялась со своего места и направилась к дверям.

– Может, я смогу выкроить для вас еще один сеанс в конце недели? Поинтересуетесь у Марции в приемной, есть ли у меня свободные часы.

– Обязательно спрошу, спасибо, – поблагодарила я, захлопывая за собой дверь. Быстро прошла мимо секретарши по имени Марция и, выйдя из приемной, направилась к лифту. Кабинка прибыла на этаж тотчас же и со свистом понесла меня вниз; я закрыла глаза – не люблю замкнутых пространств – и прижалась разгоряченным лбом к холодной мраморной облицовке лифта.

«Господи, – мелькнуло у меня, – неужели со мной все так плохо, что я не могу рассказать правду даже своему психотерапевту?»

Да тебе просто стыдно рассказывать кому-то постороннему правду о себе... И поймут ли они, даже если бы ты рассказала? – мысленно возразила я сама себе. – Тереза наверняка обитает в ухоженном аристократическом особняке вместе со своим мужем-адвокатом и двумя детишками. А на кухне у них стоит холодильник, весь увешанный прелестными магнетиками, не магнитики, а самые настоящие крохотные произведения искусства. Ах, да! – добавила я,

залезая на заднее сиденье своего лимузина. – *И в обязательном порядке одна из этих тошнотворных фоток, на которой запечатлено счастливое семейство в полном составе: мамочка, папа, ребятня, все в одинаковых джинсовых рубашках, надутые, словно шарики, парящие в воздухе, преисполненные собственной важности, гордящиеся теми достижениями, которых они добились под руководством своего семейного коуча-психолога».*

– Куда едем, мэ́м? – спросил у меня водитель через перегородку.

– Домой, – рывкнула я в ответ, выхватила из мини-холодильника бутылку с водой и тут же с силой захлопнула дверцу, чтобы не соблазниться бутылочкой чего-нибудь покрепче. Меня мучила страшная головная боль, которую не смогли снять никакие таблетки; между тем был уже шестой час вечера. Насколько я помню, вчера у меня случилась большая вечеринка, если так можно выразиться. Мой новый закадычный друг, модельер Морис, объявился в Нью-Йорке и заскочил ко мне вместе со своими приятелями, чтобы пропустить по стаканчику. Потом те позвали еще кого-то, и закрутилось, завертелось... Не помню, как я добралась до кровати, но, проснувшись поутру, с удивлением обнаружила, что я не одна и рядом со мной спит какой-то незнакомец. Красивый парень, ничего не скажешь. Мы быстро перешли к стадии повторного знакомства на физическом, так сказать, уровне, после чего я поинтересовалась, как его зовут. Фернандо (так он представился) еще пару месяцев тому назад работал водителем-экспедитором в Филадельфии, обслуживая «Уолмарт», крупнейшую сеть оптовой и розничной торговли. А потом его заметил кто-то из покупателей, имеющих отношение к миру высокой моды, и посоветовал обратиться к своему приятелю, у которого в Нью-Йорке есть собственное модельное агентство. И вот Фернандо здесь и, по его словам, будет счастлив уже в ближайшем будущем продефилировать вместе со мной по красной ковровой дорожке на каком-нибудь знаковом мероприятии. *«Конечно, – подумала я про себя, – любой снимок, запечатлевший Мистера Уолмарта под ручку со мной, тут же вознесет его карьеру до небес.* Во избежание такого поворота я постаралась как можно быстрее отделаться от парня.

«Так все же, Электра, что, если взять и выложить этой миссис Соне всю правду? Признаться ей в том, что накануне ты так накачала себя спиртным и коксом, что могла бы переспать с самим

Санта Клаусом, даже не заметив этого. А причина, по которой ты до сих пор не можешь заставить себя подумать о том, что отца больше нет, вовсе не в том, что он умер, а в том, что ты прекрасно понимаешь, как бы ему было стыдно за тебя... Да, именно так! Ему было бы очень стыдно за твое поведение, Электра».

Когда Па Солт был жив, меня успокаивало лишь то, что он не мог видеть всех моих непотребств. Но теперь его больше нет, и он как бы стал вездесущим; вполне возможно, он был минувшей ночью в моей спальне; быть может, он и сейчас сидит рядом со мной в этой машине...

Я громко выдохнула, достала из холодильника небольшую бутылочку водки и влила содержимое себе в горло, стараясь изгнать из памяти расстроенное лицо отца, каким я его запомнила в последний раз незадолго до его смерти. Па Солт специально приехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться со мной, сказал, что у него есть ко мне разговор. Я оттягивала свидание до самого последнего вечера, когда наконец пришлось сдаться и согласиться отужинать вместе с ним. Я прибыла в ресторан «Азиат», рядом с Центральным парком, уже будучи хорошо подшофе, приняв на грудь и водки, и наркотиков. Молча просидела напротив отца весь ужин, потом извинилась, сославшись на то, что мне надо отлучиться в дамскую уборную, и поспешила туда, чтобы сделать несколько дополнительных затяжек кокса, всячески избегая того разговора, который отец намеревался провести со мной.

Но вот наконец подали десерт; Па Солт, скрестив руки на груди, оглядел меня невозмутимым взглядом.

– Я очень обеспокоен, Электра, всем тем, что происходит с тобой. У меня такое впечатление, что ты постоянно витаешь мыслями где-то в другом месте.

– Тебе не понять, папа, в каком напряжении я постоянно живу! – огрызнулась я в ответ. – Это же вечный стресс! И как мне все это дается!

К своему стыду, я смутно помню, что было потом и что сказал мне отец в ответ. Помню лишь то, что я подхватила со своего места и поспешила к выходу, держа отца под руку. Что ж, сейчас мне уже никогда не узнать, о чем именно собирался побеседовать со мной отец в тот вечер...

– Какое же ты дерьмо, Электра! Почему ты такая? – спросила я сама себя, вытирая рот, и сунула пустую бутылку в карман. У меня недавно появился новый водитель: еще не хватало, чтобы он обнаружил, что я опустошила по дороге домой весь мини-бар, а потом слил эту информацию в какую-нибудь газетенку.

Но что я могла с собой поделать? Отца больше нет; нет рядом никого из тех, кого я любила. Некому помочь мне справиться со своими бедами. Придется справляться самой. А мне никто и не нужен! И отец мне тоже не нужен...

– Приехали, мэм, – оповестил меня шофер через перегородку.

– Спасибо! Уже выпрыгиваю! – отозвалась я и действительно выпрыгнула, захлопнув за собой дверцу машины. Конечно, оптимальный вариант для меня – это появляться в любом месте как можно незаметнее. Другие селебрити предпочитают пользоваться маскировкой, прячут свою внешность или ограничиваются посещением каких-нибудь малоприметных местных закусовых. Но мне с моим ростом под два метра трудно затеряться в любой толпе; даже будь я менее знаменитой, меня все равно легко вычислить везде.

– Привет, Электра!

– Томми! – Я выдавила из себя некое подобие улыбки и поднялась на крыльцо своего подъезда. – Как дела?

– Уже превосходно, коль скоро мне повезло встретить вас, мэм. Хороший был день?

– Да, все отлично, – рассеянно кивнула я в ответ и посмотрела вниз, то есть, я хочу сказать, *глянула сверху вниз* на своего фаната номер один. – До завтра, Томми. Увидимся!

– Обязательно увидимся, Электра! Куда сегодня вечером?

– Никуда. Останусь дома. Организую себе такой тихий домашний вечер, – ответила я, сделав прощальный взмах рукой, и вошла в вестибюль.

«По крайней мере, этот парень любит меня», – подумала я, забрав свою корреспонденцию у консьержа и направляясь к лифту. Меня сопровождал портье. Собственно, в этом не было никакой нужды, но это его работа (у меня даже мелькнуло, а не вручить ли ему ключи от квартиры – все, что было у меня при себе), потом мысли мои снова переключались на Томми. Вот уже несколько месяцев он простаивал днями напролет, словно часовой, у моего парадного

подъезда. Поначалу это меня злило, я даже попросила консьержа попытаться как-то отделаться от него. Но Томми стоял насмерть, защищая тот клочок земли, на котором он стоял; Томми сказал, что здесь тротуар, а на тротуаре волен стоять любой человек, где ему вздумается. К тому же, по его словам, он никому не мешает, а все, чего он хочет, – так это защитить меня. Консьерж даже посоветовал мне обратиться в полицию, пусть копы обвинят парня в том, что он меня выслеживает, и тогда ему несдобровать. Но в одно прекрасное утро я ненароком поинтересовалась у молодого человека, как его полное имя, потом порылась в интернете и обнаружила там много чего интересного. Так, на Фейсбуке я прочитала, что он военный врач-ветеринар, награжден медалями за храбрость на войне в Афганистане, что у него есть жена и дочь и что живут они в Куинси. То есть никакой угрозы этот человек для меня не представляет, скорее, наоборот: присутствие Томми заставляет меня чувствовать себя в полной безопасности. К тому же он ведет себя благовоспитанно и всегда подчеркнуто вежлив; все эти доводы я и изложила консьержу, отозвав назад свои прежние претензии.

Портье вышел из кабинки лифта, пропуская меня вперед. Мы с ним немного покружились, выделявая замысловатые па для того, чтобы разойтись: мне пришлось немного отступить назад, давая ему дорогу для сопровождения меня до дверей моего пентхауса. Он открыл входную дверь своим ключом.

– Вот вы и дома, мисс Деплеси. Приятного вечера.

Портье попрощался со мной кивком головы, но взгляд его был холодным. Я прекрасно знала, что обслуживающий персонал ждет не дождется, когда же я наконец выкурюсь из этого дома, вылечу из несуществующей трубы на крыше, словно ведьма на помеле. Большинство обитателей небоскреба квартировали здесь еще с тех давних пор, когда сидели в утробе матери; в те далекие времена такие женщины, как я, и всякие прочие цветные, тянули только на то, чтобы подвизаться у них в прислуге. Все эти люди были не просто жильцами, а владельцами своих апартаментов. А кто я в сравнении с ними? Парвеню, да и только: жиличка, пусть и богатая, которая всего лишь арендует свою квартиру, потому как та старая леди, которая проживала в ней до меня, умерла, после чего ее сын сделал в квартире ремонт и попытался продать ее за сумасшедшие бабки. Но поскольку тут

случилось то, что потом окрестили «мировым экономическим кризисом», ничего у него не вышло. И тогда вместо того, чтобы продавать, он сдал квартиру внаем – за самую высокую цену, которую только можно придумать. Сдал мне. Плата за квартиру была действительно безумно высокой, но, с другой стороны, пентхаус набит под завязку всякими предметами современного искусства, оснащен всевозможными гаджетами, какие только есть на свете (я не имею ни малейшего представления о том, как работают большинство из них); да к тому же и вид, который открывается с террасы на Центральный парк, необыкновенно красив. Просто дух захватывает!

Что ж, если я и нуждалась в подтверждении успешности своей карьеры, то такая шикарная квартира – самое то. *«Но какие такие воспоминания у меня связаны с ней? Да никаких!»* – устало подумала я, опускаясь на кушетку, такую широченную, что на ней с легкостью могли бы уместиться как минимум двое здоровых парней. – *«Разве что эта квартира лишний раз напоминает мне о собственном одиночестве»*. В этих огромных апартаментах я чувствую себя такой маленькой и такой хрупкой... А еще квартира расположена на самом верху здания, под крышей... Будто я здесь сознательно пребываю в полной изоляции.

Где-то в глубине квартиры проснулся мой мобильник и заиграл мелодию песни, которая когда-то сделала Митча суперзвездой; несколько раз я пыталась поменять звуковой сигнал, но у меня ничего не вышло. *«Если наша Сиси страдает дислексией и у нее проблемы со словами, так у меня вечные проблемы со всей современной электроникой»*, – подумала я, направляясь в спальню, чтобы взять телефон. Обрадовалась, увидев, что служанка поменяла постельное белье на огромной кровати, и все вокруг было безукоризненно чисто, как в номере хорошего отеля. Мне была симпатична моя новая служанка, которую подыскала для меня пресс-секретарь; поступив ко мне на службу, она подписала специальный договор о неразглашении средств массовой информации сведений о всех тех безобразиях, которые я могу вытворять у себя дома. Впрочем, это обычная практика для прислуги: такие бумаги подписывали и все мои предыдущие служанки. Но все равно я невольно содрогнулась при мысли о том, какой бедлам она застала здесь после вчерашней вечеринки. Можно

только представить себе, что эта девушка – кажется, ее зовут Лизбет, – подумала, когда вошла в мои апартаменты поутру.

Я плюхнулась на кровать и принялась прослушивать голосовые сообщения, поступившие на мой ящик. Пять сообщений оставила мой агент; просила срочно перезвонить ей по поводу завтрашней фотосессии для журнала «Ярмарка тщеславия». Последнее сообщение было от Эми, моего нового пресс-секретаря. Она работала у меня всего лишь три месяца, но мне она определенно нравилась.

«Привет, Электра. Это я, Эми... Я... Дело в том... То есть, я хочу сказать, что мне нравилось работать с вами, но в долгосрочном варианте мои планы поменялись. Сегодня я оставила у вашего агента заявление об уходе... Желаю вам успехов и всего самого хорошего в будущем. А еще...»

– ЧЕРТ! – громко выругалась я, нажимая на клавишу удаления записи, после чего швырнула телефон в дальний угол комнаты. – Какого черта? Что я сделала не так? Чем ее обидела? – спросила я, вперив взгляд в потолок. Странно, но я почувствовала себя очень уязвленной. Подумать только! И это ничтожество, которое когда-то на коленях умоляло дать ей шанс поработать со мной, спустя каких-то три месяца перешагнуло через меня, как ни в чем не бывало.

– Я с самого раннего детства мечтала работать в индустрии высокой моды. Пожалуйста, мисс Деппеси, прошу вас. Я буду работать для вас день и ночь, буду жить вашей жизнью... Клянусь, я никогда и ни в чем не подведу вас, – передразнила я плаксивый голос Эми, разговаривающей с сильным бруклинским акцентом. Потом подняла с пола мобильник и позвонила своему агенту.

Собственно, в этой жизни есть три вещи, без которых я категорически не могу обходиться: водка, кокаин и пресс-секретарь.

– Привет, Сюзи. Как я поняла, Эми от нас уходит.

– Да, не самая приятная новость. Тем более у нее все хорошо получалось. – Голос Сюзи Бритиш звучал по-деловому сухо.

– Да, я тоже считала, что она неплохо справлялась со своими обязанностями. Ты случайно не в курсе, почему она уходит?

В трубке воцарилось молчание. После некоторой паузы Сюзи обронила:

– Нет, не в курсе. В любом случае, я попрошу Ребекку подменить ее на время, а к концу недели, уверена в этом, мы подыщем тебе

нового пресс-секретаря. Ты мои сообщения прочитала?

– Да.

– Пожалуйста, завтра без опозданий, ладно? Они хотят отснять все еще до восхода солнца. Машина подъедет за тобой в четыре утра, ладно?

– Хорошо, нет вопросов.

– Слышала, у тебя вчера была грандиозная вечеринка.

– Да, немного развлеклись.

– Но сегодня, пожалуйста, никаких гостей, Электра. Завтра ты должна быть свежей и отдохнувшей. Один из снимков пойдет на обложку.

– Не беспокойся, Сюзи. Сегодня я буду пай-девочкой и отправлюсь в постель ровно в девять вечера.

– Хорошо. Прости, но тут у меня на другой линии звонок от Лагерфилда. Ребекка свяжется с тобой попозже, перешлет тебе список кандидатур на должность пресс-секретаря. Чао.

– Чао, – выдохнула я в трубку, но Сюзи уже успела отключиться. Сюзи – единственный человек на всем белом свете, кто осмеливается, в случае чего, наехать на меня по полной. Что и не удивительно: самый влиятельный агент в модельном бизнесе Нью-Йорка, все знаменитости у нее, как говорится, на крючке. Она нашла меня, когда мне было шестнадцать. В то время я работала официанткой в одном из парижских кафе, устроилась на работу после того, как меня исключили из третьей школы подряд. Тогда, помнится, я сказала папе, чтобы он не тратил силы и время зря, отыскивая мне очередную школу, потому что конец все равно будет таким же: меня выгонят и оттуда. К моему удивлению, отец не стал устраивать мне сцен.

Помню, меня страшно изумило то, что мой очередной провал он воспринял относительно спокойно. Конечно, немного расстроился, но не более того. Такая его реакция не только озадачила меня, но и немного подкосила.

– Думаю вот, не отправиться ли мне в путешествие? – поделилась я с ним своими планами на будущее. – Буду познавать жизнь на собственном, так сказать, опыте.

– Согласен с тобой в том, что не всегда успех в жизни приходит исключительно в результате учебы, – сказал Па Солт. – К тому же ты у меня такая яркая и неординарная девочка, что я ни минуты не

сомневаюсь в том, что ты обязательно приобретешь какую-нибудь подходящую профессию. Но пока ты еще слишком юна, чтобы начинать самостоятельную взрослую жизнь. Знаешь, Электра, за стенами Атлантиды огромный необъятный мир.

– Папочка, я вполне могу позаботиться о себе, – твердо ответила я.

– Конечно, сможешь. Но скажи, а на какие средства ты собираешься путешествовать?

– Устроюсь на какую-нибудь работу, – пожала я плечами в ответ. – Пожалуй, для начала я отправлюсь в Париж.

– Отличный выбор! – одобительно кивнул отец. – Поразительный, невероятный город!

Я мельком глянула на Па Солта, восседавшего за массивным письменным столом у себя в кабинете: по его лицу вдруг разлилось мечтательное выражение, и он заметно погрузнел. То есть точно ему почему-то стало грустно.

– Что ж, – продолжил отец, – предлагаю тебе нечто вроде компромисса. Итак, ты хочешь бросить школу, что, в общем и целом, мне понятно. Однако мне не очень по душе, что моя самая младшая дочь горит желанием начать самостоятельную взрослую жизнь в столь юном возрасте. Договоримся вот о чем. У Марины есть связи в Париже. Уверен, для начала она поможет тебе подыскать подходящее жилье. Отправляйся в Париж на все лето, а потом мы снова соберемся все вместе и решим, что нам делать дальше.

– Хорошо! – согласилась я. – Это уже почти готовый план действий.

«И все же, – мелькнуло у меня, – почему отец не злится на меня?» Почему не уговаривает продолжить учебу и получить хоть какое-то образование? Из его кабинета я вышла с убеждением, что вариантов ответа на мои вопросы два: либо отец окончательно умыл руки в том, что касается моей учебы, либо решил все же не держать меня на цепи и дать хоть немного свободы. Одним словом, сделал цепь подлиннее. Как бы то ни было, а Марина позвонила по своим старым связям, и уже совсем скоро я очутилась в прелестной маленькой студии, выходящей окнами на крыши Монмартра. Само помещение было действительно крошечным, к тому же мне пришлось делить ванную комнату с целой толпой иностранной ребятни, прибывшей в

Париж с целью улучшения своего французского в рамках какой-то образовательной программы по обмену учащимися. Но в любом случае это была *моя и только моя* студия.

До сих пор помню то пьянящее чувство свободы, которое охватило меня поначалу, когда в самый первый вечер моего пребывания в Париже я, стоя посреди комнаты, вдруг поняла, что отныне никто уже не станет мне указывать, что и как делать. Впрочем, и готовить мне еду тоже больше никто не будет, а потому я поспешила на улицу и забрела в одно из близлежащих кафе; уселась за столик на тротуаре, закурила сигарету и принялась изучать меню. Заказала себе французский луковый суп и бокал вина, а официантка даже глазом не повела, принимая мой заказ; ее оставило равнодушной и то, что я курю, и то, что заказываю себе спиртное. Осушив целых три бокала вина, я наконец почувствовала в себе достаточно уверенности, чтобы обратиться к управляющему с вопросом, не нужны ли им официантки. И уже спустя каких-то двадцать минут я пошагала в обратном направлении, преодолевая расстояние в пару сотен ярдов, отделявшее меня от моей студии, и уже имея в своем багаже приглашение на работу. Как же я была горда собой, когда на следующее утро позвонила отцу по таксофону, стоявшему в холле, и отрапортовала ему о своих первых успехах. Надо отдать должное: известие обрадовало его и сильно впечатлило, пожалуй, ничуть не меньше, чем тогда, когда Майя поступила в Сорбонну.

А спустя месяц я встретила Сюзи, моего нынешнего агента; обслуживала ее столик. Если мне не изменяет память, она заказала тогда крок-месье, горячий бутерброд с ветчиной и сыром... Ну, а все остальное – это уже история...

«Почему я все время оглядываюсь в прошлое? – снова спросила я саму себя, беря в руки мобильник, чтобы прослушать остальные сообщения. – И почему я постоянно думаю об отце?»

– Митч... Па Солт, – пробормотала я негромко в ожидании, когда включится голосовой ящик. – Все ушли, Электра. Все тебя бросили... Даже эта жалкая Эми с легкостью переступила через тебя сегодня. А тебе нужно жить и двигаться дальше.

«Моя ненаглядная Электра! Как ты там жива-здоровая? Я снова в Нью-Йорке... Что делаешь сегодня вечером? Как смотришь на то, чтобы нам с тобой распить бутылочку шампанского “Кристалл” под

курочку в маринаде? А потом в кроватку... Сгораю, хочу тебя. Отзовись, как только сможешь».

Несмотря на свое скверное настроение, я не сдержала улыбки. Зед Эсзу – вот загадка всей моей жизни. Баснословно богат, связи по всему миру... Правда, ростом не вышел, и вообще он не в моем вкусе, но в постели просто бесподобен; мы с ним периодически встречались на протяжении трех последних лет. Но все прекратилось, как только у меня завязались серьезные отношения с Митчем; однако несколько недель тому назад я возобновила свои прежние контакты с Зедом: этот человек, как никто другой, мог расшевелить меня. К тому же его присутствие рядом способствовало росту моей популярности, что мне тоже было нужно. И что, конечно же, льстило моему израненному самолюбию.

Наши отношения с Зедом трудно было назвать любовью. Все что угодно, но только не любовь. Во всяком случае, с моей стороны. Но в Нью-Йорке мы с ним тусуемся в одних и тех же кругах; к тому же, и это, пожалуй, самое приятное из всего, когда мы с ним остаемся наедине, то можем поболтать и на французском. Надо сказать, Зед, так же, как и Митч, абсолютно равнодушен к тому, кто я есть, – довольно редкая вещь в наши дни, и эта его индифферентность к моей славе странным образом успокаивает меня: мне с ним комфортно.

Какое-то время я молча пялилась на свой телефон, прикидывая, как мне все же поступить: проигнорировать звонок Зеда и пораньше отправиться в кровать, как наказала мне Сюзи, или перезвонить ему и провести приятный вечер в компании Зеда. После некоторых раздумий я набрала его номер и пригласила к себе. В ожидании гостя быстро приняла душ и надела свое любимое шелковое кимоно, которое специально для меня сшили в одном многообещающем японском доме моды. Потом залила в желудок, наверное, целый галлон воды, чтобы хоть как-то обезопасить себя на тот случай, если мне захочется выпить чего-нибудь покрепче или если потянет на наркоту.

Снизу позвонил консьерж и доложил о прибытии Зеда. Я велела сказать, чтобы гость поднимался ко мне. И вскоре Зед уже стоял на пороге пентхауса с огромным букетом моих любимых белых роз и обещанной бутылкой шампанского «Кристалл».

– *Bonsoir, ma belle Electra*, – проговорил Зед, обращаясь ко мне по-французски и проглатывая половину звуков в каждом слове, –

довольно странное произношение; после чего положил цветы на стол, поставил рядом бутылку шампанского, а потом расцеловал меня в обе щеки. – *Comment tu va?*

– Я в полном порядке, – объявила я в ответ и бросила жадный взгляд на шампанское. – Открыть?

– Думаю, эта работа для меня. Однако позволь вначале снять пиджак.

– Конечно.

– Но прежде... – Зед сунул руку в карман пиджака и извлек оттуда небольшую бархатную коробочку. – Вот увидел эту вещицу и тут же подумал о тебе.

– Спасибо, – поблагодарила я, присаживаясь на кушетку и как-то подобрав под себя свои ужасно длинные ноги, после чего с чисто детским любопытством уставилась на коробочку. Зед часто делал мне подарки. Надо сказать, что при таком баснословном богатстве, которым он обладал, все его подношения, как ни смешно это звучит, были довольно пустяковыми. Впрочем, в каждой его подарке была своя изюминка, они всегда были нетривиальными. Я сняла крышечку и увидела внутри кольцо с овальным камнем цвета меда.

– Это янтарь, – пояснил Зед, наблюдая за тем, как я рассматриваю игру камня под светом хрустальной люстры на потолке. – Примерь!

– И на какой палец прикажешь надеть? – спросила я с иронией в голосе, глянув на Зеда.

– На любой, шерри! Ты же понимаешь, любовь моя, что если бы я собирался делать тебе предложение, то подумал бы о чем-то более стоящем. Надеюсь, ты знаешь, что твое имя на греческом языке имеет самое прямое отношение к янтарю.

– Правда? Нет, я ничего не знаю, – честно призналась я, наблюдая за тем, как он откупоривает шампанское. – И что же оно означает?

– На греческом янтарь называют «электроном». Согласно легенде, в этом камне законсервированы лучи солнца. А еще один греческий философ заметил, что если потереть друг о друга два кусочка янтаря, то в результате трения возникает энергия... Словом, твое имя подходит тебе идеально. – Зед улыбнулся и протянул мне бокал с шампанским.

– То есть ты хочешь сказать, что я тоже провоцирую трение? – улыбнулась я в ответ. – Но вопрос в другом: это я так влияю на свое имя или это оно воздействует на меня?

– *Santé*.

Мы чокнулись, и Зед присел на кушетку рядом со мной.

– М-м, – протянула я.

– Подумала, не принес ли я тебе еще какой-нибудь подарочек? – насмешливо поинтересовался он.

– Да, что-то в этом роде.

– Тогда загляни на дно коробочки, приподними бархотку.

Я послушно проделала, что мне было велено, и извлекла из коробочки, в которой лежало кольцо, небольшой пластиковый пакет.

– Большое спасибо, Зед, – прочувствованно поблагодарила я, сразу же вскрыла пакетик, обмакнула палец в содержимое, словно ребенок, сующий свой пальчик в горшочек с медом, и тут же намазала себе десны.

– Хорошо, да? – спросил Зед, глядя, как я отсыпаю немного порошка на стол, извлекаю из пакета короткую соломинку и с ее помощью закладываю порошок себе в ноздри.

– М-м... – откликнулась я с наслаждением. – Очень хорошо! Хочешь попробовать?

– Ты же знаешь, я не употребляю наркотики. Ну, как ты тут?

– О, все... в порядке.

– Голосок у тебя, Электра, не очень уверенный. Да и вид усталый.

– Много работы было в последнее время. – Я отхлебнула большой глоток из своего бокала. – На прошлой неделе была фотосессия на Фиджи, а на следующей неделе вот лечу в Париж.

– Может, стоит немного сбавить обороты, а? Устрой себе каникулы.

– И это советует мне человек, который сам говорит, что чаще ночует в своем самолете, чем в постели, – пошутила я в ответ.

– Да, ты права. Пожалуй, нам обоим не мешает снизить темп. Давай я соблазню тебя провести недельку-другую на моей яхте. В ближайшие пару месяцев она будет стоять на приколе на Санта-Люсии, а потом я на все лето отправлюсь на Средиземное море.

– Хорошо бы! – вздохнула я в ответ. – Но у меня все расписано вплоть до июня.

– Тогда в июне. Отправимся к греческим островам.

– Посмотрим, – рассеянно отмахнулась я от приглашения, не придавая ему большого значения. Я уже привыкла к тому, что мы часто

обсуждаем с Зедом какие-то наши совместные планы, а потом все это заканчивается ничем. Впрочем, если честно, то я и не горю особым желанием, чтобы хоть что-то из намеченного осуществилось. Ночью в постели Зед великолепен, но не более того, потому что при более близком общении он немедленно начинает раздражать меня своей невероятной заносчивостью и не меньшей привередливостью.

Снова позвонил консьерж. Трубку снял Зед.

– Пусть поднимается вверх. Спасибо, – бросил он в трубку и заново наполнил нам бокалы. – Посыльный из китайского ресторана. Прибыла курочка под маринадом, как я и обещал. Надеюсь, это будет лучший ужин из всех, что тебе довелось попробовать, – добавил он с улыбкой. – Как поживают твои сестры?

– Понятия не имею. Давно не перезванивалась с ними, была слишком занята. Знаю только, что Алли наконец родила, мальчика. Она назвала его Бэром. Круто, правда? Но если уж мы заговорили о моих сестрах, то надеюсь, в июне я встречусь со всеми ними в Атлантиде: мы собираемся на папиной яхте отправиться в круиз вокруг греческих островов и опустить на воду венки в память об отце в том самом месте, где, по рассказу Алли, опустили гроб с его телом. Кстати, насколько я помню, тело твоего отца было обнаружено на берегу поблизости. Я права?

– Да, все верно. Но я, как и ты, не хочу думать о смерти отца и о том, что его больше нет; подобные мысли очень меня расстраивают, – резко переменял Зед тему разговора. – Предпочитаю смотреть в будущее.

– Понимаю. И все же странное совпадение...

Раздался звонок в дверь, и Зед пошел открывать.

– А сейчас, Электра, – обратился он ко мне, вернувшись с двумя коробками в руках и направляясь на кухню, – ступай за мной. Поможешь мне разложить все это по тарелкам.

2

Я вернулась домой после утренней фотосессии, приняла горячий душ и завалилась в кровать с бутылкой водки, чувствуя себя вконец разбитой. Если кто-то воображает себе, что удел фотомоделей – это порхать по подиуму в красивых нарядах, словно бабочка, и получать за

эту, в общем-то, необременительную работу кучу бабок, то я бы посоветовала таким людям хотя бы на один день влезть в мою шкуру. Вот и сегодня... Работа с четырех утра, шесть раз мне меняли прическу, заставляли переодеваться и заново наводили макияж, и все это в промерзающей насквозь бытовке на каком-то складе уже почти за городом. Видит Бог, *это было совсем не просто*: та еще работенка! Само собой, на людях я никогда не жалуясь на издержки своей профессии. В конце концов, я же тружусь не на какой-то китайской фабрике с ее потогонной системой, да и платят за мою работу тонны зеленых. Однако свои проблемы есть у каждого, и порой весьма серьезные. Так почему же не пожаловаться хотя бы самой себе и хотя бы иногда?

Чувствуя, как тепло начинает распространяться по всему телу, как я постепенно согреваюсь впервые за весь этот день, я безвольно откинулась на подушки и стала проверять голосовые сообщения, поступившие на мой мобильник. Четырежды мне звонила Ребекка, пресс-секретарь Сюзи. Она сказала, что отправила мне по электронной почте несколько резюме кандидаток на должность моего нового пресс-секретаря, и попросила меня как можно скорее просмотреть эти резюме. Я заскользила взглядом по анкетным данным претенденток на экране своего ноутбука, и тут опять зазвонил мобильник. Это снова была Ребекка.

– Я как раз просматриваю резюме, – тотчас же отрапортовала я, не дав ей раскрыть рта.

– Отлично! Спасибо, Электра. А я звоню, чтобы сказать, что, по моему, одна из девушек идеально тебе подходит. Но ей поступило еще одно предложение, на которое она должна дать свой окончательный ответ уже завтра. Как смотришь, если она к тебе сегодня заскочит вечером и вы немного поболтаете, а?

– Я только что вернулась домой после съемок для «Ярмарки тщеславия», Ребекка. И потом...

– И все же, мне кажется, ты должна с ней встретиться, Электра. У нее такие замечательные рекомендации, да и послужной список впечатляет. Она работала пресс-секретарем у самого Бардина, а ты же знаешь, какой это, мягко говоря, сложный человек, – торопливо выпалила в трубку Ребекка. – То есть ей не привыкать работать в самых экстремальных условиях, какие случаются, когда речь идет о

клиентах, имеющих отношение к высокой моде. Так мне подослать ее к тебе?

– Ладно! – тяжело вздохнула я в трубку. Не хочу быть «сложным человеком», как Бардин, хотя Ребекка наверняка считает меня именно такой.

– Замечательно! Сейчас же сообщу ей. Думаю, она очень обрадуется. Она ведь одна из самых пылких твоих почитательниц.

– Хорошо, договорились. Пусть подтягивается к шести вечера, ладно?

Ровно в шесть позвонил консьерж и сообщил, что ко мне посетитель.

– Пусть поднимается вверх, – бросила я в трубку усталым голосом. Предстоящая встреча меня ничуть не волновала: с тех пор, как Сюзи решила, что мне нужен личный помощник, который будет помогать мне хоть как-то упорядочить собственную жизнь, перед моими глазами прошли вереницы молоденьких девушек, жаждущих приобщиться к индустрии высокой моды; и все они поначалу были полны энтузиазма, но уже через несколько недель сбегали прочь.

– Может, я и правда сложный человек? – спросила я у собственного отражения в зеркале, проверив еще раз, не застряло ли у меня что-нибудь между зубов. – Все может быть. Ничего нового о себе я не скажу, верно? – заключила я и залпом допила водку, а потом распустила волосы. Мой стилист Стефано совсем недавно туго стянул их резинкой, так что даже кожа на голове заныла от напряжения и боли, а все для того, чтобы соединить длинные концы прядей в замысловатую прическу. У меня всегда дикие головные боли после всех этих его хитроумных плетений.

В дверь постучали, и я пошла открывать, гадая по пути, что меня ждет по ту сторону порога. В любом случае, я и предположить не могла, что передо мной возникнет хрупкая ладная фигурка в невзрачном костюме какого-то бурого цвета с юбкой ниже колен, вопреки всем веяниям моды. Мои глаза невольно скользнули по обуви: на ногах у девушки были грубые башмаки типа броги. Ма наверняка назвала бы такие туфли «практичной обувью». Самое удивительное, что на голове у нее был шарф, которым она туго перетянула свой лоб и плотно укутала шею. Но личико у девушки было очень милое:

аккуратный носик, высокие скулы, пухлые розовые губки, чистая кожа, приятный цвет лица, похожий на кофе-латте.

– Здравствуйте! – улыбнулась она при виде меня, и ее красивые темно-карие глаза тотчас же вспыхнули радостным светом. – Меня зовут Мариам Каземи, и я очень рада познакомиться с вами, мисс Деплеси.

Мне сразу же понравился тембр ее голоса: пожалуй, если бы такой тембр можно было купить, я бы его сразу купила – глубокий, с хорошей модуляцией; льется из ее горла, словно мед.

– Привет, Мариам. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо.

Я в три шага преодолела расстояние до кушетки, Мариам для этого потребовалось больше времени. Она невольно замедлила шаг, разглядывая дорожные каракули и завитки на полотнах, висевших на стенах. Судя по выражению ее лица, она была о них приблизительно такого же мнения, что и я сама.

– Они – не мои, – поспешила я пояснить ей. – Это выбор хозяина. – Почему-то мне вдруг показалось очень важным сделать это пояснение. – Что могу предложить? Вода, кофе, чай... Что-нибудь покрепче?

– Нет, спасибо, я не пью... то есть я хочу сказать, не употребляю спиртного. Если можно, просто стакан воды.

– Конечно.

Не доходя до кушетки, я круто развернулась и пошла на кухню. Достала из холодильника бутылку с водой «Эвиан» и в этот момент заметила, что Мариам уже стоит рядом.

– Я думала, что у вас есть прислуга, которая занимается всем этим.

– У меня есть служанка, но я так редко бываю дома. Я имею в виду, в этой квартире. Вот, пожалуйста! – Я вручила ей бутылку с водой. Мариам подошла к окну и уставилась на открывшуюся панораму.

– Высоко же вы забрались! – обронила она негромко.

– Да, высоко, – согласилась я, чувствуя, что эта девушка уже полностью очаровала меня: от нее веяло каким-то необъяснимым спокойствием, словно хорошими духами... И потом, она с таким невозмутимым видом восприняла и меня саму, и мои шикарные

апартаменты. Обычно кандидатки на должность из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать свои восторги и наобещать кучу всего всякого.

– Присядем? – предложила я.

– Спасибо.

– Итак, – начала я, когда мы устроились в гостиной, – слышала, вы работали на самого Бардина?

– Да, работала.

– А почему ушли от него?

– Мне предложили место, которое на тот момент устраивало меня больше.

– Говорят, работать с ним непросто?

– О, нет, что вы! – Мариам издала короткий смешок. – Он совсем не капризный человек. Просто недавно Бардин снова вернулся в Париж и намеревается работать там на постоянной основе. Ну, а я осталась здесь. Мы расстались с ним лучшими друзьями.

– Рада слышать это. Но почему вас заинтересовала работа у меня?

– Потому что я всегда восхищалась тем, как вы работаете.

«*Вау!* – воскликнула я мысленно. – *Не часто мне приходится слышать, чтобы то, чем я занимаюсь, называли “работой”*».

– Спасибо, – коротко поблагодарила я вслух.

– Надо ведь иметь настоящий талант, чтобы создать образ, который удачно дополняет рекламируемую продукцию. Как мне кажется, вы таким талантом обладаете в полной мере.

Я молча смотрела, как она открыла свою простенькую коричневую сумочку, очень смахивающую на обычный школьный портфель, но никак не на дизайнерский вариант изделия, извлекла оттуда свое резюме и вручила его мне.

– Наверное, у вас еще не было времени ознакомиться с моим резюме, – негромко промолвила Мариам.

– Это правда. До вашего резюме я еще не дошла, – призналась я, пробегая глазами информацию о девушке. Короткая, очень короткая биография, но все по существу. – Так в колледже вы не учились?

– Нет. У моих родителей не было на это средств. То есть я хочу сказать, – она слегка взмахнула своей маленькой ручкой, поднесла ее к лицу и принялась сосредоточенно тереть переносицу, – деньги у них,

может быть, и есть, но нас в семье шестеро детей, и было бы не вполне справедливо лишать и остальных своего шанса в жизни.

– О, нас в семье тоже шестеро! И я тоже не училась ни в колледже, ни в университете.

– Что ж, тогда у нас с вами есть хоть что-то общее.

– Я – младшая из сестер.

– А я – старшая, – улыбнулась в ответ Мариам.

– Вам ведь двадцать шесть?

– Да.

– Значит, мы с вами одного возраста, – воскликнула я, чувствуя некое странное удовлетворение от того, что между мною и этой необычной девушкой можно провести какие-то параллели. – И чем вы занимались после окончания школы?

– Днем работала у одного флориста в его цветочном магазине, а вечерами училась в школе бизнеса. Могу показать вам копию своего диплома, если нужно. В совершенстве владею компьютером, могу составлять электронные таблицы любой сложности и печатаю... ну, может быть, не на запредельной скорости, но очень быстро.

– О, все эти навыки не являются главными для вашей будущей работы, в том числе и электронные таблицы. Мой бухгалтер отслеживает все мои финансовые вопросы.

– Да, но эти навыки могут очень пригодиться при решении всяких организационных вопросов. Например, я смогу составлять для вас подробные рабочие планы на месяц вперед, и для этого мне нужно будет лишь взглянуть на график ваших предстоящих съемок.

– О, если вы начнете планировать мою работу на целый месяц вперед, тогда я точно сбегу от вас, – пошутила я в ответ. – Я предпочитаю работать, как говорится, день в день. Могу совладать только с планами, рассчитанными на один день, не более того.

– Я вас очень хорошо понимаю, мисс Деплеси, но моя обязанность – заглядывать и немного вперед. Вот, например, когда я работала у Бардина, то расписывала для него даже графики отсылки его вещей в химчистку, и мы вместе с ним продумывали, что именно он наденет на то или иное мероприятие. Учитывали любую мелочь, вплоть до цвета носков. Хотя очень часто он специально эпатировал публику, появляясь в носках, не гармонирующих со всем остальным его прикидом.

Произнеся последнюю фразу, Мириам весело хихикнула, и я присоединилась к ней.

– Так вы говорите, он приятный человек?

– Да. Бардин – замечательный человек!

Так это или не так, но эта девушка, вне всякого сомнения, честный и неподкупный работник. Мне часто приходилось слушать разных соискательниц на должность моего пресс-секретаря, когда они пускались во все тяжкие, поливая грязью своего бывшего нанимателя. Может, они полагали, что, поступая таким образом, они тем самым дают мне исчерпывающие объяснения по поводу того, почему им пришлось уйти с прежнего места работы. Но я почему-то всегда была уверена в том, что в скором будущем они и обо мне будут рассказывать всякие гадости, только уже кому-то другому.

– Прежде чем вы спросите меня, сообщаю: я – человек рассудительный и умею держать язык за зубами, – сказала Мириам, словно прочитав мои мысли. – Мне часто доводилось слышать всякие байки про знаменитостей, занятых в нашем бизнесе, в которых не было ни слова правды. И вот что любопытно...

– Что именно?

– Да так, ничего.

– Нет, вы все же скажите. Пожалуйста!

– Знаете, меня порой удивляет, как много людей в нашем мире мечтают о славе, жаждут стать знаменитыми, а вот я, исходя из собственного опыта, могу сказать лишь одно: вся эта слава и успех приносят человеку одни лишь несчастья. Многие наивно полагают, что, став селебрити, они смогут делать все, что им заблагорассудится, и быть, кем захотят. А на самом деле они теряют в своей жизни самое главное, что есть у человека, – свою свободу. *Вашу* свободу, – добавила она немного невпопад.

Я бросила на Мариам удивленный взгляд. У меня вдруг возникла догадка, что, несмотря на все мои достижения и все, чем я обладаю, ей меня почему-то жаль. Нет, в этой ее жалости нет и тени покровительства, только теплота и участие, и все же, и все же...

– Вы правы, свою свободу я точно утратила. Но зато, – продолжила я, неожиданно для себя самой распахивая душу перед этой в общем-то совершенно чужой мне девушкой, – я не особенно парюсь, если кто-то увидит меня, совершающей тот или иной

пустяшный поступок, а потом сольет информацию об этом в какую-нибудь газетенку, тем самым увеличив их тираж и заработав себе немного денег.

– Это не совсем правильно, мисс Деплеси, – строгим тоном попеняла мне Мариам и даже слегка покачала головой в знак неодобрения такого моего легкомысленного отношения к жизни. – Однако, боюсь, мне пора. Я пообещала маме, что сегодня вечером посижу дома со своим младшим братишкой. У мамы сегодня день рождения, а у нас в семье часто шутят по поводу того, что папа в последний раз водил маму в ресторан ровно двадцать восемь лет тому назад. Когда делал ей предложение! А как я понимаю, если вы наймете меня, то мне нужно будет крутиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки.

– А как вы относитесь к тому, что придется много перемещаться по всему миру?

– Нет проблем. Тем более что на личном фронте у меня тихо и нет ни перед кем никаких обязательств. А сейчас все же прошу прощения, но мне надо бежать. – Мариам поднялась с кушетки. – Была рада познакомиться с вами, мисс Деплеси. Даже если наша сегодняшняя встреча ничем не закончится, мне все равно было очень приятно встретиться с вами лично.

Она повернулась и направилась к дверям. Даже в этом безобразном костюме Мариам смотрелась весьма достойно: такая естественная грация и то, что фотограф назвал бы «своей индивидуальностью». Несмотря на то что наш разговор с Мариам не продлился и пятнадцати минут и я не задала ей и десятую часть тех вопросов, которые должна была задать, я уже ни секунды не сомневалась в том, что хочу, чтобы Мариам Каземи работала на меня. *Действительно хочу этого!* Пожалуй, с ее появлением в моей жизни мне станет гораздо, гораздо спокойнее.

– Послушайте, а что, если я прямо сейчас предложу вам это место? Вы согласны рассмотреть мое предложение? – Я тоже подхватила с кушетки и направилась вслед за Мариам к входным дверям. – То есть я хочу сказать, что я в курсе того, что у вас имеются и другие предложения. И на одно из них вам нужно будет дать ответ уже завтра.

Она замешкалась на какое-то мгновение, а потом повернулась ко мне и улыбнулась.

– Конечно, согласна. Вы мне кажетесь чудесным человеком... И душа у вас добрая.

– И когда вы сможете приступить к своим обязанностям?

– Могу прямо со следующей недели, если хотите.

– Договорились! – воскликнула я и протянула ей руку, чтобы скрепить наш договор рукопожатием. Поколебавшись пару секунд, она протянула мне свою руку.

– Договорились! – повторила Мариам вслед за мной и добавила: – Но мне пора бежать.

– Конечно-конечно.

Она открыла входную дверь, и я отправилась провожать ее до кабинки лифта.

– Общие условия найма вам известны, но я все же попрошу Ребекку, чтобы она направила вам официальное приглашение на работу, и уже завтра утром кто-нибудь подвезет его и вручит вам прямо в руки.

– Отлично! – откликнулась Мариам. Створки кабинки лифта раздвинулись, приглашая войти.

– Кстати, что у вас за духи? Потрясающий аромат.

– Вообще-то это не духи, а масло для тела. Я его сама делаю. Всего доброго, мисс Деплеси.

Створки снова сомкнулись, и лифт повез Мариам Каземи вниз.

* * *

Все рекомендации, представленные Мариам, обернулись самым настоящим панегириком в ее честь, превозносящим деловые достоинства девушки до небес. И уже в следующий четверг мы с ней вместе взошли на борт частного самолета, который должен был доставить нас из аэропорта Тетерборо, что в Нью-Джерси, в Париж. Единственное, что позволила себе Мариам с учетом дальнего путешествия, это несколько изменить рабочую униформу, заменив юбку на светло-бежевые брюки. Я искоса наблюдала за тем, как она

уселась на свое место в салоне самолета и почти сразу же извлекла из сумки ноутбук.

– Вы когда-нибудь летали раньше частными авиарейсами? – поинтересовалась я у нее.

– О, очень часто. Бардин пользовался только частными самолетами. Обычные авиарейсы его никак не устраивали. А сейчас, мисс Делпеси...

– Пожалуйста, зовите меня Электра.

– Хорошо, Электра, – поправила она саму себя. – Хочу спросить, вы хотите немного отдохнуть во время полета или же мы используем это время для того, чтобы вместе пробежаться по нашим ближайшим планам?

Если вспомнить, что мы с Зедом кувыркались сегодня в постели почти до четырех утра, то, само собой, я отдала предпочтение первому варианту и, как только самолет набрал высоту, нажатием кнопки превратила свое кресло в кровать, потом нацепила на глаза защитную маску и почти сразу же заснула.

Проснувшись я где-то часа через три, чувствуя себя вполне отдохнувшей, да мне и не привыкать спать в самолетах – по этой части у меня большой опыт. Я слегка отодвинула краешек маски, чтобы взглянуть, чем занимается моя новая пресс-секретарь. Но ее кресло было пусто. Наверное, пошла в ванную комнату, предположила я, сняла с глаз маску и уселась в кресле. И тут же, к своему удивлению, увидела изогнутую спину Мариам в узком проходе между сиденьями. «*Может, она практикует йогу*», – мелькнуло у меня. Стоя на коленях, она отбивала поклоны, касаясь головой пола: что-то в этой ее позе было очень детское. Потом я расслышала ее негромкое бормотание, вот она вскинула руки вверх и слегка приподняла голову, и тогда до меня дошло, что Мариам молится. Мне стало неловко от того, что я стала невольным свидетелем столь интимно-личного действия. Я отвела глаза в сторону и поднялась с кресла, чтобы воспользоваться удобствами и немного освежиться. Когда я снова вернулась в салон, Мариам уже сидела на своем месте и бойко стучала по клавиатуре ноутбука.

– Хорошо поспали? – улыбнулась она.

– Отлично! А сейчас умираю, хочу есть.

– Я уже навела справки, есть ли в их меню на борту суши. По словам Сюзи, суши – это ваше любимое дорожное блюдо.

– Это правда. Спасибо за заботу.

И почти сразу же возле моего кресла возникла фигура стюарда.

– Что изволите, мисс Деплеси?

Я сделала заказ – свежие фрукты, суши и полбутылки шампанского, потом повернулась к Мариам.

– А вы уже поели?

– Да, спасибо.

– Не боитесь летать самолетами?

Она слегка нахмурилась.

– Нет, совершенно не боюсь. А почему вы спрашиваете?

– Потому что когда я проснулась, я увидела, что вы молились.

– Ах, это! – засмеялась она в ответ. – Да, молилась, но вовсе не потому, что боюсь летать самолетами. Просто сейчас в Нью-Йорке уже полдень, а я в это время всегда молюсь.

– Вау! И подумать не могла, что вы столь набожны.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, Электра. Обещаю, что впредь вы нечасто увидите меня за молитвой. Обычно я использую для этой цели какой-нибудь тихий уголок, подальше от посторонних глаз, но, как вы понимаете, найти такой уголок здесь... – Она обвела широким жестом салон самолета. – Разве что туалет. Но это не вполне подходящее место для молитвы.

– И вы молитесь каждый день?

– Да. Как правило, пять раз в день.

– Вау! – снова воскликнула я. – И это никак не сказывается на вашем образе жизни?

– Знаете, я даже как-то не задумывалась над этим: для меня молитва – привычное дело, я с раннего детства привыкла молиться. И надо сказать, мне всегда после молитвы очень хорошо. Словом, я такая, какая есть.

– Вы хотите сказать, что этого требует от вас ваша религия?

– Нет. Этого требует от меня *моя душа*. А вот и суши вам подали. Выглядит очень аппетитно.

– Так присоединяйтесь к трапезе. Вообще-то я не люблю пить в одиночестве, – добавила я с усмешкой, глядя на то, как стюард наполняет мой бокал шампанским.

– Вам что-нибудь подать, мэм? – обратился стюард к Мариам, которая пересела поближе ко мне, заняв кресло напротив моего.

– Пожалуйста, стакан воды, если можно.

– За ваше здоровье, – подняла я свой бокал с шампанским. – И за наше плодотворное сотрудничество.

– Да, не сомневаюсь, оно будет успешным.

– Прошу простить мне мое невежество: я совершенно не знаю ваших обычаев и традиций.

– Не надо извиняться, Электра, – поспешила успокоить меня Мариам. – Окажись я на вашем месте, я бы тоже ничего не знала.

– Семья у вас строгая?

– О, нет! Совсем даже не строгая, особенно в сравнении с другими семьями. Я ведь родилась в Нью-Йорке, как и мои младшие братья и сестры. Так что мы все американцы. Мой отец не устает повторять, что в свое время американцы дали им с мамой надежный приют, когда им очень нужны были поддержка и помощь, а потому мы должны гордиться великими традициями американского народа и чтить их не меньше, чем свои собственные традиции.

– А откуда родом ваши родители? – спросила я.

– Из Ирана... Из Персии, если уже по-нашему. Мне больше нравится Персия. А вам?

– Мне тоже. Получается, что ваши родители были вынуждены покинуть родину вопреки своей воле?

– Да. Они оба попали в Америку еще детьми. Приехали сюда вместе со своими родителями после свержения шаха.

– Шах? А кто это?

– Он был королем в Иране, человек ярко выраженных западных взглядов. Экстремистам это не очень нравилось. А потому, после того как шаха отстранили от власти, все его сторонники, кто так или иначе поддерживал шаха, вынуждены были бежать из Ирана, спасая свою жизнь.

– Так он был королем? Может, и в вас тоже течет королевская кровь?

– Все может быть, – улыбнулась Мариам. – Наши персидские монархи сильно отличаются от европейских королевских особ. Сотни людей связаны с монархом родственными узами, как это принято у нас на Востоке... Двоюродные, троюродные и даже четвероюродные

братья и сестры, потом вся многочисленная родня по линии мужа или жены... Словом, куча народа. Но как бы то ни было, а по западным меркам да, моя семья имеет высокое происхождение.

– Вот это да! Получается, что пресс-секретарем у меня работает самая настоящая принцесса!

– Вполне возможно, так оно и было бы, если бы жизнь сложилась по-другому. Если бы, к примеру, я вышла замуж за надлежащего претендента, то могла бы стать и принцессой.

Мне не хотелось огорчать Мариам и говорить, что я просто пошутила, но, глянув на нее еще раз, я поняла, что все, что меня удивляло в ней, неожиданным образом нашло свое объяснение. Иными словами, все встало на свои места. Ее врожденная сдержанность, чувство собственного достоинства, безупречные манеры... Наверное, все эти качества нарабатываются у аристократов столетиями соответствующего воспитания.

– А вы сами, Электра... Откуда родом ваша семья?

– Понятия не имею, – рассеянно бросила я, осушив до дна свой бокал. – Меня удочерили еще в младенческом возрасте.

– И вам никогда не хотелось докопаться до своих настоящих корней?

– Нет, не хотелось. Да и зачем? Какой смысл оглядываться назад? Ведь прошлого нам не дано изменить. Предпочитаю смотреть в будущее.

– О, тогда вам лучше не встречаться с моим отцом. – В глазах Мариам запрыгали веселые чертики. – Он просто обожает рассказывать всяческие истории о том времени, когда жил вместе со своими родителями, моими дедушкой и бабушкой, в Иране. А также о наших предках, людях, которые жили много-много веков тому назад. Все эти семейные предания очень красивые и похожи на сказки. Ребенком я очень любила слушать папины рассказы.

– А меня в детстве развлекали сказками братьев Гримм; там почти в каждой из них обязательно присутствует злая ведьма или противный тролль. Я их страшно боялась, когда была маленькой.

– В наших сказках тоже полно нечистой силы, их у нас называют джиннами. И они тоже творят всякие ужасные вещи по отношению к людям. – Мариам немного отпила воды и глянула на меня поверх ободка стакана. – Папа любит повторять, что наши семейные

предания – это тот ковер-самолет, на котором мы стоим и который помогает нам подняться вверх и научиться летать. Возможно, в один прекрасный день вам тоже захочется узнать историю своей настоящей семьи. А сейчас, если вы не возражаете, Электра, послушайте предстоящий график своих съемок в Париже, который я подготовила для вас.

Спустя час с небольшим Мариам вернулась на свое место и снова принялась печатать, внося в документы те пометки, которые она сделала по ходу нашего разговора. Я же, откинувшись на спинку своего кресла, глянула в окно иллюминатора. Небо потемнело, сгущались сумерки, в Европе скоро наступит ночь. Где-то там, внизу, в этой темноте затерялся и мой родной дом. Вернее, дом, в котором обрели приют несколько разнокалиберных малышей, которых отец подобрал, странствуя по всему свету.

Собственно, меня никогда особо не волновало, что мы с сестрами не родные, но сейчас, наслушавшись рассказов Мариам о своих корнях, наблюдая за тем, как свято она чтит многовековые традиции своего народа, соблюдает их даже на борту самолета, уносящего нас в Париж, я почувствовала нечто, похожее на зависть.

Я вдруг вспомнила про то письмо, которое оставил мне отец и которое сейчас валялось где-то в глубинах моих нью-йоркских апартаментов... А я ведь даже понятия не имею, где конкретно оно может быть. По возвращении домой я так и не удосужилась вскрыть конверт и прочитать письмо. Скорее всего, оно затерялось, и мне уже никогда не узнать историю своего прошлого. Разве что Гофф поможет, это я так называла про себя папиного нотариуса. Может, он прольет свет на мое истинное происхождение... А, да! Еще какие-то цифры, выгравированные на армиллярной сфере. Помнится, Алли сказала, что это координаты, по которым можно определить, откуда мы родом. Внезапно меня охватило нетерпение: захотелось тут же вернуться домой и заняться поисками письма Па Солта, как будто это сейчас самое важное и срочное дело для меня. Хоть проси пилота развернуть самолет в обратном направлении, чтобы я смогла поскорее заняться перетряхиванием всех шкафчиков и шкафов в доме, куда оно могло ненароком завалиться. К тому времени, как я возвратилась в Нью-Йорк после так называемых траурных мероприятий, связанных со смертью отца, потому как он уже все решил заранее и велел похоронить себя в

море еще до того, как все мы, сестры, собрались в Атлантисе, так вот, помню, я вернулась домой в страшно взвинченном состоянии. Была зла на весь белый свет и ничего не хотела знать.

«*Но почему ты злилась тогда, Электра?*» – услышала я в ушах голос своего психотерапевта.

По правде говоря, я и сама не знаю. Впрочем, сколько я себя помню, я всегда на кого-то злилась... или на что-то... С тех самых пор, как научилась ходить и говорить. Вполне возможно, и раньше, еще в грудном возрасте. Все мои сестры обожали рассказывать, какой крикухой я была в младенчестве. Буквально весь дом сотрясался от моих воплей. Но и повзрослев, я не стала лучше. И винить кого-то в моем плохом воспитании не имею права: я получила отменное воспитание. Нас всех растили в любви и заботе. Правда, немного странная семья у нас получилась: все шесть девочек – приемные. На семейных фотографиях мы смотрелись довольно прикольно, такая разномастная компания из представительниц самых разных национальностей и этнических групп. Прямо как на проспектах, рекламирующих одежду модных брендов. Если я когда и спрашивала у отца, почему так получилось, его ответ был всегда неизменным: он специально выбирал каждую из нас и очень гордится всеми нами. Такой отец полностью удовлетворял моих сестер, но только не меня. Потому что я хотела знать, *почему именно он выбрал меня*. Но теперь, после смерти отца, мне уже никогда не получить ответ на свой вопрос.

– Через час приземляемся, мисс Деплеси, – предупредил стюард, снова наполнив мой бокал шампанским. – Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. – Я закрыла глаза. Дай-то бог, чтобы в Париже у меня все прошло хорошо, как и должно быть. И побыстрее бы добраться до гостиницы: мне позарез нужен телефон. Когда я трезвая и не одурманенная кокаином, мои мозги тут же начинают работать: я вспомнила отца, потом всех своих сестер, всю свою жизнь... Не скажу, что эти воспоминания успокаивали. Напротив! Как никогда ранее я остро ощутила собственное одиночество.

* * *

Парижские съемки внесли приятное разнообразие в мои будни, и я действительно получала от них удовольствие. Весна в Париже, особенно в погожие, солнечные дни, божественное по своей красоте время года: утопающие в цвету вишневые деревья, распустившиеся ирисы и пионы, и все вокруг такое чистое, свежее, словно родившееся заново. Моему хорошему настроению поспособствовал и фотограф: он мне сразу же понравился. Мы закончили съемки с опережением графика, после чего с легкой душой отправились вместе с ним ко мне в отель. Для более близкого знакомства, так сказать.

– Что ты там делаешь в этом Нью-Йорке? – поинтересовался у меня Максим на французском, пока мы, лежа в постели, попивали чай из тончайших фарфоровых чашечек. После чего воспользовались подносом для того, чтобы соорудить себе полоску из кокса. – У тебя же европейская душа.

– Вот в этом-то я как раз не совсем уверена, – ответила я со вздохом. – К тому же в Нью-Йорке живет Сюзи, мой агент. Разумнее быть рядом с ней.

– А, твоя «мамочка» из мира высокой моды. Ты хочешь сказать, что она тебя опекает? – насмешливо спросил он. – Но ты уже и сама большая девочка, Электра. Вполне можешь принимать самостоятельные решения. Оставайся в Париже, и тогда у нас с тобой появится возможность чаще заниматься любовью, – добавил он, поднимаясь с кровати и направляясь в ванную комнату, чтобы принять душ.

Я глянула в окно на Вандомскую площадь, заполненную народом: толпы туристов, глазеющие на достопримечательности или прочесывающие шикарные магазины, расположенные рядом. Задумалась над словами Максима. А ведь, в сущности, он прав, я могу жить где угодно; какая разница, где мне квартировать, коль скоро большую часть своего времени я провожу в разъездах, путешествуя по всему миру?

– И где он, твой дом? – прошептала я, внезапно почувствовав страшную усталость при мысли о том, что надо возвращаться в Нью-Йорк, в свой огромный, пустынный и бездушный пентхаус. И в ту же минуту схватила мобильник и набрала номер телефона Мариам.

– Что у меня запланировано на завтра в Нью-Йорке?

– Завтра в семь часов вечера у вас ужин с Томасом Аллебахом, который возглавляет службу маркетинга в своей компании. Это в рамках вашего контракта по рекламе их парфюмерии, – тут же доложила мне Мариам.

– Прекрасно! – отозвалась я, вспомнив, что за последние несколько месяцев, уже после того, как меня бросил Митч, у нас с Томасом было несколько свиданий, очень приятных во всех отношениях. – А на воскресенье что?

– В моем рабочем дневнике нет никаких пометок касательно воскресного дня.

– Вот и хорошо! Тогда отмените завтрашний ужин с Томасом. Скажите ему, что съемки немного затянулись... Ну, или придумайте какую-нибудь другую убедительную отговорку. Потом перерегистрируйте наш рейс на вечер воскресенья и продлите бронь на мой номер еще на пару ночей. Хочу задержаться в Париже немного подольше.

– Понимаю! Такой прекрасный город. Я перезвоню вам, как только улажу все вопросы.

– Спасибо большое, Мариам.

– Да нет проблем.

– Ну вот! Я остаюсь в Париже еще на пару дней, – тут же доложила я Максиму, едва он появился из дверей ванной комнаты.

– Какая жалость! Это я к тому, что на выходные мне нужно уехать из Парижа. Если бы я знал об этом раньше...

– Ничего страшного, – постаралась я скрыть свое разочарование. – В скором будущем я опять нагрюну в Париж.

– Только обязательно предупреди меня заранее, ладно? – бросил он через плечо, напяливая на себя брюки. – Досадно, но я не могу проигнорировать это приглашение. Речь идет о свадьбе моего друга. Прости, Электра, что так вышло.

– Говорю же тебе, ничего страшного. Я остаюсь в Париже ради самого Парижа, а не ради тебя, – выдавила я из себя некое подобие улыбки.

– И Париж платит тебе за это любовью. Я тоже люблю тебя. – Максим запечатлел мимолетный поцелуй у меня на лбу. – Хороших тебе выходных, и оставайся на связи, ладно?

– Обязательно.

Как только Максим ушел, я высыпала себе еще одну дорожку из кокса, для поднятия настроения, так сказать, а потом задумалась, чем бы мне заняться в Париже в предстоящие два дня. Но, как и в большинстве крупных городов, здесь меня тоже поджидала одна опасность: ведь стоит мне выйти из вестибюля отеля «Ритц», как меня сразу же узнают: наверняка кто-то тут же сообщит прессе – и вокруг меня моментально соберется толпа папарацци. Не очень-то мне и нужен такой антураж.

Рука моя сама собой потянулась к мобильнику. Надо перезвонить Мариам и отыграть все назад. Но в этот момент, словно по волшебству, телефон зазвонил сам.

– Электра, это Мариам. Хочу сообщить вам, что я переоформила наш вылет из Парижа на вечер воскресенья, а также продлила ваше проживание в отеле.

– Спасибо.

– Вам зарезервировать место в каком-нибудь ресторане на вечер?

– Нет, не надо. Я...

Неожиданно для меня самой глаза мои наполнились слезами.

– С вами все в порядке, Электра?

– Да, все чудесно.

– А вы... вы сейчас заняты?

– Нет, я свободна.

– Тогда можно мне подбежать к вам? Тут мне Сюзи переслала пару контрактов. Нужна ваша подпись.

– Конечно, приходите.

Спустя несколько минут в моем номере появилась Мариам, мгновенно заполнив комнату чудесным ароматом, который источало ее тело. Я подписала все необходимые документы, а потом с унылым видом уставилась в окно: на Париж уже опускался вечер.

– Как собираетесь провести вечер? – поинтересовалась у меня Мариам.

– Понятия не имею. Пока никаких планов. А вы?

– Тоже ничего определенного. Приму ванну и улягусь в постель с хорошей книгой.

– Вообще-то мне бы хотелось прогуляться по городу, в частности, побывать в том кафе, в котором я когда-то работала официанткой...

Поужинать, как все нормальные люди. Однако я категорически не хочу, чтобы кто-то узнал меня.

– Понимаю, – негромко обронила Мариам. Какое-то время она молча разглядывала меня, а потом поднялась со своего места. – У меня тут возникла одна идея. Подождите немного.

Она быстро вышла из номера и через несколько минут появилась снова с шарфом в руках.

– Можно, я наброшу его на вас? Взгляну, как это будет смотреться.

– Набросите мне на плечи? – спросила я.

– Нет, Электра. Я укутаю шарфом вашу голову, как делаю со своей головой. Обычно люди сторонятся женщин, которые носят хиджаб. Это тоже одна из причин, по которой многие женщины-мусульманки предпочитают именно такой головной убор. Так что? Попробуем?

– Ладно. Хиджаб – это, пожалуй, единственный головной убор, который я еще никогда не примеряла.

Я уселась на краешек кровати, а Мариам принялась туго пеленать мою голову шарфом, потом расправила концы шарфа по плечам и скрепила там, где нужно, булавками.

– Ну вот, готово! Взгляните на себя в зеркало.

Я послушно посмотрела в зеркало и поразились произошедшей со мной перемене. Можно сказать, я сама себя не узнала.

– Хорошо! Очень хорошо! Но что мы будем делать со всем остальным? С моей фигурой?

– Сейчас что-нибудь придумаем. Вы взяли с собой какие-нибудь темные брюки или леггинсы?

– Только черные спортивные штаны, в которых я летела сюда.

– Сойдут! Натягивайте их на себя, а я пока снова отлучусь, принесу кое-что еще.

Я стала переодеваться. Вскоре Мариам опять возникла передо мной с какой-то одежкой на руке. Развернула наряд, и я увидела, что это дешевая хлопчатобумажная блузка в цветочек, скорее даже платье-халат с длинными рукавами.

– Вот, прихватила с собой на всякий случай, если бы надо было выбраться в какое-то приличное место. Я эту блузку берегу для особых мероприятий, но сегодня с удовольствием одолжу ее вам.

– Боюсь, она мне не подойдет.

– А мне кажется, она вам будет впору. У нас ведь приблизительно один размер одежды. Вообще-то я ношу этот наряд, как платье, но думаю, в вашем случае это будет отличная маскировка. Такое коротенькое платье-рубашка без пояса. Ну же, примерьте! – скомандовала она.

Я повиновалась. Мариам оказалась права. Рубашка отлично подошла мне в груди, а по длине оказалась на уровне бедер.

– Самое то! Вот сейчас голову даю на отсечение, вас никто не узнает. Самая настоящая мусульманка!

– А что на ноги? У меня же с собой только туфли-лодочки и лабутены.

– Надевайте кроссовки, в которых вы были в самолете, – предложила Мариам с ходу и показала глазами на мой чемодан. – Можно?

– Само собой, – кивнула я в ответ, продолжая разглядывать собственное отражение в зеркале. Хиджаб и простенькое ситцевое платье действительно сотворили чудо, преобразив меня до неузнаваемости. Воистину, нужен орлиный глаз, чтобы узнать в этом новом образе меня прежнюю.

– Вот теперь порядок! – удовлетворенно хмыкнула Мариам, наблюдая за тем, как я переобуваюсь в кроссовки. – Трансформация полная. Правда, еще одна мелочь... Можно заглянуть в вашу косметичку?

– Пожалуйста.

– Сейчас мы немного подведем вам веки. Закройте глаза, пожалуйста.

Я молча закрыла глаза и тут же мысленно перенеслась в то далекое время, когда мы, все шесть сестер, отправлялись каждое лето вместе с отцом в наш ежегодный круиз на его яхте. Помню, мы спускались на берег в каждом порту, где останавливались, чтобы отужинать в тамошнем ресторане. В те годы я была еще совсем ребенком, а потому, сидя на кровати, лишь наблюдала со стороны за тем, как моя старшая сестра Майя помогает наводить вечерний марафет моей следующей по старшинству сестре Алли.

– У вас такая нежная кожа, – вздохнула Мариам. – Она буквально светится изнутри. Вот сейчас я убеждена на все сто, что сегодня вечером к вам никто не пристанет.

– Уверены в этом?

– Да. Но сейчас проверим нашу маскировку в деле. Спускайтесь на ресепшн, посмотрим, как там отреагируют на ваше появление. Готовы?

– Готова. Почему нет? – Я схватила с кресла брендовую кожаную сумочку от «Луи Виттон» и в тот же момент была остановлена своим пресс-секретарем.

– Все, что вам нужно, давайте мне. Я положу в свою сумку, – предложила она, жестом указав на свою дешевую коричневую сумку из искусственной кожи, которую повесила через плечо. – Итак, вперед?

– Вперед!

В кабинке лифта, помимо нас с Мариам, было еще трое, но никто из пассажиров и глазом не повел в мою сторону. Мы прошествовали через вестибюль, консьерж на выходе из отеля скользнул по нам обоим безразличным взглядом и снова уткнулся носом в свой компьютер.

– Вот это да! – прошептала я, открывая входную дверь. – Кристоф же знает меня сто лет! И не узнал!

Мы вышли на крыльцо, и Мариам обратилась к швейцару.

– Нам нужно такси до Монмартра, – сказала она на вполне сносном французском.

– *D'accord, mademoiselle*, но тут уже образовалась очередь из желающих. Придется подождать минут десять.

– Хорошо, мы подождем.

– Я уже забыла, когда в последний раз стояла в очереди на такси, – негромко пробормотала я.

– Добро пожаловать, Электра, в настоящую жизнь, такую, какая она есть на самом деле, – улыбнулась в ответ Мариам. – А вот и наша очередь подошла.

Минут через двадцать мы с ней уже сидели за столиком в том самом кафе, где я когда-то работала. Нам достался не очень хороший столик: он был буквально втиснут между двумя остальными, и мне было слышно каждое слово из тех разговоров, которые вели наши соседи за этими столиками. Я продолжала есть глазами Жоржа, который когда-то, лет десять тому назад, нанял меня к себе на работу официанткой, но он даже не глянул в мою сторону.

– Ну, и каково это – почувствовать себя человеком-невидимкой? – поинтересовалась у меня Мариам после того, как я заказала себе

полграфина легкого домашнего вина.

– Пока еще не могу определиться со своими ощущениями. Но в целом прикольно, хотя и непривычно.

– Зато какая свобода!

– Да. Мне понравилось ходить по улицам неузнанной. Хотя везде есть свои плюсы и минусы, правда?

– Да, вы правы. Но потом, ваш случай, он особый. Думаю, вы привыкли к тому, что на вас все и всегда пялятся... Так ведь было еще до того, как вы стали знаменитой.

– Пожалуй. Но в любом случае, когда я работаю, такое повышенное внимание к моей особе меня очень нервирует, даже если люди настроены доброжелательно. В эту минуту я сама себе кажусь таким диковинным черным жирафом!

– Думаю, это повышенное внимание к вам связано с тем, что вы очень красивы, Электра. А вот на меня, особенно после тех сентябрьских событий 2001 года, везде смотрят косо, где бы я ни появилась. Ну, вы же понимаете! Сегодня каждый мусульманин – это, прежде всего, потенциальный террорист. – Мариам грустно улыбнулась и отхлебнула немного воды из своего стакана.

– Да, есть такое! Наверное, вам приходится непросто.

– Да, непросто. Но при любом режиме, политическом или религиозном, народ, *все те люди*, которые ходят по улицам, хотят жить в мире. Печально, но факт: очень часто, увидев на моей голове хиджаб, люди судят обо мне еще до того, как я успела открыть рот.

– А вы хоть иногда появляетесь на улице без хиджаба?

– Никогда. Хотя папа не раз советовал мне не надевать хиджаб, если я иду на какое-нибудь собеседование. Говорит, это сразу может отпугнуть потенциальных работодателей.

– Может, стоит прислушаться к его совету? Попытаться стать другой, хотя бы на пару часиков. Вот как я сегодня. Тогда и вы тоже почувствуете вкус свободы.

– Наверное, вы правы, но пока я вполне счастлива в том облике, который у меня есть. Что будем заказывать?

Мариам подозвала официантку и продиктовала ей на французском наш заказ.

– В вас уйма скрытых талантов, – пошутила я. – Где вы научились так хорошо говорить по-французски?

– Французский я учила в школе, а потом еще окончила курсы, когда работала у Бардина. Поняла, что в мире высокой моды без знания французского никак не обойтись. Наверное, у меня есть кое-какие способности к языкам. Много я воспринимаю на слух. Вот, к примеру, я уже успела заметить, что на французском вы говорите совершенно иначе, чем на английском. Просто совсем другой человек.

– Как это понимать? – тут же насторожилась я.

– Нет-нет, не подумайте! Ничего плохого! – поспешила Мариам успокоить меня. Просто, когда вы говорите на английском, у вас ярко выраженный американский акцент, и ваша речь звучит как-то очень обыденно, словно между прочим... А вот на французском... вы производите впечатление серьезного человека.

– Вот мои сестры посмеялись бы от души, если бы услышали, что вы меня назвали серьезным человеком, – невольно рассмеялась я сама.

За ужином, уплетая мидии мариньер в белом вине вприкуску со свежим хрустящим хлебом, кажется, только французы знают, как печь такой хлеб, я стала расспрашивать Мариам о ее семье. Было совершенно очевидно, что она обожает всех своих младших братьев и сестер. Мне даже стало немного завидно при виде ее глаз, в которых светилась такая искренняя любовь.

– Поверить не могу в то, что в следующем году моя младшая сестра уже выходит замуж. А меня родители называют не иначе как «старой девой», – рассказывала Мариам с улыбкой на устах, когда мы приступили к десерту, заказав себе вкуснейший яблочный пирог под названием «тарт татен». Я постаралась не прислушиваться к угрызениям совести по поводу переизбытка калорий, успокоив себя тем, что завтра с самого утра займусь интенсивной гимнастикой прямо в номере.

– А вы подумываете о замужестве? – спросила я у Мариам.

– По правде говоря, нет. Я определенно еще не чувствую себя готовой к тому, чтобы обзавестись собственной семьей. Наверное, потому, что своего «единственного» я пока не встретила. Позвольте и мне поинтересоваться у вас: вы были когда-нибудь влюблены?

Вопрос, конечно, чересчур прямолинейный, обычно я не поощряю такие вопросы от посторонних, но сегодня вечером вполне даже позволительный. В конце концов, сегодня мы просто две девушки, сидим вместе за ужином и сплетничаем обо всем на свете.

– Была. Знаете, такой опыт... Не думаю, что мне захочется влюбиться когда-нибудь снова.

– Все закончилось плохо, да?

– Еще как плохо! – вздохнула я. – Разбил мне сердце, вывернул наизнанку всю душу. Словом, бросил меня по уши в дерьме. Вот как бывает.

– Я уверена, Электра, что вы еще встретите свою судьбу. Этот человек есть, и вы с ним обязательно найдете друг друга.

– Вот сейчас вы рассуждаете точь-в-точь, как моя сестра Тигги. Она у нас очень одухотворенный человек и всегда видит во всем только хорошее.

– Вполне возможно, она права. Да и я тоже. У каждого в этом мире есть своя вторая половинка. Я лично верю в это.

– Вопрос лишь в том, как этим двум половинкам встретиться. Мир ведь огромен.

– Это правда, – согласилась со мной Мариам и неожиданно сладко зевнула. – Прошу простить меня. Плохо спала минувшую ночь. На меня все эти дальние перелеты действуют плохо.

– Тогда уходим. Сейчас только рассчитаюсь. – Я махнула рукой официанту, подзывая его к себе. Но парень полностью проигнорировал мой жест.

– Что за грубиян нам попался! – разозлилась я, когда и через пять минут он так и не соизволил подойти к нам.

– Вы же видите, Электра, он сейчас занят. Обслуживает других клиентов. Подойдет, когда освободится. Терпение – это, знаете ли, величайшая добродетель.

– Ну, этой добродетели у меня точно никогда не было, – пробормотала я, пытаюсь обуздать свой гнев.

– Ну вот, – обронила Мариам, выходя из ресторана после того, как официант соблаговолил наконец обратить свое внимание на нас, – сегодня я поняла еще кое-что про вас. Вы не любите, когда вас игнорируют.

– Чистая правда! А как же иначе? В семье, где целых шесть девочек, надо иметь громкий голос, чтобы докричаться, чтобы тебя услышали. Слава богу, у меня голос громкий, – издала я короткий смешок.

– Сейчас попытаемся поймать такси и напрямиком к себе в отель...

Но я уже не слушала Мариам. Мое внимание привлек молодой мужчина, одиноко сидящий за столиком на тротуаре с рюмкой коньяка в руке.

– О, боже! Не может быть! Это же... – прошептала я.

– Кто?

– Вон тот мужчина. Я его хорошо знаю. Он работает у нас дома в Атлантиде.

Я подошла к столику и буквально зависла над ним, чтобы он наконец заметил мое присутствие.

– Кристиан.

Он уставился на меня в полнейшем недоумении, растерянно моргая глазами.

– *Pardon, mademoiselle*, мы с вами знакомы? – обратился он ко мне на французском.

Я склонилась еще ниже и прошептала ему на ухо:

– Конечно, знакомы! Ты, идиот! Это же я, Электра!

– *Mon Dieu!* Конечно же, это ты, Электра! Мой...

– Тише! Не видишь разве, я замаскировалась!

– Прямо скажем, отлично замаскировалась. Но сейчас-то я точно вижу, что ты – это ты.

В этот момент я обратила внимание на то, что Мариам нерешительно мнетя у меня за спиной.

– Мариам, это – Кристиан. Он... он, можно сказать, член нашей семьи. – Я с улыбкой посмотрела на Кристиана. – Мы тебя не потревожим, если сядем за твой столик и тоже закажем себе что-нибудь из выпивки? *Такая неожиданность* – встретить тебя здесь.

– Прошу простить меня, но я, пожалуй, лучше вернусь к себе в гостиницу. В противном случае я рискую уснуть прямо на ногах. Рада была познакомиться с вами, Кристиан. *Bonne soiree*. – Мариам попрощалась коротким кивком головы, а потом повернулась, пошла от нас прочь и вскоре затерялась в толпе гуляющих, заполнивших оживленные улицы Монмартра.

– Так мне можно присоединиться к тебе? – повторила я свой вопрос.

– Конечно, что за разговоры! Присаживайся, пожалуйста. Сейчас я закажу тебе рюмку коньяка.

Кристиан махнул рукой молоденькой официантке, обслуживающей столики на улице перед входом в кафе. Когда-то, еще подростком, я была сильно влюблена в него, что и понятно. Ведь он был единственным мужчиной моложе тридцати, с которым я могла столкнуться, живя в Атлантиде. И вот минуло десять лет, но Кристиан совсем не изменился. И тут до меня дошло, что я ведь даже не знаю, сколько ему лет на самом деле. «*Да и вообще, – подумала я виновато, – а что я о нем знаю?*»

– Итак, рассказывай! Что ты здесь делаешь?

– Я... да так, ничего... Вот навещал одного своего старого приятеля.

– Понятно, – кивнула я, хотя у меня моментально возникло сильное подозрение, что Кристиан лжет. – А знаешь, ведь это именно Ма нашла мне квартиру, кстати, неподалеку отсюда, когда я впервые попала в Париж. Когда-то я работала официанткой в этом кафе. Сколько воды утекло с тех пор.

– Ты права, Электра. Почти десять лет прошло. А вот и твой коньяк. *Santé!*

– *Santé!* – Мы чокнулись, и оба сделали по большому глотку.

– А могу я поинтересоваться, с чего это ты вдруг решила обрядиться в хиджаб, чтобы прогуляться по Монмартру?

– Это все Мариам придумала. Она работает у меня пресс-секретарем. Я пожаловалась ей, что не могу никуда выйти, потому что меня тотчас же узнают. Вот она и устроила мне маскарад, чтобы мы могли спокойно поужинать вместе.

– И тебе понравилось в чужом обличье?

– Если честно, то не уверена. Но, в любом случае, сама затея неплохая. Вот мы сейчас сидим с тобой, спокойно разговариваем, и нам никто не мешает. А появись я здесь без маскировки, это было бы практически невозможно. С другой стороны, немного напрягает, что тебя никто в упор не видит.

– Да, наверное, тебя это должно раздражать, – согласился со мной Кристиан и снова отхлебнул из своей рюмки. – Ну, как поживаешь, Электра? Как дела?

– Все нормально. – Я слегка пожала плечами. – А как там Ма? Клавдия?

– О, у них тоже все хорошо. Пока на здоровье никто из них не жалуется.

– А я вот часто думаю о них. Чем они сейчас, бедняжки, заполняют свои дни, оставшись одни в пустом доме. Папы больше нет, мы все разъехались кто куда.

– О, вот за это переживать как раз-то не стоит, Электра. Работы у них хватает, более чем.

– А у тебя?

– Ну, ты же знаешь, в имении всегда найдется работа и для меня. К тому же редкий месяц обходится без того, чтобы к нам не нагрянул кто-то из вас, сестер. Вот и сейчас в Атлантике гостит Алли со своим очаровательным сынишкой Бэрром.

– Представляю, Ма, наверное, на седьмом небе от счастья.

– Думаю, ты права. – Кристиан одарил меня одной из своих редких улыбок. – Ведь он же первый представитель следующего поколения Деплеси. А Марина снова почувствовала себя нужной. Так приятно видеть ее счастливой.

– А как Бэр? Мой племянник, – добавила я, сама удивившись этому не привычному пока для меня слову.

– Само совершенство! Впрочем, как все новорожденные малыши.

– Плачет? Хоть иногда? – многозначительно поинтересовалась я.

Собственно, Кристиан был тем человеком, который обслуживал меня и сестер. В таком качестве я его и воспринимала всегда. Но сегодня он предстал передо мной в каком-то новом облике, и эта перемена в нем меня почему-то немного нервировала.

– Бывает, что и плачет. А как же иначе? Все маленькие детки плачут.

– А помнишь, какие концерты устраивала я, когда была маленькой?

– Когда ты была младенцем, Электра, мне самому было только девять лет.

«Ага! Значит, сейчас Кристиану около тридцати четырех...»

– Но я хорошо помню, я была еще совсем маленькой, а ты уже рулил нашим катером.

– Да, но рядом со мной всегда в такие минуты был твой отец. Он оттачивал мое профессиональное мастерство, учил всем

премудростям, чтобы сделать из меня заправского шкипера, который может работать самостоятельно.

– О, боже! – воскликнула я, поднеся руку ко рту, когда вспомнила один давний эпизод. – А помнишь тот случай, когда я сбежала из школы лет в тринадцать и вернулась в Атлантис? А папа тогда проявил строгость и велел отправляться обратно, сказал, что дает мне еще один шанс начать все сначала. А я категорически не хотела возвращаться в эту школу и тогда сиганула через борт прямо посреди Женевского озера, решив вплавь добраться до берега.

Кристиан ласково глянул на меня своими карими глазами. Значит, помнит!

– Как я могу забыть такое! Ты же тогда едва не утонула. Бросилась в воду, даже не подумав снять с себя пальто, и сразу же ушла под воду. Какое-то время я даже не мог обнаружить, где ты... – Кристиан сокрушенно покачал головой. – Это было ужасно! Одно из самых страшных мгновений в моей жизни. Если бы я тогда тебя не нашел...

– Понимаю! Папа бы с ума сошел от горя, – согласилась я несколько легкомысленным тоном, попытавшись как-то разрядить обстановку. Потому что у Кристиана было такое выражение лица, будто он вот-вот разрыдается.

– Я бы себе этого никогда не простил, Электра.

– Что ж, зато эта моя выходка сработала, хоть и частично. В течение нескольких следующих дней папа не настаивал на моем возвращении в школу.

– Это так.

– Как долго собираешься еще пробыть в Париже?

– Завтра уезжаю. А ты?

– Улетаю в воскресенье вечером. Вообще-то мне нужно было улетать уже сегодня после обеда, но тут у меня нарисовалась одна встреча, – коротко пояснила я, не вдаваясь в подробности.

– Так поехали со мной в Атлантис, познакомишься со своим племянником. Я ведь приехал сюда на машине, так что свободное место есть. Представляю, как все обрадуются твоему приезду.

– Думаешь? – Я с сомнением покачала головой. – Что-то верится с трудом.

– Не говори ерунды, Электра! Марина с Клавдией только о тебе и говорят. Они ведь даже специальный альбом завели, куда вклеивают все твои снимки и публикации о твоих фотосессиях.

– Правда? Круто! Может быть, как-нибудь и заскочу. В другой раз...

– Если передумаешь, то у тебя есть номер моего телефона, верно?

– Конечно, есть! – улыбнулась я в ответ. – Я его наизусть помню. Можно сказать, он навеки запечатлелся в моей памяти. Как только у меня в школе случилось что-нибудь плохое, я знала, ты сию же минуту придешь на помощь и выручишь меня.

– Пожалуй, мне пора к себе. Завтра у меня ранний подъем. – Кристиан жестом подозвал к себе официантку, чтобы рассчитаться за выпивку.

– А где ты остановился? – спросила я у него.

– Представь себе, в том же самом доме, в котором ты когда-то жила. Ведь его владелицей является приятельница Марины.

– Даже так? А я и не знала. – Что-то смутное всплыло в моей памяти о прежней парижской домовладелице – древняя старуха с явными следами злоупотребления абсентом и сигаретами.

– В любом случае, – сказал Кристиан, поднимаясь со своего места, – если передумаешь, дай мне знать. Я выезжаю ровно в семь. А сейчас позволь, я поймаю тебе такси.

Мы направились к проезжей части. Хорошо хоть Кристиан такого же роста, что и я, мелькнуло у меня. И фигура у него что надо! Вон какой мощный торс просматривается под белоснежной рубашкой. Пока он ловил мне такси, я вдруг с удивлением подумала, что сейчас испытываю те же самые чувства, что и в те далекие времена, когда он отвозил меня в школу: глядя вслед его отъезжающей машине, мне тогда хотелось лишь одного – запрыгнуть назад в машину и быть рядом с ним.

– А ты где остановилась, Электра?

– В «Ритце», – ответила я, усаживаясь на заднее сиденье такси.

– Рад был встрече с тобой. Береги себя, ладно?

– Обещаю, буду беречь! – выкрикнула я в окошко, когда машина рванула с места.

Когда где-то через полчаса я с наслаждением нырнула в постель, до меня внезапно дошло, что за всю вторую половину дня, которую я

провела в обществе Мариам, меня ни разу не потянуло на кокс. И от этой мысли мне стало особенно хорошо.

К своему величайшему раздражению, на следующее утро я проснулась ровно в пять. Попыталась уснуть, приняв таблетку снотворного. Безрезультатно! Мой мозг отказывался погружаться в сон. Я лежала в постели, представляя, какими скучными и пустыми будут для меня предстоящие выходные в Париже: быстро перебрала в памяти телефоны всех друзей-приятелей, чьи номера были забиты в моем мобильнике. Может, найдется хоть кто-то, кто поможет мне скрасить одиночество? И вдруг поняла, что мне не хочется видеть никого из них. Совсем не горю желанием делать над собой усилие, чтобы предстать перед всеми этими людьми в образе Электры-супермодели. Кажется, мне все же нужна передышка, пусть и самая короткая.

«Вот только не хочется коротать это временное бездействие в одиночестве...» Я бросила взгляд на часы, стоявшие на прикроватной тумбочке. Казалось, время остановилось: светящиеся циферки сообщили мне, что еще даже нет шести утра.

И тут я подумала, а что, если рвануть в Атлантис? Увижусь с Ма, с Клавдией, пошатаюсь по дому, погуляю по парку в старых спортивных брюках, которые я специально храню для таких прогулок в нижнем ящике комода в своей спальне. И мне не надо будет ни перед кем притворяться, что-то изображать из себя. Дома меня примут такой, какая я есть...

Я тут же набрала номер Кристиана, пока не передумала.

– Доброе утро, Электра, – услышала я его голос.

– Привет, Кристиан. Знаешь, я тут подумала и решила, поеду-ка я вместе с тобой в Атлантис.

– Замечательно! Вот Марина с Клавдией обрадуются. Тогда где-то через час я подхватчу тебя возле отеля «Ритц». Договорились?

– Отлично! Спасибо.

Потом я отбила эсэмэску Мариам.

«Вы уже проснулись?»

«Да. Нужна моя помощь?»

«Пожалуйста, перезвоните мне».

Вскоре раздался ее звонок. Я объяснила Мариам, что хотела бы вернуться в Штаты не из Парижа, а из Женевы.

– Не вижу никаких проблем, Электра. Мне забронировать вам номер в тамошнем отеле?

– Нет. Я еду к себе домой. Хочу провести немного времени в семье.

– Прекрасная мысль! – ответила она с необыкновенной теплотой в голосе: я поняла, что она в этот момент улыбается. – Я свяжусь с вами, как только урегулирую все вопросы.

– А что вы сами, Мариам? – Внезапно до меня дошло, что я бросаю ее одну в этом большом городе. – Вам будет комфортно в Париже одной? Если хотите, можете лететь домой прямо сегодня, воспользуйтесь для этого моей кредитной картой. Я разрешаю.

– Спасибо, не надо, Электра. Я с удовольствием проведу выходные в Париже. Вот сегодня планирую навестить Бардина во второй половине дня, если у вас нет никаких поручений ко мне на это же время. А завтра отправлюсь в Женеву и уже вечером встретимся с вами прямо в аэропорту.

Я на скорую руку соорудила кокаиновую полоску из того пакетика, что мне оставил Максим, потом побросала свои вещи в чемодан и рюкзак и уже после того, как собралась в дорогу, заказала себе в номер легкий перекус: французскую сдобу и фрукты в надежде на то, что избыток углеводов поднимет мой тонус и мне немного полегчает. После завтрака вызвала коридорного, чтобы он отнес мои вещи вниз. Нацепила на нос огромные солнцезащитные очки (помню, Сиси однажды сказала, что в этих очках я похожа на навозную муху) и проследовала за своим багажом на выход, где меня в комфортабельном салоне «мерседеса» уже поджидал Кристиан. При виде меня он вышел из машины, поздоровался и открыл заднюю дверцу, но я отрицательно покачала головой.

– Я поеду на переднем сиденье, если не возражаешь.

– Конечно, не возражаю! Усаживайся! – Он открыл мне переднюю дверцу.

Пока я возилась, усаживаясь поудобнее на переднем сиденье рядом с водителем, я в полной мере вдохнула в себя знакомые с

детства запахи: запах кожаной обивки, аромат освежителя воздуха и едва уловимый запах лимона – так всегда пахло от папы. Я с раннего детства привыкла разъезжать в наших семейных авто, и в них всегда пахло именно так, как сегодня в этом новеньком «мерседесе». Все осталось прежним, хотя папы больше нет. Но вот запах... он для меня словно само олицетворение родного дома и надежного тыла. Если бы я могла закупорить этот аромат в бутылку, я бы обязательно так и сделала.

– Ну, как тебе, Электра? Удобно? – поинтересовался у меня Кристиан, включая мотор.

– Все хорошо, спасибо.

– Мы проведем в дороге где-то около пяти часов, – сказал он, плавно отъехав от парадного крыльца отеля «Ритц».

– Ты уже сообщил Ма, что я приеду?

– Да. Она сразу же поинтересовалась, есть ли у тебя какие-то специальные требования по диете.

– Я...

Тут до меня дошло, что когда я была в Атлантике в последний раз, то пила за завтраком преимущественно зеленый чай. Я ведь тогда еще встречалась с Митчем, а потому самозабвенно занималась очищением своего организма. Митч, он ведь был весь такой чистенький, скрипучий до блеска, никакой наркоты... Но я на всякий случай все же прихватила с собой бутылку водки: а вдруг сорвусь и не совладаю с собой? Собственно, так оно и случилось, что вполне понятно, учитывая все тогдашние обстоятельства – впервые Атлантика предстал перед нами без папы. А тут еще и поминки без похорон.

– Как ты, Электра? Все хорошо?

– Все отлично. Спасибо. Кристиан!

– Что?

– Ты папу возил много куда?

– Не так уж и много. Главным образом, в аэропорт в Женеве, где у него всегда стоял наготове личный самолет.

– И ты знал, куда он собирался лететь?

– Иногда был в курсе.

– И куда же?

– О, в самые разные места, разбросанные по всему земному шару.

– А ты знал, чем он конкретно занимался?

– Нет, Электра. Он ведь был очень закрытым человеком.

– Что правда, то правда, – невольно вздохнула я. – А тебе не кажется странным, что никто из нас не знает о том, чем занимался наш отец? Помню, в детстве другие девочки рассказывали, что у них отец владелец какого-то магазина, или юрист, или кто-то еще, и только я не могла ничего сказать, потому что понятия не имела, что за профессия у моего папы.

Кристиан молчал, всецело сосредоточившись на дороге. *«И все же наверняка он знает больше, чем говорит»*, – подумала я. Личный шофер отца плюс шкипер на его катере.

– Знаешь что?

– Что, Электра? – широко улыбнулся Кристиан. – Скажи – и буду знать.

– Помню, когда у меня в школе случались неприятности, а они случались регулярно, ты всегда приезжал за мной на машине и забирал домой, и тогда мне казалось, что ты и твоя машина – это самое безопасное место на земле. Так вот, я и сегодня так думаю.

– А что это такое – безопасное место?

– Своего рода психотерапия, воспоминания, которые делают тебя счастливой. Вот я, к примеру, часто вспоминаю, представляю себе, как ты приезжаешь за мной и увозишь меня куда-нибудь далеко-далеко.

– Тогда я весьма польщен. – Кристиан одарил меня еще одной широкой и абсолютно искренней улыбкой.

– А как ты попал к отцу на работу? – не успокоилась я со своими расспросами.

– Твой отец знал меня, можно сказать, с детства. Я ведь жил... почти рядом, и он помогал мне. И моей матери тоже... Много помогал.

– Ты хочешь сказать, что он для тебя что-то вроде отца?

– Пожалуй, – ответил Кристиан после короткой паузы. – Так оно и есть.

– Так, может, ты и есть та наша таинственная седьмая сестра, которая так и не появилась в Атлантиде? – рассмеялась я.

– Твой отец был очень добрым человеком. Его уход – это огромная утрата для всех нас.

«Был ли Па Солт добрым, или же он просто все и всегда держал под контролем? А может, и то и другое?» – задумалась я. Между тем

мы уже миновали окраины Парижа и выехали на широкую автостраду, ведущую в Женеву. Я откинула спинку сиденья и закрыла глаза.

3

– Электра, мы уже на пристани, – услышала я негромкий голос прямо у себя над ухом.

Проснувшись и заморгала глазами, щурясь от яркого света, лишь через пару секунд поняв, что это солнечные блики, скользящие по водной глади Женевского озера.

– Ничего себе! Продрыхла целых четыре часа! – изумленно воскликнула я, выбираясь из машины. – Говорю же тебе, ты и есть мое самое безопасное место на свете, – улыбнулась я Кристиану, хлопотавшему возле багажника. – Я возьму с собой только рюкзачок. Остальные вещи пусть лежат в машине до завтрашнего вечера.

Кристиан запер машину и повел меня по понтону к тому месту, где был пришвартован наш катер. Подал мне руку, помогая забраться на борт, и быстро занялся своими делами, готовя катер к отплытию. Я устроилась на корме, на мягком кожаном диване. Подумала, что всякий раз, возвращаясь в Атлантис, я невольно волнуюсь в предвкушении встречи с родным домом. Впрочем, когда я уезжаю из Атлантиса, то всегда испытываю на обратном пути нечто, отдаленно похожее на чувство облегчения.

«Но, может, в этот раз все будет по-другому», – мысленно сказала я себе и тут же вздохнула. *Потому что всякий раз я повторяю себе это же самое напутствие.*

Кристиан включил двигатель, и мы отправились в короткое путешествие к дому моего детства. День был теплым и солнечным, хотя на дворе еще только конец марта. Мне было приятно ощущать солнечные лучи на своем лице, мои волосы, подхваченные легким бризом, рассыпались по спине.

Как только мы приблизились к полуострову, на котором стоял Атлантис, я тут же стала выгибать шею, чтобы уже издалека рассмотреть наш дом, окруженный со всех сторон деревьями. Красивый дом, ничего не скажешь. Самый настоящий замок из какой-нибудь диснеевской сказки. *«И совершенно не похож на отца»*, – тут же подметила я про себя. Он ведь был аскетом во всем, достаточно

вспомнить его более чем скромный гардероб. Насколько я помню, всю свою жизнь он проходил в трех пиджаках: льняной – на лето, пиджак из твида – на зиму и еще один из какого-то непонятного сукна – на межсезонье. Обстановка в его спальне была такой скудной, что комната больше смахивала на жилище священника. Иногда я думала, может, отец искупает таким образом свою вину за какое-то давнее преступление, совершенное им много лет тому назад... Кто знает, кто знает... Мы уже приблизились вплотную к пристани рядом с Атлантисом, а я все еще продолжала размышлять над теми парадоксами, которыми полнилась обыденная жизнь Па Солта. Во всяком случае, обстановка его спальни и его гардероб находились в явном противоречии со всем остальным, что было в нашем доме.

Ма уже поджидала нас, стоя на берегу, и экзальтированно махала мне рукой. Как всегда, в безупречном наряде. Я отметила про себя, что на ней юбка из буклированной ткани от «Шанель»; эту модель я высмотрела на стойке для образцов в ходе одного из модных показов, зная заранее, что Ма понравится юбка.

– Электра! *Cherie!* Какой приятный сюрприз! – воскликнула Ма, приподнимаясь на цыпочках, в то время как я наклонилась к ней, чтобы она могла расцеловать меня в обе щеки и обнять за плечи. Потом Ма отступила на шаг назад и окинула меня взглядом. – Хороша, как всегда! Правда, мне кажется, ты сильно похудела. Но ничего! У Клавдии уже все готово для того, чтобы приступить к выпечке твоих любимых блинчиков с голубикой, если ты, конечно, не откажешься от своего любимого лакомства. А ты знаешь, что у нас сейчас гостит Алли со своим маленьким?

– Да, Кристиан рассказал мне. Не могу дождаться встречи со своим племянником, – отозвалась я, вышагивая вслед за Ма по дорожке, ведущей через сад прямо к дому. Сад окружает дом со всех сторон и сбегает вниз к самой кромке озера. Запахи молодой травы и распускающихся бутонов на деревьях и кустах наполняли воздух необыкновенной свежестью. Это тебе не Нью-Йорк с его вечным смрадом. Я с наслаждением набрала полные легкие чистого и ароматного воздуха.

– Ступай прямо на кухню, – скомандовала Ма, едва мы переступили порог дома. – Клавдия готовит для всех поздний завтрак.

Я заметила, что Кристиан, замыкающий нашу процессию, несет мой рюкзак. Вот он опустил его на ступеньки лестницы, и я подошла поближе.

– Спасибо тебе, Кристиан, что привез меня сюда. Я очень рада снова очутиться дома.

– И мы все рады видеть тебя здесь, Электра. Во сколько мы завтра отправляемся в аэропорт?

– Около десяти вечера. Мой пресс-секретарь зарезервировала самолет на полночь.

– Хорошо. Если что изменится, скажи Марине, а она уже сообщит мне.

– Обязательно! Приятных выходных.

– И тебе тоже.

Он попрощался со мной кивком головы и исчез за парадной дверью.

– Электра!

Я повернулась и увидела Алли, спешащую из кухни мне навстречу с широко распахнутыми руками.

– Привет, молодая мамаша! – воскликнула я, падая в ее объятия. – Прими мои самые сердечные поздравления!

– Спасибо! Я еще и сама до сих пор не могу поверить, что стала матерью.

Я окинула сестру коротким взглядом и не без зависти отметила, что выглядит она просто потрясающе. Ее обычно худощавое лицо заметно округлилось во время беременности, а божественные, рыжие с золотым отливом волосы сияли, словно ореол, вокруг безупречно гладкой фарфоровой кожи.

– Отлично выглядишь, – похвалила я вслух.

– Не совсем. Поправилась на целых восемь кило, и эти противные килограммы никак не хотят уходить. И это притом что я сплю по ночам не более двух часов. Ведь рядом со мной вечно голодный мужчина, – рассмеялась она в ответ.

– А где он сейчас, этот твой голодный мужчина?

– Отсыпается после бессонной ночи. Где ж ему еще быть? – воскликнула Алли с шутливой досадой, картинно выгнув бровь, а я подумала, что еще никогда не видела свою сестру такой счастливой. – И слава богу! Хоть даст нам возможность немного поговорить, –

добавила она, пока мы шли на кухню. – Знаешь, я тут прикинула... Получается, что мы с тобой не виделись с июня прошлого года, с тех самых пор, как мы все собрались по случаю смерти папы.

– Да, у меня было очень много работы.

– Я стараюсь следить за тем, что ты делаешь, как живешь, по газетам, публикациям в журналах, но это же, как ты понимаешь...

– Добрый день, Электра, – поздоровалась со мной Клавдия на французском с сильным немецким акцентом. – Как дела? – Она уже приступила к выпечке блинов: как раз наливала очередную порцию теста на сковороду, я услышала соблазнительный шипящий звук.

– Да вроде все нормально, спасибо.

– Проходи, присаживайся. – Алли жестом показала на стул возле длинного кухонного стола. – И расскажи мне наконец, как жила все эти месяцы, что мы с тобой не виделись.

– Обязательно расскажу, но можно я вначале поднимусь к себе и немного освежусь с дороги? – Я поспешно выскочила из кухни, чувствуя, что меня охватывает паника. Я прекрасно знала манеру Алли вести допрос, что называется, с пристрастием. Не уверена, что вполне готова к подобному испытанию.

Я схватила рюкзачок и быстро вскарабкалась по лестнице к себе, на самый последний этаж, где располагались просторные комнаты всех девочек. Открыла дверь в свою комнату: все в ней осталось точно таким же, как и тогда, когда я шестнадцатилетней девочкой уехала из Атлантиса в Париж. Я глянула на стены, выкрашенные в мягкий кремовый цвет, он тоже оставался неизменным все те годы, что я прожила в Атлантисе, потом уселась на постель. Если сравнить мою комнату с комнатами сестер, в которых хоть как-то отражались их индивидуальности, пристрастия и вкусы, то моя комната выглядела пустой и безликой. Ни малейшего намека на то, что за девочка обитала в этих стенах первые шестнадцать лет своей жизни. Никаких плакатов с изображением фотомоделей, фотографий поп-звезд или знаменитых танцоров... Ничего, что могло свидетельствовать о том, какой я тогда была.

Я порылась в рюкзаке, извлекла оттуда бутылку водки, которую предусмотрительно завернула в свои кашемировые спортивные штаны, и отхлебнула большой глоток прямо из бутылки. Кажется, моя комната, подумала я с тоской, это полное отражение меня самой:

я точно такая же пустая, выпотрошенная и никому не нужная, как шелуха или скорлупа от ореха. Мне никогда ничего не нравилось, ни к чему не тянуло, у меня никогда не было каких-то серьезных увлечений, не говоря уже о всяких там хобби. *«И вот результат, – вздохнула я, ставя бутылку назад в кашемировое гнездышко, после чего потянулась к переднему кармашку на рюкзаке, куда засунула маленький пакетик с коксом, достала его и стала сооружать себе кокаиновую дорожку. – Да, такой вот результат: я ничего не знаю о том, какой я была тогда, и ничего не знаю о том, какая я сейчас».*

* * *

К тому моменту, когда я спустилась наконец вниз, водка меня заметно успокоила, а кокс даже поднял настроение. Мы все трое – Ма, Алли и я, с удовольствием уплетали за обе щеки знаменитые блины Клавдии, а я между делом отвечала на все их вопросы. Подробно рассказала, на каких гламурных вечеринках и приемах мне пришлось побывать в последние месяцы, о тех селебрити, с которыми я знакома и постоянно общаюсь, и даже доверительно сообщила несколько сугубо частных сплетен и слухов о сильных мира сего.

– А как твои отношения с Митчем? Я читала в газетах, что вы с ним расстались. Это правда?

Этого вопроса я ждала: наша Алли всегда отличалась прямолинейностью и, в случае чего, сразу же брала быка за рога.

– Да, пару месяцев тому назад мы с ним действительно разбежались в разные стороны.

– А что случилось?

– Ну, ты же понимаешь, – равнодушно пожала я плечами, сделав глоток крепчайшего кофе. *«Вот если бы его еще сдобрить хорошей порцией бурбона»*, – мелькнуло у меня. – Он квартирует в Лос-Анджелесе, я живу в Нью-Йорке, и мы оба постоянно в разъездах...

– То есть, он так и не стал для тебя тем «единственным», да? – с упрямством дятла долбила свое Алли.

Внезапно откуда-то из глубин кухни послышался визгливый крик. Я оглянулась, чтобы понять, откуда этот крик.

– Ну вот! Сработал датчик, специальный монитор для грудных младенцев, – со вздохом пояснила мне Алли. – Бэр проснулся.

– Я пойду к нему, – тут же подхватила со своего стула Ма. Но Алли уже тоже поднялась на ноги и ласково усадила Ма на ее прежнее место.

– Моя дорогая Ма! Ты уже отстояла свою вахту с пяти утра. Или забыла? Теперь моя очередь.

Я еще не успела взглянуть на своего племянника, но этот малыш мне определенно нравился. Ведь он проснулся как нельзя более кстати, можно сказать, выхватил меня из цепких объятий Великого инквизитора.

– А как тебе твоя новая квартира? – переменяла Ма тему разговора. Воистину, если бы понятие такта можно было сделать осязаемым, то оно наверняка приняло бы облик моей приемной мамочки.

– О, с ней все в порядке. Хорошая квартира. Но у меня договор об аренде всего лишь на год. Так что, по-любому, вскоре мне придется подыскивать себе новое жилье.

– Ну, с твоими постоянными разъездами по всему свету ты не так уж и часто задерживаешься дома, верно?

– Верно. Я действительно редко засиживаюсь в своих апартаментах, но нужно же мне какое-то постоянное место проживания... Хотя бы для того, чтобы разместить свой гардероб. Ой, ты только взгляни, кто это там у нас!

Алли приблизилась к столу, держа сынишку на руках, который уставился на нас вопросительным взглядом своих огромных карих глаз. Темно-рыжие волосики на макушке уже начали сворачиваться в тугие кольца завитков.

– Это наш Бэр! – с гордостью объявила нам мамаша, глаза у нее сияли от счастья. «А почему бы ей и не гордиться», – подумала я. Да для меня любая женщина, взявшая на себя смелость произвести на свет дитя, уже героиня по определению.

– Боже мой! Да он... бесподобен! Так бы и съела его целиком! Сколько ему? – спросила я у Алли, которая уселась на стул, пристроив сынишку у себя на коленях.

– Нам уже семь недель.

– Вау! А смотрится настоящим гигантом!

– Потому что на аппетит мы не жалуемся и всегда готовы поесть, – улыбнулась в ответ Алли, расстегивая блузку и прилаживая малыша к груди. Бэр тут же стал шумно сосать, а я слегка поморщилась, словно от боли.

– Тебе не больно, когда ты его кормишь?

– Поначалу было немного больно, но теперь мы как-то приспособились, правда, милый? – Она глянула на сынишку влюбленным взглядом. Наверное, и я когда-то смотрела с такой же любовью на Митча.

– Хорошо, девочки, оставляю вас наедине друг с другом. Поболтайте в свое удовольствие, – сказала Клавдия, прибираясь со стола, после чего покинула кухню вслед за Ма.

– Мне очень жаль, Алли, что Бэр так и не увидел своего отца. Прими мои соболезнования, хоть и запоздалые.

– Спасибо, Электра.

– Он... то есть его отец...

– Его звали Тео.

– Тео знал о том, что ты ждешь Бэра?

– Нет. Да я и сама не знала. Узнала о своей беременности лишь спустя несколько недель после гибели Тео. Тогда мне казалось, что мир вокруг меня рухнул, но сейчас...

Алли посмотрела на меня с улыбкой, глаза ее сияли от счастья.

– Не знаю, что бы я без него делала!

– А ты думала в свое время...

– Чтобы сделать аборт? Да, не скрою, такая мысль у меня мелькала. Ведь на тот момент я была спортсменкой, яхтсменом, у меня была своя карьера, довольно удачная, которая сложилась еще до того, как погиб отец Бэра... К тому же тогда у меня даже не было собственного дома. И все же я никогда бы не пошла на то, чтобы избавиться от ребенка. Ведь Бэр – это для меня самый настоящий подарок судьбы. И знаешь, порой, особенно на рассвете, когда я кормлю Бэра, я ощущаю присутствие Тео рядом со мной.

– Ты хочешь сказать, его дух?

– Да, именно так.

– Вот уж никогда бы не подумала, что ты веришь во всю эту галиматью, – сказала я, слегка нахмурившись.

– Да я бы и сама так не подумала еще какой-то год тому назад. Но знаешь, какая удивительная история произошла со мной в ночь накануне рождения Бэра?

– Что за история?

– Я отправилась в Испанию на поиски Тигги. У нее началась серьезная болезнь сердца, а она бросила все, удрала из больницы и отправилась на поиски своей родной семьи. И вот тогда она сказала мне, Электра, одну вещь. Что-то такое, о чем знал только Тео.

Я увидела, как Алли прикоснулась своей худенькой рукой к кулону, который висел на цепочке у нее на шее.

– И что же такого она тебе сказала?

– Это мне купил Тео. – Алли слегка приподняла крохотный глазок из бирюзы. – Но незадолго до моего приезда в Испанию цепочка сломалась, и я перестала носить кулон. Так вот, Тигги сказала мне, что Тео интересуется, почему я больше не ношу его подарок. А потом добавила, что ему очень нравится имя Бэр. Ты не поверишь, Электра! Но ему действительно очень нравилось это мужское имя.

Глаза Алли заблестели от слез.

– Вот так произошло мое, можно сказать, перерождение. Из стойкого циника я обратилась почти что в верующего человека. В любом случае, я точно знаю, что Тео смотрит на нас. Знаю – и все тут! – Она слегка повела плечами и одарила меня загадочной улыбкой.

– Хотела бы и я все сердцем поверить во что-то такое, во что я не верю. Но беда в том, что я вообще ни во что не верю. А кстати, как сейчас у Тигги с сердцем?

– Гораздо лучше, судя по всему. Она снова вернулась в свое любимое Шотландское высокогорье и счастливо там уединилась с врачом, который ее наблюдал во время болезни. Так получилось, что он не только доктор, но еще и владелец имения, того самого, в котором работает Тигги.

– О, то есть скоро мы услышим перезвон свадебных колоколов, да?

– Вряд ли скоро. Чарли все еще женат на другой женщине. Ему, по словам Тигги, предстоит тяжелый и во всех отношениях безобразный бракоразводный процесс.

– А как обстоят дела у остальных наших сестер?

– Майя в Бразилии со своим любимым Флориано и его маленькой дочерью. Стар обитает в графстве Кент в Англии со своим возлюбленным с весьма необычной кличкой Мышь. Занимаются ремонтом его фамильного дома. Сиси сейчас в Австралии, живет вместе со своим дедушкой и подругой Крисси в каком-то городке посреди пустыни. Покоряет австралийский аутбэк, так сказать. Я видела несколько фотографий картин, которые она нарисовала, живя там. Потрясающие работы! Она необыкновенно талантливый художник.

– Получается, что все мои сестры уже успели начать новую жизнь, так?

– Да, так оно и есть.

– И помогло им в этом то, что все они отправились на поиски своего прошлого?

– Именно! Сужу по себе самой. По-моему, я писала тебе, что у меня есть брат-близнец. Писала?

– Хм... Не припоминаю...

– Да писала же! Я точно помню, Электра. А еще отыскался и мой родной отец, самый настоящий музыкальный гений, но при этом законченный пьяница! – Я увидела, как добродушная улыбка тронула губы Алли, стоило ей только заговорить об этом человеке. Она натренированным движением отняла малыша от одной груди и приложила его к другой.

– Ну, а ты сама? Как ты распорядилась той информацией, которую оставил тебе папа в своем прощальном письме? – поинтересовалась у меня Алли.

– Если честно, то я так и не удосужилась прочитать его. Даже не знаю, куда оно запропастилось. Скорее всего, уже потерялось.

– Ах, Электра! – Алли бросила на меня самый строгий из своих взглядов. В ее глазах читалось явное осуждение. – Неужели ты это серьезно?

– Да шучу я, шучу! Наверняка где-то валяется. Просто у меня руки еще до него не дошли.

– То есть тебе совсем не интересно, кто ты и откуда?

– Нет. Не вижу особого смысла копаться в прошлом. Какая разница, откуда я? Главное – это кто я сейчас.

– А вот мне папино письмо очень помогло. Ну хорошо! Допустим, ты не хочешь заниматься поисками собственного прошлого, используя те подсказки, которые оставил тебе в своем письме отец, но, в конце концов, это же его прощальное письмо. Можно сказать, его последний дар каждой из нас.

– Святой боже! Как же мне все это надоело! – взорвалась я. – Ты и все мои остальные сестры, вы всегда относились к отцу как к некому высшему божеству. Я бы даже сказала, как к такому чудаковатому божеству. А на самом деле он – просто тот человек, который удочерил нас, по одному ему известным причинам, выбрал именно нас. А что это за такие таинственные причины, никто из нас ничего не знает!

– Пожалуйста, Электра, не кричи так! Малыш может испугаться. Прости, если я...

– Все! Я отправляюсь на прогулку!

Я подхватила из-за стола и направилась напрямик к парадной двери, распахнула ее настежь и с громким стуком закрыла за собой. И пошла, не разбирая дороги, к пристани. Как это всегда бывает по приезде в Атлантис, уже после нескольких часов, проведенных здесь, я начинаю жалеть, что приехала, и даю себе зарок впредь в Атлантис больше ни ногой.

– И с чего мои сестры носятся с этим Па Солтом? Ведь он нам даже не родной отец! Столько суеты, зачем?

Продолжая жаловаться самой себе на весь белый свет, я уселась на край помоста, свесив ноги к воде, и постаралась сделать несколько глубоких вдохов. Но дыхательная гимнастика не помогла. Вот если бы соорудить еще одну дорожку из кокса... Я поднялась с досок и заторопилась обратно в дом, на цыпочках пересекла холл и так же тихонько поднялась по лестнице к себе, чтобы – не дай бог! – никто не услышал. Войдя в свою комнату, тут же заперла дверь на ключ и приняла столь необходимое мне зелье.

И буквально через пару минут мне заметно полегчало. Я откинулась на подушки и стала мысленно воспроизводить портреты всех моих сестер по очереди. Странно, но почему-то сегодня они рисовались в моем воображении исключительно как принцессы из диснеевского фильма. Даже забавно... Надо сказать, ничего в этом их сказочном облике меня не раздражало. Напротив! Я люблю и всегда любила всех своих сестер. За исключением Сиси, конечно. (Вот и

сейчас она промелькнула в моем сознании в облике злой ведьмы из «Белоснежки».) Я невольно хихикнула, но подумала, что все же это чересчур жестоко, даже для Сиси. Да, я знаю, родных не выбирают, так все говорят. Выбирать можно только друзей. Но вот папа все же по какой-то только ему одному известной причине *выбрал нас*, выбрал и объединил в единое целое под названием «семья». Может, наши отношения с Сиси разладились потому, что она, как говорится, не моей масти человек, в отличие от остальных сестер. Да и кричать она умеет еще погромче моего. Другие девочки будут стараться изо всех сил, чтобы в доме царили мир и покой, а ей на все наплевать. Как и мне... Так что в чем-то мы с ней схожи.

Четыре старшие сестры, пожалуй, никогда не задумывались над тем, что все они существуют как бы парами: Алли и Майя, Стар и Сиси. Ну а мне досталась Тигги. Росли мы с ней вместе, ведь разница в возрасте между нами всего лишь в несколько месяцев. И все же, несмотря на то что я люблю Тигги, трудно представить себе двух более не похожих друг на друга людей. Разных во всем. Когда мы с ней были маленькими, то старшие сестры и не скрывали своих предпочтений: им нравилось возиться и играть с Тигги, а не со мной. Конечно, Тигги ведь не закатывала истерик, постоянно оглашая весь дом своими громкими воплями. Не ребенок, а сущий ангелочек: будет смирно сидеть себе на коленях у кого-нибудь из старших и сосать пальчик. Потом мы повзрослели, и я даже предпринимала кое-какие попытки сблизиться с Тигги, чувствуя, как мне одиноко дома, но все эти ее увлечения поисками духовного, они неизменно выводили меня из себя. Порой я готова была на стенку лезть от ее бесконечных разговоров обо всех этих тонких материях.

Но вот воздействие кокса на мое сознание завершилось, и чары рассеялись: сестры перестали быть принцессами и снова стали самими собой. Впрочем, какая теперь разница? Папы больше нет, а мы все случайно оказались в одной связке, потому что когда-то нас еще младенцами собрал воедино отец, но сегодня каждая из сестер уже идет по жизни своим путем, не оглядываясь на остальных. Я сделала еще несколько глубоких вдохов и попыталась заняться тем, что настоятельно советовали мне все мои психотерапевты: проанализировать причины моих внезапных припадков злости. И, кажется, подумала я, у меня даже готов ответ на этот вопрос. Вот Алли

только что рассказала мне о том, что все мои сестры обрели свое счастье, нашли тех, кто их любит. Даже Сиси! А я ведь совершенно искренне полагала, что ее, как и меня, невозможно полюбить. И вот тебе пожалуйста! Преодолела же она как-то эту свою более чем странную привязанность к Стар, сбросила с себя чары и двинулась вперед. Разумеется, ее главная страсть – это искусство. Его она всегда обожала.

И вот я... Ни дать ни взять, белая ворона в собственной семье. С момента смерти отца я преуспела лишь в одном: нашла себе более надежного дилера, снабжающего меня наркотой. С точки зрения материальной я, конечно, самая финансово обеспеченная из всех своих сестер. Судя по той информации, которую сообщает мне мой бухгалтер, я уже заработала столько денег, что вполне могу себе позволить перестать работать прямо сегодня, потому что тех денег, что у меня есть, мне наверняка хватит до конца моих дней. Может быть, над этим стоит подумать? Тем более что на данный момент я и понятия не имею, чего бы мне хотелось, чем таким я хотела бы заняться в ближайшем будущем.

В дверь негромко постучали.

– Электра, ты у себя? – услышала я голос Алли.

– Да, проходи.

Дверь отворилась, и на пороге появилась Алли с малышом на руках.

– Прости меня еще раз, если я невольно расстроила тебя, – повинулась она снова, не решаясь переступить порог.

– Ерунда! Проехали! Тем более что дело не в тебе, а во мне самой.

– И все равно прости меня! Такое счастье, что ты приехала. Я ведь так обрадовалась нашей встрече. Можно, я присяду? Он у меня тяжеловес.

– Садись, – ответила я со вздохом. Меньше всего на свете мне хотелось продолжения допроса с пристрастием. Но тут Алли исхитрилась и поймала-таки меня в ловушку. Куда деваться из этих четырех стен?

– Хочу тебе кое-что рассказать, Электра. Об этом мне рассказала Тигги. По ее словам, мы должны довести наши изыскания до конца.

– Да? А что за изыскания?

– Дело в том... когда она была в Атлантисе месяц тому назад, она обнаружила в нашем доме погреб, в который можно спуститься только на секретном лифте.

– Э-э... Ну, и что?

– Она там побывала. Говорит, что на первый взгляд самый обычный погреб, в котором хранятся вина. Но она заметила дверь, спрятанную за одним из стеллажей, на котором лежат бутылки с вином. Может, нам все же стоит узнать, куда именно ведет эта потайная дверь?

– Хорошо! А почему не спросить об этом напрямую у Ма?

– Конечно, можно и так, но Тигги сказала мне, что у нее сложилось впечатление, будто Ма не особенно горит желанием разговаривать на эту тему.

– Что за глупости, Алли! В конце концов, это же *наш дом*, а Ма всего лишь здесь работает! По-моему, мы имеем право задавать ей любые вопросы... И вообще, делать все, что нам заблагорассудится. Ты не находишь?

– Конечно, мы имеем право, да, – вздохнула в ответ Алли. – Но тебе не кажется, что тем самым мы можем проявить неуважение к самой Ма. Она ведь работает в Атлантисе с незапамятных времен. Практически весь дом на плечах ее и Клавдии. Она растила всех нас. И мне не хотелось бы, чтобы она подумала, что мы стали наступать ей на пятки, почувствовав себя полноценными хозяйками, как только все в доме... переменялось.

– Так ты предлагаешь нам глубокой ночью проникнуть в погреб тайком, спуститься на секретном лифте вниз и прямо на месте узнать, куда ведет эта дверь, да? – Я иронично вскинула брови. – Ну прямо как в романе про благородных разбойников, рыцарей плаща и шпаги! А нельзя ли все же попроще? Спросить у Марины, и все дела.

– Престань вредничать, Электра! Нельзя же быть такой колючкой... Говорю же тебе, *в нашем доме* есть и потайной лифт, и погреб, и папа соорудил их с какой-то определенной целью. Как бы ты к нему ни относилась, но одного ты отрицать не станешь: отец был очень практичным человеком. В любом случае, я все равно не сплю по ночам из-за Бэра, а потому собираюсь наведаться туда. Просто думала, ты составишь мне компанию. Тем более Тигги сказала, что там нужно как минимум два человека, чтобы отодвинуть в сторону стеллаж, за

которым и находится эта самая дверь. Она также рассказала мне, где лежит ключ. Послушай, ты не поддержишь Бэра пару минут, пока я сбегая и приму на скорую руку душ? – Алли поднялась с места и положила Бэра мне на колени. Чтобы младенец не сполз вниз, мне пришлось ухватиться за него обеими руками. В отместку он громко срыгнул.

– Отлично! – обрадовалась Алли, уже стоя в дверях. – А я весь последний час пыталась заставить его отрыгнуть лишнее!

Дверь захлопнулась, и мы с Бэром остались одни.

Я глянула на него, а он уставился на меня.

– Привет, – поздоровалась я тихонько. Главное, чтобы младенец не обмочил меня или что еще похуже, прикинула я мысленно. Как-никак, а я впервые держу такого маленького ребенка на руках.

– Ну и о чем задумался, малыш? Наверное, размышляешь над тем, почему я так разительно отличаюсь от твоей мамы, хотя и прихожусь тебе тетушкой? Дело в том, что у тебя был очень таинственный дедушка, хоть ты его и не успел увидеть, – продолжила я свой монолог, видя, что мальчик с интересом вслушивается в мою болтовню. – То есть я хочу сказать, что твой дедушка был замечательным человеком, очень-очень умным, сильным и смелым, но, как мне кажется, у него от нас было много секретов. А ты как думаешь?

Внезапно я почувствовала, как тело малыша расслабилось в моих руках, и к тому времени, как вернулась Алли, Бэр уже крепко спал, плотно смежив свои веки.

– Вот так чудеса! А у тебя есть подход к детям, – улыбнулась мне Алли. – Я его часами укачиваю, пока он соизволит закрыть глазки.

– Наверное, он просто устал, – предположила я, когда Алли осторожно взяла сынишку из моих рук.

– Пойду уложу его в колыбельку и сама немного вздремну, если получится, – прошептала она. – Пока, Электра.

* * *

Незадолго до ужина я приняла изрядную порцию успокоительного в виде водки, а спустившись вниз, добавила еще, позаимствовав спиртное из кладовки. К счастью, разговор за ужином

крутился главным образом вокруг выдающихся кулинарных способностей Клавдии (на сей раз она подала нам свои знаменитые шницели, и я съела все до последнего кусочка). Потом мы стали обсуждать наше предстоящее путешествие в Грецию, вояж, который мы собираемся осуществить на папиной яхте и возложить венок в годовщину его ухода из жизни на месте предполагаемого захоронения.

– Я думала, что отправимся в круиз только мы, девчонки, но Майя прилетает в Атлантис неделей раньше вместе с Флориано, не могу дождаться, когда познакомлюсь с ним, и его дочуркой Валентиной, – проинформировала меня Алли. – Стар тоже приедет не одна, а вместе с Мышью и его сыном Рори, а Тигги прилетит со своим бойфрендом Чарли и его дочерью Зарой...

– Вау! – воскликнула я с некоторым сарказмом в голосе. – Получается, что все мои сестрички, и Майя, и Стар, и Тигги, обзавелись статусом приемных матерей.

– Получается, что так, – согласилась со мной Алли.

– А я, будучи для всех вас тоже чем-то вроде приемной матери, ни минуты не сомневаюсь, что все мои девочки будут любить своих приемных детей и заботиться о них с не меньшей любовью, чем родные матери, – безапелляционно заявила Ма.

– А Сиси тоже приедет?

– Пообещала, что приедет. И надеется, что не одна, а вместе с дедушкой и своей подругой Крисси.

– Ты хочешь сказать, со своей «подружкой» Крисси, так?

Ма и Алли уставились на меня ошарашенными взглядами, а я не без раздражения подумала: ну почему так получается, что я единственный человек в семье, кто не боится озвучить правду?

– Иными словами, у них связь, да?

– Не знаю, – ответила мне Алли. – Но голосок у нее счастливый, когда она разговаривала со мной, а это – самое главное.

– Да ведь ясно же, как божий день, безо всяких там подсказок, что наша Сиси – лесби. Отсюда и эта ее ненормальная любовь к Стар.

– Электра, мы не имеем права вмешиваться в чужую личную жизнь, – перебила меня Марина.

– Во-первых, Сиси нам не чужая, разве не так? А во-вторых, в чем, собственно, проблема? Я только рада, что она наконец сумела отыскать человека, который ей не безразличен.

– Да, в доме соберется куча народа, придется воевать за места для ночлега, – заметила Марина.

– Что ж, коль скоро все сестры уже успели обзавестись своими семьями и только я одна осталась не при делах, то в таком случае я могу и отказаться от этого круиза. Уступлю свое место другим.

– Что ты такое говоришь, Электра! Ты обязательно должна поехать вместе с нами! Ведь ты же обещала. – Было видно, что Алли расстроилась не на шутку.

– Уж не придется ли мне в итоге ночевать в том секретном бункере, который Тигги обнаружила у нас в доме в свой последний приезд в Атлантис? – повернулась я лицом к Ма.

Глаза Алли, сидящей за столом напротив меня, стали метать громы и молнии, но я уже приняла достаточно спиртного, чтобы, обращать внимание на подобные пустяки.

– Ах, ты имеешь в виду погреб, – мгновенно отреагировала Ма, обозрев нас с сестрой внимательным взглядом. – Так я же все рассказала Тигги. Там нет никаких секретов. Более того, вот разделаемся со вкуснейшим яблочным штруделем, который Клавдия приготовила нам на десерт, и я прямо сейчас устрою вам экскурсию в наш погреб.

Я метнула ответный взгляд на Алли. Дескать, «ну что я говорила!», но она лишь раздосадованно вскинула брови. Действительно, как только мы покончили с десертом, Ма поднялась из-за стола и достала ключ из шкафчика, висевшего на стене.

– Ну что, готовы?

Обошлось без наших ответов, потому как она поспешила вон из кухни, а нам с Алли уже пришлось догонять ее. В коридоре Ма взялась за какое-то латунное кольцо и оттянула в сторону панель из красного дерева, явив нашему взору миниатюрный по своим размерам лифт.

– А зачем нам в доме лифт? – спросила я.

– Как я уже объясняла Тигги, ваш отец с каждым годом не делался моложе, но хотел по-прежнему иметь доступ во все уголки дома.

Ма открыла дверцу, и мы втроем с трудом втиснулись в небольшую кабину. Я сразу же почувствовала приступ клаустрофобии и поспешила сделать несколько глубоких вдохов.

– Ну, с этим все понятно, – пробормотала я, когда кабинка двинулась вниз. – Но зачем нужно было все это прятать?

– Электра, помолчи, ладно? – прикрикнула на меня Алли. Кажется, я окончательно вывела ее из себя. – Уверена, Ма все объяснит сама, без наших расспросов.

Собственно, наш спуск длился не более четырех секунд: я почувствовала легкий толчок и поняла, что мы уже на месте. Дверь в кабинке отворилась, и мы вошли в помещение, похожее на самый обычный погреб, заставленный, как и говорила Алли, со всех четырех сторон стеллажами, на которых хранились бутылки с вином.

– Вот мы и на месте! – Ма переступила порог первой и широким взмахом руки обвела подвал. – Как видите, ваш отец устроил здесь свой винный погреб. – Ма повернулась ко мне и улыбнулась едва заметной улыбкой. – Мне жаль разочаровывать тебя, Электра, но, как видишь сама, никаких тайн и никакой мистики.

– Но...

За спиной у Ма Алли метнула в меня такой свирепый взгляд, который даже я не рискнула проигнорировать.

– Я... То есть да, все очень мило. – Я медленно двинулась вдоль стеллажей, разглядывая папину винную коллекцию. Вытащила одну из бутылок и невольно воскликнула. – Ого! Ничего себе! «Шато Марго», урожай 1957 года. В лучших ресторанах Нью-Йорка такое вино подают по несколько тысяч долларов за бутылку. Слава Богу, что мне больше по душе водка.

– Давайте подниматься, – предложила нам Алли, одарив меня еще одним многозначительно красноречивым взглядом. – Мне надо проверить, как там Бэр.

– Пожалуйста, еще пару минут, – попросила я, продолжая осмотр стеллажей. Сняла с полки еще одну бутылку, покрытую старой пылью, и сделала вид, что изучаю этикетку, а сама исподтишка разглядывала стены в поисках той самой потайной двери, о которой мне рассказала Алли. На стеллаже, что справа, я высмотрела бутылку бургундского «Ротшильд» урожая 1972 года, а за ней в стене безошибочно проглядывали едва заметные контуры входа, ведущего куда-то. – Все! Иду! – повернулась я к Ма и Алли. – Возвращаемся!

Мы двинулись в сторону лифта, и тут я впервые обратила внимание на то, что он практически впаян в литой металлический корпус.

– А это зачем, Ма? – не удержалась я от очередного вопроса.

– Если нажать вот на эту кнопку, – Ма указала на кнопку, расположенную в боковой части стальной арматуры, – то кабинка лифта будет заблокирована снаружи стальной дверью.

– То есть, нажми мы на эту кнопку прямо сейчас, и сразу же окажемся в ловушке, да? – Я почувствовала очередной приступ паники.

– Ничего подобного, Электра! – поспешила успокоить меня Ма. – Зато если кто-то попытается проникнуть в погреб, как говорится, без спроса, то он не сможет туда попасть. Эта стальная дверь немедленно перекроет ему вход. Такая вот своеобразная кладовая-сейф, – пояснила она, пока мы снова проталкивались в кабинку лифта. – Причем в этом нет ничего удивительного, ведь дом стоит в безлюдном месте, да и обитают в нем далеко не бедные люди. Если вдруг, не дай бог, на Атлантис нагрянет банда каких-нибудь воров или чего похуже, то у нас всегда есть возможность забаррикадироваться здесь и вызвать себе подмогу. Представь, милая, – Ма одарила меня еще одной своей легкой улыбкой, когда лифт возобновил свое движение на первый этаж дома, – здесь отлично принимается сигнал Wi-Fi. Выходим! – промолвила она. Мы выгрузились из лифта и поспешили на кухню. Боковым зрением я заметила, как Ма положила ключи от лифта в тот же самый шкафчик на стене. – А сейчас прошу простить меня. Что-то я к вечеру чувствую себя очень уставшей. Пожалуй, пойду укладываться в постель.

– Это все Бэр виноват. Ты же, Ма, сегодня на ногах с пяти утра. Все! Завтра моя очередь дежурить возле него.

– Не говори ерунды, Алли. Вот посплю и завтра снова буду в полном порядке. Я ведь в любом случае всегда просыпаюсь очень рано. Спокойной ночи, девочки. – Она попрощалась с нами кивком головы и удалилась к себе.

– А я бегу к Бэру. Надо проверить, как он там без меня справляется. – Алли уже готова была устремиться вслед за Ма, но тут я остановила ее, тронув за плечо.

– А почему бы тебе снова не воспользоваться лифтом? – предложила я, извлекая ключ из шкафчика и поигрывая им у нее перед носом. – Ведь лифт, как я понимаю, идет до нашего четвертого этажа. Сама видела кнопку с цифрой четыре в кабине лифта.

– Да нет, Электра. Спасибо, но я, пожалуй, обойдусь и без лифта.

– Как знаешь, – вяло отреагировала я, наблюдая за тем, как сестра устремилась по лестнице вверх. Затем вернулась на кухню, приняла еще одну рюмку водки и соорудила себе еще одну дорожку из кокса. Снова вышла в холл и рывком отворила дверь, ведущую в папин кабинет. Прямо живой музей какой-то; стоило мне только переступить порог, и я почувствовала, будто папа только что вышел отсюда и скоро вернется обратно. Его ручка, чистая бумага для записей, все лежало на своих привычных местах по центру стола. Безупречный порядок во всем. *«В отличие от того, что творится у его младшей дочери»*, – подумала я, ухмыльнувшись, и уселась в его старое кожаное капитанское кресло. Скользнула взглядом по стеллажам с книгами, которыми была заставлена одна стена кабинета вплоть до самого потолка. Поднялась с кресла и подошла к одной из полок, чтобы снять оттуда Оксфордский словарь английского языка, которым я так часто пользовалась в детстве. Помню, однажды я зашла к папе в кабинет, а он сидел в своем кресле и разгадывал кроссворд в какой-то английской газете.

– Привет, Электра, – поздоровался он со мной и улыбнулся. – Вот сижу, никак не могу разгадать одно слово.

Я прочитала подсказку: *«Они опускаются вниз, чтобы уснуть (4 буквы)»*. Немного подумала.

– Наверное, это веки.

– Конечно, веки! Ты абсолютно права, моя девочка! Какая же ты у меня умная!

С того самого дня всякий раз, когда у меня были школьные каникулы, папа зазывал меня к себе в кабинет, и мы с ним вместе разгадывали всякие кроссворды. Да, воспоминания о прошлом согревают душу. Я и сейчас, между прочим, коротая время в зале ожидания аэропорта, часто хватаю со стойки первую подвернувшуюся под руку англоязычную газету, чтобы было чем занять время до момента вылета. Кстати, кроссворды обогатили мой словарный запас английского языка, что, насколько мне известно, всегда несказанно удивляет тех журналистов, которые приходят брать у меня интервью. Наверное, все они в глубине души считают меня такой размалеванной дурочкой, ни на что не годной пустышкой, которую только и можно использовать для рекламы косметики.

Я поставила словарь на место и уже приготовилась покинуть кабинет, но внезапно остановилась на полпути, учуяв сильный запах папиного одеколона. Этот аромат свежего лимона я узнала бы где угодно. По моей спине пробежал холодок. Я вдруг вспомнила, как Алли недавно рассказывала мне о том, что ощутила присутствие Тео рядом с собой...

Я невольно содрогнулась и, выходя из комнаты, с громким стуком захлопнула за собой дверь.

Алли возилась на кухне, заполняя бутылочки молоком для своего малыша.

– А зачем тебе молоко в бутылочках? – поинтересовалась я у нее. – Я думала, ты кормишь Бэра грудью.

– Кормлю. А это я специально сцедила, чтобы Ма могла покормить его рано утром, когда он проснется.

– Понятно, – отозвалась я и снова зябко поежилась, наблюдая за тем, как сестра переливает молоко в бутылку. – Честное слово, если я когда-нибудь обзаведусь малышом, в чем сильно сомневаюсь, то вряд ли смогу пройти через все это.

– Никогда не говори «никогда», – улыбнулась в ответ Алли. – Кстати, пару недель тому назад я видела твою фотку в одном из иллюстрированных журналов. Тебя сфотографировали вместе с Зедом Эсзу. Вы что с ним, пара?

– Господи, с чего ты взяла? – воскликнула я, запустив руку в банку с печеньем и достав оттуда одну печенюшку. – Пересекаемся иногда во всяких компаниях в Нью-Йорке. Выходим, так сказать, вместе в свет. Точнее, пребываем там вместе.

– То есть вы с Зедом Эсзу любовники?

– Да. А что тут такого? Или тебя что-то смущает?

– Нет-нет, ничего такого! Просто я... – Алли повернулась ко мне, заметно смутившись. – Я...

– Продолжай! Не тяни кота за хвост, Алли.

– Да говорю же тебе, ничего такого! Все! Лично я иду спать! Постараюсь заснуть хотя бы на пару часиков, если получится. А ты?

– Да, пожалуй, тоже последую твоему примеру.

Лишь только после того, как я оглушила очередную порцию водки, достав бутылку из своего рюкзака и вылив содержимое в стаканчик для зубной щетки, я немного расслабилась и почувствовала

приятную дремоту. Но в этот момент перед моим мысленным взором вдруг явилась та потайная дверь за винными стеллажами в папином погребке. Наверное, все-таки следовало бы снова спуститься туда и обследовать все прямо на месте...

– Завтра! – пообещала я себе сонным голосом. И глаза мои закрылись сами собой.

4

На следующее утро я проснулась от истошных воплей Бэра. Попыталась отыскать беруши, чтобы заткнуть ими уши и поспать еще пару часиков, но поздно! Я уже окончательно проснулась. Набросила на себя свой старый халат, который по-прежнему болтался на дверном крючке, и пошлепала в коридор искать себе компанию. Детский плач доносился из апартаментов Ма, расположенных в самом конце коридора, а потому я отправилась туда и осторожно постучала в дверь.

– *Entrez.*

Я вошла в комнату и застала редкое зрелище: Ма тоже в халате.

– Поплотнее прикрой за собой дверь, Электра, – попросила она меня. – Не хочу, чтобы он своими криками разбудил Алли.

– Но *меня* он уж точно разбудил, – пожаловалась я в ответ, наблюдая за тем, как Ма ходит по комнате, держа на руках Бэра, а тот жалобно скулит у нее за спиной.

– Вот сейчас ты понимаешь, что чувствовали твои старшие сестры, когда ты их каждую ночь будила своими концертами, – улыбнулась Ма.

– А что с ним не так? – спросила я, увидев, что Ма ритмичными движениями руки растирает малышу спинку.

– Ничего страшного. Просто газы плохо отходят. И срыгивать у него не всегда получается.

– Я тоже из-за этого редела?

– Нет. У тебя по части газов все было в полном порядке. Мне кажется, тебе просто нравилось слушать собственный голос.

– Неужели я была таким противным младенцем?

– Ничего подобного, Электра! Ты просто не любила быть одна. Ты сладко спала у меня на руках, но, стоило положить тебя в колыбельку, ты немедленно просыпалась и тут же начинала плакать. Приходилось

снова брать тебя на руки. Подай-ка мне, пожалуйста, вон ту салфетку. – Ма показала на стопку белых салфеток из муслина, лежавших на журнальном столике.

– Вот, пожалуйста, – протянула я ей одну из них. И огляделась по сторонам. Красивые гардины на окнах с цветочным рисунком, диван, обитый дамасским шелком нежного кремового цвета, куча фотографий на бюро из красного дерева и еще на нескольких небольших столах, разбросанных по всей комнате. На журнальном столике ваза с букетом розовых роз. *«Да, – подумала я, – эта комната полностью олицетворяет саму Ма: такая же элегантная, сдержанная, безупречная во всем».* Я подошла к бюро и сняла одну из фотографий в красивой рамочке: Ма в вечернем платье, в жемчугах, а рядом – отец в смокинге.

– Где это вас сфотографировали?

– В парижской опере. Мы слушали в тот вечер Кири Те Канава. Она пела Мими в «Богеме», – пояснила мне Ма, продолжая расхаживать вместе с Бэром по пушистому кремовому ковру.

– Вы часто вместе появлялись на публике?

– Нет. Но мы оба очень любили оперу. Особенно Пуччини.

– Ма.

– Да, милая?

Даже несмотря на то что мне уже двадцать шесть лет, я все еще сомневалась, имею ли я право задать один сакраментальный вопрос, который вертелся на кончике моего языка с самого детства.

– Вы с папой... У вас были романтические отношения, да?

– Бог с тобой, Электра! Мне ведь еще едва за шестьдесят. Твой отец был слишком стар для меня.

– О, в том мире, в котором я сегодня вращаюсь, разница в возрасте не является препятствием для богатого мужчины, чтобы обзавестись любовницей, которая годится ему в дочери.

– Все может быть, Электра, но только не с твоим отцом. Он бы никогда не позволил себе столь недостойный поступок. Он ведь был истинным джентльменом... до мозга костей... И потом...

– Что потом?

– Я... да так, ничего.

– Нет уж, говори до конца!

– Видишь ли, у него всегда кто-то был.

– Правда? И кто же это?

– Все, Электра. Я сказала более чем достаточно.

Наконец Бэр отрыгнул: все случилось стремительно и внезапно, но Ма успела вовремя подхватить салфеткой беловатую жидкость, вылившуюся из его ротика.

– *Bien, bien, mon petit chéri*, – ласково прошептала она, вытирая салфеткой личико мальчика. – Ну разве он не прелесть, а? Чудный ребенок! Обожаю его!

– Да уж! Если кого и можно обожать, то это, конечно, младенца, рыгающего в пять утра. Ты права. Чудный ребенок.

– А я вот вспоминаю, как я укачивала тебя ночами напролет, пытаюсь успокоить, – откликнулась Ма, присаживаясь в кресло и укладывая Бэра поудобнее у себя на руках. Вид у младенца сейчас был такой, будто он уже успел принять на грудь изрядную порцию водки. Глаза сделались сонными и уже почти закрылись. – Такое чувство, будто это было вчера. И вот я ношу на руках первого представителя уже нового поколения Деплеси. Как был бы счастлив твой отец, если бы узнал о Бэре еще до своей кончины. Увы, но этому было не суждено сбыться.

– К сожалению, да. Ма?

– Слушаю тебя, Электра.

– А ты была рядом с папой в тот момент, когда он нашел меня и привез сюда?

– Нет. Я в это время нянчилась с твоими старшими сестрами.

– То есть ты даже не знаешь, откуда я родом?

– Но ведь наверняка ты уже узнала об этом из того письма, которое оставил тебе отец.

– Да я его потеряла! – виновато пожала я плечами и быстро подхватила со своего места, чтобы Ма не успела осыпать меня упреками. – Пойду вниз, сварю себе кофе. Тебе сварить?

– Нет, спасибо, не надо. Отнесу нашего маленького в его колыбельку, а потом оденусь и сама спущусь к тебе.

– Хорошо! Тогда до встречи.

Алли проснулась в восемь утра. К этому времени я уже успела хлопнуть две рюмки водки и отчаянно жалела лишь об одном: ну, почему я не назначила дату вылета в Нью-Йорк на более ранний срок? А так еще впереди целых четырнадцать часов ожидания, которые надо чем-то заполнить. Я серьезно понятия не имею, как можно занять себя во времена, так сказать, «простоя»: скука от безделья – это то понятие, которое для меня практически не существует.

– Хочешь погонять вместе со мной под парусом, Электра? – спросила у меня Алли за завтраком, подкладывая себе на тарелку очередную порцию вкуснящих блинов нашей Клавдии.

– На твоём «Лазере», что ли?

– Да. Погода прекрасная, условия просто идеальные. Легкий бриз, но при этом никакого дискомфорта.

– Ты же знаешь, экстремальные виды спорта – это не мое.

– Если честно, Электра, то я не вижу ничего экстремального в том, что ты будешь просто сидеть рядом со мной и наслаждаться водной прогулкой в самых что ни на есть благоприятных условиях. Но как хочешь! – Алли бросила на меня несколько удивленный взгляд. – А вот мы с Бэрром решили немного погонять под парусом. Тогда до скорого.

Я подавила тяжелый вздох, когда Алли покинула кухню, после чего умяла еще один свежееиспеченный маффин: уж больно одиноко он смотрелся на пустой тарелке. Алли спустилась минут через десять, уже вместе с Бэрром, облаченным в крохотный спасательный жилет. Малыш удобно устроился в сумке-кенгуру, которую Алли привязала себе к поясу.

– Точно не хочешь отправиться вместе с нами?

– Нет, спасибо, – снова повторила я и побрела в гостиную: устрою-ка я себе сегодня день кино. Включила экран домашнего видео и стала перебирать стопки с DVD. К своему огорчению, не нашла ничего, что мне захотелось бы посмотреть.

– Вот черт! – негромко ругнулась я под нос, глянув в очередной раз на часы. Интересно, как я убивала здесь время ребенком, когда мне

бывало скучно или что-то выводило меня из себя?

«Ты убежала, Электра...»

– Истинная правда, – пробормотала я вполголоса. Если что-то меня расстраивало или если кто-то злился на меня (а чаще всего случалось и то и другое одновременно), я тут же убежала в горы, которые начинаются прямо за домом. Находила среди камней какую-нибудь петляющую тропинку, которая поднимала меня вверх. Нет, подъем не был строго вертикальным, просто я шла и шла вперед, поднимаясь все выше и выше и чувствуя, как при этом постепенно улечучиваются из головы всякие дурные мысли.

Быстрым шагом я поднялась по лестнице к себе в комнату и принялась рыться в вещах, сложенных в комод. Нашла в самом нижнем ящике свои старые леггинсы и майку с довольно грубым слоганом на груди. Помнится, Ма в свое время даже порекомендовала мне носить эту майку наизнанку, чтобы не отпугивать от себя народ. Внизу под шмотками я обнаружила свой старый альбом для рисования; в детстве я баловалась рисованием. Я извлекла альбом на свет божий и стала неспешно пролистывать его. Большинство страниц заполнено карандашными набросками всевозможных фасонов платьев с какими-то нелепыми гофрированными воротниками, тут же джинсы с разрезом от бедра до самой кромки внизу, блузки, вполне обычные спереди, но без спинки...

– Вот так чудеса! – удивленно пробормотала я, вспомнив, в какой блузке щеголяла совсем недавно на одной из своих последних фотосессий: абсолютно схожий фасон с теми, которые я рисовала в детстве. К некоторым своим рисункам я даже приклеивала кусочки ткани, которые мне удалось раздобыть, вся материя вызывающе ярких тонов. В детстве я *любила все яркое*. Я втиснула альбом в передний карман своего рюкзака, как-никак, а это единственная вещь, которая связывает меня-ребенка со мной, уже взрослой женщиной. Затем достала старые кроссовки, валявшиеся в самом дальнем углу ящика, быстро переоделась и поспешила из дома, воспользовавшись черным ходом из кухни. Торопливо миновала наш огород с овощными грядками, открыла заднюю калитку, откуда дорога вела напрямик в горы.

Пошла по тропинке, по которой хаживала лет десять тому назад. Однако сегодня, несмотря на мои регулярные занятия гимнастикой,

восхождение давалось с трудом: сразу же заныли ноги, так что последние несколько метров я скорее доползла, чем дошла, постоянно цепляясь руками за крупные валуны и скользя по влажной грубой траве. Но наконец-то я на месте.

Тяжело дыша, я вступила на небольшую площадку обнаженной породы, всего лишь подножье скалы, взметнувшейся вверх прямо за моей спиной: с этого места открывался просто потрясающий вид на озеро. Я глянула вниз, туда, где темнела крыша нашего дома. Кажется, впервые до меня дошло, что же так успокаивающе действовало на меня в этом пейзаже, когда я была ребенком. Все дело в перспективе восприятия: в детстве Атлантис был для меня всем, моим космосом и моей вселенной, но, когда я созерцала его вот так, сверху вниз, он сразу же становился похожим на такой кукольный домик, крохотный и не очень приметный.

«Да, горы давали мне видение перспективы, – снова повторила я мысленно, свесив ноги с выступа скалы. – Эта панорама давала мне ощущение того, что я и сама маленькая».

Какое-то время я сидела бездумно, просто наслаждаясь погожим солнечным днем. Внизу я разглядела яхту, которая отсюда казалась просто игрушечной лодочкой, она плавно скользила по спокойной глади озера, ее паруса трепетали, подхваченные легким бризом. Внезапно я почувствовала, что мне совсем не хочется возвращаться обратно в свой реальный мир. Пожалуй, я бы с удовольствием осталась здесь, чтобы меня никто не нашел. Какое дивное ощущение полнейшей свободы! От одной только мысли о предстоящем возвращении в Нью-Йорк, в эти каменные джунгли Манхэттена, у меня тут же свело живот. Да, в том мире, в котором я сейчас живу, все насквозь фальшиво, пропитано жаждой наживы и, по большому счету, бессмысленно и пусто. Зато здесь все дышит первозданной чистотой и свежестью.

– Однако же, Электра, тебя и понесло! – тут же одернула я себя. – Начинаешь рассуждать прямо как Тигги.

Но если даже и так, то что в этом плохого? Все, что я понимаю про саму себя, так это то, что я отчаянно несчастлива и потому страшно завидую всем своим старшим сестрам, у каждой из которых уже началась своя новая и счастливая жизнь. Когда Ма рассказывала мне о том, как девочки собираются приехать в Атлантис вместе со

своими вновь обретенными родственниками, друзьями, возлюбленными, я еще острее почувствовала собственное одиночество: ведь мне даже некого привезти с собой.

Я поднялась со своего места, понимая, что пора спускаться, хотя бы потому что меня уже замучила жажда, а бутылку с водой я забыла прихватить. Я встала во весь рост и в последний раз окинула взором раскинувшуюся внизу картину.

– Как так получилось, что, имея все, я чувствую себя самым нищим и обездоленным человеком на свете? – обратилась я к окружающим меня скалам.

Потом спрыгнула с выступа и неожиданно подумала о том, что пора и мне возвращаться в реальную жизнь. Возможно, именно реальности мне и не хватает... А еще немного любви... Вот только где мне отыскать эту самую любовь? Об этом известно лишь небесам и еще, наверное, папе... Ведь он же наверняка там.

5

По возвращении в Нью-Йорк я в первое время постоянно мысленно обращалась к тем приятным ощущениям, которые испытала в Атлантиде, когда отправилась в горы, и даже начала устраивать пробежки по Центральному парку, когда это позволяло мое расписание. Бег был хорош тем, что я могла в два счета обогнать и оставить далеко позади любого, кто вычислит меня или опознает по внешности. Я постаралась также уменьшить ежедневную дозу приема спиртного, и, что самое главное, пребывание на свежем воздухе и интенсивные занятия спортом держали меня, более или менее, в тонусе. Во всяком случае, я не чувствовала потребности все время подпитывать себя коком. Ну а если приступы паники все же случались, я брала в руки предусмотрительно купленную заранее книжку с кроссвордами и тут же погружалась в разгадывание очередного кроссворда вместо того, чтобы изматывать себя всяким допингом, пытаюсь успокоиться.

Словом, я почувствовала, что понемногу учусь контролировать себя.

Единственное, что не давало мне покоя, и это, несмотря на то что я обыскала вдоль и поперек всю свою квартиру, так это то, что я так и

не смогла найти папино письмо. Тщетно я напрягала все свои извилины, пытаюсь вспомнить, куда могла засунуть злосчастный конверт с письмом, когда впервые переступила порог своего нового нью-йоркского дома. Я даже обратилась за помощью к Мариам.

– О, Электра, не переживайте! Мы его обязательно найдем, – заверила она меня, и в ее глазах было столько участия и желания помочь. И тут же опустилась на колени, чтобы самой перебрать все ящики, в которых я хранила свое белье.

– Нет, я не настаиваю на том, что хочу немедленно прочитать это письмо, даже если бы оно и отыскалось, – говорила я в свое оправдание, стоя рядом. – Но просто мне хочется знать, где оно и что с ним все в порядке.

– Прекрасно вас понимаю, Электра. Ведь это же последние слова, которые адресовал вам отец незадолго до своей кончины. Конечно, ему хотелось бы, чтобы вы прочитали все, что он вам написал. Но еще раз повторяю: не переживайте! Мы найдем его во что бы то ни стало.

Но после того как самым тщательным образом были обысканы все шкафчики, ящики комодов и полки платяных шкафов, вручную перебраны все мельчайшие бумажки, нашедшиеся в доме, даже у Мариам изрядно поубавилось энтузиазма.

– Да бог с ним, с этим письмом, – обронила я как-то раз солнечным апрельским утром, пока Мариам, наверное, уже в сотый раз перепроверяла содержимое моей прикроватной тумбочки. – Наверное, не судьба мне прочитать это письмо. А сейчас пойду-ка я и выпью чего-нибудь крепкого перед ланчем. Составите мне компанию?

Как всегда, Мариам отказалась от спиртного и попросила только стакан воды.

Потом мы уселись и вместе просмотрели всю свежую корреспонденцию, поступившую на мой электронный адрес: главным образом, приглашения на открытия всяких новомодных бутиков, на кинопремьеры и благотворительные балы. Я подумала, что когда-то подобные приглашения доставляли мне массу удовольствия и я радовалась, как дитя, получая их. Но сейчас я уже отлично понимала: всем этим людям нужна *совсем не я*, просто лишний повод отметить в колонке великосветской хроники в какой-нибудь газетенке.

– Ой, совсем забыла! – вдруг воскликнула Мариам и полезла в свою сумочку. – Тут Сюзи передала мне письмо, которое пришло на

адрес агентства, но на ваше имя.

– Ну так и разбирайтесь с ним сами, – ответила я с некоторым раздражением в голосе. – Это же ваша обязанность. Наверняка, как обычно, просьба о помощи или о каких-то пожертвованиях... Или вдруг объявился какой-нибудь мой очередной братец, который потерялся еще в детстве при самых загадочных обстоятельствах.

– Все так, Электра. И обычно я действительно *сама* разбираюсь с подобными прошениями. Но на сей раз мы с Сюзи решили, что вам все же стоит прочитать это письмо.

Она протянула мне конверт, на лицевой стороне которого красивым почерком был написан адрес агентства. Потом я глянула на Мариам, сидевшую за журнальным столиком напротив меня.

– Зачем мне его читать? Что в нем такого?

– А вы прочитайте, и тогда поймете сами, – снова настойчиво повторила она.

– Ладно! – согласилась я со вздохом и извлекла письмо из конверта. – Надеюсь, там никаких дурных новостей? Типа какой-нибудь кляузы из налоговой службы?

– Ничего подобного, Электра. Никаких кляуз. Точно говорю.

– Тогда хорошо. – Я развернула письмо и прочитала адрес сверху: Бруклин. А затем погрузилась в чтение самого письма.

Глубокоуважаемая мисс Делеси, или можно я буду называть Вас просто Электрой? Меня зовут Стелла Джексон, и я прихожусь Вам родной бабушкой...

– Ну, я же говорила! – Я свернула листок бумаги в тугой шарик и шуточно швырнула им в Мариам. – Да знаете ли вы, сколько подобных писем от моих якобы утраченных некогда родственников я получаю? Обычно Сюзи сразу же выбрасывает их в корзину для бумаг. А этой что от меня надобно?

– Судя по письму, ничего. Просто хочет встретиться.

– Так! И что же такого необычного вы вместе с Сюзи нашли в этом письме? Почему решили, что я обязательно должна прочитать его?

– Там в конверте есть еще кое-что, Электра. Взгляните! – Мариам махнула рукой в сторону журнального столика, на который я швырнула

распечатанный конверт. – По-моему, вы должны обязательно посмотреть.

Исключительно для того, чтобы отвязаться от настойчивых просьб своей помощницы, я снова взяла в руки конверт и извлекла оттуда крохотную фотографию, затерявшуюся в самом уголке конверта: черно-белая фотография, старая, судя по пожелтевшим краям, запечатлевшая красивую темнокожую женщину с младенцем на руках, счастливо улыбающуюся на камеру.

– И?

Я бросила очередной вопросительный взгляд на Мариам.

– И что? – снова повторила я.

– Неужели вы не улавливаете сходства?

– Сходства с кем?

– С собой, конечно! Сюзи заметила это сразу, да и я тоже.

Я снова глянула на фотографию.

– Допустим... Она чернокожая, при этом самая настоящая красавица, но! – Я равнодушно пожала плечами. – Уверена, на свете тысячи женщин, похожих на нее... И на меня тоже...

– Вы прекрасно знаете, Электра, что на свете *очень немного* женщин, похожих на вас. Форма ее лица, разрез глаз, высокие скулы... Честное слово, она – ваша копия. Точнее, я хотела сказать, что это вы... могли бы быть ее копией.

– Хорошо-хорошо! Но пока я не отыщу папино письмо, я не собираюсь родниться со всякими случайными людьми на том лишь основании, что я, видите ли, похожа на них. Согласны со мной?

– Тогда нам надо во что бы то ни стало отыскать это письмо, – ответила Мариам и принялась разглаживать скомканное письмо от предполагаемой бабушки (мне со стороны показалось, что ему уже невозможно вернуть первоначальный вид). Тем не менее Мариам это удалось, и она вложила письмо обратно в конверт вместе с фотографией. – А пока я спрячу это письмо в сейф, ладно?

– Хорошо, – не стала я возражать. Раздался зуммер, оповещающий, что на мой мобильник пришла эсэмэска, и я глянула проверить, от кого.

– Итак, завтра я заезжаю за вами ровно в восемь утра. У вас, напоминаю, Электра, деловая встреча с Томасом и Марселлой по поводу рекламной кампании духов к предстоящему Рождеству.

– Хорошо, свободны! Пока! – Я сделала жест рукой, давая понять Мариам, чтобы она оставила меня одну, пока я вчитывалась в текст поступившей эсэмэски.

– А после обеда фотосессия – реклама часов. Что ж, если у вас ко мне больше нет никаких дополнительных поручений, тогда до завтра.

Но я уже не слушала Мариам, впившись глазами в слова, которые высветились на дисплее, а потому просто попрощалась с ней кивком головы, когда она двинулась на выход. Потом схватила свою рюмку с водкой и, сделав большой глоток, перечитала сообщение заново.

«Привет, дорогая. Я сейчас в городе с концертом. Вот подумал, почему бы нам завтра не пересечься, а? Охота немного поболтать с тобой. Митч».

Черт! Черт! Черт!

Я осушила рюмку до дна и тотчас же наполнила ее заново, чувствуя, что мне надо успокоиться и унять бешеное сердцебиение.

Снова перечитала полученную эсэмэску и тут же включила свой ноутбук, проверить, а не врет ли мне Митч. Но нет! Он действительно сейчас в Нью-Йорке. Свой последний гастрольный тур завершает грандиозным выступлением в Медисон-сквер-гарден: концерт должен состояться через два дня. Я поднялась с кресла и подошла к одному из французских окон, распахнула его настежь и вышла на террасу. Так значит, Митч в Нью-Йорке, вполне возможно, где-то совсем рядом со мной. Но где бы он сейчас ни был, сегодня вечером мы с ним дышим одним воздухом.

Я снова глянула на экран своего мобильного, пытаюсь проникнуть в истинный смысл того, что скрывалось за его словами. Как это понимать? Он что, предлагает мне оливковую ветвь мира? Или как? Но оливковые ветви, они все, как правило, такие пушистые, и каждый листок несет в себе особое значение. Типа: «Послушай, я соскучился по тебе, я люблю тебя и понял, что совершил ошибку». Или: «Прошло какое-то время после нашего расставания, думаю, нам пора двигаться вперед. Хотя бы остаться друзьями...»

Так какой же смысл скрывается за посланием Митча? Понятия не имею!

«Скажи ему “нет”, Электра... Слишком рискованно возвращаться назад».

– Черт! – снова громко выругалась я. – Будь оно все проклято!

После чего с лихостью преодолела допустимый барьер для спиртного. Вот сейчас напьюсь в стельку и умру. Какая мне, в конце концов, разница? Умереть от перепоя – это еще не самый худший вариант. И достаточно простой к тому же. Я почувствовала себя буквально на грани нервного срыва, потому что понятия не имела, что мне делать в этой ситуации. Вот была бы у меня близкая подруга, с которой можно было бы посоветоваться. Но, как ни прискорбно в этом признаваться, имея пять сестер, я ни одну из них не могу назвать своей близкой подругой или просто человеком, которому я полностью доверяю.

– Да наплюй ты на эту эсэмэску! – воскликнула я вслух, возбужденно расхаживая по террасе, ненароком выхватила цветок из букета, оторвала ему головку и бросила лепестки на стекло.

Снова вернулась к себе в спальню, засунув мобильник глубоко под подушку. Наверное, *лучше оставить* все, как есть. Я не стану отвечать, Митч все поймет и тоже не будет бомбардировать меня новыми эсэмэсками. И это, кстати, немедленно прояснит для меня всю картину в целом.

Да, именно так я и поступлю. Я налила себе очередную порцию водки и отправилась изучать содержимое своих платяных шкафов, прикидывая, в чем бы я могла предстать перед ним, если бы наша встреча все же состоялась. Как ни верти, а наряды – это мое главное оружие, мой боевой арсенал, так сказать. Стоит мне сделать всего лишь один звонок любому кутюрье, обитающему в Нью-Йорке, и мне в течение нескольких часов подвезут тот туалет, в котором я хотела бы щегольнуть. Конечно, многое будет зависеть от места нашей встречи. Предположим, Митч придет ко мне сюда, тогда мне стоит выглядеть по-домашнему, но стильно и сексуально. Ему всегда нравились мои ноги... Так, может, все проще простого?

Я поспешила в ванную комнату и разделась догола, потом сняла с сушки белое пушистое полотенце и задрапировала его вокруг талии. Включила кран и подставила руку под струйку воды, разбрызгав несколько капель по обнаженной коже. Потом собрала волосы в один

пук и скрутила их в узел на самой макушке. Окинула себя внимательным взглядом в зеркале в полный рост.

И невольно хихикнула. Потому что *именно в таком прикиде* я бы и встретила Митча, если бы он заявился ко мне сюда с визитом. Однако что, если мне придется куда-то ехать на встречу с ним? Я швырнула полотенце на пол и снова вернулась к своему гардеробу. Сняла с вешалки мини-платье от Версаче яркого изумрудного цвета и в этот момент услышала приглушенные позывные, сообщающие, что на мой мобильник прибыла еще одна эсэмэска. Схватила телефон. Снова от Митча.

Я сделала глубокий вдох и открыла текст.

«Ты получила мое сообщение, Электра? Я действительно очень хочу встретиться с тобой завтра и поболтать немного».

Я прыжком вскочила на кровать, именно так! – запрыгнула туда, попутно хватанула еще рюмку водки для храбрости и постаралась сформулировать достойный ответ.

«Привет. Только что обнаружила от тебя эсэмэску».

Мои пальцы зависли над дисплеем: мысленно я прикидывала, какое у него может быть расписание на завтра. Наверняка с утра его атакует пресса, затем после обеда он будет репетировать со своим оркестром, проверяя и перепроверя снова и снова качество звучания и все остальное. Скорее всего, раньше восьми не освободится.

«Завтра днем у меня никак не получится. Деловая встреча по поводу рекламной кампании парфюма. Домой вернусь не раньше восьми».

Перечитала весь свой текст и осталась вполне довольна. Можно смело отправлять. И буквально через пару секунд прилетел ответ от Митча.

«Тогда можно в девять у тебя? Устроит?»

И тут мне захотелось немедленно принять ванну. Я включила свою стереосистему на полную мощь и улеглась в благоухающую пенную воду, закрыла глаза и стала слушать последние записи Митча. Через какое-то время вылезла из ванны. Меня распирало чувство гордости от того, что я все же сумела проявить выдержку и продемонстрировать Митчу (хотя бы ради разнообразия) свой характер. После чего поплелась в спальню и взяла в руки мобильник.

«Да, ровно в девять меня устроит. До встречи».

Я нажала на кнопку отправки и только тогда позволила себе улыбнуться. *«А самое лучшее во всей этой истории, – мелькнуло у меня, пока я разглядывала себя в зеркале, – что я смогу предстать перед ним в своем новом и любимом наряде».*

* * *

Всю ночь я не сомкнула глаз; утром, вопреки данному себе самой слову и близко не прикасаться к коксу, зная о том, что Митч учует его запах за целую милю от себя, я все же не удержалась и соорудила одну полоску, чтобы хоть немного расслабиться, прежде чем отправиться на утреннюю деловую встречу, на которой предстояло обсуждение всех подробностей предстоящей рекламной кампании парфюма.

– С вами все в порядке? – первым делом спросила у меня Мариам, когда я вышла из туалетной комнаты.

– Да, все отлично. Так мы идем?

После переговоров, которые продлились пару часов, мы снова вышли вместе с ней на улицу. Я была рада, что все это время Мариам была рядом со мной, скрупулезно фиксируя все мельчайшие детали предстоящей рекламной фотосессии, которая должна будет пройти в Бразилии, сама рекламная кампания стартует в самом начале октября. Единственное, что я запомнила из всех наших переговоров, так это то, что к концу встречи я провоняла духами, словно какая дешевая проститутка, – мой клиент, присутствующий на переговорах, видно, упросил кого-то заранее облить всю комнату парфюмом, который мне предстояло рекламировать.

– Ну и ну! – удивленно констатировала Мариам, когда лифт повез нас на первый этаж. – А они не жалеют денег на свою рекламную кампанию. Я еще никогда не была в Рио. А вы?

– Сразу даже и не вспомню. Но, по-моему, тоже не была.

– Кажется, вы говорили, что ваша старшая сестра живет в Рио?

– Наверняка говорила, – рассеянно подтвердила я, прикидывая в голове, хватит ли у меня времени, чтобы заскочить на обратном пути к своей маникюрше.

– Тогда вы сможете навестить ее, когда будете там, – не отставала от меня Мариам.

– Конечно, навещу, – кивнула я в ответ, пробираясь вслед за ней к тому месту, где нас поджидала машина. Устроившись на заднем сиденье своего роскошного лимузина, мы двинулись в обратный путь.

– Что вам заказать на ланч? – поинтересовалась у меня Мариам.

– Спасибо, ничего. Думаю, я вполне обойдусь тем, что есть у меня дома.

– Электра, ваш холодильник пуст, а вам надо регулярно питаться. Это важно. И потом, не забывайте, ровно в три у вас съемка: реклама часов марки Жежер-Лекультр.

– Что? – уставилась я на нее в ужасе. – Какая еще съемка? Вы вчера ничего не говорили мне о ней.

– Говорила, Электра, – спокойно возразила мне Мариам. – Разве вы забыли, как на прошлой неделе нам прислали восхитительный комплект этих часов, отделанных розовыми бриллиантами, чтобы вы могли примерить их? Такая дорогущая модель, что ее доставили в сопровождении двух охранников.

К несчастью, я *ничего не забыла*.

– Черт! – пробормотала я себе под нос, ибо уже успела заметить, что Мариам всегда недовольно морщится, когда я ругаюсь при ней вслух. – А отменить никак нельзя? Сослаться, что мне нездоровится?

– В принципе, наверное, можно. Только я не понимаю, зачем это делать.

– Дело в том, что у меня на вечер есть одно дело, о котором я совсем забыла.

– На какое время у вас назначено это мероприятие?

– Где-то около восьми, – ответила я, зная, что мне понадобится, по меньшей мере, час времени, чтобы подготовиться к встрече с Митчем.

– Что ж, тогда мы успеваем. Они хотят провести съемки при заходе солнца, а к половине восьмого стемнеет уже по-любому. Думаю, вы попадете как раз вовремя, если сразу же после фотосъемок отправитесь домой.

– Но мне же надо время, чтобы как-то подготовиться! Привести себя в порядок! Боже! Нельзя ли отложить эти проклятые съемки хотя бы на неделю? Ведь сама рекламная кампания стартует еще не скоро. Сколько им нужно времени, а?

– Электра, я, конечно, вам не указчик, но...

– Да, вы уж точно не подходите на эту роль! Впрочем, как и любой другой, кто может возомнить, что он меня контролирует!

Я увидела, как лицо Мариам покрылось краской, но она лишь молча опустила глаза.

– Прошу простить меня, – сказала она после короткой паузы, – если вы истолковали мои слова как посягательство на вашу частную жизнь.

Внезапно мне стало страшно не по себе. В конце концов, я же сама виновата. При чем здесь Мариам?

– Нет, это *я должна* просить у вас прощения. Я сегодня с утра не в своей тарелке. Какая-то вся дерганая... Но вы, конечно, правы. – Я тяжело вздохнула. – Будет некрасиво с моей стороны, если я подведу этих людей. Тогда постараюсь быть паинькой, чтобы съемки прошли максимально быстро. Обещаю выложиться по полной.

– Уж кто-кто, а вы, Электра, умеете делать это, как никто. Ладно! Так вы уверены, что не хотите ничего из съестного?

– Закажите мне васаби с японской лапшой и немного капусты.

– Хорошо. Сейчас я отправляюсь к Сюзи, но ровно в половине третьего я вернусь за вами. Так?

– Да.

Вернувшись к себе, я тут же насыпала пару дорожек из кокса, потому что мои нервы были уже на пределе. После чего с легкой душой принялась за обед, обильно сдабривая лапшу своей любимой французской водкой «Грей гуз». Серый гусь, если по-английски. Затем выхлебала, по меньшей мере, пинту воды, долго и упорно полоскала рот, израсходовав почти полбутылочки зубного эликсира, сжевала подушечку мятной жевательной резинки и наконец присела на

постель, пытаюсь расслабиться с помощью специальных дыхательных упражнений, которые мне порекомендовал мой психотерапевт.

Упражнения не помогли. Для того чтобы расслабиться, мне нужны либо «Серый гусь», либо его заменитель – порошок кокаина, который я любовно называю «Белым раем».

– Ну почему тебе не помогает что-то хорошее? То, что помогает другим? – жалобно спросила я себя и сделала еще пару затяжек, зная, что кокс – это на сегодняшний день единственное снадобье, которое поможет мне успокоиться.

* * *

– Добрый день, Электра! Как всегда, ослепительны! – приветствовал меня на выходе из дома Томми, мой фанат номер один.

– Спасибо.

– Чем могу быть вам полезен сегодня? – услужливо поинтересовался он у меня.

– Спасибо, но на сегодня никаких поручений. – Я одарила его благодарной улыбкой, проходя мимо, и заторопилась к поджидающей меня машине.

– Какой он славный! – воскликнула Мариам, залезая в машину вслед за мной. – И так преданно вас охраняет. Может, стоит подумать о том, чтобы нанять его в качестве вашего официального телохранителя? Невооруженным глазом видно, что под своим старым свитером он весь полыхает огнем.

– Мариам! – Я повернулась к ней лицом, картинно вскинув брови. – Я очень удивлена!

– Честное слово, Электра! Да, я не употребляю спиртного и не ругаюсь, но во всем остальном... Знаете, я все нормально чувствую, – добавила она с улыбкой, пока наша машина вырुливалась на проезжую часть, чтобы влиться в поток транспорта. – Ваше вечернее мероприятие так важно для вас, да?

– О, это просто приватный ужин с одним... приятелем.

– Тогда мы сделаем все от нас зависящее, чтобы доставить вас домой вовремя.

Я вернулась домой еще до восьми вечера: страшно ныло плечо, так как пришлось держать руку в строго определенном положении до тех пор, пока у них не получилось сделать идеальный снимок часов. Увидев, что Томми не дежурит, по своему обыкновению, на входе, я обрадовалась: обычно он любит сопровождать меня вплоть до самых дверей моей квартиры. Но сегодня мне меньше всего хотелось, чтобы кто-то увидел спешащего ко мне в гости Митча. Конечно, Митч – мастер маскировки и все такое: у него дома целый чулан всяких накладных бород, усов и бакенбард, однако все равно рисковать не стоит. Как только консьерж доставил меня в мой пентхаус, я тут же побежала наполнить ванну, потом обзрела в зеркале тот макияж, который остался на моем лице после съемок, прикидывая, оставить ли все, как есть, или лучше смыть его напрочь. Я знала, что Митч предпочитает видеть меня в естественном, так сказать, облике, а потому сняла с лица макияж и с наслаждением погрузилась в воду, стараясь не замочить волосы. О, как я мечтала иметь *действительно натуральные* шелковистые волосы. Может, в один прекрасный день я наберусь смелости и подстригусь на манер Алек Век, еще одной модели, с которой я изредка пересекаюсь на всяких показах. Все же короткая стрижка – это гораздо проще.

Выбравшись из ванны, я пошлепала на кухню, чтобы добавить немного льда в водку и тем самым понизить ее градус.

– Черт! – снова выругалась я, обнаружив, что Мариам, как всегда, оказалась права: мой холодильник был пуст. Митч появится на пороге с минуты на минуту, а у меня даже не получится угостить его холодным зеленым чаем.

«А с другой стороны, плевать мне на то, что он там любит пить. Разве не так? – тут же успокоила я себя, вернулась в ванную и принялась чистить зубы. – Не забывай, он отшивырнул тебя, как ненужную тряпку! Можно сказать, он разбил тебе сердце».

– Именно так! Разбил! – подтвердила я уже вслух, обращаясь к своему отражению в зеркале и нанося на губы специальный блеск.

Зашла в гостиную и глянула на часы: без четверти девять. Из одежды на мне по-прежнему было лишь одно банное полотенце, и этого вполне достаточно, а потому я занялась более насущным делом:

перелила водку в пустую пластиковую бутылку из-под воды. Пусть будет под рукой на всякий случай. Вдруг мне понадобится срочная подпитка, а Митч и не догадается, что я вместо воды хлебую водку. Потом схватила свое портфолио, извлекла из него самые лучшие последние фотографии и рассыпала их в живописном беспорядке на журнальном столике так, будто я стараюсь выбрать из этого вороха какой-то один подходящий снимок. Потом подошла к стереосистеме и замялась в нерешительности. Что поставить? Записи Брюса Спрингстина, которого Митч просто боготворит? Или какую-нибудь поп-музыку восьмидесятых, которую я очень люблю, зато Митч ее на дух не переносит. Нашлось компромиссное решение: обойтись без музыки.

– Боже, я так волнуюсь! – пробормотала я, присаживаясь на диван. И тут же учуяла кисловатый запах пота, снова бросилась в ванную комнату, вытерла себя насухо и сбрызнула тело туалетной водой. Пожалуй, в последний раз я так волновалась, когда впервые выходила на подиум в Париже.

«А что, если он действительно хочет вернуться? Бросишься в его объятия с покорностью ягненка? Или как?»

«Бросишься, бросишься... Ты и сама это знаешь, Электра...»

Однако времени для углубленного самоанализа уже не было: снизу позвонил консьерж и сообщил, что ко мне посетитель, некто «мистер Майк».

– Пусть поднимается, – бросила я в трубку домофона и швырнула ее на рычаг. Снова побежала в ванную и, зачерпнув пригоршню воды, плеснула ее себе на плечи. Еще раз глянув на свое отражение в зеркале, приготовилась к звонку в дверь. Но никакого звонка не последовало, а вместо него я услышала знакомый голос, но уже из гостиной.

– Электра, ты где?

«Боже! Митч уже в моей квартире!»

– Иду-иду! – Я сделала погромче шум льющейся воды, снова сбрызнула плечи ароматизированным дезодорантом. Потом еще раз удостоверилась, что белое махровое полотенце обвивает мою талию самым соблазнительным образом, после чего двинулась в гостиную.

И вот он передо мной, живой и невредимый, тот самый мужчина, который оставил меня с разбитым сердцем. Он уже стянул с головы

бейсболку и сорвал фальшивую бороду. Высокий, статный и до ужаса сексапильный, как это ни прискорбно! Словом, такой, каким я его и помню: поношенные джинсы, рубашка в клетку, ковбойские ботинки, которые он всегда носит. Если нужно какое-то мужское олицетворение Америки, так вот он, Митч, стопроцентный американец во всем! А волосы он немного отрастил, по сравнению с тем, что было раньше, заметила я, и не успел побриться: вон какая густая щетина на подбородке. Мне захотелось подбежать к нему и тут же начать срывать с него одежду.

– Но как ты вошел? – удивилась я.

– Да дверь у тебя была открыта, – пожал он плечами в ответ. – Наверное, забыла закрыть ее, как положено.

– О господи! Это со мной случается постоянно. Когда-нибудь меня прирежут в собственной постели.

– Надеюсь, такое все же не случится. – Митч окинул меня внимательным взглядом с головы до ног, потом отвел глаза в сторону. – Я наверняка помешал тебе. Ты даже одеться не успела.

– Я... да, не успела. Заторопилась, услышав твой голос. Я только что после ванны. Съемки затянулись немного дольше, чем я предполагала.

– Все в порядке. Я никуда не спешу. Ступай, одевайся.

– Ладно! – ответила я и направилась к себе в спальню, крайне раздосадованная первой неудачей. Ведь в глубине души я была абсолютно уверена в том, что при виде меня полуобнаженной, едва прикрытой полотенцем, Митч немедленно сорвет с меня это полотенце и тут же заключит в свои объятия. Однако, судя по всему, нам снова предстоит повторить конфетно-букетный этап ухаживаний, как это уже было в прошлом.

Запасного варианта, так сказать, плана Б, для подобного развития сценария у меня не было, а потому я бросила полотенце на пол и устала на обилие вещей в своей гардеробной, не имея ни малейшего представления, что же мне выбрать. Но, в конце концов, я остановила свой выбор на любимых джинсах, а сверху надела короткую майку ярко-зеленого цвета с открытыми плечами. Как-никак, а Митч – горячий парень с Юга, наверняка сумеет по достоинству оценить плотно облегающие джинсы.

Тяжело дыша и обмахиваясь рукой, ибо я снова вспотела от напряжения и нервов, я вернулась в гостиную, Митч сидел на диване и разглядывал мои фотографии.

– Клянусь всеми святыми, ты стала еще краше с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Причем я говорю не столько об этих фотографиях, сколько о тебе самой, такой, какой я сейчас тебя вижу. – Он улыбнулся.

– Спасибо. Что-нибудь выпьешь?

– Если только у тебя завалилась бутылочка колы.

– А я думала, ты пьешь исключительно травяные чаи.

– Сегодня у меня выдался очень напряженный день. Иногда, знаешь ли, хочется немного взбодриться, так что капля кофеина мне совсем не помешает.

– Пойду, взгляну, что там у меня имеется в наличии, – сказала я и отправилась на кухню. К счастью, на дверце холодильника обнаружили две банки кока-колы.

– Вот, пожалуйста! – Я протянула ему банку, зная, что он никогда не пьет колу из стакана. Считает, что это не по-мужски.

– Итак, – обронила я, тоже усевшись на диван, но на некотором расстоянии от Митча, и взяв в руки бутылку со своей якобы водой. – Как поживаешь?

– Да вот работы по горло с этим гастрольным туром. Завтра вечером даю очередной концерт, уже сотый по счету.

– Поздравляю! Это событие! – Я потянула через соломинку водку, проглотила и одобрительно кивнула. – Но, насколько я понимаю, гастрольный тур близится к своему завершению, да?

– Да. Не поверишь, не могу дождаться, когда снова вернусь к себе в Малибу. Нужно сбавить обороты и устроить небольшую разгрузку. А как у тебя дела, Электра? Где побывала за это время?

– Да вроде все нормально. Работы полно. Словом, кручусь, как белка в колесе. Все время занята. Как и ты.

– Рад слышать. Выглядишь потрясно. Честно!

– Ты тоже неплохо смотришься.

– Спасибо на добром слове, но это скорее комплимент, чем правда. Знаешь, когда месяцами приходится спать не в своей постели, это сильно выбивает из колеи. Вот отыграю завтрашний концерт и уйду в тень на несколько месяцев. Стар я уже стал для таких

напряженных гастрольных графиков, – обронил он с ленивой улыбкой, снова глянув на меня. Скольких миллионов женщин эта его знаменитая улыбка сводила с ума.

– Не говори ерунды, Митч. Старые рокеры никогда не умирают. Бери пример с «Роллинг Стоунз».

– Да, ты абсолютно права! Тут и спорить не о чем! – Митч шутливо округлил глаза. – Ну, ступай же ко мне! Обними своего Митча.

Дважды просить меня не пришлось. Я с радостью упала в его распростертые объятия, с нетерпением ожидая того момента, когда он запорошит мне голову и начнет целовать. Но вместо поцелуя он лишь ласково погладил меня по макушке.

– В сравнении со мной, ты еще сущее дитя, правда ведь?

– Совсем даже *не дитя!* Знаешь, при моей работе взрослеешь очень быстро. Порой я чувствую себя уже такой старой... Старше, чем ты. – Я взглянула на Митча, призывно раскрыв губы, но он глянул на меня сверху вниз с каким-то странным выражением глаз.

– Не держишь на меня зла?

– С чего бы?

– Ну, все же... я обошелся с тобой не очень хорошо...

– Это правда, ты поступил плохо. Но это же все в прошлом. Понимаю, у тебя на то были свои причины.

– Ты необыкновенно добра ко мне, Электра, но все равно я чувствую себя немного подонком. Хотя, с другой стороны, и понимал тогда умом, что нам с тобой пора завязывать... Все равно ничего не получится.

Я замерла в ожидании, что сейчас он скажет: «но хотя...»

Однако никаких «но» не последовало. Вместо этого он сказал другое.

– Я искренне рад, что ты преодолела этот кризис в наших с тобой отношениях и пошла вперед. Меньше всего на свете мне хотелось причинять тебе боль.

– Да говорю же тебе, со мной все в порядке. В полном порядке!

Да, наш разговор с Митчем развивается совсем не в том направлении, в каком бы мне этого хотелось. Я высвободилась из его объятий и снова потянулась к своей бутылке с «водой». Сделала еще один глоток.

– Такое впечатление, что ты завязала с наркотой, да?

– Завязала, – подтвердила я и отхлебнула еще один большой глоток водки. Пора открывать карты. – И все же, зачем ты явился ко мне?

– Потому... потому что хочу кое-что сообщить тебе.

– Да? Как интересно! И что же такого ты хочешь сообщить мне?

– Видишь ли, я хочу, чтобы ты узнала первой... Еще до официального объявления... У меня такое чувство, что я обязан поступить именно так. Как никак, а я – твой должник.

Я молча уставилась на Митча, не имея ни малейшего представления о том, что именно он приготовился рассказать мне, но одно я уже понимала точно: никакого повторного признания в любви не будет. С разговорами о неумирающей страсти покончено раз и навсегда.

– Я собираюсь жениться, – выпалил он. – На одной прекрасной женщине, с которой познакомился во время этого последнего тура. Она выступала у меня бэк-вокалисткой на некоторых концертах. Она тоже южанка, как и я. Понимаешь, мы с ней полностью подходим друг другу.

Я не раз слышала о том, как при определенных обстоятельствах кровь может превратиться в лед. Как это там говорят? Кровь застыла в ее жилах... Нечто подобное произошло и со мной в эту самую минуту.

– Мои поздравления! – с трудом выдавила я из себя, задыхаясь от нехватки воздуха.

– Спасибо. Наверное, я поступил по-дурацки, заявившись сюда, чтобы лично сообщить тебе эту новость. Потому что вижу, все у тебя прекрасно, и ты процветаешь...

– О да, так оно и есть. У меня действительно все прекрасно и замечательно, – обронила я, собрав в кулак все остатки своей выдержки, чтобы не схватить со стола тяжелую бронзовую статуэтку и не запустить ею в его красивую самодовольную рожу.

– Да, это чувствуется, – с готовностью согласился он. – А я вот собираюсь на завтрашнем концерте объявить своим фанатам, что женюсь. Выведу Шэрон на авансцену и сообщу все, как есть.

При последних словах Митч удовлетворенно кивнул головой, словно признавая еще раз, что весь сценарий предстоящего действия продуман им до мелочей и что он поступает правильно. Я молчала,

интенсивно потягивая водку через соломинку. К сожалению, водка закончилась.

– Хочешь, я пришлю тебе билеты в VIP-ложу на завтрашний концерт? – поинтересовался он у меня.

– Сожалею, но завтра вечером я занята, – равнодушно отреагировала я.

Митч поднялся с дивана.

– Тогда я, пожалуй, пойду. Рад был увидеть тебя в такой прекрасной форме. Будь здорова. А мне надо ухватить хоть пару часиков сна. Завтра будет очень напряженный день.

– Да, похоже, завтра у тебя будет насыщенный день, – промолвила я, не шевелясь.

Митч глянул на меня, и, видно, что-то в выражении моего лица его насторожило. Или он наконец все понял?

– Думаешь, я поступил плохо, что пришел к тебе? Но просто я...

– Митч!

– Да?

– Убирайся вон ко всем чертям из моей квартиры! *Немедленно!*

Я поднялась с кушетки и встала рядом с ним.

– Сейчас-сейчас! Уже ухожу! Прости меня, Электра, – пробормотал он растерянно, направляясь к двери. – Меньше всего на свете мне хотелось доставить тебе новую порцию огорчений.

– Знаешь, у тебя это отлично получилось! На все сто!

Я опередила его и широко распахнула перед ним дверь.

– Прощай, Митч. Желаю тебе счастья с молодой женой, – выдохнула я из последних сил.

К счастью, у него хватило ума промолчать, потому что, скажи он еще хоть слово, я бы убила его прямо на месте. Едва он переступил порог, как я с громким стуком захлопнула входную дверь. Удар получился такой силы, что задребезжали стаканы, стоявшие в кухонном буфете. А потом я медленно сползла по стенке на пол и зашла в безутешных рыданиях, изливая в слезах всю свою злость и боль.

– Что-нибудь еще, мисс Делеси? – поинтересовался у меня бортпроводник.

– Да, пожалуйста, стакан воды с тоником и льдом.

– И с лимоном?

– Нет, спасибо. Без лимона.

– А что насчет еды?

Я огляделась в поисках меню.

– Вот вам, пожалуйста, карта меню, – протянул он мне карту.

У меня сильно кружилась голова, и я с трудом смогла сконцентрироваться на тексте.

– Пожалуй, я закажу жареную лапшу по-японски и салат с гарниром.

– Отличный выбор! А вино какое предпочитаете?

– Без вина. Только вода с тоником.

Бортпроводник согласно кивнул в ответ и пошел по проходу в салон первого класса. Я открыла багажный отсек для ручной клади, куда положила свою сумочку и то, что я успела купить в магазине дьюти-фри, огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что за мной никто не подглядывает, после чего извлекла оттуда заветную бутылочку «Серый гусь», отвернула пробку и отхлебнула изрядный глоток. К тому моменту, когда передо мной снова возник бортпроводник с моим тоником, я уже оприходовала полбутылки водки. После чего откинулась на сиденье и закрыла глаза, и перед глазами, несмотря на сомкнутые веки, тут же заплясали разноцветные огни. Я понимала, что минувшей ночью приняла слишком много кокса, да и таблетки экстази мне не пошли. В любом случае, нервное возбуждение мне удалось снять только под самое утро, где-то часам к семи, но к этому времени я умудрилась проглотить еще и пару снотворных пилюль. Остальное помню смутно... Кто-то отчаянно трясет меня за плечи, пытаюсь разбудить. С трудом разлепляю глаза и вижу склонившуюся надо мной Мариам, которая объявляет, что нам уже пора в аэропорт, чтобы не опоздать на свой рейс.

– Добрый день, – слышу я снова ее голосок над своим ухом.

«Легка на помине», – думаю я с некоторым раздражением, разглядывая Мариам, которая приплелась ко мне из своего салона бизнес-класса.

– Привет, – здороваюсь я.

– Как себя чувствуете? – спрашивает она у меня.

– Все нормально, спасибо. Вчера засиделась допоздна и потому не выспалась.

– Нам лететь до Сан-Пауло часов десять, не меньше. Думаю, у вас будет время немного отоспаться, прежде чем мы сделаем пересадку в тамошнем аэропорту и полетим дальше до Рио уже на частном самолете. А завтра у вас весь день плотно занят съемками.

– Знаю. Думаю, сумею привести себя в порядок к завтрашнему дню, – твердо обещаю я ей.

– Кстати, вы уже связывались со своей сестрой?

– Пока еще нет.

– Думаю, завтра вечером вы бы могли с нею встретиться. Или, в крайнем случае, в четверг, поскольку мы улетаем обратно ночным рейсом.

– Да. Я обязательно позвоню ей, как только мы приземлимся.

– И замечательно! Что ж, если вам что-то понадобится от меня, пошлите бортпроводника, и я тут же подбегу, – улыбнулась Мариам.

– Обязательно, – кивнула я в ответ, к счастью, в эту минуту мне подали мой тоник со льдом и орешки кешью.

– Спасибо, – поблагодарила я бортпроводника, но, как только они на пару с Мариам удалились, я, отпив полбутылки воды с тоником, сдобрила напиток очередной порцией водки, как это и задумывалось изначально.

Минувшие две недели были самыми кошмарными в моей жизни. *«Ничего более страшного в ней еще не было»*, – подумала я, сделав еще два больших глотка. Куда бы я ни пришла, меня везде встречали фотографии счастливого Митча на пару со своей Очень Заурядной Невестой, которые красовались на обложках всех журналов и газет; по телевизору постоянно крутили кадры того судьбоносного момента, когда во время концерта в Медисон-сквер-гарден Митч вышел на авансцену и объявил о том, что собирается жениться. Во время съемок только и разговоров было, что об этой предстоящей свадьбе. Естественно, стоило мне появиться, и все тотчас же умолкали. Однако сам кошмар продолжал вертеться у меня в голове наподобие бесконечного повтора одних и тех же новостей на канале Си-эн-эн. Просто цирк какой-то! Само собой, в этих условиях я не могла позволить себе *выглядеть так*, будто это меня как-то занимает или

сильно печалит. Представляю, с каким остервенением немедленно набросилась бы на меня вся желтая пресса, узри они хотя бы малейшее проявление грусти на лице бывшей подружки рок-звезды. Но я им такого шанса не дала, с головой погрузившись в светскую жизнь. Что ни вечер, меня видели либо на очередной кинопремьере, либо в престижном ночном клубе, либо на вернисаже в какой-нибудь гламурной галерее, и везде меня неизменно сопровождали самые знаковые представители мужского пола из тех, что подвернулись под руку. К счастью, Зед тоже оказался на месте, и мы с ним регулярно «светились» на всех великосветских мероприятиях; по городу даже поползли слухи, подкрепленные многочисленными публикациями в колонках великосветской хроники, что мы с ним уже почти официально «пара». Все это делалось мной вполне сознательно и специально, потому что *никто и никогда* не должен был увидеть меня плачущей.

– Никто! – снова повторила я вслух с вызовом в голосе и осушила свой стакан до дна.

– Вот ваша лапша и салат, мисс Деплеси, – сообщил мне бортпроводник, внезапно возникнув передо мной наподобие феи Динь-Динь. Он выдвинул столик, а его помощник принялся сервировать – скатерть, серебряные приборы и все остальное. Наконец перед мной поставили еду.

– Что-нибудь еще, мисс Деплеси?

– Пожалуй, бокал шампанского, – одарила я бортпроводника лучезарной улыбкой.

– Сию минуту, – послушно кивнул он головой и забрал у меня почти пустой стакан из-под воды с тоником.

– И, пожалуйста, освежите тоник, если можно.

– Конечно, мисс Деплеси.

«*Боже, – мелькнуло у меня, – как же это утомительно – быть мисс Деплеси*». Даже находясь над землей на высоте тридцать две тысячи футов, я не перестаю притворяться, что что-то собой представляю. Хотя на самом деле не представляю ровным счетом ничего. А вот поди ж ты! Изображаю из себя такую трезвомыслящую девушку, на дух не переносящую наркотики, у которой все и всегда под контролем.

Доев лапшу, я запила ее новой порцией тоника с водкой, потом рассеянно проглядела список кинофильмов, предлагаемых для просмотра. Но, не досмотрев и до половины последнюю серию про Гарри Поттера (почему-то я не обнаружила в перечне ни одной романтической комедии, видно, за их полной невостребованностью), я погрузилась в сон. Проснулась, когда все остальные пассажиры уже выключили свет рядом с собой и дремали в своих креслах, укутавшись одеялами, пристегнув их сверху для пущей надежности ремнями. Я тихонько пробралась в уборную и через пару минут снова вернулась в салон: он утопал в каком-то мрачном голубоватом свете, что почему-то сразу же вызвало у меня ассоциации с летающей космической лабораторией. *«Спящие люди, они так беззащитны»*, – мелькнуло у меня, пока я пробиралась к своему месту, которое за время моего отсутствия каким-то чудодейственным образом трансформировалось в кровать для сна. Да, беззащитность, продолжала я размышлять, это именно то, что я не имею права демонстрировать другим. Прояви хоть минутную слабость, и средства массовой информации тут же растреляют на весь мир, сколько у меня проблем и как я с ними борюсь. И все жители планеты от Таллахасси до Токио, сидя за ужином, будут сочувственно покачивать головами и говорить один другому, что именно чего-то такого они и ждали от меня. И наконец, *свершилось!* Ибо такова она, цена истинного успеха.

Я глянула в окно иллюминатора: целая россыпь огней светилась где-то далеко внизу. *«Наверное, это уже Южная Америка»*, – подумала я. А ведь я никогда не стремилась попасть туда. Да я и вообще никуда особо не стремлюсь. Сколько разных селебрити из числа моих знакомых не раз и не два доверительно признавались мне, как они с самого раннего детства мечтали о богатстве и славе. А я вот всю жизнь мечтала оказаться в таком мире, в котором не чувствовала бы себя чужаком, в таком мире, частью которого я являюсь. Вот это действительно мое единственное и самое заветное желание.

* * *

– Боже, какая же тут жара! Нельзя ли нам устроить небольшой перерыв? – обратилась я к режиссеру съемок. Еще только три часа дня,

а я уже была, можно сказать, на последнем издыхании.

– Пожалуйста, Электра! Еще один снимок, и обещаю, на сегодня все! Должен заметить, что вы, дорогая, сегодня просто неотразимы.

Пришлось прикусить язык. Мое золотое правило – никогда не жаловаться на ужасные условия во время съемок, разве что слегка побрюзжать. Я снова вернулась на шелковистый песок пляжа Ипанема и заняла обусловленную позицию. Визажистка уже была наготове: свежий слой пудры прикрыл пот, обильно выступивший на моем лице.

– Готово! – крикнула визажистка, завершив работу и перекрывая своим криком сильный порывистый ветер, обжигающий испепеляющим жаром сверху.

– Отлично, Электра! – объявил режиссер в свой мегафон. – Сделайте три шага вперед и начинайте поднимать руки вверх. Тяните их до тех пор, пока я не скажу: «Снято».

Я вскинула палец, давая ему понять, что готова.

– Итак, внимание... Мотор!

И вот я снова вышагиваю по песку, наверное, уже в десятый раз, и молюсь лишь об одном: чтобы все это поскорее закончилось. И тут же содрать с себя это белое шифоновое платье с развевающимся сзади капюшоном наподобие парашюта, отлепить прилипшее к телу потное белье и броситься с головой в ревушие волны океана, вздымающиеся пеной за моей спиной.

– Стоп! Снято!

Однако я осталась на прежнем месте, ожидая, пока режиссер вместе с оператором еще раз проверят качество полученных кадров.

– Ребята, на сегодня достаточно! Свободны!

Я прямо на ходу стала срывать с себя платье, не дожидаясь, пока добреду по пляжному песку до тента с раздевалкой.

– Плавать пойдете? – спросила я у режиссера и у Мариам, которые одновременно просунули свои головы в палатку.

– Не уверен, Электра, что ваш страховой полис предусматривает купание в океане, когда там такие сильные волны, – тут же предупредил меня режиссер.

– Ах, перестаньте себя накручивать, Кен, – отмахнулась я от него. – Я своими глазами видела, как совсем рядом в воде барахтается малышня.

– Давайте отложим водные процедуры до завтрашнего дня, ладно? Где-то после обеда, когда мы уже точно закончим все съемки, – дипломатично возразил он. – Обещаю, я даже позволю вам утонуть, если вы сами захотите этого. Только что приехал Жоакин. Так что пока все идет по плану.

– Хорошо. Тогда я возвращаюсь в отель и поплаваю в их бассейне. А сейчас прошу извинить, но мне надо переодеться.

– Конечно, дорогая! Что за разговор! – Кен поспешил покинуть палатку, а Мариам осталась. Она протянула мне бутылку воды.

– Отличная работа, – сказала она, улыбаясь. – На пленке все смотрится просто потрясающе.

– И слава Богу! А сейчас поскорее вылетаем отсюда, – пробормотала я себе под нос и, повернувшись к ассистентке, помогающей мне с гардеробом, улыбнулась приторной улыбкой.

– Спасибо вам. Вы мне сегодня очень помогли.

– Работать с вами, Электра, для меня одно удовольствие. Увидимся завтра, ровно в семь утра, – ответила она на английском, но с очень сильным местным акцентом.

На подходе ко «Дворцу Копакабана» меня уже поджидала толпа фанатов, жаждущих автографов. Не успела я выйти из машины, как раздался радостный рев десятков голосов. Я тут же наклеила на лицо улыбку, дежурно улыбаясь направо и налево в их фотоаппараты, попутно подписывая свои фотографии и оставляя автографы в блокнотах.

Очутившись в вестибюле, я тут же ринулась к лифту: не могу дождаться, когда попаду к себе в номер.

– Мне поехать с вами? – поинтересовалась у меня Мариам.

– Не надо. Я сейчас приму холодный душ и лягу немного отдохнуть. Сегодня такой тяжелый день.

– Но вы же собирались пойти в бассейн, – напомнила мне она, когда растворились дверцы лифта.

– Может быть, но попозже, – ответила я, входя в кабинку, и тут же нажала на кнопку своего этажа. – Я вам перезвоню, – крикнула я уже в закрывшиеся дверцы.

У себя в номере я первым делом ринулась к своей сумке и сразу налила себе водки. Руки у меня заметно тряслись, когда я поднесла стакан ко рту. Само собой, отправляясь в путь самолетом

международных авиалиний, я и подумать не могла о том, чтобы прихватить с собой запасы наркотиков. Решила, что разберусь с этим на месте: наверняка ведь в съемочной группе отыщется кто-то, кто поделится со мной своим добром. Однако, как назло, команда подобралась образцовая: все, как один, чистенькие (судя по имеющейся у меня информации), да и не нашлось никого, кому я могла бы полностью довериться.

Однако же я как-никак в Южной Америке, где наркотрафик – это, пожалуй, самый прибыльный в мире бизнес. Если уж что, то в самом крайнем случае обращусь к консьержу. В конце концов, это же Бразилия: наверняка он мне поможет.

Не успела я переступить порог душевой кабинки и включить душ, как зазвонил стационарный телефон в номере. Но я проигнорировала звонок. Мало ли кому вздумалось трезвонить мне? Лично я на данную минуту не желаю общаться ни с кем.

Стоя под струей холодной воды, я изрыгала вслух потоки всевозможных ругательств. Пожалуй, Ма содрогнулась бы от ужаса, услышав, как я умею ругаться. Ведь она учила нас, сестер, с самого раннего детства, что ругаться – это плохо, даже очень плохо. Впрочем, Митч сполна заслужил все мои словарные изыски, все, до единого. Схватив банное полотенце, я снова вернулась в комнату и увидела, как мигает мой мобильник, уведомляя о поступлении голосового сообщения. Я взяла его в руки и нажала на клавишу прослушивания: наверняка это кто-нибудь из обслуживающего персонала. Интересуются, когда можно подойти в номер и поменять постельное белье.

Однако, включив голосовой ящик, я услышала ласковый голос своей старшей сестры Майи.

«Здравствуй, Электра. Какая жалость, что я ничего не знала о твоём приезде в Рио. Флориано случайно высмотрел твою фотографию в сегодняшней утренней газете, они сообщили, что ты поселилась во “Дворце Копакабана”. Не знаю, как долго ты пробудешь у нас, но я бы так хотела встретиться с тобой. Я ведь живу совсем рядом с отелем, буквально за углом. Мой номер телефона...»

Я схватила карандаш, лежавший рядом с телефоном, и пометила номер Майи в блокноте. Потом мысленно прикинула свои планы на предстоящий вечер. Намечался общий ужин для всей съемочной

группы в каком-то фешенебельном ресторане, и я пообещала, что тоже приду на него. Хотя, конечно, могу с легкостью и отказаться, сославшись на страшную усталость. По словам Майи, она живет рядом. Так что мешает мне проигнорировать совместный ужин с коллегами, заменив его на визит к старшей сестре? Заодно познакомлюсь и с ее новой родней.

Но, по правде говоря, мне *в равной степени* не хотелось ни в ресторан, ни в гости к сестре. Я бы с радостью зарылась сейчас с головой в подушку и начисто забыла о том, где я и кто я.

– Боже! Мне позарез нужен кокс! Немедленно! – воскликнула я вслух и впервые подумала о том, что единственным недостатком моего нового пресс-секретаря является то, что Мариам вся такая чистенькая и неиспорченная. Помнится, с Эми мне было гораздо проще разрулить подобные ситуации: она всегда помогала мне раздобыть дозу, да, наверное, и сама была не чужда этой слабости. А вот Мариам наверняка сразу же грохнетя оземь и лишится чувств, если я только заикнусь ей о том, что хочу водку с тоником. Не говоря уже о чем-нибудь другом...

Раздался звонок в дверь, но я оставила его без внимания. Где-то через полминуты звонок повторился.

– Кто там? – спросила я громким голосом.

– Это я, Жоакин, – ответил мужской голос за дверью. Такой глубокий баритон...

– Жоакин? – удивилась я. «*А кто это такой?*»

Но тут меня ударило по темечку, как сказал бы папа: так это же коллега, фотомодель-мужчина, мой новый партнер по съемкам, приобретший в последнее время бешеную популярность в Нью-Йорке. Помнится, режиссер упомянул в разговоре, что он уже прилетел сегодня в Рио и готов к завтрашним съемкам.

– Одну минутку! Уже иду.

Я схватила халат и поспешно набросила его на себя, а потом пошла открывать дверь.

– *Ola*, Электра.

Парень улыбнулся ленивой улыбкой, черные кудри обрамляли густой копной его красивое лицо. Пожалуй, его красота ничуть не уступала моей, да и своей известностью он уже почти догнал меня. Я окинула его взглядом с головы до ног и тоже улыбнулась.

– Здравствуй. Проходи.

– Для меня большая честь познакомиться с тобой, Электра. Я тебя не побеспокоил?

– Ничуть! Проходи же! – Я распахнула дверь пошире.

– Я вот тут подумал, коль скоро нам с тобой завтра предстоит целоваться на съемках, то не мешает все же для начала представиться тебе лично.

– Ты прав! – Я жестом указала на диван. – Присаживайся.

Я молча проследила за тем, как он пересек комнату, и тут же решила про себя, что да! – парень то что надо! Самый настоящий мачо!

– Что-нибудь выпьешь?

– А что у тебя есть?

– Что скажешь... Содержимое мини-бара в нашем распоряжении. Но можем заказать и в номер, – неопределенно пожала я плечами в ответ.

– Тогда давай по бокалу шампанского, *sim*?

– Давай, если тебе хочется.

Я позвонила вниз и заказала бутылку шампанского «Тетенже» со льдом.

– Знаешь, это просто фантастика! – широко улыбнулся Жоакин, обнажив в улыбке белоснежные ровные зубы.

– Что фантастика?

– Да вот еще год тому назад я жил в Рио, ровнял песок на местном пляже, здесь, прямо через улицу. – Он показал в окно на ровную белую полоску пляжа Ипанема, который раскинулся под нами. – А потом ко мне подошла какая-то американка и сказала, что сделает из меня звезду. И вот я сижу здесь, в самом лучшем номере отеля «Дворец Копакабана», и разговариваю с одной из самых известных женщин в мире.

– Со мной тоже произошло нечто аналогичное. Тоже такое, знаешь ли, волшебное превращение. Как в сказке, не правда ли?

– *Sim*, и правда, как в сказке. И вот завтра мы с тобой будем стоять на том самом пляже, на котором я совсем недавно ровнял песок, и я буду целовать тебя. И получу за это больше денег, чем заработал здесь за пять лет.

Я окинула парня более внимательным взглядом. На вид не больше двадцати. Совсем еще мальчишка! В сравнении с ним я почувствовала себя старухой.

– Электра, можно я тебе признаюсь кое в чем?

– Ради бога!

– У меня до сих пор висят над кроватью в спальне, которую я раньше делил со своими младшими братьями, твои фотографии. Ты для меня – как это там говорится? – красавица с обложки!

– Как мило! Спасибо! – В дверь позвонили. Подали шампанское.

– Итак, – подняла я свой бокал, когда официант удалился. – Пью за твой успех. Я видела твои портеры на билбордах по всему Нью-Йорку. Ты уже знаменитость.

– Ну, положим, до твоей известности мне еще далеко, – улыбнулся Жоакин по-мальчишески озорно и весело, а потом сделал глоток из своего бокала.

– Знаешь, наша работа, она во многом похожа на американские горки. Но если тебе понадобится когда-нибудь мой совет, я к твоим услугам. И в твоём распоряжении. Мне через многое пришлось пройти, – добавила я с чувством.

– Но ты по-прежнему в тренде и востребована на все сто! А вот мой агент постоянно твердит мне, что моя известность скоротечна, как пламя свечи. Слава увянет, как только догорит свеча. А потому я должен вкалывать и вкалывать, чтобы свеча продолжала гореть. Не хочу снова возвращаться сюда и разгребать песок на пляже. – Жоакин снова кивнул в окно. – Мне надо вести себя подобающим образом, да?

– Пожалуй, что так. Ты же, наверное, уже понял, какая это коварная штука – слава.

– Еще как понял! Люди не дают мне прохода на улицах или в баре. Все хотят сфотографироваться со мной, просят автографы. А уж графики работы! Мама миа! – Жоакин шутливо взъерошил на голове свои кудри. – Я тут прикинул, что только за последний месяц умудрился побывать аж на трех континентах. Просыпаюсь и сам не знаю, где я. Но я не жалуясь! Потому что понимаю, как мне сказочно повезло.

– Да, для всего этого нужна изрядная сила духа, – промямлила я, осушив свой бокал до дна и снова налив ему и мне шампанского. – Вот и шампанское позволяет немного взбодриться.

– О, я иногда позволяю себе не только шампанское. Взбадриваю себя тем, чем не должен.

Он сунул руку в карман своих джинсов и извлек оттуда маленький пакетик с белым порошком.

– Не возражаешь, если я...? – Он жестом показал на пакетик.

В эту минуту я вполне искренне поверила в то, что Бог есть. И Санта-Клаус, и этот восточный Будда тоже.

– А что, если я скажу, что возражаю? – улыбнулась я в ответ, наблюдая за тем, как он отсыпал немного порошка на столик.

Он сразу же переменялся в лице, глянув на меня с испугом.

– Тогда я, конечно, не стану, Электра. Но те люди, которые работают с тобой, сказали мне, что ты... как бы не против...

Наступила моя очередь испугаться, хотя я постаралась ничем не выдать своего смутения.

– Ну, изредка балуюсь, это правда. Но при этом, естественно, стараюсь, чтобы подобные опыты не вошли в привычку.

– Однако же мы сейчас с тобой во «Дворце Копакабана», и сегодня я впервые увидел тебя живьем. Хочешь попробовать?

«Хочу ли я?» Я из последних сил пыталась сохранить спокойствие.

– Почему бы и нет? – невозмутимо спросила я.

– Тогда ты первая. Это очень хороший порошок. Один приятель в Рио достал мне его по случаю.

Меня уже переполняло радостное предвкушение будущего блаженства, и я громко рассмеялась.

– *Отличная новость!* Может, дашь мне на всякий случай номер телефона твоего приятеля? Вдруг мне тоже понадобится взбодрить себя?

– За сегодняшний вечер не переживай, Электра. У меня с собой хватит на двоих.

Жоакин отыскал стереосистему и включил музыку. Потом мы с ним устроились на террасе с видом на пляж Ипанема. Внезапно жизнь моя снова стала прекрасной, а мой новый приятель с каждой минутой становился все более и более привлекательным.

– Собираешься на сегодняшний ужин? – спросил он у меня.

– Вообще-то я собиралась, да, но что-то мне уже расхотелось.

– И мне тоже не очень хочется. Я ведь у себя дома, в родном городе. Хочется гульнуть в хорошей компании. Я могу пригласить тебя

в такое место, о котором иностранцы даже и не подозревают. Знают только местные.

– С удовольствием отправлюсь побродить с тобой по Рио. Мне редко удается *хорошенько познакомиться* с теми городами, в которых я бываю.

Я поднялась с дивана, чтобы позвонить Мариам, и Жоакин тут же подскочил ко мне сзади и обнял за талию.

– А давай устроим вечеринку прямо здесь, у тебя в номере. Только ты и я!

Я почувствовала, как его гибкие бедра энергично раскачиваются в такт музыке. Но вот он развернул меня к себе лицом и, не теряя времени даром, впился горячим поцелуем.

Где-то через час в дверь номера позвонили. Само собой, я никак не отреагировала на звонок. Но тут забарабанил уже мой мобильник.

– Подожди минутку, – сказала я, целуя Жоакина, выскользнула из постели и, набросив на себя халат, поплелась в гостиную за телефоном.

– Электра, это Мариам. Я стою у вас под дверью.

– Этого еще не хватало! – пробормотала я в сердцах и пошла открывать дверь, попутно подобрав конверт, который кто-то просунул мне в дверную щель.

– Привет! – поздоровалась я со своей секретаршей, напустив на себя заспанный вид, хотя на самом деле все во мне бурлило полной жизнью.

– Электра, вы еще не одеты, а через пятнадцать минут нам пора отправляться на ужин.

– Прошу простить меня, но что-то я сегодня расклеилась. Извинитесь за меня перед остальными, скажите, что мне нездоровится. И что я собираюсь пораньше лечь спать.

– Ладно...

Я видела, как Мариам буравит меня своим внимательным взглядом. Я протянула ей конверт, который только что подняла с пола.

– И вот с этим разберитесь, ладно? Обещаю, завтра я уже с самого утра буду в полном порядке. До завтра!

– Ладно! – снова повторила она. – Только не забудьте зарезервировать себе звонок от дежурного на шесть тридцать, чтобы не проспать.

- Обязательно!
- Поправляйтесь.
- Спасибо. Приятного вечера.

Я тут же захлопнула дверь, предусмотрительно заперев ее еще и на цепочку. Потом подошла к журнальному столику и соорудила себе еще одну кокаиновую дорожку, после чего, удовлетворенная и умиротворенная, вернулась в страстные объятия Жоакина.

7

Наверное, потому что мы с Жоакином успели за минувшую ночь, что называется, притереться друг к другу, съемки прошли фантастически гладко, как говорят в таких случаях, без сучка и задоринки. К четырем все уже было отснято.

– Помните, я говорила вам, что письмо, которое оставил вам консьерж под дверью вашего номера, это от вашей сестры Майи? – спросила у меня Мариам, пока я переодевалась в палатке.

– Помню, почему же мне не помнить? У меня еще пока с мозгами полный порядок, – окрысилась я в ответ, натягивая на себя шорты.

– Может, позвоните ей, когда вернетесь к себе в отель? Она пишет, что сегодня вечер у нее свободный, а мы отправимся в аэропорт часов в десять, не раньше.

– Конечно, позвоню, – ответила я, чувствуя, как во мне нарастает новая волна раздражения. В последнее время я все чаще стала замечать, что Мариам ведет себя как самая настоящая мамаша, такая чересчур требовательная и очень-очень заботливая мамочка. Тем не менее у себя в номере я набрала номер телефона Майи, который записала вчера.

– *Oi!* – услышала я мягкий голос сестры на другом конце провода.

– Привет, Майя. Это я, Электра.

– Электра! Не могу поверить, что ты в Рио! Как долго ты еще у нас пробудешь?

– Улетаю сегодня в полночь.

– Так загляни хотя бы на пару часиков к нам. Познакомлю тебя с Флориано и с Валентиной.

– Вряд ли получится, – ответила я, вспомнив, что уже буквально через двадцать минут у меня очередное любовное свидание с

Жоакином. – Давай пересечемся по-быстрому в баре тут же при отеле часов в восемь, перед тем, как мне ехать в аэропорт.

– Хорошо. Я обязательно приду.

– Попроси консьержа, чтобы он позволил тебе пройти прямо ко мне в номер. А я его заранее предупрежу, что ты придешь.

– Ладно! Не могу дождаться той минуты, когда увижу тебя, Электра.

– Я тоже. Пока.

Я положила трубку на рычаг, быстро соорудила себе кокаиновую дорожку из тех запасов, что мне оставил вчера ночью Жоакин, и отправилась в душ. Потом позвонила вниз на ресепшн и заказала в номер бутылку водки и бутылку шампанского со льдом. Минут через десять Жоакин появился в моем номере, и мы почти сразу же завалились в постель.

– Ты бесподобна! – шептал он мне на ухо. – Я не могу насытиться тобой.

Почти сразу же после любовных утех мы оба уснули, а когда проснулись, то снова нюхнули кокса и опять занялись любовью. А когда я пожаловалась ему, что с трудом заставляю себя бодрствовать, чтобы не уснуть, он тут же извлек из своего бумажника пару каких-то таблеток.

– Попробуй вот это, Электра. Они тебя взбодрят, как ничто другое на свете.

Я проглотила одну таблетку и запила ее шампанским, Жоакин последовал моему примеру. Минут через десять мы снова занялись любовными упражнениями, потом вместе приняли душ и отправились на террасу. Все время громко смеялись, пока Жоакин обучал меня голую, как надо правильно танцевать самбу.

– А вдруг нас кто-нибудь сейчас увидит? – испугалась я в какой-то момент, глянув через балюстраду вниз, туда, где виднелся бассейн.

– И что такого? По-моему, мы красиво смотримся вместе, – улыбнулся он и поцеловал меня в губы.

– Нет-нет!

Даже в состоянии алкогольно-наркотического помутнения я понимала, что подобные игры весьма опасны, а потому быстро оттолкнула Жоакина от себя и потащила его назад в комнату.

А там нас уже поджидали, стоя в гостиной, моя старшая сестра Майя и Мариам.

– Вот так сюрприз! – воскликнула я, пытаюсь рукой прикрыть свой срам. Глянула на Жоакина, который схватил подушку с дивана и тоже закрыл ею свое причинное место. Глянув на ошарашенные лица своего пресс-секретаря и Майи, я разразилась истеричным смехом.

– Полагаю, барышни, вы стучали в дверь?

– И стучали, и звонили, но, в конце концов, стали волноваться, вызвали администратора, и он впустил нас в номер, – принялась объяснять мне Мариам. В эту минуту я бы с большим удовольствием отхлестала пресс-секретаря по ее наверняка еще невинным щечкам, не знакомым с алкоголем и прочими радостями жизни. – Сейчас принесу вам халат, Электра.

– Пожалуй, мне лучше уйти, – подал голос Жоакин, устремляясь вслед за Мариам в спальню.

– Пожалуйста, присаживайся, – обратилась я к Майе, когда Мариам подала мне халат.

– Через сорок минут мы выезжаем в аэропорт. Пойду, упакую ваши вещи, – тихо промолвила она.

– Спасибо.

Из спальни возник уже полностью одетый Жоакин, и я сердечно обняла его на прощание.

– До встречи в аэропорту? – спросила я у него.

– Нет, я еще остаюсь в Рио, а потом лечу в Мехико. У меня там съемки для мужского глянцевого журнала «Джи Кью».

– Ладно! – понимающе кивнула я. – Но ты не теряйся из виду, будь на связи, ладно?

– Я сразу же позвоню тебе, как только вернусь в Нью-Йорк, – пообещал мне Жоакин. – Чао, Электра. *Adeus, senhora*, – раскланялся он с Майей, покидая номер.

– Шампанского хочешь? – предложила я сестре, взяла бутылку, стоявшую на журнальном столике, и слегка встряхнула ее. – Ого! Да тут почти ничего уже не осталось! Я сейчас закажу новую бутылку.

– Не надо, Электра. Спасибо.

– А что еще тебе предложить? – поинтересовалась я у сестры и плеснула себе в стакан немного водки из той бутылки, которую заказала ранее.

– Ничего мне не надо. Спасибо. Все чудесно. А у тебя?

– И у меня тоже. В восторге от Рио! Обалденный город!

Майя молча наблюдала за тем, как я пью водку. Осушив стакан до дна, я поставила его на стол и принялась внимательно разглядывать старшую сестру.

– Знаешь, ты действительно красавица номер один в нашей семье. Это ты должна была делать мою работу. Честно!

– Спасибо за комплимент.

– Нет, я серьезно говорю, – сказала я, разглядывая черные блестящие волосы на ее великолепной головке, безупречно чистую и гладкую кожу, огромные карие глаза, которые сразу же напомнили мне глаза Жоакина. – Ты самая настоящая красавица и, по-моему, стала еще красивее с тех пор, как я видела тебя в последний раз, – добавила я, сопроводив последние слова энергичным кивком головы.

– Наверное, это потому, – ответила Майя своим нежным, таким задушевым голосом, – что я сейчас счастлива. А ты, Электра? Ты счастлива?

– О! – Я широко развела руки в стороны. – Я в полном экстазе! Скажи, ну разве Жоакин не чудо? Кстати, он бразилец. Если все бразильские мужчины такие же красавцы, как он, то я подумаю над тем, чтобы перебраться сюда на постоянное место жительства. Почему бы и нет?

– Нам пора в аэропорт, Электра, – услышала я за спиной голос Мариам. – Я сложила все вещи, которые вы обычно надеваете в дорогу, прямо на кровати.

– Спасибо, – поблагодарила я и схватила со стола стакан с водкой. И меня тут же повело в сторону. – Надеюсь, про белье вы не забыли? – глупо хихикнула я. – Я скоро! – добавила я, обращаясь к Майе и слегка махнув ей ручкой, после чего исчезла у себя в спальне.

Мне было слышно, как моя сестра и Мариам о чем-то негромко переговариваются между собою явно встревоженными голосами.

– Послушайте, Мариам! – крикнула я через закрытую дверь. – Я проголодалась! Закажите мне большой бутерброд с ветчиной, ладно?

– Хорошо, – ответила Мариам.

Я уселась на кровать и попыталась натянуть на себя лосины, но вскоре поняла, что просунула ногу не в ту штанину, что снова вызвало у меня приступ хохота. И тут я подумала, надо же, как они похожи

друг на друга, Майя и Мариам. Обе такие уравновешенные, невозмутимые... Никогда не догадаешься, о чем они там думают. *И к тому же...*

– А знаете что? Мне только что пришло в голову, что ваши имена очень похожи. Мариам можно легко переделать в Майю! – объявила я им, снова возникая в гостиной, и со всего размаха плюхнулась на диван. – Круто, правда?

Они как-то странно улынулись, но тут в дверях появился мужчина в униформе.

– Вы за мной? – игриво поинтересовалась я у него и тут же хихикнула.

Мариам подошла к нему и перекинулась парой слов. Мужчина исчез так же незаметно, как и появился.

– Да шучу я! Шучу! Ясное дело, он пришел, чтобы отнести мой багаж вниз.

– Послушай, Электра, – обратилась ко мне Майя. – Мы тут с Мариам переговорили и вот что подумали. А что, если ты останешься в Рио вместе со мной еще на пару деньков? Тем более ты сама только что сказала, что город тебе очень понравился.

– Понравился. Но не в последнюю очередь потому, что я провела здесь прекрасное время с Жоакином. Понимаешь меня? Все было просто супер-пупер!

– Понимаю, – согласилась со мной сестра. – То, что у вас все на мази, как говорится, было заметно и невооруженным глазом. Вы с ним действительно отлично поладили.

– Что правда, то правда.

– Так как ты смотришь на то, – продолжила Майя после короткой паузы, – чтобы остаться здесь еще на одну ночь? Постарайся немного поспать, а завтра решим, хочешь ты остаться еще на день-другой или нет.

– В вашем рабочем графике нет никаких срочных дел вплоть до самых выходных, – тут же подала голос Мариам.

– Я... я сама не знаю, – протянула я задумчиво и тут же сладко зевнула. Однако перспектива улечься на огромную удобную кровать, поджидающую меня за дверью спальни, вместо того чтобы тащиться сейчас в аэропорт, а потом лететь бог знает сколько часов... И все для того, чтобы в итоге попасть – куда? – в свою пустую квартиру, такая

перспектива во всех отношениях представлялась мне более привлекательной.

– Жоакин тоже завтра еще будет в Рио, – попутно вспомнила я и улыбнулась. – Он сам мне сказал.

– Все так, – подтвердила Майя.

– Так что решаем? – Мариам подошла ко мне ближе. – Остаемся? Устроим себе небольшие каникулы?

– Остаемся, – согласилась я.

– Тогда я иду вниз. Нужно продлить ваше проживание в номере, а потом перерегистрировать наши авиабилеты на другое число. Так?

– Все верно.

Когда Мариам ушла, Майя приблизилась к дивану, уселась рядом и взяла меня за руку.

– Мариам – чудесная девушка, не правда ли?

– Да, сущий ангел во плоти. Что порой раздражает и даже несколько выводит из себя, – добавила я, многозначительно вскинув брови.

Я почувствовала, как Майя буквально пожирает меня взглядом.

– Что не так? – спросила я у нее, заметно нервничая.

– Все так. Я вот сижу и думаю, как же я тебя люблю, моя младшая сестренка.

– Я тебя тоже люблю, моя самая старшая сестра.

Я глянула на нее и увидела, что ее глаза полны слез.

– Это что еще такое?! Почему ты плачешь? Или ты не рада видеть меня?

– Очень рада, Электра! Честное слово! Я счастлива нашей встрече! А сейчас, – продолжила она, заметив, как я снова зевнула, – пойдем к тебе в спальню, я уложу тебя в постель, как укладывала когда-то, когда ты была совсем маленькой, а потом расскажу тебе какую-нибудь занимательную историю.

На меня мгновенно нахлынули воспоминания далекого детства: Майя, подросток, наверное, лет тринадцати, не более, сидит возле моей кровати и читает мне вслух сказки. Как-то она сказала мне, что в переводе с греческого ее имя Майя означает «мать». Помню, я тогда еще подумала, что если бы у меня была родная мать, то очень хотелось бы, чтобы она была похожа на мою старшую сестру.

– Идем! – с готовностью согласилась я, поднимаясь с дивана и все еще не очень уверенно держась на ногах, и побрела вместе с Майей к себе в спальню.

– Эй, ты где? – окликнула я сестру, сворачиваясь калачиком на кровати и разглаживая простыни, измятые после всех тех упражнений, которые мы с Жоакином проделали на них. – Здесь и для тебя достаточно места! Ложись рядом!

Майя слегка разгладила рукой покрывала на своей половине кровати и осторожно улеглась на них сверху. И сразу же протянула мне свою руку. Я взяла ее и сжала изо всех сил, чувствуя, что туман в моей голове после всех излишеств в виде таблеток экстази и кокаина начинает мало-помалу рассеиваться.

– Знаешь, а ведь я всегда считала тебя своей самой любимой сестрой, – доверительно сообщила я Майе, поворачиваясь к ней лицом.

– Правда? Как это мило с твоей стороны, Электра. Тогда и я признаюсь тебе в том, что с самого раннего детства ты мне казалась совершенно необыкновенным ребенком. Несмотря на все твои крики и постоянные ночные концерты.

– А я знала, какую кличку вы с Алли мне придумали.

– Неужели?

Я увидела, как Майя вспыхнула от смущения, даже ее лебединая шейка покрылась краской стыда.

– Да, знала. Вы же между собой обзывали меня «Трики». Типа та еще штучка! Но почему именно такое прозвище вы для меня выбрали?

– Ну, ты же Электра, то есть *электричество*. Отсюда и эта Трики. Прости, милая, если это обижало тебя. Мы ведь просто подшучивали над тобой, только и всего. Никаких намеков на твой трудный характер.

– В детстве я обижалась, да. Но, возможно, вы были правы. К тому же с тех пор я не сильно изменилась. Как была непредсказуемой, так и осталась. – Я почувствовала, как у меня защипало в глазах от подступивших слез.

– Вполне возможно, в твоей жизни и случались какие-то временные срывы и неурядицы, но во многом, скажу тебе, ты у нас – самая яркая из всех сестер. И очень умная к тому же... Я помню, как во время наших летних круизов на папиной яхте он всегда устраивал

для нас всякие математические игры и викторины, и ты неизменно выходила победительницей.

– Правда? Тогда чего же я росла такой тупицей? Ты же знаешь, я успешно завалила все свои школьные экзамены.

– Да тебе было просто на них наплевать. Ты же не готовилась ни к одному из них, вот и завалила.

– Это правда, чистая правда, – согласилась я с сестрой. – Майя, можно мне чашечку кофе, как думаешь? Что-то меня совсем сморило.

– Сейчас закажу. Тебе с кофеином или без?

– Только с кофеином и никак иначе! – воскликнула я, глядя, как она берет телефонную трубку. – Эта гадость без кофеина, якобы для здоровья... Она только для таких, как Митч. Тот уж больно печется о своем здоровье. Для него его тело – это самый настоящий храм.

– Даже так? – рассеянно обронила Майя, ожидая ответ администратора. – Я недавно видела его фотографию в каком-то журнале. Больше похож на старую развалюху.

Майя принялась диктовать в трубку заказ на кофе, а я невольно хихикнула. Подумать только! Развалюха... Но смех как-то сам собой трансформировался в стон, который сменился громкими всхлипами.

– Что случилось, девочка моя? – ласково спросила у меня сестра.

– Ай, да ничего такого... точнее, все сразу! – ответила я сквозь слезы, которые градом катились по моим щекам. – И конечно, прежде всего Митч. Наш с ним разрыв дался мне тяжело. Очень тяжело...

– Понимаю тебя, родная моя. Очень понимаю. Догадываюсь, что ты к тому же должна была держаться изо всех сил и не показывать никому своих истинных чувств. Так ведь?

– Именно так! Вся эта желтая пресса... Представляю, какую пляску они устроили бы на моих костях! А я не хочу, чтобы меня кто-то жалел.

– Но я, слава богу, не из желтой прессы. Я твоя сестра, сестра, которая любит тебя. Иди же ко мне.

Майя обняла меня и прижала к груди, и я с наслаждением вдохнула в себя естественный аромат ее тела.

– Прямо как когда-то дома, – невольно улыбнулась я.

– Как приятно слышать это.

– Знаешь, несколько недель тому назад я побывала в Атлантиде, но я не почувствовала себя там дома. – Я энергично тряхнула

головой. – Атлантис перестал казаться мне родным домом.

– Понимаю тебя, Электра. Это потому что там больше нет папы.

– И не только папы. Вы ведь все тоже разлетелись кто куда. Довольно грустно было коротать время в обществе только Ма и Клавдии.

– Но Алли говорила, что вы с ней встретились и ты даже познакомилась с ее сынишкой Бэрром.

– Да, чудесный малыш. Просто супер! Повезло ей! У нее сейчас есть кого любить и кто будет любить ее. А я... А у меня никого нет. Мне некого любить...

И я снова разрыдалась, уткнувшись сестре в грудь и орошая потоками слез ее белоснежную блузку, такую же чистую и свежую, как и она сама.

– Прости... что-то я совсем расклеилась... Это все, наверное, из-за порошка, которого я нанюхалась.

Слова сорвались с моих уст сами собой, и я поняла, что впервые озвучила причину всех своих бед постороннему человеку.

– Я знаю.

– А еще, – я громко шмыгнула носом, – хочу повиниться за то, как я скверно обошлась с тобой, когда приехала в Атлантис сразу же после смерти папы.

– Да? А я что-то ничего не помню такого.

– Да, я, как всегда, была несносна. Помнишь, как я бросила тебе прямо в лицо, что все равно, как ты выглядишь, коль скоро, сидя в этой дыре, ты месяцами не видишь ни одной живой души. Честно, я не хотела тогда обидеть тебя, Майя. Ты же такая славная, добрая... Само совершенство! В тебе есть все то, чего и близко нет в моем характере.

В дверь позвонили, и Майя, поднявшись с кровати, пошла забрать у официанта кофе.

– Вот твой кофе, – промолвила она через минуту, протягивая мне чашку. Я села на постели, голова раскалывалась, там внутри что-то грохотало и гремело. Чувствуя позывы к тошноте, я снова откинулась на подушки.

– Через пару минут, ладно?

– Конечно! Дорогая моя Электра.

– Слушаю тебя.

– А тебе не кажется разумным на какое-то время завязать со всеми этими твоими привычками и даже обратиться за помощью к кому-нибудь?

– Да помощников у меня хоть отбавляй! – подавила я тяжелый вздох. – Только за последние несколько месяцев я сменила целых пять психотерапевтов.

– Да, не очень весело. Но я имею в виду несколько другое: может, тебе нужна более... грамотная помощь, что ли?

– Как это?

– Я знаю одно очень хорошее место в Аризоне. Там в свое время проходил курс лечения друг Флориано, после чего словно родился заново. Я...

Несмотря на головокружение, я снова уселась на постели и сверкнула на сестру глазами.

– То есть ты на полном серьезе хочешь упечь меня в какую-то клинику для наркоманов, да? На реабилитацию, так сказать.

– Может быть, и так. По словам Мариам, – Майя подавила вздох, замолчав на какое-то время, видно, подбирая нужные слова, – тебя колошматит все последнее время.

– Ничего меня не колошматит! А то, что настроение скверное, так оно и понятно. Любовь всей моей жизни ничтоже сумняшеся объявляет мне, что он собирается жениться на другой женщине. Естественно, все средства массовой информации словно с цепи сорвались, набросившись на эту новость. Так что, по-твоему, я должна была делать? Прыгать от радости?

– Ты его любила по-настоящему, да?

– Да, любила. Но я постараюсь как-то пережить это. Просто выдалось несколько плохих недель подряд, только и всего. А с чего это Мариам вдруг пустилась рассказывать тебе про меня всякий вздор?

– Ничего такого она не рассказывала, Электра. Но она беспокоится за тебя, волнуется...

– Она волнуется, чтобы не потерять свою гребаную работу! Вот за что она беспокоится!

– Электра, милая, пожалуйста, успокойся!

– Вау! – взорвалась я окончательно. – Как же я ненавижу эту фразу! Именно ее! Не счесть, сколько раз вы все вместе, папа, Ма и вы, сестры, твердили мне эти самые слова!

– Прости, я просто хотела помочь и...

– А ты не хоти! Сама со всем справлюсь, и все у меня будет в порядке! – Последнюю реплику я сопровождала яростным кивком головы. – Именно так! В полном порядке. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ну, пожалуйста...

– Хорошо, Электра, но...

– Никаких «но»! Лучше расскажи мне какую-нибудь занимательную историю. Ты же у нас большая мастерица по части историй.

– Ладно... – Майя бросила на меня нерешительный взгляд. – О чем тебе рассказать?

– Расскажи мне свою историю. О том, как ты познакомилась со своим парнем в Рио и как потом влюбилась в него.

– Хорошо. Но, может, для начала выпьешь свой кофе?

– Нет, пока не буду... Чувствую себя отвратительно, просто выворачивает меня наизнанку. Ну, давай же, рассказывай! Ты и Флориано – кстати, у него чертовски красивое имя – и что было потом? Постарайся отвлечь меня от моего собственного дерьма. – Я призывно похлопала рукой по покрывалу рядом с собой, и Майя снова вскарабкалась на кровать. Я тут же положила ей голову на грудь, но глаза оставались открытыми, потому что всякий раз, как я только пыталась закрыть их, у меня начинала кружиться голова. Майя принялась гладить меня по волосам, и это так успокаивало.

– Впервые мы встретились с ним, когда я поехала знакомиться с нашей достопримечательностью номер один. Я имею в виду статую Христа Спасителя. Тебе тоже не мешает побывать там до своего отъезда из Рио, потому что эта статуя потрясает воображение, настолько она прекрасна. Так вот, Флориано работал там экскурсоводом, и так получилось, что мы...

Я выслушала историю любви своей сестры. Она была такой же романтической и красивой, как и те сказки, которые она когда-то мне рассказывала.

– И после этого вы зажили вместе и жили долго и счастливо, да?

– Надеюсь, что так. Конечно, мой Флориано вовсе не принц на белом коне, и денег у нас в обрез, но мы счастливы, и это главное.

– А что о той родственнице, которую тебе помог отыскать Флориано? Ты познакомилась с ней?

– Да. Но на тот момент она уже была очень больна и, к великому сожалению, умерла вскоре после нашей встречи. Думаю, мне повезло, что я провела хоть немного времени рядом с ней.

– Тогда расскажи мне всю свою семейную историю, Майя, – тут же набросилась я на сестру, стараясь всеми возможными способами отвлечь свое внимание от кокса, который лежал совсем рядом со мной, в ящике прикроватной тумбочки. Я понимала, что, приняв еще одну дозу, я никогда не усну. А сон – это именно то, что мне было отчаянно нужно. Господи, как же хорошо мне спалось, когда рядом со мной был Митч.

Тогда Майя принялась рассказывать мне про того человека, который задумал и изваял статую Христа Спасителя, и о молодом скульпторе, в которого влюбилась ее прабабушка и...

И тут я, кажется, уснула. Потому что вдруг почувствовала, как Майя целует меня в лоб и выключает свет в комнате.

– Ты куда? – схватила я в темноте ее руку.

– Мне пора домой, Электра. А тебе нужно поспать.

– Майя, пожалуйста, не бросай меня здесь одну. Побудь со мной хотя бы еще немножко. И, пожалуйста, включи снова свет. Я боюсь темноты.

– Ты раньше никогда не боялась темноты, даже когда была маленькой, – ответила мне Майя, но послушно включила ночник на прикроватной тумбочке.

– А с некоторых пор стала бояться. Знаешь, я тоже хочу встретить такую любовь, как у тебя и Флориано. Или как у Изабеллы и Лорана. – Я улыбнулась.

– *Cherie*, тебе еще только двадцать шесть лет. Не забывай, мне уже тридцать четыре. Я старше тебя на целых восемь лет. Уверена, у тебя впереди еще куча времени, чтобы найти свою любовь.

– Надеюсь, твои слова сбудутся. Но я не хочу ждать еще целых восемь лет. – Я недовольно повела плечами. – Я и без того чувствую себя слишком старой.

– Конечно же, ты не будешь ждать столько лет. – Майя положила руку мне на лоб, ее ладонь так приятно холодила мою кожу. – Вся беда в том, что ты слишком быстро повзрослела и стала самостоятельной. Я права?

– Наверное.

– Но ты у нас, Электра, такая смелая и сильная.

– Ничего я не сильная! – Я с сомнением покачала головой. – Хочешь узнать один мой маленький секрет?

– Очень хочу, – усмехнулась в ответ Майя.

– Знаешь, почему я все время канючила и плакала, когда была маленькой?

– Почему?

– Потому что я ненавидела одиночество. Мне не хотелось быть одной. И теперь не хочется.

– Так заведи себе какую-нибудь подругу для совместного проживания.

– Ну кто захочет со мной жить?

– Электра, перестань накручивать себя. Или ты забыла, что являешься иконой стиля для миллионов и миллионов женщин по всему миру? Как бы я хотела свозить тебя на нашу фазенду. Она расположена в горах вдали от Рио. Фазенда – это на португальском языке означает «ферма». Я унаследовала ее от своей бабушки и организовала на ней учебно-воспитательный центр для детей из малообеспеченных семей, которые живут в фавелах. Если бы ты там появилась вместе со мной, представляю, какой бы случился ажиотаж. Дети не поверили бы своим глазам, решили бы, что им это все снится. Разве ты не понимаешь, что и для этой детворы ты тоже источник вдохновения?

– Может быть, и так, но они же меня совсем не знают, правда? Вот я смотрю на тебя, восхищаюсь тем, как ты распорядилась полученным наследством, пустив его на благие цели. А я за всю свою жизнь ничего не сделала для других. Только для себя любимой!

Я услышала, как Майя подавила очередной горестный вздох. Но что я могла поделать? На сей раз приступ моей меланхолии был *таким глубоким*, что я не могла из него выкарабкаться. А потому я просто закрыла глаза, страстно желая лишь одного – поскорее заснуть.

* * *

На следующее утро я проснулась со страшной головной болью после вчерашнего похмелья; тут же проглотила пару таблеток

тайленола и адвила от головной боли и запила их целой бутылкой воды. Глянула на часы: только начало шестого. Я заказала себе кофе в номер и корзинку свежих, еще горячих ватрушек; кажется, вкуснее я доселе ничего и не пробовала. В ожидании заказа стала перебирать в памяти все события минувшего дня. Меня даже бросило в жар, когда я представила себе эту живописную картину: мы с Жоакином танцуем абсолютно голыми на террасе, потом возвращаемся в гостиную и видим перед собой Майю и Мариам. Какие же у них были ошарашенные лица...

– Ты уже совсем рехнулась, Электра, – простонала я, сползая с постели, чтобы подойти к двери и открыть официанту. Потягивая горячий кофе, я также вспомнила, что добровольно призналась сестре в том, что балуюсь наркотиками, и это мое признание, как ни странно, не стало для нее неожиданностью. Что и понятно, с учетом того, в каком состоянии она меня застала: явно подшофе, голую, да еще в компании с каким-то случайным партнером. Потом в моей памяти всплыли обрывки разговора о том, чтобы задержаться в Рио подольше, еще на пару деньков, как предложила мне Майя. А еще она что-то там плела о том, что мне следовало бы обратиться в специализированную клинику и пройти там курс реабилитации...

Дерьмовая новость! Полное дерьмо... А хуже всего то, что Мариам, кажется, на полном серьезе следит за мной. Что ж, тогда больше никаких местных развлечений. НИКАКИХ! И не собираюсь я ехать на эту потешную ферму. Да, вчера у меня был плохой день, но только и всего. А потому я не намерена выслушивать наставления и советы святой Майи, которыми она станет меня потчевать. Мне уже вполне хватило общения с ней. Я схватила трубку стационарного телефона и набрала номер Мариам.

– Доброе утро, Электра. Как самочувствие?

– Великолепно! Все замечательно, – бодро солгала я, мысленно вопрошая, когда Мариам спит. В какое бы время я ни позвонила ей, она всегда бодрствует. – Хочу, чтобы вы незамедлительно перерегистрировали наши билеты на ближайший рейс до Нью-Йорка.

На другом конце провода повисла короткая пауза.

– Хорошо. Но я думала, вы планировали остаться в Рио еще на пару деньков, провести время с сестрой...

– Ничего я не планировала. Это просто был один из вариантов, предложенных Майей. Я же думаю, что мне пора возвращаться в Большое Яблоко.

– По-моему, я говорила вам о том, что в вашем рабочем графике ничего не запланировано на ближайшие дни, а потому вы можете смело остаться здесь и...

– Повторяю вам еще раз! Я хочу, чтобы вы немедленно перерегистрировали наши билеты на ближайший рейс. Хорошо? Мой багаж уже собран и упакован, и я готова в любую минуту двинуться в путь.

По моему голосу Мариам поняла, что я не в том настроении, чтобы вступать с ней в дальнейшие дискуссии, а потому уже где-то через час мы с ней были на пути в аэропорт. Я отбила Майе прочувствованную эсэмэску с благодарностью за минувшую ночь и написала, что с нетерпением буду ждать встречи с ней в Атлантике, где мы все соберемся в июне, чтобы отправиться в круиз памяти на папиной яхте в годовщину его смерти.

Когда самолет оторвался от взлетной полосы и взмыл ввысь, я облегченно вздохнула. Кажется, пронесло, и на сей раз я сумела вырваться. Никто и никогда не посмеет держать меня взаперти. *Никогда!*

8

Тот срыв, который случился со мной в Рио, изрядно меня напугал, и по возвращении домой я вознамерилась предпринять серьезные усилия, чтобы за выходные дни очиститься от наркоты. Выпила тонны воды, заказала себе всяческие смузи, сдобренные витамином С. В субботу я стойко продержалась до обеда, даже не прикоснувшись к водке. Знала, стоит мне сделать хотя бы небольшой глоток, и меня тут же понесет по накатанной. А потому я поспешила на улицу, чтобы устроить себе небольшую пробежку по Центральному парку.

– С вами все в порядке, Электра? – поинтересовался у меня Томми, с которым я столкнулась нос к носу, возвращаясь домой после пробежки.

– Все отлично. А как у вас дела?

– Тоже все хорошо. Спасибо. Знаете, пока вы были в Рио, к вам навевывалась одна женщина. Очень похожа на вас.

Я замерла на месте, как вкопанная.

– Вот как? – Я удивленно вскинула брови. – Если она объявится здесь еще раз, пожалуйста, предупредите, что меня нет дома. Наверняка одна из тех бесчисленных соискательниц, убежденных, что приходится мне родней.

– Хорошо. Но если честно, то она действительно *очень похожа* на вас. Возможно, вас и связывают какие-то родственные узы. До завтра, Электра.

Поднявшись к себе в квартиру, я тут же стянула с себя все свои спортивные одежки, намокшие от пота, и уже приготовилась идти в душ, но тут позвонил консьерж.

– Слушаю, – бросила я в трубку.

– Добрый день, мисс Делеси. Тут вам посылка: пара каких-то картонных коробок. Поднять к вам?

– Поднимайте, конечно. Только вначале проверьте, нет ли там какого взрывного устройства, – вяло пошутила я в ответ.

Минут через пять на пороге моей квартиры появился портье в сопровождении своего помощника. Они катили перед собой тележку, на которой стояли две большие картонные коробки; коробки они сгрузили прямо на пол в моей гостиной.

– А кто это, интересно, мне прислал? В такие коробки люди обычно складывают свои пожитки, когда переезжают с одного места в другое.

– Привез какой-то парень на фургончике и тут же укатил прочь. Но оставил вот это! – Портье вручил мне конверт. – Вам помочь, мэм, разобрать коробки?

– Нет, спасибо. Сама управлюсь.

Сгорая от любопытства, словно ребенок, которому только что вручили подарок и ему не терпится узнать, что там внутри, я сняла крышку с первой коробки. Она была забита одеждой – *моей одеждой*. Сверху лежала коробка из-под обуви. Я открыла ее и обнаружила там свою шелковую маску для сна, бальзам для губ, беруши, солнцезащитные очки... *И в довершение всего* на самом дне коробки среди прочего хлама я узрела пухлый конверт из бежевого пергамента. Письмо Па Солта!

Я извлекла конверт наружу, и мне сразу же стало ясно, откуда ко мне прибыл этот груз. В этих коробках собрано все, что осталось после меня в доме Митча в Малибу. В частности, в обувную коробку Митч сгрузил содержимое тумбочки, стоявшей рядом с кроватью, на которой мы когда-то спали вместе с ним. Тогда я даже воображала, что буду спать на этой кровати до конца своих дней...

– Нет, Электра! Ты Не Позволишь Ему Снова Причинить Тебе Боль. Ни За Что! Блин! Хватит С Тебя Унижений!

Я позвонила консьержу и велела ему скатить коробки вниз.

– Разрешаю забрать себе все, что вам понравится, для своих жен или девушек. Все содержимое обеих коробок в вашем полном распоряжении. А все, что не нужно, отправьте в какой-нибудь благотворительный фонд, – проинструктировала я порттье, когда он опять водрузил коробки на свою тележку.

– Хорошо, мисс Деплеси. Так и сделаем. Большое вам спасибо.

Я вышла на террасу, держа в руке конверт с письмом от Митча, которое он приложил к отправляемому им багажу. В другой руке я несла книжечку картонных спичек. Чиркнула спичкой и сожгла конверт, даже не вскрывая его. После чего снова вернулась в комнату, подошла к бару и плеснула себе немного водки с тоником и льдом. В конце концов, я вполне заслужила *такое маленькое послабление*. Но, несмотря на все свои старания направить мысли в другое русло, не думать об этих проклятых ящиках с моими пожитками, а лучше порадоваться хорошей новости, что отыскалось наконец письмо отца, я ничего не могла с собой поделаться. Снова и снова я рисовала в своем воображении картины того, как Митч возвращается в свой дом в Малибу после завершения гастрольного тура. И вот, зная, что его невеста может нагряться к нему в любой день, он выгребает из дома все мои вещи, уничтожая всякую память обо мне, как будто меня и не было в его жизни.

Я сделала еще один большой глоток, а потом повторила порцию. В конце концов, это же не кокс, а только водка, так почему нельзя? Какое-то время я отрешенно пялилась на конверт с папиным письмом. Оно по-прежнему лежало на журнальном столике и безмолвно тикало, словно бомба с заведенным часовым механизмом.

– Открыть мне тебя? – обратилась я к конверту.

А потом подумала, что все мои сестры благодаря тем письмам, которые оставил им отец, уже вытащили свои счастливые билетки и обрели вполне благополучное будущее. После чего хлебнула еще один мегаглоток водки, схватила конверт со стола и вскрыла его.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Электра...

– О боже! – выдохнула я, чувствуя, как мои глаза сами собой наполнились слезами и слова стали расплываться передо мной.

В глубине души я сильно сомневаюсь в том, что ты вообще станешь читать это письмо: наверняка зашвырнешь его куда-нибудь, отложишь на потом, а может, и вообще сожжешь его, не распечатав конверт. Не знаю, не знаю, какой вариант ты предпочтешь: ты же у меня самая непредсказуемая из всех моих дочерей. Но, по иронии судьбы и самая незащищенная и ранимая.

Электра, знаю, наши с тобой отношения всегда складывались непросто: мы оба сильные, решительные и независимые личности. Потому между нами случались и стычки. Однако мы с тобой из той породы людей, кто умеет любить страстно и беззаветно. Вот еще одно качество, которое роднит нас с тобой.

Но для начала позволь мне попросить у тебя прощения за нашу последнюю встречу в Нью-Йорке. К превеликому сожалению, в тот вечер мы оба оказались не на высоте. Что касается меня, то, не скрою, меня глубоко задело и ранило то, что моя необыкновенная во всех отношениях младшая дочь не может высидеть даже ужин с отцом, не подпитав себя по ходу вечера наркотиками. Тебе хорошо известно мое отношение к подобной дряни; могу лишь молиться и надеяться на то, что ты уже решила или решишь в ближайшем будущем предпринять все

необходимые шаги для того, чтобы завязать со всей этой гадостью раз и навсегда. Родителям всегда до отчаяния больно видеть, как их любимое чадо разрушает и уничтожает себя собственными руками. Но в любом случае помочь этому несчастному может только один-единственный человек он сам. Вот и ты, Электра, помни о том, что тебе никто не поможет, кроме тебя самой.

Однако хватит об этом. Я хочу попытаться объяснить, почему, как тебе казалось, я не очень-то гордился твоими достижениями и успехами, хотя должен был, по твоему мнению. Во-первых, позволь признаться, что всякий раз, когда я видел твою фотографию в том или ином журнале, сердце мое переполняла гордость за то, какая ты у меня красивая и элегантная. Разумеется, и за твой талант тоже: я ведь хорошо понимаю, какой это дар – заставить камеру полюбить себя. А еще сколько терпения и выдержки нужно для всех этих изнуряющих съемок. Пожалуй, у меня бы никогда не хватило столько терпения. И уж менее всего я думал, что его хватит у тебя! Но ты как-то научилась этому непростому ремеслу и делаешь свою работу блестяще, чем я искренне восхищаюсь.

Что касается того, почему я так бурно реагировал на твои школьные неурядицы, так это, в первую очередь, потому, что я прекрасно видел, какая ты у меня умная девочка, обладающая врожденным интеллектом. Пожалуй, не будет большим преувеличением, если я скажу, что ты самая умная из всех своих сестер. Надеюсь, что когда-нибудь ты сумеешь счастливо объединить свою славу, которую ты заработала честным трудом, и свои мозги, с которыми ты появилась на свет. И если это случится, ты станешь очень значимой величиной, с которой, поверь мне, придется считаться всем. Нет таких вершин, которых бы ты не смогла достичь: ты можешь стать голосом, способным говорить от лица всех тех, кто не может сделать этого сам.

Наверное, поэтому, в силу твоих уникальных талантов и способностей, мне часто трудно быть твоим отцом;

видеть, как твой ребенок, обладающий таким огромным потенциалом, не понимает всех своих возможностей, поверь, это очень сложно, и это по-настоящему напрягает. Наверное, я в итоге оказался плохим отцом, и все же ответ мне на один-единственный вопрос, на который ты так и не дала мне вразумительного ответа. Почему ты так ненавидела все эти закрытые школы? Пожалуй, если бы ты мне доверяла, я бы смог помочь тебе, совместными усилиями мы бы разрулили эту ситуацию, но я же знаю, какая ты у меня гордая.

К моему великому сожалению, тебе придется уже самостоятельно разбираться в себе, в том, какой яркой личностью ты можешь стать. Однако кое-какую помощь и содействие я все же предложу. Ты уже знаешь, все твои сестры получили от меня аналогичные письма, и каждой из них я сообщил достаточно подсказок для того, чтобы найти свои корни, своих настоящих родителей, если они захотят этого. Тебе же я сообщаю напрямую, безо всяких подсказок, имя и контактный телефон твоей бабушки, которая живет совсем недалеко от тебя. Она – одна из самых необыкновенных, самых ярких женщин, с которыми я имел честь познакомиться за свою жизнь. Жалею лишь об одном, что наше с ней общение было не таким долгим, как мне того хотелось бы. К своей информации я еще присовокупил фотографию. Сходство просто поразительное, никаких сомнений в том, что вы – родная кровь. Очень надеюсь, что она придет тебе на помощь и будет рядом с тобой, когда меня уже не станет.

Моя дорогая Электра, хочу, чтобы ты знала и помнила всегда: твой отец любит тебя и будет любить всем сердцем и душой до конца своих дней.

Па Солт

Я отхлебнула еще немного водки и слепо уставилась на письмо отца. Наверное, мой мозг, задурманенный всяческой отравой, не мог отчетливо воспринимать все, о чем мне написал отец; а может быть, я

и не хотела этого делать. Я подавила вздох и достала из конверта небольшую черно-белую фотографию и...

И, о боже! Да она же...

Я снова бросила внимательный взгляд на фотографию. Никаких сомнений! Точно такую же фотографию я видела несколько недель тому назад: ее прислала мне какая-то женщина, назвавшаяся моей бабушкой.

Я стала вглядываться в черты лица: да, женщина на фотографии очень похожа на меня. Или, вполне возможно, это я похожа на нее. Я вспомнила, как Мариам сказала мне, что спрятала письмо от той женщины в сейф. Я направилась к сейфу, чтобы достать его. Взяла конверт, извлекла из него фотографию и положила ее рядом с той, которая была в письме папы. Две абсолютно одинаковые фотографии.

Я перевернула фотографию от папы и прочитала на обратной стороне адрес и номер телефона. Затем глянула на измятый конверт и скомканное письмо, которое так старательно разглаживала Мариам, и прочитала адрес в верхнем правом углу письма.

И снова полное совпадение. Потом я прочитала письмо (написанное на дорогой качественной бумаге); тем же красивым каллиграфическим почерком был написан и адрес на конверте.

*Квартира 1
Сидней-Плейс
Бруклин 11201*

*Дорогая мисс Делеси, или можно называть Вас
Электра?*

Меня зовут Стелла Джексон, и я – Ваша родная бабушка. Уверена, Вы получаете много подобных писем. Предполагаю, что в большинстве из них содержатся просьбы о помощи. Сразу же спешу Вас успокоить, ничего подобного я не собираюсь делать. Просто решила, что пришло наконец время сообщить Вам о моем существовании.

Знаю, Вы – очень занятой человек, и все же полагаю, было бы неплохо, если бы мы с Вами встретились. Ваш приемный отец описал меня Вам как такую «живую подсказку». Не уверена, что заслуживаю всех тех хороших

слов, которыми он меня охарактеризовал. К письму я прилагаю фотографию, на которой запечатлены я и Ваша мать. Меня легко можно разыскать по тому адресу, который указан на конверте, а мой сотовый телефон работает круглосуточно.

С нетерпением жду от Вас весточки.

С самыми добрыми пожеланиями,

Стелла Джексон.

Кем бы ни была эта «Стелла», но по всему видно, что человек она образованный. Ну, и что ей ответить? С чего начать? Судя по тону письма, такое впечатление (довольно неоднозначное, кстати), будто она предлагает встречу какому-то соседу, с которым до сего дня не была знакома, чтобы обсудить с ним предстоящий ремонт мест общего пользования. Нет, совсем не так представляются родные бабушки своим родным внукам, с которыми они давно потерялись по жизни. Если я только, конечно, прихожусь ей внучкой...

Но при всем своем цинизме я не могу отрицать очевидного: женщина не притворяется, не выдает себя за кого-то другого, кем она на самом деле не является.

– Боже мой! – воскликнула я, обводя глазами пустую комнату, потом прошлась по ней. – Вот у меня и родственница отыскалась! Итак, Электра! Что собираешься делать? – спросила я саму себя, имитируя гнусавый говор Терезы, будто бы это она сейчас разговаривает со мной. – Что чувствуешь, узнав, что у тебя имеется кровная родня, которая живет по соседству с тобой?

– Сама не знаю, Тереза. Я ведь ее еще даже не видела.

– А собираешься?

– Пока не решила.

– Да, дело серьезное. Нужно все хорошенько обдумать. Для этого потребуется какое-то время. Ты должна подготовиться как следует к самой встрече.

– Что ты хочешь этим сказать, Тереза? Что она мне может не понравиться? Или что другое?

– Нет. Я лишь хочу предупредить тебя, что не стоит возлагать слишком большие надежды на подобную встречу. Тогда и твое

разочарование, если оно случится, не будет столь уж сильным.

– Можешь не беспокоиться. Уж я подготовлюсь к встрече, как должно. Выпью полбутылки водки и высыплю себе пару кокаиновых дорожек перед тем, как идти. Обещаю.

– Отличная идея, Электра. Тебе и впрямь следует расслабиться перед встречей с бабушкой...

Я весело хихикнула и направилась к своему особому горшочку, в котором храню свои стратегические запасы Белого Рая. В конце концов, попыталась я оправдаться в собственных глазах, не каждый день человек обнаруживает, что у него еще есть живая бабушка.

«И чем же ты намерена заняться сегодня и что собираешься делать завтра, Электра? – спросила я саму себя. – Твой рабочий график на ближайшие двадцать четыре часа не изобилует съемками, так?»

«Наверное, так. Но и видеть мне никого не хочется».

«Даже Жоакина?»

«Разве ты забыла? Он же в Мехико. Гадкий, гадкий мальчишка, вот кто он!» – Я выразительно помахала пальцем перед своим воображаемым *alter ego*, которое все никак от меня не отставало.

Вернулась к журнальному столику, чтобы снова взглянуть на фотографии бабушки. Получается, что ребенок, которого она держит на руках, это моя мама. Я сделала глубокий вдох и взяла в руки мобильник. Набрала номер, тот же самый, что указан и в письме папы, и стала ждать, пока мне ответят.

– Стелла Джексон слушает.

– О, добрый день. Меня зовут Электра Деплеси и...

– Электра! Ну надо же! – Голос непривычно знакомый. Откуда? Но тут я наконец сообразила, что в ее голосе те же самые интонации, что и у меня.

– Да, это я. Получила ваше письмо. Вот решила позвонить.

– И правильно сделали! Я очень рада. Когда можно будет вас навестить?

– Я... пожалуй, завтра?

– Завтра воскресенье, у меня не получится. А что, если сегодня вечером? К тому же я уже сгораю от нетерпения. Как мне переждать еще целый день до встречи с родной внучкой?

– Ладно, – сдалась я перед ее напором. – Приходите сегодня вечером. Ровно в семь вас устроит?

– Да, вполне. У меня есть ваш адрес. Ровно в семь я буду у вас. До встречи, Электра.

– Э-э-э... Да, до встречи. – Я отключила телефон и, глянув на часы, поняла, что до нашего свидания с бабушкой осталось чуть больше часа.

– Хорошо-хорошо! – повторяла я сама себе, кивая в такт головой и меряя шагами квартиру в состоянии легкого головокружения. – Совсем скоро ко мне сюда пожалует моя бабушка. Моя родная бабушка! Но это же, если честно, круто... И как такое могло случиться со мной?

«Хорошая новость состоит в том, – думала я, поспешно возвращаясь в гостиную, чтобы смести с журнального столика малейшие следы белого порошка, – что я не впала в депрессию, не расклеилась по полной из-за Митча и его коробок, которые он любезно переслал мне». Наверное, мой психотерапевт назвал бы мою реакцию на сие событие самым настоящим прорывом. Наведя относительный порядок в гостиной, я пошла к себе в гардеробную и остановилась в нерешительности перед рядами нарядов. Интересно, в чем бы родная бабушка захотела впервые увидеть свою внучку? Я остановила свой выбор на твидовом жакете от «Шанель», решив, что с жакетом отлично будут смотреться джинсы в тон.

«Но ты же не на улицу собралась, Электра. Ты будешь дома. Вон, взгляни в окно, как солнце жарит».

В конце концов, я все же осталась в джинсах, но вместо жакета надела обычную белую майку, а на ноги – туфли без каблуков, но от «Шанель»: нужно же хоть как-то продемонстрировать свой класс. Следующая остановка – кухня: старые люди обычно пьют чай, если я не ошибаюсь. Я порылась в кухонных шкафчиках, ничего похожего на чайную посуду я там не обнаружила. Вот тебе и супер-пупер крутой пентхаус в центре Нью-Йорка! Даже чайника с чашками нет в наличии.

– Перестань себя накручивать, Электра! – приказала я себе. – Пусть увидит тебя такой, какая ты есть. Словом, как есть, так и есть! Вместо чая предложу ей воды или водки с тоником, – невольно хихикнула я.

Какое-то время я колебалась, не позвонить ли мне Мариам и не попросить ли ее заказать для меня через службу доставки все необходимое для чая и торт, но, по каким-то необъяснимым причинам, мне не хотелось, чтобы моя пресс-секретарь узнала, что я сегодня встречаюсь со Стеллой Джексон. Пусть это будет моим маленьким секретом, к тому же по-настоящему хорошим секретом сугубо положительного свойства.

Времени на дальнейшие размышления уже не было, потому что в этот момент мне позвонил консьерж и уведомил, что ко мне посетительница – мисс Джексон, и спросил, можно ли ее отсылать наверх.

– Да, конечно, – ответила я в домофон и в оставшиеся пару минут снова пробежалась по квартире, чувствуя, как колотится сердце в груди. И вот звонок в дверь, я делаю глубокий вдох, стараясь не думать о том, что этот звонок означает уже лично для меня. Что, если я возненавижу эту женщину с первого же взгляда? Ведь подобная реакция вполне типична для меня, подумала я, направляясь к двери, особенно на фоне всех тех хеппи-эндгов, которыми увенчались поиски всех моих сестер.

– Добрый вечер, – широко улыбнулась я, скорее, по привычке лыбиться на камеру, а может, и для того, чтобы соответствовать судьбоносному моменту встречи.

– Здравствуйте, Электра. Меня зовут Стелла Джексон, и я – ваша бабушка.

– Пожалуйста, проходите.

– Благодарю.

Женщина переступает порог и останавливается передо мной, а я чувствую, что, пожалуй, переживаю сейчас самое странное дежавю в своей жизни. Ведь Томми совсем даже не шутил, когда сказал мне, что женщина очень похожа на меня. Так оно и есть. Моя точная копия, только постарше.

– О, вы такая молодая! – не удержалась я от дежурного комплимента.

– Спасибо на добром слове. Вообще-то мне уже шестьдесят восемь.

– Вау! Я бы вам не дала более сорока пяти. Пожалуйста, присаживайтесь.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила меня Стелла и огляделась по сторонам. – У вас тут что-то типа квартиры-студии, да?

– Да, и это очень удобно.

– Я когда-то жила в этом районе, но только по другую сторону парка. Хороший район. И совершенно безопасный.

– Вы жили в Верхнем Ист-Сайде? – бросила я на нее удивленный взгляд, зная, какой это фешенебельный район.

И вот она, моя бабушка, стоит передо мной. Блузка, скорее всего, сшитая на заказ, и черные брюки безупречного кроя. Вокруг шеи небрежно повязан шарф, явно от французского дома моды «Гермес», на голове высокая прическа из мелких завитков в стиле «афро». А в целом смотрится стильно и элегантно. И богато!

– Да, какое-то время жила там, – ответила Стелла.

Я почувствовала на себе ее взгляд. Пожалуй, она разглядывает меня так же пристально, как и я ее.

– Какой у вас рост? – спросила она у меня.

– Чуть больше шести футов.

– О, тогда я вас перегнала. У меня шесть футов и полтора дюйма.

– Что будете пить?

– Спасибо, ничего.

– Ладно. Тогда я сооружу что-нибудь для себя. – Я подошла к бару и сделала вид, что пытаюсь отыскать там бутылку с водкой, потом плеснула себе в стакан водки и добавила тоник.

– Любите водку? – поинтересовалась у меня Стелла.

– Иногда, да. А вы? – спросила я и отхлебнула немного из стакана.

– Нет. У меня вообще нет пристрастия к спиртному.

– Это хорошо, – выдавила я из себя. – Вы написали в своем письме, что хотели бы встретиться со мной.

– Да.

– Но зачем?

Какое-то время Стелла молча глядела на меня, потом едва заметно улыбнулась.

– Наверное, вы все время спрашиваете себя, чего же мне от вас надо, не так ли? Скорее всего, полагаете, что я притащилась сюда, пытаюсь прилепиться к вашей славе или воспользоваться вашим богатством.

Я почувствовала, как краска ударила мне в лицо. А эта дама явно не из тех, кто ходит вокруг да около. Сразу же берет быка за рога.

«И кого же она тебе напоминает, Электра, а?»

– Не скрою, подобные мысли посещали меня. – Я решила не лукавить и тоже говорить начистоту. Огонь, как известно, лучше всего тушить огнем.

– Так вот, заверяю тебя, Электра, – неожиданно перешла она на «ты», – я пришла не за тем, чтобы просить у тебя деньги. У меня хватает и своих.

– Хорошо, – сказала я, вслушиваясь в ее ярко выраженный американский акцент, но произношение самое рафинированное. Иными словами, передо мной дама экстра-класса. Классная девчонка, как выразилась бы я в подростковом возрасте. – Все же присаживайтесь, пожалуйста. – Я указала жестом на диван, но Стелла Джексон подошла к одному из двух кресел с высокой спинкой и устроилась там.

– Не хочешь задать мне какой-нибудь судьбоносный вопрос?

– Какой именно? – пожала я плечами в ответ. – У меня к вам куча вопросов.

– Ну, например, для начала спросить у меня, откуда ты родом. – Стелла оглядела меня внимательным взглядом.

– Пожалуй, для начала – да, – согласилась я с ней и постаралась сделать небольшой аккуратный глоток, но не получилось, и я выпила водку залпом.

– Ты из древнего и очень знатного кенийского рода, принцесса.

– Кения в Африке?

– Да, ты права. Кения находится в Африке.

– И вы там родились?

– Да, я родилась в Кении.

– Тогда каким ветром вас прибило сюда? Или это моя мама сюда приехала?

– О, это очень длинная история.

– Но я готова выслушать ее с самого начала и до конца, если вы, в свою очередь, готовы поведать мне ее.

– Конечно, я готова. Ведь именно ради этого я и пришла к тебе, – промолвила Стелла. – Однако дай мне для начала стакан воды, пожалуйста.

– Сию минуту! – Я подхватила со своего места и пошла на кухню, достала бутылку воды из холодильника и налила в стакан. Голова моя кружилась, но это уж точно не от водки. Женщина, поджидавшая меня в гостиной, была совсем не похожа на то, что я ожидала увидеть. Вопрос, который прожигал мои мозги каленым железом, был до обидного прост: как же так вышло, что она, судя по всему, весьма обеспеченная дама, а я оказалась приемной дочерью в чужой семье? Где же моя мать? И кто она такая, в конце концов?

– Спасибо, – поблагодарила меня Стелла, когда я протянула ей стакан с водой. Она сделала небольшой глоток. – Садись и ты.

Я присела, чувствуя некую неловкость от всего происходящего.

– У тебя испуганный вид, Электра. Такое впечатление, что ты боишься. Я права?

– Наверное, – согласилась я.

– Понимаю. Да я и сама уже столько лет не обращалась к этой истории. Что ж, разделим наш груз пополам. Согласна?

– Да, конечно.

– Итак, с чего же мы начнем?

Я увидела, как моя бабушка слегка похлопала себя по бедру. Вот еще один знакомый жест: я и сама так постоянно делаю, особенно когда о чем-то размышляю. Пожалуй, этот последний штрих окончательно развеял все мои сомнения касательно тех претензий, которые предъявляла эта женщина на право называться моей родственницей.

– Папа всегда в таких случаях говорил, что нужно начинать с самого начала.

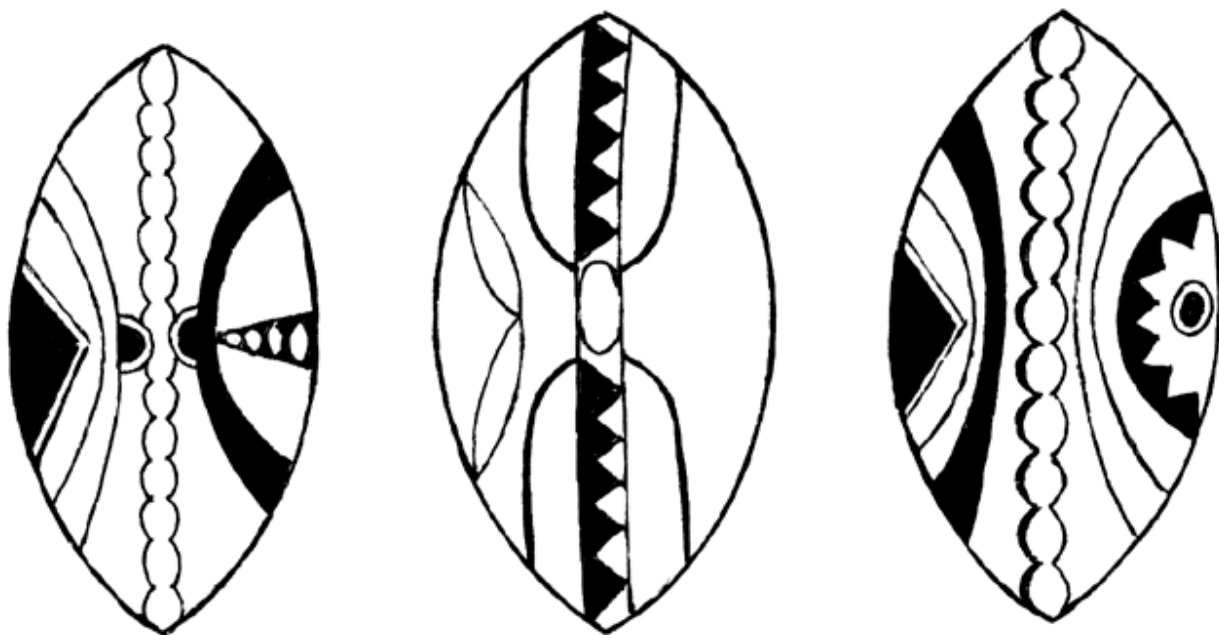
Стелла улыбнулась.

– И твой дорогой отец абсолютно прав. Вот я и начну...

Сесили

Нью-Йорк

Вечер накануне Нового года, 1938 год

Боевые щиты для охоты на буйволов кенийского племени масаи

9

– Сесили, детка моя, ну что ты валяешься в кровати целый день? Нам ведь через полчаса уходить на вечер.

– Я никуда не пойду, мама. Я же тебе еще за обедом сказала.

– А я тебе сказала, что обязательно нужно пойти. Еще не хватало, чтобы весь Манхэттен сплетничал о том, что ты не явилась на званый ужин по случаю празднования Нового года.

– Да мне дела нет до всех этих сплетен, мама. К тому же, не сомневаюсь, у всех этих кумушек, любительниц посплетничать, есть темы и поважнее, чем разговоры о моей разорванной помолвке. – С этими словами Сесили Хантли-Морган снова целеустремленно погрузилась в чтение «Великого Гэтсби».

– Что ж, если *тебе все равно*, моя юная мисс, то мне – совсем нет. Категорически не хочу, чтобы люди решили, что моя дочь глаз не кажет из дому даже в новогодний вечер, и все потому, что у нее, видите ли, разбито сердце.

– Но все так и есть, мама. Я действительно *прячусь от людей* в новогодний вечер. И у меня действительно *разбито сердце*.

– Вот, выпей.

Доротея Хантли-Морган протянула дочери бокал с шампанским, наполненный до самых краев. – Давай вместе выпьем за наступающий Новый год. Только обещай мне, что ты выпьешь весь бокал до дна, ладно?

– Мамочка, я не в том настроении, чтобы...

– А по-моему, отличный повод, милая. В новогодний вечер все пьют шампанское, даже если у кого-то и скверное настроение. Ну что, готова? – Доротея призывно вскинула свой бокал.

– Хорошо, но и ты пообещай мне, что после этого оставишь меня в покое.

– За наступающий 1939 год! За новые начинания и свершения!

Доротея чокнулась с Сесили.

Та неохотно повиновалась и выпила свой бокал до дна, как просила мать. Пенящееся вино мгновенно вызвало у Сесили позывы к тошноте, наверное, не в последнюю очередь потому, что за минувшие четыре дня она практически ничего не ела, разве что проглотила несколько ложек супа.

– Я знаю, это будет замечательный год, особенно если ты и сама *постараться*, – с энтузиазмом воскликнула мать.

Сесили позволила матери обнять себя и прижать к своей объемной груди, на нее сразу же пахнуло спиртным: наверняка мама уже успела не раз приложиться к алкоголю в течение дня. И опять же, во многом по ее вине: Джек Гэмблин разорвал их непродолжительную помолвку за два дня до наступления Рождества, как раз тогда, когда ее семья собиралась отбыть на предстоящие праздники в их имение в Хэмптонсе. Они с Джеком знали друг друга с детства, у его родителей было имение по соседству в Западном Хэмптоне. А потому каждое лето дети проводили вместе. Сесили уже и не помнила, когда именно она влюбилась в своего соседа. Кажется, она была влюблена в него всегда. Даже тогда, когда ей было лет шесть и мальчишка больно подшутил над

ней: они стояли с Джеком на берегу залива, и тут он объявил, что приготовил для нее подарок, а потом вручил Сесили краба, который тут же цапнул ее за палец. Сразу пошла кровь, перепачкавшая весь ее купальник. Но Сесили даже и не подумала тогда дать слабину и зареветь от обиды и боли; и сейчас, семнадцать лет спустя, она тоже не заплакала, когда он сообщил, что не может жениться на ней, потому что полюбил другую.

До нее уже доходили слухи об этой другой: Патриция Огден-Форбс. А кто в высшем свете Нью-Йорка не слышал это имя? Богатая наследница из Чикаго, единственная дочь в баснословно богатой семье. Стоило ей лишь появиться на рождественских балах на Манхэттене, как все тут же в один голос стали восхищаться ее красотой. Джек, дальний родственник Вандербильтов, о чем Доротея не переставала постоянно напоминать своей дочери и всем, кто имел желание ее слушать, тоже, судя по всему, совсем потерял голову, ослепленный внешностью мисс Огден-Форбс. Ему хватило лишь одного взгляда на юную красавицу, чтобы мгновенно забыть все свои прежние обещания. Включая и предстоящие свадебные торжества с Сесили.

– Не забывай, дорогая, – тяжело дыша, прошептала ей на ухо мать. – У этой Патриции нет никакого воспитания. В конце концов, она всего лишь дочь владельца какого-то мясокомбината.

«*А ты сама – дочь производителя зубной пасты*», – подумала Сесили про мать, но вслух ничего не сказала.

Она часто размышляла над странностями так называемого высшего общества в Америке, сплошь и рядом состоящего из коммерсантов и банкиров. Благородством тут изначально наделялись те семьи, которые владеют самыми крупными состояниями, а голубая кровь при этом не имела никакого значения. Ее, эту голубую кровь, даже не брали в расчет. Конечно, в этом нет ничего страшного, ведь, в отличие от Европы, у них в Америке нет лордов, герцогов и всяких там принцев. У них Страна Свободы.

– Ну почему бы тебе не пойти на этот вечер, Сесили? Хотя бы на часок, если уж на большее ты не согласна, – снова умоляюще обратилась Доротея к дочери.

– Может, и стоит пойти. Но *она ведь там* тоже будет, мама. Вместе с ним.

– Знаю, милая, знаю. Но ты же – Морган, а мы, Морганы, люди смелые и сильные духом. Мы не боимся встречаться со своими врагами лицом к лицу! – Доротея взяла дочь за подбородок и развернула ее лицом к себе. – Ты сможешь! Я знаю, ты сможешь! Я уже приказала Эвелин погладить твоё зеленое атласное платье, а еще я одолжу тебе на вечер бриллиантовое кольцо моей матушки, оно от Картье. Уверю тебя, ты произведешь фурор одним своим появлением. И кто знает, кого ты встретишь в бальной зале. Быть может, этот человек уже поджидает тебя.

Сесили прекрасно понимала, что ее поджидает: *унижение, одно сплошное унижение* при виде того, как ее бывший нареченный будет с гордостью демонстрировать свою богатую чикагскую красавицу, вальсируя с ней в бальной зале «Вальдорф Астория» на глазах у всех сливок высшего нью-йоркского общества. Но в одном мама права: у Сесили много недостатков, но вот храбрости ей не занимать.

– Хорошо, мама, – подавила она вздох. – Будь по-твоему.

– Вот это моя дочь! Сейчас же прикажу Эвелин принести тебе бальное платье, помочь с прической и приготовить ванну. От тебя слегка отдает потом, милая.

– Фу! Спасибо, мама. – Сесили приняла информацию к сведению. – Пожалуй, мне еще потребуется шампанское! – воскликнула она, когда за матерью закрылась дверь. – Много шампанского! Целые корзины! – Она скорчила недовольную рожицу, кладя закладку в книгу, которую читала. *«Любопытно получается у автора “Великого Гэтсби”»*, – подумала она, слегка покачав головой. По его мнению, с помощью любви и огромного особняка можно покорить весь мир.

У самой Сесили было и то и другое. Но она понимала, что лично ей не удалось покорить ничего, а значит, Фицджеральд ошибается.

* * *

Хорошая новость была одна: бал в «Вальдорф Астория» был таким многолюдным, что любой, приехавший на бал, сразу же чувствовал себя так, будто он ступил на Орегонский тракт, на ту самую длинную дорогу, по которой в прошлом веке переселенцы двигались в направлении Тихоокеанского побережья. Ослепительная хрустальная

люстра свисала с высокого потолка с углублениями-нишами по краям для дополнительной подсветки; балконы, обрамляющие бальную залу, тоже сверкали и переливались множеством огней. Обилие ковров и бархата скрадывало шум разговоров и смех. В дальнем конце зала разместилась эстрада, на которой уже сидели музыканты и настраивали свои инструменты. Сверкающий паркет был готов к началу бала. Вдоль стен расположились столы, сервированные по высшему классу: белоснежные салфетки и скатерти изо льна, тончайший фарфор, переливающийся всеми цветами радуги хрусталь, изысканные цветочные композиции. Вот появился официант с подносом, уставленным фужерами с шампанским, и Сесили тут же схватила один фужер, зажав его в потной ладони.

Все, кто что-то значил в Нью-Йорке, были сегодня здесь. А как же иначе? Новогодний бал! *«Драгоценностей, которыми были увешаны дамы, пожалуй, хватило бы на то, чтобы купить за вырученные деньги достаточно большую страну и поселить там сотни тысяч обездоленных и нищих, которые обитают в их большой стране»*, – уныло подумала Сесили, отыскав карточку со своим именем на одном из столов, и тут же уселась за него. Хорошо, что она сидит спиной к залу, уперев взгляд в стену: не хочется ей лицезреть эту кричащую демонстрацию роскоши и богатства или снова подвергать себя неизбежному унижению, если, не дай бог! – случится неожиданная встреча с Джеком и Патрицией... Хотя, по ее прикидкам, такого не должно случиться.

– Боже мой! Кого я вижу, дорогая моя!

Сесили подняла голову и встретилась глазами с ясным и чистым взглядом одной из самых титулованных красавиц высшего света Нью-Йорка: Кики Престон собственной персоной. Они сердечно обнялись, и Сесили успела заметить, как моментально расширились зрачки у ее крестной матери, став похожими на две огромные сферы в обрамлении радужной оболочки.

– Моя дорогая девочка! Мама рассказала мне о твоих *неприятностях*... Не переживай, дорогая моя! Поверь, таких, как он, полно вокруг. – Кики многозначительно подмигнула. Потом ухватила за спинку стула, на котором сидела Сесили, и слегка покачнувшись, после чего уселась на соседний стул, достала сигарету, вставленную в мундштук из слоновой кости, и неторопливо закурила.

Сесили не видела свою крестную мать добрых лет десять. Пожалуй, в последний раз, когда они встречались, ей было лет двенадцать-тринадцать, но сейчас она не могла отвести своего восхищенного взгляда от женщины, про которую когда-то мать доверительно рассказала, что у той была любовная связь с каким-то британским принцем, чуть ли не с прямым наследником английского престола. Сесили была в курсе, что Кики долгие годы прожила в Африке, однако ее кожа осталась такой же белой и прозрачной, как и нити жемчуга, обвившего ее лебединую шею, плавно перетекающую в глубокое декольте на спине в стильном бальном платье от «Шанель». Темные волосы были собраны в высокую прическу, открывающую лицо с изысканными высокими скулами и высокий лоб, из-под которого сверкали огромные зеленые глаза, невольно гипнотизируя своим взглядом.

– Ну разве это не радость встретить свою крестную мать после стольких лет? – ликующе воскликнула Доротейя, обращаясь к дочери. – Кики, почему ты не сообщила мне, что снова в Нью-Йорке? Я бы непременно устроила вечер в твою честь.

– Скорее уж поминальный обед, – пробормотала вполголоса Кики, выпуская тонкую струйку дыма. – Столько смертей за последнее время... Я-то и приехала сюда, чтобы встретиться с адвокатами...

– Знаю, моя дорогая, знаю. – Доротейя уселась по другую сторону от Кики и взяла ее за руку. – Последние несколько лет действительно стали для тебя самой настоящей адской мукой.

Сесили молча наблюдала за тем, как ее мать принялась утешать экзотическую красавицу, сидящую рядом, и впервые за последние дни в ней самой тоже затеплилось нечто, отдаленно похожее на надежду. Надежду на то, что в ее жизни все как-то образуется и наладится. Сесили знала, что Кики потеряла кучу родственников, в том числе и своего мужа Джерома. Целая вереница смертей, причем при самых трагических обстоятельствах. И тем не менее Кики, которой по всем прикидкам уже где-то около сорока, прекрасна, как никакая другая женщина. Хотя, с другой стороны, крестная мать – это живое подтверждение того, что красота далеко не всегда приносит счастье.

– С кем ты сидишь за ужином? – спросила у подружки Доротейя.

– Понятия не имею, – небрежно ответила Кики. – Да они все тут сплошные зануды. А что, если я останусь за этим столом? Рядом с

тобой?

– Мы с Сесили будем только рады такому соседству. Сейчас попрошу официанта, чтобы он принес еще один прибор.

Доротея поспешила на поиски официанта, а Кики снова повернулась к Сесили и обвела ее внимательным взглядом, потом протянула ей свою руку. Сесили слегка пожала ее, длинные тонкие пальцы Кики были холодны, как лед, и это несмотря на то, что в помещении было очень жарко.

– Ты правильно сделала, что взяла себя в руки и явилась сюда, – промолвила Кики, загасив окурок в пепельнице. – Лично мне наплевать на всех, кто сегодня присутствует здесь. Ничего стоящего, поверь мне. – Кики вздохнула, взяла бокал с шампанским, который оставила Доротея, и залпом осушила его до дна. – Как любит повторять моя приятельница Алиса, все мы со временем превратимся в прах. А при этом неважно, сколько у нас этих гребаных бриллиантов. – Кики устремила свой взор куда-то вдаль, словно хотела пробуравить глазами стены «Вальдорфа», чтобы посмотреть, что там делается снаружи.

– А какая она, эта Африка? – спросила Сесили, исключительно для того, чтобы хоть как-то поддержать разговор, ибо видела, что ее крестная мать задумалась о чем-то своем и витает сейчас совсем в ином мире.

– О, волшебная, ужасная, таинственная и... полностью непредсказуемая. Знаешь, у меня есть свой дом на берегу озера Наиваша в Кении. Просыпаешься по утрам и видишь, как в озере купаются гиппопотамы, жирафы прячут свои высокие головы в тени деревьев, маскируясь под их ветви... – Кики негромко рассмеялась низким грудным смехом. – Ты обязательно должна приехать ко мне в Кению. Надо же тебе вырваться, в конце концов, из этого каменного гетто, в котором буквально задыхаешься от нехватки воздуха. Пора взглянуть на настоящий мир, такой, какой он есть на самом деле.

– О, с удовольствием воспользуюсь вашим приглашением... когда-нибудь.

– Дорогая моя, что это значит – «когда-нибудь»? Реально в нашем распоряжении только то, что есть сейчас... В эту самую минуту... А может быть, и в сотую долю секунды...

Она умолкла и потянулась рукой к своей вечерней сумочке, похоже, расшитой десятками крохотных сверкающих бриллиантиков. –

Прошу простить меня, детка, но мне надо отлучиться в дамскую комнату. Скоро вернусь.

Кивнув на прощание своей элегантной головкой, Кики удалилась, грациозно лавируя между столиками. Она вдруг вспомнила Сесили героиню из «Великого Гэтсби», которую обожал главный герой – Дейзи Бьюкенен: такая вся из себя стильная штучка из двадцатых годов, ветреная и взбалмошная. Однако сегодня времена другие. Ревущие и кипящие двадцатые уже стали историей, хотя некоторые, в том числе мать и ее подруги, продолжают жить так, словно они все еще в угаре от всех тех безумств, которыми наполнилось то замечательное время, последовавшее сразу же после окончания мировой войны. Однако за стенами этой бальной залы все иначе: остальные американцы по-прежнему сражаются с нищетой, обрушившейся на них после Великой депрессии. Сесили имела личные воспоминания о том страшном времени, хотя на тот момент ей было всего лишь тринадцать лет. Она до сих пор хорошо помнит, как безутешно рыдал ее отец, уткнувшись в плечо матери, рассказывая жене о том, как его самый лучший друг выбросился из окна в тот самый день, когда объявили о финансовом крахе на Уолл-стрит. Потом Сесили буквально вырвала из рук их экономки Мэри папину газету, которую та уже собиралась выбросить в урну, и постаралась сама вникнуть во все, что творилось в стране, вникнуть и понять. Удивительно, но факт: тема Великой Депрессии никогда не обсуждалась в Спенсе, закрытой привилегированной школе для девочек, которую посещала Сесили, хотя она сама при случае не раз и не два задавала наводящие вопросы своим учителям. После окончания школы Сесили стала уговаривать отца, чтобы тот отпустил ее учиться дальше в колледж в Виссаре. Она хотела заняться изучением экономики. При этом сослалась на то, что две ее одноклассницы, имеющие весьма просвещенных родителей, уже получили их согласие на продолжение учебы в Брауне. К немалому удивлению Сесили, Вальтер Морган тоже не стал возражать против поступления дочери в колледж. Вот разве что выбор специальности его не устроил.

– Экономика? – Он сосредоточенно нахмурил брови, после чего сделал большой глоток из стакана со своим любимым бурбоном. – Моя дорогая Сесили, экономика и все, что с ней связано, это исключительно прерогатива мужчин и подспорье для становления их карьеры. Почему бы тебе не заняться изучением истории? Тебе это будет совсем не

сложно. И потом всегда сможешь поддержать интеллектуальный разговор с друзьями и коллегами своего будущего мужа.

Разумеется, Сесили пошла на компромисс, согласившись с предложением отца, но в качестве факультативных дисциплин все же выбрала курс по экономике. Она с удовольствием посещала занятия по алгебре, статистике и лекции мисс Ньюкамер по ее знаменитой экономике-105. Одно удовольствие было сидеть в аудитории, стены которой обшиты деревянными панелями, в окружении всяких умных и незаурядных женщин, общение с которыми не могло не вдохновлять.

И как так получилось, что после столь многообещающих лет, потраченных на учебу, Сесили снова очутилась в своей детской спальне фамильного особняка на Пятой авеню без какой-либо надежды на будущее? Да и сейчас тоже торчит за столом в гордом одиночестве. Сесили обвела зал глазами, ища мать, и снова отхлебнула немного шампанского из своего фужера, чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, которые непрестанно лезли в голову.

Летом она закончила учебу в Виссаре и отправилась к родителям, которые в то время отдыхали в своем имении в Хэмптонсе. Сесили буквально хотелось ущипнуть себя, когда она вдруг поняла, что Джек стал на полном серьезе ухаживать за ней, все время привечал ее на всяких вечеринках, выделяя из толпы других девушек, постоянно звал поиграть с ним в теннис, не скупился на комплименты и осыпал подарками, что в равной степени забавляло и волновало Сесили. Ее родители наблюдали за развитием их отношений с видимым удовлетворением, наверняка они уже даже обсудили между собой вариант с возможной помолвкой их дочери. И действительно, в сентябре Джек сделал ей предложение, по роковому стечению обстоятельств, именно в тот день, когда на Лонг-Айленд неожиданно, без всяких предупреждений от метеослужб обрушился мощнейший ураган, который натворил на острове множество бед. Она до сих пор вспоминает тот страшный день: вся семья Джека вместе со слугами неожиданно появились в доме Морганов с побелевшими от страха лицами. Особняк Гэмблинов в Западном Хэмптоне был практически разрушен разбушевавшейся стихией. Более того, ему грозило полное затопление. Имение же ее родителей располагалось чуть дальше и на более высоком месте, а потому практически не пострадало; к тому же у них имелся огромный подвал, в котором можно было переждать

непогоду. Все они сгрудились в этом подвале, прислушиваясь к свирепому ветру, бушевавшему вверху, сносившему крыши домов, валившему наземь многовековые деревья. И вот в этот столь драматичный момент Джек отвел Сесили в сторону и слегка прижал к себе.

– Сесили, моя дорогая девочка, – прошептал он ей на ухо, трепещущей в его объятиях. – Сегодняшние события особенно остро напоминают нам о том, как чертовски коротка наша жизнь... Выходи за меня замуж.

Она уставилась на него в полном недоумении.

– Ты, наверное, шутишь, Джек!

– Напротив! Я говорю серьезно. Умоляю тебя, дорогая, скажи мне «да».

И конечно, она сказала «да». Хотя уже тогда в глубине души, в самых дальних ее уголках, она понимала, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой; однако удивление от того, что он выбрал *именно ее*, помноженное на огромную любовь, какую Сесили всегда питала к Джеку, воистину затуманили ей сознание, можно сказать, что на тот момент она лишилась разума. И вот спустя всего лишь каких-то три месяца помолвка расторгнута, и Сесили встречает Новый год в полном одиночестве, чувствуя себя абсолютно раздавленной и униженной.

– Сесили! И ты тут! Здорово! Я и подумать не могла, что ты приедешь на бал.

Из состояния глубокой задумчивости Сесили вывела ее самая младшая сестра Присцилла, возникшая прямо перед ней в роскошном платье из розового шелка; ее красивые белокурые волосы рассыпались по плечам искусно уложенными волнами. В эту минуту она была очень похожа на своего кумира, одну из самых ярких звезд Голливуда Кэрол Ломбард: не удивительно, что сестра постаралась максимально точно скопировать ее стиль. К великому сожалению, мужу Присциллы было далеко до Кларка Гейбла, который был женат на Кэрол Ломбард. Роберт был весьма невысокого роста, и Присцилла в своих туфлях на высоченном каблуке возвышалась над ним, словно каланча. Он протянул свои небольшие и слегка влажные ручки Сесили, приветствуя ее.

– Моя дорогая свояченица! Мои соболезнования по случаю твоей утраты. – В эту минуту у Сесили возникло непреодолимое желание

оборвать зятя на полуслове и сказать ему, что вообще-то Джек не умер, а жив, здоров и процветает. – И тем не менее с Новым годом! И с новым счастьем!

Сесили позволила Роберту обнять себя за плечи и расцеловать слюнявыми поцелуями в обе щеки. Она до сих пор не могла взять в толк, как может Присцилла каждую ночь укладываться в кровать с этим некрасивым до безобразия, худым и малорослым человечком с бледным одутловатым лицом, по цвету похожим на вчерашнюю овсянку.

«Наверное, лежит рядом с ним и считает его доллары в банке», – подумала Сесили с неожиданной злостью.

За спиной Присциллы маячила их средняя сестра Мейми. Ей двадцать один, всего лишь на тринадцать месяцев младше Сесили. Ее всегда отличали плоская грудь и фигура, как у мальчишки, но сейчас она беременна, уже на седьмом месяце. Надо сказать, беременность преобразила сестру: платье из голубого атласа удачно подчеркивало ее пополневшие груди и уже довольно заметно обозначившийся животик с будущим младенцем.

– Привет, дорогая! – поздоровалась Мейми с сестрой, тоже расцеловав ее в обе щеки. – Смотришься просто потрясающе, особенно с учетом всех обстоятельств.

Сесили так и не решила, что это было – комплимент или откровенное оскорбление.

– Правда ведь, Гюнтер? – обратилась Мейми к мужу, который, в отличие от Роберта, довлел своим высоким ростом над женой.

– Красавица! – согласился с женой Гюнтер и тоже обнял Сесили, обхватив ее руками за плечи с такой силой, будто перехватил на лету футбольный мяч.

Сесили очень нравился Гюнтер. Собственно, он ей понравился с первого же взгляда, с того самого момента, когда Мейми впервые привела его в прошлом году к ним домой. Можно сказать, Гюнтер определенно числился в ее любимчиках. Светловолосый, кареглазый, с ослепительно белыми зубами, выпускник Йельского университета, он получил диплом с отличием, после чего пошел по стопам своего отца и начал работать в их семейном банке. Гюнтер, несомненно, умен и вообще очень неординарный человек во всех отношениях. Во всяком случае, у Сесили вызывало уважение то, что он работал в банке за оклад, чтобы содержать свою семью, хотя Мейми не раз жаловалась,

что муж тратит непозволительно много времени в Юнион клубе, обедая там в обществе своих клиентов. Сесили надеялась, что сегодня за ужином Гюнтер станет ее соседом по столу, и тогда она сможет подробно расспросить его о том, что он думает по поводу аннексии Гитлером Судетской области и как это может сказаться на американской экономике в целом.

– Леди и джентльмены! Любезно прошу вас занять свои места за столами, – раздался чей-то зычный голос у входа в бальный зал.

– А вот и папа! – воскликнула Сесили, заметив спешившего к их столику Вальтера Хантли-Моргана.

– Столкнулся с Джереми Свифтом в фойе, наверное, самый занудливый тип на Манхэттене! – Вальтер тепло улыбнулся Сесили. – А где мое место? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Рядом с Эдит Уилберфос, – ответила отцу Сесили. – По другую сторону стола.

– Еще одна зануда! Впрочем, твоя матушка уверяет меня, что она ей нравится. А ты сегодня просто обворожительна, между прочим, – добавил Вальтер, окинув любящим взглядом свою старшую дочь. – Молодец, Сесили, что пришла на бал. Это мужественный поступок. А я люблю смелых людей.

Сесили вымученно улыбнулась отцу, который поспешил занять отведенное ему место. Для немолодого мужчины он еще очень красив, подумала она; лишь едва заметная седина, посеребрившая светлые волосы, да небольшое брюшко выдавали его почтенный возраст. Вообще Хантли-Морганы всегда славились своей красотой. Правда, Сесили считала, что тут она явно подвела свою семью. Иное дело Присцилла, шикарная голубоглазая блондинка, точная копия своего отца. Или Мейми, которая пошла в мать. А что Сесили? Непокорная грива кудрей какого-то неопределенного бурого цвета, то же самое и с глазами: в солнечный день они светло-голубые, а в непогоду – серые. Плюс еще целая россыпь веснушек на носу, которые особенно заметны на солнце. Невысокая, чуть выше пяти футов, стройная, но, как считала сама Сесили, это та стройность, которая уже граничит с худобой. Словом, самый настоящий карлик, особенно на фоне своих импозантных и красиво сложенных сестер.

– Ты видела Кики, Сесили? – обратилась Доротея к дочери, заняв свое место через три стула от нее.

– С тех пор как она удалилась в дамскую комнату, нет, мама, не видела, – ответила ей Сесили, пока официанты разносили гостям закуску из креветок. Место, специально зарезервированное для Кики, осталось пустым.

«Как раз то, что мне надо... Свободное место рядом...»

Гюнтер наклонился к ней и прошептал:

– Если Кики не объявится в ближайшие десять минут, я пересяду к тебе поближе.

– Спасибо, – поблагодарила его Сесили и отхлебнула немного вина из бокала, который наполнил ей официант. *«Господи, – подумала она с тоской, – как же бесконечно долго будет тянуться эта ночь».*

Кики не появилась и через час, официанты унесли прочь ее прибор, а Гюнтер передвинулся поближе к Сесили. И у них состоялся обстоятельный разговор об общей ситуации в Европе. Сам Гюнтер скептически относился к разговорам о том, что война не за горами. Ведь в начале 1938 года британский премьер-министр господин Чемберлен заключил с Гитлером особое соглашение.

– Но опять же, Гитлер – это такая непредсказуемая персона, которая постоянно нервирует рынки. Вот и совсем недавно был очередной всплеск волатильности, а ведь уже казалось, что все страсти улеглись. Конечно, – Гюнтер наклонился к свояченице поближе, – есть и такие, кто с радостью потирает руки в предвкушении скорой войны в Европе.

– Неужели? – нахмурилась Сесили. – А что их так радует?

– Как что? Для ведения войны нужны пушки, нужны боеприпасы, а Америка может отлично производить и то и другое. Особенно с учетом того, что сами мы не окажемся втянутыми в это военное противостояние.

– Ты так уверен, что Америка не будет вовлечена в военные действия?

– Абсолютно уверен. Даже Гитлеру не придет на ум бредовая идея замахнуться на аннексию Соединенных Штатов Америки.

– И все же трудно поверить, что есть люди, которые *хотят войны*.

– О, но ведь война, Сесили, обогащает людей, а соответственно, и целые страны. Вспомни, какой была Америка до мировой войны и сколько крупных, многомиллионных состояний возникло в ходе той войны. Все в этом мире развивается циклами. Иными словами, как это

грубо ни звучит, но то, что идет вверх, должно опуститься вниз, и наоборот.

– Довольно грустный взгляд на развитие мировой истории. Тебе так не кажется?

– Наверное, ты права. Остается лишь надеяться, что люди чему-то учатся на собственных ошибках, и благодаря этому человечество может двигаться вперед. Но тем не менее сегодня Европа балансирует на грани войны. А нам остается, – Гюнтер вздохнул, – лишь верить в благоразумие человека. И может быть, – добавил он, прислушиваясь к первым вступительным тактам музыки и наблюдая за тем, как пары тут же устремились на паркет, – новогодняя ночь – это единственная ночь в году, когда мы должны забыть все свои тревоги и просто праздновать. Потанцуешь со мной? – Он поднялся со своего места и подал Сесили руку.

– С удовольствием, – улыбнулась она в ответ.

Десять минут спустя Сесили снова опустилась на свой стул за опустевшим столом. Все еще танцевали со своими партнерами и партнершами, но самое отвратительное было то, что во время танца она успела мельком заметить ослепительно красивое серебристое платье в комплекте с безупречно длинными ногами, принадлежащими разлучнице из Чикаго. Она вихрем пронеслась мимо в объятиях бывшего жениха Сесили.

Вообще-то Сесили не курила, но тут ее потянуло сделать затяжку-другую, хотя бы для того, чтобы занять себя чем-то. Она взяла пачку, оставленную кем-то на столе, достала оттуда сигарету и закурила, уныло размышляя о том, каким одиноким может чувствовать себя человек в помещении, до отказа заполненном сотнями людей. Она даже подумала о том, чтобы поймать такси и укатить домой, но в этот момент перед ней снова возникла Кики в сопровождении статного красивого мужчины.

– Ах, Сесили! Ну что же ты тут торчишь в гордом одиночестве? Позволь представить тебе капитана Тарквина Прайса. Он мой большой друг из Кении.

– Рад познакомиться с вами, мисс. – Мужчина отвесил Сесили учтивый поклон.

– Хорошо, оставляю вас, молодых, наедине друг с другом. Поболтайте немного, а мне пока нужно отлучиться в комнату для

отдыха.

Тарквин уселся на соседний стул и предложил Сесили еще одну сигарету, но она лишь отрицательно покачала головой, думая о том, что у ее крестной матери, судя по всему, весьма серьезные проблемы с мочевым пузырем.

– Так вы крестница Кики? – поинтересовался капитан.

– Да. А вы ее близкий друг?

– О, я бы не рискнул заявлять такое; мы с Кики пару раз пересекались в Найроби в клубе Мутаига. А потом у меня образовался небольшой отпуск, и Кики пригласила меня на Рождество в Нью-Йорк. Ваша крестная мать принадлежит к тому типу женщин, которые легко и просто обзаводятся новыми знакомыми и друзьями. Она ведь очень необычная женщина. Вы не находите?

– Согласна с вами, Кики действительно очень неординарная дама, – ответила Сесили. Ей вдруг захотелось закрыть глаза и просто слушать голос своего собеседника, разговаривающего на типичном для англичан языке со множеством сокращений. – Так вы живете в Кении?

– На данный момент – да. Я служу в британской армии, и меня направили туда несколько месяцев тому назад, когда началась вся эта заварушка с Гитлером.

– И вам нравится жить в Кении?

– О, Кения – необыкновенно красивая страна, не похожая ни на одну другую. И уж совершенно не похожа на нашу старушку Англию, это точно.

Его красивое загорелое лицо в обрамлении густых темных волос расплылось в добродушной улыбке, карие глаза тоже заискрились смехом.

– А вам уже доводилось видеть там живых тигров и львов?

– Прошу прощения, но я вынужден вас немного поправить, мисс...

– Пожалуйста, зовите меня просто Сесили.

– Хорошо, Сесили. Спешу вас заверить, что наличие тигров в Африке – это весьма распространенное заблуждение. На самом деле тигров в Африке нет. Но вот львов мне уже приходилось видеть. Одного я даже застрелил в буше несколько недель тому назад.

– Правда?

– Да, – энергично кивнул головой Тарквин. – Зверюга шлялся непосредственно возле нашего лагеря. А эти черномазые все как один

уснули, а когда пробудились, то тут же разбежались в разные стороны. Хорошо, что я услышал крики, схватил ружье и пристрелил незваного гостя, пока он не успел слопать нас всех на ужин. А ведь в лагере были и женщины.

– Вот как? Дамы тоже сопровождают вас в походе?

– Да. И надо сказать, кое-кто из них стреляет гораздо лучше мужчин. А вообще-то, когда живешь в Африке, то нужно уметь обращаться с ружьем независимо от того, мужчина ты или женщина.

– А я вот ни разу в жизни не держала в руках ружья, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него.

– О, уверен, вы бы очень быстро освоили это дело. Во всяком случае, большинство научится стрелять сравнительно быстро. А чем вы, Сесили, занимаетесь здесь, в Нью-Йорке?

– Главным образом, помогаю маме во всех ее благотворительных делах. Состою в нескольких комитетах и...

Сесили оборвала себя на полуслове. Какая нелепость – рассказывать офицеру британской армии, который к тому же недавно собственноручно застрелил льва, о том, как она участвует во всяких благотворительных обедах.

– То есть, я хочу сказать, что могла бы сделать много больше, но...

«Ну, давай же, Сесили! Давай! Хотя бы попытайся сказать что-то более убедительное... Ведешь себя как несчастная девица, оставшаяся на балу без кавалера... Впрочем, так оно и есть».

– Между прочим, я всерьез интересуюсь экономикой, – неожиданно для себя самой выпалила она.

– Даже в эту самую минуту? А почему бы нам не совершить круг по паркету? А вы бы за это время доходчиво объяснили, куда мне выгоднее всего вкладывать свое жалкое армейское жалованье.

– Я... хорошо, – согласилась она. Уж лучше танцевать, чем мучиться в поисках слов и тем для разговора. Зазвучала бравурная музыка Бенни Гудмана в исполнении его великолепного оркестра. Сесили с облегчением подумала, что даже если бы ей в голову и пришло что-то стоящее или смешное, о чем можно было бы рассказать Тарквину, то вряд ли он ее услышал бы в этом шуме и грохоте. Попутно она не без удовольствия отметила про себя, что англичанин танцует гораздо лучше Джека. А уж когда они столкнулись буквально нос к носу с Джеком и его богиней в серебристом платье, то Сесили даже

испытала нечто очень похожее на злорадное удовлетворение. Наконец наступила полночь, над головами гостей взмыли сотни разноцветных шаров и устремились вверх.

– С Новым годом, Сесили. С новым счастьем! – Тарквин слегка подался вперед и расцеловал ее в обе щеки.

Оркестр с воодушевлением заиграл мелодию знаменитой шотландской песни на слова Роберта Бернса «Старое доброе время», которую в обязательном порядке исполняют с наступлением новогодней полночи, а потом снова зазвучала танцевальная музыка, и Тарквин тут же снова пригласил Сесили на танец. И не отходил от нее ни на шаг, пока не объявилась Кики, возникнув ниоткуда, словно привидение, и не повисла на его руке.

– Тарквин, будьте пайнкой и сопроводите меня в мой номер. Я уже наплясалась всласть, мои бедные ноженьки меня больше не держат. Мне надо немедленно сбросить с себя эти ужасные туфли. Я пригласила к себе наверх пару человек, так что мы можем продолжить веселиться и у меня. Сесили, дорогая! Ты обязательно должна пойти вместе с нами.

– Спасибо, Кики. Но за нами уже приехала машина, шофер ждет на улице.

– Так пусть подождет немного подольше, – рассмеялась в ответ Кики.

– Нет, не могу. Мне нужно домой. – После нескольких бессонных ночей Сесили действительно уже настолько устала, что готова была заснуть прямо на руках Тарквина.

– Что ж, коли нужно, тогда другое дело. Но мы еще увидимся с тобой до моего отъезда в Кению. Я уже говорила Сесили, что ей обязательно нужно приехать ко мне в гости, – добавила Кики, обращаясь к Тарквину.

– Прекрасная идея! – поддержал ее Тарквин, бросив на Сесили влюбленный взгляд. – Был счастлив познакомиться с вами. – Тарквин взял ее руку и поднес к своим губам. – Буду очень рад снова увидеться с вами уже в Кении, если вы и правда надумаете приехать к нам. Надеюсь на скорую встречу. Всего вам доброго.

– Всего доброго.

Сесили молча проследила за тем, как Тарквин повел Кики, пробираясь сквозь толпу гостей, потом принялась отыскивать глазами

родителей. А про себя подумала, что если она даже никогда больше не увидит капитана Тарквина Прайса, то сегодня он оказался рядом с ней весьма кстати, став на этот вечер ее рыцарем в сверкающих доспехах.

10

Как и все жители Нью-Йорка, Сесили не любила январь, однако нынешний январь выдался, пожалуй, самым унылым и нудным за всю ее жизнь. Обычно у нее всегда поднималось настроение, когда она смотрела из окна своей спальни на заснеженный Центральный парк, но в этом году снега не было, весь месяц лил дождь, дорожки были покрыты серой липкой грязью, под стать такому же тусклому и серому небу.

До того момента, как Джек самым неожиданным образом выпал из ее жизни, Сесили, помогая маме и ее многочисленным приятельницам в их неустанных благотворительных хлопотах, днями напролет предавалась мечтам о будущей свадьбе. Что же касается самих благих дел, то, по мнению Сесили, они сводились главным образом к бесконечным дебатам и обсуждениям, куда и на что именно пустить деньги, полученные от очередного дарителя, после чего не менее обстоятельно обсуждалось меню следующего благотворительного обеда. Отдельно и очень скрупулезно велась работа над списком приглашенных гостей: здесь главным критерием было то, сколько долларов пожертвует на нужды благотворительности тот или иной приглашенный. Доротейа напирала и на старшую дочь, требуя у нее полной информации о том, кто из ее подруг вышел замуж, а главное – за кого. Если жених или молодой муж был состоятельным человеком, то Сесили была обязана пригласить на обед и эту молодую пару.

Умом Сесили понимала, что и мама, и ее престарелые подружки хлопочут на ниве добрых дел, как говорится, не жалея себя, однако же она никогда не видела перепачканными в грязи их безупречно белые шелковые перчатки, когда дамы посещали то или иное богоугодное заведение, на которое выделялась очередная сумма благотворительного взноса. Однажды Сесили вызвалась самостоятельно поехать в Гарлем и навестить тамошний сиротский приют, для которого на последнем благотворительном обеде было собрано более тысячи долларов, но мама лишь взглянула на нее с таким видом, будто дочь сошла с ума.

– Сесили, дитя мое, что за вздор лезет тебе в голову?! Все эти черномазые обернут тебя до нитки еще до того, как ты вылезешь из машины. Твоя обязанность – это изыскивать средства для бедных и несчастных цветных детишек! И этого для тебя более чем достаточно.

После крупных беспорядков, случившихся в Гарлеме в 1935 году, как раз тогда, когда Сесили училась на втором курсе колледжа, она постоянно чувствовала напряжение, витавшее в воздухе, и была более или менее в курсе того, что там происходит сегодня. Порой, правда, у нее возникал соблазн расспросить поподробнее обо всем горничную Эвелин, тоже негритянку, которая работала в их доме уже более двадцати лет. Пусть бы рассказала все, как есть, в том числе и о своей жизни. Но негласное правило номер один в их доме: никто из семьи не должен никогда и ни при каких обстоятельствах вступать в обсуждение любых личных вопросов со слугами. Эвелин жила здесь же, у них в доме, в мансарде вместе с другими женщинами, подвизавшимися на кухне. Отлучалась в город она только по воскресеньям, чтобы сходить в «свою церковь», как она ее называла. Их шофер Арчи и его жена Мэри, работавшая у них экономкой, жили в Гарлеме, но опять же информация об их тамошней жизни была Сесили недоступна. В колледже Сесили удалось познакомиться с несколькими девушками передовых взглядов, открыто требовавшими социальных перемен в обществе. Так, к примеру, ее подруга Теодора часто по выходным отлучалась из студенческого кампуса, чтобы поучаствовать во всяких сходках, посвященных обсуждению гражданских прав, в знаменитом доме собраний с залом общества милосердия, более известном под названием «19-я палата». К себе в комнату подруга возвращалась в воскресенье, далеко за полночь, пробираясь через окно. От нее разило табаком, и она буквально кипела от ярости.

– Нет, в этом мире определенно нужны перемены, – шептала Теодора со злостью, натягивая на себя ночную сорочку. – Может, с рабством мы и покончили, но все равно обращаемся с целой расой так, словно они не люди: повсюду сегрегация, неграм никуда нет хода. Как же мне все это осточертело, Сесили...

В январе наступал мертвый сезон и для всех благотворительных дел: никаких заседаний комитетов и прочей суеты. А потому Сесили целыми днями торчала дома наедине со своими невеселыми мыслями. Даже новости, сообщаемые по радио, не сильно радовали или

обнадеживали: Гитлер продолжал выступать со своими подстрекательскими речами, обрушиваясь в присущей ему манере на «британских и еврейских милитаристов».

– Зима 1939 года – ужасное время для жизни, – бормотала себе под нос Сесили, рискнув выбраться на прогулку в Центральный парк, утопающий в густом тумане. Но надо же хотя бы изредка показаться на улице.

Доротея уехала в Чикаго навестить свою мать. Сесили, сидя за ужином вместе с отцом за огромным столом в столовой, выходящей окнами на заснеженный сад, все никак не отваживалась предложить отцу перебраться для совместных трапез в более уютную утреннюю гостиную, где стоит небольшой столик.

– Ну, как тебе нравится новый стильный декор в нашем доме? – поинтересовался Вальтер у дочери, сделав глоток вина и неопределенно махнув рукой на ультрамодную сверкающую мебель.

Их особняк на Пятой авеню с внушительным каменным фасадом, обращенным к Центральному парку, был сравнительно недавно, по распоряжению Доротеи, полностью обновлен внутри. Сейчас интерьер дома был выдержан в модном стиле «ар-деко», который поначалу приводил Сесили в полное замешательство. Повсюду обилие зеркал, и в каждом маячит твое отражение. Словом, бесконечная череда зеркальных поверхностей. По правде говоря, Сесили было жалко, что из родительского дома исчезла громоздкая мебель из красного дерева, которая была знакома ей с детства. Единственным напоминанием о тех давних годах в ее спальне остался старый потрепанный мишка по имени Гораций.

– Если честно, то наш прежний интерьер мне нравился больше, но мама, кажется, очень довольна новым обликом нашего дома, – осторожно заметила Сесили.

– И это – главное, – обронил отец и погрузился в молчание.

Тогда Сесили рискнула затронуть тему, которая ее действительно волновала.

– Папа, – нерешительно начала она, – я стараюсь следить за новостями и хочу спросить тебя вот о чем. Почему Гитлер продолжает запугивать всех своими агрессивными речами? Ведь он же получил по Мюнхенскому соглашению все, чего хотел. Разве не так?

– Потому, моя дорогая, – ответил Вальтер, отрываясь от собственных мыслей, – что этот человек – психопат, причем в прямом смысле этого слова. То есть ему не знакомы ни чувство вины, ни стыд. Скажу даже более того: маловероятно, что он вообще будет придерживаться или соблюдать те соглашения, которые заключил.

– Значит, в Европе может начаться война?

– Бог его знает, – неопределенно пожал плечами Вальтер. – Все зависит от того, с какой ноги Гитлер встанет в тот или иной день и какая моча ударит ему в голову. Однако, с другой стороны, экономика Германии сейчас на подъеме. Все же он сумел запустить экономические процессы в нужном направлении. Иными словами, сегодня немцы вполне могут позволить себе войну, если того пожелает их вождь.

– Получается, что все опять упирается в деньги, да? – вздохнула Сесили, ковыряя вилкой телячью котлетку, лежащую перед ней на тарелке.

– Многое действительно зависит от денег, но далеко не все. Чем занималась сегодня?

– Абсолютно ничем. Пробездельничала весь день, – честно призналась отцу Сесили.

– С подругами не встречалась за обедом?

– Папочка, все мои подруги уже давно замужем, и сейчас они либо беременны, либо нянчатся со своими малышами.

– Ничего-ничего! Скоро и ты прильешь к их берегу, – успокоил ее отец.

– Лично я в этом совсем даже не уверена. Папа?

– Что, Сесили?

– Я... Я тут подумала, что поскольку замужество в обозримом будущем мне точно не грозит, то, может, ты все же сочтешь возможным взять меня на какую-нибудь работу в свой банк. – Сесили нервно сглотнула. – Может, у вас открывается новое отделение?

Вальтер аккуратно вытер салфеткой усы, потом так же аккуратно сложил салфетку и положил ее рядом со своей тарелкой.

– Сесили, мы уже с тобой много раз обсуждали эту тему. И мой ответ остается неизменным. Я говорю тебе «нет».

– Но почему? Сегодня в Нью-Йорке столько работающих женщин! И они не сидят и не ждут, когда к ним на помощь придет какой-нибудь мужчина. И не боятся того, что мужчины могут потеснить их на работе.

В конце концов у меня степень, и я хочу использовать свои знания на практике. Неужели в твоём банке не найдется для меня какой-нибудь работы? Когда мы с тобой встречаемся в городе, чтобы вместе пообедать, я вижу, как девушки толпами выходят из твоего банка. Значит, что-то же они там делают...

– Ты права, именно что-то! Они трудятся машинистками в машбюро, целыми днями стучат на машинках, печатают всякие директивные письма и прочие бумаги, потом заклеивают конверты с этими письмами, наклеивают на них марки и относят корреспонденцию в почтовую службу банка. Ты такой работы хочешь?

– Хотя бы такой! Во всяком случае, я буду делать хоть что-то полезное.

– Сесили, ты не хуже меня понимаешь, что ни одной из своих дочерей я не позволю работать машинисткой в своём банке. В противном случае мы с тобой рискуем превратиться в объект для всеобщих насмешек. Эти девушки, которые трудятся у нас, они ведь совсем из другого круга...

– Я все это понимаю, папа, но, честно говоря, меня меньше всего волнует все то, что связано с социальным статусом. Я просто хочу... мне нужно чем-то заполнить свои дни, только и всего. – Сесили почувствовала, как к глазам подступили слезы отчаяния.

– Моя дорогая, я тоже все прекрасно понимаю. Понимаю, как тебя больно ранило предательство Джека. Можно сказать, оно тебя полностью оглушило. Но я уверен, очень скоро на горизонте появится очередной соискатель твоей руки.

– А что, если я вообще *не хочу замуж*?

– Тогда со временем ты превратишься в одинокую старую деву, окруженную толпой племянников и племянниц. – В глазах Вальтера запрыгали веселые огоньки. – Тебя привлекает такое будущее?

– Нет... то есть да... Я хочу сказать, что на данный момент меня мало волнует собственное будущее. Зачем же ты тогда позволил мне получить высшее образование, если я никогда не смогу применить свои знания на практике?

– Сесили, образование расширило твой кругозор, позволило понять суть многих вещей, происходящих вокруг. Что в свою очередь позволит тебе со знанием дела рассуждать на самые разные темы со своими соседями по столу на всяких званых ужинах...

– Папочка! Ты сейчас говоришь точь-в-точь, как мама. – Сесили уткнулась головой в свои руки. – Неужели нельзя использовать полученные знания более эффективно?

– Сесили, я понимаю, как это горько, когда ты не можешь следовать избранному тобой предназначению, заниматься тем, к чему лежит твоя душа. Вот я, к примеру... Я изучал экономику в Гарварде только потому, что там же учился мой дедушка и еще целая куча всяких прапрадедушек. Когда я окончил университет, я мечтал о том, чтобы отправиться в путешествие по всему миру, а не зарабатывать на жизнь, занимаясь вульгарной коммерцией. В своем воображении я рисовал картины того, как стану великим белым охотником или кем-то еще в этом же роде. – Вальтер невесело усмехнулся. – Само собой, когда я поделился своими планами с отцом, то он лишь глянул на меня, как на сумасшедшего, и я услышал в ответ категорическое «нет». Я вынужден был пойти по его стопам и начать работать в банке, а со временем занял место в совете директоров.

Отец замолчал и сделал еще один большой глоток вина.

– Ты полагаешь, мне нравится все то, чем я занимаюсь изо дня в день? – неожиданно спросил он у Сесили.

– Я... Мне всегда казалось, что тебе нравится твоя работа. Но, по крайней мере, ты хотя бы работаешь.

– Ну, если это можно вообще назвать работой. На самом деле я занят тем, что ублажаю наших клиентов, вожу их на обеды и ужины, делаю вид, что каждого из них мы страшно любим и ценим, а в это время мой старший брат Виктор принимает все ответственные решения по заключаемым сделкам. Иными словами, мне отведена роль такого приятного во всех отношениях малого, состоящего в приятелях у наших клиентов. Не забывай, ведь после Великой депрессии наступили очень тяжелые времена.

– Но твой банк уцелел и выстоял. И у нас еще имеются какие-то деньги, разве не так?

– Так. Но при этом ты должна отдавать себе отчет в том, что наш дом содержится на своем прежнем уровне исключительно благодаря состоянию, которое унаследовала твоя мать, а вовсе не моим деньгам. Понимаю твое нетерпение и неприятие многого из того, что мы видим вокруг, но ничто не совершенно в этом мире, и жизнь полна испытаний, самых разных, а нам остается лишь по мере сил распорядиться своей

жизнью наилучшим образом. Вот когда ты станешь замужней женщиной и будешь вести собственное хозяйство, то приобретенных знаний тебе хватит хотя бы на то, чтобы вывести на чистую воду любого из своих слуг, кто попытается обмануть тебя. – Вальтер снова улыбнулся. – Твое предназначение в жизни – быть женой, а мое – стоять рядом с Виктором и наблюдать за тем, как он уверенной рукой ведет наш банк к разорению. А сейчас, если ты уже закончила со вторым, я попрошу Мэри подать нам десерт.

* * *

Один промозглый серый день сменялся таким же унылым серым днем, а Сесили все продолжала размышлять над тем неожиданно откровенным разговором, который состоялся у нее с отцом. До нее наконец дошло, как больно ранит его самолюбие то обстоятельство, что жена гораздо богаче него. Их роскошный особняк на Пятой авеню Доротея унаследовала от своего отца, дедушки Сесили, в честь которого ее, собственно, и назвали. Сесил Г. Гомер первым в Соединенных Штатах наладил массовое производство зубной пасты, на чем и сколотил свое немалое состояние. Его жена Жаклин развелась с мужем, когда Доротея было еще совсем ребенком: в официальных бумагах причиной развода была названо то, что Сесил якобы бросил ее, что, как со смехом потом не раз повторяла сама Жаклин, в реальности значило лишь одно: муж променял ее не на другую женщину, а на длинный изящный тюбик мятной зубной пасты. В тринадцать лет Доротея стала единственной наследницей состояния отца, который умер от сердечного приступа прямо за своим рабочим столом, а когда ей исполнился двадцать один год, она уже официально вступила в права владения особняком на Пятой авеню, плюс огромным имением в Хэмптонсе, крупной суммой наличных денег и обширными инвестициями по всему миру.

Вскоре последовал ее брак с Вальтером Хантли-Морганом, прекрасная родословная, безупречная семья и все такое, но так уж получилось, что семейным банком управлял его старший брат, а Вальтеру пришлось довольствоваться лишь вторыми ролями, как он сам невесело шутил на сей счет.

Однако же, как Сесили ни пыталась убедить себя в том, что отец прав и жизнь действительно *полна испытаний и вызовов*, она понимала, что никаких таких особых *испытаний* в ее жизни нет. Порой ей казалось, что еще немного, и она умрет от скуки. К тому же она знала, что даже в самые темные и ненастные январские дни в Нью-Йорке что-то постоянно происходит и светская жизнь продолжает бурлить, но на серебряном подносе в холле не было ни единого приглашения на ланч или даже просто на чашечку чая. Просматривая колонки светских хроник в «Нью-Йорк таймс», Сесили понимала, откуда такое небрежение к ее персоне. Немыслимо было даже представить себе бывшую и нынешнюю невест Джека в одной гостиной, что вполне могло бы случиться, если бы там появилась Сесили. К тому же Патриция Огден-Форбс, судя по всему, затмила Сесили по популярности, снискав полнейшее расположение к себе со стороны всего светского общества. Даже ближайšie подруги Сесили переметнулись на сторону новой избранницы Джека.

Однажды после обеда Сесили налила себе немного бурбона из графина, стоявшего на подсервантнике в гостиной, после чего осмелела настолько, что решила сама позвонить своей старинной и самой близкой подруге Шарлотте Эмери. Трубку на другом конце провода подняла экономка, после чего отправилась на поиски Шарлотты, а через какое-то время сообщила, что хозяйка сейчас занята и не может подойти к телефону.

– Но это срочно! – взмолилась Сесили. – Пожалуйста, попросите ее перезвонить мне, когда она освободится. И как можно скорее.

Прошло не менее двух часов, прежде чем экономка Мэри позвала Сесили к телефону, сообщив, что звонит Шарлотта.

– Привет, Шарлотта. Ну, как поживаешь?

– Все прекрасно, дорогая. А как ты?

– Но ты же в курсе: мой красавец-жених меня бросил, а в Европе назревает война. – Сесили издала короткий смешок.

– Ах, Сесили! Мне, право же, очень жаль, что все так вышло.

– Перестань, Шарлотта! Я же просто пошутила. На самом деле у меня все тоже хорошо.

– Чему я только рада. Представляю, как тебе было непросто, когда Джек объявил о своем решении. Да и все остальное тоже...

– Да, ситуация была не из лучших, здесь ты права. А с другой стороны, я жива-здоровая и дышу полной грудью. Вот тут подумала, что давно уже не общалась с тобой. Давай завтра встретимся. Попотчует себя чаем с вкуснейшими пшеничными лепешками в «Плаза». У них ведь самая лучшая сдоба в городе.

– К превеликому сожалению, не могу. Розмари устраивает у себя дома небольшое собрание. У нее сейчас гостит какая-то ее приятельница из Англии. Она пообещала научить нас, как надо правильно играть в бридж.

Сесили нервно сглотнула. Розмари Эллис, представительница их поколения, была, бесспорно, королевой светского общества. До недавних пор она тоже числилась в приятельницах у Сесили.

– Понятно. Тогда, может, на следующей неделе?

– Со мной сейчас нет рядом записной книжки с расписанием на следующую неделю. Давай я перезвоню тебе в понедельник, и мы договоримся, когда встретиться.

– Хорошо, – согласилась Сесили, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие и не допустить того, чтобы предательски дрогнул голос. В высшем обществе Нью-Йорка ничто и никогда не делается спонтанно. Визит к парикмахеру, примерка у портнихи, маникюр, не говоря уже о встрече с подругой, все тщательно планируется и фиксируется в дневниках и записных книжках за недели вперед до означенного мероприятия. А потому Сесили уже заранее знала, что Шарлотта не станет перезванивать ей в понедельник. – Хорошо! Тогда до скорого! – выдавила она в трубку и со всего размаха швырнула ее на рычаг. И тут же разревелась.

Часом позже она лежала в постели, тупо уставившись в потолок. Она не могла заставить себя даже читать. Но тут в дверь тихонько постучала Эвелин.

– Простите за беспокойство, мисс Сесили, но меня послала к вам Мэри. Она сказала, что внизу какая-то леди в сопровождении джентльмена. Они пришли с визитом к вашей матушке, но Мэри объяснила им, что мадам сейчас в отъезде. Тогда дама изъявила желание встретиться с вами.

Эвелин пересекла комнату и протянула Сесили визитную карточку.

Сесили прочитала имя и вздохнула. Внизу ее поджидала крестная Кики. Поначалу Сесили даже решила прикинуться больной, однако она

понимала, что мама никогда не простит ей, если узнает, что дочь отказалась принять у себя дома ее старинную подругу.

– Проводи их в гостиную, Эвелин. Скажи, что я спущусь минут через десять, только немного приведу себя в порядок.

– О, но в гостиной камин не горит, мисс Сесили.

– Так займись им, и поскорее.

– Хорошо, мисс Сесили.

Сесили сползла с кровати и глянула на себя в зеркало. Потом небрежно прошла расческой по своим непокорным кудряшкам и подумала, что сейчас она больше похожа на Ширли Темпл, чем на Грету Гарбо. Разгладила рукой блузку и юбку, влезла в туфли, слегка тронула губы помадой и отправилась вниз, чтобы поздороваться с Кики.

– Моя дорогая! – раскудаhtалась Кики, обнимая Сесили. – Ну, как ты?

– Все хорошо, спасибо.

– Но выглядишь ты, милая, не совсем хорошо. Вон как лицо осунулось. И бледненькая такая же, как это серое небо над Манхэттеном.

– Да, немного подстыла, но уже потихоньку поправляюсь, – солгала ей Сесили.

– Чему я совсем не удивляюсь! Манхэттен в это время года – самый настоящий холодильник. К тому же пустой! – Кики рассмеялась и зябко поежилась, поплотнее запахнув норковое манто и направляясь к камину, который уже успели затопить. Достала из сумочки сигарету, вставленную в мундштук. – Могу выразить свое восхищение вкусом твоей матери в том, что касается дизайна. Ар-деко – это стиль не для всех. – Кики широким взмахом руки обвела гостиную, в которой одна стена была сплошь из зеркального стекла. – Надеюсь, ты помнишь Тарквина, да? – спросила она у Сесили, наконец вспомнив, что приехала не одна, а в сопровождении красивого мужчины, с которым Сесили танцевала на балу две недели тому назад, встречая Новый год. Молодой человек был облачен в толстое пальто из твида. Впрочем, даже при зажженном камине температура в гостиной была близка к нулевой.

– Конечно, помню. – Сесили приветливо улыбнулась гостю. – Как поживаете, Тарквин?

– Все прекрасно, спасибо, Сесили.

– Какие-нибудь освежающие напитки? Чай? Кофе? – предложила Сесили гостям.

– Лично я не откажусь от бренди. Это именно то, что нужно нам, чтобы согреться. Тарквин, будьте так любезны. – Кики жестом показала на графины со спиртным, которые стояли на подсервантнике.

– Сию минуту, – согласно кивнул молодой человек. – А вам, Сесили?

– Я...

– И ей тоже, – безапелляционно сказала, как отрезала, Кики. – Бренди – это же лекарство, особенно для тех, кто простужен. Я права, Тарквин?

– Абсолютно правы, уверен в этом.

«Но не в половине третьего дня», – подумала про себя Сесили, но промолчала.

– Так, и куда же упорхнула твоя матушка, позвольте спросить? Надеюсь, туда, где потеплее? – спросила Кики у Сесили.

– Отнюдь. Мама уехала в Чикаго навестить свою мать, мою бабушку.

– Боже, какая ужасная женщина эта Жаклин! – воскликнула Кики, взгромоздившись на каминную решетку, установленную перед камином и обитую сверху кожей. – Но при этом богата, как Крез, – добавила она, когда Тарквин подал ей и Сесили стаканы с бренди. – Она ведь, насколько я помню, состоит в родстве с самим семейством Уитни.

– А кто это такие? Имя мне ни о чем не говорит, – промолвил Тарквин, придвигая кресло для Сесили поближе к огню, после чего уселся во второе кресло напротив, а Кики по-прежнему продолжала вещать с каминной решетки. – К сожалению, я не вполне себе представляю, кто есть кто в американском обществе.

– Тогда скажу вам, что если бы мы жили в Англии, то Вандербильты и Рокфеллеры наверняка устроили бы между собой драчку за трон, а вот семейство Уитни в это самое время стояло бы в стороне, решая для себя, на чью же сторону им перевернуться.

– Получается, что по американским меркам бабушка Сесили – особа королевских кровей, да?

– Именно так! Но у нас это все так запутано. – Кики издала драматичный вздох и бросила окурок в огонь. – Ах, моя дорогая

Сесили, какая жалость, что твоей матери сейчас нет дома. Ведь я собиралась предложить ей приехать ко мне в гости в Кению, вполне возможно, даже отправиться в эту поездку вместе со мной, так как сама я покидаю Штаты в конце месяца. Разумеется, мое приглашение распространяется и на тебя. Уверена, там тебе очень понравится: всегда голубое небо, тепло, а уж природа и всякая там живность... Просто дух захватывает.

– Кики, я понимаю, как вам хочется поскорее вернуться в Кению, однако хочу предупредить вас, Сесили, что на самом деле не все так благостно, – снова подал голос Тарквин. – Да, небеса сияют лазурью, но часто идут дожди, и не просто дожди, а самые настоящие ливни, да и все это зверье тоже покажется вам менее очаровательным, если вы столкнетесь с ними нос к носу и они вознамерятся пообедать вами.

– Но мой дорогой! Что за ужасы вы рассказываете! В моем доме в Мундуи такого не было никогда! Дорогая Сесили, вот приедете вместе с мамой и убедитесь в этом сами.

– Спасибо за приглашение, но, боюсь, мама вряд ли согласится оставить мою младшую сестру Мейми накануне ее родов.

– Ах, что за ерунда! Женщины что ни день рожают младенцев тысячами. У меня самой трое детей! Совсем недавно, помню, захожу я на кухню у себя в Мундуи-Хаус, чтобы распорядиться на счет ланча для гостей, и что я вижу? Одна из моих служанок корчится на полу, а между ее ног виднеется головка младенца. Конечно, я тут же стала звать на помощь, но, когда прибежали другие, младенец уже успел благополучно выбраться из нее и валялся в пыли, громко вереща, все еще связанный пуповиной с роженицей.

– Ну и ну! – только и нашлась Сесили. – А малыш выжил?

– Конечно, выжил. Кто-то из родственников роженицы перерезал пуповину, положил младенца на руки матери, после чего препроводил молодую мамашу и ее чадо домой немного отдохнуть. А на следующий день женщина уже как ни в чем не бывало хлопотала на моей кухне. Думаю, сегодня слишком много суеты разводят вокруг этих родов и всего, что с ними связано. Вы согласны со мной, Тарквин?

– Если честно, я как-то никогда об этом не задумывался, – откликнулся Тарквин, который уже успел позеленеть от холода, и сопроводил свои слова большим глотком бренди.

– Словом, я стою на своем. Вы с матерью просто обязаны отправиться со мной в Кению. Я уезжаю в конце января, сразу же после того, как встречу с адвокатами своего покойного мужа в Денвере. Так что у вас еще предостаточно времени, чтобы все обдумать и подготовиться к поездке. Где у вас здесь туалет?

– По коридору направо. – Сесили подхватила с кресла. – Я провожу вас.

– Знаешь, я находила дорогу даже в буше, а потому, думаю, сумею найти без посторонней помощи удобства и в вашем доме, – улыбнулась Кики и величавой походкой выплыла из комнаты.

– Чем занимались, Сесили, все то время, пока мы не виделись? – спросил у Сесили Тарквин.

– Да, собственно, ничем таким. Я немного приболела. Простуда.

– О, тогда поездка в Кению точно пойдет вам на пользу! А вам самой нравится эта идея?

– Честно говоря, сама пока не знаю. Конечно, в Европе я побывала. Посетила и Лондон, и Шотландию, и Париж, и Рим, но ведь там львы не расхаживают по улицам. Впрочем, даже если бы я и загорелась этой поездкой, знаю наверняка, мама никогда не оставит Мейми, что бы там Кики ни говорила. А эти местные... Они дружелюбны? – осторожно поинтересовалась Сесили у капитана.

– Большинство из тех, с кем мне доводилось встречаться, да, они настроены дружелюбно по отношению к нам, белым. Многие из местных работают на армию, а уж кикую, которые живут рядом с домом Кики, преданы ей всем сердцем и душой.

– Кикую?

– Да, это одно из местных племен, обитающих вокруг озера Наиваша и на окрестных территориях.

– И они бегают вокруг с копьями наперевес и в одних... набедренных повязках? – Сесили покрылась краской смущения.

– Наверное, некоторые племена, например те же масаи, так и ходят до сих пор, но они живут на равнинах, пасут там свой скот. И в общем-то эти люди не представляют никакой угрозы, если только вы сами не затроне-те их.

– Итак, – раздался голос Кики, которая снова возникла в гостиной, нетерпеливо размахивая своим ридикюлем, болтающимся на тоненьком

ремешке в ее тонких белых пальцах, – вам удалось убедить Сесили приехать ко мне погостить?

– Пока еще не вполне уверен. Удалось? – спросил Тарквин у Сесили, и глаза его заискрились веселым смехом.

– Скажу лишь, что если судить по рассказам Тарквина, то Кения гораздо более интересное место, чем Нью-Йорк, но...

– Дорогой мой! – Кики положила руку на плечо Тарквина. – Нам нужно идти, иначе мы рискуем опоздать на чай к Форбсам, а вы же знаете, какие они пунктуальные во всем.

– Завтра я уже отправляюсь в Африку, – сказал Тарквин, поднимаясь со своего места. – Мне нужно в течение этой недели прибыть на базу, но я искренне надеюсь, Сесили, что вы все же надумаете приехать к нам в Кению и мы с вами встретимся снова. Причем очень скоро.

– А я, со своей стороны, обещаю, что вскоре снова приеду к вам и постараюсь все же уломать твою маму! – рассмеялась Кики, выходя из гостиной через распахнутую дверь, которую куртуазно придержал для нее Тарквин.

Гости ушли, а Сесили, усевшись на каминную решетку, допила остатки бренди из своего стакана, попутно обдумывая предложение Кики. Когда оно впервые прозвучало в новогоднюю ночь, Сесили решила, что это просто обычная дань вежливости в ходе обычной светской болтовни и ничего серьезного за приглашением посетить Кению не стоит.

– Африка, – негромко обронила Сесили вслух и провела пальцем по ободку стакана. Потом сорвалась с места, примчалась в холл, схватила из шкафа пальто и шляпку и выбежала на улицу. И зашагала в ближайшую библиотеку, торопясь успеть до закрытия.

* * *

Вечером за ужином Сесили рассказала отцу о приглашении Кики.

– Как ты думаешь, папа, мама разрешит мне отправиться в Африку одной, без сопровождения?

– Как я думаю? – Вальтер отставил в сторону свой стакан с бурбоном и, сложив пальцы пирамидкой, задумался над ответом. –

Думаю, что я с огромным удовольствием отправился бы с тобой в это путешествие вместо мамы. Я ведь всегда мечтал увидеть Африку. Может быть, поездка к Кики – это именно то, что тебе надо, чтобы забыть Джека и все, что с ним было связано, и двигаться дальше. Ты – моя умница! – ласково добавил Вальтер, поднимаясь из-за стола и целуя дочь в макушку. – Хорошо! У меня сейчас встреча в клубе. Скажи Мэри, что вернусь к десяти. Обещаю, я переговорю с мамой, когда она вернется из Чикаго. Спокойной тебе ночи, милая.

После отъезда отца Сесили поднялась к себе и, улегшись на кровать, разложила вокруг себя три книги, которые она взяла в библиотеке. В каждой обилие зарисовок, живописных картин, многочисленных фотографий черных аборигенов и белых людей, с гордым видом позирующих над тушами убитых львов или держащих в обеих руках огромные слоновьи бивни. Сесили невольно содрогнулась при виде этого зрелища, но одновременно почувствовала, как ее охватывает радостное волнение в предвкушении возможной встречи с величественным континентом во всей его первозданной красоте. К тому же никто в Африке *не слышал ни о ней*, ни о ее расторгнутой помолвке с Джеком Гэмблином.

* * *

– Сесили, подойди к нам с мамой в гостиную, когда будешь готова, – обратился Вальтер к дочери, которая, переступив порог холла, принялась стряхивать хлопья снега со своего пальто. Ее весь день не было дома: утром она отправилась к своему парикмахеру, который сделал ей укладку, потом навестила младшую сестру Мейми.

– Хорошо, папа. Я подойду буквально через пару минут.

Сесили быстро вручила свое пальто Мэри, забежала в ванную комнату, расположенную внизу, и на скорую руку привела себя в порядок у зеркала. Гостиная встретила ее веселым потрескиванием поленьев в камине. Сесили сразу же заметила каменное выражение лица матери, а вот отец был настроен весьма добродушно.

– Присаживайся, милая.

– О чем вы хотели поговорить со мной? – спросила Сесили, пока отец устраивался поудобнее в кресле возле огня.

– Сегодня нас снова навещала Кики и буквально умоляла меня отправиться вместе с ней в Африку. Я сказала ей, что никогда не оставлю Мейми накануне родов, – начала Доротея. – Но вот твой отец полагает, что ты можешь поехать туда и одна, без меня.

– Именно так! – согласно кивнул Вальтер. – Как я уже объяснил твоей матери, эта поездка открывает перед тобой широчайшие возможности увидеть мир. Но это еще не все! Главное, что к моменту твоего возвращения вся шумиха вокруг свадьбы сойдет на нет и ты сможешь спокойно жить дальше своей жизнью.

– Джек и Патриция уже объявили о дне своей свадьбы? – спросила Сесили, стараясь говорить максимально спокойно.

– Да. Свадьба состоится семнадцатого апреля. Сегодня утром эта новость появилась в колонках светских хроник всех ведущих газет.

– А что ты думаешь, мама?

– Я согласна с твоим отцом в том, что бракосочетание Джека и Патриции станет в ближайшие несколько месяцев самой обсуждаемой темой на Манхэттене. Конечно, тебе будет нелегко пережить все эти бесконечные разговоры и сплетни. Но только я не понимаю одного: зачем сбегать в Африку? Совершенно дикое место, как мне кажется. Повсюду бегают полуголые аборигены, всякие дикие звери в любую минуту могут проникнуть к тебе в сад... – В голосе Доротеи послышался нескрываемый ужас. – А все эти ужасные болезни, которые там легко можно подцепить. Почему бы нам, Вальтер, не отправить Сесили к моей маме, если ей нужно куда-то уехать из Нью-Йорка?

Сесили тут же обменялась с отцом красноречивым взглядом, мысленно содрогаясь от подобной перспективы.

– Однако же Кики как-то выжила, проведя в тамошних местах более двадцати лет, – резонно заметил Вальтер. – И потом там, как тебе известно, имеется хорошо организованная и весьма многочисленная община эмигрантов.

– Все это я прекрасно знаю! – резко возразила мужу Доротея. – Но скандальная известность многих из этих людей меня волнует еще больше, чем обилие африканских львов. Если судить по газетам, то у некоторых эмигрантов откровенно запятнанная репутация. Помнишь ту приятельницу Кики? Как же ее звали...

– Алиса де Жанзе, – ответил Вальтер. – Так когда все это было... Сто лет тому назад.

– Что было? – тут же поинтересовалась Сесили, заметив, какими многозначительными взглядами обменялись ее родители.

– Да так... – слегка пожала плечами Доротейя. – Хотя сама по себе история скандальная. Алиса и Кики обе проживали в «Долине Счастья», как именовали ту местность в Кении. Помнится, ходили всякие слухи о свободных нравах, якобы царивших в их компании. Алиса была замужем, однако состояла в отношениях, не очень счастливых, с человеком по имени...

– Раймонд де Траффорд, – немедленно подсказал ей муж.

– Да, именно с ним. Одним словом, Алиса совсем потеряла голову, влюбившись в этого Раймонда по уши. А когда он отказался жениться на ней, то впала в такое отчаяние, что решила на крайность и выстрелила в него прямо в поезде, уже на подходе к парижскому Северному вокзалу, в тот самый момент, когда он прощался с ней, а потом нацелила пистолет уже на себя. К счастью, оба остались живы, – поспешила уточнить Доротейя.

– Ну и дела! – воскликнула потрясенная Сесили. – Ее посадили в тюрьму?

– Нет. Конечно, был суд, и какое-то короткое время она провела под стражей, но, в конце концов, все закончилось тем, что она все же вышла замуж за этого человека!

– Невероятно! – Сесили была поражена до глубины души столь романтической историей любви. Да, Африка – это действительно земля, где происходят самые невероятные и волнующие истории.

– Однако все это случилось много лет тому назад. К тому же я уверен, что Кики никогда не поведет себя столь же безрассудно. – Вальтер твердо подвел черту под рассказом жены. – Она же пообещала нам, что будет беречь нашу девочку, как свою собственную дочь. Весь вопрос лишь в том, Сесили, хочешь ли ты сама отправиться в Африку?

– В принципе... да, хочу. И вовсе не из-за свадьбы Джека. Я уже взрослая женщина и вполне могу совладать со своими эмоциями. Просто Кения представляется мне очень загадочной и притягательной страной.

– И ради этого ты даже готова пропустить рождение племянника? – недовольно поинтересовалась у дочери Доротейя.

– Мамочка, но ты ведь будешь рядом с Мейми. Да и я уезжаю не на годы, ты же понимаешь. Мое отсутствие не продлится больше нескольких недель.

– Полностью согласен с тобой, милая, – поддержал дочь Вальтер и повернулся к жене. – На пути в Африку Сесили может сделать короткую остановку в Англии и погостить немного у Одри. Как думаешь?

Одри была не просто подружкой Доротеи, а подружкой, что называется, «со статусом», пятнадцать лет тому назад сумевшей заарканить себе в мужья настоящего английского лорда. Пожалуй, последний аргумент Вальтера в пользу поездки их дочери был самым убедительным. Беспроигрышный вариант! Одна только мысль о том, что Сесили может какое-то время пожить у Одри, тут же развеяла все сомнения Доротеи. Ведь в доме подружки у Сесили будет возможность познакомиться со множеством достойных молодых людей, вполне годящихся на роль жениха.

– Это правда, такой вариант вполне уместен, – обронила Доротея вслух и тут же добавила: – Но насколько, Вальтер, в Англии безопасно в наши дни? Этот Гитлер...

– А на Манхэттене безопасно в наши дни? – ответил муж вопросом на вопрос, удивленно вскинув брови. – Если человек хочет обезопасить себя на все случаи жизни, то ему лучше вообще не высовывать нос из дому. Итак, мы все решили, да?

– Да, но мне нужно предварительно связаться с Одри. Хотя бы узнать, будет ли она дома, когда Сесили приедет в Англию. Надо же договориться, чтобы ее шофер встретил нашу дочь прямо у трапа судна. Кстати, Кики тоже вполне может навестить Одри, они ведь когда-то были хорошо знакомы друг с другом, еще тогда, когда обе жили в Париже, – задумчиво добавила Доротея.

Вальтер бросил на дочь лукавый взгляд и слегка подмигнул ей.

– Тогда решено, – сказала Сесили. – Если вы оба не возражаете против моей поездки, то я с удовольствием отправлюсь в Африку. Правда, я буду просто счастлива побывать там. – Последние слова она подтвердила энергичным кивком головы.

И впервые за несколько последних недель на ее устах заиграла живая, невымученная улыбка.

Поскольку на подготовку к путешествию оставалось чуть больше двух недель, то Сесили с матерью целыми днями носились по магазинам, закупаая все необходимое в дорогу. Во-первых, вечерние туалеты, которые понадобятся Сесили, если она пробудет неделю у Одри, потом летние платья и блузки из хлопка и муслина (которые шились на заказ, так как на дворе разгар зимы и летними товарами в эту пору не торгуют). А еще юбки и даже шорты, которые Доротея встретила в штыки.

– Господи, куда мы тебя только отправляем! – воскликнула она с недовольной гримасой, наблюдая за тем, как дочь примеряет шорты.

– Мамочка, но там ведь очень жарко! Вспомни, какая жара стоит у нас летом в Хэмптонсе.

Несмотря на постоянное недовольство матери, сама Сесили жила ожиданием, а когда Эвелин стала помогать ей укладывать чемоданы, то ее радостное волнение достигло апогея. Вечером накануне отъезда к ним на ужин пожаловали сестры со своими мужьями. Вальтер подарил дочери новейшую модель фотоаппарата «Кодак Бантам», а сестры вручили ей бинокль, чтобы «выслеживать мужчин», как не преминула заметить Присцилла.

– Береги себя, дорогая моя сестра, – расчувствовалась Мейми, уже прощаясь в холле. – Надеюсь, к твоему возвращению я приготовлю тебе подарок – новорожденного племянника или племянницу.

– Возвращайся обратно счастливой, – напутствовал Гюнтер, целуя Сесили на прощание.

– И удачно замужем, – добавила Присцилла, уже стоя на крыльце.

– Постараюсь! – крикнула им вслед Сесили, глядя, как гости растворяются в снежной ночи.

Англия Февраль 1939 года

Приближение парохода к причалу порта в Саутгемптоне Сесили встретила с откровенным разочарованием: Англия предстала перед ней такой же серой и унылой, как и Манхэттен, который она оставила какое-то время тому назад. Сесили нацепила на голову новую шляпку,

укутала плечи меховым палантином. В эту минуту в каюту зашел стюард, чтобы забрать ее багаж.

– Вас встречают, мисс? – спросил он.

– Да. – Сесили полезла в сумочку и извлекла из нее приготовленные чаевые и карточку с фамилией шофера, который специально приедет за ней из Вудхед-Холла.

– Спасибо, мисс, – поблагодарил ее стюард. – Пока можете оставаться в своей каюте. Наверху ветрено и морозно. Я приду за вами, как только подъедет машина.

– Спасибо, мистер Джоунз. Вы очень любезны.

Сесили вручила ему полноценных пять долларов на чай, молодой человек вспыхнул от смущения и кивнул в знак особой благодарности.

– Ухаживать за вами, мисс Сесили, было одно удовольствие, честное слово. Надеюсь, мне повезет, и я буду обслуживать вас и на обратном пути домой.

– И я тоже очень на это надеюсь.

Стюард покинул каюту, плотно прикрыв за собой дверь, а Сесили уселась в кресло возле иллюминатора. Первое, что она должна сделать, когда приедет в Вудхед-Холл, это позвонить родителям и сообщить им, что она благополучно добралась до Англии. Последние сутки перед отплытием в Англию неделю тому назад были очень сумбурными. Утром в день отплытия им позвонила служанка Кики и сообщила, что у ее хозяйки бронхит. Лечащий врач предупредил, что бронхит может легко трансформироваться в воспаление легких, если она не проведет несколько дней в постели. Сесили была совсем не против тоже остаться и подождать, когда Кики окончательно поправится, чтобы отправиться в плавание вместе, но Доротея, уже успевшая согласовать все детали предстоящего визита дочери в Вудхед-Холл, не согласилась.

– Кики говорит, что ей для полного выздоровления, позволяющего отправиться в дорогу, потребуется неделя. Вот и замечательно! Что мешает вам встретиться в Англии уже прямо накануне вылета самолета в Кению? А ты, Сесили, за эту неделю сможешь погостить у Одри, познакомишься с ее семьей, тем более что, по словам самой Одри, у нее уже имеются вполне конкретные планы на тебя.

В результате Сесили отбыла из Нью-Йорка в полном одиночестве. Вначале это ее изрядно напрягало и даже пугало, но все обернулось к лучшему, и она получила огромное удовольствие от самого плавания.

Она даже стала держаться гораздо увереннее, поскольку за ужином была вынуждена вступать в разговоры с незнакомыми людьми. Ее постоянно приглашали поиграть в карты (а в карточной игре ей было не занимать мастерства), и по меньшей мере трое молодых людей оказывали Сесили явные знаки внимания, пытаясь завоевать ее расположение. Словом, оказавшись на борту парохода, где никто не знал, кто она такая и откуда, да еще вдали от Манхэттена, она очень скоро полностью раскрепостилась и стала самой собой.

В дверь каюты постучали, и показалась голова мистера Джоунза.

– Ваши документы, мисс Сесили, уже проверили, и машина ждет вас на пристани, – объявил он, протягивая ей паспорт. – Ваш багаж уже в машине. Вы готовы?

– Да, готова. Спасибо, мистер Джоунз.

Пронизывающий холодный ветер ударил ей в лицо, когда она спускалась по сходням на пристань. Густой туман укутал все вокруг. Шофер помог Сесили усесться в поджидавший ее «бентли» и включил двигатель.

– Вам удобно, мисс? – спросил у нее шофер, пока она устраивалась на мягком кожаном сиденье. – Там есть еще пара пледов, если вам холодно.

– Все прекрасно, спасибо. А как долго нам ехать?

– Все зависит от того, какой будет туман, мисс. Но в любом случае в Вудхед-Холле мы окажемся не раньше, чем через два-три часа. Если пересохнет в горле, то у меня есть термос с горячим чаем.

– Спасибо, – снова поблагодарила его Сесили, мысленно прикидывая, с чего бы это у нее вдруг «пересохло в горле».

И действительно, дорога заняла более трех часов. Сесили периодически дремала, потом просыпалась, но из-за сильного тумана разглядеть в окно окрестности было практически невозможно. В свой предыдущий приезд в Англию она вместе со своими родителями уже навещала Одри: та тогда приняла их в своем шикарном лондонском особняке на Итон-сквер, они побывали у нее уже непосредственно перед своим отъездом в Париж. Хоть бы погода немного наладилась, размышляла Сесили, иначе она так и не полюбуется знаменитыми английскими пейзажами. Доротей в свое время побывала и в огромном загородном имении подруги, расположенном где-то в Западном Суссексе. По ее словам, там очень красиво. Но, когда машина въехала

во двор через массивные кованые ворота и шофер объявил ей, что наконец они приехали, было уже совсем темно. Сесили лишь разглядела очертания огромного дворца в готическом стиле, мрачновато проступившего на фоне сумеречного света. Когда она приблизилась к парадным дверям под величавым портиком, то невольно подавила вздох разочарования, увидев, что фасад здания выполнен из красного кирпича. Совсем не такие дома описывала в своих романах Джейн Остин: там все больше дома из светлого камня, а этот дворец словно сошел со страниц одного из рассказов Эдгара Алана По.

Дверь открыл представительного вида мужчина, вполне подходящий на роль лорда Вудхеда, мужа Одри, но оказалось, что это всего лишь дворецкий. Сесили переступила порог огромного холла, из которого вела наверх внушительных размеров лестница из красного дерева, впрочем, довольно безобразная.

– Моя дорогая Сесили! – Одри, по-прежнему такая же привлекательная и живая, какой ее запомнила Сесили в прошлую встречу, показала ее в холле, чтобы лично поприветствовать гостью. Она расцеловала ее в обе щеки. – Ну, как твой вояж? Лично я ненавижу все эти трансатлантические переходы через океан. А ты? Все время штормит, и в результате постоянно выворачивает наизнанку. Идем же, я покажу тебе твою комнату. Ты ведь совершенно без сил, я думаю, после такой утомительной дороги. Я попросила служанку, чтобы она растопила у тебя камин. Надо сказать, мой дорогой Эдгар очень скарден в том, что касается расходов на отопление.

Оставшись у себя в комнате, Сесили сразу же придвинулась поближе к огню, чтобы согреть озябшие руки, попутно оглядев величественную кровать с балдахином. В комнате было зверски холодно. Как хорошо, что мама предупредила о том, какая температура бывает в загородных домах у этих англичан, и проследила за тем, чтобы Сесили обязательно взяла с собой теплое нижнее белье – рубашки и кальсоны, чтобы окончательно не замерзнуть.

Несмотря на все заявления Одри о том, что она, должно быть, смертельно устала с дороги, Сесили чувствовала себя бодрой, как никогда. Как только служанка распаковала «английскую часть» ее багажа и взяла вечернее платье, чтобы погладить его к предстоящему ужину, Сесили натянула на себя шерстяной кардиган и, слегка приоткрыв дверь своей спальни, выглянула в коридор. Вышла из

комнаты и, повернув налево, зашагала по коридору до самого конца, насчитав по пути целых двенадцать дверей. Потом вернулась к своей спальне и проделала такой же путь, но уже в другую сторону.

– Двадцать четыре двери, – констатировала Сесили со вздохом. Остается только поражаться тому, как горничным удастся запомнить, кто из гостей живет в какой комнате. Поскольку ни на одной из дверей она не обнаружила соответствующего номера комнаты, как это обычно бывает в отелях, Сесили вернулась к себе в спальню. Служанка хлопотала возле камина, подправляя огонь.

– Я повесила ваше платье в гардероб, мисс. Оно готово к сегодняшнему ужину.

– В гардероб?

– Ну, да. Вон туда. – Девушка махнула рукой на стенной шкаф. – И еще приготовила вам ванну. Ванная комната рядом с вашей спальней. Но, сразу предупреждаю, там довольно прохладно. На вашем месте я бы быстренько окунулась в воду, пока она совсем не остыла, и тут же вернулась сюда, чтобы согреться возле огня.

– Хорошо. Так я и поступлю. Спасибо.

– Вам потом помочь с прической, мисс? Я обычно всегда укладываю волосы хозяйке. У меня это ловко получается.

– Спасибо большое, но, пожалуй, я справлюсь сама. А как вас зовут?

– Меня зовут Дорис. Я мигом вернусь, как только вы примете ванну.

Раздеваясь, Сесили пребывала в некоторой растерянности, но времени на раздумья не было: она быстро набросила на себя халат и поспешила в соседнюю комнату. Вообще-то язык, на котором разговаривала Дорис, казался Сесили почти что иностранным, но вот насчет температуры в ванной комнате и самой воды служанка выразилась более чем понятно. А потому Сесили последовала ее совету, быстро окунулась и тут же выскочила из воды; она уже приготовилась открыть дверь к себе в спальню, как в эту самую минуту увидела молодого человека приблизительно ее возраста, который направлялся по коридору в ее сторону.

Все еще переживая в глубине души предательство Джека, Сесили пока не была настроена на новые романтические отношения с другими представителями мужского пола, однако же стоило незнакомцу глянуть

на нее и улыбнуться, как она тут же почувствовала, что сердце ее забилось сильнее. Копна небрежно рассыпавшихся черных блестящих кудрей (пожалуй, чересчур длинных для джентльмена), огромные карие глаза в обрамлении по-девичьи длинных и пушистых ресниц. Незнакомец окинул ее оценивающим взглядом.

– Добрый день, – поздоровался он, приближаясь к ней вплотную. – Могу я поинтересоваться, с кем имею честь беседовать?

– Меня зовут Сесили Хантли-Морган.

– Вот как? И что же вы здесь делаете?

– Моя мама – старинная подруга леди Вудхед, и я приехала погостить к ней на несколько дней перед тем, как лететь в Кению. – Сесили прикрыла рукой низкий вырез в халате, неожиданно почувствовав себя почти голой в этом нелепом балдахине, который она натянула на себя, отправляясь принимать ванну.

– А, это в Африке, да? – улыбнулся молодой человек. – А меня зовут Джулиус Вудхед. – Он протянул Сесили руку для приветствия. – Рад познакомиться с вами.

– Взаимно, – вежливо ответила Сесили, слегка пожала протянутую руку и неожиданно почувствовала, будто ее ударило током.

– Тогда до встречи за ужином, – промолвил Джулиус и прошествовал далее. – Наверняка нас снова будут потчевать фазанами. Но будьте осторожны, там может остаться дробь.

– Я... да... Хорошо. Буду осторожной, – ответила Сесили, не вполне поняв, что именно имел в виду Джулиус.

А он между тем уже исчез в одной из комнат. Трясущейся рукой Сесили открыла дверь в свою спальню, плотно прикрыла ее за собой и уселась возле огня.

– Джулиус Вудхед, – прошептала Сесили. – Вряд ли это кто-то из сыновей Одри. – Впрочем, она и понятия не имела, есть ли вообще у Одри дети. И потом, у него такой вид... Какой-то старый свитер весь в дырках размером с печатку, которую постоянно носит ее отец.

– Боже мой! – немного растерянно промолвила она, внезапно почувствовав, что краска ударила ей в лицо. Потом поднялась со своего места и отправилась к комоду, где было разложено ее белье, попутно решив, что все же надо будет попросить Дорис о помощи. Пусть уложит ее волосы к ужину.

– Добро пожаловать, моя дорогая! – радушно приветствовала ее Одри, когда Сесили переступила порог огромной гостиной, по сравнению с которой гостиная в родительском доме показалась ей крохотной комнаткой из кукольного домика. – Ступай же поближе к огню! – Одри взяла Сесили за руку и потащила к камину, прихватив по пути коктейль с подноса, который держал лакей, и протянула бокал госте. – Хорошо, что ты сегодня в бархате. Все же теплее, чем в атласе или в шелке. В следующем месяце нам наконец установят здесь центральное отопление. Я пригрозила Эдгару, что если он не выполнит своего обещания, то я просто откажусь мерзнуть в этом доме еще одну зиму. Так и сказала ему, что сюда больше ни ногой.

– Спасибо вам, Одри, за то, что согласились приютить меня на несколько дней. Я чудесно устроилась, и все хорошо.

– Что ж, тогда... – Одри слегка взмахнула рукой в сторону остальных гостей. – К несчастью, начало февраля – у нас здесь мертвый сезон по части светской жизни. Большинство наших соседей разъехались кто куда, подались в теплые края. Или отправились кататься на лыжах в Сент-Мориц. Мой дорогой Эдгар тоже сейчас в Лондоне, поэтому тебе не удастся с ним встретиться. Но я пригласила к нам на ужин всех, кого смогла. А сейчас, позволь, я представлю тебя своим гостям.

Сесили поплелась вслед за Одри по кругу, улыбаясь и раскланиваясь собравшимся в гостиной. К своему разочарованию, она обнаружила, что лишь сын викария, Тристан, как там его по фамилии? – был приблизительно одного возраста с ней. Он тут же с готовностью поведал ей, что приехал в краткосрочный отпуск навестить своих родителей, которые живут в местной деревне, а вообще-то он обучается военному делу в каком-то заведении под названием Сандхерст и готовится стать офицером британской армии.

– Вы думаете, будет война? – немедленно поинтересовалась у него Сесили.

– Очень на это надеюсь, мисс Хантли-Морган. Полагаю, бессмысленно обучаться какому-то делу, не имея потом возможности использовать полученные знания на деле.

– То есть вы даже *хотите*, чтобы была война? – совершенно искренне поразились она.

– Думаю, вряд ли в Англии отыщется хотя бы один человек, который не мечтал бы устроить хорошенькую взбучку этому баламуту Гитлеру. А я готов поучаствовать в подобном мероприятии в первых, так сказать, рядах.

Чувствуя легкую тошноту, то ли от двух выпитых коктейлей, то ли от всего утомительно долгого дня, который она провела в дороге, Сесили постаралась максимально деликатно отделаться от Тристана и снова вернулась к камину.

– Добрый вечер, мисс Хантли-Морган. Рад видеть вас при полном параде, вполне готовой к ужину.

Сесили повернулась на голос и увидела перед собой Джулиуса, просто бесподобно красивого в вечернем смокинге; молодой человек улыбался ей во весь рот, откровенно забавляясь всей ситуацией.

– Просто в прошлый раз вы меня застали, когда я возвращалась из ванной комнаты!

– Правда? А я было подумал, что вы крадетесь по коридору из комнаты своего любовника.

– Я...

Сесили почувствовала, что у нее покраснело не только лицо, но и шея.

– Да шучу я, шучу! – снова улыбнулся Джулиус. – Должен заметить, вы смотрите сногшибательно в этом платье. И оно так удачно гармонирует с цветом ваших глаз.

– Но мое платье пурпурного цвета!

– Ну и что с того? – недоуменно пожал плечами Тристан. – Это же дежурный комплимент, который джентльмены постоянно отпускают дамам.

– Да, но когда это соответствует действительности и уместно.

– О, со мной это вечная история. Все, что неуместно, это исключительно по моей части. Простите меня великодушно! Наслышан, что моя старая добрая тетушка Одри собрала ради вас весь этот бомонд и закатила самую настоящую гулянку. Вы у нее на правах почетной гостьи, как я посмотрю.

– Одри очень любезна. Но ей не стоило так хлопотать ради меня.

– Поскольку вы американка, то, как я понимаю, вы уже успели изучить глазами всю эту публику в поисках настоящего британского аристократа. К великому сожалению, их тут немного и всем уже далеко за пятьдесят. За исключением меня, конечно, – добавил Джулиус с лукавой улыбкой.

– Одри приходится вам тетушкой?

– Да, но не кровной. Мой покойный отец был младшим братом дяди Эдгара.

– О, примите мои соболезнования в связи с вашей утратой.

– Спасибо на добром слове, но отец погиб более двадцати лет тому назад во время мировой войны. Мне на тот момент было всего лишь полтора года.

– Понятно. А ваша мать?

– Слава богу, жива. И слава богу, ее здесь сегодня нет... – Джулиус придвинулся к Сесили и доверительно прошептал: – Мои дядя с тетей ее терпеть не могут.

– Но почему?

– Видите ли, вместо того чтобы обливаться слезами и блюсти вдовий траур по мужу, который расстался со своей брэнной жизнью на полях сражений во Фландрии, моя матушка очень быстро нашла ему достойную замену, еще более богатого соискателя руки и сердца, чем мой бедный отец, и тут же выскочила за этого человека замуж. Всего лишь через полгода после гибели отца. Сейчас она живет в Италии.

– О, я обожаю Италию! Вам повезло, что вы выросли в такой чудесной стране.

– Ошибаетесь, мисс Хантли-Морган, – возразил Джулиус, закуривая сигарету. – Матушка, подавшись в теплые края, и не подумала взять меня с собой. Можно сказать, она оставила меня у дверей этого дома, и меня вырастила старая няня дяди Эдгара. Мисс Нейлор, так ее звали, была самым настоящим драконом в юбке.

– Так вы живете прямо здесь, в Вудхед-Холле?

– Именно так, живу. Время от времени, правда, пытаюсь вырваться отсюда, но, подобно упругому резиновому мячику, отскакиваю от любой стенки и снова возвращаюсь обратно.

– А чем вы занимаетесь? То есть я хочу спросить, чем вы зарабатываете себе на жизнь?

– О, мои занятия с точки зрения зарабатывания на жизнь – это, знаете ли, такой эвфемизм, поскольку пока они, к великому сожалению, не принесли мне ни единого пенни дохода. Дело в том, что я – поэт.

– Не может быть! А я, как думаете, уже могла читать ваши стихи?

– Едва ли, мисс Хантли-Морган, если только вы, конечно, не являетесь преданной читательницей нашей местной прессы. Я имею в виду «Газету деревни Вудхед». Люди, которые трудятся в редакции этой газеты, по доброте душевной изредка печатают некоторые мои вирши.

Откуда-то из холла послышался громкий дребезжащий звук, который повторился через пару секунд.

– О, это гонг. Нас приглашают на ужин, мисс Хантли-Морган.

– Пожалуйста, называйте меня просто Сесили, – попросила Сесили, пока они вместе с остальными гостями пересекали продуваемый всеми сквозняками холл, чтобы попасть в не менее величественную и такую же холодную столовую.

– Посмотрим, посмотрим, где моя тетушка решила вас усадить, – обронил Джулиус, обходя вокруг стола и изучая написанные красивым почерком таблички с именами гостей возле каждого столового прибора. – Так я и думал! – Он с улыбкой глянул на Сесили. – Ваше место здесь, рядом с камином. Ну, а меня сослали в Сибирь, на другой конец стола. Еще раз предупреждаю вас, помните о дробе, – добавил он, направляясь к своему месту.

Сесили заняла свое место, немного разочарованная тем, что ее ближайшим соседом оказался Тристан, а не Джулиус. Впрочем, на протяжении всей трапезы ей удавалось поддерживать необременительный светский разговор и с Тристаном, и со вторым своим соседом справа, пожилым майором. Однако мысли ее продолжали витать вокруг Джулиуса, изредка она бросала взгляды в его сторону. Вот и достав изо рта небольшой металлический шарик серебристого цвета, который там оказался, как только она откусила кусочек приготовленного на ужин фазана, она снова метнула взгляд на Джулиуса.

– А я вас предупреждал! – выразительно проартикулировал он губами в ответ, улыбнулся и тут же снова переключился на разговор с пышнотелой дамой, судя по всему, супругой майора.

– Так вы направляетесь в Африку? И куда именно? – громогласным голосом спросил майор. – Несколько лет тому назад мне довелось побывать там. У моего младшего брата ферма по разведению крупного рогатого скота в Кении, где-то к западу от гор Абердаре.

– О, именно в Кению я и направляюсь. Остановлюсь в доме, расположенном на берегу озера Наиваша. Вы слышали про это озеро?

– Слышал ли я?! Конечно, слышал, милая. Собираетесь присоединиться к обитателям «Долины Счастья»? Так, кажется, называется эта местность.

– Понятия не имею о Долине Счастья. Меня пригласила погостить моя крестная мать, вот я и еду к ней.

– А позволительно ли мне поинтересоваться, кто ваша крестная мать?

– О, конечно. Эту даму зовут Кики Престон. Она тоже американка, как и я.

– Боже правый! – Сесили увидела, что пунцовые щеки майора, бросившего на нее ошарашенный взгляд, стали еще пунцовее. – Ну и дела! Кто бы мог подумать! Такая милая девушка...

– Так вы знаете Кики?

– Не стану лгать. Нет, лично я с ней не знаком. Но премного наслышан об этой даме. Впрочем, как и все, кто бывал в Кении.

– Получается, что она в тех краях известная личность?

– О да! Она и особенно ее подружка Алиса де Траффорд – личности весьма известные, я бы даже сказал, скандально известные. В клубе Мутаига в Найроби постоянно ходили разговоры об их проказах, мягко говоря... И потом эта великолепная девушка Айдина Сэквиль... Если бы я был лет на двадцать моложе, да вдобавок еще и холост, Айдина точно бы заарканила меня. Впрочем, у нее и без меня было полно поклонников, счастличиков, которым она вскружила голову и сбила этих бедолаг с пути истинного. Вечеринки в ее доме и в доме Джосса Эрролла уже давно обросли кучей легенд. И к тому же... Но я почему-то уверен, что именно ваша крестная мать Кики и была той особой, которую все называли «девушкой с серебряной иглой».

– Она что, занималась шитьем? – Сесили почувствовала, как у нее голова пошла кругом от новой информации.

– О, для шитья у нее под рукой было достаточное количество негритянок, которые выполняли эту работу, но... – Майор бросил

выразительный взгляд на озадаченное лицо Сесили. – Впрочем, милая, уверен, большинство этих слухов – самые обычные сплетни. И к тому же минуло уже лет двадцать, как я бывал там. Думаю, все означенные дамы уже успели угомониться, остепениться и завязали с былыми проказами своей бурной молодости.

– По вашим словам, жили они там очень весело?

– О да! Еще как весело! – Майор вытер рот салфеткой. – К сожалению, мой брат не состоял в членах этого кружка, его всегда больше интересовал собственный скот, чем шумные увеселения в клубе Мутаига. Но пару приятных вечеров мы с ним все же там провели. Вы обязательно должны навестить моего брата, когда будете в Кении. Я оставлю Одри его имя и адрес. Найти его будет несложно, уверяю вас. Только спросите Билла, и вам все укажут нужное направление.

– Вы говорите, у него скотоводческая ферма?

– Да. Старый добрый чудак, этот мой младший брат, – задумчиво бросил майор. – Так и не женился, а все свое свободное время охотно проводит среди аборигенов племени масаи, которые пасут скот на тамошних равнинах. Он всегда был у нас нелюдимым, склонным к одиночеству. Даже в детстве. А сейчас, мисс Хантли-Морган, расскажите немного о себе.

* * *

Сесили буквально падала с ног от усталости, когда наконец разошлись последние гости. Из последних сил она попрощалась с ними и медленно побрела вверх по бесконечно длинной лестнице. Уже приготовилась открыть дверь в свою спальню, но тут кто-то тронул ее рукой за плечо. Сесили негромко вскрикнула от неожиданности и развернулась, увидев перед собой улыбающегося во весь рот Джулиуса.

– Решил вот проверить, все ли зубы у вас на месте после этого ужасного фазана, съеденного на ужин.

– Да вы!.. Да вы напугали меня до полусмерти! Подкрались сзади, словно вор!

– Тысячу извинений, Сесили. Но, прежде чем вы отправитесь спать, хочу спросить, вы случайно не любитель верховой езды?

– Да, я катаюсь верхом. А что? У нас даже есть конюшня в нашем имении в Хэмптонсе. Я люблю верховую езду, хотя не уверена, что умею управлять лошадью по всем правилам.

– Я тоже не вполне уверен, что понимаю, что именно означает верховая езда по всем правилам. Но это и не столь важно. Обычно по утрам я совершаю верховую прогулку по окрестностям Даунса. Прочищаю, так сказать, мозги, прежде чем засесть за свою утреннюю работу. Если хотите составить мне компанию, милости просим. Завтра ровно в семь встречаемся на конюшне. Если, конечно, нам не помешает туман, который может спутать все планы.

– О, с большим удовольствием, Джулиус, но у меня нет подходящей одежды для верховой езды.

– Я попрошу Дорис подыскать вам подходящие бриджи или галифе и сапоги. У нас все запасные шкафы забиты такой одеждой, оставшейся от гостей за столько лет. Наверняка Дорис отыщет в этом хламе что-то, что будет вам по размеру. Итак, до завтра, да? – Джулиус снова улыбнулся.

– До завтра. Спокойной ночи, Джулиус.

Минут через десять Сесили с большим облегчением приняла горизонтальное положение на своей постели (правда, матрас, наверняка набитый жестким конским волосом, был чересчур твердым), однако сон не шел к ней. Более того, всякий раз, когда Сесили возвращалась мыслями к Джулиусу, сердце ее начинало учащенно биться.

Что приводило ее в немалое замешательство. Ведь она не сомневалась, что всю свою жизнь была без памяти влюблена в Джека и только в него одного, но еще никогда ни ее сознание, *ни само ее тело* не реагировали подобным образом на близость другого мужчины. К тому же Джулиус совсем не ее тип: ей всегда больше нравились блондины, а он темноволосый, загорелый, словно житель Средиземноморья. Не говоря уже о том, как раскованно и уверенно он держится с ней... Подобные манеры ей определенно не нравятся, особенно если учесть, что они познакомились лишь сегодня вечером. Но, видно, это его мало заботит. Впрочем, судя по всему, его вообще не заботит то, что о нем думают другие...

А зачем ему волноваться на сей счет? Но, пожалуй, главное – это зачем ей такая головная боль?

Наконец Сесили забылась беспокойным сном, ей снились толпы женщин, размахивающих огромными серебряными иглами, а навстречу им мчались аборигены с копьями наперевес. Потом приснился Джулиус, на которого напал лев...

Она проснулась внезапно и рывком уселась на постели. Сразу же спрыгнула с кровати и побежала к окну, отдернула в стороны ночные шторы, чтобы проверить, есть ли туман на улице. Что-то екнуло у нее внутри, когда она увидела чистое, ясное небо. Хорошее морозное утро. Все деревья в огромном парке, раскинувшемся вокруг дома вплоть до самого горизонта, сплошь покрыты инеем. Наверняка он скоро растает, если судить по ярко-оранжевому солнцу, первые лучи которого уже пробились сквозь бесконечные ряды могучих каштанов, обрамляющих со всех сторон симметрично распланированные садовые пространства.

– Какая красотища! Хоть оперу садись и пиши, – пробормотала она про себя. В эту минуту в дверь постучали, а следом вошла Дорис с чайным подносом.

– Хорошо спали, мисс? – поинтересовалась она у Сесили.

– О да, замечательно выспалась. Спасибо, Дорис.

– Вам налить чаю?

– Нет. Я сама себе налью.

– Хорошо. Так вы отправляетесь на верховую прогулку? Я вам кое-что подобрала из одежды и обуви. Думаю, вам все будет впору. Вы ведь такая хрупкая, мисс Сесили. Фигурка просто точеная.

– Спасибо. Я... да, думаю, мне стоит немного покататься верхом.

– Почему бы и нет? Тем более в такое прекрасное утро. – Дорис глянула на нее с улыбкой. – Сейчас принесу вам пакет с одеждой.

Сесили неторопливо пила чай, который оказался не таким крепким, к какому она привыкла у себя дома. И тут до нее дошло, что она пока так и не собралась позвонить родителям и сообщить им, что благополучно добралась до Англии. Интересно, как бы отреагировала мама, если бы Сесили сказала ей, что прямо сейчас собирается на верховую прогулку вместе с племянником Эдгара?

– Наверняка тут же принялась бы продумывать план вечернего приема, на котором можно будет объявить о предстоящей помолвке еще до того, как я вернусь домой, – негромко рассмеялась собственным мыслям Сесили.

– Что не так, мисс? – спросила у нее Дорис.

– Да нет, все в порядке. Просто я тут вспомнила, что должна позвонить родителям, сообщить им, что благополучно добралась до места.

– Не волнуйтесь, мисс Сесили. Наш дворецкий позвонил им еще вчера вечером и все сообщил. А сейчас давайте попробуем облачиться в эти одежды. Посмотрим, что и как.

* * *

Когда Сесили прибежала на конюшню, Джулиус уже восседал верхом на великолепном красивом черном жеребце.

– Доброе утро, – поздоровался он с ней. – А я все гадал, объявитесь вы или нет. – Он окинул ее с высоты внимательным взглядом. – Тогда вперед! – Джулиус жестом указал на красивую гнедую кобылку, которую грум как раз выводил во двор.

С помощью грума Сесили вскарабкалась в седло. Кобыла издала негромкое ржание и резко откинула голову назад. Сесили едва удержалась в седле.

– Бонни у нас девочка с характером. Уверены, Сесили, что вы совладаете с ее норовом?

Вопрос прозвучал как откровенный вызов.

– Постараюсь, – ответила она, беря из рук грума поводья и слегка успокаивая лошадь.

– Тогда в путь.

Они быстро выехали со двора, и Сесили последовала за Джулиусом по узкой дорожке, которая, петляя между деревьев, вывела их наконец на открытое пространство.

– Вам удобно? – спросил он у Сесили.

– Вполне. Но если вы не возражаете, я бы предпочла для начала более медленный темп.

– Конечно-конечно! Никаких возражений! Вначале мы предпримем небольшую прогулку легким галопом вокруг парка, а потом отправимся лицезреть окрестности Даунса. – Джулиус махнул в сторону бескрайних полей, простиравшихся вплоть до самого горизонта. – Здесь очень красиво. Дух захватывает от окружающих пейзажей.

Они перешли на медленную рысь, чтобы дать Сесили возможность и время освоиться в седле и приобрести необходимую уверенность, а потом Джулиус пустил своего скакуна легким галопом, и Сесили последовала за ним. Бонни взрывала копытами землю, наполняя воздух насыщенными запахами оживающей почвы; Сесили видела, как сверкает иней на траве и тут же тает под солнцем, кое-где в проталинах среди густой травы под каштанами уже проклюнулись головки первых подснежников, этих вестников приближающейся весны. Несмотря на холод, птицы весело щебетали, переговариваясь друг с другом, и Сесили наконец почувствовала себя почти что героиней одного из романов своей любимой Джейн Остин: все было точь-в-точь, как она себе это и представляла, читая ее романы.

– Дайте мне знать, когда захотите сбросить скорость, – крикнул ей Джулиус, скакавший впереди, хвост его жеребца мерно покачивался из стороны в сторону прямо перед Сесили. – Не дай бог, чтобы почетная гостья моей тетушки Одри сломала себе шею во время прогулки со мной!

Колючий ветер больно бил в лицо, Сесили почувствовала, как у нее начали слезиться глаза и потек нос, но она продолжала послушно скакать вслед за жеребцом Джулиуса. Однако в какой-то момент все же решила приостановить Бонни, потому что уже перестала ясно различать перед собой, но тут Джулиус остановился и повернулся к ней в седле.

– Все тип-топ? – спросил он у нее.

– Понятия не имею, что означает это ваше «тип-топ», но зато точно знаю, что мне срочно нужен носовой платок, – ответила Сесили, тяжело дыша.

– Точно, нужен, – согласился с ней Джулиус, снова развернулся в седле, а потом подъехал к ней поближе, став лицом к лицу. После чего извлек из верхнего кармана своего твидового пиджака белоснежный носовой платок из чистого льна, слегка подался вперед и стал протирать платком ее глаза.

– Честное слово, я и сама могу! – Сесили попыталась вырвать из его рук носовой платок.

– Да мне совсем нетрудно, хотя вытирать вам нос я точно не стану. Эту часть работы вы проделаете самостоятельно, – язвительно заметил он, вручая носовой платок Сесили, а она, в свою очередь, постаралась

высморгаться как можно деликатнее. – Должен сказать, у вас такие красивые глаза.

– Спасибо за комплимент, но я сильно сомневаюсь, что они красивые и сейчас, когда так сильно слезятся.

– Пожалуй, прогулку по окрестностям Даунса нам стоит отложить до завтрашнего утра, хотя, как вы сами сегодня убедились, здесь по утрам гуляют очень сильные ветры. Понимаю, у вас в Америке климат значительно мягче.

– Напротив! В Нью-Йорке сейчас еще холоднее, чем у вас тут. Просто... просто я, наверное, немного простыла.

– Что меня совсем не удивляет. Дядя Эдгар у нас большой скопидом, считает каждый пенни, а вы сами можете себе представить, каких деньжищ стоит обогреть такой дом, как наш Вудхед-Холл. Это же целая куча фунтов! Довольно нелепая ситуация, особенно если вспомнить про тропики, где человек может ютиться в какой-нибудь хижине с минимумом элементарных удобств. Тогда немедленно возвращаемся домой, и пусть Дорис усадит вас возле полыхающего камина с чашечкой горячего чая.

– Но вы ведь можете продолжить прогулку и без меня, полюбоваться окрестностями Даунса в собственное удовольствие. Мне вполне по силам самостоятельно вернуться в Вудхед-Холл.

– Да я этими окрестностями любуюсь все дни недели, – улыбнулся он в ответ. – А вот вы пробудете у нас всего лишь каких-то пару дней, и потому сейчас я предпочитаю любоваться вами.

Сесили смущенно отвернулась в сторону, не хотелось, чтобы Джулиус заметил, как она покраснела. Даже шея стала красной. Сесили еще сильнее ухватила за поводья, и они поскакали назад быстрой рысью бок о бок.

– Расскажите мне, – начала Сесили, слегка откашлявшись, – чем вы занимаетесь днями? Наверное, пишете стихи?

– О, если бы так было на самом деле! – тяжело вздохнул Джулиус. – Возможно, когда-нибудь мне все же удастся сбежать отсюда в Париж, поселюсь в какой-нибудь мансарде на Монмартре. А сейчас... А сейчас с грустью констатирую, что мои дни заняты тем, что я помогаю дяде Эдгару в управлении имением. Он меня натаскивает на это дело, словно норовистого жеребца, пугает тем, что в один прекрасный день мне придется заниматься управлением уже

самостоятельно, но пока у меня не очень получается быть послушным и делать все, что делает он сам. Особенно меня донимают все эти бухгалтерские книги. Ох, уж эти бухгалтерские книги! Надеюсь, вы представляете себе, что это такое?

– Очень хорошо представляю. Мой отец всю свою жизнь корпит над такими же фолиантами.

– Жизнь без бухгалтерской отчетности восхитительна, честное слово! Но сможет ли когда-нибудь моя собственная жизнь быть такой, вот в чем вопрос. – Джулиус невесело усмехнулся. – Полагаю, мой дорогой дядюшка Эдгар уже успел понять, что у меня нет никаких математических способностей, да и по части бизнеса я тоже не очень силен, но, поскольку я являюсь его единственным наследником, он продолжает упорно надеяться на то, что я все же научусь когда-нибудь правильно складывать. Проблема лишь в том, что все это меня совершенно не интересует.

– А я вот люблю арифметику, – улыбнулась в ответ Сесили.

– Невероятно! Боже мой, мисс Хантли-Морган! С каждой минутой вы в моих глазах становитесь все более совершенной, как и каждое слово, которое срывается с ваших прелестных уст. Я еще не встречал женщины, которая откровенно призналась бы мне, что ей доставляет удовольствие заниматься математикой.

– Мне – да, как это ни дико звучит, быть может, – бросила Сесили с некоторым вызовом в голосе.

– Да я вовсе не собирался критиковать вас! Честно признаюсь, как бы я хотел найти себе подобную женщину в качестве будущей жены. Вполне возможно, я не стал бы клясться ей в вечной верности, хотя что такое эта верность в конечном счете? Но уж точно сложил бы к ее ногам все свои бухгалтерские книги. Ну вот мы и дома! – добавил Джулиус, указывая на усадебные постройки. – Предлагаю вам немедленно отправиться к себе, минуя конюшню.

Сесили уже была готова возразить, ей хотелось провести эти последние драгоценные мгновения наедине с Джулиусом, она знала наверняка, что будет дорожить ими всю оставшуюся жизнь. Но Джулиус уже спешил и подошел к ней, выжидательно глядя. Помог ей слезть с лошади, крепко обвив руками талию и на какой-то миг задержав их там даже после того, как ее ноги коснулись земли.

– Какое вы хрупкое, поистине неземное создание! – восхитился он. – Я даже не почувствовал вашего веса! А сейчас бегом в дом. Позже загляну к вам, проверю, как ваше самочувствие.

– О, все хорошо. Я уверена...

Но Джулиус уже снова вскочил в седло и взял за поводья и ее кобылку. После чего отсалютовал на прощание и быстрым галопом поскакал в сторону конюшен, ведя на поводу вторую лошадь.

Сесили была страшно разочарована тем, что за обедом Джулиус так и не появился в столовой; они с Одри трапезничали вдвоем. Одри расспрашивала ее о Доротее, о младших сестрах, подругах и приятельницах мамы, которых Сесили едва знала, в промежутках между разговорами она с трудом осилила пару ложек супа, который был заявлен как «овощной», но по вкусу скорее напоминал теплую водичку, в которой только что вымыли посуду.

– Дорогая, ты даже не притронулась к барашку, – заметила Одри, когда служанка забрала у них тарелки после второго блюда. – Судя по всему, ты действительно *подхватила простуду*.

– Наверное, – безропотно согласилась с ней Сесили. Кусок жирного, абсолютно несъедобного на вид мяса, который она все же решила откусить, тут же застрял у нее в горле. – Пожалуй, пойду к себе наверх и прилягу. Ума только не приложу, где я могла простудиться. Ведь у нас в Нью-Йорке гораздо холоднее.

– Все так, но не забывай, какая у нас здесь сырость, – ответила ей Одри, в речи которой в равной степени слышался и английский акцент, и американский говор. – Джулиус говорит, что простуду ты могла подхватить еще раньше, во время плавания. Я немедленно пришлю к тебе Дорис, она принесет бутылку с горячей водой и таблетку аспирина. Если сегодня вечером решишь остаться у себя, нет проблем: ужин тебе подадут прямо в комнату. К сожалению, сама я буду отсутствовать: ровно в шесть у меня собрание в местном приходе, я там состою членом совета, а эти наши заседания, они, как правило, длятся вечно. Эдгар, как тебе известно, тоже все еще в Лондоне. Ну, а Джулиус... Понятия не имею, где он будет коротать вечер... – Одри выразительно вскинула брови. – Как всегда, в своем репертуаре! Как бы то ни было, а я хочу, чтобы к воскресенью ты уже полностью оправилась. Я собираюсь устроить небольшую вечеринку с коктейлями, нечто типа прощального ужина. А сейчас ступай к себе, отдыхай и набирайся сил.

Сесили поднялась в свою спальню и улеглась в кровать. Она лежала, наблюдая за тем, как танцуют языки пламени в камине. Нет,

больной она себя совершенно не чувствовала, разве что немного простуженной. А вот аппетит у нее пропал совсем по иной причине. Она закрыла глаза и попыталась уснуть, и тут же увидела перед собой лицо Джулиуса в ту самую минуту, когда он сегодня утром протирал ей глаза...

Потом раскрыла ладонь и вдохнула в себя запах его носового платка, который она продолжала сжимать в руке, и запах *его самого*.

«Сесили, ты ведешь себя крайне глупо! Начнем с того, что ты ведь ровным счетом ничего про него не знаешь, не говоря уже о том, что только-только ты стала приходить в себя после разрыва с Джеком. Через каких-то пять дней ты летишь в Африку, и на этом все! Ты его никогда больше не увидишь, – сказала она сама себе приказным тоном и спрятала платок в ящик прикроватной тумбочки. – Сегодня вечером тебе подадут ужин прямо сюда, и ты и думать о нем больше не станешь...»

В конце концов она все же задремала и проснулась ближе к вечеру, когда на дворе уже стало смеркаться. Тут же появилась Дорис с очередной чашкой горячего чая.

– Если вам по-прежнему нездоровится, мисс Сесили, то я бы посоветовала вам не принимать сегодня ванну, – сказала служанка. – В ванной комнате сейчас стоит зверская холодина. Когда вам подать ужин? Думаю, часов в семь, да? Как раз достаточно времени для того, чтобы вся пища хорошо усвоилась и переварилась, – продолжила служанка свою необременительную болтовню, подправляя огонь в камине.

– Спасибо, ровно в семь меня вполне устроит.

– Я сегодня вечером буду отсутствовать, в случае чего меня подменит горничная Эллен. Она присмотрит за вами. Позвоните в колокольчик, и она тут же прибежит, если вам что понадобится.

– Хорошо. Получается, что сегодня ужинать дома некому, да? – задала наводящий вопрос Сесили.

– Понятия не имею. Мистер Джулиус, он ведь у нас такой! Приходит и уходит, когда ему заблагорассудится, а потому за него ручаться не могу. – Дорис, сама того не ведая, повторила ту же мысль, которую чуть ранее, за обедом, ей озвучила Одри.

– Здесь есть где развлечься? – поинтересовалась у служанки Сесили. – То есть я хочу спросить, ближайший город недалеко отсюда?

– Да, совсем рядом. Хотя я не рискнула бы называть Хэйзлмир «городом». Правда, там есть магазины, и кино показывают. Мы с Бетти как раз и собираемся туда вечером в кино. Будем смотреть «Приключения Робин Гуда» с Эролом Флинном в главной роли. Если вам больше ничего пока не надо, тогда я побегу, разыщу Эллен и предупрежу ее, чтобы она подала вам ужин ровно в семь.

– Приятного вам вечера, Дорис.

– Спасибо, мисс. А вы поправляйтесь побыстрее.

Дорис ушла, а Сесили взялась за чтение «Великого Гэтсби», все последние несколько недель, когда голова ее была забита чем угодно, но только не чтением, книга неизменно находилась при ней, но тем не менее она еще так и не дочитала ее до конца. И вот сейчас Сесили уселась возле камина с твердым намерением возобновить чтение романа. Да, она будет читать, а *не думать* о Джулиусе, который в этот момент, быть может, где-то совсем рядом с ней... Но она *не будет*...

Ровно в семь часов вечера в дверь спальни постучали, и на пороге показалась Эллен с обещанным ужином. Опять какой-то суп, вареное яйцо и тонкий ломтик хлеба с маслом. Даже если бы у Сесили и проснулся аппетит, то принесенная еда никак не вдохновляла. Она осторожно постучала по яйцу. Видно, сварено не просто вкрутую, а варено-переварено, пока желток не превратился в камень. Сесили силой заставила проглотить себя ложку тепловатого супа, и в этот момент в дверь снова постучали. Сесили не успела сказать «Входите!», как дверь распахнулась.

– Добрый вечер, Сесили. Вот узнал, что вы сегодня ужинаете у себя в комнате. Я и сам собирался поступить так же. Но потом подумал, что могу составить вам компанию: совместными усилиями, надеюсь, мы как-нибудь осилим эту бурду, которую приготовила нам наша повариха. Полное отсутствие кулинарных способностей, доложу я вам по секрету.

Джулиус вошел в комнату, держа перед собой поднос, на котором была выставлена такая же еда, что и у нее самой.

– Надеюсь, вы не станете возражать?

– Я... Нет, конечно нет.

– Боже мой! – жалобно простонал он, поставив поднос на маленький столик возле камина, после чего уселся в кресло напротив Сесили. – Итак, как я понимаю, у вас простуда, а ужин, как я погляжу

на свой поднос, практически несъедобен. К счастью, я прихватил с собой кое-что, что поможет нам согреть наши расстроенные сердца.

С этими словами Джулиус извлек из кармана бутылку с жидкостью, похожей на бурбон, а из другого кармана достал стаканчик для зубной щетки.

– Придется довольствоваться одним стаканом, – обронил он. – Но жизнь, как известно, полна импровизаций, не так ли? – Джулиус с улыбкой глянул на Сесили и щедрой рукой наполнил стаканчик почти до краев, а потом протянул его ей. – В первую очередь дамам. Исключительно в медицинских целях, разумеется.

– Но я...

– Хорошо, тогда я первый. – Джулиус залпом осушил стаканчик. – Вот так гораздо лучше! Ничто так не спасает от холода, как глоток хорошего виски.

Сердце Сесили трепетало все сильнее, она понимала, что надо как-то унять это учащенное сердцебиение.

– Разве что маленький глоток. Наверное, от него вреда не будет, – осторожно предположила она.

– От маленького глотка вреда не будет, это точно. А если рискнете сделать глоток побольше, то это пойдет вам только на пользу, – подбодрил ее Джулиус, наблюдая за тем, как она, пригубив стаканчик, начала медленно пробовать вкус напитка.

– Вот и отлично! А сейчас беремся за яйцо. – Джулиус взял чайную ложечку со своего подноса и энергично постучал ею по яйцу. – Как всегда, переварено. – Он тяжело вздохнул. – Уже сто раз напоминал тетушке, каковы должны быть стандарты питания в этом доме, а заодно говорил и о полнейшей профнепригодности ее нынешней кухарки. И все как о стенку горохом! Тетя Одри старательно делает вид, что она меня не слышит. – Он откинулся на спинку кресла. – Как такое можно есть? Остается лишь одно: пить и еще раз пить. Ваше здоровье, Сесили. – Он взял стаканчик и выпил все, что там осталось. – А сейчас расскажите мне лучше о своей жизни в Нью-Йорке. – Он снова наполнил стаканчик и протянул его Сесили. – Я там никогда не был, но все говорят, что город просто замечательный.

– Да, так оно и есть. Везде громоздятся небоскребы, взметнувшиеся до самого неба, но полно и широких, открытых пространств, так что клаустрофобия в Нью-Йорке никому не грозит.

Наш дом расположен рядом с Центральным парком, там можно гулять часами, накручивая милую за милую, и при этом не встретить ни единой живой души. Мне кажется, город вобрал в себя все самое лучшее, что есть в Старом и Новом Свете. К тому же это мой дом. – Сесили неопределенно пожала плечами. – Я люблю его.

– Но объясните мне, ради всех святых, если вам так хорошо дома, то какого черта вы срываетесь с места и несетесь уже буквально через пару дней в африканские джунгли?

– Потому... потому что меня пригласила к себе в гости моя крестная мать.

– Прямо сейчас? – Джулиус впился взглядом в лицо Сесили. – И это с учетом того, что в Европе сегодня очень неспокойно, а в случае чего Кения обязательно окажется втянутой в войну. Полагаю, есть и более веские причины для такого рискованного путешествия.

– Я... я собралась замуж, но потом все расстроилось.

– Понятно. – Джулиус снова отхлебнул из их общего стакана. – И тогда вы решили бежать прочь.

– Надеюсь, я не столько убегаю прочь, сколько бегу *на поиски* чего-то нового. Представился удобный случай побывать в совершенно иной для меня обстановке и среде, и я решила воспользоваться им.

– Разумно. Мне вообще нравится ваш позитивный склад ума. А что может быть хуже Вудхед-Холла, да еще в разгар зимы? Уверяю вас, везде намного лучше. – Джулиус снова вздохнул. – Но такова уж моя планида. Если, конечно, не вспыхнет война. Тогда я облачусь в военную форму и отправлюсь умирать куда-нибудь на край света. А потому надо ловить момент, пока еще есть время. Вы согласны? – Он снова наполнил стакан. – Возможно, я стану вторым Рупертом Бруком, воспою тяготы уже новой войны. Но будем надеяться, что мне повезет и я не закончу свои дни на поле сражения в битве за полуостров Галлиполи.

– Простите, а кто такой этот Брук?

– Вот беда, мисс Хантли-Морган! Оказывается, вы не получили достойного образования?

– Почему это? Я окончила Вассар, лучший женский колледж в Америке, – вспыхнула уязвленная Сесили.

– Тогда ваш преподаватель английской литературы явно не справился со своими обязанностями. Руперт Брук – это гений и самый

известный военный поэт всех времен и народов. Я обязательно дам вам почитать книгу его стихов.

– Я вообще-то никогда особо не увлекалась литературой. Конечно, читаю, но в основном ради удовольствия, – откликнулась Сесили, чувствуя после виски приятную расслабленность во всем теле. – Как я вам уже говорила, меня больше привлекает математика.

– Тогда у вас логический склад ума, и вы больше тяготеете к точным наукам, а не к изящным искусствам. А давайте я вас сейчас проверю на знание арифметики. Посмотрим, как быстро вы умеете считать. Хм... Итак, сколько будет девятьсот семь минус двести четырнадцать?

– Шестьсот девяносто три, – ответила Сесили после короткой заминки.

– Сто семьдесят два разделить на шесть?

– Двадцать восемь целых, шесть десятых.

– Пятьсот шестьдесят умножить на тридцать девять?

– Двадцать одна тысяча восемьсот сорок. – Сесили весело хихикнула. – Это же просто! Погоняйте меня лучше по алгебре или спросите что-то, где нужны логарифмы.

– Поскольку я смутно представляю себе, что такое алгебра, и понятия не имею ни о каких логарифмах, то я не стану вас более пытаться. Вы действительно необыкновенно умная девушка. Я прав? Но вы никогда не досадовали на то, что, имея за плечами образование в колледже, вы никак не можете применить все свои знания на практике? Скажем, зарабатывать на жизнь своим трудом. А все только потому, что вы женщина и вам уже заранее уготовлен удел просматривать разве что книги расходов при ведении домашнего хозяйства. Что при ваших-то талантах суцая безделица.

– Если честно, то меня подобное положение дел сильно напрягает. Но я знаю наверняка, что папа никогда не позволит работать ни одной из своих дочерей. К сожалению, это так, и с этим уже ничего не поделаешь.

– Представляете себе, какая ирония судьбы? Все, о чем я мечтаю, это чтобы меня оставили в покое и позволили заниматься любимым делом – облекать слова в поэтические строки, а я вместо этого днями напролет учусь, как управлять имением. Ну, и, конечно, роюсь в этих бухгалтерских книгах, один вид которых мне ненавистен. – Он весело

оскалился, глянув на Сесили. – А вот вы! Вы бы всю эту работу могли бы проделать с легкостью, более того, работали бы с огромным рвением. Но вам в этом праве отказано, потому что вы женщина.

– Жизнь полна несправедливостей, – задумчиво бросила в ответ Сесили. – А потому мы должны принимать ее такой, какая она есть. И тем не менее, Джулиус, мы с вами оба находимся в привилегированном положении. В один прекрасный день вы унаследуете от дяди имение и этот дом, а я стану женой и матерью и буду вести комфортную жизнь богатой матроны. Никто из нас не обречен на бедность или тем более на нищету. Ведь так?

– Разумеется, так. Но вопрос, мисс Хантли-Морган, заключается в другом. – Джулиус обзрел Сесили внимательным взглядом. – Разве деньги делают человека счастливым? Вот вы, к примеру... Вы счастливы? Или я сам?

«В данный момент я счастлива, как никогда», – подумала про себя Сесили.

– Думаю, сейчас мне хорошо, и это главное, – сказала она вслух.

– А что, по-вашему, делает человека по-настоящему счастливым? Об этом вы задумывались когда-нибудь?

– Наверное... любовь, – ответила Сесили, решив, что даже если она и покраснеет сейчас, то это не будет так заметно, поскольку лицо у нее наверняка порозовело от выпитого виски.

– И вы абсолютно правы! – Джулиус со всего размаха ударил рукой по ручке кресла. – Получается, что изящные материи все же *не совсем вам чужды* и под панцирем жесткой логики скрывается тонкая поэтическая душа.

– По-моему, все знают, что любовь делает человека счастливым.

– И одновременно она же может причинить человеку острейшую боль. Согласны с этим?

– Пожалуй. – Наступил черед Сесили отпивать из стаканчика. Голова у нее слегка кружилась то ли от голода, то ли от уже выпитого виски, но ей вдруг стало все равно. Еще никогда у нее не было такого восхитительно откровенного разговора с мужчиной.

– Вы действительно необыкновенно интересное создание, и беседовать с вами одно сплошное удовольствие, но, поскольку тетушка может объявиться после своего занудного собрания в любой момент, я вынужден откланяться. – Джулиус поднялся с кресла. Сесили тоже

встала. – Так завтра повторим нашу утреннюю прогулку верхом? – спросил он, делая шаг к ней навстречу. – Если вам, конечно, полегчает. – И неожиданно схватил ее за руку и привлек к себе. Прежде чем Сесили начала протестовать, он закрыл ей рот поцелуем. И она тотчас же ответила на этот поцелуй, ответила со всей силой страсти, как никогда раньше не целовала Джека. И даже когда одна рука Джулиуса коснулась ее груди и стала ласкать ее, а вторая еще теснее прижала ее к себе, что она даже почувствовала, насколько он возбужден, Сесили не оттолкнула его от себя.

– Боже мой, вы великолепны, – прошептал он ей на ухо.

И только когда его рука попыталась проникнуть к ней под блузку, Сесили все же нашла в себе силы оттолкнуть его от себя.

– Джулиус, мы не должны...

– Знаю, *мы не должны*... – согласился он, и его блуждающая рука коснулась щеки Сесили и ласково погладила ее. – Приношу свои извинения, Сесили. Но вы... Вы неотразимы. Боюсь, я не сумею совладать с собой, а потому ухожу немедленно. Спокойной ночи. – Он еще раз поцеловал ее в губы и вышел из комнаты, унося с собой поднос с нетронутым ужином.

12

На следующее утро Сесили проснулась, *чувствуя себя очень хорошо* после вчерашнего поцелуя и вполне готовая к верховой прогулке вместе с Джулиусом; собственно, размышляла она через пару дней, лежа в его объятиях на какой-то конской попоне, пропахшей лошадиным потом, она еще никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо. Они встретили восход солнца, а потом Джулиус предложил ей спешиться, привязать лошадей, а самим отправиться взглянуть на одну довольно причудливую беседку – странное сооружение квадратной формы, воздвигнутое прямо посреди поля, во всяком случае, вдали от любопытных глаз обитателей Вудхед-Холла. Внутри было темно, пахло сыростью, но, как только за ними закрылась дверь, Сесили с готовностью упала в объятия Джулиуса. Если вспомнить бейсбольные метафоры применительно к сексу, то она, позабыв всякий стыд, сразу же позволила ему контакты второй базы, то есть соприкосновения типа

«кожа к коже». А на следующий день наступила уже очередь третьей базы, когда он коснулся ее ниже пояса...

– Что я творю? – с отчаянием спрашивала она себя, глядя в окно своей спальни после того, как утром сорвалась попытка Джулиуса перейти к четвертой базе, то есть непосредственно к самому половому акту. – Через два дня мне лететь в Кению. Но я не хочу лететь в эту Кению! – прошептала Сесили сквозь слезы. – Я хочу остаться здесь, рядом с Джулиусом...

В самом безутешном настроении она вернулась к кровати и улеглась на постель. Сесили была измотана вереницей бессонных ночей, сердце ее трепетало от одной только мысли о том, сколь сладостными были его объятия. Но, несмотря на усталость, никогда еще Сесили не чувствовала такого прилива жизненных сил. Можно сказать, одно присутствие Джулиуса рядом с ней приводило ее в состояние эйфории.

– Никогда я не чувствовала ничего подобного по отношению к Джеку. Никогда! – сказала Сесили, глядя на балдахин над своей кроватью и вспоминая, что почему-то всегда испытывала некое чувство неловкости, когда Джек, перед тем как уйти к себе домой, целовал ее на прощание. – Боже, что же мне делать?

Странно, но о будущем они не говорили. Да, собственно, они вообще мало разговаривали, потому что Джулиус все то время, что они были вместе, непрерывно целовал ее. И при этом не уставал повторять, как она прекрасна, что она самая прекрасная девушка, которую он когда-либо встречал в своей жизни, он *даже пару раз* обронил как бы невзначай, что, кажется, влюбился в нее по-настоящему...

– А я *люблю его* без всяких «кажется», – сказала Сесили вслух, и слезы снова подступили к ее глазам при мысли о скорой разлуке. Ведь осталось всего лишь два дня. Только два дня! Но ведь этого вполне достаточно, чтобы он попросил ее остаться...

Сразу же после ужина в обществе Одри Сесили, сославшись на головную боль, поспешила к себе. Ей было нестерпимо больно видеть за столом напротив себя Джулиуса, беседующего обо всяких пустяках; как же он не понимает, что драгоценные мгновения, которые она могла бы провести в его объятиях, тают и безвозвратно улетучиваются прочь буквально на глазах? Сесили улеглась между простынями и тут же выключила свет, надеясь, что в темноте она немного успокоится и

поскорее уснет. И она действительно начала дремать, когда услышала легкое постукивание в свою дверь.

– Сесили, дорогая, ты уже спишь?

Не успела она ответить, как Джулиус оказался рядом с ней в постели.

– Джулиус, что ты делаешь? Что подумает твоя тетя? Я...

– Она уже спит беспробудным сном. К тому же ее спальня в противоположном конце коридора. А сейчас замолчи и позволь мне поцеловать тебя.

Вначале были сброшены простыни, а потом сорвана и ночная сорочка.

– Нет! Мы не можем! Мы не должны! Я же скоро улетаю в Кению...

– Но разве это не изумительно, дорогая, лежать нагой в моих объятиях, чувствовать прикосновение моей кожи к своей...

Он взял ее руку и положил на атласно гладкую кожу вокруг своей шеи, потом сдвинул руку чуть ниже, чтобы она коснулась вздыбившихся волос на его груди, пощупала мускулы его живота, а потом...

– *Нет!* Пожалуйста, прошу тебя! Я не могу! Ведь мы официально даже не пара.

– Зато мы пара по жизни, разве не так? Мы самая настоящая пара, безумно влюбленная друг в друга. Я люблю тебя, Сесили! Если бы ты только знала, как сильно я люблю тебя...

– И я тебя люблю, – прошептала Сесили в ответ, Джулиус отпустил ее руку и принялся ласкать грудь, а потом рука его заскользила по всему ее телу.

– Ты дождешься? Будешь ждать, пока я вернусь? – выдохнула Сесили.

– Дождусь чего? – спросил он, укладываясь на нее сверху и прижимаясь своей отвердевшей плотью к ее телу.

– Меня, конечно, – снова прошептала Сесили, уже ничего не соображая, настолько сильными и необыкновенно волнующими были эмоции, которые она переживала в эти мгновения.

– Конечно, дождусь, моя дорогая. Само собой, я буду ждать.

И только тогда, когда он попытался проникнуть глубже, разум снова взял вверх над ее чувствами.

– Нет, Джулиус! Нет! Я ведь могу забеременеть. Я не могу! Пожалуйста!

– Не волнуйся, дорогая. Я не допущу этого. Я кончу после. Обещаю... А сейчас расслабься и доверься мне полностью.

– Но ведь мы даже не помолвлены, Джулиус!

– И что с того? Объявим о нашей помолвке попозже, потом, – отмахнулся он и энергично задвигался внутри нее. – Так нам предназначено самой судьбой, моя дорогая Сесили, разве нет?

И тут в мозгу Сесили молнией мелькнуло, как безмерно счастлива будет Доротея, узнав, что в один прекрасный день ее дочь станет полновластной хозяйкой Вудхед-Холла. Наверное, даже отец простит ей сегодняшнюю ночь за такой почетный приз.

– Так, – покорно ответила она Джулиусу.

* * *

На следующее утро Сесили проснулась поздно, глянула на свои дорожные часы, лежавшие рядом с кроватью на прикроватной тумбочке, и увидела, что уже десятый час. Она продолжала лежать, все еще немного сонная после ночных забав. Мысли кружили роем и метались в разные стороны: она понимала, что поступила неправильно и совершила необдуманый поступок. Но тут же принималась успокаивать себя: вон сколько ее бывших однокурсниц лишились девственности, еще когда они учились в колледже. А самой волнующей была мысль о том, как и когда именно они с Джулиусом объявят о предстоящей помолвке. Фактически Джулиус ведь так и *не сказал*, что собирается жениться на ней. Может быть, он сделает ей предложение, когда она вернется из Африки... Правда, тут еще и потенциальная угроза скорой войны...

Наконец Сесили села на постели и свесила ноги: все ее тело ныло и болело, причем в таких местах, о которых она раньше и не подозревала, что там может быть больно. Она поднялась с кровати и тут увидела небольшое пятнышко крови на простыне.

– Но ведь для месячных еще рано, – пробормотала Сесили про себя, немного озадаченная увиденным. И тут до нее дошло, что может означать эта кровь: она вспомнила все эти ночные разговоры шепотом,

которые вели девчонки в дортуаре, когда они учились в Вассаре. Сесили даже покраснела при мысли о том, что подумает Дорис, увидев пятно на постели, набросила сверху еще одну простыню и одеяло и только потом позвонила в колокольчик. Попутно заметила, что у нее под дверью лежит конверт. Поспешила схватить его еще до прихода служанки с утренним чаем, после чего уселась на постели и погрузилась в чтение записки.

Моя дорогая Сесили,

Мне нужно срочно отбыть сегодня в Лондон по делам моего дяди, но, надеюсь, я успею вернуться к твоему отъезду, чтобы попрощаться лично. Минувшая неделя была необыкновенной. Ты не находишь? Но, если случится так, что я не смогу вернуться вовремя, тогда желаю тебе счастливого пути, дорогая моя девочка. И пожалуйста, обязательно напиши мне из Кении и как можно скорее сообщи, по какому адресу можно будет писать тебе. Мы должны быть постоянно на связи.

Джулиус

У Сесили уже не оставалось времени на то, чтобы поразмыслить над глубинным смыслом записки Джулиуса, потому что в комнату вошла Дорис с чайным подносом.

– Доброе утро, мисс Сесили. А утро сегодня великолепное! Взгляните сами! – Дорис отдернула ночные шторы на окне. – Сегодня вы заспались дольше обычного. И хорошо! Особенно, если вспомнить, что у вас сегодня вечером коктейльная вечеринка. А уже завтра вы сядете в аэроплан и полетите в Африку. Боже, спаси и сохрани! – Дорис зябко повела плечами, наливая чай в чашку. – Я буду молиться за вас. Честное слово! С вами все в порядке, мисс? Что-то вы сегодня сами на себя не похожи.

Сесили, уставившаяся в окно, при этих словах служанки повернулась и улыбнулась.

– Наверное, тоже немного нервничаю в связи с этим перелетом. Так я думаю.

– Понятное дело. Завтра вы уезжаете рано. Как смотрите, если все ваши вещи я уложу уже сегодня, сразу же после обеда? Тогда у вас еще останется немного времени, чтобы отдохнуть перед вечеринкой. Хотите, чтобы я вам снова сегодня уложила волосы?

– Почему бы и нет? – снова улыбнулась Сесили. Ей не терпелось, чтобы служанка поскорее оставила ее одну и она смогла бы спокойно подумать над тем, что означает записка Джулиуса, которую он ей оставил. – Спасибо, Дорис. Я вскоре спущусь к завтраку.

– Хорошо, мисс. Если я вам вдруг понадобится, позвоните в колокольчик. – Дорис присела в поспешном реверансе и удалилась из комнаты.

Как только за ней закрылась дверь, Сесили вторично перечитала записку. Она никак не могла взять в толк, что же скрывается между строк. И почему Джулиус минувшей ночью ни словом не обмолвился о том, что утром уезжает в Лондон? Но, может, необходимость в поездке возникла внезапно? И он торопился? Иначе как еще можно объяснить ту холодность, которой веяло от каждого написанного им слова? Такой разительный контраст со всеми теми словами, что он твердил ей минувшей ночью.

«Но он же написал, что надеется вернуться вовремя, чтобы лично попрощаться с тобой, – уговаривала она себя, пока пила чай. – Возможно, он набросал записку второпях, на тот случай, если у него не получится...»

Она вдруг почувствовала себя страшно одинокой, все минувшие дни рядом с ней был Джулиус, развлекал ее, помогал коротать время, а что теперь? Она отправилась в сад на прогулку, чтобы немного побыть на свежем воздухе и, что называется, прочистить мозги. Но на душе было беспокойно. Снова и снова мысленно перебирая в памяти слова из его записки, Сесили нутром чувствовала, что-то здесь не так. Конечно, многие излагают свои мысли на бумаге более казенным стилем, чем говорят, но ведь Джулиус – поэт...

После обеда Сесили принялась нервно расхаживать по своей комнате, пока Дорис аккуратно раскладывала стопками ее одежду и укладывала ее в чемоданы; служанка болтала без умолку, Сесили оставалось лишь вяло реагировать на ее слова короткими «Да», «Нет» или «В самом деле?». Наконец была уложена последняя вещь, и Дорис захлопнула крышку последнего чемодана.

– Все готово, мисс. Вот теперь можете расслабиться и повеселиться на предстоящей вечеринке.

– Вы случайно не в курсе, а Джулиус вернется к вечеру?

– Ой, и не спрашивайте у меня о нем, мисс. Он же сам себе хозяин, что хочет, то и творит! – Дорис возмущенно закатила глаза, чтобы лишний раз подчеркнуть правоту своего заявления. – Но, как правило, он остается в Лондоне на ночь. Там же у него невеста живет. Понимаете?

– Невеста?

– Да. Ее зовут Вероника. Такая вся из себя светская штучка... Я часто вижу ее фотки на страницах разных журналов. Одному Богу известно, как она с ним справится, когда они поженятся и она переедет к нам сюда, в эту глушь.

У Сесили подкосились ноги, и она безвольно опустилась на кровать. *«Только не хватало лишиться чувств от потрясения»*, – мелькнуло у нее.

– Понятно. И как долго они, – она нервно сглотнула, – помолвлены?

– О, уже больше полугода, по-моему. Свадьба намечена на лето.

– Леди Вудхед ни единым словом не обмолвилась мне об этом.

– Понятное дело! Она крайне отрицательно относится к предстоящему бракосочетанию. Ее сиятельство полагает, что Вероника чересчур резвая девушка и мало подходит на роль следующей владелицы замка. Но как по мне, так все мы в молодости горячие. Уверена, став замужней дамой, она быстро остепенится и успокоится. К тому же ей еще предстоят немалые хлопоты. Знаете, быть женой Джулиуса – это еще та работенка... Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

– Боюсь, я не вполне вас понимаю, – сдавленным голосом сказала Сесили. – Пожалуйста, объясните.

– Уверена на все сто, что он и сейчас встречается с другими женщинами. Да и все наши горничные того же мнения. Одну девчонку из местных я знаю, он точно увивается за ней... Мы с Эллен своими глазами видели, как пару месяцев тому назад он рано утром, еще на рассвете, крадучись, выходил из ее дома. Одно слово, мужчины! Разве им можно доверять? Как по мне, то лучше я остаток своих дней проведу в одиночестве, но уж доверять этим... Ни за что! Ладно! Тогда

я оставляю вас в покое, немного отдохните, а в пять часов приду, приготовлю вам ванну.

Дорис ушла, а Сесили так и осталась сидеть неподвижно на кровати в прежней позе, сложив руки на коленях и тупо уставившись в окно. Она до сих пор ощущала присутствие Джулиуса внутри себя: болезненно ныли и воспалились все ее интимные части тела, лишнее напоминание о том, как ловко ее одурачили и обвели вокруг пальца. Сколько раз она раньше обзывала всяких легковерных женщин «тупицами», дескать, нельзя же быть такими наивными дурочками, чтобы верить всем этим сладким словам, которые расточает мужчина, добиваясь своего. И вот тебе, получай! Сама пополнила ряды этих самых дурочек.

Но ведь он ни разу даже не упомянул о существовании Вероники, не говоря уже о предстоящей женитьбе...

Если только он не собирается расторгнуть помолвку и потому так спешно отправился в Лондон.

– О, нет, Сесили! – прошептала она, повесив голову и раскачивая ее ритмично из стороны в сторону. – Нельзя быть такой наивной. Ты же понимаешь, что ничего подобного он делать не станет.

Слезинка выкатилась из глаза и одиноко покатила по ее щеке, но Сесили поспешно смахнула ее прочь. Больше она не будет заниматься самобичеванием. Хватит! Все свершившееся – дело ее рук. Проявила верх глупости, несмотря на весь свой хваленый ум. Она оказалась настолько *глупой*, что сейчас не заслуживает и грана жалости или сострадания.

Через какое-то время Сесили поднялась с кровати, подошла к чемодану, заперла замки на ключ, после чего уселась сверху на крышку.

Одно она знала наверняка: больше она не поверит ни одному мужчине. Никогда!

Озеро Наиваша, Кения

– Добро пожаловать в мой дом Мундуи-Хаус, дорогая девочка! – с ликованием в голосе воскликнула Кики, легко спрыгивая с пассажирского места в белом «бугатти», на котором они проделали

сюда более чем трехчасовой путь из Найроби и кузов которого был сейчас покрыт густым слоем красновато-бурой пыли. Почти всю дорогу Сесили ехала с закрытыми глазами: во-первых, пыль вокруг машины клубилась, как тот дым вокруг лампы Аладдина, от чего постоянно хотелось чесаться, а во-вторых и главным образом, потому что она слишком устала, чтобы держать глаза открытыми.

– О! – воскликнула Кики, воздевая руки к небу. – Как же я счастлива снова оказаться дома. Идем же, сейчас я покажу тебе все вокруг. Ты должна увидеть это собственными глазами, а потом мы отпразднуем твой приезд шампанским. А может, прямо сейчас, по глоточку, прежде чем отправляться на экскурсию? А вечером я приглашу на коктейль своих друзей, чтобы они могли познакомиться с тобой.

– Кики, я... После такой утомительной дороги я шага не могу ступить, – выдавила из себя Сесили, с трудом вылезая из машины и щурясь на непривычно ярком солнце, которое, казалось, насквозь прожигало сами зрачки. Она снова закрыла глаза, чтобы защитить их от столь интенсивного солнечного света, и ее немного повело в сторону, пришлось даже ухватиться за дверцу машины.

– Конечно-конечно, бедняжка! – Кики тут же подскочила к ней и подхватила под руку. – Алееки! – окликнула она кого-то. – Немедленно отведи мисс Сесили в дом, иначе она вот-вот лишится чувств. Проводи ее в Розовую комнату, в противоположном конце коридора от моей спальни. Ту самую, в которой жил Уинстон.

– Слушаюсь, *мемсахиб*.

Сильная рука стальными пальцами схватила Сесили за плечи.

Она открыла глаза, рассчитывая увидеть перед собой высоченного крепкого негра, но вместо огромного верзилы увидела тщедушного старика с птичьей наружностью, уставившегося на нее внимательным взглядом темно-карих глаз.

– Обопритесь на меня, *мемсахиб*, – сказал он ей.

И Сесили послушно повиновалась, чувствуя себя при этом крайне неловко от того, что прибегает к помощи человека, пожалуй, втрое старше ее самой. Единственное, что она успела заметить, пока он вел ее в дом, а потом сопровождал по лестнице наверх, так это то, как замечательно прохладно внутри, особенно после той изнуряющей

духоты, которая преследовала их на протяжении всей поездки на автомобиле сюда из Найроби.

– Вот ваша, комната, *мемсахиб*.

Сесили направилась напрямиком к мягкому креслу с высокой откидывающейся спинкой и рухнула в него, иначе упала бы прямо там, где стояла. Алееки подошел к кровати, откинул в сторону верхнюю простыню и одеяло. Господи, мелькнуло у нее, в такую жару они еще пользуются одеялами! Потом дернул за шнурок и привел в действие вентилятор, установленный под потолком.

– Ставни вам закрыть, *мемсахиб*?

– Да, пожалуйста.

Сесили издала облегченный вздох, когда ослепительный солнечный свет перестал проникать сквозь многочисленные створки окон.

– Принести вам чаю? Или лучше кофе?

– Нет, спасибо, ничего не надо. Лучше просто воды.

– Вода здесь есть. – Алееки указал на графин, стоявший рядом с кроватью. – И там внизу тоже. – Он махнул рукой на нижнюю полку стенного шкафа. – Вам помочь раздеться? Я позову служанку.

– Спасибо, не надо. Мне просто нужно немного поспать.

– Хорошо, *мемсахиб*. Если вам понадобится какая-то помощь, нажмите на звонок. Понятно? – Старик указал на кнопку звонка, вмонтированную в стену рядом с кроватью.

– Спасибо. Обязательно.

Наконец за слугой затворилась дверь. Сесили, преодолевая те несколько шагов, которые отделяли ее от постели, подумала, что от облегчения готова кричать во весь голос. Она с наслаждением откинулась на матрас. Конечно, надо было бы раздеться, ведь ее одежда грязная, пропиталась потом и пылью после такой долгой дороги, но это все потом...

Глаза ее закрылись сами собой, приятный ветерок от вращающегося вентилятора обдувал прохладой лицо, и Сесили тут же погрузилась в сон.

– Дорогая моя, пора вставать. Иначе потом ты не уснешь всю ночь. К тому же через час уже соберутся гости, мои друзья, которых я пригласила специально, чтобы познакомить с тобой.

Сквозь сон до Сесили долетел голос ее крестной матери.

– Я распорядилась, чтобы Мурата приготовила тебе ванну, а вот и бокал шампанского для того, чтобы ты окончательно проснулась.

– Я... а который сейчас час? – пробормотала Сесили хриловатым после сна голосом и сглотнула слюну, собравшуюся во рту. Глотать было больно, потому что в горле пересохло.

– Уже пять часов вечера, милая. Ты проспала беспробудным сном целых шесть часов.

«Я бы могла проспать так и целых шесть недель», – подумала про себя Сесили, с трудом отрывая голову от подушки и слепо шурясь на свою крестную мать.

Кики предстала перед ней свежая и благоуханная, словно только что распутившийся бутон розы, темные волосы собраны в красивый шиньон, на лице – безупречный макияж. Она была облачена в длинное вечернее платье из зеленого шелка, в тон платью были подобраны изумрудные серьги с бриллиантами и такое же кольцо. Словом, хозяйка дома была необыкновенно красива. Ничто в ее внешности не напоминало о том, что она только что пересекла сразу несколько континентов, вначале на самолете, потом на пароходе и наконец машиной. Интересно, что это Кики там прячет в своей сверкающей камешками вечерней сумочке, мелькнуло у Сесили. Но, что бы там ни было, она, судя по всему, готова была поделиться содержимым немедленно.

– Выпей, дорогая. Уверяю тебя, это самое лучшее средство, чтобы почувствовать прилив бодрости. – Кики протянула Сесили стакан, но та лишь отрицательно качнула головой, мысленно недоумевая, почему это все старшие так усиленно стараются сподать ее.

– Я не могу, Кики, честное слово.

– Хорошо. Но я оставлю это возле твоей кровати на тот случай, если ты вдруг передумаешь. Я тут порылась в твоём чемодане и кое-что подобрала тебе на вечер, попросила Мурату погладить платье. Теперь оно висит в твоём шкафу. – Кики жестом показала на стенной шкаф, расписанный в восточном стиле, легкой походкой прошла по комнате и принялась раздвигать ночные шторы, а потом открыла и

ставни. – В любом случае, тебе надо поторопиться, дорогая моя, иначе ты рискуешь пропустить свой первый закат солнца по приезде в Мундуи. Как бы плохо я себя ни чувствовала, но это зрелище всегда поднимает мне настроение.

Кики замерла на несколько секунд возле одного из окон, устремив взор куда-то вдаль. Легкий вздох сорвался с ее уст, но уже в следующее мгновение она снова стала прежней Кики, повернулась и с улыбкой взглянула на свою крестницу.

– Я так рада, что ты приехала ко мне, душа моя. Обещаю, мы тут с тобой устроим себе превеселую жизнь, и ты в два счета залечишь все свои сердечные раны. Итак, до встречи внизу ровно в шесть. – Кики стремительным шагом удалилась из комнаты, оставив после себя легкий шлейф аромата своих фирменных духов – что-то необычное и такое же экзотичное, как и она сама.

К этому моменту Сесили уже окончательно проснулась и почувствовала, что буквально умирает от жажды. Вынула пробку из фляжки с водой, лежавшей на прикроватной тумбочке, и с жадностью припала к воде: она была тепловатой на вкус и уже слегка застоявшейся. Но тут в дверь снова постучали, и на пороге появилась юная негритянка. Такое впечатление, что по ее выющимся волосам прошли бритвой, темные колечки кудрей плотно прилегли к коже головы. На служанке болталось простое хлопчатобумажное платье бежевого цвета, слишком большое для ее хрупкой фигурки. На вид девочке было не больше тринадцати-четырнадцати лет... «*Совсем еще ребенок*», – подумала Сесили.

– *Бвана*, ваша ванна готова. – Девушка махнула рукой на дверь за своей спиной, а потом поманила за собой Сесили.

Сесили нехотя сползла с кровати и проследовала за служанкой в соседнюю комнату, где стояла большая ванна, тут же находился и унитаз с огромным деревянным стульчаком, смахивающим на королевский трон.

Мурата жестом показала на кусок мыла, рядом с ванной лежали фланелевый халат и аккуратная стопка полотенец.

– Все хорошо, *бвана*? – спросила у Сесили девчушка.

– Да, все в порядке. Спасибо, – кивнула в ответ Сесили и улыбнулась служанке.

Если Сесили получала наслаждение от ваннных процедур, даже не задумываясь над этим, то сейчас она впервые в жизни поняла, что значит «наслаждаться, принимая ванну». Ее путешествие в Кению началось в Саутгемптоне и продлилось целых три, если не все четыре дня. Несколько раз их самолет совершал посадку для того, чтобы дозаправиться горючим. Последняя посадка произошла в каком-то местечке под названием Кисуму рядом с озером Виктория, хотя на тот момент Сесили уже абсолютно перестала ориентироваться и во времени, и в пространстве. Помнится, она с большим трудом выбралась из небольшого самолетика, и Кики отвела ее в какую-то хибару под железной крышей, стоявшую рядом с аэродромом, где они просто наспех обдали себя водой и тут же пересели на другой самолет, который наконец-то доставил их в Найроби. Получается, что уже целую вечность кожи Сесили не касалось мыло. Впрочем, целую вечность она также промучилась без сна, чему в немалой степени способствовало и настроение после того, как она покинула Англию...

Хорошенько отмокнув в воде, Сесили обозрела саму воду с грязными разводами на поверхности и явными следами грязи по краям ванны. Не мешало бы сполоснуться еще раз, уже в чистой воде, но времени на дополнительные водные процедуры не было. Да и потом, не стоит забывать, сколько галлонов воды перетаскали руки слуг, чтобы наполнить *для нее ванну*, потому как, оглядевшись по сторонам, Сесили так и не обнаружила водопроводного крана.

Вернувшись к себе в комнату, она постаралась успокоить себя хотя бы тем, что дом Кики совсем не похож на затрапезную грязную хижину, затерянную в джунглях, какую Сесили рассчитывала увидеть перед собой. Огромные квадратные окна в деревянных переплетах, высокие потолки, деревянные полы, все это сразу же напомнило старинные поместья в колониальном стиле, те, что она видела в Бостоне. Стены в ее спальне были выкрашены в белый цвет, который разнообразила яркая мебель с восточным орнаментом. По центру комнаты возвышалась массивная деревянная кровать, над которой свисал какой-то странный балахон, похожий на мелкую сетку. Сесили подошла к окну и впервые после своего приезда обвела взглядом окрестности.

И тут же приложила руку ко рту, невольно издав громкий возглас восхищения. А ведь Кики сказала ей правду: ослепительно красивый

пейзаж. Солнце уже висело низко на по-прежнему лазурно-голубом небе, освещая потоками золотистого света плоские кроны каких-то диковинных деревьев вокруг дома. Газоны, окружающие со всех сторон Мундуи-Хаус, плавно сбегали вниз, к берегам огромного озера, водная гладь которого вобрала в себя все краски вечернего неба, по которому сновали разноцветные птички, перелетая с одного дерева на другое. Таких насыщенных и ярких красок Сесили еще никогда не видела.

– Красота! – восторженно выдохнула она: пейзаж, распростершийся перед ее глазами, был поистине «библейским», как описала бы его одна из ее прежних подружек по колледжу, которая изучала в Вассаре теологию.

Впервые за все то время, что прошло после отъезда Сесили из Англии, пульс ее, который лихорадочно скакал, стоило ей только вспомнить о том, что они с Джулиусом натворили, не говоря уже о многодневной болтанке между небом и землей, плюс еще и морская качка на последнем этапе путешествия, так вот, впервые за все это время пульс ее стал замедляться. Сесили открыла окно и подставила лицо теплым струям воздуха, вслушиваясь в разноголосую переключку незнакомых птиц и животных, и вдруг подумала, как же далеко от нее сейчас отстоят и Англия, и Америка. Сесили действительно оказалась совершенно в другом мире, и почему-то именно в эту минуту у нее возникло странное ощущение, что именно это дивное место определит всю ее дальнейшую жизнь.

– *Бвана*, – раздался тихий голосок за спиной, и Сесили очнулась от собственных мыслей.

– Да... Слушаю...

– Нет, нет и еще раз нет! – Молоденькая служанка подбежала к ней. – Никогда, никогда! – повторила Мурата, плотно закрывая окно. – Только не вечером, – пояснила она, угрожающе помахав пальцем. – *Мбу!*

– Что? Прости, не понимаю.

Девочка энергично задвигала пальцами и издала негромкий жужжащий звук, а затем указала на сетчатый полог над кроватью.

– О, ты хочешь сказать, москиты?

– Да, да, *бвана*. Они очень плохие. – Мурата выразительно провела пальцем вокруг шеи, присовокупив к этому жесту

взволнованное выражение лица, потом еще раз проверила, плотно ли закрыто окно, и, убедившись, что все в порядке, поставила его на защелку, чтобы никакие москиты не сумели пробиться в комнату, даже если они вознамерятся вскрыть замки. – Только не на ночь. Понятно?

– Да, понятно! – Сесили чересчур экзальтированно закивала головой, а сама вспомнила про хинин, который якобы помогает при малярии. Мама ведь настояла на том, чтобы этот препарат был включен в ее дорожную аптечку, которую порекомендовал взять с собой их семейный врач.

Между тем девчушка подошла к стенному шкафу и извлекла из него то самое платье, в котором Сесили должна будет предстать перед гостями Кики сегодня вечером.

– Вам помочь?

– Нет, спасибо, сама справлюсь.

– *Акуна матата, бвана*, – прошептала в ответ девочка и проворно скрылась за дверь.

* * *

– Моя дорогая! – громко приветствовала Кики крестницу, которая появилась на террасе в сопровождении Алееки. – Ты как раз вовремя! – Кики взяла Сесили за руку и повела вдоль террасы, потом они спустились вниз и побрели к воде, петляя между странными деревьями с необычными плоскими кронами – такое впечатление, что деревья растут вниз, а не тянутся вверх, к свету. – Я так рада, что гости еще не начали собираться и мы можем встретить твой самый первый закат в Кении только вдвоем. Разве это не захватывающее зрелище?

– Да, – согласилась Сесили, наблюдая за тем, как солнце после долгого-долгого дня садится за горизонт, освещая напоследок небо последними всполохами красно-оранжевого света. И сразу же грянул громкий и слаженный хор цикад, от пения которых, казалось, завибрировал сам воздух, еще не успевший остыть после полуденного зноя. Эта какофония звуков невольно заставила Сесили содрогнуться, у нее даже мурашки побежали по коже, и это несмотря на царящее тепло. По мере того как солнце клонилось все ниже и ниже к кромке

горизонта, усиливался и шум, создаваемый всевозможными звуками, пронизывающими пурпурно-лиловые сумерки.

– Не пугайся, милая, – тут же поспешила успокоить ее Кики. – Это всего лишь насекомые, птицы, животные прощаются и желают друг другу доброй ночи. Во всяком случае, мне так хочется думать, если только где-нибудь уже часа в три ночи мы не услышим рычание льва прямо здесь на террасе, у себя под боком. Шучу-шучу, конечно! Хотя однажды такое действительно приключилось. Но, слава богу, обошлось без жертв, и лев никого из нас не слопал. Когда ты немного придешь в себя после столь утомительной дороги, мы обязательно свозим тебя в буш на настоящее сафари.

Внимание Сесили привлекла неожиданно появившаяся рябь на спокойной глади озера.

– О, это всего лишь гиппопотам... Совершает свое вечернее омовение, – пояснила Кики самым обыденным тоном, раскуривая очередную сигарету в длинном мундштуке из слоновой кости. – Огромные и безобразные на вид эти гиппопотамы. Я всегда удивляюсь, когда вижу их, как они умудряются держаться на воде и не тонуть. Но на самом деле они душки. Никакого вреда! Ни за что не потревожат тебя, если сам не начнешь приставать к ним. – Кики медленно выпустила через нос струйку дыма. – Собственно, это правило номер один для всех, кто живет в Африке. Не тронь животное, и оно не причинит тебе вреда. Мы должны уважительно относиться к тем, кто поселился в этих местах раньше нас. И это относится не только к животным, но и к людям.

Внезапно прямо возле уха Сесили запищал комар, она досадливо отмахнулась от него, а про себя подумала, стоит ли ей уважать и комаров.

– И на комаров не обращай внимания, – продолжила свои рассуждения Кики, заметив движение руки Сесили. – Наверняка они тебя покусают, но, к счастью, смерть от малярии тебе не грозит. Со временем ты вообще приобретешь иммунитет и станешь нечувствительной к их укусам. А вообще-то при укусах хорошо помогает алоэ. Шампанского? – предложила Кики, когда они снова вернулись на террасу, где уже скопилась прислуга в ожидании распоряжений от хозяйки.

Несколько слуг, облаченных в униформу разнообразных бежевых оттенков, хлопотали вокруг стола, устраивая на нем некое подобие бара. Среди прочих Сесили узнала и Алееки, который помогал ей ранее. Он единственный выделялся среди других своим нарядом: серый жилет и длинный кусок какой-то материи в клетку, присобранный по талии на манер скорее юбки, чем брюк. На седой голове – аккуратная мягкая шапочка в пестрый рисунок, похожая по форме на феску. Алееки глянул на Сесили своими серьезными карими глазами и жестом пригласил ее пройти к бару.

– Может, мартини? – предложила Кики. – У Алееки всегда получается замечательный мартини. Превосходный вкус!

– Пожалуй, Кики, сегодня я обойдусь без спиртного. Слишком устала после дороги, и потом...

– Пожалуйста, нам два мартини, Алееки, – распорядилась Кики и доверительно взяла руку Сесили в свою. – Поверь мне, милая. Уж я-то привыкла колесить между континентами, и вот тебе мой дружеский совет. Самое лучшее, что ты можешь сделать, – это начать так, словно ты и не собираешься останавливаться на первой рюмке. Садись же! – пригласила Кики, когда они подошли к столикам, сервированным на террасе на манер уличных кафе.

– То есть, по-вашему, надо пить постоянно и без перерыва?

– Наверное, я бы покривила душой, если бы не сказала правду: здесь люди пьют много, больше, чем должно. С одной стороны, это позволяет притупить боль... Да и вообще делает жизнь во многих отношениях более приятной. Никто ведь не желает влачить свои дни до тех пор, пока им не стукнет далеко за восемьдесят, не так ли? К превеликому сожалению, большинство из тех, кого я бы отнесла к числу людей, умеющих повеселиться на славу, уже ушли в мир иной. Увы-увы!

Кики издала хрипловатый смешок, когда Алееки подал им мартини. И сразу же схватила свой бокал. Сесили, боясь показаться грубой, сделала то же самое.

– За твое здоровье, радость моя! И добро пожаловать в Кению.

Они чокнулись, и Кики залпом осушила свой бокал до дна. Сесили сделала небольшой глоток и чуть не поперхнулось от крепости напитка.

– А сейчас, – Кики постучала пальцами по своему стакану, показывая Алееки, что ей нужна очередная порция, и стакан тотчас же забрали и наполнили заново, – я познакомлю тебя с несколькими весьма любопытными личностями, которые проживают по соседству со мной. Уверяю тебя, они *все до единого* очень интересные субъекты. Что и понятно. Заурядный человек не станет колесить по всему свету, чтобы в итоге осесть в такой стране, как Кения. Здесь ведь, с какой стороны ни взгляни, а жизнь все еще чертовски дикая. По крайней мере, таковой она была раньше. Алееки, заведи граммофон, будь любезен! Нам нужна музыка.

– Слушаюсь, *мемсахиб*, – поклонился слуга, вручая Кики свежую порцию мартини.

Сесили бросила внимательный взгляд на женщину, сидевшую рядом с ней: точеный профиль Кики четко выделялся на фоне вечернего неба насыщенного янтарного цвета, и Сесили вдруг подумала, что ее крестная мать, пожалуй, одна из самых загадочных личностей, с которыми ей довелось встречаться. На протяжении всего их долгого путешествия в Африку Кики то вдруг впадала в состояние эйфории, весело пританцовывая в узком проходе между креслами в салоне их самолета и распевая во все горло песенки Кола Портера, пока их аэроплан болтало из стороны в сторону и он то и дело исчезал в густых облаках, то неожиданно становилась необычайно задумчивой, а то и вовсе засыпала мертвецким сном. А когда они, наконец, пересели на самолет, на котором должны были преодолеть последний, завершающий этап своего перелета в Африку, Сесили неожиданно заметила, как Кики сосредоточенно грустно разглядывает пейзаж, лежащий внизу.

– Какая красота... И столько жестокости, – пробормотала она едва слышно, словно разговаривая сама с собой, и глаза ее заблестели от слез. Сесили знала, сколько утрат довелось пережить Кики за последние годы, но она всегда говорила об этом как-то опосредствованно, никогда не называя по именам тех близких людей, кого потеряла. Словом, несмотря на то что их целых четыре дня крючило и болтало бок о бок в летающей железной банке, Сесили ни на йоту не приблизилась к тому, чтобы получше узнать ту женщину, с которой они вместе отбыли из Саутгемптона. Хотя интуитивно почувствовала, какая ранимая душа скрывается у ее крестной матери

под внешней бравадой, и это при всей ее необыкновенной красоте, «несметных», по словам мамы, богатствах и общепризнанном статусе в обществе, о котором сама Сесили даже не смела мечтать.

Впрочем, стоило первым гостям подняться по ступенькам террасы, как их встретила, как всегда, жизнерадостная и уверенная в себе Кики.

– Мои дорогие, ну вот я и вернулась наконец! – Кики подхватила со стула и поспешила навстречу гостям, чтобы сердечно обнять их. – Ну, рассказывайте же поскорее, что тут произошло за время моего отсутствия! Зная Долину, не сомневаюсь, что новостей куча. Не устану повторять снова и снова: после того, как я едва не отдала концы от пневмонии, которой переболела в Нью-Йорке, как все же здорово снова оказаться дома! А сейчас познакомьтесь с моей несравненной крестницей. Сесили, милая, познакомьтесь с Айдиной, одной из моих лучших подруг на всем белом свете.

Сесили поздоровалась с женщиной, облаченной в длинное вечернее платье из какого-то полупрозрачного дымчатого газа. Наверное, мама, увидев ее наряд, сразу же определила бы, что он сшит из самого лучшего и качественного шифона. Айдина пахла дорогими духами, на голове – модная короткая стрижка, а дуги бровей поражали своей безупречно ровной формой.

– А кто же это с тобой? – поинтересовалась у подруги Кики, с улыбкой глянув на высокого джентльмена, стоявшего рядом с Айдиной.

– Как кто? Это же Линкс! – ответила ей Айдина с ярко выраженным британским произношением. – Я же тебе о нем писала. Помнишь? Мы помолвлены и собираемся пожениться.

– Добрый вечер, Сесили, – поздоровался Линкс, взял руку Сесили и поднес к своим губам. Сесили увидела перед собой мужчину с красивыми правильными чертами лица, который обзрел ее внимательным взглядом. Острые, умные глаза, как у рыси, в честь которой он и получил свое имя.

– Как я рада познакомиться с вами, моя дорогая! – прошептала Айдина. – Полагаю, Кики вам уже успела порассказать обо всех моих похождениях за все то время, что я живу в Кении.

– О, она была весьма немногословна и предельно сдержанна.

– Правда? Это как-то совсем на нее не похоже! Впрочем, я уже исправилась и теперь веду себя как настоящая пай-девочка. Ты согласен со мной, Линкс?

– Очень надеюсь, что это так, дорогая, – ответил он как раз в тот самый момент, когда к ним подошел Алееки с подносом, уставленным шампанским и мартини. – Однако из того, что мне порассказывала Айдина о вашем житье-бытье в Кении, чувствую, что я многое потерял по части развлечений.

– Вообще-то люди здесь не привыкли к подобным забавам, но мы старались изо всех сил, чтобы заработать себе скандальную репутацию, а потом на протяжении многих лет всячески поддерживали ее, верно, Кики? – Айдина лукаво подмигнула подруге.

Довольная тем, что ей не нужно было участвовать в этой милой светской болтовне, и по-прежнему чувствуя себя безмерно усталой, Сесили сидела на стуле, с трудом стараясь держаться ровно, чтобы – не дай Бог! – не заснуть прямо за столом. Айдина и Кики в это время с удовольствием сплетничали о своих общих знакомых, а Линкс терпеливо слушал их, усевшись рядом со своей невестой.

Сесили увидела, как Алееки подал на стол самовар золотистого цвета. Кики тут же сняла с него крышку, и все увидели небольшую горку какого-то белого порошка внутри, а рядом – несколько тоненьких бумажных трубочек. Кики, продолжая начатый разговор с Айдиной, подвинула самовар поближе к себе, затем взяла одну из трубочек и отсыпала на стол немного порошка. Потом вставила трубочку в нос, наклонилась над столом и сделала глубокий вдох. После чего извлекла трубочку из ноздри, смела остатки порошка и передвинула самовар поближе к Айдине, которая в точности повторила всю процедуру.

– Хочешь попробовать, милая? Это позволит тебе еще немного продержаться без сна, – обратилась Айдина к Сесили.

– Я... то есть нет, не хочу. Спасибо.

Поскольку Сесили и понятия не имела, что это за порошок, который нюхают дамы, и почему они не берут его прямо в рот, а только нюхают, то решила не рисковать.

– Алиса! Моя дорогая! – Кики снова подхватилась со своего места и понеслась навстречу еще одной даме, появившейся на террасе. Шелковое платье небесно-голубого цвета плавно скользило вниз,

обволакивая ее хрупкую фигурку. Широко расставленные карие глаза, коротко постриженные темные волосы, красиво обрамляющие овал ее утонченного лица. – А вот и наша грешная Мадонна собственной персоной! – Кики тепло обняла вновь прибывшую гостью. – Спасибо, дорогая, что не явилась ко мне в своем фермерском облачении. О, да вы только взгляните, кого она притащила с собой!

– По правде говоря, скорее уж он притащил меня с собой, – ответила Алиса.

Сесили тотчас же узнала мужчину, хотя он выглядел несколько иначе, чем в их последнюю встречу в Нью-Йорке, – это был капитан Тарквин Прайс. На сей раз он предстал перед ней в военной форме, и это несмотря на духоту, не спадавшую даже вечером.

– Простите, но у меня не было времени переодеться, я прямо из Найроби, а добраться до фермы Алисы, чтобы забрать ее, это тоже, доложу я вам, еще та поездка.

– Не переживайте, мой дорогой Тарквин! Вы смотрите в этой форме настоящим франтом, – поспешила успокоить его хозяйка, сопровождая гостей к столу. – А теперь взгляните, кого *уже* я умудрилась вытащить сюда с Манхэттена! – Она жестом указала на Сесили.

– Боже правый! Глазам своим не верю! Мисс Хантли-Морган... Вот мы и встретились снова. Рад, что вы, несмотря ни на что, рискнули отправиться в это путешествие, – многозначительно обронил Тарквин.

Сесили поднялась со стула и позволила, чтобы ее вежливо расцеловали в обе щеки. Тарквин взял с подноса бокал с шампанским и уселся рядом с ней.

– Ну, и как вам дорога сюда?

– О, она показалась мне очень длинной, – ответила Сесили, сделав небольшой глоток из своего стакана с мартини. – И очень пыльной.

– Но вы же довольны, что приехали, правда? Вы не находите, что ваша крестная мать живет в необыкновенном месте?

– Пока не могу сказать ничего определенного, потому что большую часть дня я проспала. Но солнечный закат поразил меня своей красотой: невероятно красивое зрелище, и озеро тоже просто завораживает. А купаться в нем можно?

– Можно, если только не боитесь столкнуться нос к носу с каким-нибудь гиппопотамом. Ну, и конечно, крокодилы... Куда же без них?

– Крокодилы?!

– Шучу, Сесили, шучу. Конечно, можете плавать в озере, сколько вашей душе угодно. В нем вода такая замечательно прохладная. Я сам каждое утро в обязательном порядке окунаюсь в озеро по нескольку раз. В любом случае, я говорю вам: добро пожаловать в Кению. Честно признаюсь, ваш приезд изрядно удивил меня. Требуется немалое мужество, особенно когда речь идет о представительнице слабого пола, чтобы отважиться на такое путешествие.

– Постараюсь обжиться в здешних краях, потому что пока не планирую скорое возвращение домой.

– И вы абсолютно правы, потому как нужно время, чтобы привыкнуть к здешним реалиям. Здесь ведь все иначе, чем в Нью-Йорке, можно сказать, совсем другая планета. Но, коль скоро вы приехали в Кению, вы должны понять и полюбить ее. И забудьте начисто про ту Сесили, которая обитала на Манхэттене, со всеми ее надуманными и навязанными извне предрассудками и фобиями. Получайте наслаждение от каждой секунды, прожитой на этой земле.

– Постараюсь последовать вашему совету, но пока я ужасно хочу спать. – Сесили с трудом подавила еще один зевок. – Кики предложила мне попробовать вот это. – Она указала жестом на самовар. – Сказала, что это придаст мне бодрости и поможет отогнать сон, но я не решилась. Честно сказать, я даже не знаю, что это за порошок.

– Это, моя дорогая Сесили, – Тарквин наклонился к ней поближе, – в высшей степени порочное и к тому же запретное вещество под названием кокаин.

– Кокаин! Не может быть! То есть я, разумеется, слышала о нем, но никогда не видела его своими глазами. Ведь это же противозаконно! Полицейские могут явиться сюда в любую минуту и арестовать Кики, разве не так?

– Моя дорогая девочка! Мы здесь и *есть те самые полицейские!* – Тарквин издал короткий смешок. – Со временем вы поймете, что в Долине Счастья возможно все, – добавил Тарквин, пока они вместе с Сесили наблюдали за тем, как Кики делает еще одну затяжку зелья из самовара.

– А вы сами когда-нибудь пробовали? – спросила у него Сесили.

– Как известно, джентльмен не должен лгать, а потому я покривил бы душой, если бы сказал «нет». Пробовал однажды, совершенно невероятные ощущения, но категорически не рекомендовал бы молоденьким леди, таким, как вы, приобщаться к этому делу. Полагаю, вы знаете не хуже меня, сколь тяжелыми выдались последние годы в жизни вашей крестной матери. Как говорят в таких случаях, сгодится все, что поможет пережить долгую ночь. Ни вы, ни я тем более не вправе судить ее за это.

– Нет, конечно, я не сужу. Но не хочу, чтобы она заболела через это или подхватила что-нибудь еще.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, Сесили, но, как я уже говорил, обычные правила и установки не распространяются ни на Кики, ни на Кению. Помните об этом все время, вот вам мой самый главный совет.

Спустя пару минут Тарквин отошел от нее, вероятно, намереваясь побеседовать кое с кем из гостей о вещах гораздо более интересных. А Сесили была довольна тем, что могла просто сидеть и наблюдать за гостями, время от времени ее знакомили с кем-нибудь из очередных, преимущественно пожилых приятелей и приятельниц Кики. Между гостями сновал Алееки в сопровождении толпы слуг, они постоянно подливали собравшимся выпивку, разносили круглые подносы со всевозможными канапе. И тут до Сесили дошло, что у нее с самого утра крошки во рту не было, а потому она взяла для пробы яйцо, приготовленное с какими-то пряностями и специями, осторожно откусила небольшой кусочек и, к своему удивлению, тотчас же почувствовала знакомый домашний вкус. Сказать по правде, она предполагала, что гостей будут потчевать по меньшей мере антилопой, зажаренной на вертеле над огнем костра, но вместо экзотики гостям подавали чисто американские деликатесы. Перепробовав по паре штук всех канапе, попавшихся под руку, Сесили увидела, как ней приблизился Алееки и, склонившись, прошептал на ухо:

– Хотите, *мемсахиб*, я приготовлю вам сэндвич? А еще на кухне есть суп.

– О, спасибо, но не надо. Мне вполне хватило канапе. Они просто божественно вкусны, – ответила Сесили, тронутая заботой Алееки, от которого, судя по всему, не укрылся ее зверский аппетит.

– Грустите в одиночестве, дорогая, уже напрочь забытая своей крестной матерью?

Рядом с ней присела Алиса, та самая дама в небесно-голубом платье, прибывшая на вечеринку в сопровождении Тарквина.

– Однако не обижайтесь на нее. Думаю, к окончанию гулянки она забудет не только о вас, но и как ее зовут, – хрипло хохотнула Алиса. – По-моему, я однажды встречалась с вашей матушкой в Нью-Йорке. Она живет в таком красивом особняке, окруженном со всех сторон небоскребами. На Пятой Авеню, кажется?

– Да. Она... мы там живем, – ответила Сесили, взглянув Алисе в глаза. Красивые глаза, но какие-то стеклянные. – Я... то есть, я хочу спросить, а вы живете неподалеку? – добавила Сесили, запинаясь, мучительно ища тему для продолжения разговора.

– Все зависит от того, что именно понимать под словом «неподалеку». В принципе не так уж и далеко, если лететь, как ворона. Но, к сожалению, мы, жалкие людишки, не вороны и летать не можем. Руки-ноги у нас есть, а вот крыльев, способных поднять нас в воздух, нет. Вы обязательно должны как-нибудь наведаться ко мне на ферму. Я познакомлю вас со своими животными.

– А какие у вас есть животные?

– О, всякие, на любой вкус. Несколько лет у меня даже жил детеныш льва, но потом он подрос, стал большим, пришлось отпустить его на волю.

– Настоящий лев?

– Да. Надеюсь, вы не любительница оружия, так?

– Не знаю. Я никогда не держала в руках оружие. И уж тем более не стреляла из него.

– Хорошая девочка! И в будущем не делайте этого. У животных ведь тоже есть сердце, и они тоже разумные твари. И чувствуют они все точно так же, как и мы.

Мимо них прошествовала Айдина в сопровождении Линкса, того джентльмена, с которым она и приехала на вечеринку. Пара направилась напрямиком к озеру и вскоре растворилась в темноте.

– А знаете, Айдина была когда-то замужем за человеком, который был любовью всей моей жизни. – Алиса подавила тяжелый вздох. – Мы с ней обе делили его... Впрочем, все это было давным-давно...

– О! – только и нашлась Сесили, едва не поперхнувшись своим мартини после такого заявления. – И этот человек тоже сегодня здесь?

– Нет. Хотя он живет совсем рядом, можно сказать, за углом. У него тоже дом возле озера, Джин-Палас. Вот что я скажу вам, милочка. Не позволяйте этому Джоссу Эрроллу совратить вас. Так приятно будет знать, что нашлась хотя бы одна девственница, которая сумела защитить от него свою добродетель.

Сесили густо покраснела, и не потому, что ее уж столь шокировали слова Алисы – она уже успела понять, что дикие просторы Африки никоим образом не влияют на дикие нравы ее обитателей. Просто это лишний раз напомнило ей самой, что у нее больше нет добродетели, которую нужно защищать.

– Как вы там, в Америке, думаете, война будет? – спросила у Сесили Алиса, бросив рассеянный взгляд на гостей, собравшихся на террасе.

– По-моему, все теряются в догадках на сей счет, – дипломатично ответила Сесили, стараясь как-то поддержать разговор, хаотично перепрыгивающий с одной темы на другую. И все же что-то в этой женщине ей определенно нравилось, хотя она и производила впечатление немного не в себе.

– Очень надеюсь, что войны все же не будет. В противном случае это будет означать конец всему тому, что мы имеем здесь. Наверняка Джосс тоже отправится на фронт. А я не смогу вынести, если он погибнет! Понимаете меня? – С этими словами Алиса поднялась со своего места. – Рада была познакомиться с вами. Обязательно постарайтесь в скором времени навестить меня.

Сесили молча проследила взглядом за тем, как Алиса смешалась с остальной толпой на террасе. Несколько гостей уже начали танцевать под граммофон, издававший неприятный металлический скрежет. Сесили увидела, как одна из танцующих впиалась в своего партнера откровенным поцелуем, а он в это время плотоядно скользил рукой по ее спине.

– Пора спать, – вздохнула Сесили и тоже поднялась из-за стола. И вдруг услышала взрыв смеха, доносившийся откуда-то со стороны озера, повернула голову, глянула туда и увидела спины двух полностью голых людей, погружающихся в воду. Еще раз вздохнула и направилась к себе в спальню. По крайней мере, там хотя бы будет тихо и спокойно.

Сесили проснулась на рассвете. Ее разбудила самая настоящая какофония звуков: трели, щебет, карканье, громкая перекличка незнакомых птиц и зверей, приветствующий наступление нового дня. Какое-то время Сесили лежала неподвижно, отчаянно пытаясь снова заснуть. Практически всю ночь она промучилась без сна: мешало шумное веселье гостей, противный скрежет граммофона, барабанившего на полную громкость, наверное, до четырех утра прямо под окном ее спальни. Но даже и потом, когда затихла музыка, она слышала приглушенные вскрики и смешки, доносившиеся уже из самого дома. Словом, если можно чувствовать себя безмерно уставшей, проснувшись поутру, то это было именно то состояние, в котором сейчас пребывала Сесили. Усилив воли она снова попыталась закрыть глаза, но хор, славящий восход солнца, стал лишь еще пронзительнее и громче.

– К чертям все! – выругалась она, поняв, что как бы ни старалась она считать воображаемых овец или львов, ей больше не уснуть, а потому поднялась с постели, пару секунд возилась, чтобы выпутаться из mosquito-сетки, а затем подошла к окну и раздвинула ночные шторы.

– О, боже! – воскликнула она в немом восхищении, потому что прямо перед ней на зеленой лужайке, ведущей к озеру, стоял самый настоящий живой жираф и лениво жевал листву, обрывая ее с плоской кроны одного из деревьев.

Несмотря на усталость и общее нервное потрясение от всего того, что она лицезрела за минувшую ночь, до сих пор отдававшегося неприятными спазмами в животе, Сесили почувствовала, что непроизвольно улыбается. И тут же бросилась на поиски фотоаппарата, который преподнес ей отец в качестве прощального подарка перед отъездом сюда. Однако она и понятия не имела, куда именно его засунула Мурата, распаковывая ее вещи. Когда же наконец фотоаппарат отыскался, то жираф уже ушел прочь. Впрочем, и без жирафа вид, открывшийся из окна, был просто фантастически

красивым. Пожалуй, от подобной красоты у любого взрослого человека слезы наворачиваются на глаза.

Несмотря на то что еще не было и семи утра, небо уже сияло призывной бирюзой, первые солнечные блики заскользили по водной глади озера. Сесили подошла к стенному шкафу, чтобы выбрать себе какое-нибудь легкое хлопчатобумажное платье, которые Кики порекомендовала ей прихватить с собой из Нью-Йорка. Быстро оделась, торопливо прошлась расческой по своим непокорным кудрям, которые под воздействием жары стали еще более непослушными, потом открыла дверь, тихонько проскользнула по безмолвному коридору и на цыпочках спустилась вниз.

– Доброе утро, *мемсахиб*.

Сесили вздрогнула от неожиданности, но, повернувшись на голос, обнаружила перед собой Алееки.

– Хорошо выспались?

– О да, хорошо. Спасибо.

– Как насчет завтрака?

– Не откажусь, с удовольствием. Но вначале я все же немного прогуляюсь к озеру.

– Тогда я накрою вам завтрак прямо на веранде. К вашему возвращению все будет готово. Что желаете, чай или кофе, *мемсахиб*?

– Пожалуйста, кофе. Большое спасибо, Алееки.

Она направилась к выходу, но Алееки проворно опередил ее и распахнул перед ней дверь, сопроводив свои действия небольшим поклоном. На террасе не было видно никаких следов от вчерашней гулянки, наверняка слуги постарались и успели убрать все еще до восхода солнца. Сесили нацепила на нос солнцезащитные очки, чтобы хоть как-то уберечь свои глаза, непривыкшие к столь интенсивному солнечному излучению. Такое впечатление, что за минувшую ночь солнце подошло к земле еще ближе, сократив расстояние между ними на многие сотни миль. Сесили шла и размышляла об Алееки, которого сама Кики, как это она слышала собственными ушами, как-то раз любовно назвала «своим мальчиком на побегушках». Потом мысли ее плавно переключались на саму Кики. Поди, скоро появится на террасе, свежая, как только что распустившийся цветок, и это несмотря на то, что минувшей ночью она наверняка спала еще меньше Сесили. Остановившись у самой кромки воды, Сесили посмотрела влево и

увидела группу гиппопотамов, принимающих солнечные ванны на берегу буквально в нескольких сотнях ярдов от того места, где она остановилась.

– Невероятно! – прошептала она сама себе. – Неужели это я? И мне ничего не снится?

Она подошла к скамейке, продуманно установленной возле самой воды, и тут заметила белый дамский бюстгальтер, небрежно повисший на спинке сиденья. Вспомнила Айдину и ее жениха, которые ночью купались в озере голышом, и невольно хихикнула, подумав, стоит ли ставить Алееки в известность о своей находке. Впрочем, он со своей невозмутимостью и глазом не поведет, когда Сесили сообщит ему о женском лифчике. Пожалуй, его ничуть не выбило бы из равновесия, если бы она самолично вручила ему находку прямо за завтраком.

– Наверное, все же вчерашняя вечеринка-встреча по случаю возвращения Кики домой пошла немного не по тому сценарию, как это было задумано изначально, – сказала Сесили вслух, обращаясь к какой-то птахе с пронзительно ярко-голубым и зеленым оперением, усевшейся на дереве рядом с водой. *«Да это же зимородок»*, – тут же догадалась Сесили, и, словно в подтверждение ее догадки, птичка, сорвавшись с ветки, свисающей над водой, сиганула прямо в воду, а через пару секунд вынырнула обратно на поверхность, держа в клюве рыбку.

Какое-то время Сесили сидела неподвижно, чувствуя приятную расслабленность во всем теле и наблюдая за тем, как оживает природа и все ее обитатели, вступая в новый день. И пусть себе люди, размышляла она, все, кто и сейчас продолжают спать мертвецким сном в доме у нее за спиной, пусть все они ведут себя так, как им заблагорассудится, все равно ведь природа живет по своим собственным законам, подчиняясь своему ритму и распорядку, и нужно постараться во что бы то ни стало слиться с ней и стать ее частью.

Постепенно солнце стало припекать все сильнее, и Сесили заторопилась в тень, на веранду, чтобы хоть немного защитить голову. И как это она забыла надеть шляпу? Здесь без нее никак, даже ранним утром. В противном случае скоро все ее лицо покроется веснушками и станет похожим на кожу леопарда. Сесили возвращалась через сад, окружающий дом со всех сторон и простирающийся вплоть до самой

террасы: вокруг обилие цветов, источающих сладкий аромат, и всяких экзотических растений, названий которых она даже не знала. Солнце уже успело нагреть траву под ногами, и воздух наполнился несмолкаемым гулом всевозможных насекомых, которые проворно сновали между цветов, лакомясь их нектаром.

– Все готово, *мемсахиб*, – объявил Алееки, стоило Сесили лишь ступить на веранду, и тут же услужливо выдвинул ей стул из-за стола. Стол был уже полностью сервирован и уставлен корзинками и серебряными блюдами со всевозможными сладостями.

– Спасибо, – поблагодарила Сесили, чувствуя легкое головокружение от переизбытка солнца.

– Вот! – Алееки подал ей стакан воды и веер. – Очень помогает в жару. Вам налить кофе?

– Да, пожалуйста. – Сесили опустилась на стул и сразу же принялась обмахиваться веером. – Боже, какая сегодня жарница!

– У нас здесь так каждый день, *мемсахиб*, но вы скоро привыкнете к жаре. – Алееки щелкнул пальцами, и тут же на веранде появился еще один слуга с огромным опахалом. Он стал интенсивно размахивать им в разные стороны, и Сесили сразу же почувствовала себя лучше.

– *Мемсахиб* всегда должна носить шляпу, это очень важно, – наставительно заметил Алееки. – Вам кофе с молоком?

– Спасибо, мне черный. И пожалуйста, скажите, чтобы уже перестал махать. А в какое время обычно завтракает моя крестная?

– О, хозяйка крайне редко поднимается с постели раньше полудня. Вот, пожалуйста, фрукты, овсянка, свежий хлеб, домашнее повидло, мед. Можем сделать вам тосты, если захотите. Есть еще яйца. Предпочитаете яичницу-глазунью?

– Спасибо, но всего и так более чем достаточно, – ответила Сесили, указывая на изобилие, царящее на столе.

Алееки отвесил свой обычный поклон и удалился в дальний угол веранды. Сесили отхлебнула кофе и подумала, что ее сейчас обслуживают, словно в каком-то тропическом варианте фешенебельного ресторана типа «Вальдорф Астория». Вкуснейшая еда, намного вкуснее той, что готовит их домашний повар на Манхэттене. *Да и вся прислуга* гораздо более исполнительна и внимательна.

Когда Алееки налил вторую чашку кофе, который Сесили принялась пить вприкуску с большим ломтем свежайшего и вкуснейшего белого хлеба, изрядно сдобренного медом, она наконец повернулась в его сторону.

– Как давно вы работаете на мою крестную?

– С тех самых пор, как она сюда переехала и построила этот дом. Уже много лет, *мемсахиб*.

– Хотелось бы взглянуть, что там за теми деревьями. – Сесили рукой показала в ту сторону, где росли деревья, окружающие сад и дом. – Что там находится?

– По одну сторону – животноводческая ферма, по другую – конюшни, в которых *мемсахиб* содержит своих лошадей. Если после завтрака захотите покататься верхом, я распоряжусь подыскать вам хорошую лошадку.

Перед мысленным взором Сесили мгновенно пронеслись картинки недавнего прошлого: они с Джулиусом несутся вскачь по еще мерзлой земле английского парка, а потом разводят огонь в том сараюшке-беседке посреди поля и согревают друг друга, лежа возле камина.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, Алееки. Я все еще не вполне оправилась после дороги.

– Конечно, *мемсахиб*. Так что насчет яичницы?

– Спасибо, не надо, – пробормотала Сесили немного расстроенным тоном. Воспоминания о Джулиусе мгновенно нарушили безмятежное состояние ее души, и красота самого первого утра пребывания в Кении тут же растаяла бесследно.

* * *

Было уже два часа дня, когда Сесили увидела свою крестную мать, появившуюся наконец на веранде. Последние несколько часов Сесили провела у себя в комнате, спасаясь от полуденного солнца и пытаясь фотографировать под самым разным ракурсом виды, открывающиеся из окна спальни. Еще бы найти, где можно проявить фотопленку, чтобы затем отправить фотографии своим родным. Сесили написала родителям длиннущее письмо на толстой веленовой

бумаге, которую принес ей Алееки: в письме она подробно живописала все (ну, или почти все) свои приключения, которые пережила, добираясь в такую даль. Писала и чувствовала, как в некоторых местах слезы сами собой наворачиваются на глаза, еще никогда раньше она не испытывала такой тоски по родному дому.

– Сесили, дорогая моя! Ты спишь? – услышала Сесили громкий голос под своим окном.

«Если бы даже и спала, то ты наверняка бы сейчас меня разбудила...»

Она высунула голову в окно.

– Нет, я не сплю. Пишу письмо родителям.

– Тогда немедленно спускайся вниз!

– Сейчас иду. – Сесили со вздохом отложила письмо в сторону и направилась вниз.

– Шампанского? – тут же предложила Кики, стоило Сесили приблизиться к столу. Крестная мать коротала время в одиночестве, бутылка шампанского в ведерке со льдом и пачка «лаки страйк», судя по всему, составляли весь ее утренний рацион.

– Нет, спасибо. У меня еще полный живот после обеда.

– Пожалуйста, прими мои извинения, дорогая. – Кики глубоко вздохнула, отхлебнула большой глоток шампанского и тут же потянулась за своим мундштуком. – Вечеринка вчера затянулась допоздна.

Сесили подумала про себя, что на самом деле Кики не испытывает никаких угрызений совести на сей счет.

– Ну и как тебе мои друзья? Надеюсь, они были обходительны с тобой? Во всяком случае, я их настоятельно просила об этом.

– О, все очень милые люди. Спасибо, все было хорошо.

– Между прочим, ты сразу же приглянулась Алисе. Представь, завтра она приглашает нас на чай на свою ферму Ванджохи. А тебе самой Алиса понравилась?

– Весьма. По-моему, она очень интересная женщина...

– Что да, то да! Знаешь, несколько лет тому назад ее судили за то, что она выстрелила в своего любовника прямо на железнодорожном вокзале в Париже.

– Бог мой! Так это была она? – Сесили тут же вспомнила, что рассказывала ей мама об этом скандальном происшествии.

– Да, это была именно она. К счастью, она стреляла в Париже, в городе, где хорошо понимают, что такое настоящая любовь. А потому ее не уперли в тюрьму за совершенную попытку преднамеренного убийства. Нет, она на самом деле сумасшедшая, эта женщина... Но я все равно ее обожаю.

– Она рассказывала мне, что однажды держала у себя детеныша льва в качестве домашнего любимца.

– Ах, это! Милый крошка Самсон... Да, было такое... Она отпустила его на волю лишь тогда, когда он стал каждую неделю уминать по две зебры. – Кики сделала еще один глоток шампанского. – Алееки хорошо за тобой ухаживает?

– О да! Выше всяких похвал. Чудесный человек! – поспешила Сесили похвалить слугу. – Кстати, а как отсюда можно отправить письмо родителям?

– Нет проблем. Отдай письмо Алееки, и он сделает все как надо.

– Хорошо! А где здесь ближайший город?

– Все зависит от того, что тебе надо. Самый ближайший населенный пункт от нас – это Гилгил, но это железнодорожный узел, и там день и ночь грохочут поезда. Потом, конечно, Найроби, город, в котором мы вчера приземлились. А еще Ниери, он несколько дальше от нас, по другую сторону горного хребта Абердаре. Но зато он пользуется особой популярностью у всех обитателей Долины Ванджохи.

– Долина Ванджохи?

– Ну, да. Именно там и живет большинство моих вчерашних гостей, включая Алису. Завтра увидишь эти места своими глазами, когда мы поедem к ней на чай. К сожалению, сегодня я не в самой лучшей форме. Наверное, как и у тебя, сказываются все тяготы нашей поездки, не говоря уже о недавно перенесенном бронхите. Алееки покажет, где у нас тут библиотека, если ты захочешь что-то почитать. А мы с тобой встретимся за ужином ровно в восемь. Ладно?

– Ладно.

И, словно по волшебству, хотя Сесили и не заметила, чтобы Кики дала какой-то знак, перед хозяйкой тут же возник Алееки. Кики медленно поднялась со своего места и, взяв его за руку, побрела обратно в дом.

Одеваясь к ужину, Сесили продолжала размышлять обо всем, что ей было известно о своей крестной матери. Владелица огромного состояния, наследница, более того, связанная родственными узами с такими знаменитыми семействами, как Вандербильты и Уитни. С первым своим мужем Кики развелась и вскоре вышла замуж за Джерома Престона: когда-то еще совсем юной девушкой Сесили встречалась с ним. Помнится, он поразил ее тогда своей красотой и живым, общительным нравом. Вся их семья была потрясена, когда они узнали о его внезапной и неожиданной смерти, случившейся пять лет тому назад. А вскоре, буквально спустя пару лет, за ним последовал свояк Кики, муж ее сестры. И наконец совсем недавно в страшную автомобильную аварию попал Уильям, любимый кузен крестной, после этой аварии его полностью парализовало.

И вот сейчас, в эту самую минуту, Кики лежит в своей спальне в нескольких ярдах от Сесили, пребывая в полном одиночестве.

– И она такая печальная, – грустно вздохнула Сесили. Это откровение пришло ей в голову неожиданно, и она снова меланхолично повторила: – Она такая печальная.

14

– К сожалению, хозяйке сегодня опять нездоровится, – объявил Алееки, стоило Сесили в полдень следующего дня появиться на террасе. Сесили уже была готова отправиться на чай к Алисе на ее ферму.

– Какая жалость! Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет-нет, все в порядке, *мемсахиб*. Думаю, к вечеру она вполне оправится от своего недомогания. Она велела передать, чтобы вы отправлялись в гости без нее. И прихватили с собой вот это в качестве ее извинений.

Алееки держал перед собой две объемные плетеные корзины, одну, уставленную бутылками с шампанским, а во второй, прикрытой сверху белой льняной салфеткой, наверняка всякие вкусные деликатесы, как предположила Сесили.

Она пошла вслед за Алееки, они обогнули дом с обратной стороны, где их уже поджидала машина. Алееки открыл заднюю дверцу «бугатти», как всегда, машина вычищена и надраена до блеска,

солнечные лучи отражались в ее сверкающем белом капоте всеми цветами радуги. Но в самом салоне стояла ужасная духота, и Сесили, усевшись на кремовое кожаное сиденье, немедленно передвинулась к открытому окошку и стала лихорадочно обмахиваться веером.

– Это Макена, *мемсахиб*, наш шофер, он и доставит вас на ферму Ванджохи.

Мужчина, облаченный в белоснежную униформу, отвесил Сесили вежливый поклон. Она смутно припомнила, что это тот самый человек, который привез их с Кики сюда из Найроби.

– Увидимся за ужином, мисс Сесили, – попрощался с ней Алееки, захлопывая дверцу машины, а Макена между тем уже включил двигатель.

Путешествие вдоль озера оказалось приятным, вскоре они миновали какой-то небольшой поселок городского типа. «*Наверное, это Гилгил*», – догадалась Сесили, увидев железную дорогу, проложенную прямо по центру поселения. Постепенно поездка становилась все более и более интересной. Мощный мотор машины то и дело захлебывался, преодолевая бесчисленные рытвины и канавы на неровной дороге, которую в Америке иначе чем «проселочной» и не назвали бы; Сесили невольно улыбнулась, подумав о том, как все это похоже на Кики – купить себе самый шикарный и стильный лимузин, совершенно непригодный для местных условий. Но вот впереди замаячила густая сочная зелень, показались горные хребты, вершины которых терялись в нависших облаках. Ей хотелось расспросить Макену, узнать, что это за горы, но после нескольких неудачных попыток наладить разговор Сесили поняла, что весь его багаж английских слов ограничивается несколькими бытовыми фразами. По мере того как они продвигались вперед, заметно похолодало, вдруг поднялся ветер, который тут же разметал волосы Сесили в разные стороны. Да и запахи вокруг были совсем иными, чем в Мундуи-Хаус: в воздухе явственно запахло скорым дождем, потянуло дымом из печных труб фермерских домов, мимо которых они проезжали.

– Боже правый! – искренне удивилась Сесили, обращаясь к самой себе, когда увидела домики, более уместные в какой-нибудь традиционной английской деревне, почти как те, что она лицезрела по пути в аэропорт в Саутгемптоне. Такие же ухоженные палисадники перед каждым домом с обильно цветущими кустами роз, жасмина и

ричардии, которые благоухали, наполняя воздух вокруг своими насыщенными ароматами.

Спустя два часа «бугатти» съехал на подъездную дорогу и остановился возле одноэтажного дома U-образной формы с такой же высокой крышей, как и в тех домах, мимо которых они проезжали. Наверное, подумала Сесили, выбираясь из машины, такие крыши хоть как-то защищают жилые помещения от обилия здешнего солнца. Вышла и невольно поежилась под порывом колючего ветра. Темно-зеленая живая изгородь окаймляла со всех сторон газон, по которому прогуливалась антилопа, лениво пощипывая траву. Заметив Сесили, она подняла голову, глянула на нее своими огромными темными глазами, а потом спокойно вернулась к своему прежнему занятию.

– Приветствую тебя, моя дорогая! Так все же ты рискнула и приехала!

Сесили повернулась и увидела спешащую ей навстречу Алису, облаченную в какую-то чересчур большую для нее рубашку и штаны-кюлоты цвета хаки.

– Привет! Ой, то есть, здравствуйте, Алиса, – немедленно поправила себя Сесили. – Вот засмотрелась... на ваши красоты. – Она снова глянула на утопающую в буйной зелени долину, сбегаящую вниз к реке.

– Потрясающий вид, да? Но когда видишь эту красоту изо дня в день, то постепенно перестаешь замечать ее.

– Когда я с родителями была в последний раз в Европе, то мы все вместе совершили короткую поездку из Лондона в Шотландское высокогорье. Должна сказать, что тамошние ландшафты немного похожи на то, что я сейчас вижу, – промолвила Сесили и тут впервые обратила внимание на то, что у хозяйки на шее удобно устроилось какое-то странное существо, крохотное, пушистое, с длинным острым носом и круглыми ушками. Оно почему-то напомнило Сесили брошенного несчастного котенка.

– А кто это? – поинтересовалась она у Алисы, направляясь вслед за ней к дому в сопровождении стаи собак, послушно следовавших за своей хозяйкой.

– О, это мангуст, ему всего лишь несколько дней от роду. Я нашла его в саду под кустом. Подкидыш! Пока у него еще нет имени, ведь если я его как-то назову, то мне волей-неволей придется усыновить

его, и постепенно я влюблюсь в эту тварь, и он станет спать вместе со мной в одной постели. Что, безусловно, будет нервировать моих собак, они же у меня ревнивые... Может, он вам придется по душе?

Алиса схватила мангуста, сняла его со своего плеча и, несмотря на все его брыкания, вручила в руки Сесили.

– Из него получится хороший домашний питомец, к тому же он отлично охотится на всяких паразитов и прочих ядовитых тварей.

– У меня никогда не было домашних животных, Алиса. Да и потом, я ведь приехала в Кению ненадолго. Будет неправильно, если я возьму его, а потом брошу.

– Жаль, очень жаль. Тогда мне не остается ничего другого, как снова отпустить малыша в дикую природу. А там его очень скоро слопают более крупные животные. Вообще-то мангусты отличаются особой живучестью, к тому же они защищают и оберегают нас, людей, в том числе и потому, что не боятся змей – змеиный яд на них не действует. Однажды у себя в спальне я обнаружила кобру. Так вот, мой маленький Бerti, еще один мангуст, который обитал у меня в доме на протяжении многих лет, немедленно прыгнул с постели и тут же придушил змею, защитив меня. Возьмите его хоть на короткое время. Уверяю, вы очень скоро привяжетесь к нему и перемените свое решение, – добавила Алиса, поднимаясь вместе с Сесили на широкую террасу, где уже сидело несколько гостей за длинным столом.

– Я... Ладно! – сдалась Сесили, одновременно пытаюсь утихомирить крохотное создание, которое отчаянно вырывалось из ее рук, намереваясь, судя по всему, перебраться к ней на плечо. – Да, совсем забыла сказать. Моя крестная не смогла приехать сегодня. Ей немного нездоровится. Она приносит вам свои извинения.

– Алееки мне уже позвонил и сообщил об этом, – беззаботно отмахнулась Алиса. – Что ж, нам достанется больше шампанского. А сейчас давайте откупорим первую бутылку и начнем веселиться, – предложила она собравшимся гостям, жестом указав на корзины, которые нес за ними Макена. – А это...

– Сесили Хантли-Морган.

Пытаясь совладать с непослушным мангустом и одновременно поздороваться со всеми гостями, Сесили искренне обрадовалась, увидев за столом пару молодых лиц.

– Дай-ка мне этого неслуха сюда! – Алиса забрала у Сесили мангуста и снова водрузила его себе на плечо. Зверек тут же с видимым удовольствием свернулся калачиком и мгновенно закрыл свои крохотные розовые глазки. – Присаживайся рядом с Кэтрин.

Сесили послушно уселась на предложенный ей стул, чувствуя себя немного не в своей тарелке после долгой дороги и первых бравурных мгновений встречи. Ей очень хотелось спросить, где у них здесь туалетная комната, чтобы хоть немного привести себя в порядок, но она постеснялась.

– Добрый день. Меня зовут Кэтрин Стюарт, – представилась ее молодая соседка, очень «домашняя» на вид, как сказала бы мама, увидев девушку. Кэтрин была явно склонна к полноте, что, впрочем, ее совсем не портило, по мнению Сесили; ее волосы яркого титанового цвета красиво обрамляли кудряшками белое личико, на котором выделялись голубые глаза, яркие, как сапфир, очень похожие на небо над их головами.

– А меня зовут Сесили Хантли-Морган. Очень рада познакомиться.

– Давно приехали к нам? – спросила Кэтрин с мягким британским акцентом.

– Нет, совсем недавно... Буквально пару дней тому назад. Мы прилетели сюда самолетом. Поездка была очень долгой и утомительной. Я еще не совсем отошла после дороги.

– Чай? Шампанское? – с улыбкой поинтересовалась Кэтрин, когда у них за спиной возник слуга, такой, судя по всему, здешний вариант Алееки, держа в руках поднос, на котором было и то и другое. Но, в отличие от Алееки, всегда одетого безупречно, слуга Алисы предстал перед ними в какой-то грязноватой белой робе, заляпанной пятнами, и с изрядно помятой красной феской на голове.

– Только чай, пожалуйста.

– Отличный выбор! Даже я, выросшая, можно сказать, здесь же, в Долине, никак не могу привыкнуть к тому, что некоторые из ее обитателей пьют спиртное днем. А иногда начинают прикладываться уже с самого утра, – добавила Кэтрин, чуть понизив голос.

Сесили посчитала невежливым комментировать слова практически незнакомого человека, а потому благоразумно промолчала, едва заметно кивнув в знак согласия.

– Думаю, в такое время дня чая для меня будет вполне достаточно.

– А у кого вы остановились, Сесили?

– У крестной матери, у нее свой дом на побережье озера Наиваша.

Там очень красиво, но намного жарче, чем у вас тут.

– Что и понятно. Мы же здесь находимся на высоте не менее десяти тысяч футов над уровнем моря. Тут порой по вечерам даже приходится разводить огонь в камине, чтобы согреться. Не удивительно, что многие из первых переселенцев обосновались именно в этих местах: здешний климат очень похож на английский и во многом напоминает родной дом.

– Я уже сказала Алисе, что окружающий ландшафт тут же напомнил мне Шотландское высокогорье, особенно, эта горная гряда пурпурно-фиолетового цвета, которая виднеется на горизонте.

– Между прочим, мой отец – шотландец, я и сама какое-то время обучалась в закрытой женской школе в местечке неподалеку от Абердина, – улыбнулась в ответ Кэтрин. – Именно в том месте и начинается Высокогорье.

– Так вы приехали навестить своих родителей? – Сесили откусила кусочек сэндвича с огурцом, которые подал им мальчик-слуга на серебряном подносе.

– Нет, я вернулась сюда навсегда. Мой отец приехал вместе с мамой в Кению в качестве миссионера, еще до моего появления на свет; к несчастью, мама несколько лет тому назад умерла, но папа, слава богу, жив-здоров и по-прежнему очень активен. К тому же здесь живет и мой жених Бобби Синклер. После свадьбы мы с Бобби переедем на ферму его родителей, они сами несколько лет тому назад уехали в Британию, а мы с Бобби намерееваемся снова возродить животноводческое хозяйство, а заодно отремонтировать и привести в порядок их старый семейный дом. – Кэтрин бросила влюбленный взгляд на плотного темноволосого мужчину с загорелым лицом, его густая шевелюра была испещрена многочисленными седыми нитями.

– А как вы познакомились?

– О, я знала Бобби с самого раннего детства, с тех самых пор, как стала здесь жить. Он старше меня на целых десять лет, но я обожала его всю свою жизнь. Помнишь, дорогой, ты никак не мог от меня отвязаться, когда я приезжала к родителям на каникулы? – обратилась она к своему жениху.

– Что правда, то правда. – Бобби ласково улыбнулся, глянув на невесту. – Такая приставучая была, словно крохотный моллюск какой. Никак не оторвешь от себя! Помню, всегда просила, чтобы я взял ее с собой на реку поплавать. Кто бы мог подумать тогда, что в один прекрасный день мы с Кэтрин поженимся?

Взаимная приязнь этих двух бросалась в глаза сразу же, а то обстоятельство, что молодые люди знакомы друг с другом с детства и теперь собираются пожениться, сразу же вызвало в памяти Сесили образ Джека. Усилием воли она заставила себя снова вспомнить слова той клятвы, которую дала себе, когда смотрела из иллюминатора самолета на расстилающиеся внизу просторы Африки, а самолет уносил ее все дальше и дальше от тех двух мужчин, которые окончательно погубили ее веру в романтическую любовь. Да, любовь со всеми ее радостями и горестями – это то чувство, от которого, пожалуй, Сесили надолго воздержится в будущем и уж точно не станет торопиться, чтобы испытать его снова.

– И как долго собираетесь у нас пробыть? – услышала она вопрос Кэтрин, оторвавшись от своих невеселых мыслей.

– Пока еще не знаю... Несколько недель, я думаю.

– О, в таком случае, если вы все еще будете в Кении на момент нашего бракосочетания, то обязательно приходите к нам на свадьбу. Я вас приглашаю! Нам позарез нужны гости моложе пятидесяти лет. Правда, Бобби?

– Правда. Но, надеюсь, меня-то ты не включаешь в категорию стариков, несмотря на всю мою седину.

– С удовольствием приду, если буду еще здесь. Спасибо за приглашение. – Сесили слегка понизила голос. – А вы не подскажете, где здесь...

– Уборная, вы хотите сказать? Конечно, подскажу. Пойдемте, я вас провожу.

Сесили проследовала за Кэтрин в дом, за их спиной послышался веселый смех собравшихся за столом – шампанское, которое передала сюда Кики, уже, судя по всему, полилось рекой. В доме было прохладно, но везде царил ужасный беспорядок, свора собак путалась под ногами, дорогая, красивая и, скорее всего, антикварная мебель была покрыта толстым слоем пыли, а сверху на ней громоздились горы бумаг вперемежку с книгами.

Справив нужду и приведя себя немного в порядок, Сесили снова вышла в коридор, а потом и во двор. Она услышала чьи-то громкие голоса, доносившиеся из постройки рядом с основным домом, и направилась в ту сторону. Оказалось, это кухня. Кэтрин что-то сердито выговаривала на незнакомом языке (наверное, на местном диалекте), обращаясь к какой-то неряшливого вида негритянке. Судя по ее фартуку, женщина наверняка подвизается здесь в качестве поварахи или служанки. Несмотря на то что Сесили не поняла ни слова из их разговора, она догадалась, что Кэтрин чем-то страшно недовольна. Негритянка не соглашалась с ней и отчаянно жестикулировала в ответ, но, кажется, ее аргументы никак не подействовали на Кэтрин.

Заметив появившуюся на пороге Сесили, Кэтрин бросила еще несколько прощальных слов, обращаясь к служанке, и направилась к Сесили.

– Боже ты мой! Вы видели, какую они грязь развели тут на кухне? Безобразия! Полное безобразие! Не удивительно, что у бедняжки Алисы проблемы с желудком.

– Она больна?

– Да, ей уже давно нездоровится. На прошлой неделе она была на приеме у доктора Бойля, и то потому что я силком затащила ее к нему. Сейчас он направляет ее в больницу в Найроби для проведения развернутых анализов. Но вы же понимаете, все, как в той поговорке: кошка за порог, мышки на стол...

– Прошу прощения?

– Я говорю, что в последнее время Алисе было не до домашних дел; к тому же ее старая экономка Ноэль несколько недель тому назад ушла, сбежала, так сказать, с их корабля, вот слуги и отбились от рук. Делают, что хотят. Но ничего! – Кэтрин улыбнулась, глянув на Сесили, пока они возвращались к террасе. – Алиса попросила меня пожить у нее и присмотреть за домом, пока она будет лечиться в Найроби. Так что я быстро приведу их всех в чувство и заставлю делать все, что положено и как положено. Уж можете не сомневаться!

– А вы давно знакомы с Алисой?

– О, можно сказать, с малых лет. Моя мама была очень дружна с ней, что сегодня, когда я оглядываюсь назад в прошлое, представляется мне немного странным: они ведь такие разные, совершенно не похожи друг на друга.

– То есть?

– Ну, Алиса, прежде всего, богатая наследница, в свое время она играла значительную роль в здешнем светском обществе, демонстрируя гедонический образ жизни и способствуя его пропаганде среди обитателей Долины, а моя мама – обычная, простая женщина, которая вышла замуж за бедного шотландского миссионера без единого пенни за душой. Думаю, их сблизила в первую очередь любовь к животным: когда Алиса вместе со своим первым мужем уезжала за границу, моя мама всегда присматривала за ее домом в качестве экономки, зарабатывая тем самым какие-то дополнительные деньги для семьи, а также ухаживала за ее зверинцем. А как смотрите, – продолжила Кэтрин, когда они подошли к столу и снова уселись на свои места, – если я приглашу вас навестить ко мне в гости, пока Алиса будет лежать в больнице?

– С большим удовольствием, – тотчас же согласилась Сесили, чувствуя, что девушка нравится ей все больше и больше.

– Вы только взгляните! Малышка Минни сразу же вспылала к вам любовью! – воскликнула Алиса, увидев, как маленькая такса проворно вскарабкалась на колени к Сесили. – Да, животные всегда чувствуют добрых людей, – заметила Алиса, подливая себе в фужер шампанское.

Сесили же снова твердо отказалась пригубить вино, которое Алиса называла просто «пузырьками», переключив свое внимание на тяжелые тучи, нависшие над верхушками гор вдали.

– Вот так номер! – Кэтрин подхватила из-за стола и глянула на сапфировое небо, которое почти мгновенно померкло, и первые большие капли дождя упали на землю. – Все быстрее на веранду! В укрытие! – обратилась Кэтрин к гостям, торопливо сбрасывая со стола в одну из корзин остатки пиршества. Гости послушной вереницей потянулись на веранду и устроились за другим столом, который стоял там, а дождь между тем уже набрал силу, громко барабана по крыше.

– О, это всего лишь короткий ливень, – обронила Кэтрин. – Подождите, вот в апреле начнется *настоящий* сезон дождей, все дороги тут же размочит, и они моментально превратятся в бурные потоки красной грязи, которая сплошной лавой потечет с гор вниз.

– Звучит устрашающе, – промолвила в ответ Сесили. – Хотя я не уверена, что задержусь здесь так надолго.

– Кстати, об отъезде, дорогая... Думаю, нам пора трогаться в обратный путь, – сказал Бобби, подходя к ним и обнимая Кэтрин за плечи своей могучей рукой, словно пытаюсь защитить ее от непогоды. *«Не мужчина, а самый настоящий великан»*, – подумала Сесили, глянув на Бобби, который навис над своей будущей женой, словно высоченная каланча.

– А вы далеко отсюда живете? – спросила она у них обоих.

– Смотря как считать. Если по прямой, то миль десять в западном направлении. Ну, а по дороге будет гораздо дальше. А вы, Сесили, катаетесь верхом? – поинтересовался у нее Бобби.

– Да, – ответила она, мысленно удивляясь тому, что с некоторых пор тема лошадей и верховой езды, которая в прошлом почти не занимала ее, вдруг выдвинулась на передовые позиции и стала почти что главенствующей в ее нынешней жизни.

– Знаете, езда верхом – это, пожалуй, самый лучший и самый надежный способ передвижения в здешних местах. Во всяком случае, именно так мы собираемся сейчас отправиться к себе домой, – сказал Бобби.

– Очень рада была познакомиться с вами, Сесили. – Кэтрин тепло улыбнулась на прощание. – Я обязательно позвоню вам, и мы договоримся, когда вы сможете составить мне компанию, пока Алиса будет в больнице. В следующий раз обязательно приезжайте с ночевкой – отсюда ведь не ближний путь до озера Наиваша.

Бобби и Кэтрин уселись на своих лошадей и ускакали прочь по дороге, ведущей от дома.

Через час с небольшим дождь прекратился, и гости снова высыпали на террасу. Сесили решила, что хозяйка не сочтет ее слишком грубой, если она сообщит ей о том, что тоже собирается домой.

– К сожалению, мне уже пора, – сказала она, подойдя к Алисе, которая сидела во главе стола, а маленький мангуст продолжал спокойно дрыхнуть на ее плече. – Крестная сегодня устраивает ужин, – добавила она на всякий случай, хотя вовсе не была уверена в том, что намеченный ужин состоится.

– Конечно, моя дорогая, конечно! Что за разговоры... Я очень рада, что вы познакомились с Кэтрин и, по-моему, даже успели подружиться. Она очень славная девушка, да и мозгов у нее гораздо

больше, чем было у меня в молодости... Впрочем, как и сейчас. Передай Кики мой привет и самые лучшие пожелания. И обязательно приезжай ко мне снова. Договорились? – Изящная белая ручка Алисы слегка сжала руку Сесили. – Так приятно видеть вокруг себя молодые лица. Не то что эти потрепанные старые чудачки, которые все еще продолжают грезить о днях своей былой славы.

– Обязательно приеду. Спасибо за приглашение, Алиса.

Сесили решила не прощаться с остальными гостями, которые, судя по всему, плотно устроились за столом на весь вечер, потягивая шампанское, оно по-прежнему продолжало литься рекой, и оглашая окрестности громким бравурным смехом. Этот смех сопровождал Сесили всю дорогу, пока она шла до машины. Макена открыл ей дверцу и помог залезть на заднее сиденье, а потом услужливо укутал ее колени пледом, чтобы она не озябла, потому что после дождя заметно похолодало.

Когда машина тронулась по залитой жидкой грязью дороге, Сесили снова почувствовала легкое головокружение, хотя и не пила шампанского. Что ж, на такой высоте над уровнем моря воздух очень разряженный, подумала она, припадая к окошку и любуясь обширными просторами Великой рифтовой долины, которую в книгах еще именуют Восточноафриканской рифтовой долиной или зоной разлома. Полный контраст с тем обилием роскошной зелени, что они оставили позади себя, и тем не менее все равно захватывающе прекрасное зрелище. Из тех книг про Африку, которые Сесили успела прочитать еще в Нью-Йорке, она узнала, что зона разлома протянулась по Африканскому континенту на несколько тысяч миль, она возникла миллионы лет тому назад под воздействием мощных сил природы, когда еще только-только начиналось формирование ландшафта Земли. Однако одно дело – прочитать в книге, и совсем другое – увидеть собственными глазами, да еще в такой непосредственной близости, этот завораживающий по своей красоте пейзаж, внушающий одновременно и восторг, и благоговейный страх перед мощью стихии. Заходящее солнце окрасило своим светом плоскую, голую, почти без деревьев равнину в насыщенные золотистые тона с оттенком абрикосового. Стоило Сесили напрячь глаза, и она даже различила крохотные точки, то ли это были люди, то ли животные, то ли и то и

другое, но эти точки почти незаметно, словно крадучись, перемещались по живописной равнине.

– Какая необыкновенная страна! – пробормотала про себя Сесили, прижимаясь лбом к стеклу. – Слишком много впечатлений, чтобы вместить их в себя целиком, – вздохнула она и снова пожалела о том, что сейчас рядом нет никого из ее близких, кто мог бы разделить с ней все ее восторги и наполнить дополнительным смыслом пребывание здесь. И какой контраст между Манхэттеном и тем, что она сейчас видит вокруг себя. Пожалуй, пропасть, разделяющая эти два мира, еще шире, чем зона разлома со всем ее великолепием и величием. Сесили вдруг страстно захотелось постичь этот новый для себя мир, понять и его, и людей, которые здесь живут, и все то, что она видит вокруг себя. Впрочем, мелькнуло у нее, это все равно, что попытаться съесть слона: слишком уж все огромное, не вмещающееся в стандартные габариты и размеры. Однако же надо постараться! Сесили мысленно пообещала себе, что обязательно справится с намеченными целями еще до своего возвращения домой.

Она проснулась от того, что Алееки осторожно тряс ее за плечо, пытаясь разбудить.

– С благополучным возвращением домой, *мемсахиб*. Сейчас я помогу вам выйти из машины.

Сесили безропотно позволила ему помочь, и они вместе направились по террасе в сторону дома.

– А который сейчас час? – спросила Сесили.

– Уже половина девятого.

– Ничего себе! – Она оглядела пустую террасу и вслушалась в тишину, повисшую над домом. – Крестная выходила из своей комнаты сегодня вечером?

– Нет, *мемсахиб*, ей по-прежнему нездоровится, и она у себя, спит. Вы, наверное, проголодались? Прикажете накрыть вам стол на террасе или подать ужин прямо в комнату?

– Думаю, я обойдусь только стаканом молока. Спасибо. А ванну я могу принять? Чувствую себя после дороги такой грязной.

– Конечно, *мемсахиб*. Я тотчас же отправлю к вам Мурату. Она принесет молоко и подготовит ванну.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Сесили, направляясь к лестнице, но вдруг остановилась. – Я... Хочу спросить, с крестной все

в порядке? То есть ее болезнь не очень серьезная?

– О, она скоро поправится. Не беспокойтесь. Я за ней присмотрю.

– Пожалуйста, пожелайте ей от меня доброй ночи.

– Обязательно, – ответил Алееки с поклоном. – И вам спокойной ночи, *мемсахиб*.

15

На следующий день Кики продолжала хворать, так и не покидая пределов своей комнаты. Но Сесили, несмотря на некоторые угрызения совести, была даже благодарна ей за то, что в доме наконец воцарились спокойствие и тишина. Впервые после своего приезда сюда Сесили смогла перевести дыхание и не спеша насладиться всеми окружающими красотами. Алееки, как всегда, был на подхвате, стараясь, по мере сил, разнообразить ее времяпрепровождение. Именно он устроил для нее во второй половине дня ознакомительную прогулку на озеро в сопровождении подростка по имени Кагаи из племени кикую. Мальчишка на ломаном английском языке рассказал Сесили, что родился и вырос в этом доме, а заодно научил ее нескольким бытовым фразам на местном диалекте и показал, как нужно правильно закидывать удочку в воду, сидя в лодке, а потом какое-то время держать ее неподвижно, пока не начинает клевать. Так Сесили и сделала, а он помог ей вытащить из воды извивающуюся во все стороны рыбу, металлическая чешуя которой сверкала и переливалась на солнце всеми цветами радуги. Сидя почти в самом центре огромного озера и любуясь его неподвижной серебристой гладью, Сесили наблюдала за тем, как несколько гиппопотамов нежатся на солнышке. Но вот они оторвали свои грузные тела от берега и погрузились в воду, заскользив по ее поверхности с грацией самых настоящих лебедей.

Прошел еще один день, но Кики все еще была в затворе. А Сесили в сопровождении Алееки поехала в Гилгил, где на почте отправила родителям очередное письмо, а заодно и отдала пленку на проявку какому-то немцу, знакомому Алееки, который оборудовал крохотную фотолабораторию прямо в чулане своей авторемонтной мастерской. Потом Сесили прогулялась по городку, время от времени останавливаясь возле уличных лотков, на которых торговали самыми

разнообразными фруктами и овощами. Названия некоторых из них были ей знакомы, другие же она видела впервые.

– Это бананы? – поинтересовалась она у Алееки, когда он, выполнив все данные ему поручения, присоединился к ней. Она указала на большие плоды, похожие по форме на бананы.

– Нет, *мемсахиб*, это подорожник. Да, плоды действительно по вкусу похожи на бананы и особенно хороши в тушеном виде. У нас их тут называют «матоке». Я попрошу нашу повариху приготовить вам, если хотите.

– Не откажусь. С удовольствием попробую что-то из местной кухни, пока нахожусь здесь.

– О, у вас, *мемсахиб*, впереди еще много времени, чтобы успеть все перепробовать, – успокоил ее Алееки, попутно торгуясь с продавцом, пока не выторговал хорошую цену на приобретенные овощи и фрукты. – У нас тут очень популярна индийская кухня, но она острая, со множеством специй. Хотя лично мне это очень нравится.

– А я вот никогда ничего не пробовала со специями, – призналась слуге Сесили, когда они вместе направились назад к своей машине, вышагивая по какой-то пыльной улице, изнывающей от жары.

– Тогда вам нужно обязательно попробовать карри, а еще местное жаркое и югали: это блюдо особенно популярно среди кикую.

– А вы тоже из племени кикую? – спросила у него Сесили не без любопытства в голосе.

– Нет, *мемсахиб*. Я родом из Сомали. Это прямо на границе с Кенией.

Сесили уже приготовилась задать следующий вопрос, но тут ее окликнул знакомый голос за спиной.

– Сесили, это ты?

Сесили повернулась и увидела спешащую ей навстречу Кэтрин.

– Я так и подумала, что это точно ты! Ну, как обживаешься на новом месте?

– Все хорошо, спасибо, Кэтрин.

– Нужно какое-то время, чтобы пообвыкнуться, но когда привыкнешь, то заявляю со всей ответственностью: покидать наши края будет невероятно трудно.

– Алееки, это Кэтрин Стюарт. Я познакомилась с ней, когда ездила на чай к Алисе.

– Рад познакомиться с вами, *мемсахиб*, – отвесил вежливый поклон Алееки.

– А как там Алиса? – спросила Сесили.

– Она все еще в больнице в Найроби. Судя по всему, ее пребывание там затянется на более длительный срок, чем мы изначально предполагали. Сегодня после обеда Бобби свозит меня к ней.

По голосу Кэтрин Сесили догадалась, что, каковы бы ни были у Алисы проблемы со здоровьем, они вряд ли напрямую связаны с той грязью, которая царила на ее кухне.

– Передавай ей самый сердечный привет от меня, ладно? – попросила Сесили, тоже переходя на «ты».

– Обязательно передам. А ты постарайся как можно скорее вырваться ко мне на ферму Ванджохи. Ну пожалуйста! Бобби безвылазно торчит на нашей ферме, разбирается со скотом, а заодно пытается привести в божеский вид ту развалюху, которая через месяц с небольшим станет нашим семейным домом. – Кэтрин с улыбкой глянула на Сесили. – А мне так одиноко на этой ферме. Что скажешь насчет нынешней пятницы?

Сесили машинально подняла глаза на Алееки, словно испрашивая у него позволения.

– Конечно, *мемсахиб*, – с готовностью откликнулся тот. – В какое время будет удобнее для вас?

– Что, если мисс Сесили приедет ко мне на обед, заночует и останется до завтрака в субботу? – предложила ему Кэтрин.

– Хорошо, я все устрою, – пообещал Алееки.

– А сейчас мне надо бежать. Хочу отыскать Бобби. Он где-то в банке, хлопочет о получении кредита, чтобы купить еще больше скота на ферму. – Кэтрин выразительно вскинула брови. – Итак, до встречи в конце недели. Жду! Всего доброго, Сесили.

– До свидания, Кэтрин. И спасибо за приглашение.

– А Кэтрин когда-нибудь бывала в Мундуи-Хаус? – поинтересовалась Сесили у Алееки, пока тот помогал ей усесться в машину, которая, по своему обыкновению, уже раскалилась от жары докрасна.

– Нет, не припоминаю такого, – лаконично ответил он и твердой рукой захлопнул за ней дверцу, а потом сам вскарабкался на переднее

сиденье рядом с шофером Макеной.

Сесили тут же открыла окно, извлекла из сумочки веер и принялась интенсивно обмахиваться им, снова почувствовав противное головокружение. И почему это, недоумевала она про себя, несмотря на весь свой подчеркнуто вежливый тон, Алееки четко дал ей понять, что появление ее новой подруги у них дома никогда не приветствовалось?

* * *

К моменту планируемого визита на ферму Ванджохи Сесили уже буквально извелась от одиночества. Все минувшие пять дней Кики так и не выходила из своей спальни, и, хотя Сесили умоляла Алееки разрешить ей навеститься к больной, его ответ был всегда неизменным: «Мемсахиб сейчас спит». Порой Сесили даже начинало казаться, что ее крестная умерла и лежит сейчас у себя в комнате мертвая и холодная, а Алееки просто боится сообщить ей эту страшную новость.

Утром в день отъезда на ферму Ванджохи Сесили все же решила проявить твердость и настоять на том, чтобы ее допустили к Кики попрощаться с ней перед отъездом, но тут перед ней возник Алееки и вручил конверт. Сесили торопливо вскрыла его и достала оттуда листок дорогой почтовой бумаги с тиснением, на котором красивым каллиграфическим почерком Кики, так хорошо ей знакомом, было написано следующее.

Моя дорогая девочка,

Прости меня за то, что я совсем не уделяю тебе внимания все последние дни, – я пока себя неважно чувствую. А главное средство, которое помогает мне в таких случаях, это отдых и покой. Но как только мне немного полегчает, я буду всецело в твоём распоряжении все то время, что ты собираешься пробыть у меня.

Очень надеюсь, что Алееки удовлетворят все твои желания. Он сказал мне, что ты собираешься с визитом к Кэтрин на ферму Ванджохи. Приятного тебе времяпрепровождения там!

Крепко целую,

Кики

«По крайней мере, Кики жива», – размышляла Сесили, когда Алееки сопровождал ее до машины. И теперь она может с легким сердцем и чистой совестью уехать прочь из Мундуи-Хауса с его необычайно странной и немного таинственной атмосферой.

* * *

– Сесили! Приехала-таки! Я так рада видеть тебя! – приветствовала ее Кэтрин, когда она выбралась из «бугатти» на подъездной дорожке, ведущей к дому Алисы.

– А я рада снова оказаться здесь, – ответила Сесили, оглядываясь по сторонам, пока Макена доставал из багажника ее небольшую дорожную сумку с минимумом вещей для того, чтобы переночевать, и несколько плетеных корзин с шампанским и едой – подарок от Кики.

– Бог мой! Твоя крестная, видно, решила, что мы тут сегодня собираемся устроить шумную вечеринку! – воскликнула Кэтрин и, взяв Сесили за руку, повела ее в дом.

– По ее мнению, любой визит без шампанского, льющегося рекой, – это уже не визит, – пошутила в ответ Сесили.

– О, вижу, ты уже потихоньку втягиваешься в наши реалии, начинаешь понимать, что тут и как.

Они зашли в дом, и Сесили поразила тем кардинальным переменам, которые произошли в его интерьере всего лишь за одну неделю. Исчезли горы книг и бумаг, валявшихся повсюду, в комнатах перестало пахнуть псиной и другими, неизвестными Сесили дикими зверьками, которых приютила у себя Алиса; на смену им пришел слегка сладковатый запах полировочного лака, а также аромат роз и лилий, букет которых красовался в вазе на натертом до блеска столе из красного дерева.

– Да ты тут сотворила настоящее чудо! – искренне восхитилась Сесили, пока Кэтрин вела ее показать спальню.

– Спасибо, что оценила мои усилия. По правде говоря, я старалась не столько для Алисы, сколько для самой себя – не люблю жить среди хаоса. Я тут даже соорудила временный загон для собак, что-то вроде такого летнего курятника. Но, боюсь, его уже успели облюбовать местные обезьяны. Они посчитали, что это их второй дом, а с ними договориться будет непросто. Ты не находишь, что я поступила жестоко по отношению к псам Алисы?

– Совсем нет! – успокоила ее Сесили, взглянув на служанку, которая принесла ее вещи в комнату. – Пожалуйста, скажи ей, что распаковывать ничего не надо. Там только моя ночная сорочка, смена одежды и пара чистого белья.

– Не переживай! Не очень-то она и бросится делать лишнюю работу, – откликнулась Кэтрин и отрывисто отдала несколько распоряжений девушке, и без того, если судить по ее лицу, перепуганной чем-то до полусмерти. – Они здесь все начисто забыли о том, что им хорошо платят, кормят, да плюс еще Алиса заботится о них, как о своих ближних. А взамен требуется лишь одно: честно отработать за все эти блага. Но ты, наверное, умираешь от жажды, да? Пошли на террасу. Там уже стоит наготове домашний лимонад.

– Но только никакого шампанского! – с деланным ужасом воскликнула Сесили, вызвав смех у Кэтрин.

Они уселись за стол на террасе, и Сесили глянула вдаль, туда, где простирались бескрайние зеленые луга, по которым неспешно несла свои воды река. Вокруг свободно разгуливали антилопы, лошади, паслись козы; легкий свежий ветерок приятно обдувал лицо.

– Как дела у Алисы? – поинтересовалась Сесили у Кэтрин, отхлебнув из стакана вкуснейшего лимонада.

– Пока не очень хорошо, к сожалению. Ей вставили в живот какую-то трубку. Уильям, то есть доктор Бойль, говорит, что сильные боли могло спровоцировать то давнее ранение, когда она выстрелила в себя много лет тому назад в Париже.

– Но она поправится?

– Очень на это надеюсь, хотя она совершенно не следит за собой.

– Господи боже мой! До чего же сложной и трудной была у Алисы жизнь. Должно быть, она очень сильно любила того мужчину, коль скоро решила убить его, а потом и себя.

– Я много раз слышала эту историю в самых разных вариантах. Но, скорее всего, дело было так: Раймонд сказал, что не может жениться на ней, потому что родители пригрозили, что лишат его наследства, если он все же женится. Подумать только, на что готовы люди ради любви, да? – Кэтрин вздохнула. – Но, пожалуй, я бы тоже могла пристрелить Бобби, если бы он вдруг объявил, что не может жениться на мне. Я ведь не мыслю своей жизни без него.

– Так все же, когда и где вы наконец поженитесь? – спросила у нее Сесили.

– Что касается «когда», то с этим все ясно: где-то через месяц, как я тебе и говорила. А вот «где», с этим у нас точно проблемы.

– Почему?

– Видишь ли, мой отец трудится в миссии, которая находится в Тумутуму, это по другую сторону гор Абердаре. Он трудится там миссионером уже на протяжении многих-многих лет. Свободно говорит на местном диалекте, впрочем, как и я, если ты успела заметить. Конечно, папа был бы рад, если бы наше бракосочетание состоялось там, у него, но тамошняя церквушка – это самая настоящая хижина, и только. Представляю себе недовольные физиономии Айдины и других гостей, которые явятся к нам на свадьбу расфуфыренными, а тут еще и дождь может пойти в любую минуту. И что тогда станет с их нарядами? – Кэтрин издала короткий смешок.

– Но, в конце концов, это же твоя свадьба, и тебе принимать окончательное решение.

– Все так, моя. *Моя и Бобби*. Хотя ему совершенно все равно где, главное – поскорее пожениться. Ну а я должна помнить о том, что, когда мои родители приехали в Кению, они поселились с самого начала именно на территории миссии. А уже когда я появилась на свет, а папа часто отлучался из миссии, ездил в буш и там проповедовал Слово Божие местным племенам, мама настояла на том, чтобы мы построили себе небольшой домик в Долине, чтобы я, по крайней мере, получила возможность обзавестись друзьями, своими сверстниками.

– Разумное решение, – согласилась с ней Сесили. – Получается, что ты выросла как бы между двумя мирами?

– Да, так оно и было. И, если честно, моему сердцу дороги оба эти мира. Когда мне исполнилось десять лет, меня отправили в закрытую школу в Шотландии, но практически все каникулы я проводила вместе

с мамой, а еще без конца доставала Бобби своими вечными приставаниями. Но все равно я навещала папу и жила вместе с ним в миссии хотя бы две недели. Что снова возвращает меня к исходной теме – «где». Придется нам с Бобби изрядно помозговать, чтобы состыковать концы с концами. Впрочем, кажется, мы с ним уже нашли компромиссное решение: официально мы вступим в брак в миссии Тумутуму, порадуем папу, а на следующий день устроим прием в клубе Мутаига. Алиса, пошли ей бог здоровья! – настаивает, что сама оплатит все расходы на банкет в качестве своего свадебного подарка, хотя я предложила ей более практичный вариант: дать нам чек на какую-то сумму денег, которую мы потом истратим на то, чтобы купить себе кое-что из мебели в наш новый дом. Но она же у нас романтик, так сказать, старой закваски! Не растеряла веры в любовь, несмотря на то что все ее браки оказались неудачными. Не говоря уже о том, что прием – это отличный предлог для здешних собратий и покутить как следует, – сухо добавила Кэтрин. – Только бы сама Алиса поправилась к этой дате и смогла присутствовать на приеме. Ну, как тебе наш план?

– По-моему, вы действительно нашли превосходное решение всех проблем. А где вы собираетесь проводить свой медовый месяц?

– Тоже мне проблема! Нигде! – улыбнулась в ответ Кэтрин. – Я перееду к Бобби в старый родительский дом на их ферме, который он сейчас, бедняга, старается хоть как-то подлатать за оставшееся до свадьбы время и придать ему более или менее пристойный вид, о чем я тебе уже говорила. Вот тебе и весь наш медовый месяц. Знаешь, дел невпроворот: разведение скота – это весьма рискованный бизнес. Буду помогать Бобби: рада, что наконец хоть как-то получу отдачу от тех лет, что я провела в Дик-колледже.

– Где?

– Это ветеринарный колледж в Эдинбурге. Так что я, Сесили, квалифицированный ветеринар, что, конечно, сильно поможет нам в будущем содержать свое стадо здоровым и сильным. Билл Форсайт, ближайший сосед Бобби, а вскоре он станет и моим ближайшим соседом, сейчас усердно обучает нас некоторым современным методам взращивания молодняка, как правильно ухаживать за животными, своевременно вакцинировать их, устраивать для них пестицидные ванны и прочее. Животные ведь тоже подвержены самым разным и

порой очень серьезным болезням, особенно когда их содержат вместе, да еще в большом количестве. Тут тебе и сибирская язва, и чума рогатого скота, и проблемы с давлением и пульсом, словом, много чего. Не говоря уже о львах, которые бродят по округе в надежде раздобыть себе легкий ужин, – добавила Кэтрин. – Кстати, об ужине. Я пригласила сегодня на ужин Билла, но сразу же должна предупредить тебя, он у нас парень со своими заскоками.

– О, с этим все в порядке! Я уже постепенно начинаю привыкать к местной публике. Некоторые очень даже интересные люди, – откликнулась Сесили.

– У Билла сложились особо доверительные отношения с племенем масаи. У аборигенов тоже ведь можно много чему научиться: так, они на протяжении многих столетий для лечения животных используют природные снадобья.

– А прислуга в доме Алисы тоже из этого племени? – спросила Сесили, увидев, как из кухни показалась служанка с метлой в руке и принялась старательно сметать пыль с пола на веранде, выходящей во внутренний дворик.

– Нет, они из племени кикую. Масаи – это народ кочевой, они пасут свой скот на равнинах. Домашнюю прислугу набирают, как правило, из людей племени кикую. В частности, Аду, это ее имя, Алисе в свое время порекомендовала моя мама, когда той понадобилась новая прислуга: мама знала Аду еще по тем временам, когда та жила на территории миссии.

– Ты считаешь, из них получается хорошая прислуга?

– Полагаю, да. Особенно если над ними есть жесткий контроль. А в целом это очень преданные люди. Но что это мы все обо мне и обо мне? Расскажи лучше о себе. Чем занималась, живя у себя в Нью-Йорке?

– Я... Да ничем особо. Была какое-то время помолвлена, а потом помолвка расстроилась...

– Понятно! То есть ты приехала к нам, чтобы залатать здесь свои сердечные раны, да? Позволь поинтересоваться, сколько тебе лет?

– В этом году исполнится двадцать три. Уже старая дева.

– Тоже мне, нашла старую деву! – рассмеялась в ответ Кэтрин. – Мне в этом году аж двадцать семь стукнуло. Ты его любила?

– Мне казалось, что любила. Но, по правде говоря, я решила завязать с мужчинами.

– Посмотрим, посмотрим, как это будет на деле! – улыбнулась Кэтрин и поднялась из-за стола. – Думаю, нам пора обедать.

За обедом они лакомились вкуснейшей рыбой, которую, по словам Кэтрин, только утром выловили из речки.

– А ты бывала когда-нибудь в Мундуи-Хаусе? – осторожно поинтересовалась Сесили, вспомнив, как заметно холодно отреагировал Алеэки на ее новую подругу при встрече.

– Нет, никогда. Мои родители категорически не одобряли все это сообщество, обитавшее в Долине Счастья. За исключением Алисы, разумеется, потому что она искренне любит животных. Хотя я слышана о том, какой красивый дом у твоей крестной... Да и вообще, Кики очень щедрая женщина...

– Да, это так, хотя... Знаешь, я очень беспокоюсь за нее, – доверительно промолвила Сесили. – Кики уже несколько дней глаз не кажет из своей комнаты. К счастью, я знаю, что она хотя бы жива, потому что сегодня утром, перед отъездом к тебе получила от нее короткое письмо. Ты случайно не в курсе, может, у нее какая-то хроническая болезнь с периодическим обострением, а?

– Пс! Откуда мне знать? Нет, я ничего не знаю, Сесили. А сейчас я предлагаю тебе навеститься вместе со мной в конюшни. Почему бы нам не покататься верхом? Я покажу тебе несколько очень красивых уголков неподалеку от нашего дома.

Сесили постаралась сделать вид, что ничего не заметила. На самом деле, Кэтрин знает намного больше, чем говорит, поняла она. И вот снова эта уже навязшая в зубах верховая езда! Но ничего не поделаешь... Придется, в буквальном смысле этого слова, *взгромоздиться* на лошадь и вспомнить старое, коль скоро Сесили собирается пробыть в Кении еще какое-то время, а потому она лишь молча кивнула в знак согласия. А потом добавила:

– С удовольствием.

К счастью, окрестности действительно поражали своей живописной красотой, а потому вместо того, чтобы предаваться горестным воспоминаниям о том, как они с Джулиусом совершали конные прогулки, Сесили всецело сконцентрировалась на созерцании природы и управлении своей кобылкой, которая послушно следовала

вдоль берега реки. Сесили полной грудью вдыхала свежий прохладный воздух, вслушивалась в веселое щебетание птиц, любовалась солнечными лучами, скользившими по спокойной речной глади, образуя на воде причудливые золотистые дорожки. Когда лошади остановились возле воды, чтобы утолить жажду, Сесили окинула взглядом необъятные просторы утопающей в зелени долины, которая раскинулась внизу под ними.

– Знаешь, с трудом верится, что мы сейчас в Кении. Все это так похоже на английские пейзажи, – сказала Сесили, обращаясь к Кэтрин.

– Ты права, здешние места действительно очень напоминают Англию. Однако нам пора возвращаться, Бобби и Билл должны вот-вот подъехать.

Умывшись наспех в тазу с теплой водой, который служанка водрузила прямо на комод, кое-как причесав волосы и переодевшись в чистое хлопчатобумажное платье, Сесили заторопилась вниз, на улицу, где ее уже поджидала Кэтрин. Вместе они какое-то время любовались солнечным закатом над долиной. Но, как только солнце скрылось за горизонтом, тут же подул свежий ветерок, пробежался по террасе, заставив Сесили невольно поежиться. Но она лишь поплотнее укуталась в шаль, наброшенную на плечи, наслаждаясь этими мгновениями живительной прохлады.

Обе девушки одновременно услышали звук приближающихся машин.

– А вот и наши мальчишки приехали! – радостно подхватила со своего места Кэтрин.

Сесили проследовала за ней к подъездной дороге, на которой притормозили два стареньких пикапа с открытым верхом. Из первой машины вылез Бобби, из другой – незнакомый мужчина, наверное, Билл, догадалась Сесили.

– Еще раз напоминаю тебе, Сесили, постарайся не обижаться на Билла. Он тут совсем загрубел, за столько лет превратился в самого настоящего аборигена и начисто забыл о том, как подобает вести себя в приличном обществе, – торопливо прошептала Кэтрин, пока мужчины направлялись к ним.

На некотором расстоянии Билл произвел на Сесили впечатление совсем еще молодого человека, стройного и поджарого, но когда он подошел поближе, то, несмотря на свою густую рыжую шевелюру,

оказался значительно старше: вон какими глубокими морщинами испещрено его загорелое дочерна лицо. «Наверное, ему где-то около сорока», – прикинула Сесили. При этом она уловила в его облике что-то смутно знакомое.

– Привет, дорогой! – Кэтрин подалась к Бобби, который тут же одарил ее нежным поцелуем. – Здравствуй, Билл. Как дела?

– Все нормально, спасибо. – Голос низкий, хрипловатый, говорит в присущей британцам манере, проглатывая окончания.

– А это Сесили Хантли-Морган. Прошу любить и жаловать. Она недавно приехала к нам из Нью-Йорка, – сказала Кэтрин, обращаясь к Биллу, когда они все вместе направились к террасе.

Сесили тут же почувствовала на себе его изучающий взгляд, но уже через пару мгновений он отвел глаза в сторону.

– Бедная вы, бедная! – промолвил Билл после некоторой паузы. – Жить в таком месте...

– Я живу на Манхэттене, прекрасное место! Там мой дом, – ответила ему Сесили, неожиданно почувствовав себя уязвленной.

– Все эти нелепые небоскребы вокруг, не говоря уже о людях, которые спрессованы в этих каменных джунглях, словно сардины в консервной банке.

– Не обращай внимания на то, что Билл говорит, Сесили. Он ведь давно не выбирался из наших джунглей, а потому поотвык немного от цивилизации. Я права, Билл? – спросила у него Кэтрин, когда они уселись за стол и она предложила мужчинам на выбор шампанское или пиво.

– И слава богу, что отвык, – сказал Билл, беря бутылку пива. – Ты же знаешь, Кэтрин, я не особо высоко ценю общение с людьми.

И снова Сесили почувствовала на себе его немного странный, гипнотизирующий взгляд.

– И как долго вы собираетесь у нас пробить, прежде чем снова вернетесь в свою клаустрофобию, которую вы все почему-то упорно именуєте «цивилизацией»?

– Пока она еще и сама не знает. Правда, Сесили? – пришла ей на помощь Кэтрин.

– Да, пока я еще не определилась со сроками, – согласилась с ней Сесили и взяла в руки свой бокал с шампанским. Резкие манеры Билла определенно нервировали ее.

– Вы уже наведывались в буш?

– Нет.

– Значит, пока вы еще не видели настоящей Африки.

– Уверен, Билл, нам еще представится удобный случай познакомиться ее с Африкой и показать настоящий буш, – подал голос Бобби.

Сесили заметила, что Билл что-то внимательно разглядывает под столом.

– Все может быть, – откликнулся он после некоторого молчания, снова посмотрел на Сесили и поднял свой стакан, чокаясь с ней. – Во всяком случае, вы хоть не явились сюда в башмаках на нелепых высоченных каблуках, в которых вечно щеголяет эта ужасная старуха Престон, да и другие американки тоже.

Сесили едва не поперхнулась своим шампанским. Она бросила беспомощный взгляд на Кэтрин, словно моля ее о заступничестве.

– Между прочим, Билл, Кики приходится Сесили крестной матерью, – спокойно обратилась та к Биллу. – И ради всех святых! Прошу тебя, перестань терроризировать бедную девочку. Она совершенно не похожа на свою крестную. Нельзя измываться над ней только потому, что она, видите ли, американка. Или ты забыл, что о книжке не судят по обложке? Чем занимались сегодня вы оба? – резко переменяла она тему разговора.

Сесили слушала вполуха рассказ Бобби о том, как они с Биллом съездили на аукцион крупного рогатого скота и сколько еще голов он купил для своего стада.

– Он сегодня сделал удачные приобретения, – подтвердил Билл. Кажется, это была первая позитивная реплика, прозвучавшая из его уст с того момента, как он приехал сюда. – Купил себе борана, и по очень хорошей цене.

– Но это только благодаря твоему присутствию, Билл. Все же вокруг знают, что тебя на мякине не проведешь! Билл у нас известен на всю округу доскональным знанием всего, что касается скота, – пояснил Бобби, обращаясь уже к Сесили.

– А какими доскональными знаниями обладаете вы, мисс Хантли-Морган? – тут же поинтересовался у нее Билл.

– По-моему, ничего особенного я не знаю, – слегка пожала плечами Сесили. Она еще не успела прийти в себя после той

откровенной грубости, с которой он обрушился на ее крестную и на нее саму.

– Держи удар, Сесили! И не вздумай пасовать перед Биллом, – подбодрила ее Кэтрин и бросила сердитый взгляд на своего будущего соседа. – Это у него такая отвратительная манера: третировать всех при первой встрече. Я права, Билл?

– Но ты же не хуже меня знаешь, как давно я не вращался в приличном обществе.

– Да он просто очарован вами, Сесили. – Бобби шутливо округлил глаза и подмигнул Биллу. – Однако мы с Биллом умираем от голода. Как тут насчет ужина?

Сесили была рада, что за ужином Билл переключил свое внимание с ее персоны на обсуждение других тем. Разговор главным образом вертелся вокруг того, как быстро Бобби сможет получать прибыль от своей скотоводческой фермы, а также на каких условиях банк выдаст ему кредит и в какие сроки затребует свои денежки обратно.

– Во многом все зависит от того, на какое время ты, Кэтрин, согласишься отпускать Бобби вместе со стадом в горы или на равнины в сезон дождей. Вот я, к примеру, отсутствовал в прошлом ноябре всего лишь неделю, уезжал по делам в Найроби, а в результате лишился порядка ста голов из своего стада.

– Как так? – Впервые Сесили проявила неподдельный интерес к разговору.

– Ну да, их угнали масаи.

– А я думала, они присматривают за вашими стадами, работают на вас...

– Некоторые – да. Но в наших местах обитает много разных кланов племени масаи. К тому же люди этого племени вполне искренне полагают, что все коровы на территории Кении принадлежат им. Они считают коров священными животными, хотя и убивают их иногда. Но чаще всего выменивают коров на маис и другие овощи у представителей других кланов.

– Но ведь эти коровы принадлежат вам?

– На бумаге – да, но здешние аборигены не знают цены деньгам, тем более они не станут вступать в какой-то обмен на деньги со всякими *мзунгу*.

– *Мзунгу* на местном диалекте означает «белый человек», – пояснила Кэтрин.

– Тогда увольте их и наймите себе других людей. Или так нельзя? – спросила у Билла Сесили.

Какое-то время тот молча буравил ее своим взглядом.

– Нельзя, мисс Хантли-Морган, – промолвил он наконец. – Я не могу этого сделать. К тому же у меня прекрасные отношения с этими людьми, и многие из них стали мне настоящими друзьями. Если цена дружбы – какие-то несколько дюжин голов скота в год, что ж, я готов платить такую цену. Масаи первыми пришли на эти земли и, несмотря на все усилия властей согнать аборигенов с подведомственных им территорий, заключить их в некое подобие резерваций, масаи продолжают свой традиционный кочевой образ жизни. Между ними и коровами существует особая, почти что сакральная связь, недаром они пьют коровью кровь и верят в то, что она делает их здоровыми и богатыми.

– Звучит отвратительно! – возмутилась Сесили.

– Хорошо, что коровы на дух не переносят запах человеческой крови. В отличие от львов, кстати, – тут же парировал Билл.

Потом он снова принялся молча разглядывать ее, видимо, обдумывая что-то свое. Наконец он произнес:

– Завтра, мисс Хантли или как вас там, я направляюсь в буш. Хотите, могу взять вас с собой? Только не говорите потом, что вас не приглашали.

– Ах, Сесили! Непременно поезжай! Конечно, и мы с тобой поедem, – тут же вступила в разговор Кэтрин. – Билл впервые показал мне настоящий буш, когда мне было одиннадцать лет. Помнишь, ты мне еще сказал тогда, что в этом возрасте девочки масаи становятся женщинами?

– В одиннадцать лет? – поразилась Сесили.

– Да, а многие из них к двенадцати-тринадцати годам уже выходят замуж и становятся матерями, мисс Хантли-трампампам, – откликнулся Билл.

– Пожалуйста, называйте меня просто Сесили! – не выдержала она наконец его издевок и тяжело вздохнула, хотя и понимала, что он нарочно заводит ее.

– Правда? Значит, можно? Но к великому сожалению, я терпеть не могу это имя. У меня была двоюродная бабка, которая жила в Западном Суссексе. Настоящий дракон в юбке, и тем не менее родители каждое лето отправляли нас со старшим братом к ней на все каникулы. Так вот, это чудовище звали Сесили.

– Тогда позвольте принести вам свои извинения за то, что, вольно или невольно, я вызвала в вашей памяти плохие воспоминания. Но едва ли меня можно винить за это, не так ли?

– Честное слово, Билл! – снова набросилась на него Кэтрин. – Отцепись ты наконец от бедной девочки! Оставь Сесили в покое!

Но Билл продолжал упорно разглядывать ее. И что-то в этом взгляде, плюс еще и упоминание о Западном Суссексе, заставило сложить все воедино, и тут она вспомнила.

– Подождите-подождите! Так вас зовут Билл Форсайт?

– Да. Вполне себе приличное имя для британца.

– А ваш брат – майор, верно? И он живет там, где когда-то жила ваша двоюродная бабка, в Западном Суссексе, да?

– Да, мой брат – майор, и он действительно живет в Западном Суссексе. Но как вы узнали?

– Я недавно познакомилась с ним в Англии, – ответила Сесили, крайне довольная тем, что ей наконец удалось немного сбить спесь со своего собеседника и даже изрядно его удивить.

– Неужели? Где? Когда?

– В Вудхед-Холле в Суссексе, недели три тому назад. Леди Вудхед пригласила меня к себе в гости, а ваш брат живет по соседству с ней.

– Ну и дела! Провалиться мне на этом месте, как изволил бы выразиться майор. Мой дражайший старший брат навещал меня в Кении, когда я еще только приехал сюда. Помнится, волочился за каждой юбкой, которую сумел отыскать в клубе Мутаига, и это притом что дома его ждала прелестная, очень милая жена. А вы замужем?

– Нет.

– Она так же, как и ты, Билл, не интересуется любовью, – не преминула объявить Кэтрин с другого конца стола, бросив подбадривающий взгляд на Сесили.

– Вот как? Суровое заявление, если так можно выразиться. – Билл выразительно вскинул брови. – Тем более в вашем возрасте. Лично мне для этого понадобилось значительно больше времени: только

годам к тридцати восьми я наконец осознал, что любовь – это миф. Однако, – Билл поднялся из-за стола и повернулся к Бобби, – завтра нам рано вставать, а потому пора в обратный путь, я думаю.

– Конечно, конечно! – энергично закивал головой Бобби и тут же подхватился со своего места. У Сесили сложилось впечатление, что он всецело пребывает под влиянием своего друга, к которому относится с величайшим почтением. – Так вы собираетесь совершить первое в своей жизни сафари, Сесили?

– Конечно, собирается! – ответила вместо нее Кэтрин, когда они всей гурьбой направились к подъездной дороге. – Слуги могут и без нас обойтись одну ночь. Да я и сама уже целую вечность не была в буше.

– Но ты должна предупредить свою американскую подругу, что это совсем не гламурная прогулка в стиле ее крестной, – обратился к ней Билл, намеренно игнорируя присутствие Сесили, которая шла позади, тоже направляясь к пикапам. – Никаких канапе и шампанского, никаких слуг, суесящихся вокруг: только одеяло, брезентовая палатка и костер при свете звезд.

– Мы ее всему научим, Билл. Правда, Сесили? Скажи «да»!

Три пары глаз выжидательно уставились на Сесили.

– Я... Ладно! Я с удовольствием отправлюсь в буш.

– Вот и отлично! – одобрительно кивнул Билл. – Тогда встречаемся все у меня завтра ровно в семь утра. Спасибо за ужин, Кэтрин. Не так-то часто я в последнее время лакомлюсь домашней едой.

– До свидания, дорогой, – прощепетала Кэтрин, целуя Бобби, прежде чем тот уселся в свой пикап, припаркованный рядом с машиной Билла. – Увидимся завтра ни свет ни заря.

Сесили и Кэтрин помахали машинам вслед, а потом опять направились к дому.

– Надо тебя соответствующим образом экипировать к завтрашнему дню, – заметила Кэтрин. – К счастью, у Алисы полно всяких одежек для сафари, а вы же с ней практически одного размера.

– Спасибо. Сказать честно, я немного нервничаю, особенно из-за Билла. Он совершенно четко дал мне понять, что я ему пришлась не по нраву, – промолвила Сесили, входя вслед за Кэтрин в холл.

– А я вот так не думаю! Напротив! Давно я уже не видела, чтобы Билл уделял столько внимания какой-то женщине.

– Ну, если, по-твоему, такое его обращение означает «уделять внимание», то не удивительно, что он до сей поры не женат. Он ведь самый настоящий грубиян!

– Самое интересное, Сесили, что он ведь тоже в свое время рванул в Африку для того, чтобы залечивать здесь свои душевные раны. Точь-в-точь, как ты. Все это, правда, случилось давно, лет двадцать тому назад, но за все минувшие годы я ни разу не слышала даже намека на какие-то сплетни о нем. Он очень закрытый человек, привык все держать в себе. Ну, ты понимаешь, о чем я. А он ведь довольно привлекательный мужчина. Ты не находишь?

– Не вижу в нем ничего привлекательного, – сказала Сесили, как отрезала. Два бокала шампанского, которые она выпила в течение вечера, придали ей смелости и развязали язык. – Он только и делал, что оскорблял меня весь вечер.

– Ну, такой уж он у нас, наш Билл. Но скажу тебе так: для путешествия в буш нет более надежного человека рядом, чем он. С ним ты будешь в полной безопасности. Он прекрасно знает местность, хорошо представляет себе все опасности, которые могут подстергать нас в пути. Другого такого эксперта среди белых здесь просто нет. Однако, – Кэтрин с трудом подавила зевок, – мне еще нужно загнать всех собак в их загон, а потом отыскать этого вредного маленького мангуста, которого Алиса просто обожает. С самого утра я его покормила и с тех пор больше не видела. А потом пойду, подберу подходящую одежду на завтрашний день для нас с тобой. Спокойной ночи, Сесили. Встречаемся завтра на рассвете.

– Спокойной ночи, Кэтрин. И спасибо тебе за этот вечер.

Кэтрин снова заторопилась на улицу, было уже темно и прохладно, но ей еще предстояло собрать воедино всю свору собак, которые шлялись по двору, где им вздумается. А Сесили поднялась в свою спальню, закрыла за собой дверь, подошла к кровати и с удовольствием улеглась на постель. Интересно, размышляла Сесили, какую такую сердечную драму пережил в свое время Билл, которая превратила его в столь угрюмого человека, абсолютно не верящего в людей. И, конечно, прежде всего, в женщин...

Сесили сбросила с ног туфли, расстегнула платье и быстро нырнула под одеяло, потому что уже по-настоящему замерзла. Устраиваясь поудобнее под одеялом, она вдруг нащупала рукой что-то теплое и пушистое. Негромко вскрикнула и слегка приподняла простыню. На постели лежал тот самый маленький мангуст, с которым она общалась в свой первый приезд на ферму Ванджохи. Зверек наверняка прятался под одеялом весь день. Он тут же начал перебирать своими лапками, проворно вскарабкался ей на грудь, а потом перекочевал в ложбинку между шеей и плечом и удобно расположился там на ночлег.

Сесили невольно улыбнулась, представив себе реакцию мамы, если бы она это сейчас увидела. Дикий зверек, наверняка блохастый, свернулся на дочери клубком. Однако его дыхание приятно успокаивало: в глубине души Сесили была даже немного польщена тем, что маленький мангуст выбрал для своего укрытия именно ее спальню. Что же касается Билла и всех тех сложностей, которыми изобиловало сегодняшнее общение с ним, то она слишком устала, чтобы размышлять об этом прямо сейчас.

«Но если бы я вдруг решила остаться в Кении, то точно поселилась бы здесь, в Долине Ванджохи», – мелькнуло в голове, и Сесили тут же крепко уснула.

Нью-Йорк
Апрель 2008 года

Я молча уставилась на свою бабушку, которая сидела передо мной, аккуратно сложив руки на коленях. Глаза ее были закрыты, и я поняла, что она все еще пребывает совсем в другом мире, далеко отсюда. И мир этот разительно не похож на тот, в котором мы сейчас живем, причем он настолько другой, этот мир, что трудно даже представить его себе. Наконец она открыла глаза, легкая дрожь пробежала по ее телу, когда всем своим естеством она вернулась в день сегодняшний.

– Вау! Африка! – воскликнула я, поднимаясь с дивана, чтобы налить себе свежую порцию водки. – Возможно, когда-нибудь мне захочется узнать, как именно я вписываюсь в эту историю и почему все же мои родители отдали меня в чужие руки.

– Понимаю, тебе захочется... Но история длинная, и там еще много чего случится, пока мы доберемся до всех этих подробностей.

Мне предстоит объяснить тебе, кто такая Сесили и каким образом она связана с тобой. Так что запасись терпением, Электра, – добавила бабушка с тяжелым вздохом.

– Да, только вот терпение не входит в число моих добродетелей. Ну никак! А эта Сесили, судя по всему, попала в ту еще переделку! Тот англичанин, он же просто жопа с ручкой!

– Электра, тебе совсем не обязательно прибегать к столь сильным выражением. Зачем ругаешься? Английский – великий язык, и в нем много слов, с помощью которых можно составить полный словесный портрет этого человека.

– Прошу прощения.

Я перехватила сверлящий взгляд ее слегка раскосых глаз, которыми она наблюдала за моими манипуляциями с водкой.

– Хочешь? – предложила я ей.

– Я же уже говорила тебе, что не употребляю спиртного. Да и тебе не следует увлекаться. Если я не ошибаюсь, это уже четвертая рюмка, которую ты наливаешь себе с того момента, как я переступила порог твоей квартиры.

– И что такого? – Я сделала большой глоток из своего стакана. – В конце концов, кто ты такая, чтобы являться сюда и указывать, что мне делать, что говорить или что пить? С чего это ты вдруг свалилась мне на голову? И где ты раньше была, когда меня удочерил чужой человек?

Стелла молча поднялась с кресла.

– Уходишь? – спросила я у нее.

– Да, ухожу, Электра, потому что ты уже абсолютно не владеешь собой. Твой отец рассказывал мне, что с тобой и раньше такое часто случалось. К тому же сегодня ты успела заправиться не только спиртным: когда ты дважды отлучалась в ванную комнату, якобы по нужде, по тому, как блестели твои глаза по возвращении, я поняла, что ты там нюхала кокаин. Наверное, зря я потратила столько времени, рассказывая тебе всю эту историю, потому что уже завтра ты ничего не вспомнишь из нее. Я пришла к тебе, потому что ты – моя плоть и кровь. А еще потому, что об этом меня просил твой отец. И вот вместе с ним я сейчас умоляю тебя: обратись за помощью, пока еще не поздно, пока ты не окончательно загубила свою молодую жизнь. Сомневаюсь, что после всего, что я сказала тебе, ты захочешь снова увидеться со мной. Ведь мои слова наверняка сильно разозлят тебя.

Сегодня ты пребываешь в состоянии тотального отрицания всего и всех, но очень скоро ты достигнешь дна в своем падении. И вот тогда позвони мне, позови, и я приду и буду рядом с тобой. Ладно? А сейчас, всего хорошего. – С этими словами она решительным шагом пересекла гостиную, вышла в холл и громко хлопнула входной дверью на прощание.

– Вау! – хихикнула я. – Нет, просто вау! – Я подошла к бару, чтобы снова налить себе водки, но бутылка была уже пуста. Тогда я открыла дверцу и сняла с полки другую бутылку, налила себе большой стакан и тут же оглушила его в один присест. *«Нет, она точно полоумная, эта старуха! Как посмела она заявиться сюда, не видев меня до этого ни разу, да еще начала меня обвинять во всякой ерунде? Какого черта она вообразила, что имеет на это право? Да со мной еще никто в жизни не разговаривал подобным тоном».*

«Но она ведь твоя бабушка, родная плоть и кровь...»

– И что она там плела, будто бы папа просил ее об этом? – спросила я вслух, оглядывая пустую комнату. – Ведь папы уже нет в живых, разве не так?

Я почувствовала, как внутри у меня закипает злость, быстро соорудила еще одну кокаиную дорожку, чтобы хоть немного поднять себе настроение. Как правило, приступы злости у меня – это очень опасная штука: в такие минуты я могу натворить или наговорить кучу глупостей. Вот возьму сейчас и позвоню Митчу и скажу ему все, что я о нем думаю.

– А может, лучше позвонить его невесте? Ввести ее, так сказать, в курс дела, на предмет домашнего распорядка? – отрывисто бросила я, подходя к окну и разглядывая небо, нависшее над Нью-Йорком. Сердце бешено колотилось в груди, а в голове был такой сумбур, словно она вот-вот взорвется.

– Господи! – простонала я с отчаянием. – Ну почему это всем моим сестрам достались милые, добрые родственники? А у меня не бабушка, а настоящее исчадье ада!

Я громко разрыдалась и опустилась на колени.

«И почему меня никто не любит? Почему все меня бросают? Нет, мне определенно нужно уснуть. Я хочу уснуть».

Да, вот он, ответ на все мои беды. Я должна постараться заснуть. Я с трудом поднялась с пола и, прихватив с собой стакан водки,

потаскилась в спальню. Открыла дверцу прикроватной тумбочки и нашла пузырек с успокоительными таблетками, которые недавно прописал мне доктор для того, чтобы я легче переносила перегрузки, когда летаю реактивными самолетами. Я сняла колпачок и высыпала таблетки прямо на одеяло. Заглотнула пару штук, запив водкой, поскольку одной таблетки мне будет точно мало, потом положила голову на подушку и закрыла глаза. Но стала сильно кружиться голова, и я была вынуждена снова открыть глаза. Вот если бы сейчас рядом со мной была Майя, мелькнуло у меня. Рассказала бы мне еще какую-нибудь свою историю, как тогда, в Рио-да-Жанейро.

– Она меня любит, – прошептала я. – Я знаю, она меня любит.

Я снова закрыла глаза, но из-под век по лицу заструились слезы, а комната продолжала стремительно вращаться вокруг меня. Пришлось принять еще пару таблеток.

– Я хочу поговорить с Майей, – выкрикнула я и сползла с кровати, чтобы отыскать свой мобильник.

– Ну, куда же ты запропастился? Мне надо срочно позвонить сестре! – рыдала я уже во весь голос, ползая по квартире в поисках телефона. Наконец нашла: валялся на баре, рядом с бутылкой водки. Схватила и то и другое, и тут же осела на пол, к этому времени я уже успела достаточно сильно одурманиться. Однако кое-как, несмотря на то что все прыгало перед глазами, я отыскала номер Майи и нажала на кнопку вызова. Прозвучало несколько звонков, а потом автоматически включился голосовой ящик.

– Майя, это я, Электра, – проговорила я сквозь рыдания. – Перезвони мне, пожалуйста! Очень тебя прошу. Ты мне нужна.

Какое-то время я молча разглядывала свой мобильник в ожидании ответного звонка, но звонка все не было и не было. Тогда я с яростью швырнула телефон через всю комнату.

Наконец *раздался звонок*; пришлось ползти за телефоном.

– Алло?

– Электра, это я, Майя. Что у тебя случилось, родная моя?

– Да как-то все и сразу! – выкрикнула я в трубку, заливаясь слезами пуще прежнего, стоило мне лишь услышать нежный голосок своей сестры. – Митч прислал посылку с тем моим барахлом, что нашел у себя дома, потому что он собирается, видите ли, жениться на ком-то... Познакомилась со своей родной бабушкой, самая настоящая

ведьма... И потом... – Я сокрушенно покачала головой и вытерла нос рукой. – Я просто хочу заснуть. Я так долго хочу лишь одного: просто заснуть, понимаешь?

– О да! Понимаю тебя, Электра. Как жаль, что сейчас меня нет рядом с тобой. Что я могу для тебя сделать?

– Понятия не имею, – пожала я плечами в ответ. – Наверное, ничего. Никто не может ничем помочь мне.

И в эту самую минуту я поняла, что так оно и есть на самом деле.

– Извини, что зря побеспокоила тебя. Сама как-то справлюсь... Я тут приняла пару успокоительных таблеток. Надеюсь, они помогут мне заснуть. Пока.

С этими словами я отключила телефон и, прихватив бутылку с водкой, потащилась обратно в постель, оставив телефон. Приняла еще две таблетки, потому что мне *надо уснуть*, во что бы то ни стало, свернулась в позу эмбриона и подумала, что лучше бы мне было вообще не появляться на свет.

– Никому я не нужна. Никому! – выдохнула я. Постепенно веки отяжелели, глаза мои закрылись сами собой, и я отключилась.

* * *

– Электра! *Электра*, ты слышишь меня? Говори! С тобой все в порядке?

Голос звучал глухо, откуда-то издали, словно пробивался сквозь густое черное облако, накрывшее меня с головой.

– М-м, – с трудом пробормотала я, чувствуя, как усиливается чернота вокруг меня. Но вот кто-то сильно хлопнул меня по щеке, раз, потом второй.

– Вы не знаете, сколько она приняла? – спросил мужской голос, который показался мне знакомым. Но чей он? Кому принадлежит?

– Понятия не имею. Мне звонить 911?

Кто-то схватил меня за запястье и крепко сжал его пальцами.

– Пульс есть, слабый, но все же прослушивается. Ступайте на кухню и принесите сюда воду и соль. Надо, чтобы ее вырвало.

– Ладно.

– Электра, сколько таблеток ты приняла? – прокричал мужской голос прямо мне в ухо. – Электра!

– Несколько... – выдавила я из себя.

– Что значит «несколько»?

– Четыре... или шесть... – невнятно выговорила я. – Никак не могла уснуть, и потому...

– Хорошо, хорошо.

– Томми, может, я все же вызову скорую помощь?

– Она в сознании, она разговаривает, а если мы сумеем вызвать у нее рвоту, то ей сразу же полегчает. Так! Разболтайте эту соль в воде и хорошенько встряхните. Электра, сейчас мы приподнимем тебя, надо, чтобы ты села. И вот еще что! Если ты не хочешь, чтобы за тобой приехала карета скорой помощи и отвезла тебя в больницу и чтобы весь мир увидел, как тебя везут на каталке в приемный покой, то ты сейчас будешь слушать меня и делать то, что я тебе скажу. Понятно? Начинаем!

Пара сильных крепких рук подхватила меня и усадила на постели, и тут же все снова поплыло у меня перед глазами.

– Черт! Я сейчас начну блевать!

И меня действительно тут же вырвало, прямо на пол, и на себя тоже, конечно.

– Несите сюда таз! – прокричал мужской голос, а у меня опять началась рвота. – Отлично, милая! Продолжай в том же духе. Нам даже не пришлось вливать в тебя соляной раствор, – сказал мужчина, пока меня рвало уже в третий раз. А потом снова и снова...

– Мне надо лечь! Пожалуйста! Можно, я прилягу?

– Пока еще рано. Обопрись на меня, я попытаюсь поставить тебя на ноги, и мы с тобой сделаем пару шажков. Ладно?

– Нет, пожалуйста! Я хочу лечь.

– Мариам, быстренько сделайте ей чашечку крепкого черного кофе. Все в порядке, Электра. Ты молодец, – сказал мужчина и рывком поставил меня на ноги. Я перегнулась через его плечо и снова начала блевать.

– Кто ты? – спросила я у него, голова моя безвольно повисла, да и все тело стало каким-то хлипким и непослушным, будто я не человек, а тряпичная кукла.

– Я – Томми, тот парень, который постоянно караулит тебя возле твоего дома. Помнишь меня? Я твой друг, с этим все в порядке... И я знаю, что делаю, поэтому доверься мне. А сейчас мы с тобой немного пройдемся, ладно? Одну ножку вперед, вот так... Потом другую... Молодец, девочка моя! Продолжай в том же духе. Как там наш кофе, Мариам?

– Уже несусь.

– Отлично! А мы с тобой сейчас выйдем на террасу, и ты сделаешь несколько глубоких вдохов, хорошо? Тебе нужен свежий воздух. Трогаемся в путь. Смотри, здесь порожек, не зацепись... Прекрасно! Вот мы и на террасе.

– Можно, я сяду? У меня голова так кружится...

– Давай еще немного походим, а потом мы усадим тебя, и ты получишь чашечку замечательного горячего кофе.

Прохладный воздух подействовал на меня освежающе, Томми водил меня по террасе то в одну, то в другую сторону. Я открыла глаза, и меня тут же повело в сторону, а он принялся считать наши вдохи и выдохи.

– Хорошо работаешь! Ну что? Полегчало?

– Немного, – кивнула я в ответ.

– Вот и прекрасно! А сейчас давай-ка я усажу тебя здесь.

Он осторожно опустил меня на стул, и через секунду в нос мне ударил сильный аромат свежесваренного кофе, и я мгновенно почувствовала новые позывы к рвоте.

– Сомневаюсь, что у тебя в желудке еще что-то осталось, – сказал Томми. – А потому можешь смело приступать к кофе, душа моя.

Впервые за все это время я сфокусировала свое зрение на его лице, а потом взяла в руку чашку, которую он мне протянул.

– А я пока пойду приберусь в спальне, – услышала я женский голос и узнала голос Мариам.

– Нет! Не надо! Пожалуйста! Там такое безобразие...

– Не переживайте за меня, Электра. Или вы забыли, что у меня дома пять младших братьев и сестер? Так что мне не привыкать к рвотным массам, – добавила она почти весело и тут же скрылась в комнате.

– Пей свой кофе, Электра. Он тебе поможет.

Я послушно сделала первый глоток, попутно расплескав полчашки, потому что руки мои сильно дрожали и держали чашку с трудом.

– Дай-ка мне сюда чашку, я тебе помогу. Вот!

Томми поднес чашку к моим губам, и я начала медленно пить, чувствуя, как с каждым глотком яснееет моя голова.

– Как ты сюда попал? – спросила я у него.

– Мариам пришла проверить, как ты тут, потому что ей позвонила твоя сестра, она была в панике. А я как раз был на улице, вот Мариам и сказала мне, что твоя сестра боится, что у тебя передозировка. Мариам сразу же хотела звонить 911, но я посоветовал вначале подняться к тебе, а там я сам посмотрю, что и как. У меня ведь еще с армейской службы остались кое-какие навыки по части медицины. К тому же я понимал, что ты вряд ли захочешь отправиться в больницу. Я прав?

– Прав. Спасибо тебе, Томми. Мне так стыдно. Все это было *просто омерзительно*.

– Не говори ерунды! Вообще-то я военный ветврач и на своем веку посмотрелся на всякое. Столько парней после перехода на гражданку начинали пить, злоупотреблять наркотиками. Я и сам не без греха, тоже баловался какое-то время и тем и другим.

– Еще раз большое тебе спасибо. – Я почувствовала, как заурчал мой желудок, словно желая навсегда избавиться от всей той дряни, которую я в него впихнула. Можно себе представить, что сейчас обо мне думает Томми. – Сегодня вечером я совсем не похожа на богиню, да?

– И что? Ты же такая, как и все мы, из плоти и крови. Живой человек, словом.

Я глянула на себя, на свои джинсы, все в блевотине, и внезапно почувствовала сильнейшее омерзение к себе самой. Как же низко я пала!

– Пойду приму душ, если ты не возражаешь.

– Конечно, не возражаю. Сама дойдешь до ванной комнаты? Или помочь?

– Спасибо, не надо. Как-нибудь сама. – Я поднялась со стула, меня все еще водило из стороны в сторону, но тем не менее я сама, без помощи Томми, добрела до гостиной.

– Вроде почти порядок, – объявила Мариам, выходя из спальни. – Но, пожалуй, вам лучше сегодня лечь спать в другой комнате. Там сильно воняет рвотой.

– Хорошо, спасибо.

Стоя под душем, я остервенело терла тело до тех пор, пока кожа не стала красной, будто стараясь избавиться от той заразы, которой я напичкала себя и которая, вполне возможно, просочилась и в кожу. Вышла из душевой кабинки и, закутавшись в полотенце, плюхнулась на табуретку возле туалетного столика. Будь моя воля, я так и осталась бы сидеть в ванной комнате, настолько мне было тяжело возвращаться обратно, лицезреть весь тот бардак, который я устроила в квартире, смотреть в глаза людям, которые пришли мне на помощь и увидели все мои безобразия.

– Ну ты, кляча, облажалась по полной, – прошептала я, обращаясь к самой себе, и принялась возбужденно растирать руками бедра. – Они правы, тебе действительно нужна помощь. Тебе! Нужна! Помощь!

И как только я громко произнесла вслух эти три слова, *что-то во мне* вдруг щелкнуло, и мне неожиданно стало легко. Я почувствовала себя лучше, чем за все последние недели.

– Нет, Электра! Лучше, чем за весь минувший год... – сказала я вслух.

И все благодаря Томми, мелькнуло у меня. Как это он там сказал? *«Ты же такая, как и все мы, из плоти и крови. Живой человек...»*

И он абсолютно прав. Я еще пока живой человек.

В дверь ванной комнаты постучали.

– С вами все в порядке? – услышала я голос Мариам за дверью.

– Да, все в порядке.

– Майя на проводе. Хотите поговорить с ней?

– Да.

Я поднялась с табуретки, подошла к двери и открыла ее. Мариам протянула мне свой мобильник. Я взяла его и пошла к себе в спальню.

– Спасибо, Мариам. Майя?

– Ах, Электра! – услышала в трубке нежный голосок сестры. – Слава богу, с тобой все в порядке! Я так испугалась, когда ты сказала, что хочешь заснуть. Честное слово, я...

– Майя, я не собиралась кончать жизнь самоубийством. Я действительно хотела уснуть, и только. Seriously!

– Мариам говорит, что сейчас с тобой все в порядке, но нашла она тебя в ужасном состоянии.

– Да, мне было очень плохо. Я по ошибке выпила слишком много снотворных таблеток. Перестаралась, одним словом.

– У тебя был такой голос... Ужас! Я сразу же после того, как ты бросила трубку, перезвонила Мариам и попросила ее поехать к тебе и проверить, все ли у тебя хорошо.

– Да, я знаю. Спасибо тебе за это.

– Электра, я...

– Можешь не продолжать, Майя. Я и сама знаю, что мне нужна помощь. *И потому...* – Я нервно сглотнула ком, который застрял у меня в горле. Глотать было *больно*. – Пожалуйста, сообщи координаты той клиники, о которой ты говорила Мариам. Пусть она наведет там справки, когда я могу к ним отправиться.

В трубке вдруг повисла тишина, а потом я услышала всхлипы и поняла, что Майя плачет.

– Боже мой! Как же это здорово! Я так волновалась! Вся извелась! Мы все переживали... Какая ты у нас мужественная девочка. Сама решила, что тебе нужна помощь. Я горжусь тобой, Электра! Честное слово, я горжусь.

– Пока я еще не уверена, что это сработает. Но попытаться ведь можно. Согласна со мной?

– Согласна на все сто! – Я услышала, как Майя хлопает носом, потом она громко высморкалась. – Ты позволишь мне рассказать об этом Ма и Алли? Они ведь тоже переживают за тебя.

– *Но только* Ма и Алли! Да, можешь сообщить им. Мне очень совестно, что я вас всех так напугала.

– Да, и мы бы не переживали за тебя так сильно, если бы не любили. Понимаешь, сестренка? Мы все тебя любим, очень, очень, очень любим.

– Ладно! Тогда заканчиваем наш разговор, иначе я тоже начну плакать. Передаю трубку Мариам. До свидания, Майя. И спасибо тебе за все.

– Майя сообщит вам все подробности, касающиеся той клиники в Аризоне, где лечат наркоманов, – промолвила я как бы между прочим, передавая телефон Мариам. – Я намерена отправиться туда, как только у них будет возможность принять меня.

Не дожидаясь ответной реакции своей секретарши, я набросила на себя халат и вышла из спальни: если еще и нужны были какие-то аргументы в пользу моего решения лететь завтра в Аризону, так это тот отвратительный запах, которым провоняла вся комната. Я снова вышла на террасу к Томми.

– А вот и ты, Электра, – приветствовал он меня, оторвавшись от стекла. – Потрясный вид открывается из твоих окон на город.

– Да, потрясный. Принеси мне, пожалуйста, воды. Хочу пить.

– Сию минуту.

Он вернулся со стаканами воды для каждого из нас.

– Твое здоровье! – Я чокнулась с ним своим стаканом, а потом мы оба выпили воду. – Хочу снова поблагодарить тебя за все то, что ты сделал для меня сегодня вечером.

– Что за чепуха! Ты же моя королева! И я был только счастлив немного помочь тебе. И всегда буду рад помочь.

– Знаешь, я тут немного подумала над тем, что ты сказал мне, ну, что я тоже всего лишь живой человек. Такой взгляд на вещи многое меняет, если смотреть на жизнь в перспективе. Получается, что совсем не стыдно признаваться в собственных слабостях, так ведь?

– Конечно, так.

– Я сказала сестре, что хочу как можно скорее пройти курс реабилитации в клинике для наркоманов, которую она мне посоветовала. Я уже устала быть торчком.

– Вот это лучшая новость из всех возможных, Электра. Хотя, само собой, я буду скучать по тебе, пока ты будешь отсутствовать.

– Надеюсь, мое отсутствие не продлится слишком долго, Томми, – поспешила я заверить его. Мне не хотелось развивать эту тему и дальше, думать обо всех последствиях своего шага. – Нет, ты сегодня был бесподобен.

– Хочу предупредить тебя заранее, там тебе будет непросто. Ты уж поверь мне, я знаю, о чем говорю. Однако ты сделала первый и самый трудный шаг, сама признала, что тебе нужна помощь. Если бы я только мог повернуть часы назад... – Он сокрушенно пожал плечами. – Но я попытаюсь... А вот ты еще ничего не потеряла, клянусь, что это так. Когда ты снова станешь чистенькой, жизнь заиграет для тебя новыми красками, с каждым днем она будет становиться все лучше и лучше. Однако мне уже пора уходить.

– Хорошо. – Я молча проследила за тем, как Томми поднялся со своего места. – Тогда до встречи после моего возвращения, Томми.

– Удачи тебе, Электра. Мысленно я буду с тобой все эти дни. Обещаю. – Он улыбнулся мне на прощание и скрылся в квартире.

– А вот и я, – услышала я голосок Мариам из гостиной.

– Какие новости? – спросила я у нее.

– Хорошие. Я переговорила с Майей, а потом позвонила в клинику, в регистратуру по телефону двадцать-четыре-семь. И дежурная сообщила мне, что на сегодняшний день у них есть одно свободное место, а потому лучше всего улететь туда уже прямо завтра. Я уже позвонила в одну частную авиакомпанию и договорилась с ними о рейсе на завтра в десять утра из аэропорта Тетерборо.

– Хорошо. А они сказали, как долго мне предстоит пробыть у них?

– Та женщина из регистратуры, с которой я беседовала, сказала, что в среднем курс реабилитации длится месяц, а потому я и договорилась с ними именно на такой срок.

– Целый месяц! Господи Иисусе! И что мы скажем здесь, Мариам? Нельзя же, чтобы все узнали правду.

– Сюзи разрулит все проблемы, я уже позвонила ей. Вы ведь не первая из ее фотомоделей, которые сталкиваются... которые болеют. Она шлет вам свой привет и пожелания всего наилучшего. И еще, она очень довольна тем, что вы самостоятельно пришли к такому решению. А все рабочие вопросы она урегулирует. Скажет заказчикам, что вы переутомились и вам нужно сделать перерыв в работе и немного отдохнуть.

– Полагаете, они *поверят*?

– А какая нам разница, поверят они или нет? Главное – это то, что по возвращении у вас, как обычно, будет полный портфель заказов. Ведь вы – одна из лучших фотомоделей в нашем бизнесе, если вообще не самая лучшая. Вы умеете работать, Электра. Выкладываетесь по-настоящему, все так говорят.

– Правда? – Я удивленно вскинула брови.

– Да! Вы никогда не опаздываете на съемки, всегда предельно вежливы на площадке, уважительно относитесь ко всем вокруг вас, в отличие от многих других моделей. Могу перечислить их имена.

– Но тогда почему *себе самой* я кажусь сплошным кошмаром?

– Потому что вы сами себя постоянно накручиваете, – тихо предположила Мариам. – Но при этом вы никогда на людях не выплескиваете свои эмоции, которые бушуют у вас внутри. К тому же вы очень креативная личность. Вспомните эти съемки для «Мари Клэр». Сколько они бились над тем, чтобы найти нужный образ, а вы просто поднялись с места, схватили скатерть с ресторанного столика, расписанную в африканском стиле, и завернулись в нее. Все! Нужный образ был моментально найден. Получилось великолепно. По сути, вы спасли тогда все съемки!

В дверь позвонили, и Мариам бросилась в холл открыть дверь. В ее глазах промелькнуло какое-то странное выражение, почти виноватое.

Я услышала, как она с кем-то разговаривает в гостиной, тоже встала и пошла посмотреть, что у нас за гость.

– Добрый вечер, Электра, – приветствовала меня моя бабушка. – Как самочувствие?

– Я... Все в порядке, – нахмурилась я, чувствуя, как снова нарастает раздражение. – А почему ты здесь?

– Я позвонила твоей помощнице сразу же после того, как ушла от тебя, – ответила мне Стелла. – Если помнишь, ты сама дала мне номер ее телефона.

– Да, но...

– Я сказала ей, что немного обеспокоена твоим состоянием, что, вполне возможно, это мой визит так разбалансировал тебя. Я попросила ее перезвонить мне и сообщить, все ли у тебя хорошо. И тем более перезвонить, если все отнюдь не совсем хорошо.

– А поскольку так оно и было, то есть, я хочу сказать, что мы нашли вас без сознания, я сразу же позвонила Стелле, – подала голос Мариам. Я увидела, как краска ударила ей в лицо, даже шея стала красной, когда она прочитала мой взгляд. – Но ведь Стелла – ваша бабушка, Электра, – виновато добавила Мариам. – Она тоже хочет вам помочь.

– Электра, пожалуйста... – Стелла направилась ко мне, протягивая обе руки. – Я здесь только для того, чтобы поддержать тебя. Я не собираюсь поучать тебя или читать мораль. Мариам сказала мне, что ты решила обратиться за помощью. Я так горжусь тобой.

Такое впечатление, словно я выиграла главный приз какого-то школьного соревнования, вот все и носятся со мной, будто с чемпионкой, забыв про то, что я просто наркоманка.

– Спасибо, – коротко кивнула я в ответ, почувствовав прикосновение ее прохладных, спокойных рук к моим рукам. – Но уже слишком поздно. Нам всем уже давно пора быть в постели.

– Что скажешь, если мы сейчас отпустим Мариам домой, а я останусь с тобой до утра, на тот случай, если тебе вдруг кто-то понадобится?

Я перехватила взгляд, которым обменялись Мариам и Стелла, и подпрыгнула от злости, словно меня ужалили.

– Да ты явилась сюда только за тем, чтобы убедиться, что я не передумаю и не сбегу до утра, разве не так?

– Возможно, – улыбнулась в ответ Стелла, и в ее глазах, так похожих на мои собственные, заплясали веселые смешинки. – Как известно, в прошлом ты сбегала, и не раз. Но для меня самое важное – чтобы с тобой ничего не случилось в течение этой ночи.

– То есть больше никакого алкоголя или наркотиков, да?

– В том числе и это. А сейчас, Мариам, отправляйтесь домой. Вы тут потрудились на славу. Уверена, Электра крайне признательна вам за все. Я права, Электра?

– Конечно, признательна! И Мариам это отлично понимает.

– Ладно. – Мариам улыбнулась. – Тогда я пошла. Увидимся завтра ровно в восемь утра. Я уже упаковала все вещи, которые вам понадобятся там, их совсем немного. Все сложено в чемодан и готово к отъезду. Доброй ночи.

Мы со Стеллой стояли молча, глядя Мариам вслед.

– Она у тебя настоящий бриллиант, Электра.

– Знаю. Очень хороший пресс-секретарь.

– Нет, она бриллиант, потому что искренне переживает за тебя и заботится изо всех сил. А такое отношение дорого стоит.

– Послушай, не вижу смысла, зачем тебе оставаться у меня? Обещаю, я буду пай-девочкой, сразу же улягусь в кровать, а завтра рано утром отправлюсь в аэропорт.

– Понимаю, мне незачем оставаться у тебя, но мне этого очень хочется. Хотя бы на некоторое время.

– Хорошо. Тогда я в ванную комнату, а потом прямиком в постель. И уверяю тебя! – сверкнула я глазами на бабушку. – Я не собираюсь сооружать себе там дорожку из кокаина.

Спустя несколько минут я улеглась на свободную кровать в другой комнате, чувствуя себя безмерно уставшей. Но как только я выключила свет, в дверь постучали.

– Входи.

– Я... Просто зашла, чтобы пожелать своей внучке доброй ночи, впервые за двадцать шесть лет. Можно?

– Конечно.

Стелла подошла к кровати и нежно поцеловала меня в лоб. Я глянула на бабушку: ее силуэт четко выделялся на фоне света, льющегося в комнату через открытую дверь.

– Но почему ты раньше не пыталась наладить со мной связь?

– Потому что до недавнего времени я даже не подозревала о твоём существовании.

– Даже так? Но почему?

– Это длинная история, моя дорогая Электра. Тем более не стоит начинать рассказывать ее в такое позднее время. Ведь уже ночь.

– Ты... ты говорила, что папа попросил тебя отыскать меня?

– Да, говорила.

– Но ведь папа умер.

– Увы! Упокой, Господи, душу его.

– Тогда как?

– А помнишь ту встречу с ним в Нью-Йорке? Где-то год с лишним тому назад...

– О да. Мы тогда вместе ужинали. Не ужин, а самая настоящая катастрофа!

– Знаю, он мне рассказывал. Собственно, именно после этого ужина он и бросился на мои поиски, и как-то после стольких лет ему удалось напасть на мой след, а потом он захотел встретиться со мной уже лично. Думаю, к тому времени он уже понимал, как серьезно он болен. Он рассказал мне, что очень переживает за тебя. И попросил меня обязательно установить с тобой связь, когда его не станет. Его нотариус, мистер Гофман, в июле сообщил мне о его смерти, но, к сожалению, я на тот момент была за границей, отсутствовала несколько месяцев, а потому его письмо попало мне в руки, только

когда я вернулась, то есть в марте этого года. И я сразу же написала твоему агенту.

– Понятно. – Глаза мои закрылись сами собой от навалившейся усталости.

– Сегодня у тебя была трудная ночь, милая. Да и впереди будет еще много таких же непростых ночей. Хочу, чтобы ты хоть немного поспала. Мне уйти?

Удивительное дело! Теперь, когда я знала, что папа действительно доверял этой женщине, мне совсем *не хотелось*, чтобы она уходила. Стелла, с которой пока отношения никак не складывались, была послана мне отцом. Он хотел, чтобы она присматривала за мной. И от этой мысли мне вдруг стало легко и уютно.

– Побудь еще немного, ладно?

– Ладно. – Она подошла к креслу, стоявшему в углу комнаты. – Хочешь, я спою тебе сейчас колыбельную, которую мне пела когда-то моя *Уиее*, чтобы ты поскорее уснула? Закрой глаза и представь себе бескрайнее небо, усыпанное звездами, над такими же бескрайними просторами Африки.

Мне тут же пришел на память любимый детский мультик, диснеевский «Король Лев». Картинки ожили и замелькали перед моим мысленным взором с особой яркостью, когда «бабуля» (смогу ли я назвать ее так когда-нибудь?) начала тихонько напевать песенку на незнакомом мне языке. Но у нее был такой проникновенный и мелодичный голос, и он звучал так нежно и сердечно, что я и в самом деле *закрывает глаза* и тут же представила себе бескрайнее небо, усыпанное звездами. Так под ее убаюкивающий голос я и уснула.

* * *

– Электра, пора вставать. Уже приехала Мариам.

Я недовольно разлепила глаза, потому что уже забыла, когда спала так долго и таким беспробудным сном. И вот кто-то пытается сейчас меня растолкать и вернуть в реальность. Я перевернулась на другой бок и отрицательно затрясла головой.

– Электра, милая, надо вставать. Машина уже ждет вас внизу, чтобы отвезти в аэропорт.

Сознание вернулось, и я моментально вспомнила, почему мне надо вставать в такую рань.

«Н-е-е-е-т...»

– Я не хочу никуда ехать... Пожалуйста, можно, я останусь? Мне уже гораздо лучше, – простонала я несчастным голосом.

С меня сдернули одеяло, и сильные руки рывком усадили меня на постели.

– Ты должна ехать, Электра! Одевайся!

Я со злостью уставилась на свою бабушку, которая протянула мне кашемировые спортивные брюки, и в бешенстве стукнула кулаком по кровати.

– А кто ты такая, чтобы указывать, что мне делать? – выкрикнула я, уже не владея собой. – Целых двадцать шесть лет своей жизни я даже не подозревала, что ты вообще есть на белом свете. И вот вам, здравствуйте! Явилась – не запылилась и тут же начала командовать, как у себя дома!

– Да, кто-то должен командовать тобой. Посмотри сама, во что ты превратилась без сильной руки!

– Убирайся! Убирайся ко всем чертям! – взвизгнула я во весь голос.

– Хорошо, хорошо... Сейчас уберусь. Знаю, у меня нет права поучать тебя, но я умоляю, не упусти этот удобный случай. В противном случае все будет повторяться снова и снова. Хочешь, я скажу тебе одну вещь? Я потеряла свое дорогое дитя именно из-за наркотиков. А потому нечего тут валяться передо мной, дорогая моя мисс, с видом несчастной жертвы и изо всех сил жалеть себя любимую! Ты и понятия не имеешь, что это такое – лишиться своего ребенка! И будь я трижды проклята, если допущу, чтобы и ты тоже погибла! Немедленно поднимай свою задницу с постели и вперед к новой, чистой жизни!

С этими словами бабушка круто развернулась ко мне спиной и вышла из комнаты, хлопнув на прощание дверью с такой силой, что она вся сотряслась до самого основания. Никто и никогда, даже Па Солт, не разговаривал со мной в подобном тоне. Кажется, я ее взбесила, и это стало для меня своеобразным шоком. А потому я оделась и с виноватым видом просунулась в гостиную: Мариам уже поджидала меня там, сидя на диване.

– Готовы? – спросила она у меня.

– Да. Она ушла?

– Ваша бабушка? Да, ушла. Сумка с вашими вещами уже в машине. Нам пора в путь.

Я безропотно поплелась вслед за Мариам на выход из квартиры, чувствуя себя точно так же, как в тот день, когда меня ребенком увозили из Атлантиды в закрытую школу на очередной семестр. Но ведь еще не поздно повернуть назад, забаррикадироваться в квартире, налить себе водки, потом соорудить кокаиновую дорожку...

Но в моих ушах продолжали звенеть слова бабушки, и потому я покорно тащила за Мариам к лифту, чувствуя себя как тот агнец, которого ведут на заклание.

17

«Рэнч», Аризона

Май

– Электра, сегодня пошел уже двадцать второй день вашего пребывания у нас. Как себя чувствуете?

Фай глянула на меня своим бесконечно ласковым взглядом, видно, пытаюсь оценить мое самочувствие. В самом начале наших с ней сеансов терапии у меня было такое чувство, что ей все равно, что я там болтаю и что выплескиваю наружу из недр своей души; этот ее нежный голосок (с явно выраженным европейским акцентом) и вечно полузакрытые голубые глаза создавали впечатление, что она постоянно пребывает в какой-то полудреме. О, как же я ошибалась! И этот ее извечный вопрос «Как вы себя чувствуете?», такой своеобразный стилистический троп, он преследовал меня с нашего самого первого занятия.

Так как же я себя *чувствую*? И как чувствовала все минувшие недели?

Неделя первая: после двух суток, проведенных в центре детоксикации, ответ мой прозвучал так:

– Как человек, заглотивший изрядную порцию водки, смешанной с парой таблеток, а следом вынюхавшие двадцать кокаиновых дорожек. И больше всего мне сейчас хочется стырить где-нибудь ружье и с его помощью вырваться отсюда на волю.

Какое-то время меня контролировали на предмет суицидальных настроений из-за моей «передозировки», а потому без конца пичкали какими-то препаратами, которые якобы должны были облегчить мне выход из того одурманенного состояния, в котором я пребывала после постоянного употребления спиртного и наркотиков. Кажется, за всю свою жизнь я не пребывала в таком состоянии отчаяния и не испытывала такой бешеной ярости, как в эти самые первые два дня. По-моему, все вокруг на полном серьезе полагали, что я могу свести счеты с жизнью в любую минуту.

Но наконец из палаты детоксикации меня перевели в обыкновенную палату, и я словно вернулась в далекое прошлое, в дортуар своей закрытой школы, в ужасе обнаружив, что в комнате, помимо меня, храпят еще какие-то две девицы, и не просто храпят, но и вскрикивают во сне, все время пускают газы или громко рыдают, уткнувшись в подушку (а иногда все вместе на протяжении одной ночи). И какого черта эта гребаная клиника, каждый день пребывания в которой обходится дороже, чем номер в самом фешенебельном пятизвездочном отеле, не может предоставить своим клиентам отдельные палаты?

Неделя вторая: по-прежнему провела ее, постоянно испытывая злость уже от того, что Двенадцать Ступеней программы реабилитации анонимных алкоголиков основаны на том, что я должна обратиться к Богу, в которого не верю, и слезно просить Его о помощи. Более того, для того, чтобы стать чистой, я должна смиренно покориться Его воле, всецело предав себя в руки этой мифической фигуры во всей ее славе и величии. И я уже почти возненавидела Фай, которая все время сует свой нос в мою жизнь. И, разумеется, этот ее уже навязший в зубах вопрос о том, как я себя «чувствую» и что я думаю о своей прошлой жизни, как будто ей есть дело до всего этого. Однако появились и плюсы. Во-первых, мне действительно понравилась одна из моих соседок по имени Лиззи. Во-вторых, приободрило то, что в той группе пациентов, с которыми я вместе проходила сеансы терапии, нашлись еще большие торчки, чем я сама.

Неделя третья: именно на третьей неделе я почувствовала некоторые признаки облегчения, и даже эти проклятые Двенадцать Ступеней начали обретать наконец некий смысл, особенно когда один из парней в нашей группе откровенно признался на очередном нашем

сборище анонимных алкоголиков, что тоже не верит в Бога, а потому он просто представляет себе некую высшую силу, что-то такое, что многократно превосходит силы и возможности обычных людей, живущих на этой земле. Его откровение помогло и мне, очень помогло. А еще я обнаружила, что мне нравятся сеансы иппотерапии, вот только убирать за лошадьми продукты их жизнедеятельности мне совсем не хочется. Больше по душе усесться верхом на одну из лошадок и пуститься вскачь по пустыне Сонора. Мы с Лиззи сблизились еще больше, особенно после того, как от нас отселили третью соседку (именно она и портила нам воздух в палате, а еще спала в обнимку с каким-то кудлатым кроликом-игрушкой, которого величала «Бобо»).

– Итак, Электра! Как все же вы себя чувствуете?

«Вообще-то, – мелькнуло у меня в эту минуту, – я горжусь собой». Да, именно так. Горжусь тем, что целых двадцать два дня я не прикасалась к спиртному, не нюхала наркотики и не глотала успокоительные таблетки.

Собственно, все это я и озвучила в своем ответе, зная, как Фай любит получать позитивную реакцию на свои вопросы.

– Это и правда фантастика, Электра. И вам точно есть чем гордиться. Как и всем тем, с кем вы сейчас находитесь в клинике, вам тоже пришлось совершить непростое путешествие, изобилующее множеством трудностей и проблем, но вы не спасовали. А потому вы *должны* гордиться собой. Я тоже горжусь вами, – улыбнулась Фай.

– Спасибо, – немного смутилась я.

– Знаю, у вас было трудное время, много неприятностей. Все это, в конце концов, и привело вас к нам, – завела свою обычную песенку Фай.

Я уже заранее знала, к чему она клонит, и тут же почувствовала привычный приступ злости и раздражения.

– А у вас самой есть какие-то объяснения тому, что вызвало передозировку в тот вечер в Нью-Йорке? – спросила Фай.

– Ничего у меня нет! – отрезала я. – Я уже сто раз повторяла вам всем, что все произошло чисто случайно. Я просто хотела уснуть! И больше ничего! Хотела отключиться на какое-то время, чтобы успокоить мозги и...

– Электра, я верю вам. Просто еще и еще раз хочу уяснить для себя самой, что и впредь вы не станете сознательно причинять себе

зла. Ведь я ваш терапевт. Мой долг – защитить и уберечь вас. И хотя я очень рада, что перед вами уже открылись какие-то новые перспективы, мне хочется поговорить с вами вот о чем. Вы сами призналась мне, что вам трудно разговаривать с посторонними о своих чувствах, нелегко распахивать душу перед чужими. А ведь вы уже успели понять за минувшие недели, проведенные здесь, как влияет на каждого из нас все, что мы делаем. Это, между прочим, напрямую связано с тем, сумеете ли вы остаться чистой и после того, как покинете «Рэнч».

– Вы правы, я действительно человек замкнутый. Люблю самостоятельно разбираться во всех своих проблемах, не посвящая в них никого.

– Я уже поняла это, Электра. Однако, согласившись приехать к нам, вы тем самым дали нам понять, что нуждаетесь в посторонней помощи. Вот я и тревожусь, что когда вы снова вернетесь к обычной жизни, в «реальный», так сказать, мир, то можете и не попросить о помощи, когда она вам понадобится.

– По-моему, мы уже обсуждали с вами проблему, связанную с тем, что я мало кому доверяю.

– Да, обсуждали. И я посчитала это вполне естественным, учитывая, что вы – селебрити. А знаменитости действительно мало кому доверяют. Однако я успела заметить, что вы особенно неохотно вступаете в разговоры о своем детстве.

– Детство как детство. Я же вам уже говорила, меня удочерили, как и пятерых моих остальных сестер. Мы жили... Образ жизни такой богатой привилегированной семьи... Вот, пожалуй, и все. К тому же папа всегда говорил мне, что никогда не надо оглядываться назад, в прошлое. И это вопреки всему тому, что утверждает ваша психотерапия.

– Да, наша терапия действительно *имеет дело* с прошлым, но у вас, Электра, больше нет необходимости оглядываться назад. Хотя если подумать, то детство составляет приблизительно две трети той жизни, которую вы уже прожили.

Я, как всегда, неопределенно пожала плечами в ответ и принялась разглядывать свои ногти без всякого покрытия. Подумала, как же быстро они отросли и какие здоровые они после того, как я перестала издеваться над ними и все время грызть. Потом мы с моей докторшей

стали играть в молчанку. Ну, в этой игре у нее практически не было шансов победить. Подобные битвы я всегда выигрывала. Как говорится, могу «перемолчать» любого.

– Вы полагаете, ваш отец оказал огромное, если не решающее, влияние на вашу жизнь? – сдалась Фай и заговорила первой.

– Наверное. Впрочем, как и все родители. Разве не так?

– Зачастую да. Но порой роль лидера в семье берет на себя другой член семьи, например, кто-то из детей. Вы упомянули, что ваш отец подолгу отсутствовал, когда вы были маленькой.

– Да, это правда. Но все мои сестры не просто обожали, они боготворили отца. Я же была самой младшей в семье. Естественно, я плыла вслед за ними.

– Да, непросто это существовать в семье, в которой подрастают шестеро девочек, да еще быть младшенькой. Сужу по себе: нас, сестер, в семье четверо, но я самая старшая.

– Повезло вам.

– Почему повезло?

– Да сама не знаю почему. Мои старшие сестры всегда были главными, отвечали за всех нас, остальных. Ну а мы вынуждены были их слушаться. Стоять по стойке «смирно», в случае чего. И все стояли, за исключением меня.

– То есть вы бунтарка по натуре?

– Наверное. Но я артачилась вовсе не из вредности, – ответила я, досадуя в глубине души, что наш разговор с Фай вырвался на те территории, о которых мне не хотелось вспоминать.

– Это началось в подростковом возрасте?

– Нет. Думаю, с пеленок. Видно, я родилась уже с таким бунтарским характером. Сестры рассказывали мне, что, когда я была младенцем, наш дом день и ночь сотрясался от моих криков. Они даже придумали мне такое шутовское прозвище «Трики», якобы от слова «электричество». Однажды, когда мне было лет пять, я случайно подслушала разговор Майи и Алли и узнала про эту кличку. Помню, побежала в сад, спряталась там и наплакалась всласть от обиды.

– Могу себе представить!

– Но сейчас все это уже в прошлом и ни капельки меня не задевает. К тому же все дети любят обзывать и придумывать друг другу всякие смешные прозвища. Я права?

– Да, вы правы. Кстати, а какие прозвища были у ваших сестер?

– Я... не помню. – Я глянула на часы, висевшие на стене. – Мне пора. Ровно в три у меня сеанс иппотерапии.

– Хорошо, тогда на сегодня все, – согласилась Фай, хотя до окончания сеанса психотерапии оставалось еще минут десять. – Но вот вам задание на вечер. Постарайтесь сфокусировать свою память на тех моментах, которые провоцировали у вас в детстве какие-то страстные желания или вызывали неприятие. А еще было бы неплохо, если бы вы все же напряглись и вспомнили прозвища всех остальных своих сестер. Договорились?

– Ладно! Тогда до завтра.

Я поднялась со стула и вышла из комнаты, испытывая очередной приступ раздражения. Ведь мы же обе прекрасно понимаем, что я не стану вспоминать всякие дурацкие прозвища, тем более ни у кого из моих сестер никогда не было никаких кличек. Я миновала длинный коридор терапевтического отделения, вышла в главный вестибюль, а оттуда на улицу, под горячее аризонское солнце. Да, получается, что последний раунд я все же уступила Фай. Конечно, она прекрасный психотерапевт. Кто бы спорил? Так ловко расставляет мне капканы, которые я сама же себе и сооружаю. Поскольку у меня еще было в запасе несколько минут свободного времени, то я устремила свои стопы к месту, которое с недавних пор стало моим любимым:» Лабиринт твоих тревог», так оно называется. Множество дорожек, вымощенных кирпичом, бегущих по кругу. Но всякий раз, когда ты начинаешь накручивать круг за кругом, дорожка выводит тебя в новом направлении, в зависимости от того, в каком именно месте ты сделала поворот. Такая вот своеобразная метафора человеческой жизни. Мы на групповых занятиях со своим психотерапевтом часто обсуждали, как влияет наше решение, каждое наше решение, и маленькое, и судьбоносно большое, на всю нашу дальнейшую жизнь. Меряя шагами кирпичную дорожку лабиринта, я размышляла сейчас о том решении, которое когда-то приняла, даже не подозревая об этом...

– Ну почему ты никому не доверяешь? – спросила я себя.

Самое легкое – свалить все на свой статус звезды. Я грустно усмехнулась, подумав о том, сколько миллионов людей по всему свету мечтают прославиться, стать знаменитыми... А на меня известность и слава свалились неожиданно, буквально за одну ночь, да еще в столь

юном возрасте. Как говорят в таких случаях, наутро она проснулась уже знаменитой.

Нет, моя скрытность вовсе не связана с тем, что я селебрити. И вовсе не потому я замкнулась, что раздражала в свое время сестер своим вечным плачем. И не из-за папы, хотя какая-то доля его вины в том, что я стала такой, какой стала, есть...

«Так почему ты не расскажешь обо всем этом Фай? Почему не поговоришь с ней начистоту, – мысленно спросила я саму себя. И сама же ответила: – Потому что ты боишься, Электра, боишься снять эту тяжесть со своей души...»

Однако, наверное, это все же явный перебор – сводить все свои проблемы по части доверия к людям к одному крохотному эпизоду, случившемуся в далеком детстве.

Однако и тогда, и сейчас я не была жертвой. *И никогда ей не буду.* А сколько таких жертв я наблюдаю сейчас что ни день в клинике «Рэнч».

Но я-то явилась сюда вовсе не за сеансами психотерапии. Я приехала, чтобы меня излечили от наркотической зависимости, и, по моему, это получается.

– Во всяком случае, на сегодня, – сказала я вслух, вспомнив Двенадцать ступеней. Двигайся вперед постепенно, день за днем, вот главная наша мантра. Минувшие три недели были невероятно трудными, пожалуй, самыми трудными за всю мою жизнь. Да и сегодня все еще далеко не так безоблачно, как хотелось бы, потому что процесс очищения организма неизбежно сопряжен с тем, что ты включаешь мозги, снова начинаешь думать. А это значит, что тебе надо взглянуть на саму себя, вспомнить, какой ты была... Плюс все это дерьмо, которым наполнилась твоя недавняя жизнь. Хотя, с другой стороны, как же здорово просыпаться поутру, хорошенько выспавшись за ночь, и быть в состоянии о чем-то *подумать*. Пусть проблемы по части доверия все еще остаются, но зато мне удалось побороть наркотическую зависимость. А разве это не самое важное?

Я вышла из лабиринта и направилась на конюшни. Рядом раскинулось обширное пастбище, на котором паслись лошади, всегда готовые к услугам для торчков (в том числе и для меня). Можешь погладить лошадку, приласкать ее.

– Привет, Электра, – поздоровалась со мной Мариса, молодая девушка, помогавшая грумам на конюшне. – Как дела?

– Да вроде все нормально, спасибо, – выдала я свой дежурный ответ. – А у тебя как?

– И у меня все отлично, – ответила она, сопроводив меня в конюшню и махнув рукой на кучу навоза в углу. – Сегодня твоя очередь убирать дерьмо, – весело улыбнулась она и вручила мне резиновые перчатки и вилы.

– Благодарю.

Девушка вышла из конюшни, а я невольно спросила себя: интересно, что она сейчас думает про меня? Одна из самых крутых и знаменитых фотомоделей в мире и по уши в дерьме. Но что бы она там сейчас себе ни воображала на мой счет, я знала одно: весь персонал клиники при поступлении на работу давал подписку о неразглашении, обещал, что даже под угрозой смерти не выдаст имена тех, кто проходит реабилитацию в клинике «Рэнч», и то, чем мы все тут занимаемся.

Я приступила к работе. Конечно, приятного мало, но зато успокаивает: сгребая вилами одну кучку грязной соломы за другой, я продолжала размышлять о том, что мы сегодня обсуждали с Фай о временах моего детства. Оно же было у меня счастливым, и немедленно в памяти стали всплывать приятные картинки тех лет. Когда мне было лет шесть или семь, мы всей семьей отправились в свой традиционный летний круиз по Средиземному морю на папиной яхте «Титан». И вот где-то на подходе к Ницце папа взял меня на берег, чтобы навестить какого-то своего приятеля, у которого были свои конюшни. Мы добрались до берега на скоростном катере.

– Я решил, что тебе будет интересно посмотреть на лошадей вблизи, увидеть их повадки. Возможно, после знакомства с ними тебе даже захочется научиться кататься верхом, – пояснил мне тогда папа.

Вначале я испугалась: лошади показались мне такими огромными, а я была такой маленькой в сравнении с ними, но потом грум подобрал мне самую маленькую лошадку из всех – крохотного пони, усадил меня верхом, и я сразу же почувствовала себя такой высокой и сильной. Мы сделали несколько кругов по двору, вначале меня трясло и подбрасывало на каждой кочке, но постепенно мое тело приспособилось к ритму движения животного. В конце нашей

прогулки я уже осмелела настолько, что даже стала понукать пони пробежаться по кругу легким галопом.

– У тебя врожденный талант наездницы, – заметил отец, остановившись рядом со мной. – Хочешь брать уроки верховой езды и учиться кататься на лошадях уже по-настоящему?

– Очень хочу, папочка!

И действительно, по возвращении в Женеву папа организовал для меня занятия по верховой езде. И потом, когда меня отправили в закрытую школу, мои уроки верховой езды продолжились. Это были самые счастливые моменты в моей тогдашней школьной жизни. Я знала, что могу поведать своей лошадке все самые сокровенные тайны, я любила животное всем сердцем и хотела лишь одного: чтобы моя лошадь никогда меня не предала.

– Все, готово! – объявила я Марисе, снимая перчатки после того, как принесла в стойла чистой соломы из копны, стоявшей во дворе. Мариса показала мне на огороженный участок для выгула лошадей. Несколько пациентов уже торчали там, перевесившись через забор и наблюдая за тем, как их товарищ ублажает Филомену, послушную гнедую кобылку.

Я тоже подошла к изгороди, облокотилась на нее, молча кивнула головой, приветствуя собравшихся, но в разговоры вступать не стала.

– Привет, Электра! – радостно помахал мне рукой Хэнк, выбегая из конюшни. – Ты следующая на очереди!

– Спасибо, – поблагодарила я, выразительно вскинув вверх большой палец. «*Какой красивый парень*», – подумала я, разглядывая Хэнка издалека. Сильный мускулистый торс, совсем не такой, какой приобретают все эти качки, без усталости напрягая себя во всяких гимнастических залах. Такое тело – результат интенсивной и ежедневной верховой езды по пустыне. Мне нравилось наблюдать, как Хэнк обращается с лошадьми. Хотя я своими глазами видела, как он убил гремучую змею, случайно заползшую во двор, вилами проткнув ее переливающуюся на солнце чешую, с лошадьми он всегда обращался с величайшей нежностью, что не могло не трогать. Сказать честно, на конюшни меня тянуло не только из-за лошадей, но и потому, что хотелось увидеть Хэнка...

– Давай, детка! – прокричал он мне через пару минут. – Вперед! – Но я все же успела за эти минуты мысленно раздеть его догола.

Хорошо хоть, что загар скрыл краску стыда, проступившую на моем лице.

– Она в твоём полном распоряжении, – сказал Хэнк, когда я подошла к Филомене.

– Привет, Филли! – прошептала я и ласково погладила кобылке нос, потом поцеловала ее, вдохнув в себя свежее лошадиное дыхание. – Повезло тебе, девочка, ой как повезло! Во-первых, потому что ты не человек, а животное. А во-вторых, тебя здесь все так любят, и ты не знаешь никаких печалей, которые выпадают на долю людей. А сейчас, я думаю, ты позволишь мне вскарабкаться на тебя верхом, и мы немного покатаемся, да? – добавила я, повернувшись к Хэнку и сверкнув улыбкой, видя, что он внимательно наблюдает за мной.

Когда на начальном этапе психотерапевты тестировали меня на предмет всевозможных аномалий в моей психике, то в их вопроснике был и вопрос о том, насколько я люблю секс. То есть не являюсь ли я сексозависимой личностью. Тогда я ответила, что я уже взрослая женщина, мне двадцать шесть лет, и я получаю от секса огромное удовольствие, особенно когда пребываю в хорошем расположении духа. Но я никоим образом – *никоим образом!* – не считаю, что подседа на секс, словно на наркотики. Секс в моей жизни играет точно такую же роль, как в жизни любой другой женщины моего возраста.

– И в этом вся проблема моего пребывания здесь, – прошептала я Филли на ухо. – Приезжаешь сюда с одной зависимостью, а уезжаешь уже с другими.

Наобнимавшись всласть с Филоменой – а чем еще можно заняться со столь флегматичной кобылкой? – я снова кивнула Хэнку. Он тут же подошел ко мне и предложил покормить лошадь.

– Ты в порядке? – поинтересовался он у меня, пока Филли флегматично жевала, наверное, уже двадцатую морковку за день.

– Да, все нормально. Тебе не кажется, что Филомена может растолстеть, если так и будет целыми днями неподвижно стоять на одном месте?

– Не волнуйся, я ей потом задам хорошую нагрузку, погоняю по полям.

– Я бы тоже хотела покататься верхом, – вздохнула я.

– Не положено, к сожалению. В противном случае... – Он оборвал себя на полуслове.

– Понимаю.

– Вот когда выпишешься отсюда, милости просим ко мне на ранчо. Там можешь кататься верхом, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо за приглашение. Я подумаю, – ответила я, чувствуя, как вспотело у меня подмышками. Вполне возможно, это только я так взволнованно отреагировала на его слова, но, уходя, я заметила краешком глаза, что Хэнк внимательно смотрит мне вслед. А что, если он только что предложил мне роман с продолжением? Но, как бы то ни было, а Хэнк поднял мне настроение. Приятно осознавать, что ты все еще можешь нравиться мужчинам, даже находясь на реабилитации в клинике для наркоманов.

Я вернулась к себе в палату, комнату со стенами, выкрашенными в пастельных тонах, и тремя кроватями, длины которых лично мне хватало лишь только для того, чтобы как-то улечься на своей постели. Еще узенький шкафчик у стены, куда я впихнула свои куртки, толстовки и спортивные брюки. Есть еще небольшой письменный стол, которым я пока ни разу не воспользовалась. Поначалу мысль о том, что мне придется делить душевую кабину со своими соседками по палате, приводила в ужас. Я тут же представила себе ключья волос повсюду (чужие волосы в сливном отверстии – это вообще мой пунктик!) и какое-то время упорно не мылась. Но, в конце концов, сдалась, потому что уже и пропотела, и стала вонять, сама учуяв запах своего немытого тела, но первая помывка прошла замечательно.

К счастью, сегодня душ сверкал чистотой – видно, служанка только что закончила уборку, а потому я тут же поспешила в душевую и долго блаженно нежилась под прохладными струями воды, глядя вверх и стараясь не смотреть вниз, туда, где пенится вокруг ног вода, стекая в сливное отверстие. Вышла из душа, оделась и достала свой старый альбом с зарисовками (я его обнаружила в переднем кармане своего рюкзака, куда сама его и положила в свой последний приезд в Атлантис), потом взяла карандаш и стала набрасывать эскизы. Сравнительно недавно я обнаружила, что, как только я начинаю придумывать всякие разные фасоны необычной по форме, но очень удобной одежды, как тут же расслабляюсь и успокаиваюсь. Я подумала, сколько раз меня саму наряжали в совершенно не пригодные для носки вещи (а зачастую и вовсе безобразные), но зато *от кутюр*, и все только для того, чтобы создать какой-то новый образ, хотя никакая

нормальная женщина с улицы даже не посмотрит в ту сторону и тем более не станет примерять такой наряд на себя. И столько же раз я слышала в ответ на свои сомнения бесконечные разговоры модельеров о том, что мода – это одна из форм современного искусства. Лично меня их рассуждения приводили в бешенство. Тоже мне, открыли Америку! Да мода *во все времена* оставалась современным искусством. Кутюрье, придумывавшие наряды для придворных Людовика XIV, разгуливающих по Версалю, или обшивавшие древних египтян, понимали это не хуже них.

Я стала рисовать фасон платья со съёмным пышным воротником, удлиненное, падающее мягкими фалдами вниз почти до самых щиколоток. Красиво, просто и очень, очень удобно. Но через несколько минут мое внимание отвлекло новое лицо, возникшее в дверях нашей палаты. Девушка переступила порог и направилась к свободной кровати у окна. Она, как, впрочем, и многие, кто здесь лечится, была невероятно худенькой, можно сказать, на грани полного истощения, и маленькая, не выше пяти футов. У нее была прекрасная смуглая кожа, как у моей сестры Майи, что сразу же выдает смешанную кровь, а на голове – целая копна пышных блестящих черных кудрей.

– Привет, – поздоровалась я с девушкой, откладывая карандаш в сторону. – Новенькая?

Она молча кивнула в ответ и уселась на кровать, тесно сдвинув коленки и прижав их сверху кулачками. Она даже не взглянула на меня, чему я была откровенно рада. Обычно стоило незнакомому человеку бросить на меня взгляд, как он тут же узнавал меня и немедленно начинал сыпать вопросами.

Но вот кулачки постепенно разжались, и я увидела, как дрожит у новенькой рука, когда она поднесла ее к лицу, чтобы отбросить с глаз прядь волос.

– Только что после детоксикации, да? – спросила я.

Девушка снова кивнула.

– Тяжелое испытание, но, думаю, ты справишься, – сказала я, чувствуя себя уже умудренным опытом ветераном после трех недель, проведенных в клинике.

Она лишь молча повела плечами в ответ.

– Они тебе давали бензодиазепин? Мне он очень помог, – добавила я с видом заправского знатока. Девчонка выглядела такой

невероятно хрупкой, а сейчас, когда она убрала волосы с глаз, я увидела в них откровенный страх. – Ты сидела на коксе?

– Нет, героин и морфин.

Я машинально глянула на ее руки, словно пытаюсь разглядеть следы от инъекций, но она тут же убрала руки с колен.

– Я слышала, что героин – это самый сильный наркотик.

– Да.

Девчушка обхватила себя руками и улеглась на постели в позе эмбриона, повернувшись ко мне спиной. Я увидела, что она вся дрожит, подошла к ее кровати, взяла одеяло, лежавшее у нее в ногах, и набросила его сверху.

– Ты справишься, вот увидишь! – Я легонько погладила ее по плечу. – Меня зовут Электра, кстати.

Никакой реакции. Удивительно! А ведь стоит мне только назваться, и сразу же *следует* возбужденная реакция собеседника.

– Ладно. Я сейчас в столовку на обед. До скорого.

Я увидела, как девочка слегка пошевелилась под одеялом, сворачиваясь калачиком. «*Интересно*, – подумала я, выходя из палаты, – *с чего это я вдруг стала проявлять внимание к своей новой соседке?*» Может, потому что и сама недавно находилась в подобном состоянии после детоксикации, вот меня и разобрало невольно, проявила, так сказать, сочувствие и сострадание к ближнему.

Столовая была, как всегда, полна народу. Пациенты сидели за круглыми столами и вели негромкие разговоры между собой. Свет потоками вливался через высокие окна, из которых открывался прекрасный вид на Сад безмятежности, раскинувшийся внизу. Буфет, уставленный разнообразными блюдами, протянулся через весь зал. Обслуживали повара в белоснежных колпаках: как ни странно, но кормят здесь отменно. Я взяла себе дневную норму углеводов: горячие трубочки энчилады с мясной начинкой, политые сверху расплавленным золотистым сыром, и картофель-фри в качестве гарнира. Думаю, после того, как я уеду из клиники, мне придется сесть на жесточайшую диету, но пока вкусная еда перебивает у меня тягу к водке. За едой я продолжила свои размышления о сочувствии. Сочувствие, сопереживание, сострадание, эти слова в «Рэнч» употребляются постоянно, что и понятно. Ведь алкоголик или наркозависимый человек, как правило, теряет эти качества начисто. Ты

сам отсекаешь от себя чувство сострадания к другим людям, как нечто совершенно ненужное и обременительное, а чтобы притупить в своем сознании все то плохое, чем ты занимаешься, набрасываешься на спиртное и всякие таблетки. Желание забыться и забыть все – вот что тобой движет в первую очередь. *«Пожалуй, надо будет завтра рассказать Фай о том, как во мне неожиданно проснулось сочувствие к незнакомой девушке, которую подселили к нам в палату»*, – подумала я. Фай страшно любит такие вещи.

– Привет.

Я подняла глаза и увидела Лиззи, свою соседку, чья кровать стоит рядом с моей. Она присела за стол с подносом, на котором стояла тарелка с супом и еще одна с какой-то зеленью. Волосы, как всегда, блестят, превосходный золотистый цвет, прекрасное осветление, модная короткая стрижка. Похожа на такую красивую фарфоровую куклу, но бог мой! – сколько же усилий она для этого прикладывает. Ее лицо почему-то производит на меня такое впечатление, будто над ним поработал какой-то скульптор-психопат, пребывающий под сильным влиянием Пикассо. Она приехала в «Рэнч», чтобы избавиться от своего пристрастия к еде. Честно, я удивилась, увидев ее в столовке. Как по мне, так это все равно что заявиться в бар, вся стойка которого усыпана дорожками из кокаина.

– Ну, как ты сегодня? – поинтересовалась у меня Лиззи.

– Пока все идет нормально. Спасибо, Лиззи, – ответила я. Интересно, помнит ли она, как я тормошила ее минувшей ночью, пытаюсь перевернуть на другой бок, потому что она храпела так громко, что наверняка разбудила всех койотов, обитающих в округе.

– Выглядишь ты сегодня гораздо лучше. Глаза вон сверкают. Впрочем, они у тебя всегда блестят, – добавила она поспешно. – У тебя красивые глаза, Электра.

– Спасибо, – снова поблагодарила я соседку, уминая свою энчиладу и чувствуя себя при этом очень виноватой, потому что Лиззи устала на энчиладу таким звериным взглядом, что, пожалуй, могла бы и убить всего лишь за один крохотный кусочек. – А как твои дела?

– О, у меня пока все идет очень хорошо. Вот уже сбросила двенадцать фунтов за то время, что я здесь. А впереди ведь еще целых три недели. Думаю, Кристофер меня не узнает, когда я вернусь домой!

Кристофер – это муж Лиззи. Какой-то голливудский продюсер, у которого, как во всех подробностях поведала мне Лиззи, есть один грех, присущий большинству женатых мужчин: любит ходить налево. Почему-то Лиззи абсолютно уверена в том, что если она похудеет на двадцать фунтов, то ее муж откажется от своих любовных походов. Но, во-первых, она совсем даже не толстая; а во-вторых, трудно понять, что в этой женщине осталось от нее самой. Ведь она столько раз подвергала себя самым разным процедурам косметической хирургии, тут урезать, тут отщипнуть, а тут сделать лифтинг и прочее. Неудивительно, что после всех подтяжек кожа на ее лице натянута, словно на барабане. Лично я очень сильно сомневаюсь в том, что Кристофер превратится в примерного семьянина. И вообще я считаю, что Лиззи подседа не столько на еду, сколько на собственного мужа, желая угодить ему всеми возможными и невозможными способами.

– Сколько тебе еще осталось? – спросила она у меня.

– Неделя, а там прости-прощай, «Рэнч».

– Ты молодец, Электра. Ты справилась. А я ведь видела здесь много таких, кому это не удалось. Но ты же у нас красавица и такая яркая и знаменитая. Зачем тебе все это зелье? – добавила она, ковыряя вилкой лист рукколы, а потом принялась методично жевать его с таким видом, словно перед ней лежит большая порция стейка рибай. – Я тобой горжусь.

– Спасибо тебе на добром слове, – улыбнулась я, подумав, что сегодня мой самый первый по-настоящему хороший день, и так приятно получать такие комплименты, как этот. – Знаешь, нам подселили в палату новенькую, – добавила я, сомневаясь, стоит ли искушать Лиззи и дальше, если я возьму с буфетной стойки еще и кусочек шоколадно-творожного торта и поставлю тарелку с ним прямо у нее под носом.

– А, так это Ванесса. Я в курсе. – Лиззи всегда первой узнавала все новости, а я уже потом напитывалась ее сплетнями. – Бедняжка! Такая молоденькая... Наверное, едва восемнадцать исполнилось. Одна из медсестер, работающих в отделении детоксикации, рассказала мне, что ее подобрала буквально в канаве в Нью-Йорке, какой-то богатый господин проявил милосердие и оплатил стоимость ее лечения здесь. Конечно, существует и государственная программа для реабилитации юных наркоманов, но она не всегда срабатывает: ребенок поступает на

лечение в клинику, ему тут проводят чистку всего организма, вроде как здоров, и с наркозависимостью покончено, а потом они возвращаются к себе домой и принимаются за старое. В течение считанных недель снова подсаживаются на иглу. – Лиззи тяжело вздохнула. – А если юридически ты уже считаешься взрослой, как, к примеру, та же Ванесса, то и вовсе забудь думать об этой программе.

Лишь в последние дни, когда мои мозги наконец включились и заработали в нормальном режиме, до меня дошло, что мы с Лиззи принадлежим к небольшому числу привилегированных пациентов, которые проходят здесь лечение. Раньше я и не задумывалась над тем, во сколько обходится лечение человеку, который хочет стать чистым. А ведь в Америке тысячи и тысячи юношей и девушек, которые, подобно мне, уже приобрели эту самую наркозависимость, но при этом у них нет никакой надежды получить надлежащее лечение, если оно им потребуется.

– По словам медсестры, случай Ванессы крайне запущенный, давно у них не было таких тяжелых пациентов. В отделении детоксикации она провела целых четыре дня вместо обычных двух. Бедное дитя! – Лиззи, несмотря на ее отчаянное стремление любой ценой сохранить свою красоту и несмотря на все те издевательства, которые она учинила со своим когда-то красивым лицом, все же сохранила в глубине души материнские инстинкты. – Но ничего! Мы за ней присмотрим, правда, Электра?

– Постараемся, Лиззи.

* * *

Во второй половине дня я отправилась на пробежку вокруг территории клиники, чтобы хоть как-то отработать свой плотный обед. Бежала по тропинке, стелющейся по периметру вокруг «Рэнч», и вспоминала, как месяц тому назад я в Атлантиде карабкалась по горной тропе, взбираясь на вершину горы прямо за нашим домом, и как мне потом было хорошо после этого восхождения. Я продолжила бег, несмотря на то что першило в горле и щипало в носу от горячего и сухого воздуха Аризоны, который я вдыхала в себя полной грудью.

Остановилась я возле кулера с водой, налила себе воды в чашку и с жадностью выпила ее, наполнила снова и опрыскала себя водой. Плюхнулась на скамейку, стоявшую рядом, и подумала, как же это приятно чувствовать... *просто чувствовать*. Несмотря на мое скептическое отношение ко всем этим духовным практикам, которые были в ходу в клинике «Рэнч», все же надо признать, что в этом что-то есть: вот сижу на скамейке, прямо за моей спиной возвышаются горы, безоблачное голубое небо на фоне краснозема, и все это действует успокаивающе. Природа вообще *успокаивает*. Воздух напоен запахами зелени, которыми с готовностью поделились какие-то низкорослые кустарники, благоухающие на солнце. А дальше невероятной красоты цветы и кактусы, разбросанные там и сям и расцветивающие своими красками однообразный пейзаж пустыни. Некоторые кактусы высоченные, наверное, выше десяти футов, все покрыты острыми зелеными колючками. В них собирается вода, которая помогает кактусам выжить в пустыне и не засохнуть на корню до очередного дождя.

Неожиданно я представила себе свое возвращение в нью-йоркскую квартиру: да это все равно что очутиться в капкане. Я почувствовала себя диким животным, которого загоняют в клетку. Нет, что ни говори, а здесь, в пустыне, я чувствую себя на своей территории, окружающие пейзажи хорошо гармонируют и с моим внутренним состоянием, и с тем, чем я была до недавнего времени. И жара меня ни капельки не донимает, в отличие от моей соседки Лиззи, а открытые всем ветрам пространства заставляют с новой остротой почувствовать вкус жизни.

Губы мои сами собой растянулись в улыбке.

– С чего это ты улыбаешься? – спросила я саму себя.

«*Просто потому, Электра...*»

Я поднялась со скамейки, чтобы вернуться в помещение, вспомнив, что с минуты на минуту начнутся групповые занятия психотерапии для анонимных алкоголиков. Придется идти в том, в чем бегала, так как времени на переодевание уже нет. И вдруг до меня дошло, что за последние два часа я ни разу не подумала ни о водке, ни о том, чтобы соорудить себе дорожку из кокса. И это открытие снова вызвало у меня улыбку.

Когда я позднее вернулась в свою палату, умирая от желания поскорее встать под душ, Ванесса продолжала лежать на своей кровати в прежней позе, свернувшись калачиком. Ее сейчас сильно трясло, Лиззи, чья кровать располагалась как раз посередине между нашими двумя, сидела на своей постели и внимательно наблюдала за девушкой.

– Ей очень плохо, Электра, – вздохнула Лиззи. – Я уже вызывала к нам медсестру, и та сделала ей еще одну инъекцию, ввела какое-то лекарство, которое ей сейчас необходимо, но, как видишь...

– Да, вид у нее неважнецкий, – согласилась я с Лиззи и, схватив полотенце, поспешила в душ. Выйдя из душевой, переоделась в чистые спортивные брюки и толстовку. – Ужинать идешь? – спросила я у нее.

– Нет. Останусь в палате, присмотрю за Ванессой. Ее состояние вселяет в меня тревогу.

– Ладно, тогда до скорого.

Чувствуя, что поступаю не совсем красиво, я вышла из палаты и направилась в столовку. Ну не хочется мне околачиваться рядом с Ванессой и видеть все то, через что мне совсем недавно пришлось пройти самой. Стараясь не вступать в пустые разглагольствования с соседями по столу (мысленно я окрестила их «трепом ни о чем»), на которые так падки пациенты «Рэнч» из числа поклонников и приверженцев всяких духовных практик, готовых часами цитировать «умные» мысли, которые они почерпнули из разных книг по самоусовершенствованию, я сосредоточилась на еде, водрузив на свой поднос стейк и пару гарниров. Возвращаться после ужина в палату не хотелось. Я взяла чистый лист бумаги и ручку с приставного столика, стоявшего у стены, и стала размышлять над тем, что мы обсуждали сегодня утром на занятии по психотерапии, где речь шла как раз о том самом самоусовершенствовании. Я уже достигла девятой ступени: и сейчас мне предлагалось написать письмо с извинениями, адресовав его человеку, которого я могла ненароком обидеть, когда находилась под влиянием наркотиков и не контролировала свои эмоции.

«Ладно, и у кого же я должна просить прощения? – прикинула я мысленно. – У Ма?»

Конечно, у Ма. И прежде всего, у Ма. Сколько я ей доставила хлопот, когда была маленькой, а она всегда проявляла по отношению ко мне поистине ангельское терпение. Обязательно напишу ей письмо,

в котором попрошу прощения. Но опять же, думала я, откусывая очередной кусочек творожного торта, как посмотреть на все эти просьбы о прощении. Кто я? Плохой человек по натуре? Или плохой меня сделала моя наркозависимость? Ведь это же совсем разные вещи. К тому же в последние несколько лет я так редко видела Ма и звонила ей тоже крайне редко.

«Тогда тебе нужно просить у нее прощения за то, что ты, по сути, игнорировала ее», – подумала я и решительно поставила галочку возле ее имени.

Кто дальше? Майя? Да, она уж точно заслуживает моих извинений. Вела себя с ней по-скотски после смерти папы, когда мы все собрались в Атлантике. Да и потом, в Рио... А ведь если бы Майя не позвонила Мариам, я, скорее всего, умерла бы от передоза. У меня замечательная сестра, и я на самом деле люблю ее. Очень-очень! Я поставила жирную галочку возле ее имени.

Алли: она, безусловно, тоже заслуживает того, чтобы попросить у нее прощения. Я уставилась в окно, вспомнив, как отвратительно грубо я вела себя с Алли, когда мы встретились с ней в Атлантике в прошлом месяце. Интересно, почему это Алли всегда так раздражала меня? Наверное, потому что она *хороший человек*. К тому же целеустремленная, собранная, всегда готовая к общению, не раскисла даже тогда, когда потеряла любовь всей своей жизни, а сейчас у нее есть сын. Да, на фоне Алли все мои недостатки делаются особенно очевидными и, прежде всего, моя *необщительность* и замкнутость.

Стар. Моя маленькая сестренка, этакая незаметная серая мышка, которая и мухи не обидит. Даже не знаю, люблю я ее или нет, она ведь так мало говорит. Прямо само олицетворение молчания и тишины, тем более в сопоставлении с моими вечными криками. Алли рассказала мне, что у нее появился какой-то мужчина в Англии, с которым она сейчас живет. Может, стоит вырваться и повидаться с ней, когда я вернусь домой после клиники? Я почему-то всегда жалела Стар, наверное, не в последнюю очередь потому, что над ней постоянно довлела Сиси, мой заклятый враг номер один. Наверное, я все же напишу Стар письмо, просто письмо без всяких там просьб о прощении, поскольку я так и не смогла вспомнить, чем конкретно я ее обидела и обижала ли когда-нибудь вообще.

Сиси. Я с яростью вонзила кончик ручки в бумагу. Мы с ней никогда не ладили. Ма часто повторяла, что мы с Сиси слишком похожи, в чем я совсем не уверена, кстати. Мне всегда не нравилось, как она командует Стар, можно сказать, помыкает ею. В детстве мы с Сиси даже пару раз подрались, помню, Алли нас тогда еще разнимала. Я искренне обрадовалась, когда узнала, что Сиси умотала в Австралию.

– Наверное, потому что Стар променяла ее на мужчину, – пробормотала я со злорадством, понимая, что ни Фай, ни мои одноклассники не одобряют такого категорически негативного отношения к человеку. Но, с другой стороны, нельзя же любить всех подряд, разве не так? Хотя попросить прощения у того, кого ты не любишь, можно. И, вполне возможно, этот человек даже простит тебя.

Пока же я поставила возле имени Сиси вопросительный знак и двинулась дальше.

Тигги. Ей бы сюда, к нам. Вот уж кто стопроцентно подходит для работы в «Рэнч». Прямо врожденный психотерапевт. Мысленно я обругала себя последними словами за то, что и с ней я вела себя похамски, потому что уж кто-кто, а она никак не заслуживает подобного обращения. Милая, ласковая, всегда готовая всем угодить, желающая лишь одного: чтобы все вокруг нее были счастливы. Мы с Тигги полные антиподы, ходя в глубине души мне порой очень хотелось быть похожей на свою сестру. Эта ее уникальная способность видеть во всем только хорошее... Я же, напротив, сразу настроена на негатив. Я смутно припомнила, что, когда была в Атлантике, Алли рассказала мне, что у Тигги были проблемы со здоровьем. К своему стыду, я не связалась с ней даже по электронной почте, чтобы узнать, как она там теперь. Что ж, после всего этого я, конечно же, вношу ее в список тех людей, перед которыми должна повиниться.

Я откинулась на спинку стула и неожиданно подумала вот о чем. А стала бы я извиняться перед отцом, если бы он был жив? Нет! Однозначно, нет... Это он должен писать мне письма со своими извинениями, хотя бы уже за то, что умер, оставив меня одну в таком молодом возрасте разбираться со всеми своими проблемами. И даже подкинул еще одну проблему в лице Стеллы, моей бабушки. Но сейчас мне не хотелось и дальше размышлять о делах семейных, а потому я

мысленно перенеслась в Нью-Йорк и погрузилась в свою тамошнюю жизнь.

Мариам. ТЫСЯЧИ ИЗВИНЕНИЙ, и все с большой буквы. На сегодняшний день Мариам – лучший пресс-секретарь, который когда-либо у меня был. Впрочем, я и понятия не имею, числится ли она по-прежнему моим пресс-секретарем. Я пометила на листке не забыть спросить об этом Майю, когда стану отвечать на ее письмо, которое она прислала мне по электронной почте пару дней тому назад. Нам разрешают пользоваться здесь ноутбуками и мобильными телефонами, но не больше часа в день. К тому же они мониторят все, что мы пишем. Поэтому за все три недели я так пока никому и не написала.

Стелла. Известная также как моя «бабушка». Я задумалась, сосредоточенно жуя кончик своей ручки, пытаюсь припомнить события последних нескольких недель, которые предшествовали моему приезду в клинику. Честно, я мало что запомнила из тех разговоров, что у нас с ней были. Хотя помню, как проснувшись, увидела ее сидящей в кресле-качалке рядом с моей кроватью. Кажется, я припоминаю, что она мне пела, но, вполне возможно, все это мне лишь приснилось. Однако, несмотря на то что обе наши встречи с нею сейчас подернуты в моем сознании таким легким туманом, одно я уяснила себе со всей определенностью и хорошо запомнила это. Стелла, что называется, стремная особа, иначе и не скажешь. Я еще не встречала в своей жизни более ужасных людей.

Пока я решала, стоит мне писать письмо Стелле или нет, мое внимание привлек высоченного роста темнокожий парень, который прошествовал мимо меня с подносом, уставленным едой. В отличие от большинства пациентов клиники, разгуливающих повсюду, как и я сама, в спортивных штанах и толстовках, незнакомец щеголял в белоснежной, накрахмаленной до хруста рубашке и хлопчатобумажных брюках. Я низко склонила голову над столом, делая вид, что сосредоточилась на своих бумагах, когда он уселся за столик напротив моего. Обычно меня ни капельки не волнует, что про меня подумают, увидев в столь неприглядном виде, но, глянув на него украдкой, я увидела, что парень чертовски красив. И весь его облик такой непринужденно элегантен. Когда он стал разглядывать меня, я накинула на голову капюшон, быстро схватила со стола поднос, ручку и свои записки и поспешно ретировалась из столовой.

Вернувшись к себе в палату, я увидела, что кровать Ванессы пуста, а Лиззи, как всегда, методично наводит красоту на ночь глядя, превратив свой столик в некое подобие прилавка, заставленного дорогой косметикой.

– А где Ванесса? – поинтересовалась я у Лиззи, глядя, как она наносит крем-пенку себе на лицо, используя для этого специальную пипетку, чтобы капельки пены попали строго в те места в области шеи, куда, по ее словам, вшиты чешуйки золота. Потом Лиззи проглотила несколько таблеток, которые одобрил ее доктор, из чего можно сделать вывод, что в них нет ничего стоящего.

– У малышки начались судороги. Я тут же снова вызвала медсестру, и ее увезли в палату клинической детоксикации. – Лиззи тяжело вздохнула. – Остается надеяться, что еще не поздно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же понимаешь, Электра, как влияет героин, да и все остальные наркотики, которые она принимала, на жизненно важные органы. А уж если заниматься этим достаточно долго, то, как только ты начинаешь очищать свой организм от этой заразы, он тут же реагирует на твои попытки судорогами. Очевидно, ее дружок, который и подсадил ее на эти наркотики, был одновременно и ее сутенером. Можно только догадываться, какой гадостью он ее там пичкал.

– Она что, проститутка?

– Со слов медсестры, да. У нее вроде как и ВИЧ еще диагностировали, – добавила Лиззи, складывая свой косметический прилавок в элегантный чемоданчик от «Луи Виттон». – Все это так печально, так печально. Потому что эта девочка всего лишь вершина айсберга. Мой муж однажды продюсировал документальный фильм, в котором рассказывалось, как орудуют в Гарлеме банды, занимающиеся сбытом наркотиков. Вот кто настоящие преступники!

– Все верно, – согласилась я, переодеваясь в ночную сорочку и быстро ныряя в кровать. – Страшно даже подумать о том, что Гарлем находится всего лишь в нескольких кварталах от того места, где я сейчас живу.

Я достала из прикроватной тумбочки свой альбом для рисования, карандаш и перевернула альбом на чистую страницу. В последние дни ко мне снова вернулось желание придумывать новые фасоны, и вот каждый вечер перед сном я делаю наброски двух-трех фасонов.

– Верно, – ответила Лиззи, тоже укладываясь в постель. – У нас в Лос-Анджелесе наверняка орудуют такие же банды. Как это ужасно, что они сегодня повсюду. Мы и сами не понимаем, как нам все же повезло в этой жизни, так ведь? Ведь мы-то с тобой защищены со всех сторон.

– О да, – откликнулась я, а сама подумала, что за три недели своего пребывания в клинике, затерянной посреди аризонской пустыни, я узнала много больше, чем живя в самом центре Нью-Йорка или путешествуя по всему миру. А еще я поразилась собственной наивности. Ведь это же надо быть такой наивной дурочкой, чтобы на полном серьезе считать, что все это меня не касается, что я, дескать, выше всей этой грязи. Откуда, к примеру, мои дилеры доставали мне кокаин? А разве так уж важно, где ты принял свою дозу? В номере дорогого отеля или в подворотне за углом. Источник везде один и тот же, а в основе всего – brutальная жестокость, смерть и невероятная алчность. Я невольно содрогнулась от этой мысли.

– Что у тебя завтра? – спросила у меня Лиззи.

– Все, как обычно. До завтрака пробежка, потом групповые занятия, затем встреча с моим психотерапевтом Фай...

– Скажу тебе, что она лучший психотерапевт из всех, с кем мне довелось контактировать. А у меня по этой части есть кое-какой опыт, и немалый.

– И у меня тоже! – призналась я с чувством. – Но вообще-то эти сеансы психотерапии даются мне очень нелегко.

– Почему?

– Просто не люблю сидеть и рассказывать о себе самой.

– Ты хочешь сказать, что не любишь смотреть на себя и воспринимать себя такой, какая ты есть на самом деле, – проницательно заметила Лиззи. – Но без этого, дорогая моя, мы все, кто тут сейчас лечится, ничего не добьемся.

– Но ведь жили же как-то люди раньше без всех этих психотерапевтов, и все было нормально. Ни разу не слышала о том, что они были во времена, скажем, Первой и Второй мировых войн. Во всяком случае, в фильмах о тех годах ничего об этом не говорится.

– Ты права. – Лиззи скривила рот, наверное, изобразить полноценную гримасу мешал силикон, которым она накачала свои губы. – Тогда психотерапевтов не было. Но подумай сама, Электра,

сколько фронтовиков вернулось после войны со всякого рода контузиями или посттравматическими расстройствами, как их еще называют. И всем этим людям нужна была помощь, как и тем солдатам, которые прошли через войну во Вьетнаме, однако никто из них такой помощи не получил. А поэтому нам остается только радоваться, что мы сейчас живем в обществе, культурные стандарты которого не считают зазорным признаться в том, что тебе нужна помощь. Думаю, психотерапия помогла спасти огромное количество человеческих жизней, которые в противном случае были бы потеряны.

– Пожалуй, – согласилась я с ней.

– К сожалению, мы, люди, постепенно утрачиваем наши связи друг с другом. Я выросла в небольшой английской деревне, где все знают всех. Так вот, помню, когда умер мой отец, все односельчане тут же примчались в наш дом. Собрались, чтобы хоть как-то утешить и поддержать маму, да и меня тоже. Увы, в наши дни такого уже больше нет. Люди страшно разобщены. Все мы словно сдвинулись со своих мест, никто из нас больше не чувствует, что «принадлежит» к какому-то определенному, конкретному месту. Или какому-то одному человеку. Все это печальные издержки глобализации, я думаю. Вот у тебя, Электра, много друзей, которым ты можешь довериться?

Я на секунду задумалась, а потом честно призналась:

– Никого нет. Но, наверное, это из-за меня.

– Частично, да. Но, поверь мне, и у остальных дела обстоят не лучше. Грустно, но приходится констатировать, что сегодня все мы чаще всего оказываемся один на один со своими проблемами.

Я бросила на Лиззи уважительный взгляд. Несмотря на свое почти полностью переделанное лицо, на весь нелепый режим сохранения красоты, которого она строго придерживается, несмотря на все ее старания удержать при себе гулящего мужа, эта женщина производит впечатление очень неглупого человека. И размышления у нее вполне здравые. Так все же, почему в ее жизни все пошло не так, как надо?

– Чем ты занималась, Лиззи, до того, как вышла замуж за Кристофера? – не удержалась я от любопытства.

– Я работала адвокатом-стажером. На момент знакомства с Крисом была прикомандирована к одной юридической конторе в Нью-Йорке. Хотела специализироваться по семейному праву, но влюбилась,

потеряла голову... В итоге мы с ним переехали в Лос-Анджелес. Пошли дети, потом они выросли, разлетелись, кто куда и... – Лиззи слегка пожала плечами. – Вот, в сущности, и вся моя история.

– Так у тебя степень по юриспруденции?

– Да. Но я ею так и не воспользовалась.

– Еще не поздно сделать это сейчас. Сама же только что сказала, дети разлетелись.

– Господь с тобой, Электра. Мне ведь уже скоро пятьдесят! Слишком поздно для того, чтобы начинать строить свою карьеру заново.

– Но ты такая умная, Лиззи. Обидно, что ты не используешь свои мозги по назначению. Вот папа мне всегда говорил: нельзя, чтобы твои мозги работали вхолостую.

– Правда?

– Да. Я знаю, он был не в восторге от того, что я стала фотомodelью. В глубине души, видно, думал, что я выставила себя на продажу.

– Электра, тебе же на тот момент было всего шестнадцать лет! Из того, что ты мне рассказывала о себе, у меня сложилось впечатление, что это не ты выбрала модельный бизнес, а он *выбрал тебя*. И, прежде чем ты успела разобраться в том, что там и как, тебя уже затянуло на эти американские горки, с которых не так-то просто вырваться. Бог мой, да тебе только двадцать шесть лет. Ты лишь на год старше моего старшего сына, а он все еще учится на врача.

– По крайней мере, он хотя бы знает, чем хочет заниматься в этой жизни. А я никогда этого не знала.

– И тем не менее у тебя есть одно неоспоримое преимущество: ты располагаешь свободой выбора. Другой, имея за спиной твои достижения, наверняка воспользовался бы этой возможностью.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, ты могла бы стать послом, таким посланником доброй воли, от лица всех тех, кто лишен права голоса. От лица той же Ванессы. Ты ведь на собственном опыте уже прочувствовала, что это такое – наркотики. Ты бы могла помочь многим.

– Может, и так, – неопределенно пожала я плечами в ответ. – Но ведь модели тоже лишены голоса. Их вообще считают безмозглыми созданиями.

– А вот сейчас ты уже занимаешься самым настоящим самоедством, как это любит делать моя дочь Роза. Объявляю тебе выговор! Мне же ясно, как божий день, как это было, похоже, понятно и твоему отцу, что ты очень яркая и неординарная личность. У тебя есть все, что нужно для самореализации. Ты только взгляни, что ты нарисовала, пока мы тут с тобой беседовали. – Лиззи махнула рукой на мой альбом с эскизами, который я тут же инстинктивно прижала к груди. – Ты чертовски талантлива, Электра. Да я бы с ходу купила вот этот жакет.

Я глянула на свой набросок: модель в коротком кожаном жакете и асимметричном платье.

– Хорошо, может, и так, – вздохнула я в ответ. – Но пора уже спать, Лиззи. Спокойной ночи. – Я погасила ночник на своей тумбочке.

– Спокойной ночи, – отозвалась Лиззи, открывая книгу. Она сейчас читала какую-то книгу, в которой подробно описывалось, как всякие диеты приводят к тому, что человек начинает набирать вес. Я удобно устроилась под одеялом и повернулась к Лиззи спиной.

– И последнее, – услышала я ее голос.

– Что именно?

– Только сильный человек, Электра, может признаться в том, что у него есть проблемы. Учти, это не проявление слабости, а скорее, наоборот. Спокойной ночи.

18

На следующее утро я проснулась с восходом солнца. Это для меня что-то новенькое. Все последние годы я буквально силком поднимала себя с постели, пригоршнями пила всякие обезболивающие таблетки и стимуляторы, чтобы унять головную боль и заставить себя встать с кровати. На наших групповых занятиях анонимных алкоголиков я поделилась своими наблюдениями с остальными, рассказала, что в последние недели встаю с восходом солнца (вполне себе безобидная информация, вроде как и от коллектива не отрываешься и одновременно не сообщаешь им о себе ничего сокровенного). Тогда многие сказали, что, дескать, у меня просто начал восстанавливаться естественный ритм организма, живущего по своим биологическим часам, который я сама же сбивала алкоголем и наркотиками.

Поразмыслив над их словами, я неожиданно для себя самой вспомнила, что когда была ребенком, то всегда просыпалась в Атлантисе первой. Какое-то время бесцельно слонялась по коридору, энергия переполняла меня через край, а все мои сестры в это время еще спали беспробудным сном. Потом я тихонько, на цыпочках, спускалась на кухню, где уже хлопотала Клавдия, еще одна ранняя пташка. Она тут же отрезала мне ломоть свежее испеченного хлеба, еще горячего, только что из духовки, обильно намазывала его сливочным маслом и медом, я жевала хлеб и нетерпеливо ожидала, когда же наконец проснутся все мои сестры-сони.

Я натянула на себя шорты, зашнуровала кроссовки и отправилась на утреннюю пробежку. Вокруг никого, разве что какие-то буддисты расположились прямо на земле в Саду безмятежности, скрестили ноги и закрыли глаза, в такой позе встречая наступление нового дня. Я выбежала на тропинку, по которой обычно бегаю, и ноги мои принялись привычно месить красноезем. Бежала и размышляла о нашем разговоре с Лиззи накануне вечером. О том, что она сказала мне: признать, что тебе нужна помощь, – это отнюдь не проявление слабости. Что ж, этот трудный барьер я, кажется, преодолела. Ведь приехала же в «Рэнч» и сама попросила о помощи. И сейчас получаю эту помощь, разве не так? К счастью, все прошло сравнительно легко (я имею в виду, что организм мой довольно успешно справился с выведением из себя всей той дряни, которой я себя пичкала). По словам моего лечащего врача, а потом и Фай подтвердила его слова, я попала к ним в клинику как раз вовремя, а многие ведь запаздывают. Если и впредь я не стану снова пить водку и нюхать кокаин, то никакого долгосрочного вреда своему здоровью я пока еще не нанесла. В отличие от бедняжки Ванессы.

Однако осталась самая трудная задача: разобраться *в себе самой*, понять, почему я стала алкоголиком и наркозависимым человеком. Ведь мало того, что я перестала пить и принимать наркотики – тем более что пока это считанные недели, а эйфория от сознания того, что я стала чистенькой, может развеяться легко, как утренний туман, стоит лишь снова окунуться в ту круговерть, которой полнится моя реальная жизнь. И все может вернуться на круги своя: случайная рюмка на каком-то фуршете, кокаиновая дорожка просто так, за компанию, и так далее и тому подобное, что неизбежно снова приведет меня сюда, в

«Рэнч». Но уже в гораздо более тяжелом состоянии, вполне возможно, в таком, в каком сейчас находится Ванесса. Словом, пока я не дам всем своим страхам разумного объяснения, меня будет подстерегать опасность.

Размышляя о своем, я инстинктивно почувствовала, что меня кто-то догоняет. К счастью, впереди был поворот, и я краешком глаза увидела, что это тот самый красивый парень, на которого я вчера положила глаз в столовой. Он отставал от меня всего лишь на какую-то сотню ярдов, но очень быстро сокращал это расстояние. *«Однако не догонит, – тут же решила я про себя, – я не проявлю слабость и не позволю ему взять над собой верх».* Я тут же взвинтила темп, и расстояние между нами снова стало увеличиваться. Тогда он тоже прибавил скорость и сделал рывок, а я уже бежала из последних сил. До финиша оставалось всего лишь каких-то двести ярдов, я собрала всю волю, и ноги мои понеслись вперед уже на пределе возможностей.

Я пересекла финишную черту первой и тут же, тяжело дыша, ринулась к кулеру: отчаянно хотелось пить.

– А у вас еще есть порох в пороховницах. Словно второе дыхание открылось, – услышала я за спиной глубокий, хорошо поставленный голос. – Прошу прощения, – добавил тот же голос, и стоило мне сделать шаг в сторону, как большая рука с длинными тонкими пальцами, с элегантным золотым кольцом на мизинце, протянулась к кулеру, чтобы тоже взять чашку. – Я за колледж бегал в свое время пятисотметровку и всегда приходил первым. Вы тоже выступали за свой колледж?

– Я не училась в колледже, – ответила я и, подняв голову, взглянула ему прямо в лицо, испытав при этом несколько необычное чувство.

– О, да я слышу не вполне американский акцент. Я прав? – спросил он, пока я наливала себе вторую чашку воды, которую тут же вылила себе на голову. Несмотря на раннее утро, солнце уже припекало всю.

– Правы. Частично у меня сохранилось французское произношение. Я выросла в Швейцарии.

– Ого! – Он окинул меня более внимательным взглядом. – Мы с вами нигде раньше не встречались? Почему-то ваше лицо мне кажется знакомым.

– Нет, раньше мы с вами нигде не встречались.

– Верю вам на слово. – Он улыбнулся. – Но вы определенно мне кого-то напоминаете. Кстати, меня зовут Майлз. А вас как зовут?

– Электра. – Я вздохнула, понимая, что сейчас он меня наверняка опознает. Так оно и случилось.

– Вау! – воскликнул он. – Ладно! – После чего швырнул свою чашку в урну и засунул руки в карманы шортов. – На прошлой неделе я по пути в аэропорт любовался вашим изображением на огромном билборде высотой не менее двадцати футов.

– Мне пора возвращаться в корпус, – ответила я невпопад.

– Мне тоже.

Мы молча побрели в сторону клиники. Что-то в этом мужчине заставляло меня чувствовать себя по-девичьи застенчиво. Судя по его уверенным и раскованным манерам, ему уже где-то около сорока, да и седина проскальзывает в упругих кудряшках на голове.

– Позволительно ли мне будет поинтересоваться, почему вы очутились здесь?

– Конечно. У нас тут ведь нет секретов друг от друга, да? Алкогольная и наркотическая зависимость.

– То же самое и у меня.

– Правда? Я вчера вечером видела вас в столовой. Вы не произвели на меня впечатление человека, который только что претерпел детоксикацию.

– Так оно и есть. Я чист уже более пяти лет, но каждый год приезжаю сюда, чтобы немного отдохнуть, а заодно и напомнить самому себе, что поставлено на карту. Легко быть уверенным в том, что ты можешь самостоятельно разругнуть все свои проблемы, когда ты здесь и все вокруг тебя хлопочут и пытаются помочь. И совсем иное дело – окунуться в большой мир со всем плохим, что в нем есть. Он легко может засосать тебя заново.

– А чем вы занимаетесь?

– Я – юрист, – ответил он. – Нагрузки и перегрузки копились годами, а потом... Вот сейчас хочу быть абсолютно уверенным в том, что снова не сорвусь и не вернусь к прежнему. Впрочем, вы не хуже меня понимаете все это.

– Да, вы правы, – ответила я, когда мы с ним подошли к центральному входу.

– Все, что я могу посоветовать вам, не торопитесь, на все нужно свое время. Зависимость – это ведь тоже болезнь, от которой никогда не избавишься окончательно. Но научиться правильно контролировать себя можно. Прислушайтесь, Электра, к тому, что говорят вам здешние специалисты. Уж они-то отлично знают, как спасти вашу жизнь. Тогда до встречи. – Легкий взмах рукой на прощание, и Майлз зашагал по коридору, проворно перебирая загорелыми ногами, еще более длинными, чем у меня.

– Вот так встреча, – прошептала я про себя, чувствуя себя немного растерянной. Майлз несомненно подавлял меня своим авторитетом, чем сразу же напомнил мою бабушку. *«Однако в любом суде я бы предпочла, чтобы он был на моей стороне»*, – подумала я, направляясь на завтрак. Мне было жарко, и что-то меня растревожило. Но это точно не результат утренней пробежки.

* * *

– Господи, дай мне силы и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, мужество – изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого.

Я прочитала нараспев молитву смирения, которая знаменовала собой окончание групповых занятий анонимных алкоголиков, сидя в кругу с еще пятью участниками. Все мы держали друг друга за руки. Я одной рукой держала руку Бена, бас-гитариста из какого-то ансамбля, названия которого я даже не слышала, а второй – руку нашей новенькой по имени Сабрина. Мне было видно, что Сабрина все еще продолжает плакать, она только что поведала всем нам свою историю.

– У меня было все, и я все потеряла, променяв на бутылку, – призналась она, нервно сцепив руки перед собой. Миниатюрная женщина явно азиатского происхождения. Черные волосы блестящей гривой падали на худенькое личико. – Я потеряла работу, потеряла мужа, семью... Я стала воровать у всех своих знакомых, у всех, кого знала... Я даже украла деньги из копилки своих детей. Но лишь после того, как я попала в больницу скорой помощи, потеряв сознание в туалетной комнате у себя на работе, я решилась приехать сюда. –

Сабрина больно прикусила губу. – До меня наконец дошло, что так больше жить нельзя.

«А ведь и я тоже принимала свою недавнюю жизнь как нечто само собой разумеющееся», – подумала я. Мною двигало лишь одно желание: забыться, уйти от всех своих проблем. А в итоге едва не загубила свою жизнь...

* * *

– Как у вас прошли последние двадцать четыре часа, Электра? – поинтересовалась у меня Фай чуть позднее, во время нашей с ней очередной встречи.

– Было кое-что интересное. – Я энергично потерла переносицу.

– Это хорошо, – улыбнулась Фай. – И что же именно показалось вам интересным?

– Я... Вроде ничего конкретного, но многое вдруг неожиданно для меня самой прояснилось и предстало в истинном свете. Сейчас мне кажется, что все, что происходило со мной в течение последнего года, приснилось мне, и только.

– В каком-то смысле вы действительно проспали весь этот год. И как же вы теперь, после того, как очистили свой организм от наркотиков, воспринимаете реальность?

«Ну вот! Опять началось...»

– Во-первых, я пребываю в эйфории от сознания того, что стала чистой, но одновременно мне очень стыдно за все то плохое, что я сделала близким мне людям, за то, как безобразно я вела себя с ними... А еще я очень боюсь, что могу сорваться и снова приняться за старое.

– Вот это прекрасно, Электра! Просто здорово! – Фай одарила меня еще одной ослепительной улыбкой. – Прогресс налицо. И все те эмоции, которые вы сейчас переживаете, они вполне естественны и закономерны. То, что вы уже готовы взять на себя ответственность за себя и свое не самое лучшее поведение, – это огромный шаг вперед. Вы больше не являетесь жертвой.

– Жертвой? Конечно же нет! Я никогда не была жертвой!

– Нет, Электра, были. Вы были жертвой своей наркотической зависимости, – возразила мне Фай. – Но сейчас вы боретесь с ней и

уже почти побороли ее, то есть перестали быть жертвой своих вредных привычек. Понимаете?

– Понимаю. Но я ведь пила и принимала наркотики, думая, что *это поможет* мне справиться с проблемами, и никто и никогда не видел во мне жертву.

– Вас пугает сама мысль о том, что вас могут посчитать жертвой, то есть слабой?

– Да, это меня нервирует! – яростно затрясла я головой в ответ. – А еще вчера вечером моя соседка по палате сказала мне одну хорошую вещь, и я сразу же почувствовала себя лучше.

– Да? Что же она вам сказала?

– Что я перестала быть слабой, когда попросила о помощи.

– Вы с ней согласны?

– Да. Но это вовсе не значит, что мне и впредь понадобится некая опека. Я могу сама о себе позаботиться. Вполне!

– Наверное, все дело в том, что раньше вы этого не могли. Или не хотели... С этим вы согласны?

– Наверное, да.

– Как говорят в таких случаях, никто не может существовать сам по себе, – снова улыбнулась Фай. – Вы тоже не одна, хотя вам порой и кажется, будто вы находитесь на каком-то необитаемом острове. И таких людей, поверьте мне, много. Все они тоже боятся или стесняются попросить о помощи.

– Или им не позволяет это чувство собственной гордости, – добавила я. – Вот я, к примеру, очень гордая.

– Я это уже успела заметить. Вы полагаете, это хорошо?

– Никогда не задумывалась над этим. Просто такая уж я по своей натуре. Думаю, это и хорошо, и плохо одновременно.

Фай согласно кивнула и что-то пометила у себя в блокноте.

– Знаете что, Электра? По-моему, вы уже вполне готовы к тому, чтобы вас навести. Как считаете?

– Я... Понятия не имею.

– Вы бы хотели встретиться с кем-нибудь из своих близких или друзей?

– Мне надо немного подумать.

– Конечно, подумайте. Понимаю, предстать перед близким человеком в своем новом обличье, да еще перед тем, кто явится сюда

из внешнего мира, это всегда страшно. Вы тоже боитесь?

– Да, боюсь. То есть я хочу сказать, вы же знаете, как я не хотела сюда ехать. А вот приехала, познакомилась со многими очень хорошими людьми и сейчас чувствую себя здесь в полной безопасности. Понимаете меня?

– До сих пор мы с вами ни разу не затронули тему того, когда вы захотите покинуть нас, потому что мы обе хорошо понимали, что вы еще не были готовы к отъезду. Однако через семь дней истекает срок вашей тридцатидневной программы реабилитации. Правда, в последние дни вы двигались вперед, можно сказать, семимильными шагами, но кое-какие проблемы, с которыми надо разобраться до конца, у вас еще остались. Согласны со мной?

– Наверное, да.

– Полностью ли вы контролируете свои желания на данный момент?

– Мне гораздо легче не думать о выпивке или наркотиках, когда у меня есть какая-то физическая активность. Например, во время утренних пробежек.

– Следовательно, вы увезете с собой отсюда один весьма надежный инструмент, поняв по собственному опыту, что физические нагрузки помогают вам и одновременно отвлекают от других соблазнов и желаний. А как с перепадами вашего настроения? На прошлой неделе вы рассказали мне, что испытывали злость, а потом на вас накатила «чернота», по вашему же собственному выражению. Такие настроения повторялись в последние дни?

– Нет... – Я судорожно сглотнула слюну. – Плохие мысли появляются у меня все реже. Я чувствую, как весь мой негатив постепенно отступает.

– Так что насчет посещения? – снова спросила у меня Фай.

– Может быть, на следующей неделе? – осторожно предложила я.

– Хорошо. А кого конкретно вы хотели бы увидеть здесь?

«Ох, вот в чем трудность», – подумала я, вспомнив любимую папину цитату из Шекспира. Грустно, но список моих потенциальных визитеров более чем скромный. На данный момент в нем фигурируют только Ма, потом Майя, а еще Стелла, моя бабушка, с которой я встречалась всего лишь пару раз, но абсолютно ничего не помню об этих встречах...

- Можно, я немного подумаю?
- Конечно, можно. У вас небольшой список, да?
- Очень небольшой, – призналась я честно.
- Сколько в нем имен?
- Три.

– И вам кажется, что этого мало? Уверяю вас, Электра, что многие люди, попадающие к нам в клинику, не могут назвать даже одного имени. Они ушли в полную самоизоляцию, оттолкнув от себя всех, кого когда-то любили и кто любил их. Их друзьями стали алкоголь и наркотики, а больше им никто и не нужен был. Вы согласны со мной?

– Да, – ответила я не очень уверенно, чувствуя, как в моем голосе прорывается страх. – Согласна. Вообще-то у меня есть и четвертый человек.

– Еще лучше, – улыбнулась Фай. – И кто же это?

– Мариам. Мой пресс-секретарь. Я восхищаюсь ею, честное слово, восхищаюсь на полном серьезе.

– А вы ей нравитесь, как думаете?

– Я... Я вела себя по отношению к ней плохо, очень плохо, но, может быть, хоть немного, но нравлюсь.

– Это хорошо, что в вашем списке есть человек, который не связан с вами напрямую, родственными связями. Меньше риск эмоционального стресса при встрече. В любом случае, подумайте, Электра, и завтра мне скажете, кого бы вы хотели здесь увидеть.

– Ладно, – покорно кивнула я.

– Вот и замечательно! А пока продолжайте работать над собой в том же духе. У вас хорошо получается, – сказала Фай, когда я уже поднималась со стула.

– Спасибо. До свидания, Фай.

Я вышла из кабинета психотерапевта радостно возбужденная, словно школьница, которую только что похвалила учительница, вручив ей золотую звездочку.

* * *

– Есть новости о Ванессе? – поинтересовалась я у Лиззи, когда вернулась к себе в палату.

– Пока никаких. Даже от медсестры мне не удалось добиться ничего путного. Значит, дела плохи. Прекрасно выглядишь сегодня, Электра. Прямо вся светишься, – заметила Лиззи, когда я, сняв с крючка свое полотенце, уже приготовилась идти в душ. – Случилось что-то хорошее?

– Вроде ничего особенного, – отозвалась я, снимая с себя одежду и обматывая тело полотенцем.

– Надо же, как мне повезло! Из всех возможных соседок по палате, проходящих здесь реабилитацию, судьба свела меня с одной из самых красивейших женщин мира. Говорю тебе, как на духу, у тебя божественное тело. За него можно жизнь отдать! А жрешь, как лошадь, и вот вам, пожалуйста! Не прибавляешь в весе даже на одну унцию. Уже за одно это тебя можно возненавидеть! – Лиззи издала короткий смешок, а я быстро ретировалась в душевую, плотно прикрыв за собой дверь.

Стоя под струями воды, я размышляла над словами Лиззи. Собственно, ничего нового она мне не сказала: все твердят, что у меня фантастически красивое тело. Но если это так, то почему я с таким упорством старалась разрушить его?

Может, *я сама* ненавижу свое тело, потому что из-за него *меня* ненавидят другие? Ведь большинство женщин относятся ко мне с недоверием. Я почти физически ощущаю, как они впиваются лакированными ноготками в рукав своего спутника, стоит мне только возникнуть на их горизонте. Кстати, сама я как-то никогда не задумывалась над тем, *красиво ли* у меня лицо или тело. Ну да, я эффектно смотрюсь во всяких модных нарядах, и что с того? Я ведь выросла рядом с сестрой, которую в семье все безоговорочно признавали красавицей номер один. Если бы меня, например, попросили описать свой идеал женской красоты, то я наверняка стала бы описывать Майю со всеми волнующими изгибами ее тела, полной грудью, блестящими темными волосами, безукоризненно правильными чертами лица.

Пока я чистила зубы, я разглядывала себя в зеркале и пришла к выводу, что глаза у меня и в самом деле ничего. А еще высокие скулы и пухлые губы, которым не нужны никакие силиконовые наполнители. Что касается цвета моей кожи, то он останется таким навсегда. Кстати, и это тоже поспособствовало тому, что я стала столь успешной

фотомоделью. Остается лишь надеяться, что в недалеком будущем темнокожих моделей станет гораздо больше. Ребенком я никогда не задумывалась над тем, что я черная, а другие мои сестры имели самые разные оттенки кожи: смуглые Майя и Сиси, белолицые Стар, Тигги и Алли. Да, мы, все шестеро, были разными, и это казалось мне вполне «нормальным». И только когда я пошла в школу, то оказалось, что я там единственная темнокожая девочка. И голова у меня к тому же хорошо варит, и я на голову выше всех своих одноклассниц. Вот тогда я впервые задумалась о своей внешности и о том, как воспринимают меня посторонние люди.

– Электра, ты там скоро? Умираю, хочу пи-пи.

– Уже иду, – ответила я, распахивая дверь ванной комнаты и пропуская туда Лиззи. Наверняка сидит на какой-то диете с неумным потреблением соков; они наполняют организм жидкостью, но зато днями напролет приходится бегать в туалет.

Когда Лиззи снова появилась в комнате, она молча обзрела меня: я сидела на своей кровати в спортивных штанах и толстовке.

– Ты что, забыла? Сегодня же вторник! Вечером у нас увольнительная в город. – Лиззи всплеснула руками. – Мы все собираемся в боулинг.

– Я помню, но боулинг – это не мой тип развлечений.

– Когда я попала сюда впервые, я тоже так думала, но на самом деле оказалось, что боулинг – это очень забавно и весело. А потом мы пойдем лакомиться пиццей... Ну, то есть все, кроме меня. Тебе тоже понравится. Хороший повод познакомиться с новенькими, поболтать о том о сем, а не только о своих болячках. Понимаешь, о чем я?

– Большое спасибо за приглашение, но я говорю «нет», – отмахнулась я от предлагаемых соблазнов. – Мне тут пару писем нужно написать.

– Что ж, как хочешь... Кстати! – Она снова извлекла свой чемодан с косметикой, чтобы развернуть соответствующую подготовку к вечернему выходу в люди. – Ты видела, какой клевый чувак у нас тут появился?

– Э-э-э... Видела ли я?

– Знаешь, его невозможно не заметить. Такой же высоченный, как и ты, весь в мускулах, а уж карие глаза... Соблазнят кого хочешь в два счета.

– А, так ты имеешь в виду Майлза?

Лиззи бросила на меня удивленный взгляд. Кисточка, которой она пудрила свой носик, повисла в воздухе.

– Так ты уже с ним разговаривала?

– Да, столкнулась с ним сегодня на утренней пробежке.

– Вот мужчина, с которым можно вообразить себе любые безумства, да? – весело хихикнула Лиззи. – Прямо вылитая кинозвезда, правда?

– Но он не артист, а юрист.

– Ого! Вижу, вы двое, уже успели хорошенько познакомиться друг с другом, пока бегали. А за обедом он сидел за своим столиком в столовой в полном одиночестве. Я как человек коммуникабельный и вообще расположенный ко всем людям без исключения подошла и села за его столик. И что? Ровно через две минуты он взял свой поднос и был таков. – Лиззи слегка нахмурилась. – И на этом закончились все мои заигрывания с ним.

– А мне казалось, что ты предана своему мужу, как говорится, до гробовой доски. Получается, я ошибалась? – шутливо спросила я у своей соседки.

– Предана, все так. Но ведь изредка можно же полюбоваться выставленным в витрине товаром, который ты не можешь себе купить! Как-то он совсем не вписывается в нашу среду. А почему он здесь?

– Говорит, приезжает сюда каждый год, чтобы не сорваться и не вернуться к старым привычкам.

– Я тоже здесь уже шестой раз, отлично понимаю его. Мне, кстати, здесь очень нравится. Весь персонал настроен дружелюбно, и всегда есть с кем поговорить. Не то что дома.

– А муж по тебе не скучает?

– Да его дома никогда не бывает. А уж сейчас, когда дети разлетелись из родительского гнезда... Да что там говорить! Что ж, если ты точно решила, что не поедешь с нами в город, тогда я пошла. Как я смотрюсь в этих джинсах? – спросила Лиззи и, поднявшись со своего места, крутанулась передо мной. – Представь себе, несколько недель тому назад я не могла в них влезть, зато теперь... Только не лги, скажи все, как есть.

Я глянула на ее подтянутую фигуру, узкая талия, аккуратная маленькая попка, которой гордилась бы любая двадцатипятилетняя

обладательница, а ведь Лиззи уже сорок восемь.

– Честное слово, Лиззи! Смотришься просто супер!

– Уверена? А вот мой муж терпеть не может, когда я в джинсах.

Говорит, живот трясется, словно кисель.

– Ничего подобного! Клянусь! Ступай, хорошего тебе вечера.

Повеселитесь там на славу.

– Спасибо, Электра. Тогда до скорого.

Лиззи вышла из палаты, унося за собой шлейф ароматов дорогого парфюма. А до меня вдруг дошло, что она приезжает в «Рэнч» вовсе не за тем, чтобы сбросить вес, а чтобы избавиться от одиночества, которое преследует ее дома.

Я подошла к своему письменному столу, выдвинула стул, достала из ящика блокнот со своими пометками, конверты, ручки и начала писать свои письма с «извинениями».

Дорогая Майя,

Все у меня здесь идет нормально. Вот уже три недели, как я обхожусь без всей этой дряни и каждый день посещаю групповые занятия с психотерапевтом. Здесь у меня появилось время, чтобы хорошенько обдумать свое поведение, и я поняла, как же плохо вела себя по отношению к тебе в прошлом...

«Когда? В прошлом месяце? В прошлом году?» – задалась я вопросом.

...году. Да и во время нашей последней встречи в Рио тоже. Теперь-то я понимаю, что ты изо всех сил пыталась помочь мне. Ведь если бы ты в тот вечер не позвонила Мариам, я, в буквальном смысле этого слова, никогда не попала бы сюда. Очень надеюсь, что ты простишь меня. С нетерпением жду нашей встречи в июне.

И еще раз большое тебе спасибо.

С любовью

Электра

Я свернула письмо и вложила его в конверт. Конечно, проще было бы отправить его по электронной почте. Бог знает, сколько времени будет оно блуждать, пока попадет в Рио. Но Маргарет, руководитель наших семинаров, говорит, что лучше написать письмо от руки, тогда оно приобретает особый, дополнительный смысл. Но, может, стоит написать Майе и коротенькое письмо по электронной почте, сообщить, что я написала ей обычное письмо, которое сейчас в пути. А еще лучше, если она нагрянет ко мне с визитом на следующей неделе, вручить ей это письмо лично.

Я написала на конверте адрес, а потом снова положила его в ящик своего стола.

Затем я принялась писать Ма, используя те же самые слова и обороты, что и в письме к Майе, лишь слегка изменив их. Я почему-то вдруг почувствовала острую потребность завершить свое письмо к Ма словами «Я люблю тебя», не помню, чтобы я когда-нибудь говорила ей эти слова, хотя и *люблю ее, и всегда любила*. Очень любила! Добрейшей души человек, более добрых людей я и не встречала в своей жизни. Сколько терпения и выдержки проявила она по отношению ко мне, столько лет стойчески переносила все мои выходки... А потому письмо к ней я завершила именно этими словами: «Я люблю тебя».

Вспомнила об Атлантиде, и слезы невольно навернулись на глаза. Там я всегда чувствовала себя в полной безопасности. Помню, когда училась в школе, я всегда рвалась домой, потому что Атлантида и был моим родным домом...

– А сейчас мне нужно обзавестись уже собственным домом, – пробормотала я вполголоса. Слеза сползла по щеке и упала на конверт, когда я стала подписывать адрес.

Настроение у меня упало, что не совсем хорошо, а потому я отложила свои письменные принадлежности в сторону, решив немного прогуляться по свежему воздуху. Прямо по коридору располагалась небольшая кухонька, где всегда можно было разжиться кофе, чаем и свежей сдобой. Я заварила себе имбирный чай. Сделала глоток, терпкий вкус приятно обжег горло – единственное, что я могу себе сейчас позволить, выпила чай и пошла на улицу. Стало заметно прохладнее, я уловила приятный запах больших цветов на кактусах сагуаро, которые росли в саду. Надо мной раскинулось необъятное

чернильно-черное небо, усыпанное звездами. И я тут же принялась, по своему обыкновению, искать созвездие Плеяд, Семь сестер. Нашла. Звезды мерцали в глубине небосвода. И, как всегда, я насчитала только шесть звезд. Почему-то мне почти никогда не удавалось отыскать седьмую звездочку. Помнится, папа однажды рассказал мне, что в некоторых культурах существуют мифы, согласно которым Электра, то есть я, это та самая сестра Плеяд, которая потерялась. Он даже подарил мне черно-белую фотографию, запечатлевшую сцену из какого-то балета под названием «Электра, или Потерявшаяся сестра Плеяд», который давным-давно шел на сцене в Лондоне. Я подошла к скамейке и уселась посреди великолепия окружающего меня Сада безмятежности, вдыхая пряный запах трав и лекарственных растений вперемешку с яркими ароматными цветами, наполняющими воздух своими благовониями. На заднем плане мелодично журчал небольшой фонтанчик, успокаивая и настраивая на лирический лад. Я закрыла глаза и подумала, что всегда считала себя «потерянной сестрой» среди нас, шести. Тем более что папе так и не удалось отыскать нам седьмую сестру.

– Добрый вечер. Кто там есть? – послышался мужской голос со скамейки на противоположной стороне от фонтана.

Я открыла глаза, немного поморгала, пока они приспособились к темноте. Оказывается, это Майлз, сидит, курит сигарету.

– Привет. Помешала? – крикнула я в ответ.

– Ничуть. Я совсем даже не против компании. – Он поднялся со своей скамейки и направился к моей.

Подошел и навис надо мной, пришлось слегка изогнуть шею, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Присаживайтесь. – Я указала на место рядом с собой.

Майлз уселся и извлек из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет.

– Хотите? – предложил он мне.

– Нет, спасибо. Курение – это единственная зависимость, которой я не страдаю. Никогда не курила. А потому не хочу возвращаться домой, приобретя еще одну вредную привычку.

– А для меня курение стало лишь первой из многих, и, как видите, я продолжаю курить, хотя все остальные соблазны стали для меня сейчас недоступными. – Он сделал еще одну глубокую затяжку, потом

вынул окурок изо рта и раздавил его ногой. – Несколько лет тому назад приблизительно в такое же время я сидел в баре, прислушивался, как позвякивает лед в стакане, и наблюдал за тем, как туда льется водка «Серый гусь», напоминая такой стремительный горный поток.

– Очень поэтично! – не удержалась я от смешка. – Я с «Гусем» тоже была на дружеской ноге. Зато сейчас только сушеный имбирь и кипяток.

– Я не был в том баре уже почти пять лет, – сказал Майлз, закуривая очередную сигарету. – Наверняка мой бывший дилер по-прежнему там околачивается.

– Как долго вы сидели на наркотиках?

– Свою первую затяжку я сделал девятнадцать лет тому назад, когда учился в Гарварде.

– Ого! Вы учились в Гарварде? Наверное, вы очень умный.

– Думаю, когда-то я неплохо соображал, – пожал он плечами в ответ. – Вообще-то я по жизни типичный ботаник: всякие там дискуссионные клубы и тому подобное. Я получал академическую стипендию, но было одно но. Несмотря на свой высокий рост и то, что я был чернокожим, к баскетболу я не питал никаких симпатий. Что, думаю, крайне раздражало всех этих белых англосаксонских протестантов и им подобную публику, окопавшуюся в Гарварде. То есть очень скоро я почувствовал себя чужаком в их среде, понимаете меня? Тем не менее... я получил степень по юриспруденции и начал свою трудовую деятельность в одной из самых крупных юридических контор Нью-Йорка. Вот там я и подсел на выпивку и наркотики уже по-настоящему.

– Получается, что в колледже вы почувствовали себя как бы инородным телом. Это интересно... Потому что я выросла в мультикультурной семье. Нас, шестерых девочек, удочерили, привезли из самых разных уголков света, поэтому все мы, сестры, были «разными», но при этом я никогда не задумывалась над тем, что я чернокожая, к примеру. А потом меня отправили в закрытую школу, и вот там все кардинально поменялось. Знаете, в последнее время я много размышляю над своим прошлым: здешние психотерапевты очень любят копаться в том, что у нас было.

– Вы правы, Электра. С другой стороны, разобраться с собственным прошлым, расчистить те дебри, которое оно оставило в

нашей памяти, – все это не менее важно, чем очистить свой организм от воздействия наркоты. Однако продолжайте. Простите, что перебил вас.

– Нет, ничего. И вот теперь, когда я обдумываю заново события тех лет, я наконец нащупала, в чем была суть моей тогдашней проблемы. Я росла в семье, где не чувствовала никакой разницы между собой и остальными своими сестрами, собственно, я даже не понимала, что я «черная». И именно поэтому со мной стали происходить всякие неприятности, когда я попала в другую среду и стала школьницей. Но до сих пор я никак не соотносила все детские неприятности с цветом своей кожи. Как и вы, я оказалась в школе, где учились в основном только белые девочки. И да, они стали меня третировать, хотя я и сегодня еще не вполне уверена в том, что вся их травля была связана с тем, что я темнокожая. Вполне возможно, я просто стала для них такой занозой в заднице, и только.

– Вероятно, вас травили потому, что вы были не такая, как они. Дети ведь могут быть очень жестокими.

– Могут. Они и были жестокими. Однако что толку говорить об этом сейчас? Все в прошлом.

– Вы так считаете? Серьезно?! – Майлз издал короткий смешок. – Коль вы так думаете, то уверяю вас, здесь вы надолго не задержитесь. А вот у меня, по сравнению с вами, все иначе. Мои проблемы во многом связаны с тем, что я попросту самоустранился, и все тут. Ушел, так сказать, в физическую самоизоляцию. Но если покопаться в своих мозгах как следует, то начинаешь понимать, что именно это и стало в итоге главной причиной наркозависимости.

Какое-то время мы сидели молча, Майлз курил свою сигарету.

– У вас кто-нибудь есть? – неожиданно спросил он у меня. – Что-то серьезное, я хочу сказать.

– Никого. И несерьезного тоже нет, – невесело пошутила я в ответ. – Еще сравнительно недавно я думала, что у меня все серьезно, но потом этот человек просто кинул меня.

– Припоминаю. Кажется, я читал эту историю. Простите меня. – Майлз явно смутился. – И вас это сильно подкосило?

– А вы как думаете? Представьте себе, сколь унижительно сознавать, что весь мир в курсе того, что тебя взяли и вышвырнули

вон, а потом любовь всей твоей жизни объявляет о помолвке с другой. Каково это, а?

– Думаю, что любовь всей вашей жизни, Электра, еще впереди, – тут же возразил мне Майлз. – Вы ведь совсем ненамного старше тех девчонок и парней, которые учатся в колледжах. Но, отвечая на ваш вопрос, скажу так: я не могу себе этого представить. Мне несколько раз приходилось участвовать в судебных процессах, защищая своих именитых клиентов от средств массовой информации, но на этом все мои контакты с папарацци и заканчиваются.

– И вам удалось выиграть эти процессы?

– Ни разу, – широко улыбнулся он в ответ.

– А в суде вы когда-нибудь появлялись под кайфом?

– Вполне возможно, что да. А вы во время съемок позволяли себе кайф?

– Возможно, – ответила я, и мы обменялись невеселыми улыбками.

– Могу сказать, что я знаю кучу юристов и адвокатов, которые перед тем, как появиться в суде, особенно на итоговых заседаниях, взбадривают себя дорожкой из кокаина. Только, пожалуйста, никому не говорите об этом! – Майлз усмехнулся.

– О, в модельном бизнесе наблюдается аналогичная картина. Впрочем, и вы, и мы, все мы выступаем перед публикой, словно актеры.

– Вся проблема в том, что, как только ты начинаешь чувствовать себя повелителем мира, таким сценическим королем, ты начисто забываешь о том, что надо вовремя уходить со сцены. Лично я проиграл несколько процессов именно из-за этого: самоуверенность подвела. А я ведь тружусь в среде, где работают преимущественно белые, а потому не могу себе позволить такой роскоши – проигрывать дело.

– Но кто знает, что сулит нам будущее... Вполне возможно, скоро мы получим первого чернокожего президента, – сказала я, вспомнив, что вчера глянула в столовой одним глазом телевизионные новости. – У Обамы пока неплохо получается на праймериз.

– Ну, это еще ничего не значит, – улыбнулся в ответ Майлз. – Нам еще предстоит долгий, очень долгий путь. Отрадно лишь то, что мир, пусть пока и медленно, но стал меняться.

– А я вот счастлива уже только от того, что меня растил отец, который никогда не делал различия между нами, девочками. Мы все были его дочерьми, и на этом точка. А если нас и ругали порой, то только за дело, а вовсе не из-за цвета кожи. Мне, впрочем, всегда доставалось больше других.

– Могу себе представить! Вы девушка боевая. А где вы родились?

– Я... точно не знаю, – ответила я, пытаюсь вспомнить, о чем мне рассказывала Стелла.

– Печально, что у вас нет родителей, бабушек и дедушек, прадедушек и прабабушек, которые могли бы поведать вам о прошлом. Мои предки постоянно пичкают меня своими семейными преданиями.

– Но я же говорю вам, я приемный ребенок.

– И вы никогда не спрашивали отца о своей родной семье?

– Нет, не спрашивала.

Майлз начал раздражать меня, засыпая вопросами, на которые я не могла ответить. словно проводит такой ускоренный сеанс психотерапии. У меня даже голова закружилась от такого темпа. Я поднялась со скамейки.

– Знаете что? Устала я сегодня. Пойду-ка лучше к себе. До скорого.

У себя в палате я тут же улеглась в кровать, мысленно пожалев о том, что вообще отправилась на вечернюю прогулку в сад. В голове царил полный сумбур, но внезапно до меня дошло, почему люди так любят ходить к психотерапевтам: ведь всегда чувствуешь себя комфортно, разговаривая с человеком, который не торопится навязать тебе свое мнение, беседует с тобой неторопливо, деликатно спрашивая о прошлом.

Впервые с момента своего приезда в «Рэнч» я искренне обрадовалась, что у меня есть Фай: будет о чем поговорить с ней завтра.

На следующее утро я снова вышла на пробежку, проснулась еще раньше, чем вчера, чувствуя, как ноги сами просят поскорее прикоснуться к земле, словно хотят заземлить меня. Я уже завершала второй круг, когда заметила, что Майлз только-только начал свой бег.

Что ж, это неплохо. По крайней мере, между нами сейчас такой разрыв, что едва ли Майлзу удастся догнать меня. Тем не менее на всякий случай я прибавила скорость, сконцентрировав все внимание на окружающей природе, чтобы очистить свой мозг от всяких неприятных мыслей. Но уже через несколько минут спина Майлза замаячила перед моими глазами, и я, к своему ужасу, поняла, что это не он меня догоняет, а я его. Тогда я тут же сбросила темп, но и он продолжал бежать, не торопясь, словно те старички, которых я всегда обгоняю во время своих пробежек по Центральному парку.

– Кретинка! – пробормотала я в свой адрес любимое выражение Лиззи и тоже перешла на прогулочный шаг, однако, даже сойдя с дистанции, я все равно оказалась с Майлзом почти бок о бок.

– Ладно! Сегодня твоя взяла, – пробормотала я себе под нос, глянув на Майлза, и, перескочив через кирпичный бордюр, очерчивающий беговую дорожку, зашагала к центральному входу в здание «Рэнч».

– Привет!

Я снова перешла на бег, оглянувшись и увидев, что он стремительно догоняет меня.

– Остановитесь на минуту!

Негромко выругавшись, я помчалась к дверям и уже почти что проскочила внутрь, когда сильная рука вдруг схватила меня за плечо.

– Отпустите меня! – взвизгнула я во весь голос.

– Электра, что с вами?

Я повернулась и увидела, что Майлз шутливо поднял руки вверх, будто его только что задержали копы.

– Я совсем не собирался пугать вас. Просто думал извиниться за вчерашнее. Меньше всего я хотел грузить вас всякой ерундой, которая, по сути, никакая не проблема. Мне очень жаль, что так вышло. Я слишком поздно понял, что попросту перевел свои обстоятельства на вас.

Оба мы, запыхавшись от быстрого бега, подошли к дверям; я низко склонилась, сжав руками колени.

– Все нормально, – с трудом выдавила я из себя.

– Вижу, что не вполне нормально.

– В любом случае, я сейчас в столовку на завтрак, а потом...

– Знаю-знаю. Молитва смирения в клубе анонимных алкоголиков.

Я рывком открыла дверь и вошла в холл, даже не повернув головы, чтобы увидеть, идет ли он за мной. Мне надо срочно увидеться с Фай и рассказать ей все, как было.

– Итак, – сказала Фай, глянув в свои пометки, – давайте начнем прямо с этого. Как я понимаю, вы хотите рассказать мне, что произошло с вами в той закрытой школе, где вы учились?

– Да.

На самом деле я вовсе *не хотела этого*. Но понимала, что должна наконец раскрыться перед ней полностью.

Я нервно сглотнула слюну, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы как-то успокоиться и начать свой рассказ. Потому что я еще *никогда и никому* не рассказывала об этом.

– Итак... – тупо повторила я вслед за Фай. – Я только что поступила в эту новую школу. Там было несколько девчонок, которые, как я вскоре поняла, пользовались особым авторитетом среди одноклассниц. Все очень хорошенькие. Они постоянно рассказывали всем, какие у них богатые родители. Мне захотелось подружиться с ними, стать, как бы это выразиться, «своей» в их компании, – начала я свой рассказ, чувствуя, что уже задыхаюсь от нехватки воздуха, будто только что пробежала длинную дистанцию.

– Не спешите, Электра. Времени у нас предостаточно. И потом, мы можем прерваться в любую минуту, когда вы сами этого захотите.

– Нет! – отрезала я, понимая, что коль скоро вышла на старт, то надо бежать до финишной черты, чтобы покончить наконец раз и навсегда с тем дерьмом, которое мучило меня столько лет и продолжает терзать, и будет терзать до тех пор, пока не испепелит меня изнутри, если я не освобожусь от него. – Ну вот! Я стала рассказывать им о нашем доме. Атлантис стоит на берегу Женевского озера и похож на волшебный замок. Папа всегда называл нас своими принцессами и говорил, что готов удовлетворить любое наше желание. Хотя на самом деле это было не совсем так. Подарки нам дарили только на Рождество, на дни рождения и когда он возвращался домой после долгого отсутствия. Я рассказывала им, как каждое лето мы отправляемся в круиз на юг Франции на своей роскошной яхте и... – Я снова нервно сглотнула и сделала глубокий вдох. – Словом, я отчаянно

пыталась понравиться им, быть такой, как они, с их большими домами, дизайнерскими нарядами и...

– Выпейте немного воды. – Фай подала мне пластиковую кружку, которая всегда стояла у нее на столе, когда я приходила к ней на собеседования. Но раньше у меня никогда не возникало желания попить воды, а на сей раз я с жадностью сделала несколько больших глотков.

– Вот так мы тусовались какое-то время все вместе, несколько недель, я думаю. В этой школе учились и другие мои сестры – Тигги, Стар, Сиси, правда, в старших классах. Они постоянно видели меня в этой компании и были очень довольны тем, что я так быстро акклиматизировалась в новой для себя среде. А потом... – Я сделала еще глоток. – Как-то я рассказала Сильвии, которая верховодила в нашей компании, была таким негласным лидером, так вот, я рассказала ей о том, как меня в детстве как-то раз по ошибке заперли в крохотной туалетной комнате в той каюте на борту нашей яхты «Титан», где я спала. Все мои сестры в это время были на палубе, кто плавал, кто просто загорал, и мне пришлось провести какое-то время взаперти в замкнутом пространстве. Это время мне показалось вечностью. Я кричала, плакала, стучала в дверь, но никто меня не слышал, потому что никого не было рядом. – Я судорожно хватанула ртом воздух. – Наконец в каюту заглянула горничная, услышала мои крики и тут же освободила меня. Но с тех пор у меня появилась боязнь замкнутых пространств.

– Вполне понятно, Электра. И что случилось после того, как вы поделились со своей подружкой этой историей?

– Все произошло как раз накануне хоккейного матча, а я очень хорошо играла в хоккей. – Я энергично тряхнула головой, чувствуя, как закипают в моих глазах слезы. – У нас в физкультурном зале стоял такой небольшой шкаф, в котором хранился всякий спортивный инвентарь. Ко мне подошла Сильвия и сказала, что никак не может найти свою клюшку. Дескать, наверняка кто-то стащил ее, и попросила меня помочь в поисках. Я побежала к этому шкафу, чтобы поискать там, а уже в следующее мгновение меня впихнули внутрь, и кто-то запер дверцу шкафа на ключ. Я просидела там несколько часов, ведь остальные отправились смотреть хоккей, а после игры устроили

коллективное чаепитие... Но в конце концов Сильвия все же пришла и выпустила меня на волю.

– Вот, Электра... – Фай подала мне коробочку с бумажными носовыми платками, которыми я ни разу в жизни до сего дня не пользовалась. Но слезы градом катились по моему лицу, а потому я схватила сразу несколько платков. Немного успокоившись, я взглянула в ласковое лицо Фай.

– Что вы чувствовали, когда сидели в шкафу?

– Думала, я сойду с ума... Хотела умереть, я ведь страшно испугалась... Даже не хочу вспоминать все свои тогдашние эмоции и страхи... Не могу переживать все это заново.

– Но именно это вы сейчас, Электра, и делаете: *переживаете заново*. И знаете почему? Потому что вы все же вырвались на волю. И больше никто и никогда не затолкает вас повторно ни в какой шкаф.

– Это уж точно, – согласилась я с ней. – Никто и никогда.

– А что сказала вам эта девчонка... Сильвия, когда выпустила вас?

– Что я не их круга, что я обыкновенная хвастунишка и что никто из девчонок не хочет со мной водиться. А если я начну ябедничать, то они снова меня накажут. И я молчала. Никому ничего не рассказала. Ни слова.

– Даже своим сестрам?

– Но они же видели, что я неделями крутилась в этой компании и была всем довольна. Наверняка решили бы, что я просто что-то выдумываю, по своему обыкновению. Дескать, поругалась с девочками, а сейчас на них наговариваешь.

– Я не знаю ваших сестер, но, судя по тому, что вы сами мне рассказывали о них, в частности о Тигги, я не уверена, что они повели бы себя подобным образом.

– Дело в том, Фай, что я часто обманывала их и раньше. Придумывала всякие небылицы, чтобы избежать наказания, когда нашкодила.

– И что же было дальше?

– А дальше я убежала из школы. У меня были карманные деньги, я взяла их и поехала в город, позвонила Кристиану, нашему водителю, и попросила его приехать за мной и отвезти домой.

– И что сказали Ма и ваш отец, когда вы вернулись?

– Они были совершенно сбиты с толку, в полном недоумении. Ведь вплоть до моего побега из школы я постоянно твердила им, что мне там очень нравится. Но потом они все же заставили меня вернуться в школу.

– Понятно. А потом?

– Ну, вы же знаете, что бывает потом в таких случаях. Новые гадости. Например, вымажут чернилами все мои блузки, а учителя у нас были просто помешаны на аккуратности учениц. То оставят кроссовки без шнурков, то засунут в мою парту паука или еще какую ползучую тварь... Словом, такие чисто детские развлечения, а цель у них была одна: либо запугать меня до беспамятства, либо учинить мне какую-нибудь неприятность.

– Иными словами, классическая травля.

– Да, именно так. Тогда я снова убежала, а когда меня силой вернули обратно, решила, что единственный способ вырваться из стен этой ненавистной мне школы – сделать так, чтобы меня исключили. И меня исключили, затем перевели в другую школу, но там я уже сама стала наводить страх на других девочек, так что на новом месте никто не посмел меня третировать. Собственно, со мной вообще боялись связываться. Но оттуда меня тоже исключили: во-первых, за мое плохое поведение, а во-вторых, я еще и завалила экзамены. Тогда я уехала в Париж, устроилась там официанткой, и буквально в считанные недели меня заметила агент из модельного бизнеса. Вот и вся моя история. – Я неопределенно пожала плечами.

Я увидела, как Фай что-то сосредоточенно строчит в своем блокноте. Сегодня она много писала, пожалуй, намного больше, чем за все три предшествующие недели вместе взятые. Но вот она оторвалась от своих записей и улыбнулась.

– Спасибо, Электра, что доверились мне и рассказали. Я знала, я чувствовала, что вас что-то мучит и вам надо выговориться. Это мужественный поступок с вашей стороны. И как вы сейчас себя чувствуете?

– Извините, но я перейду, с вашего позволения, на французский: ни хрена не соображаю, что именно я сейчас чувствую.

– Конечно. Я прекрасно понимаю ваше состояние в эту минуту. Вы очень неординарная женщина, Электра, коль скоро вы самостоятельно, без каких-либо подсказок с моей стороны, поняли, что

именно в тех давних событиях и кроется корень всех ваших нынешних проблем. Вам протянули руку дружбы, а потом самым беспардонным образом отняли эту руку, подло предали дружбу... Впрочем, на сегодняшний день хватит воспоминаний. Вы и так потрудились на славу, – сказала Фай, и я тут же поднялась со своего места. – Лишь один последний вопрос. Так, из чистого любопытства... Что именно сподвигло вас рассказать мне эту историю?

– Один разговор с пациентом вашей клиники. До завтра, Фай.

Чтобы немного успокоиться и привести в порядок свои нервы, я сделала несколько кругов по Лабиринту тревог, а потом пошла к себе с намерением воспользоваться ванной комнатой. Войдя в палату, я увидела Ванессу, и выглядела она гораздо лучше, по сравнению с тем, какой я ее увидела в прошлый раз.

– Привет, как себя чувствуешь? – спросила я у нее.

– Хреново, – ответила она. – Они слишком рано меня выпихнули сюда. Все эти здешние *шлюхи*... Сами не знают, что делают. Не доверяй им, точно тебе говорю!

С учетом того разговора, который у меня только что состоялся с Фай, я решила, что будет лучше, если я не стану углубляться в дискуссии с Ванессой прямо сейчас.

– Иду на занятия по иппотерапии, – бросила я ей. – До скорого.

Как приятно вдыхать в себя чистый натуральный запах лошади после всей той вони, которая поднялась в моей душе после всех этих неприятных воспоминаний. Размышляя сейчас о своем прошлом, я вдруг вспомнила, что один из моих «грандиозных побегов», как называла их Алли, был совершен именно с помощью лошади. Я взяла лошадку из школьной конюшни и умчалась верхом на ближайшую ферму, а уже дома объяснила отцу, где именно сейчас находится лошадь, чтобы вернуть ее обратно в стойло. А потом прошагала пешком, вернее, пробежала целых пять миль до Цюриха, там села на поезд, который доставил меня в Женеву.

Ко мне подошел Хэнк с морковкой в руке, давая понять, что время, отведенное для моего общения с лошастью, истекло.

– Так серьезно, у вас тут никак нельзя покататься верхом? – спросила я у него. – Так бы хотелось сейчас промчаться с ветерком.

– Никак нельзя, мэм. Я не рискну позволить вам, ведь это против всех здешних правил. Но у меня есть сосед, он тоже держит лошадей

на своем ранчо. Поговорите с администраторами, скажите, что вы опытная наездница и такие прогулки верхом только укрепят ваше психическое здоровье. – Хэнк многозначительно подмигнул.

– Спасибо, обязательно переговорю, – обрадовалась я, воодушевленная неожиданно открывшейся перспективой.

После долгих препирательств выяснилось, что все, в общем-то, упирается в страховку. Если, скажем, во время своего пребывания на конюшне я вдруг упаду с лошади и сломаю себе шею, то мне нужно будет немедленно покинуть клинику, потом еще раз пройти обследование уже по возвращении домой, и прочее, и прочее. «Судебные тяжбы в Америке – это что-то с чем-то!» – размышляла я уныло, отправляясь на обед, немного подустав от напряженного утреннего графика. Уселась за столик рядом с Лиззи и, заметно нервничая, огляделась по сторонам, ища взглядом Майлза и чувствуя, что еще пока не готова к разговору с ним.

– Привет, Электра, – поздоровалась со мной Лиззи. – Что это ты сегодня такая взъерошенная? Что-то случилось?

– Да нет, вроде все нормально, ничего такого не случилось. А у тебя как дела?

– А вот у меня не совсем хорошо. – Лиззи подавила тяжкий вздох, вяло ковыряя вилкой томат черри на своей тарелке.

– А что произошло?

– Я только что встречалась с Фай и... – Лиззи судорожно сглотнула, и ее глаза тут же заблестели от слез. – Фай сказала, что мне пора уезжать. Мы с ней долго беседовали и пришли к выводу, что мое чрезмерное увлечение всеми этими лечебными практиками происходит от того, что таким образом я как бы пытаюсь компенсировать некоторые вещи, которых мне не хватает по жизни. Но при этом она считает, что мне надо возвращаться домой и окунаться в реальную жизнь.

– Так что в этом плохого? Не понимаю тебя.

– Конечно, ничего плохого. Но, знаешь, как и ты, как и все, кто проходит здесь курс реабилитации, я, вернувшись домой, буду чувствовать себя первые пару недель вполне нормально, а потом что-нибудь случится, и я тут же рвану в ближайшую кондитерскую и накуплю себе там всяких пончиков, шоколадных кексов, да еще

политых сверху шоколадом, и начну кутить. Устрою себе праздник жизни.

– Ах, Лиззи! Такой негативный настрой – это так не похоже на тебя, – бросилась я успокаивать ее. – Подумай лучше о том, что впереди тебя ждет встреча с Крисом. Продемонстрируешь ему, в какой ты отличной форме. Разве это не здорово?

– Электра, – тихо обронила Лиззи. – Мы ведь обе отлично понимаем, что это не так. Мое лицо изрезано вдоль и поперек всевозможной пластикой, и теперь я выгляжу, словно чудище из какого-то фильма ужасов! И зачем я столько раз ложилась под нож? Да все *ради него!* А где он сейчас? Наверняка в постели развлекается с какой-нибудь молоденькой шлюхой!

Лиззи почти сорвалась на крик, все в столовой вокруг нас замолчали, прислушиваясь к нашему разговору. Она швырнула вилку на тарелку, вскочила со своего места и почти бегом выбежала из столовой. Я растерянно посмотрела ей вслед. Что делать? Догнать? Или пусть побудет какое-то время одна? Несколько секунд я прикидывала, что лучше, потом все же склонилась к первому варианту. В конце концов, пусть знает, что я за нее переживаю, даже если она сейчас прогонит меня прочь. Вначале я заглянула к себе в палату и застала там только Ванессу: она по-прежнему валялась на постели, но сейчас уже с наушниками в ушах. Тогда я вышла на улицу и пробежалась вокруг сада, зная, что в своих туфлях на шпильках, которые Лиззи обычно носит, далеко она не уйдет. И действительно, очень скоро я обнаружила ее в укромном уголке Сада безмятежности: сидит на скамейке, спрятавшись за большим кактусом, и рыдает навзрыд.

– Лиззи, это я, Электра. Можно мне присесть с тобой рядом?

Она неопределенно пожала плечами в ответ, что я расценила, как «да, можно». Сказать честно, я даже не знала, с чего начать, – я ведь еще только учусь умению утешать других (надо будет не забыть занести это в список тех качеств, которые я приобрела и продолжаю приобретать в «Рэнч», и обязательно обсудить это с Фай). А потому я лишь молча взяла Лиззи за руку и держала ее руку в своей до тех пор, пока рыдания не сменились негромкой икотой. Выглядела Лиззи ужасно: весь ее макияж смыли потоки слез, и лицо предстало во всей

его нагоде. Я сбросила с плеч толстовку и протянула ей рукав, чтобы она отерла слезы.

– Спасибо, Электра, – громко шмыгнула носом Лиззи. – Ты такая славная.

– Я так не думаю, но все равно спасибо на добром слове.

– Нет, ты очень славная! – Она громко высморкалась и глянула на меня с грустной улыбкой. – Ужасно сейчас выгляжу, да?

– Немного, – не стала я кривить душой. – Но мы все выгядим так себе после того, как поплачем.

– Знаешь, по правде говоря, я просто боюсь возвращаться домой, в этот огромный пустой дом, похожий на мавзолей. Каждый день готовлю Крису ужин, а потом в десять вечера раздается звонок, и он сообщает мне, что задерживается, чтобы я ложилась спать и не дожидалась его. А проснувшись поутру, я обнаруживаю, что он уже ушел: у нас ведь с ним отдельные спальни, вот такая картина. Но я уже научилась жить с человеком под одной крышей и неделями не встречаться с ним.

Рассказ Лиззи совсем не удивил меня. Она ведь не сообщила мне ничего нового.

– Послушай, Лиззи.

– Что?

– А ты никогда не думала о том, чтобы развестись с ним?

– Думала, и не раз. Самое интересное, что он тоже подумывал о разводе со мной, но по законам штата Калифорния мне положена половина всего, что у нас есть. А Крис слишком жадный человек, чтобы делиться своим добром с кем-то. Вот так я оказалась в ловушке: не брак, а сплошное позорище... Я, разумеется, в курсе всех его бесчисленных любовных интрижек, но не это главное. Больше всего меня ранит то, что он меня стыдится, Электра. Понимаешь? Он стыдится своей жены! А я, как последняя дура, продолжаю любить его!

– Ты в этом уверена? Я, конечно, не большой эксперт по части семейной жизни. Но как-то раз в Нью-Йорке я посещала психотерапевта, когда у меня закончились отношения с одним человеком. Помню, тогда эта женщина спросила меня, нравился ли мне тот парень на самом деле. А я ответила ей, нет, дескать, я его ненавижу, но одновременно и люблю. И тогда психотерапевт сказала

мне, что у нас с ним были очень сложные отношения взаимозависимости.

– Ах, моя милая Электра! Я уже с этими психотерапевтами прошла, наверное, все девять кругов ада. У кого я только не была за годы своей супружеской жизни. – Лиззи тяжело вздохнула. – Тысячи долларов, выброшенные на ветер, и сотни коробок с бумажными носовыми платками. И все равно я продолжаю любить его, или как там они называют эту мою заикленность на нем. И потом, не забывай, у нас же дети. Представляю, для них наш развод стал бы самой настоящей трагедией.

– Но ведь твоему младшему уже двадцать три, Лиззи, – возразила я ей. – К тому же ваши дети больше не живут вместе с вами. Думаю, любой ребенок не захочет видеть несчастными своих родителей.

– Да ведь мы с мужем устраиваем на пару самые настоящие шоу, когда к нам приезжают дети. Ломаем перед ними комедию, вполне достойную премии «Оскар». Разыгрываем счастливую семью и безупречную супружескую жизнь. Думаю, для них правда о наших с Крисом отношениях стала бы настоящим шоком.

– А по-моему, твои дети должны были обо всем догадаться. Ты так часто и надолго отлучаешься из дому. Вот что они могут, к примеру, подумать, пока ты здесь приводишь себя в порядок?

– О, они абсолютно уверены, что я в это время гощу у своей лучшей подруги, которая живет недалеко от Таксона. Я звоню им каждую неделю и плету всякие сказки о том, как мы чудесно проводим с ней время. Жалко все это, да?

По правде говоря, все это действительно немного унижительно, да и дети у Лиззи уже давно вышли из того возраста, когда верят во всякие рождественские сказки, но вслух я не рискнула сказать ей об этом.

– Наверное, ты всячески пытаешься защитить и оградить своих детей, как всякая любящая мать, и неважно, сколько им лет, – ответила я дипломатично, а про себя подумала: неужели во мне начинает просыпаться тактичность, то самое качество, которое папа считал очень важным для любого человека, но, по его словам, у меня оно отсутствовало начисто. Я тогда еще, помнится, ответила ему, что быть «тактичной» – это все равно что говорить неправду или откровенно лгать людям.

– Ты права, Электра. Дети – это для меня все, мой свет в окошке, моя единственная гордость. Однако, – Лиззи снова подавила тяжелый вздох, – бессовестно это с моей стороны – грузить тебя своими проблемами. У тебя и своих болячек хватает.

– Но мы же с тобой подруги, Лиззи. А друзья всегда должны помогать друг другу. Разве не так?

– Должны. Но у меня по жизни не так уж много друзей, если честно. И, пожалуй, ни одного, кому бы я могла довериться полностью.

– И у меня тоже, – призналась я.

– Я польщена, что ты, Электра, назвала меня своей подругой. – Лиззи протянула мне руку, и я слегка пожала ее. – Я даже этим горжусь.

– И я тоже горжусь.

Второй раз в течение этого дня я почувствовала комок, подступивший к горлу. А ведь я не плакса и никогда не была большой любительницей поплакать, но сейчас разговор с Лиззи меня действительно очень растрогал. Мы поднялись со скамейки и вместе побрели обратно в корпус. И тут я заметила Хэнка: он шел на некотором расстоянии от нас, явно направляясь в конюшни.

– Послушай, Лиззи, – вдруг осенило меня. – Ты катаешься верхом?

– Конечно! Чтоб ты знала, в свое время, когда мне было тринадцать лет, я была чемпионкой пони-клуба в своем графстве.

– А когда ты уезжаешь отсюда?

– В субботу.

– Какмотришь, если я закажу нам с тобой верховую прогулку по пустыне, прежде чем ты отправишься к себе в Калифорнию?

– Правда? – Лицо Лиззи засветилось от радости. – Ничто не доставит мне большего удовольствия, поверь мне.

* * *

В эту ночь я спала, как убитая: сказались все эмоциональные перегрузки минувшего дня. Но, проснувшись на рассвете, я обнаружила Лиззи сидящей на своей кровати с чашкой кофе в руке.

– Доброе утро, – пробормотала я полусонным голосом. – Что-то ты сегодня рано поднялась.

– О да. Удивляюсь, как ты умудрилась продряхнуть всю ночь, имея такую соседку под боком. – Лиззи кивнула в сторону Ванессы, которая еще спала, слегка похрапывая во сне. – Ей, видно, снились какие-то кошмары. Только я начну дремать, как она тут же начинает кричать истошным голосом. В конце концов, нервы мои не выдержали, и я поднялась с постели. А она сейчас спит себе, как ни в чем не бывало. Бедняжка! Вне всякого сомнения, она чем-то очень сильно травмирована.

– А я ничего не слышала, – ответила я. Быстро сбросила с себя ночнушку, напялила шорты, ветровку, надела кроссовки. – Все! Я побежала. Увидимся за утренней молитвой.

Я выбежала на улицу, надеясь, что сегодня я появлюсь на беговой дорожке раньше Майлза и сумею сделать свои три круга еще до того, как он придет. Побежала, мысленно негодуя на саму себя за то, что мысли о Майлзе мешают мне наслаждаться в полной мере своей утренней пробежкой. Я как раз пила воду, стоя возле кулера, когда на стартовой черте появился Майлз.

– Доброе утро, Электра, – поздоровался он со мной, когда я уже направилась к нашему корпусу.

– Доброе, – коротко бросила я в ответ.

– Послушайте! – Майлз приостановился, а потом направился в мою сторону. – Вы что, избегаете меня?

– Возможно.

– Но я же уже извинился перед вами вчера. Или мне снова просить прощения?

– Нет, нет... – Я тоже остановилась и повернулась к нему лицом. – В каком-то смысле, я даже благодарна вам за тот разговор.

– Благодарны мне?

– Именно благодаря нашему разговору мне удалось избавиться от кое-какого мусора, который скопился внутри меня. Мне просто было необходимо это сделать, и давно.

– О, здорово! Так, значит, у нас с вами все нормально?

– Да, все хорошо.

– Тогда почему же вы избегаете меня?

– Я... Я все еще продолжаю работать над собой.

– Хорошо. Как я понимаю, говорить на эту тему вы пока не желаете, чтобы не усложнять ситуацию еще более, да?

– Да, что-то вроде этого.

– Тогда я возвращаюсь на беговую дорожку.

Майлз круто развернулся и побежал к беговой дорожке, а я невольно выругалась себе под нос. Надо же, какой неприятный разговор у нас с ним получился. Пожалуй, еще никогда я не оказывалась в столь неудобном положении. И почему это в присутствии Майлза я всегда чувствую себя немного не в своей тарелке?

После завтрака и молитв я направилась на встречу с Фай.

– Доброе утро, Электра. Как настроение сегодня?

– Немного полегчало, – ответила я, что было чистой правдой.

– Вот и хорошо. Хотите продолжить?

– Я... Я пока в полной растерянности.

– Из-за чего?

– Я только что столкнулась сейчас с одним мужчиной. Он темнокожий, и это он позавчера толковал мне о всякого рода предрассудках. И вот о чем я подумала после разговора с ним. Скорее всего, те девчонки обошлись со мной так подло потому, что я черная. И в этом заключается главная причина их предвзятого отношения ко мне.

– А раньше вы никогда не задумывались об этом?

– Представьте себе, никогда. Можете считать меня наивной, но такая уж я есть: Электра, супермодель.

– Точно! А сейчас вы что думаете? Вам не приходила в голову мысль, что ваш статус супермодели в какой-то степени связан с цветом вашей кожи? С вашей расовой принадлежностью, если по-другому...

– Нет, подобные мысли мне не приходили в голову. Но вот сегодня утром, во время своей пробежки, я размышляла над тем, что многие люди склонны судить *других*, именно исходя из цвета их кожи. – Я взглянула на Фай. – Вы с этим согласны?

– Как говорят в таких случаях, «только не для записи». Конечно, я согласна. Ведь мы же стадные животные с точки зрения нашего круга общения или культурной среды, как ни верти. Само собой, есть люди передовых взглядов, они смотрят на мир шире, двигаются вперед, но...

– Но многие не могут, да? – Я вздохнула. – Но я не так уж сильно и пострадала в итоге. Лицо и тело – вот мое главное состояние, они

определили мою судьбу, а не то давнее ниспровержение.

– И тем не менее, Электра, вы и сами прекрасно понимаете, что *вы страдали*, правда ведь?

– Из-за чего?

– Из-за того, что случилось с вами в школе. Какова бы ни была причина того случая, вполне возможно, целый комплекс причин, но само событие напрямую повлияло на всю вашу дальнейшую жизнь. И даже в какой-то степени сформировало ее ход. Вы сами это видите?

– Наверное, да, вижу. Ведь с тех пор я перестала доверять людям и...

– Продолжайте, – подбодрила меня Фай.

– Думаю, если человек перестает доверять другим, вообще теряет веру в человеческую натуру, он чувствует себя очень одиноким. Да, с тех пор я чувствую себя одинокой, это правда. – Я кивком головы подтвердила правоту своих слов. – Очень одинокой.

– Помните, мы с вами говорили пару дней тому назад о том, что ни один человек, будь то мужчина или женщина, не может быть сам по себе, наподобие одинокого острова, затерянного в океане? Но вам это удалось: превратиться в такой крохотный неприступный островок. А как вы сейчас чувствуете себя?

– Гораздо лучше. И одиночество тоже немного отступило. Я даже... Я даже подружилась здесь с одной женщиной. По-настоящему подружилась с ней.

– Прекрасная новость, Электра! – широко улыбнулась Фай. – И вы даже готовы впустить ее на свой остров?

– Ну, если продолжить рассуждать в том же ключе, то да, готова. – Я вдруг вспомнила, как Лиззи протянула мне руку для благодарственного рукопожатия. – А еще я страшно злюсь на саму себя за то, что позволила этим мерзавкам помешать мне получить школьный аттестат. Чтобы у папы были основания гордиться мной.

– То есть вы не считаете, что он гордился теми успехами, которых вы достигли как модель?

– Нет, он говорил, что гордится мной, но ведь все это – не более чем случай; мне посчастливилось родиться с таким лицом, с таким телом... Вы же понимаете, во всех этих рекламных кампаниях мозги совсем не востребованы.

– Знаете, передо мной прошло много знаменитых моделей, они сидели как раз на вашем месте и, представьте себе, говорили то же самое. Но из того немногого, что мне известно о модельном бизнесе, полагаю, сама по себе ваша работа тяжелая и изнурительная. А тут еще и всякие сопутствующие обстоятельства, усложняющие жизнь, в виде славы и денег, которые обрушиваются на человека в столь юном возрасте. Вы неоднократно упоминали в разговоре со мной о том, что чувствуете, будто во многом подвели своего отца, не оправдали его доверия. И вам сейчас стыдно за это, да?

– Наверное. Хотя мне всегда было обидно думать, что люди, в том числе и папа, могут посчитать меня тупицей. Ведь до того, как я пошла в школу, у меня с учебой все получалось нормально, даже очень хорошо, а потом... случилось то, что случилось. А сейчас я не могу объяснить отцу, почему все так внезапно переменялось. Ведь его больше нет, он умер.

– И вас это тоже злит?

– Злит, что он умер? Пожалуй. Последние несколько лет мы с ним не сильно ладили. Признаюсь, я и домой-то старалась приезжать как можно реже.

– То есть вы всячески избегали его?

– Да, вы правы. А наша последняя встреча с ним в Нью-Йорке – это вообще... Я тогда была, как говорится, в полной отключке. Честно, я немного и запомнила из той встречи. Разве что выражение его лица, когда он прощался со мной. На нем застыло такое... – Я нервно сглотнула слюну. – Такое вселенское разочарование... А спустя всего лишь несколько недель после нашей встречи он умер.

– Да, вы говорили, что ваш отец ушел из жизни минувшим летом. И именно тогда резко возросло ваше пристрастие к спиртному и наркотикам. Вы не считаете, что все это как-то связано между собой?

– Наверняка связано, тут самая прямая связь. Я не хотела скорбеть из-за того, что папа умер, считала, что злиться на него за этот внезапный уход будет гораздо лучше. Но... – Внезапно я всхлипнула, чувствуя, как комок снова подступил к моему горлу. – Но мне его так не хватает. Очень не хватает! А, черт! – И снова в ход пошли бумажные носовые платки. Много платков. – Папа был, что называется, мой человек, понимаете меня? Я всегда чувствовала, что он меня любит... Быть может, это единственный человек на свете, кто

любил меня по-настоящему... И даже несмотря на все наши с ним размолвки, он всегда был рядом, хотя бы в моих мыслях. А теперь его больше нет. В моей душе образовалась такая большая дыра, которую невозможно заполнить ничем. И я уже никогда не смогу сказать ему, как я его люблю... Рассказать, что я приехала сюда, к вам, и прохожу сейчас курс реабилитации, и...

– Ах, Электра, как же я вам сочувствую, – тихо проронила Фай, и я увидела в ее глазах слезы. Что тут же вызвало у меня ответную реакцию, и слезы полились из моих глаз с удвоенной силой.

– Все мои сестры сильно горевали, переживали смерть папы, – продолжила я сбивчиво. – У меня такое чувство, что они полагали, что у них больше прав на папу, чем у меня. А может, они знали, что наши с ним отношения разладились, что я практически не бываю дома. Мне казалось, что они как бы исключили меня из своего круга, и я снова остро почувствовала свое одиночество.

– Ваши взаимоотношения с сестрами – это еще одна тема, которой мы можем коснуться в ближайшие дни, если вы, конечно, захотите.

Я кивнула в знак согласия и громко высморкалась.

– Почему бы и нет? Я согласна. Мы же с вами пытаемся всесторонне проанализировать мои контакты с другими людьми, так ведь?

– Тогда я попросила бы вас подумать вот над чем. Какая существует связь между тем, как складывались ваши отношения с сестрами дома, и тем, что, когда вы оказались в школе, вас сразу же потянуло к уже сформировавшейся компании девчонок. Вполне возможно, какая-то девчонка из них вам действительно понравилась, и вы даже надеялись, что она станет вашей лучшей подружкой, а получилось так, что они вас просто использовали в своих целях. Но, с другой стороны, эта тяга не есть ли проявление того, что вы с самого детства привыкли быть в коллективе?

– Я никогда не задумывалась над этим, но очень даже может быть, что вы правы.

– То есть ваши ожидания и надежды обзавестись новыми подружками, исходя из того опыта, какой у вас накопился с раннего детства, поскольку вы привыкли постоянно общаться со своими сестрами, оказались несбыточными, когда вы попытались влиться в новый для себя коллектив.

– Вы хотите сказать, я ожидала, что мои одноклассницы полюбят меня так же, как любили меня сестры, и примут меня такой, какая я есть, как это было в моей семье? Значит, по-вашему, я была слепа, коль скоро не сумела разглядеть их истинное нутро?

– Возможно. Словом, подумайте над всем этим хорошенько, а на сегодня достаточно, – сказала Фай, глянув на часы. И я с удивлением увидела, что мы на целых три минуты превысили лимит отведенного мне времени. – Итак, до завтра, но хочу сказать вам, Электра, вы делаете просто поразительные успехи. – Фай поднялась из-за стола вместе со мной, подошла и крепко обняла меня. – Честное слово, я горжусь вами, Электра.

– Спасибо, – торопливо поблагодарила я ее и поспешно ретировалась за дверь, боясь снова расплакаться.

20

– Я буду страшно скучать по тебе, Электра, – промолвила Лиззи, когда в субботу мы с ней выехали за ворота клиники «Рэнч», впервые за все четыре недели, что я провела здесь.

– Во-первых, у нас впереди еще целый день, который мы проведем вместе. Не забывай! – напомнила я ей, чувствуя легкое головокружение, когда машина помчалась вперед по шоссе, рассекая пустыню с ее необъятными просторами на две части.

– Да, и я постараюсь получить удовольствие от этого дня по максимуму, – согласилась со мной Лиззи. – Как те две женщины в кинофильме – как же он называется? По-моему, «Тельма и Луиза». Да, именно так! Видела этот фильм?

– Наверное. Это там, где две женщины воруют вещи, а потом удирают от погони на машине, пытаясь прорваться через отвесную скалу?

– Да, да, это он! – весело хихикнула Лиззи. – Но не волнуйся, надеюсь, наше сегодняшнее маленькое приключение не обернется подобными неприятностями, хотя у меня такое чувство, будто ты сейчас снова совершаешь один из своих грандиозных побегов.

– Сумасшествие! Вырваться на волю на целый день! Пожалуй, я даже не стану судиться с ними, если вдруг случайно свалюсь с лошади, – рассмеялась я в ответ.

– Но ты ведь вернешься обратно?

– Конечно, вернусь. Обязательно вернусь! Я еще не закончила тут все свои дела, но очень близка к их завершению.

– Надеюсь, тебя поставят в известность, сообщат, что ты уже готова покинуть «Рэнч». Не то что я! Меня ведь просто взяли и вытолкали вон пинком под зад. А это место затягивает, действует на тебя, как наркотик, особенно если ты страдаешь какими-то зависимостями.

– Знаешь, лично меня впечатлил даже не столько сам «Рэнч», сколько *все это!* – Я широко распахнула руки, словно пытаюсь вместить в них все окружающее пространство. – Я чувствую себя здесь абсолютно свободной!

– И я тоже! Тогда ура! И вперед! – Лиззи опустила ногу на акселератор, и мощный «мерседес» с открытым верхом понесся на полной скорости мимо прекрасных аризонских пейзажей по обе стороны дороги.

Воздух буквально вибрировал от жары, высокие кактусы причудливо торчали там и сям, впиваясь корневищами в ярко-оранжевую землю и воздевая к голубым небесам свои колючие ветви, похожие на такие длинные жилистые руки. Роскошные золотистые цветы пробивались к свету через густую зелень кустарников, отвоевавших у пустыни место под солнцем. Я успела заметить одинокого кролика, который, увидев приближающуюся машину, быстро прошмыгнул в безопасное укрытие. Удивительное дело! Ведь раньше я представляла себе пустыню абсолютно голым местом, а здесь, оказывается, всюю кипит жизнь, расцвеченная сотнями самых разных красок и оттенков.

– Аризонская пустыня почему-то всегда напоминает мне Африку: такое же обилие красной пыли повсюду и такие же необъятные просторы, – заметила Лиззи. – Ты была в Африке?

– Нет.

Лиззи гнала машину вперед, а я задумалась над той историей, которую поведала мне Стелла. О какой-то молодой женщине по имени Сесили, которая улетела в Кению после того, как ее бросил жених. Я и понятия не имела, каким образом эта история связана со мной, но, судя по всему, какая-то связь определенно существует. Вполне возможно, Африка – это моя родина, то место, где я появилась на свет. А коль

скоро Лиззи говорит, что Аризона похожа на Африку, тогда понятно, почему мне здесь тоже очень нравится.

– Электра, куда дальше рулить?

– Извини, задумалась о своем. – Я снова вперила взор в маленькую карту, которую нарисовал мне Хэнк. – Держим курс на Таксон, а когда увидим дорожный указатель на горный парк, поворачиваем вправо.

Указатель возник перед нами через несколько минут, мы свернули с автострады, ведущей в горы. Чуть дальше промелькнул еще один указатель поменьше на ранчо Гасиенда Орчидеа, мы съехали на узкую пыльную дорогу, ведущую, казалось, в никуда.

– Бог мой, эта машина совсем не подходит для езды по таким ухабам, – пошутила Лиззи, пока наш «мерседес» с его низкой посадкой преодолевал очередную рытвину. – Ты уверена, что мы едем в правильном направлении?

– Да, сама посмотри. – Я указала на лошадь, лениво жующую траву на небольшом, не огороженном забором выгоне между двумя огромными кактусами. Чуть поодаль виднелся жилой дом под низкой крышей.

Мы подъехали ближе, Лиззи притормозила машину прямо возле дома. Мы вышли из «мерседеса».

– Надеюсь, лошади здесь в хорошей форме. Боюсь, что после нашей поездки сюда шины на моем «мерседесе» пришли в полную негодность. Как бы мне не пришлось возвращаться в Лос-Анджелес верхом, – пошутила Лиззи, сопроводив собственную шутку веселым смехом.

Нигде не было видно знаков, указывающих, куда идти дальше, а потому мы поднялись по ступенькам крыльца на просторную веранду, защищенную от солнца нависающей крышей с широким козырьком и заставленную огромными вазами бирюзового цвета с цветущими олеандрами. Посреди веранды стоял длинный деревянный стол деревенского типа, вокруг стулья. Я глянула на бескрайнюю пустыню, которая тянулась вплоть до гор, виднеющихся на горизонте, и вдруг представила саму себя, сидящую за этим столом и ужинающую в полном одиночестве, вдыхающую полной грудью все ароматы ночного воздуха. Блаженство, да и только!

– Кто здесь? Здравствуйте! – Лиззи даже не успела постучать в дверь, как ее открыл какой-то мужчина. – А вы, должно быть, знакомые Хэнка?

Я глянула на него и невольно поразились: неужели все мужчины в Аризоне такие статные и красивые? Этот, судя по внешности, латиноамериканец, смуглый, кареглазый, с копной блестящих иссиня-черных кудрей на голове.

– Да, мы от Хэнка, – ответила я ему.

– Добро пожаловать на ранчо Гасиенда Орчидеа, – поприветствовал нас хозяин, пожимая обеим руки. – Меня зовут Мануэль. Не хотите выпить чего-нибудь холодненького, прежде чем отправиться на конюшни? – спросил он у нас, приглашая пройти в дом. Там, благодаря работающему кондиционеру, было гораздо прохладнее, чем на улице.

– Спасибо, не откажемся, – поблагодарила его Лиззи, а я принялась с любопытством разглядывать интерьер.

Как же я ошибалась, предполагая увидеть на ранчо простой деревенский дом, пропахший насквозь лошадьми и собаками. Мы стояли в огромной квадратной комнате, две стены сплошь из стекла, через которое открывался великолепный по своей красоте вид на горы, взметнувшиеся ввысь прямо позади дома. Дом утопал со всех сторон в изобилии многоцветной местной флоры – деревья, кустарники, море цветов; на некотором расстоянии от дома я заметила еще больше лошадей, пасущихся на выгоне.

Полы в комнате из блестящего красного дерева, по центру возвышается огромный каменный камин, по обе стороны от него стоят два больших удобных дивана. Кухонное пространство заполнено всевозможной сверкающей техникой новейших образцов, что сразу же напомнило мне мою нью-йоркскую квартиру.

– Вау! – воскликнула я, не скрывая восхищения. – Какой у вас шикарный дом.

Хозяин достал из холодильника воду и лед и наполнил два стакана.

– Рад, что вам понравилось, – улыбнулся он. – Это все моя жена... Она у меня здесь главный дизайнер. Чертовски талантлива, правда ведь?

– Очень талантлива, – согласилась с ним Лиззи, и мы все вместе устроились в окно, любуясь открывшимся видом на горы. К кухне примыкала еще одна большая веранда. Мануэль открыл стеклянную дверь, ведущую туда, и знаком велел следовать за ним. Эта веранда, как и первая, тоже была защищена свисающей вниз крышей. До меня донеслось журчание воды где-то поблизости. Мы уселись за резной деревянный стол, вырезанный, как мне показалось, из цельного ствола какого-то старого дерева.

– Здесь где-то ручей рядом? – поинтересовалась я.

– Нет, это все жена придумала. Она говорит, когда слышишь журчание воды, сразу же испытываешь прохладу. Вот мы и вывели трубу из дома. – Мануэль махнул рукой на небольшой пруд прямоугольной формы, выложенный камнем, в котором плескались золотистые декоративные карпы. Со всех сторон пруд окружали цветущие кусты гибискуса и олеандра. Наверное, самое красивое место из всех, что мне доводилось видеть, снова мысленно восхитилась я.

Но стоило мне поднести стакан к губам, как позвякивание кусочков льда о стенки стакана немедленно пробудили во мне страстное желание выпить чего-нибудь покрепче. Однако я тут же напомнила себе, что это моя, по сути, первая вылазка «в люди» после приезда в «Рэнч», а следовательно, соблазны неизбежно возникнут, но их нужно будет побороть.

Я сделала глубокий вдох и зачерпнула из тарелки, которую Мануэль поставил на стол, целую пригоршню чипсов. У них был слегка пряный вкус, а специи, как известно, перебивают желание выпить; я тут же закинула чипсы в рот и проглотила, почти не разжевывая. *«Дай-то бог, – мелькнуло у меня, – чтобы через какое-то время мне не пришлось снова возвращаться в “Рэнч”, но уже с заикленностью на еде, как у Лиззи».*

– Мануэль, это самое красивое место из всех, что мне доводилось видеть, – сказала Лиззи. – Как вы нашли его?

– Это ранчо принадлежало моему отцу, а до того его отцу. Отец умер два года тому назад, и я унаследовал ранчо. Перед смертью отец распродал большую часть земли, которая нам принадлежала. Сейчас земли у нас осталось совсем немного, что не позволяет заняться полноценным сельским хозяйством. Вот мы с женой и решили

перестроить дом заново, вложив в реконструкцию все свои сбережения, и организовать здесь нечто вроде частного имения для тех, кто захочет обзавестись своими лошадьми. Но пока покупателей на горизонте что-то не видно.

– Так это ранчо продается? – спросила я у него.

– *Si, senorita*. Мы с Сэмми (так зовут мою жену) живем в городе: у нее своя фирма, занимается дизайнерским оформлением интерьеров, а я работаю на стройке, – пояснил мне Мануэль. – Итак, вы готовы к верховой прогулке?

– Да! – воскликнула я с нетерпением, подхватываясь со своего места. Надеюсь, я не заставлю Лиззи сделать остановку возле винного магазина в Таксоне, мимо которого мы проезжали по дороге сюда, потому как желание выпить буквально сжигало меня изнутри.

– Боже мой! – тихонько прошептала Лиззи, пока мы плелись вслед за Мануэлем к новеньким, по всему видно, недавно построенным конюшням. – Волшебный уголок, не правда ли? Я бы с радостью поселилась в таком красивом месте. А ты?

«Тысячу раз “да”, – подумала я про себя, но лишь кивнула в ответ, потому что перед моим мысленным взором в эту минуту маячила бутылка с водкой «Серый гусь».

– С тобой все в порядке? – Лиззи бросила на меня вопросительный взгляд.

– Да. Надеюсь, все обойдется.

Она взяла мою руку и крепко пожала ее.

– Поспешай, не торопясь, ладно? Первая отлучка из клиники – всегда самая тяжелая. Но ты же так успешно преодолеваешь все трудности. Возьмешь и этот барьер, – прошептала она мне, когда мы подошли к конюшне и Мануэль вручил нам сапоги и шляпы для верховой езды.

– То есть пока вы не занимаетесь коневодством, как положено профессионалам? – спросила я у него.

– Нет. Я приезжаю сюда только по выходным. Сам, знаете ли, люблю вырваться из города и немного размяться верхом.

– Но когда вы продадите ранчо, то такой возможности у вас больше не будет, верно? – прагматично заметила Лиззи.

– Немного земли мы оставили для себя и на будущее. Такой небольшой выгон. Хотим перестроить старый сарай, стоящий в самом

конце выгона. – Мануэль махнул рукой на плоскую красную равнину, в самом конце которой, ярдах в ста от конюшни, виднелась какая-то деревянная постройка. – Но для начала надо продать дом, чтобы появились деньги на все остальные работы. – Он слегка повел плечами и сдернул шляпу с головы. – Когда Хэнк разговаривал со мной по телефону, он попросил, чтобы я сопровождал вас во время верховой прогулки, хотя и добавил, что вы обе опытные наездницы.

– Что касается меня, то он слегка преувеличил, – тут же возразила Лиззи. – Я не сидела в седле уже, наверное, лет тридцать.

– Тогда я предложу вам Дженни. Она очень послушная кобылка. А вы, Электра?

– Я, как и Лиззи, тоже давно не упражнялась в верховой езде, но, правда, поменьше, не тридцать лет.

– Как это мило с твоей стороны, отметить нашу разницу в возрасте! – Лиззи шутливо показала мне язык, пока Мануэль выводил из стойла Дженни. Он подвел к Лиззи лошадь и вручил поводья.

– Что скажете насчет Гектора? – глянул он на меня, ткнув пальцем в сильного иссиня-черного коня, который беспокойно переминался с ноги на ногу в своем стойле.

– Думаю, я с ним совладаю, – ответила я.

– Он замечательный конь, особенно когда чувствует сильную руку наездника. Мне кажется, у вас именно такая рука. Вы производите на меня впечатление девушки-босса.

– Правда?

– *Si*, вы, как моя Сэмми. Та тоже любит покомандовать, – добавил Мануэль, взял поводья и вывел Гектора из стойла. – Теперь прошу. Нормально?

Мы неспешно потопали вслед за Мануэлем, возглавившим нашу кавалькаду, на выезд со двора. Гектор упрямо вертел головой в разные стороны, пока я устраивалась поудобнее в седле.

– Хорошо! Вначале пойдем медленным шагом, а там посмотрим, – сказал Мануэль, пристраиваясь в одну шеренгу с нами.

Но вот Лиззи слегка вырвалась вперед, и я невольно восхитилась тем, как элегантно она держится в седле.

– Ваша приятельница англичанка, да?

– Да, она родом из Англии.

– Ха! Я сразу догадался по тому, как она сидит в седле.

– А вот я пока никак не могу устроиться в своем седле, – пожаловалась я, а Гектор в это время нетерпеливо вскинул голову.

– Подождите немного, скоро он успокоится. Гектор просто любит нестись вскачь.

Наверное, прошло добрых четверть часа, пока мне наконец удалось совладать с норовистым Гектором, и, как только я справилась с ним, Мануэль сделал мне знак.

– Вот сейчас мы можем двигаться на полной скорости.

* * *

Мы с Мануэлем вернулись назад где-то часа через два, с головы до ног покрытые красной пылью; я чувствовала пыль даже на губах. Однако это не мешало мне пребывать в состоянии полнейшей эйфории. Вначале мы двинулись легким галопом, но я чувствовала, как возбужденно стучит под моим седлом сердце Гектора, буквально рвущегося в бой. Я бросила вопросительный взгляд на Мануэля, и он, убедившись в том, что навыки верховой езды у меня точно есть, утвердительно кивнул в ответ, после чего я предоставила своему коню полную свободу действий. Мы понеслись вперед по изумительно красивой равнине, а я подумала, что еще никогда в своей жизни не чувствовала себя более счастливой, чем сейчас. Я свободна, и я владею собой полностью. Невероятно!

– Ну, как? Накатались в свое удовольствие? – спросила у нас Лиззи, когда мы с Гектором въехали во двор. За нами маячил Мануэль на своем коне. Сама Лиззи вернулась минут на двадцать раньше нас.

– Ах, Лиззи! Это было замечательно! – ответила я, спрыгивая на землю. – Прости нас за слишком быструю езду.

– Наблюдать за вами с Гектором было одно удовольствие. Правда, я у себя в Англии привыкла к более спокойному темпу. Но ты была неукротима, как сама стихия. Я права, Мануэль?

– Да, именно так, – улыбнулся Мануэль. – А сейчас самое время утолить жажду холодным пивом.

Но вначале нас с Лиззи препроводили в огромную ванную комнату, тоже оснащенную самой современной техникой; мы смыли грязь со своих лиц и даже заглянули украдкой в хозяйскую спальню –

невероятно красивая комната с видом на горы и небольшим, но глубоким бассейном, оборудованным на закрытой террасе прямо за стеной из стекла. Приведя себя в относительный порядок, мы возвратились на террасу, где нас уже поджидал Мануэль, и уселись за стол рядом с ним.

Он уже оприходовал почти полбутылки пива, еще две дожидались нас. Рядом стоял кувшин с водой.

– Угощайтесь, – пригласил нас Мануэль, указывая на бутылки.

– Спасибо, – поблагодарила его Лиззи и взяла одну.

– Э-э... – замялась я в нерешительности, нервно сглотнув слюну. – Нет, спасибо. Мне лучше воды.

Лиззи бросила на меня одобрительный взгляд, глядя, как я наливаю себе воды в стакан. *«Мне нужно, – подумала я, – привыкать к тому, что, когда я снова вернусь к своей обычной жизни, которой жила все последние годы, люди вокруг меня будут постоянно что-то выпивать»*. К счастью, начальный этап привыкания оказался не самым сложным, так как я никогда не была большой любительницей пива. Я рассеянно прислушивалась к разговору, который неспешно вели между собой Лиззи и Мануэль, а сама в это время старательно делала глубокие вдохи, разглядывая окружающий ландшафт и наслаждаясь легким ветерком, который приятно обдувал лицо.

– К моему глубокому сожалению, дамы, мне уже пора возвращаться в город, – обратился к нам Мануэль. – Нас с Сэмми сегодня вечером пригласили на ужин.

– Конечно-конечно. И большое вам спасибо за сегодняшний день, – поблагодарила его Лиззи, допивая остатки своего пива. – У вас необыкновенно красивый дом. Уверена, вы продадите его в самом ближайшем будущем, – добавила она, когда мы все устремились к входным дверям.

– Мы тоже с женой очень на это надеемся. Мы ведь влезли в долги, пока приводили его в надлежащий вид, а сейчас... Ну, сами понимаете! – сказал он, открывая парадную дверь и прочувствованно пожимая руки каждой из нас. – Рад был познакомиться с вами, дамы.

– Мы тоже очень рады, – ответила ему Лиззи, спускаясь по ступенькам крыльца.

– А можно мне будет наведаться к вам еще раз? – спросила я у Мануэля, проводив его к джипу, который был припаркован рядом с

машиной Лиззи.

– Само собой. По выходным дням я всегда здесь.

– Тогда договорились. Дайте мне, пожалуйста, номер вашего сотового.

– Спросите у Хэнка. У него есть мой номер. *Hasta luego*, Электра, Лиззи.

На обратном пути в город мы пристроились за машиной Мануэля. Я всю дорогу любовалась предвечерним небом, широко раскинувшимся над Аризонской пустыней и вобравшим в себя все оттенки красного и лилового по мере того, как солнце клонилось все ниже и ниже к своему закату.

– Наверное, придется мне тоже приобрести такую машину, как у Мануэля, – сказала я, когда он, высунув руку из окна своего джипа, помахал нам на прощание, после чего свернул вправо, и дальше мы поехали уже одни.

– А зачем тебе джип? – удивилась Лиззи.

– Как зачем? Для поездок за город, разумеется. Сразу же по возвращении в «Рэнч» свяжусь со своим финансовым директором.

– С какой целью?

Я повернулась к Лиззи лицом и широко улыбнулась.

– Я хочу купить этот дом.

* * *

Обычно по субботам у нас не бывает никаких занятий с психотерапевтами, а потому еще одна группа пациентов клиники отправилась в местный кинотеатр на просмотр какого-то кинофильма. В «Рэнче» воцарились тишина и покой. До сего дня я не особенно любила выходные, потому как здесь их нельзя было заполнить ничем. Ни тебе коллективных собраний в клубе анонимных алкоголиков, ни тебе душевных разговоров с психотерапевтом, но сегодня мне страшно хотелось поскорее встретиться с Фай, чтобы рассказать ей, как чудесно я провела субботний день. Ну, если не Фай, то хоть кому-то еще, так меня распирало от желания поделиться своими восторгами. За ужином столовая была практически пуста. Сразу же после ужина я вернулась в палату с намерением закончить работу над своими

письмами к близким. К тому же мне надо написать отдельное письмо Сюзи и еще одно – моей дорогой Мариам.

Ванесса, по своему обыкновению, валялась на постели с наушниками в ушах, отрешенно уставившись в потолок. Между прочим, чуть раньше я видела ее в компании Майлза в Саду безмятежности, когда возвращалась к себе после слезного прощания с Лиззи. Я уселась за свой письменный стол и извлекла из ящика чистую бумагу, конверты, ручки.

– Где это ты сегодня пропадала весь день? – неожиданно поинтересовалась у меня Ванесса, разговаривавшая очень редко и в самых крайних случаях.

– Ездил на одно ранчо, чтобы покататься верхом.

– И они тебя выпустили отсюда? Одну?!

– Да. Но мы ездили туда вместе с Лиззи. Здесь же не тюрьма, в конце концов. Мы всегда можем выйти за двери клиники и отправиться куда захотим.

– Я бы с большим удовольствием, только вот жаль, мне некуда идти.

– У тебя что, нет дома?

– Есть. Но туда я больше не вернусь, иначе он приедет меня.

– Кто «он»?

– Мой дружок Тайлер. Тот еще тип! Твой парень тебя когда-нибудь поколачивал?

– Никогда.

– Ну, тогда тебе сильно повезло.

– И что ты собираешься делать дальше?

Ванесса неопределенно пожала плечами.

– Майлз пообещал помочь, сказал, что подыщет мне подходящее место в городе. И работу поможет найти. Правда, у меня нет диплома, и в колледже я никогда не училась.

– Майлз, говоришь?

– Ну да. Это же он меня подобрал тогда на улице и привез сюда. Оплатил все лечение. Хотя, конечно же, никакой он не Иисус Христос, мой Спаситель, – пробормотала она себе под нос.

– Верно, – согласилась я с ней. Мне и самой пришлось пройти через все то, через что прошла эта девчушка, а потому я хорошо понимала ее. – Ну, как твоя детоксикация? Все прошло нормально?

– Более или менее... Накачали всякой гадостью, чтобы вывести из меня другую гадость! – Слабая улыбка тронула губы Ванессы. – Но как только я вернусь в город, то снова примусь за прежнее.

– Если Майлз пообещал позаботиться о тебе, найти жилье и работу, то тебе, как мне кажется, следует довериться ему.

– Гм! – неопределенно хмыкнула в ответ Ванесса и снова закатила глаза к потолку, вставив в уши наушники.

Я глянула на чистый лист бумаги, писать письма почему-то расхотелось. Я снова спрятала все письменные принадлежности в ящик стола и вышла из палаты, намереваясь подышать свежим воздухом в саду. *«Еще я никогда так остро не ощущала свое привилегированное положение, как в эту минуту, – подумала я, усаживаясь на скамью в Саду безмятежности. – Словно принцесса какая».* И при этом вела я себя как самая последняя оторва, постоянно накачиваясь наркотиками. А ведь живя в Нью-Йорке, я всегда знала, что в этом городе существует и параллельная жизнь, другой мир, где царят проституция и те же наркотики. И от этой мысли мне сразу же стало как-то не по себе. Впрочем, до сего дня эта параллельная жизнь сопровождала меня лишь неким подобием фона, не более того.

– Добрый вечер, – услышала я знакомый голос по другую сторону фонтана. – Будем играть в молчанку и дальше? Обычно, когда люди встречаются, они разговаривают.

– Привет, Майлз, – искренне обрадовалась я его появлению, когда он подошел ко мне и сел рядом.

– Птичка на хвосте принесла мне новость: вы сегодня куда-то уезжали на весь день?

– Да, это правда. Каталась верхом на одном ранчо. Фантастика!

– Рад за вас всей душой. Нам всем необходимо иметь что-то такое, что делает нашу жизнь осмысленной и даже желанной.

– Я не знала, что вы выступили для Ванессы в качестве спонсора.

– Да, немного подсобил. Ведь на ее месте в этой канаве вполне мог оказаться и я сам. Но вокруг меня есть люди, которые меня поддерживают... Моя семья, наконец. А у нее ничего этого нет.

– Ванесса сказала, что не может вернуться к себе домой и что вы якобы пообещали ей подыскать жилье и работу.

– С жильем будет попроще, найти хостел не составит особого труда. С работой сложнее, но, надеюсь, мы найдем ей какую-нибудь

низкооплачиваемую работу. Что, впрочем, еще не гарантия того, что она не сбежит и не вернется к своим прежним занятиям. – Майлз вздохнул. – Главное, чтобы она сама захотела изменить свою жизнь к лучшему.

– Может, когда Ванесса полностью очистит свой организм от наркоты и ее мозги снова заработают, она и захочет перемен. Да и психотерапевты тоже помогут.

– Может, и так. Но лично мне кажется, что с тех самых пор, как я привез сюда Ванессу, а тут ее стали обхаживать толпы всяких образованных и титулованных специалистов, которые при этом и понятия не имеют, что представляла собой ее прошлая жизнь, так вот, все эти бесконечные разговоры уже изрядно поднадоели ей. Я работаю волонтером в одном из социальных центров для несовершеннолетних в Нью-Йорке, объясняю всей этой ребятне юридическую сторону дела, если они вдруг попадутся на наркотиках, советую им, что в таких случаях надо делать, чтобы избежать тюрьмы. При этом центре есть лечебный корпус для наркоманов, и, уверяю вас, он всегда полон. Там лечатся люди с разным цветом кожи и самых разных вероисповеданий.

– Могла бы я чем-то помочь в этом деле? – Слова сорвались с моих уст прежде, чем я успела подумать. – Мне тоже захотелось что-то делать. Я сейчас часто думаю, ведь я же не раз и не два видела все это по телевизору, но...

– Но и пальцем не пошевелили, пока эта беда не коснулась уже лично вас, – закончил за меня Майлз.

– Все правильно. Вот и сейчас я чувствую себя крайне скверно. Какая я все же черствая, эгоистичная, разбалованная, и потом...

– Не занимайтесь самобичеванием, Электра. Ведь вы ненамного старше Ванессы, и живете вы совсем в другом мире. Так что никакой вины за вами нет.

– Но сейчас, когда я все осознала, мне хочется помочь. – Я энергично стала тереть лоб, представив Ванессу и ее глаза, в которых застыла такая вселенская тоска, такая тоска... – Знаете, я иногда смотрю на эту девушку, и мне кажется, что внутри нее уже все умерло. Такое впечатление, что у нее нет никакой...

– Надежды, да? Вы хотели произнести именно это слово? Что ж, именно этим я занимаюсь. Стараюсь, по мере своих скромных сил, вернуть детям, с которыми я работаю, надежду, веру в то, что стоит

бороться до конца, потому что в будущем у каждого из них есть шанс стать лучше, не погружаться снова в пучину безысходности, когда тебе все равно, жив ты или умер. И, кстати, это самое трудное – поверить в себя, в то, что ты можешь измениться в лучшую сторону, но надо пытаться и преодолевать себя.

– Знаете, я тут недавно размышляла об этих Двенадцати ступенях и о том, как же все это учение завязано на Боге, на вере в то, что Он поможет нам и спасет наши души. Но тогда почему Господь допускает, что одни влачат жалкое существование, а другие имеют все?

– Потому что прежде, чем переступить порог Его небесного царствия, все мы здесь на земле обречены страдать за свои грехи.

– То есть, по-вашему, в Царствии Небесном нам будет лучше, чем здесь?

– Да, мэм, я абсолютно убежден в этом.

– Ну, так убейте себя и отправляйтесь напрямиком на небо.

– Ах, Электра! – Майлз негромко рассмеялся. – Разве вы забыли о том, что у каждого из нас здесь, на земле, есть свои дела, которые надо довести до ума, мы должны достойно нести на своих плечах то бремя, которое Господь возложил на нас. А вы загляните себе в душу, попросите Его о помощи и вскоре обнаружите, что Господь действительно поддерживает вас. У меня, во всяком случае, так и было.

Я развернулась всем корпусом и бросила на Майлза пристальный взгляд.

– Вы верующий?

– Да, определенно, я человек верующий. Много лет тому назад Иисус спас меня, и вот я здесь, несу свой крест и делаю Его работу. Пытаюсь, во всяком случае.

– Так, – бросила я, уставившись в темноту и не зная, что добавить. Потому что, по правде говоря, я испытала самое настоящее потрясение, ведь раньше мне еще никогда не доводилось встречать истинно верующего человека, христианина. Да и сама Библия всегда представлялась мне сборником всяких историй, наподобие сказок или древнегреческих мифов.

– Хм! – Я негромко откашлялась. – Но мне действительно будет приятно чем-то помочь, если смогу, конечно. Однако прежде я должна созвониться со своим финансовым директором, переговорить с ним,

чтобы узнать, какими конкретно средствами я могу распорядиться. Догадываюсь, что я довольно богатая особа.

Судя по тому изумленному взгляду, который бросил на меня Майлз, наступил его черед удивляться.

– Вы хотите сказать, что даже не знаете, сколько сегодня вы стоите?

– Понятия не имею. Я живу в шикарных апартаментах, покупаю все, что мне хочется, хотя большинство своих нарядов получаю от модельеров бесплатно. А в остальном мои потребности весьма скромны. До недавнего времени я постоянно нуждалась только в наркотиках и выпивке. Зато сейчас у меня уже возникло одно вполне конкретное желание. – Я невольно улыбнулась, вспомнив о ранчо, которое хочу купить.

– Вы меня, конечно, простите, Электра, что я лезу не в свои дела, но, по моему убеждению, вы все же должны знать, какими деньгами располагаете. Лично я, когда речь заходит о долларах, доверяю только самому себе и больше никому.

– О, раз в год я исправно получаю от своих юристов подробные финансовые отчеты, в них указаны все мои текущие инвестиции и прочее. Но эти же отчеты... там сплошные столбцы цифр, а я... я и понятия не имею, что означает каждая из них, – чистосердечно призналась я Майлзу.

Неожиданно он протянул руку к моему лицу и ласково прошелся пальцами по щеке. Потом со вздохом взглянул мне прямо в глаза.

– Вы ведете себя, как самая настоящая тигрица, а если присмотреться, то под броней самоуверенности скрывается невинный малыш-тигренок. Я прав? Боже! На вашем фоне я чувствую себя совсем старым. – Майлз грустно улыбнулся. – Что ж, пора мне в кровать, как и положено людям моего возраста.

Майлз поднялся со скамьи, а мне так хотелось, чтобы он побыл со мной еще немного и снова погладил меня по щеке. Но я не посмела озвучить свое желание вслух, потому что застеснялась. И это для меня тоже что-то новенькое.

– Спокойной ночи, радость моя, – попрощался он и растворился в темноте.

Несмотря на то что я устала после интенсивной верховой езды, ночью я спала плохо. Частично по вине Ванессы, которая тоже всю

ночь беспокойно ерзала на своей постели, но, главным образом, из-за Майлза: мысли мои постоянно кружили вокруг него. До сего времени я была полностью уверена в том, что могу совладать с любым мужчиной и построить его, если нужно, но весь мой предшествующий опыт никак не годился применительно к Майлзу. Юрист, получивший образование в Гарварде, бывший наркоман, а сейчас сам спасает других наркоманов, пытаюсь вернуть их к нормальной жизни. А еще христианин...

«Интересно, он женат?» – подумала я. Правда, Майлз никогда не упоминал о своей жене. Впрочем, не так-то много мы с ним и разговаривали. Да и зачем мне это знать? Он ведь гораздо старше меня, и вращаемся мы в совершенно разных кругах.

Наутро я встала с тяжелой головой, как после похмелья. Глянула на часы: одиннадцатый час дня. Обычно каждое утро ровно в семь нас будит гонг, полчаса на сборы, а потом общая молитва смирения в столовой. Но сегодня воскресенье, а потому гонга не было, а молитва проводилась ровно в десять.

– Ты пропустила завтрак и молитвы, – сказала мне Ванесса, когда я уселась на постели. – Я принесла тебе овсянку и сок. – Она показала на мой стол.

– О, как это мило с твоей стороны. – Заботливость Ванессы тронула меня. – Большое спасибо.

– Все нормально. Майлз хотел взять меня сегодня с собой в город, в церковь, но я сказала, что лучше останусь и присмотрю за тобой.

– Надо было ехать, в чем проблема? Я просто заспалась.

– Думаешь, мне хотелось тащиться в эту церковь? Чем все эти святоши лучше наркоторговцев? Только пытаются всучить нам всякую дребедень про своего Иисуса. А я пошарила вечером по Гуглу, искала информацию о тебе, – продолжила Ванесса. – Оказывается, ты – самая известная супермодель в мире. Подумать только! И я с тобой в одной палате. С ума можно сойти!

– Можно, – согласилась я с ней и потянулась к миске с овсянкой. Вообще-то я терпеть не могу овсянку, но не хотелось обижать Ванессу.

– А как ты стала моделью?

– Случайно. Меня заметил в Париже агент одной из модельных фирм, мне тогда было всего лишь шестнадцать. – Я слегка пожала плечами. – Можно сказать, повезло.

– Это потому что ты высокая, как жираф. – Ванесса хихикнула, и хотя шутка эта касалась непосредственно меня, я все же обрадовалась, увидев улыбку на ее лице. – На такой фигуре любая одежда будет смотреться классно. Да ты и красивая, к тому же. А откуда ты родом?

– Не знаю. Я – приемный ребенок. А ты?

– Мама – пуэрториканка, отец... Ну, как сказать? Поделился своей спермой и был таков. – Ванесса окинула меня изучающим взглядом. – У тебя свои волосы?

– Не совсем. Большую часть волос мне нарастили искусственно. Вот бы мне такие волосы, как у тебя, Ванесса. Длинные и очень красивые.

– Не надо тебе ничего из того, что у меня есть, – отмахнулась она, хотя по лицу было видно, что комплимент польстил ей. – Тебе нравится быть моделью?

– Вроде ничего. Платят хорошо, хотя, конечно, устаешь порой. Каждый день стоишь, словно такая живая кукла, а на тебе только наряды меняют. А еще все эти прически и макияж...

– Получается, что твое тело как бы тебе не принадлежит?

– Наверное, в каком-то смысле так оно и есть.

– Что ж, я тоже каждый день торгую своим телом. Покупает любой, кто захочет. Выходит, мы с тобой одного поля ягоды, так?

С этими словами Ванесса подхватила с кровати и вышла из палаты.

– Вау и еще раз вау! – сердито буркнула я себе под нос, чувствуя, как колотится сердце в груди. Слезы сами собой брызнули из глаз. Подумать только! Эта юная наркоманка, которую подобрали в какой-то нью-йоркской канаве, не задумываясь, только что больно щелкнула меня по носу, заставив почувствовать себя этаким никчемной карлицей.

Я почувствовала, как меня охватывает паника. Злость в этих случаях – плохой помощник: быстро приведет меня на аллею под названием «Водка», а оттуда уже два шага до прогулки по «Кокаиновой тропе». Я торопливо натянула на себя спортивную одежду и направилась на пробежку. Народу на беговой дорожке было сейчас гораздо больше, чем когда я совершаю свой обычный моцион с восходом солнца. Я обогнала несколько бегунов, стараясь перенаправить охватившую меня ярость на свои ноги.

– Однако какова нахалка! Сравнить меня с собой! Боже милостивый! Дожила...

К тому времени как я закончила пробежку и подошла к кулеру, пот лил с меня ручьями, все мои одежды промокли насквозь, не в последнюю очередь потому, что солнце уже жарило на полную мощь, а во-вторых, я сегодня сделала целых пять кругов. Я залпом осушила стакан воды, чувствуя легкое головокружение. Какая жалость, что нет рядом Фай, с которой можно было бы поговорить о том, что меня так задело за живое.

– Приветствую, – услышала я голос Майлза. Он направлялся ко входу в корпус клиники, оставив свою машину на стоянке. Невообразимо элегантный, еще более красивый, чем обычно: строгий пиджак, рубашка, застегнутая на все пуговицы, галстук. Я тоже потащилась вслед за ним.

– Что-то вы сегодня припозднились со своей утренней пробежкой, – сказал Майлз, когда мы с ним на какую-то долю секунды замешкались у дверей.

– Да, припозднилась. Послушайте, у вас сейчас найдется минутка для разговора?

– Конечно. Предлагаю прямиком отправиться в столовую. Там прохладнее, кондиционер работает, потому что на улице сегодня самое настоящее пекло.

Мы вошли в столовую. Я схватила с прилавка бутылку с водой, а Майлз заварил себе кофе.

– Что случилось? – спросил он у меня, когда мы наконец уселись за столик и он слегка ослабил галстук.

– Ванесса разозлила. Сказала, что не видит особой разницы между собой и мной. Дескать, я тоже торгую своим телом.

– И это привело вас в ярость, я полагаю? – Майлз отхлебнул свой кофе и уставился на меня вопросительным взглядом. – Итак?

– Что значит это ваше «итак», Майлз? Только не надо корчить из себя психотерапевта.

– А я и не корчу, хотя и понимаю, что когда люди злятся из-за каких-то слов, брошенных в их адрес, то это означает, что в глубине души вы в чем-то согласны с ними.

– Спасибо на добром слове! Уважили так уважили. Значит, по-вашему, проституция и модельный бизнес – это одно и то же?

– Я этого не говорил, Электра. Я вас спрашиваю, а что вы сами думаете на сей счет?

– Думаю, что мне платят кучу денег за то, что я участвую в продвижении товаров на рынок, – отрапортовала я гладко, процитировав слова еще одной известной фотомодели, сказанные ею в каком-то интервью. – И знаете что? Я устала слышать от самых разных людей, что моя работа легкая. – Неожиданно для себя самой я поднялась из-за стола. – На самом деле, это каторжный труд! Днями напролет... Если хотите знать, то я не сплю в одной и той же кровати больше нескольких дней. А перед тем, как приехать в «Рэнч», я вообще работала почти без выходных. За последние два года могу по пальцам пересчитать те дни, когда мне удавалось немного отдохнуть. И... и есть еще кое-что, что я хочу сказать вам.

– Говорите!

– Быть знаменитой – это вам не прогулка по парку. Да, я знаю, все люди мечтают о славе. Но понимают ли они, что это такое? Для них ведь само собой разумеющееся – выйти из своей квартиры ранним воскресным утром и отправиться на пробежку без какого-либо опасения, что тебя узнают. Их не караулят толпы папарацци, которые только и мечтают о том, чтобы поймать момент и заснять тебя, обливающуюся потом, словно свинья. Что ни неделя, то в прессе появляются новые сплетни обо мне: то я встречаюсь с новым парнем, то я бросила своего очередного ухажера. Или не бросила, но одновременно закрутила роман с кем-то еще, и так далее и тому подобное... Простите! Но сил больше нет терпеть все эти инсинуации, – добавила я поспешно.

– Все в порядке. И спасибо за то, что попросили прощения.

– И последнее. Я действительно *заработала* кучу денег, точно не знаю, сколько. Но это я выясню и, как только буду знать, сколько у меня денег, сразу же займусь тем, что куплю себе настоящий дом, буду жить в нем и заниматься всякими полезными вещами. Например, помогать таким, как Ванесса.

– Аллилуйя! – нараспев протянул Майлз и негромко захлопал в ладоши.

– Перестаньте издеваться надо мной. Я серьезно говорю, абсолютно серьезно.

– Я это знаю. Именно за это я и люблю вас. Кажется, у вас наступило прозрение.

– Очень может быть. – На меня вдруг навалилась усталость, и я безвольно опустилась на стул. – Я никогда не распоряжалась своей жизнью самостоятельно... Разве те несколько дней в Париже, пока на меня не обратил внимание агент из модельной фирмы. Конечно, и мое увлечение алкоголем, и наркотики, и то, что я позволяю посторонним людям распоряжаться моими финансами, все это плохо, и я собираюсь уже в самом ближайшем будущем изменить ситуацию. Правда, Майлз, я намерена это сделать. Ваше здоровье! – Я подняла свою бутылку с водой и чокнулась с его кружкой, а потом допила всю воду.

– Отлично, девочка! Так держать! – воскликнул он в ответ. – И знаете, что еще?

– Что?

– Все эти ваши рассуждения о славе, о том, какой у вас каторжный труд...

– И что?

– А то, что при желании все это тоже можно представить с пользой для дела: почему бы не воспользоваться своей славой в благих целях? Например, что мешает вам заявиться ко мне в социальный центр в сопровождении этих вездесущих папарацци? Пусть фотографируют себе на здоровье, и пусть все узнают о том, что творится на улицах нашего города.

– Знаете, а мне эта идея понравилась. Вы правы, – согласилась я с ним. – И напоследок.

– Слушаю.

– Думаю, мне пора возвращаться домой.

– Уверены?

– Да. Конечно, я поговорю с Фай, что она скажет, но я чувствую себя готовой к тому, чтобы вернуться к нормальной жизни. Понимаете меня?

– Понимаю. Но будьте осторожны, Электра, очень прошу вас. Плохие времена, они ведь имеют тенденцию возвращаться и...

– Я знаю, – прервала я его на полуслове. – Я все понимаю.

– Вы действительно молодец, Электра, и я горжусь вами.

– Спасибо, Майлз. – Я снова поднялась из-за стола. – Пойду к себе. Хочу закончить до завтра свою работу над письмами с

извинениями.

– Ладно. И вот еще что, Электра.

– Что?

– Вам ведь только двадцать шесть лет. Вы слишком быстро повзрослели, и в этом смысле похожи на Ванессу. У вас впереди еще уйма времени на всякие добрые дела, а потому мой вам совет: не гоните лошадей, ладно? Расслабьтесь и относитесь к себе немного снисходительнее.

– Спасибо за совет. Постараюсь. – Я уже отошла от столика на несколько шагов, но вдруг остановилась и снова повернулась к Майлзу. – А сколько вам лет, Майлз? Вы рассуждаете, словно умудренный жизнью старик.

– Тридцать семь. Скоро стукнет тридцать восемь. Я, как и вы, много чего повидал. А избыток впечатлений, знаете ли, старит человека раньше времени.

– Так может, расслабиться нужно не только мне, но и вам? – бросила я и направилась к дверям.

– Очень даже может быть, – пробормотал у меня за спиной Майлз.

21

– Как думаете, я уже готова к выписке? – спросила я у Фай на следующее утро, подробно рассказав ей о том, как я провела выходные, и о том «прозрении», по выражению Майлза, которое на меня снизошло.

– Судить об этом можете только вы сами. Пожалуй, еще на прошлой неделе я бы ответила вам категорическим «нет», но как-то все разрешилось само собой: пробка выскочила из бутылки, и все, что было закупорено в вашей душе и хранилось там долгие годы, вылилось наружу.

– Да, вы это описали красиво и образно, – пробормотала я вполголоса.

– Посмотрим, как у вас пойдут дела в ближайшие два-три дня. Вы же понимаете, человека после всех его откровений охватывает эйфория, но потом может наступить спад. Надо как-то взять себя в руки и немного остыть, упорядочить свои эмоции, что ли. Согласны со мной?

– Наверное, вы правы. Вообще-то я планировала свой отъезд на четверг. Ваше мнение? Домой я попаду как раз на выходные, и у меня будет еще пара деньков в запасе, чтобы приспособиться к реальной жизни. Подруга приедет за мной и заберет отсюда. Так что не надо никаких дополнительных визитов.

– О, как я посмотрю, вы продумали уже все до мелочей. А о какой подруге идет речь?

– Это Мариам, – ответила я твердо. – Майя в Рио, далеко отсюда. Думаю, не стоит ее срывать с места и заставлять мчаться в такую даль. Тем более что у нее семья, забот и без меня хватает.

– Что ж, вам решать. Но, когда она звонила мне в последний раз, чтобы справиться о том, как у вас идут дела, она сказала, что будет счастлива приехать сюда и повидаться с вами. Не забывайте, вы болели, тяжело болели, Электра. А вы же знаете, как носятся любящие родственники вокруг заболевших членов своей семьи.

– Знаю, но все равно хочу, чтобы за мной приехала именно Мариам.

– Хорошо, договорились. Я скажу вашему лечащему врачу, что вы, по-моему, вполне готовы к выписке в ближайший четверг. Ладно?

– Ладно, – согласилась я. – Знаете, а мне у вас очень понравилось. Изумительное место. Особенно много позитива случилось за последнюю неделю. Я открыла для себя простую вещь: все разговоры, которые ведешь с другим человеком, они реально помогают. Вначале мне была ненавистна сама мысль, что придется делить свою комнату с кем-то еще, а сейчас я только рада этому. Сегодня утром я даже поучаствовала в дискуссии, которая развернулась в нашем клубе анонимных алкоголиков на занятиях по коллективной психотерапии.

– И прекрасно! – похвалила меня Фай. Уж она-то, как никто, отлично знала, как тяжело мне даются эти групповые занятия. – Не хотите поделиться со мной, о чем вы говорили?

– В нашей группе есть одна девушка, ее зовут Миранда, и она рассказала нам, как ее третировали в школе. Тогда я поделилась со всеми собственным опытом по этой части, и после окончания занятий Миранда подошла ко мне и сказала, что мое выступление помогло ей, что теперь ей будет легче обращаться к тем ужасным воспоминаниям и говорить о них вслух.

– Отлично! – улыбнулась Фай.

– Знаете, у меня даже возникла мысль поделиться своим секретом с более широким кругом людей.

– Выступить в медиа, да?

– Да, что-то вроде этого. Я ведь ни капельки не сомневаюсь в том, что в прессе уже всюду гуляют слухи о моем неожиданном исчезновении из их поля зрения. Где я, почему не снимаюсь и все такое...

– Вы предполагаете, что ваш агент уже выступила с соответствующим заявлением по этому поводу?

– Думаю, да. Наверняка она сказала, что я чертовски устала и что мне нужен отдых. А может, в прессу просочились и другие подробности, такое не исключено. В любом случае, коль скоро я собираюсь подключиться к той работе, которая ведется в социальном центре, о чем я вам уже рассказывала, то наверняка мой прошлый негативный опыт будет полезен подросткам, если я расскажу им свою историю.

– Вам решать, Электра. Все в ваших руках. Но пока постарайтесь не думать об этом; сейчас важнее собраться как следует, чтобы уже к концу недели вы были полностью готовы снова окунуться в реальную жизнь. Недаром древние говорили: поспешай, не торопясь. Вот и я вам советую: один шаг в день, и не более того.

– О, да. Согласна.

– Ладно. Тогда до завтра. Всего вам доброго, Электра, – попрощалась со мной Фай, и я вышла из ее кабинета.

Вечером мне вернули мой мобильник и ноутбук, я, прихватив с собой и то и другое, отправилась в Сад безмятежности, чтобы сделать свой первый звонок за последний месяц.

– Электра! Ушам своим не верю! Это вы? – прокричал в трубку Кейси, мой менеджер и по совместительству бухгалтер, откликнувшись только на второй звонок. – Как дела?

– Все хорошо, Кейси, очень хорошо.

– Чертовски рад за вас.

В его голосе прозвучало нескрываемое облегчение, из чего я тут же сделала вывод, что ему известно о моем местопребывании.

– Чем могу быть полезен? – спросил он у меня.

– Хотела бы по возвращении домой встретиться с вами, прямо на следующей неделе. Я подумываю о том, чтобы приобрести кое-какую недвижимость.

– Хорошо! Время для таких покупок сейчас самое подходящее, на рынке недвижимости царят тишь, гладь и божья благодать. Вы можете выгодно вложиться в строительство какого-нибудь нового объекта, который строительная компания и ее покровители хотят выставить на продажу. Жаль только, что Доу – Джонс сильно упал за последние дни.

– Хорошо, – ответила я, подумав, что надо обязательно выяснить, что *это такое* – Доу – Джонс. – Хотя вообще-то я собираюсь покупать не в Нью-Йорке. Мне тут приглянулось одно ранчо в Аризоне.

– Ладно, вы мне дадите какие-то цифры и координаты?

– Не сейчас. По возвращении домой. Я все разужнаю и тогда скажу.

– Как вы знаете, большая часть вашего состояния инвестирована в ценные бумаги и облигации, кое-что упало в цене из-за волатильности на рынке ценных бумаг, но мы в любой момент можем избавиться от какой-то части бумаг, если вы решите приобретать себе недвижимость.

– И какой суммой я приблизительно могу располагать?

– Мне нужно пройти по цифрам, освежить кое-что в памяти, но могу сразу сказать, что вы очень богатая молодая леди.

Я хотела спросить Кейси, что конкретно стоит за словами «очень богатая», но решила, что делать это сейчас не вполне уместно. Он ведь прекрасно знает, что я никогда не заглядываю в те отчеты, которые он мне исправно присылает.

– Послушайте, Кейси, что вы скажете насчет понедельника с утра? Я подъеду к вам в офис, и мы все обсудим прямо на месте. Потому что у меня есть и еще кое-что, о чем я хочу поговорить с вами.

– Никаких возражений, Электра. Буду рад видеть вас. Скажем, в одиннадцать часов. Вас устроит?

– Отлично! Тогда до встречи. И всего вам доброго.

«*Все прошло достаточно безболезненно*», – подумала я, отключая свой мобильник, корпус которого тем не менее стал влажным, так вспотели мои ладони. Я сидела, предаваясь мечтам о том, как стану владелицей ранчо Гасиенда Орчидеа, как буду проводить там свои вакации, а впредь сделаю все от себя зависящее, чтобы они у меня были: оговорю со Сюзи, чтобы в любом моем контракте обязательно фигурировали и дни отдыха. Пожалуй, попрошу, чтобы мне соорудили на ранчо беговую дорожку, а еще найму себе служанку, которая будет присматривать за домом во время моего отсутствия, и помощника для ухода за лошадьми, которых я собираюсь купить. А вдруг Мануэль согласится продать мне Гектора? Вот было бы здорово!

Я вернулась к себе в палату с намерением улечься спать: время ведь уже позднее, но сон никак не шел, я была слишком возбуждена всем тем, что случилось в моей жизни за последние два дня. Глянула на кровать Ванессы и увидела, что она пуста. Вдохнула и сразу же почувствовала какой-то неприятный металлический запах, повернулась и увидела тоненькую красную струйку, сочившуюся из-под двери, ведущей в ванную комнату.

– *Черт!* – крикнула я во весь голос и тут же нажала на кнопку экстренного вызова, потом собралась с мужеством и распахнула дверь. Ванесса лежала на полу в луже крови. Глаза закрыты, я увидела глубокие порезы на обеих ее руках, исковерканных многочисленными инъекциями.

– Помогите! – закричала я с новой силой, выбежав в пустынный коридор. – Кто-нибудь! На помощь! – Но никто не откликнулся на мой призыв, тут я вспомнила о своем мобильнике, вернулась в комнату, схватила его и быстро набрала номер скорой помощи: 911.

Продиктовала адрес клиники ответившему мне оператору и даже постаралась более или менее внятно ответить на ее вопросы. К счастью, в эту минуту в палату прибежала медсестра, заступившая на ночное дежурство. Глаза ее расширились от ужаса, когда я указала на ванную комнату.

– Ванесса, – выговорила я с трудом. – Кажется, она порезала себе вены... Не знаю, жива ли она еще... Не знаю... Ничего не знаю...

Мерси бросилась в ванную комнату, мне было слышно, как она попыталась привести Ванессу в чувство, та, свернувшись в крохотный клубок, продолжала неподвижно лежать на полу.

– Мэм, – услышала я голос в трубке. – Мэм, скорая с минуты на минуту будет у вас. Пожалуйста, отправьте кого-нибудь на вход, чтобы встретить бригаду врачей и проводить их к пациентке.

Я бросила телефон на постель и помчалась в ванную комнату, тяжело дыша из-за переизбытка эмоций, ставших для меня самым настоящим шоком.

– Скорая вот-вот будет, – выпалила я, обращаясь к Мерси. – Она оклемается?

– Принеси мне, милая, пару полотенец, – нетерпеливо перебила меня Мерси. – Нам нужно во что бы то ни стало остановить кровотечение. Сейчас сюда подойдет медсестра из лечебного отделения, она мне поможет.

Я сделала глубокий вдох – мне всегда было плохо при виде крови. Вместе с Мерси мы взяли руку Ванессы, и я принялась накладывать на нее жгут так, как мне приказывала Мерси, стараясь туго перебинтовать кровоточащие раны. Я уселась прямо на пол, чувствуя, как полотенце моментально набухает от крови. Мое внимание привлек небольшой кухонный нож, валявшийся рядом с Ванессой, я подняла его с пола.

– Интересно, где она его раздобыла? – спросила я, не обращаясь ни к кому конкретно.

– О, было бы желание! – вздохнула в ответ Мерси. – Наверняка украла на кухне, зашла туда, попросила чего-нибудь и, воспользовавшись моментом, прихватила с собой нож.

В ванной комнате появилась еще одна медсестра, и я облегченно вздохнула.

– Спасибо, Электра, за помощь. Теперь мне поможет Вики. А вы, если не трудно, сбегайте на ресепшн и предупредите дежурную, чтобы

охранники открыли входную дверь, когда приедет скорая.

– Хорошо, уже бегу.

Я помчалась на ресепшн и передала им все, что мне было велено, а потом пошла в ближайшую туалетную комнату, чтобы вымыть перепачканные кровью руки. Когда я вышла, то увидела, что два фельдшера вкатывают через стеклянные двери в вестибюль каталку. Я провела их к нам в палату и стала наблюдать за тем, как они пытаются реанимировать Ванессу. Они осторожно перенесли ее на каталку, и я снова поплелась вслед за ними через весь корпус, а потом и на улицу, к тому месту, где мигала голубыми огоньками припаркованная карета скорой помощи, освещая ночную темноту вокруг.

– Она поправится? – спросила я у одного из фельдшеров, когда они стали вкатывать каталку в машину. Следом за каталкой туда залезла и Мерси.

– Мы сделаем все от нас зависящее, мэм, – ответил он. – Но сейчас нам надо ехать без промедления. – Он сделал движение, чтобы закрыть дверцу, но я инстинктивно схватила его за руку.

– Я поеду с вами. Я нужна Ванессе, – добавила я, обращаясь уже к Мерси.

– Электра, вам лучше остаться. Заверяю вас, сейчас Ванесса в надежных руках.

– Нет! Я поеду.

– Ладно! – сдалась Мерси. – Тогда мы будем сопровождать ее на пару с вами, милая. – Она подала мне руку, помогая забраться в салон скорой помощи.

– Хорошо, мэм, – бросил мне один из фельдшеров. – Вы присаживайтесь вон там и пристегнитесь, а мы пока займемся вашей подругой. Затягивайте ремень потуже.

Мне еще никогда не приходилось видеть карету скорой помощи изнутри, но до сего момента я почему-то была уверена, что она обеспечивает максимальный комфорт транспортируемым пациентам. Однако же нет! Стоило только взвять сирене, как машина рванула на полной скорости вперед, а мне пришлось сразу же ухватиться за ручку сбоку, так нас трясло и раскачивало из стороны в сторону всю дорогу, пока мы добирались до города. Краем глаза я с некоторой брезгливостью, смешанной с благоговейным ужасом, наблюдала за

тем, как медики вставляют какие-то трубки прямо в раны на худеньких руках Ванессы.

– В этой руке вена повреждена полностью. Попытаюсь проникнуть в нее чуть повыше, – услышала я, как обронил один из фельдшеров, обращаясь к своему напарнику.

Я невольно отвернулась, увидев, как нещадно исколота внутренняя поверхность ее руки на локтевом сгибе.

– Давление падает, – откликнулся второй фельдшер, в этот момент сирена взвыла с новой силой. – Сердцебиение слабое.

– Ванесса, ты с нами! Слышишь меня? – Фельдшер все еще пытался нащупать вену и вставить туда иглу, не переставая при этом разговаривать с пациенткой.

– Нам еще далеко? – спросила я.

– Нет, уже близко, мэм.

– Давление продолжает падать. Вставляй же быстрее иглу.

– Я изо всех сил стараюсь это сделать!

Спустя пять минут карета скорой помощи остановилась. Тут же распахнули задние дверцы, выкатили каталку с Ванессой и мгновенно скрылись внутри здания.

Я отстегнула ремень, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди; Мерси помогла мне вылезти наружу, и мы с ней заторопились в приемный покой. Там было шумно и многолюдно. К своему стыду, вынуждена признаться, что больше всего на свете мне сейчас хотелось попасть в какой-нибудь ближайший винно-водочный магазин. Пожалуй, и десяти порций моего любимого «Серого гуся» было мало.

Какая-то медсестра отвела Мерси в сторону, и вскоре они обе исчезли за вращающимися дверьми, а мною занялась медсестра, дежурившая на ресепшн. Она стала подробно расспрашивать меня о том, имеется ли у Ванессы страховой полис, о чем я, разумеется, не имела ни малейшего представления. В конце концов, я подписала какую-то бумагу, согласно которой пообещала оплатить все расходы за ее лечение, если у девушки не окажется страховки (в чем я ни минуты не сомневалась). Потом медсестра попросила предъявить ей кредитку.

– Послушайте! – не выдержала я. – Я запрыгнула в скорую помощь, в чем стояла. И мне было не до кошелька с кредиткой. Моя подруга истекает кровью, она на грани смерти. Неужели вы не понимаете?

– Понимаю, мэм. Очень хорошо понимаю. Но нам нужен номер вашей кредитки для оформления всех бумаг. Вы можете кому-нибудь позвонить?

Я уже приготовилась сказать «нет», но тут вспомнила, что мобильник при мне.

– Да, дайте мне пару минут.

Я отошла от стойки, пошарила в кармане в поисках мобильного, достала его и набрала номер Мариам.

– Электра? Как приятно услышать ваш голос! Ну, как вы там?

Проникновенный, мягкий голос Мариам меня немного успокоил.

– Я в порядке. Правда, у меня все очень хорошо. Но, к сожалению, у моей подруги все с точностью до наоборот. История длинная, но скажу лишь, что сейчас мы с ней находимся в приемном покое одной из больниц в Таксоне, и здесь меня попросили сообщить некоторые подробности, касающиеся моей кредитки. Вы можете прямо сейчас переговорить по этому вопросу с дежурной?

– Ах, Электра, что за разговор! Конечно, могу. Вы сказали, она ваша подруга?

– Да, и я должна предоставить им гарантию того, что за ее лечение будет заплачено, – сказала я на ходу, возвращаясь опять к стойке ресепшна и вручая свой мобильник дежурной медсестре. Пока Мариам беседовала с ней, я молча отиралась рядом. Закончив разговор, медсестра отдала мне мобильник.

– Она хочет еще перекинуться с вами парой слов, мэм.

– Хорошо. Ну как, Мариам, урегулировали все вопросы?

– Да, никаких проблем. Однако мне нужны кое-какие детали, касающиеся страховки этой девушки, потому как лечение будет стоить недешево.

– Сколько будет, столько будет, – вздохнула я в ответ. – Я плачу, и весь разговор.

– Понятно. Но вы уверены, что с вами все в порядке?

– Да, уверена. Однако мне пора идти, Мариам. Я перезвоню вам чуть позже. Спасибо за помощь. До свидания.

Увидев, что туалетная комната находится как раз напротив стойки ресепшн, я ринулась туда, закрылась в кабинке и плюхнулась на стульчак, тяжело дыша. Свесила голову между ног, пытаюсь побороть головокружение; глянула на свои спортивные брюки и увидела, что

они перепачканы кровью. Невольно издала громкий стон при мысли о том, что могли подумать люди, толкущиеся в приемном покое. Вполне возможно, кто-то даже узнал меня, хотя какая мне сейчас разница? Я снова достала свой мобильник, решив отправить эсэмэску Майлзу, но потом спохватилась: время позднее, едва ли он станет читать ночью поступившие на его телефон сообщения. Тогда я позвонила в «Рэнч» и оставила для него сообщение у дежурной, попросив ее немедленно передать ему всю информацию. Потом я еще долго сидела в кабинке, тупо пялясь на рекламу каких-то препаратов для лечения венерических заболеваний, которая болталась на дверце.

– А ведь то, что случилось с Ванессой, вполне могло произойти и со мной, – прошептала я сама себе. – Но ведь сейчас все зависит только от тебя самой. Покончить с прошлым раз и навсегда! – добавила я, и перед моим мысленным взором тут же появилась бутылка водки «Серый гусь», которую я с наслаждением разбиваю вдребезги.

Я услышала, как хлопнула входная дверь в туалетную комнату.

– Электра, вы здесь? – услышала я голос Мерси.

– Да, – ответила я, выходя из кабинки. – Ну, как она?

– Давайте выйдем отсюда и поговорим в другом месте.

Мы вернулись в приемный покой. По меньшей мере человек десять тотчас же уставились на меня в немом изумлении. Я подавила тяжелый вздох и проследовала за Мерси на улицу: она повела меня куда-то за угол, там стояли переполненные мусорные баки, источавшие страшное зловоние.

– Итак? – Я выжидательно взглянула на женщину.

– Она жива, милая. Врачам удалось стабилизировать ее состояние. Она попала сюда как раз вовремя, но сейчас ее жизни уже ничего не угрожает.

Я выдохнула во всю мощь своих легких, испытав громадное облегчение от этой новости, и почувствовала, как рука Мерси обняла меня.

– Это вы, Электра, помогли спасти ей жизнь. Если бы вы не обнаружили ее... Вы молодец, дорогая моя. Большой молодец! Но сейчас вам нужен отдых. Я закажу такси, которое немедленно отвезет вас назад в «Рэнч». Я же останусь здесь до утра. Если потребуется, вам на эту ночь предоставят другую палату.

– Не надо! Я тоже останусь здесь, рядом с Ванессой. Ведь у нее же никого нет, она совсем одна.

– Электра! Ваш курс лечения еще не закончен. Боюсь, подобные перегрузки будут чрезмерными для вас. Вам следует незамедлительно отправляться...

– Ничего мне не следует! Я остаюсь здесь. Более того, я собираюсь провести эту ночь рядом с Ванессой, если мне, конечно, позволят. Если нужно подписать какие бумаги, что в будущем я не буду судиться с «Рэнч», я готова. Но вы не можете заставить меня покинуть Ванессу вот так. Это ясно?

– Хорошо, Электра. Хорошо, – ласково проворковала Мерси. – Я переговорю с дежурной, сообщу ей, что вы остаетесь, а потом постараюсь найти кого-нибудь из персонала, чтобы они позволили вам дожидаться в каком-нибудь менее многолюдном помещении. А пока постарайтесь укрыться где-нибудь подальше от любопытных глаз, ладно?

– Ладно, – ответила я со вздохом.

– Выпить чего-нибудь хотите?

«Водки», – подумала я, но вслух сказала:

– Чашечку кофе, если можно.

– Оставайтесь пока здесь, я скоро вернусь.

Я посмотрела ей вслед и подумала, что еще никогда собственная известность и слава не были мне так ненавистны, как в эту самую минуту. Да плевать я хотела, в конце концов, если они в своем заштатном Таксоне пропечатают что-нибудь обо мне в никчемной газетенке. Единственное, чего я хочу сейчас, это находиться в палате рядом с Ванессой.

Минут через двадцать меня препроводили через черный ход в какую-то комнату, в которой стояли два кресла и работал телевизор. Там меня уже поджидал доктор с добрыми голубыми глазами.

– Приветствую вас, мисс Деплеси. Я – доктор Коул.

– Как она? – набросилась я на него прямо с порога.

– Состояние стабильное, мы уже перевели ее из палаты экстренной помощи в обычную палату, где она проведет ночь. Крепкий орешек эта девочка. – Доктор улыбнулся. – Хотите взглянуть на нее?

– Да, очень хочу. – Я тотчас же подхватила со своего места.

– Электра, – обратилась ко мне Мерси, сопровождавшая меня сюда. – Я сейчас возвращаюсь назад в «Рэнч». Но утром кто-нибудь из наших приедет посмотреть, как состояние у Ванессы, и заберет вас. И помните, именно благодаря вам Ванесса сегодня осталась жить. – Мерси подошла ко мне и сердечно обняла на прощание, а потом мы все вместе вышли из комнаты.

– Ванесса сейчас в сознании, – проинформировал меня доктор Коул по дороге. – Но говорить с ней долго не надо. Мы дали ей сильные обезболивающие препараты, а потому она сейчас пребывает в таком полусонном состоянии. – Он распахнул дверь и ввел меня в палату, освещаемую тусклой лампой под потолком. – Оставляю вас наедине с ней. – С этими словами доктор Коул вышел из комнаты.

Я подошла к больничной койке и уселась на стул рядом с Ванессой. Она показалась мне такой хрупкой и беззащитной, словно ребенок. Она лежала с открытыми глазами, положив поверх простыни обе руки, перебинтованные до самых локтей. Она была подсоединена к капельнице и к какому-то монитору, который постоянно издавал звуковые сигналы.

– Привет, Ванесса. Это я, Электра. – Я наклонилась к ней ближе. – Как ты себя чувствуешь?

Ответа не последовало. Ванесса продолжала смотреть в потолок.

– Врач сказал, что у тебя все хорошо, говорит, ты крепкая и со всем справишься. – Я изо всех сил пыталась найти что-то позитивное во всем том, что случилось, и что можно было бы сейчас сказать ей. Подняла руку, не зная, можно ли мне коснуться ее перебинтованных рук. Решила, что не надо, и вместо этого положила руку на голову и осторожно погладила ее красивые волосы. – Хочу сказать, что я специально осталась здесь, чтобы побыть рядом с тобой.

В ответ снова молчание.

– Я приехала сюда вместе с тобой в карете скорой помощи. Жуть да и только! Прямо как в фильме «Анатомия Грей». Но врач заверил меня, что у тебя все будет хорошо.

Последовала еще одна долгая пауза, наконец Ванесса издала какой-то неразборчивый звук.

– Моя...

Во всяком случае, мне показалось, что она сказала «моя». Я молча ждала продолжения, глядя, как она облизывает языком

потрескавшиеся губы.

– Моя мама так всегда делала, – прошептала она наконец.

– Что делала?

– Гладила мои волосы. Приятно.

– Тогда я и дальше буду гладить. Ты бы сейчас хотела, чтобы рядом с тобой была твоя мама?

– Да. Но она умерла.

Две слезинки выкатились из глаз Ванессы и покатались по щекам.

– Я тебе очень сочувствую, дорогая моя, – пробормотала я, чувствуя, что еще немного, и я расплачусь сама. – Я сегодня останусь здесь на всю ночь. Буду гладить твои волосы до тех пор, пока ты не уснешь. Ты не против?

Она слегка кивнула в ответ, постепенно глаза ее стали медленно закрываться.

– Все хорошо. С тобой все хорошо, – добавила я, услышав, что дыхание Ванессы стало ровным и она уснула. Тогда я и сама принялась устраиваться на ночь.

Но через пару минут дверь тихонько отворилась, и, к моему вящему изумлению, в палату вошел Майлз.

– Ну, как она? – спросил он у меня.

– Спит, – прошептала я тихонько, приложив палец к губам.

– Может, выйдем на пару секунд в коридор, чтобы переговорить?

– Не могу. – Я отрицательно покачала головой. – Я останусь рядом с ней, пока она не проснется.

– Хорошо. – Майлз на цыпочках прошелся по палате, взял стул и поднес его поближе ко мне.

– Как вы сюда добрались? – спросила я у него.

– Дежурная передала мне ваше сообщение, и я сразу же побежал на парковку, где стоит арендованная мною машина, но поскольку на руках у меня не было письменного разрешения от руководства клиники на выезд в город, то меня попросту не выпустили за ворота. Этот гребаный охранник развернул меня восвояси! Тогда я перелез через забор, вызвал такси по мобильнику и какое-то время слонялся снаружи в ожидании машины.

Мы оба с трудом удержались от смеха.

– Словом, вы тоже сегодня поучаствовали в массовом исходе пациентов из клиники «Рэнч», да? – пошутила я.

– Наверное, так, – согласился он со мной. – Ну, а вы как тут?

– Все нормально. Вот только рука немного занемела. – Я кивнула на руку, которой продолжала гладить Ванессу по голове. – Она говорит, так ее мама всегда делала. Но, по ее словам, мама умерла.

– Да, это правда.

– А что случилось?

– Не знаю. Но поскольку Ванесса ВИЧ-инфицированная, то можно предположить, что смерть ее матери как-то связана с последствиями СПИДа.

Ванесса слегка пошевелилась на постели, и я тут же сделала Майлзу знак замолчать.

– Вам лучше сейчас уйти. Позже поговорим.

– Можно, я тоже останусь? Буду сидеть тихонько рядом с вами. Составлю вам какую-никакую компанию.

И он остался. Так мы и сидели с ним вдвоем у постели Ванессы, и у меня вдруг возникло странное чувство, будто мы с Майлзом родители, сидящие у кровати больного ребенка. Несмотря на весь трагизм ситуации, эта мысль почему-то успокаивала. Мерно тикали часы на стене, отмеряя час за часом, стало уже светать. Голова моя отяжелела, и я в конце концов тоже задремала. Уже сквозь сон я почувствовала, как рука Майлза обняла меня за плечи и притянула к себе, и я с готовностью положила голову на его теплую грудь.

22

– Пить... – услышала я сквозь дрему.

Проснулась, потому что моя подушка неожиданно уплыла от меня. Открыла глаза и увидела, что Майлз наливает воду в чашку. Потом он нажал на какую-то кнопку, чтобы немного поднять койку.

– Потихоньку, милая, потихоньку. Соси через соломинку. – Он вставил соломинку в кружку.

Когда Ванесса попила, Майлз убрал от нее кружку и снова уселся на стул. Ванесса обозрела нас внимательным взглядом.

– А чего это вы тут оба торчите, а? Вы мне что, папа и мама?

Я невольно улыбнулась, вспомнив собственные мысли на сей счет, очень похожие на то, что сейчас сказала Ванесса.

– Вижу, вам и в самом деле полегчало, мисс, – улыбнулся Майлз. – Ты нас вчера здорово напугала.

Ванесса слегка пожала плечами.

– А я-то надеялась, что уже никогда больше не проснусь и не увижу нового утра. И вот вам, здравствуйте! Лежу тут с вами.

«*А ей действительно полегчало*», – мелькнуло у меня. Вот и прежняя нагловатость вернулась.

– Электра наотрез отказалась оставлять тебя одну, дежурила возле тебя всю ночь на случай, если ты вдруг проснешься, – сказал ей Майлз, а потом повернулся ко мне. – Как смотрите, Электра, если прямо сейчас отправитесь немного освежиться? А заодно и поищите кого-нибудь, у кого можно разжиться кофе.

Поскольку мне и самой уже не терпелось отлучиться по нужде, то я не заставила упрашивать себя дважды и тут же устремила в ванную комнату.

– Черный или белый? – спросила я у Майлза уже на выходе из палаты.

– Надеюсь, вы имеете в виду цвет кофе, а не кожи, – ухмыльнулся Майлз.

– Ха! Раз вы такой умный, то получите то, что дадут.

– Эй, вы! Вижу, у вас двоих уже все на мази, да? – прочирикала мне вдогонку Ванесса.

Мне мгновенно стало жарко, видно, даже шея покрылась краской стыда. Я ринулась со всех ног в ванную комнату, а там подошла к зеркалу и принялась внимательно разглядывать себя. Коса расплелась, и волосы повисли неопрятными патлами по обе стороны лица, под глазами залегли темные круги. Я постаралась хоть как-то привести себя в божеский вид, но, не имея ничего под рукой, сделать это было практически невозможно. А потому, оставив все как есть, я отправилась на поиски кофе.

– Кофе сейчас принесет санитарка, – оповестила я Майлза, вернувшись в палату.

Ванесса обозрела меня внимательным взглядом.

– Какой-то акцент у тебя странный, правда, Майлз?

– Это потому, что я росла в Швейцарии. Мой родной язык – французский, отсюда и акцент, – пояснила я, усаживаясь на свой стул.

Майлз встал.

– Прошу прощения, девушки. Позвольте оставить вас на время одних. Мне тоже надо пойти ополоснуть лицо.

– А я вот нигде, кроме Манхэттена, не была, не считая, конечно, того, что меня привезли сюда, в «Рэнч». И в больницах мне раньше бывать не доводилось. Впервые, можно сказать! – Ванесса испуганно округлила глаза. – Мне что, надо искать сейчас человека, который оплатит за меня все это?

– За все уже заплачено, Ванесса, – поспешила я ее успокоить. Глянула на нее и увидела, как снова налились тяжестью веки, готовые вот-вот закрыться. В этот момент она показалась мне очень похожей на такого маленького игривого щенка: проснулся с намерением побегать, но тут же выбился из сил и уже снова готов заснуть. Глядя на эту немного замкнутую девушку, с которой я до недавнего времени соседствовала в «Рэнч», спала, можно сказать, бок о бок, почти невозможно поверить в то, что минувшей ночью она вознамерилась свести счеты с жизнью, а уже наутро проснулась как ни в чем не бывало, вполне даже довольная своей жизнью...

«Может, это из-за того, что мы с Майлзом всю ночь провели рядом с ней? – подумала я. – А может, – и при этой мысли сердце у меня екнуло, – потому что вчера ее накачали всякими обезболивающими и сейчас ее мозги никак не реагируют на все, что случилось с ней?»

– Она снова уснула, – сообщила я Майлзу, когда он вошел в палату одновременно с санитаркой, принесшей нам кофе. Я залпом выпила горячую жидкость, изрядно сдобрив кофе сахаром в качестве заменителя моих утренних углеводов. – И что с ней будет дальше, как думаете?

– Вчера вечером я беседовал с врачом, и он сказал мне, что ее в ближайшее время осмотрит команда психиатров. Мы же понимаем, что вчерашнее происшествие – это отнюдь не заурядный случай.

– Хорошо, а что потом?

– Пока и сам не могу сказать с уверенностью, что ее ждет, но, как я уже сказал вчера в беседе с врачом, молитв смирения и общения с лошадьми явно недостаточно для того, чтобы поставить ее на ноги и снова вернуть к нормальной жизни. Вполне возможно, после того как она немного оправится, ее впереди еще ждет долгий процесс реабилитации; по словам врача, это единственно возможный и верный

путь к полному выздоровлению. Наверняка в Нью-Йорке за ней закреплен какой-то социальный работник. Впрочем, пару месяцев тому назад ей уже исполнилось восемнадцать, так что формально она более не числится несовершеннолетней, но, в любом случае, я постараюсь отыскать этого работника и переговорить с ним, узнать, что и как. При определенных обстоятельствах за девушкой может быть закреплено даже несколько человек, которые будут обеспечивать уход и одновременно наблюдать за ней вплоть до двадцати одного года, пока она не станет совершеннолетней уже по закону. Иными словами, государство в таких случаях берет на себя обязанности опекуна и оплачивает все необходимые расходы на оказываемую помощь.

– Я во всем этом плохо разбираюсь, но мне кажется, что Ванесса просто остро нуждается в том, чтобы ее любили.

– Вы правы, Электра. Ей действительно не хватает любви и ласки, но это те вещи, которые не купишь ни за какие деньги.

– Я... А что, если по возвращении в Нью-Йорк я возьму ее к себе? Стану о ней заботиться и все такое...

Последовала долгая пауза. Майлз ошарашенно уставился на меня, видно, отказываясь поверить тому, что услышал.

– Вы с ума сошли, Электра! Подумайте сами! Вы – всемирно известная топ-модель, большую часть своего времени проводите в разъездах по всему свету, летаете на частных самолетах. У вас просто не будет времени на то, чтобы уделять ей должное внимание. К тому же, – заметив, что Ванесса слегка пошевелилась во сне, он понизил голос, – не так-то просто вернуть человека к жизни и заставить его жить дальше, если он сам этого не захочет.

– Откуда вам знать, чем лично я могу захотеть заняться после того, как снова вернусь к себе домой? – вызверилась я на него.

– Я... Послушайте, Электра, давайте вернемся к этому разговору чуть попозже, ладно? Пока же скажу лишь одно: это вам не сказка, и Ванесса – не Золушка. Она – живой человек, а с живым человеком нельзя обращаться, как с каким-то своим проектом, которым вы поначалу увлеклись, а потом потеряли к нему интерес и забросили ко всем чертям.

Я с громким стуком поставила свою чашку на блюдце, чувствуя, как во мне закипает злость.

– Послушайте и вы меня, Майлз! Я только хочу помочь, и на этом все! Как бы то ни было, – продолжила я, стараясь совладать с охватившим меня бешенством, – довожу до вашего сведения, что сегодня я выписываюсь из клиники «Рэнч».

– Неужели?

– Да, представьте себе! Я уже практически обрела нужную форму, к тому же впереди меня ждет множество всяких дел. То есть жизнь продолжается. – Я уцепилась обеими руками за чашку, словно она могла оказать мне какую-то моральную поддержку. Потом поднялась со своего места и, не взглянув на Майлза, проследовала мимо него. – Пойду сама поговорю с доктором.

– Ладно! – вздохнул мне в спину Майлз. – Поступайте, как знаете.

– Именно так я и сделаю! – ответила я, направляясь решительным шагом к дверям.

– И последнее, Электра.

– Что еще?

– На вашем месте я бы сейчас не стал высовывать свой нос на улицу. Там уже столпилась куча репортеров, и все жаждут взглянуть на вас хотя бы одним глазком.

Поскольку я боялась ненароком разбудить Ванессу, то не стала громко хлопнуть дверью на прощание, хотя меня распирало от желания сделать это. Но я лишь тихонько прикрыла за собой дверь и пошла на пост дежурной медсестры, чтобы выяснить у нее, где я могу найти лечащего врача Ванессы.

Женщина перезвонила кому-то, потом кивнула.

– У него сейчас обход, милая. Но он скоро освободится.

Поскольку идти больше было некуда, то я снова отправилась в туалетную комнату, уселась там прямо на вымощенный плиткой пол, стараясь хоть немного успокоиться. Все внутри меня бурлило от негодования. Честное слово, я не могу понять этого Майлза! Еще сегодня ночью я ощущала свою близость к нему: устроилась у него на плече, положив голову ему на грудь, а он в это время приобнял меня своей рукой, и все это казалось тогда вполне естественным. А уже сегодня утром... Да я готова разорвать его на части!

Я сделала несколько глубоких вдохов: надо успокоиться, убеждала я саму себя, нельзя, чтобы бесконтрольная злость возобладала над разумом. Постепенно до меня стало доходить, что именно пытался

втолковать мне Майлз: если я возьму к себе Ванессу и дам ей все, что смогу, то, вполне возможно, она со временем превратится в такую ношу, которую мне придется тащить на себе уже до конца своих дней. Она ведь действительно не игрушка, с которой наигрался всласть, пока она не утратила еще своей новизны, а потом выбросил вон. Ванесса – живое создание, к тому же серьезно искалеченное жизнью... Но я ведь *тоже живой человек*, и меня жизнь тоже калечила...

– Мисс Деплеси? – услышала я голос за дверью.

– Да?

– Пожалуйста, выйдите, чтобы перекинуться парой слов.

Я услышала приятный голос доктора Коула.

– Конечно! – Я поднялась с пола и открыла дверь.

– Здравствуйте! – приветствовал он меня с благожелательной улыбкой. – У вас все нормально?

– Да, все замечательно. А как она?

– У Ванессы тоже дела идут хорошо, во всяком случае, в том, что касается ее физического состояния. Через пару дней она уже будет готова к выписке, а там... Все зависит от того, что скажут наши психиатры, а потом и социальный работник, который ее курирует, но, полагаю, Ванессе надо провести еще какое-то время в специализированном учреждении, где ей действительно смогут помочь.

– Но, как вы считаете, она не... безнадежна?

Доктор Коул тяжело вздохнул.

– Что сказать? Пока живешь, всегда есть надежда. Вы, наверное, уже и сами успели понять, что у любого человека с зависимостью имеется целый спектр всевозможных аномалий. Некоторым счастливицам повезло: их выхватили еще на ранних стадиях, другие же, как Ванесса, дошли в своих пристрастиях до самого конца, достигли, так сказать, дна. Такие случаи особенно тяжелые. Но хорошо, что в клинике «Рэнч» уже начали что-то делать, чтобы выправить общую ситуацию, и этот процесс обязательно следует продолжить в той или иной форме. Нужна долгосрочная программа, которая позволит Ванессе не только реабилитироваться, но и поможет ей на момент выписки из клиники интегрироваться в окружающую жизнь. И все это следует делать по месту ее жительства, то есть на Манхэттене. И не только потому, что там находится ее куратор из

социальных служб, который в случае необходимости обеспечит ей материальную поддержку за счет государства.

– Я тоже могу помочь, если это нужно, доктор Коул.

– Это очень великодушно с вашей стороны, мэм, но у государства есть деньги на эти цели. Конечно, прекрасно, когда кто-то подставит еще и свое плечо, предложит дополнительную помощь, как это сейчас предлагаете сделать вы. Да, в наших органах власти полно недостатков, и коррупция имеет место, все так, но, по-моему, ваш приятель Майлз хорошо знает, что надо делать. В любом случае, – Коул снова улыбнулся, – я очень рад, что вы проявили такой живой интерес к судьбе Ванессы и готовы помочь ей.

– Потому что мне и самой тоже недавно помогали и помогли в итоге, – ответила я. – Пожалуйста, постарайтесь подержать ее у себя как можно дольше, столько, сколько потребуется для ее выздоровления. У вас же есть номер моего мобильного, да?

– Да, он наверняка где-то фигурирует в наших записях. А сейчас прошу простить, но меня ждут другие пациенты. Всего вам доброго.

Он попрощался со мной кивком головы и ушел, а я потащила назад, в свой «кабинет», который устроила себе в туалетной комнате. Достала мобильник и набрала номер Мариам.

– Добрый день, Электра. Ну, как там ваша подруга? – опередила меня Мариам, заговорив первой.

– Спасибо, все хорошо. Сейчас ее жизни уже ничто не угрожает. Я чего звоню вам... Не могли бы вы подобрать мне какой-нибудь удобный рейс до Нью-Йорка?

– На когда?

– Завтра утром, если можно. Как вы знаете, в четверг меня выписывают, ну, а тут всего лишь на один день раньше.

В трубке повисла короткая пауза.

– Хорошо. Я полагаю, речь идет о частном самолете?

– Наверное, да. – Я тут же подумала о тех толпах репортеров, которые уже осаждают больницу с самого утра.

– Какое конкретно время вас устроит?

– Сама не знаю. Наверное, ближе к полудню. Чтобы часов в десять утра я уже смогла покинуть «Рэнч».

– Нет проблем. Я... Вы уверены, Электра, что не хотите, чтобы я прилетала за вами и сопровождала на обратном пути?

– Мариам, мне и раньше неоднократно приходилось летать одной. Я же не больна, в конце концов. К тому же зачем вам тащиться в такую даль?

– О, для меня только в удовольствие помочь вам в любом деле.

– Спасибо, очень тронута, но, честное слово, со мной все в полном порядке.

– Ладно. Тогда я все выясню, а потом перезвоню вам между семью и восемью вечера, когда вам выдадут на руки мобильник.

– О, за это как раз можете не волноваться. Я сегодня по возвращении в «Рэнч» еще планирую встретиться со своим психотерапевтом. Уверена, она разрешит мне оставить мобильник при себе на весь день. До свидания, Мариам.

Возвращаясь в палату Ванессы, я по дороге размышляла, не вызвана ли такая чрезмерная готовность Мариам сопровождать меня отсюда домой тем, что она попросту боится, что я могу надраться на борту самолета, воспользовавшись их мини-баром, и прилететь в Нью-Йорк в стельку пьяная. Впрочем, вполне возможно, она на самом деле переживает за меня и, как всегда, рада помочь мне во всем.

А что, если *я действительно напьюсь*? Посмотрим, как у меня получится противостоять соблазнам в одиночку. Пришло время показать себя, так сказать, в деле.

Когда я вошла в палату, Ванесса сидела на постели и клевала свой завтрак: какой-то сок и сдобные булочки. Я обрадовалась, что от нее уже отцепили капельницу, остался лишь монитор, закрепленный на пальце, который фиксировал давление. Выглядела Ванесса сейчас менее оживленной, чем тогда, когда проснулась. Вполне возможно, к ней постепенно стало возвращаться осознание той суровой действительности, в которой она существует.

– Привет, – поздоровалась я с ней вторично. – Ну, как ты тут?

– Все путем, спасибо.

– Она боится психотерапевтов, которые придут сюда, чтобы оценить ее общее состояние, – подал голос Майлз, сидевший по другую сторону кровати.

– Да, боюсь. И ни в какую «дурку» я не поеду, пусть даже не надеются упечь меня туда. Да, я наркоманка, но не псих! – Ванесса нервно передернула плечами. – Ты ведь не допустишь, Лектра, чтобы они держали меня взаперти где-нибудь? Так, Лектра?

– Послушай, Ванесса. Все искренне пытаются помочь тебе, – ответила я. – По-моему, тебе стоит довериться этим людям.

– Хорошо, я доверюсь. А они потом упрячут меня в психушку, да? – снова повторила она свой главный аргумент.

– Послушай... – Я видела, что Ванесса уже завелась на полном серьезе. – Я только что разговаривала с тем милым доктором, который занимался тобой, когда ты поступила сюда. Он сказал, что надо будет найти на Манхэттене такую организацию или государственную структуру, которая могла бы оказать тебе реальную помощь. Что-то такое, похожее на «Рэнч», но только без лошадей, – невольно пошутила я. – Мы с Майлзом вчера сильно перепугались, и мы оба не хотим, чтобы нечто подобное повторялось с тобой и впредь.

Ванесса хмуро глянула на меня.

– А какая тебе разница, что со мной будет? Тебе, с твоей кучей долларов в банке, что за дело до меня?

– Значит, есть дело. И Майлзу тоже. А потому научись доверять нам и своим лечащим врачам: мы все хотим только одного – помочь тебе.

– С чего это я должна доверять вам? Уж как я доверяла Тайлеру, и что? Обещал беречь меня, а сам посадил на наркотики. Вот и вся его забота.

– Ты мне должна верить уже хотя бы потому, что я проторчала всю прошлую ночь рядом с тобой. Сказала, что не оставлю тебя одну, и не оставила. А у тебя сейчас выбор невелик: либо ты доверяешь нам и тем профессионалам, которые тобой занимаются, либо возвращаешься к своей прежней жизни.

– Нет, есть еще один выход: я свожу счеты с жизнью, а вы тут все оставайтесь без меня.

– Вспомни, что у тебя все пока идет хорошо, – подал голос Майлз. – Вот уже почти две недели ты обходишься без тяжелых наркотиков.

– Очень хорошо все у меня идет! – огрызнулась в ответ Ванесса. – Настолько хорошо, что я захотела убить себя. – Она раздраженно оттолкнула от себя поднос с едой и снова уставилась в потолок.

Я беспомощно глянула на Майлза, не зная, что еще сказать.

– Мы сейчас с Электрой поболтаем немного в коридоре, ладно? – обратился он к Ванессе, поднимаясь со стула.

– Болтайте себе на здоровье! Вижу, я вас уже тоже достала, да?

Я открыла рот, чтобы сказать в ответ тоже какую-нибудь гадость, но Майлз отрицательно покачал головой, давая мне знак помолчать. Я вышла вслед за ним в коридор.

– Проклятье! С ней нет никакого сладу! – раздраженно бросила я.

– По словам доктора, она сейчас переживает постсуицидальную депрессию, а потому нуждается в осмотре психиатра, он должен прописать такие препараты, которые ей реально помогут.

– Доктор сказал мне, что сейчас организм Ванессы чист от наркотиков, ей нужно просто правильно помочь, поддержать ее, чтобы впредь у нее не возникало желания приняться за старое. Считаю, что это хорошая новость.

– Безусловно, – согласился со мной Майлз. – Послушайте, Электра. Простите меня за то, что я не вполне вас понял. Наговорил вам тут бог знает чего. Понимаю, вы действительно хотите помочь ей.

– Да, хочу, – согласилась я с ним. – Но я понимаю и то, что ей нужно много больше того, что я могу сейчас ей дать. – Я вдруг почувствовала безмерную усталость, и физическую, и умственную. Меня даже повело в сторону.

– Пожалуй, вам стоит вернуться в «Рэнч» и немного поспать. Тут как раз приехала одна медсестра из нашей клиники, вместе с ней и вернетесь на их джипе. По-моему, больше вам тут нечего делать.

– Вы правы. Я действительно смертельно устала. Но вначале я все же загляну к Ванессе и попрощаюсь с ней.

– Ладно, тогда я отлучусь на пару минут, пока вы будете прощаться, немного проветрюсь. – Майлз улыбнулся и зашагал вдоль коридора.

– Ванесса, ты не спишь? – спросила я, зайдя в палату и глянув на нее. В ответ она лишь пожала плечами. – Послушай, доктор сказал мне, что тебя выпишут отсюда, как только тебе станет лучше. Никто тут не собирается держать тебя вечно.

– Да, выпишут и направят в психушку, так?

– Нет, не так. Клянусь тебе своей жизнью, Ванесса, я не допущу, чтобы ты очутилась в психбольнице. Завтра я возвращаюсь в Нью-Йорк и...

– То есть ты меня бросаешь, да?

– Ничего я не бросаю! Приеду домой и стану на месте разбираться, как *именно тебе помочь*. И не только тебе, но и другим молодым людям, которые попали в беду. Пожалуйста, поверь мне, Ванесса. Я говорю правду. Мы с Майлзом собираемся приложить все усилия для того, чтобы обеспечить тебе наилучший уход из всех возможных. Клянусь, я тебя не брошу.

– Тогда заberi меня отсюда и возьми с собой прямо сейчас. Я не хочу здесь оставаться, – простонала в ответ Ванесса.

– Послушай меня, мисс! Хорошенько послушай! – вдруг заговорила я с интонациями своей бабушки в голосе. – Ты попала в дерьмовую переделку, это правда. Но в самый трудный момент тебе помогли и спасли твою жизнь. А ты подумай, скольким подросткам, таким, как ты, никто не приходит на помощь. Я вовсе не хочу сказать, что я или Майлз выступаем тут в роли каких-то сказочных волшебников, но...

Я увидела, как лицо Ванессы озарила слабая улыбка.

– Но, – продолжила я, – как видишь, *мы здесь*, и с тобой все в порядке, и мы позаботимся, чтобы так было и дальше. С этим ясно? Надеюсь, что в один прекрасный день ты и сама захочешь помочь другим, как помогли тебе.

Не знаю, откуда у меня взялись эти слова, но они *нашлись*. «*Прямо вылитая Тигги*», – подумала я про себя.

– А потому, мисс, изволь делать то, что велят тебе врачи, и считай, что тебе крупно повезло в этой жизни. До встречи в Нью-Йорке. Когда ты там обустроишься, обещаю тебе роскошный ужин в каком-нибудь приличном месте. А потом все, включая и твоего разлюбезного Тайлера, увидят твою фотку в глянцевоm журнале, где ты будешь запечатлена в компании со мной, и все поймут, что ты вышла победительницей из этой схватки.

– Круто! – промолвила Ванесса после некоторой паузы. – Ты клянешься мне в этом?

– Я уже поклялась. И вот что еще.

– Что?

– Хочу повторить еще раз, твои волосы великолепны, и они всегда будут лучше моих. Люблю тебя, Ванесса. До скорого.

Я поцеловала ее в макушку и вышла из палаты. Майлз поджидал меня, стоя в коридоре.

– Все в порядке?

– Да. Ну, я поехала. Будем на связи.

– Хорошо.

– Спасибо.

– Да, совсем забыл... Они припарковали джип с черного хода, – крикнул он мне вдогонку и исчез в палате.

Садясь в джип, я впервые по достоинству оценила свою славу и все, что она может уже применительно к другим людям. Оказывается, у меня есть сила и власть. Что ж, самое время употребить их на благие дела.

* * *

– Вы абсолютно уверены в том, что хотите уехать завтра утром? – спросила у меня Фай, когда я, немного поспав, встретилась с ней во второй половине дня и мы подробно обсудили все события минувшей ночи. – Может, стоит задержаться еще на денек? Ведь эта ночь, Электра, стала для вас тяжелым испытанием по части негативного опыта.

– Именно поэтому я и тороплюсь домой, – ответила я прямо. – Хочу как можно скорее вернуться к нормальной жизни и внести в нее некоторые коррективы. А то я тут сижу без дела и только размышляю о них.

– Не хотите поделиться со мной, о каких конкретно коррективах идет речь?

– Во-первых, выброшу из своей квартиры все спиртное, а во-вторых, удалю из мобильного номера телефона своего наркодилера, – пошутила я в ответ.

– Что ж, неплохое начало. А дальше?

– Потом встречусь со своим агентом, и мы с ней обсудим мой предстоящий график работы с учетом того, что мне нужно время для отдыха. Я также договорилась о встрече со своим менеджером, который курирует мои финансовые вопросы, так как у меня появились кое-какие идеи.

– Что за идеи?

– Хочу помочь таким ребяташкам, как Ванесса. И не просто пожертвовав деньги в какой-нибудь благотворительный фонд. У меня возникло желание стать рупором от имени всех этих людей и по-настоящему включиться в борьбу против наркотиков.

– Звучит потрясающе, Электра! – Фай расплылась в искренней улыбке. – Многим этим ребятам действительно нужна помощь, нужен кто-то, кто боролся бы за них. Однако постарайтесь проявить осторожность, особенно в самые первые недели по возвращении домой. И не погружайтесь с головой в реализацию своих новых идей. Вам еще самой нужно время, чтобы оправиться полностью. А потому важно соблюдать тот режим, которого вы придерживались здесь: утренние пробежки, *обязательные ежедневные* встречи в клубе анонимных алкоголиков по меньшей мере первые полгода, хорошая еда, ранний сон... Ведь пока у вас идет процесс восстановления, Электра. Помните об этом. Какая от вас будет польза другим, если вы сорветесь сами? Кстати, где вы планируете провести свой ближайший отпуск?

– О, с этим уже все ясно, – ответила я Фай и рассказала ей о том, что все мы, сестры, планируем летом устроить круиз к греческим островам на нашей семейной яхте «Титан», чтобы возложить в тамошних водах поминальный венок в честь отца.

– Что ж, отпуск в кругу семьи – это замечательно, – согласилась со мной Фай. – А что Нью-Йорк? Дома у вас есть люди, которые в случае чего смогут поддержать вас?

– Конечно, есть. Это моя пресс-секретарь Мариам, я вам о ней уже рассказывала. А еще моя бабушка Стелла. О ней я упоминала лишь вскользь, но я знаю, что она всегда поддержит меня, если надо.

– Хорошо! И не стесняйтесь обращаться к ним за помощью. И к Майе тоже. Она очень за вас переживает. Я перешлю по электронной почте ей и вашей помощнице список местных клубов, где проводят свои встречи анонимные алкоголики, а еще дам координаты нескольких хороших психотерапевтов, практикующих в Нью-Йорке, которых я знаю лично. Вы должны, Электра, постоянно помнить о том, что вы нуждаетесь в общении с теми людьми, которым доверяете.

– Я помню. Но мне хочется побыстрее добраться до Нью-Йорка еще и ради Ванессы.

– Это хорошо, очень хорошо. Но имейте в виду, чем крепче и сильнее будете *вы сами*, тем эффективнее будет ваша помощь ей.

– Я нужна ей. К тому же все, что я увидела своими глазами минувшей ночью, это, знаете ли, покруче любого реалити-шоу. И, кажется, я выдержала.

– Это правда, – согласилась со мной Фай. – Хорошее это чувство, когда ты понимаешь, что нужен кому-то, правда?

– О да, очень хорошее. – Я увидела, как Фай скосила глаза на часы, висевшие на стене, и поняла, что время мое истекло. – Послушайте, Фай, прежде чем уйти, хочу попросить у вас прощения за то, что поначалу со мной было трудно общаться и разговаривать. Большое вам спасибо за все. Вы проявили изумительное терпение, а в итоге общение с вами изменило мою жизнь.

– Не благодарите меня, – ответила Фай, когда мы с ней обе поднялись со своих мест. – Вы всего добились сами. Удачи вам, Электра. – Она широко распахнула руки и обняла меня. – Будьте со мной на связи, договорились? Сообщайте мне о том, как у вас идут дела.

– Обязательно! – пообещала я, направляясь к дверям, потом повернулась и улыбнулась. – Знаете, и представить себе не могла, но это так! Я буду очень скучать без вас. Честно! Всего вам доброго.

* * *

Вечером я столкнулась с Майлзом в столовой.

– Ну, как она? – уже, наверное, в сотый раз поинтересовалась я у него, поставив свой поднос с ужином на столик, за которым он сидел, и устраиваясь напротив него.

– Да все так же, как и утром... Боится, настроена резко отрицательно, все воспринимает в штыки.

– А что сказали психиатры, которые ее осматривали?

– Психиатр рассказал мне, что знает одно хорошее местечко на Лонг-Айленде; тамошние специалисты как раз специализируются на таких пациентах, как Ванесса. Я уже переговорил с представительницей социальной службы, которая ее курирует, а сейчас намереваюсь связаться еще и с инспектором по надзору.

– За Ванессой что, надзирают?

– Да. Эта женщина из социальной службы рассказала мне, что после смерти матери девочка кочевала из одного сиротского приюта в другой, но, когда ей минуло шестнадцать лет, она внезапно исчезла со всех, как говорится, радаров и нигде не числилась, пока ее не арестовали в Гарлеме за вымогательство. На первый раз Ванессе вынесли только предупреждение, но тем не менее после этого задержания она уже официально числится во всех базах данных как правонарушитель, что автоматически означает следующее: вплоть до своего восемнадцатилетия несколько месяцев тому назад за Ванессой официально наблюдала команда специалистов соответствующих профилей. Ида, так зовут эту женщину из социальной службы, собирается в максимально короткие сроки снова запустить в действие эту программу, получив соответствующее решение суда о продлении сроков наблюдения за Ванессой. В принципе такое наблюдение может продолжаться вплоть до достижения ею совершеннолетия в двадцать один год. Что позволит Иде направить уже официальные запросы с просьбой включить кандидатуру Ванессы в ту программу, которую порекомендовал нам психиатр. К тому же ей будет назначено пособие и даже выделено какое-то жилье. Надеюсь, не в Трущобе.

– Трущоба? А что это такое?

– Вау, Электра! – Майлз удивленно округлил глаза. – Вижу, вы действительно существуете в некоем параллельном мире. Я-то уж был уверен, что все американцы наслышаны об этом проекте.

– Вообще-то я гражданка Швейцарии! – возразила я ему, слегка покраснев, понимая, что это слабое оправдание моему невежеству. – Так все же, что это такое?

– Трущоба – это социальное жилье, проживание в таких домах оплачивает государство. Беда лишь в том, что большинство таких домов действительно являются трущобами. Однако у нас еще есть время, а там посмотрим, что и как будет.

– Пожалуйста, Майлз, помните о том, что я сказала вам обоим: я готова помочь всем, чем смогу. Если ей надо будет подыскать подходящую квартиру, я заплачу за проживание. Мне страшно не по себе от того, что я сейчас оставляю ее одну, но мне действительно необходимо уехать отсюда, и срочно.

– Конечно, Электра. Поступайте так, как будет лучше для вас самой. Ванесса знает, что вы остались в больнице ради нее и что вы оплатили все ее лечение там.

– Я вам оставляю немного денег, пожалуйста, купите ей мобильник, ладно? Тогда я смогу связываться с ней в любое время.

– Конечно, я все сделаю, как вы просите, но и вы не забывайте, что пока Ванесса пребывает в глубочайшем миноре. Вполне возможно, какое-то время она вообще не захочет никаких контактов с внешним миром. Так что, моя юная леди, займитесь в первую очередь собой. – Майлз вскинул вверх указательный палец и помахал им перед моим носом. – Помните, Ванессе будет мало проку от вас, если вы сами снова возобновите свои встречи с «Серым гусем».

– Я это знаю, Майлз. Ну а что же вы сами? Каковы ваши ближайшие планы?

– Какое-то время еще пробуду в «Рэнч», пока Ванесса окончательно не придет в себя, а потом, надеюсь, привезу ее в Нью-Йорк.

– Хорошо, однако мне пора к себе. Надо еще упаковать свои вещи. Такси приезжает за мной завтра ровно в семь утра. Вот! – Я протянула ему конверт. – Там номер моего мобильного и телефон моего пресс-секретаря на случай, если вы не сможете связаться со мной напрямую. Пожалуйста, держите меня в курсе всех новостей о Ванессе. Договорились? И всего вам самого доброго, Майлз.

– Обещаю, буду держать. Да, и еще! – окликнул меня Майлз, и я повернулась к нему.

– Что еще?

– Вы хороший человек, Электра. Я очень рад, что мне посчастливилось познакомиться с вами.

– Спасибо, – бросила я в ответ и быстрым шагом поспешила от него прочь, чтобы он не успел заметить, как заблестели от слез мои глаза.

Неделю спустя я проснулась в своих нью-йоркских апартаментах, роскошествуя на мягком пуховом матрасе, в котором утонула, словно в облаке. Сладко потянулась, потом перевернулась на другой бок, чтобы

посмотреть, который час. Шесть утра. Пора подниматься и выходить на свою утреннюю пробежку, пока Центральный парк не запрудили толпы народа. Я быстро натянула на себя спортивные штаны и ветровку, на голову нацепила парик и бейсболку, которые пока спасали меня от приставучих папарацци, на нос водрузила солнцезащитные очки и в таком виде покинула квартиру. Быстро спустилась на лифте вниз, вышла на улицу и бегом направилась к Центральному парку. Магнолии стояли в полном цвету, да и многие летние цветы уже тоже распустились на клумбах вдоль беговой дорожки, внося дополнительные оттенки в многообразную палитру красок наступающего дня. Который, судя по безоблачно ясному, голубому небу, сразу же вызывающему ассоциации с югом Франции, обещал в полной мере порадовать жителей Нью-Йорка отличной погодой. Я улыбнулась просто потому, что почувствовала себя счастливой.

Когда Мариам встретила меня в аэропорту, я сразу же увидела, какое у нее взволнованное лицо. Спустившись по трапу, я первым делом крепко обняла ее, и она тут же обняла меня в ответ.

– Потрясающе выглядите, Электра! – восхитилась она, пока мы шли к нашему автомобилю, припаркованному рядом со взлетной полосой.

– Куда там! – рассмеялась я. – На голове бог знает что, и ногти в ужасном состоянии. Волосы выросли в самых разных частях тела. В «Рэнч» нам ведь не разрешали пользоваться бритвенными приборами.

По дороге домой я рассказывала Мариам о том, как провела время в «Рэнч». Она, в свою очередь, прочувствованно поблагодарила меня за то письмо, которое я ей написала, добавив при этом, что она сохранит его на память и будет беречь до конца своих дней.

– Не за что меня благодарить, Мариам, – возразила я. – Я вела себя с вами по-свински, и мне надо будет снова и снова просить у вас прощения. Кстати, вы хотите работать со мной и дальше? – Я бросила на нее взволнованно-вопросительный взгляд.

– Конечно, хочу. Мне нравится моя работа, и вас я очень люблю, Электра.

Что ж, даже если последние слова были всего лишь данью вежливости, они прозвучали очень искренне, и я поверила.

Зайдя к себе в квартиру, я увидела, что Мариам украсила ее большим количеством цветов, наполнивших ароматом все комнаты, а

холодильник загрузила бесчисленным количеством бутылок с кока-колой и содовой, а также пакетами со всевозможными соками.

– Я просто не знаю ваших предпочтений, – пояснила она мне столь широкий ассортимент.

– Кока и имбирный чай – этого мне будет вполне достаточно, – ответила я, открывая бутылку с кокой, чтобы немного промочить горло.

Потом Мариам подробно рассказала мне о том, как именно Сюзи объясняла мое внезапное исчезновение нашим заказчикам.

– Она сказала им, что у вас в семье случилось большое горе и что вам надо время, чтобы смириться с утратой и немного успокоиться. Честно говоря, я не слышала, чтобы стали роиться какие-то слухи и сплетни вокруг вашего имени. Да и в прессе не видела никаких публикаций на эту тему, – поспешила успокоить меня Мариам.

Поскольку время было уже позднее, я сказала, что ей уже пора возвращаться домой, но Мариам лишь отрицательно покачала головой.

– Простите, но сегодняшнюю ночь я проведу вместе с вами. Устроюсь на ночлег в свободной спальне.

– Клянусь, Мариам, – сразу же ошетинилась я в ответ. – Со мной все в полном порядке. Я абсолютно чистая.

– Знаю, Электра. Но я хочу остаться с вами вовсе не потому, что не доверяю вам. Просто мне хочется услышать из ваших уст подробный рассказ обо всем, что случилось в вашей жизни за время вашего отсутствия в Нью-Йорке. Предлагаю заказать нам сейчас ужин навынос в каком-нибудь ресторане, а за трапезой вы мне расскажете о своей подруге, которая попала в больницу.

После чего мы обе приняли душ, обрядились в махровые халаты и уселись за ужин, который нам доставили из китайского ресторана. За едой я подробно рассказала Мариам о том, что случилось с Ванессой.

– Ах, Электра! – воскликнула Мариам. – В этой ситуации вы повели себя как самый настоящий добрый самаритянин. – Последние слова заставили меня даже покраснеть. – Как повезло этой девушке, что вы приняли участие в ее судьбе.

Потом я рассказала ей о том, что у меня появились и другие планы по части добрых дел, но к этому моменту глаза мои уже слипались сами собой, и я отправилась к себе в спальню и с наслаждением

погрузилась в перьевое облако на своей кровати. Заснула почти мгновенно и проснулась только на следующий день в шесть утра.

И пошло-поехало... У меня состоялась встреча с Сюзи, на которой я объявила ей, что хочу пересмотреть график своей работы в сторону уменьшения нагрузок. Разумеется, эта новость не обрадовала ее, но, в конце концов, она уступила, и мы пришли к обоюдному согласию, что впредь я буду принимать участие только в тех рекламных кампаниях, на которые у меня уже есть подписанные контракты.

– А что насчет осенних показов мод? – поинтересовалась у меня Сюзи.

– Нет, в них я участвовать не буду, – твердо ответила я, отлично понимая, что если что и подтолкнет меня снова вернуться на старую дорожку, так это только та безумная круговерть, которая всегда царит на подиумах.

– А еще у меня имеется парочка запросов от модельеров, которые хотели бы посотрудничать с тобой в том же формате, как это было в прошлом году, когда ты демонстрировала модели от Ксавье, – сообщила мне Сюзи.

В эту минуту я сразу же вспомнила свой блокнот с эскизами одежды и подумала, что и сама очень люблю придумывать всякие разные фасоны. Но тут же спохватилась, пообещав себе не слишком обращать внимание на это свое увлечение.

– Может, в следующем году, – неопределенно ответила я.

В конце концов, я и так загружена работой вплоть до середины июня, а там мне предстоит поездка в Атлантис и совместный круиз с сестрами по Средиземноморью. После чего я планирую отправиться на ранчо Гасиенда Орчидеа, чтобы организовать там строительные работы.

Всякий раз, когда я начинала думать о своем будущем новом доме, меня охватывало радостное волнение. Мой финансовый директор Кейси уже с цифрами на руках сообщил, что покупка ранчо мне вполне по карману. Я тут же перезвонила Мануэлю, и он, в свою очередь, немедленно согласился. Он также не возражал против того, чтобы продать мне Гектора, добавив попутно, что подыщет мне помощника-грума, который станет ухаживать и за Гектором, и за

другими лошадьми, которых я, вполне возможно, приобрету в свою конюшню в будущем.

– Но вот только лошадок вам придется выбирать лично, дорогая сеньорита. Нужно ведь самой увидеть и решить, какая лошадь глянется и ляжет вам на сердце.

Мы условились, что я покупаю дом с полной меблировкой за цену, которую Кейси назвал вполне разумной и приемлемой. А в перспективе я планирую соорудить на ранчо бассейн и пристроить к дому еще одно крыло с дополнительными спальнями. Я уже мечтаю, как соберу всех своих сестер в новом доме на ближайшее Рождество...

Что же касается Майлза, то он тоже покинул «Рэнч» и устроился в каком-то ближайшем мотеле рядом с больницей в ожидании, когда Ванесса завершит весь назначенный ей курс лечения, чтобы забрать ее с собой в Нью-Йорк и продолжить ее реабилитацию в рамках той программы, которую посоветовал лечащий врач-психиатр. От самой Ванессы новостей было крайне мало; после моего отъезда из «Рэнч» ее, по словам Майлза, перевели на самые сильные антидепрессанты, а потому она почти все время спит. Пару раз я звонила ей по мобильнику, но она даже не ответила на мои звонки. Каждый вечер я в обязательном порядке отправляю ей эсэмэску, иногда получаю краткое ответное послание, состоящее из одного слова, типа «спасибо» или «хорошо».

Разговаривая с Майлзом по телефону, я с удивлением обнаружила, что беседую с совершенно другим человеком, чем при личных контактах. Возможно, виной всему его голос, теплый, проникновенный, а еще хорошее чувство юмора, умного юмора. Как бы то ни было, но телефонные разговоры с ним стали для меня такой своеобразной отдушиной, самыми яркими событиями очередного дня. Наверное, потому, что Майлз, как никто, понимает мое нынешнее состояние: ведь в свое время ему самому пришлось пройти через все это. А потому он прекрасно знает, что возврат к нормальной жизни – это, пожалуй, самое тяжелое испытание для любого, кто хочет окончательно побороть свою зависимость. Мне не надо было притворяться перед ним, и я честно рассказывала ему о том, как чувствую себя в этот переходный период. В основном настроения у меня были позитивными. Да, все еще трудно было открыть холодильник, чтобы взять банку колы или пакет с каким-то соком,

зная, что всего месяц тому назад меня всегда поджидала в морозильной камере бутылка водки. По вечерам, когда я смотрела телевизор или заполняла очередными эскизами свой альбом для рисования (пока я еще не рискнула заняться какими-то социальными проектами, чувствуя себя недостаточно подготовленной для такой деятельности), меня вдруг посещала мысль о том, что, стоит мне сейчас сделать всего лишь один звонок, мой наркодилер тут же примчится к дверям моей квартиры. Да, постоянно балансировать на грани срыва нелегко. Порой мне отчаянно не хватало той эйфории, которая обычно накатывала на меня после приема очередной дозы, но зато и депрессивных настроений я больше не переживала.

К моему прибытию в Нью-Йорк Фай уже успела переслать Мариам список тех психотерапевтов, которых она мне порекомендовала при нашей последней встрече, плюс даты проведения собраний в ближайшем клубе анонимных алкоголиков. Оставалось лишь собраться с мужеством и решиться пойти туда в первый раз, что я и сделала, но только в сопровождении Мариам. Она крепко держала меня за руку всю дорогу, а когда мы пришли на место, сказала, что будет ждать меня снаружи.

– А что, если все эти люди сейчас узнают меня? – спросила я у нее, уже стоя на пороге и чувствуя, как меня охватывает парализующий страх.

– Но это же анонимный клуб, разве вы забыли? – резонно возразила мне Мариам. – Здесь никому не позволяют обсуждать других. Ступайте, вот увидите, все будет хорошо.

И действительно, все прошло даже очень хорошо. К своему вящему удивлению, я увидела среди собравшихся и других медийных персон, чьи лица постоянно мелькают то в прессе, то на экранах телевизоров. А когда пришла моя очередь говорить и я, поднявшись с места, объявила, что меня зовут Электра и что я алкоголичка, то в ответ услышала аплодисменты и тут же расплакалась.

Меня поприветствовал руководитель клуба и спросил, есть ли мне что сказать. Помню, когда аналогичный вопрос мне задали на самом первом групповом занятии анонимных алкоголиков в «Рэнч», я лишь отрицательно замотала головой и тут же плюхнулась на свое место, но здесь неожиданно для себя самой я кивнула в знак согласия.

– Да, мне есть что сказать, – начала я. – Я только что вернулась домой после реабилитации. Вначале подобные встречи вызывали у меня отторжение, я их даже ненавидела, совершенно не понимала, что означают Двенадцать ступеней и как они могут помочь уже конкретно мне. Но... как-то мне удалось перебороть себя, а со временем пришло осознание и всего остального, и сегодня я хочу поблагодарить вас от всей души, как и всех остальных, кто поддерживал меня в эти трудные дни, потому что именно такие люди, как вы, и спасли мне жизнь.

Снова раздались громкие аплодисменты и одобрительные возгласы присутствующих. И я поняла, что мне здесь по-настоящему рады, и уже с нетерпением стала ожидать последующих встреч.

«Наверное, все у меня сейчас слишком хорошо, чтобы быть правдой», – размышляла я, продолжая свой забег по дорожке парка. Именно эту мысль я и озвучила Майлзу вчера вечером во время нашего очередного телефонного разговора.

– Да, всегда есть какие-то но, – согласился он со мной. – Сейчас вы переживаете фазу такой своеобразной эйфории, очень схожую с медовым месяцем у молодоженов. И вы почти уверены в том, что сумеете справиться со всем, но опасности могут подстерегать вас тогда, когда вы наконец полностью окунетесь в свою прежнюю жизнь, вернетесь к своим привычным занятиям и почувствуете соблазн снова подсесть на наркотики. Вот это самое страшное.

Всякий раз, когда на меня накатывало острое желание, застилая глаза красноватым туманом, а дьявольский голос в это время нашептывал мне, что всего одна доза – это ведь такая малость и что она никак не навредит мне, тем более что я в течение всего дня обходилась без наркотиков и даже сходила на очередное заседание клуба анонимных алкоголиков, а утром совершила пробежку, так вот, всякий раз я тут же мысленно представляла кровь, которая струилась из вены Ванессы, когда она лежала без сознания на полу ванной комнаты. Меня тут же начинало подташнивать от ужаса той сцены, и острота желания отступала прочь.

Мариам оказалась превосходной хозяйкой, наверное, в сотый уже раз подумала я, закончив пробежку и направившись вдоль западной оконечности Центрального парка к себе домой. А главное – она инстинктивно чувствовала, когда я нуждаюсь в общении, а когда – нет. Мариам настояла на том, что поживет у меня какое-то время, и я

согласилась. Подумала, что хорошо, если рядом со мной будет человек, который вообще не употребляет спиртное, тем более такой уравновешенный и спокойный. Более спокойных людей я еще не встречала. К тому же выяснилось, что она отлично готовит, особенно мое любимое карри, на которое я всегда набрасывалась с жадностью, потому что обилие специй в этом блюде помогало побороть другие мои желания. Правда, поначалу я предложила Мариам заказывать еду в ресторане, но она наотрез отказалась.

– Я люблю готовить, Электра, – ответила она. – Это доставляет мне удовольствие. Не говоря уже о том, что когда готовишь сам, то всегда знаешь, что именно ты кладешь в то или иное блюдо, и я только радуюсь при мысли, что мы с вами питаемся как следует.

– Доброе утро, Томми, – поздоровалась я со своим поклонником на подступах к дому и широко улыбнулась ему, остановившись на минуту. Вчера, поднявшись к себе, я обнаружила в квартире небольшой букет цветов. Мариам пояснила мне, что это подношение от Томми. Скорее всего, пощипал какую-то клумбу в Центральном парке, добавила она.

– Доброе утро, Электра, – ответил Томми. – Как чувствуешь себя сегодня?

– Хорошо. А ты?

– Тоже хорошо, – сказал он и тут же отвел глаза.

– По тебе не скажешь. Что-ты сегодня какой-то подавленный. У тебя все в порядке?

– О, наверное, просто недоспал чуток. Я же теперь поднимаюсь ни свет ни заря, чтобы увидеться с вами поутру, – вяло пошутил он в ответ.

– А почему бы тебе не составить мне компанию, когда я бегаю? – неожиданно предложила я ему. – На пару ведь бежать веселее.

– А что? Хорошая идея! Спасибо за приглашение, Электра. – Он слегка приподнял свою бейсболку в знак благодарности, а я бегом устремилась к себе в подъезд.

– Завтрак уже готов, – уведомила меня Мариам из кухни.

– Отлично! Сейчас только приму душ, – ответила я, приветственно помахав ей рукой. Мариам просыпается еще раньше, чем я, чтобы совершить свой утренний намаз, а я в такие минуты стараюсь ее не тревожить.

– Необыкновенно вкусно! – провозгласила я, умяв полную тарелку блинов с голубикой, да еще сдобренных кленовым сиропом. – Ничего себе! Скоро у меня будет живот, как у беременной! – добавила я, обхватив свой живот руками.

«Ничего себе» с недавних пор стало моей любимой фразой. Ма и мои сестры часто повторяли, что я не воздержана на язык и люблю сквернословить. Да и Майлз с Мариам, как я успела заметить, тоже всегда досадливо морщились, когда я в разговоре с ними упоминала имя Бога, что называется, всуе. Вот я и решила, что наступил момент, когда нужно очистить не только свое тело, но и язык. И больше никаких выражений типа «черт» или «дерьмо». Правда, пока они продолжали высказываться из меня автоматически, но гораздо реже, чем прежде. Я даже не без некоторой гордости подумала, что если так дела пойдут и дальше, то в обозримом будущем сама английская королева не побрезгует пригласить меня в гости на чашечку чая. Следующий мой шаг на пути всестороннего самоусовершенствования, подумала я с некоторым скепсисом, – это покупка Библии и приобщение к церкви.

– Спасибо, – поблагодарила меня Мариам за мои восторженные похвалы и принялась убирать со стола. – Когда-нибудь я приготовлю для вас настоящий иранский обед.

И в этот момент зазвонил мой мобильник. Сердце у меня екнуло, когда я увидела, что звонит Майлз.

– Привет! – бросила я в трубку.

– Привет, Электра. У меня хорошие новости, – ответил Майлз. – Только что мне позвонила Ида и сообщила, что Ванессе продлили программу социальной помощи. Им даже удалось определить ее в тот центр на Лонг-Айленде, который нам порекомендовал доктор Коул. Это где-то в тридцати минутах езды от аэропорта Кеннеди. Я собираюсь вылететь в Нью-Йорк безотлагательно; надеюсь, мы сумеем попасть либо сегодня на вечерний рейс, либо завтра на самый ранний.

– Замечательная новость! – обрадовалась я.

– Согласен. Я тут позвонил одной своей знакомой, с которой вместе работал в социальном центре для подростков, она весьма положительно отзывается об этом месте. Говорит, что это самый настоящий реабилитационный центр со всем необходимым, что нужно для такой работы. К тому же они предоставляют там отдельное жилье на какое-то время, иногда даже на долгий срок. Это означает, что

Ванессу не вышвырнут снова на улицу через каких-то пару недель. Хорошо, все остальные подробности при личной встрече.

– Договорились! А что, если я приеду за вами в аэропорт? – предложила я и добавила: – Так хочется взглянуть хотя бы одним глазком на Ванессу.

«*И на тебя тоже*», – закончила я мысленно.

– Если у вас есть время, то это было бы здорово.

– Время есть. Послушайте, Майлз, я сейчас тороплюсь на очередное собрание анонимных алкоголиков, но вы звоните Мариам, если у вас появятся какие-то дополнительные сведения. Ладно?

– Хорошо. До скорой встречи, Электра. До свидания.

– Вполне возможно, вам будет звонить Майлз, – уведомила я Мариам, направляясь к дверям.

– Хорошо. Кстати, сегодня утром опять звонила ваша бабушка. По-моему, в вашем ежедневнике ничего не значит на ближайшие выходные, а потому...

– Я подумаю и сообщу вам о своем решении попозже, ладно?

– Конечно. До встречи.

По дороге вниз я не переставала думать о том, что, несмотря на то что Стелла звонила на мой мобильник уже несколько раз (хотя я принципиально игнорировала эти звонки), а потом перезванивала еще и Мариам (которая, в отличие от меня, разговаривала с ней), я по-прежнему не испытываю никакого желания увидеться с бабушкой. Я уселась в скромный седан (роскошные лимузины, на которых я разъезжала раньше, слишком бросаются в глаза, да и финансы надо тоже начинать расходовать с большей сдержанностью) и пришла наконец к выводу, что внятного ответа на сей вопрос у меня нет.

Очередное собрание анонимных алкоголиков проходило в помещении церкви, расположенной рядом с Флэтайрон-билдинг, что на пересечении Бродвея и Пятой авеню, одним из первых нью-йоркских небоскребов, знаменитым на всю Америку благодаря своей необычной треугольной форме. Место очень удобное, на перекрестке, такая своеобразная метафора для плавильного котла, в котором варится все человечество. Люди бегут, куда-то торопятся, никому нет дела ни до кого, а диагноз, в сущности, у всех один и тот же: все мы, в той или иной степени, зависимы от чего-то.

Внутри помещения сильно пахло потом и псиной. В воздухе также витали слабые запахи алкоголя. Поди, за столько лет постоянных сборищ анонимных алкоголиков сами стены здания успели пропитаться винными парами. В зале было уже многолюдно, собралось человек тридцать, я уселась на стул в самых задних рядах возле стены.

Потом мы все поднялись со своих мест, чтобы совершить традиционную молитву смирения, по завершении которой наш руководитель обратился к собравшимся, спросив, есть ли кто сегодня из новеньких. Какой-то мужчина в переднем ряду поднялся с места, слегка поправил бейсболку на голове. Что-то во всем его облике показалось мне очень знакомым...

– Здравствуйте. Меня зовут Томми. Я – алкоголик.

Мы встретили его слова дежурными аплодисментами.

– Приветствую вас, Томми. Хотите еще что-то сказать членам нашей группы? – поинтересовался у него руководитель. Наконец до меня дошло, кто этот человек, и у меня перехватило дыхание.

– Да, хочу. Хочу сказать, что какое-то время тому назад мне показалось, что мне больше не надо посещать наши собрания, что со всеми своими проблемами я справлюсь самостоятельно, и я перестал ходить сюда. И вот два дня тому назад я сорвался и снова напился.

Томми замолчал, слегка откашлялся, все терпеливо ждали (а больше всех – я, даже дышать перестала) продолжения его исповеди.

– Я встретил девушку, понимаете? И я решил, что люблю ее, хотя мы никогда не сможем быть вместе. Какое-то время она отсутствовала в городе, я страшно тосковал в разлуке с ней... Словом, мне нужна ваша помощь, друзья, чтобы справиться со всем этим...

Мы снова зааплодировали, но Томми продолжал стоять, явно намереваясь сказать что-то еще.

– Может, кто-то из вас помнит, что, когда я вернулся из Афганистана, жена бросила меня, уехала и забрала с собой нашего ребенка. Тогда я и пристрастился к выпивке и дал себе зарок больше никогда не влюбляться. Но вот, как видите, снова влюбился и... И она тоже уехала на какое-то время... Вот, собственно, и все, что я хотел вам сказать.

– Черт! – выругалась я себе под нос, забыв о своих благих намерениях больше не ругаться.

– Мы все будем молиться за вас, Томми. Вы же знаете, мы здесь в том числе и ради вас, – обратился к нему наш руководитель.

Я увидела, как те, кто сидел рядом с Томми, стали участливо хлопать его по спине.

– Кто еще желает выступить?

Поднялся один актер, которого я сразу же узнала, но я уже отключилась, сосредоточившись на том, что только что услышала из уст Томми. Томми, мой Томми, на страничке которого в Фейсбуке четко значится, что у него есть дом, жена, ребенок... А получается, ничего этого у него нет и в помине. Вдобавок ко всему он влюблен в какую-то женщину, с которой никогда не сможет быть вместе. И эта женщина «куда-то уезжала», отсутствовала какое-то время... А он тосковал без нее.

Все оставшееся время, пока шло наше собрание, я просидела, погрузившись в свои мысли и не замечая ничего вокруг себя, но, когда руководитель взял заключительное слово, я тихонько выскользнула на улицу, прежде чем Томми успеет заметить меня. Не хотелось ставить его в неловкое положение, особенно теперь, когда мне стали известны столь интимные подробности его личной жизни. Я быстро уселась в автомобиль и тут же проверила свой мобильник. Мариам оставила мне голосовое сообщение, я перезвонила ей, тяжело дыша в трубку.

– Привет, Мариам, это я, Электра. Вы звонили мне?

– Да. Что с вами, Электра? Что-нибудь случилось?

«*Вау!* – воскликнула я мысленно. – *А Мариам знает меня, как облупленную*». Впервые я непосредственно соприкоснулась с чужой тайной, и, конечно, меня просто *распирало от желания* немедленно поделиться ею со своим пресс-секретарем. Я ведь прекрасно знала, что ей очень нравится Томми: недаром в тот вечер, когда я была в полной отключке, она обратилась за помощью именно к нему. Я нервно сглотнула слюну, вспомнив правило номер один нашего клуба анонимных алкоголиков: сохранять конфиденциальность той приватной информации, которой делятся друг с другом члены клуба на собраниях.

– Да так, ничего существенного. Просто расстроила одна история, которой поделился с нами парень на сегодняшнем собрании. А вы чего мне звонили?

– О, да тоже ничего особенного. Просто хотела поставить вас в известность, что на обед я варю томатный суп с чили. Как вам такое меню?

– Отличное меню! – одобрила я сходу.

– А еще звонил Майлз, сообщил, что ему удалось заполучить билеты на сегодняшней рейс из Таксона. Ровно в десять самолет приземляется в аэропорту Кеннеди.

Машина остановилась возле моего дома, я вышла и опасливо огляделась по сторонам, чтобы ненароком не столкнуться с Томми, который может выпрыгнуть откуда угодно в любую минуту. Однако Томми нигде не было видно. Да и как бы он успел? Если только сегодня на собрании был не он, а его двойник... Однако я не сомневалась, что это был именно Томми. В вестибюле меня *подждал еще один сюрприз*. Навстречу мне с кожаного кресла поднялась улыбающаяся Стелла, моя бабушка.

– Здравствуй, Электра, – поздоровалась она со мной. – Прости, что явилась к тебе без приглашения. Но, как говорится, если Магомет не идет к горе... Вот захотела своими глазами убедиться в том, что с тобой все в порядке.

– Проходи, пожалуйста. – Я жестом пригласила Стеллу проследовать к лифту, невольно восхищаясь ее прямой осанкой и тем, как элегантно она смотрится в своем старомодном буклированном жакете и узкой юбке.

– Постараюсь не отнять у тебя много времени, тем более если у тебя есть какие-то дела, – сказала Стелла, входя вслед за мной в квартиру.

– Никаких особых дел у меня нет, – ответила я, неожиданно почувствовав теплую волну симпатии к бабушке. «*И чего это я боялась встречаться с ней*», – удивилась я мысленно. – Проходи в гостиную, присаживайся. Мариам как раз занимается обедом.

– Занимаюсь, – подтвердила Мариам, возникнув в холле. – Минут через пять все будет готово. Здравствуйте, Стелла, – улыбнулась она бабушке, как своей доброй знакомой, и тут же снова исчезла на кухне.

– Она такая славная девочка, Электра. Ни грана фальши, все в ней настоящее, – сказала Стелла, степенно присаживаясь в кресло. Да, невозможно вообразить себе эту женщину валяющейся на кушетке в спортивных штанах и толстовке, как люблю это делать я. – Между

прочим, она мне регулярно звонила и сообщала все последние новости, пока ты... отсутствовала. Как себя чувствуешь сейчас?

– Все хорошо. Все на самом деле хорошо, – добавила я на тот случай, чтобы Стелла не подумала, будто я чего-то не договариваю и хочу побыстрее от нее отделаться.

– То есть никакой выпивки и никаких наркотиков?

– Да, но пока еще рано судить, надолго ли меня хватит. Я еще только пытаюсь выбраться из тех дебрей, в которых оказалась.

– Конечно, я все прекрасно понимаю. Самое трудное время – это именно то, что ты переживаешь сейчас. Опасности подстерегают тебя каждый день и на каждом шагу. Расскажи мне, пожалуйста, о том месте, где ты провела минувший месяц.

Я постаралась сделать краткий экскурс в «Рэнч».

– Знаешь, поначалу я так боялась, а на самом деле все оказалось отлично.

– Считай, что тебе крупно повезло оказаться в таком месте. По твоим рассказам, это самый настоящий курорт. Хотя, конечно, далеко не курорт, я понимаю, – поспешила уточнить Стелла.

– Обед на столе, прошу! – пригласила нас Мариам, и мы с бабушкой поспешили на ее зов. Мариам украсила обеденный стол цветочной композицией, водрузив ее по центру стола и наверняка позаимствовав для нее цветы из тех букетов, что стояли в вазах по всей квартире.

– Я уже говорила сегодня Мариам, что мне пора начинать считать свои калории, – сказала я, когда мы все наконец расселись по своим местам. – Вскоре я так растолстею, что ни у кого язык не повернется назвать меня супермоделью.

– Маловероятно, – откликнулась бабушка. – Взгляни на меня. Мне уже скоро семьдесят, а я не набрала за всю свою жизнь ни одного лишнего фунта веса. У тебя хорошие гены, можешь не переживать понапрасну.

– У вас и скулы одинаковые, – прокомментировала слова Стеллы Мариам. – Не то что у меня. Висят над самой челюстью!

– Глупости! Вы очень красивая молодая леди, и, должна заметить, вы красивы не только лицом, у вас и душа такая же красивая, – сказала Стелла, и Мариам буквально расцвела на глазах от столь приятного комплимента.

– Кстати, я тут хочу с вами посоветоваться, – подала я голос, выхлебав суп до последней ложки, готовая приступить к салату из свежих фруктов, каждую порцию которого Мариам обильно полила каким-то воздушным на вид соусом. – Я намереваюсь поменять свою прическу. Что скажете?

– Так... – немного неуверенно начала Мариам. – А вы со Сюзии уже говорили на сей счет?

– Нет. А при чем здесь Сюзии? В конце концов, это же мои волосы, и я могу с ними делать все, что захочу.

– Хорошо сказано, Электра, – одобрила меня Стелла. – Твое тело принадлежит только тебе, и тебе самой решать, что ты желаешь с ним сделать. Я лично тоже придерживаюсь такого мнения, что тебе пора сделать приличную стрижку. Как по мне, так твои волосы слишком длинные, да и возни с ними чересчур много. Не понимаю, как вы, молодые темнокожие девушки, только управляетесь с ними! Это же сплошной кошмар.

– Видишь эти кончики? – Я вытащила прядь волос из своего конского хвоста. – Они же ненастоящие, мне их нарастили искусственно.

Бабушка взяла прядь в руку и пощупала ее.

– А на ощупь как настоящие, – удивленно заметила она.

– Так они и есть настоящие, только не мои. Я вот задумываюсь порой, какая это все пошлятина, особенно если вспомнить, что та девушка, чьи волосы я сейчас таскаю у себя на голове, была, быть может, вынуждена продать их для того, чтобы прокормить свою семью. Вот я и решила, во-первых, поскорее избавиться от чужих волос, а после этого сделать себе такую же стрижку, как у тебя. – Я глянула на Стеллу с ее предельно короткой стрижкой в стиле «афро», длина ее волос, пожалуй, не превышала даже одного сантиметра.

– Вау! – воскликнула Мариам, а я в эту минуту почувствовала непреодолимое желание рассмеяться, потому что моя пресс-секретарь явно позаимствовала восклицание у меня, хотя в ее устах оно звучало как-то не вполне уместно.

– У меня такая стрижка, потому что это удобно во всех отношениях, – возразила бабушка. – А что скажут все твои модельеры и фотографы, когда увидят тебя в таком образе?

– Понятия не имею, что они скажут. И знаешь что? Плевать я хотела на то, что они скажут! – Я перехватила неодобрительный взгляд Стеллы и поняла, что опять переусердствовала с сильными выражениями. – Прости, – тут же поспешила я с извинениями, – но, как ты только что сама сказала, это мои волосы, и они принадлежат мне. А может, я хочу вернуться к своим корням? Ну, а если им что потребуется для съемок, то они могут натянуть мне на голову парик и сформировать тот образ, который им нужен. И...

– Что? – спросила у меня Стелла, прерывая затянувшуюся паузу.

– Да это все о корнях, кто я и откуда. Я ведь до сих пор толком ничего не знаю о своей семье. Вот Мариам, к примеру, ее семья исповедует ислам, и она знает свою родословную за несколько столетий как минимум. Я же выросла в многонациональной семье, единственная темнокожая девочка у белого отца, среди сестер с самыми разными оттенками кожи.

– И поэтому у тебя всегда были проблемы по части самоидентификации, да? – спросила у меня Стелла. – Увы, я, как и ты, тоже росла между двумя мирами. Кто-то, быть может, скажет, что нам повезло, и во многом так оно и есть, но... Но в конце концов, ты осознаешь, что по-настоящему не принадлежишь ни к одному из миров.

– Точно! – энергично кивнула я в ответ, неожиданно растроганная ее признанием. Такое чувство, будто я наконец встретила живого человека, которому, возможно, понятны все мои сомнения и страхи. – Стелла, помнишь, ты незадолго до моего отъезда в «Рэнч» начала рассказывать мне о той девушке, которая отправилась в Африку?

– Помню. Вопрос в другом. А что из моего рассказа помнишь ты?

Я увидела веселые искорки в ее глазах и поняла, что она меня подначивает.

– Кое-что помню... Вот я и думаю... То есть мне очень хочется услышать продолжение этой истории.

– Что ж, надо будет выбрать подходящий день, когда ты будешь свободна, я дорасскажу тебе эту историю до конца. *Твою историю*, кстати.

– Время у меня есть и сегодня. Самолет, на котором летят Майлз и Ванесса, приземлится не раньше десяти вечера. Так, Мариам?

– Да, – подтвердила Мариам. – Стелла, если вы еще побудете у нас какое-то время, тогда я ненадолго отлучусь. У меня есть кое-какие дела в городе. Хотите, я подам вам кофе прямо в гостиную?

– Отличная мысль! – похвалила Стелла, поднимаясь из-за стола. – Вам помочь прибраться здесь?

– Нет, спасибо. Сама управлюсь. А вы двое, отправляйтесь напрямиком в гостиную.

Я невольно почувствовала укол совести: ведь сама-то я никогда не предлагала Мариам свою помощь на кухне. Пристыженная собственной невнимательностью, я поплелась за бабушкой в гостиную.

– Пока я была в «Рэнч», я пришла к выводу, что так до сих пор и не знаю ничего ни о матери, ни об остальных членах своей семьи. Вполне возможно, ты мне кое-что рассказала, но я же тогда была в таком состоянии, что сегодня ничегошеньки из этого не помню. Так кто была моя мама? – спросила я у Стеллы, сворачиваясь калачиком на диване.

– Как раз о твоей матери я пока еще ничего не рассказывала. Не торопись, Электра. Всему, как говорится, свое время. Мне еще нужно многое объяснить тебе. Помнишь, я рассказывала тебе о молодой американке по имени Сесили, которую бросил жених? И тогда она решила уехать в Африку, чтобы зализать там свои душевные раны. Помнишь?

– Помню. Она еще потом влюбилась в какого-то подонка... типичного *ловеласа*, – тут же поправила я себя.

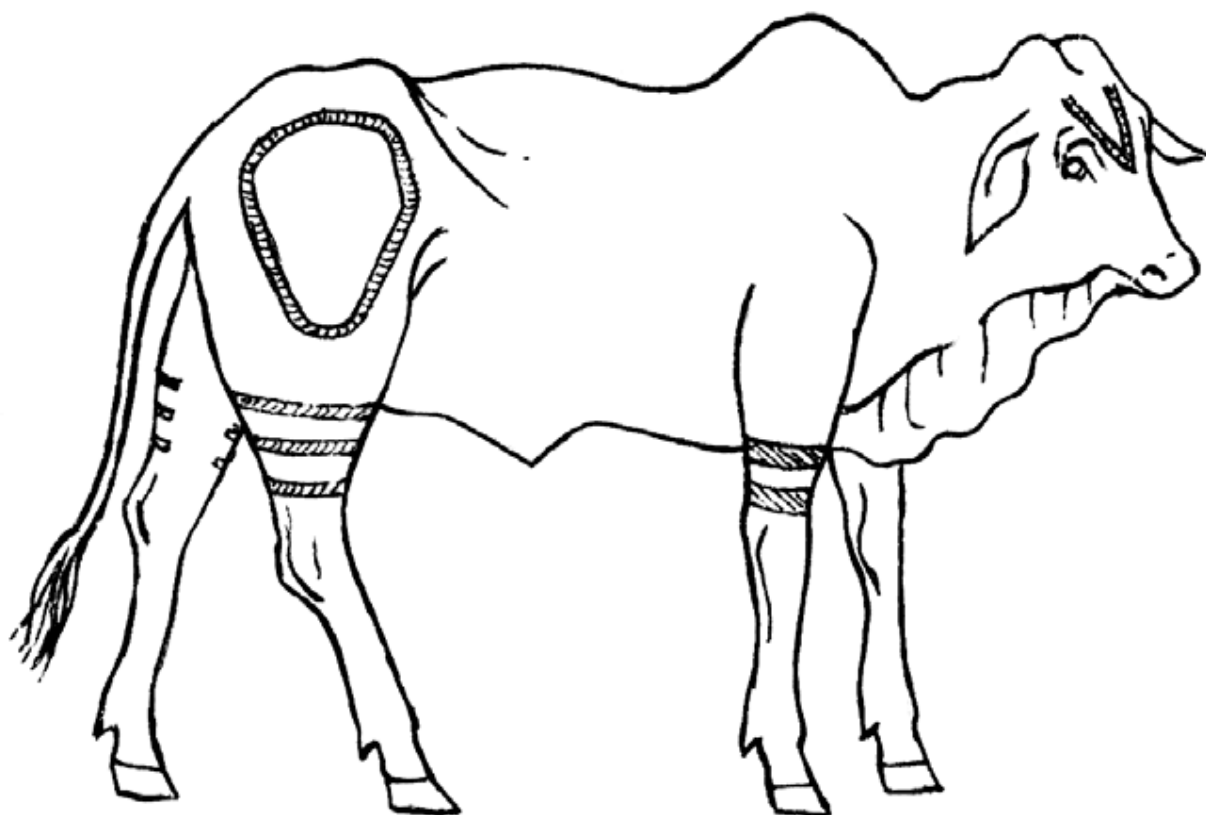
– Все верно. В прошлый раз я закончила свой рассказ на том месте, когда Сесили приезжает в гости к Кэтрин на ферму Ванджохи. Продолжим...

Часть II

Сесили

Кения

Февраль 1939 года

Кенийская порода коров боран с тавром племени масаи на лбу

24

– Пора вставать. – С этими словами на следующий день Кэтрин подняла Сесили в пять часов утра. – Одежду для сафари я сложила на кровати у тебя в ногах. К Биллу мы отправимся на Алисином автомобиле «де сото». Жду тебя на улице. Мне еще нужно упаковать кое-какой провиант в дорогу и перезвонить Алееки, сообщить ему, что домой ты вернешься только завтра. – С этими словами Кэтрин вышла из спальни.

В полусонном состоянии Сесили надела на себя куртку хаки и такие же брюки. И то и другое подошло по размеру почти идеально в отличие от тяжелых ботинок на шнурках. Ботинки были явно на несколько размеров больше, а у Сесили ножки маленькие, но пришлось смириться, удовольствовавшись тем, что есть.

– Запрыгивай в машину, – поторопила ее Кэтрин и бросила несколько пледов на заднее сиденье, потом включила двигатель и зажгла передние фары, так как еще царила крошечная тьма.

Сесили проворно залезла на заднее сиденье и кинула прощальный взгляд на ферму Ванджохи, подумав про себя с некоторым сожалением, что здесь все же безопасно и относительно комфортно. Особенно в сравнении с тем, куда они сейчас направляются. Машина рванула с места.

* * *

Следующий час Сесили благополучно продремала, пока яркий солнечный свет, заполнивший салон автомобиля, не заставил ее проснуться. Она открыла глаза и увидела, что они уже свернули с шоссе на какую-то узкую проселочную дорогу, всю сплошь в рытвинах и выбоинах. Машину отчаянно трясло и швыряло из стороны в сторону, и казалось, что дороге этой, ведущей в никуда, не будет ни конца, ни края. Она извивалась узкой лентой по раскаленной равнине, лишь кое-где встречались островки зелени, но и там трава пожухла под солнцем, а деревья бессильно склонили свои кроны к оранжево-красной земле. Сесили слегка опустила стекло, чтобы почувствовать дуновение ветерка, но в нос ударил густой запах навоза. Невдалеке на пастбище разгуливало стадо коров под присмотром группы очень высоких мужчин в темно-оранжевых робах, почти такого же цвета, как и земля под их босыми ногами. Сесили с некоторым удивлением принялась разглядывать коров, которые лишь весьма отдаленно напоминали своих американских сородичей. С большими горбами на спине, кожа с обилием складок вокруг костлявых шей свисает едва ли не до самой земли.

– Почти приехали, дорогая, – обратилась к Сесили Кэтрин. – Добро пожаловать на ферму Билла.

Сесили увидела, что они подъезжают к невысокому зданию, обшитому деревом, оно возникло прямо посреди равнины, солнечные лучи отражались от его оцинкованной крыши.

– А вот и вы! Приехали наконец! – Из дома вышел Бобби и напрямик направился к ним. Кэтрин притормозила машину.

Сесили вышла и огляделась по сторонам.

– Боже праведный! И это называется «буш»? – разочарованно воскликнула она.

– Буш начинается на окраине равнины Лоита, – пояснил Бобби, но само название было незнакомо Сесили и не значило для нее ровным счетом ничего. – Вы, девушки, ступайте пока в дом, попейте чего-нибудь холодненького, а мы с Биллом перегрузим в машины все необходимое.

– Корзины с едой, одеяла и пледы, все сложено на заднем сиденье в машине Алисы, – крикнула ему Кэтрин, заметив двух женщин, тоже направляющихся к дому.

Войдя в помещение, она первым делом налила им с Сесили по стакану холодной воды. Сесили с любопытством огляделась по сторонам: все предельно просто.

– Здесь Билл и живет? – поинтересовалась она у Кэтрин.

– Да. Как видишь, отсутствие женских рук сразу же бросается в глаза. – Кэтрин слегка улыбнулась. – Впрочем, Билл большую часть своего времени проводит в буше, а потому его мало заботит домашний уют и все, что с ним связано. Должна сказать, наша предстоящая вылазка в джунгли волнует меня по-настоящему. Надеюсь, нам с тобой даже посчастливится увидеть живых слонов; из всех обитателей буша слоны представляются мне самыми величественными животными.

– А они не опасны?

– Опасны, как и всякие дикие звери, но повторяю еще раз, рядом с Биллом нам не грозят никакие опасности. Мы в надежных руках. А вот и он, легок на помине! – воскликнула Кэтрин, потому что в эту минуту дверь отворилась и в дом вошел Билл.

– Доброе утро, Сесили. Рад, что вы не испугались и приехали, – поздоровался он с гостьей. – Ну как? Готовы в путь?

– Готова, – отрапортовала Сесили, перехватив его взгляд, которым он принялся внимательно изучать ее ноги.

– Кэтрин, пожалуйста, приведи в порядок ее обувь, ладно? – Он протянул Кэтрин два рулона марлевых бинтов. – Нельзя допустить, чтобы эти изящные щиколотки покусала какая-нибудь змея, которая ненароком залезет в ее краги, пока она будет спать. Жду вас на улице, дамы.

– Садись Сесили, – приказала Кэтрин. Сесили послушно уселась на табуретку, а Кэтрин принялась туго бинтовать ее щиколотки вплоть до самых брюк, захватив брюки по самому краю, после чего завязала бинты на каждой ноге крепким узлом. – Вот теперь то, что надо. Не очень эстетично, правда, но зато надежно.

– Господи, в этих одежках я потею, как свинья какая-то, – пожаловалась Сесили. Между тем жара лишь усиливалась, у Сесили начала кружиться голова, и она почувствовала, что ее уже подташнивает.

– Ничего, к жаре ты скоро привыкнешь, не переживай, – успокоила ее Кэтрин. – Пошли, время не ждет.

Они вышли из дома и обошли его сзади: Билл уже сидел за рулем своего старенького пикапа, рядом стояла припаркованная машина Бобби. Глаза Сесили невольно расширились от ужаса, когда она вдруг увидела перед собой живое воплощение тех картинок в книгах об Африке, которые она прилежно изучала в библиотеке Манхэттена перед отъездом сюда, в них изображались воины племени масаи. И вот сейчас один из таких воинов удобно устроился на плоской крышке багажника, в который уже перегрузили все необходимые припасы. Мужчина поздоровался с Сесили величественным, поистине королевским, кивком головы. В руке он сжимал копье, пристроив его к своей ноге; он был облачен в какой-то темно-красный балдахин, завязанный узлами на его плечах. На длинной шее болталось множество связок разноцветных бус, а в каждом ухе торчало по несколько больших колец. Худое, костлявое лицо, на темной коже почти нет морщин, волосы острижены коротко, почти наголо и присыпаны сверху каким-то красноватым порошком. Оставалось только гадать, сколько ему лет. Сесили прикинула, должно быть, в диапазоне от двадцати до сорока.

– Это мой приятель Найгаси, – сказал Билл. – Садитесь в машину, дамы.

Билл жестом показал Сесили на место рядом с собой, а Кэтрин залезла на заднее сиденье, прямо над ее головой удобно устроился

Найгаси. От его копья в разные стороны градом сыпались солнечные искры, слепя глаза; Сесили водрузила на нос защитный козырек, от всей души надеясь на то, что у Найгаси не найдется веских причин для того, чтобы пустить свое копьё в ход.

– Все готовы ехать? – крикнул им Бобби из своего пикапа, на заднем сиденье которого тоже сидели два аборигена и тоже с копьями.

– Полностью готовы, – весело откликнулась Кэтрин и протянула Сесили фляжку с водой.

– Пей только тогда, когда действительно захочешь пить. Вода в этих местах в такое время года – большая редкость, и ее надо расходовать очень экономно, – пояснила Кэтрин, что отнюдь не придало Сесили бодрости духа. Напротив, Сесили почувствовала, что нервы ее уже на пределе.

Затарактел мотор, Сесили вжалась в сиденье, моля лишь об одном: только бы ее не стало тошнить. Билл надавил на акселератор, машина слегка накренилась в сторону и стронулась с места.

Они долго и нудно ехали по голой равнине, покрытой лишь пыльной травой, это время показалась Сесили вечностью. Но вот окружающий пейзаж стал постепенно меняться, зелени прибавилось, и она стала более сочной. Перед ними раскинулись огромные просторы под таким же необъятным лазурным небом, в которое упирались кроны хинных деревьев с пожухлой листвой. Листву методично обрывали жирафы, своими длинными языками они притягивали к себе ветки и обглаживали их целиком. Внезапно пикап резко дернулся в сторону, и Сесили увидела, как из-под их колес выскочили две гиены и опрометью унеслись прочь.

– Наглые твари! – громко выругался Билл, перекрывая шум мотора.

– Взгляни, Сесили! Вон стадо антилоп-гну. – Кэтрин рукой показала, в какую сторону следует смотреть. – Видишь, у них на спинах гривы? А вот и место обитания Найгаси, *энканг*, если на их родном языке: здесь живут его жены и дети, – пояснила она.

Сесили посмотрела влево и увидела серую изгородь в форме цилиндра, сложенную из веток. Женщины, облаченные в широкие темно-красные платья, тащили в руках охапки хвороста, к их ногам жались козы. Некоторые аборигенки несли за плечами маленьких детей в самодельных сумках-переносках. Заслышав шум проезжающих мимо

машин, женщины остановились и принялись приветственно махать руками, широко улыбаясь.

– Кэтрин сказала о женах во множественном числе, я не ошиблась? – обратилась Сесили к Биллу. – То есть у Найгаси несколько жен?

– Да, это в традициях племени масаи, – ответил Билл. – Чем больше у тебя скота, жен и детей, тем большим уважением ты пользуешься среди своих сородичей. А у Найгаси непререкаемый авторитет в своем племени.

– Взгляни вон туда! – прокричала ей Кэтрин минут через тридцать, махнув рукой вдаль. На расстоянии Сесили увидела стайку животных, сгрудившихся вокруг матово-серебристой поверхности какого-то водоема. – Видишь? Это газели Томсона, маленькие и с такими прямыми рожками. Какие смелые малыши! Пить воду здесь... Ведь того и гляди из воды выскочит крокодил и слопают любую из них в два счета! Но такова суровая правда жизни в африканской саванне.

Сесили была несказанно рада, когда Билл наконец затормозил машину возле небольшой рощицы хинных деревьев. Рядом остановил свой пикап и Бобби. Оба пикапа были с открытым верхом, и солнечные лучи лупили по головам пассажиров во всю мощь. Путешествие утомило Сесили до полного изнеможения, чувствовала она себя просто ужасно.

– Делаем привал здесь? – спросил у них Бобби.

– Да. Найгаси сказал, что на сегодня это самое подходящее место, – откликнулся Билл, спрыгивая из машины на землю.

– Пора разбивать лагерь, – бодро сказала Кэтрин и бросилась помогать Бобби разгружать провиант и все необходимое для ночевки. Сесили тоже попыталась подняться со своего места и двинуться им на помощь, но Билл положил руку ей на плечо и знаком велел остановиться.

– Я тоже хочу поучаствовать, – слабо запротестовала Сесили.

– Вам сейчас лучше посидеть где-нибудь в сторонке, а мы и без вас управимся, – ответил он ей тоном, не терпящим возражений. – У вас изможденный вид, Сесили. Ступайте в тень и выпейте немного воды.

Сесили уселась на какой-то камень в тени деревьев. Она пила воду из фляжки и наблюдала за тем, как остальные трудятся над сооружением лагеря. Из багажников обеих машин разгрузили огромные

рулоны брезента и парусины, коробки с портативными холодильниками, корзины со снедью и перенесли все это в тень, сложили рядом с Сесили. Трое аборигенов слаженно работали, устанавливая палатки: расстелили парусину прямо на земле, проворно натянули полотнища на бамбуковые шесты, потом закрепили на каждой палатке сетки, защищающие от moskitov. Сверху начали бросать охапки зеленой травы и бросали ее до тех пор, пока палатки не слились с окружающим ландшафтом почти полностью. Кэтрин распаковала одну из коробок, извлекла оттуда провизию и наконец присела рядом с Сесили, вручив ей бутерброд, завернутый в пергаментную бумагу.

– Подкрепись пока! Нам сегодня еще предстоит много ходьбы. Билл считает, что на машинах мы можем распугать всех животных и ничего толком не увидим. Хотя, конечно, из машины стрелять по целям гораздо удобнее.

– Он что, планирует устроить нам охоту? – спросила Сесили. Она уже успела заметить, что мужчины выгружали из машины большие ружья, но решила, что их прихватили исключительно в целях самозащиты.

– А что же мы станем есть на ужин? – рассмеялась в ответ Кэтрин. – Вот! Выпей немного чая. Он хорошо помогает в жару.

Сесили взяла фляжку с крепко заваренным горячим чаем, изрядно сдобренным сахаром, сделала несколько глотков и почувствовала, как живительная жидкость потекла в желудок, успокаивая его.

– Да! А если тебе надо... по нужде, – прошептала Кэтрин на ухо, – то смело ступай за любой кустик. Никто за тобой подсматривать не будет. Только не трогай камни, не сдвигай их с места. Никогда ведь не знаешь, кто там притаился под ними – змея или скорпион...

Кэтрин ободряюще похлопала Сесили по коленке и поднялась с земли, снова направившись помогать Бобби, а Сесили так и осталась сидеть, холодея от ужаса в свете только что полученной информации.

Но вот лагерь разбили, все перекусили, и Билл вместе с Найгаси повели группу в буш. Колонну замыкали два других аборигена. Сесили шла рядом с Кэтрин и Бобби, они всю дорогу развлекали ее занимательными рассказами о своих прошлых сафари.

– Слышал, что лорд Деламер однажды выслеживал мощного слона целых семь дней, – продолжал делиться своими историями Бобби. – Он был преисполнен решимости во что бы то ни стало заполучить себе

этот трофей. Говорят, бивни этого великана до сих пор висят на стене одного из домиков в заповеднике Сойсамбу. Лично мне такие крупные экземпляры никогда не попадались...

Шедшие позади них масаи о чем-то негромко беседовали между собой на своем родном языке; почему-то их присутствие вселяло в Сесили уверенность, что они все в полной безопасности. День был в самом разгаре, полуденное солнце стояло высоко в небе. Сесили задрала голову вверх и увидела тени ястребов, кружащих в небе высоко над ними. По траве прошелестел теплый ветерок, и сразу же послышался гул многочисленных насекомых, изредка заглушаемый протяжным мычанием антилоп-гну. Кэтрин указала рукой направо: с десятков зебр сбились в кучу и притаились в тени акаций. Сесили извлекла свой фотоаппарат и принялась щелкать, запечатлевая виды на пленку. Оставалось лишь надеяться, что фотографии хоть в малой степени смогут передать невероятную красоту окружающего ландшафта.

Правда, каждый шаг в тяжелых ботсах давался с огромным трудом. В какой-то момент Сесили даже засомневалась, сможет ли она вообще идти дальше, но тут Билл сделал женщинам предупреждающий знак, жестом приказав затаиться в высокой траве и махнув рукой в сторону большого водоема ярдах в ста от них. Сам же Билл в сопровождении Бобби и Найгаси стали, крадучись, пробираться вперед. Найгаси шел, держа копье наперевес, Билл и Бобби несли свои тяжелые ружья на плечах.

Водоем кишел всяческой живностью, но Сесили заметила, как Билл указал мужчинам на стадо больших полосатых животных, у некоторых на головах красовались величественные изогнутые рога.

– Винторогая антилопа, – шепотом пояснила ей Кэтрин.

Сесили увидела, как Билл вскинул ружье и прицелился. И тут же раздался громкий выстрел. Стаи перепуганных птиц взметнулись в небо, животные выскочили из водоема и тоже метнулись кто куда, в укрытия. Убитая антилопа осталась лежать на боку.

Пятеро мужчин сгрудились вокруг трофея; Найгаси с угрожающим видом несколько раз ткнул своим копьем в землю, чтобы отпугнуть прочь шакалов, которые уже закружили вокруг, почуяв запах добычи. Сесили как замороженная смотрела, как мужчины принялись разделывать тушу животного, по своим размерам ничуть не меньше

лошади. Сняли шкуру, достали все внутренности, потом разделили тушу на четыре части. Затем аборигены взвалили тяжелую мясную ношу себе на плечи, а Бобби и Билл взяли голову антилопы, держа ее с двух сторон за рога, которые не уступали по длине ноге взрослого человека.

– Чистый выстрел! Как говорится, в яблочко! – с нескрываемым восхищением промолвил Бобби, когда они с Биллом поравнялись с девушками. – Билл – самый лучший охотник из всех, кого я знаю. Взрослая антилопа... Вы только взгляните на ее могучие рога!

Вид перемазанных кровью мужчин вкупе с острым запахом свеженины вызвал у Сесили приступ тошноты, и она поспешно отвернулась в сторону. Кэтрин помогла ей подняться с земли, и вся их команда тронулась в обратный путь к лагерю. Дорога неблизкая, а Сесили едва тащилась, все время судорожно хватая ртом воздух.

– С тобой все в порядке? – встревожилась Кэтрин.

– Все хорошо, – с трудом выдавила из себя Сесили. – Просто я никогда раньше не видела, как убивают животное.

Кэтрин сочувственно мотнула головой.

– Да, знаю по себе, когда видишь это впервые, то испытываешь самый настоящий шок. Как по мне, так отвратительно, когда убивают животное ради трофея. И все же есть какая-то суровая правда, когда люди охотятся для того, чтобы добыть себе пропитание. Уверяю тебя, Сесили, и эта антилопа, вся, до последнего кусочка, будет съедена. Оглянись назад и сама увидишь. – Кэтрин махнула на те ошметки, что остались лежать рядом с водоемом. Ястребы, шакалы, гиены уже набросились на добычу, вырывая куски друг у друга. – Жизнь продолжает свой вечный круговорот. Вот и мы, люди, заняли свою нишу в этой бесконечной цепочке добывания еды.

Сесили уже приготовилась возразить подруге, но вовремя спохватилась: в конце концов, каждый кусочек потребляемого ею мяса попадает на стол, проходя через такой же процесс, который она только что наблюдала своими глазами. Но раньше она никогда над этим не задумывалась, вот в чем беда, укорила она себя мысленно.

Назад все шли медленно, гораздо медленнее, чем когда отправлялись на сафари. Стало уже смеркаться, когда они увидели где-то в полумиле от себя стадо пасущихся слонов.

– Глазам своим не верю! – восторженно воскликнула Сесили, разглядывая слонов в бинокль и чувствуя комок, подступивший к горлу. – Они такие... величественные!

– Да, но нужно соблюдать осторожность, – заметила Кэтрин. – Рядом с ними пасется молодняк, а слонихи-матери очень оберегают своих детенышей и в случае чего могут напасть без предупреждения.

– В этом стаде только самки, – услышала Сесили голос Билла, разговаривавшего с Бобби. – Подходящих для отстрела самцов здесь нет. Но я не сомневаюсь, что в один прекрасный день нам все же повезет и мы получим слоновую кость в качестве охотничьего трофея.

Сесили почувствовала мгновенный прилив ярости при мысли о том, что кто-то, пусть даже тот же самый Билл, может поднять руку на таких красивых животных. Сесили пристально вглядывалась в стадо слонов, медленно бредущее по саванне; слоны-детеныши вились возле ног своих мамаш, не отставая от них ни на шаг. Сесили почти физически ощущала, как вибрирует под ней земля, сотрясаемая тяжелой поступью слонов.

Внезапно кто-то тронул ее за плечо, Сесили отвела взгляд от созерцания стада слонов, оглянулась и увидела, что это Найгаси. Он поманил ее за собой, наклонился к земле и показал на что-то пальцем. Сесили вгляделась и издала удивленный возглас: на мягкой оранжевой земле четко виднелся отпечаток чьей-то большой лапы.

– *Олгатуни*, – сказал Найгаси на своем языке и добавил уже для Сесили: – Это лев.

– Так точно, лев, – подтвердил Билл, зависший над ней сзади. – И был он здесь совсем недавно, если судить по четким отпечаткам его следов. Найгаси хорошо разбирается в следах, оставляемых самыми разными животными. Однажды он выследил и убил леопарда, который повадился бродить вокруг его *энканга*, деревни, если по-нашему, где живет его семья. – Билл одобрительно похлопал Найгаси по спине. – Лично мне не очень нравится, что следы льва обнаружили почти рядом с нашим лагерем. Нам всем действительно следует соблюдать величайшую осторожность.

Мужчины отошли немного в сторону, что-то сосредоточенно обсуждая между собой, а Сесили так и осталась стоять на месте, замороженно разглядывая отпечаток лапы льва. Не удержалась и с опаской коснулась его рукой, чувствуя, как замирает у нее сердце при

мысли о том, каким огромным, должно быть, был лев, оставивший на земле след такого большого размера.

Минут через десять они уже были в лагере, и Сесили блаженно уселась прямо на землю. Пила чай и наблюдала за тем, как солнце медленно опускается за горизонт, на фоне потемневшего неба четко обозначились иссиня-черные контуры хинных деревьев. Разложили большой костер, Кэтрин вынесла из палатки плед и укутала им плечи Сесили, потому что температура резко упала. Сесили с интересом наблюдала за тем, как масаи зажаривают мясо антилопы на вертеле, и вскоре воздух вокруг наполнился вкуснейшими ароматами жареного мяса, а в желудке призывно заурчало от голода. *«Конечно, стыдно, – подумала Сесили, – с таким нетерпением дожидаться трапезы, если совсем недавно ты своими глазами видела печальную кончину животного».*

Но вот сумерки сменились ночью, и Сесили принялась восхищенно разглядывать небосвод, усыпанный яркими крупными звездами: никогда она еще не видела такого обилия звезд на небе. Бобби и Билл устроились у огня: потягивая пиво, они вели неспешный разговор о сегодняшней охоте, попутно вкушая ее результаты.

– Вот, дорогая, пробуй! – Кэтрин протянула Сесили большой кусок еще дымящегося мяса, который она положила на такой же большой ломоть хлеба, предварительно слегка подогрев хлеб возле костра.

– Спасибо! – улыбнулась Сесили и осторожно откусила небольшой кусочек. Мясо оказалось необыкновенно нежным и очень-очень вкусным.

После ужина она сидела, прислонившись спиной к стволу дерева, прислушиваясь к негромкому гулу разговоров вокруг костра. Ей было хорошо: мерцающие язычки пламени, колечки дыма, устремляющиеся вверх к бархатистому ночному небу, на душе покой и умиротворение. Их лагерь представился ей таким надежным райским уголком. Правда, изредка ночную тишину будоражили крики и рычание каких-то неизвестных животных, притаившихся в темноте. Но ведь у ног Билла и сейчас лежит его большое ружье, а значит, им ничто не угрожает, подумала Сесили с явным облегчением.

После ужина Билл закурил трубку, ароматный дым табака волнами устремился в сторону Сесили, и это тоже странным образом успокаивало и умиротворяло.

– Я иду спать, – объявила Кэтрин, широко зевнув. – А ты, Сесили? Сесили тоже чувствовала себя страшно уставшей, но необыкновенное по своей красоте звездное небо не отпускало от себя. А еще и осознание того, что она сидит сейчас посреди самого настоящего африканского буша, тоже заставляло медлить: хотелось насладиться этими волшебными мгновениями еще чуть-чуть.

– Я тоже через пару минут присоединюсь к тебе, – ответила она Кэтрин.

– Хорошо. Тогда всем доброй ночи. – С этими словами Кэтрин поднялась со своего места и направилась к палатке. Бобби тоже встал.

– Да, сегодня выдался такой долгий день, пора на покой, – обронил он. – Спокойной ночи. До встречи завтра рано утром.

Бобби и Кэтрин разошлись по своим палаткам. Найгаси вместе с двумя остальными аборигенами племени масаи тоже отошли от костра и растворились в темноте. *«Наверняка расположились по периметру лагеря, взяв его под свою охрану»*, – подумала Сесили, и тут до нее дошло, что они с Биллом остались одни.

– Ну, как вам сегодняшней день? – спросил он у нее, слегка пошевелив огонь палкой.

– Я... О, это был незабываемый день! Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья, хотя порой было страшно. Но я буквально физически ощущала, как кипит адреналин в моей крови.

– Вы любитель приключений, Сесили? – Билл бросил на нее внимательный взгляд. – Или спокойная, размеренная жизнь все же устраивает вас больше?

– Сама толком не знаю, кто я по натуре. Но одно могу сказать со всей определенностью: поездка в Африку уже изменила меня. Вполне возможно, я все еще нахожусь в состоянии поиска, кто я есть на самом деле.

– О, пожалуй, никто из нас не может точно ответить на этот вопрос, даже прожив целую жизнь.

– А вот вы по натуре, думаю, точно искатель приключений. Я права?

– Может быть, и так. Впрочем, не я искал приключения, они сами нашли меня. Я ведь изучал юриспруденцию в Англии, потом война... И любовь... Все это ворвалось в мою жизнь само собой... Ну а вы, мисс Хантли-Морган, что вас погнало в Африку?

– Вообще-то я приехала сюда в гости к своей крестной матери, – слегка смутилась Сесили, стараясь не встречаться с Биллом глазами.

– Для меня ясно, как божий день, что вы от чего-то убежали. Это видно сразу, достаточно только взглянуть на вас.

– Откуда вы знаете?

– Да потому что у меня самого когда-то, когда я еще только сбежал сюда, был точно такой же вид. Вопрос в другом: не сбежите ли вы отсюда назад, к себе домой?

– Пока не могу сказать ничего определенного на сей счет, так как и сама понятия не имею, что будет потом. Однако мне пора тоже идти укладываться спать. – Сесили поднялась со своего места. – Спасибо вам, Билл, за то, что вы устроили такую чудесную поездку. Клянусь, я никогда не забуду этот замечательный день. Спокойной ночи. – Она коротко кивнула ему на прощание и, преодолев каких-то пять ярдов, отделявших ее от их с Кэтрин палатки, ползком скрылась внутри. Кэтрин уже сладко похрапывала во сне на своем топчане. Сесили тихонько сбросила с ног тяжеленные ботинки, облегченно размяла пальцы на ногах и улеглась на свой тюфяк, не раздеваясь, еще и укутавшись сверху колючим одеялом, чтобы не замерзнуть к утру. Какое-то время она лежала без сна, размышляя о том, что все же в Билле Форсайте есть что-то притягательное, несмотря на всю его внешнюю суровость и задиристый характер, который поначалу так смутил ее. Однако глаза уже начали слипаться сами собой. Сесили еще раз тщательно проверила и перепроверила, что одеяло плотно прилегает к ногам, нигде никаких щелей, никто не сможет проникнуть под него ночью, после чего с легким сердцем закрыла глаза и тут же отключилась.

* * *

Сесили проснулась на рассвете. Во рту пересохло, отчаянно хотелось пить. Она глотнула немного воды из канистры, стоявшей рядом с ее постелью, потом быстро зашнуровала свои ботинки, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Кэтрин, которая еще крепко спала.

Сесили на четвереньках выползла из палатки, выпрямилась во весь рост, потянулась и глянула вверх. Утреннее небо было расцвечено всеми оттенками голубого и розового с вкраплениями пурпурно-сиреневых тонов. Такое впечатление, будто она сейчас разглядывает не небо, а любуется какой-то картиной известного импрессиониста. Однако надо поискать укромное местечко, чтобы избавиться от лишнего, а уже потом созерцать все эти поистине неземные красоты.

Отходить далеко не пришлось, везде густая трава по пояс, есть где спрятаться. Быстро порешав все свои неотложные дела, Сесили медленно побрела назад к палатке, вдыхая полной грудью свежий ароматный воздух. Внезапно послышалось негромкое рычание, очень похожее на шум приближающейся машины. Однако на десятки миль вокруг едва ли тут сыщется еще одна машина, кроме их двух пикапов...

Сесили остановилась на тропинке, по которой шла, и увидела прямо перед собой огромного взрослого льва, укрывшегося в траве всего лишь в нескольких ярдах от того места, где она стояла. Он уставился своими золотистыми зрачками на нее, потом поднялся и стал медленно ползти в ее сторону.

Она стояла как вкопанная, не в силах пошевелиться, сердце бешено стучало в груди. А лев уже приготовился к прыжку.

– СЕСИЛИ! ЛОЖИСЬ!

Она инстинктивно пригнулась, и в ту же минуту над ее головой прогремел выстрел, нарушив утреннюю тишину. Лев слегка пошатнулся, но продолжил упрямо двигаться вперед. Прогремел еще один выстрел, следом еще, и наконец лев замер и завалился набок.

– Боже правый! Пришлось стрелять почти в упор! Сесили! С вами все в порядке?

Сесили хотела ответить, но губы не слушались, ноги вдруг стали ватными, и все вокруг нее закружилось и поплыло...

– *Сесили*, вы меня слышите?!

– Ой! – Сесили почувствовала, как ее больно ударили по щеке, открыла глаза и увидела перед собой Билла, пристально разглядывавшего ее.

– Прошу прощения за эту невольную грубость. Но это самый быстрый и эффективный способ привести человека в сознание. Позвольте, я помогу вам встать, а потом плесну немного бренди.

Сильные руки обхватили ее за талию и помогли подняться во весь рост, ей в рот влили несколько обжигающих капель. Несмотря на то что она даже поперхнулась от крепости напитка, бренди помог ей прийти в себя. Билл по-прежнему возвышался над ней, словно скала. Вот это уж совсем ни к чему! Она даже покраснела от смущения.

– Простите меня. Сама не знаю, что это на меня нашло.

– Да вы просто перепугались, увидев, что лев идет напрямиком на вас. И ничего тут нет удивительного, – ответил Билл. – Мне приходилось видеть, как рыгают здоровенные мужчины после такой неожиданной встречи, заливая все вокруг своей блевотиной. С вами все будет хорошо. Позвольте, я помогу вам дойти до лагеря.

Он взял ее под руку, и они медленно пошли к палаткам. Найгаси шел следом за ними, в воздухе все еще пахло порохом.

– Но как... как вы узнали? – спросила Сесили, с трудом переставляя все еще ватные ноги.

– Как я узнал, что вы, глупая девчонка, побредете искать приключений на свою голову? – Билл выразительно вскинул брови. – А я ничего и не знал. Это Найгаси высмотрел следы льва, и мы пошли за ним. Уже почти выследили его и взяли на мушку, а тут вы... Впрочем, вам сильно повезло, что я оказался рядом.

Сесили покраснела до самых корней волос, надеясь в глубине души, что Билл все же не видел, как она пряталась в густой траве, справляя нужду, а уже потом столкнулась нос к носу со львом.

Когда они подошли к лагерю, навстречу выбежала Кэтрин и тут же обхватила Сесили, поддерживая ее с другой стороны.

– Что это были за выстрелы? Что случилось?

– Неожиданная встреча с одним голодным львом, – ответил Билл. – Но ничего! Обидчик получил по заслугам. Хорошо! Вручаю тебе твою подругу. – С этими словами он передал Сесили из рук в руки, перекинулся парой слов с Найгаси, который кивнул в знак согласия, и заторопился по тропинке обратно, туда, где оставили лежащего на земле льва.

– Но он точно мертв? – с трудом шевеля губами, спросила Сесили.

– Да, – кивнул в ответ Билл. – Можете мне поверить. Я ведь за свою жизнь перестрелял множество львов. А вам сейчас следует выпить чашечку чая.

Сесили не стала сопротивляться, когда Кэтрин принялась суетиться вокруг нее: укутала в одеяло, усадила возле костра, вручила железную кружку с только что заваренным чаем и посоветовала пить чай небольшими глотками.

– Честное слово, сейчас со мной все в порядке. – Чувство гордости не позволяло Сесили и дальше демонстрировать свою физическую слабость. Она даже попыталась подняться с земли. – А что они дальше будут делать со львом?

– Загрузят убитого зверя в багажник машины. Наверняка ведь отыщется какой-нибудь богатый американец, который захочет купить голову льва и его шкуру в качестве своего охотничьего трофея.

– Только не я! – воскликнула Сесили, тяжело дыша. – Я сама во всем виновата. Отошла от лагеря слишком далеко.

– Думаю, в глубине души Билл даже счастлив. Еще бы! Веский предлог пустить в ход ружье и убить еще одного зверя. Сможешь самостоятельно дойти до пикапа? По-моему, на сегодня для тебя приключений более чем достаточно. Сейчас попрошу Бобби, чтобы он отвез нас обратно домой. Он пошел наполнить канистры свежей водой.

Кэтрин отправилась на поиски Бобби, а Сесили, судорожно сжимая кружку в руке, попыталась сделать пару шагов по территории лагеря. В этот момент она увидела Билла и Найгаси: они несли тело льва на брезентовых носилках. Она проследовала за ними к пикапу Билла. Там мужчины с помощью оставшихся двух аборигенов лихо перегрузили льва в багажник и принялись привязывать тушу веревками.

Вблизи лев оказался поистине громадным, даже неживой, он не утратил своего царственного величия. Густая грива золотилась в лучах солнечного света, пасть была слегка полуоткрыта, обнажая желтоватые клыки. Сесили показалось, что она даже разглядела нечто вроде шрамов на его морде.

– Лев старый, – заметил Билл. – Глядя на его морду, можно сказать, что он много раз вступал в схватки со своими сородичами. Да и изголодался, бедолага... Вон как ребра выпирают. Наверняка был ранен в одной из драк и больше уже не мог охотиться с прежней ловкостью на приличную добычу. Остается лишь порадоваться тому, что он не слопал вас, Сесили.

Сесили молча кивнула и побрела обратно. Бобби уже сворачивал их лагерь, разбирая палатки, а Кэтрин в это время собирала пожитки и

раскладывала их по корзинам.

– Кэтрин, а тебе доводилось когда-нибудь стрелять в дикое животное? – спросила у нее Сесили.

– Прости мне Господи, приходилось. Когда живешь в таких местах, как это, то тебя учат стрелять с малых лет. Впрочем, ты только что сама имела возможность убедиться в том, что именно сноровка и мастерство Билла-охотника спасли тебе жизнь. Но я никогда не стреляла по животным ради спортивного интереса. Исключительно в целях самозащиты. Не забывай, Сесили, здесь у нас совсем другая жизнь, не такая, как та, которой ты жила раньше. Опасность подстерегает тебя, можно сказать, на каждом шагу.

– Я уже начинаю понимать это.

– Так мы едем? – обратился к ним Бобби, садясь за руль.

– Да, – уверенно подтвердила Кэтрин, помогая Сесили устроиться на заднем сиденье, а потом сама уселась рядом с Бобби.

– До свидания, Сесили. – Билл подошел к их машине, чтобы попрощаться. – Мне очень жаль, что ваше первое сафари оказалось... столь богатым на приключения. – Он глянул на нее сверху вниз.

– Ничего подобного! Это мне жаль, что я доставила вам, Билл, столько хлопот. Спасибо за то, что спасли мне жизнь.

– Всегда рад услужить. Счастливого пути.

– А вы разве не едете вместе с нами?

– Нет. У нас с Найгаси еще есть кое-какая работенка. До свидания, и всего вам доброго.

Бобби нажал на акселератор, и машина тронулась с места. Сесили оглянулась. Билл стоял рядом с Найгаси. Они разглядывали свой трофей и о чем-то оживленно беседовали. «Да, – подумала она, – Билл живет совсем в ином мире». Наверняка он уже и думать про нее забыл.

* * *

Бобби довез их до фермы Билла, а там они пересели в гораздо более удобную «де сото», принадлежащую Алисе, и покатали на ферму Ванджохи. Уже на подступах к ферме Сесили увидела автомобиль Кики, сверкающий белоснежный «бугатти», припаркованный возле дома.

– Ты уверена, что у тебя хватит сил на то, чтобы сегодня совершить еще одну поездку до озера Наиваша? – спросила Кэтрин, выключая двигатель и выбираясь из машины. – Пожалуй, лучше тебе остаться здесь еще на одну ночь.

– Спасибо, но, коль скоро за мной уже пришла машина, я должна вернуться. К тому же я волнуюсь за свою крестную.

– Понимаю. – Кэтрин ласково погладила Сесили по плечу. – Но ты же прекрасно знаешь, что Кики не нуждается в твоей опеке.

– Да, это так, но... – Сесили неопределенно пожала плечами. – В любом случае спасибо тебе за все. – Девушки обнялись. – Наше сафари действительно стало для меня самым настоящим приключением.

– Для первого в жизни сафари ты со всем справилась отлично. Правда, Сесили, я совсем не лукавлю. Если захочешь увидеться со мной еще раз, имей в виду, я вплоть до самой свадьбы буду жить здесь, на ферме Алисы. Сама не могу поверить, что все случится так скоро. Всего лишь месяц остался, – обронила Кэтрин, пока Макена укладывал саквояж с вещами Сесили в их машину.

– Если тебе вдруг понадобится какая-то помощь, звони, я тут же приеду, – ответила Сесили, устраиваясь на заднем сиденье «бугатти».

– Обязательно! Всего тебе доброго.

– До свидания, Кэтрин. И спасибо тебе за все, – крикнула она уже через окошко, когда «бугатти» медленно отъехал от дома по неровной, в выбоинах, дороге.

Помахав рукой на прощание, Сесили откинулась на спинку сиденья и стала размышлять над тем, что лучше: быть съеденной на завтрак изголодавшимся львом или снова окунуться в непонятную атмосферу Мундуи-Хауса. Тревога витала над домом Кики, нависая над ним подобно тяжелой свинцовой туче...

25

– Неужели это ты, милая?

– Да, мамочка, это я...

Заслышав родной голос на другом конце провода, прорвавшийся через все помехи на линии связи, Сесили почувствовала, как на глаза мгновенно навернулись слезы.

– Как ты, мамочка? Как папа? И конечно, Мейми! Она уже родила?

– Подожди минутку, Сесили. Не сыпь вопросами с такой скоростью. – Мама негромко рассмеялась в трубку. – Я ведь уже который день пытаюсь дозвониться до тебя, чтобы сообщить, что Мейми родила очаровательную дочурку, которую назвала Кристабель. Папа, конечно, немного расстроился, он ведь ждал внука, надеялся, что мальчишка поможет ему «держать оборону» в нашем женском царстве. Но Сесили, поверь мне, девочка – просто чудо! Такое прелестное маленькое создание...

– А как они себя обе чувствуют?

– Все хорошо, все здоровы. Роды, по словам Мейми, оказались сущим пустяком. Легкий ветерок, не более того. Мейми все удивляется тому, что многие женщины не перестают жаловаться, какие у них были тяжелые роды.

– Должно быть, сестре помогли ее занятия гимнастикой, – предположила Сесили. – Mamочка, передай ей мои поздравления, пожалуйста. Скажи, что я люблю ее и не могу дождаться, когда увижу свою новорожденную племянницу. И пришли мне обязательно фотографию малышки, ладно?

– Хорошо, пришлю. И как тебе Кения?

– Я... Все хорошо, мамочка. Мне здесь нравится.

«Только очень жарко, так, что порой дышать невозможно. А еще мне очень одиноко в Мундуи-Хаусе, в котором царит какая-то таинственная атмосфера... И меня едва не сожрал голодный лев... И я страшно скучаю по всем вам...»

– Так когда ты намерена вернуться домой? По словам папы, все вокруг озабочены угрозой войны. А некоторые так и вовсе утверждают, что война неизбежна.

– Я в курсе, мамочка. Здесь тоже ведутся подобные разговоры, но...

– Знаешь, я о чем тут подумала? Может, тебе стоит поскорее улететь из Кении обратно в Англию, душа моя? По крайней мере, если что случится, то тебе надо будет добираться домой только одним транспортом: пересечь на пароход Атлантический океан. Да и Одри говорит, что она будет очень рада, если ты снова наведишь ее в Вудхед-Холле и погостишь там до тех пор, пока...

– ...пока не состоится свадьба Джека и Патриции, – закончила Сесили за мать. Она невольно содрогнулась всем телом, подумав о том,

что мама ставит все неудобства, связанные с бракосочетанием бывшего жениха дочери, выше всего того, что может потенциально угрожать ее безопасности. Не говоря уже о том, что сама мысль снова очутиться в имении Вудхед-Холл повергает ее в ужас. Нет, туда она больше ни ногой!

– Мамочка, несмотря на то что я всей душой рвусь к вам домой, мне здесь очень и очень нравится. К тому же, по словам моего доброго друга Тарквина, если война и начнется, то вряд ли она сразу же докатится до Кении. Но в любом случае забронируйте мне билет на середину апреля. Договорились?

«Иными словами, сразу же после того, как только отзвонят свадебные колокола...»

– Ты уверена, что не хочешь снова навестить Одри в Англии?

– Абсолютно уверена, мамочка, – твердо отчеканила Сесили.

– Ладно. Тогда я попрошу папу оформить соответствующую бронь.

Ах, я так по тебе соскучилась, солнышко мое! Мы все тут...

В трубке послышалось какое-то шипение, и голос Доротеи пропал, затерявшись среди шумов. Сесили положила трубку старомодного телефона на рычаг и, скрестив руки на груди, побрела на террасу, внимательно обозревая окрестности.

Может, стоит улететь домой уже на следующей неделе? И бог с ней, с этой ненавистной ей свадьбой Джека.

– Да и кому какое дело до меня? – прошептала Сесили, обращаясь к бабуину, который устался на нее во все глаза, видно прикидывая, можно ли рискнуть и попытаться запрыгнуть на стол, где Чеге, мальчик на побегушках, ходивший в помощниках у Алееки, уже накрыл для нее завтрак.

– Фу! – Сесили громко хлопнула в ладоши и направилась напрямик к бабуину. А он даже не пошевелился, лениво разглядывая ее в оба глаза. – Убирайся прочь! – крикнула она ему, и тот наконец соизволил неспешно ретироваться. Сесили уселась за стол. Попивая горячий крепкий кофе, она вслушивалась в уже ставшие привычными звуки – карканье, кудахтанье, громкий гогот, звонкую переключку птиц, все, что возвещало наступление нового дня в Мундуи-Хаусе. Вот уже скоро три недели, как Сесили завтракает здесь, на террасе, в полном одиночестве. По возвращении с сафари Чеге вручил ей письмо.

– Вам, мемсахиб от мемсахиб, – пояснил он.

В письме Кики уведомила Сесили, что отправилась в Найроби, чтобы морально поддержать больную Алису, и что Алееки она забирает с собой. Она добавила, что вернется домой через пару деньков, но спустя несколько дней приехал Алееки, чтобы упаковать чемодан с вещами хозяйки и забрать его с собой. Сесили он сказал, что Кики задержится в Найроби на более продолжительный срок, и вскоре снова отбыл в Найроби.

Сесили прекрасно знала, что Алееки солгал ей, потому что на минувшей неделе она вместе с Макеной и Чеге ездила в Гилгил, где встречалась с Кэтрин.

– Прости, что редко звоню тебе, – повинилась перед ней подруга, – но сейчас столько дел перед свадьбой, успевай только поворачиваться.

На вопрос Сесили о том, как себя чувствует Алиса и когда она планирует выписаться из больницы, Кэтрин лишь удивленно вскинула брови.

– Да она уже давным-давно дома. Пожалуй, целых две недели как... Алиса сама настояла на выписке, сказала, что не пробудет больше в больнице ни дня, и тотчас же вернулась домой. Сейчас я за ней присматриваю, а потому пока все еще обитаю на ферме Ванджохи. Конечно, ей стало гораздо лучше; она даже планирует поучаствовать в сафари в Конго, хотя, само собой, общая ситуация в Европе сильно волнует ее, впрочем, как и всех нас. Никто ведь не знает, как все эти события повлияют на нашу жизнь здесь, в Африке... Однако я удивляюсь, что Кики даже не сказала тебе о том, что Алиса вернулась домой.

– Я не видела Кики уже несколько недель, – пояснила Сесили. – Алееки сказал мне, что она сейчас в Найроби.

– Наверное. Скорее всего, остановилась в клубе Мутаига, хотя, должна заметить, не очень-то это вежливо с ее стороны – бросать свою крестницу в одиночестве. Что ж, как только все мои заботы, связанные с предстоящей свадьбой, закончатся и я перееду в наш новый дом, ты у нас с Бобби будешь самой желанной гостьей. Приезжай и живи у нас столько, сколько сама захочешь. Представляю, как тебе сейчас одиноко в этом огромном доме, бедняжка ты моя.

– Нет, Кэтрин, все нормально, поверь мне. К тому же я уверена, что Кики скоро вернется.

– Хорошо, коль так. Ну, а сейчас мне пора бежать, дорогая. Нужно еще успеть отнести в типографию заказ на распечатку карточек для гостей, а они закрываются на обед ровно в полдень. До встречи на свадьбе уже на следующей неделе.

– Да, до встречи! И удачи тебе, Кэтрин! – крикнула Сесили вдогонку.

Прошло два дня после встречи с Кэтрин в Гилгил, а от Кики по-прежнему не было никаких известий. Прислуга, оставшаяся в доме, изъяснялась на английском с большим трудом. Да и вряд ли это будет прилично, решила Сесили, начинать расспрашивать слуг о том, куда подевалась их хозяйка...

Ко всем неприятностям добавилась еще одна: Сесили явно подхватила где-то инфекцию, потому что почти каждое утро после завтрака она испытывала приступы тошноты. После обеда она с трудом поднималась по лестнице к себе в спальню, чтобы немного вздремнуть. Поначалу Сесили надеялась, что эти неприятные симптомы исчезнут сами собой и болезнь отступит, но с каждым днем ей становилось только хуже. Вот и сейчас, стоило взять в руки кусок хлеба и поднести его ко рту, как сразу же почувствовала позывы к рвоте.

Понимая, что еще немного, и ее стошнит прямо в чашку с кофе, Сесили поспешила подняться из-за стола и спуститься с террасы. Ей уже не добежать до туалета, а потому она устремилась к кустам, там ее и стошнило, прямо на цветочную клумбу.

– О господи! – простонала Сесили с отчаянием в голосе. – Что это с тобой, Сесили? – Она медленно побрела назад в дом, надеясь, что там прохладнее и ей полегчает, кое-как вскарабкалась по лестнице к себе в комнату, попила немного воды и улеглась на кровать. Сесили лежала до тех пор, пока тошнота не отступила.

– Ах, Сесили, и что же нам теперь делать, а? – расстроено пробормотала она.

Спустя несколько минут в комнату вошла Мурата и в удивлении застыла прямо на пороге, увидев, что Сесили лежит на кровати, даже не разобрав постель.

– Вам плохо, *бвана*?

– Да, что-то мне нездоровится, – вынуждена была признаться Сесили, продолжая лежать.

– Наверное, малярия, – предположила Мурата. Положила стопку чистых простыней на стул, подошла к Сесили и осторожно положила свою прохладную ладонь ей на лоб. Пощупала и тут же убрала руку. – Жара нет, *бвана*, все хорошо. Послать за доктором?

– Нет, пока не надо. Может, завтра, если мне не полегчает.

– Хорошо, тогда отдыхайте.

Незаметно для себя Сесили задремала, а к обеду ее состояние заметно улучшилось. Она даже смогла проглотить несколько ложек супа и съесть небольшой кусочек хлеба. Пообедав, отправилась в библиотеку, выбрала там очередную книгу для чтения, довольная уже тем, что ее снова не вырвало сразу же после трапезы. Сесили вышла на улицу и устроилась на своем обычном месте, усевшись в шезлонг в тени раскидистого платана. И буквально через несколько минут услышала звонкий серебристый смех своей крестной, которая неожиданно возникла на террасе в сопровождении капитана Тарквина Прайса и Алееки с вещами в руках.

– Вот я и дома, моя дорогая! – громко крикнула Кики, окидывая взглядом лужайку в поисках Сесили. – Прости меня, что я бросила тебя здесь одну на столь длительный срок. Но наконец-то мы вернулись. Правда, Тарквин?

– Правда, любовь моя. Вернулись, – согласился с ней капитан, бросив на Кики влюбленный взгляд.

– Ступай же сюда, Сесили. Обними меня. – Кики широко распахнула руки навстречу подошедшей Сесили и заключила ее в свои объятия. – Боже праведный! Что-то ты неважно выглядишь, душа моя. Ты здорова?

– Мне кажется, я подхватила какой-то вирус, хотя сейчас мне значительно лучше.

– Почему же ты не попросила кого-то из слуг, чтобы они сообщили мне о твоём недомогании? Я бы немедленно вернулась домой и тотчас же послала бы за доктором Бойлем. Алееки, вели подать шампанского! Надо же отпраздновать наше возвращение домой! Тарквину дали отпуск на пару дней, вот мы и решили вырваться из города на свежий воздух.

И тут наконец до Сесили дошло, что Кики смотрела на Тарквина с нескрываемым обожанием. А ведь он, подумала Сесили, *наверняка* лет на десять-пятнадцать младше ее крестной.

Минут через десять все уселись за стол на веранде. Кики, по своему обыкновению, дымила сигаретой и потягивала шампанское, Тарквин тоже пил шампанское, а вот Сесили наотрез отказалась в пользу чая. Кики принялась рассказывать ей о том, как бьет ключом великосветская жизнь в Найроби. Наверное, подумала про себя Сесили, все рассказы крестной относятся к завсегдашним пресловутому клубу Мутаига. Потом Кики живописала, как все они повеселились на каком-то матче по поло.

«Я здесь торчала в полном одиночестве и переживала о твоём здоровье, а ты в это время почти наверняка вила себе любовное гнездышко, развлекаясь с молодым английским офицером в Найроби», – с раздражением подумала про себя Сесили, почувствовав очередной приступ тошноты. Что послужило тому причиной, маленький ли кусочек пирожного, который она только что проглотила, или вопиющий эгоизм крестной, Сесили точно не смогла бы ответить.

– Простите меня, – обратилась она к Кики и Тарквину. – Но что-то мне опять стало плохо. Пойду к себе, прилягу.

– Конечно, конечно, – засуетился в ответ Тарквин. – Дайте нам немедленно знать, если захотите послать за доктором.

Поднявшись к себе в комнату, Сесили снова улеглась на постель, рассеянно вслушиваясь в гул разговоров, доносящихся снизу. Конечно, размышляла она, почему бы Кики и не искать утешения в объятиях другого мужчины? В конце концов, она ведь вдова, то есть свободная во всех отношениях женщина. Невольно Сесили вернулась мыслями к тому новогоднему балу в Нью-Йорке, на котором Кики познакомила ее с Тарквином. Вспомнила те прекрасные мгновения, когда вальсировала в его объятиях по залу, и в ту минуту Сесили даже показалось, что этот красивый, обворожительный англичанин, вполне возможно, имеет какие-то виды на нее. А все оказалось до банального просто. Скорее всего, Тарквин уже тогда был любовником Кики, вот она и попросила его оказать ей одну небольшую услугу. Так сказать, морально поддержать крестницу и избавить девушку от неловкой ситуации, в которой она могла оказаться, появившись в свете.

Джек, Джулиус, Тарквин... Все эти мужчины в течение лишь нескольких недель умудрились довести самооценку Сесили до нулевой отметки. Нью-Йорк, Англия, Кения... Ничего себе! Обскакала полмира, и все только для того, чтобы понять, что как женщина она не

представляет никакого интереса ни для кого. Но больше всего она ненавидела себя в эту минуту за то, что перед отъездом из Вудхед-Холл оставила Дорис свой адрес в Кении и попросила передать его Джулиусу...

– Какая же ты дура, Сесили! *Набитая дура!* – прошептала Сесили с несчастным видом.

«*И еще большая дура, – добавила она мысленно, – что каждый день бегаешь и спрашиваешь у слуг, не пришло ли тебе письмо из Англии.*»

Сесили порывисто подхватила с постели и подошла к окну, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кики, которая уже успела переодеться в шикарный полосатый купальник, идет к озеру, держась за руки с Тарквином. Загорелое стройное тело капитана в плавках явило себя в полной красе.

Вот они оба вошли в воду, громко смеясь чему-то, а потом Тарквин заключил Кики в свои объятия и впился в нее долгим и страстным поцелуем. Слишком долгим, как показалось Сесили. Почему-то в эту минуту она вспомнила Билла Форсайта и его неожиданное признание в том, что к человеческим созданиям он относится без особого пиетета. А если проще, то не любит людей.

Кажется, она уже почти готова присоединиться к нему.

* * *

К счастью для Сесили, в последующие несколько дней ее недомогание отступило. Правда, она исключила из своего рациона крепкий кофе, довольствуясь по утрам маленьким кусочком хлеба и кашей. Само собой, никакого алкоголя, к немалой досаде Кики.

– Боже мой, дитя мое, ты совершенно утратила вкус к жизни за то время, что меня не было дома. Может, все же пригубишь чуть-чуть? – приставала она к Сесили, наверное, уже в сотый раз, когда Алеки подавал им мартини.

– Кики, дорогая, оставь девочку в покое, – заметил Тарквин, бросив сочувственный взгляд на Сесили. – Разве ты не видишь, что она еще не вполне оправилась от своей болезни?

Хотя Сесили и была благодарна Тарквину за то, что тот хоть как-то сдерживал неукротимый нрав Кики, сама она старалась лишней раз не попадаться им на глаза. Что, впрочем, не составляло большого труда: влюбленная парочка редко появлялась на террасе раньше обеда, на какое-то короткое время Сесили пересекалась с ними за столом на веранде и тут же устремлялась к себе наверх вздремнуть после обеда. Вскоре самым любимым ее местом в доме стал стул возле окна в спальне. Свернувшись на нем калачиком и наслаждаясь относительной прохладой, которую обеспечивал в комнате постоянно работающий вентилятор, закрепленный под потолком, и которая так приятно контрастировала с изнуряющим зноем, царившим на улице, Сесили могла часами разглядывать в бинокль ту живность, которая обитала в озере и вокруг него.

Вот сегодня, к примеру, небольшая группа гиппопотамов, Сесили уже успела дать им всем клички, как обычно, явилась к воде, чтобы совершить свое послеобеденное омовение, после которого животные тут же разлеглись на суше, повалившись на бок. Рядом с ними у самого берега, среди зарослей водяных лилий, барахтались небольшие рогатые антилопы, ничуть не смущавшиеся присутствием столь грозных соседей, громко храпевших у них под боком. Чуть дальше из воды торчали в небо стволы мертвых деревьев, на которых примостились самые разнообразные представители пернатых, начиная от крохотных, миниатюрных зимородков и заканчивая огромными пеликанами.

– Как можно хандрить, созерцая подобную красоту? – невольно выдохнула вслух Сесили. – Представляю, как бы радовалась Мейми, увидь она все это собственными глазами. Немедленно побежала бы к озеру, чтобы искупнуться или просто покататься на лодке. Уж она бы точно *жила полной жизнью!* А меня корила бы за минорное настроение, да еще бы и обзывала при этом трусихой.

Мысли о сестре и о ее новорожденной дочурке, которые сейчас находятся так далеко, невольно подтолкнули Сесили на поиск позитива в своей жизни. Но как-то ничего положительного не лезло в голову.

Раздался громкий стук в дверь, а следом на пороге возникла Мурата с вечерним платьем из зеленого шелка, которое она бережно несла на руке. В этом наряде Сесили намеревалась появиться на приеме по случаю свадьбы Кэтрин и Бобби, который должен будет состояться через пару дней.

– Красивое платье, *бвана*, – одобрительно прокомментировала Мурата, со всеми предосторожностями повесив платье в шкаф. – Чемодан упакуем завтра, да?

– Да, спасибо, Мурата.

– Никогда не была в Найроби. Говорят, большой город, – вздохнула в ответ Мурата. – Счастливая вы! Пойду приготовлю вам ванну.

Прежде чем Сесили успела ответить, Мурата уже исчезла за дверью. Последние слова служанки эхом отозвались в душе Сесили. И с чего это она вдруг вздумала жалеть себя? Скулит над собственными бедами, словно какой гиппопотам из тех, что сейчас валяются на берегу, принялась укорять она саму себя. Нет, так больше продолжаться не может. Она прекрасно знала, что та же Мурата, не глядя, поменялась бы сейчас с ней местами.

– Ты, моя дорогая, *отправишься на свадьбу* и будешь там веселиться на полную катушку! Слышишь меня? – приказала себе вслух Сесили и с этими словами тоже вышла из комнаты и направилась в ванную.

* * *

– Обязательно перепроверь, чтобы тебя поселили в том номере, в котором обычно останавливаюсь я, когда бываю в Найроби. Договорились? Там окна выходят не на дорогу, а в сад, – инструктировала Кики, пока Сесили обустривалась на заднем сиденье «Бугатти». – А ты предварительно позвони им и тоже предупреди, слышишь меня? – обратилась она к Алееки, который почтительно стоял рядом с хозяйкой.

– Слушаюсь, *мемсахиб*.

– Передавай мой самый сердечный привет Алисе и всем остальным, кто не испытывает ко мне особой ненависти. – Кики издала хрипловатый смешок. Было очевидно, что ее задело за живое то, что молодые не пригласили ее на свое торжество. – И постарайся сама развлечься как следует. Ладно?

– Постараюсь, – пообещала ей Сесили.

– Ну, а мы с тобой, Тарквин, устроим себе вечеринку прямо здесь. Как думаешь?

– Обязательно устроим, дорогая, – согласился Тарквин, подошел к Кики и поцеловал ее в темноволосую макушку. – До свидания, Сесили. И передайте всем этим парням в форме, которых вы повстречаете в Найроби, что завтра утром я уже вернусь на службу и устрою им нагоняй как положено.

– Все передам. Всем до свидания. – Сесили весело помахала рукой провожающим и с облегчением вздохнула, когда «Бугатти» плавно отъехал от дома.

Хотя Сесили немного страшила мысль о том, что ей придется коротать время на свадьбе среди чужих людей, но чем дальше они отъезжали от дома, двигаясь вдоль озера, и чем ближе был Найроби, тем радостнее становилось у нее на душе. После долгих недель, проведенных в полном одиночестве в Мундуи-Хаусе, так приятно было снова окунуться в бурлящую жизнь большого города. К тому же Сесили не терпелось уже своими глазами увидеть знаменитый клуб Мутаига, о котором она столько слышала всякого. Перед отъездом бросив на себя последний взгляд в зеркало – изумрудно-зеленое шелковое платье, в тон ему соломенная шляпка с широкой белой лентой на тулье, Сесили пришла к выводу, что смотрится в этом наряде вполне презентабельно. Она сняла с рук длинные перчатки из белого атласа и положила их рядом с собой на кожаное сиденье. Пожалуй, подумала она, проехав какую-то часть пути, она совсем не против скинуть с себя и платье, которое, надо сказать, стало ей заметно тесновато по сравнению с тем временем, когда она щеголяла в нем на парадном ужине в Вудхед-Холле.

– Чего тебе еще здесь ожидать, Сесили? – пробормотала она себе под нос. – Одно-единственное сафари, и на этом все. В остальное же время ты почти безвылазно сидишь у себя в комнате.

«Вернусь из Найроби, – пообещала она себе мысленно, – и буду каждое утро ходить на озеро, чтобы искупаться».

Но вот наконец они въехали в город. Сесили с жадностью прильнула к окну, стараясь разглядеть мелькающие виды. Слева от нее пронеслись кварталы центральной части Найроби, а потом потянулась бесконечная вереница каких-то жалких хижин, хаотично разбросанных вдоль дороги.

– Да, это тебе не Манхэттен, – усмехнулась она, когда Макена, замедлив ход, съехал с пыльной центральной магистрали. Остановился

перед воротами и, высунув голову из машины, стал о чем-то беседовать с охранником. Ворота открылись, и они въехали во двор, миновали несколько лужаек с ухоженным зеленым газоном, обсаженных по периметру дубами, каштанами и хинными деревьями. Очень похоже на типичный английский сад, подумала Сесили. Машина затормозила возле двухэтажного здания, выкрашенного в розовато-оранжевый цвет, под нарядной крышей из красной черепицы. Все окна в здании были обрамлены белоснежными ставнями. Возле стен росли пальмы, рядом виднелись аккуратно подстриженные кустарники. Центральный вход украшали небольшие колонны в дорическом стиле. Пожалуй, это первое здание в Кении, увиденное Сесили, которое в полной мере соответствовало каноническим стандартам современной цивилизации. Она вышла из машины, у парадного входа с широкими двойными дверями ее приветствовал мужчина, очень похожий на Алееки, но только моложе.

– Добрый день, *мемсахиб*. Могу я узнать ваше имя?

– Сесили Хантли-Морган, сэр.

– Вы приехали на свадьбу мистера и миссис Синклер?

– Да, – подтвердила Сесили, наблюдая за тем, как мужчина пробежался глазами по списку приглашенных.

– Все верно. Миссис Синклер внесла вас в список приглашенных гостей. Али! – Мужчина повернулся лицом к холлу и громко щелкнул пальцами. Немедленно рядом с ним возник слуга. – Пожалуйста, проводи мисс Хантли-Морган в ее комнату.

Али взял из рук Макены вещи Сесили, шофер отсалютовал ей на прощание и поспешил к себе в машину. А она проследовала за слугой внутрь здания. Они миновали вестибюль, полы в котором были деревянные, потом еще два узеньких коридорчика. Откуда-то из глубин здания до Сесили явственно долетел гул голосов собравшихся гостей.

– Вот ваша комната, *мемсахиб*, – сказал ей Али, указав на дверь. – Номер десять.

Сесили вошла в комнату и поразились ее поистине спартанской обстановке. Узенькая односпальная кровать, комод возле стены, на крышке которого стоит таз для умывания, в углу примостился небольшой платяной шкаф, похожий на перевернутый гроб.

– Все хорошо, *мемсахиб*?

– Все замечательно, спасибо.

Когда Али ушел, бесшумно прикрыв за собой дверь, Сесили лишь покачала головой, не веря своим глазам. Она-то рисовала в своем воображении клуб Мутаига как некий африканский вариант роскошного нью-йоркского отеля «Вальдорф-Астория». Не то чтобы ее поразила общая затрапезность номера. В конце концов, это всего лишь на одну ночь. Будет где голову приклонить, и на том спасибо. Но представить себе, чтобы в такой убогой комнатенке квартировала Кики, она никак не могла.

Сесили подошла к зеркалу, поправила шляпку на голове, освежила помаду на губах, потом глянула на дверь, через которую ей нужно пройти, чтобы попасть на свадебный банкет. Сделала глубокий вдох, распахнула дверь и снова вышла в коридор, не имея ни малейшего представления, куда и в каком направлении ей двигаться дальше. Решила идти на шум толпы и вскоре очутилась в безлюдной зале, судя по всему столовой, с множеством сервированных столиков, украшенных гирляндами и розами нежнейшего кремового цвета, серебряные приборы сверкали и переливались в лучах солнца. Столики были расставлены не только в зале, но и на веранде, вокруг которой уже сгрудились многочисленные гости, попивающие шампанское. В этот момент Сесили вдруг показалось, что она очутилась в самом настоящем райском саду, заполненном прекрасными экзотическими птичками. Конечно, это в первую очередь касалось дам, разодетых в яркие шелковые наряды самых ослепительных красок и оттенков, увешанных драгоценностями, переливающимися всеми цветами радуги в лучах послеобеденного солнца. Что же до представителей мужской половины гостей, то они, облаченные в вечерние смокинги и фраки, напомнили Сесили стаю важных и чинных пингвинов. Она приблизилась к толпе вплотную и увидела Бобби и Кэтрин. Молодая была в простом, но очень красивом кружевном платье, плотно облегающем ее изящную фигуру и обнажающем белоснежные плечи. Шикарные рыжие волосы Кэтрин были украшены кремовыми розами. Глянув на невесту, Сесили невольно улыбнулась, ибо Кэтрин была живым воплощением полного и абсолютного счастья.

– Шампанского, мадам? – обратился к Сесили подошедший официант.

– Если можно, просто воды, – ответила она. Не станет она рисковать и дожидаться того момента, когда придется снова бежать в

кусты, чтобы стошнило, и это на глазах у всех сливок местного высшего общества.

– Сесили, дорогая моя! – Кэтрин приветственно помахала ей рукой, пока перед ней устанавливали фотокамеру со вспышкой. – Подожди пару секунд, ладно? Еще пару фотографий, и тогда я начну знакомить тебя с остальными гостями.

– Конечно, подожду! – крикнула в ответ Сесили, окидывая взглядом собравшуюся публику. Она сразу же узнала Алису в длинном платье цвета сапфира, расшитом бисером, которое плавно струилось вниз, обволакивая ее чересчур худенькую фигурку. Рядом с ней стояла Айдина (та самая дама, которая купалась обнаженной в озере на вечеринке в Мундуи-Хаус). На сей раз она была в платье с глухим воротом из переливчатого пурпурного шелка шанжан, на голове – тюрбан в восточном стиле в тон платью. Между двумя женщинами стоял высокий представительный блондин с голубыми глазами. Даже на расстоянии он почему-то показался Сесили очень похожим, может быть цветом волос, на ее бывшего жениха Джека. Незнакомец был необыкновенно красив, тем более для мужчины средних лет. Со стороны было видно, что обе дамы, взявшие джентльмена в плен, буквально ловили каждое его слово.

– Моя дорогая Сесили! Огромное тебе спасибо за то, что приехала! – воскликнула Кэтрин, возникшая рядом. Она тащила за собой Бобби.

– Кэтрин, ты такая красивая!

– Правда красавица? – спросил Бобби, обняв молодую жену за плечи и нежно поцеловав ее в макушку.

Кэтрин протянула Сесили свою левую руку, демонстрируя обручальное кольцо на пальчике.

– Ты только взгляни, Сесили! Наконец-то это свершилось! После стольких лет ожидания... Все эти годы я не переставала любить его. И вот моя мечта сбылась!

– Я так рада за вас обоих, – ответила Сесили, ни капельки не покривив душой. Такая гармоничная и любящая друг друга пара. Если это не любовь, то тогда она ничего не понимает в этой самой любви. – А как прошла вчерашняя церемония бракосочетания?

– О, полная противоположность всему тому, что ты видишь сейчас, – рассмеялась Кэтрин. – На мне было простенькое

хлопчатобумажное платье. На церемонию собрались все папины прихожане, наверное, все племя кикую в полном составе. Пришли в своих нарядных одеждах. А уж какие у них украшения, так словами и не передать! На самом деле все прошло замечательно, а в конце службы аборигены исполнили для нас свои традиционные свадебные песни.

– И они понравились мне гораздо больше, чем церковный гимн «Святая Благодать», – не преминул с улыбкой заметить Бобби.

– Твой отец тоже здесь? – спросила Сесили у Кэтрин.

– Нет. Он сказал, что для него это слишком дальняя дорога. Да к тому же он и не любитель всех этих шумных светских сборищ. А сейчас ступай за мной. Я познакомлю тебя с остальными обитателями Долины, с которыми ты еще пока не встречалась.

Обменявшись рукопожатиями по меньшей мере с двумя дюжинами гостей, Сесили поняла, что ей все равно ни за что не запомнить их имена. Ей представили лорда такого-то, потом еще какого-то графа имярек и множество женщин с именами типа Бабблз, Флосси и Тэтти.

– А вот и наша дорогая Алиса, которая ради сегодняшнего торжества поднялась с больничного одра, – сказала Кэтрин, подводя подругу к следующей группе гостей. – Алиса, вы же помните Сесили, да?

– Конечно, прекрасно помню. Хорошо выглядите, Сесили. Правда, Джосс?

Алиса с нескрываемым обожанием уставилась на красавца блондина, которого Сесили уже успела заметить в толпе гостей чуть раньше. Он взглянул на ее лицо ястребиным взглядом, потом окинул ее всю, с головы до пят, словно оценивая, на сколько она может потянуть в денежном эквиваленте.

– Полностью согласен с тобой, дорогая, – ответил он с чистейшим английским произношением. – И с кем имею честь беседовать?

– Так это же крестница Кики Престон, – подала голос Айдина, стоявшая по другую сторону от Джосса. – Поражаюсь, что наши вездесущие сплетники еще не уведомили тебя, что нашего полку прибыло. К тому же она не только новенькая, но и самая молоденькая в нашей общине, – шутливо промолвила она. – Сесили, дорогая, позвольте представить вам Джослина Хэя. Граф Эрролл и по совместительству мой бывший муж.

«Так это же тот самый мужчина, про которого мне рассказывала Кэтрин...» – догадалась Сесили, а Джосс в это время взял ее руку и, поднеся к своим губам, запечатлел на ней церемонный поцелуй.

– Рад познакомиться с вами, Сесили. Так вы сейчас гостите в Мундуи-Хаусе?

– Да, – с трудом выдавила из себя Сесили. Потому что, несмотря на всю их разницу в возрасте, Джосс произвел на нее просто сногшибательное впечатление. «Мечта любой женщины», как охарактеризовала бы его Присцилла.

– Как жаль, что я больше не живу во Дворце Джиннов, что рядом с озером. Иначе я бы в обязательном порядке пригласил вас, разумеется вместе с вашей крестной, к себе на обед или на ужин. Но, к несчастью, моя жена Молли сейчас тяжело больна, и мы стараемся обитать как можно ближе к больнице.

– Сочувствую вам всем сердцем, – обронила Сесили, чувствуя, что не в силах отвести глаз от его пристального взгляда.

– Вы надолго к нам в Кению?

– Я... Пока...

– Идем же, Сесили! У меня еще целая куча гостей, – поторопила ее Кэтрин. – Я не могу позволить Джоссу заполучить тебя в собеседники на весь вечер. – Кэтрин крепко сжала ее за руку и почти силком потащила прочь. Однако Сесили не удержалась и бросила прощальный взгляд на Джосса, который продолжал пристально смотреть ей вслед.

– Честное слово, Сесили! Я-то была уверена, что ты останешься нечувствительна к его чарам. Однако вы только взгляните на нее! Уже готова! И лапки вверх! – Кэтрин выразительно сверкнула на подругу глазами. – Не понимаю, что он такого делает с женщинами, но все они от него без ума. Просто снопами падают к его ногам. В любом случае для тебя он слишком стар! – резонно заметила Кэтрин, беря стакан с водой, который подал им официант. – На, лучше выпей и приходи в себя, душа моя! Ему уже тридцать семь. Имей это в виду!

– Твоему Бобби тоже тридцать семь! – неожиданно для себя нашлась Сесили. – Как бы то ни было, а я прекрасно понимаю, почему он пользуется у дам таким успехом. Он ведь необыкновенно хорош собой. К тому же само очарование и любезность.

– Дорогая, – обратилась Алиса к Кэтрин, подойдя к ним. – Позволь похитить тебя на пару минут. Повара хотят знать, какой промежуток времени ты планируешь между подачами блюд?

– Прости, Сесили. Я мигом вернусь к тебе. И веди себя как следует, пока меня нет рядом, – пошутила Кэтрин, пробираясь вслед за Алисой сквозь толпу в направлении кухни.

Сесили выпила воды. Солнце нещадно припекало, и даже шляпка не спасала от его испепеляющих лучей. Чувствуя, что еще немного и ей станет совсем дурно, она устремилась в тень большого куста, усыпанного великолепными розовыми цветами.

– Красивые, да? – услышала она голос из зарослей кустарника. – Это роза гибискус. Знаете, я вот часто думаю, что если бы вознамерился разбить сад вокруг своего дома, то везде насадил бы кусты гибискуса.

Перед ней возник Билл в совершенно непривычном для него обличье – тоже в смокинге.

– Простите великодушно, что потревожил вас. Я тут отошел в сторонку, чтобы немного отлить, если честно.

– Понятно! – сконфузилась Сесили. Краска сразу же ударила ей в лицо. «Видно, ему доставляет удовольствие все время провоцировать меня», – подумала Сесили.

– А вы, как я посмотрю, в полном порядке. Успели почистить перышки и чудесно выглядите. – Билл рукой показал на ее платье.

– Вы тоже смотрите очень достойно, – парировала она в ответ.

– Словом, полностью оправились от того шока, который пережили, оказавшись на волосок от смерти? Не очень-то это приятно – угодить голодному льву на завтрак.

– О да. Слава богу, все в прошлом. И еще раз большое вам спасибо за то, что спасли мне тогда жизнь.

– Не стоит благодарностей, мадам. Всегда к вашим услугам.

На какое-то время оба замолчали, разглядывая разноцветную толпу гостей.

– Они сейчас так похожи на стаю фламинго, опустившихся на озеро Накуру. Также сгрудились в одну кучу, чтобы посплетничать всласть и снова разлететься кто куда, затаиться в своих гнездах, сокрытых в горах, предварительно накачав себя спиртным и нажравшись до отвала, – обронил Билл саркастическим тоном. – Как вы

догадываетесь, я не сторонник такого времяпрепровождения. Но поскольку я хорошо отношусь и к Бобби, и к Кэтрин, то вот счел своим долгом немного нарушить привычный стиль жизни, упрятать свое презрение ко всем этим людишкам куда поглубже и отметить здесь на какой-то час-другой.

– Сегодня вы приехали сюда без Найгаси? – спросила Сесили.

– Как раз приехал я вместе с ним. Он сейчас сторожит мой пикап, чтобы мы с ним могли в любую минуту незаметно улизнуть отсюда прочь.

– А почему же вы не пригласили его сюда?

– С удовольствием пригласил бы, мисс Хантли-Морган, если бы только мог. Но в этом клубе действует жесточайший запрет на членство в клубе всем черным. Довольно нелепая ситуация, вы не находите? Особенно если вспомнить, что вся прислуга в клубе из местных. Да и обитают они на этих землях с незапамятных времен. Их здесь многие сотни тысяч, и они живут в своей стране в отличие от нас. Но вот они, издержки колониализма в их чистом виде. Именно отсюда проистекает все наше чванство и высокомерие по отношению к аборигенам. Я прав?

– Наверное. Хотя, думаю, ваша королева Виктория тоже внесла свой вклад в такое положение вещей.

– Пожалуй, да. – Билл бросил на нее внимательный взгляд. – Должен признаться, никак не ожидал встретить в вас большого знатока истории.

– Я специализировалась по истории в колледже Вассар, – ответила Сесили, впервые мысленно поблагодарив отца за то, что она в свое время прислушалась, когда он сказал, что, по его мнению, история – более подходящий предмет изучения для девушки, чем экономика.

– Вот как? Вы учились в колледже? Ну и ну! – Билл взял бокал шампанского с подноса подошедшего к ним официанта. – Позвольте поинтересоваться, что же вы собираетесь делать дальше со своим образованием?

– Ничего не собираюсь, – пожала плечами в ответ Сесили. – А что может сделать женщина, даже имеющая за плечами образование?

– Но вы же сами только что изволили заметить, что наша Британская империя, к примеру, была создана женщиной, – резонно возразил Билл.

– К несчастью, я не императрица. Впрочем, я бы и не хотела ею быть. Никогда!

– Считаю своим долгом сообщить вам, что среди той публики, которую вы сейчас лицезрите, много «императриц». Во всяком случае, они сами себя таковыми считают. Да и императоров тоже хватает. Легко быть большим карасем в небольшом пруду, особенно если рядом с тобой полно всякой мелкой рыбешки, которая так и плещется вокруг тебя, сгорая от нетерпения угодить и всегда готовая быть на вторых ролях. Взгляните вон туда, моя дорогая. – Билл указал на Джосса Эрролла, по-прежнему подпираемого с двух сторон Айдиной и Алисой. – Вот этим троим пришлось научиться делиться друг с другом, если вы понимаете, что именно я имею в виду.

– Кажется, понимаю.

– Что ж, не стану вас больше отвлекать от самого грандиозного светского события этого года. Тем более я сильно сомневаюсь, что впереди нас ждет много подобных развлечений. Наслышан, что немцы уже вошли в Прагу. Словом, мы на грани новой мировой войны. На вашем месте я бы поспешил к себе домой, в Америку, пока еще не поздно.

– О боже! – Сесили с ужасом уставилась на Билла. – Кто вам сказал?

– Между прочим, Джосс Эрролл. Он мой давний приятель. Кстати, в свое время именно он уговорил меня отправиться сюда и обосноваться в Африке. Он ведь является заместителем директора центрального комитета по распределению людских ресурсов для обеспечения обороны страны. Причем он и планирует это самое распределение как среди военных, так и среди гражданских лиц. Само собой, я клятвенно пообещал ему держать язык за зубами и не болтать лишнего. Он не хочет омрачать плохими новостями столь радостное событие для новобрачных и этот совершенно особый для них день, но... Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Боюсь, знаменитое заявление Чемберлена о том, что он привез нам мир «на вечные времена», оказалось пустой болтовней, и только. Что ж, я явил свое лицо на сегодняшнем мероприятии, могу удалиться с чистой совестью. Пора возвращаться к себе на ферму и начинать считать, сколько голов моего скота может понадобиться уже в ближайшее время доблестной

британской армии для успешного ведения военных действий, ибо я убежден в том, что война неминуема. Всего вам доброго, Сесили.

Билл отвесил ей вежливый поклон и исчез тем же путем, что и появился, затерявшись в кустах гибискуса.

* * *

Часом позже Сесили, сидя за трапезой, с трудом заставляла себя прикоснуться к еде и проглотить хотя бы маленький кусочек чего-нибудь. Ее усадили за стол между каким-то джентльменом по имени Перси, который, как выяснилось, возглавлял филиал нефтяной компании «Шелл» в Восточной Африке, и сэром Джозефом, фамилии которого Сесили не запомнила, но который пару лет тому назад был генерал-губернатором Кении. Очень скоро она поняла, что новость, которую под большим секретом поведал ей Билл, уже успела разойтись среди гостей. Вот и ее соседи после соблюдения всех вежливых формальностей в течение нескольких первых минут стали негромко переговариваться между собой прямо через голову Сесили. Поскольку Джосс Эрролл сидел напротив, то это хоть как-то компенсировало небрежение к ней со стороны ближайших соседей и позволило немного порадовать саму себя, украдкой бросая взгляды на красавца. Впрочем, Джосс, судя по всему, был всецело поглощен дамой по имени Филлис, женой соседа Сесили, нефтяного магната Перси. Обычно Сесили никогда не опускалась до того, чтобы выносить свой вердикт касательно внешности других женщин, но на сей раз она не смогла удержаться, совершенно искренне недоумевая, что мог найти божественный красавец Джосс в этой невысокой даме плотного телосложения с откровенно заурядной внешностью, но он все время ощупывал ее своими руками.

– Ну, как вы устроились, дорогая?

Молодая женщина, по крайней мере гораздо моложе всех остальных гостей, сидевших за их столом, развернулась к Сесили лицом, когда заиграл оркестр и добрая половина приглашенных устремилась на танцпол.

– Все очень хорошо, спасибо, – бодро солгала ей Сесили.

– Меня зовут Этни Бойль, я жена Уильяма. Наверняка вы слышаны о нем, он ведь здешний врач.

– Конечно, слышана. Он ведь наблюдает сейчас Алису, да? Занимается ее лечением...

– Во всяком случае, пытается это делать. Но вы, я думаю, уже успели заметить, что Алиса – очень непростой пациент и лечить ее сложно. Можно мне присесть рядом с вами? – Этни указала на пустующий стул рядом с Сесили, на котором недавно восседал тот самый джентльмен, который представляет интересы «Шелл» в Африке.

– Конечно, присаживайтесь.

– Кэтрин попросила меня приглядывать за вами сегодня вечером. По себе знаю, как это непросто – оказаться в толпе незнакомых людей, да еще и одной.

– Да, вы правы. Я стараюсь изо всех сил запомнить имена гостей и кто есть кто, но пока...

– О, это чертовски трудная задача, – издала короткий смешок Этни. – Особенно с учетом того, что многие из присутствующих уже успели по несколько раз пережениться между собой. Как поживает ваша крестная мать? Я встречалась с ней в клубе пару дней тому назад. Она буквально источает энергию и, по своему обыкновению, пребывает в самом отличном расположении духа. Хотя ей пришлось многое пережить за последние несколько лет, оказавших для нее очень и очень непростыми.

– О да! – немедленно согласилась с ней Сесили.

То ли из-за удушающей жары, которая не спала даже с наступлением вечера, то ли из-за того, что она пригубила небольшой бокал шампанского, когда подняли тост за здоровье молодых и их счастливую семейную жизнь, то ли виной всему стала та ужасная новость о событиях в Чехословакии, но чувствовала себя Сесили просто отвратительно. Началось сильное головокружение, она схватила свою сумочку, чтобы достать из нее веер.

– С вами все в порядке, милая?

– Да, но эта невыносимая жара и...

– Давайте вернемся в помещение. Позвольте проводить вас. Уильям! – окликнула Этни мужа через стол. – Это Сесили, крестница Кики. На нее очень сильно подействовала жара. Дайте мне свою руку, милая.

Чувствуя себя страшно униженной, Сесили тем не менее позволила супружеской чете помочь ей подняться со стула и, поддерживая ее с двух сторон, отвести в гостиную, где было относительно прохладно. Ее усадили в кожаное кресло прямо под вентилятором, обдувавшим разгоряченное лицо живительным ветерком. Доктор Бойль немедленно подал Сесили стакан воды.

– Немного полегчало, милая? – спросил доктор.

– О да, гораздо легче. Простите, что зря побеспокоила вас.

– Не глупите! Все же совершенно понятно! Позвольте поинтересоваться, вы остаетесь здесь на ночлег или водитель отвезет вас домой?

– Я остаюсь на ночь.

– Пульс немного замедлился, и это хорошо, – констатировал доктор Бойль, убирая руку с ее запястья. – Уверен, хороший сон полностью восстановит ваши силы и утром вы будете уже в норме. Если только, конечно, сможете уснуть в этом гаме. – Он улыбнулся, махнув рукой в сторону оркестрантов, которые заиграли бравурную мелодию фокстрота «Разве она не душка?». – Что ж, оставляю вас пока на попечение своей жены. Она проводит вас в вашу комнату, а завтра утром я, с вашего позволения, загляну на минутку, чтобы проверить, как вы себя чувствуете.

– О, уверена, в этом не будет необходимости, – поспешила заверить его Сесили. В эту минуту рядом с ней снова возникла Этни, держа в руках ключ от ее комнаты. Она помогла Сесили подняться с кресла, и они медленно побрели из комнаты, сопровождаемые взрывами смеха и громкой музыкой, которая становилась все глуше по мере того, как они продвигались в глубь коридора.

– У вас и раньше случались головокружения? – поинтересовалась у нее Этни.

Сесили было так плохо, что притворяться и лгать просто не было сил.

– Да, в последнее время случались. Думаю, это все из-за жары.

– Утром муж осмотрит вас снова. Думаю, такой усиленный контроль не повредит. Уж лучше перестраховаться, чем потом жалеть о том, что вовремя не обратились к врачу. Вы согласны? А сейчас, Сесили, дорогая моя, спокойной вам ночи, – попрощалась Этни, остановившись на пороге комнаты Сесили и открыв ей дверь.

– Спокойной ночи. И огромное спасибо за вашу доброту и участие.

Сесили уселась на кровать, расстегнула молнию на боку платья и сразу же облегченно вздохнула: впервые за весь вечер она смогла вдохнуть полной грудью. Сесили переделась в ночную сорочку и, закрыв глаза, улеглась под простыни. Несмотря на звуки музыки, продолжавшей греметь далеко за полночь, Сесили тут же уснула, даже не пошевелившись во сне.

* * *

Ее разбудил негромкий стук в дверь. Она с трудом пришла в себя.

– Кто там?

– Это доктор Бойль. Можно войти?

Сесили не успела ответить, как дверь распахнулась и в комнату вошел доктор Бойль с медицинским чемоданчиком в руке.

– Доброе утро, Сесили. Ну, как? Вам полегчало?

– Спасибо, спала я хорошо.

– Отличная новость. Сон, как известно, лучшее лекарство от любой хвори. А сейчас, думаю, я все же осмотрю вас, прежде чем уехать к себе.

– Право, доктор, я чувствую себя вполне хорошо и...

– Я буквально несколько минут тому назад виделся в баре с капитаном Тарквином Прайсом. Там после вчерашних новостей о Гитлере не протолкнуться. И он поинтересовался у меня, видел ли я вас вчера на ужине в честь новобрачных. Я сказал, что видел и что вы чувствовали себя неважно. Тогда капитан Прайс заметил, что в последнее время вам постоянно нездоровится. А потому позвольте все же осмотреть вас как положено.

Сесили подавила смущенный вздох и позволила доктору начать осмотр, попутно отвечая на его многочисленные вопросы. Но вот доктор Бойль вынул из ушей стетоскоп и окинул ее внимательным взглядом.

– Вы замужем, милая?

– Нет. То есть до Рождества я была помолвлена, но потом все расстроилось.

– Вы говорите, еще до Рождества?

– Да.

– А когда у вас были месячные в последний раз?

– Я... – Сесили почувствовала, что краснеет. Еще никогда в жизни ей не приходилось беседовать с мужчиной *об этом*. – Точно не помню.

– И все же постарайтесь вспомнить.

Месячные у Сесили никогда не были регулярными, однако она напрягла память, пытаясь вспомнить.

– По-моему, последний раз это было перед тем, как я отправилась в Кению.

– А когда именно вы отправились в путь?

– В конце января. Последняя неделя января. А мои... месячные были на две недели раньше.

– Так, а сегодня у нас на календаре уже шестнадцатое марта. Моя дорогая Сесили, – доктор Бойль осторожно взял ее за руку, – с учетом всех ваших симптомов и после того, как я основательно прощупал ваш живот, могу утверждать почти со стопроцентной уверенностью, что вы в положении.

– В каком положении? – Сесили уставилась на него непонимающим взглядом.

– Вы ждете ребенка, моя милая, – сухо усмехнулся в ответ доктор Бойль. – Однако, после того, как вы сообщили мне о том, что ваша помолвка с молодым человеком расстроилась, я пребываю в некотором смущении. Позвольте мне поинтересоваться со всей возможной деликатностью... Какова вероятность того, что *вы беременны*?

– О боже! – Сесили в ужасе закрыла лицо руками, содрогнувшись всем телом при последних словах доктора. Уж лучше бы она сейчас потеряла сознание и валялась бесчувственной на кровати, чем отвечать на подобные вопросы.

– Моя дорогая, конечно, я не вправе расспрашивать вас о том, почему и где, но могу поклясться чем угодно, поставив на карту свою квалификацию врача: вы уже пару месяцев как беременны. Вижу, эта новость стала для вас полнейшим потрясением.

– Да, – прошептала Сесили, закрыв лицо руками: ей было стыдно встречаться взглядом с доктором Бойлем, и она действительно пребывала в шоке.

– Однако есть и хорошая новость: вы не больны. Капитан Прайс все волновался, не подхватили ли вы у нас случайно малярию.

– Уж лучше бы это была малярия, доктор, – убитым голосом прошептала в ответ Сесили. – Умоляю вас, доктор! – Она все же отняла руки от лица и бросила на него беспомощный взгляд. – Пожалуйста, поклянитесь, что ни одна живая душа здесь не узнает от вас все то, что вы мне только что сообщили.

– Конфиденциальность взаимоотношений доктора и пациента, равно как и врачебную тайну, еще никто не отменял, моя дорогая. Однако я полагаю, что вам все же следует поделиться с кем-нибудь... новостью о вашем текущем состоянии здоровья.

– Лучше мне умереть!

– Я прекрасно понимаю ваши страхи, но поверьте мне, прожив много лет здесь и имея обширную практику, могу с полной уверенностью гарантировать, что ваша новость отнюдь не стала для меня шоком. Не станет она шоком и для большинства проживающих здесь людей. Советую вам поговорить со своей крестной. Миссис Престон – сложный человек, это правда, но она – светская женщина в полном смысле этого слова. И к тому же у нее доброе и отзывчивое сердце.

Сесили молча откинулась на подушки. Она была слишком подавлена, и у нее не было подходящих слов, чтобы описать весь свой ужас и стыд.

– А кто же отец? Полагаю, кто-то из местных, да?

– Я... Нет! Он не отсюда. Я познакомилась с ним в Англии. Но нет! Он не станет... Не захочет брать на себя ответственность. Он помолвлен с другой женщиной... Об этом я узнала уже после того, как...

Сесили умолкла, не смея даже взглянуть на доктора Бойля, который смотрел на нее с откровенным сочувствием.

– Я понимаю, отлично понимаю, как вы потрясены, – заговорил он наконец. – Однако вы далеко не первая и – увы! – не последняя молодая особа, которая оказывается в столь затруднительном положении. Уверен, вы найдете разумный выход из него; большинство находят.

– А есть ли... способ, чтобы... ребеночек не появился на свет?

– Если вы спрашиваете меня, возможен ли в вашем случае аборт, то сразу же заявляю вам со всей ответственностью: это не только противозаконно, но еще и очень опасно. Думаю, вам придется смириться, принять как данность, что приблизительно через семь

месяцев у вас появится ребенок, и, соответственно, выстроить все ваши дальнейшие планы. У вас есть родители?

– Да, они живут в Нью-Йорке.

– Тогда, наверное, вам следует подумать о скорейшем возвращении в Америку, с учетом всего того, что сейчас происходит в Европе.

Сесили ничего не ответила. В голове у нее царил полнейший сумбур. Какие уж тут планы на будущее, если она вообще не могла ни о чем думать?

– Вынужден откланяться, милая. Но на прощание еще раз настоятельно советую вам переговорить обо всем с крестной и всецело довериться ей. Она ведь вам сейчас вместо матери, как говорится, *in loco parentis*. Не говоря уже о том, что в ближайшие несколько недель она все равно обо всем догадается. Вот вам моя визитка. Пожалуйста, звоните мне, если вам вдруг понадобится какая-то помощь, врачебная или просто личная.

Доктор положил свою визитку на прикроватную тумбочку рядом с Сесили.

– Спасибо, доктор. Я ведь должна заплатить за... эту консультацию, не так ли?

– Разберемся с этим позднее, когда вы уже вернетесь к себе домой. И последнее. Если вы все же решите остаться в Кении, то буду рад наблюдать за вами весь срок вашей беременности. Всего вам доброго, милая.

Сесили молча проследила за тем, как доктор Бойл вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Потом она бездумно утонула в стену напротив своей кровати. На стене висела какая-то мазня, картина, изображающая воина из племени масаи, стоящего над телом убитого льва, с копьем, которое он вонзил в бок животного.

Несмотря на духоту, царившую в комнате, Сесили чувствовала, что ее руки холодны как лед. Она сбросила с себя простыню, потом приподняла ночную сорочку и стала осторожно ощупывать обеими руками свой живот. Интересно, а что она должна чувствовать, будучи беременной? Она и понятия не имела. Может, стоит спросить у Мейми...

«Нет! Нет, нет... Ни за что на свете!»

– О господи боже мой... – с отчаянием пробормотала Сесили, потом свернулась на кровати клубком, отвернувшись от двери, будто

хотела оградить себя от новых дурных новостей, которые могут просочиться через нее. – Что я только натворила? Что натворила? – затрясла она головой.

В дверь снова постучали, слезы застилали глаза, и потому Сесили никак не отреагировала на этот стук.

– Сесили, это я, Кики. Можно войти?

– Нет, нельзя, – прошептала Сесили, обращаясь скорее к самой себе и раскачивая головой из стороны в сторону. Дверь за ее спиной неслышно отворилась и так же тихо закрылась.

– Ах, моя бедная девочка! Ангел мой... Что случилось?

– Пожалуйста, Кики... Умоляю вас... Оставьте меня одну...

– Что такого ужасного сказал тебе доктор Бойль? Что-то срочное? Я только что столкнулась с ним в коридоре, когда приехала в клуб на завтрак... Сейчас же велю послать за ним и спрошу его обо всем сама.

– *Нет!* – выкрикнула Сесили и села на постели, торопливо утирая слезы с глаз. – Пожалуйста, Кики, не надо этого делать. Моя проблема, она... – Сесили нервно сглотнула слюну. – Ничего срочного. И моей жизни ничто не угрожает.

– Хорошо. – Кики сделала еще один шаг к кровати. – Значит, у тебя нет малярии?

– Нет.

– И холеры тоже нет?

– Нет.

– И это не рак?

– Нет, Кики, рака у меня нет, честное слово. Доктор Бойль заверил меня, что я вполне здорова. Пожалуйста, не переживайте из-за меня, ладно? Со мной все будет в порядке.

– Конечно, дружок мой, я переживаю! А как же иначе? Ведь ты – моя крестница, и я люблю тебя всем сердцем. К тому же я несу за тебя ответственность, пока ты гостишь у меня. Знаю, в последние недели я оказалась не совсем хорошей хозяйкой и плохо присматривала за тобой. В чем себя страшно виню.

Сесили по-прежнему лежала с закрытыми глазами. Дыхание Кики обжигало ей щеку, а запах духов, витавший вокруг крестной, мгновенно вызвал приступ тошноты.

– Итак, чем же так сильно расстроил тебя доктор Бойль?

Сесили снова затрясла головой, но ничего не ответила.

– Значит, все твои симптомы остались прежними? Тошнота, головокружения... – Кики немного помолчала. – А еще слабость, так?

– Мне уже гораздо лучше, Кики, честное слово. Я...

Кики накрыла своей мягкой ручкой руку Сесили и присела на постель рядом с ней.

– Он сказал тебе, что ты беременна, да?

Сесили зажмурила глаза еще сильнее, чтобы из них не выкатилось ни единой слезинки. «Вот сейчас притворюсь мертвой, – мелькнуло у нее. – Может, она тогда поскорее уйдет и оставит меня в покое».

– Душа моя, понимаю, каким страшным шоком стала для тебя эта новость. А знаешь что? В твои годы я оказалась точно в таком же положении. Да, все это крайне неприятно и даже страшно, но, поверь мне, мы сумеем найти выход из этой ситуации. Ты меня слышишь, Сесили?

Кики слегка встряхнула Сесили, и та молча кивнула в ответ.

– Но первым делом поехали домой. Алееки ждет нас в машине на улице. Вчера вечером Тарквина в срочном порядке отозвали из отпуска: он вынужден был вернуться в Найроби после всех этих ужасных новостей о Гитлере и прибыть к месту службы, как и положено в сложившихся обстоятельствах военному человеку и офицеру. Ну, а мы с тобой сейчас поедem в Мундуи-Хаус. Ладно?

Сесили молча пожала плечами, чувствуя себя этаким капризным ребенком, хотя она никогда не капризничала.

– Вставай же, милая. Я тут прихватила с собой кое-что из твоей одежды. Одевайся, и в путь.

– Мне так стыдно, Кики. Так стыдно... – простонала Сесили. – А что, если доктор Бойль уже рассказал всем этим людям о том, что со мной? И сейчас они уже в курсе всего...

– Клянусь всеми святыми, доктор Бойль – это сама конфиденциальность. Уж сколько он мог бы порассказать обо мне, одному Богу известно. Но он никогда и нигде не проронил ни слова. Давай же, милая... Поднимайся с постели и одевайся.

В конце концов здравый смысл возобладал над всем остальным. С помощью Кики Сесили натянула на себя юбку и блузку, потом стала собирать свои вещи, пока Кики решала все вопросы с Али. Алееки уже ждал Сесили на улице и тут же проводил к «Бугатти». Она

проскользнула на заднее сиденье, боясь лишь одного: чтобы никто не стал заглядывать в окна машины.

– Ну вот, мы все в сборе. Поехали! – скомандовала Кики, садясь на переднее сиденье рядом с Алееки.

Сесили продремала всю дорогу до Мундуи-Хауса. Пережитый шок подействовал на нее лучше всякого снотворного. По приезде домой Алееки тут же передал ее на попечение Мураты, которая помогла подняться в комнату и уложила Сесили в постель.

Потом Мурата закрыла ставни на окнах, опустила ночные шторы и вышла из комнаты. Сесили закрыла глаза и снова погрузилась в сон.

26

Сесили проснулась от какого-то внутреннего толчка и в первые несколько мгновений, благословенных мгновений, даже не могла вспомнить, что с ней случилось сегодня утром. Но потом память вернулась, а вместе с ней и все остальное. Сесили сползла с постели, подошла к окну, раздвинула ночные шторы и глянула во двор. Вечерело. Солнце палило уже не так нещадно, как днем; солнечные блики мягко скользили по безупречно подстриженной лужайке, раскинувшейся между хинных деревьев. Но созерцать всю эту красоту у Сесили не было никаких сил, а потому она повернулась к окну спиной, снова побрела к кровати, уселась на краешек постели и задумалась.

– Что же мне делать? – прошептала она и принялась снова ощупывать руками свой живот. Неужели такое возможно? Ведь у них с Джулиусом *это было* всего лишь один раз. И вот результат: внутри нее уже теплится новая жизнь, крохотное создание готовится прийти в этот мир. Но вдруг доктор ошибся, ухватилась она за последнюю надежду. В конце концов, он же не заглядывал в нее. Как можно утверждать наверняка, что она беременна? Может, это все же *действительно* малярия (что гораздо предпочтительнее в ее ситуации)? Вообще *все, что угодно*, но только не то, что он ей сказал.

Но тут Сесили вспомнила свои давние разговоры с сестрой: ведь у Мейми были точно такие же симптомы, как у нее сейчас. К тому же она еще на прошлой неделе заметила, как округлились ее груди, и они как-то странно зудят и пощипывают. Да и в талии она тоже раздалась. Вот

почему вчера ей было так неудобно в своем платье, которое вдруг стало ей заметно тесновато. Не говоря уже о том, что с тех пор, как она покинула Нью-Йорк, у нее не было месячных. Плюс эта постоянная тошнота...

В дверь негромко постучали.

– *Бвана!* Вы уже проснулись? – Мурата просунула головку в полуоткрытую дверь и сверкнула на нее своими блестящими глазками.

– Да, входи, пожалуйста.

– Я помогу вам одеться и спуститься вниз, ладно? Хозяйка ждет вас к чаю.

– Я сама оденусь, спасибо. А ты передай Кики, что минут через пятнадцать я спущусь. – Сесили вдруг объял необъяснимый страх, что кто-то посторонний заметит произошедшие в ее теле перемены.

Кики поджидала ее в гостиной. Огромная комната с отполированным до блеска деревянным полом была заполнена всевозможными произведениями искусства; возле камина стояли удобные кресла. Хотя зачем в такой жаре камин? «Неужели им пользуются?» – недоумевала Сесили.

– Проходи, милая, и закрой поплотнее дверь за собою, – приветствовала ее Кики, восседавшая в одном из кресел. – Думаю, чай мы сумеем разлить себе сами, без помощи слуг, я права? Полагаю, ты не хочешь, чтобы наш с тобой разговор был предан огласке и стал всеобщим достоянием, тем более среди прислуги.

– Да, спасибо, – промямлила Сесили, глянув на серебряную трехъярусную вазу для пирожных, заполненную доверху крохотными бутербродами, всевозможной сдобой и пирожными. При виде всего этого изобилия Сесили сразу же начало подташнивать.

– Я специально заварила тебе имбирный чай. Он очень хорошо помогает при утренней слабости. Проходи же и присаживайся. – Кики жестом указала на кресло, стоявшее напротив ее кресла, затем налила какой-то бледно-оранжевой жидкости в чашечку из тончайшего костяного фарфора. – Попробуй! Я спасалась только им, когда была беременна.

Несмотря на весь свой стыд и то унижение, в котором она сейчас пребывала, Сесили с интересом выслушала Кики, которая обычно никогда не распространялась о своей личной жизни. Конечно, Сесили была в курсе, что у крестной есть дети, приблизительно одного с ней

возраста, но Кики предпочитала лишний раз не упоминать о них. Сесили сделала небольшой глоток, горячая жидкость тут же обожгла горло, но сам вкус имбирного чая ей определенно понравился.

– А сейчас, моя дорогая, поговорим о том, что мы с тобой будем делать, чтобы наилучшим образом выпутаться из той ситуации, в которой ты оказалась. – Кики отставила свою чашку в сторону и закурила сигарету. – Могу ли я поинтересоваться, кто отец? Полагаю, бывший жених? Я права?

– Нет, он... – Сесили запнулась. – Я...

– Послушай меня, Сесили. И хорошенько запомни! В моей жизни было много чего плохого, и хочу сказать тебе: все, что ты мне сейчас скажешь, не только останется строго между нами, но и не особо удивит меня. Мне пришлось пробираться через такое количество заторов и преград, какие иным обитателям Манхэттена не встречались и за всю их жизнь. Но вот я сижу перед тобой, такая, какая есть. Понимаешь меня?

– Да, понимаю.

– Так кто отец ребенка?

– Его зовут Джулиус Вудхед. Он племянник Одри, леди Вудхед, подруги моей мамы.

– О, я знаю Одри с незапамятных времен. Уж как она мечтала всю жизнь водрузить на свою голову корону пэров, – бросила Кики с нескрываемой издевкой. – Меня она, конечно, ненавидела, потому... Впрочем, это уже совсем другая история. Отложим ее на потом. Итак, ты познакомилась с Джулиусом, когда гостила у Одри в Англии?

– Да, он... Я... Мне показалось, что он влюбился в меня. А я сама влюбилась в него сразу же... Он говорил, что мы вскоре объявим о нашей помолвке и...

– То есть он попросту соблазнил тебя?

– Да. Только, пожалуйста, Кики не надо мне сейчас говорить, что я не должна была ему верить, что я оказалась круглой дурочкой, и все такое. Сейчас я и сама все это прекрасно понимаю. Но тогда... Он был так очарователен, так мил и любезен... А тут еще и то, что меня бросил жених ради другой женщины... Словом, все, вместе взятое. Я оказалась...

– ...беззащитна, – закончила за нее Кики. – Все мы, женщины, бываем уязвимыми, Сесили. И уж особенно, когда речь заходит об

английских мужчинах. Они все так чертовски обходительны и милы, что достаточно им прошептать нам на ухо пару любезностей, да еще со своим безупречным произношением, как мы сами с готовностью укладываемся к ним в постель. – Кики подавила тяжелый вздох. – Во многом я и сама виновата, что все так случилось. Ведь если бы я поехала в Вудхед-Холл вместе с тобой, то наверняка сразу бы распознала его игру и не допустила бы ничего подобного. Но что случилось, то случилось. Теперь я знаю все подробности того, что произошло с тобой, и должна заметить, вся эта история очень похожа на ту, которая когда-то, много лет тому назад, случилась и со мной. А потому совместными усилиями мы сейчас найдем приемлемый выход... из твоего, скажем так, затруднительного положения. Ведь, как я понимаю, шансов на то, что этот Джулиус поведет тебя под венец, нет?

– Ха-ха! – горестно рассмеялась в ответ Сесили. – Буквально перед своим отъездом из Англии я узнала, что он помолвлен с другой женщиной.

– Да, милая, тебе пришлось несладко. К счастью, рядом с тобой есть я, а я-то уж знаю толк в этих вещах, поверь мне! – Кики криво усмехнулась и поднялась с кресла. – Однако одним чаем, боюсь, не обойдешься. Здесь явно нужно что-то покрепче. – Она подошла к угловому бару и плеснула себе в стакан изрядную порцию бурбона из графина, стоявшего наверху. – Догадываюсь, что ты не горишь желанием составить мне компанию?

– Нет, спасибо.

– Твоя мать тоже, естественно, ничего не знает о твоих... контактах с этим Джулиусом?

– О нет! Конечно нет! То есть если бы наша помолвка состоялась на самом деле, то, думаю, она была бы на седьмом небе от счастья. Ведь Джулиус унаследует титул и Вудхед-Холл после смерти своего дяди.

– Еще бы! Такая перспектива ее бы очень обрадовала! – рассмеялась Кики и осушила свой стакан до дна. – Само собой, ты сейчас можешь написать ему и сообщить о своем положении. Если хочешь, я сама напишу Одри и все ей расскажу?

– Нет! Пожалуйста, не надо! Лучше умереть, чем просить у него на коленях о какой-то милостыни. К тому же как я докажу, что это именно

он – отец моего будущего ребенка? Ведь у меня же нет на руках никаких доказательств, разве не так?

– Ты права. Если бы подобные доказательства было так легко заполучить, то наверняка добрая половина всех заключаемых браков тут же закончились бы разводом. – Кики издала хриплый смешок, снова наполнила свой стакан и села в кресло. – Ты абсолютно права. Он будет все отрицать, а ты выставишь себя полной дурочкой в глазах всех. А ты, должна я заметить, далеко не дурочка! Моя дорогая Сесили, сейчас я поведаю тебе одну страшную тайну, которая, возможно, поднимет тебе настроение, хотя бы чуть-чуть. Когда-то давным-давно одна юная девушка, приблизительно твоего возраста, познакомилась с принцем. С самым настоящим английским принцем, четвертым в очереди на английский престол. Она влюбилась в него до беспамьятства, а потом, через какое-то время, обнаружила, что – увы-увы! – оказалась точно в таком же положении, в каком сейчас пребываешь ты. Она искренне верила в то, что принц будет рядом с ней, что он не бросит ее и будет всячески помогать. Вполне возможно, они даже поженятся и тогда она тоже станет принцессой. Она позвонила ему, сказала, что им нужно встретиться и поговорить, потому что она носит под сердцем его дитя. Он пообещал помочь ей, но тот телефонный звонок стал их последним разговором. Вскоре у нее в доме появился конюший, королевский слуга, если назвать его по-другому, который сообщил молодой особе следующее. Ей надлежит незамедлительно отправиться в одну частную клинику в Швейцарии и дожидаться там появления ребенка на свет. Так она и сделала. Родила младенца, а ей даже не дали подержать его на руках. Ребенка немедленно изъяли, и больше она никогда его не видела.

Сесили увидела, как глаза Кики наполнились слезами, когда она снова сделала большой глоток из своего стакана с бурбоном.

– Надеюсь, ты догадываешься, кто была та молодая особа, не так ли, милая?

Сесили молча кивнула головой.

– Словом, я уже прошла через все то, через что проходишь сейчас ты. Прошла и в полной мере прочувствовала на собственной шкуре все прелести случившегося. Однако в твоей ситуации есть и хорошая новость: ведь пока о твоей беременности никто не знает, за исключением доктора Бойля, тебя и меня. Что ж, постараемся, чтобы так оно было и впредь. Мы же с тобой умные женщины, а потому

молчок и еще раз молчок. Собственно, об этом-то и знать никому не следует.

– Но как, Кики? И куда мне теперь податься?

– В Швейцарию, куда же еще? Туда, куда в свое время отправилась и я. Какая бы военная заварушка ни началась в Европе, Швейцария всегда останется нейтральным государством. Так что там ты будешь в полной безопасности. Твоей матушке мы отправим письмо, напишем ей, что ты решила остаться в Кении еще на какое-то время. А все здешние решат, что ты вернулась назад, в Америку. Видишь, как все просто? Просто и совершенно! – Кики даже радостно прихлопнула в ладоши, явно довольная своей хитроумной находчивостью.

– А что будет после того, как я рожу?

– Как что? Ты отдашь ребенка приемным родителям. В клинике подыщут приличную семью, желающую усыновить или удочерить твоего младенца. Вполне возможно, это будет американская семья, которая обеспечит твоему ребенку все блага: прекрасный дом, счастливую жизнь. А ты снова обретешь вожделенную свободу, чтобы заняться обустройством собственной жизни. Разве не этого ты хочешь? Не к этому стремишься?

– Я... Думаю, да, Кики. Хотя и сама не знаю... Я все еще в состоянии шока.

– Понимаю, дорогая. Однако времени на раскачку у нас нет. Решение должно быть принято в максимально короткие сроки. Мы же с тобой не хотим, чтобы твоя новость стала всеобщим достоянием и докатилась до Манхэттена. Разве не так?

– Не хотим, конечно.

– Я в том смысле, что просто не вижу альтернативы, – продолжила свои размышления вслух Кики. – А ты сама можешь предложить что-то путное?

– Нет, не могу. – Сесили отрицательно замотала головой, чувствуя, как ею снова овладевает отчаяние.

– Само собой, я поеду в Швейцарию с тобой и лично устрою тебя в эту клинику. Но отправляться туда надо незамедлительно. Тем более что сегодня на карте Европы каждый день появляются новые границы. Только не хватало, чтобы наши планы сорвал этот несносный Гитлер.

– Вы полагаете, что в Швейцарии я буду в безопасности? Ведь она же соседствует с Германией.

– О да, милая. Я абсолютно уверена в том, что там ты будешь в полной безопасности. Хотя бы уже потому, что в швейцарских банках хранятся основные золотовалютные запасы ее ближайшей соседки, а нацисты никогда не станут рисковать и лишаться своих активов, – задумчиво бросила в ответ Кики. – Так могу я позвонить сейчас твоей матери и сообщить ей, что ты намерена погостить у меня еще какое-то время? Она мне уже сегодня звонила сама, но ты в это время как раз отдыхала. Твои родители, судя по всему, весьма обеспокоены теми новостями, которые поступают к ним из Европы. Они собираются зарезервировать тебе обратный билет в Штаты уже на ближайшее время, поэтому нам необходимо остановить их.

– Но какой мне придумать предлог? Как объяснить им, что я хочу задержаться у вас? – Сесили больно прикусила губу. Сама мысль о том, что впереди ее ждет разлука с родными, которая затянется на долгие месяцы, приводила в отчаяние.

«Вдали от родной семьи... И это тогда, когда мне особенно необходимо их присутствие рядом...»

– О, на этот счет можешь не волноваться. Я что-нибудь придумаю, – беззаботно отмахнулась Кики. – Я ведь большой мастак по части всяких придумок.

Сесили глянула на свою крестную, а про себя подумала, что хотя трудно вообразить проявление большей заботы и участия, чем это сейчас демонстрирует Кики, но все же для нее это не больше чем игра. Такая новая увлекательная игра...

– Хорошо, но может, отправимся в Швейцарию через пару дней? Мне все же надо время, чтобы все обдумать, – сказала Сесили, немного помолчав.

– Хорошо, милая, будь по-твоему, но учти, времени у тебя в запасе очень мало. А потому надо спешить. Если, конечно, не отыщутся какие-то запасные варианты уже здесь... Скажем, найдется мужчина, который согласится жениться на тебе хоть завтра, – безжалостно заявила Кики и издала ироничный смешок.

– Я все понимаю. И еще раз большое вам спасибо за то, что вы готовы помочь мне, но, повторяю, мне надо хоть немного времени, чтобы все хорошенько обдумать. – Сесили поднялась с кресла. – Пойду немного прогуляюсь, если вы не против.

– Ступай. Знаю, на твои плечи сейчас свалился тяжеленный груз, но ты справишься, уверена в этом. Ты ведь намного сильнее, чем думаешь о себе сама.

– Надеюсь, что так оно и есть. До встречи вечером.

Сесили вышла из гостиной и направилась к парадной двери.

– Вы забыли надеть шляпку, *мемсахиб!* – бросился за ней вдогонку Алееки. – На улице вам будет очень жарко.

При этом он бросил мимолетный взгляд на ее живот, и Сесили тотчас же поняла, что он в курсе всех ее бед.

– Спасибо, Алееки! – Коротким кивком головы она поблагодарила слугу, вышла во двор и направилась напрямик через лужайку к своей любимой скамье у озера, стараясь сосредоточиться и обдумать все то, что случилось в ее жизни за последние несколько часов.

Но, само собой, сконцентрировать собственные мысли на том, что с ней случилось, у нее никак не получалось. Сесили просто сидела, бездумно глядя на гиппопотамов, которые в какой-то момент медленно оторвали свои тела от песка на берегу и побрели в воду, чтобы совершить свое традиционное послеобеденное омовение. Та неторопливость, с которой животные совершали этот ежедневный ритуал, завораживала и странным образом успокаивала Сесили, все еще пребывающую в самых растрепанных чувствах. Ей даже вдруг захотелось самой стать таким вот флегматичным огромным гиппопотамом. Совершенно безумное желание, особенно если вспомнить, что это одно из самых безобразных животных на земле. И все же лучше быть гиппопотамом, чем жить дальше со всем тем грузом проблем, который так неожиданно-негаданно свалился на нее.

В конце концов она оставила всякие попытки разобраться в том хаосе, который царил у нее в голове, и осмыслить все, что с ней случилось, и побрела назад в дом. Наверху Мурата уже приготовила ей ванну. Сесили легла в воду и снова принялась разглядывать свой живот. Тот крохотный бугорок на нем – это ей мерещится? Или он уже действительно есть?

– Мадам интересуется, будете ли вы ужинать сегодня вместе с ней внизу? – спросила Мурата, снова возникнув через какое-то время в ее спальне.

– Сегодня вряд ли. Передай мадам мои извинения, а я попрошу принести мне ужин прямо сюда, – твердо ответила Сесили. В глубине

души она чувствовала себя виноватой перед Кики: та проявила к ней столько участия и заботы, а она сейчас всячески избегает крестной и старается лишней раз не попадаться ей на глаза. С другой стороны, Сесили была по меньшей мере неприятна та легкомысленно бравурная манера, в которой Кики отреагировала на ее беду. Сесили подумала, что крохотное существо, которое притаилось у нее внутри, в чем-то похоже на Гитлера: тот аннексировал Чехословакию, а этот аннексировал всю ее дальнейшую жизнь. Да, ситуация серьезная и даже более чем серьезная.

Кое-как выхлебав суп, который принесла ей Мурата, Сесили взяла Библию: мама вручила ее при прощании, попросив взять с собой в дорогу.

Раньше Сесили никогда не интересовалась вопросами веры, в которой ее воспитали, и не вникала во всякие религиозные хитросплетения. До недавнего времени вера ассоциировалась в ее сознании с обязательными воскресными походами в церковь, когда все члены семьи облачались в свои самые лучшие одежды. Но сейчас, пролистывая страницы Священного Писания, Сесили вдруг задалась множеством вопросов.

Разве христиане избавлялись от своих детей, если те по каким-то причинам становились для них обузой? Сесили снова подумала о своей сестре Мейми. Вот уж кто совершенно не был создан для материнства и всю жизнь думал только о себе. И тем не менее с какой радостью она отдалась материнским заботам, сразу же почувствовав себя в этой роли словно утка в воде.

– А что буду чувствовать я, вынашивая тебя под сердцем следующие семь месяцев? – прошептала она, обращаясь к своему животу. – Господь одарил Деву Марию младенцем еще до того, как Иосиф взял ее в жены... Та еще ситуация, если разобраться! Получается, что весь Новый Завет в своей основе опирается на женщину, которая была неверна своему будущему мужу!

Грандиозность собственного открытия настолько потрясла Сесили, что она невольно откинулась на подушки, с сожалением подумав о том, как же мало она уделяла в свое время внимания тем воскресным проповедям, с которыми выступал священник в их церкви.

Выключив свет, она постаралась устроиться поудобнее, в надежде, что сумеет заснуть и забыться хотя бы на несколько часов, дать

короткий отдых своей измученной голове. Одно Сесили знала точно: пока у нее нет вразумительных ответов ни на один вопрос из тех, что безостановочно сверлили в мозгу. Но она понимала и другое: она должна, она обязана найти правильный ответ хотя бы для себя самой.

* * *

Несмотря на то что ей все же удалось заснуть, утром она проснулась еще более ослабевшей, чем накануне, когда укладывалась в постель. Сразу же почувствовала позыв к рвоте, быстро побежала в ванную, и ее тут же вытошнило в унитаз одной желчью.

– *Бване* опять нездоровится, да? – сочувственно спросила Мурата, помогая Сесили добрести до постели и снова лечь. И опять она почувствовала на себе мимолетный взгляд служанки, каким она скользнула по ее животу. Когда Мурата вышла из комнаты, Сесили перевернулась на другой бок и издала громкий стон. Яснее ясного, что вся прислуга в доме уже в курсе того, что она беременна.

«Кики права. Надо срочно уезжать, как она и предлагает, иначе очень скоро эта новость распространится по всей Долине», – подумала Сесили с отчаянием.

Кое-как она оделась и спустилась к завтраку. Вместо кофе ей снова подали имбирный чай. С огромным усилием Сесили заставила себя проглотить пару крошек из той обильной еды, которой был заставлен весь стол.

– Доброе утро, милая. Как спалось? – услышала она голос Кики.

– Спасибо, все нормально, – ответила Сесили, удивляясь тому, что крестная поднялась в такую рань и спустилась вниз, облачившись в халат яркого пурпурного цвета.

– Хорошо. А я вот собралась пойти искупаться. Тяжело спать по ночам в такую жару, – бросила Кики, направляясь в сторону озера. – Присоединяйся ко мне после завтрака. Знаешь, здешние грязи творят просто чудеса с кожей лица.

Поскольку других занятий у Сесили все равно не было, она поплелась вслед за Кики к озеру; та сразу же сбросила с себя халат и осталась в полосатом купальнике. Для женщины средних лет, у которой уже взрослые дети, Кики обладала просто изумительной фигурой.

Усевшись на скамью, Сесили пожелала самой себе, чтобы и у нее после рождения ребенка фигура осталась прежней...

Какое-то время Кики шумно плескалась в воде, потом вышла на берег, взяла полотенце, которое услужливо подал ей Алееки.

– Я еще побуду какое-то время здесь, рядом с Сесили. Немного обсохну на солнце, – сказала она ему. Тот понимающе кивнул и вручил ей мундштук с уже вставленной в него сигаретой, после чего удалился, оставив двух женщин наедине друг с другом.

– Есть новые идеи? – поинтересовалась Кики, сделав глубокую затяжку и выпустив клубы дыма, от которого Сесили снова почувствовала приступ тошноты.

– Вы правы, Кики, вы абсолютно правы, и это единственное, что я могу сказать вам. Альтернативы у меня действительно нет. Хотя мне по-прежнему невыносимо думать, что моего ребенка усыновит какая-то чужая семья. А еще страшит то, что теперь мне придется до конца своей жизни обманывать всех вокруг. Иными словами, жить во лжи.

– Понимаю тебя, милая. Отлично понимаю. Но ты должна помнить и о другом: все, что ты делаешь, ты делаешь ради блага своего ребенка. Ведь как мать-одиночка ты немедленно превратишься в своего рода прокаженную, станешь изгоем в обществе. Не говоря уже о том позоре, который навлечешь на свою семью. У тебя еще будут дети. Уверяю тебя, Сесили, что так оно и будет. Как только ты встретишь достойного мужчину, который станет твоим мужем, все твои сегодняшние беды покажутся тебе кошмарным сном, и только. А сейчас, после плавательных процедур, мне срочно нужна чашечка крепкого кофе. Составишь компанию?

– Нет, спасибо. Пожалуй, я посижу здесь еще немного.

Кики набросила на себя халат и поспешила назад, к дому. А Сесили поднялась со скамьи и медленно побрела вдоль берега, она шла до тех пор, пока Мундуи-Хаус не исчез из поля зрения. Она глядела, как плещется вода в озере, волнами набегаая на прибрежный песок, и ей вдруг захотелось схватить бутылку с бурбоном, что стоит в баре у Кики, осушить ее до дна, а потом войти в воду и медленно идти до тех пор, пока вода не поглотит ее всю целиком. Зачем ей сейчас эта жизнь со всем ворохом неразрешимых проблем?

– Ах, мамочка, если бы я только могла сейчас поговорить с тобой. Но я не могу! Не могу...

Сесили обхватила голову обеими руками и безвольно опустилась на какую-то корягу, ствол засохшего дерева, торчавший у нее за спиной. Слезы градом полились по ее щекам, она рыдала так безутешно, что даже не услышала звук приближающихся шагов, пока они не замерли совсем рядом с ней.

– Сесили, дорогая моя! Твоя крестная сказала, что ты гуляешь возле озера. Что случилось?

Сесили подняла голову и увидела перед собой Кэтрин: на лице подруги застыла тревога.

– Да так, ничего особенного. – Сесили торопливо вытерла слезы с лица. – А ты как здесь очутилась?

– Доктор Бойль сообщил Биллу, что тебе нездоровится. Они вчера вечером пересеклись в клубе Мутаига. Билл рассказал мне об этом сегодня утром, и я очень разволновалась. Тогда он настоял на том, что свозит меня в Мундуи-Хаус проведать тебя. И вот я здесь.

– И Билл тоже здесь? – спросила Сесили, в ужасе от того, как быстро распространилась новость о ее нездоровье среди обитателей Долины. – Конечно, это очень мило с вашей стороны – проведать меня, но уверяю тебя, Кэтрин, со мной все прекрасно и я в полном порядке.

– Сесили! – Кэтрин присела перед ней на корточки и взяла за обе руки. – Достаточно взглянуть на тебя, чтобы понять, что ты далеко не в порядке. По твоему внешнему виду никак не скажешь, что у тебя «все прекрасно». Что же случилось, скажи мне ради бога? И, пожалуйста, не вздумай притворяться и обманывать меня. Зря ли я два с половиной часа тряслась в машине, добираясь сюда? Думаю, я вполне заслужила честный ответ.

Сотни вариантов ответа вихрем пронеслись в голове Сесили, но она и правда слишком устала, чтобы притворяться. И лгать тоже больше не могла.

– Я беременна, Кэтрин! Вот что со мной случилось! Доктор Бойль сказал мне, что я должна родить через семь месяцев с небольшим. Вот такие у меня дела!

Сесили поднялась с коряги и зашагала вдоль озера, даже не оглядываясь назад. Ей хотелось побыстрее уйти от дома, от Кэтрин, уйти как можно дальше, чтобы все наконец оставили ее в покое. «Еще немного, – подумала она с горечью, – и новость о моей беременности будет вынесена в заголовки всех местных газет. Пожалуй, в здешних

кругах эта новость наделает больше шума, чем вторжение Гитлера в Чехословакию. Поди, тираж раскупят в мгновение ока».

– Сесили, подожди! Пожалуйста! Куда ты? – Запыхавшаяся Кэтрин нагнала ее и зашагала рядом, но Сесили упрямо продолжала идти вперед, с трудом переставляя ноги.

– Нет! Не хочу! – крикнула она в ответ. – И я совсем не обижусь на тебя, если ты больше не захочешь встречаться со мной или даже разговаривать. Я опозорена! И, по-моему, все вокруг уже знают о моем позоре.

– Пожалуйста, успокойся, ладно? Заверяю тебя, никто ничего не знает. А я хочу поговорить с тобой... Сесили! Да остановись же ты наконец! Давай поговорим спокойно.

– Не о чем нам разговаривать! Не о чем... – Сесили снова стали душить рыдания. – Кики собирается устроить меня в какую-то клинику в Швейцарии, где я пробуду вплоть до родов. А как только рожу, должна буду отдать ребеночка приемным родителям и потом продолжать жить, как будто ничего и не было. Понимаешь? Все уже решено за меня.

– Сесили, я понимаю, ты очень расстроена и...

Сесили дошла до конца тропинки, которая дальше уже терялась в непроходимых густых зарослях. Она развернулась лицом к Кэтрин и затрясла что есть силы головой:

– Пожалуйста, оставь меня! Я хочу побыть одна.

– По-моему, это последнее, что я могу сейчас сделать: бросить тебя одну в таком ужасном состоянии. Давай присядем где-нибудь и поговорим обо всем спокойно.

– Я же тебе сказала, нам не о чем говорить. Не о чем!

– Сесили, ты сейчас ведешь себя как такое капризное и разбалованное дитя. Совсем не как будущая мать, которой ты скоро станешь. Если ты не успокоишься сию же минуту и не возьмешь себя в руки, я буду вынуждена влить тебе пощечину, чтобы привести в чувство.

Дыхание Сесили стало прерывистым, все поплыло у нее перед глазами, и она почувствовала мгновенную слабость во всем теле. Сесили повело в сторону, но Кэтрин вовремя подхватила ее и не дала упасть.

– Боже! До чего ты себя довела! Обопрись на меня, я отведу тебя в дом и уложу в постель.

– Я не хочу возвращаться домой! Я не хочу никуда ехать, Кэтрин. Я хочу умереть!

– Я прекрасно понимаю, в каком стрессовом состоянии ты сейчас находишься. Но, родная моя! Пока мы живы, всегда есть какой-то выход. Уверена, мы найдем разумное решение, – сказала Кэтрин, стараясь говорить как можно спокойнее и придерживая Сесили одной рукой за талию. Так они медленно побрели вдоль озера назад к дому.

– Да нет таких решений, нет! Как же ты не понимаешь этого, Кэтрин? Я не могу оставить себе своего ребеночка, даже если бы захотела этого. Возможно, *именно этого* я и хочу, но... О боже! Кажется, я сейчас...

Кэтрин почувствовала, как все тело Сесили вдруг обмякло и навалилось всей тяжестью на нее. Она уже приготовилась кричать и звать на помощь, но в эту минуту увидела перед собой Билла, стоявшего в нескольких ярдах от них.

– Билл, слава богу, ты здесь! Сесили лишилась чувств! – Билл подбежал к ней, обхватил Сесили своими крепкими руками и поднял ее. – Как ты здесь оказался?

– Пошел вслед за вами к озеру. Больше уже просто физически не мог выносить общество этой женщины, – ответил он, тяжело дыша, но не выпуская свою ношу из рук. Они вернулись в сад, окружавший дом со всех сторон. – Беги сейчас в дом и принеси немного воды. У нее глубокий обморок. Видишь, она в полной отключке?

– Уже бегу! – тут же подхватила Кэтрин и приготовилась ринуться к дому, а Билл тем временем осторожно опустил Сесили на скамейку в тени акации.

– Постой! – окликнул ее Билл. – Как я понимаю, Сесили... беременна? Так уж вышло, что я нечаянно подслушал конец вашего разговора, когда отправился на ваши поиски.

– Да, и ты должен поклясться мне, Билл, что об этом не узнает ни одна живая душа на свете, – с особым ударением в голосе ответила Кэтрин. – Сейчас репутация Сесили всецело в твоих руках и зависит от твоего благоразумия.

Билл молча глянул на Кэтрин, уже повернувшуюся к нему спиной, потом перевел свой взгляд на молодую женщину, лежавшую без

сознания на скамье. Снял с головы шляпу и принялся обмахивать ею лицо Сесили на манер веера.

* * *

– Полегчало немного? – спросила Кэтрин у Сесили через полчаса, уже в ее спальне.

– Да, намного легче, – слабо откликнулась та. – Прости меня, Кэтрин. Я вела себя с тобой непозволительно грубо. Вы с Биллом проделали такой тяжкий путь для того, чтобы проведать меня.

– Да все в порядке, Сесили! Разве же я не понимаю? В подобных обстоятельствах люди часто теряют голову. Вот и для тебя все это стало шоком.

– Но это еще не повод грубить. Ты не заслужила подобного обращения! Пожалуйста, Кэтрин, прошу тебя, прости!

– Уже простила! Честно!

– А если уж говорить обо всем остальном, то все со мной обойдется. Серьезно! Кики права. Мне нужно самой решать свои проблемы. В конце концов, я сама и виновата в том, что они у меня возникли. Глупая, самонадеянная девчонка, вот кто я! – Сесили отхлебнула из чашки с имбирным чаем.

– То есть это... не было насилием с его стороны, кем бы он там ни был?

– Нет, никакого насилия не было. Хотя теперь мне кажется, что уж лучше бы меня изнасиловали. Тогда я бы не чувствовала таких угрызений совести...

– Прекрати! Не говори глупостей, Сесили! – Кэтрин даже передернуло от возмущения. – Моему отцу часто приходилось иметь дело с несчастными жертвами насилия. Иногда так называемые мужья насилюют девочек, едва достигших одиннадцати-двенадцати лет. И это самое ужасное из того, что может быть.

– Ты права. Конечно, ты права, – согласилась с ней Сесили. – Мне тоже пора прекращать жалеть себя и начинать делать то, что надо делать. Хотя сама мысль о том, что мне придется отдать ребеночка в чужие руки, ужасает меня.

– Знаешь что? Давай пока *не станем думать* о том, что будет потом. А сейчас мне пора. Билл уже рвется в обратный путь. Ты же знаешь, каким несносным он находит общество твоей крестной.

– Да, конечно! И, прошу тебя, поблагодари его от меня. Передай ему большое спасибо за то, что он смог выкроить время и привезти тебя ко мне.

– Билл сказал, что тоже хочет заглянуть к тебе на минутку, чтобы попрощаться лично, а потому ты сумеешь высказать ему все свои благодарственные слова. Хорошо, я пошла. – Кэтрин поднялась с края постели, на котором сидела. – Обещай мне, Сесили, что перед своим отъездом в Швейцарию ты обязательно заглянешь ко мне, чтобы попрощаться.

– Конечно, я приеду к тебе. Обязательно! Но как ты думаешь, Кэтрин, это правильное решение?

– Нет, с моей точки зрения, это решение далеко не правильное. Но в реальной жизни... Пока современное общество не избавится от тех нелепых предрассудков, с которыми оно относится к матерям-одиночкам, не возлагая при этом никакой вины или тем более ответственности на отцов детей, я, сказать по правде, тоже не вижу для тебя иного выбора. И мне очень-очень жаль, что это так. Оставайся со мной на связи, ладно? – Кэтрин ласково сжала руку Сесили.

– Хорошо, обещаю. И, пожалуйста, передай от меня привет Бобби.

Кэтрин вышла из комнаты, а Сесили, провожая ее взглядом, подумала, что именно Кэтрин будет тем человеком, по которому она будет скучать больше всего, когда покинет Кению.

Спустя пару минут в дверь ее спальни снова постучали.

– Входите, – отозвалась Сесили.

На пороге появился Билл со шляпой в руке. Он немного смущенно замялся на пороге.

– Добрый день, Билл. Проходите, присаживайтесь. – Сесили показала на стул рядом со своей кроватью.

Но Билл не стал садиться. Он подошел к кровати и встал в ногах, пристально уставившись на лицо Сесили.

– Рад видеть, что ваши щечки немного порозовели.

– Да, мне уже гораздо лучше. Спасибо, что спасли меня. Уже во второй раз.

– Ну, сегодня это получилось по чистой случайности. Такое счастливое совпадение, если так можно выразиться.

Билл принялся нервно расхаживать вдоль спинки кровати.

– С вами все в порядке, Билл?

– О да. Со мной все в полном порядке. Честно говоря, Сесили, я тут хотел спросить у вас кое-что.

– Спрашивайте. Готова ответить на любой ваш вопрос. Должна же я хоть как-то отблагодарить вас за ту доброту и участие, которые вы проявили ко мне здесь, в Кении.

– Видите ли, дело в том... – Билл сунул руку в карман и зазвенел завалявшейся там мелочью. – Дело в том, что, как это ни странно, но за то время, что вы провели у нас, я уже успел привязаться к вам со всей серьезностью.

– Правда? – совершенно искренне удивилась Сесили, ожидая, что после такого неожиданного признания Билл, по своему обыкновению, обязательно скажет какую-нибудь гадость.

– Да, вы мне нравитесь. Вот я и подумал... Что, если я предложу вам стать моей женой? Что скажете?

– Я... – Сесили ошарашенно уставилась на него. – О, Билл! Прошу вас! Что за глупые шутки? Мне, по правде говоря, сейчас совсем не до смеха. Так все же о чем вы хотели спросить меня?

– Именно о том, о чем я только что и спросил. В самом деле! Пришла пора обзавестись мне наконец женой, привести, так сказать, хозяйку в свой дом. А у меня сложилось впечатление, что мы с вами можем отлично поладить. Мы ведь уже притерлись друг к другу, я прав?

– Я... Пожалуй, да, вы правы.

– И потом, я немного наслышан о том... затруднительном положении, в котором вы сейчас оказались. Случайно услышал обрывок вашего разговора с Кэтрин, когда искал вас обеих возле озера. И вот, пока вы лежали на скамейке в полном бесчувствии, у меня вдруг мелькнула мысль: что, если мы с вами сумеем прийти к какому-то соглашению, одинаково выгодному для обеих сторон? Если вы улавливаете все то, что я имею в виду.

Сесили лишь молча пожирала глазами Билла в полном потрясении от всего, что только что услышала. То есть он знает, что она беременна, и тем не менее предлагает стать его законной женой. Нет, определенно,

его предложение никак не укладывалось в ее голове. Не говоря уже о том, что Билл имеет репутацию закоренелого холостяка, старого холостяка к тому же.

– Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что намного старше вас, – словно прочитал он ее мысли. – Осенью мне стукнет уже тридцать восемь. И потом, мой дом – это, конечно, очень скромное жилище по всем параметрам. Но если вы согласитесь стать моей женой, то я обещаю вам построить надлежащий дом, в котором будет хорошо и комфортно и вам, и ребенку. *Нашему ребенку*, подчеркну я особо. Во всяком случае, для всего здешнего окружения.

– Понимаю.

– И потом, почему бы нам не обзавестись и еще большим числом детишек, если мы оба этого захотим? В нормальных семьях так всегда бывает.

– Да, но...

– Понимаю, у вас много «но». Начнем с того, что вряд ли молодая девушка, такая, как вы, ожидала получить предложение руки и сердца от такого субъекта, как я, когда мечтала и строила планы на будущее. Но... – Билл подавил тяжелый вздох. – Все получилось так, как получилось. Честно признаюсь, мне вас будет очень не хватать, когда вы укатите в свою Швейцарию, а оттуда вернетесь домой в Америку. Нет, это отнюдь не признание в любви, но мое чувство к вам, оно очень близко к тому, что люди обычно называют любовью. И поверьте, я уже давно не испытывал ничего подобного. За плечами у каждого из нас имеется свой горький опыт по части любовных дел, а потому мы оба должны, как мне кажется, решиться на такой... шаг с открытыми глазами. Но это в том случае, если вы примете мое предложение. А сейчас я оставляю вас одну. Обдумайте все как следует. И если вы посчитаете, что это хороший выход из той ситуации, в которой вы сейчас оказались, то тогда я предлагаю объявить о нашей помолвке незамедлительно, чтобы сразу же заткнуть рот всем тем охотникам, которые захотят бросить тень на вашу репутацию. Завтра я снова заскочу к вам, чтобы посмотреть, как вы. Думаю, у вас будет достаточно времени, чтобы поразмыслить над моим предложением и дать мне окончательный ответ. А сейчас... – Билл подошел к изголовью кровати, взял руку Сесили и поцеловал ее. – А сейчас я с вами прощаюсь. Всего доброго.

С этими словами он круто развернулся и вышел из комнаты.

* * *

При встрече с крестной Сесили умолчала о разговоре с Биллом: она уже успела понять, что Кики очень импульсивная особа, не сильно утруждающая себя обдумыванием каждого последующего хода и способная принять любое решение, даже не моргнув глазом. А Сесили хотелось хорошенько все обдумать самой, без каких-либо подсказок извне. Она понимала, что в любом случае решение, которое она примет, навсегда изменит всю ее дальнейшую жизнь.

Однако сейчас у нее хоть *появился выбор*. Что одновременно и хорошо, и плохо, ибо все усложняется еще больше.

Как только Сесили услышала, что Кики идет по коридору в сторону своей спальни для традиционной послеобеденной «сиесты», как крестная сама называла свой отдых, она тут же выскользнула из комнаты и стремглав бросилась на улицу, чтобы посидеть в одиночестве на своей излюбленной скамейке у озера и пообщаться с гиппопотамами.

– Смогу ли я жить здесь постоянно? – спросила она, обращаясь к животным и вглядываясь в спокойную гладь озера. – Да, не спорю, здесь очень красиво. Но важнее ведь другое. – Она горестно вздохнула. – Смогу ли я жить с Биллом?

Она вспомнила ту жалкую лачугу под железной крышей, в которой он сейчас обитал, и постаралась мысленно представить себя там. Да, но он же пообещал построить новый дом! А как будет здорово разбить вокруг нового дома сад наподобие вот этого, в котором она сейчас сидит... И как заманчиво стать полноценной хозяйкой собственного дома. Да еще имея под боком таких замечательных соседей, как Кэтрин и Бобби...

Наверняка и родители будут счастливы, когда узнают, что она вышла замуж за англичанина, к тому же из хорошей семьи. Старший брат Билла – офицер в чине майора и, что немаловажно, давний друг Одри. Но самое главное – Сесили не придется расставаться с собственным ребенком. Ведь Билл же четко сказал, что будет воспитывать ее ребенка как своего собственного. Конечно, сплетен не

избежать. Местные кумушки наверняка будут судачить, говорить, что свадьба была слишком скоропалительной, да и ребеночек появился на свет чересчур быстро. Но все их разговоры и пересуды ничто в сравнении с перспективой отдать свое дитя в чужие руки.

– Но что же сам Билл? – снова обратилась она к гиппопотамам. – Он ведь ясно дал мне понять, что наш брак – это брак по расчету, и только...

А в каком браке нет этого самого расчета? Если задуматься, то любой супружеский союз – это прежде всего контракт, такой обоюдовыгодный договор двух сторон.

«И потом, ты же сама сказала, Сесили, что с любовью покончено раз и навсегда и что ты больше никогда не поверишь ни одному мужчине, разве не так? – спросила она у себя мысленно. – А коль так, то кончай все эти антимонии и прекращай надеяться на какую-то неземную любовь».

По крайней мере, она может доверять Биллу и знает наверняка, что он будет о ней заботиться, – ведь он уже доказал это на практике, когда спас ей жизнь. К тому же, к своему немалому удивлению, Сесили вынуждена была признать, что ее потянуло к этому человеку с самого первого момента их встречи, хотя она тогда прошла не очень гладко.

Сесили очень хотелось спросить у него, намеревается ли он впоследствии сделать их брак полноценным во всех отношениях союзом мужчины и женщины, но, конечно, она прекрасно понимала всю неуместность такого вопроса в сложившихся обстоятельствах. Сесили закрыла глаза и представила, как Билл целует ее. И эти фантазии показались ей совсем даже недурственными. Билл ведь весьма привлекательный мужчина, несмотря на то что старше нее на целых пятнадцать лет.

Правда, у нее есть и другой вариант в запасе: отправиться в Швейцарию, родить там ребеночка, а потом вернуться домой в Америку и продолжить жить той жизнью, которой она жила раньше... Но в глубине души Сесили понимала, что она никогда не сможет взглянуть своим родителям в глаза, что она не сумеет до конца своих дней скрывать от них свою ужасную тайну.

Сесили поднялась со скамьи и подошла к воде.

– Знаете что, мои дорогие гиппопотамы? По-моему, выбора у меня попросту нет.

Вечером того же дня Сесили сидела вместе с Кики на террасе. Кики, по своему обыкновению, со стаканом мартини в руке, Сесили пила свой имбирный чай.

– Выглядишь ты гораздо лучше, милая, – заметила крестная.

– Я и чувствую себя гораздо лучше, – ответила Сесили.

– Это хорошо. Ты всегда была храброй девочкой, и мне это нравится. Что ж, нам нужно незамедлительно позвонить твоей матери и сообщить ей о том, что твой визит в Кению затягивается. А затем заняться подготовкой к отбытию в Швейцарию, куда нам следует отправиться как можно скорее. По словам Тарквина, война практически неизбежна. Вопрос лишь в том, когда о ее начале будет объявлено официально. Но еще раз повторяю: тебе не нужно волноваться. В Швейцарии ты будешь в полной безопасности, не говоря уже о том, какая это красивая страна.

– Вообще-то, Кики, может случиться так, что необходимость в этой поездке и вовсе отпадет, – задумчиво бросила в ответ Сесили.

– Даже так? По-моему, мы уже обе согласились с тем, что поездка в Швейцарию – это единственное приемлемое решение.

– Да, но после нашего вчерашнего разговора возник еще один вариант.

– Неужели? – удивленно вскинула брови Кики. – И что же это за вариант такой?

– Билл Форсайт сделал мне предложение.

Сесили не без внутреннего удовольствия взглянула на ошарашенное лицо крестной.

– Я... Билл Форсайт сделал тебе предложение? – повторила та, словно попугай.

– Да, он хочет жениться на мне. Завтра утром я должна буду дать ему ответ.

– Вот так номер! Я в шоке, не сойти мне с этого места! – Кики откинула голову назад и громко расхохоталась. – Однако же ты – темная лошадка, моя дорогая. И как давно у вас все это завязалось?

– Я... – начала Сесили и тут же замолчала.

До нее внезапно дошло, что отныне ей придется вести своеобразную игру, скрывая истинные мотивы того, что лежит в основе

их соглашения с Биллом. Пусть Кики знает правду о ее беременности, ну и что с того? Но ведь Сесили вполне может притвориться, сделать вид, что их с Биллом связывают серьезные чувства. Кики ведь является знаковым членом местной общины, и нельзя допустить, чтобы она начала сплетничать на их счет на какой-нибудь коктейль-вечеринке.

– Пожалуй, все началось с той самой поездки на сафари несколько недель тому назад.

– Но почему же ты ничего не рассказала мне об этом, дорогая?

– Потому что я была уверена, что Билл не захочет иметь со мной дело, когда я сообщу ему о своем ребеночке. Да и какой мужчина на его месте повел бы себя по-другому? Женщина, которая ему нравится, ждет ребенка от другого мужчины...

– Да, случай действительно по-своему уникальный. Должно быть, Билл очень любит тебя, коль скоро решил на такой шаг. А я еще только вчера подумала, как это необычно, что он сорвался с места и помчался в такую даль только для того, чтобы узнать, как твое самочувствие. Как я понимаю, вы оба готовы публично объявить всем, что это его ребенок?

– Да, – коротко ответила Сесили.

– Билла это вполне устраивает? – Кики внимательным образом взгляделась в лицо Сесили.

– Думаю, да. Иначе... Иначе он не стал бы предлагать мне руку и сердце.

– Конечно, не стал бы. По правде говоря, мне он никогда особо не нравился. Впрочем, как и я ему. Но сейчас я готова снять перед ним шляпу. Это достойный поступок мужчины, у которого... нет никаких предрассудков. Надеюсь, ты понимаешь, Сесили, как тебе крупно повезло. Воистину, ты заполучила рыцаря в сияющих доспехах, который явился так вовремя, чтобы спасти тебя.

– Понимаю. Так вы полагаете, что я должна принять его предложение? Ему я сказала, что хочу вначале обсудить с вами.

– О господи! Да на твоем месте я бы бросилась ему в ноги и целовала бы ему руки! Серьезно говорю, я страшно рада за тебя, милая! Не говоря уже о том, что ты остаешься в Кении. Идем звонить твоей матери! Представляю, как она обрадуется, когда мы сообщим ей, что ты выходишь замуж за англичанина, к тому же за аристократа. Ведь мать Билла, между прочим, достопочтенная дама.

– А что это такое «достопочтенная дама»?

– Это означает, что она родилась в аристократической семье и была леди еще до своего замужества. Так мы будем звонить в Нью-Йорк?

– Давайте, Кики, отложим наш звонок до моего завтрашнего разговора с Биллом, если вы не возражаете.

– Не возражаю! Будем надеяться, что он не передумает за ночь. Что ж, пора подавать шампанское!

Часом позже Сесили, сославшись на слабость, все же умудрилась ретироваться к себе. Поднимаясь по лестнице, она остановилась на площадке и глянула в огромное венецианское окно, за которым в сгущавшихся сумерках виднелся великолепный пейзаж.

– Здравствуй, Африка, – прошептала Сесили, любуясь представшей перед ней красотой. – Похоже, я остаюсь с тобой навсегда.

– Итак, что скажете, Сесили?

Они с Биллом стояли на берегу озера. Ее глубоко тронуло, что Билл постарался придать себе максимально цивилизный вид: отутюженная белоснежная рубашка, безупречно чистые брюки цвета хаки. Какой он, однако, красивый, мелькнуло у нее. И заметно нервничает в ожидании ответа, стоя сейчас перед ней.

– Поразмыслили над моим предложением? – снова спросил он.

– О да. Я все обдумала. И мой ответ... Да, я согласна. Я принимаю ваше предложение.

– И слава богу! Что ж, тогда... – Он широко улыбнулся. – Наверное, мне сейчас следует поцеловать вас. Или как? Уверен, за нами пристально наблюдают из окон дома.

– Наверное, – согласилась с ним Сесили.

Билл наклонился и осторожно поцеловал ее в губы. К своему удивлению, его поцелуй ей понравился. Более того, ей даже захотелось, чтобы он длился еще дольше, но Билл уже оторвался от ее губ.

– Спасибо вам, – стеснительно поблагодарила его Сесили.

– Вам не за что благодарить меня, дорогая. Ведь у нас же с вами взаимовыгодная сделка, и я почему-то абсолютно уверен в успехе нашего предприятия.

– Приветствую вас!

Они оба повернулись на голос и увидели Кики, возникшую на террасе с бутылкой шампанского в руке. Она экзальтированно помахала им рукой.

– Поздравления принимаете?

– Да, Кики, принимаем.

Билл слегка округлил глаза и скорчил веселую рожицу, глянув на Сесили.

– Итак, – обронил он, подставляя локоть, который Сесили с готовностью обвила своей рукой, – игра начинается.

– Ты... *что делаешь?*

– Мамочка, я выхожу замуж, – крикнула Сесили в телефонную трубку. Сплошной треск и шумы на линии, они с трудом слышали друг друга. – Да, мамочка. Я выхожу замуж.

– О боже! Я не ослышалась? Ты выходишь замуж? – повторила вслед за дочерью Доротея.

– Да! – Сесили невольно хихикнула в трубку. Трудно себе представить более абсурдную ситуацию. – Выхожу.

– И за кого же?

– Все подробности я сообщу тебе письмом. Его зовут Билл, и он англичанин. Его семья близко дружна с семьей Одри. Я познакомилась с его братом за ужином в Вудхед-Холле. Он – военный, майор. – Треск в трубке возрос еще на несколько децибел как минимум. – Ты слышишь меня, мамочка?

Ответа не последовало. Сесили со вздохом опустила трубку на рычаг. Придется ехать в Гилгил и отправлять родителям телеграмму с подробностями. Чуть раньше, за бокалом шампанского, которым угостила их Кики, они втроем обсудили некоторые детали предстоящей свадьбы: где, когда и прочее.

– Конечно, только здесь, в Мундуи-Хаусе, – безапелляционно заявила Кики. – И, полагаю, как можно скорее.

– Как решит Сесили, – ответил Билл, искоса глянув на Кики.

Сесили не могла не восхищаться тем терпением, которое Билл проявлял в общении с Кики. И в ней поднялась волна нежности к этому человеку: ведь это же он ради нее так старается, хотя на дух не переносит ее крестную.

– Я... По правде говоря, я еще над этим даже не задумывалась. Все на ваше усмотрение, – обратилась Сесили одновременно и к Кики, и к Биллу.

– Если честно, то, полагаю, мы оба не хотим ничего грандиозного. Я прав, Сесили?

– О да, Билл. Меня вполне устроит скромная и непритязательная церемония, без излишней помпы, – согласилась с ним Сесили.

– Знаете, дорогие мои, «скромная и непритязательная» – такие слова не значатся в словаре обитателей Долины, – с насмешкой возразила Кики. – Мы ведь все здесь ужас как любим устраивать себе всяческие праздники. Не правда ли, Билл?

– Некоторые действительно обожают веселиться до упаду, – ответил тот, поднимаясь со своего стула. – Что ж, мне пора к своим коровам. Оставляю вас, дамы, согласовывать все детали предстоящего свадебного торжества. Хотелось бы только, чтобы оно состоялось еще до того, как у нас начнется сезон дождей.

– Минуточку-минуточку! – воскликнула Кики, взглянув на руку Сесили. – А где помолвочное кольцо на ее пальчике, Билл?

– Да, конечно, виноват, – кивнул головой Билл. – Последние несколько дней я провел в клубе Мутаига, и у меня попросту не было времени. Так сказать, руки не дошли до кольца. Но я обязательно исправлю сию оплошность, заверяю вас обеих. – Билл поцеловал руку Сесили, коротко кивнул на прощание Кики и удалился.

Несколько дней они не виделись: Билл днями напролет занимался своим стадом. Общались по телефону, пытаясь перекричать помехи, то и дело возникающие на линии. Сесили очень коротко сообщила Биллу о том, что Кики предложила провести церемонию бракосочетания в третью пятницу апреля (по иронии судьбы в тот же самый день, на который была назначена свадьба ее бывшего жениха в Нью-Йорке, и сие совпадение отозвалось в душе Сесили чувством глубоко удовлетворения, даже с некоторым оттенком злорадства). То есть времени у каждого на то, чтобы подготовиться к свадьбе и успеть со всеми организационными хлопотами, было предостаточно. Крестная горела желанием устроить шикарный прием у себя в доме, Сесили, догадываясь о тех истинных чувствах, которые Билл питал к Кики, заметно нервничала, опасаясь, что это может вызвать протест с его стороны.

Сесили поднялась к себе, чтобы немного привести себя в порядок перед ужином. Билл должен был приехать в течение часа. К счастью, Кики отсутствовала сегодня, уехала в Найроби проведать Тарквина, а потому они с Биллом могут обсудить все спокойно, не опасаясь возможных трений и осложнений. Конечно, очень грустно, что на свадьбе не будут присутствовать ее близкие, подумала Сесили, перебирая свои наряды в шкафу и прикидывая, в каком из платьев она сможет еще застегнуть молнию на заметно раздавшейся талии. Остается лишь надеяться на то, что приглашенный фотограф сумеет запечатлеть предстоящее торжество во всех подробностях, а она потом отошлет фотографии родителям в Нью-Йорк. То ли это Кики заразила

Сесили своим неподдельным энтузиазмом, с каким она отнеслась к предстоящей свадьбе крестницы, то ли дело было в другом, но и сама Сесили почувствовала радостное возбуждение при одной только мысли о том, что сегодня на ужин к ней придет жених и они вместе примутся обсуждать будущее торжество во всех подробностях.

– Жених. Подумать только! – рассмеялась Сесили, настолько абсурдной была сама ситуация с появлением в ее жизни жениха. Да и всякие романтические настроения тут же как рукой сняло, стоило ей только попытаться застегнуть молнию на своем любимом голубом платье: попытка провалилась с треском.

«Не забывай, Сесили, – наставительно сказала она себе, – ваш будущий союз – это всего лишь брак по расчету. Билл не любит тебя. И разве можно его за это упрекать, если вспомнить, что ты ждешь ребенка от другого мужчины?»

В конце концов Сесили остановила свой выбор на блузке из кремового муслина и юбке с эластичным поясом. Одевшись и спустилась вниз. Заглянула в библиотеку, чтобы забрать все те пометки, которые она сделала, обсуждая с Кики детали предстоящей церемонии.

– Сахиб уже приехал, – доложил Алееки. – Вам, как всегда, имбирный чай, мемсахиб?

– Спасибо, но, пожалуй, сегодня я обойдусь обычной водой, – ответила Сесили, направляясь на террасу.

– Добрый вечер, Сесили. Прости за опоздание, – приветствовал ее подошедший Билл.

– Все в порядке. Ты вовсе не опоздал, – улыбнулась в ответ Сесили.

– Вдобавок от меня наверняка сильно воняет скотиной. В стаде возникли проблемы: у шестерых коров обнаружилась сонная болезнь, а потому последние три дня я безвылазно просидел в горах, проверял все поголовье.

– Понимаю.

– Вряд ли ты понимаешь и едва ли поймешь когда-нибудь, не в этом дело, – со вздохом ответил Билл, направляясь к столу на веранде, уже сервированному на две персоны. Взял бутылку шампанского и налил себе фужер, опередив Алееки, который уже приготовился услужить ему. – Эта чертова скотина полностью подчинила мою

жизнь. Вот и сейчас... С наступлением сезона дождей все стада спустятся с гор в низину. Сам переход не из легких, а потому важно, чтобы все поголовье находилось в полном здравии. А как ты провела минувшую неделю?

– Хорошо, спасибо. У меня к тебе имеется пара вопросов, – сказала Сесили, устраиваясь за столом напротив Билла.

– Спрашивай, – откликнулся тот, залпом осушив свой фужер. – Мне тоже, кстати, надо кое о чем тебя спросить. – Он водрузил на стол картонную трубку, извлек из нее лист ватмана и расстелил его перед ней. – Это давний проект фермерского дома, который я собирался построить себе, когда только приехал в Кению. Но до сих пор этот проект так и остался нереализованным, меня вполне устраивала моя скромная хижина под железной крышей, в которой я сейчас обитаю. Я хочу, чтобы ты внимательно изучила чертеж и, если потребуется, внесла в него те изменения и дополнения, которые сама посчитаешь нужными. А я тут же нанимаю строительную бригаду и приступаю к строительству дома.

– О, с удовольствием изучу.

– Ты в этом доме будешь проводить гораздо больше времени, чем я, а потому я считаю все твои замечания весомыми и обязательно учту их. – Билл снова наполнил свой фужер шампанским. – Как же я ненавижу эту бурду! Алееки, в этом доме есть пиво?

– Да, *сахиб*. – Алееки поспешно скрылся в доме, чтобы принести пиво.

Лицо Билла показалось Сесили немного напряженным.

– Итак, – обронил он после того, как на террасе снова появился Алееки и вручил ему бутылку пива. – Что вы решили по срокам?

– Кики предложила назначить дату бракосочетания на третью пятницу апреля.

– Разумное предложение, – согласно кивнул Билл. – К счастью, еще до начала сезона дождей. А что конкретно по месту проведения самой церемонии?

– Кики хочет устроить все здесь, у себя.

– Если *ты сама*, Сесили, не против, то я тоже «за». Все на твое усмотрение: лично я готов приехать куда угодно и когда угодно.

– Единственное, чего я бы хотела, это присутствия священника, который бы освятил наш брак. Чтобы мы соблюли все, что положено, в

глазах Господа, – осторожно начала Сесили. – Все же тогда сама церемония воспринимается иначе, чем просто гражданская регистрация брака. Кики сказала, что у нее есть знакомый пастор в Найроби, который и проведет всю церемонию.

– Отлично! Если это так важно для тебя, то я не возражаю. Действуй! – отрывисто бросил Билл.

– Ты не веришь в Бога? – спросила она у него.

– В традиционного бога как такового – нет. Разве ты не успела заметить, что у каждого народа, в каждой культуре свой образ бога. Иисус родился в Израиле, в сущности, он – араб, темнокожий, смуглый, а на всех полотнах, которые мы лицезрим, его всегда изображают белолицым, с белоснежной кожей, ибо таково представление усредненного христианина о боге. Тем не менее я верю в некоего могущественного творца, если так можно выразиться. Иными словами, в ту силу, которая сотворила все то, что мы сейчас видим вокруг себя. – Билл широко развел руки в стороны. – Ведь это же чудо, что мы живем посреди такой красоты! Ты так не считаешь?

– Могущественный творец, – негромко повторила Сесили вслед за Биллом, приятно удивленная его неожиданным красноречием. – Мне нравится это выражение.

– Спасибо на добром слове. Хотя я всего лишь убогий фермер, но иногда, знаешь ли, и на меня находит что-то этакое... – усмехнулся Билл.

– Я... Я тут подумала... А где ты учился?

– Догадываюсь, твои родители уже запросили конкретные данные, удостоверяющие мою личность, так? – Он искоса глянул на Сесили, пока Алеэки расставлял на столе ужин.

– Вовсе нет. Просто я ничего о тебе не знаю, а мне бы хотелось знать побольше.

– Что ж, начнем с того, что я учился в Итоне. Как тебе известно, это – школа, в которой натаскивают британских аристократов, учат их повиновению, чтобы потом они смогли управлять Британской империей. Отвратительное место! Гнуснейшее... – Билла даже передернуло при последних словах. – Долгие месяцы я рыдал там ночами, словно дитя. Как ни странно, но тогда меня спас не кто иной, как Джосс Эрролл. Он ведь мой одноклассник и жил в одном корпусе со мной. Если судить по внешнему виду, то, конечно, явно не мой тип

приятеля, однако это не помешало нам близко сойтись, и с тех пор мы с ним хорошие друзья. К превеликому сожалению, вскоре Джосса исключили из Итона, ты же понимаешь, он не из тех людей, кто играет по правилам. Потом я поступил в Оксфорд, изучал там юриспруденцию, но, когда мне исполнилось восемнадцать лет, это уже ближе к концу войны, меня призвали в армию. К счастью, война вскоре закончилась... Громогласное ликование, переполненные бары и все такое... Я прослужил в армии еще пару лет, потому что не имел ни малейшего представления, чем бы я хотел заняться в дальнейшей жизни. А тут еще и невеста меня бросила. Словом, – Билл отхлебнул из бутылки с пивом, – я совсем растерялся.

– Сочувствую, Билл.

– Не надо мне сочувствовать, Сесили. Ты ведь и сама недавно пережила нечто подобное. Хотя если разобраться, то, по сути, это божья милость, что все так вышло. Однако тогда я твердо решил, что юриспруденцией заниматься не стану, а тут Джосс подкинул мне одну мыслишку. Дескать, правительство ищет молодых людей, которые могут отправиться в Кению и организовать там нечто наподобие коммуны. Ну, и одновременно заняться наведением какого-то относительного порядка среди местных, само собой. Заманивали тем, что предлагали землю безвозмездно, что-то вроде взятки. Я подписал все бумаги, тут же получил свою тысячу акров земли в вечное пользование и... Вот так я очутился в Кении. И скоро уже двадцать лет, как торчу здесь. Сам поверить в это не могу. – Билл вздохнул. – Вот то небольшое, что я могу сообщить тебе о своей персоне. А что скажешь ты про себя? Может, сообщишь мне, кто отец твоего ребенка? – Он слегка понизил голос: – Полагаю, кто-то из местных?

– О нет. Он не отсюда.

– Наверное, твой бывший жених? – Билл выразительно вскинул брови, подцепив вилкой кусок мяса из карри.

– Нет, это не он.

– Тогда кто же он? Англичанин? Американец? Хотя мне в принципе все равно.

– Может быть, и не совсем все равно. Я познакомилась с этим человеком в Вудхед-Холле. Кстати, там же за ужином я познакомилась и с твоим братом. У лорда и леди Вудхед есть племянник по имени Джулиус...

– Ничего себе! – Билл бросил на нее изумленный взгляд. – Совсем рядом с моим родным домом. Но, надеюсь, мой братец остался в неведении относительно твоих амурных дел?

– Конечно, никто ничего не знает. Тем более что Джулиус вот-вот должен жениться на какой-то девушке. Это было такое... – Сесили нервно сглотнула слюну, – такое мимолетное приключение. Во всяком случае, для него.

– А тебе он наверняка разбил сердце, да? – В голосе Билла послышались сочувственные интонации.

– Да, разбил. Я... Я ведь думала, что у него благородные намерения.

– Никогда не доверяй этим англичанам, слышишь меня? Конечно, лично я могу предложить тебе не очень много – каких-то несколько тысяч голов скота, но одно заявляю со всей ответственностью: я абсолютно порядочный человек. В этом можешь не сомневаться. Получается, что мы с тобой такая сладкая парочка. Очень подходим друг другу. Я прав?

– Да, прав.

– Хорошо. Теперь еще вот это. – Билл сунул руку в карман и извлек из него маленькую бархатную коробочку. – Здесь кольцо. Примерь, подходит ли по размеру. Мне его немного уменьшили, но, боюсь, оно все равно будет тебе великовато.

Сесили открыла коробочку и увидела красивое кольцо с красновато-розовым камнем по центру в обрамлении целой россыпи бриллиантов.

– Ой, какое красивое!

– Да, это звездный рубин. В свое время дедушка привез кольцо из Бирмы в подарок бабушке. И вот оно попало в Кению, чтобы в итоге украсить пальчик стопроцентной американки. Тебе оно нравится? Когда луч света падает прямо на рубин, то можно разглядеть внутри него совершенную по своей форме звезду.

– Я... Я думаю, оно волшебно прекрасное! – воскликнула Сесили, разглядывая кольцо под светом фонаря, висевшего над столом, и действительно увидела мерцающую звезду внутри рубина. – Спасибо, Билл.

Поскольку Билл не сделал ни малейшей попытки надеть кольцо ей на палец, она сама извлекла его из бархатистого углубления на дне

коробочки и надела на безымянный палец левой руки.

– Так я и думал! Немного великовато... Но ничего, ювелир в Гилгиле решит нашу проблему в мгновение ока. Что ж, теперь, когда мы помолвлены наконец официально, я отправляю телеграмму своему брату с просьбой объявить о нашей помолвке через газету «Таймс».

– А что здесь?

– О, здесь газеты не потребуются. Местные барабаны и тамтамы разносят эту новость по всем джунглям в два счета и без нашего участия, – пошутил в ответ Билл. – Но, полагаю, нам надо проявить определенную сдержанность в этом вопросе с учетом твоего... нынешнего состояния. Впрочем, как только новость о твоей беременности станет всеобщим достоянием, что неизбежно случится, и очень скоро, то я, естественно, приму на себя все обязательства, как это и положено в подобных обстоятельствах.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, Сесили. Да и вообще, тебе не о чем особо волноваться. Ведь, когда мы поженимся, я не сильно буду докучать тебе дома. Большую часть своего времени я провожу на пастбищах со своими стадами. Эти треклятые коровы требуют постоянного и неусыпного внимания.

– А разве у тебя нет управляющего?

– Есть, само собой. И масаи помогают мне, но вокруг скота работы хватает всем, особенно если делать все как положено. Да я и сам, по правде говоря, люблю кочевой образ жизни. А с другой стороны, что меня все эти годы ждало дома, в моей холостяцкой берлоге? В любом случае, – промолвил Билл, провожая взглядом Алееки, который вместе с прислугой понес остатки ужина на кухню, – почему бы нам сейчас не заняться изучением всех этих чертежей, чтобы я смог поскорее приступить к строительству дома?

Спустя час с небольшим, в течение которого в планировку дома были внесены некоторые изменения, в частности Сесили добавила несколько лишних спален в надежде, что в один прекрасный день к ним в гости пожалует ее семья, она пошла проводить Билла до его пикапа. Его верный друг Найгаси терпеливо поджидал Билла, сидя возле машины. Билл запечатлел легкий прощальный поцелуй на щеке Сесили и пожелал доброй ночи.

– В ближайшие десять дней меня в Долине не будет, но, пожалуйста, если у тебя возникнут какие-то дополнительные идеи по планировке дома, можешь смело вносить их в проект, как и в организацию свадебных торжеств. Все на твое усмотрение. До свидания, Сесили.

– До свидания, Билл.

Возвращаясь назад к дому, Сесили подумала, что с каждой новой встречей Билл нравится ей все больше и больше. Да, иногда его прямолинейность немного обескураживает, но зато в этом человеке нет ни грама притворства, и это так трогательно. У себя наверху она разделась, готовясь ко сну, попутно размышляя о том, что до свадьбы осталось всего лишь три недели. А там... а там ей придется делить ложе с молодым мужем, если он, конечно, сам изъявит такое желание. Как ни странно, сама мысль о том, чтобы оказаться в одной кровати с Биллом, совсем даже не ужасала ее. Скорее уж волновала...

«Прекрати, Сесили!» – тут же одернула она саму себя, укладываясь в постель. – *«Не забывай, у нас с ним сугубо договорной брак, и любовь в нем не предусмотрена».*

Пусть так, но все равно на душе у нее стало значительно спокойнее, и впервые за многие и многие недели она отошла ко сну, чувствуя себя вполне счастливой.

28

В полдень семнадцатого апреля наступил судьбоносный момент, когда Сесили должна была наконец стать миссис Уильям Форсайт. Кики, как и обещала, пригласила в имение знакомого пастора из Найроби для проведения церковного обряда. Сказать по правде, крестная превзошла саму себя, занимаясь подготовкой к свадьбе и организацией всех торжеств: на лужайке расставили множество стульев, обтянутых белым атласом, на берегу озера соорудили балдахин, украшенный розами, под которым Сесили и Билл произнесут свою клятву на верность друг другу.

Сесили стояла у окна своей комнаты, наблюдая за тем, как Кики приветствует прибывающих гостей, многих из которых она и в глаза не видела. Она высмотрела и Билла, сидевшего у воды на ее любимой скамейке рядом с Джоссом Эрроллом, его шафером.

– Волнуешься? – спросила у нее Кэтрин, закалывая на голове фату, а потом вручила ей свадебный букет из роз нежнейшего розового цвета. – Впрочем, это вполне естественно. Помню, я сама так нервничала, что всю последнюю неделю перед свадьбой даже есть не могла.

– Я тоже нервничаю, – призналась Сесили, сглотнув слюну. – Ведь все произошло так быстро.

– Чему быть, того не миновать, и время в этом случае не играет никакой роли, – наставительно заметила Кэтрин. – Ты сегодня как картинка! Ступай, полюбуйся на себя! – Она подвела Сесили к большому, в пол, зеркалу.

Кики специально пригласила портного, который сшил Сесили свадебное платье в роскошном имперском стиле: многочисленные складки нежно-кремового атласа начинались прямо от груди, плавно скользили вниз, скрывая малейшие намеки на ее округлившийся животик. В солнечных лучах ее волосы отливали мягким золотистым оттенком; Кэтрин вколола в волосы с одного бока, прямо над ухом, несколько живых роз. Сесили слегка припудрила лицо, хотя, глянув на себя в зеркало, отметила, что ее кожа безупречна и безо всякого макияжа. Она как бы вся светилась изнутри, как и глаза, которые сверкали, словно две звезды.

– Все, готова! Пошли выходить замуж, – скомандовала Кэтрин.

Как и всякая девушка, Сесили мысленно много раз рисовала в воображении свою будущую свадьбу, фантазируя, какой она будет. Но никогда в жизни она и подумать не могла, что ее свадьба пройдет при тропической кенийской жаре и без членов ее семьи, зато в компании со стадом гиппопотамов.

Бобби уже поджидал ее, стоя у лестницы. В отсутствие отца именно он должен был вести ее под венец.

– Красавица! – коротко констатировал он. Сесили взяла его под руку, и в этот момент оркестр заиграл свадебный марш.

– Готова?

– Готова, – улыбнулась в ответ Сесили. Сделала глубокий вдох, позволяя Бобби вывести ее на террасу. Они медленно сошли по ступенькам вниз и двинулись в сторону лужайки между двумя шеренгами гостей.

Билл уже поджидал невесту, стоя под балдахином: единственное его возражение, которое он озвучил в процессе подготовки к свадьбе, заключалось в том, что он выступил категорически против дневного дресс-кода, обязав всех гостей присутствовать в вечерних туалетах, да и сам явился на церемонию, облаченный в смокинг. Сесили подумала, что он очень хорош собой: его обычно непослушные золотистые кудри были аккуратно расчесаны, а в красивых голубых глазах, особенно заметных на фоне загорелого лица, казалось, отразилось само небо. И хотя рядом с ним стоял ослепительный красавец Джосс, но именно от своего будущего мужа Сесили не могла оторвать глаз.

Бобби торжественно вручил руку Сесили жениху, который встал рядом, возвышаясь над ней, словно скала, и пастор начал службу. Однако Сесили слушала его проповедь вполуха, она безотрывно смотрела в глаза Билла и видела только его одного. А еще слышала, как звонко поют птички, перекликаясь между собой, словно весь этот разноголосый птичий хор тоже приветствует их свадьбу.

– Объявляю вас мужем и женой, – произнес священник. – Поцелуйте невесту, – милостиво разрешил он под одобрительный возглас Алисы, сидевшей в первом ряду рядом с Кики и, судя по всему, уже успевшей изрядно приложиться к шампанскому еще до начала официальной церемонии. Остальные гости тоже встретили слова пастора громкими аплодисментами.

Билл наклонился к Сесили и поцеловал в губы.

– Приветствую вас, миссис Форсайт, – прошептал он ей на ухо.

– Здравствуй, – ответила она ему немного стеснительно, и они неторопливо пошли в обратную сторону мимо выстроившихся в два ряда гостей, приветствовавших их бурными возгласами и аплодисментами.

Сесили опасалась предстоящей свадебной трапезы, и, как оказалось, совершенно напрасно: преследовавшие ее все последние месяцы приступы тошноты по утрам отступили, и она смогла в полной мере насладиться тем изобилием, которое царило на столах с угощением, о чем Кики позаботилась особо. Кэтрин, как подружка невесты, сидела рядом с Сесили за одним из круглых столов, накрытых на террасе. Кэтрин крепко обняла ее.

– Я так рада за тебя, Сесили, – прошептала она, наклонившись к ней. – Ты вся просто светишься от счастья. И твой муж тоже, – кивнула

она в сторону Билла, сидевшего по другую руку от Сесили.

А Сесили подумала про себя, что она и в самом деле *чувствует себя счастливой*, несмотря на все те подводные камни и рифы, которые предшествовали ее свадьбе. Спустя пару минут со своего места поднялся Джосс и на правах шафера произнес искрометную, полную юмора речь в честь молодых, особо отметив, как неожиданно, буквально из ниоткуда, возникла в их местах Сесили. Появилась и тут же украла сердце самого завидного жениха в Долине Счастья, известного своей репутацией закоренелого холостяка.

– А если задуматься, моя дорогая Сесили, – произнес Джосс немного насмешливо, нарочито растягивая слова. – Ведь это именно мне вы должны быть благодарны за столь скоропалительный блиц-брак. Это же я в свое время убедил Билла переехать сюда, в Кению. Надеюсь, вы сумеете достойным образом отблагодарить меня уже в ближайшие годы. – Он весело подмигнул Сесили, а она услышала, как Айдина громко хихикнула.

Но вот интонации Джосса стали более сердечными, когда он стал зачитывать телеграммы, поступившие на имя молодых от родных Сесили из Нью-Йорка. Глаза Сесили тут же увлажнились. «А все же, – подумала она, – я поступила правильно и спасла честь семьи от позора».

Но грустить сегодня по родному дому времени у нее не было, ибо оркестр уже заиграл знаменитую мелодию Кола Портера «Когда ты начинаешь танцевать бегуэн», и Билл тут же увлек ее на деревянную танцплощадку, специально выстроенную на берегу озера. Сесили была приятно поражена тем, как искусно вел ее Билл во время танца. По всему выходит, что она действительно заполучила себе в мужья очень завидного холостяка.

Была уже полночь, когда рядом с ней снова возникла Кэтрин. Сесили как раз танцевала с лордом Джоном Карберри, еще одним красавцем приблизительно одного возраста с Биллом, чьи похотливые руки, скользившие по ее телу, она весь танец пыталась взять под контроль.

– Время переодеваться, дорогая моя, и отправляться в отель «Норфолк», – обратилась Кэтрин к Сесили, буквально силой вырвав подружку из рук ее партнера. Наверху Кэтрин помогла ей снять с себя

свадебный наряд и переодеться в дорожный костюм из шелка фисташкового цвета и в тон к нему шляпку-таблетку.

– Вот мы и готовы отправиться в дорогу, – промолвила Кэтрин.

– Боже! Я так волнуюсь... То есть я хочу сказать, а вдруг Билл... ждет от меня в эту ночь...

– Можешь не волноваться понапрасну, милая. Билл, прежде всего, джентльмен. Соответственно, он и поведет себя, как и положено джентльмену.

– Но ты считаешь нормальным, что мы останемся жить у вас до тех пор, пока не будет построен наш дом? – спросила у подруги Сесили, поднимаясь со стула, на котором она сидела перед туалетным столиком, и поворачиваясь к Кэтрин.

– Более чем нормально, дорогая моя. А для чего тогда в доме нужны гостевые комнаты? Мы с Бобби очень рады вам с Биллом, хотя, конечно, наш дом – это далеко не Мундуи-Хаус. Но ты будешь удивлена, как скоро будет готов и твой собственный дом. Очень надеюсь, что к моменту появления младенца на свет строительство уже будет закончено.

– Да, хорошо бы. Но ты ведь помнишь...

– Помню, Сесили. И обещаю, никому ни слова.

– Как думаешь, кто-то уже догадался о моей беременности?

– Даже если кто и догадался, то держит язык за зубами. Во всяком случае, я пока не слышала никаких сплетен о вас с Биллом.

– Слава богу. Ну, тогда я пошла. – Сесили взяла жакет и набросила его на себя. Последняя пуговка застегнулась с трудом на ее заметно округлившемся животе.

– Ступайте с Богом, миссис Форсайт.

Внизу их уже поджидали гости, собравшиеся у парадного входа. Снова раздались приветственные возгласы и аплодисменты при виде Сесили и возникшего рядом с ней Билла.

– Бросайте же свой букет, миссис Форсайт, – крикнула ей Алиса. – Самое время! Тем более что мне срочно нужен новый муж, я права, Джосс? – Она кокетливо глянула на Джосса.

Сесили швырнула через плечо свой свадебный букет, который ловко поймал Джосс.

– Нечестно! – крикнула Алиса, явно расстроенная своей неудачей. – Требую повтора! – В толпе раздались довольно нервные

смешки. Многие гости были, без сомнения, в курсе того, что Молли, жена Джосса, находится сейчас при смерти.

– Идем, дорогая. Нам пора в путь, – поторопил молодую жену Билл.

Джосс вместе со своими закадычными подружками уже успели украсить пикап Билла, на багажнике которого царственно восседал Найгаси, окруженный со всех сторон воздушными шарами. К заднему крылу автомобиля была привязана шлейфом куча пустых консервных банок.

– Надеюсь, он не будет тебя сопровождать и в спальню, Билл? – крикнул кто-то из толпы, имея в виду величественного масаи.

– Очень смешно! – беззлобно огрызнулся Билл, усаживаясь за руль.

– Мои поздравления, дорогая! – Кики выступила вперед и сердечно обняла крестницу. – Твоя мама сегодня гордилась бы тобой. Добро пожаловать в Долину Счастья, милая. Отныне ты – полноправный член нашей общины.

Сесили заняла свое место рядом с Биллом, и в этот момент что-то капнуло ей на голову. Еще одна капля упала на костюм.

– Вот так дела! Дождь пошел! – крикнул кто-то из толпы.

– Бегом в дом! – закричал другой голос.

Между тем дождь усиливался, и толпа ринулась в дом. Сесили сидела на переднем сиденье, чувствуя, как ее омывают со всех сторон теплые струи дождя, а Билл с Найгаси в это время в спешном порядке натягивали сверху тент на пикап.

Когда Билл включил двигатель, Найгаси что-то сказал ему на своем языке.

– Что он сказал? – спросила у мужа Сесили.

– Он сказал, что дождь в день нашей свадьбы – это знамение.

– Хорошее или плохое?

– Хорошее. По его словам, это счастливое предзнаменование, – улыбнулся Билл, отъезжая от дома.

Всю дорогу до Найроби Сесили продремала: она сильно устала не только от сегодняшнего дня, но и от всего периода подготовки, предшествовавшего их свадьбе. Но вот Билл осторожно тронул ее за плечо:

– Просыпайся, дорогая. Мы уже приехали. У тебя хватит сил, чтобы зайти в отель? Или заночуем прямо здесь, в пикапе?

– Все в порядке, Билл. Я прекрасно себя чувствую.

В вестибюле отеля было безлюдно, что и понятно: шел уже третий час ночи. Ночной портье проводил их в номер. Как только за ним закрылась дверь, Сесили тут же глянула на кровать, потом перевела взгляд на Билла. Кровать показалась ей ужасно маленькой для них двоих.

– Видит Бог, но весь этот сегодняшний карнавал вымотал меня гораздо больше, чем целый день охоты в джунглях, – обронил Билл, скинув с себя смокинг, потом рубашку. Затем принялся стаскивать с себя брюки.

Сесили уселась на противоположный край кровати, медленно стащила с головы шляпку, после чего принялась расстегивать жакет.

Билл осторожно тронул ее за плечо:

– Послушай, Сесили, если ты чувствуешь какой-то дискомфорт, то я могу переночевать и в пикапе.

– Никакого дискомфорта! Все прекрасно.

Сесили поднялась с кровати, открыла свой саквояж и достала оттуда ночную сорочку. Она услышала, как за ее спиной скрипнула кровать: Билл уже улегся на постель и накрылся простыней.

– Обещаю, я не стану подглядывать, – обронил он, поворачиваясь к ней спиной.

Сесили густо покраснела, быстро стянула с себя платье, потом сняла комбинацию и лифчик и стала торопливо натягивать через голову длинную ночную сорочку из тонкого муслина.

– Ничего себе! В этой сорочке ты словно сошла со страниц одного из романов Джейн Остин, – промолвил Билл, когда она улеглась рядом с ним. Кровать была действительно такой узкой, что Сесили физически ощущала тепло его тела.

– Послушай, Сесили. – Билл обхватил ее голову обеими руками и развернул в свою сторону. – Учитывая твоё нынешнее... состояние, не думаю, что нам с тобой сегодня пристало заниматься тем, чем обычно занимаются люди в первую брачную ночь. А потому я просто желаю тебе доброй ночи, миссис Форсайт. И сладких снов.

Билл поцеловал ее в лоб, а затем перевернулся на другой бок, спиной к ней. И уже в считанные секунды Сесили услышала его

негромкое похрапывание. А она сама еще долго лежала без сна, вслушиваясь в шум дождя, барабанившего по крыше и оконным стеклам.

И жалела лишь об одном: что она *не может* сейчас заняться тем, чем обычно занимаются люди в первую брачную ночь...

* * *

На следующее утро Сесили проснулась от того, что на ее плечо легла чья-то рука. Она слегка поморгала спросонья, пытаясь вспомнить, где она. И тут же перед глазами промелькнули все события вчерашнего дня. Она взглянула на Билла, потом посмотрела в окно: сквозь неплотно задернутые шторы в комнату пробивались розоватые блики занимающегося рассвета.

– Доброе утро, – поздоровался с ней Билл. – Я тут заказал нам завтрак в номер. Поешь что-нибудь.

Сесили уселась на кровати, а Билл поставил ей на колени поднос с завтраком.

– Знаю, ты любишь черный кофе. – Он жестом показал на чашку, от которой поднимался пар. Рядом на блюде стояла тарелка с крохотными треугольниками свежих тостов и небольшая вазочка с повидлом. – Перекуси, а потом одевайся. Нам снова пора в путь.

– В путь? – озадаченно переспросила Сесили, берясь за чашку с кофе. – А куда сейчас?

– Сюрприз! – ответил Билл и скрылся в ванной комнате. Следом послышался шум воды из крана. Сесили с жадностью откусила кусочек тоста: еще никогда она не чувствовала себя такой голодной.

Как только она оделась, в комнату снова вошел Билл, облаченный в свою обычную рабочую одежду цвета хаки. Они вместе вышли из отеля на улицу, и он повел ее к своему пикапу с неизменным Найгаси. Неужели он провел здесь под дождем всю ночь, мысленно удивилась Сесили и подумала, что ей, пожалуй, стоит привыкать к его постоянному присутствию рядом с мужем. Во всяком случае, она еще никогда не видела Билла без Найгаси, сопровождающего его повсюду.

Билл открыл дверцу машины и помог жене усесться на переднее сиденье, потом сел рядом и включил двигатель. Поскольку он пока еще

даже намеком не сообщил ей, куда именно они направляются, то Сесили решила довольствоваться тем, что есть: легкий утренний ветерок приятно обдувал лицо, пока они ехали по шумным улицам Найроби. И какое счастье, что дождя больше нет, а на небе уже ярко сияет солнце. Где-то через час с небольшим они остановились у кромки взлетного поля местного аэродрома. Сесили вопросительно уставилась на мужа.

– Поскольку у нас не будет медового месяца в привычном смысле этого слова, особенно сейчас, когда вот-вот начнется сезон дождей и я буду безотлучно находиться со своими стадами, наблюдая за тем, как они совершают свой переход с гор в низину, то я подумал, что все равно ты ведь заслуживаешь свадебный подарок. Долго размышлял над тем, что бы такое тебе подарить, я ведь старый холостяк и, собственно, ничего, кроме природы Кении, толком и не знаю. Словом, я хочу показать тебе кое-что. Надеюсь, ты не боишься высоты? – добавил он на всякий случай.

Билл помог ей выбраться из пикапа и повел к небольшому биплану, стоявшему на взлетной полосе. Возле самолета стоял мужчина в спецовке.

– Все в порядке, Билл? – жизнерадостно поинтересовался он, когда они подошли ближе. – А это ваша молодая жена, не так ли? Рад познакомиться с вами, миссис Форсайт.

– Мне тоже очень приятно, – ответила она машинально.

– Ее уже покормили и обслужили, – доложил он Биллу. – Это я о нашей машинке, а не о вас, миссис Форсайт, – пошутил он.

– На, надень вот это. – Билл вручил ей толстую летнюю куртку из кожи и защитные очки. Помог облачиться, потом вспрыгнул на нижнее крыло биплана и подал руку Сесили: – Залезай.

Она взяла протянутую руку, и Билл помог ей вскарабкаться в кабину самолета, усадил в одно из двух узких кресел и туго привязал ремнями, а потом устроился сам, прямо за ней.

– Ты умеешь управлять этой штуковиной? – спросила у него Сесили.

– Тебе бы сильно не повезло, если бы я не умел, – сухо вато бросил Билл. – Не переживай и ничего не бойся, тем более что твое сиденье с катапультной. Это я на тот случай, если что-то пойдет не так.

– Ты это серьезно? – спросила она и, слегка изогнувшись в кресле, повернулась к нему. Он улыбнулся:

– Говорю же тебе, Сесили, ты в полной безопасности. Доверься мне и наслаждайся чудесными видами внизу.

Взревел мотор, стремительно стали вращаться лопасти пропеллера. Билл вырулил биплан на взлетную полосу, и они взяли разбег, а уже через какую-то минуту самолет был в воздухе. Сесили почувствовала, как свело живот и все в нем перевернулось вверх дном.

Но вот биплан набрал высоту, Сесили понемногу стала привыкать к ощущению полета и даже осмелилась взглянуть вниз, зачарованная увиденным. Вот промелькнули крыши каких-то серых зданий, улицы Найроби, запруженные машинами и людьми, которые с такой высоты были похожи на деловито снующих муравьев. Еще пара минут полета, и под крылом биплана раскинулись деревенские пейзажи во всей красе: волнистый ландшафт, лесные массивы, окрашенные в нежно-зеленый цвет с проблесками оранжевой земли между ними, прорезаемые изредка руслом реки, лениво несущей свои сверкающие в солнечных лучах воды.

Спустя полчаса Билл легонько потрепал жену по плечу и указал жестом вниз на какую-то маленькую точку, Сесили невольно издала удивленный возглас, ибо тут же узнала Мундуи-Хаус. Сверху он был похож на маленький кукольный домик, примостившийся на краю серебристого озера.

Потом Билл резко свернул влево, и они полетели над Гилгилом: с высоты хорошо просматривалась железная дорога, пересекающая город надвое. А справа уже темнела массивная горная гряда Абердаре. Но вот вдалеке Сесили увидела свечение чего-то розового и голубого, она с силой вдавила глаза в стекла очков, чтобы получше разглядеть, что это такое.

– Озеро Накуру! – прокричал Билл, стараясь перекрыть шум работающего двигателя.

Сесили вскрикнула от неожиданности, когда самолет резко пошел на снижение и на ее глазах розовое облако превратилось в тысячи тесно стоящих друг возле друга фламинго: все они мирно нежились в воде. Но стоило пролететь самолету, как они тут же с шумом раскрыли свои крылья, приготовившись взмыть в небо: их яркое оперение

отражалось в голубой воде озера, и сверху они были похожи на один огромный организм, двигавшийся как одно целое.

Когда Билл повернул на юг, Сесили снова стала вглядываться в кенийские пейзажи, мелькающие под крылом их биплана, восхищаясь изобретательностью мужа, который позволил ей взглянуть на страну под столь неожиданным углом. Ведь отныне Кения – это ее новый дом, и трудно вообразить себе более красивую страну.

Но вот они наконец приземлились, Билл помог жене выбраться из кабины: ступив на землю, Сесили почувствовала, что ноги у нее ватные. Она сняла защитные очки и слегка пригладила растрепавшиеся на ветру волосы, потом взглянула на мужа, пытаясь найти нужные слова, чтобы выразить весь свой восторг от тех красот, которые она только что увидела.

– Спасибо тебе. Большое спасибо! – наконец промолвила она растроганно. – Я никогда не забуду этот полет и все, что я увидела, когда была в небе.

– Рад, что тебе понравилась наша воздушная прогулка. Обещаю, мы еще с тобой полетаем, но уже после окончания сезона дождей. А сейчас, – добавил он отрывисто, подавая ей руку, чтобы помочь сесть в пикап, – боюсь, мне пора приниматься за работу.

Они снова двинулись из Найроби в сторону гор Абердаре, в их временное семейное пристанище в доме Бобби и Кэтрин (Билл наотрез отказался от предложения Кики пожить у нее, пока строится их новый дом). Дорогой Сесили украдкой бросала взгляды на мужа. На чем бы ни основывался их супружеский союз, размышляла она, но Билл подарил ей чувство надежности и полной защищенности, не говоря уже о том, что его личность абсолютно самодостаточного человека не могла не привлекать к себе. И сам Билл, и та новая для нее жизнь, которой она начнет жить уже с сегодняшнего дня, – все это, может быть, и не совсем то, что она выбрала бы при других обстоятельствах, но, когда они въехали на территорию фермы Бобби и Кэтрин и покатили, подпрыгивая на ухабах и рытвинах, напрямик через красную пустошь, которая очень скоро заполнится стадами, спустившимися с гор, Сесили вдруг почувствовала страстное желание поскорее приобщиться к этой пока еще не знакомой ей жизни и стать ее неотъемлемой частью. Да, она сделает все от себя зависящее, чтобы

стать хорошей женой мужчине, который спас не только ее жизнь, но и ее репутацию.

«*Мой муж особенный, он не похож ни на кого*», – подумала она, почувствовав вдруг неожиданное желание, отозвавшееся томлением в животе.

– Приехали наконец-то! – помахала им рукой Кэтрин, стоя на веранде, когда они подъехали по утопающей в грязи подъездной дороге к небольшому дому со следами недавнего ремонта. – Как полетали? – поинтересовалась Кэтрин у Сесили, взяла ее за руку и повела в дом.

– О, это стало поистине незабываемым событием в моей жизни, – улыбнулась в ответ Сесили, когда Кэтрин усадила ее на один из тех стульев, что стояли на веранде.

– Я очень рада, что тебе понравилось. – Кэтрин тоже заулыбалась. – Билл у меня спрашивал, согласишься ли ты на подобное приключение, на что я ответила утвердительно. согласишься! Ведь это единственная возможность увидеть, какая волшебна прекрасна страна наша Кения. – В это время Билл поднялся на веранду с чемоданом Сесили, который он забрал из пикапа. – Между прочим, он меня однажды тоже поднимал в воздух, но решил продемонстрировать свое мастерство во всем блеске и показать те новые трюки, которые он освоил. Помнится, я тогда обрыгала всю кабину, – рассмеялась Кэтрин.

– Можно отнести все это в свободную комнату, Кэтрин? – спросил у нее Билл.

– Да, неси, Билл.

– Алееки сказал, что завтра шофер Кики привезет сюда все мои вещи, – сказала Сесили, глядя в спину мужа, скрывшегося в доме.

– Конечно, очень жаль, что у тебя пока нет своего дома, но мы постараемся, чтобы тебе у нас было комфортно.

– Можешь не волноваться на сей счет. Сказать по правде, я страшно рада, что вырвалась наконец из Мундуи-Хауса. В доме крестной царит довольно странная атмосфера. А здесь у тебя так мило, Кэтрин. – Сесили широко развела руки, окидывая взглядом веранду, посреди которой стоял большой стол: Бобби самолично смастерил его из отходов древесины и отполировал до блеска. Кэтрин со всех сторон обсадила дом кустами гибискуса и вечнозеленой стрелиции королевской, усыпанной пурпурными и оранжево-голубыми цветами,

похожими на ярких райских птичек. Да и сам дом невольно располагал к себе своим внешним видом: уютный, со свежесвыбеленными ставнями и с красивыми занавесками в цветочек на окнах, которые Кэтрин сшила сама. – У тебя так приятно, будто я дома, – совершенно искренне призналась подруге Сесили.

– Конечно, Инвернесс-Коттедж – далеко не дворец, но зато это наш с Бобби собственный дом, и это – главное. Могу предложить вам выпивку, – добавила Кэтрин, заметив Билла, снова вышедшего на веранду. – Чего изволите?

– Лично мне ничего не надо. Спасибо, Кэтрин, но мне надо срочно на свою ферму в горы.

– Понимаю. Бобби тоже уехал туда сегодня рано утром.

– Там мы с ним и встретимся наверняка. Словом, снова начинается нормальная жизнь. Мне надо быть рядом со своим скотом, чтобы стада смогли без ощутимых потерь спуститься с гор в низину.

Сесили постаралась скрыть свое разочарование, хотя это далось ей с трудом.

– А когда ты вернешься? – спросила она у мужа.

– Пока точно не знаю. Возможно, на следующей неделе.

Сесили сглотнула комок, подступивший к горлу.

– Хорошо. Думаю, нам с Кэтрин будет чем заняться здесь.

– Наверняка будет! – подбодрила ее подруга, видя, что Сесили по-настоящему расстроилась. Кэтрин бросила выжидательный взгляд на Билла. – Но у тебя же, насколько я помню, припасен еще один свадебный подарок для молодой жены, разве не так? Пойду-ка я и приведу подарок прямо сюда, а вы пока попрощайтесь друг с другом.

Билл молча кивнул в знак согласия. Кэтрин спустилась по ступенькам крыльца во двор и скрылась за домом. Сесили тоже поднялась со своего места.

– Спасибо тебе за все, Билл. Я тебе очень благодарна, – промолвила она.

– Как я уже говорил, я почему-то уверен в том, что мы с тобой быстро поладим. Буду тебе признателен, если в то время, что я буду отсутствовать, ты станешь присматривать за тем, как продвигается строительство нашего дома. Сама же знаешь, как это бывает: кошка за порог, мышки тут же на стол.

– Конечно, я прослежу. С большим удовольствием.

– А вот и транспорт твой прибыл! – объявила Кэтрин, снова появившись перед верандой. Она вела за собой красивую гнедую кобылу с лоснящимися боками. – Ступай знакомиться с ней.

– Это моя лошадь? – удивилась Сесили.

– Твоя, – подтвердил ей Билл. – Верховом на лошади – это самый надежный способ передвижения в наших местах.

– Какая красавица! – Сесили ласково погладила кобылку по носу, на котором красовалось небольшое белое пятнышко, словно кто-то нарочно брызнул белой краской на морду.

– По-моему, она оптимально подходит тебе по росту и вообще очень послушная, с покладистым характером, – добавил Билл.

– Я уже люблю ее! Неужели она моя?

– Твоя, твоя, – заверил ее Билл. – Однако в ближайшие месяцы не переусердствуй с верховой ездой, ладно? – Он кивком показал на ее живот. – Нам же не нужны никакие несчастные случаи, правда?

– Не нужны. – Сесили тут же залилась краской стыда. – Обещаю, я буду очень осторожна.

Хотя Кэтрин знала о ее беременности, Билл впервые заговорил о будущем ребенке открыто, в присутствии постороннего.

– У этой кобылки пока еще нет даже имени, – снова подала голос Кэтрин. – Подумай, Сесили, как бы ты хотела назвать ее.

– Правильно, подумай, – поддержал ее Билл. – Ну, мне пора.

– Я провожу тебя до машины, – вызвалась Сесили.

– Не надо. Оставайся лучше с Кэтрин. Последние дни были у тебя крайне тяжелыми. Всего доброго, Сесили. – Короткий взмах рукой, и Билл зашагал к своему пикапу, где его уже терпеливо поджидал неизменный Найгаси.

«Он даже не поцеловал меня на прощание», – тут же расстроилась Сесили и понуро поплелась вслед за Кэтрин на веранду. А ведь еще сегодня утром все начиналось так замечательно: великолепный свадебный подарок, который Билл ей приготовил, воздушная прогулка на биплане и та улыбка, которой он одарил ее, когда помогал выбраться из кабины на землю. И вот...

– С тобой все в порядке, дорогая? – участливо поинтересовалась Кэтрин.

– Все хорошо. Просто я немного устала.

– Конечно, устала, я понимаю. Жаль, что Билл вынужден покинуть тебя так скоро, но я уверена, он вернется сюда при первой же возможности.

– А мне тоже не стоит распускаться или винить Билла за небрежение ко мне. Ведь когда он предложил мне стать его женой, мы оба понимали, что заключаем сделку, не более того.

– Ах, дорогая моя, но ведь ты же испытываешь к нему чувства, не так ли?

– Наверное, ты права. Меня к нему тянет. Но я и понятия не имею, что он испытывает ко мне.

– Зато я прекрасно знаю. Билл увлекся тобой с самой первой вашей встречи. Это было заметно уже на сафари. В его чувствах я никогда не сомневалась. Другое дело – ты. Я не была уверена в том, что Билл тебе интересен.

– А я вот думаю, что ты ошибаешься. Билл предложил мне стать его женой исключительно по доброте душевной, от щедрости своего сердца, – возразила подруге Сесили, чувствуя, как защипало у нее в глазах от подступивших слез, когда пикап мужа исчез вдаль.

– Насчет его сердца ничего не могу сказать. До недавнего времени я и вовсе не знала, что *оно у него есть*, – улыбнулась Кэтрин. – Но тебе удалось полностью переменить его. Правда, Сесили. Благодаря тебе он стал совершенно другим человеком. И то, что он готов взвалить на себя бремя ответственности за твое... нынешнее положение, разве это не доказывает со всей очевидностью, что он тебя любит?

– Я... Я сама не знаю.

– Вот увидишь, все у вас наладится, как только вы заживете своим домом. Надеюсь, строительство не затянется надолго. А пока давай постараемся сделать время твоего пребывания здесь приятным во всех отношениях. Вот сейчас пошли, посидишь со мной на кухне, пока я буду чистить овощи. Напоминаю тебе, Бобби ведь тоже уехал, так что нам с тобой придется коротать время вдвоем.

Сесили проследовала за Кэтрин в дом. Большой холл одновременно служил и гостиной. Узкий коридорчик слева вел в крохотную каморку, которая служила Бобби кабинетом. За ним располагалась маленькая кухонька с выскобленным до блеска столом из сосны и двумя стульями. Кухня сияла чистотой, впрочем, как и все остальное в доме, что, безусловно, было заслугой Кэтрин.

– А почему ты не сделала кухню в отдельной постройке, как в других домах вокруг? – поинтересовалась у подруги Сесили, наблюдая за тем, как Кэтрин мастерски чистит картошку.

– Поскольку у меня нет прислуги, которая бы занималась готовкой, я посчитала абсурдной саму идею выносить кухню из дома. Не говоря уже о том, что именно здесь я провожу самые счастливые минуты. Особенно когда Бобби дома. Он, как правило, сидит на том стуле, на котором сидишь сейчас ты. Мы кушаем, а за едой разговариваем обо всем на свете: что делали в течение дня, где были, кого видели.

– А я ведь даже готовить не умею, – смущенно призналась Сесили. – Ты не согласишься меня научить?

– Конечно, научу. Хотя уверена, Билл обязательно наймет тебе прислугу.

– И все же мне надо хотя бы знать, что приготовить, когда я стану давать распоряжения поварихе.

– Вот здесь ты права. Лично я сильно сомневаюсь в том, что кулинарные познания твоей Кики простираются дальше тостов с повидлом.

– Но ведь нет же ничего зазорного в том, что я хочу научиться готовить, правда? Тем более что мне это нравится.

– Вот и прекрасно! Тогда приступим к обучению прямо сейчас, – улыбнулась Кэтрин, вручая Сесили несколько морковин и нож. – Итак, урок номер один.

29

*Пятая авеню, 925
Манхэттен, Нью-Йорк
30 апреля 1939 года*

*Моя дорогая Сесили,
Все мы, твой отец, твои сестры и я, были безумно счастливы, когда наконец получили твои свадебные фотографии. Ты выглядела просто сногшибательно. Прекрасная невеста! Должна сказать, что и твой Билл тоже очень хорош собой. Хотя твой дорогой папа был*

несколько обескуражен, когда узнал, сколько ему лет. На что я ему сказала, что ты поступила очень правильно, выбрав себе в мужья более зрелого и опытного мужчину.

Вполне возможно, до тебя уже докатились слухи о том, что Джек и Патриция сейчас проводят свой медовый месяц на мысе Кейп-Код. Джуни Дюпон была на их свадьбе: по ее словам, невеста и близко не стояла рядом с тобой. И прическа у нее была какая-то неудачная. А что касается самого приема, то он напомнил ей шумный карнавал Марди Гра накануне поста где-нибудь в Новом Орлеане, такой же грубый и безвкусный. (Здесь у нас ходят упорные слухи о том, что семейный банк Джека на грани разорения. Как справедливо заметила Мейми, тебе еще очень повезло вовремя спрыгнуть на берег с этого тонущего корабля!)

Малышка Кристабель – само очарование, а Мейми оказалась необыкновенно заботливой и нежной мамой. Сообщаю тебе еще одну замечательную новость: Присцилла тоже в положении! Мы с твоим отцом так счастливы, что все три наши дочери вышли замуж и обзавелись своими семьями. Надеюсь, ты тоже вскоре порадуешь новостью о том, что ждешь ребеночка.

Сесили, хотя ты всячески уверяешь меня, что вам в Кении никак не грозят те напасти, которые могут случиться в Европе, если там начнется война, но все равно все мы тут очень переживаем за тебя, милая. Как было бы замечательно, если бы вы с Биллом вырвались к нам и пересидели бы здесь тяжелые времена, пока там все не утрясется. Хотя я понимаю, конечно, что вся его жизнь и работа накрепко связаны с Кенией.

С нетерпением жду от тебя ответного письма. Передавай мои приветы и самые наилучшие пожелания Кики и твоему молодому мужу.

С любовью,

мама

Сесили тяжело вздохнула, перечитывая письмо матери. Она попыталась заставить себя порадоваться за Присциллу, но сердце ее снедало тревожное волнение, когда она принялась строчить ответ, попутно сообщив матери о своей беременности.

«Я должна родить в декабре», – уточнила она, хотя прекрасно знала, что телеграмму, оповещающую о рождении ее ребеночка, придется отправлять много раньше.

– Но об этом я подумаю тогда, когда придет время, – пробормотала Сесили вполголоса, складывая письмо в конверт.

Хорошо было лишь то, что дни в Инвернесс-Коттедж пролетали мгновенно, не то что в Мундуи-Хаусе. Она помогала Кэтрин в огороде, который был разбит прямо за домом, вместе они высаживали рассаду и ухаживали за грядками. А еще Кэтрин учила Сесили стряпать. Правда, после нескольких неудачных попыток самостоятельно испечь торт Сесили поняла: все, что связано с выпечкой, это не ее стихия, а в остальном же прогресс был налицо. Если поутру она просыпалась рано, то ездила верхом на своей красавице, гневной кобылке, которую она назвала Белле. На ней она отправлялась на ферму Билла в пяти милях от дома Бобби и Кэтрин и контролировала там ход строительных работ.

Каждый вечер Сесили укладывалась в постель безмерно уставшая, но довольная тем, как прошел день. Даже дождь, барабанивший по крыше, ее не раздражал, а, напротив, успокаивал. Единственное, она переживала за Билла: как он там в своих низинах, когда реки в одночасье превратились в бурные потоки и лавины грязи сползают с гор. Когда дождь превращался в самый настоящий ливень, так, что нельзя было высунуть и носа на улицу, Бобби разводил огонь в небольшом камине и они все трое сидели возле огня, играли в карты или слушали последние новости Би-би-си по радиоприемнику со всеми шумами и помехами, которыми полнился эфир. Впрочем, новости по большей части совсем не радовали, особенно в том, что касалось политической ситуации в Европе; многие комментаторы откровенно заявляли о том, что война неизбежна, несмотря на всякие многочисленные пакты и союзы, которые формировались буквально сиюминутно.

Однако напряженная ситуация в Европе никак не сказывалась на настроении Сесили: Европа ведь так далеко отсюда, да и Кэтрин

старалась изо всех сил, чтобы подруга чувствовала себя как дома. Бобби тоже постоянно отлучался к своим стадам, но при этом всегда изыскивал возможность проведать свою молодую жену хотя бы раз в несколько дней.

Но вот наконец и Билл должен вернуться домой уже завтра, думала Сесили, обмывая себя в железной ванне, установленной во дворе рядом с туалетом. Она и сама удивлялась тому, с каким нетерпением ждет возвращения мужа. На следующее утро они с Кэтрин отправились в Гилгил, чтобы посетить парикмахерскую, которая пышно именовалась «Дамским салоном». А на самом деле это было крохотное помещение на задворках какой-то развалюхи. Сесили начала заметно нервничать, когда парикмахерша из местных кикую принялась размахивать ножницами над ее головой.

– Так, *бвана*, хорошо? – время от времени интересовалась она у клиентки.

Сесили попыталась разглядеть собственное отражение в маленьком зеркальце, помутневшем от времени и в многочисленных трещинах, которое женщина протянула ей.

– Да, думаю, все хорошо, – ответила Сесили.

– Что скажешь? Выгляжу ужасно, да? – спросила она у Кэтрин, которая и порекомендовала ей этого мастера.

– Отнюдь, по-моему, хорошая стрижка.

– Но так коротко!

– Не беда! Не успеешь глазом моргнуть, как волосы снова отрастут. Однако нам надо поторопиться с возвращением домой. Еще ужин надо приготовить для наших мальчиков.

Когда Сесили вернулась домой и получила наконец возможность разглядеть себя в нормальном зеркале, висевшем на стене, то пришла в ужас: закрыла лицо руками и издала громкий стон. Все ее кудряшки были сострижены почти наголо. А те крохотные завитки, что остались, испуганно жались к самому черепу.

– Тихий ужас! Не стрижка, а тихий ужас! – повторяла она с глазами, полными слез.

– А мне кажется, тебе эта стрижка очень идет, – попыталась успокоить ее Кэтрин.

– Я с такой прической выгляжу как мальчишка! Наверняка Билл не одобрит ее. Уверена, он тоже придет в ужас.

– А я уверена, что он даже не заметит, что ты подстриглась, – возразила Кэтрин, протягивая пару заколок. – Бобби точно не заметит. Попробуй, заколи прядки за уши.

Бобби появился в доме в семь часов вечера и действительно даже не заметил того, что обе женщины сделали себе стрижки.

– Я вчера пересекся с Биллом на короткое время, Сесили, – сообщил он ей. – Он просит передать тебе свои извинения в связи с тем, что задерживается в поле еще на несколько дней. Переход стада с гор в низину занял гораздо больше времени, чем он предполагал изначально, а теперь он занимается вакцинацией своих коров, но постоянные дожди мешают, и потому процесс затягивается.

– Ничего не поделаешь, – вздохнула в ответ Сесили, даже немного обрадовавшись, что муж не увидит ее сегодня в таком виде. Однако в глубине души она, конечно же, расстроилась.

– Ну, что? Давайте выпьем? – Кэтрин разлила им всем по стаканам джин, бутылку которого Сесили специально купила в Гилгиле, чтобы отпраздновать возвращение Билла. – Предлагаю тост за скорейшее возвращение твоего мужа, Сесили. Будьте здоровы!

* * *

Прошла еще целая неделя, и в один из дней Билл неожиданно появился на пороге Инвернесс-Коттедж.

– Здравствуй, Сесили, – поздоровался он. Сесили торопливо поднялась со стула, швырнув в корзинку, стоявшую у ее ног, вязальные спицы и клубок шерсти.

– Билл, ты приехал! А мы и не ждали, – бросилась она ему навстречу.

Но он тут же выставил руки вперед.

– Пожалуйста, не приближайся ко мне, Сесили. Я провонял навозом и весь в грязи с головы до ног. Сейчас пойду на улицу и попрошу Найгаси вылить на меня пару-тройку ведер воды, пока я буду соскабливать с себя всю эту грязь.

– Там же у них есть ванна! – крикнула она мужу уже вдогонку.

– О, ванна – это для вас, девочек! – Билл весело подмигнул ей и направился во двор, как всегда, в сопровождении верного Найгаси,

который нес в руках ведро.

– Билл вернулся, – сообщила Сесили Кэтрин, заглянув на кухню: та как раз готовила ужин.

– Отличная новость. Тогда выставляй на стол джин.

Сесили поставила на стол бутылку с джином и побежала к себе в комнату, чтобы причесаться и хоть немного привести в божеский вид то безобразие, которое у нее сейчас было на голове.

Слегка подкрасила губы. Минут через пятнадцать Билл снова появился в доме, уже облаченный в чистую льняную рубашку и брюки, похожий на себя прежнего.

– Налить тебе джина? – спросила у него Сесили.

– Спасибо, плесни немного. Чин-чин! – Он залпом осушил половину того, что Сесили налила в тонкий хрустальный стакан. – Снова вернулся в цивилизацию, – добавил он и окинул жену внимательным взглядом. – Ты постриглась?

– Да. Совершила ужасную ошибку. Парикмахерша в Гилгиле обкромсала меня со всех сторон.

– А мне нравится. Не говоря уже о том, что на пару месяцев сэкономишь и время, и деньги. Ведь какое-то время можно будет обойтись и без стрижки.

– Если бы я знала, что ты приедешь, то хоть как-то... подготовилась бы к твоему приезду.

– Моя дорогая Сесили, я сам никогда не знаю, когда вернусь, и так было всю мою жизнь. А потому прошу тебя, не надо никаких особых церемоний и подготовок по этому поводу. Договорились?

– Приветствую тебя, Билл! – На веранде появилась Кэтрин с улыбкой во весь рот. – Там еще есть в бутылке джин, Сесили?

За ужином Билл и Бобби пустились в пространные разговоры о своих коровах, а Сесили не могла дождаться, пока останется с мужем наедине. Ведь ей так много надо ему рассказать.

– Все, я на боковую. Прошу прощения, но чертовски устал. – Билл широко зевнул и тронул Сесили за плечо: – Доброй ночи, дорогая.

Сесили проследовала за мужем в гостевую спальню, которую отвели им хозяева, минут через десять, но Билл уже крепко спал, устроившись на одной из двух односпальных кроватей и негромко похрапывая во сне. Сесили тихонько переделась в ночную сорочку, хотя в последнее время спала голой, так ей было комфортнее, потом

улеглась на свою кровать и выключила свет. Откинула голову на подушки и постаралась уснуть.

Проснувшись на следующее утро, Сесили обнаружила, что постель Билла уже пуста, а сам он снова куда-то уехал.

– Когда он вернется? – спросила она у Кэтрин, которая всегда просыпалась раньше.

– Честно говоря, не знаю, – откликнулась та. – Они с Найгаси куда-то подались на своем пикапе полчаса тому назад.

– И он не сказал тебе, когда вернется? – удивилась Сесили.

– Нет, не сказал. Послушай, Сесили. Думаю, тебе надо принять как данность то, что Билл привык жить один и распоряжаться своим временем, как ему заблагорассудится. Захотел – уехал, захотел – вернулся, и ему дела нет, что думают об этом те люди, которые рядом с ним. Он не станет приспособливаться ни к кому. Когда ты выходила за него замуж, ты должна была это понимать.

– Конечно, ты права. Я все понимаю, – ответила Сесили. – Мне действительно нужно принимать Билла таким, какой он есть.

– И поверь мне на слово, это не имеет никакого отношения к его чувствам к тебе. Не говоря уже о том, что он еще попросту не привык к своему статусу женатого человека и к тому, что рядом с ним сейчас находится его жена. А тут еще и этот сезон дождей, когда у всех фермеров дел невпроворот.

– Да, он был так внимателен ко мне, когда мы только поженились, – вздохнула Сесили. – Единственное, чего я хочу, так это чтобы он чуть больше времени проводил со мной.

– Ничто в нашей жизни не бывает совершенным, Сесили, как постоянно твердил мне мой отец. Терпение и еще раз терпение – вот главная наша добродетель. В конце концов, Билл ведь женился на тебе, к вящему изумлению всех обитателей Долины. Несмотря на ту ситуацию, в какой ты оказалась. Если вспомнить, в каком отчаянии ты была всего лишь несколько недель тому назад, то можно сказать, что твой брак – это Божье благословение, а потому не требуй от своего мужа слишком многого. Все, я иду на огород, хочу успеть высадить рассаду капусты, пока небеса не разверзлись снова.

Кэтрин ушла, а Сесили осталась на кухне в одиночестве, пристыженная словами подруги. Безусловно, Кэтрин права. Билл, как

та кошка, привык гулять сам по себе. И она должна смириться с таким положением вещей.

* * *

Что на самом деле оказалось совсем непросто. Билл снова объявился лишь спустя три дня с тушей убитого леопарда, привязанной к багажнику. Огромные лапы, связанные веревкой, свисали почти до земли. Сесили невольно отвела глаза в сторону. Ей было неприятно видеть перед собой бездыханное тело столь красивого и величественного животного.

– Прости за САМОВОЛЬНУЮ ОТЛУЧКУ, Сесили, – повинился перед ней Билл, заходя в гостиную, поскольку на улице снова стал накрапывать дождь. – Но мне позарез нужно было спустить пар и хоть немного расслабиться. Пойду переоденусь.

«И ты спускал пар, убивая ни в чем не повинных диких животных», – подумала про себя Сесили, не рискнув озвучить подобные мысли вслух.

– Ну, как идут дела на стройке? – поинтересовался Билл, когда часом позже они сидели за ужином.

– Все хорошо, как мне кажется. Бригадир – очень хороший человек...

– Еще бы не хороший! Он ведь мой давний приятель. Он обращался с тобой как положено? Иначе он у меня получит по первое число!

– Может, завтра мы с тобой подъедем туда вместе, Билл? И ты сам увидишь все своими глазами, – предложила мужу Сесили.

– Не возражаю, – тут же согласился с ее предложением Билл. – Правда, у меня завтра с утра есть кое-какие дела в городе. А вот после обеда я всецело в твоём распоряжении.

– Хорошо. Дом уже стоит под крышей, так что есть где укрыться на случай дождя, – сказала Сесили.

– Здорово! – воскликнула Кэтрин. – Могу себе представить, каким красивым будет ваш дом. Особенно с учетом всех тех поправок, которые внесла в проект Сесили.

– Будем надеяться, – уклончиво ответил Билл. – Хотя с теми средствами, которыми я располагаю, едва ли мы получим на выходе некое подобие отеля «Ритц».

Как только Билл направился в спальню, Сесили тут же поспешила за ним. Закрыв за собой дверь, Билл принялся стаскивать с себя одежду и, оставшись в исподнем, полез в кровать.

– А ты заметно округлилась, – отметил он, окинув взглядом жену, уже успевшую переодеться в ночную сорочку.

– Да, немного поправилась, ты прав. Послушай, Билл... – добавила Сесили торопливо, увидев, что муж уже приготовился выключить ночник на своей прикроватной тумбочке.

– Слушаю тебя.

– Хочу сказать, что мои родители переслали телеграфом определенную сумму денег в качестве свадебного подарка. Для нас двоих, само собой. Во всяком случае, сейчас я могу материально поучаствовать в отделке дома и в его мебелировке, а также сделать какие-то дополнительные взносы на завершение всех строительных работ.

– То есть ты хочешь сказать, что твои родители обеспечили тебя приданым, да? Очень щедро с их стороны. Не стану отрицать, эти деньги нам весьма даже кстати. Потому что так оно и есть на самом деле. Знаешь, я порой сам удивляюсь, почему я зарабатываю на жизнь разведением скота. Ведь в итоге я имею весьма скромный доход, особенно если вспомнить, сколько времени у меня отнимает это занятие плюс целая куча дополнительных проблем.

– Наверное, ты занимаешься животноводством, потому что тебе это нравится.

– Все так, – согласился он. – С трудом представляю себе, как это можно высиживать в каком-нибудь офисе ежедневно с девяти утра и до пяти вечера. Джосс говорит, что, если начнется война, им потребуется много мужчин призывного возраста. Он и сам подумывает, чтобы поступить на службу в Кенийский полк. Наверное, я тоже последую его примеру, когда наступит такое время.

– Но ведь ты уже вышел из призывного возраста, разве не так? – спросила Сесили, не в силах скрыть своего ужаса.

– Ну, не такой уж я дремучий старик, моя милая леди, – невесело пошутил в ответ Билл.

– И тебе нужно будет обязательно отправляться на фронт?

– Думаю, да. Не смогу я отсиживаться здесь в тенишке и судачить с местными старейшинами, обсуждая последние новости с фронта, пока моя страна и мои соотечественники будут принимать удар на себя. Понимаешь? Однако пока еще ничего страшного не случилось, а потому, как говорится, поживем – увидим. – Билл перевернулся на другой бок. – Спокойной ночи, Сесили.

30

Сесили с Биллом переехали в свой новый дом в конце июня. Наверное, в Сесили проснулся прирожденный женский инстинкт – вить свое гнездо, все последние недели она провела в домашних хлопотах: подбирала колер для стен в комнатах, ткань на занавески, кухонную утварь и посуду (все это закупалось в хозяйственном отделе галантерейного магазина в Найроби). Сесили страшно обрадовалась, когда Билл появился дома в первых числах июня и сообщил ей, что в Момбасе прибыл из Америки контейнер с мебелью. Этот контейнер спустя неделю грузовиком доставили на ферму.

Сейчас, днями напролет занимаясь обустройством своего нового дома, Сесили, по крайней мере, реже обращала внимание на регулярные отлучки Билла. А тот был постоянно занят: либо проверял состояние стада, либо перегонял коров назад на горные пастбища, ибо сезон дождей уже закончился, либо пропадал на охоте, либо отправлялся проведать своих друзей из племени масаи.

– Хочу познакомить тебя с некоторыми из них, – обронил он как-то в разговоре с женой, когда на короткое время в очередной раз возник дома. – Меня завораживает образ их жизни. Они ведь повсюду следуют за своими стадами и каждый раз возводят жилища на новом месте. Истинные кочевники по своей натуре.

– Тогда наша ферма «Райский уголок» покажется им весьма необычным местом, – заметила Сесили.

Название «Райский уголок» возникло у них совершенно неожиданно. Однажды Билл безо всяких предупреждений нагрянул в Инвернесс-Коттедж, и они вместе отправились взглянуть на близившееся к завершению строительство.

Сесили уселась на ступеньки веранды и вздохнула, глянув на долину, раскинувшуюся внизу.

– Здесь прямо как в раю, правда? – задумчиво обронила она.

– Как в «Потерянном раю», – отозвался Билл, усаживаясь рядом с ней. – «Потерянный рай» написал Джон Мильтон. Это моя самая любимая поэма. Слышала что-нибудь о ней?

– К сожалению, нет. Боюсь, я не очень образованна по части классической английской литературы.

– Огромная по своему размеру поэма, состоящая из двенадцати книг, десять тысяч стихотворных строк.

– Ничего себе поэма! Да это же самый настоящий роман!

– На самом деле это библейский эпос, переосмысленный Мильтоном заново. Он повествует о сатане, который вознамерился погубить недавно сотворенные Богом человеческие создания, коими Творец очень дорожил. Давай тоже назовем нашу ферму «Раем». Согласна? При этом каждый из нас может вкладывать свой особый смысл в это слово.

– Не возражаю. Пусть наша ферма станет таким райским уголком, но только мне совсем не хочется, чтобы с переездом сюда *для тебя этот рай тоже стал потерянным.*

– О, на сей счет можешь не волноваться. Тем более что Мильтон потом написал еще одну поэму и назвал ее уже «Обретенный рай». – Билл улыбнулся жене. – Что ж, нам пора. – Он подал ей руку, помогая подняться с крыльца. – Покидаем наш райский уголок и возвращаемся к своим земным заботам.

Когда же они переехали в свой дом, то Сесили сразу попросила плотника изготовить специальную табличку с надписью «Райский уголок» и прибить ее на воротах фермы, чтобы те, кто станет навещать их, не сбились с пути.

– А я уверена, что гости у нас появятся, и очень скоро, – поделилась Сесили с Кэтрин, которая помогала ей развешивать гардины в гостиной.

– Можешь в этом не сомневаться, дорогая. Люди ведь ужасно любопытны по своей натуре. Их медом не корми, дай сунуть нос в чужие дела.

– Наверняка все они заметят, что я слишком толстая для трех месяцев беременности, – в испуге округлила глаза Сесили.

– Возможно, и заметят. Но, думаю, они просто решат, что вы двое пустились во все тяжкие еще до того, как официально стали мужем и женой, – неопределенно пожала плечами в ответ Кэтрин. – А если говорить серьезно, скажу так: если ты собираешься жить здесь, в Долине Счастья, ну, или на ее периферии, то должна научиться не обращать внимания на все эти людские пересуды. Во всяком случае, сейчас хоть перестали перемывать Биллу косточки по прямо противоположному поводу.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею, – Кэтрин слегка понизила голос, – что Билла здесь считали гомосексуалистом.

– Не может быть! Только из-за того, что он так долго не женился?

– Но ты же понимаешь, Сесили, здешние дамы, как нигде в другом месте, имеют слишком много свободного времени для *всяческих измышлений*. Ну вот! Гостиная полностью готова, – с удовлетворением в голосе констатировала Кэтрин, слезая со стремянки и обзревая результаты своей работы. – Правда милая комната получилась?

Гардины слегка шевелились под струями воздуха, который гонял вентилятор, закрепленный на высоком потолке, и Сесили, глянув по сторонам, с некоторым удивлением обнаружила, что ей удалось сотворить очень уютное помещение, смешав воедино Нью-Йорк и Кению. Она попросила родителей переслать ей старую мебель, которая пылилась без дела в подвале их особняка на Пятой авеню, и массивные предметы из красного дерева неожиданно удачно вписались в интерьер деревенского дома, придав ему некоторую солидность и респектабельность. Возле камина Сесили поместила кресло-качалку и расставила кожаные кресла, а пространство между ними устлала большим ковром в восточном стиле. Книги Билла она аккуратно разложила по книжным шкафам, выстроившимся вдоль стен. Все в гостиной сверкало и блестело, а в воздухе витал стойкий запах полировочной мастики.

Правда, Сесили старалась лишний раз не смотреть на шкуру леопарда, которую Билл положил на пол в холле, внося тем самым свой вклад, так сказать, в оформление интерьера их дома. Ведь это был тот самый леопард, которого он застрелил на охоте несколько недель тому назад.

Сесили придвинула одно из кожаных кресел поближе к камину и представила, как они с Биллом будут сидеть здесь вечерами у огня и обсуждать события минувшего дня, она – за чашечкой чая, а он – со своим пивом.

– Сесили! Ты что творишь? – Кэтрин твердой рукой остановила ее. – Ты сейчас не в том положении, чтобы двигать с места на место такую тяжеленную мебель.

– Физические нагрузки для беременных женщин еще никто не отменял. Должна же я делать хоть какие-то упражнения, – возразила Сесили. – Надеюсь, Биллу все здесь понравится, хотя он может посчитать, что в нашем доме слишком уж все по-городскому. А он ведь порядком отвык от цивилизованной жизни.

– Уверена, дорогая, Билл придет в полный восторг от всего, что ты тут наворотила. Я и сама восхищена до крайности. Но больше всего завидую твоей ванной комнате. Хотя Бобби клятвенно заверил меня, что к следующей весне финансово осилит ванную комнату и у нас дома.

– Можешь пока приезжать мыться у меня, – предложила подруге Сесили.

– Я бы с удовольствием, а смысл? Пока доберусь верхом к себе, снова буду вся потная и в грязи!

Билл вернулся домой спустя несколько дней. Вначале он заехал в Инвернесс-Коттедж, а там Кэтрин сообщила ему, что Сесили уже вовсю хозяйничает у себя на ферме под названием «Райский уголок», занимается распаковкой контейнера с мебелью. Как только Сесили заметила сквозь гардины пикап мужа, который подъехал к дому и остановился перед парадным крыльцом, она тут же схватила два фужера с шампанским, подбежала к дверям и замерла там.

– Есть кто? – крикнул Билл, открывая парадную дверь.

– Я здесь, Билл, в доме.

– Слава богу! – Лицо Билла было крайне озабоченным. – Я и подумать не мог, что ты останешься здесь в полном одиночестве, да еще в такой поздний час. И чем ты занималась?

– Все хорошо, Билл. Все просто замечательно, – улыбнулась она в ответ, вручая мужу бокал с шампанским. – Добро пожаловать в наш «Райский уголок».

– Что я вижу! – Билл окинул взглядом обставленный холл. – И ты это все одна двигала и расставляла?

– *Мы вместе* двигали. Идем же! Вначале я покажу тебе нашу гостиную.

Билл взял предложенный ему бокал с шампанским и последовал за Сесили, которая устроила ему самую настоящую экскурсию по дому. Во всех четырех спальнях стояли вазы с живыми цветами, на стенах висели многочисленные фотографии и картины, придавая комнатам вполне жилой вид.

– Это комнаты для моих родителей и сестер, – пояснила она мужу, показывая ему гостевые спальни, в которых уже красовались полностью заправленные кровати. Большая ванная комната сверкала чистотой: посреди комнаты стояла на ножках большая ванна с начищенными до блеска медными кранами. Кухня, расположенная в заднем крыле дома, была полностью загружена провизией.

– Ничего себе! – воскликнул ошеломленный Билл, пройдясь по всем комнатам. – Это же самый настоящий, уже обжитой дом. Должен сказать, ты потрудилась на славу! Замечательно все получилось... Вот только я теперь буду бояться заходить в дом в своей грязной спецовке, покрытый с ног до головы пылью, которая тут же осядет на всей этой полировке.

– Вот за это можешь не волноваться! – улыбнулась Сесили и снова повела мужа в гостиную, подлила шампанского в их бокалы. – Тем более что мебель вся старая. Мама все равно бы выбросила ее вон. Хорошо, я успела попросить отправить мебель к нам сюда. А сейчас спрошу: ты голоден?

– Ты же знаешь, Сесили, я всегда голодный, – отозвался Билл, разглядывая фотографии на стенах. – А это кто? – спросил он у жены, остановившись перед небольшой картиной, на которой была изображена маленькая девочка.

– Как кто? Это же я! Мне тогда было, наверное, года четыре. Мама специально пригласила к нам художника, чтобы он нарисовал портреты всех ее дочерей. Запечатлел, так сказать, для потомства.

– Эта девочка совсем на тебя не похожа. В жизни ты гораздо красивее. Так мы едем сейчас на ужин к Кэтрин и Бобби?

– Никуда мы не едем! Мы же у себя дома. И я уже приготовила ужин для нас с тобой. Ступай пока помойся, а я принесу все сюда, в

гостиную.

– Отличная мысль! – согласился Билл, а Сесили обрадованно улыбнулась и направилась на кухню. Кажется, Билл впечатлен увиденным и очень доволен, подумала она. Что ж, это хороший знак.

– Все, больше не буду шляться по дому в длинных кальсонах, – обронил Билл, когда Сесили выставила на отполированный до блеска стол тарелки с ростбифом. Стол она примостила в нише в самом углу гостиной. – Пожалуй, мне стоит смотаться в город и заказать у портного что-то приличное из одежды, чтобы мы могли регулярно ужинать здесь. Какое аппетитное на вид мясо. Я и понятия не имел, Сесили, что ты умеешь готовить.

– Ты еще многого обо мне не знаешь, Билл, – ответила она и кокетливо улыбнулась, глянув на мужа. Радостное возбуждение, в котором Сесили пребывала после переезда в свой дом, да еще в сочетании с выпитым шампанским, придало ей смелости.

– Вот здесь ты права полностью, – согласился с ней муж. – Послушай, как вкусно! Что ж, за тебя, дорогая! – Билл поднял свой бокал. – Воистину, ты сотворила из нашего дома самый настоящий райский уголок. Пожалуй, в будущем я стану проводить больше времени дома.

– Чему я буду только рада, – ответила Сесили. – Да, я забыла показать тебе твой кабинет. Он прямо напротив гостиной, через холл. Комнатка небольшая, но я умудрилась втиснуть в нее папин старый письменный стол и книжный шкаф. Так что отныне у тебя есть свой собственный уголок, где ты можешь спокойно поработать, чтобы никто не отвлекал тебя.

– Спасибо. По-моему, ты продумала все до мелочей, – снова восхитился Билл. – А где же будет располагаться детская?

Сесили тут же густо покраснела, как это всегда бывало с ней, когда Билл упоминал о ее ребенке. Детскую она обустроила в небольшой комнате рядом с их спальней, но она специально не стала показывать ее Биллу.

– Пожалуйста, Сесили, прошу тебя! Перестань смущаться. Я ведь прекрасно отдавал себе отчет во всем, когда делал тебе предложение.

– Да, все так. Ты проявил... поистине необыкновенное великодушие... Должно быть, тебе не очень-то приятно сознавать...

– Все мне приятно! Я вообще считаю твоего ребеночка таким своеобразным бонусом ко всему остальному. По крайней мере, у тебя хоть будет чем заняться, когда я уеду. И, пожалуйста, не плачь, Сесили. – Билл отложил в сторону вилку и нож, заметив слезы на глазах жены.

– Извини. Я просто немного устала со всеми этими домашними хлопотами.

– Зато мне сейчас откровенно совестно, что я, как всегда, отсутствовал и ничем тебе не помог. Пожалуйста, прошу тебя, не надо плакать. Вот! Возьми. – Он сунул руку в карман и извлек оттуда чистый белый платок. – Утри слезы.

А Сесили моментально вспомнила в этот момент, как когда-то точно так же ей предложил свой носовой платок Джулиус, и это тут же вызвало у нее новый поток слез.

– Прошу тебя, Сесили, успокойся, – стал ласково уговаривать ее Билл. – Не будем же мы с тобой плакать накануне первой ночи, которую вместе проведем в нашем «Райском уголке».

– Не будем, – согласилась она, громко высморкалась и покачала головой. – Но... Не обращай на меня внимания, ладно? Все в порядке. Лучше расскажи мне, где ты был и чем занимался в эти последние несколько дней.

После ужина Билл помог ей собрать посуду со стола, отнес все на кухню и составил в раковину, попутно они обсудили, что нужно будет заняться поисками служанки из местных, какой-нибудь молодой женщины из племени кикую, которая помогала бы вести домашнее хозяйство. После чего Сесили отправилась в обход по своему новому дому, проверяя, везде ли она выключила свет на ночь. На какое-то время задержалась у окна в темной гостиной, глянула на залитые лунным светом просторы, раскинувшиеся за домом, и тихо обронила:

– Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы мы оба были счастливы в этом доме.

* * *

Июль выдался благодатным, все вокруг благоухало, а Сесили уже остро чувствовала присутствие дитяти у себя внутри. Ребеночек

постоянно толкался ножками. Несмотря на все неприятные моменты, связанные с беременностью, Сесили с нетерпением ожидала рождения младенца. Ей уже и самой хотелось поскорее стать матерью. Ведь тогда, по крайней мере, она будет не одна, рядом с ней будет постоянно находиться живое существо, всецело принадлежащее ей, а она – ему. Ведь у нее еще столько нерастраченной любви, которую она с готовностью изольет на свое дитя, и впервые в своей жизни без какого-либо страха или угрызений совести.

На днях ей позвонила Кики и пригласила на сафари.

– Стада диких животных будут сотнями переходить вброд реку Мара, а там, в воде, их уже будут поджидать себе на ужин десятки крокодилов. То еще будет зрелище! – рассмеялась она в трубку.

Сесили осторожно напомнила крестной, что вообще-то она уже на шестом месяце беременности.

– Ах, моя милая! Эта беременность... на корню убивает всякую радость жизни, – недовольно бросила в трубку Кики и отключилась.

Билл старался изо всех сил бывать дома почаще, но все равно Сесили днями напролет просиживала в одиночестве. Казалось, он теперь был занят своими делами даже больше, чем обычно, а если выдавалась свободная минута, то тут же отправлялся в Найроби, встречался с Джоссом и своими многочисленными знакомыми из числа военных. Между тем слухи о грядущей войне в Европе с каждым днем набирали силу, крепились, множились и докатились наконец и до Долины Ванджохи. Сесили в глубине души сильно переживала, особенно когда вспоминала, с какой решимостью в голосе Билл заявил ей, что в случае чего немедленно последует примеру Джосса и тоже вступит в Кенийский полк.

Поскольку Сесили продолжала коротать свои дни в полном одиночестве, наводя порядок в и без того образцово чистом доме или занимаясь вязанием распашонок, чепчиков и пинеток для будущего младенца, у нее хватало времени на размышления обо всем на свете, и она в конце концов пришла к выводу, что Билл относится к ней как к своей соседке или компаньону, не воспринимая ее ни как жену, ни тем более как свою любовницу. С момента переезда на ферму «Райский уголок» Билл обосновался в одной из гостевых спален и спал там, а не в их общей супружеской спальне. Сесили пыталась успокоить себя, убеждала, что это связано с ее беременностью, что Билл старается

быть максимально галантным и все такое, однако все эти аргументы звучали весьма неубедительно.

«Мы с ним просто хорошие знакомые, которые поселились под одной крышей», – подумала Сесили как-то раз, укладываясь в постель и выключая свет в комнате.

И целовал ее Билл исключительно в руку, разве что те два мимолетных поцелуя в губы, которыми он одарил ее в день их помолвки, а потом в день свадьбы. Однако Сесили уже научилась подавлять все свои желания, хотя она жаждала, как любой нормальный человек, и ласковых прикосновений к своему телу, и поцелуев. Надо быть благодарной Биллу за то, что у нее есть, повторяла она сама себе. В конце концов, они ведь действительно хорошо ладят друг с другом. Говорила она мало, лишние вопросы старалась не задавать. И это притом, что Билл обладал обширными познаниями о многих вещах, особенно в том, что касалось ее новой родины Кении или надвигающейся войны...

– Мои родители очень хотели бы навестить нас после того, как родится ребеночек, – однажды за ужином призналась мужу Сесили, тяжело вздохнув при этом.

– На их месте я бы не стал рисковать. Да и тебе, Сесили, не стоит строить радужные планы на сей счет. Согласно последним сведениям британской разведки, немцы сейчас усиленно обхаживают русских. Что-то у них там происходит, и в конце концов что-то такое и произойдет, помани мое слово. Может, они вознамерились перекроить всю карту Европы и поделить оставшиеся страны между собой.

– И когда это все, по-твоему, может начаться?

– Да кто ж его знает! – вздохнул в ответ Билл. – Все европейские правительства стараются изо всех сил предотвратить войну, но на сегодняшний день уже замечено большое скопление военной силы на германо-польской границе.

– Я так соскучилась по своим родителям. – Сесили подавила очередной вздох. Внезапно до нее дошло, что она никогда не расспрашивала Билла о его родителях. – А где сейчас твои родители?

– О, живут себе припеваючи в одном английском графстве под названием Глочестершир. Во всяком случае, пока у них все хорошо.

– А что, если война докатится и до Англии?

– Будем надеяться, что такого не произойдет, девочка моя. Но поскольку мой отец – полковник в отставке, то уверен, он даже обрадуется, если немцы посмеют вторгнуться в Англию, ведь тогда он снова почувствует свою востребованность и важность.

– Не понимаю, почему мужчины так любят воевать.

– На самом деле большинство мужчин не любят войну и даже ее ненавидят, но тут приплетаются всякие иные мотивы: чувство патриотизма, осознание того, что твоя родина в опасности, и тому подобное. Я спрашивал у родителей, не хотят ли они переехать к нам и остаться здесь. В Кении пока действительно сравнительно безопасно, хотя наши уже начали наращивать свое военное присутствие на границе с Абиссинией. Беда лишь в том, что мы и понятия не имеем, куда немецкая армия рванет потом. Такое впечатление, что Гитлер уже давно готовил свою армию к войне, мобилизация там проводилась на протяжении многих лет, а мы теперь вынуждены догонять их и наверстывать упущенное.

– Ты говоришь это таким тоном, будто мы уже проиграли войну, даже не начав ее!

– Неужели я настолько пессимистичен? Мне очень жаль, если в моих словах столько негатива, но, согласно той информации, которой я располагаю от наших офицеров, представляющих службу военной разведки в Найроби, Гитлер уже практически готов приступить к реализации своего генерального плана по перекройке мира с последующим установлением господства Германии.

– Но ведь мы же всегда можем уехать из Кении, пожить какое-то время с моими в Нью-Йорке, – снова робко попыталась предложить мужу Сесили. – Переждем там, пока здесь все утрясется и наладится.

– Сесили, ты же прекрасно понимаешь, что я не могу бросить здесь все и уехать, запрыгнуть на борт парохода и отплыть в Новый, так сказать, Свет. А у тебя сейчас тоже не то состояние, чтобы летать самолетами, – резонно напомнил жене Билл. – Кстати, как ты себя чувствуешь?

– О, у меня все хорошо, спасибо, – поспешила заверить супруга Сесили, хотя на самом деле все последние несколько дней она мучилась приступами жесточайших головных болей. Да и ноги стали сильно отекать, сделались больше похожими на ноги слона. – Могу я уже подать тебе десерт?

Август принес в Кению изнуряющую жару и сушь. Сесили, страстно мечтая о дожде, целыми днями сидела в доме, с каждым днем делаясь все менее и менее подвижной.

Однажды Билл заявился, по своему обыкновению, неожиданно во второй половине дня и застал жену крепко спящей у себя в спальне, ставни в комнате были плотно закрыты, чтобы защититься хоть как-то от горячих солнечных лучей.

– Вот ты где, – обронил он, заходя в спальню. – А я тебе звонил, но ты, должно быть, не услышала звонка. Я привез гостей, – бросил он и вышел из комнаты, оставив жену приходить в себя после сна.

Зайдя в гостиную, она в первую минуту даже растерялась, увидев, каких гостей привез к ним в дом Билл. Трое высоченных масаи, невозмутимые и величественные, словно королевские особы, примостились на самом краешке дивана.

– А вот и ты, Сесили! – воскликнул Билл при виде жены. – Позволь представить тебе Лешана. – Он жестом указал на одного из мужчин, увешанного бусами и серебряными украшениями, в вытянутых мочках его ушей болтались то ли серьги, то ли клыки какого-то дикого животного. – Он – вождь племени илмолеан и мой лучший друг. А эти двое – его свита, доверенные люди и охранники, *мораны*, если на их языке. – Билл кивнул на двух мужчин, сидевших рядом с вождем. – Это самые известные воины в Кении. Так у нас есть что перекусить? А я сейчас организую всем нам по стаканчику джина.

– Сейчас принесу. – Сесили вышла из комнаты и направилась на кухню. Билл последовал за ней. На кухне она развернулась и глянула на мужа с некоторым осуждением. – Билл, мне бы хотелось, чтобы впредь ты заранее ставил меня в известность о том, что у нас будут гости.

– Но я же говорил тебе, что пытался дозвониться, а ты в это время крепко спала. И не переживай из-за этого. Лешану и его спутникам мало что надо. Честно говоря, для меня большая честь, что они выразили желание взглянуть на наш новый дом.

– Все так, – тяжело вздохнула в ответ Сесили и принялась делать бутерброды для столь неожиданных гостей, а Билл, прихватив с собой

бутылку джина и их самые лучшие хрустальные бокалы, снова удалился в гостиную.

Сесили нагрозила целый поднос бутербродами и понесла закуску гостям, чувствуя, как начинает ломить в висках и как пульсирует боль прямо за глазами.

* * *

Спустя пять дней ее приехала навестить Кэтрин, постучала в дверь, но никто не ответил.

– Сесили, ты где? – позвала она громко, открывая парадную дверь и заходя в холл.

– Я здесь, – услышала она слабый голос подруги из спальни.

Кэтрин прошла по коридору, предупреждая постучала в дверь спальни и только потом открыла ее. В комнате царил полнейший мрак, через закрытые ставни не проникал ни единый луч света. Кэтрин подошла к одному из окон, чтобы открыть ставни.

– Пожалуйста, не надо! – взмолилась Сесили с постели. – У меня голова раскалывается от боли.

– Бедняжка ты моя! И давно это у тебя?

– Всю неделю я мучаюсь сильнейшими приступами головной боли. Она отступает на время, а потом снова возвращается, и еще более сильная... Ах, Кэтрин! Мне очень плохо. Чувствую, что со мной творится что-то нехорошее...

– А где Билл?

– Не знаю. Он уехал. Еще вчера или, быть может, сегодня утром? Не помню... Хоть бы эта ужасная головная боль отступила на время...

– Хорошо! Я немедленно звоню доктору Бойлю. Пусть приедет сюда и осмотрит тебя.

– Пожалуйста, Кэтрин, не надо поднимать шум... Я приняла еще одну таблетку аспирина. Думаю, скоро поднимусь с постели и начну работать...

Однако Кэтрин полностью проигнорировала слова подруги, она выбежала в холл и набрала номер доктора Бойля. После второго звонка трубку сняла его жена Этни. Кэтрин объяснила ей ситуацию и услышала тяжелый вздох на другом конце провода.

– Вы полагаете, у Сесили что-то серьезное? – испугалась Кэтрин.

– Сильная головная боль может быть признаком высокого артериального давления, что всегда плохо, если речь идет о женщине на последних сроках беременности. А как ее ноги? Опухли? – спросила у нее Этни.

– Да, очень опухли. Когда я навещала ее в последний раз, она держала их в тазу с прохладной водой.

– Я, конечно, незамедлительно передам всю информацию Уильяму и попрошу его тотчас же отправиться к Сесили с визитом, но, если честно, Кэтрин, будет гораздо лучше, если вы безотлагательно отвезете ее в Найроби. Вполне возможно, ей нужна срочная госпитализация.

– Не знаю только, как нам туда добраться. – Кэтрин больно прикусила губу. – Я ведь приехала к Сесили верхом. А Билла дома нет, уехал куда-то на своем пикапе.

– Подумайте, кто из соседей смог бы сейчас помочь вам и одолжить на время свою машину. И немедленно позвоните мне, когда все решите, а я, в свою очередь, предупрежу Уильяма, чтобы он встречал вас уже прямо в приемном покое больницы.

– Спасибо, Этни, – поблагодарила ее Кэтрин и снова сняла трубку.

Она набрала номер Алисы: та совсем недавно вернулась домой после сафари в Конго.

– Ах, Алиса! – воскликнула Кэтрин, тяжело дыша в трубку. – Слава богу, что я застала вас на месте. Доктор Бойль требует, чтобы я немедленно отвезла Сесили в больницу в Найроби, а у нас нет транспорта под рукой. Ваш «Де сото» сейчас дома?

– Конечно, машина на месте, и я тотчас же отправляю своего водителя Арапа к вам. Если что-то нужно еще, звони, не стесняйся!

– Большое спасибо, Алиса.

– Бедняжка! Передай ей привет от меня.

– Обязательно!

Кэтрин снова бросилась в спальню, дыхание Сесили было тяжелым и прерывистым. Кэтрин открыла ставни на одном из окон, чтобы хотя бы иметь возможность взглянуть на Сесили при дневном свете. Та лежала на кровати с закрытыми глазами. Кэтрин осторожно отвернула край простыни, влажной на ощупь, чтобы посмотреть на ее ноги. Они сильно распухли. Кэтрин нервно сглотнула слюну, стараясь

унять нараставшую внутри панику, потом подошла к шифоньеру, стоявшему в углу комнаты, и достала оттуда один комплект одежды для беременных и пару обуви, а из комода извлекла все необходимое белье.

Верхний ящик комода был до отказа забит вязаными детскими вещами – распашонками, кофточками, чепчиками и пинетками. Каждая вещь аккуратно запакована в тисненую бумагу. Все приданое для своего будущего малыша связала сама Сесили. При виде этого богатства к горлу Кэтрин подступил комок, она тихонько задвинула ящик и глянула на подругу: та беспокойно металась на постели.

– Боже милостивый! – взмолилась Кэтрин шепотом, извлекая из-под кровати сумку, в которой Сесили обычно хранила свои ночные вещи. – Сделай так, чтобы она и ее ребеночек остались живы.

31

– Боюсь, положение крайне серьезное, – обронил доктор Бойль, обращаясь к Кэтрин, когда спустя три долгих часа женщины наконец прибыли в Городскую больницу Найроби. – Отойдем в сторонку и перекинемся парой слов.

Доктор Бойль вывел Кэтрин в узенький коридорчик и открыл дверь в свой кабинет, и сразу же потянуло прохладой, так как в комнате работал на полную мощность вентилятор. Кэтрин с облегчением вздохнула.

– Боже мой, боже, – обронила она, с трудом сдерживая слезы. Не то чтобы слова доктора стали для нее неожиданностью. Она вспомнила, как Сесили вскрикивала от боли, когда она стала поднимать ее с кровати, чтобы переодеть, и потом, когда усаживала в машину. Если бы не шофер Алисы, сама бы она ни за что не справилась: тот бережно взял Сесили с постели на руки, переодевать не стали, а понесли в том, в чем она была, и так же осторожно уложили ее на заднее сиденье «Де сото». Кэтрин подложила ей под голову подушку, а сверху накинула одеяло.

– Мои глаза, мои глаза... – застонала Сесили. – Этот яркий свет слепит меня, – промолвила она, безвольно опуская голову на подушку. – Куда мы едем? Что случилось? Где Билл? – спросила она

едва слышным голосом, когда машина затряслась по ухабам, направляясь к шоссе, ведущему в Найроби.

Никогда еще в своей жизни Кэтрин так не рвалась в Найроби всеми фибрами своей души. Всю дорогу Сесили громко стонала, жаловалась, что ее голова вот-вот взорвется от боли и разлетится на мелкие осколки, что она ничего не видит, а боль в животе просто адская.

– Что с ней, доктор? – спросила у Бойля Кэтрин.

– Мы полагаем, что у нее преэклампсия. Это заболевание случается у женщин на поздних сроках беременности, сопровождается высоким давлением, одышкой, отеками. Вы пытались связаться с Биллом? – поинтересовался у нее доктор Бойль.

– Я позвонила в клуб Мутаига, потом в штаб-квартиру Британских войск, расквартированных в Найроби, но его сегодня не видели нигде. Скорее всего, он сейчас пропадает где-то на пастбищах, там, где пасется его скот. Впрочем, Билл, по своему обыкновению, может быть где угодно и объявится только через несколько дней.

– Понятно. Боюсь, тогда решение придется принимать вам. Жизнь вашей подруги в опасности. Чтобы спасти Сесили, нужна срочная операция: надо делать кесарево сечение и извлекать ребенка. Вы же знаете, – Бойль слегка понизил голос, – Сесили осталось восемь недель до конца беременности, если принимать в расчет реальные сроки. Делать кесарево на столь ранней стадии опасно по всем показаниям, особенно для жизни ребенка. Но если этого не сделать, то...

– Понимаю вас, доктор! Я все отлично понимаю! – Кэтрин в отчаянии обхватила голову руками, будто это над ней самой сейчас висит дамоклов меч. – Однако если отказаться от кесарева, каковы шансы, что младенец останется жив?

– Никаких. Более того, тогда погибнут и мать, и дитя. А так у нас есть шанс спасти хотя бы одного из них. Но и сейчас мы не можем дать вам никаких гарантий: риск очень велик. Важно, чтобы вы отдавали себе в этом отчет.

– Тогда... тогда оперируйте ее, и немедленно!

В кабинет вошел мужчина, облаченный в зеленую униформу, в какой обычно работают в операционной хирурги.

– Хорошо. Позвольте представить вам доктора Стивенса. Он недавно прибыл к нам из Лондона, а там он трудился в больнице Гайс, которая одновременно является и академическим научным центром здравоохранения. У доктора Стивенса большой опыт именно по части наших проблем.

– Рад познакомиться с вами, – сказал доктор Стивенс, делая шаг вперед и обмениваясь крепким рукопожатием с Кэтрин. – Обещаю, я сделаю все от меня зависящее, чтобы спасти и мать, и дитя.

– Спасибо вам, доктор. Огромное спасибо.

– А сейчас мне пора в операционную. – Доктор Стивенс коротко улыбнулся и удалился.

– Не приведи Господь! – Кэтрин затрясла головой. – Какой страшный выбор предстоит ему сделать.

– Да, это будет непросто. Но все мы сейчас должны положиться только на волю Божью и верить в то, что Господь, которому так ревностно служит ваш отец, все управит как надо. На вашем месте я бы сейчас позвонил Бобби, потому что ждать придется долго.

* * *

Ждать действительно пришлось долго. Кэтрин возбужденно расхаживала по небольшой душной комнатке вперед-назад, потом от одной стены к другой и, наконец, стала мерить шагами помещение уже по диагонали. Наверное, каждое из упражнений ей пришлось повторить по несколько сотен раз, прежде чем появился Бобби.

– Ну, наконец-то! – обрадованно бросилась она к мужу, а тот тут же обнял ее. – Я так рада, что ты приехал.

– Я двинулся в путь сразу же после твоего звонка. Ну, как она?

– Пока мне никто ничего не говорит. Вот уже несколько часов я пребываю в полном неведении.

– Хорошо, но надо успокоиться и взять себя в руки. Пойдем, присядь вот сюда.

Бобби бережно усадил жену на стул, а та тут же разрыдалась, уткнувшись ему в плечо.

– Бобби, с ней все очень серьезно. Ты даже не представляешь себе, насколько все серьезно. И куда запропастился Билл? Как он

вообще мог бросить ее одну в таком состоянии? И без каких-либо транспортных средств!

– Может, он и не догадывался, что ей так плохо. Да я и сам виделся с Сесили пару дней тому назад, и она прекрасно выглядела.

– И все же Билл ведь знал, что ее беременность уже подходит к концу. Мог же он хотя бы оставить записку, сообщить, куда конкретно направляется и где его искать, если что!

– Но мы-то с тобой хорошо знаем Билла. Не привык он отчитываться ни перед кем, куда и зачем направляется. К тому же, ребенок ведь...

– Ну, и что из того, что это не его ребенок? Разве от этого жизнь ребенка делается менее значимой? Я так не считаю, Бобби! Честное слово, я думаю иначе!

– Успокойся, Кэтрин. Я совсем не то имел в виду. И ты абсолютно права. В любом случае сейчас рядом с Сесили должен находиться ее муж. Это не подлежит сомнению.

– Прости меня, Бобби. Ради бога, прости. Я сама не своя, не отдаю себе отчета в том, что несу. Скоро будет четыре часа, как Сесили находится в операционной, и за все это время мне никто не сказал ни слова о том, что с ней сейчас и в каком она состоянии.

Прошел еще один мучительно долгий час, и наконец в комнату вошел доктор Стивенс. Выглядел он страшно уставшим.

– Какие новости, доктор? – бросилась к нему Кэтрин, замирая от страха.

Бобби поднялся со стула, подошел к жене и крепко стиснул ее руку.

– Операция была крайне сложной. Повозились мы все изрядно. Но я рад сообщить вам, что одну из двух мне все же удалось спасти.

– Кто же это? – спросила у доктора Кэтрин, уже охваченная самыми дурными предчувствиями.

– Мать находится по-прежнему в очень тяжелом состоянии, она потеряла много крови, но на данный момент она жива... Что же касается младенца... Я... – Доктор Стивенс обреченно пожал плечами. – Мы извлекли ее из материнской утробы... Делали все возможное, чтобы сохранить ей жизнь, но – увы! – приблизительно через полчаса она перестала подавать какие бы то ни было признаки жизни.

– Так это была девочка?! – воскликнула Кэтрин, изо всех сил стараясь не расплакаться. – Упокой ее душу, Господи.

– Да, это была девочка. Следующие двадцать четыре часа будут решающими и для самой миссис Форсайт. Но при благоприятном развитии событий она, скорее всего, сможет выкарабкаться.

– А она... Она уже знает? – спросила Кэтрин. – Я имею в виду про ребенка?

– Конечно же нет! Что за разговоры? Мы ее накачали всякими седативными препаратами, и она какое-то время будет в несколько заторможенном состоянии. Я бы не рекомендовал пока сообщать ей эту печальную новость... Пусть минует кризис, и уже потом...

– Понимаю. А увидеть ее сейчас можно?

– Сегодня категорически нельзя, нет. Мы и дальше будем держать ее в такой полудреме, по крайней мере до завтрашнего утра точно. Все, что ей сейчас нужно, это полный покой, – констатировал доктор Стивенс с тяжелым вздохом и добавил: – Мне очень жаль, что нам не удалось спасти малышку.

– Понимаю вас. Огромное вам спасибо, доктор.

– Я бы посоветовал вам двоим сейчас отправляться домой. Вы здесь ничем не сможете помочь ей, к сожалению. Всего вам хорошего, – попрощался с ними доктор Стивенс кивком головы.

Когда за доктором закрылась дверь, Кэтрин повернулась к мужу и разрыдалась, уткнувшись ему в грудь.

– Как нам сообщить ей такую страшную новость, Бобби? Сесили будет безутешна, я знаю. Ведь она делала все от нее зависящее, чтобы защитить и сберечь ребенка. И вот... Вот что случилось...

– Да, это беда, милая. Большая беда.

* * *

Сесили снится, что она отчаянно пытается выбраться из воронки с зыбучим песком, но стоило ей только высунуть оттуда голову, чтобы схватить ртом немного воздуха, как песок снова и снова затягивал ее в свой крошечный, ужасный мрак.

– Выпустите меня отсюда! – кричит она во весь голос. – Пожалуйста, дайте мне выбраться!

– Все хорошо, дорогая! С вами сейчас все хорошо, и вы здесь в полной безопасности.

Кто говорит? Сесили не узнала голос. Усилием воли она заставила себя открыть глаза, чтобы разглядеть того, кто с ней сейчас разговаривает. Все плыло у нее перед глазами, образ был нечетким, расплывался и двоился: много белого, доброе женское лицо, на золотистых кудряшках форменная шапочка...

«Наверное, это ангел... Я умерла и сейчас уже на небесах...»

– Где я? – спросила Сесили хриплым шепотом. В горле пересохло, и говорить было больно.

– Вы сейчас в больнице, Сесили. В Найроби. Меня зовут сестра Сиссонс, я ваша медсестра. И я очень рада, что вы наконец очнулись и снова вернулись к жизни.

Сесили закрыла глаза и напряглась, пытаясь вспомнить все, что с ней случилось. Да! Кажется, у нее очень сильно болела голова. Адская головная боль, которая становилась все сильнее и сильнее... Она смутно припомнила Кэтрин, потом ее положили в машину, а дальше – ничего! Полнейший провал в памяти.

– Самое худшее уже позади, милая. Теперь бояться нечего. Скоро вы поправитесь, – продолжил разговаривать с ней ангел своим ласковым голосом.

– Я... – Сесили судорожно облизала пересохшие и потрескавшиеся губы, которые отказывались повиноваться ей. – А что случилось?

– Вы были очень больны, когда поступили к нам. Доктор Стивенс сделал вам операцию, и сейчас вам уже гораздо лучше, – ответил ангел. – Вот! Выпейте. Жидкость поможет вам хоть немного восстановить свои силы.

Сесили почувствовала, как ей в рот вставили соломинку. Ей действительно очень хотелось пить, а потому она с жадностью высосала всю жидкость до дна.

– А что со мной было? Я только помню, что у меня страшно болела голова, но...

– Раз вы проснулись, пойду-ка я поищу доктора Стивенса. Он вам сам все расскажет. Отдыхайте пока, а я отлучусь буквально на пару минут...

– Но... Но что с моим ребеночком? Он в порядке?

Ее вопрос остался без ответа. Наверное, она все еще спит и видит сон. А может, если она заснет снова, то ей сейчас приснится сон получше? Сесили закрыла глаза, и на нее опять навалились со всех сторон зыбучие пески, затягивающие в свой водоворот.

* * *

Когда Сесили очнулась в очередной раз, то почти сразу же открыла глаза, чувствуя какую-то внутреннюю тревогу. «Так я же в больнице», – тут же напомнила она сама себе, глянув на белые стены и вентилятор, жужжавший под потолком прямо над ней. Оглядела себя: лежит под простыней. Приподняла свободную руку, ту, которая не была подсоединена к капельнице, спрятанной под простыней, принялась пальцами ощупывать свой живот. Он стал явно меньше и как-то сдулся, словно воздушный шарик, из которого вдруг выпустили воздух...

– Боже! Только не это! Пожалуйста! – крикнула она слабым голосом, слегка повернула голову влево и увидела, как над ней склонились люди, но их лица расплывались у нее перед глазами.

– Добрый день, миссис Форсайт. Меня зовут доктор Стивенс. Это я вас вчера оперировал, – обратился к ней незнакомый мужчина в белом халате. – Вы поступили к нам в крайне тяжелом состоянии, но спасибо вашей подруге Кэтрин, которая сумела доставить вас сюда достаточно быстро и тем самым спасла вам жизнь.

– Привет, Сесили, – подала голос сама Кэтрин, стоявшая рядом с врачом. – Как ты себя чувствуешь?

– Какая разница, как я себя чувствую! С моим ребенком все в порядке?

– Мне очень жаль, миссис Форсайт, но, к превеликому сожалению, мы ничего не смогли сделать. Мы извлекли ее из вашей утробы в целостности и сохранности, но вскоре после этого она скончалась.

– Я... Но... что с ней было не так? И почему я жива, а она... Боже! Она... Я так хотела девочку...

– У вас случилось заболевание под названием преэклампсия, что немедленно сказалось и на вашем ребеночке. Если бы мы не сделали

операцию, если бы промедлили еще какое-то время, то погибли бы вы обе. Мне искренне жаль, что я выступаю сейчас в качестве вестника дурных новостей для вас. Такие новости всегда непросто озвучивать, увы-увы! А сейчас я оставляю вас с друзьями и близкими.

Доктор Стивенс бросил грустный, исполненный неприкрытого сострадания взгляд на свою пациентку и вышел из палаты.

– Кэтрин! – Сесили инстинктивно схватила подругу за руку. – Что он сказал? Неужели это правда? Не может быть!

– Мне сейчас очень, очень горько, дорогая моя, но он сказал тебе правду. Девочка появилась на свет слишком слабой, чтобы побороться за свою жизнь... И потом...

– Но почему они спасали меня, а не ее?

– Не думаю, что вопрос стоял именно так, – услышала Сесили глубокий мужской голос. Она подняла глаза и встретилась взглядом с глазами мужа, полными тревоги и сострадания.

– Билл... Ты тоже здесь...

– А где же еще мне быть? Ты ведь моя жена. Я приехал сюда, как только узнал о случившемся.

– Что значит «вопрос так не стоял»? Лучше бы я умерла... Честное слово, я хочу сейчас умереть...

– Дорогая, они должны были извлечь из тебя ребенка, чтобы дать шанс выжить вам обоим, – сказала Кэтрин. – Но из-за этой проклятой преэклампсии плод внутри тебя развивался не совсем так, как было нужно. Конечно, преждевременные роды – это не самое страшное, и многие недоношенные дети рождаются и выживают, но она появилась на свет слишком рано. *Слишком рано*, понимаешь, Сесили? Ты должна понимать, что врачи не руководствовались приоритетами, кого спасти в первую очередь, а кого – во вторую. Они пытались спасти вас обеих, но без операции вы бы обе умерли, – снова повторила Кэтрин. – Хорошо, я пока оставлю вас с Биллом наедине.

Выходя из палаты, Кэтрин глянула на Билла и многозначительно приложила палец к губам: дескать, не говори ничего лишнего.

– Я... Лучше бы я умерла... вместе с ней! – Сесили принялась горестно раскачивать головой из стороны в сторону. – Да... Лучше бы я тоже умерла... Так было бы лучше для всех... О боже, боже мой...

– Какое счастье, Сесили, что ты не умерла, – сказал Билл, присаживаясь к ней на постель и беря ее за руку.

– Ты ведь так не думаешь, Билл. Наверное, в глубине души ты даже рад, что моя девочка умерла. И я не могу винить тебя за это!

– Сесили, я... Тут они меня спрашивали, захочешь ли ты, *захотим ли мы* попрощаться с малышкой как должно.

– Прощаться? Я ведь даже не успела с ней поздороваться, сказать ей «здравствуй»... – Сесили приложила руку к носу, чтобы остановить льющуюся из него воду. – Да, я даже не сказала ей «здравствуй».

– Так что мне им ответить? Может, ты подумаешь?

– Прощаться, прежде чем они закопают ее в землю, да?

Слезы градом покатались по щекам Сесили. Билл молча опустил глаза, а она плотно зажмурила свои.

Прошло несколько мучительных секунд, но вот Билл заговорил снова:

– Сесили, прошу тебя, пожалуйста, поверь мне. Я женился на тебе вовсе не потому, что хотел спасти твою репутацию. Когда я услышал эту... страшную новость, кажется, до меня впервые дошло, как ты мне дорога. И мне тоже очень, очень горько, что наша дочь не выжила. Поверь, дорогая, я горюю всем сердцем об этой утрате. Если бы я был тогда рядом с тобой... – Дрожащий голос Билла сорвался на шепот. – А ведь я должен был быть рядом с тобой. Я... я люблю тебя, Сесили.

Сесили почувствовала легкое прикосновение к своему лбу, открыла глаза и увидела, что это Билл поцеловал ее.

– Пожалуй, миссис Форсайт сейчас лучше отдохнуть немного, она уже устала. – Та самая медсестра в золотистых кудряшках, нетерпеливо переминавшаяся с ноги на ногу за дверью, решительным шагом вошла в палату, давая понять, что свидание закончено. – Вы можете навестить жену еще раз, но позднее, ближе к вечеру.

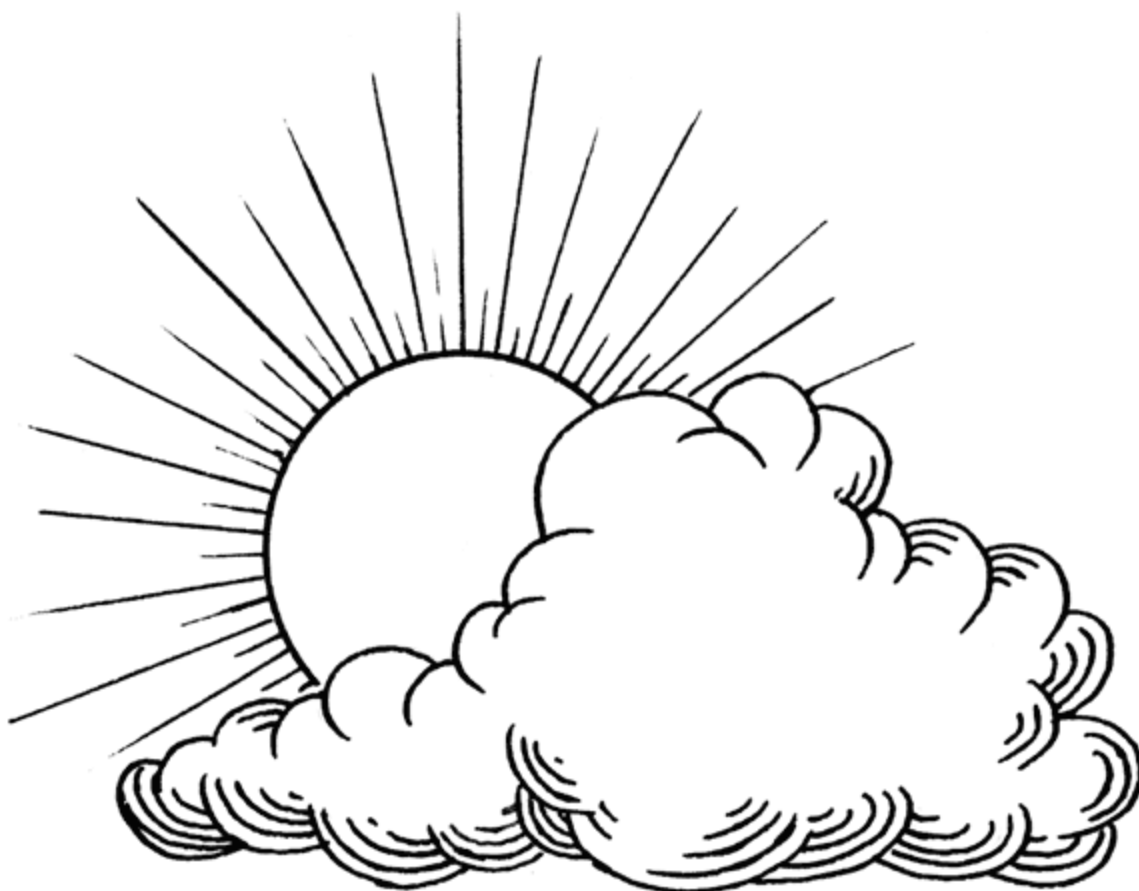
– Да, сестричка права. Тебе нужны отдых и покой, – ласково промолвил Билл, обращаясь к Сесили. – Я загляну к тебе вечером, – добавил он и нежно пожал ее руку, потом поднялся с кровати и вышел из палаты.

– Сейчас я сделаю вам один укольчик, он обезболивает, – прошептала медсестра. – Вам сразу станет легче.

Сесили снова закрыла глаза. «Мне все равно, даже если ты мне сейчас вколола цианид», – подумала она, почувствовав резкую боль в предплечье. Зачем ей жить, если ее драгоценное дитя погибло? И что

бы там сейчас ни говорил ей Билл, она все равно уверена в том, что в глубине души муж только рад тому, что ребенок не выжил.

Нью-Йорк
Июнь 2008 года

Я увидела, что глаза у бабушки закрыты. Может, она спит, мелькнуло у меня. Мне было интересно слушать историю о судьбе Сесили. И конечно, очень жаль, что она потеряла своего ребеночка, но, если честно... Если честно, я ни на шаг не приблизилась к пониманию того, какое, собственно, отношение эта самая Сесили *имеет ко мне*.

– Да, ничего не скажешь! Грустная история, – сказала я нарочито громко, проверяя, смогу ли я разбудить бабушку.

– Ты права. Очень грустная, – немедленно откликнулась та и тут же открыла глаза. – Ведь потеря этого ребенка в корне изменила всю ее дальнейшую жизнь... Да и мою тоже.

– Но как?! Каким образом? Как ты попала в эту историю? И вообще, где я родилась и...

В дверь тихонько постучали, следом просунулась голова Мариам.

– Прошу прощения, дамы, что нарушаю плавное течение вашей беседы, но внизу вас, Электра, уже ждет машина, чтобы отвезти в аэропорт.

– Хорошо. Спасибо, Мариам. – Я снова повернулась к Стелле: – Так я ду ответа на свои вопросы.

– Придется тебе, милая, еще немного потерпеть. Словом, запасись терпением еще на какое-то время. – Стелла поднялась с кресла. – Не говоря уже о том, что я страшно устала. Знаешь, копаться в прошлом – это всегда занятие не для слабонервных, тем более когда копаешься в собственном прошлом.

– Но каким образом это прошлое касается тебя? – не отставала я от Стеллы, выходя вслед за ней в холл. – Ты хочешь сказать, что это прошлое длится для тебя до сих пор?

– Электра, мы с тобой не в кино. Это на экране разворачиваются всякие невероятные истории. Мы же с тобой говорим сейчас о реальной жизни, о том, что было на самом деле. А потому ты должна понять, что было до тебя, чтобы примириться с тем, что случилось потом. Однако тебе пора ехать. Да и мне надо уходить.

– А когда ты снова приедешь ко мне и дорасскажешь эту историю до конца?

– На выходные я улетаю в Вашингтон, но в понедельник вернусь. Давай договоримся так: вечером в понедельник я у тебя, согласна? Скажем, часов в восемь вечера...

– Согласна, – ответила я, заходя вслед за бабушкой в кабинку лифта, хотя меня немного нервировало, что придется ждать еще целых четыре дня, чтобы наконец узнать, кто я и откуда.

– Я горжусь тобой, Электра, – неожиданно обронила Стелла. – За такой короткий отрезок времени ты сумела добиться столь многого. Продолжай в том же духе, милая.

Мы вышли из лифта, бабушка повернулась ко мне и расцеловала в обе щеки.

– Постараюсь, – ответила я и добавила скрепя сердце, но вовремя вспомнив, что я же стала «совсем другой»: – Спасибо.

Мы вышли из подъезда. Шофер, уже поджидавшей меня на улице, тут же распахнул дверцу лимузина, и я запрыгнула в салон, устроившись на заднем сиденье.

– А в нашу следующую встречу ты, может, соизволишь рассказать мне, кто такой этот Майлз? – крикнула мне бабушка и хитровато улыбнулась.

* * *

– Привет! Ну, как долетели? – первым делом поинтересовалась я, высунув голову в окошко, когда Майлз и Ванесса вышли из здания аэропорта и направились в сторону моего лимузина. (Кстати, я специально заказала такую роскошную машину, чтобы лишний раз впечатлить Ванессу и поднять ей настроение.)

– Все прошло гладко, – ответил Майлз, помогая шоферу загрузить в багажник их вещи.

– Ванесса, садись рядом со мной. А вы, Майлз, поедете впереди, рядом с шофером, договорились?

Ванесса покорно вскарабкалась на заднее сиденье, и шофер тут же закрыл за ней дверцу. Я взглянула на ее заострившееся личико. За то время, что мы с ней не виделись, она еще больше потеряла в весе и стала почти прозрачной от худобы.

– Ну, как дела? – спросила я у нее, глядя, как она водит своими тонкими худыми пальцами по кожаной обивке сиденья.

– Лететь самолетом – это круто, Лектра, хотя... – проронила она, проигнорировав мой вопрос. – Помню, однажды один хмырь катал меня на своей машине по всему городу, а потом запер на парковке под тем домом, в котором жил. Дескать, неожиданно вернулась жена и ему нужно спрятать меня как-то. Я просидела в этом погребе целых три часа, прежде чем он снова объявился и выпустил меня. Думала, сойду с ума или задохнусь там без воздуха.

– Должно быть, тебе было очень страшно, – искренне посочувствовала я. – Меня тоже когда-то еще в школе вредные девчонки заперли в шкафу нашей гардеробной, и с тех пор я боюсь замкнутых пространств.

– Еще бы! – кивнула в ответ Ванесса. – А тот мужик, он был настоящий подонок.

Я постаралась припомнить что-нибудь более позитивное и веселенькое, но в голову не пришло ничего путного, а потому мы обе погрузились в затяжное молчание.

– Это что, мини-бар? – спросила у меня Ванесса, указав на ящик, закрепленный между двумя сиденьями.

– Да. Хочешь содовой?

Ванесса бросила на меня красноречивый взгляд, словно говоря: «Ты же прекрасно знаешь, чего я хочу».

– Нет, мне лучше кока-колы.

Я открыла маленький холодильник и быстрым движением извлекла оттуда банку колы, стараясь не смотреть на выстроившуюся в ряд шеренгу небольших бутылочек со спиртным. Я тут же захлопнула дверцу холодильника и вручила банку Ванессе.

– Майлз говорит, что там, куда мы сейчас едем, все очень круто, – нашла я наконец, что сказать.

Ванесса промолчала, уставившись в окно. И я очень даже ее понимаю. Для нее все происходящее – это переезд из одной тюрьмы в другую, только и всего. Радовало лишь то, что она стала заметно спокойнее и даже немного реагировала на мои слова.

– Нам еще долго ехать, Майлз? – спросила я.

– Еще где-то полчаса. Это место расположено рядом с известной деревушкой для богачей Дикс-Хиллз.

– Богатенькая деревушка – это для меня самое то. Я так и сказала Майлзу, – хихикнула Ванесса.

И действительно, примерно через полчаса мы, проехав по улицам, застроенным респектабельными красивыми особняками, остановились возле каких-то ворот. Пока Майлз разговаривал о чем-то с дежурным охранником, я принялась разглядывать все вокруг себя и тут же заметила кое-что: действительно, любой посторонний с улицы ничего не увидит из того, что находится за высокой оградой, так как по всему периметру она была обсажена такими же высокими кустарниками, но

сверху забор обнесен колючей проволокой, а еще дальше, на некотором расстоянии, виднелись смотровые вышки с установленными на них прожекторами. Пожалуй, даже Майлз с его ростом и длинными руками едва ли смог бы дотянуться до края изгороди.

Нас пропустили за ворота, и мы поехали дальше, миновали ухоженную садовую территорию и наконец увидели большое и очень красивое белоснежное здание, величественное, словно дворец.

– Ничего себе! – присвистнула удивленная Ванесса, глянув в окошко. – В таком доме только президент может жить.

– На самом деле Лэндсдаун-Хаус и вся прилегающая к дому территория – это подношение в благотворительный фонд, который курирует центр реабилитации, от одной женщины, которая когда-то жила в этом доме, – принялся объяснять нам Майлз. – Она потеряла своего единственного сына из-за его наркотической зависимости и долгие годы вела здесь по-настоящему отшельнический образ жизни, а десять лет тому назад хозяйка дома умерла. Красивый дом, правда? – заметил он, разглядывая дорические колонны по обе стороны парадного крыльца, ведущего к величественным парадным дверям.

– Если бы я знала, что стану здесь жить, то прихватила бы с собой вечернее платье, – фыркнула Ванесса.

И в этот момент я увидела женщину, выходящую из машины. Она направилась прямо к нам.

– Черт! Так это же Ида! – воскликнула Ванесса, почти вжавшись в сиденье, когда женщина тихонько постучала по заднему стеклу. Женщина по цвету кожи ненамного отличалась от меня и была одета в шикарное платье-кафтан из ярко-пурпурной ткани, явно ручной окраски. Мне и самой немедленно захотелось обзавестись таким же кафтаном.

– Это социальный инспектор, которая курирует Ванессу, – пояснил мне Майлз, выбираясь из машины, чтобы поздороваться с женщиной. Меня же он заранее попросил из машины не высовываться и особо не светиться, дальнейшим обустройством Ванессы займется сама Ида. Потому как для девушки совсем нежелательно, чтобы ее сразу же заметили в обществе всемирно известной фотомодели: это может создать дополнительное напряжение в ее отношениях с другими обитателями центра реабилитации.

– Шикарная женщина, – прокомментировала я, бросив еще один взгляд на инспектора, и увидела, что Ванесса буквально трясется от страха.

– Ты ее не знаешь! Это самая настоящая ведьма! Если бы я знала, что сюда приедет Ида, то ни за что бы не полетела, лучше бы осталась там, в больнице, – невесело пошутила Ванесса. – Я же знаю, все равно ничего у меня не получится, не сможете вы сделать из меня чистенькую.

Она пошарила в кармане своей куртки худи, достала оттуда пачку сигарет и зажигалку и с жадностью закурила.

– Знаю, тебе придется нелегко, но... – Я замаялась в поиске подходящих слов. Что бы ей такого сказать хорошего на прощание? – Знаешь что, Ванесса? Я ведь приехала сюда ради тебя, и Майлз тоже. И *эта Ида тоже*. Ведь это же она старалась подыскать тебе самое лучшее место для дальнейшей реабилитации из всех, что ей известны. Нас всех волнует твое будущее. Так что ступай и поправляйся поскорее, а я при первой же возможности, когда это будет позволено, навещу тебя. Ладно? И если к тому времени тебе полегчает, то мы с тобой немного развлечемся!

– Да это ты сейчас так говоришь... Просто для того, чтобы что-то сказать. А как только выедешь за ворота, так сразу же и забудешь про меня. Будешь крутиться среди всех этих богатых и знаменитых...

– Но я же пока тебя не забыла. Разве не так? Вот! – Я порылась в своей сумочке и достала оттуда бейсболку от фирмы «Барберри», которую мне прислал мой стилист несколько месяцев тому назад. Само собой, я такую не напялю на себя никогда. Но Ванессе, думаю, вещица понравится.

Она глянула на бейсболку, потом пощупала рукой материю.

– Она реально от «Барберри»?

– Конечно.

– Круто! – Ванесса тут же напялила бейсболку на голову, и в ее глазах промелькнуло чисто детское удовольствие от подарка, промелькнуло и тут же погасло. – Так это мне?

– Тебе-тебе! – заверила я.

– Никто же не поверит, что она настоящая. А если и поверят, то решат, что я сперла у кого-то. – Ванесса подавленно опустила плечи и загасила окурок.

– Главное, что *ты знаешь*, что она настоящая. А какое нам дело до всех остальных? Ну, тебе пора.

– Я... – Ванесса взглянула на меня, и я увидела слезы в ее глазах. – Уже иду.

– Я буду с тобой на связи постоянно, обещаю! – сказала я и, обхватив ее худенькое тельце, прижала к себе что есть силы.

Она открыла дверцу, вышла из машины и подошла к Майлзу и Иде, которая тоже обняла ее. И у меня сразу же полегчало на душе. Майлз, заметив мой взгляд, приложил воображаемый телефон к уху и беззвучно проартикулировал губами:

– Я вам перезвоню.

А потом они все трое направились по ступенькам крыльца к парадному входу.

– Можно ехать, мэм? – спросил у меня водитель.

– Да, – кивнула я в знак согласия. Когда машина развернулась, чтобы тронуться в обратный путь, я слегка приоткрыла форточку, чтобы проветрить салон от сигаретного дыма. И в этот момент Ванесса повернулась ко мне лицом и бросила прощальный взгляд. Ее худенькое личико исказила гримаса страха.

– Люблю тебя, – послала я воздушный поцелуй, глянув на нее. Машина между тем уже набрала скорость и быстро покатила в сторону ворот. Я сглотнула слезы, чувствуя себя эдакой мамашей, которая привела ребенка в школу в самый первый раз и оставляет его там. И в каком-то смысле так ведь оно и есть.

* * *

Хорошо, что на следующий день у меня была фотосессия, потому что вчерашняя поездка в Дикс-Хиллз оставила у меня тяжелый осадок. Такое дежавю с тем, что испытала я сама, приехав впервые в «Рэнч». Однако то, что мне удалось отыскать в интернете, немного успокаивало: все в один голос превозносили этот центр до небес. Профессионалы, те вообще считают, что это самый лучший реабилитационный центр в штате Нью-Йорк, в котором занимаются реабилитацией наркоманов «из неблагополучных семей», как их назвала в одной из своих публикаций «Нью-Йорк Таймс». Майлз

перезвонил мне по возвращении, сказал, что Ванесса довольно спокойно прошла процедуру знакомства с теми девушками, с которыми она будет жить в одной комнате.

– Все же хорошо, – добавил он, – что в больнице, где она пролежала столько времени, им удалось стабилизировать ее психологическое состояние, а потому ее сразу определили в среднюю группу.

На языке юриста «средняя группа» означала, что Ванессе не придется снова проходить этап детоксикации в специально отведенном для этой цели корпусе, в котором, по информации из того же интернета, имеются особые палаты, обитые войлоком, как в психиатрических больницах.

Как ни странно, съемки доставили мне удовольствие, хотя это была первая фотосессия за год, когда мне не пришлось взбадривать себя с помощью известных подручных средств.

На съемках присутствовал сам Ксавье, известный в модельном бизнесе по инициалам «ХХ». Я работала с ним несколько раз, в том числе и тогда, когда мы рекламировали разработанную им линию спортивной одежды с ярко-золотой молнией, украшающей худи спереди. Тогда, насколько я помню, весь товар разошелся в течение недели.

– Готова к дальнейшему сотрудничеству уже в ближайшем будущем? – поинтересовался у меня знаменитый кутюрье.

– Очень даже может быть, – ответила я уклончиво и поднялась на помост.

Пока я автоматически принимала разные позы, мысли мои витали далеко. Я стала вспоминать эскизы своих собственных фасонов. Пока я была в Рэнч, проходила там курс реабилитации, мне очень нравилось рисовать, придумывать новые фасоны, заполняя своими эскизами страницу за страницей в альбоме для рисования. Такое занятие казалось мне более продуктивным и творческим. Не то что целыми днями гримасничать в свете софитов...

– Вау! Отдых пошел тебе на пользу, Электра! Сегодня ты была в ударе и отработала перед моей фотокамерой вдохновенно, как никогда, – заметил мимоходом Мигель (наверняка родители называли его когда-то просто Майком), бросив на меня слащавый взгляд.

– Замечательно, Электра, – сдержанно похвалила Мариам, сопровождая меня чуть позже из гримуборной. – Вы сегодня светились изнутри. Никогда не видела вас такой сияющей.

– Да ерунда все это! – улыбнулась я в ответ. – Между прочим, Мигель и ХХ приглашали меня отобедать вместе с ними в итальянском ресторане, коль скоро мы сегодня разделались со съемками раньше обычного...

– Электра, не хочу вас пугать, но...

– Все в порядке. Я уже ответила им отказом. Сказала, что занята, сославшись на то, что мне нужно посетить одно мероприятие. Я ведь действительно собираюсь вечером на очередное собрание анонимных алкоголиков. Но туда мне хочется и самой пойти. А вот ресторан... Слишком все это быстро.

* * *

Когда мы остановились перед салоном красоты на углу Пятой авеню и 57-й Восточной улицы, я повернулась к Мариам:

– Как думаете, Стефано сможет обслужить меня прямо сейчас?

– Не знаю, что сказать... Но даже для вас, Электра... Вряд ли... Вы же знаете, у него всегда очередь на многие месяцы вперед. Не говоря уже о том, что для того, чтобы выпрямить ваши волосы, ему потребуется не один час работы... Много часов...

– Мариам! – Я даже глаза округлила от удивления. – Неужели вы забыли, о чем мы вчера говорили со Стеллой?

– Все я помню, но вы ведь просто пошутили, правда?

– Ничего *я не шутила!* – бросила я в ответ. – Не волнуйтесь. Я просто загляну в салон и перекинусь с ним парой слов.

И, прежде чем Мариам успела остановить меня, я проворно выскочила из машины. На ресепшене мне сказали, что Стефано сейчас обедает, но поскольку я – это я, то наверняка он выйдет в зал, чтобы поздороваться со мной.

Мы со Стефано знакомы уже много лет, с тех самых пор, когда я впервые приехала в Нью-Йорк и Сюзи отправила меня к нему накануне самой первой фотосессии. Поскольку он сам был наполовину афроамериканец, наполовину итальянец, то хорошо разбирался в том,

как управляться с моим типом волос. Конечно, визиты к нему накануне съемок превращались для меня в самую настоящую пытку, но сам Стефано мне очень нравился.

– Он сейчас у себя? – спросила я у дежурной.

– Да, но...

Я решительным шагом пересекла салон и скрылась за дверью с надписью «служебный вход», а там напрямик направилась к комнатке, в которой мы со Стефано не раз и не два взбадривали себя бесчисленными дозами кокаина, благо изматывающая процедура выпрямления моих волос действительно длилась часами и надо же было как-то разнообразить наше с ним времяпрепровождение.

Стефано был, как всегда, на месте, «пудрил», как говорится, свой носик.

– Электра! – радостно воскликнул он при виде меня. – *Cara*, что ты здесь делаешь? – Он поднялся со своего места и расцеловал меня в обе щеки. – Неужели ты записана ко мне на сегодня? Не может быть!

– Нет, я не записана. Но я тут подумала, не найдутся ли у тебя под рукой ножницы?

Часом позже я вышла из подсобки, неся на голове самую неожиданную прическу из всех, какие у меня когда-то были. По правде говоря, и прически как таковой не было, потому что на черепе остались торчать волосики длиной не более одного сантиметра. Поначалу Стефано категорически отказался исполнять мою блажь, но, когда я пригрозила ему, что постригусь сама, он наконец сдался и в итоге сделал мне просто фантастическую стрижку. Потом еще стал колдовать над моими волосиками, втирать в них какие-то кремы и расчесывать специальной расческой, но я тут же пресекла его рвение. Сказала, что хочу, чтобы мои волосы были такими, какие они есть от природы.

– Боже мой! – воскликнула ошеломленная Мариам, поднеся руку к губам, когда я уселась рядом с ней на заднем сиденье автомобиля. Актриса из нее, в общем-то, неважная: все эмоции тут же отразились на ее лице.

– Хорошо, понимаю. Это – шок. Ну, а помимо шока, что скажете о моем новом облике?

– Я... Вы серьезно?

– Вполне.

Мариам принялась изучать меня въедливым взглядом. Долго разглядывала, но потом наконец кивнула и широко улыбнулась:

– Скажу, что выглядите вы просто потрясающе!

Я благодарно хлопнула ладонью о ее ладонь. Что и требовалось доказать!

– Представляете, сколько драгоценных часов я сэкономлю в будущем с такой прической? И сколько бесценных часов своей жизни я уже потратила впустую в прошлом. А Сюзи мы скажем, что отныне и впредь можно прекрасно обойтись и париками. Хорошо! Но мне пора в Челси. Там через полчаса начинается собрание анонимных алкоголиков. Едем сейчас прямо туда, но по пути сделаем коротенькую остановку возле какого-нибудь гастронома, чтобы перекусить на скорую руку.

* * *

Сидя в машине уже на обратном пути после собрания, Мариам вдруг повернулась ко мне лицом:

– Электра, вы не будете возражать, если я сегодня вечером поеду к своим? Я... мне нужно повидаться с близкими.

– Конечно, не возражаю. Не хочу разлучать вас с семьей.

– Но я буду постоянно на телефоне и, если что, сразу же приеду. Я ведь живу не так уж далеко от вас. И потом, это ведь только на выходные.

Я молча кивнула в знак согласия. Мне было стыдно, что я столько времени удерживала Мариам подле себя, лишая ее тем самым общения со своими близкими. Мы подъехали к моему дому, и я страшно обрадовалась, увидев Томми на его привычном месте. Мариам прошла мимо, только поздоровавшись, а я приостановилась, чтобы немного поболтать с ним.

– Привет, Томми. Все никак не выпадал случай еще раз поблагодарить тебя за тот вечер, когда ты помог Мариам... и мне, когда со мной... случилась... эта болезнь.

– Электра, ты же знаешь, ради тебя я готов на все. – Губы Томми сложились в улыбку, но в глазах его застыла грусть.

– Послушай, Томми. Если я тоже могу что-то сделать для тебя, *все что угодно*, только скажи, и я сделаю. Ладно?

– Ладно. Большое спасибо. Кстати, должен заметить, что у вас просто клевая прическа.

– Спасибо, Томми.

Пока я поднималась на лифте к себе, я решила, что отныне и впредь буду посещать собрания анонимных алкоголиков, которые проходят в Челси. Не хочу ни под каким предлогом терять такого друга, как Томми. А ведь он наверняка будет чувствовать себя неловко, если узнает, что я стала невольным свидетелем его исповеди.

Дома я уселась на диван в гостиной и проверила свой мобильник. Один пропущенный звонок от Майлза. Я тут же перезвонила ему.

– Привет. С Ванессой все в порядке?

– Да, в порядке. Днем мне позвонила Ида. Сказала, что она нормально там обустроилась.

– Отлично. А как вы сами?

– Все хорошо. Правда, немного непривычно снова окунуться в работу. И к тому же не иметь возможности перекинуться с кем-нибудь парой слов обо всем том, через что мне... *нам* пришлось пройти совсем недавно.

– Понимаю. Отлично понимаю. У меня сегодня была первая фотосессия после долгого перерыва, и мне было так странно... *ощущать себя теперешней*, работать без всего того, чем я обычно себя взбадривала на съемках.

– Электра, мне, к сожалению, пора уходить. Жду звонка от одного своего клиента. Тот может позвонить в любой момент, вот я и замешкался тут, в офисе.

Майлз попрощался и отключился, а я поднялась с дивана и побрела на террасу. Прислонилась к ограждению из стекла и стала разглядывать с высоты Нью-Йорк. Впервые с тех пор, как я вернулась домой, мне стало не по себе. Настроение испортилось окончательно. Может быть, потому, что впереди маячили выходные, которые я должна буду провести в одиночестве. Обычно выходные я провожу в разъездах, вечно куда-то спешу, лечу, и это меня вполне устраивает, потому что конец недели – это то время, когда успешные и состоятельные люди покидают Нью-Йорк и разъезжаются по своим

загородным домам, где могут полноценно отдохнуть в кругу семьи и своих друзей.

– Электра! – окликнула меня Мариам из комнаты. – Я приготовила вам на ужин суп из чечевицы и салат, все стоит в холодильнике.

– Спасибо.

– Да, и вот еще что. Вы перезванивали тому психотерапевту, которого вам порекомендовала Фай?

– Да.

– И?

– После Фай она не произвела на меня должного впечатления.

– Понятно. Но, Электра, вам нужно обязательно подыскать себе подходящего психотерапевта здесь, на Манхэттене. А вы уже созваниваетесь с третьим кандидатом из того списка, который подготовила для вас Фай, и всякий раз телефонный разговор завершается вашим нежеланием контактировать с этим специалистом дальше. Может, все же стоит встретиться лично? Взглянуть, так сказать, на человека и понять, что он собой представляет.

– Может, так и надо поступить. Но пока я не хочу рисковать, выбрав не того, кто мне действительно нужен и кто сможет помочь. А так опять начнут сносить мне башку всякой ерундой, как это бывало и раньше. К тому же пока у меня все нормально, Мариам. И вокруг меня полно людей, с кем я всегда могу обсудить свои проблемы, если у меня возникнет такая потребность.

– Ладно. Не хочу показаться занудой, но меня этот вопрос волнует, Электра, потому что я переживаю за вас.

– Знаю, Мариам, знаю. Вы так много для меня сделали.

– Что еще вам нужно, говорите, пока я не ушла.

– Ничего не нужно. Отправляйтесь домой к своей семье.

– Но вы уверены? Потому что...

– Уверена на все сто. Могу же я пожить какое-то время и без няньки под боком. Разве не так?

– Хорошо. Но, если я вам вдруг понадоблюсь, звоните немедленно, в любое время дня и ночи. Обещаете?

– Обещаю. Ради бога, Мариам, отправляйтесь уже к себе!

– Ухожу. Всего доброго, Электра.

– Пока.

За Мариам закрылась дверь, и впервые за все последние пять недель я осталась одна.

– Сейчас ты спустишься в тренажерный зал, немного потаскаешь там тяжести, потом поужинаешь, уляжешься в кровать и станешь смотреть какой-нибудь кинофильм, – сказала я вслух, стараясь унять панику, стремительно нарастающую внутри.

Так я и поступила: сначала отправилась в тренажерный зал, потом приняла душ, поужинала всем тем, что оставила мне Мариам, залезла в постель и включила телик. Но, как назло, по всем каналам шли либо какие-то боевики с перестрелками и бесконечными погонями, либо всякие постановочные шоу, заснятые в больницах. Ни то ни другое не показалось мне подходящим для просмотра в самый первый вечер, который я коротаю в одиночестве. Наконец я отыскала какую-то романтическую комедию, но и она не пошла, после чего переключилась на французский фильм. Обычно я люблю французское кино, но этот – *типичный* фильм в стиле нуар, причем с явным перебором по части всяких ужасов. В конце концов я вообще выключила телевизор и стала проверять свою электронную почту. И страшно обрадовалась, увидев письмо от Тигги, длиннющее такое письмо на французском. Так что хорошо, что я до этого минут сорок созерцала французский нуар, вполне подготовившись к предстоящему чтению.

Дорогая Электра,

Как же я рада получить от тебя письмо (впрочем, сегодня, когда письма стали такой редкостью, радует любое послание), особенно когда торчишь неизвестно где и с почти полным отсутствием связи. Сигнал интернета в наших местах то ловится, то исчезает полностью, а потому постоянно чувствуешь себя оторванным от всего остального мира. Что имеет и свои плюсы, и свои минусы. Как, наверное, и все остальное в нашей жизни, не правда ли?

Но сегодня выдался удачный день, есть сигнал, а потому я сейчас сижу на улице за нашим летним столом и люблюсь горной долиной, раскинувшейся передо мной (местные называют ее «глен»). Красота неопишная! Уже

зацвел вереск, и все вокруг утопает в роскошных пурпурно-сиреневых цветах.

Первое, с чего я хочу начать свое письмо, это лишний раз напомнить тебе, что я – твоя сестра, и, хотя это очень мило с твоей стороны – попросить у меня прощения, если честно, в этом нет никакой необходимости. Не могу припомнить ничего такого, что ты сказала мне или сделала, что могло бы меня обидеть и потребовало бы твоих извинений. Тем более что, как ты помнишь, все называют меня то ли «снежинкой», то ли «сосулькой», то есть я не из категории обидчивых людей! И все равно было так приятно получить от тебя весточку.

Ма какое-то время тому назад сообщила мне, что ты обратилась за помощью, чтобы решить некоторые свои проблемы. Честно, Электра! Я безмерно горжусь тобой. Ведь это так трудно – признаться, что тебе нужна помощь, не правда ли? Но сделать первый шаг в этом направлении – это уже пусть и маленькая, но победа. Не уверена, что ты уже вернулась к себе домой, какое-то время я была очень занята, а потому не общалась ни с Ма, ни с Майей, но, где бы ты сейчас ни находилась, знай, я крепко-крепко обнимаю тебя и сообщаю, что постоянно думаю о тебе и каждый день молюсь за тебя в своем обычном исполнении, как вы это называете, «молитвами Тигги». Знаю, ты никогда не была в большом восторге от всех этих моих «завихрений», как ты их называешь, но тем не менее хочу сказать тебе вот что. Я чувствую, что по жизни ты полностью защищена от всего дурного, вот и сейчас выберешься из своей нынешней передраги, став еще сильнее и красивее, чем раньше. Ты станешь лучше во всех отношениях, верь мне.

О себе скажу лишь то, что я еще никогда не была так счастлива, как сейчас! Наверное, Ма рассказывала тебе, что у меня недавно возникли кое-какие проблемы со здоровьем. И хотя на данный момент я едва ли преодолēju Женевское озеро вплавь, но если буду следить за собой и

выполнять все рекомендации врачей, то какое-то, надеюсь, продолжительное время еще проживу.

Как удивительно, что хорошее очень часто приходит в нашу жизнь из плохого, верно? Вот так случилось и со мной: проблемы со здоровьем (а тут еще этот злосчастный инцидент с выстрелом, хотя на самом деле все было не так драматично, как это может звучать в пересказе, но об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз), а в результате всех этих событий я встретила человека, которого смело могу назвать Любовью Всей Своей Жизни. Звучит немного избито, но это так. Он врач, специализируется в области кардиологии, то есть лечит сердца, а у меня именно с сердцем и случились некоторые неприятности. Его зовут Чарли Киннаирд, мне стыдно признаваться, но он до сих пор еще женат. А жена у него – еще та штучка! Ты бы точно назвала ее ведьмой. Характер у нее действительно крайне скверный, но есть и хорошая новость. У них дочь по имени Зара. Воистину ангельское создание! Ей семнадцать лет, и она учится в сельскохозяйственном колледже, потому что в один прекрасный день унаследует от отца более сорока тысяч акров красивейших шотландских угодий. Можешь поверить мне на слово, более живописных уголков природы ты еще не встречала. (Кстати, Чарли – лэрд, если на шотландский манер, то есть лорд, хотя он никогда не придавал особого значения своему титулу.) На какое-то время он оставил врачебную практику, чтобы быть поближе ко мне и к Заре, а заодно и вникнуть во все дела поместья, на что требуется не только много времени, но и много денег. На сегодняшний день всяческих проблем хоть отбавляй, но вот какова ирония жизни: я сейчас сижу здесь, бездумно люблюсь красивыми пейзажами и чувствую себя абсолютно счастливой, потому что знаю, что встретила наконец человека, с которым хотела бы провести всю оставшуюся жизнь. И как же мне повезло, что я могу заниматься любимым делом посреди всей этой красоты, о которой я даже мечтать бы не посмела.

Хочу спросить тебя, прочитала ли ты прощальное письмо, которое оставил тебе Па Солт? Я свое уже прочитала, и оно отправило меня в самый настоящий лабиринт, ведущий в прошлое. Скажу тебе, что если ты по-прежнему считаешь, что у меня имеются «завихрения», а проще говоря, что я немного не того, так вот, видела бы ты мою семидесятилетнюю кузину по имени Ангелина! Ведь, как оказалось, я родом из семьи испанских цыган, обитавших в Андалузии. Можно долго рассказывать о том, кто я есть на самом деле и почему всегда так тонко чувствую и вижу все, что обычные люди называют «сверхъестественным». Когда жизнь наша здесь войдет в более или менее привычное русло, то постараюсь использовать эти мои несколько необычные способности в деле. Я ведь уже устроилась на работу в местную ветлечебницу и на практике использую все те приемы, которым меня обучила Ангелина, для лечения животных. А в будущем, вполне возможно, начну помогать и людям, но, как говорится, всему свое время.

Надеюсь, дорогая моя сестричка, ты не забыла о том, что у нас запланирован круиз на «Титане», чтобы в годовщину папиной смерти возложить венок на том месте, где его упокоили с миром; все сестры пообещали приехать, даже Сиси, которая, как ты, быть может, слышала, сейчас живет в Австралии. Лично я воспринимаю предстоящее событие как очень важное и значительное: мы все вместе опускаем в воду венок в память об отце. Пожалуйста, дай знать кому-нибудь из нас троих – мне, Ма или Майе, что ты сможешь тоже поучаствовать в этой акции. Не могу поверить, что она состоится уже в этом месяце!

А еще я хочу сказать, что буду с нетерпением ждать от тебя новостей, если у тебя есть возможность и время послать мне хотя бы коротенькое письмецо по электронной почте. А сейчас спешу отправить свое, пока не исчез сигнал связи.

Со всей своей любовью к тебе, Электра! Не могу дождаться нашей с тобой встречи в Атлантиде.

Тигги

Перечитывая письмо, чтобы – не дай бог! – ничего не упустить, я все время улыбалась. Я искренне рада за Тигги, можно даже сказать, счастлива, что она наконец зажила жизнью, которая ее полностью устраивает. Поскольку для ответа у меня в запасе есть еще целая неделя, то я решила отложить написание своего письма до завтрашнего утра, когда голова у меня будет ясной. Вообще-то я не большой мастер писать пространные письма, но обстоятельное письмо от Тигги заслуживает такого же обстоятельного ответа.

Подумав о приближающейся годовщине со дня смерти папы, я невольно вспомнила про армиллярную сферу, которая самым таинственным образом возникла в саду Атлантида после его ухода из жизни. Там еще на каждой полоске были выгравированы наши имена и какие-то цифры, которые, по словам Алли, являются координатами, указывающими на место рождения каждой из нас, а еще возле каждого имени написано какое-то изречение на греческом. Помню, Алли вручила мне конверт с расшифровкой моих координат, но – убей меня бог! – если я сейчас вспомню, куда я его сунула.

Решила не напрягать понапрасну свою память, а взять и перезвонить Алли. Набрала ее номер и только уже потом сообразила, что в Европе сейчас, должно быть, два часа ночи. Но Алли уже сняла трубку.

– Электра? Это ты? С тобой все в порядке?

– Привет, Алли. Да, все нормально. Правда, все хорошо. Я уже собиралась отключиться, вспомнила, сколько сейчас времени в Норвегии.

– О, об этом можешь не волноваться. У нас сейчас день и ночь перепутались полностью. У Бэра режутся зубки, и он страшно капризничает, даже моя легендарная выносливость истощилась, и я, можно сказать, почти без сил.

– Сочувствую тебе, Алли. Непросто это – растить ребеночка одной.

– Да, непросто, согласна с тобой, – вздохнула в ответ Алли. – И порой чувствуешь себя такой одинокой, особенно по ночам.

«Ого!» – удивилась я про себя и даже вскинула бровь, чего, естественно, не увидит сестра. Не так-то часто можно услышать от

Алли признание в том, что никакое она не супер-пупер создание, такая же, как и все остальные люди.

– Коль так, я с удовольствием составлю тебе компанию, а пока обнимаю вас с Бэром крепко-крепко.

– Не представляешь, как я тебе благодарна, Электра. Спасибо тебе. Я тут подумываю, не отправиться ли мне в Атлантис уже сейчас, чуть пораньше, чем соберетесь все вы. Впрочем, Майя пообещала тоже подтянуться раньше срока, если у нее получится. Чувствую, что мне позарез нужны поддержка и помощь от нашей Ма. Нашей Большой Мамы, как мы ее все называли. Признаюсь честно, уже и не помню, когда я спала как человек, все урывками, по паре часиков, не больше.

– Хорошая идея, Алли. Так и сделай.

– Однако твой звонок... – Она слегка откашлялась. – Ты звонишь просто, чтобы поболтать немного?

– Частично и поэтому. Я тут получила письмо от Тигги, что лишний раз напомнило мне о том, о чем я уже давно собиралась спросить тебя. У тебя еще сохранились мои координаты, те самые, что выбиты на армиллярной сфере?

– Конечно, сохранились. Но почему ты спрашиваешь?

– Потому что я, скорее всего, потеряла тот конверт, который ты мне дала. И потом... пока я находилась в реабилитационном центре, у меня было время подумать обо всем. Вот я и решила...

– То есть ты решила, что пора уже наконец узнать, откуда ты родом, – ласково проговорила Алли, и тут я услышала на другом конце провода громкий пронзительный крик. – Подожди минутку, – бросила она в трубку. Послышался какой-то шум, потом раздался звук, похожий на причмокивание или сосание. – Хорошо. Тогда я иду к своему ноутбуку.

– Ладно. – Я замерла в ожидании, чувствуя, как затрепетало в груди мое сердце.

– Минуточку... Минуточку! Ага! Вот я открываю твой файл... Так, все в порядке. Можешь записать прямо сейчас?

– Да, конечно.

Алли продиктовала мне цифры, которые я старательно пометила.

– Спасибо. А что мне с ними делать? – спросила я у нее.

– Включи программу «Гугл-Земля», в левой части экрана высветится небольшой поисковый ящик. Введи в него свои цифры, которые соответствуют градусам, минутам и секундам, и программа укажет тебе точное местонахождение твоих координат на карте.

– Здорово! Большое тебе спасибо, Алли!

– Электра, ты собираешься заняться этим прямо сейчас?

– Да, а что? Нельзя?

– Можно, но... Согласись, это такой судьбоносный момент – узнать, откуда ты родом. С тобой сейчас есть кто-нибудь рядом?

– Нет, хотя... – Внезапно меня озарило. – Послушай, Алли, ты случайно сама не знаешь, где я появилась на свет?

– Конечно же нет! Абсолютно исключено! – с обидой в голосе воскликнула Алли. – Я никогда, никогда в жизни не позволю себе ознакомиться с чужой информацией, пока меня об этом не попросят.

– Ладно! Но что-то же тебя насторожило... Почему ты не хочешь, чтобы я взглянула на то место, где я появилась на свет? Там что-то плохое или как?

– Клянусь тебе, Электра, я и понятия не имею, где именно ты появилась на свет. Впрочем, то же самое я могу сказать и обо всех остальных сестрах. Знаю только то, что они сами сочли нужным сказать мне.

– И кто тебе что рассказал?

– Я знаю, что отыскали Майя и Тигги. Ну, и, конечно, я сама.

– И как все это было у тебя? – спросила я с любопытством.

– Мои координаты вывели меня на музей в Осло. Он сейчас располагается в том здании, в котором когда-то находился театр, а в этом театре выступала моя прабабушка. Потом выяснилось, что мы с моим братом-близнецом появились на свет в городке под названием Трондхейм в Норвегии. А вскоре после моего появления на свет меня в частном порядке удочерил Па Солт.

– Понятно. Однако никто из нас до сих пор не знает, почему он выбрал *именно нас*. Он же и сам не раз повторял, что сделал это *преднамеренно*. Ведь так же?

– Да, ответа на этот вопрос действительно нет ни у кого из нас. Вполне возможно, все мы сильно нуждались в том, чтобы нас взяли к себе приемные родители, вот он и решил удочерить нас и создать нам

родной дом. А ты сейчас волнуешься, Электра? Тебе интересно узнать, откуда ты родом?

– Да, немного волнуюсь, – ответила я, открывая свой ноутбук. Потом зашла через свой браузер в программу «Гугл-Земля» и стала методично выполнять все, что наказала мне Алли.

– Наверное, самое разумное предположение из всех, – продолжила свои размышления Алли, – это то, что все мы появились на свет в неблагополучных семьях. Потому что если бы в наших родных семьях царили мир и согласие, то нас бы не пришлось никому удочерять.

– Все так, все так... – машинально бросила я в трубку, набирая свои координаты. – Хорошо! Вот появилась...

– Хочешь, чтобы я осталась на связи? Или предпочитаешь проделать все это в одиночестве?

– Лучше останься, – ответила я, понимая, что сейчас не тот момент, чтобы корчить из себя храбреца. На экране стало медленно вращаться колесо смерти, я подавила вздох. – Прости, Алли, но придется запастись терпением, не знаю почему, но по ночам у нас здесь интернет всегда работает медленнее... Ну, вот! Наконец-то! Появился земной шар, и мы... Мы движемся в направлении... – Я замолчала, почувствовав себя на мгновение таким репортером, ведущим репортаж со стартовой площадки космодрома НАСА, где осуществляется запуск очередного космического корабля. Но вот глобус прекратил свое вращение и замер на месте. Появилась картинка Нью-Йорка, потом стрелка переместилась на Гарлем. У меня сердце ушло в пятки, когда я увидела, как на экране обозначился жилой квартал на тенистой улице, обсаженной с двух сторон деревьями. Красная стрелка уткнулась в один из домов.

– О боже! – не удержалась я от восклицания.

– Что?! Что случилось? Не заставляй меня томиться в неизвестности.

– Боже правый! – продолжала я.

– Электра! Говори немедленно, что тебе показали!

– Показали, да! – Я сопровождала свои слова энергичным кивком головы. – Угадай, в каком таком городке я родилась. Сможешь?

– Наверное, где-нибудь в Африке, да?

– Нет, ошибаешься. Даю тебе еще одну попытку.

– На островах Карибского моря?

– Нет.

– Ну, тогда я не знаю, что и сказать.

– Оказывается, я родилась прямо здесь, в Нью-Йорке. Точнее, в доме под вывеской Хейл-Хаус, который, согласно программе «Гугл-Земля», находится в Гарлеме, приблизительно... – Я быстро прикинула в голове расстояние. – Приблизительно в пятнадцати кварталах от того места, где я сейчас живу.

– Ты шутишь!

– Ни капельки! Сейчас я еще прогулю и сам этот Хейл-Хаус. Подожди еще немножко, ладно?

На экране появились первые слова, я прочитала и тяжело вздохнула.

– Вот так сюрприз! Я родилась... Или, во всяком случае, там меня нашли, в роддоме для наркоманов и ВИЧ-инфицированных. Ну и ну! Держи меня крепче! – воскликнула я, выразительно округлив глаза.

– Ах, Электра, не расстраивайся, пожалуйста! Прошу тебя... Майю тоже нашли в сиротском приюте, а меня – в больнице... Вот так нас папа всех и отыскал.

– Понимаю, но... В любом случае, Алли, время теперь позднее, а тебе надо хоть немного отдохнуть. А я пойду немного прогуляюсь, подышу свежим воздухом. Спасибо, что помогла мне, и обещаю, со мной все будет хорошо. Спокойной ночи.

Я отключила свой телефон прежде, чем Алли начала меня уговаривать, какое-то время рассеянно смотрела на страничку из Википедии, которая высветлилась на дисплее моего ноутбука, потом отключила его. Собственно, меня взволновало не столько все то, что связано с моей родной матерью, сколько другое. Алли права: всех нас подобрали, кого где, но всех в заведениях, подобных тому, в котором нашли меня. Обескуражило другое: ведь бабушка почти смогла убедить меня, что я происхожу из какой-то царственной семьи. Словом, принцесса. И сама идея показалась мне весьма привлекательной, и я с готовностью ухватилась за нее.

– Получается, бабуля, что тебя тоже кто-то ввел в заблуждение. – Я обреченно пожала плечами. – Зато я сполна унаследовала гены матери-наркоманки. А может быть, еще и больной СПИДом, – уныло добавила я вслух, хотя и понимала, что сейчас нарочито сгущаю

краски. Ведь сравнительно недавно меня проверяли на наличие ВИЧ-инфекции и ничего не обнаружили, но разве в этом дело? В конце концов, разве я не могу пожалеть себя саму, хотя бы немножко?

Чувствуя, как нарастает во мне внутреннее беспокойство, я решила позвонить сестре, которая сейчас находится в приблизительно том же часовом поясе, что и я. И которая всегда может дать мудрый совет и успокоить, если это нужно. Я набрала номер Майи и замерла в ожидании, но телефон сразу же включился в режиме голосового ящика, и меня попросили оставить сообщение.

– Привет, Майя, это Электра. Пожалуйста, не волнуйся: у меня все хорошо, и мой звонок – это вовсе не повод для паники. Просто хочу узнать, как у тебя дела, и немного поболтать. Да! А еще спросить, переводила ли ты ту цитату, которая выбита на армиллярной сфере рядом с моим именем? Мне хочется узнать, о чем она. Жду твоего звонка. Пока.

Я уставилась на телефон, надеясь, что Майя немедленно перезвонит мне, но звонка не было.

Тогда я снова взяла в руки пульт телевизора и стала переключать каналы, стараясь не думать о том, что я только что узнала, однако панические настроения усиливались, и я тут же мысленно представила себе бутылку водки, которую могу запросто и в считанные минуты получить, если сейчас позвоню портье и попрошу его сбегать за водкой для меня. Получается, что моя зависимость не столько наркотическая, сколько алкогольная. Впрочем, одно неизбежно ведет и ко второму...

– Черт! – выругалась я вслух, поднялась с кровати и потащила на кухню, зная, что уже нахожусь в зоне риска и надо немедленно чем-то отвлечь себя. Я заварила себе кружку имбирного чая и в этот момент услышала, как звонит мой мобильник из спальни.

Успела отреагировать на звонок, пока телефон не отключился. Звонил Майлз. Он оставил мне краткое голосовое сообщение: «Позвоните мне». Неужели стряслось что-то с Ванессой, перепугалась я и тут же набрала его номер.

Майлз ответил сразу же.

– Привет, – коротко поздоровался он со мной.

– С Ванессой все в порядке? – спросила я с замиранием сердца.

– Насколько мне известно, да. Мне позвонили утром, а с тех пор никаких новостей.

– Слава богу! – выдохнула я в трубку. – Я... Тогда зачем вы мне звонили?

– Потому что Мариам сообщила мне, что сегодня вы впервые остались дома одна.

– И вы решили проконтролировать меня?

– Если хотите назвать это так, пусть так и будет. Но я звоню вам потому, что на собственном опыте знаю, как это непросто – впервые остаться одному. Я все это – увы! – проходил. Надеюсь, вы не забыли?

– Ничего я не забыла, но у меня все путем. Могла бы заняться кучей других дел, но вот решила остаться дома, только и всего, – пояснила я в свое оправдание.

– И как оно – остаться дома одной?

– О, все... нормально, – бодро солгала я. – Немного посмотрела телевизор, потом выключила.

– А у вас сейчас нет такого ощущения, будто со всех сторон на вас надвигаются стены?

– Есть такое немножко, – честно призналась я, правда существенно преуменьшив остроту своих ощущений.

– Это нормальное явление, Электра. Я лишь хотел напомнить вам, что я уже здесь, рядом, всего лишь в нескольких кварталах от вас, и в случае чего, если, к примеру, вам захочется перекинуться с кем-то парой слов, звоните, не раздумывая, я на проводе.

– Спасибо. Очень мило, что вы подумали обо мне.

– По правде говоря, последние несколько недель я вообще мало о чем думал. – Майлз негромко рассмеялся в трубку. – Те еще денечки выдались, сплошные гонки по вертикали, не так ли?

– Да, пришлось нелегко.

– А еще хотел поинтересоваться, найдется ли у вас завтра свободная минутка?

– Да, а что?

– Потому что я хотел свозить вас в Гарлем и показать тот центр для подростков, в котором работаю. Завтра у нас суббота, а в связи с нехваткой средств мы вынуждены закрывать наш центр на выходные, но я бы просто показал вам само место.

– Вау! – невольно воскликнула я, поразившись такому неожиданному совпадению.

– Что не так? – забеспокоился Майлз.

– Нет-нет, все в порядке... Просто я тут кое-что выяснила и... – Я оборвала себя на полуслове, еще не до конца уверенная в том, что мне хочется поделиться с ним своим секретом.

– Что именно и когда? – спросил он.

– Сегодня вечером, буквально несколько минут тому назад.

– И?..

«Помни, Электра, ты должна доверять людям...»

– Я узнала, что мой приемный отец нашел меня в месте, которое называется Хейл-Хаус. И это тоже в Гарлеме.

– Знаю. В Гарлеме все знают Хейл-Хаус. Поздравляю, Электра! Это действительно открытие. А кто вам сказал?

– Моя сестра Алли. Папа оставил нам всем координаты тех мест, где он нас нашел, на тот случай, если мы захотим узнать, как и где мы появились на свет.

– Так. И что вам известно о том, каким был Хейл-Хаус в те годы?

– Я знаю, что этот приют основала женщина по имени Мать Хейл. Он предназначался для детишек, чьи матери были наркоманками или ВИЧ-инфицированными, – отбарабанила я те сведения, которые почерпнула из Википедии.

– И что можете сказать по этому поводу?

– Пока еще сама не знаю. И, пожалуйста, перестаньте со мной разговаривать, словно вы мой психотерапевт, – пошутила я в ответ, подумав при этом, что в моей шутке есть изрядная доля правды.

– Прошу прощения. Просто я переживаю за вас. Столько всего на вас навалилось со всех сторон. Хотите, я сейчас подскочу к вам и мы немного поболтаем?

– Нет, не хочу. Со мной все в порядке. Но спасибо за предложение.

– Уверены в этом, Электра?

– На все сто.

– Хорошо, тогда что скажете, если я завтра заеду за вами часов около одиннадцати?

– Ладно, – согласилась я. – Вам мой адрес нужен?

– Ваша вездесущая пресс-секретарь уже снабдила меня им, на тот случай, если вдруг...

– ...вам придется лететь очертя голову через весь город, чтобы спасти меня, если я вдруг впаду в ступор и забуду, где живу, – улыбнулась я в ответ.

– Ну, что-то вроде этого, да. Но голосок у вас уверенный, Электра. По-моему, никакой ступор вам не грозит. Пока справляетесь со всем отлично. Просто отлично! Ну, а я, повторяю, остаюсь на связи, если вдруг понадобится. Мобильник всегда рядом со мной.

– Спасибо, Майлз. Тогда до встречи завтра.

– До встречи. Хорошего сна. И до свидания.

– До свидания.

Губы мои сами собой растянулись в улыбке, и я продолжала улыбаться, даже отключив свой мобильник. У меня вдруг появилась уверенность в том, что я совсем даже не безразлична Майлзу, и от этого открытия мне стало тепло на душе.

Вопрос лишь в том, размышляла я, покидая кухню, потому что решила, что вполне обойдусь и без имбирного чая, захочу ли я завтра заглянуть и в то самое место, где меня нашел отец?

Однозначного ответа у меня пока еще не было.

33

Я проспала почти до восьми утра и, еще полусонная, потащила в ванную. Глянула на себя в зеркало и не удержалась от громкого восклицания: я ведь начисто забыла о том, что сотворила со своими волосами накануне.

– Боже всемилостивый! На кого ты сейчас похожа, Электра? – спросила я саму себя, посчитав, что хотя бы изредка могу поминать Бога всуе, скажем, без свидетелей. Впрочем, ревностные христиане уверены, что Иисус Христос слушает нас всегда и слышит все наши речи, в том числе и такие суетные. – Интересно, что скажет Майлз, увидев меня с такой прической? Ведь сейчас мои волосы короче, чем его!

Я сварила себе кофе, а потом, миновав гостиную, вышла на террасу, чтобы полюбоваться ранним июньским утром. «А какая мне разница, что он подумает? – размышляла я. – И почему мне это так важно?»

После короткой пробежки по парку я трусцой вернулась домой, приняла душ и стала сушить махровым полотенцем каждый сантиметр своих кучеряшек на голове. Потом направилась в гардеробную, прикидывая по пути, что бы мне такое сегодня надеть, подходящее для свидания – нет! – для обычной встречи с Майлзом. До сего дня я бывала в Гарлеме считанные разы, чаще всего проездом на очередные съемки в Вашингтон-Хайтс или в самый северный район Нью-Йорка, Марбл-Хилл.

Я перемерила почти все шмотки в своем гардеробе, более или менее пригодные для такого случая, и в конце концов остановила свой выбор на джинсах, кроссовках и худи с моим собственным автографом в виде золотистой молнии, зигзагообразно украшающим грудь (мой, так сказать, личный вклад в разработку популярной модели). От ХХ не потребовалось большого воображения, чтобы придумать в ней все остальное. Всякий раз, когда я надеваю это худи, а у меня имеются все четыре цвета, я чувствую себя более чем уверенной. Одним словом, на коне.

Я слегка припудрила носик, и последний штрих – тронула губы блеском, после чего уселась на диван и стала ждать, когда позвонит консьерж снизу и сообщит, что ко мне посетитель. Зазвонил мой мобильник, и на экране высветилась буква М. Я тут же приложила телефон к уху, почувствовав неприятную пустоту в желудке. Неужели Майлз сейчас отменит нашу встречу?

– Слушаю! – бросила я в трубку хрипловатым голосом.

– Электра, это я, Майя.

– О! – только и нашлась я в ответ.

– Что ты говоришь? – переспросила она.

– Я думала, это звонит другой человек, но вы оба значитесь у меня под буквой М. Хотя тебя надо было бы обозначить как-то иначе... Впрочем, не имеет значения... – сбивчиво пробормотала я.

– Ты меня прости, что вчера я тебе не перезвонила. Слишком поздно обнаружила. Ну, как ты?

– О, все очень хорошо. Спасибо. А как твои дела?

– Сегодня встали очень рано, чтобы поехать к себе на фазенду. Помнишь, я рассказывала тебе о проекте, который недавно запустила? На выходные мы вывозим на фазенду ребятшек из фавел, которые никогда не бывали в деревне и вообще на природе.

– Помню, конечно. – Я глянула на часы: пять минут двенадцатого. – Тут такое совпадение... Дело в том, что прямо сейчас я еду в Гарлем с одним своим знакомым посмотреть на реабилитационный центр для подростков, в котором он работает на общественных началах как консультант. Я тоже хочу включиться в эту работу и чем-то помочь.

– Звучит потрясающе, Электра! Честное слово, я горжусь тобой! Даже не могу выразить словами, как я тобой горжусь! И конечно же, я сохранила ту цитату, которая выгравирована на армиллярной сфере рядом с твоим именем. Хочешь, я зачитаю ее тебе прямо сейчас?

– Очень хочу. Зачитывай.

– Эти слова принадлежат всемирно известному датскому философу по имени Серен Кьеркегор. Слушай! *«Жизнь можно понять, лишь оглядываясь назад; но жить надо, только устремляясь вперед»*. Красиво сказано, правда?

Какое-то время я молчала, вникая в смысл слов, а потом подумала, что папа нашел для меня самые лучшие и самые точные слова. Глаза мои увлажнились от слез.

И в этот момент послышался звонок домофона. Я невольно перевела дух.

– Послушай, Майя, мне сейчас надо бежать. Но я так рада, что ты мне позвонила.

– И я тоже очень рада, Электра. Давай созвонимся на следующей неделе и поговорим без спешки. Может, обменяемся какими стоящими идеями касательно наших с тобой проектов.

– Да, давай так и сделаем. Пока, Майя, – бросила я в трубку и отключила свой мобильник. Подбежала к домофону и сказала консьержу: – Я уже спускаюсь вниз.

* * *

– Привет!

Майлз сидел в холле, поджидая меня, и, заметив, что я выхожу из кабинки лифта, тут же поднялся со своего места.

– Привет, – ответила я, чувствуя себя непривычно скованно.

– Ваши волосы...

– Знаю! – Моя рука инстинктивно потянулась к голове, словно намереваясь защитить ее.

– А мне лично нравится! Клевая прическа! – Майлз широко улыбнулся. – И вам очень идет.

– А у меня такое чувство, будто я вышла на улицу голой, – ответила я, выходя из подъезда.

– С такими божественными скулами, как у вас, вам не о чем беспокоиться. Честно!

– Спасибо. А где ваша машина?

– У меня нет машины. Кто захочет рулить на собственном авто в этом городе?

– Тогда как вы добираетесь на работу? На служебной машине?

– Нет, – ответил Майлз и вскинул руку вверх, чтобы остановить желтое такси. Машина затормозила прямо перед нами, и он открыл мне дверцу для пассажиров. – Карета подана, миледи, – шутливо промолвил он, пока я устраивалась на заднем сиденье, стараясь как-то втиснуть свои длиннющие ноги в ограниченное пространство салона. – Добро пожаловать в тот мир, в котором я живу.

Майлз прокричал нужный нам адрес водителю через стеклянную перегородку, и машина тронулась с места.

– Полагаю, вы уже давно не ездили в такси, но вы же у нас человек привилегированный, правда ведь? Я тоже, кстати, редко пользуюсь услугами таксистов, только в особых случаях. А так предпочитаю метро.

Я отвернулась от Майлза и стала смотреть в окно, мне не хотелось, чтобы он прочитал по моему лицу, как мне стыдно в эту минуту. Но, если честно, мне ведь было только шестнадцать лет, когда Сюзи выдернула меня в Нью-Йорк. А одно из основных условий, которые поставил мне отец в самом начале моей карьеры, было таково: перемещаться по городу, отправляясь на любую встречу, только на служебной машине. Так оно и повелось с тех пор, лишь изредка я позволяла себе проехаться на желтом такси, и то не одна, а в компании с другими моделями, с которыми я тогда жила на съемной квартире в Челси. Зато метро и по сей день осталось для меня полной загадкой, ибо я никогда, ни единого разу, не спускалась в подземку.

– Знаете, Электра, я ведь пользуюсь метро уже много лет и могу рассказать о нем практически все, – обронил Майлз.

Я уже почти готова была возненавидеть его за то, что он так легко читает мои мысли, но, с другой стороны, это было даже приятно.

– Нет, лучше расскажите мне о том реабилитационном центре для подростков, куда мы сейчас едем, – ответила я, пока такси мчало нас по улицам верхнего города.

– Большинство волонтеров, которые там работают, это либо родители, потерявшие когда-то своих детей по схожим обстоятельствам, от передозировки, либо бывшие наркоманы. Наша главная проблема на сегодняшний день – это отсутствие финансирования: в прошлом году нам не удалось выбить себе необходимые фонды, а потому сейчас центр в долгах и отчаянно барахтается, пытаюсь погасить все свои задолженности.

– А здесь... безопасно? – спросила я у Майлза, заметно нервничая, когда минут через двадцать мы въехали на улицу, застроенную многоквартирными домами вперемешку с постройками из известняка.

– Сейчас здесь гораздо спокойнее, чем в былые времена, – ответил Майлз. – Хотя и сегодня есть еще места, куда лучше не соваться даже днем. Однако благодаря Блумбергу, нашему мэру, в этом районе многое перестроили и облагородили. Гарлем в наши дни даже стал таким модным и довольно дорогим местечком для всевозможных тусовок. А ведь были времена, когда особняк здесь можно было купить практически задаром, за какой-нибудь доллар или около того. Жаль, что тогда у меня не было этого доллара, – грустно усмехнулся Майлз. – Ну вот мы и приехали.

Мы вышли из такси, я постаралась стряхнуть с себя запахи прогорклого кофе и жареной еды, которыми провоняло все вокруг. Майлз повел меня напрямиком к разбитой двери, выкрашенной в голубой цвет и втиснувшейся между винным погребком и домом, разукрашенным всевозможными граффити. Прямо над дверью висела небольшая вывеска, сделанная от руки и извещающая посетителей, что они попали в реабилитационный центр «Руки надежды».

Майлз набрал нужный код на домофоне и открыл дверь. Провел меня темным коридором в длинную узкую комнату, единственным освещением в которой был дневной свет, падающий через застекленную крышу. Комната была заставлена старыми столами из меламина и пластиковыми стульями.

– Вот так мы и живем, – обронил Майлз. – Дальний родственник моего двоюродного брата позволил нам сделать пристройку у себя на заднем дворе, взяв за все работы только стоимость бетона. Конечно, никаких изысков, но все равно разница чувствуется. Кофе хотите? – Майлз махнул рукой на какую-то штуковину из нержавеющей стали, стоявшую на конторке в дальнем углу комнаты. – Холодильник у нас не работает, потому что нет денег на то, чтобы его подремонтировать, а потому в наличии имеется только теплая содовая.

– Нет, спасибо, ничего не надо, – вежливо отказалась я, внезапно осознав, какая же я избалованная и капризная богатая девчонка.

– А в довершение всех наших бед пару месяцев тому назад мы получили уведомление о выселении из этого помещения на том основании, что какая-то строительная компания купила наше здание и еще пять, расположенных по соседству на этой же улице. – Майлз подавил тяжелый вздох. – Понимаю, смотрится наше пристанище не очень, но все равно на какое-то время оно стало вполне безопасным местом, куда могли обращаться за помощью местные подростки, где они могли получить совет, а заодно и выпить чашечку пусть и не самого качественного, но зато бесплатного кофе. Конечно, сам по себе проект совсем незначительный, но я считаю, что, если нам удалось спасти хотя бы одну жизнь, он того стоит.

– А сколько стоит содержать такое помещение? – поинтересовалась я. – Каковы вообще ваши расходы?

– На этот вопрос у меня нет однозначного ответа. А сколько стоит воздух, которым мы дышим? Вот я, к примеру, работаю здесь бесплатно, впрочем, как и все остальные волонтеры. А в идеале нам, конечно же, нужны квалифицированные консультанты-психологи, круглосуточная горячая линия, по которой подростки могли бы позвониться анонимно в любое время дня и ночи, нужны свои врач и юрист, которые работали бы здесь на постоянной основе и могли бы в любое время тут же помочь и словом, и делом. А для этого требуются дополнительные свободные помещения, в которых их можно было бы разместить. Вот, пожалуй, и все.

– Я бы тоже хотела помочь, чем смогу, но мне нужно хорошенько подумать над тем, как и где нам раздобыть необходимые средства. Моих денег тут явно маловато. Ведь для создания такого центра, о которым вы мне только что рассказывали, для того, чтобы его сделать

таким и чтобы он потом функционировал как положено, нужны миллионы и миллионы долларов.

– Я вовсе не прошу вас, Электра, помогать нам материально. Скорее уж ваша репутация, ваш имидж помогут нам осуществить свою мечту. Улавливаете мою мысль?

– Думаю, да. Но боюсь, Майлз, у меня нулевой опыт в том, что касается таких дел. Мне самой нужен опытный советчик рядом. Говорите, что надо сделать, направляйте меня, указывайте.

– Вот, к примеру, вы могли бы организовать нечто вроде широкого информационного охвата всех социальных сетей для пропаганды нашего центра. Я бы попросил некоторых из подростков, которые посещают нас здесь уже годами, выступить вместе с вами и по ходу вашего интервью или какого-то брифинга тоже ответить на вопросы корреспондентов, рассказать им, как именно центр помог этим детям избавиться от наркотической зависимости.

– Хорошая мысль! – одобрила я. – Я всецело «за».

– Хорошо, а сейчас пошли на выход. Запустение, царящее здесь сейчас, меня страшно угнетает.

Мы снова вышли на улицу. Из винного погребка рядом с нашей дверью послышался рэп, который транслировался по крохотному радиоприемнику.

– Так хотите взглянуть своими глазами на то самое место, где вас нашли? – неожиданно спросил меня Майлз, когда мы ступили на тротуар. – Отсюда пару шагов пешком. Можем немного прогуляться.

Я замаялась в нерешительности.

– Послушайте! Давайте просто прогуляемся, и все! Посмотрите на Хейл-Хаус со стороны, коль скоро вы очутились в Гарлеме, – продолжал настаивать Майлз.

– Ладно! – неохотно согласилась я, сразу же почувствовав неприятную пустоту в желудке, да и сердце забилось сильнее при мысли о предстоящей встрече.

Пока мы шли, я старалась сохранять невозмутимость, молча разглядывала улицы, по которым мы проходили. Несмотря на откровенную убогость многих зданий – окна, забитые фанерой, переполненные мусорные баки и прочее, были заметны и определенные попытки облагородить это место и придать ему более цивилизный вид – взять хотя бы кафе для хипстеров, которое мы

миновали. Некоторые дома стояли в строительных лесах, и это тоже свидетельствовало о том, что в Гарлеме грядут перемены. Мы прошли мимо большого здания из красного кирпича и даже вынуждены были сойти с тротуара на проезжую часть, чтобы миновать толпу народа, собравшуюся у входа в само здание. Вся публика нарядно одета: разноцветные костюмы и платья, шляпки в тон платьям и прочие аксессуары. Вот я снова вступила на тротуар и в этот момент увидела, как возле входа остановился автомобиль, украшенный цветами.

– Да у них тут сегодня свадьба Сары и Мишеля, – пояснил Майлз. – Кстати, Сара – одна из моих успешных воспитанниц. Я даже помог ей выхлопотать себе квартиру, когда она жила в женском общежитии для бездомных, – добавил он, глядя на то, как молодая девушка в роскошном свадебном платье из ослепительно-белого атласа осторожно вылезает из салона старенького авто. Гости, собравшиеся снаружи, приветствовали ее громкими аплодисментами и радостными возгласами, после чего все потянулись внутрь здания, которое, как я поняла, было приходской церковью.

– Пойду тоже, обниму невесту, – сказал Майкл и, круто развернувшись, зашагал к девушке. Она оглянулась и заулыбалась при виде него. Майлз обнял ее.

– Вы здесь многих знаете? – спросила я у него, когда он снова вернулся ко мне.

– Конечно, знаю. Я ведь начал работать в этом центре пять лет тому назад, уже после того, как сам стал чистым. И это моя церковь, – добавил он, пока мы с ним смотрели на то, как к невесте подошел ее отец, подал ей руку и повел в церковь. – Так приятно стать свидетелем замечательного хеппи-энда! Такие события невольно воодушевляют тебя, хочется работать еще больше, чтобы помочь всем этим подросткам, – продолжал Майлз, ускоряя шаг. Пришлось и мне увеличить скорость, чтобы не отстать от него.

– А какой юридической практикой вы конкретно занимаетесь? – спросила я у него.

– Сразу же после университета меня взяли в одну из ведущих юридических контор, определили в отдел, отвечающий за ведение судебных процессов. Как правило, юристы, занимающиеся судебной практикой, получают самые большие вознаграждения. Словом, и у меня деньги потекли рекой. И так же быстро утекали на то, чтобы

припудрить себе нос коксом или залить горло. Конечно, нагрузки там просто обалденные, но это уже другой разговор. Но когда я покончил с наркотой и снова стал чистым, то решил, несмотря на очень существенную потерю в заработках, перейти на работу в какую-нибудь небольшую фирму, где у меня было бы больше возможностей работать на общественных, так сказать, началах, то есть помогать людям безвозмездно.

– А что это за люди?

– Разные. Такие, как Ванесса, к примеру. Словом, моя контора не возражает против того, что некоторые свои дела я веду на благотворительных началах, то есть бесплатно. Хотелось бы, чтобы таких дел было больше, но увы! – мне тоже надо на что-то жить и платить по счетам.

– Какой вы, однако, хороший человек, Майлз! – невольно восхитилась я. Между тем дорога пошла в гору, и я поняла, что мы идем в направлении Марбл-Хилл.

– Знаете, пока я еще *только пытаюсь* стать хорошим человеком, но чаще всего мои попытки кончаются неудачей, – признался Майлз. – Однако по собственному опыту могу судить, что совсем не страшно потерпеть неудачу, если ты пытаешься сделать что-то хорошее.

– Помните, вы как-то в разговоре со мной обронили, что «вернулись к Христу»? Что именно вы тогда имели в виду?

– Видите ли... Вся моя семья, точнее, вся наша община в Филадельфии, где я жил в детстве, группировалась вокруг церкви. Наш приход был как одна большая семья, и у меня была целая куча тетушек, дядей, кузенов и кузин. Они не были мне родными по крови, но мы были связаны родственными узами через Иисуса Христа. А потом я поступил в Гарвард, окунулся в мир, в котором бал правят баксы, бешеные деньги. Я и сам почувствовал себя большим и важным, более важным, чем моя семья, моя церковь, важнее самого Господа. Я посчитал, что они мне все больше не нужны, а Церковь – это вообще институт порабощения, который позволяет держать в узде работающего человека, – в Гарварде я ведь успел приобщиться к трудам Карла Маркса. – Майлз издал хрипловатый смешок. – Если коротко, Электра, то тогда я повел себя как самый последний дурак. Ну, а потом случилось все то, о чем вы уже знаете, и тогда мало-

помалу я опять стал дрейфовать в сторону своей семьи и Церкви. Вы когда-нибудь пели в хоре?

– Шутите! Я вообще никогда не пела.

Майлз замер на месте и бросил на меня удивленный взгляд.

– Вы это серьезно?

– Более чем! Ребенком я тренировала свои вокальные способности тем, что кричала, заметьте, не пела, а именно кричала день и ночь напролет. Во всяком случае, так мне рассказывали мои сестры.

– Электра! – Майлз слегка понизил голос. – Нельзя, просто невозможно быть чернокожей женщиной и не петь, пусть и не всегда точно попадая в ноты. Ведь пение – это часть нашей традиционной культуры. Лично я не знаю ни одного темнокожего парня или девушки, кто не пел бы.

Майлз снова возобновил движение, и вдруг из его рта вырвался негромкий звук. Он что-то напевал себе под нос.

– Попробуйте сами, – предложил он мне.

– Что?! Ни за что на свете!

Он опять промурлыкал три ноты.

– Ну же, Электра! Все поют. Пение делает людей счастливыми. – «О, счастливый день», – внезапно запел он во весь голос и при этом очень чисто, безо всякой фальши. Я испуганно огляделась по сторонам, но прохожие, снующие мимо нас, не обращали ровным счетом никакого внимания на Майлза, а тот продолжал самозабвенно распевать популярную мелодию, знакомую даже мне.

– Я смутил вас, да? – Он широко улыбнулся.

– Немного. Я ведь выросла в иной семье, и у нас были совсем другие традиции.

– Учиться никогда не поздно, Электра. Обещаю, в один прекрасный день я возьму вас с собой в церковь, и вы сами увидите, сколь многое вы потеряли в своей жизни. Хорошо! – Длинные ноги Майлза внезапно замерли перед очередным домом из известняка. – А вот и Хейл-Хаус, тот самый, где вас нашел отец.

– О... Да...

– А вот это, – он показал на статую женщины с необыкновенно добрым лицом, которая стояла, протягивая руку ко мне, – это Мать Клара Хейл. Поистине легендарная личность, особо почитаемая здесь, в Гарлеме. Вы ведь родились в 1982 году, так?

– Да.

– Я просто пытаюсь вычислить, была ли еще жива Мать Хейл, когда вы попали сюда. И получается, что она еще была жива.

Я глянула на женщину, которая, вполне возможно, держала меня на своих руках, и погрузилась в чтение гравированной таблички рядом с памятником. Вначале Клара Хейл ухаживала только за собственными тремя детьми, но постепенно начала принимать под свою опеку и соседских ребятишек. Постепенно она стала опекать и тех младенцев, чьи родители были наркоманами или ВИЧ-инфицированными. В 1985 году тогдашний президент США Рональд Рейган назвал ее «истинной героиней Америки».

Я повернулась к Майлзу:

– Как думаете, тот факт, что меня нашли здесь... Означает ли это, что моя мама была наркоманкой или умерла от СПИДа? Просто интересно узнать, принимала ли она сюда обычных младенцев от обычных родителей.

– Честно говоря, не знаю. Но известна она, главным образом, потому, что выхаживала наркотически зависимых деток, у которых мамы страдали от тяжелой наркотической зависимости, в частности от злоупотребления героином. Утверждать однозначно, что она отказывалась принимать других малышей, я не могу, но уверен, что многие молодые мамы были хорошо осведомлены о существовании этого приюта и протоптали к нему дорожку независимо от того, были они наркоманками или нет.

Я бросила на Майлза внимательный взгляд. А вдруг он просто пытается поднять мне настроение?

– Хорошо... И что сейчас? Может, мне сфотографироваться на фоне этого приюта? А потом размещу эту фотку на Фейсбуке, и пусть все мои фанаты знают, в каком месте меня нашли и подобрали. – Я старалась говорить с иронией, даже насмешливо прищурила глаза, но чувствовала, что еще немного, и я расплачусь.

– Перестаньте себя накручивать, Электра! Слышите меня? – Майлз притянул меня к себе и крепко обнял. – На данный момент вам не известно ничего конкретного, так зачем мы станем гадать на кофейной гуще? Может, пришло время заняться вам уже полноценными поисками своей давным-давно утраченной семьи?

– Наверное, – рассеянно ответила я, *слишком поглощенная* его объятиями.

– Ведь в вашей истории есть и своя положительная сторона, милая. Где бы вы ни появились на свет, но вы добились успеха в жизни. Такая вот сказка со счастливым концом. И это самое важное. А сейчас... – Майлз слегка отстранился от меня и глянул на свои часы. – Боюсь показаться грубияном, но вы не возражаете, если я сейчас посажу вас в такси и отправлю домой? У меня накопилась куча дел после трех недель прогулов и полнейшего бездействия. Не вижу смысла тащиться вместе с вами на Манхэттен только затем, чтобы потом снова возвращаться сюда.

– Я... Да, хорошо, – промямлила я, не в силах скрыть своего разочарования, увидев, как Майлз остановил такси.

– Спасибо, Электра, что нашли возможность приехать сюда, – обронил он, усаживая меня в такси. – Как только у меня появятся новости о Ванессе, я тут же перезвоню вам. Берегите себя и помните, я рядом. Звоните мне в любую минуту, если вам что понадобится.

Майлз помахал мне рукой на прощание и ушел, а я осталась сидеть в такси. На душе у меня было муторно: я ведь совершенно искренне надеялась, что впереди у нас с ним обед в каком-нибудь уютном кафе для хипстеров. Ко всему прочему я действительно умирала от голода.

Двадцатью минутами позже я вступила под козырек над входом в мой дом; настроение совсем упало, когда я увидела, что Томми нет на его привычном месте и некому поприветствовать меня. Я вошла в подъезд и направилась к лифту, чувствуя себя на грани слез. Знакомство с убогим помещением из бетона, одного взгляда на который было достаточно, чтобы понять, какую мизерную помощь могут получить подростки, такие как Ванесса, в этом центре, потом открывшаяся мне правда о том, где меня нашли когда-то, а также то внезапно проснувшееся во мне чувство некой внутренней близости с Майлзом, пока мы с ним прогуливались по Гарлему, а потом он вдруг неожиданно опустил меня на землю, взял и просто затолкал в такси, словно ему и дела нет до меня... Словом, было от чего расстраиваться.

Я постаралась не заикливаться на неприятном, взяла из холодильника банку кока-колы, остатки чечевичного супа и уселась на кухне, чтобы перекусить. Внезапно острая боль вины полоснула по

животу наподобие той молнии, которая украшала мой худи. Как смею я, сидя сейчас в своих роскошных апартаментах, со шкафами, забитыми всевозможными шмотками, жалеть себя, когда буквально в нескольких милях отсюда живут люди, у которых столько страданий и горя?

Я осушила банку с колой до дна, почти физически ощущая, как на меня надвигается пугающе черное облако. То самое, известное мне состояние, с которым я всегда боролась одним-единственным проверенным способом: наркотики и алкоголь. Я глянула на свой мобильник: сейчас половина второго. Собрание анонимных алкоголиков состоится в пять, это означает, что у меня в запасе целых три с половиной часа свободного времени, которое надо чем-то занять. Не сидеть же мне одной в пустой квартире, снова и снова перебирая в памяти все свои неприятности.

– Дерьмовая ситуация! – выругалась я вполголоса, понимая, что сейчас мне позарез нужен кто-то, с кем можно было бы просто поговорить.

Я снова взяла в руки мобильник и проверила входящие: один пропущенный звонок от Зеда. Я уже приготовилась позвонить ему, но вовремя спохватилась. Нет, Зед – это определенно не то, что мне сейчас нужно. Наверняка ведь заявится ко мне, нагруженный наркотой под завязку, и это в то время, когда я отчаянно борюсь за то, чтобы стать чистой. Я переключилась на страничку с адресами, пробежала глазами все номера и нашла номер телефона Мариам. Конечно, последнее дело – отвлекать сейчас Мариам, получившую свой первый законный выходной с момента моего возвращения домой. А с другой стороны, разве все вокруг меня, включая ту же Мариам, не твердили мне, что в случае возникновения каких-то проблем надо немедленно звонить и просить о помощи?

Я набрала номер Мариам, раздался звонок, и сразу же мне ответил голосовой ящик.

Я тут же отключилась: наверняка Мариам сейчас где-нибудь на природе, наслаждается чудесным субботним днем в кругу семьи...

– Да, у Мариам есть семья, – пробормотала я себе под нос. – А где же моя семья? Откуда я и кто я? Что за вопрос! Из приюта для брошенных младенцев!

Хоть бы Стелла была сейчас в городе, сокрушенно подумала я. Можно было бы поговорить, узнать, в конце концов, как так случилось, что ее внучка оказалась в Хейл-Хаус. Почувствовала, как внутри меня нарастает волна гнева, я тут же постаралась отвлечь свои мысли чем-то другим. Поднялась с дивана и направилась через гостиную на террасу, не выпуская мобильник из рук в ожидании ответного звонка от Мариам. Взглянула на кроны деревьев, густо посаженных по всему пространству Центрального парка, потом уселась на стул и снова вспомнила про Майлза. Как он четко дал мне сегодня понять, что нас с ним связывают исключительно деловые отношения. Потом решила устроить воображаемый диалог с Фай, обсудить с ней сложившуюся ситуацию.

Фай: Итак, Электра, каковы твои чувства к Майлзу?

– Сама... толком не знаю, не могу пока разобраться, – честно признаюсь я.

Фай: А что за сложности с тем, чтобы разобраться и понять?

– Ну, во-первых, Майлз – это СОВСЕМ не мой тип, – отвечаю я, делая особое ударение на слове «совсем». – А с другой стороны, у меня к нему определенно есть чувства.

Фай: Хорошо. Какие чувства? Как к другу? Или нечто большее? Скажем так, влечение, сильное влечение.

Какое-то время я молчу, обдумывая вопрос.

– Поначалу я думала, что у нас с ним чисто дружеские отношения; он ведь первый человек из всех, с кем я могу себя идентифицировать. В том смысле, что он тоже темнокожий, вырос в семье, принадлежащей к среднему классу, правда, учился в Гарварде, потом сделал успешную карьеру. Ну, и конечно, наркотики: это то, что нас объединяет.

Фай: Думаю, дружба с таким человеком – это очень и очень позитивный опыт. Ты сейчас чувствуешь себя не такой одинокой, как раньше?

– О да, само собой! Может, потому что мы оба прошли через реабилитационный центр и мне не надо перед ним притворяться, изображать из себя кого-то другого. Мне... – Я замялась в поисках подходящего слова. – Мне было с ним комфортно. Этому человеку не нужно было ничего объяснять.

Фай: И когда же, на каком этапе, твои дружеские чувства к нему трансформировались уже в романтическое увлечение?

Я невольно вздрогнула, услышав ее вопрос, точнее, *свой собственный* вопрос, однако я понимала, что это тот вопрос, на который я *должна* ответить.

– Все случилось в ту ночь, когда Ванесса предприняла попытку свести счеты с жизнью. Я безотлучно была при ней в больнице, а потом ко мне присоединился Майлз. Помню, он обнял меня за плечи, я положила голову ему на грудь и тут же уснула. Мне было так хорошо рядом с ним, словно... я очутилась у себя дома.

Обычно в такие моменты Фай всегда протягивала мне коробочку с бумажными носовыми платками, но сейчас я сидела на террасе, и никаких бумажных салфеток рядом со мной не было, поэтому я отерла слезы рукой и схватила мобильник, который вдруг начал трезвонить, возвращая меня в реальную жизнь.

– Привет, Мариам, – бросила я в трубку.

– Электра, это я, Лиззи. Помнишь меня? Мы вместе с тобой были в реабилитационном центре.

– Еще бы! Прости, Лиззи! Просто я жду звонка от своего пресс-секретаря. Очень рада слышать тебя. Ну, как твои дела?

– Если говорить честно, то не очень. Я бросила Кристофера.

– О боже! Как? И почему?

– Это долгая история, в двух словах не расскажешь. Вот звоню, чтобы узнать, ты сейчас не сильно занята?

– Совсем не занята! Можешь смело начинать, – подбодрила я подругу, прикинув, что разговор с Лиззи о ее непутевом муже вполне может затянуться до тех пор, пока мне не надо будет уезжать на свое собрание анонимных алкоголиков.

– Вообще-то я бы предпочла сделать это при личной встрече. Можно мне к тебе заглянуть?

– Как? Каким образом? Из Лос-Анджелеса сюда?

– Электра, я не в Лос-Анджелесе. Я сейчас в Нью-Йорке. И только что обнаружила, что этот подонок заблокировал все мои кредитные карточки. Вот торчу в аэропорту Кеннеди, и у меня даже нет денег на такси, не то что на номер в гостинице. О боже мой!

В трубке послышались рыдания.

– Не плачь, Лиззи. Не надо! Подумать только! Какой мстительный тип! Мне очень жаль... Очень!

– Знаю. Готова поспорить, что он перепугался до смерти, решил, что я обналичу все деньги, которые у нас на карточках, и присвою их себе. Наверняка мне придется иметь дело с юристами, но... Прости, что беспокою тебя, но мне просто больше не к кому обратиться здесь, в Нью-Йорке.

– Лиззи, хватай сейчас такси и мчись прямиком ко мне. А я предупрежу консьержа, чтобы он рассчитался с таксистом. У тебя есть мой адрес?

– Есть, конечно. Ты же мне его сама дала в тот самый день, когда я покидала «Рэнч», помнишь? Прости меня, Электра, я...

– Пожалуйста, прекрати эти свои бесконечные извинения, Лиззи! Об остальном поговорим, когда приедешь, ладно?

– Ладно. Тогда до скорого.

Я поднялась со стула и, слегка перевесившись через балкон, выкрикнула в задымленный воздух Манхэттена все те проклятия, которые наверняка вертелись сейчас на языке у Лиззи. Облегчила, так сказать, душу от ее имени. Я как раз выкрикивала одно особо сочное ругательство, когда снова зазвонил мой мобильник.

– Электра, это я, Мариам, – услышала я слегка запыхавшийся голос своей секретарши. – С вами все в порядке?

– Да, все в порядке. Все чудесно.

– Простите, что не ответила на ваш звонок сразу же, но сейчас я нахожусь совсем рядом от вас, могу заскочить минут на десять, если хотите.

– Спасибо, не надо, Мариам. У меня действительно все хорошо. Прошу прощения, что потревожила вас своим звонком.

– Какие пустяки! Я рада. – Я услышала в трубке ее негромкий смех. – В любом случае я рядом, если что.

– Еще раз большое спасибо, Мариам. И до встречи в понедельник. – Я отключила свой мобильник, схватила кошелек и поспешила вниз к консьержу, дала ему несколько банкнот, чтобы он смог рассчитаться наличными за такси по приезде Лиззи. Чувствовала я себя сейчас гораздо лучше. Во-первых, потому, что у меня есть подруга, *настоящая подруга*, и так приятно осознавать, что в трудную минуту она обратилась за помощью именно ко мне.

Часом позже я, усадив Лиззи на террасе с чашечкой «хорошего чая», как она сама это называла, приготовилась слушать. Лиззи пребывала в самых растрепанных чувствах, в такой ситуации пришлось уже *мне* выказывать материнскую заботу и внимание, несмотря на всю нашу разницу в возрасте.

– Ах, Электра, – вздохнула она с грустью. – Все это так банально... Старо, как сама жизнь. Крис завел любовную интрижку с какой-то актеркой, которая снимается в его новом фильме. Совсем еще молоденькая, годится ему в дочери, и невероятно красивая. Она бразильянка, рост шесть футов при его пяти с половиной, то есть почти на голову выше его. И вот... Может, это мое последнее пребывание в «Рэнч» заставило меня на многое взглянуть по-иному, придало мне уверенности в себе, но, как бы то ни было, я... я в конце концов вышла из себя.

– Но как ты узнала обо всем?

– Как узнала? Да по возвращении домой обнаружила, что вся моя спальня буквально провоняла каким-то экзотическим парфюмом. А на своем туалетном столике я обнаружила пунцово-алую помаду... Такой бренд я не купила бы себе ни за что в жизни. И эта дрянь валяется на *моем туалетном столике*, представляешь? – Лиззи затрясла головой от возмущения. – Сложилось впечатление, что эта тварь элементарно метит свою новую территорию, то есть откровенно дает мне знать о своем существовании, а мой бедный муженек, набитый дурак, даже не обратил внимания на все эти мелочи.

– И тогда ты высказала ему все, да?

– Именно так, прямо в лицо, но прости мне, Электра, мою откровенность, лишь после того, как оприходовала полбутылки одного из самых дорогих вин в его коллекции. Я ведь знала, что он дурачит меня все последние годы и творит за моей спиной бог знает что, но помада стала той последней каплей, которая переполнила чашу моего терпения: ведь этой мерзавке было наплевать на то, что она закрутила интрижку с женатым мужчиной, имеющим двух взрослых детей. Вот тут до меня впервые дошло, какой же дурой я сама выставляла себя все эти годы.

– И что? Он хоть немного испугался? – спросила я Лиззи, *испытывая к ее супругу* точно такие же чувства, что и она сама.

– Не то слово! По-моему, он пережил самый настоящий шок. – Наспех накрашенные губы Лиззи растянулись в самодовольной улыбке. – Начал оправдываться, городить всякую чушь... Дескать, были где-то на съемках вместе, потом на обратном пути заехали к нам домой, а я в это время отсутствовала, была в «Рэнч»... Одно за другим, и кончилось тем, чем кончилось... Даже не стану повторять тебе все его пространные извинения, хотя он клятвенно обещал немедленно завязать с этой интрижкой. Словом, такое типичное бла-бла-бла. Но я даже слушать его не стала, схватила свою дорожную сумку, которую упаковала еще накануне, до того, как он вернулся домой, как всегда слишком поздно для ужина, и направилась напрямик в аэропорт. Купила билет на ближайший рейс до Нью-Йорка, первым классом, между прочим. – Лиззи хитровато подмигнула мне. – А когда мы уже приземлились, я обнаружила, что все мои кредитки заблокированы.

– А ты сказала ему, что хочешь развестись с ним? Сама ты точно хочешь развода? – осторожно поинтересовалась я у подруги.

– Хочу, еще как хочу! Этот человек держал меня долгие годы за дурочку, его вполне устраивала моя роль образцовой мамы и хорошей хозяйки, а сам он в это время кобелировал, словно шелудивый пес, по всему Лос-Анджелесу!

Я невольно рассмеялась. В устах Лиззи с ее безупречным английским даже самые отборные ругательства звучали куртуазно.

– А как отреагировали на эту новость твои дети?

– Помнится, ты мне сама, Электра, говорила, что дети выросли и стали вполне самостоятельными людьми и у них уже своя жизнь. Но самое плохое – это то, что они, скорее всего, прекрасно знали, что за тип их папаша. Мой старший сын Кертис, которому я позвонила прямо из аэропорта, все еще сильно подшофе, потому что по пути прикончила вторую половину бутылки прямо в такси, так вот, он напрямую спросил меня, почему я так долго тянула с этим разводом. Наверное, моя младшая дочь Роза займет несколько иную позицию, она же папина любимица, и он нещадно балует ее, но по крайней мере сын точно на моей стороне.

Лиззи замолчала и с отрешенным видом уставилась на горизонт, а меня затопила волна сочувствия к подруге.

– Знаешь что, Лиззи?

– Что?

– Я горжусь твоим поступком. Сегодня ты начала новую жизнь.

– И начала ее не самым лучшим образом, особенно если этот подонок вознамерится лишить меня средств к существованию.

– Все это как-то утрясется, уверена в этом. Может, Майлз, тот высокий чернокожий парень, который был вместе с нами в «Рэнч», сумеет помочь тебе, он ведь юрист. Или посоветует тебе какого-то хорошего адвоката. А пожить можешь и у меня. Живи себе здесь, сколько хочешь. Мне даже лучше, потому что, признаюсь, мне сейчас нужна компания.

– Какая ты добрая, Электра. Наверное, я воспользуюсь твоим гостеприимством, хотя бы на выходные. Дело в том, что у меня здесь имеется счет в банке. Я завела его еще до того, как познакомилась с Крисом, когда работала в Нью-Йорке. В понедельник я схожу туда и сниму деньги. Думаю, на пару месяцев мне должно хватить, пока все не прояснится окончательно.

– Да не переживай ты из-за денег, Лиззи. Обещаю, я не дам умереть тебе с голоду.

– Знаешь, я люблю Нью-Йорк, даже сейчас, несмотря на всю эту катавасию, которая творится в моей жизни, – воскликнула она, отрывая свой взгляд от горизонта и переводя его на Центральный парк. – Поэтому-то я и решила лететь напрямик в Нью-Йорк: в этом городе я чувствую себя как дома. Вполне возможно, мне даже удастся найти здесь себе какую-то работу. Конечно, свою былую квалификацию я уже утратила, но что-нибудь попроще... К тому же я отлично владею компьютером. Да и потом, что бы там ни предпринимал мой муженек, крыса этакая, а мне положено пятьдесят процентов всего нашего совместно нажитого имущества... Всего, что у него есть. Главное – чтобы я не пошла на попятную и не вернулась к нему.

– Вот этого, Лиззи, я не позволю тебе ни под каким соусом. Ты станешь страховать меня на тот случай, если меня вдруг снова потянет к наркотикам, а я уж позабочусь о том, чтобы ты никогда не вернулась к своему мужу. И как тебе такая наша сделка?

– Отличная сделка! – улыбнулась Лиззи. – У меня нет слов, Электра, чтобы отблагодарить тебя за то, что ты приютила меня. Какой

же ты замечательный человек!

– Не такая уж я замечательная, поверь мне, – ответила я и в этот момент увидела, как Лиззи сладко зевнула. Я проверила время по своему мобильнику. – Как смотришь, если я сейчас покажу тебе твою комнату и ты ляжешь немного вздремнуть? А мне уже пора бежать на свое собрание анонимных алкоголиков.

– Отличная идея! – обрадовалась Лиззи. Мы обе поднялись со своих мест, она забрала дорожную сумку, которую оставила в холле, и я повела ее в ту спальню, в которой ранее квартировала Мариам. – Да здесь роскошнее, чем в любом номере пятизвездочного отеля, не говоря уже о том отеле, куда я намеревалась направиться, – обронила она, подходя к огромному французскому окну.

Я показала ей кнопки дистанционного пульта, с помощью которого можно регулировать жалюзи, и оставила обустраиваться на новом месте. Спускаясь на лифте, я подумала, все же как здорово, что на свете есть человек, который нуждается в моей помощи; подруга, которой я нужна не менее, чем она нужна мне.

34

– Большое спасибо за то, что приехали, Майлз, – встретила я его в понедельник вечером у себя на пороге и тут же повела в гостиную.

– Для меня визит к вам – одно удовольствие, Электра, – ответил Майлз, пока я изо всех сил пыталась совладать с собой, чтобы окончательно не потерять голову при виде такого красавца: Майлз смотрелся очень импозантно в строгом деловом костюме и при галстуке. Я позвонила Майлзу еще днем, спросила, есть ли у него «окошко» в течение дня, чтобы подъехать и переговорить с Лиззи, на что он ответил, что весь рабочий день у него уже расписан буквально по минутам, но он может заглянуть ко мне после работы.

– Добрый вечер, Лиззи, – поздоровался Майлз с моей подругой, переступая порог гостиной.

– Здравствуйте, Майлз. – Она поднялась со своего места, чтобы обменяться с ним рукопожатием. – Как любезно с вашей стороны, что вы согласились встретиться со мной.

– Никакой любезности! Любой друг или подруга Электры автоматически становятся и моими друзьями тоже.

– Тогда оставляю вас наедине, да? – обратилась я к ним обоим. – Что-нибудь принести вам выпить, Майлз?

Мы оба глянули на бокал белого вина, который машинально вертела в своих руках Лиззи. Я специально попросила Мариам включить вино в список продуктов, которые мы заказали с доставкой на дом в ближайшем гастрономе. Должна же я наконец привыкнуть к тому, что спиртное будет постоянно фигурировать в моей обычной, каждодневной жизни.

– Если можно, колы, – попросил меня Майлз и широко улыбнулся.

– О, этого добра у меня сколько угодно! – улыбнулась я в ответ и поспешила на кухню, размышляя по пути, можно ли посчитать наш краткий обмен репликами легким флиртом.

Мариам, устроившись за кухонным столом, работала с ноутбуком. Я достала из холодильника банку кока-колы и замялась, прикидывая, что лучше: перелить колу в стакан или отнести Майлзу банку. Первый вариант перевесил, все же Майлз такой элегантный в своем строгом деловом костюме.

– Вам уже пора домой, Мариам, – обратилась я к своей секретарше, переливая кока-колу в стакан.

– Я еще отниму у вас пару минут, надо обсудить ваш рабочий график на ближайшие несколько дней. А у нас сегодня так же оживленно и многолюдно, как на Центральном железнодорожном вокзале, не правда ли?

Я отнесла стакан с колой в гостиную и поставила его на столик, потому что Майлз и Лиззи уже были всецело погружены в свой разговор, а я мысленно поздравила себя. Какое счастье, подумала я, что сегодня жизнь в моей квартире действительно *бьет ключом*. Чуть раньше ко мне приезжала Сюзи, узнав о моей новой прическе. И нашла ее «просто сказочной»! И тут же сотворила на моей голове полнейший беспорядок, попутно объясняя, что с такой головой я теперь должна быть готова удовлетворять любые капризы заказчика или фотографа, снимающего меня. На что я сказала ей, что на ближайшую фотосессию выбираю Патрика, своего любимого фотографа, и пусть он сфотографирует меня как есть, *au naturelle*, и подарит мне фотографию на память. Мы тут же созвонились с ним и договорились о съемках на следующей неделе.

Сюзь, которая тоже была англичанкой, сразу же нашла общий язык с Лиззи. Они уселись рядком на диване и принялись чихвостить на чем свет своих бывших мужей, а я в это время принялась разбирать новую партию одежды, что прибыла ко мне от модельера, отбирая себе те экземпляры, которые примерю попозже и оставлю себе, чтобы появиться в этих нарядах на каких-нибудь знаковых светских мероприятиях. Чуть позже ко мне присоединилась Лиззи и тут же разохалась и разохалась над одним жакетом, который я отложила в ту самую стопку «для себя». С учетом того, что в дорожную сумку она затолкала только косметику, средства для ухода за кожей да смену белья, ей надо явно и срочно пополнить свой гардероб.

Потом я снова вернулась на кухню к Мариам.

– Хорошо, график мы согласовали, – сказала она мне. – Надеюсь, нас не побеспокоят какими-то срочными заказами. Как вы смотрите на то, чтобы через неделю слетать в Квебек на съемки для «Мари-Клэр»?

– Можете подтвердить, что я готова поучаствовать в этой фотосессии.

– Отлично! А еще ХХ прислал мне письмо по электронной почте. Спрашивает, не могли бы вы предложить ему еще одну коллекцию одежды в собственном дизайнерском исполнении для его нового проекта.

– Я... – начала я и замолчала.

Мой альбом для рисования был уже до отказа заполнен эскизами новых моделей, которые можно было вполне предложить ХХ, но тут я подумала, что и у меня *тоже есть имя* и звучит оно не менее громко, чем имя ХХ. Так почему же мне не выступить уже самостоятельно, под своим именем, а не давать зарабатывать на мне прибыль кому-то другому? *А еще...* Я снова вспомнила свое субботнее посещение реабилитационного центра для подростков в Гарлеме, и в моей голове стали роиться всевозможные идеи...

– Нет, напишите ему, что я отказываюсь от участия в его проекте, так как это меня больше не интересует, – твердо отчеканила я.

– Ладно. Да, и напоминаю, что ваша бабушка должна появиться у вас сегодня ровно в восемь вечера.

– Да, я помню. Спасибо.

Мариам захлопнула крышку своего ноутбука. Может быть, из-за того, что я долгие годы всегда равнодушно относилась к чувствам и

переживаниям других людей, но определенно, с тех пор, как я познакомилась с Мариам, я стала чрезмерно чувствительно реагировать на малейшие изменения в настроениях окружающих. Вот и сейчас... одного взгляда на Мариам было мне достаточно, чтобы понять, что с ней сегодня творится что-то не то.

– С вами все в порядке? – спросила я у нее.

– Да, конечно. Все как всегда, – ответила она мне, явно удивившись моему вопросу.

– Хорошо. Тогда ступайте домой. Лизи сказала, что, пока она будет жить у меня, всю готовку она берет на себя, по крайней мере снимет с вас хоть часть бремени.

– О, на самом деле приготовить еду – это для меня совсем не проблема, Электра. Вы же знаете, я люблю готовить.

Может, мне и показалось, но, когда Мариам положила свой ноутбук в кожаный футляр и поднялась из-за стола, я заметила, что ее глаза как-то подозрительно блестят, будто в них застыли слезы.

– Доброй ночи, Электра, – попрощалась она со мной, выходя из кухни.

– Всего доброго, Мариам.

Я присела к столу и включила уже собственный ноутбук, чтобы проверить электронную почту. Написала ответ риелтору, который занимается покупкой ранчо «Гасиенда Орчидеа», потом увидела, что Тигги разослала всем нам, сестрам, письмо с напоминанием о сроках нашего совместного круиза по Средиземноморью. Покончив с почтой, включила небольшой телевизор, стоящий на кухне, чтобы скоротать время в ожидании Стеллы Джексон, которая должна появиться у меня уже меньше чем через час. Не хотелось думать о том, какие чувства она вызывает у меня сейчас, после того, как я узнала, где именно папа нашел меня. По Си-эн-эн шла их обычная информационная программа, время от времени перемежающаяся информацией о котировке акций на биржах. Но вот в непрерывном потоке новостей на экране мелькнуло знакомое лицо, и я невольно вскрикнула от неожиданности.

«Сегодня Митч Дагган объявил о том, что тоже примет участие в Большом концерте в поддержку Африки, который состоится в ближайшую субботу в Мэдисон-Сквер-Гарден. Заявлено выступление многих ведущих музыкантов и знаменитостей, включая

сенатора Обаму, кандидата в президенты от демократической партии».

На экране телевизора появился Обама, а потом камера снова переключилась на ведущую новостной программы.

«Стелла Джексон, известная активистка и борец за гражданские права, юрист, которая плодотворно сотрудничает многие годы с организацией «Международная Амнистия», присоединяется ко мне в студии, чтобы рассказать о продолжающемся кризисе здравоохранения, связанном с ростом ВИЧ-инфицированных в Африке. Она также пояснит, каким образом предстоящий концерт повлияет на осведомленность наших граждан о сути самой проблемы».

И тут на экране появилась моя бабушка: сидит себе как ни в чем не бывало с самым невозмутимым видом рядом с диктором.

«Спасибо, Синтия. Должна заметить, что речь идет не только об осведомленности наших граждан, – начала свой монолог Стелла. – Мы ждем конкретных действий и от наших политиков, включая реальную материальную помощь. СПИД и ВИЧ-инфекция угрожают не только странам Восточной и Южной Африки, однако именно там эта угроза обрела особо зловещие очертания. Достаточно сказать, что, согласно последним данным ВОЗ, три четверти умерших в прошлом году от СПИДа проживали именно в этих регионах. Особое внимание следует обратить на грудных младенцев и маленьких детей, которые...»

Я была настолько ошеломлена появлением бабушки на экране телевизора, что даже не слушала все то, о чем она вещала. Просто сидела и глазела на нее, раскрыв рот.

Выбежала в коридор, чтобы позвать Майлза и Лиззи посмотреть на мою бабушку по телевизору, но дверь в гостиную была по-прежнему плотно прикрыта.

– Черт! – негромко выругалась я себе под нос и, понимая, что мне надо как-то отвлечься, пока мои друзья всецело заняты своей содержательной беседой, пошла к себе в спальню, чтобы начать примерять те одежды из последней коллекции, которые я отобрала для себя. Однако же мысли мои продолжали вертеться вокруг моей «бабули» Стеллы Джексон.

– Как же так получилось, что мисс Активистка борьбы за гражданские права, известная на весь мир, умудрилась потерять *собственную* внучку, определив ее в Хейл-Хаус? – зло пробормотала я, пытаясь влезть в узкие, облегающие брюки из черной кожи. Влезла наконец и сразу же почувствовала себя этакой хищной пантерой, что полностью соответствовало моему нынешнему состоянию духа. – Готова поспорить, что журналистка, которая беседовала с тобой, с большим интересом выслушала бы *эту историю!*

– Электра! Мы уже закончили. Присоединяйся к нам, – услышала я голос Лиззи из коридора.

– Иду, – откликнулась я.

– Потрясно выглядишь, – прокомментировала Лиззи мой наряд, пока мы с ней шли по коридору. – Куда-то собралась?

– Нет. Просто примеряю те одежды, которые сегодня прислали, и прикидываю, что из этого идет мне.

– Знаешь, эти кожаные брючки смотрятся на тебе идеально, они словно твоя вторая кожа. Я права, Майлз?

Я повернулась к Майлзу и по выражению его лица поняла, что он в полном восторге от моего наряда, что сразу же подняло мне настроение.

Но, перехватив наши с Лиззи взгляды, устремленные на него, Майлз тут же отвел глаза в сторону.

– Согласен. Великолепно выглядите, Электра, – коротко подытожил он.

– Спасибо. Ни за что не угадаете, кого я только что видела в новостной программе Си-эн-эн. Свою бабушку! Я и понятия не имела, что она такая знаменитая личность.

Майлз и Лиззи уставились на меня, явно опешив от такого заявления.

– А кто ваша бабушка? – поинтересовался Майлз.

– Ее зовут Стелла Джексон.

– Тогда туши свет! – воскликнула Лиззи.

– Вот так номер! Так вы говорите, что Стелла Джексон – ваша бабушка? – переспросил Майлз.

– Ну, да. Так ее зовут. А вы что, знаете ее?

– Еще бы! – Майлз энергично хлопнул себя по бедру. – Да в списке борцов за гражданские права Стелла Джексон уже давно и

прочно занимает первую позицию. Можно сказать, звезда первой величины! Когда я учился в Гарварде, студенты всегда произносили ее имя с особым пиететом. Она, между прочим, была в танцевальном зале Адубон, когда там 21 февраля 1965 года застрелили известного борца за права чернокожих Малкольма Икса. И на том знаменитом митинге в Вашингтоне, на котором Мартин Лютер Кинг-младший выступил со своей знаменитой речью «У меня есть мечта». Она приезжала к нам в Гарвард, встречалась со студентами-юристами. Честно признаюсь, я сидел на той встрече, обливаясь слезами. Так она ваша бабушка? – снова повторил он свой вопрос. – А я думал, что у вас, Электра, нет кровных родственников.

– Она недавно отыскалась, – ответила я, устыдившись того, что за все время нашего знакомства с Майлзом ни разу не обмолвилась в разговорах с ним о том, что у меня есть бабушка.

– Не сойти мне с этого места! – воскликнул Майлз, что в его устах означало, что новость ПОТРЯСЛА его. – Вау, вау и еще раз вау! И вы понятия не имели, кто она такая?

– Ни малейшего. Сама же она мне ничего не рассказывала, – ответила я, прочитав в глазах Майлза полнейшее благоговение перед именем моей бабули.

– Ходят слухи, что если Обама выиграет президентскую гонку, то Стеллу Джексон вполне могут задействовать в новой администрации в роли советника. Какие-то гены вы, Электра, точно унаследовали от нее. А сейчас, глядя на вас, особенно с этой вашей новой прической, могу констатировать, что вы ее живая копия, – добавил он.

– Приятно осознавать, что твоя бабушка такая влиятельная персона, правда? – заметила Лиззи, каким-то внутренним чутьем уловив мое напряжение. – Пойду припудрю носик после столь долгого и столь непростого разговора, стоившего мне кучу нервов, – добавила она и направилась из гостиной в ванную комнату.

– Ну, как поговорили с Лиззи? – спросила я у Майлза, намеренно меняя тему разговора и осторожно усаживаясь на диван в своих узеньких брючках.

– Что-то решили, что-то – нет, – ответил Майлз уклончиво. – Я всемерно готов ей помочь, но представлять ее интересы в суде должен адвокат из Калифорнии. Там законодательство по части бракоразводных процессов существенно отличается от нашего, но я

дал ей имя одного очень хорошего адвоката, которого знаю лично. Сдается мне, что ее муженек будет стараться изо всех сил, чтобы припереть ее к стенке и сделать все возможное, чтобы лишить ее всего. Но, к счастью, закон на ее стороне. Так что вряд ли у него что-то получится. Разве что станет затягивать процесс всеми возможными способами. В любом случае Лиззи сейчас нужны наличные деньги и крыша над головой, причем и то и другое как можно скорее. Замечательно, Электра, что вы приютили ее у себя. Вы – очень хороший человек, – добавил он. – Хотя теперь, зная ваше происхождение, я ничуть не удивлен. Подумать только! Стелла Джексон – ваша бабушка. Я до сих пор в шоке.

– Наверное, когда я увижу Стеллу, то поинтересуюсь у нее, как так получилось, что я оказалась в Хейл-Хаусе. – Я бросила внимательный взгляд на Майлза и поняла, что на сей счет у него имеются какие-то свои предположения. – А как там Ванесса? – переменяла я тему разговора.

– У нее пока все очень хорошо. Ида сказала мне, что в конце недели мы уже сможем навестить ее. Хорошо, однако мне пора домой. Работы сейчас у меня невпроворот. Если увидите с бабушкой, передайте ей, что я ее давний почитатель. Как только у меня появятся какие-то новости о Ванессе, я вам тотчас же перезвоню. Доброй ночи, Электра.

– Доброй ночи, Майлз, и спасибо вам за все, – отозвалась Лиззи, появившись в коридоре, когда он уже собирался закрыть за собой дверь.

Я тяжело вздохнула.

– Что с тобой сегодня? – спросила у меня Лиззи, остановившись рядом. Она, подбоченившись, обозрела меня изучающим взглядом.

– Да ничего. Правда ничего.

– Нет, с тобой что-то явно не так. Это имеет какое-то отношение к Майлзу?

Я стала нервно расхаживать по гостиной. Раздражение еще более усилилось, когда я увидела, как Лиззи налила себе очередной бокал белого вина из бутылки, стоявшей на столе.

– Ну, скажи же, Электра! Не держи в себе, – упорствовала Лиззи, сделав большой глоток.

– Да говорю же тебе, ничего особенного, – пожала я плечами в ответ, прекрасно понимая, что если не буду контролировать свой гнев, то вскоре взорвусь, как тот вулкан, и испепелю бедняжку Лиззи, чего мне совсем не хотелось.

– Да, наверняка все дело в Майлзе, – глубокомысленно заметила она. – У вас с ним отношения?

– Что?! Да ты с ума сошла! Нет, конечно!

– Ладно, Электра! Умерь свой пыл! – Лиззи глянула на меня, улыбаясь во весь рот. – Это же очевидно! Достаточно только увидеть, какими глазами он смотрит на тебя... Буквально пожирает взглядом.

– Все это замечательно и прекрасно, но... Послушай, Лиззи, я ничего не сказала Майлзу, потому что в противном случае не смогла бы от него так просто отвязаться... А бабушка может приехать ко мне в любую минуту. И, если честно, – я бросила нервный взгляд на подругу, – именно это меня и напрягает больше всего.

– Понимаю! – кивнула в ответ Лиззи и сделала еще два больших глотка. – Пожалуй, мне лучше удалиться на время. Пойду прогуляюсь по Центральному парку: отличное место для вечерних прогулок.

Раздался звонок домофона, я подошла и сняла трубку.

– Да, скажите ей, пусть поднимается, – бросила я в трубку.

– Удачи тебе, Электра. Увидимся позже, дорогая моя. – С этими словами Лиззи схватила свою сумочку и устремилась к дверям.

Громко хлопнула дверь, а я с трудом удержалась от того, чтобы не допить то вино, которое Лиззи оставила в своем бокале, и хоть немного успокоиться и привести в порядок свои расхолодившиеся нервы. Потом сделала несколько глубоких вдохов, и к тому моменту, как раздался звонок в мою дверь, оповещающий, что Стелла Джексон стоит на пороге, я уже почти привела себя в норму.

Я распахнула дверь и увидела перед собой Стеллу в том же элегантном твидовом жакете, в котором видела ее чуть ранее по телевизору. Наверняка она приехала ко мне напрямиком из телестудии.

– Добрый вечер, Электра. Как твои дела?

– Спасибо, все хорошо, Стелла. А как твои дела? – спросила, изобразив вымученную улыбку на лице.

– У меня тоже все хорошо, спасибо, дорогая. У меня были очень загруженные выходные, но весьма продуктивные.

– Рада за тебя. – Я проследила взглядом, как Стелла направилась к своему любимому креслу и уселась в него. – Может, хочешь воды?

– Спасибо, милая, не откажусь. О боже! Эти брючки на тебе... они же совсем в облипку! – заметила она вскользь, пока я наливала воду в стакан, а потом подала его ей. – А вот прическа твоя мне определенно нравится. Кстати, сейчас уже никто не усомнится, глянув на нас двоих, что мы с тобой – родня.

– Пожалуй, – согласилась я с ней, осторожно присаживаясь на краешек дивана и досадуя на саму себя за то, что не сменила эти тесные брюки на что-то более удобное еще до приезда Стеллы.

– Как прошли выходные, Электра?

– Хм! Довольно интересно! – Я утвердительно кивнула головой. – Даже очень интересно.

– Позволь спросить, что именно было интересного?

– О, к примеру, я побывала в том месте, где нашел меня отец.

– Сейчас побывала?

– Да.

– И где же именно находится это место?

Я бросила на бабушку испепеляющий взгляд, стараясь понять: она действительно ничего не знает или просто искусно притворяется, играет в какую-то игру, правила которой мне неизвестны.

– Но ты ведь и сама, должно быть, знаешь, разве не так?

– Да, знаю. Но хотела удостовериться, что ты получила правильную информацию.

– О, в этом-то ты как раз можешь не сомневаться! Я получила самую достоверную информацию на свете! – Я больно прикусила нижнюю губу, чтобы не взорваться от злости. – Это Хейл-Хаус в Гарлеме, приют, в котором содержали малышей, рожденных от наркоманов и больных СПИДом.

Я вперила свой взгляд в лицо Стеллы и не без некоторого удовольствия отметила про себя, что впервые она отвела глаза в сторону.

– Так, оказывается, ты знала, где меня нашли?

– Да, но узнала не тогда, не в тот момент, когда тебя туда определили, а гораздо, гораздо позже. Твой отец рассказал мне об этом.

– Ладно! То есть ты хочешь сказать, что не была в курсе того, что я, твоя родная внучка, очутилась в приюте, в котором содержались дети наркоманов и ВИЧ-инфицированных?

– Именно так.

– Ты, та самая особа, которая недавно вещала с экрана телевизора о том, какую угрозу представляет СПИД для стран Африки, ты, известный борец за гражданские права здесь, в Америке, ты не знала, что твою собственную внучку бросили в таком месте? – Я поднялась с дивана, частично потому, что сидеть в этих узких брюках было действительно крайне неудобно, но главным образом потому, что сейчас, поднявшись во весь рост, я зависла над бабушкой, подобно богине возмездия Немезиде, и со злорадством отметила, как она вся сжалась и обмякла в своем кресле. И куда только подевалась вся ее элегантность? Она буквально на глазах постарела, а в ее взгляде, устремленном куда-то вдаль, мимо меня, читался откровенный страх.

– Представляю, как обрадуются все эти масс-медиа, если им подкинуть столь занимательную историю, как думаешь? Да еще с учетом того, кем я стала. Готова поспорить, бабуля, такой поворот событий тебе явно придется не по вкусу! – Я уже не говорила, а зло выплевывала слова прямо ей в лицо.

– Ты права. Такое мне совсем не по душе, ведь это может в корне уничтожить мою репутацию. Однако на твоем месте я бы посчитала это правильным. Дескать, получай по заслугам, старая карга. Наверное, я действительно заслуживаю такого наказания.

Я начала нервно расхаживать по гостиной. Все внутри меня кипело от негодования.

– Но вот вопрос, который не дает мне покоя. А где в это время была моя распрекрасная мамаша? И кто она такая, черт ее дери? И почему, если она попала в такую беду, ты не оказалась рядом с ней? Не пришла ей на помощь? *Мне на помощь?!* И после всего этого ты с важным видом восседаешь в студии и несешь всякое дерьмо с экрана телевизора, и все слушают тебя, затаив дыхание. Как же, как же! Сама богиня вещает... Бог мой, Стелла! Как ты жила со всем этим грузом столько лет?!

– Я... – Стелла издала протяжный вздох. – Говорю же тебе, на тот момент я ничего не знала.

– Ты *не знала*, что твоя дочь наркоманка или жертва СПИДа и что у нее родилась девочка?

– Нет, не знала.

– А где же ты была в это время?

– Я была в Африке, но эта долгая история, и, чтобы ты поняла ее до конца, я должна рассказать тебе о тех далеких событиях, которые предшествовали появлению на свет твоей матери.

– Неужели между всеми этими событиями есть какая-то связь? Ведь факт остается фактом: тебя не было рядом со мной или с моей матерью именно тогда, когда мы обе очень нуждались в тебе. Я права?

– Права. И у тебя, Электра, есть все основания злиться на меня. Но, пожалуйста, умоляю, все же выслушай меня. Потому что если ты не захочешь слушать, то никогда не поймешь всего, что случилось в твоей жизни.

– Если говорить напрямую, Стелла, то я и так никогда не пойму. Но ладно, будь по-твоему! – Я вздохнула. – Я постараюсь выслушать тебя. Но с одним условием: если ты сейчас поклянешься мне, что я, или моя мать, или ты сама, или кто-то из моих злосчастных родственников – все мы имеем хоть какое-то отношение к этой истории!

– О да, я клянусь тебе, что это именно так, – ответила бабушка. Я увидела, как она достала носовой платок из сумочки типа той, которую обычно носит при себе английская королева, и руки ее заметно дрожали. Мне даже стало жалко ее. В конце концов, она же уже совсем старая.

– Послушай, я сейчас отлучусь на пару минут, сниму с себя эти брюки и надену что-нибудь поудобнее, ладно?

– Конечно. Ты любишь горячий шоколад? – спросила у меня Стелла.

– Да. Ма, это типа нашей общей мамы, всегда готовила мне чашку горячего шоколада перед сном.

– Готова побиться об заклад, что я делаю самый лучший горячий шоколад во всем Бруклине. Если у тебя есть в наличии все необходимые ингредиенты, то я сейчас с удовольствием сварю нам обеим по кружке горячего шоколада.

– Да, у меня все есть. Отличная идея!

Десятью минутами позже мы с бабушкой снова сидели в гостиной, грея руки о свои кружки с горячим шоколадом самого отменного вкуса, надо признаться. Я старалась сохранить прежнее настроение полнейшего неприятия своей собеседницы, но как-то вся моя злость рассосалась сама собой, что было довольно странно и совершенно необычно для меня, так как при желании я могла дуться очень-очень долго, столько, сколько захочу.

– Ладно, – начала Стелла. – Кажется, мы с тобой прервались на том месте, когда Сесили потеряла своего ребеночка, верно?

– Верно. Но имеет ли вся эта история хоть какое-то отношение ко мне?

– Электра, клянусь тебе, заключительная часть истории потрясет тебя до глубины души. Ты даже не поверишь...

Сесили

Кения

Сентябрь 1940 года

Традиционный бисерный воротник, который носят женщины племени масаи

35

Сесили слегка откинулась назад и вытерла пот со лба, потом воткнула в землю садовый совок, поднялась со скамейки и направилась в дом, чтобы налить себе стакан лимонада из холодильника. Потом она пошла на веранду пить лимонад, а заодно и полюбоваться плодами своих садоводческих усилий. Сад вокруг дома действительно постепенно начал принимать очертания нормального, вполне ухоженного оазиса; зеленые лужайки, плавно сбегающие в

низину, обрамлены со всех сторон кустами гибискуса и множеством кустиков белой и красной пуансеттии.

Из будки, стоявшей за домом, послышался лай Вульфи, Сесили спустилась по ступенькам веранды во двор и пошла к будке, чтобы спустить пса с привязи.

– Здравствуй, милый, – поприветствовала Сесили Вульфи, опускаясь на колени, и огромный пес тут же покрыл ее лицо своими влажными, слегка слюнявыми поцелуями. Она с трудом удержалась на ногах, едва не опрокинувшись на землю, когда Вульфи водрузил свои огромные лапищи ей на плечи. Сесили невольно улыбнулась, вспомнив того крохотного щенка, которого подарил ей Билл спустя всего лишь несколько дней после того, как они похоронили ее дочь Флер.

– Этому малышу надо, чтобы о нем кто-то заботился, – сказал Билл, вручая Сесили пушистый комочек, который жалобно скулил на все голоса. – Хозяин собаки сказал, что щенки – помесь лайки и овчарки. Иными словами, этот парень легко обучаем и предан своему хозяину, но, если потребуется, может проявить и агрессию.

Вульфи, так назвала щенка Сесили за его несомненное сходство с волком, не отличался особой красотой: окрас довольно необычный – весь в черно-белых пятнах, не говоря уже о том, что и глаза тоже разного цвета: один – голубой, а второй – карий. Одно было несомненно: его безраздельная преданность хозяйке, которую он просто обожал. В те самые первые дни после утраты своего ребенка Сесили была настолько поглощена собственным горем, что не обращала внимания ни на что вокруг; бесконечный писк малыша по ночам и с самого раннего утра изрядно действовал ей на нервы, пока она не обнаружила одну удивительную закономерность: стоит ей только принести щенка к себе в спальню, и он тут же мирно засыпает. А иногда, просыпаясь по утрам, она обнаруживала малыша рядом с собой в постели, безмятежно посапывавшего, животиком вверх, удобно устроившего головку на подушке. Несмотря на все свои усилия не влюбляться в щенка, тот сделал все возможное, чтобы завоевать ее любовь. И в конце концов добился своего: мрачная, погруженная в свои невеселые думы, Сесили даже начала улыбаться при виде смешных ужимок этого милого создания, необыкновенно добродушного по своей натуре.

Вот и сейчас Вульфи плелся за ней по пятам, пока она возвращалась обратно на веранду, чтобы допить свой лимонад. Однако у него была одна нехорошая привычка: выкапывать из земли только что посаженные семена, а потому Сесили была вынуждена держать его на привязи, когда возилась в саду. Зато в остальное время он безотлучно дежурил при своей хозяйке.

– Через пару минут я возьму тебя на прогулку, – пообещала она псу. – А пока лежи спокойно.

Сесили допила остатки лимонада и невольно поймала себя на мысли, что с Вульфи она разговаривает чаще, правда в одностороннем порядке, чем с людьми. Спустя пару недель после того, как она потеряла Флер, в Европе разразилась война. Сесили в те дни все еще находилась в больнице. А когда наконец вернулась домой, то по-прежнему пребывала в полнейшей прострации: собственное горе, подобно тяжелой, свинцовой туче, заслонило от нее все остальное, а потому она лишь вскользь зафиксировала в своем сознании начало военного конфликта. Война для нее означала лишь то, что Билл сейчас практически не бывал дома, но и это, по правде говоря, Сесили мало волновало.

Сесили вспомнила тот день, когда к ним приехала Кики, чтобы своими глазами взглянуть на их «Райский уголок», а она в это время заперлась у себя в спальне за закрытыми ставнями и попросила Билла сказать крестной, что она слишком плохо себя чувствует, чтобы встретиться с ней лично. Кики, по своему обыкновению, привезла с собой корзины, полные шампанского и банок с икрой, но и ее дары, и ее напускная веселость – все это было для Сесили словно нож в сердце, некое проклятье, посланное ей свыше. Единственным человеком, которого она могла видеть и с которым могла разговаривать, оставалась Кэтрин, которая в общении с ней проявляла поистине ангельское терпение, была сама доброта и участие. Рядом с Кэтрин Сесили могла наслаждаться красотой и покоем, царившими в «Райском уголке», забывая о том, что весь остальной мир уже охвачен войной. Родители буквально умоляли Сесили вернуться домой, укрыться в безопасности под надежным крылом Америки, но к тому времени как она немного оправилась для того, чтобы всерьез заняться подготовкой к такому путешествию, даже Билл был вынужден признать подобную затею весьма и весьма рискованной.

– Прости, старушка, но никто из нас не желает, чтобы тебя разорвало на части при прямом попадании немецкой бомбы или чтобы днище вашего судна протаранила какая-то вражеская субмарина. Придется тебе задержаться в Кении и переждать здесь, пока все более или менее не устаканится.

Шло время, но ничто и не думало «устаканиваться». А потому приходилось довольствоваться тем, что есть: занятия садоводством плюс чтение – Сесили уже успела перебрать всю обширную библиотеку мужа. Конечно, будь она сейчас в Нью-Йорке, мама наверняка бы занялась ее реабилитацией на свой манер, таскала бы ее по всяким светским мероприятиям, но сама мысль о подобном пустом времяпрепровождении приводила Сесили в ужас. Прошел уже год после потери ребенка, и постепенно горечь утраты отступала. Сесили даже осознала, что страшно тоскует по своим близким...

Не то чтобы она думала о них днями напролет или предавалась каким-то особо эмоциональным воспоминаниям о родном доме, нет! Сесили уже успела понять, что в жизни горя гораздо больше, чем радости, а потому надо учиться терпеть. А все эти любовные переживания, которые у нее случились когда-то вне рамок своей семьи, принесли ей только неприятности. Можно сказать, ее любовный опыт обернулся сплошным кошмаром.

– Только ты, Вульфи, и любишь меня по-настоящему, – обратилась она к псу, целуя его в макушку. А кроме Вульфи, у нее и правда нет никого. Даже когда Билл стоял рядом с ней и держал ее за руку, когда опускали крохотный гробик с Флер в красную землю, даже тогда Сесили продолжала считать, что в глубине души ее муж испытывает облегчение от того, что с него снято бремя необходимости воспитывать чужого ребенка. Впрочем, как выяснилось чуть позднее, любого ребенка. Да, врачи спасли ей жизнь, но спустя какие-то сутки после операции снова разрушили ее, сообщив, что она больше никогда не сможет иметь детей. Кажется, Билл искренне расстроился, узнав эту новость. Надо отдать ему должное, он настоял на том, чтобы оставаться рядом с ней дома как можно дольше, пока начавшаяся война не призвала его в Найроби. Сесили была уверена, что таким образом муж как бы пытался искупить свою вину, потому что доктор Бойль случайно обмолвился в разговоре с ней, что, когда она заболела, Билла долго не могли найти. Оказалось, что он, как всегда, был на

охоте, и только Бобби каким-то чудом удалось отыскать его и притащить в Найроби, после чего Билл и появился в больнице.

Сейчас Сесили более не интересовало, где муж и когда он объявится дома, она рассеянно слушала его объяснения, как и каким образом с ним можно будет связаться в случае необходимости. Она всегда была приветлива с Биллом, но больше не жаждала его объятий и не ждала его ночами в их супружеской спальне. И вовсе не потому, что у них больше не будет деток, сей вопрос, в конце концов, был второстепенный, тем более что они так ни разу и не попытались осуществить сам процесс их зачатия.

Сесили была рада, что сегодня на ужин к ней приедет Кэтрин, а потом останется немного поболтать. Она теперь часто оставалась дома одна, без мужа, поскольку Бобби тоже призвали на службу. Но поскольку он был астматиком, то его определили исполнять свою воинскую повинность в административной должности – Бобби сейчас служил в комитете по сельскому хозяйству в Найроби.

– Слава богу, что у меня есть Кэтрин, – вздохнула Сесили, поднимаясь со своего места. – Пошли, Вульфи, пора готовить ужин.

* * *

– Сегодня у нас на ужин запеканка. Угощайся! – Сесили указала на дымящееся блюдо, которое она поставила на стол.

– Спасибо! Выглядит аппетитно! Хорошо хоть, что у нас нет продовольственных карточек, как в Европе, и мы можем продолжать питаться без каких-либо ограничений, – заметила Кэтрин, отрезая себе ломоть свежего хлеба, который Сесили недавно испекла. – Кстати, Алиса попросила меня пригласить тебя от ее имени на вечеринку, которую она собирается устроить у себя на ферме Ванджохи. Ей там последнее время очень одиноко. Поедешь?

– Вряд ли.

– Сесили, ты уже больше года нигде не показываешься. Почему бы и не поехать? Хоть немного развлечешься.

– Ты же знаешь, я очень сдержанно отношусь к тому типу веселья, которому предаются Алиса и ее друзья. Но в любом случае за приглашение спасибо.

– Господи, ты стала излишне чопорной, Сесили. Если ты сама забыла, как можно веселиться, то это еще не означает, что надо принимать в штыки поведение других людей, которые стараются не утратить эти навыки в сегодняшней-то ситуации.

Слова подруги задела Сесили за живое, но она лишь молча опустила глаза и стала сосредоточенно намазывать маслом свой кусок хлеба.

– Я... я все понимаю. Ради бога, прости меня, Сесили. Конечно, ты еще вся в своем горе, ведь совсем недавно исполнился ровно год, как ушла из жизни Флер... Но с другой стороны, тебе же только двадцать четыре года. Можно сказать, перед тобой еще вся жизнь, и я не хочу, чтобы ты провела ее, сидя в четырех стенах.

– Мне здесь хорошо, и мне нравится, как я сейчас живу. Как там твой Бобби? – Сесили плавно перевела разговор на другое.

– Ему уже страшно надоело заниматься организацией сбора урожая, мечтает снова и поскорее вернуться к нашему стаду и проводить с ним все дни.

– Билл сказал, что он присмотрит за вашими животными, когда отправится на этой неделе в долину. Ему дали отпуск на несколько дней.

– Да, я слышала об этом. Какое счастье, что они могут хоть как-то поддержать друга и помочь. Я вот тут подумала. – Кэтрин стала машинально играть со своей вилкой. – А почему бы тебе не поехать вместе с ним?

– Потому что он меня не зовет с собой.

– Да он уже наверняка устал звать тебя. Ведь всякий раз он слышит от тебя один ответ – нет.

– Пожалуйста, перестань меня пилить, ладно? Лучше налегай на запеканку, пока она еще не остыла. Почему ты ничего не ешь?

– Потому что... потому что, по правде говоря, я себя не очень хорошо чувствую. Ах, Сесили! Я уже целый месяц собираюсь с духом, чтобы сообщить тебе... В конце концов, ты же моя лучшая подруга и должна услышать эту новость из моих уст. Мы с Бобби ждем ребенка. Он должен появиться в мае следующего года. Прости, но я должна была поделиться с тобой этим известием.

В глазах Кэтрин заблестели слезы, когда она протянула через стол руку подруге.

– Я... Да это же просто потрясающая новость! Я так рада за вас обоих, – нашла в себе силы вымолвить Сесили.

– Ты уверена, что рада? Честно говоря, я боялась. Мне не хотелось лишний раз расстраивать тебя.

– Расстраивать? Что за ерунда. Я действительно счастлива, что у вас с Бобби будет ребеночек.

– То есть ты воспринимаешь все это абсолютно позитивно?

– Полностью! По такому случаю самое время откупорить бутылку шампанского из тех запасов, что остались после визита Кики.

– Вот этого как раз не надо. Не стоит сейчас изводить на меня такое дорогое вино. Тем более меня начинает мутить даже при одном упоминании о спиртном. А второе, о чем я хочу спросить тебя, готова ли ты стать крестной матерью моему маленькому? Я всегда думала только о тебе в этой роли.

– Как это мило с твоей стороны! Для меня это большая честь, Кэтрин. Да, я, конечно, согласна.

– Вот и прекрасно! А поскольку ты – моя ближайшая соседка, то заранее предупреждаю, я буду часто обращаться к тебе с просьбами приглядеть за моим чадом.

– А я буду только рада помочь тебе, – улыбнулась в ответ Сесили.

Помахав на прощание Кэтрин, Сесили еще долго смотрела ей вслед, пока наконец не исчезли огоньки пикапа, растворившись в темноте. А потом снова уселась за стол и, обхватив голову руками, разрыдалась навзрыд, ибо сердце ее буквально рвалось на части от невыносимой боли.

* * *

Сесили занималась тем, что отскребала полы на кухне, когда спустя три дня после визита Кэтрин неожиданно появился Билл. Несмотря на все его уговоры нанять прислугу, Сесили продолжала стоять на своем. Ей нравилось проводить дни в полном одиночестве, а домашние дела занимали ее время и хоть как-то отвлекали от невеселых мыслей.

– Добрый вечер, – поздоровался Билл, увидев свою жену на коленях со скребком в руке.

– Привет, – ответила она и, бросив тряпку и скребок в корзинку, поднялась с пола. – Как там твои животные?

– Погололье сокращается с каждым днем.

– Сейчас поставлю на огонь ужин. Я просто не знала, в какое время ты вернешься домой.

– Да я и сам не знал до последнего. Прости, Сесили, но так уж выходит. Но вначале я хочу с тобой поговорить кое о чем. Можно?

– Конечно. Надеюсь, ничего плохого?

– Нет, во всяком случае не со мною. А джин у нас имеется? Я бы сейчас не отказался от рюмочки.

– Да, есть немного. Бутылка с джином стоит в баре в гостиной.

– Вот и пойдем в гостиную. Там и поговорим, если не возражаешь.

Сесили молча проследовала за мужем по коридору в гостиную, он подошел к бару, взял два стакана и наполнил каждый из них на два пальца джином, потом протянул один стакан Сесили.

– За твое здоровье, – промолвил Билл, чокаясь.

– И за твое тоже. – Сесили сделала глоток. – Так все же, что случилось?

– Ты помнишь моего друга, вождя племени масаи? Его зовут Лешан. Я однажды приводил его сюда к нам в гости.

– Конечно, помню. Но почему ты спрашиваешь?

– Он услышал, что я вернулся с пастбищ, и отыскал меня. Дело в том, что у него возникли серьезные проблемы... Вот я и подумал, не сможем ли мы с тобой как-то помочь ему... Полагаю, за то время, что ты прожила здесь, ты уже успела понять, что масаи очень четко соблюдают самую строгую иерархию. Лешан – вождь одного из кланов, клана илмолеан, это один из самых влиятельных кланов в нашем регионе. Найгаси тоже из этого племени. – Билл замолчал и отхлебнул из своего стакана. – Старшая дочь Лешана уже давно была обещана в жены сыну вождя другого клана, илмакесен. Эти два клана – как два столпа, левый и правый, на которых держится вся остальная иерархическая структура. Что означает, что брак детей двух могущественных вождей равноценен по всем статьям.

Сесили молча кивнула в знак согласия со словами мужа, хотя и не очень вникла во все нюансы того, о чем ей рассказывал Билл. По ее пониманию, у туземцев намечалось бракосочетание, похожее на то, как

если бы могущественные Вандербильты вознамерились породниться с семейством Уитни.

– Дочери Лешана – это своего рода принцессы, но только на манер своего племени масаи. Старшей дочери недавно исполнилось тринадцать лет, что, по их меркам, позволяет считать ее уже совсем взрослой; к тому же она самая красивая из всех своих сестер, – продолжил свой рассказ Билл. – Но недавно ее отец обнаружил, что у нее... связь с одним из воинов их племени, мораном, если на их языке. Более того, она забеременела от этого человека, что категорически запрещено и жестоко карается. Если семья ее жениха узнает об этом, между двумя кланами может вспыхнуть война. Самое малое, что может сделать Лешан в сложившейся ситуации, это вышвырнуть дочь вон, отдать ее на растерзание гиенам и шакалам.

– Какой ужас! Только не это! Как могут все эти люди вести себя столь варварски?

– Не думаю, что их обычаи такие уж варварские, особенно если вспомнить, какое варварство сейчас творится в Европе. Поверь мне, Сесили, Лешан любит свою дочь и, несмотря на ту сложную ситуацию, в которой он сейчас оказался, вовсе не желает ей вреда.

– Понимаю. Но какое отношение это имеет к нам?

– Он спросил у меня, не мог бы я, *не могли бы мы* приютить его дочь на время у себя, пока она не родит. Сразу же после родов он заберет ее к себе. Остается лишь надеяться, что никто ни о чем не догадается.

Сесили уставилась на мужа изумленным взглядом.

– То есть ты хочешь сказать, что собираешься поселить эту девушку *здесь, у нас*? И что она ждет ребенка?

– Да, именно это я и хотел сказать тебе. Понимаю, с учетом всего, что случилось с тобой недавно, я могу показаться тебе черствым и бессердечным человеком, но я многим обязан Лешану. За долгие годы нашей дружбы он сделал мне много хорошего. К тому же, если мы не согласимся помочь этой бедной девочке, ей попросту некуда больше идти. За пределами территории, на которой живут масаи, Лешан никому не известен и никто ему не поможет, но здесь, на нашей ферме, куда масаи не посмеют даже сунуть свой нос, *мы можем* оказать ему такую помощь. Я знаю эту девочку, можно сказать, с пеленок, и позволь мне напомнить, что, по сути, она оказалась точно в такой же

ситуации, в которой была ты сама на момент нашей первой встречи. Уверен, в твоём сердце есть сострадание и ты не станешь возражать против того, чтобы дать приют этой несчастной.

– Что ж, коль скоро ты ставишь вопрос таким образом, то у меня попросту нет выбора. А какой у неё срок?

– Лешан и сам точно не знает. Девушка тщательно скрывала свое положение, но однажды мать увидела её голой, когда та купалась, и сразу же обо всем догадалась. По словам её матери, до родов дочери осталось не более двух месяцев. Когда ей наступит время рожать, мать привезут сюда, чтобы она в этот момент была рядом с дочерью.

– А эти женщины говорят по-английски?

– Нет. Но Найгаси владеет немного разговорным английским, в случае чего поможет установить связь друг с другом. И я тоже помогу, если надо. Найгаси я оставляю здесь, он будет охранять девушку, приносить ей еду, а ночевать они будут в лесу, Найгаси найдет безопасное местечко и разобьет там временный лагерь. Ты и видеть-то её практически не будешь.

– Хорошо, – проронила Сесили, довольная уже тем, что эта девушка не будет жить вместе с ней в их доме. – Если все, что от нас требуется, это позволить им разбить лагерь на нашей земле, и коль скоро её мать будет рядом с ней, когда придет время родов, то я считаю, что все будет хорошо. А когда она приедет к нам?

– Она уже здесь. Я привез её сюда на своем пикапе, мы укрыли её одеялом, чтобы никто ничего не заметил. Сейчас с ней Найгаси; он занят поиском подходящего места для стоянки.

– Понятно, – коротко обронила Сесили. Оказывается, муж уже все решил и обо всем договорился за её спиной. – Полагаю, ты тоже хочешь отправиться прямо сейчас к Найгаси, чтобы помочь ему в этих поисках?

– Нет, помогать я ему не стану, а лишь сообщу о том, что ты не возражаешь против того, чтобы девушка пожила какое-то время у нас. И последнее... Сесили, умоляю тебя, никто... понимаешь, *никто, ни одна живая душа*, не должен знать о её существовании. Даже Кэтрин. Ну, я пошел. Вернусь к ужину.

Сесили молча проводила взглядом Билла, направившегося в сторону леса, вздохнула и пошла на кухню готовить вечернюю трапезу.

– Вот оно, наказание за мои грехи, – пробормотала Сесили вполголоса, поставив кастрюлю на огонь, и принялась помешивать ее содержимое. – Я не только потеряла своего ребенка, но сейчас буду вынуждена жить в окружении беременных женщин.

Билл появился на кухне минут через сорок, Сесили только что сняла с огня карри.

– Вкусно пахнет, – заметил он. – Ты вообще отменно готовишь, Сесили.

– Не подлизывайся ко мне, Билл. Ты ведь так стараешься, чтобы эта девчушка из племени масаи осталась у нас, – ответила ему Сесили полушутливым тоном, хотя в глубине души она была польщена комплиментом мужа. – Пожалуйста, возьми тарелки и отнеси их в столовую.

Усевшись за стол, Сесили какое-то время молча наблюдала за тем, как Билл с аппетитом уплетает карри.

– Так эта девочка... она уже на стоянке? – спросила она после некоторой паузы.

– Найгаси как раз занимается сооружением шалаша для нее. Как я тебе уже говорил, я оставляю Найгаси здесь, а сам завтра с самого утра еду в Найроби.

– Ну и ну! И ты уверен, что сможешь обойтись там без него? Ты ведь никогда не уезжал без Найгаси. Даже когда я была беременна, ты не оставил его здесь, чтобы он присматривал за мной, – не удержалась Сесили от колкого замечания и тут же пожалела, что сболтнула лишнее.

– Да, не оставил. И теперь буду жалеть об этом до конца своих дней. – Билл бросил на нее пристальный взгляд и отложил в сторону нож и вилку. – Ты же знаешь, человек может снова и снова повторять, как он глубоко сожалеет о случившемся. Простишь ли ты меня когда-нибудь, Сесили?

– Я уже простила тебя. Да и потом, это же был не твой ребенок, – уже в который раз напомнила она ему. – Однако хватит об этом. Как зовут твою девочку?

– Ну, во-первых, она – не «моя девочка». Она здесь просто под моей... *под нашей* защитой и пробудет у нас вплоть до родов. А зовут ее Ньяла, что означает «звезда», – негромко обронил Билл и добавил: –

У масаи каждое имя, которое они дают своему ребенку, имеет особый смысл. Впрочем, у них любое действие имеет свой смысл.

Уже не впервые Сесили подумала о том, что Билл жалеет, что он сам не масаи; в любом случае обществом этих людей он дорожит гораздо больше, чем ее обществом или обществом остальных европейцев, проживающих в Кении.

– Скажи Найгаси, чтобы он тотчас же дал мне знать, если ей что понадобится.

– Спасибо тебе за это. Обязательно скажу. Она очень напугана, Сесили.

– А что же тут удивительного? Не могу представить, что девочкам позволяют беременеть в столь юном возрасте...

– По их законам в этом нет ничего предосудительного. Как только у девочки наступает половое созревание, она сразу же становится лакомой добычей для любого морана. Так уж устроена здешняя жизнь.

– Но она же еще совсем дитя, Билл. Это же самое элементарное насилие в чистом виде. Верх бесстыдства!

– Полагаю, наша жизнь тоже кажется им бесстыдной и грязной, – возразил Билл.

Над столом повисло молчание. Первой заговорила Сесили.

– Пару дней тому назад ко мне приезжала Кэтрин.

– Правда? Ну, и как она?

– Все отлично. В мае ждет ребеночка.

– Я в курсе. Бобби рассказал мне. Рад за них обоих. А ты?

– Конечно, рада! Из них получатся замечательные родители. Хорошо. Если ты поел, я убираю со стола.

Резким движением Сесили поднялась со своего стула и начала собирать тарелки, потом понесла грязную посуду на кухню. Включила кран на полную мощность и уставилась в раковину. Ее буквально распирало от злости. Неужели у этого человека нет ни капли сочувствия к ее страданиям?

* * *

Билл уехал в Найроби рано утром, а Сесили направилась в сад повоевать немного с сорняками: хватала растения за их тонкие

стебельки и с силой вырывала из земли, и в эту минуту ей казалось, что с такой же силой вырывали у нее из утробы ее дитя. Несмотря на то что она не видела ни Найгаси, ни охраняемую им девочку, Сесили странным образом ощущала их незримое присутствие.

Закончив с прополкой, она уселась на веранде с Вульфи у ног и с наслаждением принялась пить свой традиционный стакан лимонада. Приятная прохлада тотчас же разлилась по всему телу, хотя день выдался очень жарким. Сесили приготовила себе легкий овощной супчик на ужин, поужинала. Обычно по вечерам она читала, но сегодня чтение не задалось. Внутреннее беспокойство, не оставлявшее ее на протяжении всего дня, не позволяло сосредоточиться на книге. Сесили глянула на небо: еще светло, и до наступления темноты есть по меньшей мере час с небольшим.

– Пойдем, Вульфи, прогуляемся, а заодно проведем наших новых соседей.

Вооружившись фонариком и положив бутылку с водой в холщовую сумку, Сесили в сопровождении верного пса направилась в сторону леса. С тех пор как она поселилась на ферме, она еще ни разу не рискнула заглянуть в глубь леса, только огибала чащобу по касательной, когда отправлялась верхом проведать Кэтрин. От дома до леса, который начинался прямо у подножья гор и устремлялся вверх, было не менее полумили пути, а потому, когда Сесили с Вульфи наконец подошли к опушке, уже сгустились сумерки.

Вульфи бегал кругами, принюхиваясь к новым для себя запахам, а когда они вступили под тень густых деревьев, побежал впереди Сесили, словно указывая ей дорогу. Она и подумать не могла, что сразу же очутится в самой настоящей чащобе. Вся надежда на Вульфи, мелькнуло у нее, хоть бы только он нашел потом дорогу домой. Между тем стало совсем темно, Сесили уже приготовилась повернуть назад, но в этот момент Вульфи разразился громким лаем и прыгнул куда-то вперед, что безошибочно свидетельствовало о том, что пес учуял запах пищи. Сесили включила фонарик и двинулась вслед за Вульфи, который мчался уже во весь опор.

– Надеюсь, Вульфи, ты знаешь, куда ведешь меня, – обратилась она к псу, едва поспевая за его прытью. И совсем скоро сама уловила вкусный аромат жарящегося на огне мяса, а буквально через пару секунд они вышли на небольшую полянку.

Когда Сесили направила свет фонарика на небольшую глинобитную постройку круглой формы, задрапированную со всех сторон шкурами животных, ей показалась, что она сейчас, подобно Гензелю и Гретель, выходит к избушке ведьмы, но уже на африканский манер. Прямо перед хижинкой полыхал костер, на вертеле жарилась задняя часть какого-то животного.

– *Таквена*, Сесили, – поздоровался с ней Найгаси, осмотрительно выступив вперед.

– Здравствуй, Найгаси. Вот... зашла, чтобы... поздороваться с... – Сесили показала рукой на хижину. – Она у себя?

– Нет. Услышала лай собаки и убежала в лес. Она боится.

– Вот как? Скажи ей, что я приходила специально, чтобы познакомиться с ней.

– Хорошо, скажу. Вы приходите с восходом солнца. – Найгаси указал пальцем вверх.

– Договорились, – ответила Сесили, глядя на то, как Найгаси острым ножом отхватил кусок мяса от туши на вертеле и швырнул его Вульфи.

– *Олдиа*. Собака, – сказал он.

– *Олдиа*, – повторила вслед за ним Сесили и погладила Вульфи по голове.

– *Этаа сере*, – попрощался с ней Найгаси на своем языке, отвесил поклон, а потом развернулся и зашагал в сторону леса.

А Сесили направилась домой. Вернувшись к себе, она устроилась на веранде, зажгла газовую лампу и приготовилась немного почитать, и тут до нее дошло, что, кажется, она впервые разговаривала с Найгаси. Несмотря на то что Сесили привыкла к постоянному присутствию Найгаси рядом с ее мужем, она тем не менее в глубине души немного побаивалась его. Но сегодня Найгаси вел себя с ней в высшей степени дружелюбно.

Позже, укладываясь в постель, она пообещала себе, что завтра непременно вернется на стоянку, чтобы лично познакомиться с принцессой из племени масаи.

– Она у себя? – спросила Сесили у Найгаси, снова появившись на полянке уже с самого утра.

– Она там. – Найгаси кивком головы показал на хижину.

– Ступай скажи ей, что я хочу с ней познакомиться.

Найгаси снова кивнул головой и направился к хижине, откинул в сторону полог из воловьей шкуры и о чем-то быстро заговорил на своем языке, обращаясь к человеку внутри.

– Сейчас она выйдет. Сядете? – Он указал на шкуру, лежавшую прямо на земле рядом с ямкой для костра.

Сесили молча уселась на шкуру и стала ждать. Вот полог из шкуры животного снова слегка сдвинулся в сторону, и на нее уставилась пара испуганных глаз. Найгаси что-то сказал, явно пытаясь успокоить девушку, потому что полог был отброшен еще дальше, и вот наконец перед Сесили предстала молоденькая девушка, выбравшаяся из своего низенького укрытия. Сесили замерла в немом изумлении, разглядывая девушку. Она всегда считала Найгаси высоким, но стоящая перед ней девушка была еще выше, гораздо выше. У Сесили даже дыхание перехватило при виде столь несравненной красоты. Черная кожа девушки отливала блеском в лучах солнца, пробивавшихся сквозь густые кроны деревьев, ее длинные ноги поражали своей невероятной стройностью, а шея, казалось, упиралась в самое небо, поддерживая на себе изящную головку с точеными чертами лица: пухлые губы, высокие скулы, прозрачные карие глаза, а волосы аккуратно сострижены почти до самого черепа. Девушка слегка вскинула вверх подбородок, с некоторой надменностью глянув на Сесили. Она была одета в юбку из шкуры молодого ягненка, а блузкой ей служила красная шаль, искусно задрапированная на груди. В ушах болталось множество серебряных сережек, а шея и запястья были украшены многочисленными браслетами и ожерельями из разноцветных бус.

Сесили ожидала увидеть ребенка, но перед ней стояла самая настоящая молодая женщина всего лишь тринадцати лет отроду, чья стать и повадки сразу же выдавали в ней принцессу, коей она и являлась на самом деле. Красота и необычность внешнего облика этой девушки настолько ошеломили Сесили, что она лишь молча пялилась на нее, не зная, что сказать.

Наконец она медленно поднялась с земли и подошла к девушке.

– Меня зовут Сесили Форсайт. Я – жена Билла. Рада познакомиться с тобой, Ньяла.

Она протянула ей руку, и та взяла ее с поистине царственным величием, слегка кивнув в ответ.

– Она не понимает английского, – пояснил Найгаси.

– Это не столь уж важно. Скажи ей, что если у нее возникнут какие-то проблемы, то я... Я всегда к ее услугам.

Найгаси утвердительно кивнул и заговорил с девушкой на своем языке, та прошептала ему несколько слов в ответ.

– Она благодарит вас за то, что вы дали ей приют на своей земле, – перевел слова девушки Найгаси.

– О, это сущие пустяки, – отмахнулась Сесили, чувствуя на себе внимательный взгляд поразительно прекрасных глаз Ньялы. Она жестом показала на запястья девушки: – Красивые браслеты. Очень красивые. Но мне пора домой. Рада была познакомиться с тобой, Ньяла. До свидания. Вульфи, за мной! – Сесили развернулась и пошла прочь с поляны. И только на половине пути она вдруг поняла, что красота этой девушки настолько потрясла ее, что она даже не глянула на живот Ньялы, чтобы хотя бы приблизительно определить, каков срок ее беременности.

Целый день Сесили провозилась в саду, потом приготовила легкий ужин, как всегда, для себя одной; отужинав, пошла в гостиную, включила там свет и стала копаться в книжном шкафу, чтобы отыскать одну из книг Билла, в которой описывается племя масаи. Потом растопила камин, ибо вечер был прохладным, и уселась возле огня с книгой в руке.

Ее автор, белый человек и большой любитель охоты, описывал события, случившиеся с ним, когда во время сафари его взяли в плен туземцы одного клана, на территории которого он охотился. В конце концов ему удалось спасти свою жизнь в обмен на ружье, но мало-помалу он даже подружился с этими людьми. Больше всего в книге Сесили потрясло то, как варварски обращаются туземцы со своими женщинами.

Она испытала самый настоящий ужас, когда читала описание так называемой процедуры «очищения» женщины, которая излагалась в книге во всех подробностях. Время от времени приходилось откладывать книгу в сторону, чтобы собраться с силами для

продолжения чтения. У Сесили даже голова закружилась при одной только мысли о том, что было бы, если бы подобное надругательство проводилось уже над ней самой и над интимными частями ее тела.

Когда она погасила лампу и направилась к себе в спальню, у нее из головы не выходила эта гордая женщина-ребенок, которая совсем недалеко от их дома, можно сказать по соседству, спит сейчас, укрывшись звериными шкурами. И впервые за долгое время Сесили осознала, как же ей самой повезло родиться совсем в другой среде, в привилегированной среде.

* * *

На следующее утро, прихватив с собой разговорник на языке масаи, а также немного картошки и моркови, которые можно будет сварить в чугушке на костре, Сесили направилась уже знакомой дорогой в гости к принцессе масаи. При виде Сесили Найгаси изобразил на лице едва заметную улыбку и приветствовал ее появление на поляне легким поклоном.

– Здравствуй, Найгаси, – поздоровалась с ним Сесили. – Взгляни, что я тут принесла. – Она засунула руку в свою холщовую сумку. – Это для Ньялы. Только надо все приготовить. Надеюсь, ей понравится. Она у себя?

Найгаси молча кивнул и направился в хижину, чтобы привести Ньялу, а Сесили тем временем принялась выгружать провизию.

– *Таквена*, Ньяла, – поздоровалась Сесили с девочкой, снова восхитившись ее редкостной красотой. Сесили отвела глаза от ее лица и взглянула на живот, но он был плотно укутан складками красного шарфа, а потому трудно было определить на глаз, является ли бугорок на животе признаком того, что внутри нее сидит ребеночек, или это просто ткань сбилась в один комок. Но в любом случае бугорок был едва заметен. Хотя, с другой стороны, подумала Сесили, глядя на высоченную фигуру девушки, в этом теле явно больше места для нормального развития плода, чем это было в ее собственном теле едва выше пяти футов.

– Да, и вот еще что! Я принесла тебе подушку.

Ньяла непонимающе вскинула красиво изогнутую бровь.

– Я тебе покажу, для чего она. – Сесили положила подушку на землю рядом с собой и устроила на ней свою голову. – Это для сна. Попробуешь? – Она протянула подушку девочке, и та взяла ее с таким царственным видом, будто Сесили – служанка, обихаживающая свою королеву.

– А тут немного картошки и моркови. – Сесили взяла по очереди каждый овощ и продемонстрировала его Ньяле. Найгаси одобрительно кивнул головой и подошел к Сесили, чтобы забрать у нее овощи.

– Спроси у Ньялы, может, ей что надо? – попросила она Найгаси.

Он что-то быстро пробормотал на своем языке, но девочка лишь отрицательно покачала головой.

– Сегодня я привел сюда корову. – Найгаси жестом указал на спокойное животное, мирно жующее траву под деревом. Корова была привязана к стволу длинной веревкой. – Хорошо для ребенка, – добавил он.

– О да, очень хорошо, – согласилась с ним Сесили. – Сразу же дай мне знать, если вам двоим что-то понадобится. *Этаа сере*, – с трудом выговорила она слова, обозначающие на языке масаи «до свидания».

– *Этаа сере*, – откликнулась Ньяла тоненьким детским голоском, который никак не вязался с ее обликом взрослой женщины.

Сесили слабо улыбнулась и, слегка поклонившись двум представителям племени масаи на прощание, покинула поляну.

36

Весь следующий месяц Сесили какой-то непреодолимой силой тянуло к юной женщине, которая поселилась в лесу у нее под боком. И вот вместо того, чтобы гулять по полям и долам и любоваться живописными пейзажами раскинувшейся внизу долины, Сесили каждый день, как только спадала дневная жара, брала с собой Вульфи и отправлялась проведать свою юную соседку. Наступивший ноябрь неожиданно принес с собой сильнейшие ливни и дожди, Сесили даже стала волноваться за здоровье Ньялы, но у девушки было все хорошо, в ее крохотной хижине было сухо и тепло, так как Найгаси все предусмотрел заранее и соорудил шалаш на возвышенном месте, куда не подтекала вода.

В первое время Ньяла просто безмолвно стояла за спиной Найгаси и смотрела, как Сесили выгружала из сумки свои ежедневные дары. Куры, которых Билл в свое время выменял по бартеру у какого-то кикую, отменно неслись, и в доме было полно яиц.

Когда она принесла яйца Ньяле в самый первый раз, то увидела на ее лице гримасу откровенного отвращения: девочка наклонилась к Найгаси и что-то прошептала ему на ухо.

– Она говорит, что они выходят из зада птицы, – торжественно оповестил тот Сесили, а она с трудом удержалась от смеха.

– Ты ей скажи, что яйца очень полезны маленькому. Сейчас я вам покажу, что с ними можно сделать.

Сесили с хозяйским видом взяла сковородку, лежавшую возле костра, разбила два сырых яйца, перемешала их с небольшим количеством парного молока, еще теплого, только что из-под коровы, добавила немного соли и перца из бумажных пакетиков, которые специально прихватила с собой из дома.

– А сейчас попробуй, – предложила она Ньяле, когда омлет был готов. Но девочка лишь отрицательно качнула головой, тем самым выражая свое категорическое «нет».

– Смотри! – Поскольку Сесили не взяла с собой ни вилки, ни ложки, пришлось пустить в ход пальцы. Она отщипнула небольшой кусочек омлета и отправила его себе в рот. – Вкусно! *Сунат*.

Ньяла нерешительно глянула на Найгаси, тот подбадривающе кивнул, она подошла поближе и опустила свои длинные тонкие пальцы в сковородку. С мученической миной на лице, словно собиралась принять порцию яда, Ньяла отправила в рот немногостряпни, приготовленной Сесили.

– Ну, видишь? *Сунат!* – Сесили выразительно погладила себя по животу.

Ньяла взяла очередной кусочек, тогда Сесили с готовностью придвинула к ней всю сковородку, девочка опустилась на колени и с видимым удовольствием доела весь омлет.

С тех пор Сесили каждый день приносила Ньяле свежие яйца, ей даже показалось, что девочка стала смотреть на нее более доброжелательно. Жаль, конечно, что она не может общаться с ней как следует, уж тогда бы она точно поведала Ньяле, что, как никто другой, хорошо понимает ее беду. Сесили стала брать с собой небольшую

доску и мелки, на которой у себя на кухне она помечала, какие продукты у нее есть в наличии и что надо прикупить в магазине, когда она поедет в город.

– Няяла может писать? – спросила она у Найгаси, зажав в пальцах мелок и жестом показав, что это такое.

Он отрицательно покачал головой.

– Пожалуй, я могу ее научить. Ступай сюда. – Она поманила Няялу пальцем, чтобы та подошла к ней поближе. Потом она написала большими буквами на доске ее имя «Няяла» и нарисовала рядом звездочку. Показала девочке буквы, ткнула в них пальцем, потом ткнула пальцем в самую Няялу:

– Няяла – это ты.

После чего повторила всю процедуру, но уже со своим именем, поясняя происходящее бурной жестикуляцией. Кажется, девочка все поняла правильно.

– Няяла. – Она ткнула пальцем в себя. – Сесили. – Она показала на Сесили.

– Да, это я! – обрадованно захлопала в ладоши Сесили. Няяла тоже улыбнулась, обнажив в улыбке свои белоснежные зубы.

С тех пор так и повелось: Няяла съедала свою яичницу, после чего Сесили приступала к обучению – писала на доске самые употребительные слова типа «здравствуйте», потом сверялась с разговорником на языке масаи, попутно просила девочку показать ей, как надо правильно произносить то или иное слово на ее родном языке. Сесили методично повторяла слова на языке масаи, а Няяла тем временем смущенно пыталась произнести то или иное английское слово. Спустя несколько недель такого взаимного обучения Няяла не только была уже в состоянии построить простенькое предложение на английском, но и, как успела заметить Сесили, с большим нетерпением ожидала ее прихода. Сесили и сама не могла бы объяснить толком, почему и как, но она нутром чувствовала, что их взаимная симпатия с Няялой крепнет с каждым днем. Однажды утром она заметила, как Няяла сморщилась от боли и непроизвольно схватилась рукой за живот.

– Толкается, да? – спросила она у будущей матери и ногой показала движение. Няяла молча кивнула в ответ.

– Можно мне потрогать? – Сесили протянула руку к ее животу. Девочка взяла ее руку и приложила к нужному месту.

– О боже! – выдохнула Сесили, почувствовав толчок ножкой под темной кожей живота. Ей даже захотелось заплакать, одновременно и от радости, и от горя. – Крепенький младенец, он или она! – констатировала она с удовлетворением. – Сильный! – снова повторила она и, согнув руку так, чтобы напряглись мускулы, продемонстрировала ее Ньяле. И обе весело рассмеялись.

* * *

– Ты сегодня вся просто светишься от счастья, – обронил Билл в разговоре с женой за ужином. Его не было дома целых три недели, работы в военном ведомстве в Найроби было невпроворот, так что ни о каких увольнениях или отлучках не могло быть и речи. Но Сесили, обретя новую подругу в лице Ньялы, даже не заметила отсутствия мужа.

– Спасибо, – ответила она. – Мне действительно сейчас очень хорошо. Можно даже сказать, что я счастлива.

– Тогда ты, пожалуй, единственный человек в Кении, кто может сказать о себе такое. – Билл подавил тяжкий вздох. – Должен сообщить тебе, что в Найроби царит самое мрачное настроение, особенно сейчас, когда уже начались повсеместные затемнения и светомаскировка. Город кишмя кишит военными.

– Но воздушных налетов пока еще не было?

– В прошлом месяце бомбили только Малинди на побережье, но сейчас, когда Муссолини объявил о вступлении в войну, на территории Кении постоянно происходят стычки между войсками союзников и итальянской армией; все ждут их вторжения через границу с Абиссинией. По Найроби невозможно проехать – повсюду заграждения из мешков с песком.

– Ужасно! – встревоженно воскликнула Сесили, поставив на стол ужин и усевшись напротив Билла.

– Кстати, мне предложили принять на себя командование Африканским стрелковым батальоном.

Слова мужа заставили Сесили взглянуть на него внимательнее.

– Это означает, что ты тоже будешь принимать участие в военных действиях?

– Поначалу мне предстоит заняться комплектованием личного состава и попутно контролировать передвижение и размещение войск, но если начнутся боевые действия, то да, само собой, я буду рядом со своими людьми. В любом случае пока до этого еще не дошло, и я рад снова очутиться дома. Правда очень рад.

– Может, допьешь остатки джина? – предложила ему Сесили, неожиданно почувствовав себя виноватой в том, что в последнее время она почти не думала о Билле.

– Хорошая мысль! – одобрил Билл и поднялся из-за стола, чтобы взять бутылку. – Сегодня даже в старом добром клубе Мутаига не сыщешь спиртного, что называется, днем с огнем. А что уж тогда говорить об алкогольном довольствии военных? Думаю, пора тебе возобновить старую дружбу со своей крестной. – Билл натянуто улыбнулся, беря из рук Сесили стакан. – По-моему, ее винные погреба бездонны и никогда не пересохнут. Твое здоровье!

– И твое тоже! – откликнулась она.

– Итак, чем ты занималась все эти последние недели, пока меня не было?

– Конечно, садом и огородом. Главным образом садом и огородом. Никогда не думала, что морковь и капуста такие привередливые растения и требуют к себе столько внимания. А еще каждый день навещала Ньялу.

Билл бросил на жену удивленный взгляд.

– Правда? Ничего себе! И как она там?

– Пока у нее все хорошо. Должна сказать, она настоящая красавица, правда?

– О да. Вне всякого сомнения, она очень красивая.

– Я отношу ей свежие яйца, а еще понемножку обучаю ее английскому. А сама учусь говорить на языке масаи.

– Молодец! – сдержанно похвалил жену Билл. – Кто бы мог подумать...

– Подумать что?

– Что ты подружишься с девочкой из племени масаи.

– Не понимаю, почему это так тебя удивляет. Ведь ты же и сам провел полжизни среди этих людей.

– К сожалению, только полжизни. Но я тебя понял.

– Билл...

– Что?

– Ты... ты знаешь, чем закончится беременность Ньялы?

– Смею предположить, рождением ребенка.

– Я хочу сказать, а разве сама она этого хотела? – Сесили невольно покраснела от смущения.

– То есть тебя интересует, была ли у нее сердечная привязанность к отцу своего ребенка или он попросту изнасиловал ее?

– Да.

– Скажу тебе, опираясь на собственный опыт, что дочь вождя, да еще такая красавица, это самое настоящее сокровище, которое хорошо оберегают и стерегут. Так что смею предположить, что Ньяла сама в какой-то степени поспособствовала тому, чтобы... их любовное свидание все же состоялось.

– То есть она полюбила не того человека, кому предназначалась в жены?

– Наверное. Но кто знает наверняка? – Билл тяжело вздохнул. – К несчастью, судьба женщины масаи тяжела. Она очень редко решает что-то сама.

– Понимаю. И потому еще более восхищаюсь ее мужеством. Рядом с этой девочкой я чувствую себя такой защищенной и такой счастливой, – промолвила Сесили.

– Все правильно. Рядом с нами всегда есть люди, которые страдают больше нашего. А у меня к тебе предложение... Поскольку ты постепенно перестаешь чувствовать себя затворницей, то какмотришь, если на выходные я привезу к нам Джосса? После смерти своей жены Молли он наглухо заколотил двери своего загородного дома Джин-Палас на берегу озера. Не может заставить себя вернуться туда и снова начать налаживать жизнь в этом проклятом месте, а потому безвылазно торчит в своем бунгало в Найроби. Целиком ушел в работу, занимается разными военными делами, впрочем, как и все мы. Как ты понимаешь, он там задыхается без глотка свежего воздуха.

– Конечно, привози! Что за разговор? – немедленно согласилась с мужем Сесили. – Мы ведь не принимали гостей с тех самых пор... как въехали в этот дом.

– Все верно. Так что, несмотря на всю мою склонность к отшельнической жизни, пора это сделать. Кстати, в городе появилась новая супружеская пара, Джок Делвз Бротон и его молодая жена. Переехали в Найроби из Англии, спасаясь от войны. Хотя где от нее сегодня можно спастись? Только что климат в Кении получше, чем у нас на островах, – заметил Билл, слегка пожав при этом плечами. – Джосс предложил мне пригласить и их тоже. Диана ненамного старше тебя. Наверное, совсем неплохо будет познакомиться с кем-нибудь из числа своих сверстников.

– Хорошо, я не возражаю. Только тебе придется раздобыть где-нибудь мясо. В местной мясной лавке оно теперь бывает крайне редко.

– Но мы же можем зарезать одну из твоих курочек. Почему нет?

– Ни за что на свете! – воскликнула Сесили с ужасом. – У них же у каждой уже есть свое имя. К тому же они исправно несутся каждый день.

– Знаю-знаю! – Билл шутливо округлил глаза. – Хорошо, что-нибудь придумаем. Попрошу Найгаси помочь мне в этом деле. Итак, решено: на следующие выходные приглашаем в наш «Райский уголок» Джосса и чету Бротонов.

* * *

Несмотря на то что на следующее утро Сесили проснулась в холодном поту, досадуя на саму себя за то, что она так бездумно согласилась на приезд гостей, она тем не менее заметно оживилась, занявшись подготовкой к их приему. Собственно, с момента переезда в новый дом у них бывали только Кэтрин и Бобби, а все прочие домашние вечеринки, которые они раньше планировали устраивать у себя, были отложены после трагедии, случившейся с Сесили. И вот сейчас она самозабвенно наводила порядок в доме, вылизывала все до самых дальних уголков, во всех комнатах были расставлены вазы с букетами свежих цветов, которые отражались в отполированных до блеска поверхностях, – благо сад радовал своим цветочным изобилием. Сесили пригласила к себе и Кэтрин. Бобби не смог вырваться со службы, но это даже было к лучшему, поскольку сейчас число гостей-мужчин сравнялось с числом гостей-женщин, что, по

мнению матери Сесили, всегда очень важно помнить хозяйке, особенно когда речь идет о званом обеде или ужине.

Гости должны были приехать в пятницу. Сесили выудила из корзины, которые когда-то привезла ей Кики, последние бутылки с шампанским в надежде на то, что игристое поможет сделать атмосферу вечера более раскованной, и тут же поставила их в холодильник для охлаждения. За всеми своими домашними хлопотами она пару дней не навещала Ньялу, но сегодня, прихватив себе в компаньоны Вульфи, снова направилась в лес. Не успела она появиться на поляне, как девочка тотчас же вышла из своей хижины. Глянув на нее мельком, Сесили отметила, как заметно округлился ее живот, который она больше не драпировала шарфом. Сейчас на ней был кусок какой-то материи, повязанный наподобие юбки прямо под животом. Сесили инстинктивно почувствовала, что время родов уже совсем близко.

– *Сунаи*, Найгаси, – обронила Сесили, подходя ближе. – Ну, как она?

– Ребенок должен вот-вот появиться на свет, – ответил Найгаси, и они вместе направились к Ньяле.

– Она хорошо себя чувствует?

Найгаси утвердительно кивнул в ответ.

– А когда ты поедешь за ее матерью?

– Мать скоро приедет сюда.

– Здравствуй, Сесили, – приветливо улыбнулась девочка, когда они подошли к ней. Потом повернулась к Найгаси и царственным жестом руки приказала ему удалиться: ни дать ни взять, истинная королева, милостиво отпускающая своего слугу. Найгаси молча кивнул и покинул поляну, скрывшись между деревьями.

– Ну, как ты тут? – спросила у нее Сесили.

Ньяла обхватила руками свой живот и выразительно сверкнула глазами в ответ.

– Понимаю. – Сесили слегка коснулась рукой ее лба и почувствовала легкую испарину, выступившую на коже.

Девочка направилась к краю поляны, знаком велев Сесили следовать за ней туда, где сплелись густые кроны деревьев. Остановившись возле одного из деревьев, Ньяла развернулась лицом к

Сесили и схватила ее за обе руки. Ее глаза внезапно наполнились страхом.

– Ты... – начала она прерывающимся голосом. – Помоги. – Она отпустила руки Сесили и показала на свой живот, а потом сделала руками движение, напоминающее то, как убаюкивают младенца в люльке.

– Помочь? Помочь во время родов? – Сесили повторила своими руками убаюкивающее движение.

– Нет! Помоги младенцу! Пожалуйста, Сесили!

И тут за спиной Ньялы, словно тень, возникла фигура Найгаси. Он обратился к ней на своем языке, жестом показав, что ей следует вернуться на поляну.

– А вы сейчас отправляйтесь к себе домой, – твердо сказал он Сесили.

Ньяла повернулась к ней, и в ее глазах Сесили прочитала все то, что она не могла сказать ей.

– Пожалуйста, помоги ребенку, – проартикулировала она одними губами, когда Найгаси повел ее прочь.

* * *

Сесили весь день размышляла над словами Ньялы, пытаясь вникнуть в их скрытый смысл; во второй половине дня, ближе к вечеру, приехал Билл.

– Дом выглядит великолепно, дорогая, как и ты сама, – похвалил он жену, когда она вышла из спальни в своем нарядном зеленом платье, намереваясь сделать последние приготовления к ужину. – Мне нравится нынешняя длина твоих волос. – Он взял одну кудряшку, упавшую на плечо, и накрутил ее на палец.

– Волосы отросли только потому, что больше я никому здесь не доверяю стрижку.

– А мне так нравится. Пожалуй, тебе стоит почаще носить их так, распущенными. Хорошо! Я сейчас в ванную. Совершу редкое омовение. В клубе Мутаига сейчас введено самое жесткое нормирование воды. А нас там, в клубе, как селедок в банке: живем по

двое в каждой комнате, а ты же помнишь, какие там крохотные каморки, – бросил он, повернувшись, чтобы поспешить в ванную.

– Послушай, Билл.

– Да?

– Я сегодня видела Ньялу. Она чем-то очень расстроена... даже напугана. Из того, что она пыталась сказать мне, я поняла, что она хочет, чтобы я помогла ей во время родов. Я пояснила ей, что скоро приедет ее мать, но, по-моему, она меня не поняла. У нее уже подходят сроки. Спроси у Найгаси, скоро ли к ней приедет мать, ладно? Я не вынесу, если с ней что-то... – Сесили запнулась от переизбытка охвативших ее чувств, – что-то случится.

– Конечно, обязательно спрошу. Ньяла знает, ее мать появится, когда наступит время родов. Скорее всего, ты ее не так поняла.

– Возможно, ты прав.

Билл закрыл за собой дверь ванной комнаты, и вскоре послышался звук льющейся воды, а Сесили, вспомнив полные страха глаза Ньялы, подумала, что все она поняла правильно.

* * *

Гости появились в их доме с опозданием на целый час. Джосс Эрролл, несмотря на уставший вид, был так же неотразим и красив, как и всегда, а Джок или, если официально, сэр Генри Джон Бротон, оказался высоким пожилым англичанином с редующими седыми волосами и весьма объемным животом.

– Пожалуйста, называйте меня просто Джок, дорогая моя. А это моя жена Диана. Как хорошо, милая, что наконец-то у тебя появилась приятельница твоего возраста, с которой всегда можно пообщаться, верно? В Найроби Диана живет исключительно в окружении восьмидесятилетних старух и стариков. – Джок коротко рассмеялся.

– Думаю, Сесили согласится со мной, что здесь не так-то много женщин младше тридцати. Я права, Сесили? – подала голос его жена.

– О да, действительно немного, – улыбнулась в ответ Сесили, не в силах оторвать глаз от эффектной блондинки, стоявшей перед ней. Диана Делвз Бротон принадлежала к той категории женщин, которых в обиходе называют «милашками». Оставалось только недоумевать, что

заставило эту красивую молодую женщину связать свою жизнь с человеком, который годится ей в отцы, если вообще не в дедушки.

– Как у вас тут мило! – воскликнула Диана, когда гости зашли в гостиную, где Кэтрин уже хлопотала, откупоривая бутылки с шампанским. – А мы в настоящее время обитаем в клубе Мутаига.

– Но ты же знаешь, дорогая, это временное пристанище. Буквально через несколько дней мы переедем на виллу в Карене, – напомнил ей муж.

– Ну да! Отвратительный грязный дом на окраине Найроби, – недовольно буркнула Диана.

– Диана, позвольте познакомить вас с моей лучшей подругой и соседкой Кэтрин Синклер, – быстро разрядила ситуацию Сесили.

– Очень рада! Теперь я понимаю, где обитают все самые молодые и красивые женщины Кении. – Диана повернулась к мужу: – Почему бы нам, дорогой, тоже не построить дом здесь, по соседству? Тогда у меня всегда была бы приятная компания.

– Всем шампанского? – предложила гостям Кэтрин, разливая вино по фужерам.

– С удовольствием, – отозвался Джок, с улыбкой глянув на собравшихся. – Вот такую Кению я люблю! Именно такой я и знал ее когда-то. Ваше здоровье, леди и джентльмены!

– Будьте здоровы! – хором откликнулись все остальные.

– Добро пожаловать в Долину Счастья, Диана, – добавил Джосс, окинув плотоядным взглядом свою очередную белокурую жертву.

– Спасибо, Джосс! – поблагодарила его Диана, не выказав ни капли смущения под его чересчур откровенным взглядом.

Однако даже Сесили была вынуждена признать позднее, что вечер удался на славу во многом именно благодаря Диане. После ужина Диана поинтересовалась у Сесили, имеется ли в доме патефон.

– Да, конечно. Мама вместе с патефоном переслала нам из Америки несколько пластинок с самыми новыми записями.

– О, как здорово! Так давайте же немедленно их прослушаем! Те, которые крутят в клубе Мутаига, воспроизводят мелодии двадцатых годов. Они уже давным-давно вышли из моды! – особо насмешливо подчеркнула Диана.

Сесили вынесла патефон из дома на веранду, мужчины сдвинули к стене стол и стулья, высвобождая место для танцев.

– Танцевать под звездами, что может быть романтичнее? Правда, Сесили? – мечтательно бросила Диана, застыв в объятиях мужа. Зазвучала мелодия Гленна Миллера «Лунная серенада».

– Потанцуем, Диана? – предложил Джосс, протягивая руку Диане.

– Если вы так настаиваете, – кокетливо ответила она, улыбаясь, и высвободила себя из рук мужа.

– Не откажите мне в удовольствии, Сесили, – предложил Джок.

Поскольку выбора у Сесили не было, пришлось ответить согласием. Глядя через плечо своего партнера, она увидела, что Билл пригласил Кэтрин и они медленно заскользили в танце, однако все ее внимание было обращено на другую пару – Диану и Джосса, намеренно уединившихся в самом темном углу веранды. Джок засыпал Сесили многочисленными и предельно вежливыми вопросами, на которые она послушно отвечала. Но вот пластинка закончилась, и Сесили, сославшись на то, что надо поставить новую, оставила своего партнера.

– Пожалуйста, поставь что-нибудь бодренькое, – шепотом обратилась к ней Кэтрин и стала просматривать пластинки. – О! Каунт Бейси! Самое то!

Однако Диана и Джосс продолжали медленно кружить в объятиях друг друга под бравурную мелодию песенки «Лестер впрыгивает», а Сесили и Кэтрин, взявшись за руки, принялись с веселым смехом скакать по всей веранде. Билл и Джок уселись за стол и о чем-то беседовали друг с другом, причем Джок делал вид, что совершенно не замечает вызывающего поведения своей жены.

– Бобби говорит, что в клубе Мутаига уже поползли слухи об этой парочке, – прошептала Кэтрин подруге, изрядно вспотев после их энергичных прыжков; они обе уселись прямо на ступеньках крыльца.

– Девочки, поставьте, пожалуйста, новую пластинку, – попросил их Джосс. – У вас есть «Голубые орхидеи»?

– Сейчас посмотрю, – сказала Кэтрин, поднимаясь с крыльца. – А ты посиди, Сесили. Ты и так весь вечер на ногах.

– Все верно, – поддержал ее Билл, подходя к жене вместе с Джоком.

– Чудесный вечер, однако я уже изрядно нагружился, – пошутил тот. – Думаю, мне лучше отправиться в постель. Билл пообещал

организовать для нас завтра охоту вместе со своими парнями масаи. Доброй ночи, моя дорогая.

Они с мужем молча проводили взглядами Джока, который весьма неуверенной походкой направился в дом под зажигательные ритмы очередной мелодии Гленна Миллера.

Билл протянул руку жене:

– Потанцуй со мной.

– Я... ладно! – согласилась Сесили и, взяв руку мужа, позволила ему поднять себя со ступенек крыльца. Когда Билл обвил ее руками за талию, Сесили мгновенно пронзила искра желания, вспыхнула и тут же погасла. Сесили ведь прекрасно знала, что не интересуется Билла как женщина. А потому она с большим удовольствием принялась наблюдать за парой, которая, судя по всему, испытывала друг к другу *несомненный* интерес. Об этом можно было легко догадаться, глядя на то, как ритмично и в унисон двигаются их тела и как призывно смотрит Диана в глаза Джоссу.

– А из них получилась бы красивая пара, правда? – заметил Билл, слегка понизив голос.

– Очень красивая. Жаль, что Диана уже замужем.

– Ну, подобные мелочи Джосса никогда ранее не останавливали. Я очень люблю его, честно, но его отношения с женщинами... – Билл подавил тяжелый вздох. – Впрочем, это его дела. Должен сказать, ты сегодня – само очарование, Сесили.

– Неужели? Спасибо.

Пластинка замолчала. Билл отпустил жену.

– А сейчас мне надо отвезти Кэтрин домой, как я и обещал. На твоём месте я бы тоже отправился в постель. Пусть эти двое развлекаются в своё удовольствие, – тихо обронил он, кивнув на Диану и Джосса, после чего поцеловал жену в лоб. – До завтра, дорогая.

* * *

На следующее утро Сесили разбудил Билл. Он уже был одет в рубашку и брюки цвета хаки.

– Сколько сейчас времени? – сонным голосом спросила у него Сесили.

– Начало седьмого. Пора вставать и радоваться наступлению нового дня. Отбываем на охоту.

– И мне тоже? Ты же знаешь, охота – это не моя стихия. Ненавижу смотреть, как погибают такие красивые животные.

– Сесили, я был бы тебе крайне признателен, если бы ты поехала вместе с нами. Ты же видела вчера вечером, что творилось между Джоссом и Дианой. Ты мне нужна там, чтобы отвлекать внимание.

– Чье внимание? Дианы? Джока? Или уж скорее Джосса? – проговорила она громко, выбираясь из постели.

– Всех троих, если такое возможно. Диана вышла замуж за Джока менее месяца тому назад. Даже для Джосса такое поведение верх наглости.

– Но, по-моему, Диана ничуть не возражает и с готовностью принимает все знаки внимания, так что едва ли стоит винить во всем одного только Джосса. К тому же она достаточно красива, ты не находишь?

– В ней есть что-то соблазнительное, да, но глаза у нее холодные, и эти ярко накрашенные губы... Все это смотрится довольно вульгарно.

– Неужели? – деланно удивилась Сесили, в глубине души довольная оценкой мужа.

– То, что сейчас происходит на наших глазах, вполне очевидно, верно? – продолжил Билл. – Молодая женщина по собственному желанию выходит замуж за такого мужчину, как Джок. Очень смахивает на типичную авантюру или на попытку напасть на золотую жилу. Возможно, Джок и зануда, но уж он никак не заслуживает того, чтобы молодая жена третировала его подобным образом. Теперь-то я понимаю, почему Джосс так горячо настаивал на том, чтобы я пригласил к нам в гости и его «новых друзей». Точнее, очередную подругу! Ладно! Найгаси сейчас укладывает все необходимое для охоты в мой пикап. Как только вы с Дианой будете готовы, сразу же отправляемся в путь. Жду тебя на улице.

– Хорошо. – Сесили направилась в гардеробную, чтобы взять там свои ботинки для сафари, размышляя по дороге над тем, что, к ее немалому удивлению, муж не попал под чары красавицы Дианы. Или, может, он нарочито выказывал свое неприятие?

Когда Найгаси со своим напарником загрузили ружья и все необходимые припасы в машину, Сесили оказалась буквально втиснутой на заднем сиденье пикапа рядом с Джоссом и Дианой, в то время как Джок уселся на переднее сиденье рядом с Биллом. Сесили сразу же уставилась в сторону, разглядывая мелькающие пейзажи, стараясь тактично не смотреть на то, как Джосс оглаживает рукой бедро Дианы, постепенно продвигаясь все ниже и ниже. А когда он стал откровенно тыкаться носом в ее шею, Сесили даже испугалась, что Джок может в любой момент повернуться к ним и воочию увидеть все эти откровенно непристойные заигрывания.

Когда они прибыли на заранее заготовленное место, Найгаси со своим напарником принялись разбивать лагерь.

– Это ничего, что Ньяла осталась одна? – Сесили подошла напрямиком к Найгаси.

– Вчера вечером прибыла мать Ньялы. С ней все в порядке. Осталась чисто женская работа, – ответил Найгаси, извлекая из багажника складные стулья, стол и корзины с провизией.

– Какое мне больше подходит? – спросила Диана, возникнув рядом с ними и беря в руки ружье. – Наверное, вот это, да? – Она приложила ружье к своему худенькому плечу. – Да, это отлично подходит! А вы любите охоту, Сесили?

– Если честно, то не люблю. Однажды меня едва не сожрал лев, это случилось на моем самом первом сафари, но тогда Билл спас меня.

– Как это романтично! Боже, как романтично! Я уже успела побывать на паре сафари после нашего приезда сюда, и мне тоже однажды пришлось спасать дорогого старину Джока из пасти льва. Правда ведь, дорогой? – Она звонко рассмеялась. – Будем надеяться, что и сегодня у нас будет удачная охота.

Сесили была счастлива остаться в лагере, устроившись на складном стуле в тенике под деревом под бдительным оком напарника Найгаси, который остался охранять лагерь. А сам Найгаси повел всю команду в буш. Сесили увидела змею, которая неслышно скользнула всего лишь в нескольких ярдах от нее, и тут же поджала ноги под себя, глядя, как сосредоточенно змея продолжает свой путь. Сесили невольно подумала, что, случись такое еще год тому назад, она бы дико вскрикнула от страха при виде змеи. Но змея отнеслась совершенно безучастно к ее присутствию, а Сесили лишь удивилась

тому, как сильно минувший год изменил ее саму. Змеи в здешних местах – явление самое заурядное, к тому же Билл и Кэтрин научили ее, как отличать ядовитых змей от неядовитых.

Сесили глянула на обширные просторы, раскинувшиеся перед ней, увенчанные таким же необъятным куполом неба, сливавшегося на самом горизонте с кромкой равнины. Вот вдалеке промчалось стадо каких-то диких животных, они пронеслись вскачь и тут же исчезли из виду. Обильные дожди оживили окружающую природу, вокруг, куда ни кинь взгляд, густая сочная зелень, все водоемы буквально кишмя кишат всякой живностью, мучимой жаждой после долгих недель засухи.

– И все это вокруг – мой дом, – проговорила она вслух в некотором изумлении. – Я живу в Африке. Кто бы мог подумать?

Впервые Сесили столь полно и всеми фибрами души вобрала в себя всю величавую красоту окружающей ее природы и в этот момент почувствовала, что она наконец снова ожила и готова к возвращению в нормальную жизнь.

Гости вернулись с охоты только к позднему обеду, как всегда, с шампанским, закусывали свежим мясом антилопы, которое Найгаси искусно приготовил на вертеле.

– Ну, как прошла охота? – вежливо поинтересовалась у них Сесили, хотя, судя по трофеям – туше зебры и нескольким антилопам или газелям Томсона, и так было ясно, что сафари оказалось более чем успешным.

– Отличный день сегодня выдался для охоты, – сказал Билл, и в этот момент они услышали гул самолета, пролетевшего прямо над ними. – Наверное, самолет-разведчик возвращается из приграничных районов, где проводил аэрофотосъемку, – добавил Билл, глянув в небо. – Лишний раз напомнил нам, что война идет полным ходом.

– А как по мне, так уж лучше торчать в этой глуши, чем метаться под бомбами, которыми сейчас засыпают нашу старушку Англию, – откликнулся Джок, облизывая губы, с которых обильно стекал мясной сок. – Вряд ли у нас что-то еще получится сегодня. Эти парни распугали нам всю дичь. Кстати, а куда Диана с Джоссом запропастились?

– Пошли в разведку, на поиски слонов, – поспешно ответил Билл. – Найгаси сказал, что вчера видел поблизости стадо слонов.

– Надеюсь, они не собираются охотиться на них, чтобы заполучить себе слоновую кость? – обратилась Сесили к мужу.

– Никакой охоты! Диана просто хочет взглянуть на живого слона. Она их еще никогда не видела.

– Да, они сказочно красивые животные. Есть на что полюбоваться, – согласилась она с Биллом и тут заметила легкое шевеление в кустах.

Из кустов появились Диана и Джосс и направились к ним, демонстративно держась за руки и весело смеясь.

– Ну что? Удалось тебе выследить слона, дорогая? – поинтересовался у жены Джок, когда Диана с Джоссом присоединились к остальной компании.

– К сожалению, нет, – ответила Диана. – А не пора ли нам возвращаться на ранчо? Вряд ли нас сегодня ждут здесь еще какие-нибудь развлечения. Я права?

Сесили увидела, как Диана подмигнула Джоссу и принялась торопливо застегивать расстегнутые пуговицы на рубашке.

По возвращении на ферму Диана объявила, что хочет немедленно вернуться в город, поскольку сегодня в клубе Мутаига будут танцы.

– Там субботними вечерами всегда очень весело, – пояснила она. – Особенно сейчас, когда в городе полно военных.

– Лично я полностью вымотан после охоты, – сказал Джок. – Что, если ты вернешься в город без меня, вместе с Джоссом? А завтра увидимся в клубе.

– Ах, милый, как это великодушно с твоей стороны! – воскликнула Диана, не скрывая своего ликования, и запечатлела нежный поцелуй на краснощекой физиономии мужа. – Если только ради меня, то ты можешь не торопиться в Найроби. Слышишь? Уверена, меня никто не съест в городе. Там же нет диких зверей. – Она весело рассмеялась и повернулась к Сесили: – Могу я позаимствовать у вас зеркало, Сесили? Хочу привести себя в божеский вид перед отъездом.

– Конечно, – ответила Сесили и повела ее по коридору к себе в комнату. – Можете воспользоваться тем, что у меня в спальне. Я собиралась купить зеркала и во все остальные спальни, но пока просто руки не дошли. Да и гости у нас бывают крайне редко.

– Да, я в курсе. Билл рассказал мне, что вы потеряли в прошлом году ребеночка. Ужасно! Я вам очень-очень сочувствую, дорогая моя. О, как здесь мило! – воскликнула Диана, окидывая взглядом спальню. – У вас отменный вкус, Сесили. В отличие от Джока. Та вилла в Карене, она напоминает мне мавзолей времен королевы Виктории. Я просто страшусь переезжать туда! Там же все выдержано в мрачных коричневых тонах. Ненавижу коричневое! И всегда ненавидела... А вы? – Диана уселась за туалетный столик и открыла свою косметичку, с которой приехала сюда. – Ваш Билл – просто прелесть. И обожает вас до потери пульса. Это же видно невооруженным глазом.

– О, мне кажется, вы немного преувеличиваете. То есть я...

– Да говорю же вам, у него все это на лице написано. Да, вне всякого сомнения, у вас счастливый брак. В отличие от меня и моего дорогого Джока. Мы с ним еще не провели ни единой ночи в одной кровати, и сильно сомневаюсь, что такое случится в обозримом будущем. – Диана издала короткий смешок и принялась расчесывать свои белокурые волосы, а потом скрепила их на затылке двумя бриллиантовыми заколками. – А вы часто бываете в Найроби?

– Очень редко.

– И зря! Я поначалу тоже сильно сомневалась, но, как оказалось, жизнь в Найроби намного веселее и разнообразнее, чем в Лондоне. Здесь она, несмотря на продолжающуюся войну, бьет ключом. Я и сама кручусь тут как белка в колесе, – добавила она, накрасив ярко-алой помадой свои пухлые губы. – Вам непременно нужно будет приехать на неделю скачек, которая пройдет сразу же после Рождества. По словам Джосса, это что-то! Самое знаковое событие года. Так вы не будете возражать, если Джок задержится у вас еще на одну ночь? Дорога в Найроби обещает быть довольно изнурительной, а он, по моему, совсем выбился из сил после утренней охоты.

Обильно опрыснув духами свою шею и декольте, Диана поднялась со стула.

– Ну, вот! Волосы и лицо в порядке, сейчас только переоденусь в свой дорожный костюм. Там ведь кругом такая пылица, ужас! – Она бросила на себя последний взгляд в зеркало. – Огромное вам спасибо за все! Вчерашний ужин был изумителен. Надеюсь, мы скоро встретимся снова. – Диана расцеловала Сесили в обе щеки и вышла из

спальни, благоухая ароматом своих духов, который тянулся за ней стойким шлейфом.

Сесили уселась на постель и задумчиво покачала головой. Да уж! Молодая леди Делвз Бротон явно совсем не тянет на леди. На настоящую английскую леди.

Приготовив ужин на троих, Сесили, сославшись на усталость, сразу же после трапезы направилась к себе, оставив Билла и Джока еще немного поболтать о том о сем. Лежа в кровати, она попыталась сконцентрироваться на чтении, но ей никак не давали покоя слова Дианы о том, что всем яснее ясного: Билл сходит с ума по жене. Наверное, Диана сказала так из чистой любезности, решила Сесили в конце концов. Ведь сама-то она абсолютно уверена в том, что Билл не воспринимает ее как женщину. И никогда не воспринимал.

* * *

Билл и Джок уехали в Найроби на следующий день, сразу же после обеда. Несмотря на то что Джок показался Сесили занудой, к тому же весьма высокомерным и даже временами заносчивым, в глубине души она ему все равно сочувствовала.

– Когда вернешься? – спросила она у Билла, вручая ему стопку чистой армейской униформы.

– Сам не знаю. Но я обязательно поставлю тебя в известность, когда смогу снова вырваться сюда. И вот что еще, дорогая! Пора тебе наконец обзавестись помощницей. – Он указал на выстиранные вещи. – Ты ведь трудилась, как раб на галерах, все выходные. Так больше не может продолжаться.

– Хорошо, я подумаю, – согласилась она, едва улыбнувшись.

– А гости в доме – это ведь не так уж и плохо. Как считаешь?

– Совсем даже неплохо.

– Хорошо. Береги себя, ладно?

– И ты себя тоже, – обронила Сесили, пока Билл церемонно целовал ее в обе щеки. Она вышла вслед за мужчинами на веранду и увидела, что Найгаси уже восседает в пикапе на своем привычном месте рядом с багажником. Коль скоро он отправляется в Найроби

вместе с Биллом, мелькнуло у нее, значит, мать Ньялы все еще здесь, в лесу, присматривает за своей дочерью.

Сесили грустно помахала мужчинам вслед и подумала, что все же ей *было приятно* играть роль хозяйки дома и принимать у себя гостей. А еще приятнее было слышать, как они все восхищались их домом. Да, минувшие выходные внесли в ее жизнь приятное разнообразие, зато предстоящая неделя представлялась одним сплошным пустым пятном. Ну вот, сейчас она окончательно рассиропится и станет жалеть себя, вовремя спохватилась Сесили и поспешила на кухню, где ее ждали горы немытой посуды.

Понадобилась пара дней, чтобы Сесили наконец собралась с духом и во вторник утром направилась в лес проведать Ньялу. Она и понятия не имела о том, какие ритуалы соблюдают масаи во время родов, не знала она и того, родила Ньяла или еще нет, но какое-то внутренне чутье подсказывало Сесили, что сейчас ей лучше держаться подальше от роженицы. Возможно, ею двигал самый обыкновенный страх, и она боялась, что, очутившись на стоянке, узнает, что с Ньялой случилось что-то нехорошее, нечто подобное, что произошло и с ней самой. Однако природное любопытство, помноженное на самое искренне переживание за судьбу девушки, взяли в конце концов верх, и Сесили, прихватив с собой Вульфи, отправилась в лес.

Стоял красивый солнечный день начала декабря, после вчерашнего грозового дождя в воздухе пахло свежестью и веяло живительной прохладой. Сесили даже поймала себя на том, что тихонько напевает мелодию «Голубых орхидей», а потом вдруг подумала, что Билл, конечно же, прав. Ей давно пора обзавестись помощницей по дому, особенно если вспомнить, что Рождество уже не за горами. Позвонила мама из Нью-Йорка, сообщила, что отправила посылку с рождественскими подарками. Целая куча всевозможных подарков, однако же война внесла свои коррективы и в работу почтовых служб. Сесили понимала, что не скоро получит мамину посылку, и уж точно не к Рождеству. И тем не менее Сесили с нетерпением ожидала наступления праздников, даже подумала, что, быть может, стоит присоединиться к Биллу и вместе с ним отправиться

в Найроби на скачки, которые должны будут состояться на рождественской неделе.

– А тебе точно стало лучше, – сказала она себе, выходя на поляну, и тотчас же замерла в недоумении. В самый первый момент Сесили даже решила, что это Вульфи виноват, вывел ее не на ту поляну, пока она предавалась мечтам о предстоящих скачках. Потому как поляна была пуста, и никого вокруг. Никаких следов, что еще недавно здесь, на этом самом месте, стоял шалаш, было разбито кострище, разве что валявшиеся чуть поодаль куски глины да какие-то зерна, которые развеял ветер из костра, указывали на то, что поляна та самая и Вульфи не ошибся.

– Вот так номер! – воскликнула Сесили, окинув поляну изумленным взглядом. – Могли бы хоть сообщить нам, что уходят. Правда, Вульфи? Как нехорошо! – Она вздохнула. – А мне так хотелось увидеть младенца, попрощаться по-людски... Что ж, раз так, значит, так. Пошли домой, Вульфи.

Но пес и не подумал слушать свою хозяйку; он проворно пересек поляну и исчез в лесу.

– Вульфи! Немедленно вернись!

Однако пес продолжал бежать, мелькая между деревьями, пока совсем не исчез из виду. Сесили повернулась, чтобы идти домой, зная, что Вульфи обязательно догонит ее, но внезапно она услышала его громкий лай, доносившийся откуда-то из глубины леса.

– Противный пес! – разозлилась она и пошла на лай. – Вульфи! Ко мне!

Но пес лишь залаял еще громче, и Сесили не оставалось иного выбора, как тоже углубиться в лесную чащу. Густой, можно сказать, непроходимый лес обступил поляну со всех сторон. Сесили буквально прорывалась сквозь заросли куманики, ветки которой больно царапали голые ноги.

Наконец Сесили увидела спину Вульфи: он уткнулся носом глубоко в заросли. Она подошла поближе, чтобы понять, что его там так заинтересовало.

– Ну, и что ты здесь отыскал, пронира? Наверное, какую-то старую, завалящую косточку, не иначе? Ну-ка, отступи в сторону, дай мне взглянуть.

Сесили оттащила пса и полезла в заросли сама, ветки больно хлестали по рукам и по лицу. Но все, что она смогла разглядеть, это куча старых, засохших листьев на земле. Она осторожно откинула немного листьев сверху, чтобы посмотреть, что под ними, и внезапно ее пальцы нащупали что-то теплое.

– Ой! – испуганно вскрикнула она, быстро отдернула руку и отпрянула назад, при этом прядь ее волос даже зацепилась за одну из веток.

Наверное, какое-то животное, мелькнуло у Сесили, но коль скоро оно теплое, значит, еще живо. Отцепив волосы от дерева, она отломала ветку у себя за спиной и с замиранием сердца принялась орудовать ею, осторожно сдвигая листья в сторону. Вскоре она увидела небольшой кусочек коричневой кожи.

А следом послышался слабый писк: так обычно мяукают новорожденные котята. Сесили продолжила разгребать листья и вздрогнула, увидев крохотную ножку, показавшуюся среди листвы.

Комок подступил к горлу, ибо до Сесили внезапно дошло, что за существо лежит в могилке из кучи листьев. И почему Вульфи так отчаянно лаял.

– О боже всемилостивый! – только и произнесла Сесили.

Она опустилась на колени и уже руками принялась разгребать оставшиеся листья. Внизу лежала крохотная новорожденная девочка, совершенное по своему внешнему виду создание. Глазки младенца были закрыты, но на то, что девочка еще жива, указывали ее розовые губки, похожие на два нежных лепестка. Вот ее ротик сложился в букву «о», и она сделала произвольное сосательное движение.

Не в силах уразуметь всего, что могло здесь случиться и что предшествовало тому, что она только что увидела, Сесили схватила младенца на руки. Тельце ребенка было все в грязи и покрыто пылью, из грубо оборванной пуповины сочился желтоватый гной, сквозь кожу проступали хрупкие ребрышки, животик неестественно вздут, а маленькие ножки делали девочку похожей на большую лягушку.

– Однако она жива, – прошептала Сесили едва слышно. – Ах, Вульфи! – Глаза ее тотчас же наполнились слезами. – Ведь ты только что спас человеческую жизнь. Пошли домой! Надо поскорее отнести эту кроху к нам в дом.

Всю дорогу младенец, которого Сесили несла на руках, даже не пошевелился, дыхание девочки было таким слабым, что Сесили с трудом улавливала его. Придя домой, Сесили разложила на кухонном полу одеяло и завернула в него девочку, Вульфи немедленно устроился рядом охранять ее.

– Лежи здесь, но только не двигайся, ладно? – предупредила пса Сесили, а сама ринулась в сарай, который они с Биллом использовали как подсобку для хранения всяких ненужных вещей. Туда Билл заблаговременно, еще до возвращения жены из больницы, отнес все то приданое, которое она приготовила своему будущему ребеночку. Некоторые вещицы так и лежали в тех же самых коробках, в которые она их когда-то сложила. Она стала перебирать весь хлам, пытаясь отыскать в нем бутылочки для кормления и подгузники, которые она когда-то мастерила из махровой ткани. Схватила также шаль, которую, помнится, вязала в течение нескольких недель, и со всем этим богатством заторопилась назад в дом. За всем остальным, решила Сесили, она вернется попозже. А сейчас младенцу нужно срочно дать молока.

– Одному лишь Богу известно, сколько эта кроха пролежала в лесу, – обратилась она, слегка запыхавшись, к Вульфи, который продолжал исправно нести свою службу, не сдвинувшись ни на йоту с того места, которое занял изначально, и поглядывая на малышку своими печальными глазами. – Будем надеяться, что еще не поздно. – Она достала из холодильника кувшин с молоком, подогрела немного в кастрюльке, вымыла бутылочку и соску горячей водой, а потом перелила молоко в бутылочку.

– Иди же ко мне, – обратилась Сесили к девочке, предварительно закутав в шаль ее тщедушное тельце, взяла на руки и устроила на одной руке, потом осторожно ввела в ротик соску и слегка пошевелила ею, наклоняя в разные стороны.

– Ну, же, детка! Соси! Ради меня... прошу тебя! – начала Сесили уговаривать младенца. – Тебе сразу станет лучше.

Но девочка и не подумала сосать, и тут Сесили вспомнила совет, который она вычитала в одной из книг для молодых матерей.

«Если младенец не реагирует на соску, капните несколько капель молока прямо ему на губки».

Так она и сделала, и затаилась в ожидании ответной реакции. И наконец увидела слабое, едва заметное сосательное движение и быстро снова вставила соску в ротик.

– Вот и хорошо! Вот и прекрасно! – выдохнула Сесили с облегчением.

Поначалу девочка сосала очень слабо; такое впечатление, что большая часть молока выливалась из ее ротика обратно, наружу, но вот сосательные движения стали увереннее, и Сесили даже увидела, как девочка глотает и как движется молоко по ее горлышку.

– Слава богу! – громко всхлипнула Сесили, и в этот момент младенец отрыгнул почти все молоко, которое только что высосал.

Сесили схватила со стола салфетку и поспешно промокнула себя и девочку, стараясь не оставить нигде следов отрыжки. А малышка между тем издала короткий мяукающий звук, такая трогательная попытка заплакать по-настоящему.

– Но что-то же попало ей в животик, не все же она отлила обратно, как думаешь? – спросила Сесили своего верного Вульфи.

И в подтверждение этому через пару минут из заднего прохода вылилась такая струйка зеленоватой жидкости, похожей на деготь.

– Вот! Значит, твоя пищеварительная система в норме. Все работает как надо. Бог его знает, сколько ты там пролежала в этой куче листьев, бедняжка ты моя, пока Вульфи тебя не обнаружил.

Постепенно, устав от собственных усилий, малышка, так и не открыв глаз, выпустила соску изо рта и выдохнула.

– Хочешь спать, да? – прошептала Сесили, наклонившись к девочке пониже, чтобы расслышать ее дыхание. Она увидела, как мерно вздымается и опускается ее грудка: девочка уснула. А Сесили сидела, раздираемая самыми противоречивыми чувствами. Она понимала, что должна немедленно позвонить доктору Бойлю, чтобы тот приехал и осмотрел младенца. Сколько она там пролежала в лесу, никто не знает, но в любом случае это могло привести к обезвоживанию организма или вызвать какие-то другие патологии, о существовании которых Сесили даже не подозревает. Там, где она нашла младенца, была густая тень и довольно прохладно... Сесили пощупала рукой крохотный лобик. Вроде жара нет, и тельце у девочки не горячее и не холодное...

– Судя по цвету ее фекалий, ей не более чем несколько часов от роду... К тому же, – добавила Сесили, разговаривая уже сама с собой и глядя на спящего ребенка, – доктор Бойль, вне всякого сомнения, увезет тебя с собой, чтобы определить в какой-нибудь сиротский приют, одно из тех ужасных заведений, для которых моя мама постоянно занята сбором благотворительных средств.

Должно быть, Сесили и сама задремала, устав от всех тех треволнений, которые так неожиданно на нее обрушились, потому что, когда она проснулась, за окнами уже сгущались сумерки, а девочка жалобно пищала у нее на руках.

– Тише! Тише! Сейчас дам тебе еще немного молока.

Когда малышка кончила сосать, Сесили отняла бутылочку и увидела, что девочка высосала добрую унцию молока и, главное, ничего не отрыгнула.

– Вот и замечательно! А сейчас прости меня, девочка моя, но нам надо привести тебя в порядок и как следует вымыть. Сейчас я положу тебя прямо в раковину и займусь делом.

Вооружившись чистой мягкой тряпочкой и куском мыла, Сесили принялась за работу и к концу процедуры омовения промокла вся насквозь, но отмыла малышку и счистила с нее всю грязь. Пришлось удалять с кожи девочки какой-то странный налет, похожий на слой воска, потом, вспомнив все, что читала когда-то в книгах по уходу за младенцами, Сесили постаралась навести порядок с пуповиной, сделав основной упор на то, чтобы в этом месте было сухо. Малышка громко верещала, размахивая своими миниатюрными ручками и ножками, из чего сам собой напрашивался вывод, что она вполне здорова.

Завернув девочку в чистое махровое полотенце, Сесили осторожно положила ее на пол в своей спальне, а сама, прихватив фонарик, снова заторопилась в сарай, чтобы забрать оттуда плетеную колыбельку для новорожденных, которая так и стояла не распакованная, в целлофане. Вернувшись обратно в дом, Сесили надела на малышку ползунки, стараясь изо всех сил, чтобы все застегнуть правильно, поставила колыбельку к себе на кровать и уложила в нее девочку. Малышка сразу же заснула, что дало Сесили возможность перекусить. Соорудив себе на скорую руку бутерброд, она тут же заторопилась назад в спальню, сжимая в руке бутылочку с

очередной порцией молока, из спальни уже доносился детский плач. На сей раз девочка высосала почти две унции молока, хотя сразу же после этого ее немного стошнило. Сесили поменяла ползунки и надела на нее крохотную ночную распашонку из чистого хлопка, одну из тех, что мама прислала ей больше года тому назад в объемной посылке: все детские вещи были приобретены в одном из самых фешенебельных и старейших нью-йоркских универмагов «Блумингдейл». На голову девочки Сесили надела вязаный чепчик и невольно улыбнулась при мысли о том, что подумала бы мама, увидев черное личико младенца в таком изысканном чепце.

– Хотелось бы мне увидеть наконец твои глазки, деточка моя, – обратилась Сесили к девочке, снова укладывая ее в колыбель. Потом приготовила на всякий случай еще одну бутылочку с молоком, а вдруг девочка проснется ночью? – и предусмотрительно поставила ее в холодильник. После чего закрыла входную дверь в доме на замок, выключила везде свет и улеглась наконец в кровать, предварительно проверив, что ребенок в колыбели рядом с ней дышит ровно и спит крепким сном.

За дверью послышалось жалобный скулеж Вульфи. Пес рвался к ней в комнату. Сесили снова улыбнулась, понимая, что Вульфи хочет во что бы то ни стало продолжить охранять свою находку.

– Нет, Вульфи, сюда нельзя, мальчик мой. Оставайся за дверью, а малышке хорошо рядом со мной. Спокойной ночи, милый.

Отключив ночник, стоявший у изголовья на прикроватной тумбочке, Сесили устало положила голову на подушку. И внезапно в ее памяти всплыл их разговор с Биллом, самый первый, когда он спросил у нее, не будет ли она возражать, если какое-то время Ньяла проведет у них. И как туманно он тогда говорил о том, что потом случится с ее младенцем. Прикидывая сейчас в уме всю ситуацию, Сесили принялась рассуждать логически: судя по всему, альтернатив было немного. Ньялу укрыли у них в лесу, чтобы никто не узнал о ее беременности. В противном случае ее предстоящая свадьба с сыном вождя соседнего клана была бы аннулирована, а сама девушка стала бы изгоем в собственной семье. То есть получается, Ньяла уже изначально знала, что ей не дадут вернуться назад с ребеночком?

«Помоги младенцу», – всплыли в памяти Сесили слова Ньялы, обращенные к ней.

– О боже! – громко воскликнула Сесили.

Все вдруг встало на свои места. В ту их последнюю встречу с Нялой, когда Сесили посещала их стоянку, девушка, обращаясь к ней, имела в виду именно то, что говорила: она не просила помощи Сесили в предстоящих родах, нет!

Сесили села и выпрямилась на постели, ошеломленная своим открытием.

– Она *хотела*, чтобы я и Вульфи нашли ее...

Девочка, лежавшая сейчас в колыбельке рядом с ней, закричала во сне. Сесили тут же достала ее из колыбельки и уложила на руку.

– Спи, моя маленькая, спи. Тебе сейчас ничто не угрожает. Рядом со мной ты в полной безопасности.

Всю следующую неделю Сесили, просыпаясь по утрам, давала себе честное-пречестное слово, что вот сейчас соберется с духом и позвонит Биллу, сообщит ему о том, что случилось, но стоило ей только начать набирать номер телефона военного ведомства в Найроби, и она тут же клала трубку на рычаг. Она не сомневалась, Билл, конечно же, будет настаивать на том, что девочку надо немедленно отправить в сиротский приют. А это было невыносимо, потому что с каждым днем врожденные материнские инстинкты, закупоренные где-то глубоко внутри Сесили, все сильнее выплескивались наружу, и сама мысль о том, что с головы девочки, всецело сейчас зависящей от нее, может упасть хоть один волос и кто-то причинит ей зло, тут же вызывала слезы. И хотя Сесили безмерно устала от бесконечных ночных кормлений – малышка, которая еще несколько дней тому назад с трудом удерживала во рту соску, очень быстро превратилась в энергичного потребителя молока, и всякий раз, когда ей хотелось есть, она могла своими воплями разбудить львов, блуждающих где-то по низинам, так вот, несмотря на все эти мелкие проблемы, Сесили чувствовала себя необыкновенно счастливой и довольной всем и вся. Она оборудовала детскую в той комнате, которая изначально предназначалась для ее собственного ребенка, и постепенно перетаскала из сарая назад в дом все те вещи, которые понадобились для того, чтобы обставить комнату и навести в ней должный уют. Сейчас в некогда пустой и унылой комнате приятно пахло тальком, которым Сесили обильно присыпала маленькую попку Стеллы. Книга-пособие по уходу за младенцем с некоторых пор стала настольной: именно с помощью этой книги Сесили отслеживала процесс заживления пуповины – все подсохло замечательно, и в течение пары дней оставшийся кончик пуповины должен был отвалиться сам собой. Правда, теперь у Сесили совершенно не было времени, чтобы заниматься садом и огородом: она спала урывками, пользуясь теми мгновениями, когда спала и девочка, а в промежутках довольствовалась каким-нибудь тостом, который наспех проглатывала между кормлениями.

Имя Стелла, которым Сесили назвала девочку, пришло на ум чисто случайно: однажды она задремала, а когда проснулась, то увидела пару огромных ясных глаз с радужной оболочкой цвета спелых кофейных зерен, устремленных на нее. Сесили тогда подумала, как поразительно похожи глаза малышки на глаза Ньялы, и тут вспомнила, как Билл в разговоре с ней обронил, что Ньяла означает «звезда».

– Стелла, – непроизвольно вырвалось у Сесили. Она припомнила свои школьные познания по латыни. Стелла – это ведь тоже «звезда». К тому же не может же она бесконечно обращаться к ребенку, называя ее просто «малышкой».

– Итак, отныне ты Стелла. Во всяком случае, пока, – добавила Сесили со вздохом.

Спустя два дня она услышала шум подъезжающей к дому машины. Она подбежала к окну и увидела пикап Кэтрин. Зная, что парадная дверь заперта, Сесили пригнулась под окном, держа Стеллу на руках. Кэтрин постучала в дверь, потом громко окликнула ее по имени, прошлась вокруг дома, заглядывая в окна. Видно, ее привел в замешательство громкий лай Вульфи изнутри. Кэтрин знала, что если Сесили отправляется за покупками, то всегда оставляет Вульфи на улице, а если идет просто прогуляться, то обязательно берет пса с собой. Потоптавшись еще какое-то время возле дома, Кэтрин вернулась к машине. Когда ее пикап наконец отъехал от дома и скрылся из виду, Сесили поднялась с пола, по-прежнему держа Стеллу на руках. Она понимала, что оказалась в совершенно дурацком положении, но, как бы то ни было, пока ей категорически не хотелось разрушать ту гармонию, которая царила в их уютном мирке на троих: она, Вульфи и Стелла.

Прошла еще одна тревожная ночь. Проснувшись поутру, Сесили услышала телефонный звонок. В первый момент она даже решила не подходить к телефону, но потом все же заставила себя подняться с постели и ответить на звонок.

– Это я, Билл, – услышала она сквозь треск и шум помех, будто это был звонок из Нью-Йорка. – Как у тебя дела?

– О, все хорошо. На самом деле, все очень хорошо. А как ты?

– Скажу лишь, что общая ситуация в Европе не вызывает особого оптимизма, да и у нас с каждым днем атмосфера делается все мрачнее

и мрачнее. Тем не менее на Рождество я собираюсь домой.

– И когда это?

– Как когда? Сесили, до Рождества осталось всего лишь три дня. С тобой правда все в порядке?

– Все в полном порядке. Никогда не чувствовала себя лучше, Билл. Я тут... ходила за покупками, но на рынке почти не было мяса, да и со всем остальным тоже не лучше, – солгала она.

– О, за это можешь не волноваться. Я приеду домой, полностью загрузив машину всякими праздничными деликатесами, даже если на это мне придется потратить половину своего армейского жалованья. Кэтрин и Бобби присоединятся к нам на Сочельник, как в прошлом году?

– Я их пока еще не приглашала. А нужно было, да? – Сесили больно прикусила губу, понимая, что каждое слово, произнесенное ее мужем, означает лишь одно: счастливые денечки, проведенные ею наедине со Стеллой, подходят к концу.

– Я сам переговорю с Бобби, не волнуйся, дорогая. Но ты уверена, что у тебя все хорошо? Бобби сказал мне, что на днях к тебе заезжала Кэтрин, но не застала тебя дома.

– Ах, это... Наверняка я в это время была в Гилгиле, только и всего.

– Что ж, коль скоро с тобой все хорошо, тогда до встречи в Сочельник. Мне нужно будет вернуться на службу сразу же после Дня подарков, но я очень надеюсь, что ты отправишься в Найроби вместе со мной и мы сможем побывать на скачках. Думаю, тебе там понравится.

– Давай обсудим все наши планы, когда ты вернешься домой, ладно? – поспешила подвести черту под разговором Сесили, услышав хныканье Стеллы. – До свидания, Билл.

Сесили положила трубку на рычаг и с тяжелым сердцем направилась к себе в спальню взглянуть на Стеллу, лежавшую в колыбельке. Девочка дремала, закинув ручонки за голову, длинные ресницы отбрасывали густые тени на лицо: в такой расслабленной позе она являла собой картину полнейшего удовольствия и неги.

Сесили присела рядом с ней.

– Ох, девочка моя! И что же нам с тобой делать, когда вернется домой твой папа?

Кроме походов за молоком, совершаемых в спешке в то время, когда Стелла спит (Сесили покупала свежее молоко у женщины-масаи, торгующей с лотка у дороги, ведущей на Гилгил), все прочие приготовления к предстоящему Рождеству были полностью проигнорированы. Время от времени Сесили пыталась думать, что ей сказать Биллу, когда тот приедет, как объяснить все, что случилось, но потом решила пустить все на самотек – как будет, так и будет.

В вечер Сочельника она поставила на патефон пластинку с записью рождественских гимнов и хоралов, подумав при этом, что трудно почувствовать наступление Рождества, когда на дворе такая жара и температура на термометре буквально зашкаливает. Сесили приняла ванну, вымыла волосы и оставила их распущенными; ведь Билл же сказал ей в прошлый свой приезд, что ему понравилась естественность ее кудрей на голове. Правда, сейчас она сколола их парой заколок. Надела свежую блузку и кремовую юбку, потом покормила и переодела Стеллу и уложила ее в кроватку в детской. После чего приготовила себе большую порцию джина с вермутом и уселась в гостиной ждать возвращения мужа.

Едва Сесили слышала шорох шин на подъездной дороге к дому, как тут же почувствовала неприятную пустоту в желудке.

«Все хорошо, Сесили. Возьми себя в руки. Ты должна сказать ему, что не позволишь отдать девочку в сиротский приют...»

– Привет! – поздоровался Билл, внося в холл большее дерево с узкими игольчатыми листьями, но при этом и отдаленно не смахивающее на традиционную рождественскую елку, какую устанавливали у них дома в Нью-Йорке. – Взгляни, что я выкопал по пути домой. Сей момент поставлю дерево в ведро, а ты тогда, быть может, нарядишь нашу импровизированную елку.

– Я... Хорошо...

– Мне также удалось достать всяких вкусностей нам к ужину. Сейчас заберу из машины, – добавил он, запечатлев легкий поцелуй на ее щеке. – С наступающим Рождеством тебя, Сесили.

Судя по всему, Билл пребывал в самом отличном расположении духа, что даже немного озадачило Сесили. Она попыталась вспомнить, каким был ее муж в минувшее Рождество, но мало что вспомнила:

охваченная собственным горем, она тогда едва заметила праздники, и события тех дней полностью выветрились из ее головы. Что ж, сегодняшнее хорошее настроение мужа ей только на руку.

– Ах да! Совсем забыл! Кики тут передала тебе подарок, корзинку с провизией: Алееки специально привез ее в клуб. Она до сих пор лежит в багажнике, но, судя по запаху, среди даров есть и хороший кусочек копченого лосося. Пожалуй, с ним стоит разделаться в первую очередь. Я бы сказал, безотлагательно...

– Бутерброды с копченым лососем! Какая неслыханная роскошь по нынешним временам! – улыбнулась Сесили, проводив мужа взглядом: Билл снова поспешил на улицу, чтобы забрать дары от Кики.

Сесили налила им обоим по порции джина с вермутом, а Билл в это время принес ведро с землей и вставил в него «рождественское дерево», чтобы можно было начать украшать его.

– Немного коряво получилось, ну да ладно! Как есть! – обронил он, разглядывая плоды своих усилий. – Будем праздновать Рождество как получается, но все равно от души.

– Ты любишь Рождество? – поинтересовалась Сесили у мужа, несмотря на то что ответ был очевиден.

– Очень! И всегда любил этот праздник, можно сказать, с самого детства. Наверное, это и не совсем типично для такого угрюмого субъекта, как я, но в этот день я просто радуюсь тому, что все вокруг меня пребывают в хорошем настроении. Даже мои родители никогда не ругались друг с другом на Рождество. Так, насколько я помню, у нас в сарае должны остаться елочные украшения от прошлого года. Сейчас схожу за ними. – Билл направился к черному ходу.

– Подожди минутку! Я...

– Что такое?

– Да так, ничего. Просто я немного устала. Давай нарядим дерево завтра.

– Сесили, но завтра ведь Рождество, да и дело-то минутное. Сейчас принесу елочные игрушки и сам украшу наше дерево, если ты слишком устала.

Билл скрылся за дверью, а у Сесили не нашлось больше никаких аргументов, чтобы помешать ему. Оставалось лишь надеяться, что он не заметит исчезновения многих вещей из сарая.

Билл вернулся буквально через пару минут с коробкой елочных украшений в руках.

– А из сарая исчезли все вещи, которые ты в свое время собирала для своего будущего ребеночка. Можно поинтересоваться, куда ты их определила?

– О... Я скажу тебе чуть позже. А сейчас идем наряжать нашу елку, – ответила Сесили, выпив для храбрости еще немного джина, а потом повела Билла в сторону гостиной.

– Знаешь, Сесили, разница между тобой нынешней и той, какой ты была год тому назад, просто поразительная. Помнишь, ведь ты же все Рождество пролежала тогда в кровати? – спросил у нее Билл, когда они вдвоем принялись развешивать шары на рождественском дереве.

– Мне стыдно признаться в этом, но я ничего не помню. Нет, не помню...

– Что и понятно. Ты в то время явно была не в себе.

Внезапно из глубины дома послышался громкий крик.

– Боже милостивый! А это что еще за черт?!

– Я... понятия не имею, – пробормотала Сесили, покраснев до корней волос.

Крик повторился, а потом последовал уже самый настоящий, полноценный плач.

У Сесили душа ушла в пятки: она ведь рассчитывала рассказать Биллу обо всем, что произошло у них на ферме, еще до того, как покажет ему Стеллу, но сейчас было уже слишком поздно.

– Однако это кричит кто-то в доме! Ты что, заперла где-то дикого зверька?

– Нет, я...

Но Билл уже не слушал жену, он решительным шагом направился вдоль коридора, чтобы выяснить, откуда раздается это громкое мяуканье.

Сесили нервно поспешала сзади, замирая от страха, а он поочередно открывал двери всех спален и наконец добрался до крохотной комнатки, расположенной рядом с их спальней. Широко распахнул дверь, подошел к колыбельке и склонился над ней, затем распрямился, явно шокированный увиденным.

– Какого черта! Что это такое?! – выкрикнул он, повернувшись к жене.

Она быстро подскочила к колыбели и выхватила из нее Стеллу, словно опасаясь, что Билл может сделать с ребенком что-нибудь ужасное. И также быстро выбежала из комнаты, не выпуская девочку из рук, побежала на кухню, достала из холодильника бутылочку с молоком, поставила ее в кастрюльку с водой и стала подогреть на плите.

– Сесили, ты меня слышишь?! Ради всех святых, объясни же мне наконец, что здесь происходит?! – Билл появился на пороге кухни.

– Потерпи минутку. Сейчас я дам ей соску, а потом все тебе расскажу.

– Мне срочно нужна еще одна порция джина...

Билл повернулся к Сесили спиной и направился в гостиную за своим джином, а она уселась за кухонный стол и принялась кормить Стеллу. Вопли немедленно прекратились, и в доме снова воцарились тишина и покой, пока Стелла энергично сосала свою бутылочку.

– Ну, вот! – В кухне снова возник Билл. Он отхлебнул из своего стакана и уселся на стул напротив Сесили.

Девочка сразу же перестала сосать, и Сесили молча приложила палец к своим губам, прося помолчать.

– И ты еще смеешь утихомиривать меня? – воскликнул Билл, и Сесили увидела, что его буквально трясет от бешенства. Но голос он тем не менее слегка понизил.

– На самом деле все очень просто, Билл. Вскоре после того, как ты уехал в Найроби, я пошла в лес проведать Ньялу. Но не застала там и следов от их лагеря, они исчезли. Однако Вульфи вдруг учуял какой-то запах и побежал в глубь леса, а вскоре я услышала его громкий лай. Вульфи категорически не захотел возвращаться на мой зов, а потому мне пришлось идти за ним. Вульфи и нашел эту девочку. Ее закопали прямо в лесу в груде опавшей листвы. Я поняла, что она появилась на свет всего лишь несколько часов назад. Можно утверждать со всей уверенностью, что ее намеренно оставили там умирать, и тогда я повела себя как христианка, как любой нормальный человек, у которого есть сердце. Я взяла девочку на руки и принесла ее сюда, к нам домой. И с тех пор она живет здесь, у нас.

– О боже! – Билл издал тяжкий стон и обхватил голову руками.

– Ты считаешь, что я поступила неправильно?

– Конечно же, я так не считаю.

– Ты... ты знал, какую участь они уготовили младенцу? Бросили его в лесу умирать...

– Откуда? Конечно, я ничего не знал. И *не хотел знать*. – Билл тяжело вздохнул. – Меня ведь просто попросил мой хороший друг приютить его дочь, обеспечить ей безопасное место, где она могла бы пожить вплоть до родов. Лешан твердо пообещал мне, что с новорожденным младенцем тоже будет все в полном порядке. Поверить не могу, что они бросили эту кроху умирать в лесу.

– Да, и закопали ее достаточно глубоко. Ведь Вульфи обнаружил ее по чистой случайности. Опоздай мы с приходом туда на пару часов, и девочка была бы уже мертва. Она была такой слабенькой. – Сесили бросила взгляд на Стеллу, и на глаза навернулись слезы.

– Должен признаться, я просто в бешенстве из-за того, что они оставили нам свое грязное белье. Дескать, сами разгребайте всю эту грязь. И потом...

– Не смей называть этого ребенка «грязным бельем»! Она ведь живой человек, такой же, как и мы с тобой!

– Прости, Сесили. Это, конечно, грубость. Ляпнул, не подумав. Прошу прощения. Но и ты должна понять меня правильно, пожалуйста. Я в шоке! Приезжаю домой на Рождество в надежде провести пару дней в тишине и покое, вдали от всех этих треволнений военного времени и обнаруживаю в детской чернокожего младенца.

– А какое значение имеет цвет ее кожи, Билл? Ты же сам провел половину своей жизни среди масаи и даже был готов поменяться с ними местами.

– Конечно, в определенном смысле цвет кожи не имеет никакого значения, в этом ты абсолютно права, Сесили. Но в любом случае сразу же после Рождества мы должны будем отвезти младенца в Найроби и...

– *Нет!* Я не допущу, чтобы эту девочку отдали в какую-нибудь христианскую миссию или в сиротский приют, где за ней не будет никакого присмотра. Одному Богу известно, какая участь ей будет уготована в подобном заведении. Я не могу позволить, чтобы с ребенком случилось что-то плохое.

– То есть ты предлагаешь оставить девочку у нас? – спросил озадаченный Билл после короткой паузы.

– Почему бы и нет? Своих детей у нас нет и никогда не будет. Почему бы нам не удочерить Стеллу?

Билл уставился на жену ошарашенным взглядом, явно подозревая, что она сошла с ума.

– Ты это серьезно? То есть ты на полном серьезе полагаешь, что мы можем воспитать эту девочку здесь как своего ребенка?

– Да, именно так! У нас есть дом, и денег у нас достаточно... К тому же Ньяла, я думаю, заранее знала, что будет, когда она родит. Вот потому-то она и попросила меня помочь ее ребеночку. Уверена, потому она и оставила ребенка так близко от места стоянки: *она хотела*, чтобы я нашла ее дочь.

– Прости меня, Сесили, но думается, это все – исключительно твои фантазии. Ты же сама сказала мне, что пес нашел девочку чисто случайно, пока вы с ним находились в лесу, и...

– Последние два месяца мы бывали там регулярно. Вульфи успел уже привыкнуть к запаху Ньялы, который, скорее всего, схож и с запахом Стеллы...

– Ты уже даже успела дать имя ребенку? – Лицо Билла было серым от усталости.

– Но должна же я как-то обращаться к ней, разве не так? Ну, вот! Я ее уже укачала, и она заснула. Хочешь поддержать ее?

– Нет, Сесили, не хочу. – Билл больно сжал переносицу двумя пальцами. – Прости, но мы не можем держать девочку у себя.

– Почему?

– Потому что...

– Почему?

– Она черная. В нашей среде не принято удочерять или усыновлять черных. Собственно, такой практики нет нигде в мире.

– И это мне говорит мистер Форсайт, ярый защитник масаи, которые сопровождают его повсюду, куда бы он ни направился. Получается, что в глубине души ты тоже полнишься такими же предрассудками, как и все остальные! Но я уже пообещала этой малышке, что не брошу ее, и я сдержу свое слово! Слышишь меня?! – Сесили поднялась со стула, держа на руках Стеллу, решительным шагом направилась к себе в спальню, громко хлопнула дверью и тут же заперла ее на ключ.

Уложив малышку рядом с собой на постель, Сесили громко разрыдалась.

– Не переживай, маленькая моя, – пробормотала она между всхлипами. – Я умру, но не дам тебя в обиду, клянусь тебе!

* * *

Сесили проснулась от стука в дверь. Она глянула на часы: было уже за полночь. Малышка, лежавшая рядом с ней, слегка пошевелилась во сне и тут же сунула кулачок себе в рот: верный признак того, что она уже проголодалась.

– Сесили, можно мне войти?

Поскольку все равно нужно было идти на кухню за бутылочкой, Сесили неохотно отперла дверь, прижимая девочку к себе. Она даже не глянула на мужа, а, молча миновав его, прошествовала на кухню. Подогрела молоко и, усевшись на стул, принялась кормить своего найденныша.

– Прости меня, Сесили! – промолвил Билл, появившись в дверях. – На самом деле ты не сделала ничего плохого.

– Конечно, не сделала! – фыркнула Сесили. – И любой, кто посмеет утверждать обратное, презренный тип, и только!

– Согласен. – Билл уселся на тот же стул, на котором сидел раньше.

– Я говорю вполне серьезно, Билл. Если ты и дальше будешь настаивать на том, чтобы отправить девочку в приют, то я немедленно упакую свои вещи и покину твой дом вместе с ней. Понятно тебе?

– Я все услышал и все понял. Но и ты должна понять, что наше современное общество пока еще не готово к такого рода межрасовым отношениям, причем в равной степени к этому не готовы и черные, и белые, – твердо ответил муж. – Возможно, когда-нибудь наступит время, и такое случится. И дай бог! Буду только рад.

– Меня не волнует, как воспримет мой поступок современное общество! Думаю, и тебя тоже подобные вещи всегда волновали очень мало.

– Поверь мне, Сесили, меня *очень даже волнуют* негласные правила, по которым живет наше общество. Хотя бы уже потому, что в

противном случае я бы на тебе никогда не женился и у нас с тобой не было бы сейчас этого неприятного разговора. Или ты думаешь, что я силой отберу у тебя девочку и увезу ее с собой в Найроби? Имей же ко мне хоть каплю доверия, в конце концов. Но не о том сейчас речь! Нам всем троем *нужно будет* жить в этом обществе и подчиняться его требованиям, как бы мы ни пытались что-то изменить. И уж конечно, белая супружеская пара, которая берет себе на воспитание черного ребенка, это неслыханная вещь в нашей среде.

– Я... – Сесили открыла рот, чтобы возразить мужу, но Билл жестом остановил ее:

– Дай мне закончить, пожалуйста. Понимаю, ты уже успела привязаться к девочке. Что вполне объяснимо, с учетом того, что совсем недавно ты потеряла собственного ребенка. Мне же пока вся сложившаяся... ситуация нова. Я ведь узнал о существовании девочки всего лишь несколько часов тому назад. А потому прости мне излишнюю резкость, но я еще только пытаюсь приспособиться к этим совершенно новым для меня реалиям. Одно, Сесили, ты должна понимать совершенно точно: даже если ты уйдешь от меня с девочкой на руках, тебе попросту некуда идти.

– Как это некуда? Есть куда! Я поеду к Кэтрин. Думаю, и Кики не откажется принять меня в свой...

– Возможно, на первых порах они и дадут тебе временное пристанище, но, поверь, они скажут тебе то же самое, что сейчас говорю я. Ты не можешь быть матерью черного ребенка. Такое положение вещей не признают нормальным нигде в мире. И только не говори мне, что ты отправишься жить к масаи, потому что им ты тоже не нужна. – Билл выдавил из себя некое подобие улыбки, пытаясь обернуть все в шутку. – Сесили, ты слышишь меня? Тот мир, который ты нафантазировала себе, пока я был в отъезде, его на самом деле нет, потому что в реальной жизни все обстоит иначе. Неужели ты этого не понимаешь?

Сесили больно прикусила губу: умом она понимала, что в словах мужа есть изрядная доля правды.

– Но я не могу вот так взять и бросить ее, Билл. Мне отдали ее для того, чтобы я о ней позаботилась. И потом, если разобраться, то это ты во всем виноват. Если бы ты не позволил Ньяле поселиться у нас, то мы бы сейчас и не оказались в той ситуации, в какой оказались.

– Вот с этим я полностью согласен, Сесили, и видит Бог, как я казню себя за то, что в тот злосчастный день ответил согласиём. Дай-ка мне поддержать ее. – Билл протянул руки через стол.

– Но ты точно клянешься, что не увезешь ее ночью в Найроби?

– Клятвенно обещаю, что не увезу, – заверил ее Билл, и Сесили с большой неохотой вручила ему Стеллу.

– Привет, малышка, – поздоровался он с девочкой, внимательно разглядывая ее. – А ты у нас настоящая красотка, копия мамы.

Билл протянул девочке палец, и она тотчас же крепко ухватилась за него своей крохотной ручонкой. Эта картина вызвала слезы на глаза Сесили.

– Боже мой, миссис Форсайт! С тех пор как я женился на вас, вы постоянно держите меня в напряжении. Просто какие-то сплошные американские горки! – Он едва заметно усмехнулся. – Я гоню машину во всю прыть, чтобы побыстрее оказаться у себя дома в надежде, что наконец-то мы с тобой вплыли в относительно спокойную, тихую гавань, поскольку тебе стало заметно лучше, а тут такое...

– Можешь разводиться со мной, если желаешь, – вяло огрызнулась в ответ Сесили.

– Сесили, для того чтобы нам с тобой с честью выпутаться из того положения, в котором мы оба очутились, ты должна повести себя как взрослая умная женщина, а не как капризный и взбалмошный ребенок. И вот о чем мой первый к тебе вопрос. Кто-нибудь знает о существовании Стеллы? К примеру, та же Кэтрин...

– Никто не знает. Поэтому-то я и не открыла тогда Кэтрин дверь.

– Ты полностью уверена?

– Полностью.

– Что ж, это уже кое-что. – Билл снова глянул на девочку. – Дай мне какое-то время, чтобы все хорошенько обдумать, как будет лучше для всех нас...

– Но я...

Билл приложил палец к губам:

– На сегодня разговоров хватит, Сесили. Я все понял. Пора спать. Я страшно устал с дороги.

Билл поднялся со стула и вручил малышку жене, потом поцеловал ее в лоб.

– С Рождеством тебя, моя дорогая жена! Хороший же ты мне подарочек преподнесла! Ничего не скажешь...

* * *

К своему немалому удивлению, Сесили проспала почти до пяти часов утра, когда ее разбудила своим плачем Стелла. Испугавшись, что плач может разбудить и Билла, она схватила малышку на руки и поспешила на кухню, чтобы покормить ее.

– С Рождеством тебя, милая, – обратилась Сесили к девочке, глянув в окно на великолепный солнечный восход, занимавшийся на горизонте. – И не переживай, я за тебя еще повоюю, чего бы мне это ни стоило.

Покормив Стеллу, Сесили снова уложила ее в колыбельку, и девочка тотчас же заснула, а она, нацепив на себя фартук, занялась выпечкой свежего хлеба. Не будешь же использовать для бутербродов с копченым лососем хлеб двухдневной давности; а зачерствевший хлеб, который она принесла из кладовки, отлично подойдет для начинки тех цыплят, которых привез с собой Билл. Закончив с приготовлением праздничного обеда, Сесили переоделась в свое любимое платье изумрудного цвета, слегка припудрила лицо, чтобы скрыть темные круги под глазами, нанесла немного румян на бледные щеки. И снова вернулась на кухню, чтобы почистить овощи. В следующем году она планировала еще более расширить свой огород, а потому сейчас ничто не мешает ей срывать столько свежих овощей, сколько хочется...

И тут же Сесили мысленно одернула себя. С чего это она вдруг так развеселилась? Вот сейчас Билл проснется и заявит ей, что Стелла должна покинуть их дом, а это означает лишь одно: ей тоже придется паковать свои вещи...

– Доброе утро! – поздоровался с женой Билл, заходя на кухню. Как говорится, легок на помине... – Прекрасно выглядишь. Можно мне чашечку чая?

– Конечно. Сию минуту. – Сесили поспешно поставила чайник на плиту.

– Как ты... *как она* спала?

– Спасибо, все очень хорошо. Стелла по ночам, как правило, не капризничает и хорошо спит.

– Но наверняка просыпается вместе с жаворонками, еще на восходе солнца, да? Спасибо, – поблагодарил Билл, беря из ее рук чашку с чаем. – Хорошо, как ты знаешь, к полудню к нам приедут Бобби и Кэтрин. Сейчас я быстро совершу свое утреннее омовение, а потом жду тебя в гостиной. Нам надо поговорить, Сесили.

Спустя пятнадцать минут Сесили с замиранием сердца вошла в гостиную. Вскоре появился и Билл, уже полностью при параде, и уселся в кресло напротив нее.

– Признаюсь тебе, что почти всю ночь я провел в размышлениях о том, как нам следует поступить в сложившейся ситуации, – начал первым Билл. – Я отдаю себе отчет и в том, что вся ответственность за... случившееся лежит исключительно на мне. Ведь это же я, в конце концов, дал согласие на то, чтобы Ньяла поселилась в нашем лесу.

– Я более чем уверена, что она оставила бы себе ребеночка, если бы ей это позволили. Но ей не позволили... И поэтому она попросила меня помочь ей...

– Давай, дорогая, еще раз пройдемся с тобой по всем имеющимся у нас фактам и оценим все как есть. Могу понять твое обостренное чувство ответственности за эту девочку, но на самом деле никакой твоей вины в том, что произошло, нет. Понимаю также и твое эмоциональное состояние, твою привязанность к малышке, вплоть до того, что ты готова уйти вместе с ней, если я и дальше буду настаивать на том, что девочку нужно увезти отсюда.

– И это правда, Билл. Мне очень жаль, но...

– Пожалуйста, избавь меня от излишнего театрального пафоса, Сесили, и выслушай до конца, договорились? Как я уже вчера сказал тебе, ни под каким соусом невозможно, чтобы ты *и, конечно, я* стали приемными родителями девочки. Не хочу даже думать о том, что сказали бы твои отец и мать, если бы ты рискнула представить им Стеллу как свою дочь. Пора тебе стать реалисткой и посмотреть на жизнь без розовых очков. Во всяком случае, реалистом приходится быть мне... вместо тебя. И все же, как мне кажется, у меня получилось найти решение, которое, надеюсь, устроит и тебя, а главное – сделает Стеллу счастливой. Ты готова выслушать меня?

– Да.

– Отлично! Помнишь, в свой прошлый приезд домой я перед тем, как отбыть в Найроби, сказал тебе, что нам пора обзавестись помощницей по дому?

– Да.

– Так вот, мой план таков. С помощью Найгаси мы подыщем подходящую женщину, которой расскажем все как есть, и она поселится у нас в доме на правах кухарки или служанки. Я уже прикинул, что часть сарая можно будет легко преобразовать в нормальное жилье для прислуги, и сделать это не составит особого труда. Когда женщина поселится у нас, мы объявим всем о том, что у нас появилась новая служанка с грудным младенцем. Впрочем, в зависимости от возраста этой женщины может статься, что нам придется выдать ее за бабушку, приехавшую со своей внучкой. Таким образом, Стелла останется здесь, у нас на ферме, и будет расти под нашей защитой. В подобном сюжете нет ничего необычного: многие служанки живут у своих господ вместе с детьми. К тому же, и это тоже очень важно, Стелла не окажется отрезанной от собственной культуры, от традиций и обычаев своего народа. Не забывай об этом, Сесили.

– Выходит, Стелле придется жить в сарае, да? – ужаснулась Сесили подобной перспективе.

– Если честно, Сесили, то детали меня пока не сильно занимали. Все остальное можно будет уладить и отрегулировать потом. Гораздо больше меня сейчас волнует другое: как сделать так, чтобы ты сдержала слово, которое дала Ньяле, и исполнила свой христианский долг, и чтобы Стелла осталась с нами.

– Но, Билл, я хочу воспитывать ее... растить как свою родную дочь... Хочу стать ей матерью. – Сесили больно прикусила губу.

– И ты всенепременно ею будешь, особенно когда рядом не будет никого из посторонних.

– А служанка не сочтет такое мое поведение странным? Белая леди и хозяйка дома желает проводить столько времени с чернокожим ребенком...

– Прислуге, моя дорогая, платят вовсе не за то, чтобы она обсуждала поведение своих хозяев и решала, что странно, а что – нет. Ты можешь делать все, что твоей душе угодно, а вот если у нас будут гости, тогда Стелле придется какое-то время провести вместе со служанкой.

Сесили принялась внимательно разглядывать свои ноги.

– Понимаю, предложенный мною вариант далеко не идеален, – тихо обронил Билл. – Но это все, что я смог придумать. Даже мои возможности, Сесили, далеко не безграничны, в чем я имел возможность убедиться и сам за последний год. Но я хорошо понимаю всю коллизию: с одной стороны, невозможно разлучить тебя со Стеллой, с другой – невозможно растить ее как наше собственное дитя. Так вот, хочу, чтобы ты знала: ради твоего блага и ради блага девочки я готов согласиться с тем, чтобы она и впредь жила в нашем доме, но лишь при одном условии – ты полностью соглашаешься с моим планом. Ты готова?

Сесили продолжала упорно разглядывать свои ноги.

Билл вздохнул.

– Сесили, вчера вечером я попросил тебя не вести себя как капризный ребенок и снова прошу о том же. Сделать нечто большее – увы! – не в моих силах. Так ты принимаешь мои условия?

Наконец Сесили оторвала свои глаза от пола и взглянула на мужа:

– Принимаю.

– И слава богу! А сейчас, думаю, самое время начать праздновать Рождество. – Билл махнул рукой на рождественское дерево: – Взгляни, что там под ним.

Сесили поднялась с кресла и подошла к дереву. Внизу лежала небольшая коробочка.

– Ах, Билл! Мне так неловко, право... Ведь мой подарок тебе находится в той посылке, которую родители отправили из Штатов, но она еще не пришла и...

– О, это пустяки, дорогая! Открой же коробочку.

Сесили снова вернулась к креслу и принялась развязывать ленту, которой была перевязана коробочка, потом сняла с нее оберточную бумагу и увидела небольшую бархатную коробочку. Сняла с нее крышку: на бархате лежала изящная золотая цепочка с кулоном – великолепный изумруд квадратной формы в обрамлении множества бриллиантов.

– Ой, какая красота, Билл! Ты не должен был... Я... я не заслужила такого великолепного подарка. Я не заслуживаю тебя...

– Позволь мне надеть это на тебя. Думаю, кулон будет отлично гармонировать с твоим зеленым платьем. У меня этот изумруд

провалялся бог знает сколько лет – один парень из Южной Африки когда-то расплатился им со мною за оказанную ему услугу. Вот я и подумал: хватит ему пылиться в ящике комода, тем более что на тебе... он будет смотреться особенно красиво. Вот! Отлично! Ступай, полюбуйся на себя в зеркало.

Сесили снова поднялась с кресла и со слезами на глазах подошла к зеркалу, висевшему над камином, чтобы взглянуть на собственное отражение.

– Великолепно! Спасибо тебе, Билл. Большое спасибо. И отдельное спасибо за то, что позволил мне оставить Стеллу.

– Иди же сюда, глупышка моя. – Билл привлек Сесили к себе. – У нас с тобой были не самые простые времена после свадьбы, – продолжил он, когда она устроила голову на его плече. – Да и сейчас дела не стали проще: идет война, и у нас наметилось некоторое пополнение в семье. Но я искренне надеюсь, что наступившее Рождество ознаменует для нас с тобой начало новой эры в наших отношениях. – Он взял ее за подбородок и слегка приподнял его. – Что скажешь, старушка моя?

– Думаю... Да, я согласна с тобой.

– Вот и прекрасно!

Билл наклонился к ней и впервые после дня их бракосочетания нашел ее губы. Сесили никто не целовал уже целую вечность, она даже забыла, что это такое, однако, ощутив вкус его губ на своих губах, она вдруг почувствовала, как волна радостного возбуждения затопила ее тело своим теплом.

И в этот момент из детской послышался плач. Она неохотно оторвала свои губы.

– Боже правый! Знала бы ты, как долго я ждал этого поцелуя. И вот тебе, пожалуйста! Даже не успел поцеловать толком. – Билл с улыбкой глянул на нее сверху вниз. – Ну, беги же к своей малышке! Скорее...

Сесили знала, что она никогда не забудет это Рождество. Правда, она немножко расстроилась, когда Найгаси пришел, чтобы забрать Стеллу и унести ее в лес подальше от дома. Особенно когда увидела,

как он был шокирован тем, что они с Биллом вручили ему девочку и несколько бутылочек с молоком, чтобы малышка не умерла с голоду в те несколько часов, которые проведет вне дома. Билл убедил жену, что Найгаси и пальцем не тронет девочку.

– Я предупредил его самым строгим образом, что, если, не дай бог, с ней что-то случится, я немедленно заявлю в полицию на него и Ньялу за то, что они бросили новорожденную в лесу, – поведаль Билл жене, когда они вместе возвращались в дом. – Ты же понимаешь, что Стеллу никто не должен пока видеть... Ни одна живая душа... пока к нам не приедет служанка...

– Понимаю. Все понимаю. Спасибо тебе, Билл, огромное спасибо. Обещаю, она не доставит тебе никаких хлопот и...

– Ты же не хуже меня понимаешь, Сесили, что без хлопот с маленьким ребенком в доме никак не обойтись, но я ценю твою признательность, – обронил Билл, закрывая парадную дверь. – И потом, все это я делаю только для того, чтобы ты была счастлива, дорогая. Что ж, иду открывать шампанское, а ты поторопись на кухню. Кэтрин и Бобби приедут с минуты на минуту.

День промелькнул как во сне. Сказочный день! Сесили все еще не могла поверить, что Билл не только поцеловал ее, но и преподнес ей самый лучший подарок из всех: позволил Стелле остаться у них дома. Больше она не будет с завистью разглядывать увеличивающийся в объеме живот Кэтрин, потому что отныне у нее самой тоже есть дитя, которое она любит. Конечно, жаль, что все складывается не совсем традиционным образом, но, с другой стороны, разве еще год тому назад, когда случилась ее трагедия, Сесили могла мечтать о такой радости? Подарок Билла вызвал неопишуемый восторг у Кэтрин, о чем она не преминула сообщить подруге, отправившись вслед за ней на кухню, чтобы помочь с обедом.

– Ты просто чудеса творишь, – констатировала она, разглядывая праздничные угощения. – Особенно если вспомнить, Сесили, что все это ты приготовила одна, хотя вполне можешь позволить себе нанять прислугу, – добавила она, помешивая на сковороде картофель, неизменный гарнир к традиционному английскому ростбифу.

– Мы с Биллом уже пришли к выводу, что пора нам нанять в дом прислугу. Постараемся сделать это в самом ближайшем будущем.

– Рада за тебя всей душой! И очень надеюсь, что и у нас с Бобби получится сэкономить из его армейского жалованья, присовокупив также кое-какие доходы от фермы, чтобы тоже нанять помощницу, когда я рожу. Должна заметить, Сесили, что сегодня ты буквально вся светишься от счастья, – заметила Кэтрин, окинув взглядом подругу. – Наконец-то ты вышла из своей затяжной депрессии, и так приятно видеть, что вы с Биллом счастливы. Хотелось бы и мне, что мой Бобби увивался так за мной, но мы же с ним знаем друг друга сто лет, а порой мне вообще кажется, что он до сих пор продолжает видеть во мне все ту же вредную маленькую девочку, которая ему когда-то проходу не давала.

– А по-моему, Кэтрин, у вас с Бобби один из самых счастливых браков, которые мне только доводилось видеть.

– Не уверена, что он будет сохнуть по мне, когда я раздамся вширь после родов. Честно, Сесили, я уже и так увеличилась вдвое. Думаю, к концу беременности я стану похожей на одну из его драгоценных телок!

После обеда, который прошел оживленно и весело, они еще поиграли немного в карты, а потом Кэтрин заявила, что им пора возвращаться домой.

– Я уже просто разваливаюсь на части, – призналась она. – Но день был замечательный. Самый замечательный из всех! Спасибо вам, дорогие мои, – поблагодарила она Сесили и Билла. – Что ж, в следующем году наш черед. Обещаю непременно! – Они с Бобби сердечно обняли хозяев, прощаясь с ними.

Пикап Бобби скрылся за поворотом, а Билл крепко обнял жену за плечи, удерживая ее на месте.

– Подождем еще пару минут, Сесили. Никогда ведь не знаешь, что может произойти. А вдруг Кэтрин что-то забыла у нас и сейчас они снова вернуться?

Но вот прошло минут десять, Сесили снова вышла на улицу и громко окликнула Найгаси по имени.

– Точно хочешь забрать Стеллу обратно? – спросил у нее вышедший во двор Билл. – А я думал, что сегодняшней вечер ты будешь всецело моя.

Но Сесили была уже далеко и не услышала последних слов мужа.

Уже позже, ближе к ночи, когда Стелла наконец благополучно заняла свое место в детской, совершенно не пострадав от того, что почти целый день провела в обществе дяди Найгаси, Билл развел огонь в камине. Не потому, что вечер был прохладным, а лишь потому, что так атмосфера в гостиной стала еще более по-рождественски праздничной.

– Расскажи мне, а как вы праздновали Рождество, когда ты был ребенком, – попросила его Сесили, свернувшись клубочком в кресле напротив мужа.

– О, наше Рождество было до безобразия английским. Поутру чулок с подарками, затем поход в церковь по снегу... Не то чтобы каждый год у нас выпадал снег на Рождество, но именно так я запомнил свои детские рождественские праздники. Словом, все совсем иначе, чем здесь... – Билл снова вздохнул и глянул на жену: – Сесили, у меня... такое чувство, что мы с тобой с самого начала повели себя неправильно.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, ты вообразила, что я женился на тебе исключительно для того, чтобы спасти твою репутацию и взять в дом женщину, которая вела бы мое домашнее хозяйство, впрочем, его у меня никогда и не было. Словом, ты решила, что наш брак – это такая взаимовыгодная сделка для нас обоих.

– Но ты же сам так говорил, Билл. Или я тебя неправильно поняла?

– Не совсем. Точнее, нет... Видишь ли... Я увлекся тобой с нашей самой первой встречи. Ты очаровала меня, потому что была совершенно непохожа на тех женщин, которых я видел вокруг себя. Ты была *настоящей*, понимаешь меня? В тебе не было ни грана притворства, ничего искусственного. Тебя не волновало, какой на тебе наряд или видели ли тебя на том или ином вечере, где собирался весь наш местный бомонд. Ты была неординарной, раскованной, живой. Притягательной во всех отношениях. – Билл улыбнулся. – А потом мы поженились, и с каждым днем ты открывалась мне все с новой и с новой стороны. Твое спокойствие, выдержка, ты никогда ничего не требовала от меня, принимая меня таким, какой я есть. А я влюблялся в тебя все сильнее и сильнее. Само собой, я понимал, что будет неправильно с моей стороны... настаивать на физической близости с

тобой, пока ты беременна, но я хочу, чтобы ты знала. Моя холодность к тебе объяснялась вовсе не тем, что я не хотел тебя. – Шея Билла покрылась легкой краской, он явно был смущен. – А потом случилось то страшное, что случилось, и меня в тот момент, когда я был так нужен тебе, не оказалось рядом. Я понимаю, Сесили, я проявил непростительную беспечность, бросив тебя совсем одну накануне родов и даже не обмолвившись ни словом о том, где меня искать в случае чего. А когда я наконец добрался до больницы и нашел тебя, можно сказать, на грани жизни и смерти, до меня наконец дошло, какой же я страшный эгоист... А еще в эту минуту я понял, как сильно... я люблю тебя. Я сидел возле твоей постели, Сесили, и *плакал навзрыд*. А последний раз я плакал много-много лет тому назад, когда Дженни, та девушка, которая разбила мое сердце, объявила мне, что разрывает нашу помолвку.

Билл замолчал, он был взволнован, все переживания отразились на его лице.

– Ну, а потом все пошло наперекосяк, но было уже слишком поздно. Ты была больна, к тому же буквально раздавлена своим горем. И ты считала, что меня ни капельки не волнует все, что с тобой происходит. Хотя с другой стороны, а как ты могла считать иначе? Ведь после женитьбы на тебе я продолжал жить своей прежней жизнью, как будто ничего и не изменилось. А потом началась война, и мне снова пришлось оставить тебя одну, хотя, видит Бог, мне этого страшно не хотелось, но у меня не было выбора. К тому же, как я понял, мое присутствие тяготило тебя. Ты была только рада, когда я уезжал, хотя я и пытался, пусть довольно неуклюже, продемонстрировать тебе, как ты мне дорога. Но ты не замечала всех этих моих знаков внимания, так ведь?

– Ты прав, Билл, не замечала. Я была уверена, что ты совсем не любишь меня.

– Словом, мы оба с тобой оказались в тупике, и, признаюсь тебе честно, я не видел выхода из сложившейся ситуации. А потом здесь появилась Ньяла, и свинцовое облако, висевшее над тобой, стало мало-помалу рассеиваться. Я даже изредка замечал улыбку на твоём лице, а в тот вечер, когда к нам приехали Джосс, Диана и Джок, ты вообще была само очарование. И потом, когда мы с тобой танцевали, я вдруг

понял, что у наших с тобой отношений еще есть будущее. А ты сама, Сесили, как считаешь?

– Я... Я думаю, что мы с тобой оба, каждый по-своему, отрезали себя от внешнего мира.

– Согласен. Так оно и есть. А самое главное – мы отрезали себя друг от друга. Но самый важный для меня вопрос в другом. Ты... *испытываешь* ли ты хоть какие-то чувства ко мне?

– Признаться, Билл, я просто боялась начинать чувствовать к тебе хоть что-то. – Сесили смущенно покачала головой. – Я ведь, как и ты, привыкла во всем полагаться только на саму себя. Не хочу... не хочу снова пережить ту боль, какую мне довелось уже испытать. Еще одна неудачная попытка после всего того, что было, может окончательно сломить меня.

– Понимаю. Понимаю тебя, как никто. Так, может, вернемся все же в самое начало наших с тобой отношений и попытаемся заново? – Глаза Билла заблестели от слез. – Хочу попытаться стать для тебя по-настоящему хорошим мужем.

– И хорошим отцом для Стеллы.

– Да, и для Стеллы тоже, – кивнул он в знак согласия. – Так что? – Билл протянул жене руку. – Попытаемся начать все сначала?

После короткой паузы Сесили взяла протянутую руку мужа.

– А почему бы нам и не попытаться?

– Вот и хорошо. – Билл поднялся с кресла и помог Сесили тоже встать на ноги. А потом притянул к себе и поцеловал.

* * *

Утром Сесили проснулась от громкого пронзительного плача. С трудом открыла глаза и увидела Билла. Он стоял у ее изголовья со Стеллой на руках.

– Наверное, она заболела. Я хотел дать ей бутылочку, но она выплюнула соску. Что мне делать?

Сесили подхватила с постели, и только тут до нее дошло, что она лежит голая.

– Дай мне ее сюда! – Она протянула к мужу руки и взяла хнычущую девочку к себе. – Фи! Как же от тебя воняет, милая. Так

говоришь, она не взяла соску?

– Нет, не взяла. Я достал бутылочку из холодильника, но она наотрез отказалась от молока.

– А ты его подогрел?

– Нет... О, теперь понятно, почему она не стала сосать.

– Пожалуйста, передай мне халат.

Билл снял халат с крючка на двери и подал его жене. Сесили положила малышку рядом с собой, а сама выпрямилась на постели, чтобы набросить на себя халат, чувствуя себя страшно непривычно: она голая и перед мужем. Билл наклонился к ней и поцеловал в плечо, затем прошелся по ее шее.

– Минувшая ночь была изумительна, дорогая.

– Да, однако мне надо покормить малышку, иначе она не успокоится, – улыбнулась она в ответ, плотно запахивая на себе халат и снова беря ребенка на руки.

Билл проследовал за ней на кухню и стал молча наблюдать за тем, как она достала из холодильника бутылочку с молоком, поставила ее в кастрюльку с водой и начала подогревать на огне.

Как только девочка принялась сосать теплое молоко, причем с явным удовольствием, Билл уселся напротив жены. На нем были только шорты, и при виде широкой мускулистой груди мужа Сесили почувствовала, как у нее защипало внизу.

– Великолепно выглядишь сегодня. Просто потрясающе! – заметил Билл, разглядывая жену.

– Уверена, что совсем нет! – ответила Сесили, шутливо округлив глаза. – Я ведь даже не успела причесать волосы.

– А тебе это и ни к чему. Мне гораздо больше нравится вот так, когда они самым естественным образом рассыпаются по твоим обнаженным плечам...

– Прекрати, Билл! – невольно хихикнула в ответ Сесили.

– В любом случае, миссис Форсайт, заявляю со всей ответственностью, что я намерен как можно скорее насладиться вами еще раз. Но вначале хочу спросить тебя вот о чем: так ты согласна отправиться со мной на скачки в Найроби? Думаю, пора нам засветить свои физиономии в клубе Мутаига. Ведь там же соберутся все, а рядом с тобой, думаю, я тоже получу истинное удовольствие от всего мероприятия.

– Да, но что нам делать со Стеллой?

– Мы с Найгаси уверены, что сумеем найти для нее подходящую няньку.

– Так скоро?

– Да, так скоро. Ты ведь знаешь ту женщину, которая торгует молоком на дороге, ведущей в Гилгил?

– О да, знаю.

– Так вот, именно Найгаси помог ей, когда она оказалась в таком же затруднительном положении, как и Ньяла. Она его двоюродная сестра, и он тогда даже попросил меня выделить пару коров из своего стада, чтобы она могла продавать молоко белым людям вроде нас с тобой. У нее подрастает сын, ему сейчас лет десять или около того, а уютятся они в хижине возле дороги, кое-как зарабатывая себе на пропитание. Найгаси клянется мне, что его сестра – честная, порядочная во всех отношениях женщина и даже немного говорит по-английски: научилась, постоянно обслуживая белых клиентов, которые покупают у нее молоко.

Сесили постаралась мысленно представить себе эту женщину.

– А сколько ей лет?

– Точно не уверен. Пожалуй, чуть больше двадцати. А коль скоро у нее есть ребенок, то она наверняка знает, как обращаться с младенцами.

– Она переедет к нам вместе со своим сыном?

– Конечно, само собой. Мальчишка, кстати, сможет стать тебе помощником в саду и на огороде. Найгаси уже с ней поговорил, и она вполне понимает всю ситуацию, сложившуюся со Стеллой.

– Но она ведь никому не проболтается?

– Конечно нет! Что за разговоры? Она уже считает тебя святой за то, что ты спасла дитя. Да ты и есть святая женщина, дорогая моя. Мне стыдно и горько сознавать, что я давал тебе повод думать, будто я отношусь к тебе иначе.

– Хорошо! Тогда я сейчас подмою Стеллу, потом оденусь сама, и мы встретимся с этой женщиной, ладно? – согласилась Сесили.

Спустя час с небольшим они с Биллом заняли свои места в гостиной. Вскоре появился Найгаси в сопровождении ужасно худенькой молодой женщины, которую Сесили сразу же узнала, и мальчика с выпирающими от худобы ребрами. Мальчишка смотрелся

явно младше своих десяти лет, наверное от постоянного недоедания. Мать и сын замерли на пороге гостиной, зачарованно оглядываясь по сторонам.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – пригласила их Сесили, махнув рукой на диван.

Они оба в ужасе отпрянули назад, но тут Найгаси сказал им что-то на своем языке, и они с видимой неохотой уселись на самый краешек дивана.

– Это – Ланкенуа, а это – ее сын Квинет, – представил их Билл своей жене, а потом перешел на язык масаи и обратился к матери и сыну: – А это – моя жена Сесили.

– Рада с вами познакомиться, – вступила в разговор Сесили и добавила: – *Таквена*, Ланкенуа.

– Давай мы с Найгаси будем переводить твои вопросы к Ланкенуа, – предложил ей Билл.

– Но я... Но я не знаю, о чем спрашивать, – растерялась Сесили.

Она окинула внимательным взглядом молодую женщину, сидевшую перед ней. В глазах застыл страх, как у испуганного оленя, готового в любую минуту сорваться с места и убежать прочь. Внешне не очень привлекательна: волосы обриты почти до самого черепа, слишком большой нос для ее лица и зубы желтые и неровные. Сын был более привлекательным, гордая осанка безошибочно выдавала в нем кровь его предков масаи.

– Ланкенуа представляет себе свою будущую работу и очень счастлива заполучить ее. Очень счастлива, – снова повторил Билл. – Наверное, проще всего принести сейчас сюда Стеллу, и посмотрим, как она с ней станет управляться.

– Хорошо, – согласилась с мужем Сесили и поднялась с кресла. Через пару минут она вернулась в гостиную с маленькой девочкой на руках и вручила Стеллу Ланкенуа. У той глаза вспыхнули от радости при виде малышки. Она что-то пробормотала себе под нос и расплылась в улыбке, а потом стала нежно шептать какие-то слова Стелле, которая спокойно лежала на ее руках.

– Что она говорит? – спросила Сесили у Найгаси.

– Говорит, что девочка очень красивая, настоящая принцесса.

– Что ж, по меркам масаи, она действительно принцесса, – согласился с ним Билл.

– Ланкенуа – мудрая женщина, – вставил слово Найгаси. – Очень умная.

Стелла стала хныкать, и Сесили поспешила на кухню за бутылочкой с молоком.

– Пусть Ланкенуа ее покормит, дорогая, – предложил жене Билл.

Сесили послушно вручила бутылочку женщине, и малышка безо всяких капризов взяла соску из рук Ланкенуа и принялась сосать.

– А готовить она умеет? – спросила Сесили.

Найгаси тут же перевел ее вопрос на язык масаи.

– Говорит, что еду для белых она готовить не умеет, но она быстро всему учится.

Сесили обратила внимание на то, с какой нежностью Квинет склонился над Стеллой, ласково улыбаясь девочке.

– А еще есть стирка и кое-какая работа для мальчика в саду, – добавила Сесили.

– Мальчик сильный, он уже самостоятельно приглядывает за коровами, – пояснил ей Найгаси.

Ланкенуа что-то сказала на своем родном языке, обращаясь к Найгаси, тот лишь молча кивнул.

– Что она сказала?

– Я сказала, что вы – хорошая женщина, – ответила Ланкенуа, медленно подбирая нужные слова, и улыбнулась Сесили. – Мне нравится работать у вас.

Билл бросил вопросительный взгляд на жену.

– Итак? – коротко поинтересовался он.

Она все еще продолжала смотреть на Ланкенуа.

– Хорошо, – наконец промолвила Сесили. – Мне тоже нравится, что ты будешь работать у меня.

* * *

Вечером того же дня Ланкенуа вместе с сыном и в сопровождении двух своих сильно отощавших коров обустроились на новом месте, заняв часть сарая.

– Знаешь, мне кажется, что им совсем не нужно что-то там перестраивать и менять, – обратился к жене Билл. – Ведь они будут

там только ночевать, да и то лишь когда идет дождь. А так они были на седьмом небе от счастья, когда увидели свое новое жилище.

– Но какие-то удобства мы все же должны им обеспечить, Билл. Скажем, ту же уборную или водопроводный кран... Ты уверен, что мы им можем полностью доверять?

– Уверен на все сто. К тому же, пока мы будем в Найроби, здесь на хозяйстве останется Найгаси. Он присмотрит за всем.

– Ах, Билл, но я никак не могу уехать в Найроби прямо завтра. Все же я хочу своими глазами убедиться, что она обращается со Стеллой как положено.

– Чутье подсказывает мне, что этой женщине можно доверять. В прошлом у нее были непростые времена, и она хорошо понимает, что такое жизнь. Знаешь, что я предлагаю? Давай уже сегодня оставим Стеллу в ее детской на попечение Ланкенау. А сами уляжемся пораньше. – Билл с улыбкой взглянул на жену. – Вот утром и посмотрим, как она справилась со своими обязанностями.

– Ладно! – Сесили безошибочно поняла скрытый намек мужа и стеснительно кивнула в знак согласия. Билл обнял ее за плечи, и они оба медленно побрели в сторону дома.

40

Так в жизни Сесили началась новая эра. Убедившись в том, что Ланкенау уже души не чаёт в Стелле, она отправилась вместе с Биллом на скачки в Найроби. Ее ничуть не тревожило то обстоятельство, что все ее наряды двухлетней давности уже давно вышли из моды, тем более что, по словам Билла, она выглядела в них превосходно. Долгими теплыми ночами они с мужем ненасытно занимались любовью в его крохотной комнатке в клубе Мутаига. Просыпаясь по утрам, Сесили чувствовала себя такой же неотразимой и желанной, как и Диана, любовная интрижка которой с Джоссом уже давно стала общеизвестным фактом. Однажды они с Биллом присоединились к их компании за ужином, угрюмый Джок сидел рядом с Сесили, постепенно, но неуклонно напиваясь, типичный такой рогоносец, как обозвал его Билл. Однако никто из завсегдатаев клуба не обращал ровным счетом никакого внимания на то, что творится у них под носом.

– Да здесь все просто привыкли к беспутствам Джосса, дорогая, – пояснил жене Билл, равнодушно пожимая плечами. (Сесили ужасно нравилось, когда муж обращался к ней именно так: «дорогая».)

Билл уговорил жену остаться в Найроби на встречу Нового года, сказав, что у нее будет возможность повидаться со своей крестной, поскольку в клубе планируется устроить грандиозный прием по случаю такого праздника.

– Да ты вся просто светишься от счастья, милая! – констатировала Кики при виде крестницы, немедленно укутав ее в облако из парфюма и сигаретного дыма. Потом наклонилась к Сесили поближе и прошептала ей на ухо: – Однако, девочка моя, тебе нужно срочно обновить свой гардероб. Я дам тебе один адресок: такое укромное местечко, где торгуют самыми шикарными нарядами, фасоны которых скопированы с самых последних моделей, продемонстрированных на парижских подиумах. А еще я хочу, чтобы ты обязательно познакомилась с Фицпаулем и великой княгиней Ольгой из Югославии, они как раз сейчас гостят у меня, пока в Европе продолжается эта ужасная война. Приезжай ко мне в ближайшие выходные, и мы устроим шикарную домашнюю вечеринку.

Сесили ответила согласием, хорошо зная, что уже к пятнице Кики начисто забудет о своем приглашении. Несмотря на всю свою внешнюю веселость, *joie de vivre*, как говорят французы, ее крестная сильно сдала за минувшие два года: темные круги залегли под ее прекрасными глазами, эти круги не скрыл даже самый превосходный макияж, да и рука ее заметно дрожала, когда она подносила мундштук к своим губам.

– Неужели тебе нужно обязательно вернуться домой? – спросил Билл у Сесили, когда они лежали нагими на его кровати, прислушиваясь к бурному веселью наверху, ибо встреча Нового года затянулась в клубе почти до рассвета.

– Ты же знаешь, Билл, мне надо. Я уже столько дней не видела Стеллу. Она, наверное, совсем забыла меня.

– Главное – чтобы младенец был накормлен и ему своевременно поменяли пеленки, а кто кормит и кто за ними ухаживает, это для них не столь уж важно. Во всяком случае, так всегда говорила моя старая няня, – заметил Билл.

– И она, безусловно, в чем-то права. И все же я верю, что Стелла по мне скучает. И потом, завтра тебе снова на службу, и что прикажешь мне здесь делать одной целыми днями?

– Все верно, ты права, – ответил Билл, нежно целуя жену в лоб. – Что ж, возвращайся к своему младенцу и к своей капусте, а я примчусь к вам, как только сумею вырваться.

Сесили покинула Найроби на следующее утро, предварительно загрузив доверху багажник пикапа Кэтрин (она возвращалась домой вместе с подругой) готовыми нарядами, которые она приобрела в том бутике, что порекомендовала ей Кики.

– Ну что? Повеселились на славу? – спросила у нее Кэтрин, слегка зевнув, когда они выехали за пределы Найроби. Кэтрин вела машину, упираясь своим объемным животом в руль.

– Может, давай я поведу машину? – предложила ей Сесили.

– Зачем? Не обращай внимания на мое пузо. Основное место в нем занимает не ребеночек, это все жировые отложения, и только, – отмахнулась Кэтрин от предложения подруги. – Но в любом случае должна сказать, я рада, что мы едем домой. Вся эта бесконечная череда вечеринок и приемов вымотала меня донельзя. Зато Билл, судя по его внешнему виду, наслаждался жизнью на полную катушку. А ведь раньше его силой было не заманить на всякие светские мероприятия. Глядя на вас двоих, сразу можно сделать вывод, что у вас сейчас все просто замечательно. У твоего муженька физиономия как у кота, которому дали полную миску сливок. Пожалуй, ты – это самое лучшее, что случилось в его жизни до сих пор.

– А он – самое лучшее, что случилось в моей жизни, – улыбнулась в ответ Сесили. – Я буду страшно скучать без него.

– Впервые слышу от тебя подобное заявление! Что ж, повторяю еще раз, я безмерно счастлива за вас обоих.

И действительно, когда они наконец подъехали к «Райскому уголку» и Кэтрин выгрузила ее из машины вместе со всеми покупками, а Сесили, в свою очередь, познакомила подругу с Ланкенуа, Квинетом и Стеллой – девочку Кэтрин тотчас же взяла на руки и принялась аukatь и гукать над ней, так вот, Сесили, провожая подругу уже со Стеллой на руках, долго махала ей вслед, а сама при этом думала, что она очень и очень счастлива. Как еще никогда в жизни.

В последующие недели Билл при первой же возможности спешил домой. Иногда он вырывался буквально на несколько часов: приезжал уже за полночь, а утром, еще на рассвете, возвращался назад в Найроби. В такие ночи Сесили обычно устраивала Ланкенуа и Стеллу в одной из свободных спален, она по-прежнему и в мыслях не допускала возможности того, чтобы служанка забрала девочку к себе в сарай, а так и ребенок в доме, и им с Биллом никто не мешает.

Чем ближе Сесили узнавала Ланкенуа, которой было приблизительно столько же лет, сколько ей самой, тем больше она ей нравилось и тем сильнее росло ее доверие к служанке. Ланкенуа действительно схватывала все на лету и уже менее чем через месяц могла вполне сносно приготовить на ужин жаркое из курицы и карри, правда, с одним досадным упущением: она, вместо того чтобы взять тушку курицы из холодильника, свернула шею одной из драгоценных курочек Сесили, которых та так лелеяла и берегла. Словом, ошибочка вышла, но ничего не поделаешь. Квинет тоже охотно помогал Сесили в саду и на огороде, а она учила его, как правильно надо ухаживать за различными растениями и овощами. Пожалуй, лишь однажды он получил от нее нагоняй: это когда она вышла на веранду и увидела, как две худющие коровы, принадлежащие служанке, мирно пасутся посреди лужайки и жуют в собственное удовольствие газонную траву. Но в целом Квинет оказался хорошим мальчиком, а регулярное питание сделало свое дело: он посвежел, и щеки его заметно налились и округлились. Ланкенуа обращалась со Стеллой выше всяких похвал, заботилась о ней, как о родном дитяти, и это позволяло Сесили и самой изредка отлучаться в Найроби, когда у мужа не получалось вырваться со службы домой.

В один из дней в самом конце января Ланкенуа разбудила Сесили рано утром, постучав в дверь ее спальни.

– Миссис Сесили, идите сюда! – Она жестом изобразила телефонную трубку, приложив ее к уху. Сесили быстро набросила на себя халат и пошлепала босыми ногами по коридору, чтобы ответить на телефонный звонок.

– Доброе утро, дорогая, это я, Билл, – услышала она голос мужа в трубке. – Хочу предупредить тебя, что сегодня я вернусь домой очень

поздно. Тут случилась страшная вещь.

– Что?

– Джосс попал в автомобильную аварию неподалеку от той виллы в Карене, где живут Джок и Диана. Судя по всему, он сломал себе шею... О боже, Сесили... Джосс погиб!

– Нет! Только не это! – вскрикнула Сесили и больно прикусила губу. Она прекрасно знала, как сильно Билл привязан к своему другу, можно сказать, он его просто обожал, несмотря на все беспутства, которые Джосс позволял себе в отношениях с женщинами. – Я... Чем я могу тебе помочь сейчас?

– Да, собственно, ничем... Само собой, мне придется взять на себя все те функции, которые исполнял Джосс, пока начальство во всем не разберется и не примет какое-то решение. Сейчас я направляюсь прямо в морг... Хочу взглянуть на старину Джосса и попрощаться с ним... – добавил Билл, и Сесили услышала, как дрогнул у него голос.

– Ах, дорогой, мне искренне жаль Джосса. Я очень, очень сожалею о случившемся. Хочешь, я приеду к тебе?

– Думаю, с похоронами тянуть не станут... Постараются упокоить беднягу поскорее. Война ведь, тут не до соблюдения всех обрядов и церемоний. А потому, если хочешь, приезжай. Так даже будет лучше. Увидимся тогда вечером в клубе. Только прошу тебя, Сесили, будь предельно осторожна за рулем.

Сесили положила трубку на рычаг и снова направилась на кухню, чтобы заварить себе чашечку крепкого кофе. Потом, стоя у окна, стала медленно пить свой кофе, любуясь еще одним великолепным солнечным утром и невольно содрогаясь при мысли о том, что Джосс, такой жизнелюб, такой непоседа, переполняемый энергией и всевозможными желаниями, уже не увидит этого прекрасного утра. Она вдруг вспомнила слова отца, любившего часто повторять странную на первый взгляд мысль о том, что тот, кто живет, помогая себе мечом, от меча же и погибнет. Джосс сам превратил свою жизнь в некое подобие балагана, любил жить напоказ, все время бежал куда-то, не желая остановиться даже на секунду, чтобы перевести дыхание. И вот его больше нет. Ушел навсегда!

На кухне появилась Ланкенау с маленькой Стеллой на руках.

– Все хорошо, миссис Сесили? – поинтересовалась она у своей хозяйки.

– Мне надо срочно ехать в Найроби. А ты тут присмотришь за Стеллой, ладно?

– Ладно.

Сесили упаковала в дорожную сумку свое единственное черное платье и шляпку и сразу же после полудня отправилась в путь на запасном пикапе Билла. Поначалу она заметно нервничала, сев за руль, но уже вскоре почувствовала невероятную свободу, радуясь тому, что одна, самостоятельно, ведет машину и едет, куда хочет.

Атмосфера в клубе Мутаига была подавленной, если не сказать больше. Глянув в небольшое оконце, Сесили увидела, что почти все обитатели мужского пола, проживающие в гостинице, столпились сейчас в баре для джентльменов, потягивают виски и о чем-то разговаривают приглушенными голосами. На террасе сидели несколько женщин, они пили шампанское не чокаясь, поминая Джосса. Сесили сразу же прошествовала к себе в номер, чтобы переодеться с дороги. Весь путь она проделала в клубах пыли. И почти сразу же дверь в комнату снова распахнулась.

– Добрый день, дорогая. Мне уже сообщили, что ты приехала. – Лицо Билла было серым от усталости и переживаний. Он буквально на глазах постарел лет на десять. Сесили бросилась к нему навстречу.

– Мне очень, очень жаль, Билл, что все так получилось. Я знаю, что для тебя значил Джосс.

– Все так. Несмотря на все его недостатки и прегрешения, без него здешняя жизнь уже никогда не будет прежней. Однако, Сесили, на самом деле дела обстоят много хуже, чем я тебе рассказывал. Я был в морге, беседовал с суперинтендантом Поппи. Пока об этом еще *не заявлено публично*, представители правительства сделают такое заявление завтра, но, похоже, старину Джосса убили.

– Убили?! О боже! Но как? При каких обстоятельствах это случилось?

– Он убит выстрелом в голову. Судя по всему, пуля прошла через ухо и дальше прямо в мозг. Шансов выжить у него не было.

– Но кому понадобилось убивать Джосса? Ведь его все так любили! Правда ведь?

Сесили внимательно посмотрела на мужа, словно стараясь прочесть ответ на свой вопрос по выражению его лица.

– Ах, боже мой! – снова прошептала она.

– Да, именно так! Скорее всего, остальные такого же мнения. Тем более что все случилось почти рядом с домом Джока и Дианы. Наверное, Джосс подвозил Диану, она вышла из машины и... Бог его знает, что там произошло на самом деле, но на данный момент для бедняги Джока Бротона все складывается не слишком хорошо.

– Знаешь, Билл, по правде говоря, хотя я и знаю, как сильно ты любил Джосса, но я не могу винить в случившемся Джока, даже если он и *застрелил* его.

– Знаю, дорогая, знаю. – Билл тяжело вздохнул и сел на кровать. – Но пока все, о чем я сообщил тебе, тайна за семью печатями. Завтра состоятся похороны, и уж затем полиция займется расследованием произошедшего и допросит Джока по всем правилам.

– А ты как считаешь, это он убил Джосса?

– Во всяком случае, мотивы у него точно были. Тем не менее пока о нашем разговоре никому ни слова. Вот забежал, чтобы специально предупредить тебя. А сейчас мне надо срочно к себе на службу. Там тоже полно дел, которые требуют личного присутствия. Побудешь пока одна?

– Конечно, побуду, – согласно кивнула Сесили. – Какие проблемы?

– Постараюсь вернуться к ужину. – Билл уныло махнул рукой и исчез за дверью.

* * *

Похороны Джосса Виктора Хэя, двадцать второго графа Эрролла, прошли на следующий день в церкви Святого Павла в пригороде Найроби Киамбу. Сесили, сидя с Биллом в первом ряду, оглянулась назад и увидела, что на службу пришел весь здешний бомонд. Разве что Дианы не было видно. Минувшим вечером, вернувшись после службы к себе в гостиницу, Билл рассказал жене, что буквально за несколько часов до гибели Джосса Джок согласился дать Диане развод, чтобы она могла выйти замуж за Джосса. Он даже якобы провозгласил

тост за их будущее семейное счастье вечером того же дня в ресторане клуба на глазах у всех остальных посетителей ресторана.

– Пожалуйста, имей в виду, что пока только полиция знает, что Джосс был убит, – снова напомнил Билл жене, когда они собирались на траурную церемонию. – Все вокруг продолжают считать, что его смерть – это результат несчастного случая, автомобильная авария.

Однако за поминальным обедом, который был накрыт в ресторане клуба Мутаига, Сесили поняла, что слухи об истинных причинах гибели Джосса уже успели просочиться в широкую, так сказать, публику. Его верные подруги Алиса и Айдина были в полном отчаянии, а про Диану никто и слова хорошего не сказал. На обеде присутствовал и Джок; выглядел он подавленным, хотя был изрядно пьян. Его приятельница Джуни Карберри постаралась поскорее увести его прочь, чтобы «не позорил себя перед остальными», как она успела шепнуть Биллу.

– Эти поминки – словно завершение эры, – обронил Билл, помогая Сесили усесться в пикап. – Джосс *был олицетворением* Долины Счастья, и даже я, который всегда считал, что он ведет себя неподобающим образом, понимаю, что окружающий мир без него станет совсем иным. Пожалуйста, будь осторожна за рулем и немедленно позвони мне, как только вернешься домой.

– Обязательно, – пообещала мужу Сесили.

Всю дорогу домой Сесили продолжала размышлять о гибели ближайшего друга Билла, искренне надеясь на то, что эта страшная для мужа утрата не омрачит их дальнейшую семейную жизнь и никак не повлияет на их взаимоотношения, которые в последнее время складывались просто идеально.

* * *

Спустя три недели Джок Бротон был арестован по подозрению в убийстве Джосса Эрrolла. Вся эта история наделала много шума, все ведущие газеты мира пестрели сенсационными заголовками, даже Доротея позвонила дочери из Нью-Йорка, чтобы уточнить кое-какие детали.

– То есть ты знала Джосса лично? – страшно удивилась она.

– Да. Он... он был очень близким другом Билла. Они все трое, он, Диана и Джок, приезжали к нам на выходные в декабре минувшего года.

– Не может быть! – На другом конце провода повисла взволнованная тишина. – И ты знакома с Дианой? Она и правда такая же красавица, как на тех фотографиях, что публикуют в газетах?

– О да. Она очень привлекательна.

– Ты полагаешь, его застрелил сэр Джок?

– Не знаю, мама, но Джосс и Диана не делали тайны из своего романа.

– Поверить не могу, что эти люди останавливались под крышей твоего дома...

Сесили невольно улыбнулась: несмотря на всю серьезность ситуации, ее мать продолжает витать в своем вымышленном мире, очень далеко от реальной жизни.

– И эти двое любили друг друга, как о том пишут в газетах? – продолжала сыпать вопросами Доротея.

– Да, любили. – *«Или испытывали вожделение друг к другу»*, – подумала про себя Сесили. – Mamочка, мне надо идти, – сказала она, заслышав плач Стеллы, верный признак того, что малышку пора кормить. – Передавай от меня привет нашим. Люблю вас всех.

– Подожди минутку... Я не ослышалась? Где-то в доме плачет ребенок?

– Да, это маленькая Стелла, дочь моей служанки. Ужасно милая и смышленная девочка.

– Как только закончится война, я сразу же сяду на пароход и отправлюсь к тебе в гости, дорогая моя. Судя по всему, эта Кения – очень интересная страна.

– О да, мамочка. Ты права. Очень интересная. Всего тебе доброго, – ответила Сесили, вешая трубку.

* * *

На время все разговоры на военные темы, преобладавшие в гостиных в последние несколько месяцев, отошли в сторону на фоне пикантных сплетен, которые реяли вокруг судебного разбирательства

по делу об убийстве Джосса. Хотя Сесили сейчас днями напролет с упоением занималась маленькой Стеллой, сердце ее рвалось на части всякий раз, когда она думала о муже: Билл безвылазно торчал в Найроби, не только взвалив себе на плечи все прежние обязанности Джосса, но и погрузившись с головой в разбор уже личных дел своего друга.

Кэтрин звонила в «Райский уголок» постоянно. Большую часть своего времени она проводила сейчас вместе с Алисой на ее ферме Ванджохи, стараясь хоть как-то притупить горе Алисы, продолжавшей скорбеть о смерти Джосса.

– Я очень за нее переживаю, – призналась Кэтрин подруге в одном из разговоров. – Недавно у нее умер отец, а уж убийство Джосса окончательно выбило ее из колеи... Ей сейчас очень плохо, Сесили. Даже не знаю, что с ней делать.

В конце мая в Центральном суде Найроби начался судебный процесс над Джоком Бротонем.

– Такое впечатление, дорогая, что народ собрался поглазеть на какое-то представление, – со вздохом сообщил жене Билл, разговаривая с ней по телефону после первого дня заседания суда. – Весь бомонд Долины Счастья явился в суд в полном составе, конечно, все разодеты в пух и прах, куча репортеров со всего света, которые освещают процесс. По крайней мере, Диана внесла хоть какую-то лепту, чтобы помочь своему несчастному мужу, она наняла ему талантливого и опытного адвоката. Представь себе, сегодня утром она явилась в суд, одетая во все черное, готовая разыгрывать из себя безутешную вдову. Я страшно не люблю говорить о ком-то плохо, но, как мне кажется, эта особа просто наслаждается тем, что оказалась в центре внимания.

«А чему тут удивляться?» – подумала про себя Сесили.

– Если хочешь, можешь приехать в город и своими глазами взглянуть на весь этот цирк, хотя, по правде говоря, зрелище не из веселых, особенно если вспомнить, что идет война.

– Нет уж, лучше я останусь дома, – ответила мужу Сесили, понимая, как сильно она разочарует свою мать, когда та узнает, что ее дочь пропустила самое сенсационное судебное разбирательство последних лет. А Сесили гораздо больше нравилось наблюдать за тем, как растет Стелла, ей ведь уже почти шесть месяцев. За минувшие

месяцы тщедушный заморыш уже успел превратиться в прелестное пухлое создание, каждое движение которого несказанно умиляло Сесили. Резвая, смышленная девочка... Сесили клала ее на одеяло, которое расстилала в саду под кроной хинного дерева, а потом часами любовалась живыми глазками Стеллы, так похожими на глаза ее матери. Девочка внимательно следила за тем, как плывут по небу облака, вслушивалась в веселое щебетанье птиц, доносившееся с ветвей дерева. Вульфи, тот просто обжал малышку и по ночам бдительно караулил ее, укладываясь под дверями детской.

– Ты так много времени проводишь со Стеллой, – заметила как-то раз Кэтрин, которая должна была родить буквально со дня на день, а потому ее визиты к подруге становились все реже и реже. Вот и сейчас малышка удобно устроилась на коленях Сесили, пока обе подруги разговаривали, сидя на веранде.

– У Ланкенуа полно работы в доме, надо же кому-то в это время присматривать за ребенком. А таскать ее повсюду за собой в переноске неудобно, она ведь тяжеленькая, – быстро нашлась в ответ Сесили.

Кэтрин бросила на подругу внимательный взгляд.

– Имя довольно необычное для масаи – Стелла, ты не находишь?

– Вообще-то ее настоящее имя Ньяла, что означает «звезда». Красиво звучит, да? А Стелла – это латинский вариант имени, – с легкостью соврала Сесили.

– Смотри, не привязывайся к ребенку слишком сильно, иначе кончишь тем, что будешь заниматься ею день и ночь. А сейчас получается, что ты просто сменила работу по дому на обязанности няньки. Я права?

– О, я совсем не против поныничаться с девочкой какое-то время. В конце концов, это гораздо легче, чем скоблить полы, – улыбнулась в ответ Сесили.

* * *

– Ну, вот! Суд наконец удалился, чтобы посоветоваться касательно своего вердикта, – сообщил Билл жене пару месяцев спустя в очередном телефонном разговоре. – Честно говоря, меня сейчас уже мало занимает, каким будет их приговор. За минувшие месяцы процесс

превратился в самый настоящий цирк, и я страшно рад, что весь этот балаган наконец закончится.

– А как ты думаешь, какое они примут решение? – осторожно поинтересовалась Сесили у мужа, отправив очередную ложечку тертого яблока в ротик Стеллы, а другой рукой придерживая возле уха телефонную трубку.

– Улик против него более чем достаточно, но его защитник Моррис произнес просто блистательную речь на заключительном заседании. Воистину, он заслужил весь свой гонорар, который положила ему Диана, заслужил до последнего пенса. В любом случае я тут же перезвоню тебе после оглашения приговора. Надеюсь, что хоть сейчас душа бедняги Джосса упокоится наконец-то с миром.

– И я тоже очень на это надеюсь, – пробормотала Сесили и положила трубку на рычаг. А про себя подумала: и что Билл тоже наконец успокоится.

* * *

– Его оправдали! – Очередной звонок Билла прозвучал в десять часов вечера того же дня. – Словом, его не повесят после всех этих месяцев неопределенности.

– Чудеса, да и только! – согласилась с мужем Сесили. – Думаю, большинство людей ожидали, что его признают виновным.

– Ожидали, да, но... Если честно, то после того, как я выслушал всех свидетелей, я, признаюсь, тоже стал сомневаться в его виновности. В любом случае я страшно рад, что все наконец закончилось. Дорогая, на эти выходные я снова не смогу вырваться домой. Мне нужно посетить лагерь для интернированных в Момбаса.

– О боже! Надеюсь, ничего опасного там нет?

– Пока нет, там сейчас вполне спокойно. Я должен проверить, как обращаются с военнопленными и все ли у них в порядке. Перезвоню тебе, как только смогу. А пока выше голову, все эти безобразия не могут ведь продолжаться вечно.

Сесили повесила трубку и с тяжелым чувством вышла на веранду. Несмотря на чистое небо, на дворе царил необычная для июльского вечера влажность; воздух был буквально пропитан ароматами цветов,

благоухающих в саду. И Сесили невольно вспомнила тот вечер, когда Джосс и Диана танцевали вот здесь, на этой самой веранде...

Вернувшись в дом, она решила, что маме сообщит эту новость завтра. Хотя в глубине души Сесили по-прежнему считала, что Джок повинен в смерти Джосса, тем не менее она обрадовалась, узнав, что он не окончит свои дни с петлей на шее. Сесили улеглась в постель и уже в который раз мысленно взмолилась о том, чтобы война поскорее закончилась. В последние несколько месяцев она практически не виделась с Биллом. Если бы не Стелла рядом, то от одиночества можно было бы сойти с ума.

Впрочем, Кэтрин была точно в таком же положении. В конце мая она родила сына Мишеля и изредка навещалась в «Райский уголок». Вместе с Сесили они вязали носки, мастерили кисеты для солдат на фронте, а Стелла и Мишель в это время дружно лежали на ковре перед ними. Стелла к этому времени уже сидела, Сесили усаживала малышку на ковер, и та неотрывно глядела на Мишеля своими прекрасными глазами.

– Скорее бы уж закончилась эта война и мы с Биллом снова стали бы нормальной супружеской парой, – вздохнула вслух Сесили, выключая ночник на прикроватной тумбочке.

41

Однако прошло еще долгих четыре года, прежде чем желание Сесили исполнилось. И то были самые трудные годы в ее жизни.

Когда Сесили услышала новость о том, что японцы атаковали Перл-Харбор, после чего Соединенные Штаты тоже вступили в войну, она тут же разрыдалась, тесно прижимая к груди Стеллу. Ее ужасало все, что может сейчас случиться с ее близкими в Нью-Йорке. Между тем нехватка продуктов питания давала о себе знать все острее, спасал лишь огород, который радовал своим изобилием, а также яйца и молоко с их скромного подворья. Ее красавица кобылка Белле была экспроприирована на нужды фронта. Помнится, в тот день, когда Билл вывел лошадь из стойла и повел прочь со двора, Сесили выплакала все глаза.

Хотя их ферме непосредственно ничего не угрожало, Сесили жила в постоянном страхе за жизнь мужа. Приняв на себя командование

Африканским стрелковым полком королевских военных сил, Билл оказался верен своему слову и принимал участие во всех боевых действиях, как того требовала обстановка. Поначалу эти действия носили ограниченный характер, но в 1943 году Билла и весь его Одиннадцатый дивизион погрузили на корабль и отправили воевать в Бирму, что привело Сесили в ужас. Она места себе не находила, изнывая в полной неизвестности, в ожидании редких весточек с фронта, но неделями не получала никаких известий, разве что пару коротеньких писем, в которых Билл сообщал жене, что в джунглях сейчас стоит невероятная жара и такая же невероятная влажность, а все остальные предложения были тщательно вымараны цензорами. После Бирмы он, исхудавший и ставший похожим на привидение, заскочил на пару деньков в «Райский уголок» и вскоре снова отправился на фронт.

Телефон и радио стали для Сесили единственной связью с остальным миром. И все же, готовясь к еще более трудным и сложным временам, она изо всех сил старалась поддерживать в доме атмосферу уюта и семейного тепла для Стеллы, которая уже заметно подросла и превратилась в необыкновенно красивую и милую девочку.

В начале мая 1945 года на них обрушился поистине тропический ливень, и в этот момент зазвонил телефон.

Звонил Билл, он сообщил Сесили новость, от которой у нее чуть сердце не выскочило из груди, когда она клала трубку на рычаг.

– Закончилась! Все закончилось! Ланкенуа, она закончилась! – крикнула во весь голос Сесили и бегом помчалась по коридору на кухню: четырехлетняя Стелла сидела за столом и что-то рисовала, а служанка в это время наводила чистоту на кухне. – Окончилась наконец! – Сесили громко рассмеялась и крепко обняла растерявшуюся Ланкенуа.

– Что закончилось, миссис Сесили? – уставилась она непонимающим взглядом на свою хозяйку.

– Война! Она наконец закончилась, – пояснила Сесили и подошла к Стелле, чтобы забрать ее. Девочка была уже на целую голову выше Мишеля, хотя разница в возрасте составляла всего лишь полгода. – Все кончено! – Она поцеловала свою ненаглядную девочку в макушку, в ее аккуратно заплетенные косички. – Скоро Билл вернется домой, и мы снова заживем одной семьей.

– Но почему же ты плачешь, если ты счастлива? – спросила у нее недоумевающая Стелла.

– Потому что это самая чудесная новость из всех! Наконец-то я смогу взять тебя с собой на родину, показать Нью-Йорк и... и еще много всяких разных вещей. Целый миллион всего и всякого! А сейчас я собираюсь в Найроби. Там планируются всякие праздничные торжества. Ланкенуа, пожалуйста, погладь мое голубое платье, то, которое с воланами, ладно? Пожалуй, моя старая соломенная шляпка тоже пригодится.

– Можно мне поехать с тобой? – с некоторой грустью в голосе спросила у нее Стелла.

– Не сегодня, милая. Сегодня в городе будут толпы народа, и ты можешь легко потеряться. Но вот в другой раз, обещаю, я обязательно возьму тебя с собой.

– Но мне так нравится ходить по магазинам вместе с тобой и Йейо.

– Знаю, дорогая, знаю. Впрочем, сегодня полки во всех магазинах пусты. Но скоро все изменится, и тогда мы поедем с тобой в город и накупим тебе много всяких красивых платьев. А пока, – Сесили протянула девочке руку, – пойдём со мной, поможешь мне собраться в дорогу.

Стелла устроилась на кровати, а Сесили принялась закалывать заколками свои кудри.

– А почему у нас с тобой разные волосы? – неожиданно поинтересовалась Стелла.

– В разных местах у людей разные волосы.

– Но мы же с тобой живём в одном месте, – продолжала упорствовать Стелла.

– Да, но ты же помнишь, что я родилась и выросла в Соединенных Штатах Америки. Я тебе ещё в атласе показывала, где находится эта страна. Она на другом конце света, через огромный океан. А ты и Йейо родились здесь, в Кении.

В свое время они с Биллом решили, что для Стеллы будет лучше, если она станет расти, воспринимая Ланкенуа как свою родную мать. Едва научившись говорить, девочка стала звать служанку Йейо, что на языке масаи означает мама, а к Сесили она обращалась, называя ее Куйя, такой сокращенный вариант от Накуйя, или тетя. Стелла с легкостью щебетала на языке масаи с Ланкенуа, с дядей Найгаси и со своим «старшим братом» Квинетом, который уже успел превратиться в рослого и сильного парня, без усталости работающего по хозяйству и помогающего Сесили содержать в порядке сад и огород. Стелла также легко усвоила нью-йоркский акцент Верхнего Ист-Сайда, на котором разговаривала Сесили, что заставляло Билла весело смеяться, когда он изредка бывал дома и слышал эту забавную английскую речь, особенно смешную в детских устах.

– Я ненавижу свои волосы! – призналась Стелла, дернув рукой свои косички, которые Ланкенуа умело заплела ей накануне. – У меня волосы словно проволока, а у тебя они такие мягкие и пушистые. И почему ты красишь себе лицо? Если я покрашу свое, у меня будет дурацкий вид, да? – продолжала щебетать Стелла, глядя, как Сесили наносит немного румян на свои щеки.

– У меня же кожа бледная и бесцветная, вот мне и нужно ее немного раскрасить, а у тебя такая красивая и ровная кожа, что тебе не требуются никакие ухищрения. Хорошо! – подвела Сесили черту под разговором, пряча в свою косметичку румяна и прочие мелочи. – Пожалуйста, подай мне из комода ночную сорочку персикового цвета, – попросила она малышку.

Стелла выдвинула верхний ящик комода, но вместо сорочки извлекла оттуда один из бюстгалтеров Сесили.

– А зачем ты это носишь? Йейо такое не носит. Мне тоже придется это носить, когда я вырасту?

– Если тебе захочется, то будешь носить. Так! Где моя ночная сорочка? Мне нужно срочно ехать в Найроби.

Ланкенау и Стелла проводили Сесили и долго махали руками ей вслед, а она клятвенно заверила их, что постарается уже завтра вернуться домой. Шоссе, ведущее в Найроби, было запружено машинами. Она встроилась в хвост длинной вереницы автомобилей, битком забитых людьми: все торопились в город, чтобы отпраздновать победу. Сесили еще раз мысленно прокрутила в голове свой утренний разговор со Стеллой. Вне всякого сомнения, девочка обожает свою так называемую «маму», но в последнее время она все чаще стала задавать вопросы, недоумевая, почему она спит в одной из свободных спален (в которой Сесили постаралась создать настоящий райский уголок для малышки), в то время как ее Йейо спит вместе с Квинетом в сарае. И потом, Ланкенау одета всегда очень просто, а Стелла щеголяет в красивых платьицах. Квинет не проявляет особого энтузиазма в учебе, предпочитая урокам работу по хозяйству, а Стелла между тем уже умеет читать и писать – Сесили занимается с ней каждое утро, и девочка демонстрирует недюжинные способности, схватывая все просто на лету.

– Придется тебе, дорогая, выпроваживать ее в университет, когда ей исполнится десять лет, – пошутил однажды Билл, когда появился в доме на выходных, получив краткосрочный отпуск. – Смотри, постарайся не забивать ей голову всякими идеями, несовместимыми с ее положением.

Последняя реплика мужа послужила поводом к одной из самых серьезных стычек, которые хоть и изредка, но случались в их семье. Сесили тут же обвинила мужа в приверженности к двойным

стандартам и стала запальчиво доказывать ему, что, дескать, вот у них в Штатах чернокожие девушки могут запросто обучаться в колледжах.

– Все может быть, – уклончиво ответил Билл. – Но мы-то с тобой живем в Африке, а здесь таких возможностей для Стеллы нет.

– Тогда мне придется отвезти ее в Нью-Йорк! – огрызнулась Сесили.

Билл извинился за свои слова, но все же Сесили постепенно начала понимать всю серьезность ситуации и озабоченность мужа в этой связи. Стелла росла и все более недоумевала по поводу собственной принадлежности: кто она, какого рода-племени и почему с ней все не так, как у других. И ответов на эти вопросы у Сесили пока не было.

– Не буду пока о грустном. Подумаю об этом завтра, – решила Сесили уже на подъезде к Найроби, снова пристроившись в хвост длиннющей колонны из автомобилей, оглушающих окрестности ревом своих сирен и радостными воплями пассажиров, которым не терпелось поскорее попасть в город. Безоблачное лазурное небо над головой тоже способствовало праздничному настроению. Очередная пробка случилась уже на главной улице Найроби – авеню Деламер. До Сесили долетели бравурные звуки духового оркестра: неподалеку шел военный парад в честь дня победы. Потеряв всякую надежду отыскать в этой круговерти Билла, Сесили выбралась из машины и оставила ее прямо там, где сделала вынужденную остановку, а сама влилась в ликующую людскую толпу, радостными криками приветствующую воинов-победителей, пока те бравым строем маршировали мимо них.

* * *

Спустя месяц Билл демобилизовался и вернулся наконец домой. Сесили попросила Квинета укрепить рядом с парадным входом государственный флаг Великобритании «Юнион Джек», флаг она стащила, присутствуя на параде победы в Найроби. В гости к ним приехали Кэтрин и Бобби со своей сынишкой Мишелем. Стелла возбужденно прыгала вокруг «дяди Билла». Билл сильно сдал за минувшие годы: волосы посеребрила седина, а еще в его взгляде появилась какая-то обреченность, чего до войны не было.

– За встречу друзей, – провозгласил он свой первый тост. – И за всех, кого больше с нами нет, но кого мы помним.

– За светлую память тех, кого больше нет с нами, – откликнулись все остальные.

Сесили понимала, что Билл, провозглашая тост, имел в виду не только своих боевых товарищей, павших на полях сражений, но и Джосса, и Алису, которая покончила жизнь самоубийством, застрелилась спустя всего несколько месяцев после того, как оправдали Джока Бротона, обвиняемого в убийстве ее ненаглядного Джосса. Снова поползли упорные слухи, что именно Алиса и была причастна к этому убийству, хотя подозревали и многих других. Словом, список потенциальных убийц Джосса был весьма обширным. Но Сесили уже давно научилась не прислушиваться к пустым сплетням, а потому она искренне скорбела по Алисе.

– За начало новой эры в нашей жизни! – провозгласил свой тост Бобби и, глянув на жену, привлек ее к себе. – Пусть войны никогда более не омрачат нашу жизнь.

– За мир! – хором присоединились к нему все остальные.

* * *

– Как же я счастлив! Лежать в одной постели с такой нежной американской миссис! – пошутил Билл уже ночью, когда они с Сесили улеглись наконец в кровать и Билл обнял свою жену.

– Ну, что? Здравствуй, жена!

– Здравствуй, муж, – ответила Сесили, откидывая прядь волос с его лица. – Надеюсь, ты устроишь себе небольшой отдых на следующей неделе и у нас появится какое-то время и для себя, – добавила она шепотом.

– Отдых? Моя дорогая девочка, значение этого слова мне совершенно непонятно, впрочем, как и любому нормальному мужчине. Сейчас, когда эта проклятая война наконец закончилась, самое время заняться своими стадами. Могу лишь только догадываться, сколько голов мы недосчитаемся и сколько коров утеряно, пока хозяин отсутствовал. Но это я выясню прямо на месте уже завтра.

– Но хотя бы один денек подари нам со Стеллой! – взмолилась Сесили. – Девочка ведь тебя совсем не знает. А мне так хочется, чтобы ты провел с ней хоть немного времени. И со мной тоже.

– Посмотрим, как у нас получится. Но в любом случае я не намерен прохлаждаться дома, сидеть в четырех стенах и строить догадки, что там творится в моих стадах.

– И надолго ты собрался уехать?

– Пока еще и сам не знаю, но ты же понимаешь, что мне необходимо ехать.

«Тебе всегда необходимо куда-то ехать...» Сесили больно прикусила губу и сглотнула комок, подступивший к горлу. Ей не хотелось плакать в самую первую ночь по возвращении Билла домой.

– Я тут подумала, может, нам удастся наконец навестить моих родителей в Америке, – перевела она разговор на другое. – Ты ведь никогда не был в Нью-Йорке. Там много чего можно посмотреть. И Стеллу возьмем с собой.

– Сесили, я понимаю, как тебе хочется повидаться с родными, но и ты должна понять меня: мне нужно как можно скорее навести порядок в хозяйстве и снова взять все под свой контроль. Ведь ферма – это то, что нас кормит. Она дает нам хлеб наш насущный, а за последние несколько лет на мой счет не поступило ни единого пенса. Все то, что я продал правительству, тоже обернулось совсем ничтожной прибылью. Сегодня нам на полном серьезе грозят разорение и долги, если я не примусь немедленно исправлять ситуацию.

– Но у меня же есть немного своих денег, Билл. Голодная смерть нам точно не грозит.

– Зато я точно знаю, что не хочу жить за счет своей жены! – Лицо Билла потемнело от гнева. – Я прежде всего фермер, а не джентльмен, постоянно пребывающий в праздности, как многие другие здесь. Окончание войны вовсе не означает, что я отойду от дел и буду до конца своих дней просиживать задницу в баре, попивая джин вместе с остальной публикой. Этого не будет никогда! Я уже дождаться не могу, когда снова вернусь на равнины... – Билл повернулся к жене: – Хочешь, присоединяйся ко мне на следующей неделе, когда я отправлюсь на охоту?

– Пожалуй, – ответила Сесили без особого энтузиазма в голосе.

– Боже, как же я устал! – воскликнул он, целуя ее в лоб. – Спокойной ночи, Сесили. Сладких тебе снов.

Он повернулся к ней спиной, и буквально через пару секунд Сесили услышала его ровный храп. Она выключила ночник и тоже откинулась на подушку. Слезы, которые она с таким трудом сдерживала, беззвучно полились по ее щекам. Она уже забыла, когда они с мужем занимались любовью.

Те бурные ночи четырехлетней давности, еще до гибели Джосса, еще до того, как Билл отправился воевать в Бирму, уже давно превратились в смутное воспоминание.

– Жизнь такая жестокая штука, – прошептала Сесили, смахивая слезы рукой. – Спасибо тебе, Господи, что Ты послал мне Стеллу.

* * *

Первый послевоенный год не внес никаких перемен в жизнь Сесили. Она по-прежнему коротала время в полном одиночестве, все более и более привязываясь к Стелле и черпая в ней свое утешение. Однако сейчас стало еще хуже, чем это было в годы войны. Физически Билл присутствовал, ложился с ней в одну кровать, но это был совсем другой Билл, не похожий на себя прежнего. Он был молчалив и необычно холоден с нею, а то мрачное настроение, в котором он постоянно пребывал, отравляло и без того гнетущую атмосферу в их «Райском уголке». Да и на Стеллу Билл почти не обращал внимания.

Мама звонила каждый месяц и все вопрошала, когда же дочь наконец соберется на родину, но стоило Сесили начать разговор на эту тему с мужем, как тот немедленно отвечал ей своим стандартным набором аргументов: дескать, сейчас не самое подходящее время, и он не может оставить ферму, бросить свой скот на самотек.

– Дай мне еще один год. Постараюсь за эти двенадцать месяцев полностью наладить свое хозяйство, поставить, так сказать, дело на прежние рельсы. Вот тогда и подумаем о поездке к твоим родным, – пообещал Билл.

А Сесили между тем изнывала от тоски. Ведь она не виделась со своими родными уже более шести лет. Всем сердцем она рвалась домой, на родину.

Наступил ноябрь 1946 года. Сезон тропических дождей превратил сад Сесили в настоящий цветущий рай. В среду, ближе к полудню, к ней приехала Кэтрин с маленьким Мишелем. Мальчику уже исполнилось шесть лет, и он просто обожал свою лучшую подружку Стеллу. Сесили с девочкой как раз сидели за кухонным столом, Сесили учила Стеллу арифметике. Малышка очень любила арифметику, и Сесили, хотя и понимала, что никакой родственной связи между ними нет, была в глубине души горда тем, что эту страсть к цифрам Стелла унаследовала от нее. Но после появления Мишеля цифры сразу же были забыты: малышка бросилась к другу, чтобы обнять его.

– Боже мой! – улыбнулась Кэтрин, глядя на детей: Мишель стремглав ринулся по влажной садовой земле, размахивая руками и изображая аэроплан и одновременно пытаюсь догнать Стеллу, убегающую от него с веселым громким визгом. – Он даже поест не может спокойно. А уж заставить его сконцентрироваться на математике... Нет, это выше моих сил.

– Если Мишель захочет учиться, я с радостью стану заниматься с ним, – предложила свои услуги Сесили.

– Очень может статься, что я воспользуюсь твоим предложением, – ответила Кэтрин, когда они обе уселись на веранде, попивая прохладный лимонад. – Все же ты очень привязалась к Стелле, как я посмотрю.

– Конечно, привязалась, а как иначе? Она ведь выросла под моей крышей, – поспешила возразить Сесили.

– Наверное, тебе пойдет на пользу, если в ближайшие месяцы ты станешь чаще забирать к себе Мишеля. Дело в том, что я снова беременна. – Кэтрин выразительно вскинула бровь.

– Как здорово! Замечательная новость! Ты рада?

– Наверное, буду рада, когда он или она появится на свет. Однако сама беременность доставляет мне мало удовольствия.

– А Бобби рад?

– Понятия не имею. Он после возвращения с фронта очень отдалился от меня. Скажу честно, не перестаю удивляться тому, что нам вообще удалось сообразить это дитя. В последние несколько лет эта сфера супружеских отношений его совсем не интересует.

– И Билла тоже, – призналась Сесили, слегка покраснев от смущения. – Он все время ходит какой-то мрачный, подавленный...

– Я все еще не теряю надежды, что время зарубцует душевные раны Бобби, – вздохнула Кэтрин. – Наверное, видеть, как на твоих глазах человека разрывает на части, пережить столько смертей очень страшно, все это не могло не сказаться на их психике. Но, как известно, время лечит все. Однако прошел уже год с небольшим, а заметных перемен в муже я пока не вижу. А мне так хочется видеть рядом с собой прежнего Бобби, того Бобби, которого я люблю.

– Я рада, что Бобби все же не совсем похож на моего мужа.

– Все так резко изменилось после войны, все стало другим, не правда ли, Сесили? Даже здесь, в Долине Счастья, все поменялось. Думаю, многие кенийцы, сражавшиеся на фронтах, верой и правдой служа королю и своей родине, искренне верили в то, что, когда они вернутся после войны домой, у них начнется совсем иная жизнь. Однако *для них* никаких перемен так и не наступило. Более того, поскольку многие фермы попросту разорились и исчезли, аборигенам стало еще труднее найти себе работу, чем это было до войны.

– А я вот все еще надеюсь на что-то лучшее, как последняя дурочка.

– Быть оптимистом – это хорошо. Разве не оптимизм помог нам выжить в годы войны? – заметила Кэтрин. – Знаешь, а меня почему-то в последнее время со страшной силой потянуло в нашу старую добрую Англию. Там ведь медицина на должном уровне, не то что у нас здесь. На родине я смогла бы заниматься работой по специальности – трудиться ветеринаром. В Кении это практически невозможно. Стоит только фермеру взглянуть на меня, и он видит во мне лишь женщину, а потому никогда не согласится вверить моему попечению своих драгоценных коров. Тут же со всех ног убежит прочь! А еще последнее время я страшно скучаю по туманам. – Кэтрин издала невеселый смешок.

– Я отлично понимаю тебя, – сказала Сесили. – Я и сама хочу на Рождество податься к своим в Америку. Я ведь не видела родных уже почти семь лет.

– Тогда ты должна обязательно ехать! Всенепременно!

– А что, если Билл откажется поехать вместе со мной?

– Ну, так и оставляй его дома, что за проблема! – пожала плечами Кэтрин. – Господи! Да если бы мне только представился случай выбраться из Африки и хоть ненадолго съездить в Америку, так я бы помчалась туда быстрее ветра.

– А я бы с удовольствием пригласила тебя за компанию, если бы... – Сесили бросила выразительный взгляд на небольшой, но уже заметный бугорок на животе подруги. – Если бы не твое положение. Так что с Америкой тебе придется пока повременить.

– Ты права! Не сейчас... Но после того как родится ребеночек, можешь смело приглашать меня, и я с готовностью отвечу тебе «да». Ах, Сесили! Поезжай, не раздумывая! Ведь это же такое счастье – встретить Рождество на Манхэттене, в кругу семьи. Возьми с собой служанку, если не хочешь отправляться в дорогу одна.

– И Стеллу тоже.

Кэтрин бросила на подругу внимательный взгляд.

– Конечно, и Стеллу тоже.

* * *

Спустя несколько дней Билл вернулся домой с пастбищ. Понимая, что решать надо немедленно, поскольку на носу уже декабрь, Сесили приготовила мужу его любимое мясное рагу с клецками и откупорила последнюю бутылку кларета.

После того как Билл поужинал и выпил бокал вина, Сесили наконец собралась с духом, чтобы начать разговор о главном.

– Билл, я... видишь ли... Я бы хотела навестить своих родителей на Рождество.

– Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас, не откладывая встречу на потом. Само собой, я была бы счастлива, если бы ты поехал вместе со мной. Я ведь терпеливо ждала целый год, как ты попросил меня об этом. Понимаю, на ферме нужно твое постоянное присутствие, много работы и все такое... Ведь тебе надо восстановить все, что было утрачено за годы войны. Но... – Она сделала глубокий вдох. – *Но мне нужно повидаться со своими родными. Я ведь не виделась с ними столько лет. А речь*

идет о людях, которых я люблю, о моих близких. Кто знает, сколько нам еще осталось на этой земле. Одному Богу известно...

Билл допил вино и снова наполнил бокал. Сесили молча слушала, как барабанит дождь по крыше, и ждала, затаив дыхание. Билл сделал глоток и взглянул на нее через стол.

– Я тебя отлично понимаю, понимаю твоё желание повидаться с родными, но лично я никак не могу бросить ферму именно сейчас. Однако и тебе мешать не стану. Поезжай, обязательно поезжай.

– Ты меня отпускаешь? Правда?

– Правда.

У Сесили защемило в глазах от подступивших слез. Она подхватила со стула и поцеловала мужа.

– Спасибо тебе, дорогой! Большое спасибо! А поскольку мне не хотелось бы отправляться в дорогу одной, то, думаю, будет правильным, если я возьму с собой Ланкенуа и Стеллу.

– Почему именно их? Наверняка на пароходе будет полно твоих соотечественников, возвращающихся домой.

– Я уже тут поспрашивала. Нет, пока никто не собирается. Кики уже в Нью-Йорке, а больше тут и американцев-то почти нет.

– Тогда, конечно, бери с собой Ланкенуа.

– Уверена, Найгаси справится с домом, пока нас не будет. А Квинет будет ухаживать за садом и огородом...

– О, за это можешь не волноваться, Сесили. Ведь до того, как ты появилась в моей жизни, я и сам отлично справлялся с домашним хозяйством.

– Билл! – Сесили взяла руки мужа в свои. – Прошу тебя, подумай еще раз. Ведь ты же не раз повторял, что Рождество – это твой любимый праздник. На Манхэттене нас ждет настоящее Рождество, со снегом, иллюминацией... даже с индюшкой. Поехали! Хотя бы на пару недель!

– Возможно, когда-нибудь в другой раз. Или ты забыла, что я столько лет и носа не высовывал из Африки? В плане всяких светских контактов, я имею в виду. Боюсь, я совсем забыл, как надо вести себя в приличном обществе. А ты, дорогая, смело отправляйся в путь и не обращай внимания на своего старого уставшего мужа.

Сесили уже мысленно пожалела о том, что открыла бутылку с кларетом. От вина Билл сделался еще мрачнее и угрюмее, чем обычно.

– Билл, я люблю тебя, пожалуйста, не говори о себе так. Но мне так хочется, чтобы мои родители познакомились наконец со своим зятем.

– Прости, Сесили, но пока я говорю тебе «нет». А ты поезжай с богом. Что ж... – Билл поднялся из-за стола. – Что-то меня клонит в сон.

Сесили молча проводила мужа взглядом, и глаза ее снова наполнились слезами.

43

– Мы уже подплываем к Америке, Куйя? – спросила у нее Стелла, жадно припав к иллюминатору в их каюте.

– Да, милая, мы уже совсем рядом, – ответила Сесили, глядя, как Ланкенуа укладывает в чемодан последние мелочи из их багажа. Сесили нажала на кнопку вызова стюарда и продолжила разговаривать с девочкой. – Сейчас мы поднимемся на палубу, и ты своими глазами увидишь знаменитую статую Свободы. Она приветствует путешественников, прибывающих в Америку со всех концов света.

В каюту вошел стюард, чтобы забрать их багаж, Сесили заплатила ему чаевые, после чего еще раз проверила свою сумочку, все ли их дорожные документы на месте.

Перед отплытием в Америку было много суматохи; ведь Ланкенуа и Стелле потребовались документы, по которым они смогут попасть на территорию Штатов, а для этого нужно было получить свидетельства о рождении, паспорта, поручительства, выданные британскими властями и прочее. Оставалось только благодарить небеса за то, что у Билла оказалось полно связей во властных структурах. Вместе с Найгаси они выбрали подходящую фамилию для малышки и ее якобы матери, чтобы в Нью-Йорке ни у кого из них не возникло никаких проблем при проверке документов иммиграционной службой.

– Мы уже вошли в Гудзон, мэм, – сообщил им стюард. – Статуя Свободы будет видна минут через десять.

– Тогда пошли, – обратилась Сесили к Ланкенуа и Стелле. – Поднимемся на палубу и будем ждать ее появления!

– Я лучше останусь здесь, – отрицательно покачала головой Ланкенуа. Ее уже сотрясал озноб при одной только мысли, что надо

выходить на такой холод, и это несмотря на то, что на ней было теплое пальто из твида, которое отдала ей Сесили.

– Хорошо, как хочешь. – Сесили подала руку Стелле. – Ну, а мы, пожалуй, пойдем.

На палубе первого класса пассажиров было немного. Мало кто рискнул покинуть свою каюту и выйти на такой мороз. Зато когда Сесили глянула вниз, то увидела десятки протянутых рук и веселые возгласы тех, кто плыл в Америку в каютах низшего класса.

– А вот и она! – воскликнула Сесили, махнув рукой влево, туда, где густой туман стелился над заливом.

– Где? Я ничего не вижу, – заявила Стелла.

– Да вот же она! – Сесили показала на монумент. Знакомые очертания статуи Свободы тут же вызвали слезы у нее на глазах, но она проворно смахнула их рукой, чтобы они не примерзли к лицу. Свобода радушно приветствовала утомленных пассажиров, держа в руке зажженный факел и, словно маяк, освещая всем путь в этом густом тумане. Еще никогда сердце Сесили так не ликовало при виде статуи.

Стелла взглянула на нее с недоумением.

– Но она же такая маленькая! А ты рассказывала мне, что в Америке все очень большое.

– Но она очень важна для всех нас, американцев. Это наш национальный символ, особый символ, которым мы очень гордимся. – Сесили вздохнула. – Подожди немного. Вот рассеется туман, и тогда ты сможешь увидеть небоскребы.

– А это что такое? – Стелла протянула ей свою раскрытую ладонку, на которую упало несколько снежинок.

– Это снег! Помнишь, я показывала тебе рождественские открытки? Снег всегда идет у нас перед тем, как приезжает Санта-Клаус. Ты еще увидишь много снега.

– Санта-Клаус живет на Манхэттене? – Глаза у малышки расширились от удивления.

– Нет, он живет на Северном полюсе. Но перед Рождеством обязательно посылает сюда снег, чтобы ему было легче добраться к нам на своих санях и вручить рождественские подарки всем хорошим маленьким деткам.

– Ох, ну и холодина же тут! – Стелла начала энергично растирать свой нос. – Вернемся лучше опять в каюту, да?

– Пошли, милая. Но, заверяю тебя, Манхэттен тебе очень понравится, вот увидишь, – откликнулась Сесили. Девочка взяла ее за руку, и они снова направились вниз, в свою каюту.

Уже который раз Сесили мысленно порадовалась, что у нее есть возможность путешествовать первым классом, а не тесниться в самых дешевых каютах третьего или четвертого класса. Наконец их лайнер причалил к пирсу и бросил якорь. Вручая свои документы представителю иммиграционной службы, Сесили улыбнулась и кокетливо помахала ресницами.

– Ах, я так счастлива снова оказаться дома, сэр. Ведь я не была в Штатах долгих семь лет, – заговорила она первой, пока чиновник внимательно изучал их документы.

– Как долго собираетесь пробыть у нас, мисс Хантли-Морган?

– О, совсем недолго. Меня ждет жених в Кении. В феврале у нас свадьба, так что к этому времени я должна буду вернуться назад в Кению, – пояснила она так, как ее научили, потому что в ее американском паспорте еще не было отметки о том, что она замужем.

– Следовательно, миссис Анкуну и ее дочь Стелла вернутся на родину в Африку вместе с вами?

– Разумеется. Вы же видите, у нас и обратные билеты имеются. То есть я хочу сказать, маловероятно, чтобы кто-то забыл забрать с собой служанку и ее дочь, верно?

– Согласен, это действительно маловероятно, – ответил мужчина, глянув на Ланкенуа и Стеллу. – Они говорят по-английски?

– Не очень хорошо, точнее, совсем плохо. Но ведь все равно им будет очень интересно увидеть Манхэттен своими глазами. Это же так здорово, правда? – затараторила в ответ Сесили.

– Да, им будет очень интересно, – согласился с ней чиновник, ставя печати в паспортах Ланкенуа и Стеллы. – Добро пожаловать в Соединенные Штаты. Желаю счастливого Рождества всем вам.

Сесили перевела дух, когда они наконец покинули служебное помещение. Она мельком глянула на длиннющую очередь тех, кто еще только ждет проверки своих документов. Бог знает, сколько часов придется простоять на морозе всем этим людям, только что спустившимся по сходням на пирс.

– Ладно! – промолвила она, когда они втроем вошли в зону прибытия. – Наконец-то мы добрались до цели! Видит Бог! Я так взволнована! О, а вот и мои! – Сесили весело рассмеялась, увидев маму, отца и их шофера Арчера. Она приветственно помахала им рукой. – Ну, идем знакомиться с моей семьей! – обратилась она к Стелле и Ланкенуа.

Сесили с удовольствием констатировала, что за минувшие семь лет ее родители совсем не изменились; после эмоциональных объятий и восклицаний Арчер повел их к машине, стоявшей неподалеку.

– А это кто? – поинтересовалась Доротея, впервые обратив внимание на Стеллу, стеснительно жавшуюся за спиной Ланкенуа.

– А это – Стелла, моя любимая подружка. Я права, милая? – Сесили улыбнулась девочке.

– Никак не предполагала, что у нас появится еще один пассажир, – недовольно бросила Доротея. – Служанка, конечно, сядет впереди, рядом с Арчером, а вот ребенка...

– Мама, она прекрасно устроится у меня на коленях; в салоне места для нас троих с половиной более чем достаточно, – непреклонно отрезала в ответ Сесили и взяла Стеллу за руку.

Всю дорогу до дома Сесили делала вид, что не замечает демонстративного неудовольствия мамы, а вместо этого рассматривала вместе со Стеллой городские виды, мелькавшие за окном авто, показывала ей всякие разные здания, а малышка охала и ахала, разглядывая изумленными глазами небоскребы, мимо которых они проезжали.

В семейном особняке на Пятой авеню Сесили встречали все остальные члены их семейства, собравшиеся в гостиной. Присцилла стояла рядом со своим мужем Робертом, рядом с ними – их семилетняя дочь Кристабель. Гюнтер полуобнял свою жену Мейми с младенцем на руках, еще два ребенка стеснительно спрятались за спины своих родителей. На самом почетном месте в гостиной возвышалась огромная красавица елка, украшенная свечами и разноцветными шарами, камин был декорирован многочисленными красными чулками с рождественскими дарами для всех членов семьи.

– Мэри, отведи служанку и ее ребенка в их комнату наверху, а мисс Сесили пока познакомится с новыми членами нашего семейства, – приказала Доротея экономке.

Сесили с большой неохотой отпустила руку Стеллы, понимая, что ей следует предупредить мать о том, что Стелла будет спать на одном этаже с ней, вот только в какие слова ей нужно облечь это свое пожелание, она пока и сама толком не знала.

– Сесили! – Мейми и Присцилла бросились к сестре и стали тискать ее в своих объятиях, потом началась процедура знакомства. Сесили по очереди представили Кристабель, Адель, маленького «Трикса» и Джимми. Сесили потискала каждого из своих племянников. Девочки немного оробели, увидев наконец своими глазами эту таинственную «тетю из Африки», а трехлетний Джимми сразу же переключился на игрушки, разбросанные по всему ковру.

– Выглядишь просто обалденно, Сесили, – одобрительно заметила Присцилла. – За эти годы ты превратилась в самую настоящую красавицу.

– То есть до отъезда в Африку я ею не была, да?! – пошутила в ответ Сесили и весело рассмеялась.

– А, вечно ты все истолкуешь по-своему! Ты никогда не могла должным образом реагировать на комплименты. Правда, Мейми?

– Чистая правда, – подтвердила та.

Сесили бросила мимолетный взгляд на Мейми: бледное личико, ярко накрашенные губы, короткая стрижка, общее впечатление очень стильной и модной дамы. Присцилла, как всегда, имела цветущий вид и блистала красотой, разве что немного пополнила и раздалась вширь за минувшие годы.

– Ну, как вы тут? – обратилась Сесили к обеим сестрам.

– Замучилась до слез со своими нескончаемыми беременностями. Впрочем, чем еще нам, девочкам, заниматься? – пошутила Мейми, закуривая сигарету в мундштуке. – Кажется, у меня этот процесс стал уже постоянным.

– Не обращай внимания на ее шуточки, Сесили. Ты же ведь пошутила, дорогая, правда? – подал голос Гюнтер. Он подошел к жене и встал рядом с ней.

– Ну, если тебе так хочется думать! – Мейми с чувством вздохнула.

– Присаживайся, Сесили, – сказала Присцилла, увлекая ее к дивану. – Садись и начинай немедленно рассказывать нам, как ты жила все эти семь лет.

– О, боюсь, одного вечера нам будет мало для всех моих рассказов. За эти годы в моей жизни столько всего случилось, но я постараюсь.

– Конечно, за один вечер ей никак не управиться, – сказала Доротея. – Глядя на тебя, доченька, я вообще удивляюсь, как за эти годы ты не превратилась под тамошним солнцем в такую же черномазую, как твоя служанка и ее дочь.

– Я постоянно носила широкополую шляпу, мамочка. Тем и спасалась, – ответила Сесили, внутренне поежившись от последних слов матери.

– Итак, – Доротея взяла бокал шампанского с подноса, – добро пожаловать домой, родная моя! Мы все страшно соскучились по тебе, правда ведь?

– Истинная правда, – согласно кивнул головой Вальтер и тоже взял бокал с шампанским. – А в следующий раз, когда надумаешь отправиться с краткосрочным визитом в какой-нибудь экзотический уголок земли, мы тебя попросту не отпустим. Вот и все!

– Папочка, я же не виновата в том, что началась война, она и спутала все наши планы. Разве не так? – возразила отцу Сесили.

– Ты права, война внесла свои коррективы. И как вы там пережили эти годы лихолетья? Были ли у вас проблемы с продовольствием?

– Да, перебои с продуктами были, это факт. Но у меня свой огород, он нас и спасал.

– У тебя свой огород? – Присцилла уставилась на сестру изумленным взглядом. – Ты что, сама выращиваешь на грядках морковь и капусту?

– Представь себе, да, сама. Правда, мне помогает старший сын Ланкенуа Квинет. А если голод уж совсем донимает нас, то я просто иду в самый конец своего сада, пристреливаю там какую-нибудь антилопу, а потом мы ее жарим на вертеле прямо на костре.

Десять пар ошарашенных глаз вперили в Сесили свои взгляды, даже Джимми перестал на какое-то мгновение возиться со своей игрушечной машинкой.

– Ты шутишь, да? – переспросила у нее Присцилла.

– Ну, может быть, я немного преувеличила, но только самую малость. Конечно, на антилоп мы охотимся не у себя в саду. На самом

деле если мы с Биллом отправляемся на сафари, то без трофеев, как правило, не возвращаемся. Билл очень опытный охотник и отличный стрелок. Он, кстати, спас меня в свое время от перспективы быть съеденной голодным львом.

– Бах-бах! – громко выкрикнул Джимми, сидя на ковре.

– Именно так, Джимми! – подтвердила Сесили. – Только в жизни этот звук еще громче. – Она невольно улыбнулась, взглянув на взволнованные лица своих близких.

– Ты нас, наверное, разыгрываешь, Сесили, не иначе, – снова вставила слово Присцилла.

– По правде говоря, совсем нет. Разве что немного сгустила краски. – Сесили издала короткий смешок. – Я уж не стану живописать вам всякие ужастики про змей, огромных таких блестящих гадов типа кобры, которые могут запросто заползти к тебе в спальню в ночное время. Я привезла с собой кучу фотографий, потом все вам покажу.

– Какое счастье, что у нас на Пятой авеню никаких пресмыкающихся пока не замечено и нам не надо отправляться на охоту, чтобы обеспечить себе ужин, – несколько натянуто заметил Вальтер.

– Кстати, мы пригласили сегодня на ужин и Кики, – сказала Доротея. – Надеюсь, ты в курсе, что ее сын погиб на фронте?

– Да, знаю. Я даже специально ездила тогда в Мундуи-Хаус, чтобы повидаться с нею, но ее слуга Алееки сказал мне, что она никого не принимает, – грустно обронила Сесили. – Как она сейчас? Немного отошла?

– Я общаюсь с ней только по телефону. Она сейчас проживает в отеле «Стэнхоуп» вместе со своей матерью и Лилиан. Это ее компаньонка. Если судить по голосу, так дела у нее пока неважные. Вряд ли она оправилась после всех трагедий, обрушившихся на нее. – Доротея вздохнула. – Эта ее ближайшая подруга... Алиса... Кики была очень привязана к ней.

– Да, Джос и Алиса ушли буквально друг за другом. Кики была безутешна, когда Алиса покончила жизнь самоубийством. Собственно, мы все тогда очень переживали, – сказала Сесили.

– Я читала в прессе, что она свела счеты с жизнью, потому что этот красавчик граф Эрролл был любовью всей ее жизни, – снова

вставила слово Присцилла. – Ты и правда танцевала с ним на своей свадьбе? Скажи, Сесили, он действительно был так хорош собой, как расписывали все газеты?

– Да, он действительно был очень красив и вообще обворожителен. Безукоризненные манеры и все такое, – ответила Сесили, уже немного подустав от всеобщего внимания, в центре которого она оказалась. – А сейчас я хочу послушать вас. Расскажите мне, что интересного было здесь.

* * *

После ужина Сесили отказалась от чашечки вечернего кофе и почти ползком пробралась к себе в спальню. Кики так и не появилась за ужином, чему Сесили ничуть не удивилась, зная, сколь непредсказуемым характером обладает ее крестная. Остановившись на лестничной площадке напротив своей комнаты, Сесили глянула на лестницу, которая вела выше, в мансардные помещения, где обитала прислуга. Сбросив с ног туфли на высоких каблуках – за годы, проведенные в Кении, она уже отвыкла расхаживать по дому в такой обуви, Сесили преодолела лестничный пролет босиком. Наверху слегка пригнулась под карнизом и прошествовала по коридору к комнате, в которой разместили Ланкенуа и Стеллу.

Осторожно постучала в дверь и услышала в ответ протяжный кашель Ланкенуа. Бедняжка успела подцепить простуду еще в Саутгемптоне, где они делали пересадку на атлантический лайнер, который должен был доставить их в Нью-Йорк. В комнате стоял зверский холод, переступив порог, Сесили зябко поежилась в своей легкой шелковой блузке, в которой чувствовала себя вполне комфортно в пышущих жаром комнатах внизу.

– Куйя, это ты? – услышала она тихий голосок, окликнувший ее с узкой железной кровати.

– Да, это я. – Сесили на цыпочках прошествовала по голому деревянному полу к кровати Стеллы. Несмотря на то что окно было закрыто, из него сильно сквозило. – С тобой все в порядке? – Она глянула на девочку. Та, свернувшись в клубок, пыталась согреться под тонюсеньким одеялом.

– Мне холодно. Я з-з-замерзла, – пролепетала та, содрогаясь всем телом. – Как же здесь холодно, в этом Нью-Йорке! Вот и Йейо говорит, что ей сильно нездоровится.

– Дай-ка я обниму тебя покрепче и прижму к себе, – сказала Сесили.

– А где ты была? – спросила у нее Стелла.

– Внизу. Ужинала вместе со своими родителями и сестрами.

– А можно я завтра тоже пойду с тобой на ужин? Нам на ужин дали только по одному сэндвичу, но хлеб такой невкусный! Совсем не такой, какой печешь ты дома.

– Наверное, – согласилась с ней Сесили, сообразив, что Стелла уже привыкла ужинать вместе с ней, когда Билл отсутствовал дома, что случалось практически постоянно.

– И мне совсем не нравится жить под самой крышей, – пожаловалась девочка. – Тут страшно.

– Потерпи немножко, ладно, милая? Завтра я все улажу, обещаю. А сейчас давай мы с тобой тихонечко спустимся вниз и ты поспишь в моей кровати. Но только надо соблюдать величайшую осторожность, потому что мистер и миссис Хантли-Морган уже спят. Нельзя их потревожить. Они очень осерчают, если мы их ненароком разбудим. Понятно?

– Да, понятно.

Сесили взяла одеяло с кровати Стеллы и поплотнее укутала им Ланкенуа: пусть хоть немножко согреется. Потом взяла Стеллу за руку и повела ее по узенькому коридорчику и далее вниз по лестнице. Шла, затаив дыхание. А вдруг сейчас она столкнется носом к носу со своими родителями? И только переступив порог собственной комнаты, Сесили облегченно вздохнула.

– Ну же! Нырять поскорее под одеяло и устраивайся поудобнее, а я переоденусь ко сну и тоже лягу.

– Хорошо, Куйя. Мне здесь нравится гораздо больше, чем наверху, – откликнулась Стелла. Она мигом вскарабкалась на кровать и улеглась по центру. – Здесь так красиво и тепло.

– В этой комнате я спала, когда была маленькой девочкой, – отозвалась Сесили, укладываясь в постель рядом со Стеллой, после чего выключила ночник. Стелла протянула к ней руки, чтобы обнять, но Сесили сама заключила малышку в свои объятия. – Так лучше?

- Да, лучше.
- Сладких тебе снов, дорогая.
- И тебе тоже, Куйя.

* * *

Сесили специально завела будильник, чтобы утром проснуться пораньше, успеть отвести Стеллу наверх и одеть ее там еще до того, как в ее спальне появится Эвелин с завтраком. Когда Сесили поднялась в мансарду, она обнаружила, что у Ланкенуа начался жар. Она бегом спустилась вниз, нашла там салфетки, смочила одну из них водой, чтобы положить ее на лоб Ланкенуа и хоть немного сбить температуру.

В холле Сесили столкнулась с Доротеей, которая посмотрела на дочь с нескрываемым удивлением.

– Куда это ты так торопишься, милая? И зачем тебе эти салфетки?

– Моя служанка заболела, мама. Она простыла еще в Англии и всю дорогу сюда кашляла. А сегодня утром я обнаружила, что у нее сильный жар. Вот хочу попытаться хоть немного сбить температуру.

– Полагаю, Мэри или Эвелин вполне могут позаботиться о ней. Скорее всего, это самая обычная простуда.

– Я совсем не удивляюсь, мама, что ей стало намного хуже. Наверху зверски холодно.

– Слуги никогда не жаловались на то, что они замерзают.

– Но ведь твои слуги приехали не из Африки, мама. Пожалуйста, прикажи кому-нибудь, пусть принесут в ее комнату ведро угля, и я растоплю там печку.

– Йейо поправится? – спросила у нее Стелла, пока Сесили протирала влажными салфетками потное, горячее тело Ланкенуа. Удушающий кашель стал еще сильнее, все ее тело сотрясалось от очередного приступа, она едва слышно шептала что-то нечленораздельное.

– Конечно, поправится, милая, – заверила девочку Сесили. – Если к вечеру ей не полегчает, я пошлю за доктором. Не волнуйся.

Стелла подошла к окну и стала смотреть, как на улице валит густой снег. Сесили закутала девочку в один из своих старых шерстяных кардиганов, чтобы та не замерзла.

– Будем надеяться, – ответила Стелла с недетской серьезностью. – Я ее очень люблю, Куйя.

– И я тоже ее очень люблю, дорогая. Обещаю, скоро ей станет легче. А когда она немного окрепнет, мы с тобой отправимся по магазинам, не возражаешь? Нам ведь надо купить тебе новые одежды. А еще там есть специальный магазин игрушек. А потом мы покатаемся на лошадях по Центральному парку...

– В такой повозке, в которой приедет Санта-Клаус? Но он же едет на оленях. – Лицо Стеллы засветилось радостью в предвкушении столь приятных событий. – Снега здесь хватает, чтобы его санки нигде не застряли, правда ведь? – Она взволнованно хлопнула в ладоши, а Сесили тем временем подбросила еще пару совков угля в небольшую железную печурку. – Осталось еще... – Девочка принялась загибать пальчики на своей руке. – Целых пять дней, пока он приедет к нам!

– Все верно, еще пять дней надо подождать, – согласилась с ней Сесили и вспомнила, как недоволен был Билл, когда она стала рассказывать Стелле истории про Санта-Клауса.

– Санта-Клаус – это ведь не часть ее культуры, а теперь она все свое детство будет ждать, когда Санта-Клаус на Рождество спустит ей подарки через дымоход, – заметил он.

– И что тут плохого? Африканцам позволили поверить в Иисуса Христа, разве не так? И многие из них уже обратились к нашей вере.

– Что я тоже категорически не одобряю, – резко возразил муж. – Не вижу ничего хорошего в том, чтобы разрушать исконные культурные традиции народов, которых они придерживались многие сотни лет. Неужели ты не понимаешь этого, Сесили?

Конечно, Сесили все прекрасно понимала, но, с другой стороны, в этом году Стелла впервые осознанно подошла к празднованию Рождества, она с нетерпением ждала Санта-Клауса, что было видно по ее взволнованному личику, и эта детская радость, такая непосредственная и явная, притупляла чувство вины у Сесили. В конце концов, Санта-Клаус – это всего лишь еще один герой из сказки, как и многие другие. А какой же вред может быть от сказок? Не говоря уже о том, что Билл сейчас так далеко от них, в Кении, можно сказать, на другом конце света...

– Мама, мне нужно срочно вызвать врача к Ланкенуа. Жар у нее не спадает, и я боюсь, как бы у нее не случилась пневмония. – Встревоженная Сесили ворвалась в гостиную, где Доротея чаевничала с какой-то своей приятельницей.

– Одну минутку, Мод, – извиняющимся тоном обратилась мать к даме и вывела дочь в холл.

– Пожалуйста, дай мне номер его телефона, и я сама позвоню ему, – попросила Сесили мать.

– Но мы не приглашаем доктора к слугам, милая. Если кто-то из них заболевает, то они обращаются в клинику, где лечат бесплатно, и там им оказывают нужную помощь.

– Зато я, мама, *всегда вызываю* врача для своих слуг. Тем более что я сама приволокла Ланкенуа сюда. И, следовательно, несу за нее ответственность. Как же ты этого не понимаешь?

– Пожалуйста, Сесили, прошу тебя... не кричи так! Мод – очень богатая вдова, и я сейчас пытаюсь уговорить ее сделать крупное пожертвование в наш комитет, который занимается негритянскими детьми-сиротами.

– Знаешь, мама, если мы срочно не вызовем доктора к Ланкенуа, то, вполне возможно, сиротка-негр может появиться и под твоей собственной крышей!

– Хорошо-хорошо! Будь по-твоему... Номер телефона доктора Барнса в адресной книге на письменном столе твоего отца.

– Спасибо, мама. И не волнуйся, я заплачу за вызов сама! – крикнула Сесили вдогонку матери, когда та поспешила обратно в гостиную к своей собеседнице, богатой вдове.

Разговаривая по телефону с секретаршей доктора Барнса, Сесили намеренно опустила то обстоятельство, что речь идет о чернокожей пациентке. Доктор появился у них в особняке где-то через час с небольшим, и, открыв ему дверь, Сесили обрадовалась всей душой, увидев перед собой молодую копию старика Барнса. Скорее всего, это его сын, догадалась она, глянув на добродушное лицо, значительно более доброе, чем у его отца.

– Спасибо, доктор, что приехали, – поблагодарила она врача. – Пройдемте сейчас наверх, и я покажу вам больную.

Преодолев шесть лестничных пролетов, Сесили распахнула дверь в крохотную каморку в мансарде.

– Эту женщину зовут Ланкенуа. Она приехала вместе со мной из Кении буквально несколько дней тому назад, – сообщила она доктору и глянула на его лицо в ожидании ответной реакции.

– Хорошо. Для начала давайте я осмотрю ее.

Сесили взяла Стеллу за руку, и они тихонько отошли в сторону, чтобы не мешать доктору Барнсу проводить осмотр больной.

– Однако, прежде чем я стану прослушивать ее, один вопрос к вам. Этот судорожный кашель, очень похожий на коклюш... У многих иммигрантов, прибывающих в Нью-Йорк издалека, уже замечен именно такой кашель.

– О нет, доктор. Это точно не коклюш. Думаю, у нее очень сильная простуда, и я боюсь, как бы она не переросла в пневмонию.

– О, мисс Морган-Хантли, вы рассуждаете очень компетентно, почти как заправский врач, – улыбнулся доктор Барнс.

– Вообще-то я – миссис Форсайт. А что касается моих познаний в области медицины, то, знаете, когда огромную территорию, не уступающую по своей площади Манхэттену, обслуживает всего лишь один врач, приходится учиться многому, – ответила Сесили. – Да и Ланкенуа много чего рассказывала мне обо всяких лекарственных травах, которыми они лечат своих больных. Ее мать была очень опытной знахаркой, думаю, многие ее снадобья приносили пользу.

– Уверен, что так, миссис Форсайт. – Доктор Барнс извлек из своего саквояжа стетоскоп и стал прослушивать грудную клетку Ланкенуа. – Хорошо! А сейчас помогите мне усадить ее и подержите, пока я прослушаю спину.

– Сию минуту! Когда я вам звонила, то думала, что с визитом к нам придет ваш отец.

– Мой отец уже отошел от дел, и сейчас вся его практика уже на мне. Мне жаль, если я вас разочаровал...

– О нет! Совсем даже напротив! – Сесили покачала головой. – Ну, как ее грудь?

– Сильные хрипы, что мне категорически не нравится. Думаю, ваш предварительный диагноз верен, миссис Форсайт. Ваша служанка на грани воспаления легких. Хорошо, что вы вовремя обратились ко мне.

– У вас есть какие-то лекарства, чтобы облегчить ее состояние?

– Конечно, есть. Новое чудодейственное средство под названием «пенициллин». В настоящее время этот препарат применяется исключительно в больницах и прописывается в форме инъекций. Однако у меня была пара пациентов со сходными симптомами, как и у вашей служанки, и мне удалось выпросить немного пенициллина в одной из клиник. И все мои больные поправились самым чудодейственным образом.

Доктор Барнс снова засунул руку в свой саквояж и, пошарив там, извлек наружу небольшую бутылочку и несколько шприцев.

– Рекомендуются ежедневно по четыре инъекции на протяжении пяти дней. Вам когда-нибудь приходилось самой делать уколы, миссис Форсайт?

– О да. Я умею делать уколы. Несколько лет тому назад моего мужа сильно поранил умирающий гепард и наш врач прописал ему морфий для успокоения. И он же научил меня, как надо правильно делать инъекцию, чтобы облегчить боль пациенту, пока идет процесс выздоровления.

– И вам позволили самостоятельно колоть больному морфий? – Доктор Барнс был явно шокирован признанием Сесили.

– Повторяю, когда живешь в отрыве от всего остального мира и на десятки миль вокруг ни одной живой души, то приходится быть самодостаточным во всем, – ответила ему Сесили. – Так что уколы я делать умею.

– Это очень кстати, – заметил доктор Барнс. – Самое подходящее место для инъекции – ягодица. Сейчас я лично прослежу за тем, как вы сделаете первый укол, а дальше, напоминаю еще раз, четыре укола ежедневно. Думаю, первые признаки улучшения вы заметите уже через сорок восемь часов. А еще нужны горячие компрессы и ингаляции, чтобы очистить дыхание.

Доктор Барнс помог Сесили отмерить нужную дозу, а затем стал наблюдать за тем, как она делает укол Ланкенуа. Он одобритительно кивнул головой, когда она уколола.

– Все сделано правильно, миссис Форсайт. Вы самая настоящая медсестра. Что ж, завтра я снова загляну к вам, проверю, как идут дела.

– Может, не стоит так себя обременять, доктор?

– Но это же моя работа, миссис Форсайт. И потом, разве мы не хотим, чтобы все вы были в полном здравии к Рождеству? Ведь это же ваше первое Рождество на Манхэттене после столь долгого отсутствия. Обязательно поправляйтесь, – обратился он уже непосредственно к Ланкенуа, и та лишь слабо кивнула головой в ответ. – Итак, до завтра. Всего вам доброго. – Доктор Барнс улыбнулся им всем на прощание и вышел из комнаты.

* * *

– Завтра я поведу Стеллу в универмаг «Блумингдейл», – объявила Сесили матери за очередной трапезой. – Надо купить девочке теплые вещи, а заодно пусть полюбуется там на Санта-Клауса. Ей ведь скучно сидеть целыми днями у постели больной матери.

– Она всегда может спуститься на кухню, и там о ней позаботятся наши слуги. А ты очень привязана к этой девочке, как я посмотрю. – Доротея окинула дочь внимательным взглядом. – Но она ведь тебе никто, дочь служанки, и только.

– Наверное, у них там, в Африке, все по-другому, – возразил жене Вальтер.

– Может, и так, но что-то я лично не наблюдала, чтобы белая женщина прогуливалась по «Блумингдейлу», держа за руку черного ребенка. А ты видел такое?

– Все меняется в этом мире, дорогая, – осторожно заметил Вальтер. – Вот я буквально на прошлой неделе прочитал в «Нью-Йорк Таймс», что в этом году несколько чернокожих абитуриентов смогли поступить и в Йельский университет, и в Гарвард.

– А девушки среди них были? – пробормотала Сесили.

– Что ты сказала, дорогая? – переспросила мать.

– Да так, ничего. Кстати, Мэри уже подготовила для Стеллы свободную комнату рядом с моей спальней? Если еще нет, то тогда я займусь этим сама.

– Ты же прекрасно знаешь, Сесили, что у нас все комнаты всегда наготове. Хотя не вижу никакой необходимости в том, чтобы переселять эту девочку из мансарды вниз.

– Но я же тебе говорила, мамочка, очень велик риск заразиться. Доктор Барнс предупредил меня, чтобы я изолировала Стеллу от ее матери, пока та окончательно не поправится, – бодро солгала Сесили. – Да, я собираюсь сегодня позвонить в отель «Стэнхоуп», в котором остановилась Кики. Хочу отвезти ей рождественский подарок.

– Я уже им звонила сегодня днем, и мне ответили, что Кики и ее мать никого не принимают.

– Тогда я оставлю свой подарок у администратора. Спокойной ночи, мама. Спокойной ночи, папа.

Сесили поднялась из-за стола и покинула столовую. Наведавшись в комнату Ланкенуа, она увидела, что женщина спокойно спит, дыхание у нее ровное и лоб не такой горячий. В десять часов вечера Сесили ее разбудит, чтобы сделать очередной укол.

Стелла, которую Сесили оставила у себя в комнате, пока взрослые ужинали, сидела на кровати уже в ночной сорочке, всецело поглощенная разглядыванием картинок в старой книге под названием «Это было в ночь перед Рождеством».

– Как там Йейо? – сразу же спросила Стелла, заметив входящую Сесили.

– О, ей уже намного лучше, милая. А сейчас давай я отведу тебя в твою спальню. – Сесили взяла девочку за руку и повела в соседнюю комнату. Она заранее попросила Мэри растопить там камин, и сейчас в комнате стояла почти африканская жара. – Ложись в кровать, детка, – сказала Сесили, помогая девочке устроиться на постели.

– Йейо тоже будет здесь спать, когда выздоровеет?

– Посмотрим, милая. Хочешь, я прочитаю тебе сказку перед сном? – сказала Сесили, присаживаясь на кровать со старой книгой в руках.

* * *

На следующее утро Ланкенуа действительно стало намного лучше. Больше не было жара, и, хотя кашель еще остался и был сильным, она смогла даже выпить немного воды, чему Сесили искренне обрадовалась.

– Простите меня, миссис Сесили. Я вам столько хлопот доставила, – обронила Ланкенуа с тяжелым вздохом.

– Никаких хлопот! – возразила Сесили. – Загляну к тебе днем, чтобы сделать очередной укол. А сейчас мы со Стеллой отправляемся в поход по магазинам.

– Мне уже хорошо, – кивком головы подтвердила Ланкенуа. – Можете заниматься своими делами.

– Хорошо, а ты пока отдыхай и набирайся сил, – ответила Сесили, подбрасывая очередную порцию угля в огонь. – Попозже мы навестим тебя и расскажем, как прошла наша вылазка в город.

Приехав в универмаг «Блумингдейл», первым делом Сесили и Стелла направились в отдел детской одежды. У Стеллы глаза расширились от изумления при виде бесконечных рядов с самыми разнообразными платьями и детскими фартучками, как говорится, на любой вкус. Продавщица при появлении Сесили с чернокожим ребенком за руку бросила на нее немного странный взгляд и потом следовала за ними по пятам, когда они стали прохаживаться вдоль рядов, выбирая для примерки те наряды, которые приглянулись Стелле.

– Ты просто картинка! – восхитилась Сесили, с улыбкой наблюдая за тем, как Стелла крутится возле зеркала, примеряя на себя платье бледно-оранжевого цвета с юбочкой, украшенной множеством воланов из тюля. – Отличный наряд для рождественского Сочельника. И так гармонирует с цветом твоей кожи! – Сесили даже прихлопнула в ладоши, не обращая ровным счетом никакого внимания на неодобрительный взгляд продавщицы. – Хорошо! А сейчас давай подберем тебе кое-что из теплых одежек, ладно?

Все обновки сложили в два объемных пакета и отправили вниз к Арчеру, в его машину. А Сесили со Стеллой, на которой сейчас уже было теплое красное пальтишко из натурального твида с бархатным воротничком и блестящими золотистыми пуговичками спереди и в тон к нему беретка, направились в отдел игрушек. Туда уже выстроилась длинная очередь из желающих посмотреть на Санта-Клауса. Такое впечатление, будто все родители, проживающие на Манхэттене, сговорились и привели своих ребятишек именно сегодня.

– Мама, взгляни! – воскликнул мальчик, стоявший перед ними. – Какая черная! Как негр! – Он ткнул пальцем в Стеллу.

– А ты белый, как моя Куйя! – огрызнулась в ответ Стелла и тоже ткнула в него пальцем. Судя по всему, обидные слова мальчика ее ни капельки не задели. А мать и сын в спешном порядке покинули очередь.

Сесили затаила дыхание в ожидании новых выпадов в адрес Стеллы, а девочка между тем с восхищением разглядывала кукол, выставленных на полках. Потом ее внимание привлек огромный медведь, почти в натуральную величину, который сидел возле колонны с колпаком Санта-Клауса на голове.

– Взгляни! – воскликнула Сесили. – Вон видишь, лев? Совсем такой, как у нас дома! – Девочка оторвалась от созерцания кукол и подбежала ко льву. Сесили неотступно следовала за ней.

– Но он ведь не настоящий, да?

– Конечно нет, – ответила Сесили, и Стелла тут же обхватила голову льва обеими руками.

– Мне всегда так хотелось пообниматься со львом, – весело хихикнула девочка, не обращая внимания на то, что мамы и их детки в очереди тут же уставились на нее во все глаза.

– Знаешь что, милая? – обратилась Сесили к Стелле. – Давай не будем стоять в этой длинной очереди, чтобы увидеть Санта-Клауса именно сегодня. Пойдем-ка лучше купим подарки для Ланкенуа и моих родителей, вернемся домой и примемся за письмо Санта-Клаусу с нашими пожеланиями, напишем и положим его в печную трубу, как мы обычно делали. Не возражаешь?

Стелла бросила сокрушенный взгляд на мужчину, облаченного в красно-белый костюм, который восседал на специальном помосте, и тяжело вздохнула.

– Ты права, тут такая длинная очередь, – согласилась она.

Сесили не стала оглядываться назад, чтобы перехватить неодобрительные взгляды всех тех, кто внимательно проследил за их отступлением.

* * *

Вернувшись домой, Стелла уселась писать письмо Санта-Клаусу, Сесили устроилась рядом, запоминая все пожелания девочки. Первым

в этом списке, конечно же, фигурировал огромный лохматый лев.

– Не представляю, как Санта-Клаус сможет спустить тебе этого льва через каминную трубу, – заметила Сесили, глянув на камин в своей спальне, возле которого они устроились, лакомясь сморсами, с некоторых пор эта сладость – шоколад и зефир вперемешку с крекерами Грэма – стала любимым лакомством Стеллы.

– Ты права, – согласилась с ней Стелла, сняла с вилки, которую держала перед ней Сесили, очередную клейкую зефирку и впихнула ее между шоколадкой и двумя крекерами, как научила ее Сесили. – Хотя Мишель рассказывал мне, что в прошлом году Санта-Клаус спустил ему по дымоходу велосипед. Значит, как-то же смог.

– Хочешь, я открою тебе один секрет? Я знаю одно местечко в Центральном парке, где обитает самый настоящий живой лев, – прошептала Сесили с заговорщицким видом.

– Правда?! Но ему, бедняжке, должно быть, очень холодно жить здесь среди снега, – воскликнула Стелла, подбегая к окну.

– О нет! Ничуть! В его распоряжении целый большой дом. А сейчас давай займемся упаковкой наших подарков. Поддай мне вон ту красивую бумагу.

Искупав Стеллу перед сном, Сесили снова поспешила наверх, чтобы сделать Ланкенуа еще один укол пенициллина. Она поняла, что ее служанке действительно стало намного лучше, это было видно уже хотя бы по тому, что Ланкенуа закатила самый настоящий скандал, увидев иглу, и особенно протестовала против того, что Сесили собиралась уколоть ее в ягодницу.

– Ну, вот! Все сделано! – удовлетворенно констатировала Сесили, опуская ночную сорочку Ланкенуа. А потом пошла за Стеллой, чтобы привести ее к служанке.

– Знаешь, милая, мне надо отлучиться ненадолго, проведать одну свою старинную подругу, – объяснила Сесили девочке, поднимаясь вместе с ней в мансарду. – А ты пока побудешь с Йейо, ладно? Может, захочешь почитать ей какие-то забавные истории из той новой книжки про Винни-Пуха, которую мы тебе купили?

– Да, с удовольствием почитаю, – немедленно согласилась Стелла. – Только не задерживайся там долго, ладно, Куйя? – бросила она вдогонку, когда Сесили уже выходила из комнаты.

Снегопад наконец прекратился. Сесили вышла на улицу и уселась на заднее сиденье их семейного «Крайслера». Машина плавно покатила по Пятой авеню, обилие снега на тротуарах и проезжей части скрадывало шум движущегося транспорта. Пар из подземки, поднимающийся по вентиляционным трубам, растапливал снег, скопившийся на вентиляционных решетках. Они подъехали к отелю и остановились возле центрального входа. Сесили, выходя из машины, попросила Арчера подождать ее здесь.

– Я вернусь через полчаса, если не раньше, – сказала она, поднимаясь по ступенькам крыльца и вступая под зеленый балдахин, установленный над парадным входом в отель. Едва переступив порог, она тут же услышала джазовую музыку, доносившуюся из бара, и отметила про себя, что это не запись, а живое исполнение. Сесили подошла к дежурной на ресепшене и попросила ее сообщить Кики Престон о своем приезде. Сесили уже приготовилась услышать, что Кики никого не принимает, но каково же было ее удивление, когда дежурная сказала, что она может прямоком отправляться в номер Кики, который расположен на пятом этаже. Подойдя к номеру, Сесили осторожно постучала в дверь и услышала в ответ незнакомый женский голос.

– Здравствуйте, Сесили. Меня зовут Лилиан Тернер, – представилась женщина, открывая дверь. – Я – приятельница Кики. Пожалуйста, проходите. Кики чувствует себя сегодня не очень хорошо, но она сказала, что хочет увидеть вас, – добавила Лилиан шепотом, препроводив Сесили в огромную роскошную гостиную. Кики полулежала в кресле-качалке возле камина. Впервые за много лет Сесили увидела свою крестную без какого-либо макияжа. Но, несмотря на необыкновенную бледность лица, рассыпавшиеся по плечам темные волосы, изрядно тронутые сединой, она по-прежнему была очень хороша собой.

– Моя дорогая Сесили! – воскликнула Кики слабым голосом при виде крестницы. – Прости, что не встретила тебя как положено, но в последние несколько недель я чувствую себя крайне скверно. – Кики протянула руку Сесили, а другой загасила сигарету. – Ну как ты, милая?

– О, со мной все в порядке. Спасибо. Радостно снова очутиться на Манхэттене. Тем более после столь долгой разлуки.

– А я вот умираю, хочу назад в Кению. Этот мрачный город нагоняет на меня депрессию. Здесь никогда не увидишь голубого неба! – Кики подавила тяжелый вздох. – Лилиан, приготовь нашей гостье что-нибудь выпить. Что будешь пить, Сесили? Шампанское?

– Спасибо, ничего. Не хочу вас беспокоить, тем более что вам нездоровится. Я ведь заскочила буквально на минутку, чтобы вручить вам свой рождественский подарок.

– О, как это мило с твоей стороны, моя дорогая девочка! В последнее время у меня появилось ощущение, что Нью-Йорк полностью забыл про меня. Можно я открою и посмотрю, что там внутри?

– Конечно, можно. Хотя, наверное, можно отложить и до Рождества, – предложила ей Сесили.

– Ах, мой ангел! – Кики дрожащей рукой тронула ее за локоть. – Вот единственный урок, который я хорошо усвоила за свою жизнь: никогда и ничего не надо откладывать на потом, ибо где гарантии, что мы увидим завтрашний день? – Глаза Кики заблестели от слез. – Так все же давай посмотрим, что за сюрприз ты мне приготовила.

– О, суший пустяк. Я просто подумала...

– Но ты же не хуже меня понимаешь, что в подарке важен не его размер, разве не так? – Кики хитровато улыбнулась и вдруг стала похожа на себя прежнюю. Развернула упаковочную бумагу, взяла в руки небольшую продолговатую коробочку и открыла ее.

– Это фотография, на которой мы с вами запечатлены на фоне Мундуи-Хауса накануне моей свадьбы с Биллом. Алееки щелкнул нас тогда моим фотоаппаратом, – пояснила Сесили.

Кики внимательно глянула на фото, сделанное на закате солнца, на заднем фоне виднелась водная гладь озера Наиваша.

– Боже, как это мило! Какой чудесный подарок ты мне преподнесла! – Кики бережно прошлась пальцами по фотографии. – И мы обе здесь такие молодые, не правда ли? – Кики слабо улыбнулась, но в ее глазах снова заблестели слезы. – Большое тебе спасибо, Сесили. Ты такая славная девочка, и я очень тебя люблю. И всегда любила. Лилиан, поставь, пожалуйста, фотографию на каминную полку, чтобы я могла видеть ее.

Лириан послушно сделала то, о чем попросила ее Кики, а та схватила Сесили за руку:

– Скажи мне, милая, ты счастлива?

– Думаю, да. Я счастлива.

– Послушай мой совет, девочка моя, и дай мне слово, что ты воспользуешься им. Всегда поступай так, чтобы и ты сама, и те, кого ты любишь, были счастливы. Потому что... потому что наша жизнь так скоротечна и все мы в любой момент можем покинуть сей бранный мир. А потому, Сесили, не растрачивай свою жизнь на пустяки, ладно? Реши для себя, кто тебе важнее всего, и немедленно прилепись к этим самым дорогим тебе людям. Обещаешь мне?

– Конечно, обещаю, Кики. Но вы уверены, что с вами все в порядке? Я знаю одного очень хорошего врача...

– О, за меня можешь не волноваться, милая. Я в полном порядке. Ступай сюда и крепко обними свою крестную.

Сесили наклонилась к Кики, и та сама обняла ее с такой силой, что буквально вонзилась в ее ребра своими длинными пальцами с ярко-красным маникюром.

– С наступающим Рождеством тебя, милая. Будь счастлива, – промолвила Кики, разжимая объятия, и снова ее глаза наполнились слезами. – Обязательно постарайся быть счастливой, договорились?

– Договорились. И вам, Кики, тоже счастливого Рождества.

Лириан проводила Сесили до дверей.

– Вы уверены, что с ней все в порядке? – снова повторила свой вопрос Сесили, слегка понизив голос, когда они вышли в холл. – Она... она производит впечатление подавленного и крайне удрученного человека.

– Да, она все еще скорбит по своему сыну, – шепотом ответила Лириан. – К тому же она никогда не любила Рождество. Потому что этот праздник особенно остро напоминает ей, скольких близких она потеряла за последние годы. Всех тех, кто уже никогда не сможет встретить Рождество вместе с ней. А в остальном... Можете не беспокоиться. Думаю, как только отшумят эти праздники, ей сразу же полегчает. Всего вам доброго.

– До свидания.

На следующее утро Сесили проснулась с радостным предвкушением наступающего Рождества и сегодняшнего Сочельника. Совсем как в детстве. В холле на серебряном подносе для писем она с удивлением обнаружила приглашение, адресованное лично ей.

МИССИС ТЕРРЕНС ДЖЕКсон ИМЕЕТ ЧЕСТЬ
ПРИГЛАСИТЬ *миссис Билл Форсайт*
НА ВСТРЕЧУ ВЫПУСКНИЦ КОЛЛЕДЖА ВАССАР.
Встреча состоится у нее дома, во вторник, 3 января 1947

года

по адресу:

18, улица Джоралемон, Бруклин, Нью-Йорк 11021

Просьба ответить.

Сесили крайне удивилась, получив приглашение, ибо никогда не числилась среди близких подруг Розалинды. Та в годы учебы в колледже водилась с девчонками, которых больше интересовали вопросы политики и всякие интеллектуальные темы, чем губная помада или мальчики. Сесили всегда чувствовала некоторое превосходство Розалинды, державшейся если и не надменно, то с явным отчуждением по отношению к остальным, а потому она с самого начала решила, что не подходит для их компании.

– Вот так да! Тебе оказана невиданная честь! Суаре, которые устраивают у себя дома Розалинда и ее муж, считаются одними из самых престижных в Нью-Йорке, куда мечтают попасть буквально все. На одном из таких вечеров у нее присутствовала даже сама миссис Рузвельт, – тут же прояснила сестре всю картину Мейми, которая специально заскочила к ним домой на пару минут, чтобы оставить большой пакет с подарками. – Кстати, ее у нас почитают как самую рьяную феминистку. Обязательно сходи!

– А знаешь что, Мейми? Пожалуй, я схожу, – улыбнулась в ответ Сесили и, распрощавшись с сестрой, поспешила наверх, чтобы сделать очередной укол Ланкенуа.

Оставив Стеллу на кухне под присмотром Мэри и поварихи Эсси, которая как раз готовила самые разнообразные угощения к сегодняшнему Сочельнику, Сесили поспешила к себе в спальню,

чтобы приготовить чулки с подарками для Стеллы и Ланкенуа. Отдельно в сторонке лежала уменьшенная копия того кудлатого льва, который привел в такой неопиcуемый восторг Стеллу, когда они посещали универмаг «Блумингдейл». Его она завернет в подарочную бумагу. Сесили напoмнила себе не забыть позвонить Биллу, который ранее сказал ей, что собирается встречать Сочельник в кругу своих старых армейских друзей в клубе Мутаига. Оставалась еще одна деликатная проблема: как убедить родителей, чтобы те позволили Стелле присутствовать на завтрашнем рождественском обеде.

Негромкий стук в дверь вывел Сесили из ее размышлений.

– Кто там? – спросила она.

– Это я, мама. Мне надо срочно переговорить с тобой!

– Входи, мама!

Доротея вошла в комнату, на ее лице читался неприкрытый ужас.

– Что случилось, мама? У тебя такой вид, будто ты только что столкнулась с привидением.

– Боже мой, Сесили! Боже мой! – Доротея издала глубокий вздох. – Кики... Она мертва!

– Что?! Не может этого быть, мама! Я только вчера виделась с ней, и она прекрасно выглядела, правда, была немножко не в настроении, но... Что случилось?

Доротея подошла к креслу и опустилась в него.

– Несколько минут тому назад мне позвонила ее мать. Кики нашли мертвой, лежащей на земле на заднем дворике за отелем «Стэнхоуп». Она... – Доротея нервно сглотнула слюну. – Она, скорее всего, выпрыгнула из окна своей спальни. На ней была ночная пижама.

– О боже! О боже мой! Но ты точно уверена, что это Кики?

– Еще как уверена! Или ты думаешь, что Хелен не узнает свою родную дочь?

– Прости, мама, но я настолько потрясена, что сама не понимаю, что несу.

Но так ли это на самом деле, подумала Сесили про себя, обхватив безутешно рыдающую мать за плечи и что есть силы прижимая к себе. Внезапно ее осенило... Получается, что вчера вечером Кики, можно сказать, попрощалась с ней...

– Они постараются сохранить эту новость в тайне, по крайней мере до наступления Рождества. Но, уверена, газетчики уже давно обо

всем пронюхали! Не пройдет и пары минут, как во всех газетах появятся публикации, посвященные Кики, и все набросятся на эту новость, словно стая стервятников, начнут с упоением копать в ее прошлом, а вскоре уже вся Америка сможет сполна насладиться чтением за завтраком захватывающих историй о скандалах, в которых когда-то была замешана Кики. Ах, Сесили, я ведь обожала Кики. Нас столько лет связывали самые сердечные дружеские отношения. И к тебе она была необыкновенно добра, правда ведь?

– О да, мама. Кики была очень добра ко мне, – ответила Сесили, отчаянно пытаясь не расплакаться.

– И как это ужасно, что *мы с ней* так и не встретились! А ведь я – одна из самых старых ее подруг. Если бы я только знала, что она пребывала в таком миноре, я бы сделала все от меня зависящее – да именно так! – *все от меня зависящее*, чтобы помочь ей, – пробормотала Доротея сквозь слезы.

– Мама, я сейчас позвоню, чтобы Эвелин принесла нам сюда немного бренди. Надо же как-то успокоить свои нервы, хоть немного.

– Ах, Сесили! Не представляю, как я переживу нынешнее Рождество, зная, что ее больше нет с нами! Какие уж тут праздники...

– Знаешь, мамочка, а я вот уверена, что Кики захотела бы, чтобы мы отпраздновали встречу Рождества как обычно. Она ведь была одной из самых известных светских красавиц здесь в Нью-Йорке, обожавшей всякие развлечения и праздники. И только вчера вечером она напутствовала меня, сказала, что я сама должна решить, что делает меня счастливой, и смело идти вслед за своим счастьем. А потому завтра мы принарядимся в свои самые лучшие платья, в том числе и в память о ней. – У Сесили дрогнул голос. – Будем праздновать в память о ее жизни. Ладно?

Доротея уныло кивнула в знак согласия, потом взяла у Сесили носовой платок, вытерла слезы и поднялась с кресла. Мать медленно побрела к дверям неуверенной походкой, будто двигаясь во сне.

– Я сейчас пойду к твоему отцу, – вздохнула она, открывая дверь. – Надо же рассказать ему о случившемся.

Вечером Сесили отправилась к себе в спальню, понимая, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы начинать разговор с мамой о том, позволит ли она Стелле присутствовать завтра за их семейным праздничным обедом. Всю ночь Сесили снились какие-то кошмары, будто Кики разговаривала с ней, сидя в своей пижаме на облаке, и призывала определиться наконец с тем, что действительно важно в этой жизни. Сесили проснулась на рассвете и сразу же ощутила подступившие к глазам слезы, стоило ей только вспомнить, какая трагедия случилась накануне. Несколько минут Сесили собиралась с силами, чтобы встать с постели. Наконец она сползла с кровати и, нацепив на себя халат и приклеив на лицо самую лучезарную улыбку из всех, что она могла изобразить, поплелась в спальню Стеллы. Девочка сидела на постели и самозабвенно сосала леденец, губы ее были перемазаны шоколадом, которым она уже успела полакомиться, достав его из рождественского чулка.

– Привет, Куйя! – приветствовала она Сесили со счастливым личиком и немедленно показала ей игрушечного льва, который лежал у нее на коленях. – Наверное, Санта-Клаус специально уменьшил его, чтобы он пролез через трубу, – рассудительно заметила Стелла. – Как думаешь, он потом подрастет? – спросила она, широко распахнув глаза в ожидании ответа.

– Не знаю, милая, но все может быть, ведь это же не просто лев, а волшебный лев.

– Я решила назвать его Счастливым. Потому что я и сама счастливчик! – весело рассмеялась она и потянулась к Сесили, чтобы обнять ее, а та в ответ крепко сжала ее в своих объятиях.

– Ой, Куйя! Ты меня сейчас задушишь! – Стелла глянула на Сесили. – А почему ты плачешь? Тебе грустно, да?

– Нет-нет! Все замечательно! Вот собираюсь сейчас пойти позвонить дяде Биллу, поздравить его с Рождеством. Я уже соскучилась и по нему, и по нашему дому.

– Я тоже соскучилась, но и здесь мне очень нравится, – откликнулась Стелла, снова переключив свое внимание на

Счастливи́чика.

Не переодеваясь и не снимая халата, Сесили пошла вниз, в кабинет отца, чтобы позвонить оттуда: ей вдруг отчаянно захотелось услышать голос Билла, сообщить мужу страшную новость о Кики. Через какое-то время ее соединили с клубом Мутаига. Трубку снял Али, и Сесили невольно улыбнулась, услышав знакомый голос.

– Здравствуйте, Али. Это миссис Форсайт вас беспокоит. А мистер Форсайт у вас?

– С Рождеством вас, миссис Форсайт, – откликнулся Али. – Хотя спешу выразить вам и свои соболезнования. Мы уже наслышаны об ужасной смерти миссис Престон.

– Спасибо, Али, – ответила Сесили, мысленно поразившись тому, как быстро распространяются новости, и хорошие, и плохие. – Я хочу поговорить с мистером Форсайтом. Вы не могли бы пригласить его к телефону?

– К сожалению, не могу. Несколько часов тому назад мистер Форсайт отбыл на охоту.

Сесили почувствовала, как свинцовая тяжесть сдавила ей грудь.

– Пожалуйста, передайте ему, когда он вернется, что звонила жена и что ей очень нужно переговорить с ним. Он знает мой телефон в Нью-Йорке. Спасибо, Али. Я тоже поздравляю вас с Рождеством, всего вам самого доброго.

Она положила телефонную трубку на рычаг и уселась в папино кожаное кресло, чтобы немного успокоиться и взять себя в руки. Все повторяется снова. Вот и опять именно тогда, когда ей так нужен муж, его невозможно нигде отыскать.

* * *

В полдень, незадолго до того, как на обед должны были приехать сестры со своими семьями, Сесили отвела Стеллу на кухню, перепоручив ее заботам слуг, которые уже всю хлопотали над рождественским угощением.

– Ой, вы только посмотрите на нее! Не девочка, а картинка! – воскликнула повариха Эсси и широко улыбнулась Стелле. – Ступай-ка сюда, будешь помогать тете Эсси раскладывать эти пирожки.

Стелла в своем нарядном оранжевом платье, совершенно не подходящем для кухонных работ, тем не менее с готовностью ринулась помогать Эсси.

– Поздравляю всех с наступившим Рождеством! – обратилась Сесили к присутствующим. – Кто-нибудь может отнести немного бульона моей служанке наверх? Она сегодня впервые изъявила желание хоть что-то поесть.

– Конечно, сейчас отнесем. Что за проблемы? – откликнулась Эсси. – И не волнуйтесь, мисс Сесили, за девочку. Мы тут за ней присмотрим и накормим как положено. Правда, Стелла?

– Очень на это надеюсь, – ответила Стелла.

– Ты только посмотри на нее! Ни дать ни взять, разговаривает и ведет себя, словно белая леда! – рассмеялась в ответ Эсси.

* * *

Несмотря на призыв Сесили постараться отпраздновать Рождество без излишнего уныния, рождественский обед в их доме очень был похож на траурную трапезу. Мейми и Присцилла приехали на обед вместе со своими семьями, и все сестры старались, как могли, поднять настроение Доротеи, но та была безутешна.

И сразу же по завершении трапезы уединилась у себя в комнате.

– По-моему, мама совершенно сломлена этим несчастьем, – заметила Мейми, обращаясь к Сесили.

– Что и понятно, Кики ведь была ее лучшей подругой.

– Все так, но в последние годы они виделись крайне редко, считанные разы, можно сказать. А вот ты после переезда в Африку *прожила рядом с ней* столько лет. К тому же в последний раз виделась с ней в тот самый роковой вечер, когда она решила свести счеты с жизнью. И что? Ты сильно убиваешься?

– Вне всякого сомнения, Мейми, для меня это тоже очень страшная потеря, хотя... Видишь ли, мне кажется, что у Кики просто не осталось никаких надежд. А когда умирает надежда... Ну, ты же понимаешь...

– Понимаю, – ответила Мейми. – Тогда у человека больше ничего не остается. Что ж, нам пора домой. Самое время уложить этих

маленьких чудовищ в постель.

Сесили тепло распрощалась с сестрами и их мужьями, Вальтер отправился к себе в кабинет немного подремать после обеда, а она снова вернулась в гостиную. Подошла к огромной рождественской елке, так обильно украшенной шарами и прочими игрушками, что из-за них невозможно было даже разглядеть лапы ели.

Сесили снова подумала о своем муже: ведь он сейчас один посреди африканских равнин. Но почему-то образ Билла никак не вязался с красивой обстановкой этой гостиной. Да, здесь, на Манхэттене, он точно был бы инородным телом.

«А для меня этот дом по-прежнему родной? – задалась она резонным вопросом. – Или я уже всецело принадлежу Африке и мое место рядом с Биллом?» Вот вопрос, ответа на который у нее пока не было.

* * *

На следующий день после Рождества Доротея по-прежнему сидела взаперти в своей комнате наверху, продолжая скорбеть о гибели подруги. А Сесили решила воспользоваться ситуацией и показать Стелле Нью-Йорк.

И первой остановкой в ознакомительной экскурсии по городу стал Центральный Парк. Сесили купила Стелле кулек жареных каштанов и показала девочке, как их надо правильно чистить и есть еще горячими. В зверинце, расположенном на территории Центрального Парка, Стелла пообщалась со львом в вольере и даже обратилась к нему на своем родном языке масаи.

– В конце концов, это же его родной язык, – наставительно заметила она Сесили, которая с трудом удержалась от смеха, услышав аргументацию девочки.

Потом они проехали по оживленным улицам Нью-Йорка. Стелла ахала от восхищения, любуясь красивой иллюминацией на Таймс-сквер, с не меньшим интересом разглядывала величественные небоскребы типа Эмпайр-стейт-билдинг или здания офиса компании «Крайслер». С наступлением сумерек они полакомились в одном из кафе горячим шоколадом со взбитыми сливками, а потом Сесили

повела Стеллу на открытый каток в «Рокфеллер Центре». Ухватившись за руки, они неспешно заскользили по льду, весело хихикая и объезжая толпы людей, заполнивших весь каток.

В этот вечер Сесили заново открыла для себя свой родной город, взглянув на него глазами Стеллы. И снова почувствовала, как же она любит Нью-Йорк и эту его неповторимую, совершенно волшебную атмосферу рождественских праздников. Наверное, ее чувства обострились еще и потому, что впереди уже маячила скорая разлука с Нью-Йорком: ведь в конце января они собираются в обратный путь, а потому Сесили решила воспользоваться оставшимся временем, чтобы насладиться любимым городом.

У себя на ферме «Райский уголок», в глуши, вдали от всех культурных благ цивилизации, ей так не хватало именно культуры. Зато сейчас она вместе с сестрами постаралась просмотреть все последние бродвейские шоу. С огромным удовольствием обновила весь свой гардероб, благо у нее появилась возможность продемонстрировать свои обновки на публике. Сестры в один голос не уставали повторять в разговорах с ней, что «выглядит она просто потрясно». А уж после того как Сесили сделала себе модную стрижку у личного стилиста Мейми, даже она сама, разглядывая себя в зеркале, была вынуждена признать, что не такой уж она гадкий утенок, каким всегда привыкла себя считать.

– На тебя же все оборачиваются, – отметила Присцилла с явной ноткой зависти в голосе, когда на Мэдисон-авеню на Сесили, как говорится, «положили глаз» сразу несколько весьма привлекательных джентльменов. А сама Сесили, столько лет проведенная в заточении в Африке, сейчас чувствовала себя как тот лев, которого наконец выпустили из клетки на волю.

Единственной печальной нотой, омрачившей общую радость и веселье первой недели после Рождества, стали похороны Кики. Народу пришло немного, потому что многие представители высшего нью-йоркского общества проводили свои рождественские каникулы за пределами города. К тому же Кики слишком долго прожила за границей, и круг ее общения в Нью-Йорке сузился до предела. Сесили вместе с отцом вывели Доротею из церкви, поддерживая ее с обеих сторон, да и потом, во время поминального обеда, тоже не отходили от нее ни на шаг. Впрочем, Сесили не преминула отметить про себя, что

за обедом мама изрядно приложила к спиртному. Сама же она уже в который раз подумала о том, что со смертью Кики закончилась целая эпоха не только в жизни ее матери, но и в ее собственной жизни.

* * *

После обеда Сесили вернулась от модистки, к которой ездила для того, чтобы обновить свои уже давно вышедшие из моды старые шляпки. Вошла в холл и услышала веселый смех, доносившийся из кабинета отца. Постучала в дверь, зашла в кабинет и увидела отца, сидящего со Стеллой на коленях.

– Добрый день, Сесили, – поздоровался с ней отец. – А мы тут со Стеллой разглядываем мой географический атлас. Я даже постарался показать ей, как рычит лев, а потом она попросила меня озвучить зебру, и я издал звук, как мне кажется, очень похожий на те, что издают зебры, но, судя по всему, вы, маленькая мисс, так не считаете, да? – закончил Вальтер, улыбнувшись девочке, а та тут же сползла с его колен и бросилась навстречу Сесили.

– Ты, Стелла, не сильно тут надоела мистеру Хантли-Моргану?

– Ничуть она мне не надоела, – ответил вместо девочки Вальтер. – Я ее обнаружил в своем кабинете за разглядыванием книг на стеллажах, и мы чудесно провели время вместе. Кстати, я попросил ее впредь называть меня просто Вальтером. Верно?

Стелла стеснительно кивнула головой.

– Она очень славная девочка, Сесили. И очень смышленная к тому же. Когда вы вернетесь в Кению, наверное, мать отправит ее в школу?

– Папа, в Кении пока нет школ для таких детей, как Стелла, но я стараюсь заниматься с ней индивидуально, учу ее читать и писать.

– Она обучает меня арифметике, – подала голос девочка, и ее лицо моментально стало серьезным.

– Вот как? Тогда давай поиграем в одну игру, в которую мы когда-то играли с Сесили, когда она была маленькой. Не возражаешь? Дважды два – сколько будет?

– Четыре.

– А три плюс четыре?

– Семь.

– Восемь и пять?

– Тринадцать, – без запинки ответила Стелла.

– Молодец! – улыбнулся Вальтер. – А давай-ка я усложню немного свои вопросы, ладно?

Через двадцать минут Вальтер шутливо поднял руки вверх, демонстрируя свое полное поражение, а Стелла продолжала горячо настаивать на том, чтобы он продолжил спрашивать ее.

– У меня, милая, уже закончились все вопросы, но ты действительно большая умница. На все вопросы дала правильные ответы. – Вальтер бросил взгляд на дочь. – А теперь обе ступайте к себе. Я тут ожидаю с минуты на минуту одного посетителя.

– Мне нравится Вальтер, – разоткровенничалась Стелла, когда они вместе отправились на кухню в поисках Ланкенуа. – Во всяком случае, он мне нравится гораздо больше, чем миссис Хантли-Морган, – добавила она, слегка пожав плечами, и тут же вперила свой взгляд в шоколадный торт, стоявший посреди кухонного стола. – А вот это мне нравится больше всего! – хихикнула она, указав пальчиком на торт.

– Как ты себя чувствуешь, Ланкенуа? – поинтересовалась Сесили.

– Хорошо, – кивнула в ответ Ланкенуа. – А когда мы вернемся домой, миссис Сесили?

– О, уже совсем скоро, через несколько недель, – ответила та и посмотрела на Мэри: – Ты бы не могла подать мне кофе в комнату? Ровно в пять я снова уезжаю, а мне еще надо переодеться.

– Конечно, мисс Сесили. Сейчас подам.

У себя в комнате Сесили замерла возле зеркала, прикидывая, что бы ей сегодня надеть на встречу бывших выпускниц колледжа Вассар. Насколько она помнит, Розалинда всегда была равнодушна к моде, а потому в итоге Сесили остановила свой выбор на простеньком черном платье для коктейлей. Быстро выпила свой кофе и попросила Мэри, чтобы та велела Арчи подать машину к подъезду. По дороге в Бруклин Сесили заметно нервничала, так как по-прежнему не представляла себе, с какой целью Розалинда пригласила ее к себе. Адрес, по которому она проживала в Бруклине, стал, по словам Присциллы, в последнее время очень модным, особенно среди молодежи. Правда, как заметила Доротея, там до сих пор полно ирландцев. Их семьи продолжают жить в своих старых домах и после того, как было завершено строительство Бруклинского моста.

– В этом районе много красивых старинных особняков, – заметил Арчер, когда они проезжали по улицам Бруклина. – Одно время здесь царил некоторое запустение, но сейчас сюда переезжают многие состоятельные люди, такие как ваша подруга, которые, имея достаточно денег, могут позволить себе любой дом по своему вкусу. Нью-Йорк постоянно меняется, не правда ли, мисс Сесили?

Машина остановилась возле опрятного каменного особняка, гораздо более презентабельного, чем обветшалые дома по соседству. Сесили вышла из машины.

– Я пробуду не больше часа, – сказала она Арчеру и направилась по ступенькам крыльца к парадной двери.

– Сесили! Как же здорово, что ты все же смогла вырваться! – воскликнула Розалинда, приветствуя ее у входа. Ее темные волосы были коротко подстрижены, как у Мейми. Розалинда радушно улыбнулась своей гостье и провела ее в красивую гостиную, где уже было полно молодых женщин, причем многие явились на встречу в брюках. На их фоне Сесили показалась себе страшно старомодной и чересчур разодетой.

– Что будешь пить? Пиво? Шерри? – спросила у нее Розалинда, подводя к тележке с напитками.

– Если можно, шерри, пожалуйста. А я тут кого-нибудь знаю?

– Конечно. Тут же все наши, за небольшим исключением. Последние нью-йоркские сплетни донесли до меня, что ты совсем недавно вернулась из Африки? – спросила Розалинда. – Мы тут все просто сгораем от нетерпения послушать тебя. Я права, Беатрикс?

Чернокожая женщина скользнула по Сесили доброжелательным взглядом широко расставленных глаз.

– Ты права, Розалинда, – согласилась она с хозяйкой дома. – Особенно если вспомнить, что наши предки родом из Африки.

Сесили уставилась на женщин непонимающим взглядом.

– Не смущайся, Сесили! – хохотнула Розалинда. – Большинство людей не принимают меня за негрятянку, какой я являюсь на самом деле. Наверняка среди моих предков имеются и какие-то белокожие бродяги и мошенники, но зато цвет моего сердца такой же черный, как и у Беатрикс. В колледже об этом никто не подозревал до тех пор, пока я не получила степень. Ты же не хуже моего знаешь, Сесили, какие у них там взгляды в Вассаре. Если бы им дали волю, то такие, как мы,

мыли бы полы, а не сидели бы в аудиториях рядом с такими, как вы. Правда, времена меняются, медленно, но все же меняются, имей эту в виду. Так, хоть и с большой неохотой, но в 1940 году они были вынуждены принять Беатрикс в свои стены, а в других колледжах квоты для обучения цветных студентов стали еще выше. Так что можешь самолично поприветствовать негритянку, которая официально первой получила степень в нашем колледже Вассар.

– Надеюсь, я стану первой из многих других, кто последует за мной, – улыбнулась Беатрикс. – Сейчас я учусь в Йельском университете на медицинском факультете. И там я столкнулась с другими проблемами, не связанными с цветом моей кожи. На первый план выходит уже то обстоятельство, что я – женщина. Получается такой двойной удар, да, Розалинда?

– Думаю, ты со всем этим справишься, – ответила Розалинда и показала на укромный уголок в дальнем конце комнаты. – Пошли туда, Сесили, и мы с удовольствием послушаем твои рассказы об Африке. Ты ведь в настоящее время живешь в Кении, да?

Для начала Сесили поведала собравшимся уже ставшие для нее традиционными истории о сафари, львах, ядовитых змеях и прочей экзотике, но очень скоро Розалинда прервала ее:

– Расскажи нам, какие права имеют негры в колониальных странах. Есть ли там какие-то партии активистов, выступающих в защиту этих прав?

– Насколько я знаю, нет.

– И это притом, что Кения – страна с преимущественно черным населением. Выходит, что белое меньшинство продолжает управлять коренным населением страны. Я права? – спросила у нее Беатрикс.

– Да, именно так все и обстоит в действительности. Хотя, как мне известно, после войны, когда многие кенийцы добровольно отправились воевать за короля и за родину...

– За свою родину, а не за короля, – перебила ее Беатрикс.

– Да, конечно, – поторопилась согласиться с ней Сесили. – И при этом многие из них искренне верили в то, что их жизнь станет лучше, если они сумеют защитить свою страну. Но когда все эти люди вернулись с фронта, то увидели, что, в сущности, ничего в их жизни не поменялось. На самом деле, по словам моего мужа, их жизнь стала еще хуже, чем была до войны.

– Как, по-твоему, напряжение в стране растет? – спросила у нее Розалинда.

– Несомненно, – ответила Сесили, вспомнив о разговоре, который состоялся у них с Биллом пару месяцев тому назад. – Так, к примеру, кикую – это самая большая по численности народность в Кении – больше не намерены мириться с вопиющим отношением к ним со стороны белых господ. Ведь в Кении практически отсутствует медицинская помощь для местного населения. Лично мне известна лишь одна больница для чернокожих в том регионе, где я живу, да и то она финансируется не за счет государства, а из благотворительных фондов. А уж если говорить об образовании...

– Расскажи нам об этом поподробнее, – прервала ее Розалинда. В ее глазах вспыхнул неподдельный интерес к предмету разговора. – Думаю, у вас с образованием чернокожих дела обстоят точь-в-точь, как и у нас в Штатах, хотя здесь, по крайней мере на словах, декларируется право на образование и для белых, и для черных, и дети с разным цветом кожи учатся вместе за исключением пока южных штатов. Но, разумеется, количество белых учеников в разы превышает число темнокожих, к которым и отношение откровенно недоброжелательное, особенно со стороны преподавательского состава. Я это сполна прочувствовала на себе, когда училась в старших классах.

– Я занимаюсь с дочерью своей служанки. Учю ее читать и писать, мы с ней решаем всякие арифметические задачки... Она очень способная девочка.

– Это хорошо. – Розалинда бросила выразительный взгляд на Беатрикс, потом снова повернулась к Сесили: – У меня пятилетняя дочь, и мне очень не хотелось бы, чтобы она столкнулась с теми же проблемами, которые были и у меня в годы учебы. Хочу, чтобы моей девочке ничего не угрожало, чтобы она училась в доброжелательной среде, где бы ее ценили и понимали, чтобы обошлось без разного рода издевательств со стороны ее одноклассников или предвзятого отношения к ней со стороны учителей. Так вот... Сейчас я как раз занимаюсь организацией небольшой школы прямо у себя на дому. Мы с Беатрикс уже отобрали группу способных чернокожих детей, которых мы знаем и которым намерены дать образование с последующим поступлением в один из колледжей так называемой

«Лиги плюща», объединяющей в одну ассоциацию восемь частных университетов на северо-востоке США.

– Нашим детям необходимо изучать ролевые модели поведения в современном обществе, если они сами захотят стать частью этого общества. Но для начала они должны поверить в себя, поверить в то, что им по плечу любая задача, а мы уж постараемся на деле показать им, что они это могут, – добавила Беатрикс с горячностью в голосе, выразительно сверкнув при этом глазами.

– Так ты говоришь, что обучаешь дочь своей служанки? – переспросила Розалинда у Сесили.

– Да, и Стелла – так зовут девочку – впитывает в себя знания словно губка.

– А ты не могла бы привести ее к нам? По-моему, она подходящий кандидат для нашей будущей школы. А если тебе интересно, то я с радостью приму дополнительную помощь по обучению детей. Беатрикс очень загружена в своем Йельском университете, где изучает медицину, так что я в основном пока верчусь одна, решая все организационные и прочие вопросы.

– Для меня все то, о чем ты рассказала мне, Розалинда, звучит как самая настоящая фантастика, – выпалила Сесили на одном дыхании. – Я и мечтать ни о чем подобном не могла для Стеллы.

– А мы в равной степени были бы очень рады заполучить тебя в качестве нашего педагога. Насколько я помню, ты в колледже специализировалась по истории, да?

– Да, но экономические дисциплины привлекали меня гораздо больше. Скажу без ложной скромности: у меня голова хорошо варит в математике.

– Зато Розалинда – гуманитарий в чистом виде. Вот вы двое плюс я, когда сумею вырваться из университета и мы сможем распределить между собой все предметы. – Беатрикс издала короткий смешок. – Не забывайте, в свободной стране все возможно, особенно *если мы сами* постараемся.

– А когда мне можно будет привести к вам Стеллу?

– Как можно скорее. Официально учебный семестр стартует уже на следующей неделе. Давай договоримся на пятницу, – предложила Розалинда.

– Отлично! – воскликнула Сесили.

Беатрикс и Розалинда проводили ее до дверей. Прощаясь, Розалинда вдруг бросила на Сесили загадочный взгляд.

– Как смотришь, Сесили? Может, хочешь поучаствовать в нашей акции протеста?

– Я... Я не знаю... А против чего вы протестуете?

– Жилищная проблема в Гарлеме просто ужасающая. Собственно, с попустительства властей там сейчас образовалось самое настоящее негритянское гетто. Жуткая скученность людей, перенаселение, не говоря уже о постоянном проявлении избыточной силы со стороны полиции, пытающейся удержать ситуацию под контролем. Нынешний мэр Нью-Йорка мистер О'Дуайер с пониманием относится к нашему сообществу...

– В противном случае ему не заполучить наши голоса на выборах! – подала голос Беатрикс.

– Ну, это как будет, хотя кое-что он нам пообещал, и мы сейчас заставляем его выполнять обещанное. На следующей неделе мэр собирается выступить перед прихожанами Абиссинской баптистской церкви, мы там тоже будем присутствовать, а заодно и напомним ему, что сейчас стоит на кону, – продолжила Розалинда. – Было бы замечательно, Сесили, если бы ты тоже подтянулась к нам. Ты бы стала бесценным пополнением в наших рядах.

– Я... Хорошо, я подумаю, ладно?

– Да о чем здесь думать? – возмутилась Беатрикс. – Все ведь проще простого: вот это – плохо, а это – хорошо; вот это – жизнь, а это – смерть. Вам-то, живущей в Африке, это известно еще лучше, чем нам. Так что присоединяйтесь к нам, Сесили. Нам нужны представители белого населения, поддерживающие нашу борьбу за равноправие.

– Хорошо, я приду, – согласилась Сесили. – Но сейчас мне действительно уже пора домой. До свидания.

– Я позвоню тебе на днях, сообщу, где встретимся! – крикнула ей вдогонку Розалинда.

Арчер открыл дверцу автомобиля, и Сесили уселась на заднее сиденье.

– Прости, Арчи, я немного задержалась.

– Все в порядке, мисс Сесили. Ну как прошел вечер? – поинтересовался он, когда они миновали Бруклинский мост и поехали

в сторону Манхэттена.

– Все было... все было просто изумительно! – негромко воскликнула она в ответ.

45

В следующую среду Сесили оделась поскромнее, как они о том и договорились с Розалиндой, и отправилась на встречу с ней. Стеллу она оставила на попечение Ланкенуа, которая уже совсем оправилась после болезни. Сесили села в машину и попросила Арчера отвезти ее в Гарлем.

– Прошу прощения, мисс Сесили, куда? – переспросил он, открывая ей заднюю дверцу «Крайслера».

– Ты не ослышался, Арчер. В Гарлем. Остановишься возле Абиссинской баптистской церкви. Адрес: 138-я Западная улица, дом 132, – зачитала Сесили по бумажке, адрес она записала во время телефонного разговора с Розалиндой.

– А ваши родители в курсе, куда вы сейчас едете? – спросил шофер после короткой паузы.

– Конечно, – бодро солгала Сесили, немного разозлившись на то, что Арчер обращается с ней, взрослой замужней женщиной, как с маленьким ребенком.

– Как скажете, мисс Сесили.

Сесили с некоторым страхом уставилась в окно автомобиля, который вез ее в Гарлем, потому что, несмотря на всю свою бравладу, с которой она только что продиктовала адрес Арчеру, она еще никогда не бывала в этом районе Нью-Йорка. Небоскребы Пятой авеню и Мэдисон-сквер уже остались позади, машина медленно ехала по авеню Ленокс. Белых лиц почти не видно, публика преимущественно цветная: все оттенки черного и коричневого. Внезапно Сесили почувствовала себя в родном городе словно рыба, выброшенная на берег. Чернокожие ребята сидели на крылечках каких-то заброшенных лачуг и с любопытством пялились на проезжающий мимо «Крайслер», витрины многих магазинчиков и лавчонок были заколочены досками, мусорные баки на улице переполнены ржавыми железными банками и прочим мусором. Несмотря на то что шел уже

1947 год, складывалось такое впечатление, будто снова окунаешься в тяжелую атмосферу начала тридцатых, во времена Великой депрессии.

Но вот Арчер остановил машину. Сесили увидела впереди красивое здание церкви в готическом стиле. Прямо перед церковью уже собралась большая толпа протестующих. Арчер вышел из машины и открыл дверцу.

– Я припаркуюсь в самом конце улице, на углу Ленокс авеню, что напротив, – сказал он. – Если возникнут какие-то проблемы, бегом ко мне, я вас буду ждать, договорились? Но вы уверены, что здесь все нормально?

– Да, Арчер, уверена. Большое спасибо. У меня здесь назначена встреча с подругами, – ответила Сесили, стараясь говорить уверенно, хотя в глубине души особой уверенности не испытывала. Она отошла от машины и направилась к толпе.

Многие из митингующих держали в руках самодельные плакаты с различными лозунгами типа «РАВНЫЕ ПРАВА ВСЕМ!» или «ЖИЛЬЕ ДЛЯ ВСЕХ!». Заметно нервничая, Сесили вплотную приблизилась к собравшимся, которые стояли лицом к помосту, установленному прямо на тротуаре рядом с церковью.

– А вот и ты! – услышала Сесили знакомый голос Розалинды, повернулась и увидела спешащую к ней подругу, облаченную в брюки и какую-то мужскую куртку. – Рада видеть тебя, – добавила Розалинда. – Тут у нас многие даже пари заключали между собой, делали ставки, придешь ты на наш митинг или нет. А вот это мой муж Теренс. – Розалинда показала на высокого чернокожего мужчину, стоявшего рядом с ней.

– Рад познакомиться с вами, Сесили, – тепло улыбнулся он и обменялся с Сесили крепким рукопожатием. – Мы высоко ценим ваше участие.

Сесили совсем не удивилась, увидев, что она одна из немногих белых, которые здесь присутствовали, но собравшиеся встретили ее доброжелательными улыбками, вежливо расступаясь перед ней и давая дорогу. Некоторые митингующие держали в руках термосы с кофе, пытаясь таким образом согреть себя на холоде. Сесили заметила одну молодую женщину с маленьким ребенком, которого та привязала к своей груди.

– Как долго все это продлится? – шепотом спросила Сесили у Розалинды.

– О, не более часа, я думаю, – жизнерадостно ответила та. – А получилось все очень здорово, да? Но это уж Беатрикс постаралась. Она у нас мастер по части мотивации народа. А вот и она сама! Легка на помине!

Рядом с ними возникла Беатрикс, глаза ее светились радостным блеском, волосы были заплетены в аккуратные косички и туго уложены вокруг головы.

– Сесили! Как хорошо, что вы пришли! Я...

Толпа вдруг зашумела, и Беатрикс глянула в ту сторону: на помост поднялись трое мужчин. В одном из них Сесили узнала по фотографиям из «Нью-Йорк Таймс» мэра города господина О’Дуайера. Рядом с ним стояли еще двое белых мужчин, один из них в форме начальника полиции внимательно разглядывал плакаты в руках митингующих.

– Гарлем! Для меня большая честь быть здесь сегодня вместе с вами! – начал свое выступление мэр, заговорив с сильным ирландским акцентом, и толпа приветствовала его радостными криками. Сесили глянула на лица собравшихся и неожиданно для себя тоже почувствовала, как ее охватывает возбуждение от всего, что происходит вокруг. Ведь эти люди пришли сюда, одержимые одной благородной целью: сделать мир лучше и добрее. Пожалуй, в последний раз она переживала такое же радостное воодушевление, когда приехала в Найроби на празднование дня победы. Беатрикс сунула ей в руку плакат, который гласил: «ГАРЛЕМ – ЭТО НЕ ГЕТТО!», и Сесили с гордостью вскинула его вверх. Она внимательно выслушала речь мистера О’Дуайера: он обещал уже в ближайшем будущем провести жилищную реформу, а также значительно улучшить финансирование школ. Мимо прошмыгнул какой-то фоторепортер, Сесили бросила быстрый взгляд в его сторону, когда совсем рядом с ней вдруг сверкнула вспышка его фотокамеры.

Толпа стала нажимать сзади, всем хотелось пробраться поближе к импровизированной сцене, чтобы получше разглядеть оратора. Кто-то сильно стукнул Сесили локтем в спину, и она едва не оступилась, но в эту минуту ее подхватила Розалинда и удержала от падения. Несмотря

на свежий морозный воздух, Сесили почувствовала, как у нее вспотела спина, и поняла, какая теснота царит вокруг.

Но вот к микрофону подошел шеф полиции, и тотчас же в толпе послышался недовольный гул, Сесили зябко поежилась. Она вытянула шею, чтобы посмотреть, сколь велика собравшаяся масса людей, и с ужасом увидела, что они со всех сторон окружены плотным кольцом полицейских, у всех стражей порядка руки на дубинках, а лица невозможно разглядеть из-под синих форменных фуражек.

– А почему тут полиция? – шепотом спросила Сесили у Розалинды.

– Держись меня и Теренса, ладно? И тогда с тобой ничего не случится, – прошептала ей в ответ Розалинда.

– Убийцы! – вдруг неожиданно выкрикнула Беатрикс. – Эти копы напали на Роберта Бенди и застрелили его, хотя на тот момент он был без оружия и просто пытался спасти женщине жизнь. Грязные ублюдки!

По толпе прокатился рокот возмущения. Между тем полиция продолжала теснить собравшихся. Сесили жадно глотнула ртом воздух, чувствуя, как на нее напирают со всех сторон. Она уже не слышала, о чем говорят ораторы с трибуны, потому что рядом с ней не переставала выкрикивать что-то злое та женщина с маленьким ребенком в переноске, а сам младенец стал громко плакать, мать отчаянно пыталась защитить его от пресса человеческих тел.

В воздух понеслись громкие вопли. Какой-то мужчина оттолкнул Сесили в сторону, чтобы избежать столкновения с полицейским, который двигался прямо на него с дубинкой наперевес, но не успел. Тогда он поднял плакат, отгораживаясь им, словно щитом, но полицейский сбил его с ног, и мужчина упал лицом в грязь, обхватив голову руками, защищаясь от сыпавшихся на него сверху ударов. Раздался пронзительный свист, следом послышалось лошадиное ржание. Сесили подняла глаза и увидела конных полицейских, приближающихся к протестующим, многие из которых уже стали разбегаться в разные стороны.

– Сесили! Держись рядом со мной! – Беатрикс схватила ее за руку и потащила туда, где виднелся просвет в цепи полицейских. Сесили послушно следовала за ней, уже ничего не видя вокруг. Они перешли на бег, лавируя среди других людей, тоже пытавшихся вырваться из

западни и убежать в какое-нибудь безопасное место. Сердце колотилось как бешеное, но Сесили из последних сил старалась не прислушиваться к диким крикам боли, к глухим звукам ударов дубинками по человеческим телам. Внезапно ее кто-то сильно дернул и сбил на землю, она упала, но боковым зрением успела заметить, как Беатрикс схватили двое полицейских. Она отчаянно сопротивлялась, словно пойманная в силки дикая кошка, косички растрепались, густые пряди кудряшек выбились наружу, но полицейские потащили ее куда-то в сторону.

– Нет! Беатрикс! – крикнула Сесили во весь голос, пытаюсь подняться с земли: резкая боль пронзила лодыжку. – Остановитесь! Она не сделала ничего плохого!

Сесили в ужасе огляделась вокруг. То, что еще совсем недавно начиналось как мирная демонстрация, мгновенно превратилось в дикий хаос.

– Арчер! – пробормотала Сесили, отчаянно пытаюсь вспомнить, где именно он будет поджидать ее. Она сделала еще одну попытку встать на ноги, но лодыжка не слушалась, а к ней уже приближалась очередная волна митингующих.

«Наверное, сейчас меня схватят прямо здесь, на том самом месте, где я сижу», – подумала Сесили, и в этот момент услышала глубокий мужской баритон у себя над головой.

– Идти сможете? – спросил у нее какой-то белый мужчина, склонившийся над ней.

– Моя лодыжка...

– Обопритесь на мою руку.

Сесили взяла его за руку, и он рывком поставил ее на ноги, потом обхватил одной рукой за талию и потащил вперед, пробираясь сквозь толпу.

– Мой шофер... Он ждет меня на углу Ленокс авеню, где-то в конце этой улицы, – выдохнула она, неожиданно вспомнив все.

– Тогда идем туда, и как можно быстрее. Судя по всему, здесь сейчас начнутся уже более серьезные разборки.

И действительно, к этому моменту уже вовсю шли ожесточенные стычки между участниками митинга и полицейскими.

Когда они приблизились к перекрестку Западной 138-й улицы и Ленокс авеню, Сесили увидела свой «Крайслер» и показала на него.

– Там Арчер! – взвизгнула она, стараясь перекрыть рев рукопашной схватки, завязавшейся позади них.

Мужчина схватил ее на руки и поволок к машине, добежал и тут же рывком открыл заднюю дверцу.

– Слава богу, вы живы, мисс Сесили! – воскликнул Арчер, включая двигатель. – Немедленно уезжаем отсюда!

– Берегите себя, мэ, – обратился к ней незнакомец, бережно укладывая ее на заднее сиденье. Он уже приготовился захлопнуть дверцу, но Сесили остановила его, увидев, что к машине приближаются двое полицейских с дубинками в руках.

– Арчер, подожди минутку! *Сейчас же* садитесь в машину, – крикнула она мужчине и, собрав остатки сил, схватила его за руку и почти силком втощила в салон автомобиля, как раз вовремя, потому что один из полицейских уже приготовился пустить в ход свою дубинку. – Арчер, трогай! Трогай, трогай, трогай!

Арчер прибавил газу, и машина рванула с места.

Но вот «Крайслер» отъехал достаточно далеко, и все кошмары остались позади, и только тогда все трое одновременно перевели дух.

– Не знаю даже, как мне отблагодарить вас за оказанную помощь, – вымолвила Сесили после некоторой паузы.

– Пустяки. Тем более что я тоже должен поблагодарить вас за то, что вы помогли мне только что, – ответил мужчина, откинувшись на спинку сиденья и полузакрыв глаза.

– Куда вас подвезти? Где вы живете? – спросила она у него.

– Пожалуйста, высадите меня возле ближайшей станции метро.

– Мы сейчас как раз подъезжаем к станции на 110-й улице, – подал голос Арчер.

– Вот и прекрасно. Это меня вполне устраивает, – откликнулся мужчина.

Арчер остановил машину.

– Могу я хотя бы узнать, как вас зовут? – спросила Сесили.

Какое-то мгновение мужчина колебался, потом сунул руку во внутренний карман, извлек оттуда визитку и вручил ее Сесили. После чего выбрался из автомобиля, громко хлопнув дверцей.

Спустя два дня Сесили проснулась поздно, лодыжка продолжала ныть и болеть, несмотря на все компрессы со льдом, которые она исправно прикладывала к больному месту на ночь. По дороге домой Сесили, вся в грязи, с прихрамывающей ногой, тем не менее взяла с Арчера слово, что он никому не проболтается об ее участии в митинге протеста в Гарлеме. И тот пообещал, правда с большой неохотой, что ничего не скажет ее родителям.

– Позвольте сказать, мисс Сесили, хотя это и не моего ума дела, что впредь я бы посоветовал вам держаться подальше от подобных мероприятий, – обронил Арчер, останавливая машину у парадного подъезда их особняка, и Сесили, собираясь с силами, чтобы выйти из машины, прочитала в его глазах нескрываемую тревогу и озабоченность.

– Спасибо, Арчер, за добрый совет, но я уже достаточно взрослый человек и отдаю себе полный отчет в том, что делаю, – ответила она ему с явным вызовом в голосе.

– Да, но только до тех пор, пока это не угрожает вашей собственной безопасности. Говорю же, вам не место в таких потасовках. Вы ведь леди.

Доротея все еще пребывала в состоянии глубочайшей меланхолии, продолжая скорбеть по Кики, а потому Сесили не составило особого труда прямо на ходу придумать убедительную версию случившегося: дескать, она просто не заметила вентиляционную решетку метрополитена и неудачно зацепилась за нее каблуком. Преодолевая боль, она кое-как вскарабкалась по лестнице в мансарду и обнаружила Стеллу в комнате Ланкенуа. Стелла тотчас же бросилась к ней навстречу, и Сесили крепко обняла девочку.

– Почему ты такая грязная, Куйя? Где ты была? – поинтересовалась у нее девочка.

– Да так, в одном месте, милая, – улыбнулась Сесили. – Я очень рада снова увидеть тебя.

* * *

В дверь ее спальни тихо постучали, и на пороге появилась Эвелин с кофе и тостами. Она поставила поднос на колени Сесили, а потом

осмотрела ее ногу, лежавшую на подушке.

– Лодыжка выглядит сегодня намного лучше, мисс Сесили, – удовлетворенно констатировала Эвелин.

– Спасибо, Эвелин, – ответила Сесили, взглянув на служанку совершенно иными глазами. – Эвелин?

– Да, мисс?

– Тебе нравится работать на нашу семью?

– Что за вопрос, мисс Сесили! Я ведь работаю у вас столько лет, еще с тех самых пор, как вы были маленькой девочкой.

– Знаю, Эвелин, знаю. Но мне просто интересно... Может, ты мечтала о каких-то других возможностях в своей жизни?

Последовала долгая пауза, а потом Эвелин жизнерадостно ответила:

– Какие другие возможности, мисс Сесили? Я счастлива и безмерно благодарна судьбе за то, что имею *эту возможность*. Я действительно по-настоящему счастлива работать на вашу семью. И я всем довольна, мисс Сесили. А вы довольны моей работой?

– Конечно, довольна! – поспешила заверить ее Сесили и беспомощно добавила, понимая, что доверительной беседы не получилось: – Прости меня, Эвелин, пристаю тут к тебе с всякими глупыми вопросами. Но я просто...

– Если вам что-то потребуется, позвоните в колокольчик, мисс Сесили.

Эвелин вышла из комнаты, а Сесили снова откинула голову на подушку. После всех тех ужасов, свидетелем которых она оказалась, участвуя в недавнем митинге протеста, весь мир для нее одномоментно перевернулся вверх дном. Она не могла забыть искаженные от страха и боли лица протестующих, которых полиция силком тащила куда-то... Да и вообще все происходящее было вопиющим попранием всех человеческих норм, поражала именно эта полнейшая несправедливость и безнаказанность. Вчера ей позвонила Розалинда и сообщила, что Беатрикс и еще несколько десятков задержанных уже выпустили из тюрьмы.

– Правда, пришлось внести солидный залог, да и наш адвокат, представлявший их интересы в суде, тоже грамотно выполнил свою работу. Но как бы то ни было, а для Беатрикс это уже второе

задержание. В будущем ей следует проявлять особую осторожность, – завершила свой рассказ Розалинда.

– Но ведь точно так же они могли бы напасть и на Стеллу, и все только потому, что она чернокожая. Боже, в каком страшном мире мы живем! – выдохнула Сесили, размышляя вслух.

«Ты живешь в мире, который в первую очередь обслуживает таких, как ты», – немедленно подсказал ответ мозг. Все привилегии в современном обществе для таких, как она, богатых, избранных, а самое главное – *белых*.

«Встань рядом с нами, пожалуйста», – вспомнила она слова Беатрикс, обращенные к ней.

Сесили глянула в окно своей спальни, откуда открывался прекрасный вид на Центральный парк, раскинувшийся внизу. В эту январскую пору он был усыпан снегом, который укутал своим белым пушистым покрывалом все вокруг. Все в этом небольшом уютном уголке Нью-Йорка дышало покоем и умиротворением. Но сейчас Сесили столкнулась и с оборотной стороной этой внешне безмятежной жизни, она своими глазами увидела, как творится насилие, как страдают ни в чем не повинные люди, и мир для нее уже никогда не будет прежним. Она невольно вспомнила фотографии немецких концлагерей, сделанные сразу же после того, как их освободили американские солдаты уже в самом конце войны. Тогда в ее голове тоже не укладывалось, что можно творить такое неслыханное зло и с такой беспримерной жестокостью. Но зато сейчас она уже знала точно: и в Америке, как и в Кении, всего лишь в каких-то паре сотен метров от ее дома люди живут совсем иной жизнью, чем она сама, и каждый день все они сталкиваются с точно такой же несправедливостью и попранием всех норм морали.

– А ведь многие наивно полагают, что Америка – это страна свободы, между тем никто из нас и палец о палец не ударил, чтобы исправить все те безобразия, которыми полнится наша повседневная жизнь и которые уже на собственной шкуре чувствуют все те, кто устремляется сюда, в эту якобы свободную страну, – прошептала Сесили.

Она наспех проглотила тост и неожиданно почувствовала необыкновенный прилив энергии и сил. Ей вдруг страстно захотелось снова встретиться с Розалиндой и Беатрикс, поговорить с ними по

душам. Она и подумать не могла, чтобы обсуждать подобные темы с сестрами или с отцом, не говоря уже о матери. Можно только представить себе, какова бы была реакция Доротеи, узнай она, что ее дочь участвовала в протестах, стоя плечом к плечу с «этими неграми», для детей которых она старательно собирает деньги во всякие благотворительные фонды. Но при этом и помыслить не может, чтобы какой-то там негр переступил порог ее собственного дома. Для матери это равносильно тому, что впустить себе в дом жирную крысу из сточной канавы.

– Но я ведь не такая, как они, и это правда, – напомнила себе Сесили, допивая кофе. Откуда в ней эта неумная жажда борьбы за справедливость, борьбы против всего, что она увидела два дня тому назад в Гарлеме? Почему в ее душе полыхает этот огонь возмездия?

«Потому что ты любишь дитя, которое называешь своей дочерью, – снова услужливо подсказало ей собственное сознание. – И именно поэтому ты должна бороться за ее будущее и будущее таких же детей, как она, потому что она не может...»

* * *

Днем Сесили попыталась сделать несколько робких шажков, опираясь на больную ногу, и почувствовала, что лодыжка встала на место и снова держит вес ее тела.

Пока мама предавалась в своей комнате послеобеденному отдыху, который в последние недели после смерти Кики с каждым днем становился все продолжительнее и продолжительнее, Сесили быстро нарядила Стеллу у себя в комнате и подвела ее к большому зеркалу, чтобы та могла полюбоваться на себя.

– А куда мы сейчас пойдем, Куйя? – спросила у нее девочка, поправляя ворот своего красного пальтишка.

– Мы сейчас поедem в одну школу, где полно таких же смышленных деток, как и ты. Хочешь познакомиться с ними?

– Хочу! – радостно взвизгнула Стелла. – А можно я возьму с собой Счастливику? Пусть он тоже познакомиться с ребятами. – Она ухватила своего игрушечного льва за гриву.

– Можно, – разрешила Сесили.

Арчер остановил машину возле дома Розалинды. Снегопад только что прекратился, и выпавший снег еще не успел превратиться в грязную слякоть. Стелла залилась радостным смехом, ступая своими аккуратными ножками по чистому снегу и оставляя на нем крохотные следы.

– Спасибо, Арчер, – поблагодарила Сесили.

– Не за что, мисс Сесили. Я вас подожду. Буду ждать столько, сколько надо. – Он неожиданно весело подмигнул ей, а Сесили подумала, что общая тайна странным образом сблизила их.

Она слегка приподняла Стеллу, чтобы та смогла дотянуться до тяжелого бронзового молоточка. Дверь открыла Розалинда и тепло обняла Сесили.

– Добро пожаловать, сестра, – прошептала она ей на ухо. – А это, должно быть, Стелла? – Розалинда опустилась на корточки и подала девочке руку.

Стелла немедленно застеснялась и спряталась за спину Сесили.

– Все хорошо, милая, – подбодрила та девочку. – Розалинда – мой хороший друг, и сейчас она познакомит тебя с другими детьми.

Стелла робко взяла Розалинду за руку, и они втроем направились в самый конец большого дома. Вошли в просторное помещение с французским окном, откуда был выход в небольшой садик. Эту комнату хозяева уже успели преобразовать в некое подобие школьного класса с доской на стене и пятью небольшими деревянными партами, установленными напротив доски. На стеллажах вдоль одной из стен стояли самые разнообразные учебники и буквари, тут же были разложены канцелярские принадлежности и детские игрушки, на другой стене висело расписание уроков, карта Нью-Йорка и множество детских рисунков, на которых были изображены всякие животные.

– У тебя есть друг, Стелла? – спросила Розалинда.

– Да, Счастливчик, – ответила девочка и слегка приподняла своего игрушечного льва.

Розалинда с чувством погладила его мех.

– Он у тебя красивый. Для меня большая честь, что ты приехала ко мне не одна, а со своим другом. А скажи мне, ты бывала в школе?

– Нет, никогда. Меня обучает Куйя. – Стелла бросила быстрый взгляд на Сесили, и та одобрительно кивнула.

– Куйя – это тетя, – пояснила она Розалинде.

А та взяла девочку за руку и повела в угол комнаты, где был обустроен небольшой уголок для чтения. На полу лежал ковер для игр с разбросанными на нем подушками. Они уселись прямо на ковер. Сесили не без гордости наблюдала за тем, как оживилась Стелла, когда Розалинда начала задавать ей вопросы. Потом она сняла с книжной полки какую-то книгу с картинками и попросила девочку почитать ей вслух. Стелла начала уверенно читать вслух те абзацы, которые отмечала ей Розалинда.

Сесили уселась за одну из парт, а Розалинда продолжила экзаменовать Стеллу: несколько арифметических задач, всякие логические вопросы, девочка отвечала на все вопросы без запинки. Минут через тридцать Розалинда предложила Стелле присоединиться к другим детям, и та с радостью подхватила с ковра. Они спустились в огромную кухню, там за столом устроились четверо ребяташек и с аппетитом уплетали бутерброды с повидлом и ореховым маслом.

– Прошу любить и жаловать! Это Стелла! Познакомьтесь с ней! – Дети, мальчики и девочки, как по команде, встали и стеснительно поздоровались с новенькой. Стелла широко улыбнулась в ответ, подошла к столу и уселась рядом с дочерью Розалинды, назвавшей себя Гармони. Ее вьющиеся волосы были уложены в два кучерявых хвостика, перевязанных лентами. Девочка с готовностью протянула Стелле половинку своего бутерброда.

– На сегодня у нас тут учителей всего лишь двое, ты и я, – тихо обронила Розалинда, обращаясь к Сесили и наблюдая за тем, как весело смеются дети за столом. – Если наш проект окажется успешным, то тогда школа расширится, на что я очень надеюсь. За финансовой помощью и поддержкой я планирую обратиться к своим более состоятельным друзьям из числа негров, которые мечтают о том, чтобы дать своим детям приличное образование, а потому эти люди не станут возражать против разумной оплаты за их учебу. Что позволит мне, в свою очередь, принять в школу и тех способных детей, родители которых бедны и не в состоянии платить за их обучение.

– Великолепный план! И ты все так тщательно продумала, – искренне восхитилась Сесили своей новой подругой.

– Но коль скоро я все равно сижу дома со своей Гармони, то почему бы мне и не воспользоваться полученной степенью в благих целях? А сейчас расскажи мне поподробнее о Стелле. Несомненно, девочка очень способная и обожает тебя.

Сесили украдкой взглянула на Стеллу, чтобы убедиться, что та не прислушивается к их разговору, но малышка была всецело поглощена общением с другими детьми. Тогда она поманила Розалинду немного подальше, чтобы не мешать детям.

– Вообще-то я нашла эту девчушку в лесу неподалеку от нашей фермы в Кении. Кто-то бросил ее там умирать, на тот момент девочке было всего лишь пару часов от роду. – Сесили вздохнула. – Мне трудно объяснить тебе, но это была, как говорится, любовь с первого взгляда. Поначалу, когда я объявила мужу, что хочу воспитывать девочку и заботиться о ней, как о своей родной дочери, муж воспринял мою идею в штыки. Но потом он все обдумал еще и еще раз, и мы вместе разработали целый план, чтобы осуществить мое желание.

Сесили подробно объяснила Розалинде, как в их доме появилась служанка Ланкенуа и как Стелла поверила в то, что эта женщина является ее родной матерью.

– Разумеется, до сего дня никто, Розалинда, не знает всей правды о Стелле. Думаю, моя мама тут же скончалась бы прямо на месте, узнай она, какого рода отношения нас связывают с этой девочкой на самом деле. Но ничего лучшего мы с мужем пока придумать не смогли.

– Понимаю, – промолвила Розалинда, и Сесили увидела, как в ее глазах блеснули слезы. – Можно я тебя обниму?

– Что за вопрос? Конечно, можно, – ответила Сесили, и Розалинда тут же заключила ее в свои объятия.

– То, что ты сделала для этого ребенка, это самая красивая история из всех, что мне доводилось слышать. И я всем сердцем хочу помочь тебе дать Стелле все, чего она заслуживает, и даже больше.

Сесили почувствовала, что и у нее самой слезы наворачиваются на глаза, потому что впервые с того момента, как она взяла Стеллу на руки, она получила возможность поделиться всей правдой о ней с кем-то еще, кроме Билла и Ланкенуа.

– А что твой муж? Ведь наверняка он ожидает твоего скорого возвращения в Кению? – поинтересовалась Розалинда, бросив на

Сесили пронизательный взгляд, заглянув, можно сказать, в самую душу.

– Да, все так, но, может быть, мне удастся отсрочить на какое-то время свой отъезд и понаблюдать за тем, как пойдут дела у Стеллы. Тогда я обоснуюсь здесь. Мне ведь, как и тебе, тоже нужна достойная цель в жизни – использовать собственные мозги с пользой для других людей. В Кении круг моих обязанностей, а главное, моих возможностей, очень узок: дом, сад, разумеется, Стелла. И на этом все. А что касается самой Стеллы, то пока в Африке для нее нет будущего.

– Ну что, дети? – Розалинда снова повернулась к детворе, сидевшей за столом. – Не хотите пойти на улицу поиграть в снежки?

– Хотим! Хотим! – хором закричали все. Дети гурьбой побежали из кухни в холл, обе женщины последовали за ними и помогли им облачиться в теплые ботинки и курточки.

– Я еще ни разу не играла в снежки, – тихонько прошептала Стелла, обращаясь к Сесили. – Я даже не знаю, как в них играть.

– Я тебя научу, – подбежала к ней Гармони. – А потом мы будем лепить снежную бабу!

Стелла взяла ее за руку, обе девочки выбежали во двор, и вскоре там завязался самый настоящий снежный бой, с шумом, криками, веселым смехом. После чего дети все вместе принялись лепить снежную бабу. Сесили наблюдала за Стеллой, стоя возле французского окна. Еще никогда она не видела девочку такой довольной и уверенной в себе. Впрочем, никогда раньше она не видела, чтобы Стелла играла с другими детьми. В силу понятных обстоятельств круг общения девочки был крайне узким и весьма ограниченным, а единственным сверстником и товарищем по играм для нее был Мишель. А здесь она наконец может вести себя как нормальный, самый обычный ребенок, общаясь с детворой своего возраста, такими же, как и она сама. Инстинктивно Сесили чувствовала, что это место – самое подходящее для Стеллы. А еще она понимала, что пожертвует всем на свете ради того, чтобы и впредь видеть свою маленькую девочку такой же счастливой, как сегодня.

– Я была бы очень рада, если бы вы обе пришли к нам в школу, – промолвила Розалинда уже позже, во второй половине дня, когда они прощались, стоя на крыльце. – Но тогда тебе предстоит принять очень непростое решение. Можно сказать, судьбоносное. Я права?

– Да, права.

– Обязательно дай мне знать, когда ты все решишь для себя самой.

– Непременно.

Сесили повела Стеллу к поджидавшей их машине и уже готова была расплакаться, увидев, как девочка энергично машет рукой, прощаясь со своими новыми друзьями.

– Пока-пока, до скорого! – крикнула она им напоследок.

Когда машина отъехала, Сесили уже точно знала, что сделает все от себя зависящее, чтобы у ее любимой доченьки скорая встреча с друзьями *обязательно состоялась*.

* * *

На следующее утро Сесили проснулась с тяжелой головой, и ужасно ныло сердце: ночью ей приснился Билл. Она быстро оделась и тихонько пробралась вниз, чтобы никого не разбудить. Все домочадцы еще спали, на улице было темно, слабые, самые первые всполохи наступающего рассвета едва тронули небосвод. Она поплотнее укуталась в теплое пальто, засунула руки в меховую муфту и заторопилась в Центральный парк. Лодыжка все еще давала о себе знать, а потому Сесили шла медленно, она подошла к скамейке, смела с нее снег рукой и уселась лицом к скульптуре, изображавшей знаменитую Алису из Страны чудес. Статуя была вся покрыта инеем. В парке тоже было тихо, и только несколько худосочных голубей копошились в слякотной лужице, тщетно пытаясь отыскать себе что-то из съестного на прокорм.

Сесили обхватила себя руками и вдруг неожиданно подумала, что с момента своего возвращения на Манхэттен она и сама стала очень похожа на героиню Льюиса Кэрролла, провалившуюся в кроличью дыру. Все опять в диковинку, все внове. Вот и струйка воздуха, вырвавшаяся из ее рта и отчетливо видимая на морозе, это для нее уже что-то новенькое после стольких лет, проведенных в африканской жаре. Зато нынешняя Сесили, обитающая на Манхэттене, с трудом припомнит, каково это, когда тебя душит и изматывает нестерпимая жара, а та далекая Сесили из Кении представляется ей почти мифической фигурой, если вообще не самозванкой. Интересно, как

там сейчас Билл, что делает, чем занимается... Наверняка пропадает на своих сафари. Она звонила домой несколько раз, но ни разу не застала его ни дома, ни в клубе Мутаига. В последний раз Али сказал, что он не видел *сахива* с самого Рождества.

Она нутром чувствовала, что судьба Стеллы, ее будущее, здесь, в Америке. Но если она останется с девочкой в Нью-Йорке, то это автоматически означает, что она бросает Билла, оставляет его одного в Кении. И свой дом, и все, что с ним связано, тоже... Ферма «Райский уголок», преданный ей Вульфи, Кэтрин... И еще большой вопрос, согласится ли Ланкенуа остаться с ней здесь. Разве может Сесили потребовать от матери, чтобы та оставила своего сына?

Наверное, придется искать некое компромиссное решение, как она и сказала о том Розалинде. Она напишет Биллу, что на некоторое время отсрочит свое возвращение домой. И ему грех жаловаться на свою жену: ведь она столько лет провела, можно сказать, в заточении, постоянно одна. Да и теперь он не делает никаких попыток наладить с ней связь. Во всяком случае, более долгая разлука даст каждому из них шанс попытаться начать какую-то новую жизнь, не обременяя себя при этом никакими твердыми обещаниями и не принимая никаких судьбоносных решений.

Вернувшись домой, Сесили поспешила в отцовский кабинет. В коридоре и на кухне уже были слышны шаги, наверняка Эвелин понесла наверх утренний кофе для родителей, а потом принялась растапливать камин в во всех комнатах. Сесили взяла авторучку, достала чистый лист бумаги из письменного стола и начала писать.

Дорогой Билл!

С Новым годом! С новым счастьем! Надеюсь, ты встретил новый год в праздничной обстановке, где бы ты ни был. Мне очень грустно от того, что мы не встретили его вместе и меня не было рядом с тобой. Как прошли торжества в клубе Мутаига? Я звонила тебе на Рождество, хотела поговорить, но Али сказал мне, что ты уехал на сафари. Кстати, я много раз звонила тебе и домой, на нашу ферму, и в клуб Мутаига, но всякий раз ты был в отъезде. Вот я и решила обратиться к тебе с письмом. Впрочем, тот факт, что тебя постоянно не бывает дома, я

воспринимаю как хороший знак: значит, ты постоянно занят и не живешь отшельником дома, пока меня нет рядом.

Как поживают Бобби и Кэтрин? Как продвигается ее беременность? Стелла очень скучает по Мишелю.

У нас в Нью-Йорке рождественские праздники прошли в унылой обстановке: смерть Кики омрачила торжество. Сказать честно, не представляю себе, что Мундуи-Хаус сейчас стоит пустым и Кики больше никогда не переступит порог своего дома.

Я с удовольствием знакомлюсь со своими племянниками и племянницами, снова сблизилась с сестрами. Мы также прекрасно провели время со Стеллой, я познакомила ее с Манхэттеном и другими достопримечательностями Нью-Йорка. Но время летит так быстро, а потому я хотела бы задержаться здесь еще на некоторое время. В конце концов, я ведь не была дома целых семь лет! Надеюсь, ты не станешь возражать, Билл. Ведь дорога сюда такая долгая, и, Бог его знает, смогу ли я еще когда-нибудь вырваться домой после того, как вернусь в Кению. Само собой, все мои и я сама будем счастливы, если ты тоже присоединишься к нам в любое удобное для тебя время. Мама и папа мечтают познакомиться с тобой лично, а я с большим удовольствием показала бы тебе свой родной город, как когда-то ты показал мне Кению.

Я сообщу тебе дату своего возвращения, когда закажу обратные билеты.

Надеюсь, дела у нас на ферме идут хорошо. Пожалуйста, передавай от меня приветы всем нашим. Шлю им свою любовь. И тебе в первую очередь, конечно. Я очень по тебе скучаю.

Пожалуйста, ответь мне или позвони. Я за тебя волнуюсь!

Сесили

Когда она подписывала конверт, дверь в кабинет отворилась, и вошел отец.

– Доброе утро, Сесили, – поздоровался он с ней. – Однако какая ты у нас ранняя пташка, милая. Уже на ногах.

– Да, вот захотела написать письмо Биллу.

– Понятное дело. Наверное, сильно скучаешь по нему. Но ничего, всего лишь через несколько недель вы снова будете вместе.

– Вообще-то... – Она задумчиво постучала конвертом по ладони. – Я решила задержаться в Нью-Йорке еще на некоторое время. Если вы с мамой, конечно, будете не против.

– Что за глупости! С чего бы это нам быть против? – просиял лицом Вальтер. – Вот это замечательная новость! А сейчас составь мне компанию за завтраком, заодно вместе разгадаем свежий кроссворд из «Нью-Йорк Таймс».

Сесили вышла из кабинета вместе с отцом, в холле она положила конверт с письмом на серебряный поднос для корреспонденции.

* * *

С понедельника Стелла пошла в школу. Нарядилась в свое любимое платье в клеточку, волосы завязала лентами в два хвостика, как у ее новой подружки Гармони. Артур отвез их в Бруклин, Стелла пулей выскочила из машины и быстро взбежала по ступенькам крыльца к парадной двери. Сесили отдала Стелле свой старый кожаный портфель, в который они вместе сложили карандаши, ластик, а также кулек с шоколадным печеньем, которое Эвелин специально испекла для Стеллы и ее одноклассников.

Розалинда провела их в классную комнату, и Стелла тотчас же подбежала к Гармони, чтобы обняться с ней, а та указала ей на свободную парту рядом с собой. Сесили устроилась в конце класса и стала наблюдать за тем, как Розалинда ведет урок. Судя по сосредоточенному личику Стеллы, она вся превратилась в слух и сейчас ловила буквально каждое слово, которое произносила Розалинда.

* * *

И потянулись рутинные дни занятий в школе. Всю неделю Арчер исправно подвозил их в Бруклин к девяти утра, когда начинался первый урок. Сесили и Розалинда вели уроки по очереди, каждая свой предмет, одна ведет урок, а другая в это время сидит внизу и готовится к своему занятию или проверяет тетрадки учеников.

Сесили с удивлением обнаружила, что ей очень нравится учить ребятшек. Конечно, поначалу ей не хватало уверенности в себе, но очень скоро она справилась с недостатком педагогического опыта и быстро нашла общий язык со своими учениками, с которыми вела себя строго, но при этом обращалась с детьми ласково. После занятий Арчер отвозил их со Стеллой домой, и они немного гуляли по Центральному парку. Во время прогулки Стелла без умолку тараторила, со счастливым видом рассказывая Сесили о том, что нового она узнала за минувший день в школе. Вечерами они забирались вместе на кровать к Сесили и читали вслух какую-нибудь книгу, а когда девочка наконец засыпала прямо на ее плече, Сесили брала Стеллу на руки и относила в ее комнату, расположенную рядом.

Сесили наконец решила и позвонила тому мужчине, который, можно сказать, спас ее во время разгона митинга; захотелось еще раз поблагодарить незнакомца, благо, он оставил ей свою визитку. Трубку сняла женщина и ответила ей с явным французским акцентом, после чего передала трубку своему мужу. Сесили пригласила супружескую пару на обед. И все трое прекрасно провели время, общаясь друг с другом в ресторане отеля «Вальдорф». Как выяснилось, супруги Тейнит много путешествовали по всему миру, а всю войну прожили в Европе, так что им было о чем рассказать Сесили. И она лишний раз убедилась в том, насколько же ограничены большинство американцев ее круга, озабоченные только самими собой. К превеликому сожалению, чета Тейнитов вскоре отбыла в Англию, а Сесили все более и более сближалась с Розалиндой, Беатрикс и их подругами; проводить время в компании этих женщин было гораздо интереснее, чем довольствоваться обществом маминых приятельниц, с которыми Доротея занималась бесконечными поборами на нужды благотворительности. Мир вокруг Сесили стремительно менялся прямо на глазах, и ей страстно хотелось тоже стать частью этого нового мира, устремленного в будущее, а не цепляться отчаянно за прошлое, пытаясь сохранить его любой ценой.

Ланкенуа сдружилась с Эвелин и с недавних пор стала вместе с ней посещать по воскресеньям церковь. Разговоры о возвращении в Кению тоже стали реже, и Сесили была только рада, наблюдая за тем, как ее служанка постепенно акклиматизируется в Нью-Йорке. Отшумели рождественские праздники, и Вальтер теперь целыми днями пропадал в банке, а вечера коротал в своем клубе. Доротея отбыла со своим ежегодным визитом к матери в Чикаго, что тоже вполне устраивало Сесили. В те редкие часы, когда Вальтер бывал дома, он заманивал Стеллу к себе в кабинет и принимался задавать ей все более и более сложные математические задачи; эти игры с маленькой девочкой явно доставляли ему удовольствие. Да и вообще по всему было видно, что Стелла ему очень нравится, и у Сесили уже не раз появлялся соблазн раскрыться отцу и рассказать ему все правду о том, какого рода взаимоотношения связывают ее с этой девочкой.

И по-прежнему никаких весточек от Билла, он так и не ответил на ее письмо и не перезвонил, даже когда она отправила телеграмму в клуб Мутаига. Тогда она еще раз позвонила в клуб, и Али заверил ее, что с *сахибом* все в порядке, он жив-здоров, но сейчас пребывает на пастбищах в низинах, где пасется его скот. Кэтрин тоже подтвердила эту информацию.

– Наверное, он уже и думать про меня позабыл, – расстроено прошептала Сесили, кладя трубку на рычаг телефона после очередного безответного звонка.

* * *

Так незаметно для всех подкрался конец марта: весна все настойчивее теснила затянувшуюся зиму с улиц Нью-Йорка. Постепенно мысли о ферме «Райский уголок» стали отходить на второй план, Сесили все реже задумывалась о том, что там и как там; хотя в конце концов ей все же удалось дважды дозвониться до Билла и поговорить с ним. Правда, разговаривал он с ней каким-то отстраненным тоном, и едва ли эту его отчужденность можно было списать на то, что их разделяет огромное расстояние и на линии связи постоянно случаются помехи. Стелла тоже перестала интересоваться, когда же они наконец вернутся «домой». Единственное, что омрачало

их счастливое существование, так это возвращение Доротеи из Чикаго; с ее приездом атмосфера в доме сразу же стала натянутой и напряженной.

В самом конце марта вдруг неожиданно разгулялась непогода, и на Нью-Йорк обрушилась последняя зимняя метель: снежные хлопья, подхваченные сильным ветром, барабанили по оконным рамам. Сесили и Стелла устроились на кровати в спальне Сесили в ночных сорочках, с чашками горячего шоколада и с книжкой Бетти Смит «Дерево растет в Бруклине», которая лежала раскрытой на коленях у девочки. Стелла читала вслух высоким чистым голосом, который, правда, немного дрожал от страха всякий раз, когда очередной порыв вьюги обрушивался на дом.

– Мне страшно, Куйя, – прошептала девочка. – А вдруг сейчас ветер ворвется прямо сюда и выметет всех нас из дома?

– Нет, этого никогда не случится. Люди переживают в своих домах любую непогоду: в них всегда тепло, сухо и безопасно. А наш дом был построен много-много лет тому назад и выдержал уже сотни подобных метелей. Ну что? Почитаем еще немножко или ты уже хочешь спать?

Как это бывало каждый вечер, Стелла упрямо продолжила чтение, но Сесили видела, что глаза у нее слипаются и она уже готова вот-вот уснуть. Так оно и случилось. Длинные ресницы мягким веером опустились на темную кожу лица, черты которого разгладились и приобрели умиротворенное выражение. Сесили бережно погладила малышку по голове и сама закрыла глаза, погружаясь вслед за Стеллой в мир волшебных сновидений.

* * *

Сесили разбудил стук в дверь, она рывком подхватилась на постели, не сообразив в самую первую минуту, где она и что с ней. Утренний свет пробивался сквозь задернутые шторы на окнах в ее спальне, она глянула на спящую рядом с ней Стеллу и поняла, что вчера вечером они обе крепко уснули.

– Входите, – откликнулась она на стук в дверь, предполагая, что это, должно быть, Эвелин с завтраком.

Однако, когда дверь распахнулась, Сесили увидела на пороге не Эвелин, а Доротею.

– Сесили, я просто хотела предупредить тебя, что сегодня днем я собираюсь...

Мать вдруг замерла как вкопанная, увидев на подушке рядом с дочерью темную головку Стеллы.

Доротея поднесла руку ко рту и вдруг громко взвизгнула. То был крик, исполненный самого неподдельного ужаса.

– Что *она* делает в твоей кровати?

– Я... Стелла вчера испугалась метели, прибежала ко мне, мы вместе читали вслух, а потом...

Доротея решительным шагом направилась к кровати и сбросила со Стеллы одеяло. Потом грубо схватила полусонную девочку за руку и стащила ее на пол.

– Ты, негодница, немедленно пойдешь вместе со мной! Прямо сейчас! Марш на чердак, где тебе и место! С меня достаточно, Сесили, твоих экстравагантных выходок. Это уже выходит за все мыслимые и немыслимые рамки! Привести к себе в спальню ребенка своей черномазой служанки и уложить ее *в собственную постель* рядом с собой. Такое даже представить себе трудно!

– Пожалуйста! – расплакалась Стелла, пытаясь вырваться из рук Доротеи. – Мне больно, отпустите меня!

– *Немедленно* отпусти ее, мама! – крикнула Сесили.

Она вскочила с кровати и, уцепившись за руку матери, попыталась высвободить Стеллу.

– Я не потерплю впредь подобного безобразия в своем доме! И мне дела нет до того, какие ты фокусы выкидывала под крышей собственного дома в этой Богом забытой стране, которую ты называешь своей новой родиной. Но здесь, у меня, под крышей уже моего дома, эта маленькая грязная негротянка впредь будет жить в мансарде, где ей и место!

– Как ты *смеешь* обзывать Стеллу грязной! Она такая же чистая, как и я! – вскрикнула Сесили. – Вчера вечером я самолично искупала ее!

– Ты *ее* сама купала? Боже милостивый, Сесили! Что с тобой? Или от африканского солнца у тебя расплавились мозги? Она – нигер! Дочка твоей черномазой служанки! Это ты хоть понимаешь?

– Не смей обзывать ее «нигером»! Иначе, клянусь, я...

– Ой! – вдруг громко завопила Доротея, когда крохотные белые зубки Стеллы вонзились в мягкую кожу на ее запястье. И только тогда она разжала наконец свою руку и выпустила девочку. Стелла тут же подбежала к Сесили, и та заключила ее в свои объятия.

– Это не ребенок, а какой-то кровожадный дикарь! Ты только взгляни! – Доротея протянула дочери свою руку. – Она же прокусила мне руку до крови! Сесили, я хочу, чтобы эта мерзавка и ее мамаша немедленно упаковали свои вещи и покинули мой дом! А мне нужно срочно вызвать доктора. Наверняка ведь она занесла мне какую-нибудь заразу!

– Мама, не глупи! Стелла такая же здоровая, как и мы с тобой.

– Повторяю тебе еще раз! Я хочу, чтобы эта тварь и ее мамаша немедленно вымелись из моего дома!

– Прекрасно! Тогда я тоже уйду вместе с ними. Не хочу больше ни минуты оставаться в этом доме и слушать твои возмутительные заявления и откровенно расистские высказывания! Стелла ведь еще совсем ребенок, такая же, как и твои драгоценные внуки!

Отзвуки скандала докатились и до спальни хозяина дома, Вальтер появился в коридоре еще в пижаме.

– Что за шум с самого утра? Что случилось?

– Твоя дочь уложила к себе в кровать эту негритянку, и она проспала с ней всю ночь! – воскликнула Доротея с нескрываемой яростью в голосе. – Уму непостижимо!

– Да, вот так! – Сесили подняла Стеллу на руки и направилась к лестнице, ведущей в мансарду. Встревоженная Ланкенуа уже нервно топталась наверху, поджидая их.

– Одевайся, Ланкенуа! Одень Стеллу и упакуй все свои вещи. И как можно быстрее, пожалуйста! Мы покидаем этот дом.

Ланкенуа в полном смятении глянула на хозяйку, потом перевела взгляд на Стеллу, но промолчала и поспешила выполнять данное ей распоряжение.

Сесили вернулась к себе в спальню, оделась, затем швырнула в рюкзачок самые необходимые вещи.

Она встретила Ланкенуа и Стеллу в коридоре, и все вместе они спустились в холл.

– Что ты делаешь, милая? Ничего не понимаю! – спросил отец, наблюдая сверху за тем, как она, стоя в холле, надевает на Стеллу пальтишко и шляпку, а на ноги девочки обувает теплые сапожки.

– Мама приказала, чтобы Ланкенуа и Стелла немедленно покинули ваш дом. Я уйду вместе с ними, папа.

Сесили обменялась с отцом короткими взглядами, и у нее на мгновение затеплилась надежда, даже сердце забилося сильнее. А вдруг сейчас отец заступится за них и примет ее сторону? Но Вальтер благоразумно промолчал в ответ, и Сесили с тяжелым вздохом отвернулась от него.

– Мэри, позови сюда Арчера. И пожалуйста, упакуй все мои вещи в чемодан. Чуть попозже я попрошу Арчера подвезти их мне, – обратилась она к домоправительнице, которая тоже вышла в холл, стояла и смотрела на них глазами, полными ужаса.

– Хорошо, мисс Сесили.

Накинув на себя пальто, Сесили повернулась к своим родителям. Мать, вся красная от злости, поддерживала рукой то запястье, которое укусила Стелла. Отец поспешно отвел глаза в сторону.

– Тебе должно быть стыдно, папа, – пробормотала Сесили вполголоса, когда в дверях возник Арчер. – Возьми Стеллу, – приказала она шоферу, – усади ее и мою служанку в машину и подожди меня на улице.

– Слушаюсь, мисс Сесили. – Арчер поманил девочку к себе, и все трое исчезли за дверью.

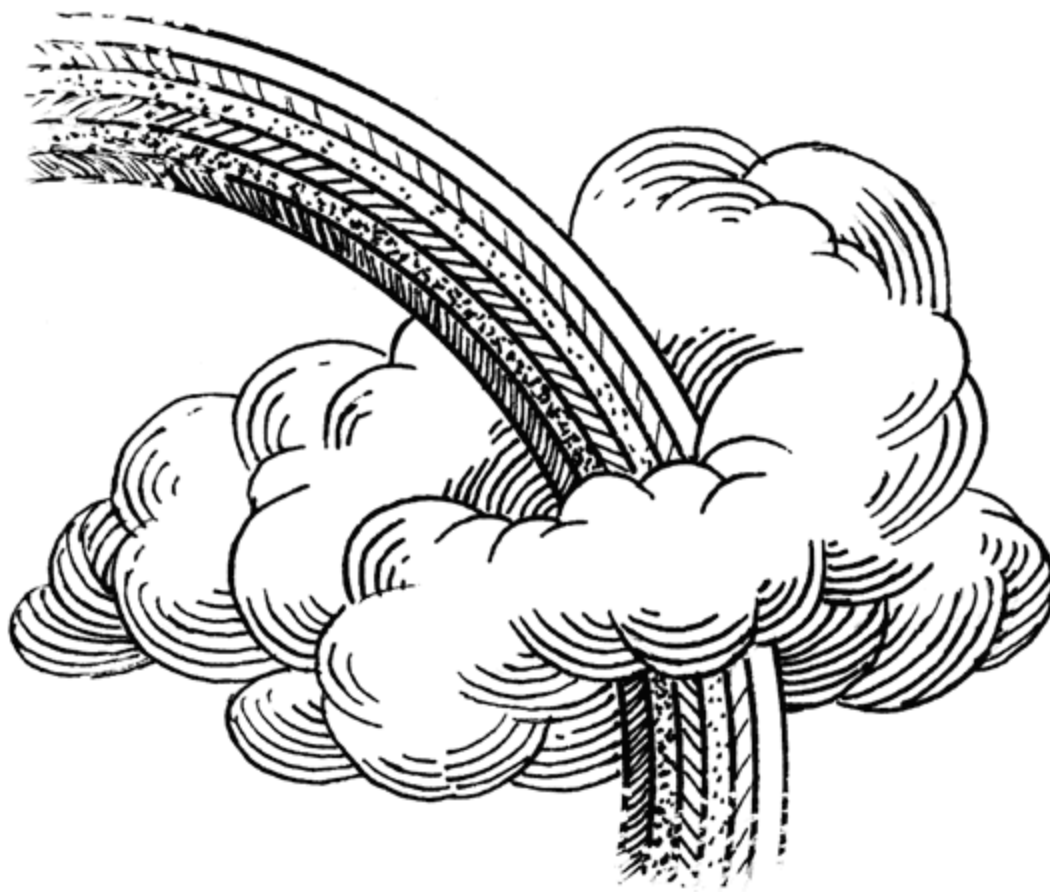
– Значит, это твой окончательный выбор, да? Ты выбираешь *их*, а не нас? – воскликнула Доротея.

– Но поскольку, мама, ты не оставляешь мне иного выбора, то да, я выбираю их.

Смахнув рукой слезы, которые градом текли по щекам, Сесили направилась к выходу. И, не обернувшись, вступила на крыльцо, навсегда закрыв за собой двери родительского дома. Морозный воздух обжег ей лицо.

Электра

Нью-Йорк
Июнь 2008 года

47

– Больше я никогда не переступила порог этого дома.

Стелла отвернулась от меня и стала разглядывать панораму Нью-Йорка, представшую за окнами моей квартиры. Вечерние сумерки стали постепенно сменяться ночной темнью, но никто из нас, кажется, даже не заметил, что уже совсем стемнело.

– Я... даже не знаю, что сказать, – прошептала я, поднимаясь с дивана. Все эти несколько часов, пока длился рассказ Стеллы, я

пролежала на нем, подложив под голову подушку. В полумраке мне едва был виден силуэт бабушки, ее гордый профиль, подсвеченный тысячами огней ночного города, свет от которых проник и в самую комнату.

Я попыталась представить себе Стеллу совсем еще маленькой девочкой; новорожденную спасла от неминуемой гибели посторонняя, можно сказать, совсем чужая женщина, спасла, а потом привезла сюда, в Нью-Йорк. В голове не укладывалось, что могло связывать между собой этих двоих.

– И куда же вы направились после того, как Сесили ушла из родительского дома?

– К Розалинде, куда же еще? И знаешь что? Несмотря на все эти крики и вопли, которые меня тогда сильно напугали, я еще была слишком мала, чтобы понять истинную причину семейной ссоры. Помню, я безропотно позволила Арчеру взять меня за руку и вывести на улицу. Он подвел меня к машине и усадил на заднее сиденье, угостил леденцом и велел сидеть смирно, добавив при этом, что «все образуется и будет хорошо». – Стелла едва заметно улыбнулась. – И представь себе, я ему поверила. Мы прожили вместе с Розалиндой и ее мужем Теренсом в их доме несколько месяцев. Доротея немедленно лишила Сесили всех средств к существованию, а потому какое-то время у нас совсем не было денег. Спасла нас Кики Престон, за что ей вечная память.

– Каким образом?

– Она оставила своей крестнице небольшое наследство – какое-то количество акций и некоторую сумму денег наличными, но этого Сесили вполне хватило, чтобы купить себе небольшую квартирку в Бруклине, неподалеку от Розалинды. Конечно, наше новое жилище было совсем не похоже по своим условиям на то, как Сесили жила раньше. Должно быть, ей было очень сложно привыкать к новой для себя среде обитания. Не говоря уже о том, чтобы свыкнуться с мыслью о полном разрыве со своей семьей, и все исключительно из-за меня.

– Наверное, она просто очень сильно любила тебя.

– Это правда, – утвердительно кивнула Стелла. – А я, в свою очередь, просто обожала ее. К тому же Сесили оказалась на удивление очень талантливым педагогом, и вместе с Розалиндой им удалось не только поднять крохотную школу, с которой все начиналось, но и

превратить ее в полноценное учебное заведение. К тому времени как мне исполнилось десять лет, численность учеников была уже такой, что позволяла им взять в аренду целое здание под нужды школы. А когда я заканчивала школу, то в ней обучалось уже более восьмидесяти учеников, причем не только чернокожих, но и белых, а педагогический штат насчитывал шесть учителей, работавших на полную ставку.

– Словом, Сесили нашла себе дело по душе.

– О да! Невероятная женщина! Я до сих пор не перестаю скорбеть об ее утрате.

В голове у меня вертелись десятки вопросов, на которые я хотела бы получить ответы.

– А что стало с той служанкой, которую ты маленькой девочкой считала своей матерью?

– Ты имеешь в виду Ланкенуа? Она тоже осталась вместе с нами в Нью-Йорке. Познакомилась с мужчиной в той церкви, которую начала посещать вместе с Эвелин, и спустя год с небольшим после того, как мы покинули дом родителей Сесили на Пятой авеню, они поженились. Поселились в маленькой квартирке в Бруклине, а сама Ланкенуа продолжила работать на Сесили и заботилась обо мне.

– А что ее сын?

– Когда мы уезжали из Кении, Квинету было почти шестнадцать лет. Ланкенуа предложила ему переехать к нам сюда, но он отказался. Квинета вполне устраивала тамошняя жизнь, ему нравилось работать на ферме «Райский уголок».

– Они еще живы?

– К сожалению, нет. – Стелла подавила тяжелый вздох. – Все уже ушли из жизни, за исключением Беатрикс. Ей уже восемьдесят пять, но она по-прежнему очень активна и полна энергии. Я тебя обязательно познакомлю с ней при первом же удобном случае. Пожалуйста, включи свет.

– Сейчас. – Я потянулась к лампе, стоящей на столике рядом с диваном. Яркий электрический свет странным образом развеял чары, витавшие в комнате, и мы со Стеллой наконец снова вернулись в день сегодняшний.

– Ничего себе! – воскликнула Стелла, глянув на часы. – Уже третий час ночи. Мне пора домой.

– Я сейчас вызову такси.

– Спасибо, милая. Такси было бы очень кстати.

Я направилась к домофону, чтобы переговорить с консьержем и заказать через него такси для бабушки, а Стелла тоже поднялась с кресла и довольно шаткой походкой направилась в ванную комнату. Потом я пошла на кухню, чтобы попить воды; дверь в комнату Лиззи была плотно прикрыта. Значит, она вернулась еще вечером и незаметно проскользнула к себе в спальню, постаравшись не побеспокоить нас.

Стелла вышла из ванной комнаты и снова вернулась в гостиную, чтобы забрать с кресла свою сумочку.

– Ничего, что я бросаю тебя одну на ночь глядя? – ласково спросила бабушка. – Если хочешь, я могу остаться...

– Все хорошо, не надо. Но спасибо за предложение. У меня тут подруга сейчас гостит, так что я не одна.

– Электра, нам еще много о чем предстоит поговорить... Я ведь понимаю, у тебя есть все основания и права стремиться узнать всю правду о своей родной матери. Но, надеюсь, сейчас ты понимаешь, почему мне так хотелось, чтобы для начала ты узнала всю предысторию того, как я очутилась в Америке. Конечно, это послужит слабым оправданием всего того, что случилось потом, но...

– Понимаю, Стелла. Я все отлично понимаю. А сейчас поезжай к себе домой и немного отдохни.

– Когда мне снова приехать к тебе для продолжения нашего разговора? У меня, правда, дел сейчас полно, но ты у меня в приоритете, честное слово.

– Давай я тебе перезвоню утром, когда сама немного посплю. Тогда обо всем и договоримся.

– Хорошо. Тогда спокойной ночи, милая. И прости меня, если я чем-то расстроила тебя.

– Все в порядке, не переживай, – ответила я, открывая ей входную дверь. – Во всяком случае, кое-что точно подняло мне настроение.

– Что именно?

– Что я действительно происхожу из какого-то царского рода. Словом, что я – принцесса. – Я глянула на Стеллу с улыбкой. – Спокойной ночи, Стелла.

– Однако и разговор был у вас, на всю ночь затянулся, – прокомментировала Лиззи, когда на следующее утро я ввалилась на кухню, чувствуя себя так, будто накануне приняла на грудь бутылку водки и закусила ее несколькими дозами кокаина.

– Да, действительно заболтались, – согласилась я с подругой, подходя к кофемашине, чтобы налить себе чашечку крепкого кофе.

– То есть ты наконец целиком и полностью разобралась со своей бабушкой, да?

– Ну, пожалуй, еще далеко не все хитросплетения мне понятны, но многое уже прояснилось, это точно.

– Хорошо, очень хорошо. Ты же знаешь, Электра, я никогда не стану совать свой нос в чужие дела, но, если сама захочешь чем-то поделиться со мной, имей в виду, я всегда к твоим услугам.

– Знаю, Лиззи. И спасибо тебе за это.

– Я с утра отправляюсь в банк. Надеюсь, они все же изыщут какие-то возможности и найдут нужные документы, подписав которые, я получу доступ к своим деньгам. Тогда я наконец смогу слезть с твоей шеи.

– Послушай, Лиззи, если честно, то я в полном восторге от того, что ты поселилась у меня. Правда! Более того, сразу же заявляю, твой отъезд сильно огорчит меня. Знаешь, копаясь в себе нынешней, я пришла к выводу, что, оказывается, я плохо переношу одиночество. Что, если ты поселишься у меня уже на постоянной основе?

– Ах, Электра! Конечно, это фантастика! Но! Боюсь, сейчас я не потяну арендную плату за твои хоромы. Наверняка они ведь стоят сумасшедших денег.

– Во-первых, ты же знаешь, что деньги для меня – это не главное, а во-вторых, я и сама подумываю о том, чтобы съехать отсюда и поселиться где-нибудь в другом месте. Между прочим, через несколько месяцев истекает срок моей аренды этой квартиры. На днях я вместе с Майлзом побывала в Гарлеме и вдруг ощутила некий дух сопричастности со всеми теми людьми, которые там обитают, я словно почувствовала себя членом их общины. А когда живешь в каком-то пентхаусе на Манхэттене, ты можешь быть кем угодно и откуда угодно. Я права?

– То есть ты хочешь сказать, что в этой квартире для тебя все обезличено, как в каком-то дорогом отеле, да? И, знаешь, я с тобой

полностью согласна. Так говоришь, наведалась в Гарлем в компании с Майлзом? – Лиззи глянула на меня с лукавой улыбкой. – Любопытно было бы докопаться, в конце концов, до всей подноготной в ваших с ним отношениях. Минувшим вечером я много об этом размышляла. То есть мне абсолютно очевидно, как он *к тебе относится*. Весь вопрос в том, что ты сама чувствуешь к нему?

– Ты глубоко ошибаешься, Лиззи. Мы с Майлзом просто хорошие друзья, и только. Вот помогаем сейчас Ванессе, работаем над одним совместным проектом. И потом, у него была тьма возможностей, но он до сего дня ни единого разу даже не попытался... ну, ты понимаешь, о чем я.

– Может, он просто робеет, только и всего? Или его переполняют какие-то очень высокие, почти неземные чувства к тебе, Электра, Не забывай, ты вполне официально числишься одной из самых красивых женщин нашей планеты. Вот он и теряется, думает, что такая женщина ему не по зубам, – промолвила Лиззи, поднимаясь со стула и подходя к стойке. – Давай я тебе сейчас смастерю тост с авокадо. Сама такую вкуснятину я, по понятным причинам, есть не могу, но мне доставит удовольствие сделать такой бутерброд для того, кто может себе позволить лишние калории.

– Тогда сделай, пожалуйста.

– Словом, – продолжила она свой прерванный монолог, – вот тебе вкратце моя теория касательно Майлза. Парень он серьезный, обстоятельный. К тому же красавец и самый настоящий самец в лучшем смысле этого слова. Но конечно, не такой крутой селебрити из числа миллиардеров, с которыми ты обычно встречаешься. Так?

– Так, и слава богу, что он у нее такой. А я, если честно, никогда не задумывалась о наших с ним отношениях именно в таком разрезе.

– А следовало бы задуматься, моя милая. Но сменим тему. Вчера вечером, вернувшись с прогулки, я тихонько уединилась на кухне, чтобы никоим образом не мешать вам. И от нечего делать взялась за просмотр твоего альбома с эскизами, надеюсь, ты не будешь возражать. – Лиззи жестом указала на мой альбом для рисования, который лежал тут же, на столе. – И знаешь, что я тебе скажу? Некоторые твои фасыны великолепны. Просто чудо как хороши!

– Спасибо на добром слове, но это ведь все просто так, для души, обычные наброски, и только. Ты же помнишь, что я начала рисовать,

когда проходила курс реабилитации в «Рэнч».

– Нет, Электра, ты не права. Думаю, уже давно пора пустить все эти твои наброски, как ты их называешь, в дело. Я бы точно купила себе некоторые твои модели. И мне очень нравится твой этнический взгляд на моду.

– Между прочим, у меня самой вчера мелькнула подобная мысль. Такой достойный способ заработать какие-то материальные средства на этой коллекции моделей, чтобы потом вложить их, скажем, в тот же реабилитационный центр для подростков. Я в том смысле, что деньги как таковые мне не нужны.

– О, как бы я хотела тоже заявить нечто подобное: деньги мне не нужны! Увы-увы! Но пока это несбыточная мечта. А вот твоя идея представляется мне замечательной, – откликнулась Лиззи и принялась ложечкой наносить мякоть авокадо на тост.

* * *

Сразу же после того как Лиззи ушла в банк, приехала Мариам, а я приняла душ и стала прикидывать, готова ли я к продолжению разговора со Стеллой. Решила, что готова. Или, во всяком случае, должна быть готова. Надо же узнать всю правду до конца.

«Жизнь можно понять, только оглядываясь назад, но жить надо будущим, шагая вперед...»

Кажется, именно такая мысль заключена в том изречении, адресованном мне, которое выбито по желанию отца на армиллярной сфере. Возможно, его выбор основывался на том, что он уже знал, что Стелла станет искать со мной встречи и в конце концов расскажет мне всю историю моего появления на свет. Если он посчитал, что так будет правильнее для меня, то тогда я должна довериться его интуиции. Ведь Па Солт любил меня, как никто другой на этом свете...

И эта мысль меня особенно воодушевила, а потому я тут же позвонила Стелле. Она сняла трубку моментально, и я спросила у нее, сможет ли она снова приехать ко мне днем.

– Конечно, смогу, – ответила Стелла. – Но как смотришь, если это ты приедешь ко мне? Посмотришь, где мы с Сесили жили.

– Ты по-прежнему живешь в той же самой квартире?

– Да, и, по правде говоря, в ней мало что изменилось за прошедшие годы. – Я услышала негромкий смешок в трубке.

– Хорошо, я приеду. А в котором часу?

– Давай в три. Устраивает? Попьем чайку из костяных фарфоровых чашечек из сервиза, принадлежавшего когда-то Сесили.

Я записала адрес, который продиктовала мне Стелла, повесила трубку и отправилась на кухню перекинуться парой слов с Мариам.

– Доброе утро, – поприветствовала я ее с улыбкой.

– Доброе утро, Электра. Ну, как вы тут?

– Все отлично. После обеда еду к бабушке. Скорее всего, вернусь поздно.

– Ладно.

Я глянула на ее головку в хиджабе, на аккуратные пальчики, порхавшие по клавиатуре ноутбука: она как раз печатала. Но что-то в ее напряженной позе подсказывало мне, что все у нее далеко не «нормально». Однако же не залезешь в душу к другому человеку, да и не мое это дело – копаться в чужой жизни.

– У меня к вам одна просьба, – обронила я, доставая банку с кока-колой из холодильника. – Вы не могли бы посмотреть для меня образцы хлопчатобумажных тканей из Африки? А еще лучше из Кении.

– Конечно, посмотрю, – откликнулась Мариам. – Но можно поинтересоваться, а зачем это вам?

– Да вот думаю создать коллекцию моделей в собственном дизайнерском исполнении, а всю полученную прибыль направить в центр реабилитации подростков, который Майлз пытается сейчас спасти от банкротства.

Реакция Мариам на мою задумку оказалась такой же положительной, как и у Лиззи, и мы с ней вместе провели интересные полчаса, изучая всевозможных поставщиков этнического товара из Африки.

– Как было бы здорово, – заметила Мариам, – если бы вы сами отправились туда, где изготавливают ткани, и лично повстречались бы с женщинами, которые занимаются их производством.

– Может, в один прекрасный день я так и сделаю. Ведь мои предки родом из Кении.

– Правда? Это вам ваша бабушка сообщила?

– Да. А оставшуюся часть нашей семейной истории я узнаю сегодня, когда отправлюсь к ней после обеда. Закажите мне, пожалуйста, такси ровно на три до Бруклина.

– Хорошо, сделаю.

– Тогда у меня пока все. А сейчас я иду на свою утреннюю пробежку.

Я выбежала на улицу и обнаружила, что и сегодня Томми отсутствует на своем обычном посту. Странное дело! Вот человек, который, несомненно, уже успел стать частью моей повседневной жизни, я бы даже сказала, важной ее частью, а между тем я и понятия не имею, где он живет и как с ним связаться, если он вдруг неожиданно пропадает из поля зрения.

Погруженная в свои мысли, я не заметила двух мужчин, но внезапно они подскочили ко мне, один подкрался сзади и схватил меня за шею, а второй в это время сорвал с моего запястья часы «Ролекс» и разорвал на шее цепочку с миниатюрным бриллиантом.

Я не успела даже крикнуть или начать сопротивляться, как оба они мгновенно улетучились, оставив меня в состоянии полнейшего ступора от только что пережитого потрясения. Чувствуя, как у меня все поплыло перед глазами, я наклонилась и в эту минуту услышала чей-то голос рядом.

– С вами все в порядке, мэм? Простите, но при всем моем желании я не смог бы вам помочь. Они были вооружены, у них был нож.

Я подняла глаза и увидела седовласого старика, такого же согбенного, как и я, но уже по вполне естественным причинам, в силу своего возраста.

– Вон там стоит скамейка. Давайте я помогу вам дойти, – предложил он мне.

Он обхватил меня рукой за талию, и рука оказалась на удивление крепкой и надежной; так он довел меня до скамейки.

– Ну вот мы и пришли. Посидите немного, придите в себя, – сказал он, усаживая меня на скамью.

– П-простите, это просто шок. Через пару минут со мной будет все хорошо, – выдохнула я, тяжело дыша.

– Вот, попейте немного воды. Это чистая бутылка, я ее еще даже не открывал.

– Спасибо.

– Хочу заметить, мисс, что не стоит бегать по парку одной. Эти ребята, они ведь профессионалы своего дела. Наверняка они уже видели вас, приценились к вашим драгоценностям и все тщательно спланировали заранее: где, как и в какое время лучше всего подкараулить вас.

– Да, сама виновата! Эта моя глупая привычка, – согласилась я с женщиной. – Обычно я всегда снимаю часы и оставляю их дома, но...

– Вот почему я везде хожу вместе со своей Поппет; малышка кажется очень маленькой, но может уцепиться за лодыжку с таким остервенением, что мало не покажется, – старик издал негромкий смешок.

Я глянула вниз и увидела крохотного терьера с кокетливым бантиком на голове. Собачка послушно сидела у ног хозяина и внимательно разглядывала меня бусинками своих глаз. Я невольно улыбнулась при виде столь очаровательного создания.

– Вы живете где-то здесь рядом? – поинтересовался у меня мужчина.

– Да, прямо напротив Центрального парка. – Я махнула рукой в сторону своего дома.

– Тогда мы с вами соседи. Я тоже живу на Пятой авеню. – Он указал мне на многоквартирное здание. – Обитаю здесь уже больше восьмидесяти лет. Я и родился здесь...

– Моя бабушка тоже когда-то жила на Пятой авеню, правда, совсем недолго, вон в том красивом особняке с изогнутым фасадом.

– Не может быть! Вы имеете в виду дом номер 925? Ведь он же когда-то принадлежал семейству Хантли-Морган.

– Да, все верно, именно этот дом, – ответила я, все еще чувствуя легкое головокружение.

– Ну и дела! Я бы мог порассказать вам кучу историй об этом семействе. Эта Доротея... Ну, и вредная же была особа, доложу я вам! Настоящая старая карга... – Мужчина снова негромко рассмеялся. – После смерти мужа она много лет прожила в своем особняке в полном одиночестве. Помню, как она меня пугала, когда я был еще ребенком. Бывало, сидит у окна целыми днями, вся в черном, и смотрит на тебя, смотрит таким неотрывным взглядом, как та мамаша в триллере

Хичкока «Психо». Я ни разу не видел, чтобы кто-то переступил порог ее дома. Никогда.

У меня не нашлось сил, чтобы ответить ему.

Последовала короткая пауза, а потом старик добавил:

– А я вас знаю. Видел ваши портреты на билбордах. Удивляюсь, что у вас нет охранника рядом. Если не хотите, чтобы впредь с вами повторилась подобная история, хорошенько подумайте над тем, чтобы обзавестись собственным телохранителем.

– Да, понимаю, но мне больше по душе свобода, и потом... – Я уже приготовилась сказать, что в случае чего сама могу за себя постоять, но вовремя прикусила язык. Всего лишь пару минут тому назад мне со всей очевидностью продемонстрировали, что это далеко не так. Я потрогала шею. Она болела в том самом месте, где висела цепочка. Наверняка, срывая с горла цепочку, поранили кожу. Я купила эту цепочку с бриллиантовым кулоном давным-давно, на один из моих самых первых крупных гонораров, и носила ее постоянно, почти не снимая. А сейчас без этой цепочки на шее я почувствовала себя словно голой. Глянула на свои пальцы и увидела на них кровь.

– Надо, чтобы доктор осмотрел вашу рану. Хотите, чтобы я позвал кого-нибудь, кто поможет вам дойти до дома?

– Нет, спасибо, все в порядке. Здесь же всего лишь пару шагов до моего дома, – ответила я, неуверенно поднимаясь со скамьи.

– Тогда я пойду вместе с вами.

Так, в сопровождении своего только что приобретенного ангела-хранителя и его маленькой собачонки я медленно доплелась до своего дома. На переходе старик подал мне руку и поддержал, пока мы замерли в ожидании зеленого света, чтобы перейти улицу.

– Большое вам спасибо, – прочувствованно поблагодарила я своего спасителя, когда мы с ним зашли под тент над парадным входом в мой дом.

– О, сущие пустяки, мэм. Мне было приятно поговорить с вами. Не так-то часто в сегодняшнем Нью-Йорке можно перекинуться парой слов с незнакомым человеком. Вам следует немедленно позвонить в полицию и сообщить о происшествии: буду рад выступить в качестве свидетеля.

– А что эти копы сделают? – пробормотала я, глядя, как старик засунул руку в карман брюк и через пару секунд протянул мне свою

визитку.

– Дейви Стейнман к вашим услугам, мэм. Загляните как-нибудь ко мне в гости, и я порасскажу вам кучу историй про этих Хантли-Морганов. Моя покойная мать очень их не жаловала. Мы ведь евреи. Так вот, несмотря на то что мы жили по соседству с ними на протяжении многих и многих лет, они с нами никогда не пересекались, не говоря уже о том, чтобы осчастливить нас своим визитом или пригласить к себе.

– Обязательно загляну при случае. И еще раз большое вам спасибо за помощь. – Я улыбнулась старику и помахала ему рукой вслед, проводив взглядом и его, и его собачку Поппет, а потом вошла в вестибюль.

– Боже мой! – воскликнула Мариам, когда я зашла на кухню и тяжело плюхнулась на стул. – Что случилось, Электра?

– На меня напали сзади, схватили за горло, потом ограбили, – ответила я, неопределенно пожав плечами. – Но со мной все в порядке. Хочу, чтобы вы взглянули, что у меня творится на шее сзади, потому что сама я не могу разглядеть рану.

Мариам уже вскочила на ноги и побежала за аптечкой, которая лежала в одном из кухонных шкафов.

– Мне никогда не нравились эти ваши пробежки по парку, Электра, в гордом одиночестве. В наши дни это достаточно опасное занятие, особенно когда речь идет о таких известных людях, как вы. Так, давайте-ка я взгляну, что у нас там?

– Наверное, всю опасность ты начинаешь понимать только тогда, когда это случается уже непосредственно с тобой. Но вы же знаете, любая компания меня тяготит, я люблю одиночество... Ой! – невольно вскрикнула я, почувствовав легкое жжение на шее.

– Простите, это я почистила порез. Он совсем маленький: то место на коже, куда впиалась цепочка, когда ее срывали с вашей шеи. Вам нужно связаться с полицией...

– Зачем она мне? Они ведь все равно их не поймают, – пробормотала я вполголоса.

– Но после заявления в полицию вы сможете сообщить в свою страховую компанию о том, что у вас украли драгоценности... Да и вообще, обратившись в полицию, вы тем самым поможете другим людям не очутиться в сходной с вами ситуации.

– Наверное, вы правы. Я тут познакомилась с одним очень милым старикашкой. Он предположил, что грабители, скорее всего, следили за мной. От одной только этой мысли мне сразу же стало не по себе. Жутковато как-то, – сказала я, а Мариам взяла кусочек бинта и лейкопластырь, чтобы заклеить ранку.

– Еще как жутко! – с горячностью подтвердила она.

– Старик посоветовал мне обзавестись телохранителем.

– И я с ним полностью согласна, Электра.

– Может, Томми захочет поработать на меня? – обронила я, поднимаясь со стула, и, порывшись в аптечке, отыскала там пару таблеток обезболивающего. – Вообще-то я уже стала волноваться за него. Не видела несколько дней на его привычном месте. А вы?

– Я тоже не видела.

– Может, у вас случайно есть номер его мобильного?

– Нет. А зачем он мне? – неожиданно резко ответила Мариам.

– Ну, я так просто подумала... Вы же контактировали друг с другом... В любом случае будем надеяться, что он скоро объявится. Хорошо! Я сейчас в душ, потом перекушу чем-нибудь и отправляюсь к бабушке. – Я улыбнулась Мариам, но она уже повернулась ко мне спиной, понесла аптечку назад в шкафчик.

– Ладно, – откликнулась Мариам, не поворачивая головы. – Тогда я достану для вас суши из холодильника.

– Спасибо.

* * *

Когда машина пересекла Бруклинский мост, направляясь к дому Стеллы, я снова вспомнила Мариам. Что-то не то с ней творится в последнее время, обычно она всегда такая уравновешенная, спокойная, а тут... Я инстинктивно почувствовала, что у нее что-то случилось, а потому решила вечером, не откладывая разговор в долгий ящик, спросить у нее напрямую, в чем дело. А вдруг вся проблема во мне и я чем-то сильно обидела ее? Но я и представить себе не могу, что потеряю ее.

Мы приехали в Сидни-Плейс, я вышла из машины и увидела ряд аккуратных каменных особняков и более новых построек из красного

кирпича. Рядом с тротуаром деревья, высаженные в ряд; словом, общая атмосфера покоя и такого ненавязчивого благополучия. Я поднялась по ступенькам дома, окна в котором были украшены цветочными ящиками с красивыми цветами, и нажала на кнопку домофона напротив фамилии Джексон. Буквально через пару секунд дверь распахнулась, и я увидела на пороге Стеллу.

– Добро пожаловать, Электра, – приветствовала она меня, пропуская в холл, а оттуда повела в большее, заполненное свежим воздухом помещение с окнами, выходящими на две стороны: одно – на улицу с видом на фасады домов по другую сторону, а второе – в садик, расположенный ниже. Мебель старомодная: диван с наброшенным сверху ситцевым покрывалом, два изрядно потертых кожаных кресла, стоящих друг возле друга напротив большого камина.

– А у тебя очень мило, – сказала я вполне искренне. Хотя, конечно, у меня тут же возникло ощущение, будто я оказалась в другом столетии. Меня окутало ощущение уюта и спокойного комфорта, как это бывает, когда все вещи десятилетиями лежат на своих неизменных местах.

– Ну, положим, по части интерьера я никогда не была особым мастаком. Все эти новомодные дизайнерские штучки не про меня, – усмехнулась в ответ Стелла, взяла с дивана ворох бумаг и переложила их на журнальный столик, стоящий рядом, на котором уже и так было полно папок с бумагами. – Что будешь пить?

– Если можно, кока-колу. Если она у тебя только имеется...

– К счастью, имеется. Пойдем, я покажу тебе всю квартиру.

– Конечно, – с готовностью согласилась я.

Стелла открыла дверь в конце комнаты, мы спустились по ступенькам вниз на цокольный этаж и вошли на кухню. Широкие двойные двери вели из кухни прямо в сад. Стены окрашены в какой-то непонятный желтоватый колер, скорее всего, первоначальный цвет уже успел выгореть за долгие годы; о том, что ремонта здесь давно не было, свидетельствовали и многочисленные зигзагообразные трещины на потолке. Посреди кухни – большой старомодный стол из соснового дерева, тоже весь заваленный бумагами и папками, у стены – допотопного вида плита: такие я видела в кинофильмах, которые снимались еще в пятидесятые годы прошлого века. У одной из стен

примостился кухонный шкаф для посуды, все полки которого были уставлены яркой разноцветной керамикой.

– Как видишь, – обронила Стелла, – здесь все осталось почти таким же, как и во времена моего детства.

– А моя мама тоже жила здесь вместе с тобой?

Последовала короткая пауза, прежде чем бабушка ответила на мой вопрос.

– Да, жила. Сесили приобрела эту квартиру на те деньги, которые завещала ей Кики, и, можно сказать, купила ее за бесценок, потому что в те годы район считался непрестижным и жилье здесь стоило дешево. И действительно, когда мы перебрались сюда, вид вокруг был очень неприглядным, но Сесили все же удалось превратить свою скромную квартирку в самый настоящий родной дом для всех нас. Зато сейчас этот район числится в списке самых востребованных районов Нью-Йорка. Наверху располагались спальня Сесили, моя спальня и комната для Ланкенау, в которой она жила, пока не переехала вместе с мужем уже в свою собственную квартиру. Хочешь, пройдем в сад и посидим там немного? В это время дня там всегда солнечно.

– С удовольствием, – ответила я, и Стелла вывела меня на террасу: посреди террасы стоял старый-престарый железный стол, весь покрытый ржавчиной, и два стула, которые когда-то были белыми, но за столько лет краска уже успела облупиться, а древесина позеленела от облепившего ее мха.

– Я как-то стараюсь ухаживать за всем этим. – Стелла махнула рукой на сад, утопающий в цветах, названий которых я даже не знала. – Когда за садом следила Сесили, то он был предметом ее особой гордости и всеобщего восхищения. Ей очень нравилось возиться в саду. Она регулярно получала всякие черенки от своей кенийской подруги Кэтрин, но потом, когда сад уже перешел под мою ответственность, сорняки постепенно взяли верх над всем остальным. Я ведь постоянно в разъездах, и у меня просто физически не хватает времени ухаживать за садом как должно. Да, признаться, и особого желания тоже нет.

– А Сесили потом бывала еще в Африке? И ты сама? – спросила я.

– «Да» на оба твоих вопроса. Понимаю, Электра, у тебя еще сотни вопросов, но я тут много размышляла перед твоим приездом и пришла

к выводу, что самое лучшее в нашем с тобой случае – это строго придерживаться хронологии.

– Хорошо. Но можно еще один вопрос, Стелла? Моя мама... Она жива? То есть я хочу сказать, она ведь не такая уж старая, и потому...

– К большому сожалению, Электра, твоей мамы больше нет в живых. Она умерла много лет тому назад.

– Ах, вот так? Ладно...

Стелла ласково погладила меня по руке.

– Тебе нужно какое-то время, чтобы собраться с силами и прослушать все то, что я собираюсь тебе рассказать далее? О том, что с нами случилось после того, как мы покинули особняк на Пятой авеню.

– Нет, я в полном порядке. Ты же понимаешь, трудно скорбеть о человеке, которого ты не знала. Разве не так? Я просто хотела узнать, жива она или нет, только и всего.

– Да, скорбеть о незнакомом человеке сложно, это правда. Но ведь даже мысли о нем вызывают скорбь.

Я нервно сглотнула слюну, понимая, что бабушка абсолютно права. Ведь ее прямой ответ на мой вопрос положил конец всем моим фантазиям, которым я предавалась долгие годы, рисуя в своем воображении предполагаемую встречу с родной матерью. В детстве я много о ней думала, особенно, когда возникали проблемы в моих отношениях с Ма, если я в очередной раз что-то там набедокурила. И тогда в своих фантазиях я рисовала себе образ матери (думаю, такое характерно для большинства приемных детей), похожий на ангела, который вдруг спускается с небес, обнимает меня, крепко прижимает к себе и говорит, как сильно она меня любит, несмотря ни на какие мои выходки.

– Я в порядке, – снова повторила я, сопроводив свои слова энергичным кивком головы. – Я просто хочу знать все, а потому можешь начинать. Скажи, а когда ты узнала, что Ланкенуа тебе не родная мать?

– Как раз тогда, когда она собралась замуж. Ланкенуа зажила своей жизнью, она съехала от нас, а я осталась вместе с Сесили. Вот тогда они вместе и рассказали мне всю правду.

– Ты сильно расстроилась, да?

– Нет, совсем не расстроилась. Хотя я знала, что Ланкенуа тоже очень любит меня, но все же она играла второстепенную роль в моей

жизни, а главной для меня всегда оставалась Сесили. Можно сказать, что Ланкенуа для меня была таким подобием доброй няни. Вырастила и воспитала меня, конечно же, моя Куйя – Сесили. И именно на нее я смотрела как на свою мать. Но тут возникла другая проблема. Неожиданно до Сесили дошло, что виза, по которой мы с Ланкенуа прибыли в Соединенные Штаты, уже давным-давно просрочена, то есть мы с ней как бы оказались на положении нелегальных иммигрантов. С Ланкенуа, правда, вскоре вопрос решился сам собой: она вышла замуж за гражданина США и, следовательно, по действующим тогда законам автоматически стала тоже гражданкой США. Вначале Сесили хотела удочерить меня на законных основаниях, но тогда и речи не могло быть о том, чтобы белая женщина стала приемной матерью ребенка-негра. Подобных прецедентов попросту не было. И вот после того, как Ланкенуа переехала от нас к мужу, было решено, что меня официально удочерит Розалинда. Ее муж Теренс был юристом, а благодаря их с женой общественной деятельности он был вхож во многие кабинеты влиятельных людей, да и в коридорах власти у него было полно друзей. На тот момент это был самый простой выход из создавшегося положения. Вот так я стала Стеллой Джексон и получила гражданство и американский паспорт, хотя жить продолжала вместе с Сесили.

– Джексон... Ну, конечно! Как же я сама не догадалась с самого начала сопоставить ваши фамилии! А эта Розалинда, по всему выходит, была замечательной женщиной.

– О да! Изумительная была женщина. И оказывала на меня колоссальное влияние на протяжении всей моей жизни. Тебе сегодня трудно даже представить, каково было взрослеть чернокожей девочке в пятидесятые годы прошлого века. Впрочем, именно то время, если тебе известно кое-что из истории Америки, стало в каком-то смысле переломным для всех темнокожих людей в нашей стране, открыто выступивших за свои права.

– Стелла, признаюсь тебе честно, я ни черта не знаю, что там у вас было в вашей истории. Не забывай, я ведь училась в Европе, а там в школах основной упор делается на изучение своей отечественной истории.

– Понятное дело. Но имя Мартина Лютера Кинга тебе о чем-то говорит?

– Конечно. Его-то я знаю.

– Так вот, в 1959 году, когда я выиграла стипендию для поступления в колледж Вассар, как и планировали Сесили и Розалинда, у нас в Штатах случилась самая настоящая революция: страну охватили расовые беспорядки. Собственно, первый шаг на пути ликвидации такого явления, как сегрегация, был сделан еще раньше, в 1948 году, когда на Ассамблее ООН была принята Всемирная декларация о правах человека. Я поступила в колледж как раз в тот момент, когда выступления против сегрегации повсеместно приобрели массовый характер, особой остроты они достигли в южных штатах. И конечно, поскольку я выросла и мои взгляды сформировались под влиянием Розалинды и Беатрикс, я со всем жаром молодости всецело отдалась этому справедливому делу. Помню, как мы все вместе ликовали и праздновали, когда в 1954 году Верховный суд США признал неконституционной расовую сегрегацию в американских общеобразовательных школах. Что означало, что сегрегация... Кстати, Электра, а ты знаешь, что именно обозначает слово «сегрегация»? – внезапно спросила меня Стелла.

– Да, знаю. Это когда черных отделяют от белых.

– Именно так. Так вот, поначалу циркуляр, спущенный сверху из Министерства образования, технически касался только средних школ. Но тут будто плотину прорвало, и начались массовые выступления против сегрегации и в остальных сферах нашей жизни. Именно тогда и зажглась звезда славы доктора Kinga. Он организовал бойкот общественного транспорта на Юге страны после того, как молодая активистка по имени Роза Паркс отказалась уступить свое место в обычном рейсовом автобусе белой пассажирке. Эта акция подразумевала, что все чернокожие будут бойкотировать общественный транспорт до тех пор, пока сегрегация не будет отменена, и в результате автобусные компании на Юге США были поставлены на колени и вынуждены были сдаться.

– Вау! – воскликнула я, стараясь осмыслить всю ту информацию, которую щедрой рукой изливала на меня Стелла.

– И хотя все эти события происходили на Юге страны, здесь у нас, на Севере, студенты тоже организовали массовые акции протеста в поддержку южан. Ах, Электра! – Стелла подавила тяжелый вздох. – Сегодня так трудно объяснить молодым людям, таким как ты, для

которых все гражданские права – это нечто само собой разумеющееся, каково было тогда, в те далекие годы, когда всеми нами двигала великая цель, намного превосходящая силы каждого отдельно взятого человека.

Стелла задумчиво уставилась куда-то вдаль, глядя на свой сад, а я увидела, как сверкают ее глаза, когда она мысленно вспоминает события тех славных дней.

– А тебя когда-нибудь арестовывали во время этих протестов? – спросила я у нее.

– Пару раз случалось. По правде говоря, я даже горжусь тем, что у твоей бабушки богатое криминальное прошлое. Первый раз меня и еще шестерых моих товарищей обвинили в нарушении общественного порядка, дескать, мы устроили потасовку. Полиция действовала тогда предельно жестоко, но меня это мало волновало, впрочем, как и моих друзей. Потому что все мы понимали, что боремся за правое дело – за свободу всего американского народа, и неважно, белый ты или черный, но тебе должны быть гарантированы равные права со всеми остальными гражданами страны. Своей кульминации эти выступления достигли весной 1963 года; я уже училась на последнем курсе колледжа. Атмосфера в те дни была просто сказочной: ты только представь себе, двести пятьдесят тысяч демонстрантов выступили маршем на Вашингтон, и все мы хотели собраться вместе и в спокойной обстановке выслушать выступление доктора Кинга, который именно на том митинге и произнес свою знаменитую речь, поистине ставшую нашим манифестом.

– *«У меня есть мечта...»* Как же, помню! – пробормотала я в ответ. Об этой речи знаю даже я.

– Да, та самая речь... Четверть миллиона слушателей, и ни одного акта насилия по отношению друг к другу. Это событие... – Стелла слегка запнулась, сглотнув слюну, – оно стало поворотным, можно сказать, судьбоносным моментом во всей моей дальнейшей жизни.

– Догадываюсь, – кивнула я в ответ, в глубине души эгоистично желая, чтобы все эти уроки истории поскорее закончились. – А что было потом?

Стелла негромко рассмеялась.

– Я пошла по проторенной дорожке и поступила здесь же, в Нью-Йорке, в Колумбийский университет на юридический факультет, имея

в голове лишь одну-единственную цель на будущее: стать самым знаменитым адвокатом и активистом по защите гражданских прав, которые когда-либо были в Америке. Я чувствовала свое предназначение всеми фибрами души; ведь недаром же, рассуждала я, Господь привел меня в Америку и дал мне все возможности. А для чего? Он сделал это с единственной целью, чтобы я стала помогать своим братьям, у которых таких счастливых возможностей не было. Однако, как это всегда бывает в нашей жизни, любые грандиозные планы расходятся с той реальностью, в которой мы живем. Так ведь?

– Что ты имеешь в виду? – спросила я бабушку, не совсем уловив смысл ее слов.

Стелла взглянула на меня.

– Знаешь, мне кажется, нам уже пора выпить по чашечке чая, который я тебе пообещала. Я тут купила пшеничных лепешек нам к чаю. Ты любишь пшеничные лепешки?

– Сама не знаю. Они что, похожи на кексы с изюмом? Наша экономка часто пекла такие кексы, потому что их очень любил папа.

– Да, что-то вроде кексов. Сесили и ее подруга Кэтрин просто обожали эти лепешки. Посиди здесь, а я пока все приготовлю.

Итак, я осталась на террасе в ожидании послеобеденного чая, приготовлением которого занялась бабушка. Правда, у меня возникло смутное подозрение, что она решила немного оттянуть время и собраться с мыслями, намереваясь, видно, сообщить мне нечто очень важное. Солнце припекало вовсю, воздух был напоен дурманящим ароматом каких-то незнакомых мне экзотических розовых цветов, свисающих беспорядочной массой с решетки, почему-то от этого запаха сразу же захотелось спать. Я закрыла глаза и стала осмысливать все, что мне только что поведала Стелла, чувствуя себя при этом очень виноватой: ведь я и понятия не имела о том, что сделали эти мужественные женщины, Сесили и Розалинда, для того, чтобы я стала равноправным членом общества и свободным человеком, каким являюсь сегодня.

Для меня история всегда ассоциировалась с древностью: рыцари в доспехах верхом на лошадях или красочные изображения дам на надгробиях в склепах тех церквей, которые мы вместе с отцом посетили в каком-то средневековом городе во время наших летних каникул. Но ведь та история, которую мне рассказывала Стелла, она

совсем недавняя, она о том времени, в котором жила и сама Стелла. И не просто жила... Она вместе со своими товарищами, можно сказать, рисковала жизнью ради того, чтобы у меня была свобода быть тем, кто я есть...

Мысль об этом сразу же заставила меня с особой остротой ощутить собственную никчемность. Какая же я эгоистка, подумала я. И еще воображаю, что у *меня есть* какие-то проблемы.

– А вот и наш чай! – объявила Стелла, возникнув передо мной с подносом в руках, на котором стоял красивый фарфоровый чайник, две чашечки с блюдцами и молочник.

– Разлей чай, а я схожу пока за лепешками. Не возражаешь?

– Конечно, сейчас налью.

Хотя я и не большая любительница чая, но принялась разливать напиток по чашкам, взяв с подноса маленькое ситечко, которое, как я догадалась, было нужно для того, чтобы чайинки заварки не попали в чашку. Потом я добавила себе молока.

– Это чай дарджилинг, мой самый любимый сорт чая, – пояснила Стелла, вернувшись с кухни.

– Интересно, как это ты усвоила столько чисто английских привычек, если Сесили была стопроцентной американкой? – спросила я у нее и сделала небольшой глоток. И впервые в жизни чай пришелся мне по вкусу.

– А ты вспомни, что Кения в те годы, когда там жила Сесили, была английской колонией. Не говоря уже о том, что ее лучшая тамошняя подруга Кэтрин была англичанкой. Да и Билл, ее муж, тоже. Вот попробуй эту лепешку с топлеными сливками и повидлом. По моему, они самые вкусные.

Я взяла лепешку только для того, чтобы не обидеть Стеллу. И действительно, мой рот мгновенно наполнился чем-то очень вкусным, сладким и липким одновременно.

– Электра, я перехожу, пожалуй, к самой трудной части нашей с тобой семейной истории. Мне, если честно, даже стыдно говорить об этом. Но надеюсь, ты все поймешь правильно.

– Если вспомнить мое собственное прошлое, Стелла, то, думаю, да, я все пойму правильно. Сильно сомневаюсь, что ты в своей жизни сотворила какие-то вещи, более постыдные, чем это было в моей жизни: алкоголь, наркотики, транквилизаторы. Ты только вспомни, как

я наглоталась снотворных после того, как влила в себя бутылку водки и приняла несколько доз наркоты, а в результате облевала себя всю с головы до ног.

– О нет! У меня другое, но гораздо более постыдное, а потому заранее прошу тебя простить меня.

– Обещаю, я тебя прощу. А сейчас не тяни, начинай! – подбодрила я Стеллу нетерпеливо.

– Ты помнишь, я рассказывала тебе, что марш на Вашингтон и речь доктора Кинга ознаменовали крутой перелом в моей жизни?

– Да.

– Так вот, в поход на Вашингтон я отправилась в компании с одним молодым человеком, с которым познакомилась на акциях протеста. У него не было никакого образования, но он был ревностно предан нашему общему делу и очень часто выступал на всяких митингах с необыкновенно зажигательными речами. Несмотря на то что он никогда не учился ни в каких колледжах, он все равно был очень яркой и харизматичной личностью, и я... что называется, запала на него. И вот в тот вечер в Вашингтоне, после того как прозвучали все речи и выступления, все собравшиеся пребывали в состоянии эйфории – ты даже не можешь себе представить это чувство громадного воодушевления, которое охватило всех нас... Словом, я... я и он... Мы занялись любовью прямо под деревом в парке.

– И все? Честное слово, Стелла, это меня ни капельки не удивляет. В конце концов, вы же живые нормальные люди. Все мы совершали подобные глупости, правда, – ободряюще сказала я.

– Спасибо тебе, Электра, за эти слова поддержки. – Судя по выражению лица Стеллы, ей действительно стало легче. – Все равно это ужасно неловко, когда шестидесятивосьмилетняя женщина вынуждена делиться с собственной внучкой столь пикантными подробностями из собственного прошлого.

– Я спокойно отношусь к таким вещам, не переживай. И что было дальше? – спросила я, хотя уже и догадалась, каким будет продолжение.

– Спустя несколько недель я поняла, что беременна. Это для меня стало громом среди ясного неба. Ведь я же после окончания Вассара, надеясь, что закончу его из своего выпуска первой по количеству баллов, планировала продолжить образование в Колумбийском

университете на юридическом факультете, откуда уже поступило подтверждение, что место мне гарантировано. И тут такой облом! Помню, в каком состоянии я вернулась в тот день домой, понимая, что обязана обо всем рассказать Сесили. Пожалуй, никогда в жизни мне не было так страшно, как тогда.

– Ты боялась, что она от тебя откажется?

– Нет, не это меня страшило. Тут дело в другом. Просто все те жертвы, на которые она пошла ради меня, все ее усилия, все это одновременно пошло прахом. Мне невыносима была сама мысль о том, что я так страшно подвела ее.

– И какова же была ее реакция?

– Удивительно, но факт. Она восприняла новость о моей беременности весьма спокойно. И от этого мне, помнится, стало только хуже, уж лучше бы она кричала на меня, топала ногами и все такое прочее. Первым делом она спросила у меня, люблю ли я отца своего будущего ребенка. На эту тему я много размышляла после того, как у нас с ним все это случилось, а потому честно призналась, что не испытываю к нему никаких особых чувств. Просто поддалась сиюминутному порыву, и все. Мы все в тот вечер словно с ума сошли... Потом она спросила, хочу ли я этого ребенка, и я ответила, что не хочу. Ужасно говорить об этом сегодня, правда ведь, Электра?

– Во все нет, – отрицательно покачала я головой. – Хоть я и старше тебя той, какой ты была тогда, но, поверь мне, я испытала бы сходные чувства. Итак, ты пошла на аборт?

– Аборты в шестидесятых годах были запрещены в нашей стране. Правда, Сесили сказала мне, что она навела кое-какие справки конфиденциальным образом и ей даже порекомендовали одного хорошего хирурга, который практиковал тайные аборты. Словом, мне был предложен выбор. Но я сразу же отказалась от аборта.

– Почему?

– Трудно объяснить. Видишь ли, долгие годы общения с Сесили, Розалиндой, Теренсом и их детьми повлияли на меня, и я выросла добропорядочной христианкой. Я верила в Бога и продолжаю верить в Него и по сей день. А потому сама мысль о том, что можно отнять чужую жизнь, тем более у существа, лишенного, как говорится, права голоса, взять и выбросить его вон на том лишь основании, что, видите ли, сейчас для меня неподходящее время, сама эта мысль показалась

мне в высшей степени кощунственной и неприемлемой. Я сказала, что лучше выйду замуж за отца ребенка, но Куйя – Сесили отсоветовала мне подобный шаг. Сказала, что не стоит выходить замуж за человека, которого не любишь, и все это мы как-то утрясем сами, без посторонней помощи. Предложила мне отсрочить на год свое поступление в университет, а там она возьмет заботы о ребеночке на себя, чтобы я смогла продолжить свое образование.

– Какая благородная женщина! Редкостной души человек, – воскликнула я, совершенно искренне восхищаясь Сесили.

– Да, она была такой, моя Куйя. И она любила меня, а я просто обожала ее. Вот так оно все и было. – Стелла слегка пожала плечами. – Я отсрочила свою учебу на юридическом факультете, а спустя семь месяцев родила твою мать.

– Когда это случилось?

– В 1964 году. В том самом году, когда наконец был принят Акт о гражданских правах.

– Я...

«Наконец я узнаю что-то конкретное о своей матери», – подумала я.

– И как ты назвала свою дочь?

– Я назвала ее Розой, в честь Розы Паркс, которая стояла у истоков нашего протестного движения. И конечно, в честь Розалинды.

– Красивое имя, – обронила я коротко.

– Она была таким смышленным младенцем. Очень умненькая девочка, – улыбнулась Стелла, но глаза ее наполнились слезами. – Прости меня, Электра. Не знаю, что это на меня сегодня нашло. Обычно я не слезливая. Да и горе это больше касается тебя, чем меня.

– Я тоже не из категории плакс, но в последнее время все чаще замечаю за собой, что глаза у меня на мокром месте. Впрочем, это тоже хорошо – поплакать всласть.

– Наверное. И еще раз большое спасибо тебе за то, что ты восприняла все, что я рассказала тебе, как взрослый и умный человек.

– То есть ты хочешь сказать, что худшее еще впереди, да?

– Боюсь, ты права.

– И что же это? – спросила я, подливая себе в чашку еще немного чая, главным образом для того, чтобы было чем занять себя. Я

буквально физически ощущала, как усилилось напряжение вокруг нас: страх неопределенности снедал меня.

– В положенный срок я закончила свою учебу на юридическом факультете, а Сесили в это время смотрела за Розой. После окончания университета я получила работу в Нью-Йорке, стала работать на одну строительную ассоциацию, лоббировать интересы городской администрации и мэра. Подыскивала лучшие жилищные условия для нуждающихся жильцов. На этой почве постоянно возникали всякие споры; так, однажды мне пришлось защищать женщин с четырьмя детьми, которые ютились в одной комнатке без каких-либо санитарных условий... Но конечно, мне хотелось чего-то большего. Я мечтала о серьезных делах, по-настоящему серьезных. Через какое-то время мне предложили вступить в НАСПЦН – Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения, войти в их команду юристов. Мы работали с адвокатами и защитниками по всей стране, консультировали их по вопросам нарушения гражданских прав.

– Прости, но все же поясни мне, что это означает на практике?

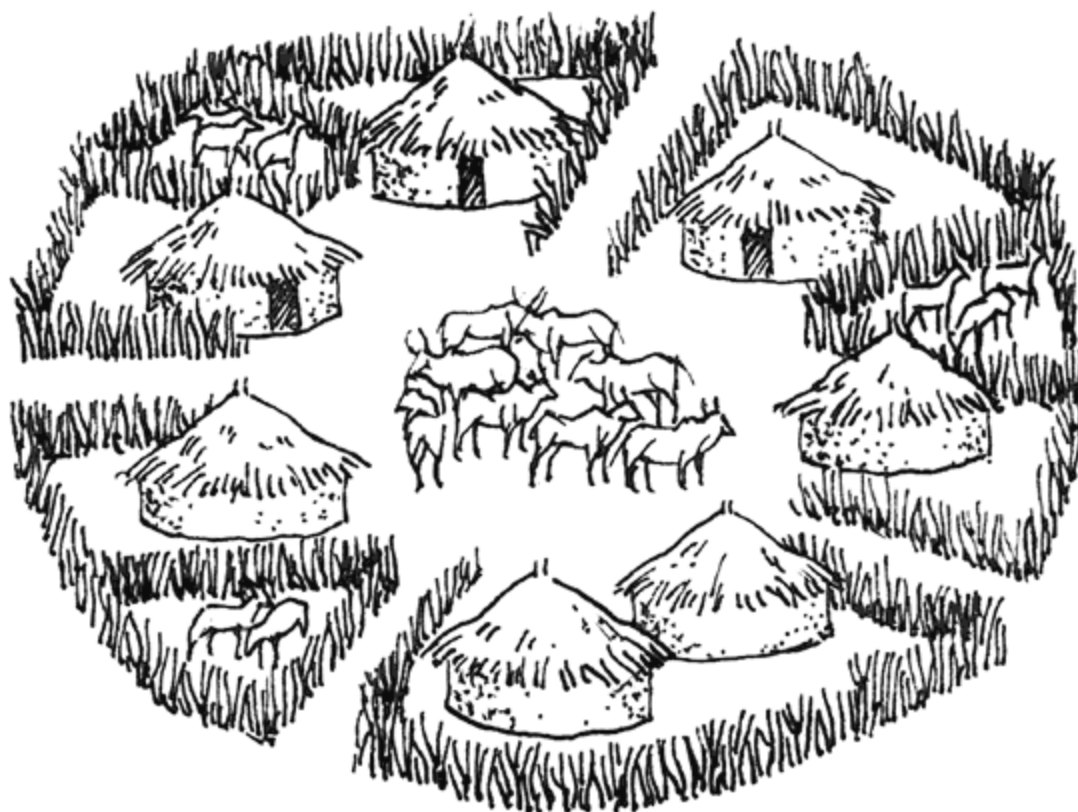
– Скажем, арестовывают какого-то чернокожего парня, и всем очевидно, что улики против него сфабрикованы копами, мы проводим собственное расследование и выстраиваем соответствующую линию защиты в суде, помогая адвокатам, участвующим в процессе. Ах, Электра, именно о такой работе я и мечтала всегда, но она отнимала у меня все мое время. Я постоянно была в разъездах, металась из штата в штат, инструктируя адвокатов, задействованных в том или ином судебном процессе.

– То есть дома ты появлялась не часто.

– Увы, но это так. Правда, Сесили всячески поощряла меня в моей работе, она ни разу не заставила меня почувствовать угрызения совести от того, что ей снова пришлось вернуться к домашнему хозяйству и нянчиться с Розой, пока я выстраивала свою карьеру. И все шло хорошо, я приобрела определенную известность в кругах правозащитников. Но потом, когда Розе исполнилось пять лет, все вдруг резко переменилось...

Сесили

Бруклин, Нью-Йорк
Июнь 1969 года

Энканг – дом. Семейное поселение у племени масаи

48

– Пока, пока, будь хорошей девочкой, договорились? – попрощалась Сесили с Розой, помахав ей рукой, и вышла из просторной и наполненной воздухом классной комнаты, стены в которой они с Розалиндой выкрасили в желтый цвет, что дополнительно создавало атмосферу особого тепла и доброжелательности. Сегодня у нее самой уроков не было, а потому она сразу же заторопилась домой, чтобы заняться делами по хозяйству.

После того как Стелла родила Розу, Сесили пришлось сократить свою нагрузку в школе, чтобы иметь возможность больше времени проводить дома с малышкой. В промежутках между домашними хлопотами она стала подрабатывать бухгалтером, что тоже приносило ощутимый доход в их семейный бюджет.

Домой Сесили вернулась, чувствуя себя очень уставшей. Наверное, все же возраст давал о себе знать: как-никак, а в этом году ей уже исполнилось пятьдесят три. А может, все дело было в том, что Роза росла очень капризным и своенравным ребенком, особенно в сопоставлении со Стеллой. С Розой любое самое незначительное дело тут же превращалось в арену для борьбы. Даже заставить ее надеть на ноги туфельки было сущим адом, особенно если малышка была не в настроении или если башмачки ей по какой-то причине не нравились.

– Наверное, я просто забыла, каково это – возиться с пятилетними детьми, – вздохнула Сесили, входя в квартиру. В гостиной царил полнейший кавардак, который оставила после себя Роза, разбросав все свои игрушки по полу.

Сесили принялась собирать игрушки, сложила их в корзину и отнесла в детскую комнату, а сама спустилась вниз, чтобы разобраться с посудой. Ланкенуа больше не работала у нее. Она уехала из Бруклина пару лет тому назад, в тот год, когда ей самой исполнилось пятьдесят. Муж ее преуспел в бизнесе, хотя начинал как простой механик, но вот скопил достаточно денег для того, чтобы открыть собственную автомастерскую в Нью-Джерси. Сесили пыталась убедить себя, что уход Ланкенуа связан с тем, что у нее отпала необходимость работать и сейчас она хочет проводить больше времени дома и заботиться о собственном муже. Однако она подозревала, что дело тут совсем в другом: просто Ланкенуа тоже устала сражаться с непослушной Розой, да и деньги, которые Сесили могла платить своей верной служанке, были более чем скромными. Можно сказать, что все те годы, которые Ланкенуа работала на нее, она делала это исключительно из любви к своей хозяйке.

– Ах, боже! – подавила тяжелый вздох Сесили, прикидывая, как будет лучше: может, оставить всю эту грязную посуду приходящей прислуге, которая вскоре должна появиться? Однако чувство собственного достоинства возобладало над аргументами разума. Грязная утварь на кухне – это первый признак того, что все в доме

вышло из-под контроля. Перемыв грязную посуду и открыв входную дверь, чтобы впустить служанку, которая приходила к ней только раз в неделю (на прислугу, работающую каждый день, попросту не было денег), Сесили сварила себе большую чашку крепкого кофе и вышла на пару минут в сад, чтобы немного передохнуть, прежде чем снова приняться за работу. Глянула на обилие сорняков, росту которых сильно поспособствовала теплая июньская погода. Подумала, что займется ими чуть позже. Сесили всегда с удовольствием возилась в земле. Такая работа ее обычно успокаивала, к тому же она очень любила свой сад. Хотя слово «сад» звучало слишком пафосно. Разве можно сравнить этот крохотный клочок земли с великолепным, по-настоящему огромным садом, который в свое время она разбила на своей ферме в Кении?

Кто-то позвонил в дверь, но Сесили никак не отреагировала на этот звонок. Наверняка почтальон принес посылку или бандероль, служанка сейчас внизу, она и откроет ему дверь. Так приятно было сидеть на солнце и наслаждаться летним теплом, наверное, она даже начала дремать, и тут услышала голос за своей спиной.

– Здравствуй, Сесили.

Глубокий знакомый баритон, который в первую минуту она никак не могла ассоциировать со своей нынешней жизнью. Сесили открыла глаза: что-то непонятное загородило ей солнце.

Она подняла глаза вверх, чтобы понять, в чем причина, и решила, что у нее начались галлюцинации, потому как перед ней стоял ее собственный муж Билл в ореоле солнечного света, что делало его похожим на почти ангелоподобное создание.

– О боже! – воскликнула она растерянно, даже не зная, что сказать. – А что *ты здесь* делаешь?

– Ну, начнем с того, что по закону, насколько мне известно, ты все еще числишься моей женой. Во-вторых, за минувшие годы я получил кучу приглашений навестить тебя в Нью-Йорке, – полушутливо ответил Билл. – И вот наконец я окончательно созрел для того, чтобы воспользоваться одним из твоих приглашений.

– Пожалуйста, отступи в сторону. В этом солнечном ореоле я не могу различить твоего лица.

– Прощу прощения, – коротко обронил Билл и, выдвинув стул по другую сторону проржавелого железного стола, уселся на него.

Только сейчас Сесили увидела, что его по-прежнему густая шевелюра стала абсолютно белой. Красивое лицо испещрено глубокими морщинами: свой след наложили две мировых войны и долгие годы, проведенные в тяжких трудах под испепеляющим солнцем. Да, он сильно постарел, мелькнуло у Сесили, но, скользнув взглядом по его крепкому мускулистому телу, она пришла к выводу, что физически Билл остался сильным человеком, каким был всегда.

– Как я понимаю, холодного пива у тебя наверняка нет, так? – спросил он.

– К сожалению, нет. Только домашний лимонад.

– Пожалуй, не откажусь и от лимонада.

Сесили поднялась со стула и пошла в дом, чтобы взять из холодильника кувшин с лимонадом. Несмотря на все свое внешнее спокойствие, она чувствовала, как расходилось сердце в груди. Невероятно! Билл, ее муж, в Нью-Йорке! Сидит себе как ни в чем не бывало на террасе ее дома. Сплошной сюрреализм... Сесили даже слегка хлопнула себя по щеке, чтобы убедиться, что это не сон.

– Вот твой лимонад. – Она поставила перед мужем стакан с напитком, и Билл залпом осушил его до дна.

– Вкусно! – Он глянул на нее с улыбкой. – Я к тебе прямо из аэропорта. Не перестаешь удивляться тому, как изменились времена. Раньше нужны были долгие недели пути, чтобы добраться до Нью-Йорка. А сейчас всего лишь несколько коротких остановок самолета, и вот он я! Здравствуйте! С каждым днем мир стремительно уменьшается в своих размерах.

– Ты прав, – согласилась с ним Сесили, перехватив его внимательный взгляд, обращенный на нее. – Что не так? Какая-то грязь на щеке?

– Нет. Я просто подумал, что ты почти совсем не изменилась с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Не то что я. – Билл подавил тяжелый вздох. – Я за минувшие годы успел превратиться в старика.

– Но ведь и прошло целых двадцать три года.

– Неужели? Подумай только, как летит время. Мне скоро семьдесят, Сесили.

– А мне уже пятьдесят три, Билл.

– Ну, по твоему виду тебе этих лет ни за что не дашь.

Повисла долгая пауза. Они оба уставились отрешенными взглядами на крохотный садик, видно, просто не зная, что сказать еще.

– И все же, Билл, зачем ты здесь? – решила наконец заговорить Сесили. – Приехал, хладнокровно переступил порог моего дома, как будто мы только вчера с тобой попрощались. Мог хотя бы поставить меня в известность о том, что собираешься в Штаты. А так... Твое появление стало для меня самым настоящим потрясением!

– Приношу свои глубочайшие извинения, дорогая! Но ты же знаешь, я не большой любитель всех этих телефонных разговоров. Хотя, конечно, ты абсолютно права. Я должен был заранее уведомить тебя о своем приезде. Здесь у вас так тихо и спокойно, не правда ли? – вдруг перевел он разговор на другое. – А мне почему-то Нью-Йорк всегда рисовался таким сосредоточием вселенского безумия. Словом, не город, а сущий бедлам.

– А ты прогуляйся, минуя несколько кварталов и как раз окунешься с головой в этот самый бедлам.

– Вижу, ты привезла с собой в Бруклин кусочек Африки. – Билл кивнул на обильно цветущие кусты гибискуса, обвившие решетки.

– Да, это все благодаря Кэтрин. Она переслала мне несколько черенков, и некоторые из них не только выжили во время долгого путешествия, но и хорошо прижились на новом месте. Кстати, как она?

– Да, по-моему, такая, как и была. – Билл слегка пожал плечами. – Трудится на своей ферме. Ты, наверное, читала о восстании племени мау-мау?

– Да, она мне писала о том, что у вас там творилось. Они даже с Бобби и детьми на какое-то время уехали в Шотландию, подальше от всех беспорядков, переждали в безопасности, пока все не успокоится.

– И не они одни; тысячи и тысячи белых колонистов последовали их примеру; все опасались худшего. Хотя, насколько мне известно, многочисленные публикации в газетах о жестоких актах насилия и расправах над белыми, чинимых их бывшими работниками из местных, все это сильно преувеличено. В общей сложности за всю заварушку погибло чуть более тридцати белых и было сожжено всего лишь несколько фермерских хозяйств. К великому сожалению, самая кровавая резня началась у аборигенов между собой, когда сцепились уже отдельные кланы племени кикую. Можно только догадываться,

сколько было убито их людей с обеих сторон, когда в борьбе за власть брат пошел на брата. И, как всегда, наше правительство и пальцем не пошевелило, чтобы помочь как-то приостановить эту резню. Напротив! Действовали откровенно жестоко, точно такими же методами, какими они расправились с предполагаемыми подстрекателями восстания мау-мау, тогда тоже повесили много невинных людей. Но, надеюсь, ты уже в курсе, что в 1963 году Кения наконец обрела свою независимость. Так что больше никаких колониальных властей.

– Но тебе все же удалось как-то пережить все эти треволнения? Я часто думала о тебе, волновалась, как ты, остался, уехал... Даже пару раз писала тебе на адрес клуба Мутаига, но ответа от тебя, как всегда, не дождалась. Честно говоря, я даже не знала, жив ты или тоже погиб.

– Прости меня, Сесили. Но ты же понимаешь, никаких посланий от тебя я, естественно, не получал. Что и неудивительно. Ты и представить себе не можешь, какой у нас тогда творился хаос. Но конечно, сейчас, оглядываясь в прошлое, я понимаю, что должен был поставить тебя в известность. По крайней мере, хотя бы сообщить, что все мы живы и здоровы: и Квинет, и даже Вульфи на тот момент.

– А когда Вульфи... когда он умер? И как? – Воспоминания о своем верном друге и неизменном спутнике, которого она так вероломно бросила, немедленно пробудили в ее душе чувство вины и раскаяния.

– Он умер от старости... Во сне... После твоего отъезда Вульфи очень привязался к Квинету и прожил рядом с ним достаточно долгую и счастливую жизнь.

– А как наш «Райский уголок»? Я имею в виду, как дела на ферме?

– Все эти события не нанесли ей никакого ущерба, все осталось на своих местах, разве что твоя антикварная мебель изрядно заросла пылью. Но, как ты знаешь, я никогда не был силен по части домашней уборки. – Билл слегка улыбнулся при последних словах.

– А как сейчас вообще обстановка в стране?

– По правде говоря, после всех катаклизмов конца пятидесятых – начала шестидесятых сегодня Кения переживает самый настоящий бум. Президент Кениата недавно выступил с программной речью о независимости страны, в которой обратился и к белым фермерам. Попросил их остаться и помочь в восстановлении экономики Кении, и

многие из нас прислушались к его словам и остались. Некоторые, впрочем, решили продать свое хозяйство недавно созданному Земельному банку, однако пока могу сказать, что инвестиции и так текут рекой, каждый день приземляются самолеты с туристами, которые специально приезжают к нам на сафари.

– Что ж, теперь, когда у нового правительства появились реальные финансовые средства, можно рассчитывать, что оно наконец займется проблемами здравоохранения и образования коренного населения страны. Я права?

– О, так далеко я не стал бы заглядывать. – Билл выразительно округлил глаза. – На самом деле в жизни людей мало что изменилось. Бедные как были бедны, так и сейчас бедны, дороги – будь они неладны! – по-прежнему непроходимы, а что касается образования... Пока, я думаю, еще слишком рано говорить об этом. Будем надеяться, что при жизни уже следующего поколения наступят какие-то ощутимые улучшения. Ведь это же ради детей их родители были готовы пожертвовать собственной жизнью в борьбе за свободу и независимость своей родины.

– Сдается мне, что мы оба с тобой попали в круговорот революционных событий, только каждый в своей стране, – подытожила услышанное Сесили. – И остается лишь надеяться на то, что будущее будет лучше, чем настоящее. Иначе зачем все эти страдания и жертвы?

– Согласен. А теперь расскажи мне, чем ты занималась все эти двадцать лет? Как Стелла?

– О, с ней все прекрасно! – улыбнулась Сесили. – Она – юрист, занимается защитой гражданских прав. Работает на НАСПЦН – Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения, трудится в их юридической службе, много колесит по всей стране, консультирует адвокатов, выступающих в судебных процессах с защитой прав чернокожих, если налицо вопиющая расовая дискриминация. Я ею очень горжусь. Думаю, ты бы тоже гордился.

– Боже мой, Сесили! Снимаю перед тобой шляпу! Кто бы мог подумать, что крохотная девочка масаи, которую мать бросила умирать в лесу, станет известным правозащитником, выступающим в поддержку угнетенных слоев населения?

– Она сама выбрала эту стезю, Билл. И отдается работе со всей страстью своей души. Стелла ведь всегда была очень способной девочкой.

– Да, это правда. А плюс еще все те возможности, которые ты ей дала.

– Но ты же знаешь, как я ее любила.

– Знаю.

Они снова погрузились в затяжное молчание.

– Я вот часто думаю... – начал первым Билл.

– О чем?

– Ты меня тогда бросила или все же уехала только ради нее? Понимаешь, о чем я?

– Билл, я никогда и в мыслях не держала *бросать тебя*. Но ты прав, Нью-Йорк действительно мог предложить Стелле много больше, чем я даже смела мечтать, а потому соблазн остаться здесь был слишком велик. Особенно если вспомнить, что в те годы тебя, судя по всему, мало волновало, вернусь я назад или нет.

– Ради бога, Сесили! – торопливо перебил ее Билл. – Я ни в чем тебя не обвиняю, и намерения такого у меня не было. Тебе действительно не в чем себя винить. Я и сам признаю, что был не самым внимательным и заботливым мужем. А после окончания войны и вовсе с головой ушел в зализывание собственных душевных ран. Словом, законченный эгоист, который думал только о себе.

– Тебя трудно за это винить, Билл. Я тоже все понимаю. Хотя, признаюсь, целых пять лет я лелеяла надежду, ждала, что вот теперь, когда война закончилась, мы наконец заживем счастливой семейной жизнью.

– Но, если бы все сложилось по-другому... *если бы я был другим*, ты бы осталась? То есть это бы означало, что Стелла не получила бы того образования, которое ты хотела ей дать...

– Ах, Билл! – Сесили издала протяжный вздох. – Сегодня мне трудно ответить на твой вопрос.

– Конечно, трудно. Я тоже все понимаю. Знаешь, я часто оглядываюсь на нашу прошлую жизнь и думаю вот что: как только у нас наступал какой-то короткий миг счастья, сразу же возникало некое препятствие, которое мгновенно разрушало все. Наверное, нам просто не повезло, и родились мы с тобой не в то время. Как думаешь?

– Думаю, ты прав.

– Сесили, одна из причин, по которой я приехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с тобой, состоит в том, что, по моему разумению, пришло время окончательно похоронить топор войны в наших отношениях. Хочу, чтобы ты знала, я не держу на тебя никакого зла и никогда не держал. А то, что ты меня бросила и уехала, так бог мой! Я ведь и сам большую часть нашей семейной жизни провел вдали от «Райского уголка». Всякий раз сбегал из дома, оставляя за собой только клубы пыли.

– Ты оставался сам собой, Билл. И я знала, на что шла, когда выходила за тебя замуж.

– Сесили, разве можно себе представить, что мы с тобой все еще супружеская пара? – Билл издал негромкий смешок. – Но если мы с тобой по-прежнему муж и жена, то это означает, что за все прошедшие годы у тебя ни разу не возникло желания попытаться устроить свою семейную жизнь заново, с кем-то еще, что, конечно, сразу же отсылает нас к двоеженству.

– Нет, подобных желаний у меня никогда не возникало, – улыбнулась в ответ Сесили.

– Но наверняка были же какие-то увлечения, приятели, в смысле приятные джентльмены, с которыми было интересно проводить время?

– Господь с тобою, Билл! Какие джентльмены? Я была слишком занята воспитанием Стеллы плюс еще работа в школе и подработка в качестве бухгалтера. У меня и времени-то свободного не было для того, чтобы думать о каких-то там развлечениях на стороне.

– Скажу тебе, что ты сразила меня наповал. – Билл бросил на жену испытующий взгляд. – Я-то рисовал себе картину нашей встречи с того, что первым меня встречает такой крепкий американский парень, который прямо с порога заявляет мне о своих правах на тебя. Что и понятно. Стелла уже взрослая. Разве сейчас у тебя нет свободного времени для того, чтобы заняться обустройством своей личной жизни?

– Откуда? – Сесили сделала удивленное лицо. – У Стеллы уже подрастает собственный ребенок. Девочка живет вместе с нами. Ее зовут Роза.

– Так-так-так! – задумчиво протянул Билл. – Это твое сообщение заставило меня почувствовать себя еще более старым. То есть я хочу

сказать, эта Роза, она ведь нам приходится кем-то вроде внучки.

– Да, именно так я ее и воспринимаю. И она меня, кстати, тоже зовет бабушкой.

– И сколько же ей лет?

– Пять. Такая же умненькая и красивая, как и ее мать, но только уж очень своенравная и непослушная. Я как раз сегодня утром думала о том, что уже слишком стара для того, чтобы заниматься ее воспитанием.

– Могу я поинтересоваться, где отец малышки?

– Мы со Стеллой и понятия не имеем, где он сейчас. Она решила ничего не сообщать ему о своей беременности; они познакомились с ним на акциях протеста несколько лет тому назад. Он откуда-то с Юга, но на сегодняшний день в стране все более или менее спокойно, и у них больше нет поводов для новых встреч.

– Хорошо. Итак, ты, как я понимаю, вернулась на круги своя? Снова с грудным младенцем на руках?

– О да. Так оно все и было.

– Но какую-то помощницу ты могла бы себе позволить? Нанять няню или что-то вроде того...

– К сожалению, Билл, не могла. Я ведь тебе никогда не рассказывала об истинных причинах, которые заставили меня покинуть родительский дом на Пятой авеню?

– Нет, в одном из писем, насколько я помню, ты мне лишь коротко сообщила о том, что у тебя поменялся адрес, и на этом все. А что случилось на самом деле?

– Однажды утром мама зашла ко мне в спальню и увидела, что я сплю вместе со Стеллой в одной постели. Она тут же устроила дикую сцену, очень напугавшую девочку. Мама была в ярости, кричала, что я, должно быть, спятила – спать в одной кровати с негритянкой. То, что она мне тогда наговорила, Билл, думаю, я не забуду до конца своих дней. В довершение всего она приказала, чтобы Ланкенуа и Стелла немедленно покинули ее дом, а мое поведение назвала верхом непристойности. Так что у меня попросту не было выбора, и мне пришлось уйти вместе с ними. На какое-то время нас приютила одна моя подруга, которая живет на соседней улице. С этого дня мама лишила меня всяких средств, которые ранее я получала из трастового фонда на свое имя, но к счастью, моя крестная Кики – ты помнишь ее?

– Конечно, помню! Разве Кики можно забыть?! – рассмеялся в ответ Билл.

– Так вот, она оставила мне щедрое наследство, которое позволило мне купить эту квартиру и кое-как сводить концы с концами все эти годы. Правда, сейчас помимо тех процентов, которые я получаю по акциям Кики, есть еще и зарплата Стеллы, и те деньги, что мне платят за преподавательскую работу в школе, плюс я еще подрабатываю бухгалтером.

Билл озадаченно уставился на Сесили.

– Боже правый! Ты, глупая женщина! Почему, скажи на милость, ты не рассказала мне о том, что у вас тут стряслось на самом деле? Должна же ты была понимать, что я непременно помог бы тебе. Или ты этого не понимала?

– Это очень благородно с твоей стороны, Билл, но разве ты забыл, что как раз на тот момент у тебя была большая задолженность перед банком и ты изо всех сил пытался восстановить свою животноводческую ферму?

– Все верно, но вскоре дела наладились. Я стал заниматься не только животноводством, но еще и земледелием. Вырастил неплохой урожай, и с тех пор в финансовом отношении я чувствую себя вполне уверенно. Я бы сразу же помог тебе, Сесили, если бы ты обратилась ко мне за помощью.

– Билл, но ведь, как ни верти, а получается, что я тебя бросила, – негромко обронила Сесили. – И как мне после всего этого было рассчитывать на тебя? Или тем более надеяться на твою помощь?

– Ну и дела! Ошарашила ты меня по полной! Я ведь все эти годы там, в Кении, был абсолютно уверен в том, что ты здесь, в Нью-Йорке, катаешься как сыр в масле, купаешься в роскоши и все прочее... А ведь я был и *фактически остаюсь* твоим мужем, что бы там у нас между собой ни происходило. Ты должна была поставить меня в известность.

– Но я не сделала этого, и на этом точка. И потом, как-то же мы справились и не умерли с голоду.

– И отношения с родителями так и не были восстановлены?

– Нет, более я с ними не контактировала. Никогда. Моя сестра Мейми, которая пару лет тому назад развелась со своим мужем, единственная из всей семьи, кто поддерживает со мной связь. По ее

словам, мама твердит всем своим приятельницам, что я подцепила в Африке какую-то лихорадку, от которой лишилась рассудка.

– А что же твой отец? Судя по твоим рассказам, он хороший человек.

– Да, человек он... *неплохой*, но слабохарактерный. В то утро он был свидетелем скандала, который закатила мне мама, он видел все своими глазами, видел, как мы втроем покидали дом, но и словом не обмолвился в мою защиту. А ведь я знала, что ему очень нравилась Стелла, и меня он тоже любил. Спустя какое-то время он прислал мне письмо, написал, чтобы я обратилась к нему, если мне понадобится какая-то помощь. Но собственная гордость не позволила мне пойти к нему на поклон даже в самые трудные времена.

– А ты никогда не думала о том, чтобы снова вернуться домой, в Африку?

– Столько лет прошло, Билл. За эти годы я как-то обустроила свою жизнь вместе со Стеллой здесь.

– Но ты не скучаешь по той, прежней, жизни? – задал он неожиданный вопрос.

– Ты имеешь в виду, не скучаю ли я по Кении?

– Полагаю, что ты не особо скучаешь по Кении. Иначе, думаю, изыскала бы возможность, чтобы навеститься туда хотя бы во время школьных каникул Стеллы. За столько-то лет! Разве не так?

– Билл, ты сейчас рассуждаешь так, будто мы с тобой старинные друзья. А ведь когда-то нас связывали чувства, или ты забыл? – возразила Сесили. – Я... Мне нужно было как-то жить дальше. Постараться забыть Африку... *и тебя тоже*. Я поняла, что ты никогда не любил меня, потому что, если бы у тебя было ко мне такое чувство, ты бы сам приехал в Нью-Йорк и стал бы упрашивать меня вернуться домой. Ведь я столько раз писала тебе, приглашала... Но ты так и не соизволил выбраться к нам. И что мне оставалось делать? Будучи в здравом уме и в твердой памяти, я должна была заняться обустройством своей жизни уже на новом месте.

– Но я *и подумать не мог никогда*, что ты ждешь от меня этого встречного шага. Если бы я только знал...

– И что было бы тогда, Билл? – спросила у него Сесили с отчаянием в голосе. – Разве тебе не было очевидно, что я любила тебя? Такое чувство, как любовь, не проходит так скоро, стоит тебе сесть на

самолет или взойти на палубу парохода и отправиться в другую страну. Помню, когда Кики покончила жизнь самоубийством, мне так хотелось поговорить с тобой, пообщаться... Это было Рождество, и я позвонила в клуб Мутаига, но мне сказали, что ты уехал на сафари. А ведь у тебя был телефон моих родителей, но ты так и не соизволил перезвонить мне. Скажи мне, Билл, почему ты тогда не позвонил мне?

– Кто его знает почему, – вздохнул в ответ Билл. – Может, на тот момент я посчитал, что ты меня бросила, и во мне разыграло самолюбие. Наверное, так.

– Думаю, скорее всего, ты просто забыл. Давай посмотрим правде в глаза, Билл. В конце концов, вот уже двадцать три года, как мы с тобой идем каждый своей дорогой. И я на тебя больше не держу обиды.

– Ах, Сесили! Как же все запуталось в нашей жизни! – Билл издал протяжный стон и взъерошил рукой свою густую шевелюру. Такой до боли знакомый жест. Сесили с трудом удержалась, чтобы не погладить его руку.

– И все же, Билл, если говорить серьезно, зачем ты приехал?

– Видишь ли... Я почувствовал, что пришло время для того, чтобы я, *чтобы мы* упорядочили наши с тобой отношения, если так можно выразиться. Я, к сожалению, не становлюсь моложе, как ты сама это видишь, да и врачи говорят, что мой мотор в последнее время стал сдавать. Пока ничего такого, что угрожало бы моей жизни напрямую, однако, по словам моего доктора, мне нужно убавить темп. Вот я и надумал продать наш «Райский уголок», а себе купить что-нибудь поменьше, чтобы хватало сил управиться с хозяйством. А поскольку мы до сих пор формально *состоим в браке*, я должен был поставить тебя в известность о своем намерении. Во всяком случае, спросить твоего разрешения на продажу. В конце концов, Сесили, именно ты обустроила наш дом, разбила сад вокруг него, не говоря уже о том, что и вся мебель в доме тоже твоя. Хочешь вернуть ее?

– Не говори ерунды, Билл! При чем здесь мебель? Забудь ты о ней раз и навсегда. Лучше скажи мне, что не так с твоим сердцем, по мнению врачей?

– В сущности, ничего серьезного, ничего такого, что могло бы тебя озаботить. Меня всесторонне обследовал специалист с Харлестрита, когда я в последний раз был в Англии. Он прописал мне какое-

то отвратительное на вкус снадобье – таблетки под язык, чтобы избавиться от хронических ангин, которые донимали меня все последние годы. И, представь себе, вроде лекарство работает. Но не в этом дело, Сесили. Я тебя спрашиваю о другом. Так что скажешь насчет нашей фермы «Райский уголок»? Как я тебе уже говорил, дела в Кении сейчас на подъеме, и у меня уже есть покупатель, который жаждет приобрести ферму и управлять ею впредь с должным вниманием и заботой.

Сесили закрыла глаза и мысленно перенеслась в прошлое, в свой красивый дом, в свой сад. У нее вдруг возникло такое чувство, будто она открыла книгу, которая пылилась на полке столько лет. За эти года Сесили уже успела забыть всю ее красоту. Она услышала свой протяжный вздох, потом глянула с веранды на вечерний закат и улыбнулась.

– Я очень любила наш дом, – промолвила она тихо. – И была там счастлива, несмотря на свое одиночество, – суховато добавила она.

– Само собой, у меня нет особой нужды продавать ферму. Просто я подумал, что коль скоро ты не собираешься возвращаться туда, то я мог бы сделать это. Вопрос в другом. Нужно ли нам с тобой оформлять развод? Я готов нести ответственность в судебном порядке за все, что ты сочтешь нужным вменить мне в вину. Может, самый лучший вариант – это то, что я тебя бросил, как думаешь?

Сесили повернулась к Биллу: несмотря на все свои заявления о том, что он дряхлый и старый, Билл и сегодня мог запросто дать фору любому обитателю Манхэттена ее возраста, большинство из которых к пятидесяти годам уже успели облысеть и обзавестись объемными животами. Неожиданно у нее на глазах выступили слезы.

– О господи! Чем я так сильно расстроил тебя? Что-то не то сказал, да? – встревожился Билл.

– Я... Прости меня... Конечно, для меня твое появление стало самым настоящим шоком. Свалился тут как снег на голову. А потому я не могу ответить на все твои вопросы прямо сейчас. Мне нужно время, чтобы все обдумать, Билл, как-то привыкнуть к тому, что ты здесь. Договорились?

– Конечно. Это ты меня прости, Сесили. Опять я наломал дров, по своему обыкновению. Когда ты была рядом, ты все же сделала из меня более или менее цивилизованного человека, но потом я снова

превратился в прежнего дикаря, – обронил Билл более мягким тоном. – Послушай, можешь мне подсказать какой-нибудь приличный отель здесь неподалеку? Я уйду и оставлю тебя в покое. По правде говоря, последние пару дней я провел без сна. Да и не мылся тоже давно. Наверное, воняю потом на всю округу.

– Никаких отелей, Билл. У меня как раз пустует комната. Это комната Стеллы, но она сейчас в отъезде, в Монтгомери, и будет отсутствовать еще несколько дней. Так что можешь смело там располагаться.

– Уверена в этом? Я ведь действительно ворвался к тебе в дом без спросу, разворошил все прошлое...

– Как будто ты привык соблюдать какие-то правила приличия, Билл. Ты всегда вел себя так. А где, кстати, твои вещи? – спросила она, поднимаясь со стула.

– Все при мне, – ответил он, указав на свой небольшой рюкзак. – Ты же знаешь, я люблю отправляться в дорогу налегке.

– Тогда идем, я покажу тебе, где у нас душ.

Сесили провела Билла в ванную комнату, а сама снова вернулась на улицу, чувствуя себя совершенно разбитой. Приходилось признаться самой себе, что, несмотря *ни на что и вопреки всему*, она снова испытала то же самое чувство, что и при их самой первой встрече, то чувство, которое потом, когда она узнала Билла получше, пустило глубокие корни в ее сердце, и вот, оказывается, несмотря на долгие годы разлуки, это чувство не пропало и никуда не делось.

– Будь ты неладен, Билл Форсайт! – пробормотала она в сердцах, услышав шум льющейся воды и представив себе его крепкое мускулистое тело, по которому сейчас стекают струи воды...

– Ты одинокая старуха, не познавшая большого счастья в этой жизни, – промолвила она, обращаясь уже к самой себе и стараясь говорить рассудительно. За минувшие двадцать три года у нее не было интимной близости ни с одним мужчиной. Само собой, она изголодалась по ласкам. Столько нереализованных физических желаний угасло втуне за эти десятилетия. Впрочем, сегодня Билл уже тоже старик, и едва ли он может стать предметом вожделения для кого бы то ни было. Да и сама она такая же старая перечница, и ничего более.

– А где моя спальня? – Билл возник у нее за спиной, обмотавшись полотенцем.

– Сейчас я тебе покажу, – ответила Сесили, стараясь не смотреть на его голый торс, который, на удивление, сохранился очень и очень хорошо. – Вот! – Она открыла одну из дверей в коридоре. – Это – комната Стеллы.

– А это сама Стелла? – Билл показал на фотографию, на которой Стелла была запечатлена в день получения диплома в колледже. – Да она выросла настоящей красоткой!

– Да. Точная копия своей мамы.

– И все это... – Билл обвел взмахом руки красивую комнату, – стало возможным только потому, что я когда-то разрешил одной девушке... Кстати, как ее звали?

– Ньяла.

– Так вот, я позволил Ньяле пожить какое-то время в безопасности на наших землях.

– Все так, но, клянусь тебе, Билл, у тебя нет оснований жалеть о том, что ты тогда сделал. Стелла – это самое лучшее, что есть в моей жизни. Любовь к этой девочке изменила всю мою жизнь, да и меня саму тоже. А сейчас я оставляю тебя, чтобы ты немного отдохнул с дороги. Мне нужно ровно в три забрать Розу из школы, но, если ты проснешься раньше, чем я вернусь домой, пожалуйста, открывай холодильник и бери там все, что тебе придется по вкусу.

– О, на этот счет можешь не переживать за меня. Я привык заботиться о себе сам, – ответил Билл, отбрасывая в сторону покрывало с кровати, потом осторожно взял Счастливчика, любимого плюшевого льва Стеллы, и опустил его на пол.

– Знаю. Но не забывай, сейчас ты оказался совсем в иных джунглях, в джунглях большого города, – улыбнулась в ответ Сесили. – Хорошего тебе сна.

* * *

– Так это и есть та самая девочка по имени Роза? – спросил Билл, который уже успел побриться, немного поспать и переодеться в чистую одежду. Словом, снова стал похожим на себя прежнего.

– Здравствуйте, сэр, – вежливо поздоровалась Роза, протягивая ему свою ручонку. – Как поживаете?

– Поживаю очень хорошо. Спасибо, Роза.

Роза бросила вопросительный взгляд на Сесили.

– А кто этот мужчина? – повелительным тоном поинтересовалась она у нее.

– Его зовут Билл. И он мой старинный друг.

– Ладно. Можно я сейчас включу телевизор?

– Нет, Роза. Только после того, как сделаешь домашнее задание.

– А что, разве нельзя вначале посмотреть телик? Скоро начнется «Мистер Роджерс». Вот посмотрю, а потом примусь за уроки.

– Роза, милая! Ты же прекрасно знаешь наши правила. Садись тихонько за стол и начинай решать задачки.

– Не буду! – Роза гневно топнула ножкой. – Я хочу смотреть «Мистера Роджерса»!

– Нельзя, и на этом точка! Немедленно садись за уроки!

– Не хочу!

– Роза, ты же прекрасно знаешь, что бывает, если ты меня не слушаешься. Сейчас я провожу тебя в твою комнату, и ты останешься там без ужина, пока у тебя не возникнет наконец желание заняться уроками.

– Нет! Я хочу смотреть «Мистера Роджерса»! – взвизгнула Роза во весь голос.

– Отлично! Тогда марш в свою комнату! – Сесили схватила девочку за руку и повела ее в детскую. Открыла дверь и усадила упирающуюся Розу на кровать. – Ты этого хочешь? Но у тебя есть выбор. Либо торчать здесь в полном одиночестве, либо быстро сделать домашнее задание, а потом смотреть свой любимый телевизор, при этом уминая за обе щеки бутерброды с ореховым маслом.

– Я хочу сейчас смотреть «Мистера Роджерса»!

Сесили решительным шагом направилась к двери, захлопнула ее за собой и закрыла на ключ, не обращая внимания на громкие вопли протеста, которые тут же выплеснулись из детской в коридор. Вернувшись на кухню, Сесили бросила виноватый взгляд на Билла и вздохнула.

– Прости нас за весь этот тартарарам. Но, как я уже говорила тебе, порой девочка бывает просто неуправляемой.

– О да, я и сам все отлично вижу, – промолвил Билл, между тем как крики усиливались и уже превратились в один сплошной визг, сотрясающий стены в коридоре.

– Через пару минут она успокоится. Обычно ее концерты не длятся долго, – сказала Сесили, стараясь придать своему голосу гораздо больше уверенности, чем она испытывала на самом деле. Уж она-то знала, что иногда вопли Розы могут продолжаться часами. – Между прочим, по пути домой я купила тебе пиво. Оно охлаждается сейчас в холодильнике.

– Спасибо. – Билл подошел к холодильнику и вынул оттуда бутылку. – Забот, как я посмотрю, у тебя полон рот, – заметил он, прислушиваясь к детскому визгу.

– Хватает, ты прав. Но тут одно из двух: либо я буду продолжать смотреть за ней, либо Стелле придется оставить свою работу, к которой она так стремилась, и начать воспитывать Розу самостоятельно. Конечно, в один прекрасный день она еще встретит достойного мужчину и создаст свою семью, в чем я не сомневаюсь. И тогда они все трое заживут уже своим домом, отдельно от меня.

– Ты так уверена в этом? А вот лично я сильно сомневаюсь в том, что найдется парень, который станет терпеливо сносить все эти фокусы.

– На самом деле Роза очень славная девочка, просто очень упрямая и любит, чтобы все было так, как она хочет, – бросилась защищать малышку Сесили. – Я тут приготовила рагу с говядиной, пока ты спал. Помню, раньше ты его очень любил.

– Рагу с говядиной! Какая роскошь... – Билл выразительно потянул носом, принюхиваясь к запахам, витавшим на кухне. – Эти дивные ароматы сразу же возвращают меня в прошлое. Я ведь, когда бываю дома, питаюсь в основном консервами.

– Что никак не идет на пользу твоему здоровью, разве не понимаешь сам? – Сесили подошла к духовке, чтобы проверить, как там рагу. – Ну, вот! Все готово! Попробуешь?

– И ты еще спрашиваешь! Да я голодный как волк. Пожалуй, мог бы умять сейчас за один присест и целую коровью тушу.

Постепенно крики, доносившиеся из детской, затихли. Пока Билл ел рагу, Сесили отправилась вызволять Розу из заточения.

– Ну, что? Готова сесть за уроки? – спросила она у девочки.

– Да, мэм.

– А что ты скажешь тому пожилому джентльмену, нашему бедному гостю, который добирался сюда из самой Африки? И для чего? Чтобы послушать твои крики? – Сесили взяла Розу за руку и повела обратно на кухню.

– Я попрошу у него прощения, бабуля. Скажу, что мне очень жаль, что я повела себя так плохо, – с готовностью пообещала ей девочка. – Прошу простить меня, сэр, – немедленно повинилась она перед Биллом, усаживаясь за стол, а Сесили тем временем разложила перед ней учебники. – Когда мама вернется? – спросила у нее Роза, доставая ручку из ранца.

– В конце недели, милая.

– А вы знакомы с моей мамой, Билл? – обратилась она к гостю. – Она у нас красавица и очень умная. И у нее очень важная работа, поэтому ее сейчас и нет дома, – продолжила Роза, старательно выписывая какие-то цифры и с таким усердием орудуя ручкой, что перо буквально вонзалось в чистый лист бумаги.

– Должен сообщить вам, моя юная леди, что я знаком с вашей мамой. Представьте себе, я познакомился с ней, когда она была еще совсем младенцем. Правда, Сесили?

– Чистая правда, Билл, – подтвердила Сесили.

– Она ведь родилась в Африке, как вы знаете.

– Знаю. И скажу тебе даже более. Она жила в моем доме, когда была маленькой. В нашем доме, – тут же поправил себя Билл, бросив смущенный взгляд на Сесили.

– У вас есть дом в Африке?

– Да, есть.

– А львов вам приходилось видеть?

– О, за свою жизнь я перевидал сотни львов.

– Мама очень любит львов. Правда, бабуля?

– Любит, милая, правда.

– Мне бы тоже хотелось когда-нибудь своими глазами увидеть Африку.

– Уверен, мисс, что в один прекрасный день вы обязательно осуществите свое желание.

– Все, Роза. Хватит болтать. Принимайся за уроки.

Вытребовав от Сесили две обязательные сказки на ночь, а потом еще и уговорив ее, чтобы Билл тоже зашел к ней пожелать доброй ночи и попутно рассказал ей какую-нибудь историю о тех диких животных, которых он встречал в Африке, Роза наконец утихомирилась и уснула. Вернувшись на кухню, Сесили налила себе бокал вина; по правде говоря, ставший уже привычным ритуал пора бы начинать обуздывать как некую вредную привычку, но она всегда с таким нетерпением ожидала этого момента, когда можно будет наконец расслабиться, зная, что Роза уgomонилась и спокойно спит в своей постели. Сесили предложила Биллу переместиться наверх, в гостиную.

– Как часто Стелла бывает дома? – поинтересовался у нее Билл, усаживаясь в кресло возле камина.

– Все зависит от ее рабочего графика. Их штаб-квартира находится в Балтиморе, три часа езды поездом от Нью-Йорка. Так что если она не улетает самолетом в какие-то дальние штаты, то в пятницу поздно вечером она всегда дома, а в воскресенье после ужина уезжает обратно к себе в Балтимор.

– Получается, что с собственной дочерью она пересекается нечасто.

– Получается, что так, – вздохнула в ответ Сесили.

– То есть собрать все осколки приходится тебе, так?

– Я бы не стала называть Розу осколком, Билл. К тому же с какой стороны ни взгляни, а она мне внучка. Так что, можно сказать, я делаю то же самое, что делала бы любая бабушка на моем месте.

– Это я понимаю. Что означает, что ты в какой-то степени стала заложницей сложившейся ситуации, причем на многие годы вперед. Неужели тебе не хочется чего-то большего в этой жизни?

– Мне всегда казалось, Билл, что *ты, как никто другой*, давным-давно усвоил одну простую истину: жизнь – это совсем не то, чего тебе хочется. Но ты прав: в последнее время я все чаще ощущаю себя загнанной лошадью, будто действительно попала в какой-то капкан, – чистосердечно призналась Сесили.

– Мне кажется, что ты пожертвовала ради Стеллы практически всем, что было в твоей жизни, – тихо обронил Билл. – Своей семьей, своим домом, деньгами, своим браком и даже... взять сегодняшний

день, ты пожертвовала надеждой на какие бы то ни было перемены в своей жизни, пока Роза не вырастет.

– Знаешь, все мои жертвы того стоили! – запальчиво воскликнула Сесили. – Ведь человек всегда готов на все ради тех, кого любит. Но боюсь, Билл, тебе не понять эту простую истину.

– Прошу тебя, Сесили, еще раз: прости меня. Мне не следовало вторгаться в твой дом. И тем более начинать поучать, как тебе должно распорядиться своей жизнью. Но я... я, несмотря на все, что было между нами в прошлом, по-прежнему волнуюсь и переживаю за тебя. Более того, я хотел бы помочь тебе, если это возможно.

– Это очень мило с твоей стороны, Билл. Только я не представляю, как именно ты бы смог это сделать.

– Скажем, для начала я готов дать тебе деньги на то, чтобы ты смогла нанять себе помощницу по уходу за ребенком. Если честно, у тебя, Сесили, очень изможденный вид. Тебе срочно нужно отдохнуть. Тебе нужны каникулы, если хочешь знать мое мнение.

– Ты прав. Каникул, в привычном смысле этого слова, у меня не было уже очень много лет, – согласилась она с Биллом. – Но я не могу принять от тебя деньги, Билл. Это будет нечестно с моей стороны.

– Позволь тебе напомнить для начала, что это я приволок к дверям своего дома, *нашего с тобой дома*, весь этот ворох проблем, которые, как оказалось, длятся и по сей день. Так вот, самое малое из того, что я могу сделать, чтобы разрулить эту непростую во всех отношениях ситуацию, это дать тебе немного денег на то, чтобы ты смогла достойным образом выпутаться из сложившегося положения. К тому же ты все еще моя жена, а денег у меня предостаточно, более чем... Помимо того что дела на ферме идут успешно, в прошлом году умер мой старший брат и оставил мне кучу всякого фамильного наследства в Англии. По пути в Нью-Йорк я сделал короткую остановку в Англии, чтобы своими глазами взглянуть на свою новую собственность. Она неподалеку от этого ужасно безобразного замка, где ты когда-то познакомилась с тем прохвостом и прощельгой... Как его зовут, кстати?

– Джулиус, – ответила Сесили, внутренне содрогнувшись от самого звука уже давно забытого имени.

– Возможно, тебе будет приятно узнать, что, по слухам, сей мерзавец покинул наш бранный мир несколько лет тому назад, успев

за свою недолгую жизнь поменять бесчисленное количество жен и выпить сотни бочек бренди и при этом не оставив после себя никакого потомства. Как бы то ни было, а тамошний агент по недвижимости заявил мне, что готов хоть сейчас купить мою недвижимость, впрочем, гораздо более скромную по своим размерам, чем Вудхед-Хаус. Тем не менее, думаю, эта сделка принесет мне кругленькую сумму. По словам риелтора, некая поп-звезда сгорает от нетерпения, желая устроить свою студию звукозаписи в наших фамильных винных погребах. Кстати, а что ты сама думаешь про этих парней, выступающих под именем «Битлз»? Пока я был в Англии, ничего другого там по радио и не слышал: они крутят их записи круглосуточно. По-моему, такой же ажиотаж творится и у вас в Америке.

– Стелла их просто обожает. Мне тоже нравятся некоторые их мелодии. Они очень запоминающиеся.

– Но какая-то рваная музыка, нет в ней той плавности, к которой мы привыкли, ты не находишь? А ты помнишь тот вечер у нас в «Райском уголке»? Влюбленные по уши друг в друга Джосс и Диана танцуют на террасе, а в самом дальнем углу террасы сидит нахохлившийся бедняга Джек и молча наблюдает за ними с самым несчастным видом. Типичный такой рогоносец, – задумчиво бросил Билл.

– О да, я тоже хорошо помню тот вечер.

– Мы с тобой тогда танцевали под музыку Гленна Миллера. Я часто вспоминаю тот вечер. Для меня он стал таким своеобразным возвращением к жизни, неким обоюдным возрождением после утраты Флер.

– Да, так оно и было. Но сегодня у нас уже совсем другая жизнь, – тихо обронила Сесили. Для нее тот вечер тоже стал поистине судьбоносным, незабываемым... Но ее поразило, что, оказывается, и для Билла он тоже стал неким поворотным моментом в его жизни.

– Какое было безмятежное время, – пробормотал Билл вполголоса. – И почему мы начинаем ценить все, что было, только тогда, когда оно уже стало прошлым? Как бы то ни было, Сесили, а я собираюсь незамедлительно перевести на твой счет энную сумму денег, а заодно и подыскать подходящую няню, или как там у вас в Америке называют таких женщин? – пусть приходит и вразумляет

твою Розу. И не желаю более слушать никаких возражений с твоей стороны. Кстати, чем ты планируешь заняться завтра?

– Как обычно: отведу Розу в школу, потом вернусь домой и займусь своей бухгалтерской работой, а потом...

– Как смотришь, если я попрошу тебя отложить завтра все свои дела и показать мне достопримечательности Нью-Йорка? Прodelав такой долгий путь сюда, должен же я, в конце концов, понять, почему этот город пользуется такой славой. Что скажешь, Сесили? – Билл слегка подался вперед и положил свою ладонь на ее руку.

– Пожалуй, я скажу «да», – ответила она, почувствовав легкий трепет от его прикосновения. – А сейчас прости, но мне надо хоть немного поспать.

– Конечно, ступай к себе и отдыхай. Увидимся утром. И еще раз спасибо тебе за то, что приютила меня под крышей своего дома.

– Но ведь и ты, Билл, когда-то тоже приютил меня под крышей своего дома. Спокойной ночи.

49

Несмотря на то что почти всю ночь Сесили промучилась без сна, ворочаясь с боку на бок, снова и снова пытаясь разобраться в своих чувствах к Биллу и недоумевая, зачем он так неожиданно нагрязнул к ней, день, который она провела вместе с Биллом, показывая ему город, оказался на редкость чудесным и замечательным. Она и сама уже целую вечность не была на Манхэттене, а потому знакомство с Нью-Йорком они начали с прогулки в конном экипаже по Центральному парку; попутно Сесили показала Биллу и родительский особняк, теперь сжатый с двух сторон высоченными жилыми домами.

– Твоя матушка, этот жандарм в юбке, все еще обитает здесь? – поинтересовался у нее Билл.

– О да, она еще жива. Хотя, по словам Мейми, постоянно тасует и меняет свои снадобья от самых разнообразных хворей и неустанно твердит всем, что вот-вот умрет.

– А твой отец?

– И он тоже жив и по-прежнему мирится со всеми ее выходками. Словом, все как всегда. – Сесили зябко повела плечами, когда зацокали копыта лошадей, увозя их экипаж от ее родного дома. Затем они

прогулялись по Пятой авеню, где несколько лет тому назад был снят знаменитый фильм «Завтрак у Тиффани»; Сесили была страшно разочарована, когда Билл сообщил ей, что он, естественно, не видел его и понятия не имеет о том, что такой фильм вообще существует.

– Право же, Билл, ты обязательно *должен посмотреть* его! Трудно представить себе человека, который бы не посмотрел этот изумительный кинофильм. Пожалуй, на всей планете не сыщешь такого.

– Наверное, на планете под названием Америка не сыщешь. Но не забывай, Сесили, что я всегда чувствовал себя намного комфортнее в окружении людей в набедренных повязках и с копьями наперевес, чем в этих бетонных джунглях с их бесконечной чередой небоскребов.

Потом они посетили Эмпайр-стейт-билдинг: на смотровой площадке Билл облокотился о парапет, глянул вниз и тут же отпрянул назад.

– О господи! Как же у меня закружилась голова! Кажется, у меня начинается самая настоящая боязнь высоты. И это говорит человек, который когда-то на одном дыхании поднимался на вершину горы Кения. Немедленно спускай меня вниз, чтобы я почувствовал твердую землю под ногами!

Далее они поехали на Гудзон, чтобы полюбоваться статуей Свободы, правда, Билл тут же объявил, что он крайне разочарован увиденным.

– Она такая маленькая, эта Свобода! – воскликнул он. – Нет уж! Лучше нашего озера Наиваша с кишачими в нем гиппопотамами нет ничего на свете. В сравнении с ним, ваш Гудзон – это какой-то грязный деревенский пруд.

– Перестань брюзжать, Билл! Ты прямо на глазах превращаешься в сварливого старика.

– Ты же знаешь, я и раньше был сварливым. Так что никаких кардинальных изменений в моем характере не произошло.

Розалинда пошла Сесили навстречу и пообещала забрать Розу после школы к себе и покормить ее ужином. О существовании Билла она знала всегда, а потому, когда вечером они явились к Розалинде домой, чтобы забрать Розу, Сесили, знакомя подругу с мужем, невольно почувствовала смущение.

– Ага! Так это и есть наш знаменитый Билл! Ну, здравствуйте, Билл! – поздоровалась Розалинда с гостем, разглядывая его с любопытством и одновременно с некоторой подозрительностью.

– Очень рад с вами познакомиться, Розалинда. Сесили рассказала мне, каким верным другом вы для нее оказались и как много помогли ей все эти годы.

А уже буквально через пару минут они болтали друг с другом, как старые добрые друзья. Безупречное британское произношение Билла окончательно расположило Розалинду к нему. А когда домой вернулся Теренс, то они даже скрепили возникшую дружбу спиртным. В итоге Розу уложили спать в бывшей детской, а Розалинда с мужем с большим интересом слушали все, что им рассказывал Билл о новой, уже независимой Республике Кения.

– Никак не ожидала, *что он такой*, – честно призналась подруге Розалинда, когда они вместе мыли грязную посуду на кухне. – Этот человек знает, о чем говорит. Да и вообще, моя милая, для своих лет он еще *очень даже ничего!* – Розалинда весело хихикнула. – Тебе не кажется, что он немного смахивает на Роберта Редфорда?

Они недавно посмотрели новый вестерн «Бутч Кэссиди и Санденс Кид» с Редфордом и Полом Ньюманом в главных ролях и, конечно, были без ума от них, впрочем, как и все в Америке.

– А чем твой муж не ковбой? Тоже умеет стрелять и скакать верхом, – снова издала смешок Розалинда.

Она настояла на том, чтобы Роза осталась у них на ночь, а потому к себе Сесили и Билл вернулись вдвоем.

– Должен признать, что Нью-Йорк вовсе не такой уж отвратительный город, каким он рисовался мне ранее, – промолвил Билл на обратном пути, когда они неспешно шли пешком по улице, наслаждаясь теплым июньским вечером.

– И я очень рада тому, что он тебе понравился.

– Конечно, прожить здесь долго я бы не смог, но, прежде чем меня снова помянут к себе бескрайние просторы наших низин, несколько дней я вполне спокойно смогу здесь просуществовать и даже получить некоторое удовольствие от этого города. Здесь ведь полно развлечений, как я понимаю, на любой вкус.

– А как долго ты собираешься *пробыть здесь?*

– Пока я еще не определился со сроками. Ведь решение приехать в Нью-Йорк созрело у меня спонтанно: сел в самолет и полетел. А почему ты спрашиваешь? – Внезапно Билл замолчал и повернулся к ней лицом. – Тебе трудно со мной, да? И вся эта ситуация тебя *напрягает*? Так я же всегда могу перебраться в отель.

– Ничего меня не напрягает! – возмутилась в ответ Сесили. Какое-то время они шли молча, потом Сесили снова заговорила первой. – Билл, твое сердце... Ты рассказал мне правду? Или все намного серьезнее, чем ты обрисовал мне?

– Повторяю тебе уже в сто первый раз, наверное, моя дорогая Сесили! И клянусь тебе, что не собираюсь отбрасывать коньки в ближайшем будущем. Однако не скрою, признаки некоторой слабости, появившиеся в моем ранее железном организме, побудили меня отправиться на встречу с тобой, это правда. Все мы смертны, как известно, и рано или поздно все уйдем в мир иной, но мои бесконечные ангины, выматывавшие меня в последние годы, лишний раз напомнили мне, что я тоже обычный смертный и тоже умру в один прекрасный день, о чем я раньше никогда не задумывался, как тебе известно. И все же я очень рад, что приехал повидаться с тобой. Уж и не припомню, когда я в последний раз устраивал себе такие шикарные выходные и так приятно проводил время в обществе дамы. Которая, по счастливому совпадению, еще и моя жена. И это лишний раз напомнило мне, почему ты мне сразу же понравилась, с самого первого момента нашей встречи.

– А я тебе понравилась?

– Да. Потому что ты определенно не похожа ни на одну другую женщину. Я это понял тогда, понимаю это и сейчас. Под маской робкой и застенчивой девочки скрывается самый настоящий свирепый тигр.

– В Африке нет тигров. Или ты забыл? – улыбнулась в ответ Сесили.

– Ну, да! После того, как ты уехала из Африки, там их действительно больше нет. Ты стала настоящей женщиной, Сесили. А вот я за минувшие годы никак не изменился.

– Это правда, – согласилась с ним Сесили. – Хотя... Хотя, как мне кажется, ты стал помягче. И с тобой стало проще...

– Объясни, что ты имеешь в виду?

– Ну, во-первых, при всем своем желании, ты не производишь впечатления такого несчастного и жалкого во всех отношениях человека. – Сесили негромко рассмеялась. – А может быть, мне стало проще с тобой, потому что на данный момент ты все же находишься на моей территории. Зато в Кении я всегда пребывала исключительно на твоей территории.

– Хорошее наблюдение. Прямо в точку. Да, сейчас в Бруклине я действительно всецело в твоих умелых руках. А какие у нас планы на завтра?

– У меня завтра уроки в школе, поэтому ты полностью предоставлен сам себе, – ответила Сесили, поднимаясь по ступенькам крыльца к своей квартире и открывая входную дверь.

– Стоит ли удивляться тому, что ты так устала? Домашнее хозяйство, преподавательская работа, да плюс еще приходится смотреть за Розой. Крутишься весь день как белка в колесе. Ни минуты покоя.

– Как по мне, так уже лучше быть постоянно при деле. К тому же мне нравится работа учителя, не говоря уже о том, что нужно зарабатывать на жизнь.

– Еще раз напоминаю тебе. Будь столь любезна и сообщи мне свои банковские реквизиты, чтобы я смог перевести на твое имя энную сумму денег. Нет! – Билл приложил палец к губам Сесили, которая уже приготовилась возразить ему. – Прошу тебя! Больше ни слова, ладно? За последние двадцать три года я ведь не потратил на тебя ни единого пенса. Ты только подумай сама, во что бы мне обошлось кормить тебя, одевать, заправлять твою машину бензином, не говоря уже о том, сколько бы денег ушло на покупку джина. Словом, колоссальная экономия на всем.

Сесили весело рассмеялась, мысленно удивляясь тому, как легко она себя чувствует в обществе Билла и как быстро привыкла к его присутствию после стольких лет разлуки.

– О да! – согласилась она. – По части джина экономия действительно колоссальная. Кстати, коль скоро мы заговорили о джине... Не откажешься от рюмочки? Думаю, у меня внизу есть еще недопитая бутылка, сама не помню с чем.

– Тогда оставь джин себе, а я, пожалуй, налягу на пиво. Устраивайся поудобнее, ножки вверх, сейчас схожу на кухню и

принесу все сюда. Так с чем, ты говоришь, бутылка?

– По-моему, с ликером, – крикнула ему вдогонку Сесили, когда он поспешил по лестнице вниз.

Она уселась на диван, с наслаждением сбросила с ног лакированные туфли на каблуках, закрыла глаза и подумала, как же мало надо человеку для счастья. Такая простая, казалось бы, вещь: кто-то сейчас подаст ей выпить, но она уже забыла о том времени, когда о ней заботились, даже по таким пустякам.

– Вот и ваш напиток, мадам. Порция джина, сдобренная содовой, как вы ее тут называете. Я не обнаружил среди твоих запасов ни тоника, ни горького лимонного напитка.

– Спасибо. Сейчас попробую, что у тебя получилось, – ответила Сесили, пригубив бокал. Впервые за очень долгое время она почувствовала себя по-настоящему раскрепощенной.

– А как поживает Ланкенау? – поинтересовался у нее Билл. – Насколько я помню, ты в одном из своих давних писем написала мне, что она вышла замуж?

– Да, вышла и, представь себе, очень счастлива в браке.

– Хотелось бы мне с ней повидаться, если это возможно. Я тут привез фотографию Квинета с женой и с их маленьким ребенком. Все трое с гордым видом позируют на фоне нашего сада в «Райском уголке».

– Ой! Я тоже хочу взглянуть на эту фотографию. Ведь мы с Квинетом столько часов провели вместе, возделывая наш сад.

– Сесили! – Билл взял у нее бокал с джином и поставил его на стол, а потом взял жену за руки. – Почему бы тебе сейчас не проехаться вместе со мной в Кению? Устрой себе небольшой отпуск. Все два десятилетия Квинет неустанно ухаживал за твоим драгоценным садом и все время не терял надежду, что в один прекрасный день ты вернешься домой и оценишь по достоинству плоды его усилий. Заодно повидаетесь с Кэтрин, с Бобби, увидишь их детей. Ну и, конечно, увидишь новую Кению.

– Ах, Билл! Я бы с большим удовольствием! Но как? Не могу! Мне же надо смотреть за Розой.

– Но наверняка ведь у Стеллы скопились какие-то отгулы, неиспользованные дни отпуска. В конце концов, она может просто взять пару недель за свой счет, разве не так?

– Боюсь, ты, Билл, совсем не понимаешь наших здешних реалий. В Штатах никто и никогда не стремится любой ценой заполнить тот отпуск, который положен. Особенно, если мы с тобой ведем речь о молодой амбициозной чернокожей женщине, юристе по образованию, которая намерена сделать себя имя. Здесь то, что мы обычно называем «корпоративной этикой», намного строже, чем в других странах. Можно сказать, у нас каторжные условия труда. Та прежняя жизнь в Долине Счастья, она ведь вся целиком была ориентирована на получение удовольствия, а наша нынешняя жизнь здесь такая, какая она у Стеллы, это прежде всего работа, работа и еще раз работа. Работа до полного изнеможения. Только так ты сможешь подняться на вершину успеха.

– Нет, я все отлично понимаю, Сесили, хотя лично мне это и не кажется правильным. – Билл вздохнул. – И все же я прошу тебя еще раз хорошенько подумать над моим предложением. Ты сама мне говорила, что с тех пор, как вернулась сюда, у тебя не было ни одного отпуска. Но это же ни в какие ворота не лезет! По-моему, ты уже давно заработала полноценный отдых. Подумай сама! А я со своей стороны помогу тебе организовать его наилучшим образом. И потом, вполне возможно, именно ты, увидев наш «Райский уголок» своими глазами, сможешь мне принять окончательное решение насчет будущего нашей фермы. *Мы вместе* решим, что нам делать дальше.

– Заманчивое предложение! Но я ни за что не брошу Розу. В любом случае, – Сесили подавила зевок, – мне уже пора спать. К тому же я сегодня слишком много выпила. А завтра с самого утра у меня полный класс шестилеток. – Сесили поднялась с дивана и улыбнулась. – Спасибо тебе за прекрасный день! Я словно побывала в краткосрочном отпуске и получила кучу удовольствия. Спокойной ночи, Билл.

– Спокойной ночи, Сесили.

Когда Сесили ушла, Билл снова спустился на кухню, чтобы достать из холодильника еще одну бутылку пива, а потом вышел с ней на улицу, чтобы полюбоваться тем крохотным клочком Кении, который Сесили умудрилась воссоздать в Бруклине. И тогда у него созрел план...

В пятницу, уже за полночь, приехала Стелла, как всегда, уставшая донельзя после долгой и напряженной трудовой недели, которую на сей раз она провела в Алабаме. Сесили отправила Билла спать, а сама по своему обыкновению принялась ждать Стеллу. Горячий шоколад со сливками и разнообразная домашняя выпечка были немедленно выставлены на стол: Стелла с жадностью набросилась на еду, попутно рассказывая о текущих делах.

– Совершенно очевидно, что власти сфабриковали улики. Да и свидетельские показания тоже... Мы нашли одного свидетеля, который, скорее всего, даже не был на том самом месте, где они якобы видели, как Мишель Уинстон стрелял в парня... Конечно, мы делаем все, что в наших силах, и даже более того. Но, боюсь, нам не удастся спасти его от смерти. Присяжные в Алабаме известны своей жесткостью, и они с легкостью выносят смертные приговоры.

– Делай, что можешь, а там будь, что будет, – проронила Сесили свою любимую фразу, которую часто повторяла, особенно когда видела, какой страстью и негодованием полыхают глаза Стеллы. Сесили понимала, что и сама частично повинна в том, что Стелла оказалась втянутой в сумасшедший водоворот событий и дел, которыми полнится ее работа. – А сейчас ступай и ложись отдыхать. К сожалению, сегодня тебе придется переночевать в комнате Розы, потому что у нас гость.

– Неужели? И кто же он?

– Вполне возможно, ты его не помнишь, потому что, когда ты видела его в последний раз, тебе было всего лишь пять лет. Его зовут Билл, и я была за ним замужем. Во всяком случае, когда нашла тебя.

– Билл, Билл... – Стелла сосредоточенно потерла переносицу. – Отчего же? Я его хорошо помню. Такой светловолосый и очень высокий, да?

– Да, таким он был когда-то, правда, сегодня он уже совершенно седой, – улыбнулась в ответ Сесили. – Именно он попросил меня тогда, чтобы мы разрешили твоей матери пожить какое-то время на нашей ферме, пока она носила тебя. И он же придумал план, как сделать так, чтобы ты осталась со мной и я смогла бы растить тебя. Вот так в нашем доме появилась Ланкенуа.

– Так он знал мою родную мать? – недоверчиво переспросила Стелла.

– О да. Он хорошо знал Ньялу и был дружен с твоим дедушкой, который был вождем племени.

– Да, но где же он сам был все эти годы, Куйя? Почему не приехал вместе с нами в Нью-Йорк?

– Потому что на тот момент у него в Кении была огромная животноводческая ферма, а еще потому... что Билл душой и сердцем принадлежит Африке.

– То есть получается, что ты его бросила?

– Мне пришлось так поступить, потому что иначе у тебя не было бы никакого будущего. Я его много раз просила приехать к нам сюда, но он никогда не изъявлял такого желания.

– Значит, ты бросила его из-за меня?

– Нет, Стелла... пожалуйста, не пойми меня превратно, – поспешила возразить Сесили, спохватившись, что наговорила много лишнего. – В нашем с ним браке были... *были* кое-какие проблемы. Нужно было со всем разобраться. Я настаивала на том, что наше будущее здесь, в Штатах, а он так не считал. Собственно, в этом и была основная наша проблема.

– И ты до сих пор официально состоишь с ним в браке?

– Да. Ведь у меня же и повода не было требовать у него развода.

– Чудеса, да и только! Прямо какая-то сказочная история... Спустя двадцать с лишним лет после расставания вдруг объявляется твой законный муж как гром среди ясного неба.

– Все так и не совсем так. Я часто размышляла над тем, как бы повела себя, что почувствовала бы, если бы он в конце концов нашел меня. Но вот он приехал, и у меня такое чувство, будто и не было этих двух минувших десятилетий. Он не таит на меня никакого зла, а я – тем более...

– Куйя! – Стелла хитровато улыбнулась. – У тебя сегодня такой мечтательный вид. Ты его все еще любишь? Если судить по твоему виду, то да.

– Сама не знаю. Но все же приятно для разнообразия обзавестись компанией. А мы с ним всегда хорошо ладили.

– Какая романтическая история! Подумать только! Он отыскал тебя через столько лет.

– Вообще-то на самом деле все гораздо прагматичнее. Его привели сюда дела. В первую очередь он спросил у меня, не хочу ли я

развода! И не буду ли я возражать, если он продаст нашу ферму «Райский уголок» в Кении, где мы с ним когда-то жили. Ему уже скоро семьдесят, и у него проблемы с сердцем, так что едва ли сегодня Билл похож на Прекрасного принца в сверкающих доспехах на белоснежном скакуне.

– Да, но вид у тебя сегодня такой, будто так оно и есть, – пошутила в ответ Стелла и тут же сладко зевнула. – Все! Смертельно хочу спать. Я очень устала.

– Розу я сегодня устроила на выдвижном диванчике, так что смело можешь лечь на ее кровать. Спокойной ночи, милая.

– Спокойной ночи. – Стелла торопливо обняла Сесили, потом подхватила свою дорожную сумку и устало побрела по лестнице вверх, в комнату Розы.

* * *

Сесили невольно задумалась над вчерашними словами Стеллы, когда на следующее утро они все четверо сошлись за завтраком. Стелла и Билл мгновенно нашли общий язык, Стелла заворуженно слушала рассказы Билла о своей родине, о тех местах, где она появилась на свет, и о его многочисленных контактах и связях с ее родным племенем масаи. Даже Роза слушала Билла с неподдельным вниманием, так что, глядя на эту троицу со стороны, можно было подумать, что в выходной день собралась за одним столом самая обычная семья. И от этой мысли комок подступил к горлу Сесили. После обеда они все вместе отправились в кинотеатр на просмотр комедии «Жук любви». Роза заразительно хохотала весь фильм до коликов в животе, глядя на нее, невозможно было не засмеяться, и, хотя где-то на середине фильма Билл задремал, сам культпоход в кино был признан успешным мероприятием. Потом все вместе они отправились на ужин, и Билл наконец попробовал первый в своей жизни американский бургер.

– Сочетание сдобной булочки и сыра мне определенно нравится, что же до говяжьей отбивной, то она и в подметки не годится тем отбивным, которые мы получаем от своих кенийских коров. Ну, а что касается вот этого, – Билл с явным отвращением кивнул на хот-дог,

который жевала Роза, – так это вообще нельзя назвать едой. Что это за начинка, я вас спрашиваю? Какие-то хлебные крошки и кукуруза.

Вечером Сесили, пожелав всем спокойной ночи, отправилась к себе в спальню, расположенную в самом дальнем углу квартиры, с окнами, выходящими на сад внизу. Она разделась, улеглась на прохладную простыню и предалась размышлениям о том, как все же быстро приезд Билла отразился на всей их семье. Роза стала более управляемой и послушной, и это факт; Стелла явно уже попала под очарование Билла, а что же до нее самой... Ну, что тут говорить? Она ведь столько лет прожила одна, а потому даже простое осознание того, что в доме наконец появился мужчина, было приятно. Целебным бальзамом пролились на ее душу все самые обычные мелочи в его исполнении: вот он разлил им троим джин или взял и смазал кухонную дверь, отчаянно скрипевшую уже бог знает сколько времени, а потом отправился в сад воевать с сорняками. Да, пустяки, но они так греют душу, особенно если вспомнить, что она всегда и во всем привыкла полагаться только на себя.

– Не перетруждайся, Билл! – попыталась поначалу протестовать Сесили. – Доктор же велел тебе беречься.

– Ну, знаешь ли, не сильно я переработаю, если вырву пару сорняков на твоём лоскутке, именуемом садом. К тому же тебе ведь известно, что я в принципе не привык сидеть без дела.

– Уж это мне известно, как никому другому, – рассмеялась в ответ Сесили. Помнится, она и в прошлом много смеялась шутливым репликам мужа, остроумные комментарии которого всегда вызывали улыбку на ее лице.

– Ах, как бы я хотела снова увидеть Кению! – вздохнула она, взяв в руки книгу, которую недавно купила: «Зеленые холмы Африки» Эрнеста Хемингуэя. И невольно подумала, что на сегодня это, пожалуй, ее самое заветное желание.

* * *

В воскресенье Билл стал жаловаться, что скоро сойдет с ума от безделья, и тогда Сесили предложила всем вместе отправиться на океанское побережье, в Джоунз-Бич. Роза встретила ее инициативу

радостным визгом: она уже была там однажды вместе со Стеллой и даже впервые искупалась в океане.

Июньский день выдался жарким, и пляж был битком забит народом. Сесили устроилась в шезлонге, наблюдая с берега за тем, как Билл, Стелла и Роза весело плещутся в воде. Потом они устроили себе поздний обед в придорожном кафе, из окон которого открывался великолепный вид на океан.

– Ну как тебе здесь? Нравится? – поинтересовалась Сесили у Билла, который, стоя на террасе кафе, молча созерцал Атлантический океан.

– Конечно, и близко нельзя сравнить с девственно чистым, пустынным побережьем Момбаса с его пляжами, усыпанными белоснежным песком, но в остальном – вполне даже ничего.

Вечером Сесили выкупала Розу и уложила ее в кровать, после чего Билл рассказал малышке еще одну историю про сурикатов, обитающих в Африке, а Стелла тем временем принялась паковать свою дорожную сумку, чтобы быть наготове и успеть на поезд до Балтимора. После сытного и позднего обеда есть никому не хотелось, а потому Сесили ограничилась тем, что приготовила бутерброды и заварила свежий чай. Все трое уселись чаевничать перед отъездом Стеллы.

– Куйя, а у нас к тебе есть разговор, – неуверенно начала Стелла и, заметно нервничая, бросила взгляд на Билла. – Тут Билл напомнил мне, что ты не отдыхала целых двадцать три года. Это слишком долго! Прожить столько лет без единого выходного.

– И что с того? – Сесили метнула рассерженный взгляд на них обоих. – У меня все прекрасно, так что большое спасибо за заботу. Но у меня сейчас бездна свободного времени, ведь Роза стала ходить в школу.

– Пожалуйста, выслушай нас спокойно, ладно? – перебила ее Стелла. – Все эти годы ты ни разу не была в Кении, вот мы с Биллом и решили, что пора тебе съездить туда. Отправишься в путешествие вместе с ним и поживешь какое-то время на вашей ферме «Райский уголок».

– Звучит грандиозно, но только теоретически, – заметила Сесили. – А что будет с Розой?

– Билл любезно пообещал мне, что оплатит все расходы по содержанию няни для нее на те пару недель, что ты будешь отсутствовать. Да и я на выходных всегда дома. А прочие детали мы обмозгуем позднее.

– Но...

– Никаких «но», Куйя! Твоя встреча с Биллом после стольких лет разлуки лишней раз напомнила мне, сколько ты для меня сделала. Если кто из нас и заслуживает полноценного отдыха, так это только ты. Сама я тоже возьму отпуск на несколько дней, благо у меня скопилась уже куча отгулов, и займусь поиском подходящей женщины, которая будет присматривать за Розой в твоё отсутствие.

– Послушайте, вы оба! Как я понимаю, у меня нет даже права на свое мнение?

– Ты права, Куйя. Такого права у тебя нет. С каждым годом ты не становишься моложе, и если не отправиться в Кению прямо сейчас, то, скорее всего, в будущем у тебя уже не случится такой счастливой возможности. – Стелла протянула руки через стол и взяла за руки Сесили. – Сейчас, думаю, самое время. Решайся!

– Но как долго может продлиться эта моя вакация? Понимаю, сегодня добраться до Кении можно гораздо проще и быстрее, чем раньше, и все же в такое путешествие едва ли имеет смысл отправляться на какую-то неделю, я права?

– Мы тут прикинули, что твоя поездка может продлиться пару месяцев, – подал голос Билл.

– Пару месяцев?! А как же моя работа в школе? Мой сад?

– Я уже разговаривала с Розалиндой по телефону и обсудила с ней этот вопрос. Она тоже считает, что тебе надо ехать. Понимаю, тебе, может, неприятно об этом думать, но, поверь мне, незаменимых людей нет. У Розалинды сейчас работает на полставки какая-то молоденькая учительница, и она умирает от желания перейти на полную ставку.

– А что касается твоего сада, – снова вставил словечко Билл, – то я уже созвонился тут с одним агентством по найму прислуги, и они пообещали подыскать нам подходящую экономку, которая будет следить и за квартирой, и за твоим садом.

Сесили ошарашенно откинулась на спинку стула.

– Бог мой! Так вы двое уже все порешали у меня за спиной!

– Именно так! Можем же мы хотя бы раз в твоей жизни взять всю ответственность на себя. Ладно?

– Ладно! – устало бросила Сесили. – Но все же мне хотелось бы самой взглянуть на ту женщину, которая станет заботиться о Розе. Ты же знаешь, Стелла, какой несговорчивой она может быть временами. Еще придет какая-нибудь ведьма и начнет...

– Роза – моя дочь! Неужели ты думаешь, что я перепоручу своего ребенка заботам какой-то ведьмы? – перебила ее Стелла. – Мне уже двадцать восемь лет, не забывай об этом. К тому же в моей работе требуется умение хорошо разбираться в людях. Прошу тебя, положиись на меня, ладно? А сейчас мне пора, иначе я рискую опоздать на поезд. – Стелла поднялась из-за стола и нежно поцеловала Сесили в макушку. – Помни, мы все тебя любим. Пришло время немного расслабиться и отдохнуть, пожить хотя бы немного счастливой жизнью. Все! Ухожу! До следующей пятницы! – Стелла подхватила свою сумку и покинула кухню.

– Немного джина? – предложил Сесили Билл, услышав, как за Стеллой закрылась входная дверь, и, не дожидаясь ответа, поднялся со стула. – Я тут между делом заскочил в ваш винно-водочный магазин и пополнил домашние запасы спиртного, – добавил он, извлекая из буфета целую бутылку джина. – Твое здоровье! – Он добавил в стаканы с джином немного тоника и льда и протянул один стакан Сесили.

– И твое тоже! – откликнулась на тост Сесили и отхлебнула большой глоток из своего стакана. – Так все же я не могу высказать своего мнения по обсуждаемому вопросу?

– К сожалению, не можешь.

– Знаешь, я сейчас чувствую себя человеком, которого насильно похитили. А что, если я не захочу никуда ехать?

– Полагаю, очень даже захочешь, – улыбнулся в ответ Билл, и его улыбка показалась Сесили чересчур покровительственной. – Я же вижу, каким огнем вспыхивают твои глаза всякий раз, когда я завожу речь о Кении.

– Но я очень переживаю за Розу...

– Стелла правильно сказала, что она уже вполне взрослая и самостоятельная женщина, которая может всецело отвечать за собственную дочь. Ты же сама как-то сказала мне, причем с

сожалением, что они мало проводят времени вместе. Вот отличный повод для них обеих укрепить свои родственные связи.

– То есть когда меня не будет рядом с ними, да?

– Именно так. – Билл рывком поставил Сесили на ноги и взял ее за руки. – Всего лишь каких-то два месяца, Сесили. Только два месяца... Совсем немного времени, чтобы мы оба поняли, сохранился ли у нас хоть какой-то шанс снова стать супружеской парой не только на бумаге, но и во всех остальных смыслах. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю, – ответила Сесили, чувствуя, как краска затопила ей шею, а потом и лицо.

– Скажу тебе честно, когда я приехал сюда, то и подумать не мог о том, что у нас с тобой есть будущее. Но мне было так приятно находиться в твоём обществе, что постепенно меня стала пугать даже сама мысль о том, что я уеду и оставлю тебя здесь одну. С учетом всего, через что пришлось пройти каждому из нас, думаю, мы вполне заслужили шанс провести какое-то короткое время вместе, разве не так? Если, конечно, мой приезд сюда и те несколько дней, что я провел под крышей твоего дома, не превратились для тебя в сущий ад. Может, ты ждешь не дождешься, когда же наконец за мной захлопнется входная дверь... Если это так, то скажи мне об этом прямо сейчас, но если нет, то...

Сесили опустила глаза.

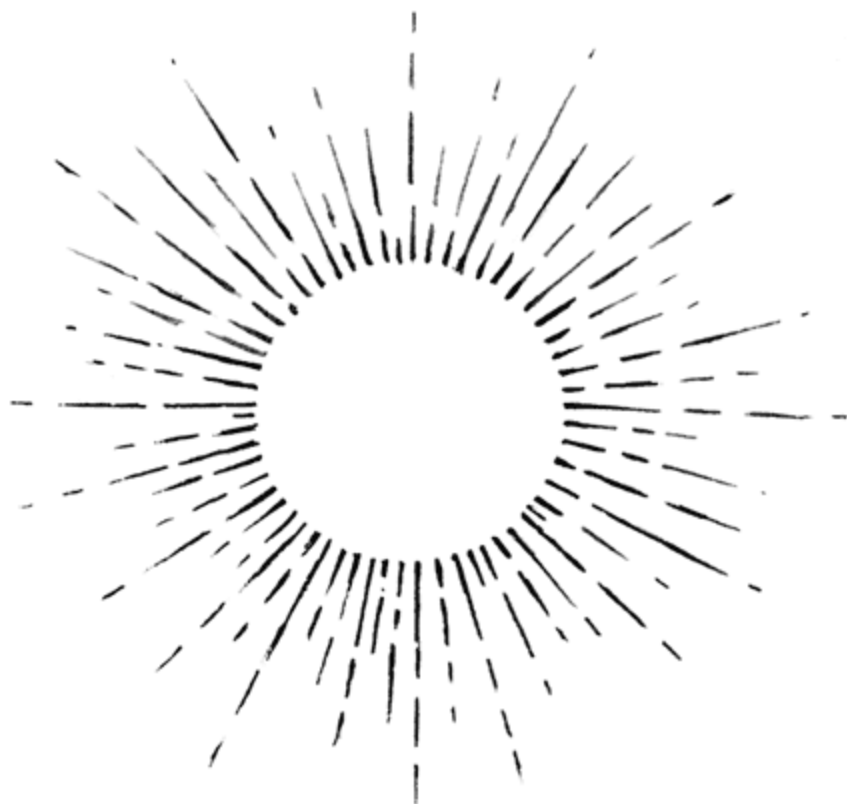
– Нет, это не так.

– Вот и отлично! Тогда у нас есть план. Должен признаться, мое решение навестить тебя в Нью-Йорке – это, пожалуй, самое лучшее решение в жизни.

Билл наклонился к жене и поцеловал ее, впервые за минувшие двадцать три года.

Электра

Бруклин, Нью-Йорк
Июнь 2008 года

50

– Итак, как только были найдены подходящие няня и экономка, Сесили вместе с Биллом отправились в Кению, – окончила свой рассказ Стелла.

– Что ж, тогда у этой истории стопроцентно *счастливый конец*, и, думаю, эта женщина его вполне заслужила, – сказала я. – Особенно, если вспомнить, как ей далась моя мама. Кстати, Роза очень напоминает меня саму в детстве.

– Ничего не могу тебе сказать, Электра, на сей счет. Я ведь не видела, как ты росла и взрослела. Но я никогда не прощу себе, что и с

Розой я тоже не оказалась рядом, когда была нужна ей.

– Но ты ведь была работающей мамой, к тому же матерью-одиночкой, что чертовски трудно, трудно вдвойне.

– Да, это было непросто. Но миллионы матерей по всему миру справляются с этой ношей довольно успешно. К сожалению, я не справилась.

– А Сесили с Биллом вернулись обратно в Америку? – спросила я, сгорая от нетерпения получить ответ на свой вопрос, прежде чем мы перейдем к главному и, если судить по выражению лица Стеллы, не самому счастливому продолжению семейной истории. То есть нам с ней предстоит ловить рыбку в еще более мутной воде.

– Нет, сюда они больше не вернулись.

– Почему?

– Вначале причины были весьма позитивные: вернувшись в Кению, Сесили действительно почувствовала себя по-настоящему счастливой. Во всяком случае, такой счастливой я ее никогда не видела. Все же им с Биллом удалось стать по-настоящему счастливой супружеской парой, хотя и ненадолго. Однако, к великому сожалению, ничто в этом мире не длится вечно.

– Билл умер от очередного сердечного приступа, да?

– Да, в конце концов он умер именно из-за проблем с сердцем. Но первой я потеряла свою дорогую и любимую Сесили. Они решили растянуть ее отпуск до полугода и отправились путешествовать по Африке. Они уже были на пути в Египет – Сесили ведь всегда мечтала увидеть своими глазами знаменитые пирамиды, и вот, проезжая через Судан, она почувствовала первые признаки недомогания. Надо сказать, что у них украли их дорожные аптечки и остальные пожитки, и они очутились без ничего, затерянные неизвестно где. Когда Биллу все же наконец удалось доставить ее в больницу, было уже слишком поздно, и Сесили скончалась спустя пару дней.

– Не может быть! – Я даже вздрогнула от неожиданности и увидела, что глаза моей бабушки мгновенно наполнились слезами. – И что это было?

– Малярия, самая обычная малярия. Если бы Сесили своевременно получила необходимую медицинскую помощь, она наверняка бы выжила, но... – Стелла сглотнула комок, подступивший к горлу. – Она умерла у Билла на руках... Перед смертью попросила его,

чтобы он сказал мне, как сильно она меня любила... Я... Прошу простить меня...

Я сидела молча, став невольным свидетелем огромного безутешного горя, которое не притупилось с годами, хотя с той поры прошло уже столько лет.

– Когда мне сообщили эту страшную новость, то, помню, в самую первую минуту я хотела тоже умереть, – продолжила после некоторой паузы Стелла. – Мне трудно объяснить тебе, что значила для меня эта женщина... И что она сделала для меня, практически пожертвовав всем... Единственное, что могло послужить, пусть и слабым, но утешением, это то, что она была рядом с Биллом и что до этого они вместе провели чудесных шесть месяцев. Она умерла в своей любимой Африке, куда и мечтала снова вернуться, умерла рядом с человеком, которого любила.

Хотя я никогда не знала эту замечательную женщину, так кардинально повлиявшую на жизнь моей бабушки, да и на мою жизнь тоже, я почувствовала, что и сама на грани слез.

– Через какое-то время Билл снова прилетел в Штаты, привез урну с ее прахом, который мы рассеяли рядом со Статуей Свободы. Я посчитала это правильным, потому что Сесили родилась на Манхэттене и сделала все от себя зависящее, чтобы я тоже стала свободным человеком. Какое-то время Билл пожил вместе с нами; он сильно сдал после смерти Сесили, можно сказать, постарел буквально на глазах за эти несколько месяцев. Но Билл по своей натуре никогда не был городским человеком, шумный Бруклин не мог стать для него родным домом, а потому через какое-то время он снова вернулся в Кению. Продал свою ферму «Райский уголок» и купил себе небольшой дом возле озера Наиваша. Спустя пять лет я получила телеграмму с извещением о его смерти. Меня также уведомили, что Билл оставил мне все, что у него было. В завещании особо оговаривалось, что таково было пожелание Сесили.

– Думаю, он поступил правильно, – согласилась я. – Давай я заварю тебе еще чашечку чая.

– Не надо. Спасибо, милая, со мной все в порядке.

Я замолчала, понимая, что Стелле нужно какое-то время, чтобы успокоиться и прийти в себя. Своим непоказным горем она только что преподала мне хороший урок: кажется, я впервые поняла, что

материнская любовь – это не обязательно и далеко не всегда любовь родной матери. Сколько раз я закатывала скандалы Ма, воевала с ней не на жизнь, а на смерть... Помню, даже однажды, охваченная яростью, выкрикнула ей прямо в лицо, что она не имеет права командовать мною и приказывать немедленно идти в свою комнату, потому что она мне не мать. А сейчас вот до меня дошло наконец-то, что любая родная мать повела бы себя точно так же, как Ма, пытаюсь обуздать мой неукротимый нрав и положить конец моим в высшей степени возмутительным выходкам. И в эту минуту я почувствовала прилив такой огромной любви и нежности к нашей Ма, которая всегда была воплощением поистине ангельского терпения и безмерного сострадания.

– Прости меня, Электра. Но я готова продолжить, если ты готова слушать.

– Готова, но при одном условии: если ты считаешь, что сможешь продолжать. Что мешает нам отложить разговор до другого раза? Мне ведь совсем нетрудно заглянуть к тебе снова.

– Полагаю, что не стоит нам откладывать это на потом, если ты не возражаешь. Да и конец нашей истории уже совсем близок. – Стелла сделала глубокий вдох. – В первые годы после смерти Сесили в нашей жизни мало что изменилось. Разве что у Розы за это время поменялось множество нянек: все женщины уходили, проработав у нас всего лишь несколько месяцев. Никто из них не смог совладать со столь непослушным ребенком. Если вспомнить, что Билл оставил мне приличное наследство, то я вполне могла бы бросить работу и всецело сосредоточиться на воспитании Розы. К своему стыду, я даже не стала рассматривать такой вариант, заранее зная, что я на это не пойду. Спокойная, размеренная жизнь с чашечкой кофе по утрам и участием в работе родительского комитета – нет, это все не для меня! Я нутром чувствовала: такое существование я не смогу долго выдержать. А если уж говорить совсем начистоту, Электра, то во мне, скорее всего, не было того самого врожденного инстинкта материнства, который присущ большинству женщин. Не то что я говорю это в свое оправдание, на свете много женщин, у которых этот инстинкт тоже отсутствует, однако они исправно выполняют свои материнские обязанности, нравится ли им это или нет, я же предпочла уклониться от этих обязанностей.

Стелла снова замолчала, а я стала мысленно прикидывать, есть ли во мне самой этот самый врожденный материнский инстинкт. До сего момента я как-то никогда не задумывалась над этим. Во всяком случае, желания обзавестись ребеночком у меня никогда не возникало, но тут я вспомнила своего маленького племянника Бэра: от него так приятно пахло, и мне доставляло удовольствие держать его на руках... Наверное, какая-то тяга к материнству у меня все же присутствует.

– Электра, с тобой все в порядке?

– Да, все в полном порядке. Прости, просто задумалась вдруг о своем и выпала на пару секунд.

– Если хочешь, чтобы я прервала свое повествование, только скажи.

– Нет, не хочу. Все хорошо. Продолжай.

– Ситуация окончательно испортилась, когда Розалинда сказала мне, что они больше не могут держать Розу у себя в школе. Дескать, она дурно влияет на других учащихся, к тому же она не может ни на чем сконцентрироваться. Слова Розалинды сразили меня наповал. Ведь она же была крестной матерью Розы, и, коль скоро она напрямую заявила мне, что у нее больше нет доверия к моей дочери, это означало лишь одно: меня ждут очень непростые проблемы с собственным ребенком.

– Как я понимаю из твоих слов, школа, которую посещала Роза, это была такая типичная академическая школа. Может, следовало подыскать какой-то другой тип учебного заведения, который бы ей подошел? – Внезапно мне захотелось встать на защиту своей матери. – Я по собственному опыту хорошо знаю, как трудно приходится в таких школах.

– Собственно, то же самое, только несколькими иными словами, сказала мне и Розалинда, в итоге я подыскала для дочери другую школу, в которой и требования были ниже, и нагрузки поменьше. – Стелла невесело рассмеялась. – Разумеется, Роза воспользовалась всеми послаблениями по полной. Помню, вернувшись однажды домой на выходные, я застала прямо в холле ее очередную няню уже в пальто и с чемоданом наготове. Оказывается, Роза проторчала всю неделю дома: целыми днями смотрела телевизор и ела свои любимые хлопья, а няне сказала, что на этой неделе ей в школу ходить не надо. А когда нагрянули из школы, чтобы выяснить, куда запропастилась их ученица,

Роза не растерялась и тут же процитировала этим людям одно из правил их же собственного устава, согласно которому все учащиеся обучаются в школе на добровольной основе, и к тем ученикам, которые не посещают уроки, нельзя применять никаких административных мер.

– О, да моя мама очень и очень похожа на меня саму, – пошутила я и улыбнулась. – На ее месте я повела бы себя точно так же.

– Но вся разница в том, Электра, что у тебя была семья, крепкая семья, с женщиной, которая любит тебя, как мать, с отцом, который всегда подставлял тебе плечо, когда ты оступалась и падала. А Роза была всего этого лишена, частично в силу ряда обстоятельств, но еще в большей мере – по моей вине. После смерти Сесили меня захлестнули амбиции и неумное желание добиться того успеха, о котором она всегда мечтала для меня. Когда Билл оставил мне наследство, я как раз была на подъеме, а потому уже не могла остановиться. Точнее, снедаемая собственным честолюбием, не захотела сделать этого, – поправила сама себя Стелла. – Розе на тот момент уже исполнилось десять лет. За минувшие пять лет она сменила и не упомню, сколько нянь и четыре или пять школ. Правда, один раз я все же взяла отпуск на целый месяц и весь этот месяц провела вместе с ней, пытаюсь как-то наладить учебный процесс, но ничего у меня не вышло. Я готова была сойти с ума, настолько неуправляемой была моя дочь. Тогда я снова обратилась за советом к Розалинде, и та порекомендовала мне отправить Розу в закрытую школу-интернат. Мы нашли подходящее место в Бостоне, там как раз занимались обучением трудных детей.

– Проще говоря, тех, кого отбраковали в обычных школах, да?

– Не совсем так, Электра. Выражаясь их слогом, «детей с проблемным поведением». Поначалу Роза восприняла саму идею поехать туда весьма положительно: ей уже до чертиков надоело торчать дома с приходящим учителем и с мамой под боком. Да я и сама была на грани нервного срыва. Мы отправились с ней на собеседование: там ей устроили всестороннюю проверку, включая IQ. Само собой, коэффициент ее интеллекта был гораздо ниже нормы. Как заявили мне тамошние педагоги, с трудными детьми такое случается сплошь и рядом. Они разработали для нее специальную программу ускоренного обучения, и в итоге она-таки отправилась в Бостон. Первые три года дела вроде шли вполне нормально: в школе сумели

создать для нее такую атмосферу, что Роза почувствовала собственную востребованность, она ощутила некую стабильность и защищенность и даже обзавелась там друзьями. И в это же самое время мне неожиданно поступило приглашение из Организации Объединенных Наций. Они прочитали мой доклад по проблемам апартеида в Южной Африке, с которым я выступила в Колумбийском университете. На тот момент в ООН как раз занимались созданием специального Центра по борьбе с апартеидом. Словом, меня пригласили на собеседование. Можешь себе представить, Электра, как я была взволнована: сама мысль о том, что я могу стать составной частью самой влиятельной международной организации, борющейся повсеместно за права человека, это, как говорится, был предел моих мечтаний. Они как раз подбирали себе команду, которая в письменной форме обобщила бы все те факты нарушений прав и свобод, которые им удалось собрать, с последующей публикацией их доклада в прессе. С одной стороны, мне предлагали заняться как бы вспомогательной работой, но с другой – я понимала, что работа в ООН откроет для меня совершенно новые перспективы. Так оно и случилось впоследствии. Последующие несколько лет прошли в сравнительно спокойной обстановке. Штаб-квартира ООН располагается на Манхэттене, а это значит, что Роза могла все каникулы проводить дома вместе со мной, и я каждый день самолично готовила ей ужин. Словом, наша с ней жизнь почти наладилась, но тут подоспел подростковый возраст: половая зрелость и все такое прочее.

– О, это все старо, как мир! Твоя маленькая непослушная девочка вдруг превращается в бурлящий котел гормонов, – понимающе кивнула я головой, вспомнив, как буйствовала сама, вступив в период полового созревания и закатывая домашним такие скандалы, которые не шли ни в какое сравнение со всеми теми бесчинствами, которые я вытворяла в детстве.

– Тогда тебе нетрудно представить, что наша квартира превратилась в сущий ад: стены сотрясались, когда Роза принималась стучать ногами об пол, вопить во весь голос или хлопать дверью в своей комнате. А потом мне позвонили из школы и сообщили о том, что она куда-то исчезла; одна из ее подружек сказала, что у нее якобы появился мальчик здесь, в Нью-Йорке, с которым она встречается, когда приезжает домой. Но в конце концов ее все же обнаружили:

сидела в парке, курила и пила бурбон. А «мальчик» оказался взрослым парнем лет двадцати, но твоя мама... Надо сказать, что она была редкостной красавицей, даже гораздо красивее тебя, рискну я заявить. У нее были необыкновенные глаза, которые буквально завораживали, источая поистине колдовские чары; и на этот немой призыв немедленно сбегались все окрестные двуногие коты. Одевалась она, да и выглядела как вполне уже взрослая восемнадцатилетняя девица, хотя на самом деле ей было всего лишь четырнадцать. Спустя какое-то время я получила из школы уже официальную бумагу, в которой меня извещали, что они более не могут держать Розу в своих стенах, и она снова вернулась в Нью-Йорк. Ни одна из тех школ, в которых она обучалась ранее, не согласилась принять ее для продолжения учебы, прежде всего, из-за ее плохой успеваемости и провалов по части поведения. Пришлось мне отправить ее в местную школу рядом с домом. Там она быстро связалась с плохой компанией... Впрочем, ее всегда тянуло к плохим ребятам...

– Как и всех нас. – Я шутливо округлила глаза. – Разве не так?

– А когда Розе исполнилось шестнадцать, я полностью утратила над ней контроль. Она бросила школу и днями шаталась по Бруклину в компании своих новых приятелей. Я заподозрила, что дочь подселла на наркотики, потому что она часто возвращалась домой в экзальтированно приподнятом настроении, а потом она и вовсе стала пропадать на всю ночь, и я понятия не имела, где она и с кем. Постепенно я стала замечать, что она стремительно теряет вес, это как раз совпало с появлением на улицах наших городов очень сильного наркотика под названием крэк-кокаин. Клянусь тебе, Электра, я много раз пыталась, изо всех сил пыталась поговорить с ней, объяснить, какую угрозу таят в себе наркотики, но она и слушать меня не хотела.

– Понимаю, – тихо обронила я. – Взгляни на меня! Я ведь тоже никого не хотела слушать.

– В конце концов все закончилось тем, что несколько раз ее приводили домой копы; дальше – больше: Розу обвинили в какой-то мелкой краже. Вроде она подворовывала в супермаркетах, а потом продавала все это на улице, чтобы раздобыть себе деньги. Я внесла за нее залог, чтобы ее выпустили до суда, наняла адвоката, который защищал ее интересы в суде. Перспектива оказаться в тюрьме немного остудила ее, на какое-то время она утихомирилась и даже стала больше

времени проводить дома. Немного выпивала, но, как мне казалось, с наркотиками на тот момент она завязала. Суд вынес ей предупреждение, пригрозив, что еще один привод в полицию обернется для нее реальным тюремным сроком в колонии для несовершеннолетних. А потом...

Стелла замолчала, нервно сцепив руки, и в глазах ее отразилась такая невыразимая боль...

– А потом она исчезла. Спустя всего лишь неделю после окончания слушаний в суде вышла вечером погулять и не вернулась. Больше я ее никогда не видела.

– А ты искала ее?

– Конечно, искала! – Стелла повернулась ко мне, и по ее глазам я поняла, что мой вопрос разозлил ее. – Можно сказать, я перевернула вверх дном весь Бруклин и Манхэттен, занимаясь ее поисками! Я побывала практически на всех избирательных участках и везде показывала фотографию Розы, расклеила объявления о ее пропаже на всех столбах в нашей округе, я обошла все гетто, все значные места, в которых торговали крэком, облазила все притоны с их бурной ночной жизнью, которые мне только удалось найти. Безрезультатно! Все мои поиски не увенчались ничем. Роза словно в воду канула. Я продолжала искать ее в течение двух лет: днями работала в штаб-квартире ООН, а ночами методично обходила улицу за улицей в надежде найти дочь. Мне казалось невероятным, что человек может вот так просто взять и бесследно исчезнуть, раствориться в воздухе, не оставив после себя никаких зацепок. Но именно так и произошло с твоей мамой. Клянусь тебе, Электра, в этом городе не осталось ни одного камня, который бы я самолично не перевернула, чтобы посмотреть, что там под ним.

– Я верю тебе, Стелла. – Я старалась говорить как можно мягче. – И что потом? – Я уже поняла, что мы приближаемся к развязке нашей истории и собралась с силами, чтобы выслушать самое страшное. – Когда ты узнала, что Розы больше нет?

Стелла судорожно сглотнула слюну.

– По правде говоря, только год с небольшим назад, когда твой отец вышел со мной на связь и попросил о встрече здесь, в Нью-Йорке. Тогда он рассказал мне, что долгое время пытался напасть на след твоих кровных родственников. Он сказал, что знает о том, что скоро умрет, а потому торопится. Ему хотелось оставить тебе

прощальное письмо с подробностями, откуда ты родом и где твои корни. Он снова наведаясь в Хейл-Хаус, где и нашел тебя когда-то, встретился с дочерью Клары Хейл, а та, в свою очередь, свела его с женщиной, которая работала в приюте как раз в то время, когда тебя туда доставили. Кстати, именно та женщина, как выяснилось в разговоре с ней, и приняла тебя в ту роковую ночь. Она даже помогла найти регистрационную книгу с записью, в которой точно указывалось время твоего прибытия. Но и здесь тоже не было никаких подробностей о твоей матери. Единственное, что удалось ей вспомнить, так это то, что тебя привез мужчина. Она не раз видела его шатающимся по округе и знала, что он тоже из наркоманов. Твой отец спросил у нее, не помнит ли она, как звали этого парня, и она ответила, что, если ей не изменяет память, его звали Мики. Твой отец провел интенсивные поиски и в итоге вышел на его след через Абиссинскую баптистскую церковь в Гарлеме. Этот человек полностью преобразился, пришел к вере и к Богу и в настоящее время подвизается в качестве проповедника-мирянина при этой же церкви. Но я, Электра, на тот момент ничего об этом не знала, – снова напомнила мне Стелла. – Так вот, Мики, или Мишель, как его теперь называют, рассказал твоему отцу то небольшое, что помнил о твоей матери.

– Мишель – мой отец? – спросила я с надеждой в голосе.

– Нет. Так получилось, что они вместе с Розой тусовались в одном наркопритоне. На момент их знакомства Роза уже была беременна. Полиция регулярно совершала рейды по всем этим злачным местам, а потому наркоманы были в постоянном поиске надежных укрытий, перемещаясь из одного места в другое. Чаще всего они находили себе пристанище в заброшенных домах, которых полно вокруг Манхэттена. В одном из таких домов они и оказались вместе, и тут у Розы начались роды. Подробностей он, конечно, не помнит, так как в тот момент пребывал в наркотическом опьянении, но хорошо помнит, что ты начала громко верещать. По его словам, орала как оглашенная, он испугался, что на твои крики нагрянет полиция, а потому схватил тебя на руки и поволок в Хейл-Хаус.

– А что... – Я запнулась, не в силах закончить фразу. – А что случилось с моей матерью?

– Я... – Бабушка взяла меня за руку и крепко сжала ее. – Прости меня, Электра, за все! И за то, что я собираюсь сказать тебе. Когда

Мики вернулся назад, он обнаружил, что Роза истекает кровью. Он сразу же понял, что она умирает, а потому он вместе с другими наркоманами... Они просто взяли и... ушли. Оставили ее умирать в одиночестве. Правда, он сказал, что зашел в ближайшую телефонную будку и сделал анонимный звонок на номер 911. Но он считает, что, скорее всего, Роза уже умерла на момент прибытия «Скорой помощи». Господи, прости, что я вынуждена говорить тебе такое... И прости за то, что меня там не было, ведь я должна была быть рядом со своей любимой дочерью.

– Но ведь ты же не знала, Стелла, где она.

– Спасибо за слова поддержки, Электра, но это слабое утешение. Когда твой отец поведал мне всю правду, я думала, что сойду с ума. Сама мысль о том, что моя маленькая девочка умирает одна, на грязном полу в каком-то вонючем притоне...

– Да, это ужасно...

Мы обе погрузились в затяжное молчание. Я нарушила молчание первой.

– Получается, что конец у этой истории несчастливый.

– Да, для Розы – очень несчастливый, но я надеюсь, *очень надеюсь*, что тот факт, что мы с тобой в конце концов обрели друг друга, послужит нам хоть каким-то утешением. Право же, мне очень жаль, что я вынуждена поделиться с тобой этой грустной историей в такой момент, когда тебе и самой приходится очень непросто.

– Но как папе удалось узнать, что мы с тобой родственники?

– Это все Мишель. Все же он несколько недель тусовался с Розой в одной компании. Вначале он вспомнил ее имя, а потом припомнил, как она рассказывала ему, что ее мама занимается какой-то очень важной работой в ООН. И даже вспомнил, что она называла ему имя матери: Стелла. А имя он запомнил потому, что так называлась марка его любимого пива. – Стелла грустно улыбнулась. – И вот, вооружившись полученной информацией, твой отец снова занялся поисками. Год твоего рождения он знал, ему его сообщили в Хейл-Хаусе, оставалось только навести справки в штаб-квартире ООН, работала ли у них женщина по имени Стелла в 1982 году. Спасибо Сесили за то, что она дала мне такое редкое имя: в отделе кадров твоему отцу сообщили, что, по их записям, у них числятся только две женщины с именем Стелла, причем одна из них уже умерла. Как

только он узнал мою фамилию, остальные мои данные он нашел через интернет и написал мне. Все остальное ты уже знаешь.

– Я... – Оставалась не проясненной еще *одна деталь*. Мне было тяжело спрашивать об этом, но я знала, что должна задать свой вопрос.

– Но после того как они обнаружили ее тело и... – я запнулась, задыхаясь от нехватки воздуха, – и отвезли ее в морг, должны же они были попытаться отыскать ее родственников?

– В те годы, Электра, что ни день, в окрестностях Манхэттена обнаруживали тела молодых наркоманов. А по закону власти могут хранить неопознанное тело только сорок восемь часов. И если в течение двух суток не объявляется никто из родни, чтобы забрать тело и предать его земле, они сами хоронят его.

– Боже мой, так быстро! – выдохнула я. – И где же ее похоронили?

– Мы с твоим отцом посетили несколько контор, занимающихся актами записи гражданского состояния, что находятся на Уорт-стрит, чтобы прояснить картину. Дату смерти Розы мы знали, потому что она умерла в день твоего рождения, зафиксированный в книге поступления в приют Хейл-Хаус. В одной из контор клерк подтвердил нам, что действительно в ту ночь, согласно полицейским сводкам, неопознанное тело молодой чернокожей женщины было доставлено в городской морг. Поскольку... поскольку я на тот момент не могла участвовать в опознании тела, то, согласно существующему положению, полиция штата Нью-Йорк осуществила захоронение неопознанного тела наряду с другими такими же телами на кладбище острова Харт-Айленд в Бронксе. По правде говоря, у меня пока так и не хватило духу наведаться туда.

– Понятно, – коротко обронила я, растерянно соображая, чего мне больше хочется в эту самую минуту: заплакать или проблеваться. Кажется, я сыта по горло всем, что только что узнала. – Стелла, ты не возражаешь, если я сейчас вызову такси и отправлюсь к себе домой? Мне надо... мне надо какое-то время, чтобы все обдумать...

– Конечно, конечно, – поспешила согласиться со мной Стелла. Я взяла свой мобильник и сделала соответствующий звонок. – Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Да, уверена. Во всяком случае, я должна держаться, разве не так? Особенно теперь, когда я знаю всю правду.

– Что я могу для тебя сделать? Только скажи мне! Пожалуйста... Только скажи!

– Хорошо, если что-то понадобится, скажу. Один последний вопрос. Ты сказала, что в тот момент, когда я появилась на свет, ты была в Африке?

– Да, так оно и было. Меня пригласили поучаствовать в одной строго конфиденциальной, можно сказать, секретной миссии ООН по сбору информации о фактах апартеида в Южной Африке. На тот момент Роза уже числилась пропавшей более двух лет, и, как ты понимаешь, я согласилась. Конечно, если бы я знала, где она и что с ней, то, клянусь тебе, Электра, я была бы рядом с ней... ради нее и ради тебя. А так... Жизнь продолжалась, мне надо было двигаться вперед, и я... я уехала.

– Ладно! – кивнула я в знак согласия. В дверь позвонили, значит, приехало такси.

– Пожалуйста, сообщи мне, когда ты снова захочешь увидеться со мной. Понимаю, тебе потребуется время, чтобы переварить все услышанное, но я просто хочу быть рядом с тобой, и мне важно, чтобы ты об этом знала, – сказала Стелла, провожая меня к входной двери. – Просто позвони и скажи, что хочешь встретиться со мной.

– Обязательно позвоню.

Стелла протянула руки, чтобы обнять меня, но я поспешно отвернулась и открыла дверь. Мне хотелось поскорее выйти на воздух: хотя бы один глоток чистого воздуха, и я снова готова вернуться в день сегодняшний.

– До свидания, Стелла, – бросила я, не поворачивая головы, и сбежала по ступенькам крыльца к ожидавшей меня машине.

51

Дома меня ждали на кухне Мариам и Лиззи.

– Привет, – устало поздоровалась я с ними.

– Все нормально, Электра? – спросили они одновременно, немедленно подхватившись со своих мест, и поспешили вслед за мной, а я решительным шагом направилась к себе в спальню.

– Да, все хорошо, – коротко бросила я в ответ. – Но мне нужно немного поспать.

С этими словами я захлопнула дверь прямо у них перед носом. Да, конечно, непозволительно грубо, но я просто физически не вынесла бы даже одной лишней секунды разговоров. Я кое-как сбросила с ног кроссовки, стянула с себя джинсы и рухнула на кровать, потом нажала на кнопку пульта управления, чтобы опустить жалюзи, и закрыла глаза.

* * *

– Электра? – услышала я чей-то знакомый голос, окликающий меня, и даже застонала, пытаюсь очнуться от, пожалуй, самого глубокого сна в своей жизни.

– Да, – пробормотала я в ответ.

– Это я, Лиззи. Вот зашла проверить, все ли с тобой в порядке.

– Все в порядке... просто спать очень хочется...

– Хорошо! Но только уже двенадцатый час.

– Ночи?

– Нет, дня. Ты проспала где-то около четырнадцати часов, и мы с Мариам уже начали беспокоиться.

– У меня все хорошо. Я прекрасно себя чувствую, – ответила я с некоторым нажимом в голосе, испугавшись того, что они, быть может, заподозрили, что меня снова потянуло на наркотики.

– Полежишь еще? Или принести тебе кофе? Я тут купила свежих рогаликов и копченого лосося.

Лежа в постели, я вдруг почувствовала, что страшно проголодалась. Просто умираю с голоду.

– О, звучит заманчиво! Спасибо, Лиззи.

Я подняла жалюзи и зажмурилась от яркого солнца. За всю свою жизнь не припомню, чтобы я спала так долго. Может, это мой мозг постарался, решил отключить меня на время, чтобы я немного отдохнула и привела себя в порядок после всего, что услышала вчера. К своему вящему удивлению, я обнаружила, что моя реакция на вчерашние откровения весьма даже позитивная и в целом я чувствую себя гораздо лучше, чем можно было бы ожидать. Собственно, я даже ощутила некоторое облегчение после того, как узнала правду. И, несмотря на то что правда оказалась страшной, я тем не менее

мысленно возрадовалась тому, что мне повезло жить уже совсем в другое время, когда цвет кожи не является тем решающим фактором, который определяет твоё будущее. А самое главное – что мне все же как-то удалось сойти с той дорожки, по которой когда-то шла моя мать.

Так я лежала на кровати, размышляя о своей наследственности: где-то я читала, что всякого рода зависимости могут тоже передаваться по наследству. И тут же подумала про Стеллу: у нее ведь в жизни одна зависимость – это ее работа. Всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы сделать лучше окружающий нас мир. Лишний раз я напомнила себе о том, какая сильная личность моя бабушка, как она всегда спокойна и хладнокровна. Остается лишь надеяться, что какие-то ее гены передадутся и мне. А если что-то я унаследовала и от своей родной мамы, то ведь тут стоит напомнить себе, что в глубине души я всегда хотела быть хорошей девочкой, а не плохой. Конечно, мой бурный темперамент время от времени давал о себе знать... Получается, что в моем характере намешено и от матери, и от бабушки. Что ж, такая смесь меня вполне устраивает.

Что же до того мужчины, который оплодотворил мою мать и поспособствовал моему появлению на свет... Полагаю, я вряд ли когда-нибудь узнаю о том, кто он такой, и это тоже меня очень устраивает. В конце концов, у меня же с самого начала был отец, самый фантастический отец на свете. Человек, который приложил столько усилий, чтобы отыскать моих кровных родственников. Па Солт хотел, чтобы мне было на кого опереться, когда его не станет. И он сделал все как положено, добившись успеха и в этом своем предприятии.

– А вот и ваш завтрак, мадам. Прямо в постель. Но вы вполне заслужили такую привилегию, – пошутила Лиззи, входя в мою спальню с подносом, на котором стоял кофейник с горячим кофе, чашка, тарелка с двумя кусочками копченого лосося и вазочка со свежайшими рогаликами с творогом и сливками.

– А почему заслужила? – озадаченно переспросила я.

– Тут твоя бабуля оборвала телефон. Вчера звонила по крайней мере раз десять, и сегодня с утра уже было три звонка от нее. Разумеется, посвящать меня во все подробности она не стала, только попросила, чтобы я присматривала за тобой. Но голос у нее, Электра, был очень озабоченный.

– Да, понятное дело. Вчера она мне много чего порассказала неприятного о моей маме, да и про других моих предков тоже. – Я подавила тяжелый вздох.

– Что ж, когда созреешь, – сказала Лиззи, наливая мне в чашку кофе, – я к твоим услугам и готова выслушать в любое время. Рогалик будешь?

– Буду. А почему сама не берешь? Я ведь все это не осилю.

– Кто знает, может, войдешь во вкус и съешь оба. И потом не забывай, это я тебя кормлю, а не наоборот. – Лиззи шутливо подмигнула мне. – Кстати, тут Мариам рассказала мне, что тебя вчера в парке ограбили. Ты уже связалась с полицией?

– А какой смысл? Да они и ухом не поведут, когда узнают, что у какой-то богатенькой девчонки сорвали с руки «Ролекс», будто ты сама не знаешь? А потом еще и сами же купят у преступников мои часы за одну сотую от их реальной стоимости.

– Думаю, Электра, тебе пора всерьез озаботиться тем, чтобы обзавестись собственным охранником. Ты же знаменитость, селебрити мирового уровня. У нас в Лос-Анджелесе такие люди, как ты, и носа не кажут на улицу без сопровождения охраны. Прости, если мой назидательный тон покажется тебе не совсем уместным, и все же, прошу тебя, подумай над моим предложением хорошенько. А сейчас оставляю тебя завтракать в тишине и покое. Если что понадобится, зови меня.

Я с наслаждением выпила чашку кофе и, вопреки собственным прогнозам, с большим аппетитом умяла оба рогалика. И снова подумала, как же это хорошо, что у меня появилась жиличка: к тому же, Лиззи, как никто другой, умеет мастерски создать вокруг себя атмосферу материнского тепла и домашнего уюта. Рядом с ней я чувствую себя в полной безопасности, знаю, что нахожусь под должным присмотром. Надеюсь, она еще долго пробудет у меня, потому что ее постоянное присутствие в моем доме мне очень нравится. Потом я подумала над ее словами и пришла к выводу, что она абсолютно права. Сюзи уже сто раз повторяла в разговорах со мной, что мне нужен телохранитель. Однако сама мысль о том, что рядом со мной будет неотступно находиться какой-то посторонний человек, который станет отслеживать каждый мой шаг, всегда приводила меня в ужас. Но тут я вспомнила одну свою идею и,

воодушевленная, поспешила в душ. Помывшись, натянула на себя спортивные штаны и майку и направилась на кухню. Мариам, как всегда, прилежно трудилась за своим ноутбуком.

– Доброе утро, Электра, – поздоровалась она со мной. – Вернее, добрый день, – улыбнулась она. – Скажете мне, когда у вас найдется минутка, чтобы поговорить пару минут о делах. На меня сегодня вышла та женщина, у которой есть свой кооператив по производству эко-тканей. Ее очень обрадовала перспектива возможного сотрудничества с вами.

– Замечательная новость! – воскликнула я. – Кстати, – я взглянула на Лиззи, которая зашла на кухню, держа в руках поднос с моим завтраком, – кто-нибудь из вас видел сегодня утром Томми?

– Я не видела, – откликнулась Лиззи. – И когда спускалась вниз, чтобы забрать провизию, которую нам привезла служба доставки, на улице тоже никого не было.

– Я уже начинаю немного волноваться, – встревоженно обронила я. – Лично я не видела Томми уже почти неделю. Это на него совсем не похоже. А мне надо срочно переговорить с ним, хочу предложить ему одну работу.

– Какую работу? – тут же поинтересовалась у меня Лиззи.

– Хочу, чтобы он поработал моим телохранителем. Собственно, он и так, по своей доброй воле, выполнял эти обязанности. Думаю, не откажется продолжить делать то же самое, но уже за деньги. Хотя, конечно, насколько я знаю, он военный ветеринар, наверняка не бедствует и...

Я замолчала, потому что в эту минуту Мариам вскочила со своего стула и опрометью выбежала из кухни в холл. Послышался громкий стук дверью в гостевой ванной комнате.

Я ошарашенно уставилась на Лиззи.

– Я что-то не так сказала?

– Хм... Может... – Лиззи замялась, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Что?

– Да ничего. Но, думаю, тебе лучше самой поговорить с Мариам. Не моего ума это дело. Хорошо! Я пошла в гостиную. Буду ждать звонка от адвоката, которого мне подыскал Майлз. До скорого.

Я в смятении уставилась в окно, но тут меня осенило.

– Электра! Какая же ты круглая дура! – выругала я себя, потому что все вдруг встало на свои места. Как говорится, пазл сложился сам собой. Ведь то признание из уст Томми, которое я услышала на собрании анонимных алкоголиков и приняла его в свой адрес... – Мисс самовлюбленная дурочка! Вот кто ты! – прошептала я, выразительно вращая глазами. Все правильно, я вспомнила, как резко мне ответила Мариам, когда несколько дней тому назад я спросила у нее номер телефона Томми, да и все ее необычное поведение, которое она демонстрирует в последнее время. Ведь даже я, при всей своей ненаблюдательности, догадалась, что с моей пресс-секретаршей творится что-то неладное.

Я вышла в холл, подошла к ванной комнате и осторожно постучала в дверь.

– Мариам, это я, Электра, – проговорила я негромко. – Простите мне мою черствость. Нам уже давно надо было поговорить обо всем начистоту. Почему вы ничего не сказали мне раньше?

Спустя минуту дверь распахнулась, и я увидела заплаканное лицо Мариам.

– Это вы меня простите, Электра. Я повела себя в высшей степени непрофессионально. Обещаю, впредь такого не повторится. Все хорошо, – бросила она, проходя мимо меня, чтобы снова вернуться на кухню.

– Да слепому же видно, Мариам, что ничего хорошего! И сколько это у вас с Томми длится? – спросила я, последовав за ней на кухню и присаживаясь за стол напротив нее.

– Да не было никакого «этого». В любом случае, все кончено...

Мариам негромко всхлипнула.

– Прошу простить меня.

– Перестаньте вы извиняться! Это мне надо просить у вас прощения... За собственную невнимательность, за собственный эгоизм, за то, что всецело зациклилась только на своем драгоценном мирке и даже не замечала того, что творится у меня под носом.

– Да, собственно, и замечать-то было нечего. Все началось после того, как вы уехали в реабилитационную клинику «Рэнч» и... Мы с Томми действительно сблизились, – призналась Мариам, вытащила носовой платок из своего рукава и громко высморкалась. – Он ведь такой добрый человек и так печется о вас... И, хотя мы с ним

принадлежим к абсолютно разным мирам, как-то... между нами образовалась некая... духовная связь. Я приходила сюда, на вашу квартиру, чтобы поработать здесь без каких-либо помех, а он, несмотря на ваше отсутствие, продолжал дежурить возле дома. Говорил, что ему нравится такой распорядок дня. Потом мы стали вместе ходить на прогулку в Центральный парк, просто сидели на скамейке, болтали о том о сем, пару раз пообедали вместе. Вот так, одно за другое... и вскоре мы поняли, что нравимся друг другу.

– Но разве это не прекрасно, Мариам? Разумеется, я не знаю Томми так хорошо, как сейчас узнали его вы, но я точно знаю, что он чудесный парень и что у него за спиной были трудные времена.

– Нет, Электра, ничего прекрасного в этом нет. Томми на десять лет старше меня, он был женат, у него есть ребенок. Он – алкоголик, который еще только на пути к своему исцелению. Сейчас он живет на свою военную пенсию по инвалидности: врачи признали у него ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство... К тому же, – Мариам нервно сглотнула слюну, – он не моей веры.

– Но, как мне помнится, однажды в разговоре со мной вы обронили, будто ваш отец считает, что надо признавать и уважать страну, в которой ты родился, – возразила я ей.

– Я и признаю, и уважаю, как, впрочем, и мой отец. Но, когда встает вопрос о том, чтобы выйти замуж за человека другой веры... Столь далеко наша толерантность пока не простирается. Тем более что женщине-мусульманке запрещено выходить замуж не за мусульманина.

– Даже так? А я этого и не знала.

– Да, это так. Хотя мужчины-мусульмане могут брать себе в жены женщин другой веры. Получается не совсем справедливо, правда ведь?

– Мой отец не раз говорил мне, что все древние библейские тексты написаны мужчинами. Получается, Мариам, что мужчины всегда могут приспособить этот мир к своим нуждам, – пошутила я, пытаясь разрядить обстановку. – А что, если вам двоим обойтись обычной гражданской регистрацией брака?

– Я старшая дочь в семье, Электра. И с детских лет я привыкла, что вся наша жизнь и жизнь всей нашей общины строится вокруг веры. Гражданский брак у нас не признают, да я и сама не решусь на

такой шаг, означающий, что я выступаю против тех принципов, на которых меня воспитывали.

– Ну и дела, – бросила я задумчиво. Не будучи верующим человеком в привычном понимании этого слова или глубоко образованной в религиозном плане, я не могла сформулировать собственное отношение к сложившейся коллизии, но одно я знала точно: для Мариам все это очень важно. – А что, если Томми перейдет в вашу веру? – ухватилась я за последнюю надежду.

– Теоретически, да, он может принять ислам, но надо помнить, что он воевал в Афганистане. И хотя он никогда не затрагивал эту болезненную тему напрямую, я отлично понимаю, что там он насмотрелся предостаточно на дела наших экстремистов. Там погибли многие его товарищи, кого убили, кто подорвался на минах, кто попал под бомбы... Ах, все так сложно в нашем мире!

– Но любовь есть и сегодня, разве не так? – вздохнула я в ответ. – То есть любовь – это, конечно, не решение всех ваших проблем... Но что, если вы просто будете жить вместе, так сказать, во грехе?

– Нет, Электра, никогда. Грех прелюбодеяния – это самый страшный грех из всех, – твердо отчеканила Мариам.

– А что сам Томми думает по этому поводу? Что он говорит?

– Ничего. Как я уже сказала вам, мы с ним порвали отношения неделю тому назад.

«Наверное, это случилось именно в тот самый день, когда я услышала его исповедь на собрании анонимных алкоголиков», – мелькнуло у меня.

– Так вот почему он больше не дежурит у нас на входе...

– Да, поэтому.

– А он знает, в чем причина?

– Догадывается, я думаю.

– Но, как я понимаю, пока вы не спросили у него напрямую о том, готов ли он принять ислам. Согласится ли он на такой шаг, так как это ваш единственный шанс быть вместе?

– Конечно, ни о чем таком я его не спрашивала. Да и он, собственно, не предлагал мне выйти за него замуж. Но, как я вам уже объяснила, я не вижу будущего для нас обоих, а потому просто решила положить конец нашим отношениям.

– Да, все ужасно запутано, – согласилась я, стараясь говорить сдержанно и ничем не выдавать своих истинных чувств. – Но, поверьте мне, Мариам, жизнь всегда была сложной и запутанной, во все времена. Я тоже хочу кое в чем признаться вам, хотя для этого мне придется нарушить одно из правил, установленных в нашем клубе анонимных алкоголиков. Так случилось, что я стала невольным свидетелем исповеди Томми на прошлой неделе. Он тогда прилюдно признался, что влюбился, но женщина, которую он полюбил, никогда не сможет быть вместе с ним. Мое тщеславие, раздутое сверх всякой меры, тут же подсказало, что Томми говорил обо мне. – Я улыбнулась. – Но теперь-то я хорошо понимаю, что он имел в виду именно вас. Он любит вас, Мариам, любит по-настоящему. А если вы тоже любите его, то, уверена, выход для вас обязательно найдется. Но для начала вам нужно просто сесть вместе и поговорить обо всем. Расскажите ему то, что только что рассказали мне.

Мариам сидела какое-то время молча, уставившись с отрешенным видом в кухонную стену.

– В любом случае, я за него волнуюсь. Дайте мне хотя бы номер его телефона, чтобы я смогла с ним связаться и проверить, все ли у него в порядке.

– Ладно, – согласилась она наконец. – Я удалила его номер из своего мобильного, чтобы у меня не появился соблазн позвонить ему, но я помню его наизусть.

Я записала цифры номера на клочке бумаги и снова глянула на Мариам.

– Послушайте, Мариам, я – не вы, и у меня была куча мужчин, как вы догадываетесь, а потому я не буду сидеть тут перед вами с умным видом и раздавать советы. Но вот кое-что из той истории, которую поведала мне моя бабушка, запало мне в память, и я мысленно постоянно возвращаюсь к ее словам. Она рассказывала про одну женщину... Ее звали Кики Престон... Так вот, эта Кики в разговоре с одной моей... родственницей сказала приблизительно следующее. Первым делом надо самой определиться, кто для тебя в этой жизни важнее всего, и потом уже крепко держаться за этого человека или за этих людей. Вот и вам следует сделать все от себя зависящее, чтобы быть счастливой. И чтобы были счастливы и все те, кого вы любите. Потому что жизнь очень коротка, и она может оборваться в любой

момент. Думаю, эта Кики Престон была абсолютно права. Я и сама сейчас пытаюсь как-то наладить свою жизнь, руководствуясь ее словами.

– Простите меня, Электра. Мне страшно неловко, что я грузу вас своими проблемами, когда у вас и собственных предостаточно. Я ведь знаю, какое непростое время вы сейчас переживаете. Признаюсь, никогда ранее я не путала свои профессиональные обязанности с личной жизнью. Если вы захотите взять к себе Томми в качестве своего телохранителя, я, само собой, не смогу помешать или как-то остановить вас. Но я справлюсь, я со всем справлюсь. Обещаю.

– По-моему, Мариам, тот этап в наших с вами отношениях, когда нас связывали исключительно профессиональные вопросы, остался уже в прошлом. Все это закончилось в тот самый вечер, когда я устроила вам тут бучу накануне своего отъезда в реабилитационный центр. Вы замечательная девушка, Мариам, вы повели себя со мной выше всяких похвал, а потому я тоже обещаю вам, что не сделаю ничего такого, что огорчило бы вас или как-то негативно повлияло на будущее наших с вами отношений.

– Вы очень добры, Электра, но не забывайте, я – профессионал, а потому вам нет нужды принимать в расчет какие-то мои личные чувства или переживания. А сейчас давайте лучше поговорим о вашем дизайнерском проекте, – предложила Мариам, нацепив на лицо одну из самых своих ослепительных улыбок.

* * *

Вчерашний инцидент в парке изрядно напугал меня, а потому сегодня я решила позаниматься на тренажерах. Усиленно работая ногами на бегущей дорожке, я предавалась размышлениям о том, как же кардинально поменялась моя жизнь за последние несколько недель. Ведь раньше что в ней было? Я непрестанно перемещалась от одной съемки к другой, и так было каждый день, что ни день, то новая съемка. А сейчас у меня съемки только раз в десять дней, а все остальное время заполнено тем, что называется «личной жизнью». И какие бы трудности ни возникали у меня по части этой личной жизни, одно я знаю точно: я справлюсь со всем. Ведь мне удалось собрать

вокруг себя команду таких замечательных людей. Среди них есть и моя родная кровь... Все они искренне переживают за меня и желают мне только добра...

И тут мои мысли сами собой переключались на Майлза.

Я соскучилась по нему. Не то чтобы это была пустая банальность типа «Ах, мне так не хватает тебя!», но у меня постоянно ныло сердце в разлуке с ним. Странное такое чувство, которое я не могу даже описать словами. Такое ощущение, что, когда его нет рядом со мной, будто отсутствует какая-то часть меня самой. Звучит довольно причудливо, но на самом деле все очень серьезно.

Может, Лиззи и права, и я настолько подавляю его своим имиджем, что он даже не осмеливается заговорить со мной о своих чувствах. Вдруг и правда я сама виновата во всем? Ни разу не продемонстрировала в открытую, что я чувствую к нему...

Однако я тоже боюсь, как и он. В свое время я открыто продемонстрировала свои чувства к Митчу, и что получила в итоге? А ведь мне тогда так отчаянно нужно было его присутствие. Ох, меня сейчас стошнит, какой я была в то время, когда встречалась с Митчем. Но нельзя, чтобы это повторилось снова. Не могу я дважды наступать на одни и те же грабли...

Позже, уже сидя в машине, увозившей меня на очередное собрание анонимных алкоголиков, я вдруг спохватилась и круто поменяла свой маршрут, приказав водителю подвезти меня к Флэтайрон-билдинг, двадцатидвухэтажному небоскребу на Манхэттене неподалеку от моего дома, которое известно жителям Нью-Йорка как «здание-утюг». Сегодня там проходит аналогичное собрание анонимных алкоголиков. Почему-то интуиция подсказывала мне, что, если у Томми действительно возникли какие-то серьезные проблемы, а скорее всего, так и есть, то я обязательно найду его там.

Так оно и случилось. Я сразу же узнала его: сидел на несколько рядов впереди меня в своей красной бейсболке, которая выделала его из общей массы. На сей раз он не выступал; я тоже воздержалась от речей. Я ведь еще только начала осмысливать все, что услышала накануне из уст бабушки, и мне надо время, много времени на обдумывание. Но, как говорится, всякому овощу свое время. По окончании собрания я намеренно замешкалась в конце зала, чтобы дождаться того момента, когда Томми будет проходить мимо.

– Привет, Томми! – окликнула я его. – Рада встрече с тобой.

– О, привет, Электра. Как поживаешь?

Бледное лицо, покрасневшие глаза, будто он не спал уже несколько ночей. Однако, когда он заговорил со мной, я не уловила запаха спиртного в его дыхании.

– Мне тебя не хватает на твоём постоянном месте рядом с моим домом, – пошутила я. – Куда ты пропал?

– Да так, всякие разные дела были, – ответил он неопределенно.

– Кофе будешь? – спросила я у него. – Но только не этот. – Я махнула рукой на кофейник.

– Есть другой? – переспросил он удивленно.

– Да, а почему бы и нет?

– Тогда... Ладно! Буду.

Мы зашли за угол дома и уселись на лавку.

– С тобой все в порядке, Томми? – спросила я у него.

– По правде говоря, – Томми слегка подул на свой эспрессо, – дела мои на данный момент не то чтобы очень...

Кажется, можно отпасовать мяч назад, решила я.

– Видишь ли, я немного в курсе. Того, что у вас произошло с Мариам.

– Правда? – удивленно воскликнул он. – Но как?

– Ну, если в двух словах, то так. Вчера во время утренней пробежки в парке меня ограбили, и тогда все в один голос стали говорить, что мне нужно немедленно обзавестись телохранителем. И конечно, я сразу же подумала о тебе и поделилась своими соображениями с Мариам, а она расплакалась, убежала и закрылась в ванной комнате. Вот так оно все и вышло наружу.

– Ах, Электра, меньше всего на свете я хочу причинять тебе какие-то неприятности. Прости, что все так получилось. – Он глянул на меня, и я увидела, что в его глазах затеплилась слабенькая надежда. – Так, говорите, она закрылась в ванной комнате и плакала?

– Да, плакала. Она любит тебя, Томми, а ты, судя по всему, любишь ее... Собственно, твое признание я слышала собственными ушами на собрании анонимных алкоголиков на прошлой неделе. Я сидела в самом конце зала. И конечно, в самую первую минуту я и подумать не могла, что ты говоришь о Мариам, решила, что это...

– Как бы то ни было, но все кончено. Она меня, что называется, отшила.

– А ты знаешь, какова причина, по которой она порвала с тобой?

– Нет. Но я догадываюсь. Ты только взгляни на меня, Электра! Кто захочет встречаться с таким типом, как я? У меня же все в жизни наперекосяк, – закончил Томми, и на его глаза навернулись слезы.

– Мариам хотела бы встречаться с тобой! – уверенно отрезала я. – Твои беды не имеют никакого отношения к истинной причине ее решения порвать с тобой. Напротив! Она считает тебя замечательным человеком. Но все упирается в другое. Она ведь мусульманка. А женщины-мусульманки не могут выходить замуж за человека другой веры. Видишь, как все просто?

– Ты меня разыгрываешь, да? – Томми вытаращился на меня, словно я какой-то инопланетянин, случайно залетевший на Землю и абсолютно не понимающий людей. – Она никогда даже речи не заговорила об этом.

– Как она сама сказала мне буквально пару часов тому назад, ты тоже не беседовал с ней ни о чем таком конкретном... Не делал ей предложения, не признавался в своих чувствах. Вот она и решила, что будет неуместно заводить весь этот разговор о вере. Но, клянусь тебе, главная причина именно в этом.

– То есть вы хотите сказать, что если бы я был мусульманином, то тогда она бы *изъявила желание* выйти за меня замуж?

– Именно так. Причем, судя по ее настроениям, хоть завтра. Она порвала с тобой, потому что не видит выхода из сложившейся ситуации. Мы с тобой не способны оценить в полной мере все ее переживания, потому что мы не мусульмане, а для Мариам вся ее земная жизнь, ее семья, ее друзья, все-все-все крутится как раз вокруг веры. К тому же она знает, что у тебя есть ребенок, что еще более усложняет и без того очень непростую ситуацию.

– Да, это правда, у меня есть дочь. Но моя бывшая жена недавно познакомилась с одним парнем и хочет перевезти дочь в Калифорнию, чтобы она жила вместе с ними. Кстати, это одна из причин, по которой я снова вернулся в клуб анонимных алкоголиков. Без дочери, без Мариам... Совсем один... Ах, Электра, я борюсь изо всех сил...

– Конечно, борешься, я все понимаю, Томми. Но давай по сути: если для того, чтобы быть вместе с Мариам, тебе придется принять ее

веру, ты готов к такому шагу?

– Трудный вопрос. Ведь вы сейчас задаете его человеку, который воевал в Афганистане. Те бесчинства, та жестокость, которую я там видел своими глазами и которая творилась именем аллаха... Перейти в ислам – это для меня все равно что пройти босиком по горящим углям. Понятное дело: там мы имели дело, главным образом, с экстремистами всех мастей, но все равно для меня стать одним из правоверных... – Томми сокрушенно покачал головой. – Даже не знаю, что сказать.

– Мариам знает, через что тебе пришлось пройти там. Она не раз и не два думала об этом. Наверное, это одна из причин, по которой она так и не решилась начать с тобой разговор о вере. Боже, как же все сложно в этой жизни!

– И это ты говоришь мне, Электра! Наконец-то я встретил девушку, которая подходит мне по всем параметрам, и вот вам пожалуйста!

– Послушай меня, Томми. Я ведь в ваших делах всего лишь посредник, а решать все равно придется вам самим. Мне понятна дилемма, перед которой ты сейчас оказался. Но разве любовь не стоит того, чтобы пересечь запретную зону? Ведь когда вы останетесь наедине друг с другом, то вы просто мужчина и женщина, и ничего больше. Хорошо, что ты теперь знаешь истинную причину, почему она от тебя отвернулась. Да, все очень сложно, запутанно, вот и разбирайтесь вдвоем с этими хитросплетениями, ищите выход из тупика. Все, мне пора! И последнее, – сказала я, вставая. – Мое предложение насчет работы телохранителем, оно вполне серьезное. Однако я понимаю, что, пока вы с Мариам не разберетесь между собой, оно как бы немного преждевременное, да?

– Да. Но в любом случае большое спасибо.

– Будь со мной на связи, Томми. Я волнуюсь за тебя.

– Спасибо за кофе, Электра... И за то, что уделила мне время, – добавил Томми на прощание. Я так и оставила его сидящим на скамейке со стаканчиком эспрессо в руке.

Проезжая по улицам Нью-Йорка, я невольно глянула на тротуары, загроможденные толпами народа. И у каждого из этих людей, подумала я, есть своя драма в жизни, о которой мы, спешащие мимо, даже не подозреваем. Почему-то от этой мысли мне полегчало; так легко поверить в то, что жизнь прекрасна и все без исключения ведут

безоблачное существование, о чем, собственно, и трубят каждый день все наши средства массовой информации (достаточно вспомнить меня саму, выпархивающую из роскошного лимузина, раздетую в пух и прах, спешащую на очередную вечеринку, где тусуются исключительно одни селебрити), но ведь на самом деле реальная жизнь так далека от этой гламурной картинки.

Что ж, мелькнуло у меня, я, как могла, постаралась сыграть роль доброй феи-волшебницы для этих двоих, а теперь пусть разбираются сами.

* * *

– Электра?

– Привет, Стелла, – бросила я в трубку, уже укладываясь в постель вечером.

– Вот решила позвонить, узнать, как ты.

– У меня все хорошо.

– Я... я немного нервничала вчера, когда ты уехала. То, что я рассказала тебе, может травмировать любого человека, особенно если речь идет о человеке, который совсем недавно вернулся после курса реабилитации. Мне даже страшно представить себе, что вольно или невольно я нарушила процесс твоего восстановления.

– А у меня, напротив, такое чувство, что знание собственного прошлого тоже *стало частью* моего восстановительного процесса. Конечно, сведения малоприятные, но ведь я, по сути, не знала своей матери, что несколько упростило мое положение, хотя все равно было тяжело узнать все подробности того, как она умирала. Словом, особых поводов для волнения нет, – добавила я, уловив озабоченность и даже страх в голосе бабушки.

– Ты – невероятная молодец, Электра, и я... – Голос Стеллы дрогнул, и она замолчала на мгновение. – И я так горжусь тобой. Собственно, это я и хотела тебе сказать.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я, понимая, сколь велика опасность того, что я сейчас и сама расчувствуюсь.

– Можно мне заглянуть к тебе завтра? У меня есть разговор. Что, если я заеду вечером, скажем, часов в семь?

– Ладно. Тогда до встречи.

Лежа в постели, я уже в который раз отметила про себя, что моя неумная тяга к водке за последнее время сильно ослабла, так что напрасно бабушка переживает за меня, хотя, конечно, эта ее забота, не скрою, очень трогательна. Мне и самой Стелла стала нравиться гораздо больше, особенно после того, как она раскрылась с совершенно неожиданной для меня стороны, не побоявшись открыто продемонстрировать, какая на самом деле ранимая у нее душа. Пожалуй, если бы мне пришлось подыскивать пример, с кого делать свою жизнь, то более подходящей кандидатуры, чем Стелла, на эту роль и нет. Достаточно лишь проследить ее общественную деятельность, что я уже и сделала посредством интернета. Такое впечатление, что моя бабуля успела высказаться по всем самым злободневным темам нашей современной жизни. Воистину, для нее не существует запретных тем, как, наверное, нет и такой страны, которую бы она не посетила в качестве представителя международной неправительственной организации «Международная амнистия». Не счесть тех наград и добрых слов в свой адрес, которых она удостоилась. Чувствуя, что меня уже клонит в сон, я вдруг подумала, что, судя по всему, моя карьера в модельном бизнесе почти наверняка подходит к концу. Мне тоже хочется заниматься чем-то таким, что меняет нашу жизнь...

Я уже почти заснула, но в эту минуту раздался звонок мобильного.

– Электра?

– Привет, Майлз, – ответила я сонным голосом.

– Вот незадача! Я что, разбудил тебя? Прости! Я только что вернулся с работы и хотел сообщить тебе, что нам разрешили навестить Ванессу на этих выходных.

– Замечательно! – воскликнула я. – А как ты сам?

– Ох, завален делами сверх всякой меры... Я уже даже стал подумывать о том, что пора менять работу. Мне больше не приносит удовлетворения то, чем я занимаюсь.

– Какое совпадение! Представь себе, и меня посетили точно такие же мысли.

– Знаешь, я тут решил устроить себе небольшой перерыв. Какие у тебя планы на завтрашний вечер?

- Никаких. Разве что прогуляемся где-нибудь вместе с Лиззи.
- А не хочешь вместо прогулки поужинать со мной?
- С удовольствием, – ответила я, чувствуя, как забилось мое сердце, не иначе как сто ударов в минуту.
- Отлично! Тогда я заеду за тобой часов в восемь. Идет?
- Вполне. Тогда до завтра.
- Спокойной ночи, Электра.
- Спокойной ночи, Майлз.

Я закрыла глаза и возбужденно заерзала на постели, чувствуя, как бурлит во мне кровь от радостного предвкушения. Заснула я с улыбкой на лице.

52

Уж и не припомню, когда я с такой тщательностью выбирала себе наряд, готовясь к встрече с Майлзом, хотя даже не была уверена в том, что он пригласил меня на свидание. Я не имела ни малейшего представления, куда именно он поведет меня на ужин – в какое-нибудь ближайшее кафе по соседству или в небольшой ресторанчик где-то в городе. Очень жаль, что я уже успела показаться перед ним в своих кожаных брючках. Но ничего не поделаешь! В конце концов я решила предстать перед ним сегодня в винтажных брюках от Версаче яркого оранжевого цвета и в шелковой блузке, придающей элегантность всему образу. На шею я нацепила бусы в этно-стиле из тяжелых оранжевых камней. Все! Кажется, я готова к выходу в свет.

– Потрясающе выглядишь, Электра, – одобрила мой наряд Лиззи, заглянув ко мне в спальню. – И брючки мне твои очень нравятся, хотя для такой старушки, как я, они немного ярковаты.

– А что скажешь о тех фасонах, которые я набросала сегодня днем? – спросила я, сгребая в охапку все те наряды, что я перемерила, прежде чем сделала свой окончательный выбор. Затолкала все в шкаф, пусть служанка завтра сама наводит там порядок.

– Некоторые просто великолепны, – ответила Лиззи. – Так ты все же решила заняться этим всерьез?

– Да, решила. А всю прибыль перечислю на развитие реабилитационного центра для подростков. Вот хочу попросить Сюзи, чтобы она уже в ближайшие несколько дней организовала для меня

встречу с пиарщиками прямо здесь, у меня дома, а потом еще и несколько интервью. Мариам уже подыскала компанию, которая берется воплотить мои фасоны в жизнь; сама-то я, как ты догадываешься, и понятия не имею, как все это делается. Мы уже заказали экологически чистую ткань для будущих моделей. Как видишь, все мои мысли сейчас крутятся только вокруг этого.

– Одним словом, новый проект, – понимающе улыбнулась Лиззи. – Между прочим, если тебе понадобится какая-то помощь по части бухгалтерии, имей в виду, я хорошо в этом разбираюсь. Только скажи, и я с удовольствием подсоблю.

– Очень даже может быть, что я специально найму тебя именно для этой цели.

– Знаешь, Электра? Ты сегодня... буквально светишься... Так приятно видеть тебя такой.

– Да, наверное, так оно и есть. Ведь я – это новая я. Вот постепенно привыкаю к себе самой, – ответила я, и в эту минуту в дверь позвонили. – О, это Стелла! Пожалуйста, открой ей дверь.

Лиззи направилась к дверям, а я забежала в ванную комнату, чтобы еще раз внимательно глянуть на свое лицо. В гостиную я вошла, полностью владея собой, невозмутимая и спокойная. Поздоровалась с бабушкой, она тут же обняла меня и стала восторженно осыпать комплиментами, повторяя слова Лиззи. И хотя я сто тысяч раз слышала, какая я необыкновенно красивая, однако в устах моей лучшей подруги и собственной бабушки они звучали совсем иначе и значили для меня много больше.

– Даже не буду спрашивать тебя, Электра, как ты, – промолвила Стелла, усаживаясь на свое привычное место в кресле. Я налила немного воды и протянула ей стакан.

– Да у меня все хорошо. Недаром в той цитате, которую оставил мне папа, сказано, что жизнь можно понять, только оглядываясь в прошлое, но при этом надо все время двигаться вперед.

– Хотя мое знакомство с твоим отцом было до обидного коротким, у меня сложилось впечатление, что он очень мудрый человек. И много чего повидал в этой жизни.

– Сегодня я и мои сестры, мы все очень хотели бы узнать, *что именно* он повидал. Мы ведь практически ничего не знаем о его жизни, где он бывал, куда ездил, почему собрал по всему свету нас, девочек,

под крышу своего дома. Но – увы! – поздно. Папы больше нет, и мы уже никогда ничего так и не узнаем.

– Ты сильно скучаешь по нему?

– Да, сильно. Особенно сейчас, когда от моей прежней злости на него не осталось и следа.

– В любом случае я знаю одно. Кем бы ни был твой отец, но он бы тобой гордился. Что, кстати, дает мне повод перейти непосредственно к тому вопросу, ради которого я и приехала сегодня повидаться с тобой. Ты помнишь мое выступление по телевидению, в котором я рассказывала о том страшном кризисе, который мы сейчас наблюдаем в Африке в связи с колоссальным ростом инфицированных СПИДом?

– Разве такое можно забыть?

– Так вот, меня попросили выступить перед зрителями на концерте в защиту Африки, который состоится в Мэдисон-сквер-гарден. Чтобы я рассказала собравшимся о том, что видела собственными глазами, когда была там. И я... я хочу, чтобы ты вышла на сцену вместе со мной, чтобы ты тоже обратилась напрямую к аудитории, а это будут миллионы и миллионы людей по всему земному шару, чтобы ты затронула тему наркозависимости молодежи не только у нас в Нью-Йорке, но и по всему миру. Ведь грязные шприцы – это одна из основных причин стремительного роста числа ВИЧ-инфицированных людей. Насколько мне известно, Обама тоже выступает в поддержку этой кампании. А ты? Что скажешь?

– Я...

Я настолько растерялась, что, открыв рот, тут же молча закрыла его.

– Но почему я, Стелла? – выдавила я наконец из себя после долгой паузы. – То есть пойми меня правильно, я ведь всего лишь модель. Я никогда, ни разу за всю свою жизнь не выступала с речами. Я просто тягловая лошадка, увешанная тряпками... И голоса у меня нет... Да и потом...

– Неправда, Электра! У тебя есть голос, да еще какой! Да и потом, вся твоя жизненная история, то, как наркотики едва не погубили тебя саму, разве это не самый мощный и эффективный посыл, который ты можешь отправить молодым? Ведь ты скажешь им напрямую, что подобное несчастье может случиться с каждым. С каждым! Понимаешь меня, Электра?

– Ой, господи! Да у меня голова уже пошла кругом от одной только мысли.

– За эти несколько месяцев в Африке я насмотрелась на всякое. Своими глазами видела барыг, торгующих небольшими партиями наркотиков, сутенеров всех мастей и проституток, которых они опекают, и все, как одна, в наркотическом опьянении и плохо соображают, чем они занимаются и с кем. И большинство этих молодых женщин, а среди них и совсем еще девочки лет десяти или одиннадцати, кончат тем, что подхватят ВИЧ-инфекцию и будут умирать медленной и мучительной смертью. А ведь у многих из них уже есть дети. Подумай о них, Электра. Подумай о своей матери, о том, какой ужасной смертью она умерла. Я...

Я посмотрела в глаза своей бабушки, они полыхали огнем истинной страсти, и я поняла, что сделало ее своеобразной иконой для многих и многих ее сторонников. Ведь ей даже меня почти удалось уговорить выступить перед многомиллионной аудиторией и рассказать всем и вся о своей наркозависимости.

– Стелла, но ведь это же концерт в защиту Африки. И потом...

– Да, он в защиту Африки! Ты права. А разве твои предки, Электра, не из Африки родом? А я, по-твоему, откуда? Люди, которые живут там, в Африке, и особенно это касается женщин, не имеют тех возможностей, которыми мы располагаем здесь. У них нет той трибуны, с которой можно обратиться ко всем остальным людям. Вот поэтому мы все, кто живет здесь, и должны говорить в том числе и от их имени. Неужели непонятно?

– Хорошо, хорошо, Стелла! Но, ух ты! – Я сделала несколько глубоких вдохов. – Дай мне немного подумать, ладно? Я просто не вполне уверена пока, что готова поделиться со всем миром... своими проблемами. Мне кажется, что если я так сделаю, то за мною сразу же потянется шлейф сомнительной репутации, и он сохранится до конца моих дней, понимаешь меня?

– Очень даже понимаю, Электра. Но ведь это в равной степени может означать и другое: у тебя есть возможность выйти на принципиально новый уровень публичности, что, кстати, поспособствует и притоку дополнительных средств для того реабилитационного центра, о котором ты мечтаешь. Знаешь, такой шанс выпадает раз в жизни, грех им не воспользоваться.

Внезапно все мои прожекты по моделированию собственной коллекции одежды показали мне такими мелкими и незначительными в сопоставлении с тем, что предлагает мне Стелла.

– Но можно я все же подумаю немного, ладно, Стелла?

– Конечно, можно. И мне очень жаль, что я уже практически на следующий день после того, как ты узнала о том, какой страшной смертью умерла твоя мама, начинаю грузить тебя новыми проблемами. Но мне важно знать, ты согласна или нет, чтобы организаторы концерта внесли тебя в список ораторов.

– А когда состоится концерт?

– В субботу вечером.

– Черт! – ругнулась я вслух. – Прости, что опять ругаюсь, но это же так скоро.

– Да, очень скоро. А потому уже завтра мне нужен от тебя однозначный ответ: да или нет.

– Хорошо, я подумаю. Сегодня вечером я встречаюсь с Майлзом, ну, с тем парнем, с которым я познакомилась в реабилитационном центре. Он там, впрочем, был не на лечении, просто приехал, так сказать, для подстраховки. Но это длинная история...

– Видно, этот человек много значит для тебя. Ты сегодня, милая, буквально светишься, – улыбнулась Стелла, повторив те же самые слова, что недавно сказала Лиззи.

– Спасибо, Стелла. Но разве в твоей жизни больше не было мужчин, которые поднимали бы тебе настроение?

– Были, но не в том смысле, как ты подумала. Однако, милая, не забивай себе голову излишними размышлениями обо мне. На сей счет можешь не волноваться: все у меня было в порядке и по этой части тоже. Однако не об этом сейчас речь. Оставим на время тему предстоящего концерта и поговорим о другом. Я хочу в обозримом будущем обязательно свозить тебя в Кению, показать тебе то место, где я родилась и где из века в век жили твои предки из племени масаи и продолжают жить и по сию пору. Я тебе уже рассказывала об этих людях, Электра. Но рассказы – это одно, и совсем другое – увидеть страну собственными глазами. Только тогда ты поймешь ее удивительную красоту. Долгие годы я планировала, когда уйду на покой, вернуться обратно в Кению. Я ведь по-прежнему являюсь владелицей дома на берегу озера Наиваша, который когда-то

принадлежал Биллу. Вот только, к великому сожалению, я никак не могу отойти от дел и отправиться на этот самый покой. А уж сейчас-то точно ничего не получится, во всяком случае, до ноябрьских выборов. Ведь в случае избрания чернокожего на пост президента США у меня есть повод гордиться. Пожалуй, это будет самый судьбоносный момент в моей жизни.

– Да, это было бы здорово, – согласилась я со Стеллой. До меня вдруг дошло все колоссальное значение и весь огромный резонанс предстоящего события для всех чернокожих людей в мире. – Я... хочу спросить тебя кое о чем.

– Спрашивай, милая.

– Несколько недель тому назад я купила себе дом, он находится неподалеку от Таксона... Однако в последнее время, когда я все чаще задумываюсь над тем, сколько в нашем мире насилия, нищеты, страдания, мне делается как-то не по себе, и я начинаю чувствовать себя виноватой.

– Вот этого не надо, Электра! Тебе не в чем себя винить. Так уж устроена наша жизнь, и в ней всегда будут богатые и бедные. Даже сам Христос признавал такое разделение, о чем написано в Библии. А потому можешь спокойно наслаждаться своим благосостоянием, но при этом всегда будь готова к тому, чтобы помочь тем людям, которым не так повезло в этой жизни. К тому же ты ведь по натуре абсолютно не жадный человек. И у тебя полностью отсутствует тяга к приобретению всяческих материальных ценностей.

– Ты так думаешь?

– Уверена в этом. Достаточно лишь взглянуть на эти апартаменты, в которых ты сейчас обитаешь. – Стелла широким взмахом руки обвела вокруг себя. – Ну и что в этой комнате есть от тебя? Да ничего! Готова поспорить, ты и к деньгам своим относишься так же равнодушно. Наверняка не считаешь и не пересчитываешь их, как другие. Я права?

– Права. Если честно, то до недавнего времени, пока я не собралась купить себе дом, я вообще понятия не имела, сколько денег на моих счетах.

– Вот и я о том же. А все потому, что сам процесс накопления денег тебя совсем не интересует.

– Ну знаешь ли, очень может быть, такой процесс стал бы мне интересен, если бы у меня вообще не было денег.

– И это правда. Умница ты моя, мисс Мисси, – пошутила бабушка, улыбнувшись, и в эту минуту раздался звонок домофона.

Я машинально глянула на часы, Майлз появился на десять минут раньше срока.

– Кто там? – спросила у меня бабушка.

– Это Майлз приехал. Но ничего! Пусть подождет пару минут внизу, пока мы не закончим.

– Что за ерунда, Электра! С чего бы это бедняге томиться в холле в полном одиночестве? Пригласи его наверх, – приказным тоном сказала бабушка.

Я со вздохом подчинилась, уже заранее предвидя, какая трогательная сцена демонстрации чувств истинного фаната ждет меня впереди. Так, чего доброго, и на ужин не сможем попасть.

– Привет, Майлз, – поздоровалась я с ним, когда он переступил порог моей квартиры. – Ну как у тебя дела?

– Гораздо лучше, особенно сейчас, когда свалил с плеч гору всяких дел и переложил их на свой письменный стол... до лучших, так сказать, времен...

Внезапно Майлз замолчал, оборвав себя на полуслове, ибо, войдя в гостиную, он увидел, кто там сидит. При его появлении Стелла поднялась с кресла, чтобы поздороваться с гостем.

– Добрый вечер. Меня зовут Стелла Джексон. Я – бабушка Электры. А вы, как я понимаю, Майлз?

– Майлз Уильямсон, – поспешно представился Майлз и преодолел огромное пространство гостиной всего лишь за каких-то полтора шага. Он почтительно пожал руку Стелле. – Для меня большая честь, мэм, познакомиться с вами. Я когда-то слушал ваше выступление в Гарварде. Вы столько всего сделали! Лично для меня вы всегда были и остаетесь примером для подражания. Вы вдохновляете всех нас на добрые дела...

«Боже, да он сейчас, того и гляди, расплатится от переизбытка чувств», – мелькнуло у меня.

– Спасибо Майлз, за ваши добрые слова, но надеюсь, вы понимаете, что мой вклад в общее дело – это всего лишь капля в океане.

– О нет, мэм! Не согласен! Какая же это капля, если вы являетесь голосом всех тех, кто пока лишен права голоса, и вы не боитесь говорить все, что считаете нужным.

– Что правда, то правда, – коротко рассмеялась Стелла. – Врагов за минувшие годы я нажила себе предостаточно. Впрочем, и друзей тоже. Но ведь главное – это не бояться говорить и быть услышанным, так ведь?

– Именно так. А потому возьму на себя смелость поблагодарить вас за это не только от себя лично, но и от имени всего моего поколения.

– Кстати, мы тут как раз обсуждали с Электрой мою очередную идею. У меня появилось одно конкретное предложение, так, Электра? – Стелла вперила в меня пристальный взгляд.

– Да, но я не вполне уверена... – промямлила я в ответ.

– Не смею вас задерживать, молодежь, и все же, Майлз, присядьте на пару минут. Было бы интересно услышать и ваше мнение о моем предложении.

– Конечно-конечно! – Майлз послушно уселся в кресло напротив Стеллы, а я встала рядом, скрестив руки на груди и сверкнув глазами на бабушку.

– Разве нельзя поговорить об этом как-нибудь в другой раз? – предложила я.

– Разумеется, можно, Электра. Но Майлз ведь твой друг, а потому его мнение будет для нас особенно ценным.

«Еще бы! – подумала я. – Да он сейчас в лепешку разобьется, звезду тебе с неба ползет доставать, ты его только попроси!»

Стелла в двух словах коротко сформулировала суть своего предложения выступить вместе с ней на концерте. Я уже приготовилась к новой волне энтузиазма со стороны Майлза. Вот сейчас он примется с жаром уговаривать меня дать согласие.

– Ясно, – коротко бросил он, когда Стелла закончила, и повернулся ко мне. – Я хорошо понимаю, Электра, почему ты пока колеблешься. Ведь тебе пришлось за последнее время пройти через столько испытаний. Но это несколько другое. Взять и обнажить свою душу перед миллионами людей – для этого требуется мужество особого сорта. Тебе надо время, чтобы все хорошенько обдумать. Я прав?

– Да, так оно и есть! – ответила я с чувством.

– К сожалению, как я уже говорила Электре, времени у нас крайне мало. Я должна дать ответ уже завтра, чтобы они успели внести необходимые изменения в программу, – возразила Стелла.

– А вот давить на Электру не стоит. Думаю, применительно к ней – это самое последнее средство, мэм. Сейчас я собираюсь отвезти вашу внучку на ужин. Вполне возможно, в течение вечера мы обменяемся мнениями на сей счет. – Майлз поднялся с кресла. – Ты готова, Электра?

– Да.

Он протянул мне руку, я подошла к нему и благодарно пожала протянутую руку. Он повернулся к Стелле.

– Для меня большая честь познакомиться с вами лично, надеюсь, мэм, у нас еще будет возможность побеседовать более обстоятельно. Всего вам доброго.

И с этими словами он вывел меня из квартиры.

Может, на меня так подействовало стремительное движение кабинки лифта вниз, но что-то вдруг в моем животе перевернулось. Что-то очень похожее на то, что называют любовью. А к тому моменту как мы спустились на первый этаж и вышли в холл, на мои глаза сами собой навернулись слезы, причину которых я бы не смогла объяснить.

– Может, мы обошлись с ней чересчур грубо? – осторожно поинтересовалась я у Майлза, когда он, все еще продолжая держать меня за руку, вывел на улицу, где нас встретил теплый июньский вечер.

– О, Стелла со всем этим справится в два счета, – широко улыбнулся Майлз и взмахом руки остановил такси.

– А куда мы едем? – спросила я.

– В одно очень необычное местечко, – бросил он в ответ, искоса взглянув на меня. – И твой сегодняшний прикид как нельзя лучше подходит для этого места.

Дорогой мы в основном молчали. Мы уже больше не держались за руки, хотя в глубине души я была бы совсем не против и дальше чувствовать тепло его ладони. Глянув в окно, я поняла, что мы едем в сторону Гарлема. Такси остановилось у входа в ресторан на главной улице, мы вышли из машины и направились в ресторан.

– Добро пожаловать в ресторан «Саванна», – обратился ко мне Майлз. – Вот решил, что пора тебе уже познакомиться с настоящей

африканской кухней.

За вкуснейшей трапезой – рыба, запеченная на гриле, и какая-то экзотическая закуска из подорожника и кус-куса, я вкратце поведала Майлзу обо всем том, что рассказала мне Стелла о матери и о ее трагической смерти.

– Да, Электра, представляю, каким потрясением это стало для тебя. Справишься?

– Думаю, уже справляюсь. Поначалу я тоже волновалась, что не смогу, но, как мне кажется, теперь мое сознание, мой мозг, очищенный от всякой наркотической дряни, работает как часы. словно внутри меня провели генеральную уборку, почистив все лишнее.

– Говоришь так, будто тебя только что окрестили, окропив святой водой, и ты в мгновение ока переродилась, став совершенно другим человеком.

– Наверное, в чем-то ты прав. Пожалуй, твоя религиозная метафора точнее всего передает то, что произошло со мной. По правде говоря, я предполагала, что ужасная кончина моей матери выбьет меня из колеи и сильно расстроит, но, как я уже сказала Стелле, я ведь ее никогда не знала. А потому трудно даже сопоставить ту скорбь, которую я испытала, узнав о смерти папы, с теми переживаниями, которые вызвал у меня рассказ Стеллы. Я даже решила, что не хочу ехать на это кладбище на Гарт-Айленд: я нашла кое-какую информацию о нем в интернете. Довольно убогое место, где хоронят в общих могилах всех неопознанных покойников. – При последних словах я невольно содрогнулась.

– Согласен. Но может быть, немного погодя переговоришь со Стеллой, и вы обе решите, как лучше всего отметить или увековечить кончину твоей матери.

– Да, наверное. Дельная мысль. Так я и сделаю. Я также часто размышляю о той сперме – так я называю своего биологического отца, о том, что этот человек, вполне возможно, еще жив-здоров.

– Да, такое действительно вполне возможно. И более того, ты даже можешь отыскать его, если захочешь. Я имею в виду анализ ДНК. Сейчас эта наука так стремительно развивается, уверен, у них уже есть банк данных, по которому ты сможешь отыскать своих кровных родственников и по линии отца. Но это в будущем, а не сейчас.

– Конечно, не сейчас. Спасибо тебе, что ты так решительно уволок меня из квартиры.

– Просто я увидел, что твоя бабуля начала потихоньку прессовать тебя, а ты ведь не из тех, кто любит, когда на тебя давят. Она, конечно, очень сильная и властная личность, согласна? И уж когда ей что-то надо, то идет напролом. Впрочем, действуй она по-иному, разве смогла бы она добиться всего, что сделала? Такие, как она, с их глубокой убежденностью и верой в правоту своего дела, горы могут сдвинуть с места.

– А как тебе эта ее идея, чтобы я поделилась своей историей перед многомиллионной аудиторией?

– Вот здесь, Электра, решать уже тебе самой.

– Ты прав, Майлз, решать мне, но могу же я спросить твое мнение, разве не так?

– Лично я понимаю, почему ей так хочется, чтобы ты решилась на этот шаг. Ты ведь публичная фигура, можно сказать, икона стиля для молодежи по всему миру. Да, Стелла, быть может, в тысячу раз опытнее тебя в том, что касается выступлений на публике, однако вряд ли ее выступление привлечет к себе такое же пристальное внимание, как те несколько слов, с которыми обратишься к собравшимся ты.

– Но у меня же одно лицо. Кто знает мой голос?

– Все правильно, сегодня ты действительно только лицо, и, если ты и впредь хочешь существовать именно в этом качестве, тогда откажись от предложения бабушки. В этом, собственно, весь вопрос, Электра. Понимаешь меня?

– Да... То есть нет... Ах, Майлз, я, честно, не знаю, что мне делать, – ответила я со вздохом. – Помнишь, в прошлый раз я рассказывала тебе о том, что решила кое-что изменить в своей жизни? Меня больше не устраивает быть только фотомodelью. Да, наверное, это в моих генах, не иначе, но мне тоже захотелось чего-то большего, чего-то такого, что приносило бы пользу людям. Я бы хотела помогать таким, как Ванесса. Но одно дело – дать пару-тройку интервью журналистам и рассказать им о реабилитационном центре для подростков, то есть всего лишь слегка замочить в воде ноги, и совсем другое – сразу же предстать в качестве активиста перед миллионами людей.

– Конечно, это принципиально разные вещи, и здесь я с тобой полностью согласен.

– Знаешь, если бы я все еще продолжала взбадривать себя наркотиками, то, вполне возможно, я бы и рискнула выползти на сцену, но...

– Не говори глупостей, Электра! Ты не можешь рисковать! И не должна делать ничего такого, чтобы помешало бы твоей дальнейшей реабили-тации.

– Но если мне все же удастся собрать миллионы долларов на наш реабилитационный центр для подростков, то, кто знает, может, моему примеру последуют и многие другие люди по всей Америке? Как думаешь? – Я натянуто улыбнулась.

– Сама по себе идея грандиозная, но ее реализация не должна подвергать тебя опасности. Кто знает, а вдруг ты можешь снова сорваться? Здесь риски слишком велики. А потому скажу так: если ты пока не чувствуешь, что внутренне готова сделать этот важный, быть может, самый важный шаг в своей жизни, тихонько отойди в сторонку и терпеливо дожидайся своего часа. Держи свой порох сухим до тех пор, когда он востребуется и ты будешь готова.

– Со мной проблема в другом. Я не люблю и не могу ждать. И если я собираюсь начать кампанию по сбору средств, а я предполагаю заняться этим уже в ближайшие дни, то тогда с моей стороны будет сушим безумием отказаться от такой уникальной возможности, которую предложила мне бабушка. Ты так не считаешь?

– Нет, я так не считаю. Потому что самое главное в этом деле – это *ты сама* и то, кем ты станешь в будущем. Я ведь постоянно твержу тебе, что ты еще так молода. Очень молода, и впереди у тебя еще целая жизнь.

– И все же, как мне кажется, я нашла точку приложения для своих сил, тот канал, через который я смогу излить всю ту страсть, весь тот огонь, что полыхают внутри меня. Все это следует пустить на помощь людям, а не глушить в себе с помощью водки. Даже мой взрывной темперамент, мои приступы гнева, их тоже можно обернуть на пользу: если злость, так от имени многих и многих обездоленных, если страсть, так это тоже некая позитивная сила, направленная на скорейшие перемены в нашей жизни.

Я глянула на растроганное лицо Майлза.

– Все правильно! Прости меня, Электра, – обронил он.

– Что? Я сказала что-то не так?

– Напротив! Ты все сказала правильно. И я страшно горд тобой, можно сказать, горд до слез.

– Ах, Майлз! Перестань! Иначе я сейчас сама разревусь! – Я принялась обмахиваться рукой, и в эту минуту к нашему столику подошла молоденькая темнокожая девушка и уставилась на меня застенчивым взглядом. – Привет! – улыбнулась я, обрадовавшись ее появлению как удобному предлогу сменить тему разговора.

– Добрый вечер, Электра. Я... я просто хотела сказать, что я – ваша фанатка... Потому что вы, чернокожая девушка, добились всего... Успеха, славы. Ваш пример вдохновляет меня и многих моих подруг.

– О, спасибо. Мне приятно это слышать.

– И ваша новая прическа мне ужасно нравится. Скорее всего, я тоже подстригусь в стиле афро... Потому что мне до чертиков надоело возиться со своими волосами. Да и денег на все эти укладки не наберешься. Все эти тоники, релаксаторы для распрямления кудряшек... Ну, вы понимаете, о чем я...

– Да, можете смело следовать моему примеру, дорогая. Честно скажу вам, это мое самое лучшее решение в жизни.

– А можно мне с вами сфотографироваться?

– Конечно, можно. Присаживайся рядом. Сейчас мой друг заснимет нас на память.

Майлз послушно щелкнул смартфоном девушки, и та, довольная, отошла от нашего столика с улыбкой до ушей.

– Вот это было круто! – призналась я. – Может, мне стоит провести специальную фотосессию, последнюю в своей карьере, чтобы запечатлеть себя с прической «афро»? Вдруг это сподвигнет молоденьких девочек по всему свету отказаться от тирании парикмахеров и стилистов?

– А по-моему, Электра, мы с тобой только что получили наглядное доказательство того, что ты не просто фотомодель, а самый настоящий образец для подражания, твой образ и каждое произнесенное тобой слово отслеживаются молодежью во всем мире.

– Что ж, остается только надеяться, что она не растрезвонит папарацци, что видела нас с тобой вместе. В противном случае тебе

следует подготовиться к тому, что твое лицо тоже замелькает на газетных полосах.

– Ужас! Даже представить себе не могу, как ты справляешься со всем этим... Я бы точно не вынес такого прессинга.

«Если бы ты был рядом со мной, то тебе пришлось бы привыкать ко всей этой шумихе...»

– Хорошо, но давай сейчас поговорим о чем-нибудь еще, – резко сменила я тему разговора. – Я тут хочу кое-чем поделиться с тобой. Это касается моего пресс-секретаря. Мне было бы интересно выслушать твои соображения на сей счет.

Я коротко описала суть проблемы, возникшей у Мариам и Томми, Майлз внимательно выслушал меня.

– Да, задача не из простых, – согласился он со мной. – У девушки – вера, а у него за плечами – Афганистан и все, что с ним связано... – Майлз сокрушенно покачал головой. – Ну что мы за люди такие? Вечно влюбляемся в тех, кто создает нам кучу всяческих дополнительных проблем, зачастую неразрешимых...

– Но они действительно любят друг друга. И они хотят быть вместе, вот только как это устроить? Не скрою, здесь мною движет еще и самый откровенный эгоизм... Представь, если бы у них все срослось, какая бы у меня была замечательная команда! Томми – прекрасный парень, поверь мне, Майлз. Ну, а Мариам ты знаешь и сам. Она – чудесная девушка. Ты же хорошо сечешь во всех этих религиозных вопросах. Вот, скажем, ты сам... Если бы ты познакомился с какой-нибудь мусульманкой или даже с какой-нибудь атеисткой, это остановило бы тебя? Ты бы порвал с ней отношения? Или как?

– Знаешь, Электра, тут есть два очень важных момента. В Библии нигде и ничего напрямую не сказано о том, что нельзя жениться на иноверных или выходить за них замуж. А в исламе, в той религии, которую исповедует Мариам, это категорически запрещено. А второй момент, причем самый важный, – это уже социально-культурный аспект такого союза. Исповедовать ту или иную религию – это значит осознавать свою национальную идентичность, принадлежность к сообществу, исповедующему те же моральные принципы, что и ты сам. Все мы свидетели того, что в современном мире мораль размывается у нас на глазах что ни день, а потому такие сообщества с

четко выраженным моральным кодом, с пониманием тех принципов, которые лежат в основе их идентичности, начинают играть все более и более важную роль. Во всяком случае, так мне кажется. Перед Мариам стоит практически неразрешимая коллизия. Для нее привести чужака в свой, так сказать, «клуб» – это нечто из ряда вон, и замуж она за него выйти не может в силу существующих в их религии запретов на такие браки. Переходим к Томми. Он прошел Афганистан... Тяжелый опыт. Потом взрыв башен-близнецов и всплеск той ненависти, которой сопровождался этот чудовищный теракт... А потому ответ мой предельно прост: я не знаю, что им можно посоветовать. Чрезвычайно сложная ситуация. Послушай, а может, мне поговорить с Томми? Я бы постарался объяснить, рассказать ему, откуда Мариам родом. Мне известно кое-что об исламе, во всяком случае, о тех положительных моментах, которые присутствуют в этом вероисповедании, а положительного там много. Пусть он хотя бы узнает, что и как.

– О, Майлз! Это было бы просто здорово! Спасибо тебе большое! Я тебе крайне признательна.

А потом мы оба замолчали, какая-то пронзительная тишина вдруг опустилась над нашим столиком, мне даже стало как-то не по себе. Майлз с отрешенным видом уставился в стенку за моей спиной, я бесцельно вертела в руках салфетку, нутром чувствуя, как неуловимо поменялась сама атмосфера вокруг нас.

– Послушай, Электра, – неожиданно нарушил затянувшееся молчание Майлз. – Может, сейчас и не самый подходящий момент для такого разговора, но... – Я увидела, как у него на горле заходил кадык. – Я... Видишь ли, у меня состоялся недавно разговор с моим пастором, я попросил у него совета, и он посоветовал мне поговорить с тобой начистоту, открыть, так сказать, свою душу. Что я и делаю сейчас. Наверняка для тебя не осталось незамеченным то, какое удовольствие мне доставляет общение с тобой. А вся правда в том, что, как я ни старался соблюдать дистанцию, несмотря на все мои наилучшие намерения и вопреки им, у меня к тебе возникло чувство. Беда лишь в том, надеюсь, ты это тоже усвоила, пока лечилась в «Рэнч», что когда двое наркозависимых людей пытаются выстроить какие-то отношения друг с другом, ничего путного из этого не получается. К тому же ты еще только в самом начале пути к полному и окончательному выздоровлению, что в нашем с тобой случае делает

подобные контакты еще более опасными. Всегда существует риск того, что мы снова потащим друг друга в то болото, из которого с таким трудом выкарабкались. К тому же ты – супермодель мирового масштаба, а я – всего лишь второразрядный адвокатишка, который с трудом сводит концы с концами, тем более живя в таком чертовски дорогом городе, как наш Нью-Йорк. Плюс я должен честно признаться тебе, что совершенно не готов к той жизни селебрити, которой живешь ты сама. Да, я могу сто раз повторить тебе, что меня ни капельки не волнует, что ты зарабатываешь в миллион раз больше моего, но на самом деле мое уязвленное мужское самолюбие никогда с этим не смирится. Словом, я высказал тебе все, что хотел сказать, но вполне возможно, сейчас ты заявишь мне, что тебя вполне устроят чисто платонические отношения, а остальное тебя попросту не интересует, и тогда весь наш этот разговор ни к чему.

Он наклонился ко мне предельно близко, стараясь, чтобы никто из посторонних не смог услышать все, о чем он сейчас говорил. По его лицу я поняла, что он ждет от меня ответа.

– Ладно! Спасибо, что поделился со мной своими переживаниями, как выражаются у нас на собраниях анонимных алкоголиков. И да! – Я утвердительно кивнула. – Я все поняла.

– И?

– И что? Успокойся, Майлз! Какого рода признания ты от меня ждешь? Как будто это и так не очевидно, что я на тебя запала?

– Да, я знаю, что нравлюсь тебе. Вопрос в другом: вполне возможно, ты видишь во мне только своего друга и ничего более, такой уровень чисто дружеских отношений, возникший благодаря нашим совместным усилиям по спасению Ванессы.

– Да, и друга тоже! Но... – Я запнулась. – Но не только друга.

– Хорошо! – Я увидела, как Майлз просветлел лицом, откинувшись на спинку стула. – Даже не знаю, радоваться ли мне этому или, наоборот, печалиться.

– Ты это серьезно? То есть ты хочешь сказать, что даже не догадывался о тех чувствах, которые я испытываю к тебе?

– Послушай, девочка! Именно это я и пытаюсь втолковать тебе! – Он улыбнулся. – Ты только посмотри на себя! Ты известная, богатая женщина, и весь мир лежит у твоих ног. Ты можешь заполучить кого угодно и заполучала кого угодно...

– Эй, поосторожнее на поворотах! – перебила я его с негодованием в голосе. – *Никого* я не заполучала!

– Но ты же встречалась с такой суперзвездой, как Митч Дагган и этот великосветский щеголь... Как его? С такой дурацкой фамилией...

– Зед Эсзу, ты хочешь сказать?

– Да, именно он. Ты уж прости, если я скажу, что выглядит он как самый настоящий ублюдок. Придурок какой-то...

– Такой он и есть на самом деле, но это уже совсем другая история. Но в одном ты прав. В моем лице ты не найдешь девственную весталку, а если тебе нужна именно такая, тогда можешь не стучаться в мою дверь.

– А я и не собираюсь обсуждать твой моральный облик, Электра. Ты свободная женщина и вправе делать все, что считаешь нужным. Другое дело, если бы мы с тобой были вместе и ты бы меня обманула... Тут уже совсем другой разговор.

– Хорошо, хоть предупредил заранее! – Я шутливо округлила глаза. – Ты прямо законченный крючкотворец, Майлз! Расписал все возможные проблемы в наших гипотетических отношениях, которые, между прочим, еще даже не начинались. Bravo, адвокат! Уж не потянешь ли ты меня силком в свою церковь, чтобы я принесла там обет целомудрия?

– Вполне возможно, что я заставлю тебя принести такой обет. – Майлз широко улыбнулся. – Во всяком случае, в идеале так и должно быть. Впрочем, после того как ты рассказала мне о Мариам и Томми, я понял, как незначительны все те проблемы, которые меня волновали, в сопоставлении с их бедой. Скажу просто: я не могу жить без тебя. Ты для меня как солнце, которое освещает все вокруг. Всякий раз дожидаться не могу той минуты, когда снова заговорю с тобой...

– И я тоже! – улыбнулась я в ответ. Так мы и сидели, молча улыбаясь друг другу.

Но вот Майлз протянул через стол свою руку, и я взяла ее.

– А все же признайся, Электра... Думаю, что, несмотря на всю мою сдержанность, нам хорошо друг с другом, правда?

– Очень хорошо! И я всегда это знала.

В воскресенье утром я проснулась, сама не понимая, на каком я свете. В самую первую минуту я даже не знала, чего мне хочется больше: раздвинуть ночные шторы, распахнуть окна и обнять весь белый свет или же, напротив, бежать поскорее в ванную комнату, чтобы меня вырвало и очистило полностью изнутри. Разумеется, первый вариант был предпочтительнее, но в комнате было так темно, а еще нужно было выбираться из постели, чтобы раздвинуть шторы и попытаться разглядеть, что там делается за окнами. Мысленно вознеся благодарность всему миру и всем высшим силам, которые послали мне Майлза, я снова почувствовала, как все переворачивается в моем животе от одной только мысли, что меня ждет сегодня вечером. Впрочем, сама же согласилась. Руки мои заметно дрожали, когда я взяла текст речи, который вчера помогли мне написать Майлз и Стелла. Держа лист бумаги перед собой, я закрыла глаза и попыталась произнести свой спич вслух по памяти, но голос предательски сорвался на какой-то невнятный писк.

– Черт! Черт! Черт! – выругалась я вслух и натянула себе на лицо одеяло, прикидывая, что надо сделать, чтобы заставить Мариам срочно зарезервировать мне билет на самолет куда-нибудь подальше от Нью-Йорка. Еще никогда в своей жизни я не испытывала такого дикого страха, как сейчас.

Я поднялась с постели, чувствуя, как крутит у меня в желудке и как сильно бьется сердце в груди, и побрела на кухню в поисках кофе. Лиззи уже хлопотала у стола, непривычно бледное лицо без следов какой-либо косметики.

– Доброе утро, Электра. Хорошо выспалась?

– Нет, ужасно! Еще вопросы будут? – рявкнула я в ответ и, схватив рывком кофейник с подставки, налила себе кофе в кружку.

– Не психуй! Я знаю, все у тебя получится. Серьезно! Все будет замечательно.

– Лиззи, ничего у меня не получится! Господи, и зачем я только согласилась на эту авантюру? Чувствую, что я опрометью сбегу со сцены, если у меня вообще хватит духа вскарабкаться на нее и... – Я громко выругалась и что есть силы стукнула кулаком по столу. – Во что я ввязалась?! Как позволила уговорить себя?! – воскликнула я со стоном.

– Потому и позволила, что в глубине души, несмотря на все свои вполне объяснимые страхи, тебе хотелось этого. Ради своей матери, ради бабушки, ради всех тех подростков по всему миру, которым так нужно, чтобы ты выступила в их защиту, – глубокомысленно заметила Лиззи.

– Ну, да! Это если я вообще *смогу говорить*... Мне нужно повторить свою речь, а я не могу выдавить из себя ни слова. Нет, правда, Лиззи! Вляпалась я по полной! – Я уселась за стол и обхватила голову руками.

– Моя дорогая Электра! Мы все собираемся быть там рядом с тобой, и я просто уверена в том, что у тебя все получится как надо. А сейчас почему бы тебе не отправиться на свою утреннюю пробежку? А я тем временем займусь завтраком.

– Потому, что, во-первых, вы сами категорически запретили мне появляться в парке после того нападения, а во-вторых, не нужно мне никакого завтрака. Меня тут же стошнит, я это чувствую.

– Одевайся, Электра, и ступай вниз. В вестибюле тебя уже ждут. Этот человек и присмотрит за тобой, ладно?

– Правда? А кто это?

– Вот ступай и посмотри сама. И поторопись! – приказала мне Лиззи тоном заправской матери.

Я послушно натянула на себя спортивную форму и потащилась вниз, теряясь в догадках, кто бы это мог поджидать меня. Может, Майлз? Хотя, когда вчера вечером он целовал меня на прощание (замечательный был поцелуй, долгий и такой нежный!), он сказал, что появится у нас вместе со Стеллой не раньше трех часов, чтобы забрать меня и отвезти на концерт.

В вестибюле внизу было пусто. Я выбежала на улицу и едва не лишилась чувств, когда кто-то вдруг похлопал меня по плечу. Прежние страхи после недавнего ограбления еще никуда не улетучились.

– Доброе утро, Электра. Прости, я тебя, кажется, напугал.

– Томми! А ты что здесь делаешь?

– Но ты же сама предложила мне работу – быть твоим телохранителем. Вот я и решил устроить нечто вроде пробного сеанса. Чтобы ты посмотрела, каков я в деле.

– Но ведь...

– Я знаю, какой у вас сегодня суматошный день. А потому давай побеседуем во время бега. Договорились?

– Да.

И мы с ним побежали. Томми с самого начала задал вполне удобный ритм и исправно бежал рядом со мной, рассказывая по пути, что ему позвонил Майлз и они с ним встретились пару дней тому назад за чашечкой кофе. Майлз постарался объяснить ему, что вообще-то сам по себе Коран – очень красивая книга, полная мудрости и добра, но, как и в любой религии или в политической организации, всегда есть экстремисты, люди самых крайних взглядов, которые выхватывают то или иное слово из общего контекста, приспособивая его уже к собственным нуждам. А потому если переход в ислам способствует урегулированию отношений с Мариам, то, по словам Майлза, ничего страшного в таком шаге нет.

– Я пока еще, конечно, ничего не решил... Думаю, пытаюсь разобраться во всем самостоятельно. Вот, даже Коран себе купил. Майлз прав, красивая книга. Но она же такая толстая, а я – не самый завзятый книголюб. Пожалуй, я ее до смерти не осилю, – рассмеялся Томми, и так приятно было слышать его веселый смех.

Потом он сказал мне, что позвонил Мариам, и они даже встретились (представляю, скольких усилий стоило Томми уговорить ее на эту встречу).

– И я напрямую сказал ей, что теперь знаю причину, по которой она порвала со мной отношения. Ну, а что же касается возможного брака, – тут Томми невольно покраснел, попутно сообщив мне, что Мариам будет хранить целомудрие вплоть до своего замужества, – то я сказал ей о том, что подумываю принять ислам. Но пока мы с ней договорились не торопить события. Посмотрим, как оно пойдет дальше. А если предложение работы остается еще в силе, то у меня появится отличная возможность проводить рядом с Мариам больше времени. И это станет хорошим испытанием для нас обоих.

– Что правда, то правда. Вам двоим нужно действительно наладить нормальные отношения. Только мне не хватало каких-то бытовых разборок в своей команде, – сказала я, в глубине души опасаясь именно такого развития событий.

– Клянусь, Электра, все наши внутренние проблемы с Мариам мы будем решать исключительно между собой и в нерабочее время.

– А как сама Мариам относится ко всему этому?

– По-моему, она довольна. То есть я хочу сказать, что ее вполне устраивает такое развитие событий. Но знаешь что? Мы с ней оба согласились с тем, что, как ты правильно заметила, завтра любой из нас может умереть, а потому бессмысленно жить только будущим, а в настоящем чувствовать себя несчастным. Между прочим, в ближайшее время она собирается познакомить меня со своими близкими. Вау! – воскликнул он. – Боюсь, как бы меня не потянуло выпить чего-нибудь покрепче, так сказать, для храбрости, перед этой встречей. Еще, чего доброго, снова запью. Ты же знаешь, как это бывает...

– Еще как знаю, Томми! – воскликнула я с чувством, и снова в животе свело при мысли о том, что ждет меня сегодня вечером. – В любом случае я очень рада за тебя. Как смотришь, если для начала мы с тобой заключим контракт на три месяца? Я сообщу все твои данные своему финансовому менеджеру, и тебя тут же внесут в платежную ведомость.

– Это было бы здорово. Нет, честное слово, Электра, у меня нет слов, чтобы отблагодарить тебя и, конечно, Майлза. Можно сказать, что вы оба спасли мне жизнь. Еще каких-то пару дней тому назад мне казалось, что жизнь моя зашла в тупик, а сегодня я даже вижу для себя какое-то будущее, – признался Томми, когда мы с ним выбежали из парка и задержались на переходе в ожидании зеленого света, чтобы перейти на противоположную сторону улицы, где находится мой дом.

– Хорошо мы сегодня с тобой побегали, – сказала я. – Впредь будем бегать каждое утро. Чувствую, что мне позарез нужна такого рода зарядка.

– Нет проблем. Тогда до скорого.

– Что значит «до скорого»? – переспросила я у Томми, увидев, что он остановился у входа в подъезд. – Ступай за мной, Томми. Для начала тебе нужен душ, а потом я должна уже официально представить тебя, как нового члена своей команды, моей подруге Лиззи.

– Ты уверена, Электра, что так надо?

– Конечно, уверена. Откуда мне знать, а вдруг какой-то грабитель караулит меня в кабинке лифта? Вот ты мне и нужен, защитишь в случае чего, – улыбнулась я в ответ. Не смогла сдержать улыбки, увидев, с какой гордостью он проследовал за мной в холл.

– Какой славный парень, – похвалила Лиззи, когда я познакомила ее с Томми, и он отправился в гостевую душевую.

– Да, он замечательный, я это знаю. И я так рада за них с Мариам. Вот только ему нужно срочно поменять свой гардероб, тем более что уже сегодня вечером он отправится вместе с нами на концерт в качестве моего телохранителя. Словом, ему требуется приличный костюм и все остальное.

– Пожалуй, ты права. Приодеть его не помешает.

– Послушай, Лиззи, а что, если ты сейчас вместе с ним прошвырнешься по магазинам? Сколько я его помню, он все время ходит в одном и том же худи. Ты ему объясни, что для работы куртка эта еще сгодится, а вот для выхода... Отведи его в торговый центр «Сакс Пятая авеню» и подберите там вместе что-нибудь подходящее, ладно? Ему нужна полная смена гардероба плюс приличная стрижка.

– Слушаюсь, мой босс! Уже лечу на помощь! – отсалютовала Лиззи, крайне довольная моей просьбой. Еще бы! Провести утро, шляясь по Пятой авеню и выгуливая Томми, – это же для нее предел мечтаний. Не приходится сомневаться, уж она-то укомплектует его как положено. А у меня появится возможность немного побыть одной, что мне сейчас *крайне нужно*.

* * *

Я приняла душ и погрузилась в пространные размышления о том, что надеть для сегодняшнего выступления: надо выглядеть достойно, но одновременно мне хотелось остаться самой собой. В конце концов я остановила свой выбор на ярко-оранжевых брючках и шелковой блузке, том наряде, в котором я была, когда мы с Майлзом посещали ресторан в Гарлеме. Переделалась и вышла на террасу, тихонько устроившись на стуле.

Столько всего случилось в моей жизни с той страшной ночи, когда со мной возился Томми и, по сути, спас мне жизнь, а если шире, открыл передо мной будущее, о котором я даже не могла и подумать. Сколько лет я прожила в заторможенном состоянии, мой мозг, одурманенный наркотиками и алкоголем, даже не замечал, как один день плавно перетекает в другой. Да я вообще была не похожа на

нормального живого человека, так, жалкое подобие, и только. А уж сколько страданий стоил мне процесс возвращения в нормальное состояние. Иногда я чувствовала, что просто не вынесу той нестерпимой боли, которой сопровождалась ломка в моем организме, но как-то же справилась с помощью любящих меня людей. Да, да! Тех людей, *которые любят меня по-настоящему*. И вот вроде бы как все плохое уже в прошлом, но я-то прекрасно понимаю, что жизнь может в любой момент послать мне крученный мяч и попытается снова отбросить меня назад, а для того, чтобы противостоять, мне придется собрать в кулак все свои силы и побороть все возможные соблазны.

– Я горжусь тобой, Электра, – неожиданно сказала я вслух. – Да, я тобой горжусь.

Поднялась со стула и, подойдя к краю террасы, глянула на небо.

– Надеюсь, мама и папа, вы тоже гордитесь мной.

* * *

– О боже мой! Я не вынесу этого! – пробормотала я, услышав рев толпы всего лишь в нескольких ярдах от себя. Я и раньше не раз бывала на концертах в Мэдисон-сквер-гарден, сидела в ложе для VIP-гостей, особенно когда тут выступал Митч, я даже поднималась за кулисы, но никогда не выглядывала оттуда в зал. А сейчас глянула и обмерла: такое впечатление, что сегодня здесь собрался весь Нью-Йорк. Публика неистовствует, топот ног, громкие крики, веселый смех, свист, и все это прямо передо мной.

Неудивительно, что многим рок-звездам требуются наркотики для снятия напряжения, подумала я. У меня сердце колотилось как бешеное, готовое в любую минуту выскочить из груди.

– Привет! Посмотри, кого я тебе привел. – Майлз легонько потрепал меня по плечу, и я отступила вглубь сцены, оставив свой пункт наблюдения.

Я повернулась и увидела Ванессу, стоявшую рядом с Майлзом в подаренной мною бейсболке «Барберри». Здесь же была и Ида.

– Вот так сюрприз! – воскликнула я. – И подумать не могла, что тебя отпустят сюда. – Я подошла к Ванессе и обняла ее.

– Но ведь сегодня особенный вечер, – откликнулась вместо нее Ида. – Вот мы и решили, что вам приятно будет видеть здесь Ванессу.

– Ну, как ты? – обратилась я к девушке, отметив про себя, что нежная кожа на ее лице больше не бледно-землистого цвета, да и ее огромные глаза, похожие на два больших блюда, блестят от возбуждения, широко распахнуты и с любопытством смотрят на все, что происходит за кулисами и в зале.

– Не сойти мне с этого места, Лектра! – воскликнула она с нескрываемым восторгом. – Я будто в Канзас попала, да? Мне даже показалась, что я мельком увидела четырех моих самых любимых рэперов.

– Никакой это не Канзас. Ты рядом со мной, в Нью-Йорке, Ванесса, и я очень этому рада. – Я бросила короткий взгляд на Майлза и улыбнулась. Потом окликнула свою бабушку, стараясь перекричать рев толпы. – Стелла! Подойди к нам, пожалуйста. Хочу познакомить тебя со своей подругой Ванессой. Она ведь стала для меня тем импульсом, с которого все и началось. Правда, Майлз?

– Абсолютно точно, – согласно кивнул он в ответ.

Стелла отвернулась от какого-то мужчины с планшетом в руке, который, судя по всему, руководил происходящим действием, и направилась в нашу сторону. Как всегда, элегантная и собранная, в красивом брючном костюме черного цвета, яркий шарф небрежно повязан вокруг шеи. Она действительно очень красивая женщина, несмотря на свой возраст. Как же мне повезло унаследовать такие замечательные гены.

– Добрый вечер, Ванесса. Много о вас наслышана. Как у вас дела?

Властная манера общения, присущая Стелле, немного смутила Ванессу, и она заплетающимся языком проямлила в ответ лишь пару слов.

– Все, что происходит здесь сегодня, это в том числе и для вас, для таких как вы, – обронила Стелла.

– Осталось три минуты! – крикнул мужчина с планшетом, повернувшись к Стелле, когда Митч и его группа закончили один из последних своих хитов, который публика встретила такими неистовыми овациями, топотом и свистом, что, казалось, содрогнулась сама земля под нашими ногами.

– Как ты? Все нормально? – тихонько спросил у меня Майлз, кивнув на рок-звезду, стоявшую на сцене.

– Все чудесно, – твердо ответила я.

– И это очень хорошо. Ибо я не собираюсь терпеть никакого соперничества, ты же знаешь.

– Знаю, – ответила я, позволяя ему обнять меня за плечи и привлечь к себе. Мне *особенно нравилось* то, что он выше меня, это давало мне дополнительное чувство защищенности: в его объятиях я казалась самой себе маленькой девочкой.

– Две минуты! – объявил мужчина с планшетом Стелле, пока зрители продолжали орать во всю мощь своих глоток, скандируя свои восторги в адрес Митча.

– Ну, как вы, Электра? – спросила у меня неожиданно возникшая рядом Мариам в сопровождении Томми (просто красавчик в своем новом элегантном костюме и с новой стрижкой); они заняли места по другую сторону от меня.

– Трясусь как осиновый лист, – честно призналась я. – Но другого я и не ожидала. Однако коль скоро я уже здесь, то хочу, чтобы все это поскорее закончилось.

– У вас все получится, Электра. Я знаю, вы сможете. А мы здесь, рядом с вами, будем все болеть за вас.

– Да, будем, – подтвердила Лиззи.

И в эту минуту за кулисами показался Митч, он направился напрямиком ко мне. Майлз по-прежнему обнимал меня за плечи, и вся моя маленькая семья, состоящая из беспризорников и изгоев всех мастей, которых я собрала вместе, окружила меня со всех сторон. И честное слово, в эту минуту я почувствовала, что все они – действительно моя семья.

– Привет, Электра! – поздоровался со мной Митч, взял из рук помощника полотенце и стал вытирать им пот, который струился по его лицу. – Как дела у тебя?

– Все хорошо. Спасибо, Митч. А как ты?

– О, тоже все прекрасно. Рад видеть тебя. – Он скользнул по мне заинтригованным взглядом. Кто этот высокий красивый парень, уверенно обнимающий меня и возвышающийся, словно каланча, над потным рок-звездой, таким щедушным и хилым на его фоне. – Еще свидимся.

– Непременно! – бросила я в ответ, когда он пошел дальше, испытав в эту минуту пусть небольшой, но все же триумф победителя.

– Стелла! Через тридцать секунд ваш выход.

Бабушка повернулась ко мне.

– Я скажу пару слов, постараюсь объяснить всем этим людям, как мне удалось отыскать свою давным-давно утраченную внучку, а потом ты тоже выйдешь на сцену, и...

– И зал взорвется овациями, – закончил вместо нее мужчина с планшетом. – Ладно! Осталось десять секунд.

– Удачи тебе! – Стелла улыбнулась. – Я горжусь тобой, Электра.

– Пора! – скомандовал ей распорядитель.

Стеллу встретили тепло, хотя зрители еще не успели остыть после того восторженного приема, который они оказали Митчу. Но вот она начала говорить, и в зале мгновенно установилась мертвая тишина. Я не вслушивалась в то, о чем она говорила, мой мозг превратился в сплошную кашу, а каждая клеточка моего тела понукала меня бросить все и бежать отсюда без оглядки.

– Я не смогу! Я ничего не смогу... – с отчаянием в голосе прошептала я на ухо Майлзу.

– Нет, Электра, ты сможешь. Ты сможешь уже хотя бы потому, что в эту самую минуту Па Солт, и твоя мать, и сам Господь Бог – все они сейчас смотрят на тебя с небес. Ведь это же они все вместе привели тебя на эту сцену, потому что верят в тебя и знают, кем ты можешь стать. Так ступай же вперед, и пусть они гордятся тобой.

– Ладно, ладно.

– Тридцать секунд, Электра.

Моя крохотная группа поддержки сгрудилась вокруг меня, все шептали добрые слова напутствия.

– Десять секунд! Она уже объявляет вас...

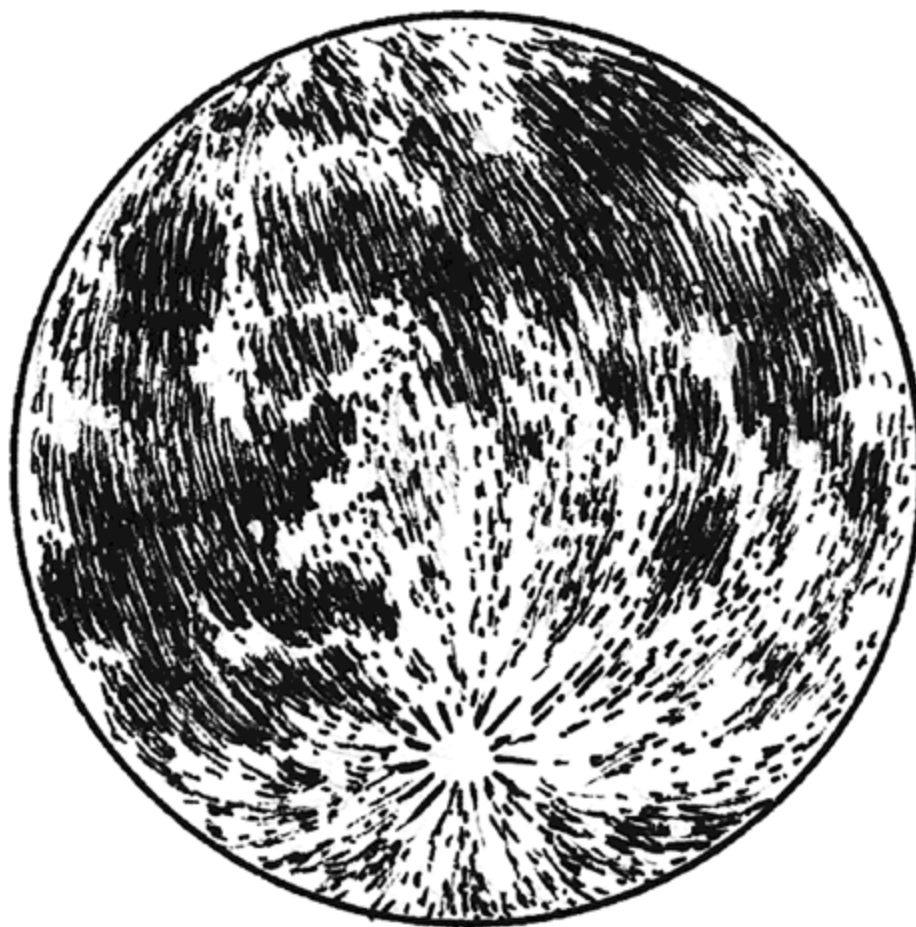
– Черт! – шепотом выругалась я.

– Электра, ваш выход!

– Я люблю тебя, – прошептал мне на ухо Майлз, легонько подтолкнул вперед, и я пошла на сцену.

Майя

Атлантис, Женевское озеро
Июнь 2008 года

54

– *Mon Dieu!* Ма! Клавдия! Алли! – закричала я во весь голос, выбегая в холл. – Идите же сюда! Быстрее! Электру показывают по телевизору!

Я схватила пульт дистанционного управления и нажала на кнопку «Запись» на тот случай, если они не успеют вовремя спуститься вниз,

тогда мы сможем просмотреть все в записи. А потом, стоя посреди гостиной, я с изумлением смотрела, как моя младшая сестричка вышла на середину сцены и встала рядом с женщиной, которая, судя по всему, была ее бабушкой.

По рядам прокатилась волна удивленных возгласов. Впрочем, едва ли публика была удивлена больше моего.

– Что? Что это? – воскликнула Клавдия, когда они с Ма вбежали в гостиную.

– Взгляните! Это же наша Электра! – Я указала рукой на экран. В эту минуту к нам присоединилась Алли с Бэрром на руках.

– О боже! Так это же, скорее всего, тот самый концерт в защиту Африки, о котором столько писали в последнее время, – сказала она.

– Да, это он. Но тише! Послушаем Электру.

Элегантная пожилая женщина поцеловала Электру в щеку и сошла с помоста, уступая место внучке. Наверное, потому что я хорошо знаю свою маленькую сестренку, от меня не ускользнул тот страх, который плескался в ее глазах, когда камера приблизилась к нам ее лицо.

– Добрый вечер, леди и джентльмены, молодежь и детвора, все, кто нас сейчас смотрит, – произнесла она первые слова тихим, почти неслышным голосом.

– Говори же, Электра! Громче! – воскликнула Алли.

– Как сказала моя бабушка, я здесь, потому что совсем недавно узнала, что мои предки родом из Африки. Большинство из вас знает меня только в лицо и, наверное, никогда не слышали мой голос, да и не видели, как я вообще открываю рот. Я совсем не уверена в том, что могу хорошо говорить, но тем не менее сделаю такую попытку.

В зале послышался доброжелательный смех, и я увидела, как Электра немного расслабилась.

– Я хочу рассказать вам о том, какое трудное путешествие я недавно совершила. Сегодня здесь много говорилось о наркотиках, о том, какое катастрофическое воздействие оказывают наркотики на тех, кто живет в Африке, да и не только в Африке... Ведь наркотики повсюду, везде... И мне... мне тоже пришлось пройти через наркозависимость. И только потому, что рядом со мной оказались люди, которые любят меня по-настоящему, а также потому, что мне

позволили финансы, что очень немаловажно в этом случае, я получила всю необходимую помощь, и вот сейчас я стою перед вами.

Публика откликнулась на это признание мощным одобрительным гулом, а я невольно схватила Ма за руку и увидела слезы на ее глазах.

– Так вот, я хочу, чтобы все молодые люди по всему миру, которые сталкиваются с проблемой наркозависимости, получили такую же полноценную помощь, какая была оказана мне. Мы – *вы, сидящие здесь в зале*, все мы – поколение молодых, те, кто идет на смену старшим и в будущем встанут у руля и поведут наши страны вперед. Но мы не сможем сделать этого, если правительства всех стран мира не объединятся в борьбе против наркокартелей, если они не проявят настоящую нетерпимость ко всем тем, кто занимается распространением наркотиков и тем самым убивает наших детей. А во-вторых, мы должны быть уверены в том, что если какой-то молодой человек или девушка стали жертвой своей наркозависимости, то у государства найдутся возможности и средства, чтобы помочь этому ребенку и оказать ему всемерное содействие в лечении и во всем остальном, что ему нужно.

Последние слова Электры зрители встретили громом аплодисментов. А я почувствовала, как мое сердце переполняет чувство гордости за младшую сестру, за проявленное ею мужество, за все то, что она сделала сегодня.

– Моя единичная акция не решит проблему в целом. Нужно, чтобы все мы, каждый из нас, независимо от того, живем мы в небольшом городке или в огромном мегаполисе, включился в эту борьбу. Как известно, одна из проблем, с которой сегодня сталкиваются страны Африки, это неконтролируемый рост заболевших СПИДом и другими опасными болезнями, а причина проста: молодежь пользуется общими шприцами для инъекций, и это тоже надо немедленно остановить. Но разве у нас здесь, на улицах Манхэттена, много мест, куда молодой человек или девушка может обратиться за помощью? Такая, как моя подруга Ванесса, с которой я познакомилась во время реабилитации в клинике. Сегодня я объявляю об открытии кампании по сбору средств на реабилитационные центры для подростков и молодежи по всей стране, куда молодые люди могут в любое время обратиться за помощью и добрым советом, если им больше не к кому обратиться. Надеюсь, что правительства многих

стран мира тоже поучаствуют в этой кампании, создавая равные и бесплатные условия для реабилитации молодых из самых разных социальных групп. Недавно я узнала страшную правду: оказывается, моя родная мать скончалась в полном одиночестве в одном из притонов Гарлема...

Голос Электры предательски дрогнул, но ее бабушка тут же подошла к ней и обняла за плечи.

– Ужасный конец, недостойный любого человека... Вот я и хочу сделать все от себя зависящее, чтобы ни один молодой человек, ни одна молодая женщина не встретили такую бесславную и одинокую смерть, как моя мама. Давайте объединимся и потребуем у правительств наших стран решительных действий в этом направлении. И, пожалуйста, опустите руки в свои карманы и извлеките оттуда немного денег, которые вы готовы пожертвовать на мой проект по созданию реабилитационного центра для подростков имени Розы Джексон – именно так звали мою маму, – закончила Электра свое выступление под оглушительные овации всего зала и добавила: – Только все вместе, объединенными, совместными усилиями, мы сможем положить конец тому гуманитарному кризису, который переживает современное человечество. Спасибо за внимание.

Мы все, Алли, Клавдия, Ма, я, подхватились со своих мест, заливаясь слезами. Нас переполняло чувство гордости. Все мы молчали, не находя подходящих слов. Молча смотрели на экран, видели, как зрители тоже встали и, уже стоя, приветствовали мою бесподобную младшую сестру, мужественную девочку, не побоявшуюся поделиться своей невеселой историей со всем миром. Бабушка обняла ее, прижала к себе и выразительно пошевелила губами. Наверняка сказала ей: «Я люблю тебя, Электра». И я тоже мысленно повторила эти же самые слова.

А потом на сцену вышел мужчина и направился прямо к ним обеим.

Приветственные крики и возгласы достигли своего крещендо, когда мужчина обнял Электру и почтительно пожал руку Стелле.

– Так это же сенатор Обама! – воскликнула Алли. – Все говорят, что у него есть стопроцентные шансы стать следующим президентом США.

– Да, именно так, – подтвердила Ма.

Какое-то время Обама о чем-то разговаривал со Стеллой и ее внучкой, но уже при выключенном микрофоне, а потом они обе отошли в сторону, чтобы дать ему возможность обратиться к залу.

– Моя благодарность всем устроителям этого концерта, – начал он свое выступление, – но особое спасибо я хочу сказать Электре, которая проявила незаурядное мужество и, стоя на этой сцене, поведала свою историю всему миру. Я целиком и полностью поддерживаю все, что она сказала и, обращаясь уже непосредственно к вам, прошу вас проявить щедрость и не скупиться на пожертвования в фонд того проекта, о котором здесь было заявлено.

В этом месте мы все перестали слушать Обаму, а рассевшись кто куда, на ближайший диван и кресла, начали понемногу приходить в себя.

Предусмотрительная Клавдия тут же пустила по кругу пачку бумажных носовых платков, поскольку все мы сидели зареванные, за исключением, пожалуй, Бэра, который и понятия не имел, что происходит, а счастливо гукал рядом со своей мамой. Но вот мы высморкались и промокнули слезы. Первой заговорила Алли. Она спустила Бэра на пол, устроив его у своих ног, и дала ему игрушку, которую он немедленно сунул в рот.

– Невероятно! – начала она. – Уму непостижимо! Мне кажется, наша маленькая сестричка имеет все шансы превратиться в серьезную политическую фигуру.

– Если бы ваш отец увидел все это! Как бы он гордился сейчас Электрой! – воскликнула Ма и снова залилась слезами. Она сидела рядом со мной на диване, я взяла ее руку и тихонько пожала, пытаюсь успокоить.

– Наша Электра обрела свой голос, – прошептала я ей. – И я тоже очень горжусь своей младшей сестрой.

И все энергично закивали головами, поддерживая мои слова.

– Наверное, надо отправить ей эсмэску, как думаете? – предложила Алли. – Поздравим и напишем, что она была потрясающе хороша.

– Отличная идея! – похвалила Ма и поднялась со стула, чтобы сходить на кухню и принести оттуда наш домашний телефон.

– Если я не ошибаюсь, то непосредственно перед Электрой выступал ее бывший дружок, так? – спросила у нас всех Алли.

– Да, это был он, – подтвердила я. – Как же я рада, что Электра вскоре сама появится в Атлантиде, и тогда мы сможем уже лично высказать ей все слова восхищения. Какая метаморфоза! – добавила я, вспомнив свою последнюю встречу с Электрой в Рио: тогда она была почти что неменяема. – И она абсолютно права, заявляя, что власти тоже должны проявить солидарность в борьбе против наркотиков и оказывать большее содействие этому движению, в том числе и материально, – сказала я с чувством. – В Рио я сталкиваюсь с проблемой наркомании практически на каждой улице города.

Ма принесла телефон, мы набрали номер Электры и по очереди наговорили ей свои голосовые сообщения с поздравлениями. Но вот Алли сладко зевнула и заметила:

– Время укладываться в постель. Я уже падаю с ног от усталости, хотя Бэр, как я посмотрю, пока не изъявляет особого желания баиньки.

– Отправляйся к себе, Алли, – предложила я сестре. – Я немного вздремнула в самолете и сейчас спать еще не хочу. С удовольствием поиграю с малышом, а потом принесу его тебе.

– Спасибо, Майя, – прочувствованно поблагодарила меня Алли и, подхватив сынишку с пола, вручила его мне.

Я переступила порог Атлантиды буквально пару часов тому назад, когда прилетела из Рио, и специально решила задержаться здесь подольше, чтобы вдоволь пообщаться с Ма, Клавдией, Алли и моим маленьким племянником. Ведь меня не было дома почти год. Флориано и Валентина прилетят позднее, уже непосредственно перед нашим круизом вокруг греческих островов, где мы собираемся возложить на воду венки в память о нашем отце. Впервые я рассталась с ними так надолго, раньше мы и пары ночей не проводили врозь, и сейчас меня посетило странное чувство одиночества без своих. Вдруг раздался звонок в дверь, от неожиданности мы все четверо даже вздрогнули.

– Кого это принесло в такое позднее время? – спросила вслух Ма, заметно нервничая. – Вроде Кристиан сегодня никуда не отлучался и не брал катер? – обратилась она к Клавдии.

– По-моему, нет, но я сейчас схожу и проверю.

И в эту минуту зазвонил наш домашний телефон, который Ма продолжала держать в руках.

– Алло? – спросила она в трубку на французском. – *Ah, bien.* – Отключила телефон и поспешила к входной двери.

– Кто это? – спросила у нее Алли с подозрительностью в голосе.

– Это Георг Гофман.

Мы с Алли только удивленно переглянулись, а Ма направилась в холл и, открыв дверь, впустила гостя в дом.

– Прошу прощения, если немного напугал вас своим неожиданным вторжением, – повинулся перед нами папин нотариус, входя в гостиную. – Я бы мог просто позвонить вам, но все же решил, что будет лучше, если я сообщу новость лично.

– Что за новость, Георг? – спросила я. – Что-то случилось?

– Да, случилось. Но сразу же предупреждаю: ничего плохого. Напротив! Случилось нечто просто невероятное. Вот я и решил поскорее сообщить вам об этом. Я могу присесть?

– Конечно. – Ма жестом указала на кресло, Гофман сел и извлек из кармана пиджака конверт.

– Это письмо пришло ко мне по почте на мой домашний адрес час с небольшим тому назад. Алли, Майя, думаю, вам стоит прочитать его.

– Это как-то связано с папой? Или что-то случилось с одной из наших сестер? – спросила у него Алли, глядя на протянутый ей конверт с таким видом, словно внутри него скрывался динамит, который взорвется в то же мгновение, как только она возьмет конверт в руки.

– Нет, нет! Поверьте, ничего плохого! Пожалуйста!

– Тогда скажите нам сами, на словах, – потребовала Алли.

– Вы, наверное, не в курсе, девочки мои, но долгие-долгие годы мы с вашим отцом вели неустанные поиски по всему миру. Облазили, в прямом смысле этого слова, все дыры и закоулки. И вот в прошлом году, незадолго до своей смерти, ваш отец получил некоторую новую дополнительную информацию, которую он тотчас же передал мне. А сегодня я наконец получил подтверждение, что та информация была точна.

– И о чем же эта информация? – перебила его Алли, взявшись говорить за всех нас.

– Вам все же следует почитать это письмо, но лично у меня нет и тени сомнения в том, что сейчас я располагаю самыми достоверными

сведениями. После столь долгих и упорных поисков нам все же удалось отыскать вашу недостающую седьмую сестру...

От автора

Я заранее предвидела, что история Электры станет самым серьезным вызовом в моей писательской карьере. Помимо истории ее предков, разворачивающейся в середине двадцатого века, когда в США произошли столь судьбоносные события, коснувшиеся ее афроамериканских граждан, и сама моя героиня, безусловно, самая сложная и противоречивая натура из всех своих сестер. И, хотя сюжеты всех моих романов, как правило, выстраиваются уже непосредственно в процессе работы над ними, так сказать, на комплексной основе, а приступая к написанию очередного романа, я представляю себе только его начало и то, чем он должен закончиться, признаюсь, что сюжетные повороты и хитросплетения романа «Семь сестер. Сестра солнца» оказались для меня самой столь же удивительными и познавательными, как и для Электры. Еще никогда ранее мне не приходилось, живописуя своих героев, так близко сталкиваться с их мужеством, благородством и решимостью, рассказывать о совершенно невероятных по своим человеческим качествам людях, причем это в равной степени относится и к персонажам *прошлого*, и к персонажам *настоящего*.

При этом важно помнить, что «Семь сестер. Сестра солнца» – это все же беллетристика, хотя роман вполне можно назвать *биографическим*, ведь он опирается на факты и пространные исторические изыскания. Многие герои, появляющиеся на страницах романа, реальны или имеют вполне реальных прототипов, другие – это результат уже чисто авторского вымысла. А потому хочу заранее предупредить всех: интерпретация всех фактических данных, которыми так щедро делились со мной многие и многие люди, равно как и игра моего собственного воображения, по вине которого могут случиться и досадные ошибки, все это всецело на моей совести.

И если мне все же удалось *сохранить* предельную точность при написании истории Электры и ее предков, то за это я должна поблагодарить великое множество людей. И прежде всего, свою удивительно дружную маленькую команду: Оливию Райли, которая

упорно защищает нашу крепость и одновременно ведет интернет-магазин по продаже книг из серии «Семь сестер», а все вырученные средства направляет в благотворительный фонд Мэриз Милз, обеспечивающий бесплатным питанием школьников в беднейших африканских странах, в котором и сама трудится в свободное время. Моя благодарность редактору Элле Мичелер, редактору въедливому, цепкому, равнодушному, которая одновременно выступает и моей неизменной помощницей в проведении всех исследований. Элла может работать в самых непростых условиях, когда поджимают сроки (что случается довольно часто). Моя искренняя благодарность Сюзон Мосс, моей лучшей подруге и надежной опоре во всех критических моментах (которых тоже очень много!), она умело сглаживает острые углы в моем диктаторском характере и педантично отслеживает малейшие ошибки, которые проскальзывают в моих текстах. А еще благодарю Жаклин Хеслоп, мою правую и левую руку одновременно, а также Ленни Годсалл и Джессику Картон, которые поспешили на помощь, чтобы снять с меня бремя домашних и прочих хлопот, коими полнится моя жизнь с тех самых пор, как я приступила к написанию цикла романов под общим названием «Семь сестер».

В Кении: моя благодарность Би и Айэн Томпсонам, Крис и Фай Мэннинг, Дону Тьюнеру, Джекки Аутон, Каро Уайт и Ричарду Лики, всем тем, кто, не считаясь со временем и собственной занятостью, щедро одарили меня своим вниманием и рассказали множество историй о жизни в колониальной Кении времен Долины Счастья. Никогда не забуду вечерние чаепития с подполковником Колином Данверсом и его очаровательной женой Марией в знаменитом клубе Мутаига, который по-прежнему стоит непоколебимо и украшает собой окраину Найроби: эти люди рассказали мне много чего интересного. Я благодарю Роджерса Мулва, нашего неизменного водителя, он поистине бесценный клад информации обо всем, что касается Кении, он возил нас в поисках Долины Счастья по самым отдаленным и глубинным районам страны, куда, казалось, даже нет дорог, а закончили мы свои странствия посреди озера Наиваша в хрупкой пластиковой лодке в окружении десятка гиппопотамов, и за все это время наш шофер ни разу даже не вспотел.

В Нью-Йорке: моя огромная благодарность Трейси Аллебач Дуган (и ее замечательному мужу Гарри). По ходу написания этого романа,

она стала моей неофициальной помощницей в том, что касается реалий американской жизни, и помощь ее поистине бесценна. Дорис Лэнго-Лик в Центре Шенберг, которая провела для меня экскурсию по Гарлему и рассказала о прошлом и настоящем этого района. Аллен Хасселл и преподобный Альфред Карсон из Африканской методистской епископальной церкви Сиона, чья проповедь на воскресной службе стала вершиной моей более чем полугодовой исследовательской работы, – вам всем моя благодарность и низкий поклон. Я также благодарю Карлоса Дикампса, нашего фантастического водителя с Манхэттена, который снабдил нас бездной местной информации и который, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны полиции за неправильную парковку в Гарлеме, все же умудрился показать нам все, что я хотела там увидеть. Я также благодарю Дженни Лейвелл, которая во всех подробностях объяснила мне, какой путь должна была проделать Электра, чтобы попасть в тот реабилитационный центр, который она курирует. Адониса и Кертис Уаткинс не только познакомили меня с современной афроамериканской культурой, но и рассказали огромное число хватающих за душу историй о том, с какими проблемами сталкиваются молодые наркоманы, у которых нет денег на приобретение очередной дозы, тогда они идут на сознательное нарушение закона. Все, что я услышала от них, стало бесценным подспорьем в написании книги. И конечно, я от всей души благодарю тех родителей, дети которых умерли от наркозависимости: несмотря на свое огромное личное горе, эти люди согласились поведать мне свои истории в надежде, что это хоть как-то поможет тем, кто сталкивается с аналогичными проблемами.

Как всегда, моя благодарность всем моим издателям по всему миру, которые всемерно поддержали меня в моем безумном начинании шесть лет тому назад. Трудно поверить, что этот огромный по своему объему проект уже близится к своему завершению...

Джулия Браhm, Стефано Гуизо и Магс Диннин, а также «ребята» Мик Нейш и Дом Фахи, Мелисса Роуз, Люси Фоли, Трейси Риз, Пам Норфолк, Син Гаскоин, Сара Холстед, Трейси Блеквелл, Кейт Пикеринг, Джеймс Паскаль, Бен Бринсден, Джанет Эдмондс и Валери Пеннингтон, Азиф Чадри и его дочь Мариам (имя которой я, с ее любезного позволения, позаимствовала для одной из героинь

романа) – все эти люди стоически поддерживали меня на протяжении всего минувшего года. Джек Треватан, Клавдия Негеле, Аннализа Лоттини, Антонио Франчини, Алессандро Торрентилли, Кнут Горвелл, Пип Холлам, Фернандо Меркаданте и Серджио Пинхейро – все они не просто мои издатели, но, что особенно важно в наши дни, они – мои друзья. И, о да! Отдельное слово благодарности Сандре Ноль, которая умудрилась каким-то образом заставить всю Голландию читать романы из серии «Семь сестер»!

Слова благодарности я адресую своим родным и близким: моему мужу и литературному агенту Стивену, человеку, на которого я всегда могу опереться, как на скалу (между прочим, скоро мы с ним будем праздновать двадцатилетие нашей совместной жизни: двадцать лет мы вместе работаем, боремся и смеемся!), своим детям Гарри, Изабелле, Леоноре и Киту. У меня просто нет слов, чтобы выразить им свою благодарность за ту любовь и поддержку, которую они оказывали мне на протяжении всего последнего года. Без вас всех в моей жизни не было бы ничего стоящего.

И наконец, мои слова благодарности *вам, дорогие читатели*. Наверное, я бы продолжала рассказывать свои истории и просто для себя. Но то, что *именно вы* нашли мои романы стоящими внимания, это же просто замечательно, потому что я сразу же почувствовала себя неотъемлемой частью нашей «банды». Мы все вместе отправились в долгое путешествие: я смеялась, плакала (много слез пролила), раздражалась и негодовала на своих героев, когда они совершали какие-то непростительные ошибки. Наверное, и вы испытывали схожие эмоции. Так спасибо вам за то, что вы составили *мне* чудесную компанию, особенно долгими ночами, когда я писала. И отдельная и глубокая благодарность вам за вашу щедрость и материальную поддержку нашего благотворительного фонда Мэриэ Милз. Наш интернет-магазин по продажам романов из серии «Семь сестер» собрал в этом году достаточное количество средств, чтобы спонсировать *две школы* в Африке и ежедневно кормить там бесплатными обедами всех учеников, что, несомненно, должно повысить посещаемость занятий (за чем проследят и родители самих школьников).

История Электры оставила тяжелый след в моей душе, ибо мне пришлось соприкоснуться с теми явлениями в нашей жизни, о

существовании которых я знала, но весь этот негатив благополучно обходил меня стороной. Как писатель, я вполне отдаю себе отчет в том, что, будучи белой ирландского происхождения (хотя еще какую-то сотню лет тому назад я бы и сама принадлежала к этническому меньшинству), я располагаю гораздо большими возможностями для публикации своих произведений, чем представители национальных меньшинств. А потому я призываю издателей по всему миру расширить списки публикуемых авторов, чтобы люди получили возможность прочитать истории самых разных этнических культур, от лица которых эти авторы выступают. Напряженная политическая обстановка, царящая в современном мире, когда кажется, что время повернулось вспять и снова возвращается к темным страницам нашего прошлого, лишний раз доказывает, что это не только *крайне важно, но и своевременно*. А мне остается лишь надеяться на то, что, рассказав историю Электры, я воздала должное и своей главной героине, и всем остальным персонажам романа.

Люсинда Райли

Октябрь 2019 года